

ГОДЪ

НА

СЪВЕРЪ

С. В. Максимова.



ЧЕТВЕРТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

Издание П. И. Прянишникова.

МОСКВА—1890.



198381

КНИГИ — ДРУЗЬЯ И ЧАСТЬ
ЧЕЛОВЕКА. БЕРЕГИТЕ ИХ!



ГОДЪ НА СЪВЕРЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БЪЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ.



ТОДЪ НА СРБЪЯ

НАСТАВНИКЪ

ВЪВЕДЕНИЕ ИЛИ ПОСЛОВО

КНИГИ — ДРУЗЬЯ и НАСТАВНИКИ
ЧЕЛОВЕКА. БИБЛИОТЕКА



КЪ 4-МУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее четвертое изданіе отличается отъ предыдущихъ кромѣ обязательныхъ исправленій и мелкихъ поясненій, затребованныхъ временемъ, въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися экономическими условіями быта, еще и большими дополненіями. Одно изъ нихъ (*Раззоренная обитель*), гдѣ описанъ бытъ старовѣровъ сѣвернаго края, не могъ быть помѣщенъ прежде по цензурнымъ требованіямъ, другое (*Печерскій князь*) задержано было личными отношеніями къ тому замѣчательному лицу, которое было еще въ живыхъ. Такимъ образомъ объемъ настоящаго изданія возросъ противъ всѣхъ прежнихъ почти на десять листовъ, считая и болѣе мелкіе добавки.

Къ этому четвертому изданію приложенъ современный портретъ автора; кромѣ того нѣсколько сотъ экз. книги снабжены одинадцатью фото-гравюрами мѣстныхъ видовъ и типовъ, обязательно присланныхъ автору г. Лейцингеромъ изъ Архангельска.

1 Сентября, 1890 г.



ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I.

БЕРЕГА: ЗИМНІЙ И МЕЗЕНСКІЙ.

Стр.

Обшій физическій видъ этихъ береговъ.—Городъ Мезень и его исторія.—Икотникъ.—Первыя впечатлѣнія города.—Бесѣды съ туземцами объ обычаяхъ домашней и общественной жизни.—Народныя присловія.—Гаврило Васильичъ.—Моя поѣздка въ село Долгощелье и въ деревушку Семжу.—Тъздовые олени.—Подробности промысловъ за морскими звѣрями.—Крупная порода тюленей.—Нерпы, лысуны, морской заяцъ, тевякъ.—Способы ихъ ловли.—Промыселъ вывoločной.—Ужна.—Примѣты.—Морская цѣнга.—Уродность тюленьяго рода

1

II.

БЕРЕГЪ КАНИНСКІЙ.

Физическій видъ его.—Морской звѣрь этого берега: заяцъ, тевякъ, нерпа.—Способы ихъ ловли: стрѣльня.—Подробности этого рода промысла, по разсказамъ туземцевъ.—Островъ Моржовецъ.—Развoločныя избушки: ихъ услуга и значеніе.—Голодовка и зимовка на Грумантъ (Шницбергенѣ).—Изобрѣтательность и находчивость

22

III.

БЕРЕГА ЛѢТНІЙ И ОНЕЖСКІЙ.

Прошанье съ Архангельскомъ и выѣздъ оттуда.—Первыя впечатлѣнія моря.—Заблудившаяся стерлядь.—Солза.—Посадъ Невокса; соляныя варницы: бѣломорская соль и способы ея добыванія.—Уна и Унскіе-Рога съ Пертоминскимъ монастыремъ и преданіями о Петрѣ Великомъ.—Селенія по Лѣтнему и Онежскому берегамъ.—Ловъ мелкой морской рыбы: наваги, камбалы, кѣрюхи. Ревякъ-Юнды.—Продольники.—Островъ Жожгинъ.—Бѣлуха и промыселъ этого звѣря, по наблюденіямъ и разсказамъ.—Салотопенные заводы и способы выварки звѣринаго сала.—Городъ Онега; его исторія и первыя мои впечатлѣнія по пріѣздѣ туда.—Онсонскій лѣсной торгъ. Истребительная компанія.—Народное прозвище Онежанъ.—Безпутные.—Ссылный Левъ Юрловъ.—Князья Долгорукіе.—Суда романовки.—Крестной монастырь и Кій-островъ

35

IV.

НА ШКУНѢ.

Переездъ изъ Онеги въ Кемь. — Впечатлѣнія морскаго пути Луды. — Старикъ работникъ. — Егоръ Старковъ. — Мишмуи. — Ваводень. — Характеристика морскихъ вѣтровъ. — Морскія примѣты. — Морскія воды, приливъ и отливъ. — Куинога. — Сувой. — Подводныя опасности. — Преданія о сплутныхъ островахъ: Никодимскомъ, Полтамъ-Коргъ, Нѣмецкой Варакъ, Осинкъ (голодная смерть. — Преданіе объ Кѣлгуевъ и Жѣгжинъ и богатыряхъ Кѣлгъ и Жѣгжъ. — Кончакъ. — На берегу

74

V.

ПОѢЗДКА ВЪ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Первыя впечатлѣнія пути по морю. — Воспоминанія туземцевъ о недавнемъ посѣщеніи Бѣлаго моря англо-французскою эскадрою. — Мои спутники. — Соловецкій монастырь. — Гостинницы. — Часовни. — Воспоминанія о посѣщеніи монастыря Петромъ Великимъ. — Возмущеніе соловецкихъ старцевъ и подробности осады монастыря отъ московскаго войска. — Бѣглецы и старцы. — Настоящее состояніе монастыря и его значеніе. — Поѣздка на Лвзеры и въ скитъ Голгоу. — Соловки съ птичьяго полета. — Монастырская тюрьма. — Ея внѣшній видъ. — Ея исторія. — Интересный заточникъ. — Папулинъ. — Изъ исторіи федосеевскаго раскольниковъ толка. — Похищеніе древняго иконостаса. — Древнія иконы. — Тюремный преступникъ. — Разсказъ архимандрита Александра. — Земляныя тюрьмы. — Мѣшокъ. — Побѣги. — Великоважныя преступники. — Строгость заточенія. — Цѣпные. — Донской эсаулъ. — Игуменъ Израиль. — Ссылные. — Интересные изъ нихъ: Пархомовъ и Жуковъ. — Всенародное покаяніе. Возвращеніе и обратный путь въ Кемь.

101

VI.

КОРЕЛЬСКІЙ БЕРЕГЪ.

Первыя впечатлѣнія прибрежнаго плаванья и первыя деревни этого берега. Село Кереть и воспоминанія объ англичанахъ. — Мой хозяинъ. — Островъ великій и раскольники. — Село Ковда. — Богачи. — Деревня Княжѣя. Корелы: ихъ нравы, обычаи и характеръ. — Золото полярной страны. — Воицкій рудникъ и его приключенія.

146

VII.

КОЛА.

Путь въ этотъ городъ отъ села Кандалакши. — Исторія города. — Ссылное мѣсто и недобрая слава. — Двукратное бомбандированіе его англичанами. — Подробности послѣдняго дѣла англичанъ въ прошлую компанію. — Кольской Воскресенской соборъ и преданіе объ его строителѣ. — Разсказы колянъ объ ихъ жизни и занятіяхъ. — Оригинальное стихотвореніе. — Разсказы объ лопаряхъ съ точки зрѣнія на этотъ народъ сосѣднихъ русскихъ. . .

172

VIII.

МУРМАНЪ.

Время, вызывающее поморовъ на тресковый промыселъ; путь ихъ къ океану.— Жальники.—Хивусъ.—Подспѣвнал статуя.—Подробности способовъ ловли трески и палтасилы.—Мурманскіе судохозяева и ихъ покрутки во взаимномъ отношеніи другъ къ другу и къ артели—пѣкруту.—Станы и станювища.—Тороса и припай.—Сало и пуга.—Устройство рыболовнаго яруса.—Зуйки.—Весельчаки.—Стряски.—Приготовление трески.—Шток-фишъ.—Норвежскій ромъ.—Прѣздъ хозяевъ.—Архангельскій рынокъ.—Возвращеніе мурманскихъ промышленниковъ домой и обряды до и послѣ этого.

186

IX.

ТЕРСКІЙ БЕРЕГЪ БЛАГО МОРЯ.

Физическій видъ на всемъ далекомъ протяженіи его.—Лопари: ихъ бытъ и нравы съ исторической и этнографической сторонъ.—Преподобный Трифонъ.—Печенгскій монастырь.—Пржнее мѣстожителство лопарей;—Лазарь мурманскій.—Шведское владычество.—Одежда и жилища.—Крестовни. Озерная рыба.—Лопари по сравненію съ самоѣдами.—Занятія лопарей.—*Ловъ семги*: село Кузомень, село Варзуга.—Заборы для рыбы и другія рыболовныя снасти, употребляемыя на терскомъ берегу и въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго края.—Нравы и обычаи семги.—Лохъ и вальчагъ.—Уменьшеніе рыбы.—Заборщикъ.—Водолазы.—Пунды.—Тайники.—Юрики.—Подледна.—Гольцы.—Дальнѣйшій путь мой по Терскому берегу мимо Умбы и Пѣрегубы.—Серебряная руда.—Впечатлѣнія при переѣздѣ черезъ Кандаджскую губу въ бурю.—Волчья ночь.—Забывтое и заброшенное въ краѣ.

216

X.

ПОМОРСКІЙ БЕРЕГЪ ИЛИ СОБСТВЕННО ПОМОРЬЕ.

1. Городъ Кемь; его исторія.—Занятія кемлянъ и жемчужная ловля.—Шкиперское училище.—2. *Раззореная обитель*.—Копыловская вѣра.—Чашники.—Кто такой Копыловъ.—Вещественные слѣды Топозерскаго скита.—Дикая и пустынная рѣка.—Пороги на р. Кемь.—Дорога на Топозеро.—Громадное озеро.—Скитское островное селеніе.—Внѣшній видъ и внутренній бытъ скита.—Церковныя службы въ немъ.—Вліяніе его на окрестныхъ жителей.—Большаки.—Женщины.—Иванъ Демидычъ.—Его мнѣнія и рассказы.—Раззоренные скиты.—Ихъ государственное значеніе и послѣдствія разрушеній.—3. *Бѣломорскія суда*.—Внѣшній видъ города Кемь.—Лепъ-островъ.—Туземные богачи—судохозяева.—Строители судовъ и обряды, соблюдаемые при судостроеніи.—Бѣломорскія суда: лодья, раньшена съ чердаками, шняка, кочмаръ, разные виды карбасовъ.—Мелкія рѣчныя суда: барки, полубарки, каюки, обласы, завозни, разные виды плотовъ, покинутыя кочки.—4. *Бѣломорская торговля*: исторія ея и настоящее состояніе по сношенію поморовъ съ Норвегіей.—Путь изъ Кемь въ Онегу.—Село Шуа.—Село Сорока.—5. *Семдяной промыселъ*: полярныя переселенія этой рыбы; подробности ловли сельдей по всѣмъ прибрежьямъ, но преимущественно въ де-

ревяѣ Сорокъ. — Порядокъ лова. — Общинный ловъ. — Деревни Сухая и Вирьма. — 6. *Сумскій посадъ*: его исторія; занятія жителей. — Обжа. — Таможня. — Соловецкіе богомольны; путь ихъ изъ Петербурга по переволокамъ между Онежскимъ озеромъ и посадомъ Сумою. — Здѣшній расколъ. — Пертозерскій скитъ. — Карташова. — Ея вліяніе. — Характеристика поморовъ присловьями. — 7. *Отъ Сумы до Онеги*: — Желѣзные ворота. — Село Колежма. — Цервныя болѣзни. — Раздѣвильно. — Размужичье. — Трудный путь до села Нюхчи. — Преданіе о посѣщеніи этого села Петромъ Великимъ и исторія пребыванія Петра въ сѣверномъ краю Россіи, предшествовавшаго посѣщенію Нюхчи. — Народныя преданія о дальнѣйшемъ пути Петра Великаго вплоть до Повѣнца. — Ямы. — Раскольниковъ хлѣбъ-соль. — Петръ на крестинахъ. Онъ же на работахъ. Повѣнецкій Петръ. — Случаи въ дорогѣ. — Дальнѣйшій путь мой изъ Нюхчи; Унежма. — Верховая ѣзда. — Села: Кушерѣка, Малашуйка, Ворзогоры. — Крестьянская свадьба. — Могилки. — Разлученіе съ повязкой. — Здоровъ. — Дружки и Дружокъ (Вѣжливой). — Катанья. — Честны. — Здарье. — Баянникъ. — Коробье. — Полюбовная гостьба. — Дорога въ Онегу. — Послѣднее свиданіе съ этимъ городомъ и конечный путь и возвращеніе мое въ Архангельскъ. — Образчикъ нравовъ 263

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПОѢЗДКА НА ПЕЧОРУ.

1. ТАЙВОЛА.

Первыя впечатлѣнія пути. — Кушни и кушники. — Волки. — Медвѣди. — Комары . . . 386

2. ПЕЧОРСКІЙ КНЯЗЬ.

Бхатъ-ли на Печору? — Предупредительныя слухи и совѣты. — Лѣтній путь на Печору. — Разсказъ М. Ф. Истомина. — Дорожный случай. — Путь по р. Цыльмѣ. — Свѣдѣнія о князѣ. — Замѣчательная личность князя Е. О. Палавандова. — Его помощь и содѣйствіе. — Его разказы о А. А. Марлинскомъ (Безстужевѣ), А. С. Пушкинѣ и А. С. Грибоѣдовѣ. — Причина появленія князя на Печорѣ. — Тифлисскій заговоръ. — Грузинскіе царевичи и Додаевъ. — Судъ и приговоръ. — Добрѣйшій лѣсничій. — Его отношеніе къ печорскимъ лѣсамъ. — Безконечныя споры устьцылемовъ. — Марья Савельевна. — Устьцылемскій священникъ. — Услуги князя академику Кастрену и слобожанамъ. — Его нравственное значеніе и вліяніе. 393

3. УСТЬ-ЦЫЛЬМА.

Исторія заселенія этого мѣста. — Мой хозяинъ и раскольники. — Преданія. — Разказы о ловѣ семги. — Очереди и общины. — Суда-каюки. — Поплавня. — Чердынцы. — Бытъ усть-цылемовъ. — Свадьбы. — Раскольницы. — Легкіе нравы . . . 430

4. ПУСТОЗЕРСКЪ.

Первыя впечатлѣнія пути. — Городокъ лѣтомъ. — Пустое озеро. — Преданія объ историческихъ ссыльных: Аввакумѣ, А. С. Матвѣевѣ, В. В. Голицынѣ, князѣ Щербатовѣ. — Отводная квартира. — Дома пустозеровъ. — Непогоды. — Разказы о Новой-Землѣ. — Китоловный промыселъ. — Котляня. — Правила ея. — Ловъ омулей. — Занятія жителей. — Самоѣды 449

5. НОВОЗЕМЕЛЬСКІЕ МОРЖОВЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

(Разсказы стариковъ).

Негостепримство Новой-Земли.—Промышленники, зазимовавшіе тамъ.—Моя поѣздка къ океану.—Сѣверное сіяніе.—Ледяныя поля.—Ледяныя горы.—Падунны.—Стамики.—Опасность отъ нихъ.—Горѣлые чады.—Историческій очеркъ посѣщеній Новой-Земли.—Подробности промысла моржей (разбойнаго).—Характеръ животныхъ.—Нападенія на промышленниковъ.—Заколки.—Полубарки.—Общія впечатлѣнія отъ видовъ на Новой-Землѣ (по Беру).—Бѣлый медвѣдь, его нравы, образъ жизни и способы ловли.—Звѣри на Новой-Землѣ	469
--	-----

6. Село Ижма.

Общій видъ селенія и характеръ зырянъ, по личнымъ наблюденіямъ.—Разные способы ловли мелкой рыбы.—Бытъ зырянъ, домашній и общественный.—Рѣка Ижма.—Первые выходцы и родоначальники.—Старинныя бумаги.—Огородничество.—Национальный промыселъ зырянъ.—Борщевды.—Бѣлкованье	500
---	-----

7. Тундра.

Физическій видъ ея и нравственное значеніе по отношенію къ промысламъ.—Веретѣи.—Горностаи.—Куница.—Песцы.—Зайцы.—Орудія ловли лѣсного звѣря: черканы, ставки, приводы.—Пеструшка-мышь.—Дикіе олени и олени домашніе	513
Самоѣды	525

9. Островъ Кѣлгуевъ.

Слухи объ немъ.—Настоящее его значеніе и физическій видъ.—Промыслы птицъ: гусей, гагаръ, утокъ.—Исторія заселенія острова.—Самоѣдскія семьи на Кѣлгуевѣ.—Выселки въ необитаемыя мѣста.—Староѣды.—Гагары.—Шницбергенъ.—Грумаландская пѣсня	544
10. Берестяная Книга	559

II.

ПОѢЗДКА ПО РѢКѢ МЕЗЕНИ.

Подробности пути.—Разсказы ямщика о разныхъ видахъ зимнихъ погодъ.—Лѣсная драма.—Икота и стрѣлье.—Дѣло о колдунахъ.—Юрома.—Преданіе о разбойникахъ.—Ювъ праведный.—Панкѣ.—Село Ушелье.—Преданія о Чуди—Чучпала.—Характеръ русскаго населенія.—О свадьбахъ	574
---	-----

III.

ПОѢЗДКА ПО РѢКѢ ПИНЕГѢ.

Городъ Пинега.—Красногорскій монастырь.—Преданія о князѣ В. В. Голицынѣ.—Веркольскій монастырь.—Икота.—Село Кевроль.—Путники для лѣсной птицы	599
---	-----

IV.

ПОѢЗДКА ПО РѢКѢ ДВИНѢ.

1. Двинскія устья и окрестныя съ Архангельскомъ селенія.

Никольскій Корельскій монастырь.—Ссылный разстрига Федось (Федосій Яновскій).—Преданіе о Марѣ Посадницѣ. Вѣчевой новгородскій колоколь.—Лапоминсь.—Островъ Марковъ.—Еще преданіе о Петрѣ Великомъ.—Новодвинская крѣпость.—Соломбала.—Наружный видъ и характеръ населенія.—Весенній карнавалъ.—Пригородные жители 614

2. Архангельскъ.

Его исторія и вастоящій характеръ города, по личнымъ наблюденіямъ.—Первый руководитель и толковникъ.—Соборъ и историческій крестъ.—Памятникъ Ломоносову.—Нѣмецкій гостинный дворъ. Нѣмецкая слобода.—Исторія города.—Пребываніе Петра I.—Царскіе торги.—Иноземный торгъ и его характеръ.—Упадокъ промысловъ и торговли русскихъ людей.—Шаньги и анекдоты о нихъ.—Ярмарка.—Ваганы.—Характеристика подвижнѣ народныхъ прозвищами и присловьями. 631

3. Холмогоры съ окрестностями.

Исторія города.—Секретная слободка.—Преображенскій соборъ.—Голландская порода скота.—Костяника.—Посѣщеніе Петра Великаго.—Исторія заточенія брауншвейгскаго семейства.—Преданія о Ломоносовѣ и мѣсто его родины.—Лопатинъ.—Село Вавчуга.—Баженинъ и преданія о Петрѣ I.—Путь на Холмогоры.—Развалины крѣпости Орлеца.—Городокъ.—Упраздненные монастыри 651

4. Сійскій монастырь.

Исторія основанія.—Преподобный Антоній.—Преданія и исторія заключенія Филарета Никитича.—Обратный путь изъ Архангельской губерніи въ С.-Петербургъ 687

БѢЛОЕ МОРЕ И ЕГО ПРИБРЕЖЬЯ.

I.

БЕРЕГА: ЗИМНІЙ И МЕЗЕНСКІЙ.

Общій физическій видъ этихъ береговъ.—Городъ Мезень и его исторія.—Икотникъ.—Первыя впечатлѣнія города.—Бесѣды съ туземцами объ обычаяхъ домашней и общественной жизни.—Народныя присловья.—Гаврило Васильичъ.—Моя поѣздка въ село Долгощелье и въ деревушку Семжу.—Бздовые олени.—Подробности промысловъ за морскими звѣрями.—Крупная порода тюленей.—Нерпы, лысуны, морской заяцъ, тсвьякъ.—Способы ихъ ловли.—Промыселъ выюлочной.—Ужна.—Примѣты.—Морская цынга.—Уроdlивость тюленьяго рода.

Сѣверо-восточный берегъ Двинскаго залива и юго-восточный берегъ Горла до устья Мезенскаго залива Бѣлаго моря издавна носить названіе Зимняго берега и по картамъ, и на языкѣ туземцевъ. Не имѣя ни одной значительной величины губы, „берегъ этотъ (по словамъ автора „Гидрографическаго описанія сѣвернаго берега Россіи“, г. Рейнеке) песчано-землистый съ небольшими глинистыми прикрутостями, сажень до десяти высокою, имѣющими низменную подошву: *заплескъ* или *забережье*; отлогій берегъ около береговъ покрытъ песчаными холмами. Примѣчательнѣйшая изъ прикрутостей находится при сѣверномъ краѣ Двинскаго залива, на заворотѣ Зимняго берега, и называется *Зимними горами*. Въ нихъ обыватели деревни Мудюги выламываютъ плиты (до 4 футовъ въ діаметрѣ и 1 ф. толщиною) точильнаго камня. Этотъ утесъ, до 40 или 50 сажень высокою, состоитъ изъ зеленоватой глины и мѣстами прорѣзанъ горизонтальными слоями песчаника. Надъ нимъ пологія горы, до 20 сажень высокою, разрѣзаны нѣсколькими оврагами. Въ прочихъ мѣстахъ отъ устья Двины до Мезенскаго залива хребетъ прибрежныхъ горъ не выше 30 сажень; онъ покрытъ разнаго рода лѣсомъ, который къ сѣверу постепенно рѣдѣетъ и около рѣки Майды переходитъ въ кустарникъ.

Несмотря на грозное прозваніе горъ, растительность ихъ напоминаетъ о югѣ: природа какъ бы истощаетъ послѣднія силы для того, чтобы оживить страну и показать свое могущество. Если море здѣсь не такъ богато и даетъ, напр., только двустворчатыя раковины, въ которыхъ продаются сухія краски, и только эти раковины,—за то на юго-западныхъ покатостяхъ горъ красуются роскошныя піоны вышиною въ четыре фута, акониты (борцы) представляются на этихъ скалахъ въ густой зелени, съ листьями въ полтора фута въ діаметръ. Но это прощальный взглядъ природы, послѣдняя улыбка ея: передъ смертью она еще пестритъ голову свою на покатости горъ красивыми цвѣтами дикой розы и нѣжными голубыми гроздьями болдырьяна. Но еще шагъ на сѣверъ,—и все мертво и безцвѣтно. Къ берегу моря низкіе лѣса смѣняютъ эти растенія. Море выбросило на берегъ только то, что оно долго носило по волнамъ своимъ: истертое, измятое и видоизмѣненное совершенно. Даже можжевельникъ, который растетъ на сухой и бесплодной почвѣ, имѣетъ здѣсь желто-зеленый, болѣзненный видъ. Ширина березки втрое превосходитъ высоту.

Жители этого берега—потомки первыхъ поселенцевъ сѣверныхъ мѣстъ Россіи, новгородцевъ—издавна пріобрѣтаютъ средства къ своему существованію преимущественно въ промыслѣ морского звѣря. Средоточіемъ этихъ промысловъ можно считать побережья Мезенскаго залива, и именно городъ Мезень и сосѣднія съ нимъ селенія, въ особенности село Долгощелье и деревню Сѣмжу. Такъ говорятъ факты, и къ тому же приводятъ и результаты личныхъ внимательныхъ наблюдений. Обращаюсь къ послѣднимъ.

Городокъ Мезень нашелъ я, въ срединѣ ноября мѣсяца 1856 года, уже закиданнымъ глубокими снѣгами, давшими мнѣ возможность, при крѣпкихъ, постоянныхъ морозахъ, проѣхать по тундрѣ изъ Пинеги на Кулой прямо, не дѣлая огромнаго крюка по такъ называемой Нижней Тѣйболѣ. Хуже плохого села нашихъ великорусскихъ губерній глядѣлъ этотъ дальній городокъ, случайно превратившійся изъ бѣдной слободы Окладниковой въ уѣздный городъ Архангельской губерніи. До сихъ еще поръ, правда, городъ этотъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Слободы Большой (въ отличіе отъ Малой Слободы—печорской Усть-Цыльмы). До сихъ еще поръ великъ тотъ пустырь, незастроенный домами, который отдѣляетъ ближайшую къ Окладниковой слободу Кузнецову, долженствующую входить въ черту города Мезени, названнаго такъ по рѣкѣ, протекающей возлѣ. До сихъ еще поръ свѣжо въ народѣ историческое преданіе о первоначальномъ заселеніи мѣста, занимаемаго теперь городомъ. Два новгородца—Окладниковъ и Филатовъ—явились первыми къ устью рѣки Мезени и первые положили здѣсь начало заселеніямъ: одинъ тамъ, гдѣ теперь городъ Мезень, другой выселился ближе къ морю, туда, гдѣ теперь раскинулась дере-

вужка Сёмжа. Оба новгородца явились съ семьями и съ доброю волей противостоятъ негостепріимному климату и всевозможнымъ лишеніямъ и—оба устояли. Тотъ и другой заручились грамотами Грознаго Царя и правами „копити на великаго государя слободы и съ песковъ и рыбныхъ ловищъ и съ соколыхъ и кречатыхъ садбищъ давати съ году на годъ великому князю оброки“. Окладниковъ явился на новое мѣсто своего жительства съ пятью сыновьями и съ иконою Нерукотвореннаго Спаса. Икона эта долгое время переходила отъ одного лица къ другому, пока не сбереглась въ рукахъ какого-то безвѣстнаго отшельника, жившаго въ пустынькѣ на морскомъ берегу, при устьѣ рѣки Хорговки, и пока не была перенесена отсюда (въ 1663 году) въ Спасскую церковь Кузнецовой слободки. Копились между тѣмъ годы и десятки лѣтъ на столѣтія, копились и обѣ слободки на государей, вблизи *Студенаго моря окіяна*. При царѣ Михаилѣ въ Окладникову слободу наѣзжалъ уже кеврольскій воевода, для сбора подати съ туземцевъ и ясака съ самоѣдовъ. Самоѣды въ опредѣленное время приходили сюда и издавна уже имѣли по близости (въ 20 верстахъ, по дорогѣ въ Канинскую тундру, на мѣстѣ, носящемъ названіе Кузьмина перелѣска) главное свое молибище. Въ немъ, въ 1825 году, сожжено было миссіонерами болѣе ста идоловъ и разрушено обширное требище. Въ 1703 году строилась въ слободѣ церковь Богоявленія; въ 1718—другая церковь, Рождества Богородицы; вскорѣ затѣмъ поставлены были въ разныхъ мѣстахъ девять крестовъ (свято хранимыхъ въ настоящее время) въ память обѣ жестокой зимѣ, стоявшей до 24 мая, когда едва не вымерзло все живущее въ городѣ. Въ 1736 году привезена была въ Окладникову слободу, отдѣльная отъ кеврольской, воеводская канцелярія капитаномъ Степаномъ Нѣмецкимъ; въ 1780 году обѣ слободы (Кузнецова и Окладникова), по рѣкѣ, названы городомъ Мезенью и получили въ гербъ красную лисицу въ серебряномъ полѣ. Въ 1808 году жители вновь нарѣченнаго города потерпѣли новое бѣдствіе отъ сильнаго разлитія рѣки и разбрелись бы по сосѣднимъ селеніямъ, если бы правительство не выдало имъ пособія въ 10,000 руб. асс. Бѣглыми изъ Сибири и остроговъ, преступниками и московскими и другими раскольниками населились ближайшіе къ Мезени лѣса и селенія. Стоитъ теперь уѣздный городъ Мезень, обложившись множествомъ большихъ и малыхъ деревень и неудобною къ обитанію тундрою, со своимъ уѣздомъ, больше котораго по пространству и меньше—по населенности нѣтъ уже другого на всемъ громадномъ протяженіи Великой Россіи.

Вотъ, такимъ образомъ, все бѣдное событіями прошедшее города Мезени, который мрачно глядитъ теперь своими полуразрушенными домами, своими полусгнившими, непочиненными церквами. Ряды домовъ, брошенныхъ безъ всякой симметріи и порядка, наводятъ тоску.

Всѣ почти дома пошатнулись на сторону и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже надломились по срединѣ и покосились въ противоположныя стороны. Сѣзды, выходящія, по обыкновенію всѣхъ русскихъ деревень, на улицу, здѣсь обломились и погнили; ворота, которыя давно когда-то, можетъ быть, выпускали на эти сѣзды бойкую лошадку изъ (уничтожившейся уже въ настоящее время) породы мезенокъ, какъ-то глупо, безцѣльно торчатъ высоко подъ крышей и наглухо заколочены. Навѣсы надъ длинными задворьями обломились, и самыя стѣны этихъ дворовъ рухнули, сгнили, а можетъ быть, и истреблены въ топлавѣ. Мостки подлѣ домовъ также погнили и, не поправленные, провалились; мосты по улицамъ тоже не менѣе тоскливаго бѣда и безцѣльнаго существованія. Банями глядятъ дома бѣдняковъ, остатками мамаева разгрома—дома болѣе достаточныхъ; но—три кабака новенькихъ; но казначейство, на этотъ разъ, выстроенное за городомъ, непременно каменное, и два-три дома, вѣроятно туземныхъ монополистовъ, съ расписанными ставнями, съ тесовой обшивкой, съ длиннымъ и крытымъ дворомъ позади. По улицамъ бродятъ съ саночками самоѣдки, съ дѣтьми въ рваныхъ малицахъ, вышедшія отъ крайней скудости на пѣдому. Изъ туземцевъ не видать ни души: можетъ быть, холодъ, закрутившій 28 градусами, тому причиной; можетъ быть, нѣтъ никого дома и всѣ на промыслахъ...

Говорунья старушка-хозяйка, явившаяся въ дырявомъ, крашенномъ сарафанѣ и доставшая мнѣ самоваръ у сосѣдей, говорить, что промысламъ теперь быть не время: еще—де Никола не пришелъ.

— Гдѣ же большаки ваши, мѣщане мезенскіе?

— Да, вишь, у насъ теперь ярмарка...

— Гдѣ же она? не видать ни народу, не слышать ни шума, ни крику. Это что-ли, бабушка, торговцы-то?

Въ окно видны бѣгущіе по улицѣ цѣлые аргиши: множество оленьихъ санокъ, одиѣ за другими, нагруженные обледенѣлыми бочками.

— Это не торговцы, это пустозера, отвѣчаетъ хозяйка:—на Никольску на Волокъ (въ Пинегу) ладятся... съ рыбой и со всячиной. Эти у насъ и востовъ не развязываютъ.

— Гдѣ же ваша-то ярмарка?

— А нашей не видать. По домамъ торгуютъ: коѣ свои же, кто съ достаткомъ, коѣ съ Волока наѣзжаютъ. Человѣкъ съ пятокъ есть-ли полно всѣхъ то торговыхъ?

— А народъ-отъ гдѣ, бабушка? никого не видать.

— Повремени: можетъ, кто и пройдетъ.

— Нѣтъ, бабушка, скученъ вашъ городъ, бѣденъ...

— Да ужъ и захотѣлъ ты отъ нашей слободы!

— Хуже, хозяйюшка, я и городовъ не видывалъ, а проѣхалъ на вѣку своемъ больше сотни.

— Задвѣнная сторона наша, задвѣнная, желанный? Къ морю сѣли близко, хлѣбушко не родится. Что въ море упроемыслимъ, то и наше: времена-то вишь нонѣ крѣпко-тугя. Эдакихъ, кажись, никогда не бывало.

— Отчего же такъ, бабушка?

— Да вишь аглечькой въ лѣтошный годъ приходилъ—баловальшибко. Много онъ на насъ напустилъ напастей всякихъ...

— А вѣдь онъ къ Мезени вашей не подходилъ...

— Не подходить-то не подходилъ: это слово твое вѣрно. Въ губѣ вишь онъ стоялъ: рѣка, знать, его наша не подпустила. Мелководна вѣдь она у насъ, пройти-то ему знать не подсилу было. А все же таки, родимый мой...

Старуха замолчала и подперлась локоткомъ.

— Чего, бабушка?—подстрекнулъ я.

— Не пускалъ онъ, родимой, въ море-то не пускалъ: промыслато и затянулись, да года на два промысла-то наши затянулись! Стоить онъ—рожонъ ему вострый!—а прибыли намъ оттого никакой нѣту: ну и исхудали, измаялись временемъ тѣмъ.

— Чѣмъ же жили-то вы, бабушка, во все это время, питались чѣмъ?

— Да сѣмушку въ рѣкѣ ловили, навагу опять: тѣмъ и питались. Рыбинка-то аглечькова тоже не слушалась; ее-то ему не пропустятъ нельзя было. Противъ божьяго соизволенія не пойдешь. Рыбинку-то онъ и пропустилъ къ намъ, стрѣлье бы ему въ бока его басурманскіе,—право, окаянному!...

— Не хочешь ли вотъ лучше чайку, бабушка? что браниться-то: прошлаго вѣдь—сказано—не воротишь.

— Правда твоя, батюшка, правда! А на чайку на твоёмъ благодарствую.

— Что же такъ, хозяйюшка?

— Да я вѣдь изъ мірскихъ-то чашекъ не пью. Велишь, по свою сбѣгаю внизъ?

— Сдѣлай милость. Посидимъ—потолкуемъ!

И эта хозяйка, какъ и много другихъ на лѣтнемъ пути моемъ, оказалась раскольницей.

— Не пью я съ мірскими-то, говорила она мнѣ, вернувшись. Не пью по родительскому по завѣту, какъ вотъ себя ни помню. Такъ и малолѣткой учили. Я вѣдь и все остальное — правдой тебѣ говорить надо—по старинѣ правлю.

— Что же еще-то такое ты по старинѣ правишь?

— А вотъ старымъ крестомъ крещусь... экимъ.

И старуха сложила не перстахъ аввакумовскій, дониконовскій крестъ.

— Ну, а еще-то что же, бабушка?

— А еще-то?—да что тебѣ еще-то! Ну, по старымъ книгамъ молитвы творю, по утрамъ и по вечерамъ ста по три началъ-кладу...

— Ну, а дальше?

— Чего тебѣ еще дальше-то? — все тутъ! Дальше тебѣ и сказывать нечего—по старой вѣрѣ, на старомъ крестѣ живу—вотъ тебѣ и все тутъ! Только мы живемъ-то ужъ очень нужно: наготы да босоты изувѣшены шесты...

— Агличкой-то насъ ужъ очень обидѣлъ: старуха тебѣ правду рассказываетъ!—перебилъ ее явившійся къ нашему чаю хозяинъ, съ поразительно болѣзненнымъ лоцомъ, худой и словно убитый тяжелымъ горемъ.

— Отчего ты такой блѣдный, хозяинъ?

— А все не могу: икота долить.

— И у васъ она водится, какъ и въ Пинегѣ?

— Въ какомъ мѣстѣ злого человѣка нѣту? самъ разсуди! Нагонитъ онъ тебѣ по злости скорбь какую, и вѣдайся съ ней, и долить она тебя, мучаетъ. Вотъ подойдетъ и у меня къ сердечушку-то и начнетъ глотать его, что и свѣтъ-отъ въ очахъ помутится. Начнешь разговаривать — удержу тебя нѣтъ. Спросятъ тебя—не слышишь, а болтаетъ знай все свое, что на умъ взбредетъ,—это еще не велико горе,—это „говоруха“.

— Ругаешься на ту пору самыми такими неладными словами, что въ явѣ-то и на умъ не взойдетъ, перебила хозяйка. Начнешь ты: охъ-охъ! да ой-ой! и всякими такими звѣриными голосами заговорить въ тебѣ нечистый. Отъ него вѣдь это сердечушко-то больно-надрывно! За душу-то, иначе, не трогаетъ, не смѣетъ—стало...

— У меня такъ и за душу беретъ, беретъ окаянный!—перебилъ рѣчь старухи, въ свою очередь, хозяинъ.

— У тебя вѣдь съ вѣтру, сынокъ! это ты не сумлѣвайся, я ужъ тебѣ давно такъ-то сказывала.

— Да вотъ такъ и гляди по вѣтру! А по мнѣ, по слѣду—по слѣду оно и есть, отвѣтилъ хозяинъ на замѣчаніе матери.

Но эта не слушала его и продолжала свое:

— У сына уже, то что говоруха отстала, а почалась „нѣмуха“, нѣтъ у него молвы, какъ у людей, а только рыкъ да крикъ подобно лѣсному звѣрю, — волку бы, что ли сказать. Худо у такихъ-то одно: изъ нѣмухи сама „смертна“ нарождается. Бьется-бьется инъ человѣкъ,—почнетъ его ломать справа налѣво всякими судорагами, а въ нихъ и сама смерть приключается. Вѣдь сто бѣсовъ животы тѣ гложутъ.

— У иныхъ такъ, слышь, и на человѣка-то на того по молитвѣ указываетъ, который порчу-то напустилъ по наукѣ, али по злобѣ. По имени и человѣка того называетъ и деревню его сказываетъ. Рѣдко

же, однако, эдакъ; больше все втай, потому какъ дѣло оно отъ лукаваго—нечисто и есть оно отнынѣ и до вѣка!

— Аминь, матушка!—закончилъ хозяинъ. Гостю, вѣдь, и отдохнуть надо послѣ дороги. Поизморился же чай, поизмаялся: дороги-то, вѣдь наши тотъ же нечистый прокладывалъ. Пойдемъ-ко!

Вотъ памяtnыя, самыя первыя впечатлѣнiя мои по прїѣздѣ въ Мезень, тоскливѣе которой, дѣйствительно, я не встрѣчалъ во всѣхъ своихъ шестилѣтнихъ долгихъ и дальнихъ странствiяхъ по Велико-россiи. Жалка своимъ видомъ давно покинутая Онега, но Мезень несравненно жалче и печальнѣе, хотя и имѣетъ много сходнаго въ частности съ другими уѣздными городами: согласное, живущее дружно и угощающее другъ-друга сытно и много общество чиновниковъ. Среди ихъ, по обыкновенiю, принадлежитъ первое мѣсто разбитнымъ, уса-тымъ господамъ, съ размашистыми, лошадиными манерами, и послѣднее мѣсто—жалкимъ, загнаннымъ, робкимъ учителямъ уѣзднаго училища, находящимъ все свое развлеченiе и наслажденiе въ танцахъ, если гдѣ таковыя затѣваются. Въ Мезени танцевъ нѣтъ: карты, и еще карты поглотили тамъ все свободное отъ службы время. Женское населенiе изъ чиновнаго класса, по обыкновенiю, также застѣнчиво, также дико смотреть и боязливо и неохотно говорить со всякимъ новымъ лицомъ, и также имѣетъ (всѣ поголовно) полное и неотъемлемое право на названiе хорошихъ, добросовѣстно-знающихъ свое дѣло хозяекъ... Впрочемъ, не до нихъ наше дѣло.

Хозяйка снова и охотно толковала мнѣ:

— На всяку болѣсть оберегъ есть и такі люди бережики — живутъ, что знаютъ какъ слово говорить „въ усупоръ“ боли. Вотъ взять озѣву—зѣвнешъ да не перекрестишь ротъ, а чортъ и побываетъ—противъ нее свой оберегъ. Али бо коровушка бодается, какъ ее усмирить?—А ты—молъ пестравушка съ мѣста не шевелись; не дай Господи ни ножново ляганья; ни хвостова маханья, ни роговова боданья: стой горой, а дой рѣкой, озеро сметаны, рѣка молока.

— Бываетъ прикосъ,—а кто и призоромъ зоветъ—сохнеть тебѣ ребенокъ, отбивается отъ ѣды. Это—взглянулъ нехорошимъ взглядомъ недобрый человекъ,—ни отъ чего больше и взялъ „урокъ“, а иные знающіе отчитываютъ. Приключается такъ-то всего чаще и никакъ не ухоришься, — вотъ взять бы „баенную нечистъ“: всего осыплетъ, все тѣло покроетъ коростами. И вѣдомо всякому, что прилучилась въ банѣ и знамо нежить баенная вспрыснула по вражьему указанью—и ничто подѣлаешь тутъ, какъ вередъ перстомъ не очертишь, на вѣтеръ не бросишь.

— Притчи идутъ на тѣхъ, что рожаютъ неладно,—такой притычется грѣхъ, что стонуть да охаютъ, и никто не догадается, откуда така трясовица. Когда повѣнчаются впервые да повалятся спать, кла-

демъ на всю первую ночь подъ постель кочергу и ухватъ: это противу той самой болѣсти, чтобъ не прилучалась впредь до вѣку. Иной при-выкъ чертиться да лѣшакаться,—что у него ни слово, то либо чортъ либо лѣшій, — вотъ такихъ одолѣваетъ болѣсть эка. И грыжа къ та-кимъ-то пристаётъ: самъ звалъ нечистаго, самъ онъ и добрался до тебя, и посѣтилъ. Пуныши (вереда) пойдутъ,—иди на болото, ищи траву—такъ она и зовется „грыжная трава“ (*carpilli Veneris*—Венерины во-лоса), столь длинна, какъ наши женскіе волосы.

— Бываетъ знобѣя, что всего знобитъ — не согрѣешься ничѣмъ, и все на печь лѣзешь; бываетъ оглухица—завалить тебѣ оба уха,—ничѣмъ не промоешь; желтѣя бываетъ: весь ты цвѣтомъ такимъ оцвѣ-тешь, что горитъ на привозныхъ ситцахъ. Бываетъ неадѣя—самъ знаешь какая прятка. Сказывать-ли? Да всего и не перескажешь,—гдѣ ужъ... Много же ихъ по нашимъ мѣстамъ всякихъ притчей жи-ветъ: ино на лицѣ прикинутся ино, изъ-подъ земли выходятъ, по вѣтру налетаютъ тоже: всего не пересчитаешь по тому, — иное и еретикъ напускъ дѣлаетъ—стрѣлье бы подъ сердцемъ взять.

А между тѣмъ, дальнѣйшее знакомство мое съ Мезенью прино-ситъ съ собою немного утѣшительныхъ фактовъ. Говорятъ про мезен-цевъ (да кстати и о пинежанакъ), что это—самые обездоленные люди, и при этомъ указываютъ на село Суру (говоря присловьемъ „Сура—дура“) и на сосѣднюю съ ней деревню Беричевскую, гдѣ икотная бо-лѣзнь и невзгоды постоянныхъ голодоловъ довели жителей до идиотизма и крайнихъ суевѣрій. Въ погостѣ Немнюгъ—„опарники“ не за то, что они ѣдятъ скороспѣлый и недопеченый хлѣбъ, а будто бы даже пред-почитаютъ сырую опару, почитая ее лакомствомъ. Самихъ горожанъ въ Пинегѣ называли мнѣ „водохлѣбами“, за обычай брать деньги за воду съ пріѣзжихъ торговцевъ на тамошнія обѣ ярмарки: никольскую и благовѣщенскую. Досужий мѣщанинъ пробьетъ пѣшней прорубь, вста-нетъ подлѣ, и собираетъ за водой грошики, а считать ихъ, по вели-кому неумѣнью и непривычкѣ, не умѣетъ. „Покупала по цетыре де-нежки, продавала по два grosyka, барыса куца куцей, а денегъ не ко-пеечки“—такъ насмѣхаются надъ пинежанками, неумѣлыми въ базар-ныхъ оборотахъ и денежномъ счетѣ, да кстати задѣваютъ обычную привычку въ ихъ говорѣ—прицокивать. „Пинега—Мезень—толста се-лезень“ — прибавляютъ другіе. Это значитъ, что и женщины этихъ мѣстъ отличаются отъ двинянокъ неуклюжестью. Она выражается въ толстыхъ, какъ обрубки деревьевъ, нижнихъ конечностяхъ, въ большой ступнѣ, въ неуклюжемъ, опухшемъ малокровномъ тѣлѣ. По суевѣрному понятію и заблужденію все это уродство (увѣряютъ) зависитъ отъ бо-лѣзненнаго чрезмѣрнаго развитія брюшного черева, лежащаго, какъ извѣстно въ лѣвомъ подвздошкѣ, насупротивъ печени, и называемаго селезенкой. Говорятъ, что давно уже начались изъ самаго города Ме-

зени частыя и довольно значительныя переселенія мѣщанъ на берега моря, особенно въ сторону Канина, что такимъ образомъ образовались уже тамъ многія селенія, какъ, напр., Мгла, Несъ и другія. Говорятъ, что городъ отсюда переводится въ Усть Важку или въ Печорскую Ижлеу. Рассказываютъ, что не дальше, какъ сегодняшнюю ночью, у пу-стозера, проѣзжавшаго за городомъ подъ хмѣлькомъ, въ аргишѣ, от-вязали отъ санокъ трехъ оленей; что здѣсь, если хочешь жить домо-вито, запирайся покрѣпче и замки держи непорченные, не ржавые и ненаружные, что на такое нечистое дѣло и здѣсь найдутся топоры и долото. Говорятъ, что свадьбы здѣсь справлялись когда-то, въ дав-нія времена, широко и гульливо, что прежде обдаривали всѣхъ гостей, а теперь и изъ родныхъ-то не всякаго.

— Да и свадьбъ-то вонъ что-то не слышать совсѣмъ (рассказы-вала мнѣ хозяйка). Допрежъ, въ досельные годы, все правила по от-цовскимъ завѣтамъ. И зарученье правила съ подарками: кто платкомъ, а кто деньгами. И деньги-то эти женихъ невѣстѣ клалъ въ долитую рюмку вина — большія. За зарученьемъ, дня черезъ три, *почестной* столъ бывалъ у жениха въ дому: за почестнымъ столомъ невѣстина мать *хлѣбинами* — обѣдомъ своимъ — подчивала и хорошими подарками всякаго гостя одаривала. Нонѣ и сватанье-то не такое стало: нонѣ съ вечера *заручились* сами молодые промежъ себя, а на утро и подъ вѣ-нецъ пошли. Съѣдятъ въ этотъ день обѣдъ — да и дѣло въ конецъ. Прежде лучше было, не въ примѣръ лучше.

— А чѣмъ же, бабушка, лучше было?

— Да въ старые годы вотъ какъ было: идетъ сваха въ невѣстинъ домъ со своимъ сказомъ, придетъ — не садится и дальше матицы по-латей не заходитъ. Сгребется она руками за матицу и изъ рукъ ее не выпускаетъ: сказывай ей либо да, либо нѣтъ. И отказы бывали. А нонѣ рады-рады, коли женишокъ на дѣвку неклевался: бери ее вовсе, да поскорѣе, намъ-де, съ ней, по своей скудости, нечего дѣлать...

— Что же дальше-то, хозяйюшка?

— Ну, вотъ сговорили. Дѣвку къ вѣнцу обряжать стануть; при-дутъ дѣвушки — отпѣвать начнутъ. Сидитъ невѣста платкомъ накрыта, и плачь она — не плачь, а слезы на глазахъ оказывай. Попокоть дѣ-вушки — кончатъ. Невѣста встанетъ съ мѣста, низкимъ поклономъ свою благодарность отдастъ. А пѣсни поютъ такія печальныя, что и со сто-роны жалость беретъ, слеза пробивается, вчужѣ сплачешь — такія *жа-лости* попадаютъ. Вѣрь ты мнѣ!

— Нонѣ, батюшка, продолжала старуха съ преглубокимъ вздо-хомъ: — нонѣ, родитель ты мой, у насъ и поѣдокъ не сбирается, и на масляницѣ съ горокъ не катаются. Все кинули, все бросили. И-и-хи-хи, тошнехонько!

— Все вѣдь это, кормилецъ ты мой, отъ нужды отъ великія.

Вонъ, сказываютъ, внизъ-то туды, по Мезенѣ по рѣкѣ, кое-гдѣ, слышь, правятъ же все это. А у насъ ты и пѣсни никакой не услышишь, какая она такая есть... Тяжелыя времена пали на нашу сторонушку задвѣнную: это передъ твоей милостью, какъ передъ Богомъ!

Все-таки послѣднія слова старухи были справедливы въ одномъ, хотя и подлежали еще большому сомнѣнію приводимыя ею причины. Въ этомъ случаѣ выручилъ меня, какъ и во всѣхъ другихъ, толковый старожилъ, человѣкъ грамотный, бывалый, зажиточный, прочитавшій на своемъ вѣку много книгъ и не духовнаго содержанія. Такихъ посылала мнѣ, впрочемъ, судьба почти въ каждомъ большомъ селеніи.

На этотъ разъ случай выпалъ такого рода. Былъ какой-то праздникъ, кажется, воскресенье. На углу церковной площадки, подлѣ кабака, стояла куча празднаго и праздничнаго народа. Лица у всѣхъ были такія плотныя, здоровыя: попадались рѣшительные красавцы съ правильно - обрисованными профилями, съ крѣпкимъ румянцемъ, съ густыми, пушистыми бородами. Всѣ одѣтые чучелами въ свои некрасивыя, неуклюжіе совики и малицы. Послѣднія покрыты были, по обыкновенію, прихотливо-пестрыми ситцевыми рубашками. Толпѣ этой было, видимо, очень весело: проѣдетъ ли самоѣдъ на оленяхъ — они осмѣютъ его, обругаютъ; пробѣжитъ ли собака, по обыкновенію большая, желтая, хохлатая — они и на ея счетъ пустятъ свой смѣхъ и замѣчанія. Никого и ничто не пропускали эти мезенцы безъ того, чтобы не поглумиться своими доморощенными остротами, не посмѣяться своимъ веселымъ, простосердечнымъ смѣхомъ.

— Весело же вамъ живется, Гаврило Васильичъ, замѣтилъ я моему гостю, явившемуся ко мнѣ по приглашенію.

— Это вы на счетъ чего же изволите говорить?

Гаврило Васильичъ долго живалъ въ Архангельскѣ на купеческихъ конторахъ и самъ хвалился умѣньемъ говорить со всякимъ: кого хочешь присылай.

— Да вотъ, видишь, какъ распоясались земляки-то твои, что стоятъ у питейнаго дома. Выпили, что ли?

— На что имъ выпить - то? На выпивку въ нашемъ городу найдешь ли и пять человѣкъ имущихъ. Эти не выпили: они такъ смѣются.

— Такъ, стало быть, живется вамъ весело?

— И этимъ не похвастаемся. Спросите хоть ихъ же самихъ: много хорошаго не скажутъ. Гляди, другой и ши-то лаптями хлѣбаетъ, А смѣются они оттого, что глупый народъ, дураки.

Гаврило Васильичъ какъ будто сердится.

— Нашему народу (продолжалъ онъ) — плеть надо, да хорошую, чтобы горохомъ вскакивалъ. Нашъ народъ (я буду говорить вамъ сущую правду) — лѣнтяй, такой лѣнтяй, что вотъ если заработалъ на годъ однимъ промысломъ, за другимъ не потянетъ руки и съ мѣста

не подымется. А вотъ встанетъ на перепутьи-то, да и начнетъ гоготать: вѣдь это дѣло легче, споркое это дѣло, особенно съ голодухи! И добро бы ребята малые, али молодые, а то вѣдь у иного борода въ лопату и вся сѣдая—и онъ туда же. Вотъ и вспомнишь пословицу: „борода-то, моль, выросла, а ума съ накопыльникъ не вынесла“. Къ нашему народу пословица эта, какъ лучше нельзя, подходитъ, и вотъ почему. Приходили къ намъ англійскіе корабли, пугали, но промысла не выпускали изъ дому; ушли—мы два года прожили, съ голоду не померли, на то время и къ печи-то своей поприглядѣлись, полюбили ее, что мать родную. Стало замиренье, думаемъ: коли въ два года чортъ не съѣлъ—и этотъ третій какъ нибудь проваландаемъ, не лыкомъ же шиты. Сдумали мы это дѣло великое, да и на Мурманъ не пошли, и совѣтомъ положили во вѣки не ходить туда: далеко будто бы. Да ужъ очень много рыбы туда приходитъ, всю не выловишь. Пушай тамъ кемскіе поморы свое дѣло правятъ, пушай ихъ. Когда-когда мы и на промысла-то ближніе за звѣремъ морскимъ соберемся—намъ вѣдь и это въ трудъ большой, хоть добрымъ уловомъ сутки въ трои заручаемся на цѣлый годъ. Объ этомъ мы не разсуждаемъ. Позови ты нашего мезенца въ покрутъ—ни за что не пойдетъ, оттого и крутимъ больше снизу, рѣчныхъ. А отчего нашъ нейдетъ? Оттого нейдетъ, что у него не столько наготы, сколько гордости всякой да чванства: я-де и самъ съ усамъ. А того не знаетъ словно, что держи, по пословицѣ, голову уклонну, а сердце покорно. Вотъ потому у другихъ нужда такая, что собаки ложки моютъ, спятъ на кулакѣ, а ихныя ты щи хоть кнutomъ хлещи: пузыря не вскочить. Вотъ что! И не съ сердцовъ все это говорю вамъ, или злобою какою пылаю. Я вѣдь и самъ здѣшній, и самъ въ нуждѣ живалъ, и самъ достатокъ свой не съ неба получилъ! А жаль народъ, жаль брата своего, ближняго. Нашъ народъ—здоровый народъ, работный, изъ него можно выдѣлать такое дѣло, что весь край нашъ ухнетъ да диву дастся.

— Какое же, Гаврило Васильичъ?

— Да всякое, какое хочешь: отъ насъ первое судно и на Новую Землю шло; мы и пол-Мурмана обчищали; у насъ и суда сами строили: въ кемское поморье не кланялись; у насъ и лошади хорошія вырастали и на весь край славу пустили; у насъ все свое—и хорошее свое—было. А теперь ничѣмъ-ничего. Все пропало, все погибло отъ лѣности да отъ гордости:—Матерь Божья!..

Гаврило Васильичъ перекрестился три раза.

— Вы вотъ о морскихъ промыслахъ слышать желаете,—поѣзжайте отсюда въ Сѣмжу, да въ Долгую-Щель: здѣсь вамъ ничего сказать не съумѣютъ. Поѣзжайте, поѣзжайте! Тамъ дѣло ведутъ по старому. Тамъ народъ честный, народъ тамъ Богу работаетъ. За одного тамошняго я вамъ всю нашу Мезень, со всѣми мозгами, отдамъ.

Я послушался Гаврила Васильича, нанялъ четверку оленей, вернулся въ теплые, хотя и тяжелые, совики и малицу и по пустыннымъ, снѣжнымъ полянамъ, черезъ пни и кочки, прямикомъ, по рыхлomu, глубокому снѣгу, съѣздивъ на легонькихъ, но валкихъ саночкахъ сначала въ Сѣмжу, а потомъ за рѣку Мезень и за сосновые лѣса въ село Долгощелье. Въ два съ половиной часа промчали меня легкіе на ходу олени черезъ первое сорокаверстное пространство до Сѣмжи, давши возможность увидѣть, что это—деревушка дворовъ въ пятнадцать, сбитыхъ въ кучу безъ особеннаго порядка, но ближе къ широкому устью рѣки Мезени, уже съ соленой водой и не замерзающему во всю зиму. На этотъ разъ морская вода сполнялась (начался приливъ) и вѣтеръ дулъ съ моря, NO, а потому все устье наполнено было льдомъ синимъ, весеннимъ. Черезъ 6 часовъ убывающая вода унесла этотъ ледъ назадъ и снова оголила черную воду широкаго устья. Въ деревушкѣ деревянная церковь, но выкрытая тесомъ и покрашенная въ зеленую краску. Она, по обыкновенію всѣхъ поморскихъ церквей, освящена также во имя Святителя Николы, какъ бы въ большее подкрѣпленіе народной поговорки, которая давно уже и справедливо гласитъ, что „отъ Холмогоръ до Колы—тридцать три-Николы“. Здѣсь же, между прочимъ, слышалъ я, что, при крѣпкихъ сѣверныхъ вѣтрахъ, море нерѣдко выгоняетъ воду изъ рѣки на берега, топить и уносить стога, подступая къ деревушкѣ подъ самыя избныя стѣны. Это обстоятельство оправдывается тѣмъ, что теченіе прилива и отлива здѣсь продолжается дольше, чѣмъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ Бѣлаго моря (исключая только Св. Носа), а потому и возвышеніе прилива здѣсь наибольшее (отъ 20—22 футовъ). Причину этого явленія легко объясняютъ сильнымъ напоромъ приливной волны отъ сѣвера и стѣсненіемъ ея въ Горлѣ моря.

Село Долгая-Щель, расположенное на берегу рѣки Кулоя, въ 51 верстѣ отъ Мезени (прямикомъ черезъ болота и трудно-проѣзжіе перелѣски на 4½ часа не слишкомъ быстрой ѣзды на оленяхъ), оказалось селеніемъ болѣе люднымъ (83 дома), чаще и красивѣе застроеннымъ двухъ-этажными избами, не разрушившимися, какъ въ г. Мезени, къ уѣзду котораго принадлежитъ это село. Въ старину оно приписано было къ Сійскому монастырю; теперь населено государственными крестьянами, которые, какъ видно на первыхъ же порахъ, живутъ достаточно: для наѣзжаго гостя нашлась у нихъ и рыба всякая, и чай, и сахаръ, и купленные въ Архангельскѣ лакомства, вродѣ кедровыхъ орѣшковъ, пшеничныхъ баранокъ и окаменѣлыхъ пшеничныхъ же пряниковъ. Щеляне сѣютъ ячмень (хотя и весьма незначительное число), ловятъ рыбу и въ Кулоѣ, и въ р. Сойнѣ, которая издавна дарована здѣшнимъ *крестьянамъ и соѣнскимъ бобылямъ*. Последніе, выселившись изъ Долгощелья, образовали новое селеніе—

Сѣнену. Рыба, вылавливаемая въ этихъ рѣкахъ, и общая всему Мезенскому и дальнему Канинскому берегу *нельма* (*salmo nelma*) не попадаетъ уже нигдѣ на другихъ бѣломорскихъ побережьяхъ. Въ Печорскомъ краю она тоже не рѣдкость и вездѣ составляетъ лакомую, вкусную и здоровую пищу; мясо ея нѣжное и, посоленное, также пріятно, какъ и свѣжее. Заходя съ моря въ рѣки, она вылавливается здѣсь въ сѣмѣжьи невода и вѣситъ иногда до пуда. Эта рыба лучшая изъ всѣхъ такъ называемыхъ бѣлорыбицъ и достоинствомъ своимъ далеко превосходитъ, напримѣръ, волжскую или уральскую бѣлорыбицу, хотя и у ней, какъ и у тѣхъ, такое же бѣлое мясо.

Какъ въ Сѣмѣжѣ, такъ и въ Долгощельѣ нашлось нѣсколько словоохотливыхъ, бывалахъ и знающихъ дѣло хозяевъ, которые радушно рассказали мнѣ о многихъ подробностяхъ ловли морского звѣря. Рассказы ихъ пополнилъ мнѣ и во многомъ объяснилъ мой мезенскій собесѣдникъ Гаврила Васильичъ. Результатами этихъ рассказовъ, въ общей ихъ сводкѣ, спѣшу подѣлиться съ читателями.

Вотъ что сообщили мнѣ:

Съ первыми крутыми осенними вѣтрами: по востоку (О), полуношнику (НО) и сѣверу (N), у береговъ Бѣлаго моря, покрытаго уже большими ледяными припаями, начинаютъ показываться стада, *юрова мысей*, морского звѣря изъ породы тюленей, каковы: *нерьпа* или тюлень обыкновенный (*Phoca vitulina*), *мысунгъ* или тюлень гренландскій (*Phoca groenlandica*), *морской заяцъ* (*Phoca leporina*) и, рѣже другихъ, *тевякъ*—тюлень съ конской головой (*Phoca monachus*). Плотно сбившимися въ кучи, въ отдѣльныя семьи, состоящія иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ звѣрей, гребутъ эти *кожи*, эти *юрова* изъ странъ приполюсныхъ или къ Мурманскому берегу, или въ Чешскую и Обскую губы океана. Значительное количество семей этихъ угребааетъ, черезъ Горло, и въ Бѣлое море въ прямомъ направленіи къ островамъ Соловецкимъ. Частію исканіе пищи (рыба по осеннимъ вѣтрамъ также спѣшитъ выплыть изъ океана въ море и его рѣки), частію наступающій періодъ соитія и дѣторожденія (чему способствуютъ огромные тороса верстъ по десяти протяженія, отрываемые отъ береговыхъ припаявъ и носимые по морю), частію, наконецъ, жажда покоя на безлюдьи и вдали отъ океанскаго шума и треска—влекутъ сюда всѣ эти стада дальняго, сальнаго, барышнаго звѣря. Изрѣдка только высовывая свои черныя головы на поверхность моря, и то для одного дыханія легкими, звѣри эти бѣольшую часть времени проводятъ въ водѣ, гдѣ, какъ говорятъ, и совершаютъ они свой актъ соитія, *парятся*—говоря поморскимъ выраженіемъ, въ теченіе октября, ноября и первыхъ недѣль декабря. Тощіе съ виду, они въ это время на бѣломорской рыбѣ успѣваютъ откормиться и разжирѣть до того, что каждый звѣрь даетъ иногда до 10 пудовъ сала. Отъ Соловецкихъ остро-

вовъ, по окончаніи случки, всѣ звѣри, на сувоѣ, идущемъ по направленію Воронова мыса отъ Сосновца, и выждавши попутные, благоприятные вѣтры, гребутъ въ январѣ къ зимнему берегу на Кеда (имя деревни). Здѣсь издавна мѣста тихія, мало населенныя, стало быть, удобныя къ дѣторожденію. Звѣри выбираютъ здѣсь самую большую и самую дальнюю отъ берега льдину, или самый дальній конецъ припая, и, при помощи переднихъ ласть, выползаютъ на нихъ изъ воды. Тутъ самки, называемыя *утельгами*, мечутъ по одному, рѣдко по два дѣтеныша, называемыхъ *бѣльками*, по причинѣ бѣлой шерсти, которую они въ то время бываютъ покрыты. Черезъ мѣсяць бѣлая шерсть выпадаетъ, мѣстами показывается черными пятнами тѣло; бѣлекъ превращается въ *пльханка*, и въ *кемка*, когда шерсть его начнетъ дѣлаться сѣрою. „На Стрѣтеньевъ день—говорятъ поморы—лѣды *опятнаетъ* и звѣря на нихъ—что *пня въ лѣсу*“. Послѣ дѣторожденія все юрово ложится обыкновенно на продолжительный отдыхъ, на залежку, и употребляетъ при этомъ весь инстинктъ, всѣ помыслы на то, чтобы защитить новое поколѣніе своей породы отъ нападеній врага. Для этого юрово обыкновенно размѣщается по льдинѣ такимъ образомъ, что въ серединѣ держатся бѣлки и утельги, а по сторонамъ, кругомъ ихъ, какъ бы стѣна или стража, ложатся самцы—лысуны. Съ другой стороны, звѣри, расположившись на залежкѣ и уткнувшись мордой въ льдину начинаютъ оттаивать ее дыханіемъ своимъ и теплотой тѣла до того, что продувають ее четверти на полторы, вплоть до воды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдушины эти звѣри оттаиваютъ и снизу, и потомъ уже черезъ нихъ выползаютъ на льдины. Процессъ этого продуванья многіе промышленники слышали сами (какъ увѣряли). Такимъ образомъ звѣри имѣютъ готовую, и всегда подъ бокомъ, прорубь, чрезъ которую легко и удобно могутъ спастись въ водѣ при первомъ приближеніи злого и безпощаднаго врага—человѣка. Въ это время бѣлки * еще неспособны ходить въ воду: искусству этому учатъ матери, таская ихъ туда подъ своими лапами, во всѣ тѣ шесть недѣль, когда бѣлекъ превращается въ хохлушу. Бѣлая шерсть ихъ начинается въ эту пору вываливаться хохлами; бѣлки тогда окончательно не способны плавать, и потому матери сами стараются таскать дѣтенышей своихъ по льду, или чешутъ шерсть ихъ своими когтями, чтобы такимъ образомъ ускорить появленіе естественнаго цвѣта шкуры, слегка серебристаго, изжелта-сѣраго. Это—*сѣрка*. Превращается она ко дню Благовѣщенья. Сѣрки уже могутъ плавать, природа уже наградила ихъ инстинктомъ постоянного стремленія къ сѣверу, и потому небольшіе (въ нихъ отъ 1½ до 2 пудовъ сала) звѣрьки эти, тотчасъ послѣ

* Они успѣваютъ, въ эти два мѣсяца, *нажить* пуда два сала, и это сало чистое, лучшее, въ сравненіи съ саломъ стариковъ; у тѣхъ оно *бардовато*, т. е. мутно.

преобразованія, спѣшатъ оставить родныя юрова и тоже стадами гребутъ въ Горло, и если ошибкою не попадутъ на гибель къ Терскому берегу, то угребаютъ въ океанъ. Оттуда, на будущій годъ, сѣрки эти приплываютъ уже *спрунѣми*, которые, еще черезъ годъ, дѣлаются уже *лысунѣми*, т. е. съ черными полосами—*крыльями*—вдоль всего тѣла (утельги отличаются отъ самцовъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ этихъ *пластинъ*, полосъ или крыльевъ). Оставшіеся на Кедахъ сѣруны и лысуны съ значительно исхудавшими утельгами угребаютъ на отдыхъ, по первому попутному вѣтру, на льдины и тороса Мезенскаго залива, ближе къ устью рѣки Мезени. Здѣсь они уже ложатся на *дохъ*, какъ говорятъ промышленники; рѣдко уходятъ въ воду, и въ апрѣлѣ спѣшатъ также выбираться въ полярныя страны на все лѣто, если только не погибнуть отъ руки промышленниковъ.

Соображаясь со всѣми обстоятельствами, мезенцы, т. е. койдяне, щеляне, сѣмецкіе (изъ Сѣмжи) и нѣкоторые слобожане (изъ города Мезени) три раза въ годъ выходятъ артелями на эти промыслы, которые у нихъ, смотря по времени и по способу ловли, носятъ слѣдующія названія: 1) *выволочный*, или *устинскій*, или *загребной*, и 2) на *Кедахъ*.

Отправляясь на Кеды, въ мѣсто недалѣе (тамъ, гдѣ мысъ Вороновъ, и гдѣ начинается заворотъ Мезенскаго залива), промышленники обыкновенно берутъ запасу на мѣсяцъ. Обязанность эта главнымъ образомъ лежитъ на хозяинѣ покрута или, по здѣшнему, *ужны*, который и самъ всегда отправляется на мѣсто промысла вмѣстѣ съ работниками. Запасаются обыкновенно провизією на 7 человекъ, котломъ, ружьями, печкой (желѣзнымъ листомъ), баграми, лямками и дровами. На каждого человека полагается: по три пуда печенаго хлѣба, по пуду *харчи*, т. е. масла, рыбы соленой, муки, кромѣ *буйна* (полотна и рогожъ), которымъ закрываются отъ погоды. Все это складывается въ лодку *, которую обыкновенно тащатъ на лямкахъ работники или уженники ** Уженники, идущіе на своемъ содержаніи,

* Для этого промысла употребляются особаго рода небольшія лодки, называемыя *осинками*. Дѣлаютъ ихъ вчернѣ, т. е. выдалбливаютъ въ деревѣ Березникѣ, вверхъ по рѣкѣ Мезени, но приспособляютъ къ дѣлу уже на мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ обыкновенно обшиваютъ ихъ еловыми досками; дѣлаютъ два набоя, внутрь кладутъ *опруги* (строганныя палки, пальца въ два толщины) и прошиваютъ стяжками для того, чтобы не попортилась осина. Снизу пришиваютъ три креня (планки), для удобства перетаскиванія по льду. Креня эти бываютъ еловые и сосновые. На устинскомъ промыслѣ идутъ въ дѣло осинки длиною до $3\frac{1}{2}$ сажень и около 1 сажени ширины; на Кеды идутъ осинки поменьше ($2\frac{3}{4}$ саж. длиною и около 2 ар. шириною), потому что туда берутъ и самой провизіи поменьше. На устинскихъ промыслахъ, самыхъ богатыхъ, собирается такихъ осинокъ штукъ до полутора; на каждую изъ нихъ приходится пудовъ до 50—70.

** Называются они такъ оттого, что вся провизія, взятая для нихъ, носитъ обыкновенно названіе *ужны*.

т. е. безъ бахилъ (высокихъ кожаныхъ сапоговъ), совика и ружья хозяйскаго, получаютъ полную часть, т. е. восьмую изъ всего промысла, и напротивъ, покрученники, называемые обыкновенно половинщиками—16-ю; треть шестнадцатой достается на долю мальчишекъ—недоростковъ. Хозяинъ беретъ себѣ за снарядъ все остальное: меньше, если всѣ пошли съ нимъ уженниками, и—гораздо больше, если пошли всѣ половинщиками. Онъ, во всякомъ случаѣ, съ большимъ залишкомъ окупаетъ весь снарядъ свой, обыкновенно стоящій рублей 30 сер., если не считать лодки, ружей, одежды и котла. Часто на промыслы выѣзжаютъ на оленяхъ. Тогда хозяинъ, крутившій ужну, беретъ себѣ $\frac{1}{4}$ часть съ cadaго челоуѣка, $\frac{3}{4}$ кладетъ за оленей. На этихъ оленяхъ обыкновенно „проездывають“, т. е. узнають мѣста залежки юрова.

— Вотъ сказывали наши флюгарки долгое время полуношникомъ (НО вѣтромъ) отъ Сосновца (островъ въ горлѣ Бѣлаго моря), подходило дѣло это къ Стрѣтьеву дню, прошелъ этотъ праздникъ, мы долго не думаемъ на ту пору, сейчасъ на Кеды съ ружьями!—разсказывали мнѣ промышленники мезенскіе. Тысячи до полуторы народу на это время собирается. Знаемъ ужъ мы это доточно, что наметали утѣлги бѣльковъ своихъ бѣленькихъ, словно серебряныхъ, черноглазенькихъ такихъ, чистенькихъ, гладенькихъ. Съ берега мы прямо на льдины идемъ и все свое богатство тащимъ: и лодку, и ружья, и котелки, и пищу—все до послѣдней крохи, потому что ужъ намъ на то время нѣтъ нужды въ промысловыхъ избахъ. На льдинахъ мы и огонекъ раскладываемъ, и кашницу тутъ себѣ варимъ, и спать тутъ ложимся; развѣ который ужъ боярской кости, такъ тотъ подъ лодку прячется. И ничего, благодаря Богу!—живы бываемъ: въ морѣ-то вѣдь потеплѣй на ту пору живетъ; на горѣ (т. е. на берегу) забористѣй. Такъ вотъ ладно же: стой! Выйдемъ на льдину, смекаемъ: коли звѣрь этотъ на свой глазъ чутокъ и на носъ тоже, что коли—молъ онъ духу челоуѣчьяго не терпитъ и видъ ему челоуѣка противенъ, мы его облукавимъ: на что и царь въ головѣ сидитъ? Ладно!

— Надѣвай, молъ, ребята, бѣлые совики, а у кого нѣтъ, такъ на мадцы бѣлыя рубахи напяливай. Съ тѣмъ молъ подобіемъ снѣгу и дѣло дѣлать будемъ.

— Что же молъ, лукавый хозяинъ, ползти къ нимъ на колѣнкахъ придется?

— Да ужъ это молъ такъ, какъ и быть тому слѣдно, по молитвенному.

— Ладно, сказываютъ, пополземъ. Дай-де только крестомъ осѣниться!

— Валяй молъ!

— И пополземъ подъ звѣря, по душу его по морскую. Кто ледяную доску противъ рожи-то своей на ту пору держитъ, кто черную

свою шапку за спиной прячетъ, кто за рѣпаками да стамухами (намерзшими стойкомъ льдинами) прячется. У всѣхъ въ рукахъ палки, у всѣхъ по ружью, у всѣхъ и колѣнки болятъ, и спину ломить. На это не гнѣваемся. Полземъ, значить, и ни единымъ словомъ не щелкнемъ, не перекинемся промежду себя, полземъ — знай все дальше, да ближе: и звѣря видимъ, на носу висить... подлѣ ногъ лежить и отдушинку подъ собой продуваетъ... И духъ они отъ себя даютъ такой нехорошій:—подъ себя, значить... Тутъ его по шаболѣ-то рѣзнешь, да къ другому идешь; первый готовъ и этотъ тоже. Большая залежка—другихъ рѣшаешь; ребята твои тамъ тоже смертоубивства творятъ. Хорошо это, и сердцу весело! Одно не ладно, что большого тутъ звѣря мало живетъ; весь, почитай, онъ на то время въ воду уходитъ, а лежить больше мелкота, *бѣлочки*. Этого звѣря мы и не облукавливаемъ, и *хотлушъ* не обманываемъ, потому этотъ звѣрь отъ тебя никуда не уйдетъ. Плавать малый не умѣетъ; другая матка и спихнетъ котораго въ воду, а онъ все опять на льдину лѣзетъ. Старики въ прорубь мечутся, а бѣлекъ отъ нее дальше; ему на ледъ бы да на матерое мѣсто! И лежить онъ передъ тобой въ полномъ ликѣ, не трогается, и словно бы что-то глупое, неподходящее думаетъ! То ли онъ матку выжидаетъ тутъ, чтобы пришла да покормила, то ли онъ человѣчій-то образъ любить, не спозналъ еще нашего брата за барышнаго человѣка, — Господь его вѣдаетъ! Только мы этихъ бѣльковъ на Кедахъ много наколачиваемъ. А вотъ, какъ устанетъ рука, а звѣря много, мы изъ ружей ихъ бьемъ. А коли дошли до того, что звѣрь лежитъ весь полѣньями, а который на утекъ пошелъ—мы и баста! Сейчасъ вынемъ ножи изъ-за поясовъ—свѣжуемъ. Строгаемъ сало въ лодку, шкурки почестъ и не беремъ съ собой. Этотъ вѣдь промыселъ сальный, сказывать надо, не харавинный *. Такой-то промыселъ у насъ на устьи бываетъ до Конюшина мыса,—*устинскимъ* его зовемъ. Этотъ промыселъ большой, трудный. На этомъ промыслѣ не одинъ человѣкъ и головушкой своей рѣшалъ. Тутъ не зѣвай. Тутъ ты будь навѣки умный человѣкъ, коли вернулся домой живымъ, непомятымъ. На этомъ промыслу хорошо, когда сильные вѣтры сопрутъ льдины къ берегу. Звѣрю тутъ выходу не бываетъ: бѣжать ему некуда, воды кругомъ нѣту **. Тутъ ужъ мы за ружья не беремся, *хвѣстями* въ дѣло пускаемъ. А

* Т. е. не ради кожи: кожа не составляетъ цѣли промысла. Харавина—шкура убитыхъ звѣрей, идетъ въ продажу за границу и въ Россію для ранцевъ, для обивки дорожныхъ погребчиковъ. Здѣсь ее стелютъ нерѣдко на оленьихъ санкахъ; въ просвѣщенныхъ городахъ видимъ на ученическихъ ранцахъ.

** Изъ болѣе замѣчательныхъ случаевъ этого рода памятенъ архангельскому народу особенно тотъ, который случился въ 1839 году, на Терскомъ берегу. Тогда убиты были варзужанами (жителями селъ Варзуги и Кузомена) пѣлѣя тысячи звѣрей, принесшія имъ въ три дня барыша на 30,000 руб. асс.

хвѣстяга—это палка черемховая, длиной сажень съ локтемъ, и одинъ конецъ у ней толстый съ шишкой, а на другомъ багоръ съ крючкомъ да шиломъ. Когда набѣжимъ мы на юрово, да увидимъ перваго звѣря на глазахъ—хвостягой этой въ морду усноравляемъ. Если не попадешь—руки береги: зубы у нихъ превострые, да и щетинятся шибко, пугаютъ, хотъ и рѣдки случаи такіе, чтобы укусили кого. Попадешь ты палкой звѣрю въ морду, то и ладно—смерти онъ подъ твоей же рукой не минуетъ. Хлипокъ же звѣрь этотъ, до того, слышь, хлипокъ, что одинъ выстанетъ и полѣзетъ къ тебѣ, такъ только по щекѣ ладонью дай раза пошибче—приляжетъ и морду воткнетъ въ снѣгъ—приколи его только. Другой, пожалуй, и тутъ лукавитъ, притворяется мертвымъ, а потомъ и побѣжитъ, да не шибко. Этакого мы въ задъ прикалываемъ.—Съ тѣмъ и конецъ.

— Бываютъ дѣла на этомъ устинскомъ промыслу, хитрыя дѣла бывають, такія хитрыя, что только вотъ слушай:

— Звѣря-то мы этакъ окружимъ со всѣхъ сторонъ, льды морскіе пособятъ намъ, сопретъ ихъ вѣтрами,—юрowo видитъ дѣло пропащее, сейчасъ на хитрость. Одинъ взреветъ чисто, тонко, звонко; другой пристанетъ, третій, всѣ заголосятъ. Этимъ ревомъ они словно вотъ что сказываютъ: „собирайся-де, други милые, въ одну кучу, съобща поведемъ защиту; полѣзай ты на меня, ты на меня; навалимъ большую кучу, да и понатужимся—можетъ, и проломимъ ледъ-отъ“. Ну и лѣзутъ другъ на дружку, большія груди дѣлають и пыхтятъ на ту пору, крѣпко пыхтятъ; слышимъ, силу-то свою останнюю собирають. Тутъ не звай: коли, руби ихъ,—въ кучѣ сподручнѣе! Не усноровишься—звѣри проломають ледъ: бывало этакъ-то! И бей ты ихъ прямо въ голову, а сдѣлалъ которому *шавуй* (шавуйный ударъ—въ шею значить), замечется звѣрь и всѣхъ прочь разгонитъ. И тутъ ты никоими силами не остановишь ихъ: начнутъ забирать передомъ, да подхватывать задними ластами, что угорѣлые, и прямо къ морю, въ воду. А ластами они своими круто забирають: человѣку, хотъ скороходъ онъ будь, не догнать. На этихъ, на устинскихъ промыслахъ, когда много народу, совсѣмъ война идетъ: кричимъ, ругаемся, деремъ и всѣ наравятъ какъ бы впередъ попасть поскорѣй да подальше. Большое тутъ дѣло бываетъ, самое спѣшное: однажды въ сутки ѣдимъ, да и полуфунта хлѣба не сѣдаемъ: не хочется. Ѣдимъ слегка, значить, понемногу. Тяжелѣе этого загребнаго вѣтъ; недѣли по три, по четыре земли не видишь, какая такая есть она! Боевой промыселъ, смертельный, трудный промыселъ—вѣрь ты Богу!..

— Набьемъ мы этакъ-то ихъ, наколотимъ: на мѣстѣ же тутъ и свѣжуемъ: Шкуры свертываемъ трубкой (края закидываемъ и прижимаемъ ремнемъ) къ одному концу юрки (длинные ремни сажень въ 20) привязываемъ, а другой конецъ юрки въ лодкѣ прицѣпляемъ, да такъ

и спускаемъ въ воду. Конченное, значитъ, это дѣло. Счастливъ чело-
вѣкъ, коли живъ на берегъ вышелъ. Много денегъ тому архангельскіе
купцы и за харавину и за сало дадутъ. Только ты имъ сало на дому
вытопи: безъ того не берутъ.

— При промыслѣ при этомъ есть, вѣдь, у насъ и примѣты разныя:
сказывать—что ли?

— Какія же примѣты?

— Да вотъ: прибывлая вода юрова эти къ берегу приносить, убы-
лая отъ берегу несетъ въ голомя. Опять же западъ (W) и глубникъ
(NW) наноситъ ихъ; шалоникъ (SW), лѣтній (S) и обѣдникъ (SO)
относятъ въ океанъ.

— А еще-то что?

— А потянулъ вѣтеръ на Моржовецъ, не выходи въ море: отне-
сешь и кожи пропадутъ на дальныхъ сувояхъ. Да и ты самъ погиб-
нешь: либо въ океанъ тебя вынесетъ, либо съ голоду на льдинѣ про-
падешь.

Дѣйствительно, опасенъ этотъ устинскій или выволочный промы-
селъ (выволочный потому, что ледъ въ это время по большей части
выволакивается вѣтрами изъ Бѣлаго моря въ океанъ). Не проходитъ
года, чтобы не погибло два — три человекъ изъ смѣлыхъ, дѣйстви-
ющихъ сломя-голову и на свое русское авось, мезенскихъ промышлен-
никовъ: то льдины рушатся отъ столкновенія съ другими, то окажется,
что нѣтъ пищи ни на льдинѣ, ни за пазухой; ламбы (водяныя лыжи)
на полой (открытой ото льду) водѣ не помогаютъ; присутствіе духа
не сберешь въ теченіе двухъ-трехъ дней безцѣльнаго плаванія. Смерть,
во всякомъ случаѣ, неизбѣжная посѣтительница. И счастливъ (какъ
никогда въ жизни въ другой разъ!) тотъ охотникъ, котораго судьба
примкнетъ съ роковой его льдиной на берегъ, особенно же вблизи
жилья, хотя бы даже и близъ лопарскихъ погостовъ. Этихъ спасен-
ныхъ отъ смерти ловцовъ (нѣкоторыхъ) можно видѣть, нѣсколько
лѣтъ послѣ того (смотря по личному ихъ обѣту), въ Соловецкомъ мо-
настырѣ исполняющими самыя трудныя, ломовыя монастырскія работы.
У мезенцевъ есть обычай, и даже, можно сказать, страсть, ходить въ
одиночку на тотъ же опасный промыселъ выволочный. Страсть эта
тѣмъ опаснѣе, что тутъ уже помочь некому, и притомъ некому въ
трудную минуту выплакать свое горе.

Ко всѣмъ этимъ рассказамъ промышленниковъ можно еще приба-
вить то, что первые звѣри, явившіеся въ море изъ океана, считаются
нечистыми и бываютъ съ запахомъ. Промышленники, свѣжуя этого
поганого звѣря, обыкновенно остерегаются всѣми мѣрами порѣзать
руку, потому что, какъ говорятъ они, *прикидывается* болѣзнь, назы-
ваемая ими *морская цыга*, которая-де выламываетъ персты. Пролежав-
шіе на льдинахъ дольше Николина дня, т. е. первыхъ чиселъ мая, или

опоздавшіе выплыть въ океанъ, дѣлаются до того тощими, что, застрѣленные промышленниками, тонутъ на водѣ и уже не выплываютъ. Сала въ нихъ почти не остается, и потому стрѣляютъ ихъ исключительно затѣмъ только, чтобы уничтожить лишняго врага для рыбы, который съ будущей осенью можетъ поправиться и натворить много бѣдъ и напастей. Бывали нерѣдко такіе случаи въ Мезенской губѣ, что противные вѣтры, не выволочные, разбивали стада звѣрей, звѣрь *осыпался* (говоря туземнымъ словомъ), т. е. раздѣлялся на мелкія юрва и въ нихъ угребалъ въ дальнюю Кандаджскую губу. Губа эта, какъ извѣстно, до половины своей замерзаетъ плотно, имѣя припай поперечный, *поперечку*, тамъ, гдѣ начинается широкое Горло моря и гдѣ ледъ уже бродячій. Тогда, въ ущербъ Мезенской губѣ, усыплется звѣремъ вся эта поперечка, и добыча переходитъ въ руки счастливыхъ жителей Терскаго и Корельскаго береговъ. Эти случаи, впрочемъ, также рѣдки, какъ и упомянутый случай, бывшій на Терскомъ берегу. Промышленники прибавляютъ при томъ, что, во время охоты ихъ на тюленей, звѣрь, застигнутый врасплохъ, жалобно воетъ, а у бѣлковыхъ проступаютъ слезы: они будто бы плачутъ, какъ люди.

Раненые, но ускользнувшіе отъ свѣженья, звѣри недолго плаваютъ въ морѣ: въ концѣ мая или въ началѣ іюня ихъ непременно выброситъ гдѣ нибудь на кошкѣ (надводной мели) или на берегу, и тогда туша эта достается на долю счастливца. Законность пріобрѣтенія этого *вымета* нашедшимъ его обусловлена старымъ обычаемъ. Сало вымета, неиспорченное, годно въ продажу, хотя хуже и мутнѣе послѣ выварки, чѣмъ нѣжное, чистое сало бѣлковыхъ.

Не лишнимъ считаю также упомянуть и то, что всѣ промышленники не выходятъ на морскихъ звѣрей въ день Благовѣщенья, когда, по русской пословицѣ, и птица гнѣзда не вьетъ. Обычай этотъ охотники оправдываютъ тѣмъ наблюденіемъ своимъ, что если поработать въ этотъ день, то цѣлый годъ затѣмъ вплоть до этого дня придется терпѣть неудачи въ ловлѣ и разнаго рода домашнія несчастія, особенно въ тѣ дни, въ которые пришелся праздникъ; напримѣръ, если онъ былъ въ пятницу, то всѣ пятницы въ томъ году будутъ несчастными днями для промысловъ.

Въ заключеніе, спѣшимъ сдѣлать еще одну важную замѣтку (подкрѣпленную и бывалыми промышленниками), которую привелъ г. Озерецковскій въ дополнительномъ описаніи сѣверныхъ береговъ Россіи, начатомъ академикомъ Лепехинымъ въ 1772 году. Вотъ собственныя слова академика Озерецковскаго: „Въ походахъ своихъ звѣри наблюдаютъ еще примѣчательное и странное правило, отнюдь не разрушаемое. Ни одинъ звѣрь не можетъ, ни для самаго важнѣйшихъ причинъ, отстать отъ стада. Чреватая утѣлги, если приспѣетъ имъ въ семъ путешествіи время къ рожденію, забываютъ живѣйшую побуди-

тельность естества къ чадолюбію, которое въ другихъ обстоятельствахъ, несмотря даже на смертельные страхи, наблюдаютъ. Въ семъ случаѣ рождающая, выскоча на плавающую или къ берегу примерзшую льдину, выкидываетъ рождаемое и оставляетъ его тамъ немилосердо безъ всякаго о немъ попеченія, боясь лишиться общественнаго похода. Оставленное такимъ варварскимъ образомъ несчастное изчадіе, не имѣя согрѣянія, пищи, ежели до просушки чревныхъ мокротъ не захватитъ жестокой морозъ, жизни его лишающей, получаетъ отличный, уродливый, больше-головый образъ, для коего называется *голованъ*. Сколько бы не казалось сіе обстоятельство невѣроятнымъ, но оно очевидно и вообще извѣстно. Голованъ, не имѣя пищи, лежитъ на льду или ползаетъ на берегъ и въ лѣсъ, пока природная бѣлошершавая шерсть, препятствующая пуститься въ водоплаваніе, вовсе не вычистится, что продолжается, безъ пособія отца и матери, болѣе двухъ мѣсяцевъ. Освободясь отъ сей шерсти и сдѣлавшись сѣркою, пускается въ море, гдѣ пребывая во всю жизнь, не получаетъ обыкновенной роду его величины, но всегда отличается видомъ и названіемъ малорослаго голована. Между тѣмъ по большей части остервененнымъ промышленникамъ жертвою бываетъ малокорыстной добычи. Чудно строеніе естества, сокрывающее отъ нашихъ понятій пружины, побуждающія толь напрягательно ежегодную сихъ звѣрей изъ Ледовитаго моря къ намъ стремительность“.

— Это, полагать надо, ревкуй—старались догадываться и объяснять поморы.

Ревкуй, съ пятнистой шкуркой, поменьше обыкновеннаго тюленя и сердитый: вопреки обычаямъ боязливыхъ и смирныхъ лысуновъ, онъ бросается на людей съ ожесточеніемъ.

— Онъ зло помнитъ: у него убили матку, а либо самъ ее потерялъ, а либо она его. Онъ три мѣсяца питается однимъ снѣгомъ. Когда подрастетъ—отъ него не бываетъ приплода. Оттого знать все и реветъ. Когда подрастетъ въ полный возрастъ, чтобы даромъ не коптилъ неба,—на залежкахъ приставляютъ ихъ въ караульщики по той причинѣ, что бываютъ всѣхъ прислушливѣй.

— Не путай (совѣтовали въ Сумахъ) экаго звѣря съ ревякомъ—рыбой (ее и ревчей назовутъ въ иномъ мѣстѣ). Она по рани костлява, на окуня походитъ и только у насъ и живетъ *. Подъ Городомъ ее ѣдятъ, а въ нашихъ мѣстахъ сливетъ за поганую рыбу. Она съ отравой, а скотъ ее ѣстъ съ охотой: ему подсыпаемъ ее. Женщины даютъ тому, у кого завелись колики: высушиваютъ и кладутъ подъ сголовье....

* Водится и на Печорѣ. Похожа на навагу. Сушеную рыбу эту кладутъ тамъ на упавшаго въ судорогахъ отъ надучей болѣзни. Тамъ тоже ее не ѣдятъ.

II.

БЕРЕГЪ КАНИНСКІЙ.

Физическій видъ его.—Морской звѣрь этого берега: заяцъ, тевякъ, нерыпа.—Способы ихъ ловли: стрѣльня.—Подробности этого рода промысла, по разсказамъ туземцевъ.—Островъ Моржовецъ.—Развочныя избушки: ихъ услуга и значеніе.—Голодовка и зимовка на Грумантѣ (Шпицбергенѣ).—Изобрѣтательность и находчивость.

Если по Зимнему берегу разбросано только шесть селеній и по Мезенскому пять, то Канинскій окончательно уже пустъ и безлюденъ. Составляя какъ бы продолженіе Мезенскаго берега (отъ Мезенскаго залива до мыса Канина на полуостровѣ того же имени), который весь покрытъ лѣсомъ, переходящимъ въ кустарникъ, Канинскій берегъ безлѣсенъ. На немъ рѣдка даже приземистая сланка, не доходящая высотой отъ земли свыше аршина. Онъ—по описанію г. Рейнеке—„отъ мыса Канина къ югу на 30 миль до рѣки Бугреницы состоитъ изъ шиферныхъ горъ, покрытыхъ тундрою и около воды оканчивающихся голыми *щелями*, большею частію темносѣраго цвѣта изъ сплошнаго шифера. Хребетъ этихъ горъ (*Тунскій камень*), высотой до 60 саженъ, идетъ къ юго-востоку отъ мыса Канина, чрезъ Канинскую землю, до Чешскаго залива и, на другомъ берегу его, опять появляется въ томъ же направленіи по самоѣдской тундрѣ. Отъ Бугреницы къ югу теряется шиферъ подъ толстымъ слоемъ песку и тундры. Однако, мѣстами, въ обрывахъ горъ, видны каменные зубья; хребетъ этихъ горъ до рѣки Торны—высотой около 50 саженъ. Прибрежье большею частію песчано-глинистое. Отъ Торны берегъ становится несравненно ниже и непрерывная цѣпь горъ исчезаетъ. Южнѣ этой рѣки стоятъ онѣ отдѣльно одна отъ другой и кажутся стогами сѣна на ровной поверхности берега; цвѣтъ ихъ нѣсколько темнѣе цвѣта берега, состоящаго здѣсь изъ невысокихъ, песчаныхъ осыпей, покрытыхъ тундрою и прорѣзанныхъ руслами рѣкъ: Месны, Камбольницы, Шойны и Кіи. Отъ рѣки Кіи берегъ опять возвышается и до мыса Конушина составляетъ глинистый утесъ до 10 саженъ высотой. Внутреннія горы сливаются въ общій хребетъ, съ отличительными верши-

нами, до 40 сажень высотыю. Прежде (около ста лѣтъ тому назадъ) черезъ Канинскій полуостровъ существовало водяное сообщеніе посредствомъ рѣкъ: Чижи, впадающей въ Бѣлое море, и Чеши, вливающейся въ Чешскую губу. Но теперь, то озеро, изъ котораго вытекали обѣ эти рѣки, поросло мохомъ и превратилось въ болото. Отъ этого болота къ сѣверу тянется Канинская земля на 150 верстъ сплошнымъ камнемъ, въ которомъ видны по нѣкоторымъ мѣстамъ шиферные слои; въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ текутъ нефтяныя копи, а по берегамъ попадаетъ нерѣдко сѣрный колчеданъ, и даже когда-то производилась здѣсь разработка мѣдныхъ рудъ^а.

При мнѣ весь берегъ Канинскій, какъ и Мезенскій, засыпанный снѣгами, окончательно запустѣлъ. Онъ брошенъ былъ на всю зиму и самоѣдами, которые по лѣтамъ подходятъ къ нему со своими оленьими стадами (и то, впрочемъ, рѣдко), и самыми предприимчивыми, самыми смѣлыми изъ мезенскихъ промышленниковъ, которые иногда бродятъ сюда на такъ называемую *стрѣльну* (стрѣлцкій промыселъ) за нерпой, морскими зайцами и тевяками. Звѣри эти, говоря словами туземцевъ, *не загребные, не юровые, не кожные*, т. е. такіе, которые не ходятъ въ стадахъ или юровахъ семьями, не загребаютъ одновременно, но плаваютъ въ одиночку, безъ соблюденія условныхъ періодовъ времени, хотя также гребутъ изъ океана и съ тою же цѣлю—исканія пищи. Всѣ три породы звѣрей этихъ иногда проводятъ въ водахъ Бѣлаго моря цѣлые года, если не попадутся подъ пулю самоѣда или мезенца.

Морской заяцъ (*Phoca leporina*), названный такъ по сходству съ сухопутнымъ зайцемъ, у котораго величина соразмѣрна толстотѣ, а у морского голова круглая, шея короткая. Морской заяцъ имѣетъ въ длину тѣ же $3\frac{1}{2}$ и $3\frac{3}{4}$ аршина, какъ и въ толщину, хотя въ то же время цвѣтъ его шерсти не бѣлый или сѣрый, а темно-желтоватый. Волосы его пушистѣе и длиннѣе, кожа значительно толще, чѣмъ у лысуновъ и у всѣхъ другихъ тюленыхъ породъ. Изъ кожи этой поморы выдѣлываютъ прочныя подошвы для своихъ охотничьихъ сапоговъ—бахилъ, а выматую употребляютъ на санныя возжи. Звѣрь этотъ мечетъ обыкновенно по одному зайченку, которые, въ первый періодъ по рожденіи, имѣютъ на себѣ волосы мягкіе, почти сѣро-голубого цвѣта. Для жизни своей морскіе зайцы предпочитаютъ болѣе сѣверныя части морей и, заходя въ Бѣлое море, они дѣлаются замѣтно мельче, чѣмъ, напр., на Мурманскомъ берегу около Кдлгуева и Вайгача. Впрочемъ, и изъ бѣломорскихъ зайцевъ успѣваютъ вытаскивать сала отъ $6\frac{1}{2}$ до 8 пудовъ (весной отъ 4 до 5), хотя мурманскіе и колгуевскіе вѣсятъ иногда свыше 15 пудовъ. Подстрѣленные охотниками, особенно въ глухую лѣтнюю пору, зайцы скоро тонутъ на водѣ. Любятъ нѣжиться на льдахъ и *мадухахъ* (подводныхъ, осы-

хающихъ при отливѣ, камняхъ среди моря); любятъ жить въ одиночку; любятъ, наконецъ, нерѣдко заходить въ прѣсныя воды рѣкъ и рѣчекъ. Водятся даже въ нѣкоторыхъ большихъ озерахъ, каково, на примѣръ, Ладожское.

Тевякъ (*Phoca cristata*, s. *monachus*)—уродливое подобіе льва, съ длинной шеей, къ которой прикрѣплена голова формы лошадиной; около рта—густые, щетинистые усы; величиною больше морского зайца (4—5 аршинъ); шкура пятноватая, какъ у нерпы, цвѣта съ густыми, длинными, торчащими щетиной, волосами. Предпочитая для мѣстопробыванія своего также болѣе отдаленныя, сѣверныя страны, они любятъ (хотя и весьма не часто) селиться на Канинскомъ берегу Бѣлаго моря и на Тиманскомъ берегу океана. Здѣсь, выползая только середи моря на луды, гладухи и поливные пески (и никогда на льды и берега), лежатъ, нѣжатся и засыпаютъ. Чаше встрѣчается звѣрь этого тюленьяго рода около Трехъ-Острововъ Мурманскаго берега и острова Моржовца (среди Горла). Сала даетъ пудовъ по девяти. Бьютъ его больше соннымъ, на лудахъ: спать онъ охотникъ.

Нерпа (*Proca vitulina*) значительно чаще изъ всѣхъ тюленьихъ породъ попадаетъ въ водахъ Бѣлаго моря. Длина ея равна длинѣ сѣрки (т. е. не достигаетъ двухъ аршинъ), но чѣмъ сѣвернѣе вылавливается, тѣмъ величина эта возрастаетъ. Голова у нихъ замѣчательно круглая и столько же круглы большіе, зоркіе глаза ихъ. Шерсть, покрывающая не толстую шкурку, отливаетъ серебристымъ блескомъ, хотя въ то же время цвѣтомъ свѣтло-желтая и значительно испещрена пятнами. Сала нерпа даетъ до 2 пудовъ. За нерпичью кожу даютъ въ Архангельскѣ 25 и 30 коп. сер. Въ самой большой нерпѣ не больше трехъ пудовъ; самая обыкновенная даетъ $1\frac{1}{2}$, $1\frac{3}{4}$ и даже пол-пуда. Нерпичью шкуру такъ часто приводитъ всѣмъ видѣть на солдатскихъ ранцахъ. Въ іюлѣ видятъ ее на берегахъ и прибрежныхъ пескахъ, всегда попарно, когда звѣрь этотъ *парится*, и въ августѣ рождаетъ дѣтенышей по одному; двойни—замѣчательное исключеніе. На льды выходятъ онѣ полежать; прѣсную воду любятъ; заходятъ въ рѣки и живутъ постоянно въ сладкихъ озерахъ: Ладожскомъ, Онежскомъ и Байкалѣ. Въ Каспійскомъ морѣ эти нерпы (тюлени обыкновенные)—аборигены. Въ Бѣломъ морѣ по зимамъ и веснамъ ихъ больше, лѣтомъ и осенью—значительно меньше; вѣроятно, онѣ также уходятъ въ океанъ. Попадаютъ въ бѣлужьи невода и сѣмежи сѣти; въ послѣднія заходятъ для отысканія пищи. Питаются также толокнянкой (*arbutus uva ursi*). Во всякомъ случаѣ, нерпа самый меньшій изъ всѣхъ звѣрей, населяющихъ моря. На Лѣтнемъ берегу и у Соловецкаго монастыря нерпа попадаетъ въ нарочно для нея разставляемыя сѣти. Сѣти эти плетутся изъ толстыхъ нитокъ (въ три прядки); ячеи величиною четверти двѣ; ихъ осмаливаютъ. Сѣти

опускаются въ воду на деревянныхъ, ромбической формы поплавахъ, которые, для легкаго держанія на водѣ, коптятъ въ огнѣ. Попавшююся въ сѣть неръпу обыкновенно, при посредствѣ деревянной, фунтовъ десяти вѣсу, колотушки, *протыка*, т. е. бьютъ въ голову. Неръпа, какъ извѣстно, слаба головой.

Такъ какъ всѣ эти три породы морскихъ звѣрей ходятъ, какъ уже сказано, въ одиночку, а не стадами, то и самая охота за ними, во всякомъ случаѣ не можетъ быть артельною, какова, напр., охота за лысунами и моржами. Такъ какъ эти звѣри, хотя и постоянные гости Бѣлаго моря, выходятъ на любимыя ими мѣста только по личному произволу (когда имъ захочется отдохнуть, полежать, погрѣться на солнышкѣ, или когда влечетъ ихъ къ этому лежанью инстинктивное побужденіе къ соитію), то и самый промыселъ принимаетъ иной характеръ, носящій названіе *стрѣльны*. На эту стрѣльну и самые промышленники отправляются въ одиночку: каждый самъ по себѣ. Это или тундряные самоѣды, или самые ретивые, незнающіе устали русскіе промышленники изъ приморскихъ деревень Мезенскаго уѣзда.

Промыселъ этого рода безгранично утомителенъ: только освоившіеся со своею скудною родиною самоѣды способны и привычны переносить всѣ его невзгоды и сопряженныя съ ними житейскія лишенія. Самоѣды, прикочевывающіе со своими оленьими стадами въ лѣтнюю пору на Канинскій полуостровъ, иногда по цѣлымъ суткамъ флегматически-сосредоточенно лежатъ въ своихъ карбасахъ, спущенныхъ на якорь дальше отъ берега и терпѣливо выжидаютъ, когда-когда покажется на поверхности воды черная головка неръпы, тевякъ или морской заяцъ.

Покажется одинъ изъ этихъ звѣрей, самоѣдъ не замедлитъ выстрѣлить въ него изъ заряженнаго уже ружья, прямо въ морду, и не промахнется ни въ какомъ случаѣ, если только звѣрь не успѣетъ, высмотрѣвъ своего врага прежде его самого, нырнуть отъ всегда мѣткаго выстрѣла въ воду (Самоѣды, какъ и русскіе поморы, мѣткіе стрѣлки). Но такое терпѣніе—выжидать цѣлыми сутками звѣря на поверхности воды—можетъ доставаться только на долю подиудіотовъ изъ самоѣдскаго племени. Русскіе къ тому положительно не привычны; да и въ такихъ случаяхъ они пріучились лучше предпочитать вѣрный отдыхъ въ семейномъ кругу, чѣмъ на утломъ, поталкиваемомъ съ боку на бокъ карбасѣ, и притомъ въ такой дали, каковъ тотъ же Канинскій берегъ. Въ этомъ случаѣ они поступаютъ иначе.

Мезенцы, съ незапамятныхъ временъ пребыванія своего на берегахъ Бѣлаго моря, знаютъ (и никогда не ошибаются въ подобныхъ случаяхъ), что когда на Канинскомъ и Тиманскомъ берегу много *корму*, т. е. когда у береговъ этихъ появляется въ значительномъ количествѣ мелкая рыба *сайка* (*gadus virens*)—родъ наваги, видомъ похожая на налима, съ синимъ и жидкимъ тѣломъ, и потому негодная къ употребленію

въ пищу—навѣрно въ тѣхъ мѣстахъ должны быть всѣ три породы этого тюленьяго рода, которыя любятъ гоняться за рыбой сайкой и употребляютъ ее въ пищу. Только этими обстоятельствами и положительными видимостями соблазняются мезенцы на дальний стрѣлецкій канинскій промыселъ, и то самые бѣднѣйшіе изъ нихъ, въ которыхъ нужда породила и храбрость и страсть дѣйствовать на авось, буквально—очертя голову.

Зная, что рыбака сайка преимущественно является въ тѣхъ мѣстахъ въ концѣ ноября и живетъ тамъ весь декабрь, что особенно любить жрать эту рыбку барышныя нерпы и что, потому, онѣ являются туда въ огромномъ количествѣ (продувая льдину, назначенную себѣ для жележки, нерпы выползаютъ черезъ эту прорубь на поверхность льдины. Онѣ лежатъ тутъ сторожко, имѣя всегда эту прорубь какъ прибѣжище, какъ ближайшее и легчайшее средство къ спасенію въ случаѣ опасности). Зная все это бѣднякъ изъ мезенцевъ долго не задумывается.

„Одна голова не бѣдна, а и бѣдна, такъ одна; семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ, а умираютъ люди одинъ только разъ на вѣку“—думаетъ какой-нибудь бобыль-одиночка или крутой смѣльчакъ, и дѣла не кладетъ въ долгій ящикъ.

Не обидѣла его судьба и самопроизвольная лѣнь возможностью запастись крутоиспеченнымъ съ солью хлѣбомъ, горстями десятию соли и крупы (въ малицѣ, бахилахъ, шапкѣ, камусахъ или рукавицахъ и подъ одѣяломъ онъ всю зиму бѣдуетъ: безъ этого только самые плохіе и пьющіе хозяева живутъ на свѣтѣ), смѣльчакъ не думаетъ долго и собирается. Ходячая, разнѣнная монета у него передъ глазами—живѣе, чѣмъ давно приглядѣвшійся Канинскій берегъ и нерьпа, и тевакъ, и заяцъ морской. Между тѣмъ нужда бьетъ по боку назойливо и ежедневно. Осѣнитъ онъ аввакумовскимъ крестомъ (если старой вѣры держится) и никоновскимъ (если не соблазненъ въ расколъ), чмокнетъ въ уста того да другую (если найдутся у него въ семьѣ таковые) и, вскинувъ котомку съ съѣстными припасами за плечи, взявъ въ руки ружье да дубину (пѣшию или носокъ съ желѣзнымъ оконечникомъ), ламбы * подъ мышку, лыжи на ноги, вскинетъ крестное знаменіе на

* Все нехитрое устройство ламбъ основывается на томъ, что рѣдкіе изъ торовъ не сопровождаются измельченнымъ льдомъ, называемымъ *шугою*. Если отъ давленія ноги мелкія льдинки, плавающія по водѣ, тонутъ, то достаточно—размѣренная быстрота передвиженія ламбъ широкихъ и плоскихъ задерживаетъ скорость погруженія. Конечно, при этомъ необходимы крайняя опытность, главное—смѣлость, а еще болѣе огромное присутствіе духа. Часто слегка нарушенный балансъ, при самомъ первомъ скачкѣ на шагъ, часто ламбы задѣваютъ за льдину, и тогда смерть неизбежна: несчастный смѣльчакъ прямо падаетъ въ воду и затирается ближайшимъ льдомъ на вѣка вѣчные.

лобъ, обовьется длиннымъ ремнемъ и побѣжитъ искать счастья и удачи вдали, верстъ за 300 отъ родного крова.

— Да, тяжело, вѣдь, это для васъ; скучно, думаю, такъ, какъ нигдѣ и никогда,—замѣчалъ я тѣмъ поморамъ, которые ежегодно бѣгали на Канинъ.

— Скучно, говорятъ, ваша милость, у чертей въ котлѣ сидѣтъ на томъ свѣтѣ, да вотъ твоему благородью въ сторонѣ нашей задвѣнной. А намъ ничего, ничѣмъ-ничего, хоть лопни глаза мои!

— Вѣдь, чай, все въ карбасѣ качаетесь, да на воду смотрите, звѣря выслѣживая?

— И въ карбасѣ покачаемся, и въ сухомятку поѣдимъ, и вмѣсто ручья, изъ снѣгу воды добудемъ—намъ это все, что табашнику трубку табаку выкурить. Да нѣтъ: мы, вѣдь, въ карбасѣ на нашей на завѣтной стрѣльнѣ не качаемся. Тогда выстааетъ звѣря много—не зачѣмъ въ карбасѣ лежать: съ берега очень въ примѣту. Твою милость, кажись, охота-то наша крѣпко, вижу, забираетъ?

— Любопытна, должно-быть, если не прямо стрѣляете.

— Нѣтъ, не прямо стрѣляемъ, а лукавимъ. Вотъ слушай теперь: надо тебѣ прежде сказать, что нерьпа лукавый звѣрь, особота, которая около жила шатается. Съ этой по христіански-то, по православному не сладишь. Не чутка она на носъ, за то далеко беретъ глазомъ; это не моржъ. Запримѣтитъ человѣчье тѣло версты за двѣ—сейчасъ въ воду; а тамъ лови ты ее, когда семи пядей во лбу. Бродить эта нерьпа около припаевъ ледяныхъ, и мѣста-то мы эти знаемъ ужъ по своей по старой вѣрѣ, по старымъ примѣтамъ. И то мы знаемъ, что человѣка она къ себѣ близко не допускаетъ. Вотъ тутъ и хитрить человѣкъ—божье рождение, и хитрить то онъ вотъ какъ... Да постой!..

— Лежить звѣрь на гладухѣ (по зимамъ), на коргахъ, лудахъ (по лѣтамъ)... больше всего на гладухахъ—тороса такіе ледяные по зимамъ живутъ—лежатъ эти нерьпы. Тутъ мы ихъ больше и беремъ... Вотъ нерьпа лежитъ—вижу, окомъ своимъ вижу и себѣ вѣрю, что Богу,—и лежитъ она не одна, а много. Изъ-за одной и рукъ марать нечего. Я сейчасъ на раздумье и сейчасъ къ дѣлу. На плечи напялю черный совикъ, на голову—бѣлую шапку безпремѣнно, за спину вскину ружье, противъ себя доску держу, и водой я эту доску оболую и заморожу, и по доскѣ по этой *петничекъ* (деревянныхъ гвоздочковъ) насажаю пропасть, чтобы снѣгъ держался, и поползу на колѣнкахъ на льдину. Нерьпа видитъ доску мою, ропакомъ, льдиной—стамухой почитаетъ; лежитъ и глядитъ на доску на эту зорко, во всѣ глаза. Надулъ, думаю; стой теперь: я еще тебѣ штуку подпущу, знай ты меня! И сейчасъ кричать, сейчасъ стучать, какъ смогу и съумѣю, и опять однимъ глазкомъ своимъ накинусь на звѣря. Вижу мечется онъ, по

сторонамъ бросается, въ прорубь сунется, опять выскочить, ухо прилаживаетъ, прислушивается къ проруби-то: не тамъ ли, молъ, шумить кто. Опять у проруби мечется, долго, круто мечется. Думаю: забрало! пошла битка въ конь!.. гуляй молодецъ—твоя недѣля. Онъ-то мечется!—а я ему: „ого-го“! свое. Онъ-то пляшетъ да скачетъ,—а я свое дѣло правлю: ружье налаживаю, да пулей-то ему прямо въ морду! — Такъ онъ и уткнется, такъ и продернетъ его всего крѣпкой судоргой. Ей Богу! это дѣло—ладное дѣло. На берегъ выйдешь, не прохохочешься. Эко, молъ, ты человѣкъ—какой дикій да глупый, хуже, молъ, ты са-моѣда нашего, право—недогадливый... Эдакъ-то мы по веснамъ больше... Тогда же и зайчей ловимъ...

— А есть у насъ, твое благородье, и такіе смѣльчаки (про себя только боюсь тебѣ сказывать), что облукавливаютъ звѣря всякаго: и нерьпу, и тевяка, и зайчѣй. И облукавливаютъ они его вотъ какъ, и это труднѣе того, что рассказано. Доски на этотъ разъ не берутъ: тутъ человѣкъ самъ за себя отвѣчай, за свой умъ, за все свое. Человѣкъ этотъ выходитъ на льдину весь бѣлый, ворочается: нерьпу раздражить, расшевелить. Она свое дѣлаетъ и онъ по ее: она въ одну сторону дернетъ и головушкой тряхнетъ—и онъ также: она ухомъ къ проруби своей приложится—и онъ свое ухо на ледъ. Такъ и надуется, такъ и облукавить! Звѣрь помечется, побѣситя; видитъ — человѣкъ, что нерьпа, свой братъ: возьметъ, да и ляжетъ, успокоится и отворотится. Тутъ ей и пуля горячая!..

— Мы вѣдь, ваша милость, изъ своихъ изъ плохихъ винтовокъ на 50 сажень хватаемъ, и прямо въ морду. И до того глупа на тотъ часъ нерьпа бываетъ, что щелкаешь ты выстрѣлами однѣхъ — другія не шелохнутся! Выстрѣлы-то эти, надо-быть, за трескъ торосевъ почитаютъ. Облукавленный звѣрь — пропащій звѣрь, какъ передъ Богомъ!...

— По берегу-то по Канинскому теперь избы настроили, хоть и не больно часто. У иной и часовня есть, и образъ есть—да вѣдь въ наледномъ-то промыслу, чтò въ этихъ избахъ? Тутъ вонъ со звѣремъ ломаешься, хитришь, бьешь его: умъ теряешь и сметку всякую, а на ту пору, глядишь, вѣтеръ оторвалъ твою льдину отъ припая, да и понесъ въ голомя. Съ горяча-то, это тебѣ не въ примѣту, а очнешься—руками махнешь, крестное знаменіе на лобъ положишь, родителей, коли есть, вспомнешь, знакомые какіе на умъ взбредутъ; сердцемъ опять надорвешься, глаза зажмуришь и поплывешь на удачу, куда вѣтеръ несетъ. На этотъ случай намъ островъ Моржовецъ* подспорье

* Скажемъ нѣсколько словъ о Моржовцѣ — самомъ ближнемъ къ Мезенскому берегу островѣ. Весь онъ гранитнаго строенія съ толстымъ пластомъ тундры, покрытымъ ягелемъ (оленьимъ мохомъ). Островъ этотъ лежитъ къ сѣверу отъ Воронова носа, при выходѣ изъ Бѣлаго моря въ Ледовитый океанъ, въ 28 верстахъ отъ берега. Форма

хорошее: все больше на него попадаемъ. Такъ вотъ и со мной разъ было дѣло. А то уносить въ океанъ, такъ тамъ и погибають.

— Вотъ оттого-то безразсуднѣе, безчеловѣчнѣе нашихъ тюленыхъ промысловъ другихъ больше и на свѣтѣ нѣтъ...

— Это ты тамъ какъ хочешь... а и на дому-то потомъ не больно же много напастей послѣ смерти своей бываетъ.

— Да правда ли, полно, все то, что ты сказалъ теперь?

— Истинная, сущая. Бобыль ты человѣкъ—по тебѣ за то и собака не взвоетъ. Семья у тебя есть — ну, извѣстно, заревутъ бабы, шибко заревутъ. Опять-таки и онѣ: поревутъ, поревутъ, — перестанутъ. — Это ужъ дѣло такое! Нѣтъ того на свѣтѣ горя, въ которомъ бы человѣкъ утѣшенія себѣ не могъ получить...

— Нѣтъ! какъ, братъ, ты хочешь, какъ ты тутъ ни вертись, а ужъ если народъ о человѣкѣ плачетъ, стало-быть человѣкъ дорогъ, стало-быть въ человѣкѣ этомъ мѣръ лишился товарища, а семья кормильца. Какъ ты себѣ ни ворочай дальше, а промыслы ваши глупо ведутся: попусту народъ теряется изъ-за лишняго пуда сала. У васъ семга есть, навага, звѣрь на Кедахъ, на припаяхъ лежить, добывать его въ это время безопасно....

— Да, вѣдь, звѣрь-отъ лежить мелкота больше. А что ты больно смерть-то охаялъ? Гдѣ она тебѣ, сказано въ писаніи, написана, то мѣсто ты и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь: вѣрно такъ!

Почти также разсуждаютъ и всѣ другіе поморы, которые, какъ и всѣ простые русскіе люди, соберутся міромъ на улицѣ, въ кабакъ. Услышать нерадостную вѣсть о гибели товарища, покачаютъ головами, покрутятъ плечами, перекрестятся, потолкуютъ:

— Вишь-ты, братцы, грѣхъ какой, божеское наказаніе!

— Жаль парня-то, крѣпко жаль. Ну-ко поди! Хорошій парень-отъ былъ, хорошій!

— Хорошій былъ, хорошій — это что говорить. Жаль парня, жаль!

— И что его, братцы, угодило такъ-то?

его овальная, окружность около 40 верстъ. На немъ текутъ двѣ рѣчки съ прѣсной водой, Золотуха и Рыбная, и стоятъ два озера также съ прѣсной водой. Лѣсъ не растетъ здѣсь; жилия нѣтъ, кромѣ смотрителя и прислуги при маякѣ, выстроенномъ между 1838 и 1841 годами. Въ серединѣ прошлаго столѣтія, когда Мезень вела заграничный торгъ лѣсомъ, жили на южномъ краю острова лоцмана по найму лѣсной компаніи. Лѣдъ показывается у береговъ Моржовца обыкновенно въ началѣ октября, бродячіе же торосы въ началѣ ноября, и тогда прекращается всякое сообщеніе острова съ материкомъ. Въ маѣ сообщеніе это опять начинается и производится обыкновенно чрезъ посредство казенныхъ судовъ, имѣющихся при маякѣ. Не принося никакой прямо положительной пользы, за бесплодьемъ и безлюдьемъ, островъ Моржовецъ весною служитъ спасительнымъ пристанищемъ для *весновальщиковъ*, которыхъ ежегодно, и не одинъ разъ, приносятъ сюда на льдинахъ.

— Да вотъ поди ты—угодило!

— Пошли-жъ ему, Господи, царство небесное!

Опять весь міръ деревенскій перекрестится, опять всѣ закачаютъ головами, начнутъ толковать о бездолии погибшаго парня, о тяжеломъ житіи у моря и на морскихъ промыслахъ и обо всемъ другомъ многомъ, да тутъ же и опросятъ другъ друга:

— А кто изъ васъ, братцы, на стрѣльню-то нонѣ собирается?

— Да вотъ: я, да дядя Никифоръ, дядя Михѣй, Кузька, Селифантей!...

— А когда, братцы, налаживаться станете?

— Да завтра-чай: что волочить дѣло по пустому! — отвѣтятъ въ одно слово и дядя Никифоръ, и дядя Михѣй, и Кузька и Селифантей.

Кто попалъ въ бѣду и кому приходится отсиживаться въ виду неизбѣжной смерти отъ голодовки, всѣхъ тѣхъ выручаютъ промысловыя избушки, неизбѣжно торчащія почти на всѣхъ островахъ Бѣлаго моря и во множествѣ разбросанныя въ удобныхъ и необходимыхъ пунктахъ, по берегамъ. Кромѣ сторожевой службы, эти утлыя строеньица служатъ другую, болѣе существенную и знаменательную.

Стоять эти избушки на курьихъ ножкахъ. Лажены онѣ изъ праховаго лѣсу, чтò пожалѣли и въ печь бросить; углы избушекъ обглоданы и распатаны; вѣнцы сплошь и рядомъ околочены заплатами, да и тѣ оторвались; вмѣсто печи — каменка, пазы погрѣло солнышко и вытрусилъ вѣтеръ,—пожалуй въ такой избежкѣ и не выпаришься, и тепло онѣ держатъ кое-какое. Не хороши избушки складомъ и видомъ,—хороши обычаемъ: не у всякой хозяйки есть; не надо стучаться и спрашиваться. Ихъ и не запираютъ. Въ тамошнихъ пустынныхъ и безлюдныхъ странахъ—это издавна такъ и дѣлается. Оставить тамъ лодку и при ней шесть: значить чужая и нужная—никто ее не уведетъ.

Строять эти избушки сосѣдніе крестьяне про себя, да отсидѣлись недѣль десять сами, закалились еще больше во всякой нуждѣ и терпѣніи, съѣхали домой—владѣй избушкой кто хочетъ. Дай Господи, чтобы повладѣлъ ею тотъ, кому приведется отсиживаться отъ морскихъ непогодъ, гибели и голодной смерти. Вотъ почему не видалъ я такихъ промысловыхъ избъ, гдѣ бы про бездомнаго, случайнаго человѣка не оставлено было запасовъ: кадочки соленой трески, ведерка съ солеными сельдями, соли на деревянномъ кружечкѣ и сѣтки съ поплавками половить свѣжей рыбки. Хранятся тутъ же всегда деревянный ножикъ, выдолбленная чурочка вмѣсто стакана, и проч. Вотъ и низенькія лавки, на которыхъ посидѣть можно, и нары—выспаться; вотъ и тябло — Богу помолиться. На одномъ я видѣлъ самодѣльную рамочку съ мѣднымъ створчатымъ образомъ.

На Колгуевѣ, на Новой землѣ, Шпицбергенѣ и т. д. такія убѣжища тоже построены давно, но кто ихъ строилъ и изъ какого лѣса



(привознаго съ берегу или выброшеннаго моремъ плавика)—никому неизвѣстно. Плавикъ здѣсь выручаетъ не меньше привозныхъ бревенъ изъ прибрежныхъ лѣсовъ. Рубятъ избы въ вѣнецъ, какъ и быть надо. Рядомъ съ тоненькимъ березовымъ бревешкомъ, которое умѣла подрѣзать въ половодьи льдина, ложится и лиственный брусъ, обтесанный для благородныхъ кораблей: честь всѣмъ одинакова. Стѣны мшатъ: мохъ подъ руками и къ тому-же такъ много, что кромѣ его почти нѣтъ другихъ травъ и цвѣтовъ. Устанутъ щипать мохъ въ пазы, кладутъ все, что попадется подъ руки: и морскую траву и крапиву. Я видывалъ и пеньку и клочки рогожки. Въ стѣнахъ прорубаютъ окна: одно маленькое—дыру, въ которую тянетъ изъ избы дымъ, другое съ задвижною доскою на манеръ волокового, третье—красное со стеклами. Переплетовъ не дѣлаютъ, а выходитъ такъ, что вся рама изъ осколковъ: одинъ отъ разбитой бутылки, другой отъ стакана; одно бѣлое, другое зеленое и всѣ эти осколки скрѣплены берестяными лентами (березка растетъ тамъ, извиваясь по землѣ змѣйкой и кутаясь во мху). А такъ какъ на такія рамы,—большой злодѣй вѣтеръ, то кое-гдѣ стеклянные верешки закрѣпляютъ гвоздевыми костыльками. Крыши не кладутъ; много и той чести, если насыплютъ на потолокъ земли, да набросаютъ камушковъ. Изъ камней же и печь складываютъ, то-есть, вѣрнѣе сказать не печь, а каменку. Если останется лѣсу, то сдѣлаютъ лавочки, но прежде всего тѣло для Божьяго милосердія.

Избушка готова: вставши во весь ростъ, я о потолокъ запачкалъ голову. На большія хоромы избушка не похожа, а на деревенскую баньку очень смахиваетъ.

— Приладились мы зимовать (подсказывалъ мнѣ одинъ Поморъ) и когда оглядѣлись, анъ въ самомъ-то главномъ у насъ недостаца. Все бы есть, а того нѣту. Забыли—согрѣшили, а взять негдѣ теперь. Былъ съ нами бывалый человѣкъ,—онъ смекнулъ, утѣшилъ всѣхъ да и позабавилъ мало-мальски. Вытесалъ онъ дощечку такую, гладенькую и чистенькую, взялъ ножъ и выцырапалъ имъ на той малой дощечкѣ святой крестъ на всѣ восемь концовъ. Помолился на него, поцѣловалъ, поставилъ на тѣло въ уголъ избы, опять помолился и обсказалъ:

— Вотъ вамъ, товарищи, и икона Спасу молиться. На такомъ-то честномъ крестѣ Господь терпѣлъ и намъ, грѣшнымъ, велѣлъ.

— Безъ Бога ни до порога!—отвѣтили ему мы на эти его слова всѣ за одинъ вздохъ и всѣ сразу.

Въ расчетъ на подобную избушку, какъ на защитницу и покровъ, плыло на океанскій островъ Шпицбергенъ русское промысловое судно, отправленное мезенскимъ богачемъ Окладниковымъ. Пловцы по глухимъ слухамъ давно знали, что такая-то избушка свезена на островъ и поставлена тамъ. Поэтому не потеряли надежды и не пришли въ отчаяніе, когда судно ихъ на ходу къ острову было затерто льдомъ.

Пристать было невозможно, но ледъ дѣлалъ мостъ, хотя опасный и ненадежный. По такой густой, но мелко ледяной кашѣ, какова шуга надо было умѣлымъ бѣжать на ламбахъ (въ лыжахъ къ ногамъ привязываются доски вродѣ полозьевъ; въ ламбахъ эти доски загибаются съ краевъ въ видѣ лодочекъ или корытцевъ).

Вызвались итти на островъ самые искусные и смѣлые: впереди всѣхъ самъ голова и воротило-кормщикъ, Алексѣй Хилковъ, а за нимъ три товарища: крестникъ его Иванъ Хилковъ, Степанъ Шараповъ и Ѳедоръ Вершинъ. Взяли они ружье, рогъ съ двѣнадцатью патронами, пороху, пули, топоръ, меленькій котелокъ, 20 фунтовъ муки, огниво, трутъ, ножикъ. До берегу добѣжали всѣ четверо цѣлыми и невредимыми. Отъ него въ четырехъ часахъ пути нашли внутри острова промысловую избушку. Смѣрили ее, оказалось въ длину шесть сажень, въ ширину три; въ углу стоитъ битая глиняная печка. Потолокъ успѣлъ прогнѣть, но его легко было починить — и сойдетъ избушка за гостиницу. Понравилась она такъ, что тутъ они и переночевали. На утро пошли къ морю повѣстить товарищей о радости и счастіи, сказать, что нашли то, чего искали. Выбѣжали на берегъ, посмотрѣли на море, ни льду, ни судна: гадай какъ хочешь, раздавилъ ли ледъ судно, или уволокъ его куда ему не хотѣлось, а бѣда все-таки виситъ на вороту. Спаслись на ламбахъ на глубокомъ морѣ, пришлось погибать на своихъ ногахъ на сухомъ берегу. Хуже бѣды не могло стрястись: и стыдно и обидно! Оставалось сдѣлать одно, — они и сдѣлали. Вернулись въ избушку, вычинили стѣны, промшили мхомъ заново, да и прожили въ ней 6 лѣтъ и 3 мѣсяца. Умеръ только одинъ, самый сырой и тучный. Трое ѣли мерзлую рыбу, отыскивали подо льдомъ ложечную траву, жевали ее сырую — и спаслись отъ цынги. Отъ голоду спасались мясомъ дикихъ оленей, птицы и рыбы. Птица, прилетающая сюда линять, обыкновенно такъ слабѣетъ, что ее били палками; рыбы было такъ много, что про свой обиходъ ловили простымъ мѣшкомъ. Заряды жалѣли и берегли на оленей, на мясо (потребляя въ теченіе 6-ти лѣтъ одно только мясо, они потомъ не могли ѣсть хлѣба). Разъ нашли они на берегу доски съ гвоздями и большой желѣзный крюкъ — осколокъ какого-то разбитого судна. Товарищи-отшельники устроили кузницу, выковавъ сперва камнемъ гранитнымъ — голышомъ на голышѣ же, изъ крюка молотокъ, потомъ молоткомъ, на томъ же голышѣ, изъ гвоздей сдѣлали копыя, насадили ихъ ремнями на ратовище изъ наноснаго лѣсу: стала рогатина. Съ ней и воевали. Воевать приходилось съ бѣлыми медвѣдями, то-есть, вѣрнѣе сказать, обороняться, такъ какъ звѣрь этотъ ихъ сильно обижалъ. Варили пищу, разводя огонь изъ того же плавнику, который собирали на берегу. Огонь вырубали огнивомъ на трутъ, а въ трутъ истлѣвало ихъ платье. Когда истлѣла и измызгалась привезенная съ берегу обувь, стали при-

снаравливать выдѣлывать мѣха и кожу отъ убитыхъ звѣрей. Вымачивали да оскабливали, сушили да вырѣзывали. Нужда выучила и платье шить, и сапоги точать: одинъ сталъ портнымъ, другому присовѣтовали быть сапожникомъ. Тянули да высушивали оленье жиры, какъ дѣлають самоѣды—выходили нитки, выбирали рыбы кости—вотъ и иголки. Надоѣло есть вареное и жареное мясо, — стали коптить и ѣсть копченое безъ хлѣба, который весь вышелъ, но съ солью, которую выпаривали изъ соленой морской воды, на желѣзномъ листѣ. Пили ключевую воду, которой много бьетъ повсюду между скалами и стекаетъ въ море маленькими ручейками. Когда стало прибѣгать много песцовъ и лисицъ—выдумали сдѣлать самострѣлы: нашли доску, нашли крѣпкіе и гибкіе еловые сучья, приладили къ нимъ доморощенный, но опытный глазъ. Съ самострѣломъ, съ желѣзнымъ крюкомъ и нѣсколькими гвоздями, они не только защищались отъ звѣрей, но и охотились на нихъ. Охота была не мудреная: выложить мясо на крышу — прибѣгутъ либо песецъ, либо лисичка. Въмѣсто часовъ, для счету времени и для счету въ темныя ночи, смастерили глиняную плошку. Стало протекать сало, плошку обожгли и облѣпили тѣстомъ. Въ шесть лѣтъ такъ наловчились ходить и бѣгать, что сдѣлались столь быстрыми на бѣгу, что могли состязаться съ скороходами.

Разъ пустынники выбѣжали на берегъ, дрова собирать, взглянули въ родимую сторону, а тамъ парусокъ заблѣлъ, словно заблудшій небесный посланецъ,—не иначе. Сложили дрова въ кучу—зажгли; на длинный шестъ повязали оленью шкуру. По огню и по флагу поняли съ корабля, что на острову живые люди. То было иностранное судно. Корабельщики спустили лодку, приняли отшельниковъ, за 80 руб. съ брата, доставили въ Архангельскъ, до котораго отъ Груманта, при попутномъ вѣтрѣ, дней 10—12 ходу. Весь длинный городъ ходилъ смотрѣть на груманскихъ схимниковъ толпами, какъ на диковинку и великое чудо. На одномъ диковинкой была шуба вродѣ мѣшка, вся изъ чернобурыхъ лисицъ, по петербургскимъ цѣнамъ тысячи на три; на другомъ—мѣшокъ изъ бѣлыхъ лисицъ, такъ же рѣдкостныхъ. Рассматривали вывезенныя ими драгоценности: 50 пудовъ оленьяго жиру, 200 оленьихъ кожъ, 10 шкуръ бѣлыхъ медвѣдей и очень много бѣлыхъ и синихъ лисицъ. За шесть лѣтъ рассказовъ на полгода, да радостей въ семьѣ, что и на сотни воевъ не свезешь. Въ то время, какъ они, одѣтые дикими, на лодкѣ входили въ рѣку Двину и въ городъ Архангельскъ, жена кормщика Алексѣя Хилкова шла по мосту. Увидавъ и узнавши отпѣтаго и оплаканнаго мужа, она на радостяхъ потеряла голову, заметалась и въ нетерпѣніи свидѣться съ нимъ поскорѣе и обнять его по крѣпче, забыла про мостовыя перила и бросилась съ мосту прямо въ воду. Ее, однако, успѣли спасти и приняли на подошвѣшную лодку.

Изъ ихъ разсказовъ оказалось, что самая великая бѣда заключалась въ морозѣ: вода замерзала даже въ избушкахъ, а глотанье снѣгу не только не утоляло жажды, но даже доводило ее до адской муки. Когда не было возможности, по скудости топлива, растопить ледъ,—предпочитали обходиться вовсе безъ питья. Ледяные куски дѣлались твердыми, какъ стекло. Льдомъ покрывалось все, что находилось въ избѣ, до послѣдней веревочки. Стоило пріотворить дверь, чтобы въ избѣ образовалось цѣлое облако удушливаго пара, и паръ этотъ, отъ щелей въ избѣ, всегда наполнялъ ее полумракомъ. Въ особенности докучны были мятели, которыя длились дней по десяти и засыпали избушку такъ, что во все это время изъ нее, черезъ двери, не было ни ходу, ни лазу. Когда стихали пурги, единственный выходъ изъ избушки—въ потолочное отверстіе, черезъ которое выходитъ дымъ. Дымъ въ такомъ заточеніи—неумолимый врагъ, потому что не всегда свободно выходить. Чѣмъ морознѣе становилось на дворѣ, тѣмъ непрогляднѣе въ избѣ; каменка при этомъ испускала пурпурово-красные пары, дыханіе человѣка походило на выстрѣлы изъ маленькаго пистолета. Припасы всѣ леденѣли. Кислая капуста замерзала на манеръ слюды, слоями; можно было разрубать ее только ломомъ. Одно масло да сало твердѣли слабѣе; ихъ раскалывали крѣпкимъ долотомъ. Мясо и солонина застывали крѣпкимъ камнемъ,—и топору они не давались. Дышать было очень пріятно, но высовывать языкъ далеко нельзя и при томъ, чѣмъ меньше приходилось говорить, тѣмъ было лучше. Мигнуть одинъ разъ стоило большого труда, голыя руки какъ-бы обваривало кипяткомъ и ножикъ въ карманѣ жегся какъ тлѣющій труть, и т. д.

III.

БЕРЕГА ЛѢТНІЙ И ОНЕЖСКІЙ.

Прощанье съ Архангельскомъ и выѣздъ оттуда. — Первыя впечатлѣнія моря. — Заблудившаяся стерлядь. — Солза. — Посадъ Ненокса; соляныя варницы; бѣломорская соль и способы ея добыванія. — Уна и Унскіе-Рога съ Пертоминскимъ монастыремъ и преданіями о Петрѣ Великомъ. — Селенія по Лѣтнему и Онежскому берегамъ. — Ловъ мелкой морской рыбы: наваги, камбалы, кѣрюхи. Ревякъ-Юнды. Продольники. — Островъ Жожгинъ. — Бѣлуха и промыселъ этого звѣря, по наблюденіямъ и разсказамъ. — Салотопенные заводы и способы выварки звѣринаго сала. — Городъ Онега; его исторія и первыя мои впечатлѣнія по пріѣздѣ туда. — Онсонскій лѣсной торгъ. Истребительная компанія. — Народное прозвище Онежанъ. — Безпутные. — Сильный Левъ Юрловъ. — Князья Долгорукія. — Суда романовки. — Крестной монастырь и Кій-островъ.

Архангельскій май 1856 года, противъ ожиданія, оказался совершенно весеннимъ мѣсяцемъ, хотя, конечно, въ своемъ родѣ: быстро зеленѣла трава, промытая вешней водой, быстро пробирались ручьи съ горъ въ овраги и низменности. Скоро затѣмъ посинѣлъ рѣчной ледъ, образовались полыньи, желтыя окраины; расплылась всюду мягкая, глубокая грязь. Вѣтеръ наносилъ весеннюю свѣжесть, чаще хмурилось небо дождевыми тучами. Утренники приходили къ концу, постепенно утрачивая силу своего холода; все, однимъ словомъ, обѣщало скорый ледоплавъ и возможность пуститься въ море. Вотъ два дня непрерывно лилъ дождь мелкій и частый, столько же времени крѣпились сильные порывистые вѣтры, и широкая, глубокая Сѣверная Двина, надтреснувшись во многихъ мѣстахъ и густо почернѣвшая на всемъ своемъ видимомъ Архангельску пространствѣ, наполнилась почти до краевъ—и начала вскрываться. Огромными кусками, иногда захватывающими больше половины рѣки, понеслась масса льду по направленію къ морю. Разъ остановилась она, спертая своимъ множествомъ, въ узкомъ Березовскомъ рукавѣ рѣки, и залила водою Соломбальское портовое селеніе до нижнихъ этажей его лачужекъ. Сутки стояла вода въ селеніи, потѣшая добродушныхъ обитателей карнавальскими играми въ карбасахъ и лодкахъ. Сутки же держался спершійся въ устьѣ ледъ, противясь напору новыхъ кусковъ, наносимыхъ горными вѣтрами. Наконецъ, ледъ прорвало и вся его масса прошла въ Бѣлое море, гдѣ придется ему или быть растертымъ въ мелкіе куски (шугу) морскими

торосами, или растаять въ массѣ морской воды и не дойти такимъ образомъ даже до Горла моря. Для города наступило время *мутницы*—той грязной, желтой, густой воды, которая, по крайней негодности къ употребленію, запасливыми хозяевами замѣняется водою, заготовленною раньше ледоплава.

Кончилась и мутница. Выжидалось появленіе грязно-чернаго льда изъ рѣки Пинеги. Провалилъ и этотъ ледъ, сопровождаемый густою грязною пѣной, успѣвши, по несчастію, разломать нѣсколько барокъ съ зерновымъ хлѣбомъ (по туземному — *съ сыню*). Наступилъ іюнь: городскія деревья усыпались свѣжимъ, мягкимъ листомъ; повсюдная зелень была въ глаза; солнце свѣтило весело, грѣло своей благодѣтельной теплотою и замѣтно обсушало весеңнюю грязь. Двина успѣла уже войти въ свои берега и кое-гдѣ просвѣчивала даже пескомъ у береговъ. Стали ходить положительные слухи, что и море очистилось. Мѣстное населеніе высыпало въ городской садъ, приучаясь отдыхать подъ обаяніемъ обновленной и просвѣтлѣвшей природы... И городъ Архангельскъ красовался уже позади меня, весь сбившійся ближе къ рѣкѣ, по которой колыхался почтовый карбасъ, обязанный доставить меня на первую станцію по онежскому тракту, откуда, какъ говорили, повезутъ уже въ телѣгѣ и на лошадахъ, и дадутъ наглазныи случай убѣдиться въ истинѣ присловья, что „во всей Онегѣ нѣтъ телѣги“ и достаточной вѣроятности факта, что тамъ въ былыя времена „лѣтомъ воеводу на саниахъ по городу возили, на рогахъ онучи сушили“.

Вправо передо мною, изъ-за зелени побережной ветлы, красиво серебрился шпигъ и отливалъ золотомъ крестъ, вѣнчавшій деревянную церковь Кегъ-острова. Прямо тянулась рѣка съ своей непроглядной далью, въ которой хранилось для меня, на тотъ разъ, все неизвѣстное, все—что такъ сильно волнуетъ и неудержимо влечетъ къ себѣ. Влѣво тянулся обрывистый черный берегъ тундры и за ней выглядывалъ лѣсъ, а изъ-за него еще какое-то село, еще какая-то деревушка, и опять та же Двина, ушедшая также въ непроглядную даль. Вѣтерокъ вѣялъ прохладой: гребцы мои наладили парусъ, убрали весла, запѣли пѣсню и разводили ее беззаботно-весело, разносисто-громко. Я обернулся на Архангельскъ не съ тѣмъ, чтобы, глубоко вздохнувъ, пожалѣть о разлукѣ съ нимъ на четыре мѣсяца, но чтобы просто посмотреть, такъ ли же хорошъ и онъ на своей рѣкѣ, какъ, на примѣръ, всѣ города приволжскіе. При повѣркѣ и дальнѣйшихъ соображеніяхъ, оказалось тоже, что и ландшафтъ Архангельска можетъ увлечь художника своей оригинальнію и картиннымъ мѣстоположеніемъ. Правда, что и здѣсь нашлось много чертъ общихъ со всѣми другими городами: также церкви занимали переднюю и бѣльшую часть плана; также церкви эти разнообразны были по своей архитектурѣ; также бѣлый цвѣтъ, смѣняясь желтымъ, рѣзче отдѣлялъ зелень садовъ и полисад-

никовъ; также, наконецъ, низенькій, новенькій деревянный домикъ стоялъ рядомъ съ большимъ двухъ-этажнымъ каменнымъ. На этотъ разъ разни́ца состоитъ въ томъ, что вся эта группа городскихъ строений тянется на трехверстномъ пространствѣ, замкнутомъ съ правой стороны монастыремъ Архангельскимъ, слѣва — соборомъ Соломболы. Въ серединѣ красиво разнообразяютъ весь ландшафтъ развалины такъ-называемаго нѣмецкаго двора, не разломаннаго до сихъ поръ за невозможностью пробить скипѣвшуюся известь, связующую крѣпкіе, окаменѣлые до гранитнаго свойства кирпичи новгородскаго дѣла. Но все это уходитъ постепенно вдаль и заволакивается туманомъ. Архангельскъ скрылся за Кегъ-островскимъ мысомъ съ одной стороны и тундристымъ, печальнаго вида берегомъ, съ другой. Потянулись берега справа и слѣва, кое-гдѣ лѣсистые, кое-гдѣ пустынные. Повсюдное безлюдье: ни человѣка, ни лошади не видать нигдѣ. Выглянетъ изъ-за противоположнаго мыса еще село, раскинется деревня, но и тамъ почти тоже безлюдье и таже тишина, которая для насъ нарушается только шумомъ воды на носу карбаса, да разъ только людскимъ говоромъ и крикомъ съ попутной соловецкой ладьи, обронившей паруса. Вѣтеръ стихъ; плыли греблей: шумѣла вода подъ веслами... Вотъ и все. Немного и дальше: въ станціонной избѣ, называемой Рикосихой, слѣпили глаза и не давали покоя мириады комаровъ, которые обсыпаютъ въ теченіе всего лѣта всѣ побережья рѣкъ, озеръ и архангельскаго моря. Тоже самое ожидало (и дѣйствительно встрѣтило) и на слѣдующей станціи въ Тѣборахъ. Невыносимо была въ грудь и спину избитая колеями и выломанная временемъ и употребленіемъ гать, служащая дорогой: постукивали по ней колеса, привскакивали на своихъ мѣстахъ и сѣдокъ, и ямщикъ, съ трудомъ собирая дыханіе; заматывались, по обыкновенію, лошади хохлатыя, разбитыя ногами, сытно ненакормленные, порядочно невыѣзжанные. Тѣже удовольствія представляли и на слѣдующей станціи и такъ далѣе — можетъ быть, вплоть до самаго города Онеги. Къ тому же ничто не развлекало вниманія; пустынность и непривѣтливость видовъ поразительно-сильно развивали тоску и апатію. Казалось, и конца нѣтъ этимъ мученіямъ; казалось, и не выдержать всѣхъ ихъ...

— Ну вотъ, твоя милость, все ты пытаешь спрашивать: гдѣ море, гдѣ море? на, вонъ тебѣ и море!

Ямщикъ показалъ кнутовищемъ въ дальнюю сторону разстилавшагося впереди насъ небосклона. Первый разъ въ жизни приводилось мнѣ видѣть море, быть подлѣ него. Я слѣшилъ посмотреть по направленію руки ямщика, но на первой разъ увидѣлъ немногое: тускло и непривѣтливо глядѣло, по обыкновенію, сѣренькое архангельское небо и хотя на немъ, на этотъ разъ, во всей своей яркости сіяло лѣтнее солнце, то солнце, которое въ описываемую пору скрывалось подъ

горизонтомъ на какіе-нибудь два-три часа, тѣмъ не менѣе близость моря почти была несомнѣнна. Въ воздухѣ чувствовалась та свѣжая, замѣтно крѣпкая, но пріятная прохлада, которая нѣсколько (но довольно слабо) можетъ напоминать ощущенія человѣка, вдругъ вышедшаго изъ густого смолистого лѣса, въ жаркую лѣтнюю пору, на берегъ большого болотистаго озера.

Рѣзкій, довольно свѣжій вѣтерокъ, *морянка*, время отъ времени (*духами*—какъ говорятъ здѣсь) начиналъ вѣять въ лицо и даже замѣтно разгонялъ мириады комаровъ, охотно кучившихся въ лѣсной духотѣ. Но моря я еще не видалъ. Бѣлесоватая, широкая полоса, плотно слившаяся съ небосклономъ, могла, впрочемъ, казаться дальнимъ краемъ морской воды, и это не подлежало уже ни малѣйшему сомнѣнію съ той поры, какъ на этой бѣлесоватой полосѣ далеко впереди показался бѣленькій парусокъ, словно вонзенный въ небо. Ближняя часть моря еще закрыта была отъ насъ сосѣднимъ перелѣскомъ: виднѣлся только парусокъ, полоса на горизонтѣ и—только. Ближе къ намъ все-таки продолжали еще тянуться длинные, густые ряды невысокихъ, плотно стоявшихъ одна отъ другой сосенъ и елей, въ перемежку съ необъятно-густыми, приземистыми и широкими кустами можжевельника. Ниже, по землѣ, у самой окраины дороги начиналось и тянулось въ лѣсную даль, черезъ кочки и мшины, безчисленное множество красныхъ кустовъ желтой морошки, находившейся, на этотъ разъ, въ полномъ цвѣту, и зеленѣли кусты цѣпкой вороницы, всегда разбрасывающей свои длинныя вѣтви по голымъ и сухимъ мѣстамъ, каковы здѣшніе камни и надводныя луды. Влѣво отъ насъ, неоглядно вдаль, краснѣло топкое болото, вплотную почти усыпанное той же морошкой и той же вороницей, кое-гдѣ со сверкающими на солнцѣ лужами (радами сурадками, подрядьемъ—по-здѣшнему,—пугами по-мезяски); кое-гдѣ по нимъ успѣли уже уцѣпиться мшины и даже объявилась чахлая лѣсная поросль, и—только.

Между тѣмъ мы спускались подъ гору; лѣсъ прекратился, и море во всей своей неоглядной ширинѣ лежало передъ нами, сверкающее отъ солнца, пустынное, безбрежное, на этотъ разъ, гладкое, какъ стекло. Сливаясь вдали съ горизонтомъ, оно обозначилось въ этомъ мѣстѣ густо черной, но узкой полосой, какъ бы свидѣтельствовавшей о томъ, что дальше ея глазъ человѣческій проникнуть уже не можетъ. Невозмутимая тишина по всей этой свѣтлой поверхности, не осмысленная ни единымъ знакомымъ признакомъ жизни, производила какое-то неисходное, тяжелое впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся крикомъ чаекъ. Онѣ то поднимались, то опускались на огромный камень, краснѣвшій далеко отъ берега. Страшилъ на ту пору и этотъ лѣсъ, который мрачно потянулся впередъ и назадъ по берегу, и эта пустыньность и одиночество вдали отъ селеній, вдали отъ людей, о-бокъ съ

громадною массою воды и дикою, дѣвственною природою. Сосредоточенное молчаніе ямщика еще болѣе усиливало безвыходность положенія. Визгъ чаекъ начиналъ становиться едва выносимымъ.

Спустившись подъ гору, мы подѣхали почти къ самой водѣ, направляясь по гладко-обмытому, какъ бы укатанному и еще мокрому песку. Чуть не на колеса телѣги начали плескаться волны, которыя съ шумомъ отпрядывали назадъ, подсѣкаясь на возвратномъ пути другими-новыми. Я заговорилъ съ ямщикомъ:

— Что же у васъ дорога-то тутъ и идетъ подлѣ самой воды?

— Дорога *юрой* пошла. Да вишь, теперь *куйна*, а по ней ѣхати завсегда выгоднѣй: и кони не заматываются, и твоей милости не обидно. *Горой*-то, мотри, всего бы обломало.

Своеобразная рѣчь ямщика не казалась мнѣ уже непонятною. Видимо, ѣхали мы подлѣ морской воды въ тотъ періодъ ея состоянія, когда отливъ унесъ ее вдаль отъ берега (въ голѣмъ), и продолжалось еще то время, когда полая (прибылая) вода не неслась еще приливомъ къ берегу. Черезъ 6, можетъ быть, даже черезъ 5-4 часа, то мѣсто, по которому мы ѣдемъ, на аршинъ покроется водой *. Давно также извѣстно мнѣ было, что для приморскаго жителя всѣ виды мѣстностей дѣлятся только на два рода: *море* и *юру*, и горой называетъ онъ высокій морской берегъ, и все, что дальше отъ моря, хотя бы тутъ не было не только горы, но даже и какого-либо признака холма, пригорка и проч.

Вѣроятно, поощренный моимъ вопросомъ, ямщикъ обратился ко мнѣ со своимъ замѣчаніемъ. Растопыривши свою пятерню противъ вѣтра, къ сторонѣ моря, онъ говорилъ:

— Вѣдь оно у насъ такъ-то никогда не живетъ, чтобы покойно стояло, какъ въ ведрѣ бы, примѣрно, али въ кадкѣ: все зыбитъ, все шевелится, все этотъ *колышень* въ немъ ходитъ, какъ вотъ и теперь бы взять. Нѣтъ ему такъ-то ни днемъ, ни ночью покою: изъ-вѣковъ ужъ знать такое, съ той самой поры, какъ Господь его Богъ въ нашей сторонукѣ проліялъ...

— А вотъ по осени у насъ падутъ вѣтра, ай!—какъ оно разгуляется! взводнишшо (волненіе) такой распустишь, что безъ нужды-то большой и не суются.

— И вотъ гляди, твоя милость! — продолжалъ онъ, все тѣмъ же поучительнымъ тономъ, какимъ началъ, указывая своей пятерней на разстилавшееся подъ нашими ногами море:—никакую дрянъ эту наше море въ себѣ не держитъ, все выкидываетъ вонъ изъ себя: всѣ эти бревна, щепы тамъ что ли—все на берегъ мечетъ. Чистоту блюдетъ!

* По наблюденіямъ г. Рейнеке, песокъ во время отлива осыхаетъ въ этихъ мѣстахъ на 30 сажень, а возвышеніе прилива доходитъ до 3½ футовъ.

Онъ показаль при этомъ на ряды сухихъ сучьевъ, досокъ и тому подобнаго, рядами сбитыхъ на прибрежный песокъ, по которому мы продолжали ѣхать все дальше влѣво.

Въ морѣ бѣлѣль новый парусъ: солнце освѣтило большое судно.

— Ладя идетъ, замѣтилъ я:—должно-быть, изъ Архангельска?

Ямщикъ быстро оглянулся, удивленнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня и спрашиваетъ:

— А ты почему это смекаешь?

— Да вѣтеръ дуетъ оттуда, а ладья бѣжитъ парусомъ...

— Такъ, воистину такъ: знаешь, стало-быть; а то возимъ и такихъ, что и не смекаютъ. Не спуста же ты съ Волги-то сказывался. —Архангельскіе поморы до того любопытны и подозрительны, что во всякой деревнѣ являются толпами и въ одиночку опрашивать всякаго: куда, зачѣмъ и откуда ѣдетъ, и всякою подробностью жизни новаго лица интересуются едвали не больше собственной. Въ этомъ поморскіе мужики похожи на великорусскихъ бабъ и нисколько на мужиковъ, почти всегда сосредоточенныхъ на личныхъ интересахъ и болѣе молчаливыхъ, чѣмъ любознательныхъ.

— А коли смекнулъ ты умомъ своимъ дѣло это, продолжалъ мой ямщикъ:—такъ я тебѣ и больше скажу. Ладья-то эта, надо-быть, первосолку рыбу-тресочку съ Мурмана привозила; опять, знать, туды побѣжала за новой! Ёдалъ-ли, твоя милость, свѣжую-то?

Получивши утвердительный отвѣтъ, ямщикъ продолжалъ:

— Больно, вѣдь, хороша она, свѣжая-то: сахарина, братецъ ты мой, словомъ сказать! Намъ такъ и мяса твоего не надо, коли тресочка есть —вѣрно слово! У васъ тамъ, въ Расеѣ-то, какая больше рыба живетъ, на Волгѣ-то на твоей?

— Стерлядь, осетрина, бѣлужина, судаки...

— Нѣтъ, мы про этихъ и слыхомъ не слыхали, не ведутся у насъ. Стерлядь-то вонъ, сказываютъ, годовъ съ пять показалась на Двинѣ *: такъ ѣдятъ господа, да не хвалятъ же. Треска, слышь, да

* Появленіе въ Двинѣ стерляди весьма вѣроподобно объясняютъ тѣмъ, что она зашла сюда изъ Шексны черезъ каналъ Александра Виртембергскаго и осталась въ рѣкѣ по закрытіи его. Тоже самое явленіе замѣчено еще въ г. Вычегдѣ (Вологодской губ.), гдѣ, въ рѣку его имени попали стерляди изъ Камы, черезъ Сѣверо-Екатерининскій каналъ. Прежде этой рыбы тамъ вовсе не было. „Жители, незнакомые съ этой рыбой (пишетъ въ своемъ Дневникѣ Вас. Ник. Латкинъ, напечатанномъ въ Зап. Геогр. Общ., кн. VII, 1853 г.), бросали ее, считая нечистою, но скоро поняли, что стерлядь лучше семги и принялись ловить ее сѣтями, чаще самоловами. Количество стерляди не уменьшалось, а увеличивалось съ году на годъ, такъ что въ послѣднее время налавливають ее много. часто весьма крупную, въ $\frac{3}{4}$ аршина и болѣе. Вѣроятно, мутныя воды Вычегды даютъ ей много питательныхъ веществъ: она быстро развелась въ этой рѣкѣ, поднявшись до самой ея вершины и по нѣкоторымъ притокамъ (въ р. Сысолѣ стерляди однако вовсе нѣтъ)“. Простой народъ (разсказываютъ въ

семга наша лучше! Нѣтъ, у насъ вашей рыбы нѣтъ: у насъ своя. Вонъ видишь колышки?

Ямщикъ при этомъ указалъ въ море. Тамъ торчали въ несмѣтномъ множествѣ надъ водою колья, подлѣ которыхъ качался карбасъ, стоящій на якорѣ; изъ за бортовъ суденка торчала человѣческая голова, накрытая теплой шапкой. Ямщикъ продолжалъ:

— Къ колышкамъ къ этимъ мы сѣти такія привязываемъ: камбала заходитъ туда, навага опять, кумжа; кое-кое въ рѣдкую и сельдь попадаетъ, сѣмужка—мать родная, барышная рыба! Да вонъ гляди: карбасокъ качается и голова торчитъ — это сторожъ. Какъ вотъ онъ запримѣтитъ, что заплыла рыба, толкнула сѣть, закачала *кибасы* (верхнія берестяныя трубочки, поплавки сѣти), онъ и взопитъ. Въ избушкѣ-то въ этой, что у горы, бабы спятъ. Услышатъ онѣ крикъ, придутъ, пособятъ вытащить сѣть, какая тамъ рыбина попадетъ—вынутъ.

— А мѣста-то вотъ эти, гдѣ мы камбалу ловимъ, *калегой* зовутъ, продолжалъ мой ямщикъ, видимо разговорившійся и желавшій высказать все по этому дѣлу. У насъ вѣдь, надо тебѣ говорить, на всякое слово свой отвѣтъ есть. Вотъ какъ бы это по твоему?

Онъ показалъ на побережье.

— Грязь, по моему, иль...

— По нашему—*няша*; по нашему, коли няша эта ноги человѣчье не подниметъ — *зыбунъ* будетъ. По чему давѣ ѣхали — *кечкарь*: песокъ-отъ. Коли камней много наворочено по кечкару, что и не вдогадъ проѣхать по нему—это *костмѣвой* берегъ. Такъ вотъ и у насъ. Въ Онегѣ будешь—тамъ это увидишь вчастую. Тамъ больно море не ладно, костливо!

— Вотъ это, продолжалъ онъ опять: — что вода осталась отъ полой воды, лужи — *залѣщины*. Такъ и знай! Ну да ладно же, постой!

Холмогорахъ) считалъ ее также *поганую* рыбою, и потому за безцѣнокъ продавалъ любителямъ изъ чиновничьяго и купеческаго люда въ Архангельскѣ. Теперь, впрочемъ, и простонародье нашло въ ней вкусъ и цѣна на рыбу поднялась до 2 рублей серебромъ, за самую, впрочемъ, крупную (въ Усть-Сысольскѣ, въ первое время она, живая, стоила отъ 3 до 5 коп. за фунтъ). Мнѣ передавалъ за достовѣрное, какъ самовидецъ, холмогорскій исправникъ, что въ с. Лявли, крестьяне позвали священника, заказали молебень, просили кропить св. водой чудище, которое, можетъ, послано Божьимъ произволеніемъ на гибель всей прочей рыбы. А что эта за рыба?—чешуи на ней нѣтъ, безъ шубы, какая же рыба не живетъ, нѣтъ таки что это у ней за бляхи на спинѣ, и что это за поганое рыло? Отойди отъ насъ всякая нечистота! Спаси Господи и помилуй отъ всякаго дьявольскаго навожденія! „Въ настоящее время дошло уже до того, что объявленія столичныхъ рыбныхъ лавокъ хвастливо зазываютъ покупателей на „двинскую стерлядь“, очень маловкусную. Въ Архангельскѣ, на моихъ глазахъ, за ужиномъ съѣли всю разварную семгу, а отъ стерляди какой-то любознательный урвалъ одинъ лишь кусокъ, очевидно, на пробу.

Онъ замолчалъ, пристально всматриваясь въ море. Долго смотрѣлъ онъ туда, потомъ обернулся ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— А вѣдь про лодью-то про эту я тебѣ давѣ совралъ: лодья-то вѣдь соловецкая! Не треску, а, знать, богомольцевъ повезла.

— Почему же ты такъ думаешь?

— Да гляди: на передней мачтѣ у ней словно звѣздочка горитъ. У нихъ навсегда на передней мачтѣ крестъ живетъ мѣдный; поближе бы стала, и надпись бы на кормѣ распозналъ. Онѣ, вѣдь, у нихъ... лодьи-то росписныя такія бываютъ. Поэтому и вызнаемъ ихъ. И лодьѣ ихней всякой имя живетъ, какъ бы человѣку примѣрно: Зосима бы тебѣ, Саватій, Александръ Невскій.

Между тѣмъ волны начали плескаться на песокъ замѣтно чаще и шумливѣе; въ лицо понесъ значительно свѣжій вѣтеръ (NO), называемый здѣсь полуношникомъ. Ладья обронила паруса. Небо, впрочемъ, по прежнему оставалось чисто и ясно. Поверхность моря уже замѣтно рябило волнами. Ямщикъ мой не выдержалъ:

— Вотъ, вѣдь, правду я тебѣ давѣ сказалъ: нѣтъ въ нашемъ морѣ покою. Завсе да падеть какой ни-есть вѣтеръ, вонъ и теперь на голомянной (морской) смѣнился.

При этихъ словахъ онъ повернулъ лицо на сторону вѣтра и, не медля ни минуты, опять замѣтилъ:

— Межникъ отъ полуношника ко востоку (ONO); ко востоку-то ближе: вотъ какой теперь вѣтеръ заводится. Пойдетъ теперь взводень, гулять отъ этого отъ вѣтра, всегда ужъ такой, изъ вѣковъ!

Едва понятная, по множеству провинциализмовъ, рѣчь моего собесѣдника была для меня еще не такъ темна и запутанна, какъ темна, напримѣръ, рѣчь дальнихъ поморовъ. На нарѣчіе ямщика видимо вліяли еще близость губернскаго города и нѣкоторое общеніе съ проѣзжающими. Въ дальнемъ же Поморѣ, особенно въ мѣстахъ удаленныхъ отъ городовъ, мнѣ не разъ приходилось становиться въ тупикъ, слыша на родномъ языкѣ, отъ русскаго же человѣка, непонятныя рѣчи. Прислушиваясь въ послѣдствіи къ языку поморовъ, на ряду съ корельскими и древними славянскими, я попадалъ и на такія слова, которыя изумительны были по своему мѣтко вѣрному сочиненію. Таково, напримѣръ, слово *нежить*, заключающее собирательное понятіе о всякомъ духѣ народнаго суевѣрія: водяномъ, домовомъ, лѣшемъ, русалкѣ, обо всемъ, какъ бы *неживущемъ* человѣческою жизнію. Много находилъ я словъ, которыя, кажется, удобно могли бы замѣнить вкоренившіяся у насъ иноземныя; напримѣръ: *махѣвки*—флюгеръ, *перѣшва*—бимсъ, брусъ для палубной настилки, *возка*—транспортъ, *голома*—морская даль, *дрогъ*—фаль для подъема реи, *красная бетъ*—полный бейдевиндъ, *бѣтатъ*—лабировать, *приказенье*—люкъ, *упруца*—шпангоутъ и проч., и проч. Правда, что въ то же время попадаются и

такія слова, каковы, напрымѣръ: *лемѣха*—подводная отмель, *падѣра*— бурная погода съ дождемъ, *алажъ*—мѣсто на суднѣ, усыпанное пескомъ и замѣняющее печь, *уйна*—бутка на холмогорскомъ карбасѣ... Но объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

— Что это тебя охмарило, твоя милость?—снова заговорилъ мой ямщикъ.

— Что ты говоришь?—спросилъ я.

— Да, вишь, тебя словно схитилъ кто, осерчалъ, что-ли?

— Задумался.

— То-то. А я думалъ, не отъ меня ли молъ?

— А что, землякъ?—началъ я, чтобы поддержать снова завязавшійся разговоръ между нами.

— Чего твоей милости надо: спрашивай!

— Неужели у васъ только на морѣ и промыселъ?

— У насъ-то?

— Да.

— Не всѣ у моря; въ городъ ходятъ; на конторахъ тамъ живутъ; суда опять чинятъ...

— Да, вѣдь, вы и хлѣбъ, кажется, сѣете?

— Какъ же! треть ржи высѣваемъ, двѣ трети жита (ячменя). Да что ты захотѣлъ отъ нашего хлѣба? Только, вѣдь, слава-то, что сѣемъ, себя надуваемъ, а гляди, все казенной ѣдимъ: своего не хватаетъ. Вонъ лѣта-то наши, видишь, какія у насъ: все холода стоятъ. Гдѣ ему тутъ хлѣбушку уродиться? Не уродиться ему, коли и хорошее лѣто задастся. Вотъ и посѣемъ, и надежду на это большую положимъ, и ждемъ, и въ радость приходимъ: взойдетъ наше жито, и сѣмя нальется. А тамъ, гляди, изъ каждой мшины и пошелъ словно паръ туманомъ: все и прохватитъ и позябнетъ твой хлѣбъ—твой труды. Изъ чего тутъ биться, къ какому концу приведешь себя?—ни къ какому. Вѣрь ты слову!

— Вонъ, коли хочешь, поле-то наше, все оно тутъ налицо!—продолжалъ ямщикъ, опять указывая на море. Это поле и пахать не надо: само, безъ тебя, рожаетъ. Вонъ откуда мы хлѣбушко-то свое добываемъ, и не обижаетъ, ей Богу! Поведешь съ нимъ дѣло, безъ лишвы не выйдешь изъ него, ей Богу!..

Мы повернули въ гору. Вода значительно прибывала, чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Волны морскія становились круче и отдавали глухимъ шумомъ, который такъ увлекателенъ былъ во всемъ этомъ безлюдьи. Есть гдѣ было разгуляться и этому морю, и этому шуму, изъ-за котораго не слышать уже было ни чаекъ, не видать уже было лады, ни сторожевыхъ карбасовъ. Мы ѣхали недолго и, стало быть, немного, когда подъ нашими ногами, подъ горой, раскинулась неширокая рѣка Сдлаза, а по другую сторону—небольшое селеніе того

же имени, съ деревянною церковью. Надо было переѣзжать на карбасѣ и тащить свои вещи пѣшкомъ съ полверсты, для того, чтобы взять новыхъ лошадей и повѣрить личными разспросами ту поговорку, которая ходитъ про сѣлзянъ, и по смыслу который, будто они, выходя на морской берегъ, къ устью рѣки своей, и видя идущую моремъ ладью, говорятъ на вѣтеръ: „Разбей Богъ лѣдью—накорми Богъ Сѣлзу“. Настоящій же смыслъ этого присловья оказался таковъ, что Сѣлза, находясь въ довольно значительномъ удаленіи отъ моря, на рѣкѣ, въ которую только осенью (и то въ небольшомъ количествѣ) заходитъ сѣмга, живетъ бѣдно, живетъ почти исключительно, можно сказать, случайностями: или тою же починкою разбившейся о ближайшій, богатый частыми и значительными по величинѣ песчаными мелями, морской берегъ, или ловлею морского звѣря—*бѣлуги*, которая только годами заходитъ сюда. Хлѣбопашество въ Сѣлзѣ также незначительно, по бесплодію почвы и суровости полярнаго климата, и вообще деревушка эта, и при наглазномъ осмотрѣ, гораздо бѣднѣе многихъ другихъ.

Также незначительно хлѣбопашество и въ слѣдующемъ поморскомъ селеніи Неноксѣ; но посадъ этотъ несравненно богаче и многолюднѣе Сѣлзы. Не говоря уже о томъ, что Ненокскій посадъ, вслѣдствіе какой-то случайности, разбитъ на правильные участки, съ широкими прямыми улицами, самые дома его глядятъ какъ-то весело своими двумя этажами. Въ немъ двѣ церкви, изъ-за которыхъ синѣетъ узкая полоса моря, удаленнаго отъ посада, прямымъ путемъ, на шесть верстъ. По улицамъ бродитъ пропасть коровъ, овецъ, лошадей; попадаетъ, противъ ожиданія, много мужиковъ и не въ рваныхъ лохмотьяхъ, какъ въ Сѣлзѣ. Видимо, живутъ они зажиточно и живутъ большею частію дома, не имѣя нужды отходить отъ него. Множество какихъ-то длинныхъ, мрачныхъ съ виду избъ, попадавшихся миѣ на дальнѣйшемъ пути по берегу изъ Неноксы въ Сюзъму и оказавшихся соляными варницами, принадлежатъ посадскимъ. Въ этомъ исключительномъ занятіи вываркою изъ морской воды соли ненокшане находятъ средства къ замѣчательно безбѣдному существованію. Всѣхъ соловаренныхъ заводовъ по побережьямъ Бѣлаго моря насчитывали до 10-ти. Кромѣ того, 12 соляныхъ колодцевъ принадлежали къ варницамъ посада Неноксы. Соль, вывариваемая здѣсь, называется *ключевкой*, тогда какъ соль, добываемая на дальнихъ варницахъ Лѣтнаго берега, на примѣръ въ Красномъ селѣ, называется *моряной*. Дѣло выварки соли производится такимъ образомъ: къ *чрену*—огромному желѣзному ящику, утвержденному на желѣзныхъ же полосахъ снизу и на четырехъ столбахъ по сторонамъ—прокапываютъ отъ моря канаву или проводятъ трубы. Канавой этой или трубами протекаетъ морская вода (разсолъ) и наполняетъ чанъ до верху. Снизу подкладываютъ

огонь и нагрѣваютъ разсолъ этотъ до состоянія кипѣнія и испаренія; затѣмъ накипѣвшую грязь снимаютъ сверху лопаткой, а оставшуюся на днѣ чрена массу (по прекращеніи водяныхъ испареній) выгребаютъ и сушатъ на воздухѣ. При этомъ на каждый пудъ соли идетъ 1 сажень дровъ. Касательно крѣпости морского разсола замѣчаютъ туземцы слѣдующее: разсолъ у Красной горы на 3 процента сильнѣе разсола сосѣднихъ варницъ, въ срединѣ моря на 4 процента, у Св. Носа уже на 5 процентовъ. Но и во всѣхъ этихъ случаяхъ крѣпость разсола зависитъ также отъ временъ года. Такъ, напримѣръ, весною разсолъ у Красной горы двинскою водою такъ бываетъ разжиженъ, что выварку соли должны бывають пріостанавливать на апрѣль и май мѣсяцы. При этомъ замѣчаютъ также то естественное явленіе, что въ тихую погоду вывариваемая соль чище, при вѣтрахъ выдѣляется окончательно грязная, а при продолжительно тихихъ погодахъ и солнечномъ сіяніи она кристаллизуется сама собою на прибрежныхъ камняхъ и лудахъ.

Въ осенней ловлѣ сѣмги и другой мелкой морской рыбы Ненокшане ищутъ только простаго средства прокормить самихъ себя и семьи свои некупленной пищей. Правда, что дѣло выварки соли ведется—во имя русскаго авось, небось, да какъ-нибудь—небрежно. Разсолъ, проходя черезъ грязныя, никогда не вычищаемыя трубы, даетъ соль какого-то грязнаго, чернаго вида съ известковымъ отложеніемъ и другими негодными къ употребленію примѣсями. Правда, что эта соль даже и вкусомъ своимъ, отдающимъ какою-то горечью, не выполняетъ главнаго своего назначенія и не заключаетъ необходимаго характеристическаго свойства—солености, и, во всякомъ случаѣ, неизмѣримо отошла достоинствомъ отъ норвежской и французской соли, вывозимой поморами изъ-за границы (черезъ Норвегію) беспошлинно. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить себѣ то, что по берегу Бѣлаго моря много уже солосваренъ прекратили свои работы и что поморы рѣшительно не пускаютъ въ дѣло, при соленіи рыбы, свою соль, ограничивая ея употребленіе только за домашнею трапезою въ приваркѣ и въ другихъ прѣсныхъ блюдахъ. Между тѣмъ разсолъ морской воды по всему Лѣтнему берегу до того основателенъ, что даетъ возможность къ существованію, до настоящаго времени, въ слѣдующемъ за Неноксой небольшомъ селеніи—Сюзьмѣ, морскихъ купаленъ. Онѣ давно и положительно облегчаютъ страданія многимъ архангелогородцамъ, выѣзжающимъ сюда, по лѣтамъ, на дачи. Точно также мелькнули и мимо меня городскія шляпки, зонтики, пастушескія шляпы съ широкими полями и трости, въ мой проѣздъ черезъ это селеніе, какъ мелькали они и въ 1831 году, когда начались сюда изъ Архангельска первые выѣзды больныхъ для морскихъ купаній.

Тѣ же задымленные, старые саловаренные сараи, пропитанные копотью, смрадомъ и сыростью, попадаютъ за Сюзьмой: въ Красной горѣ и въ Унскомъ посадѣ. Тѣ же слышатся рассказы о томъ, что и здѣсь ловятъ, по осенямъ, въ переметы сѣмгу; что въ невода охотно попадаетъ и навага и кумжа; что также у берега выстають бѣлуги, но что не ловятъ ихъ за неимѣніемъ неводовъ, которые дорого стоятъ. Невода эти архангельскіе барышники и готовы бы уступать на прокатъ, но только за невѣроятную дорогую процентную сумму, отъ которой-де легче въ петлю лѣзть, чѣмъ класть обузой на свои доморощенныя, некупленные плечи. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ, по осенямъ, идетъ и сельдь, но въ весьма незначительномъ количествѣ, сравнительно съ кемскимъ поморьемъ. Тѣ же двухъ-этажные дома, тѣ же деревянные церкви, или, вмѣсто нихъ, такія же часовни мелькають въ каждомъ селеніи; тѣмъ же безлюдьемъ поражаютъ побережья моря; тѣ же, наконецъ, кѣлушки торчатъ въ водѣ у берега и качается на волнѣ карбасъ со сторожемъ. Разницы въ способахъ веденія промысловъ между всѣми этими селеніями нѣтъ никакой, кромѣ, можетъ быть, того только, что въ Унѣ (посадѣ) обыватели ходятъ также и въ лѣсъ за лѣсной птицей, по примѣру слѣдующихъ деревень къ городу Онегѣ, на значительное уже разстояніе удаленныхъ отъ моря, каковы: Нижм-озеро, Кянда, Тамица, Покровское и другія. На 20, на 30 верстѣ удалены селенія одно отъ другого и только, по двѣ, много по три, часто пустыхъ промысловыхъ избушекъ напоминають, на всѣхъ этихъ перегонахъ между приморскими деревнями, о близости жизни, труда и разумныхъ существъ. Чѣмъ-то необычайно-пріятнымъ, какъ будто какою-то наградою за долгія мученія, кажется, послѣ cadaго перѣзда, любое изъ селеній, въ которое ввезутъ наконецъ съ великимъ трудомъ передвигающія ноги почтовые лошаденки. Тоже точно испытывается и въ слѣдующихъ за Сюзьмой селеніяхъ, въ деревнѣ Красной горѣ и въ посадѣ Унскомъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Уны, съ крайней и послѣдней къ морю горы, можно (съ трудомъ впрочемъ) усмотрѣть небольшой край дальней губы, носящей имя сосѣдняго посада. Губа эта памятна русской исторіи тѣмъ, что судьба указала ей завидную долю принять на свои тихія воды, защищенные узкимъ проходомъ (*рогами*) отъ морского вѣтра, ту ладью, которая въ 1683 году едва не разбилась, въ страшную бурю 2-го іюня, о подводныя мели и едва не потопила вмѣстѣ съ собою надежду Россіи—Великаго Петра. Западный мысъ или рогъ, называемый *яремскимъ* (ниже сосѣдняго красногорскаго), покрытъ березнякомъ и держитъ передъ собою песчаную осыпь, которая въ ковшѣ губы, на низменномъ побережьи, покрыта дугами, а дальше по горѣ—лѣсомъ и пашнями. Красногорскій рогъ покрытый соснякомъ и возвышающійся надъ водою на 11 слишкомъ

сажень, закрывает со стороны моря небольшой, бѣдный иноками и средствами къ жизни заштатный монастырь *Пертоминскій* и двѣ деревушки съ саловарнями.

Въ Пертоминскомъ монастырѣ разскажутъ, что основаніе ему положено при царѣ Грозномъ (1599 года), сергіевскимъ старцемъ Мамантомъ, въ часовнѣ, выстроенной надъ тѣлами утонувшихъ въ морѣ соловецкихъ монаховъ Вассіана и Іоны и выкинутыхъ здѣсь на берегъ; что въ 1604 году іеромонахъ Ефремъ выстроилъ церковь Преображенія, ходилъ въ Вологду за антиминомъ, на пути былъ ограбленъ и убитъ литовскими людьми; и что, наконецъ, только въ 1637 году удалось кончить дѣло строенія монастыря понойскому іеромонаху Іакову, построившему вторую церковь Успенія и собравшему людное братство. Разскажутъ, что Петръ I, съ бывшимъ при немъ архіереемъ Аѳанасіемъ свидѣтельствовалъ мощи основателей, а найдя кости на одного праведнаго, самъ ихъ запечаталъ, однако-жъ велѣлъ преподобнымъ составить и издать службу. Покажутъ также, что время основанія церкви каменной относится къ 1685 году, и прибавятъ ко всему этому то, что немногочисленность братіи въ настоящее время зависитъ отъ крайняго удаленія монастыря въ сторону отъ большой дороги. Питаются они промысломъ рыбы и подаваніемъ отъ богомольцевъ, изрѣдка заходившихъ сюда по пути въ монастырь Соловецкій, но съ тѣхъ поръ, какъ завелись пароходы, весь народъ проѣзжаетъ мимо. Впрочемъ и въ счастливое время этотъ монастырекъ, со скотнымъ дворомъ и другими хозяйственными постройками, болѣе походилъ на большую ферму, чѣмъ на иноческую обитель, будучи даже огороженъ однимъ палисадомъ. Благодаря спасенію своему, Петръ I приказалъ построить каменные кельи и эту ограду съ угловою башнею, отъ которыхъ теперъ и слѣда не осталось. Разсказываютъ, что и монахи лѣнны были молиться, говоря приходящимъ богомольцамъ:

— Мы только такъ позвонили, а за насъ ангелы молятся на небесахъ.

Въ голодный 1867 годъ монастырь помогалъ поморамъ, которые приходили сюда (даже изъ-за 35 верстъ, какъ изъ Сюзьмы), чтобы принять ломоть хлѣба и отнести его къ страдающей семьѣ. Монахи съ нанятыми рабочими сѣютъ ячмень и рожь (урожай самъ—4) и сажаютъ овощи (даже огурцы въ парникахъ). Въ монахахъ все больше люди дряхлые, ни къ какой работѣ неспособные, и въ бесплатныхъ рабочихъ—обѣтны. Одинъ былъ человѣкомъ достаточнымъ: накупилъ рябчиковъ, повезъ въ Петербургъ и на дорогѣ загнилъ товаръ. Вскорѣ судно его потонуло въ Мстѣ, а затѣмъ обанкрутился въ 7 тыс. руб. кредиторъ его въ Норвегіи. Бѣднякъ удалился въ эту пустынь и сдѣлался въ ней послушникомъ.

Слѣдующія по Лѣтнему берегу селенія — Яренга и Лѣпшенга — выстроены на песчаномъ берегу и оба имѣютъ по одной церкви, около

50 домовъ и по сту обывателей. Яренгская церковь выстроена надъ тѣлами св. Іоанна и Логина, также утонувшихъ въ морѣ, вблизи Яренги, во времена царствованія Θεодора Ивановича, около 7102 (1594 года). Съ сѣвера отъ Лапшенги берегъ къ деревнѣ Дураковой значительно возвышается. Выступаютъ изъ-за прибрежьевъ лѣсистые холмы, извѣстные подъ названіемъ *Лѣтнихъ горъ*, поднявшихся надъ моремъ отъ 30 до 50 сажень. Однако, общій видъ берега безотраденъ: тускло горятъ, во всегдашней мрачности воздуха бѣломорскихъ прибрежьевъ, сельскіе кресты и главы, хотя солнце и благопріятствуетъ лучшему явленію. Сѣренькими кучками кажутся изъ морской дали дома деревень этихъ. За ними мрачно чернѣтъ лѣсъ, раскинутый по горамъ, и страшно глядятъ зубья и щели прибрежнаго гранита, за который цѣпляется весь этотъ соснякъ и ельникъ. За маленькой бѣдной деревней Дураковой къ Ухтѣ-Наволоку берегъ становится до того *костливымъ*, или каменистымъ, что кажется цѣлой стѣной, огромной полѣницей набросанныхъ одинъ на другой кругляковъ. Къ тѣмъ изъ нихъ, которые поднимаются водой, прицѣпилось несмѣтное множество маленькихъ, бѣлаго цвѣта раковинокъ, въ которыхъ, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и приливовъ воды, развиваются морскія улитки. Видится тура, или морская капуста. Обхвативши листьями своими, блѣдно-зеленаго цвѣта, прибрежный камень, тура плаваетъ на поверхности воды, не отходя далеко отъ мѣста своего прикрѣпленія и поддерживается въ этомъ пловучемъ положеніи тѣми шариками, которые замѣняли здѣсь, вѣроятно, и цвѣтъ и плодъ, и которые сильно щелкали и подъ ногами и въ рукахъ отъ нажиманья.

Ловъ мелкой рыбы по всему Лѣтнему берегу производится въ слѣдующихъ родахъ этихъ рыбъ и по слѣдующимъ способамъ. Первое мѣсто здѣсь, по болѣе значительному улову, принадлежитъ *навага*, величиною не превосходящей двухъ четвертей (*gadus callarias*). Наружнымъ видомъ, по отсутствію чешуи или клѣска, навага похожа на налима и треску. Съ послѣднею она имѣетъ еще то поразительное сходство, что также кровожадна, если не больше, и также питается рыбою, меньшею ея по величинѣ. Въ концѣ октября или въ началѣ ноября навага бываетъ самая крупная по той причинѣ, что въ это время въ устьяхъ приморскихъ рѣкъ мечетъ свою мелкозернистую икру, годную въ употребленіе только въ свѣже-просольномъ видѣ. Привозимая въ Архангельскъ мороженою, она доставляетъ дешевую и вкусную пищу для тамошняго бѣднаго простаго народа.

Способъ ловли рыбы прямо основывается на исключительномъ свойствѣ ея—кровожадности. Онъ состоитъ въ томъ, что къ лескѣ уды привязывается кусочекъ свинцу, длиною въ четверть, а къ нему, на ниточкахъ, уже и самая наживка. Это иногда куски той же наваги. Алчная рыба, не замѣчая того, хватается за наживку тотчасъ, какъ

только замѣтитъ ее въ водѣ и такъ плотно присасывается своимъ круглымъ, огромнымъ ртомъ все дальше и больше, что потомъ приходится отбивать ее объ ледъ, или отдирать руками съ значительно сильнымъ напряженіемъ. Нерѣдко вытаскивали на наживкѣ нѣсколькихъ навагъ, ухватившихся зубами одна за хвостъ другой. Такъ ловятъ навагу по осенямъ въ Мезени въ прорубяхъ, и замѣчаютъ притомъ, что рыба не хватается наживки въ то время, когда мечетъ икру, и потомъ съ весны присасывается также алчно, какъ и осенью. За достовѣрное также разсказываютъ тамъ, что навага у одного клюетъ необыкновенно охотно, у другого лѣнливо и даже совсѣмъ не беретъ наживки, хотя рыбакамъ приходится сидѣть рядомъ у одной и той же проруби, и хотя не разъ приводилось имъ мѣняться удами. Извѣстно также, что, употребленная въ пищу, рыба эта надолго оставляетъ во рту свой непріятный характеристическій запахъ, какого не замѣчается при употребленіи другихъ бѣломорскихъ рыбъ.

Кѣрюха (*salmo eperlanus* или *osmerus eperlam-marinus*) также въ значительномъ количествѣ идущая къ Лѣтнему берегу Бѣлаго моря, доставляетъ туземцамъ значительный продуктъ для сбыта на архангельскомъ рынкѣ. Рыба эта одной и той же породы съ корюшкой, которая ловится въ Невѣ и Ладожскомъ озерѣ, съ тою только разницею, что изъ моря заходитъ въ рѣки не на значительныя пространства и что вкусомъ своимъ она мягче, хотя и меньше тѣломъ и не обладаетъ тѣмъ непріятнымъ запахомъ, который поразителенъ въ петербургской корюшкѣ. Продается она простому народу въ „Городѣ“ по зимамъ мороженою, а по лѣтамъ или сушеною въ печяхъ, или вяленую на солнцѣ.

Камбала (изъ *pleuronectes* именно *cynoglossus*) — менѣе жирная, чѣмъ рижская, но той же палтусинной породы, только гораздо меньшая ростомъ (палтусъ бываетъ вѣсомъ отъ 7 фунт. до 10 пудовъ; камбала самая крупная $\frac{1}{2}$ аршина длины и самая мелкая 3 и 4 вершка). Крутое и бѣлое мясо ея бываетъ лучше вкусомъ весною и лѣтомъ, когда рыба эта любитъ зарываться въ тинистыя, иловатыя мѣста при устьяхъ приморскихъ рѣкъ. Отливъ несетъ ее всегда въ море, приливъ приноситъ ее за собою иногда въ несмѣтномъ количествѣ. Плаваетъ она необыкновенно быстро, при чемъ оба глаза ея обращены кверху и самая рыба лежитъ и плаваетъ обыкновенно такъ, что черная спина ея обращена къ поверхности воды плашмя. Кособокая рыба устроена такъ, что кажется какъ будто раздавленною, и вся она странная, все у ней не на своемъ мѣстѣ: голова прикрѣплена съ боку, спинной плавникъ охватываетъ всю спину, у иныхъ кривой ротъ, и у всѣхъ одна сторона тѣла темная, другая свѣтлѣе. На темной сидятъ рядомъ оба глаза въ чрезвычайно близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Оборотясь этой стороною кверху, она спокойно лежитъ въ илѣ,

не отличаясь отъ грунта и обманывая тѣмъ безпечно плывущую добычу. У ней нѣтъ плавательнаго пузыря, а потому и предпочитаетъ лежать и если выдумаетъ подняться на поверхность воды, то также плоско лежить на волнахъ,—и онѣ уже несутъ ее, а не сама она плыветъ. Испугъ ее пріободряетъ,—тогда она, какъ молнія, стремится недолго въ прямомъ направленіи и снова принявши привычное плоское положеніе, опускается въ любимый иль. Особенно много этой рыбы въ рѣкѣ Онегѣ и въ болѣе значительныхъ рѣкахъ Лѣтнаго берега и въ рр. Тамицѣ и Ухтѣ—Онежскаго. Идетъ она, большею частію, на мѣстное потребленіе, но въ незначительномъ числѣ и въ вяленомъ видѣ отпускается на продажу. Камбалъ ловятъ на такъ называемые *продольники*—тоненькія веревки (сажень 15—20 дл.), къ которымъ на каждомъ почти полуаршинѣ привязаны на ниткахъ крючки. Нитки эти носятъ названіе *подлъски*; крючки ихъ желѣзные. Продольники укрѣпляются на днѣ двумя якорями (каменными); крючки наживляются мелкими морскими червями, которыхъ выкапываютъ изъ морского песку.

Менѣе прочихъ распространенная въ бѣломорскихъ водахъ рыба *кумжа* (тоже, что *форель*—*salmo trutta* или *sundschas*, она же крѣшица) болѣе всѣхъ предыдущихъ рыбныхъ породъ, любитъ ходить изъ моря далеко въ рѣки и даже озера (каковы, напримѣръ, дальнѣйшія отъ моря: лопарское Имандра и корельское Тѣпозеро). Клѣскъ этой рыбы, какъ и у невской форели, украшенъ красными и черными пятнами, тѣло такого-же нѣжно-розоваго цвѣта, а величина доходитъ у самой большой до 2½ футовъ. Въ продажу рыба эта не идетъ, по неудобству солить ея мягкое, нѣжное мясо, которое скоро горкнетъ и даже въ мороженомъ видѣ сохраняется она недолго. Въ Архангельскѣ обыкновенно привозятъ ее сонною, хотя еще и достаточно свѣжею, годною для употребленія.

Всѣ эти три послѣднія породы рыбъ бѣломорскихъ (кумжа, корюха и камбала) попадаютъ часто уже въ готовыя сѣти, хотя бы даже и сѣмोजби; но чаще всего ловятъ ихъ въ такъ называемыя *юнды* (сѣти), которыя употребляютъ безъ поплавокъ и, прикрѣпленными на кольяхъ, ставятъ поперекъ рѣки. Въ мелкихъ мѣстахъ моря, около устьй, бабы-поморки бродятъ тѣже сорта рыбъ сѣтями, называемыми перемѣтами и которыя бываютъ уже съ верхними поплавками. Въ ячеяхъ этихъ перемѣтовъ (тѣхъ же волжскихъ неводовъ) рыба вязнетъ.

Въ Унской губѣ часто попадаетъ на уды такъ называемая *рявца* или *ревякъ* (рамша изъ бычковъ, керца, *cottus scorpius*), выпускающая изъ рта родъ слабаго рева, послѣ того, какъ бываетъ вынута изъ воды. Рыба эта величиною съ окуня, чрезвычайно прожорлива и обладаетъ способностью плавать необыкновенно быстро; для того у ней широкія и длинныя перья. Шероховатая кожа испещрена черными и

изъ-желта красноватыми пятнами. Почитая эту рыбу ядовитою, поморы не употребляютъ ее въ пищу; къ тому же она *чрезвычайно костливая*. На этой послѣдней особенноти рявца поморы предположили въ ней способность излѣчивать отъ колотья, и потому сушатъ ее и кладутъ подъ постель страждущаго.

Въ рѣкѣ Онегѣ, около каменистыхъ ея береговъ и верстахъ въ 25 отъ ея устья, вылавливаются *миноги*, принадлежащія къ породѣ амфибій и долгое время у тамошняго простого народа извѣстныя подъ именемъ водяныхъ змѣекъ (съ семью жабрами по бокамъ). Рыба эта (если только можно называть ее рыбой—скорѣе переходъ отъ рыбы къ ракамъ) заходитъ сюда также изъ моря. Выловленная, слегка поджаренная на большихъ сковородахъ, или просто на желѣзныхъ листахъ, и потомъ маринованная въ уксусъ съ горошчатымъ перцомъ и лавровымъ листомъ, пускается въ продажу. Мѣстное употребленіе ея, до сихъ еще поръ, весьма незначительно. Ловятъ ее въ деревянные мережи, сдѣланныя на подобіе лукошекъ.

Изъ остальныхъ породъ рыбъ вылавливаются по Лѣтнему берегу только уже *рычныя* рыбы: щуки, окуни, лещи, и притомъ исключительно въ озерахъ, и такъ рѣдко, и въ такомъ, сравнительно, незначительномъ количествѣ, что не идутъ въ продажу, но даже рѣдко составляютъ предметъ мѣстнаго потребленія. Мурманскія треска и палтусина и собственныя морскія рыбы совершенно удовлетворяютъ неприхотливому вкусу трудолюбивыхъ, честныхъ, добродушныхъ поморовъ прибрежьевъ Лѣтнаго и Онежскаго.

Вотъ почти все, что удалось мнѣ вызнать изъ наглазнаго знакомства съ Лѣтнимъ берегомъ, который кончается въ Ухтѣ-Наволокъ и заворачивается здѣсь, по прямому направленію къ SW, уже подъ именемъ Онежскаго берега. Съ каменистаго мыса Ухтѣ-Наволока виднѣлся, вдали моря, по направленію къ сѣверо-востоку, островъ *Жожгинъ* или *Жежизня* *, какъ будто весь затянутый въ туманъ, островъ, обитаемый только служителями при маякѣ, освѣщаемомъ съ 1842 года. Когда-то жили на немъ вольные лоцмана для провода судовъ къ городу Онегѣ и Соловецкому монастырю, переселившіеся потомъ на мысъ Лѣтній-Орловъ. Въ серединѣ Жожгина, какъ говорили, возвышается гора, крутая къ дальнему морю, отлогая по направленію къ Лѣтнему берегу и въ этомъ мѣстѣ и по низменностямъ покрытая кустарникомъ. Въ низменностяхъ по озерамъ держится прѣсная вода. Весь островъ почти неприступно осыпанъ крупными камнями. Величина его въ длину около 5-ти верстъ и около 2-хъ въ ширину, и на немъ, также какъ и на всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ по величинѣ лудахъ,

* О происхожденіи названія этого острова, по народнымъ преданіямъ, я имѣю случай говорить въ IV-й главѣ этого тома: „На шкунѣ“.

прицѣпилась не одна промысловая избушка, временно посѣщаемая береговыми промышленниками.

На томъ же карбасѣ, замѣняющемъ здѣсь тряскую телѣгу и пару обывательскихъ лошадей, объѣхалъ я и Онежскій берегъ, до села Нижмозера, откуда, черезъ Кянду, Тамицу и Покровское, шла уже почтовая дорога и везли на той же парѣ почтовыхъ лошадей. Помнится на всемъ берегу гранитныя ущелья, кое-гдѣ высокія горы (до 30 и 40 саж. высоты), крупный соснякъ по нимъ; изрѣдка низенькій, тоненькій, какой-то убогій березнякъ; по низменностямъ — луга, по нѣкоторымъ горнымъ отклонамъ — пашни съ ячменемъ. Помнится ласковость и привѣтливость всѣхъ жителей въ деревняхъ Лѣтней Золотицѣ и Пушлахтѣ, разгромленной бомбами во время Крымской войны и въ селѣ Лямицѣ. Помнится, привезли меня въ слѣдующее село Пурьему, съ двумя церквями, болѣе другихъ людное и приглядное. Какъ теперь вижу передъ собой хозяина отводной квартиры, явившагося съ слѣдующимъ интереснымъ извѣстіемъ и запросомъ:

— Бѣлуга подошла — рыбку обижаютъ; неводъ наладили, къ утру ѣдемъ: не желаешь-ли?

— Боюсь, не покусалъ бы звѣрь?

Хозяинъ на эти слова чуть не расхохотался.

— Нашелъ ты звѣря злого! На-ко, поди: да смиришь звѣря этого и въ поднебесной нѣту; даромъ, что съ корову ростомъ, а разумомъ-то да смирнотой своей и теленка не осилить. Поѣдемъ — знай! Посмотри, каково тебѣ смѣшно и любопытно будетъ! Я, вѣдь, къ тебѣ не вратъ пришелъ, а дѣло сказывать. Собирайся!

Черезъ часъ онъ опять явился ко мнѣ и принесъ орудія съ такимъ оговоромъ:

— Я вотъ принесъ къ тебѣ, чѣмъ ты и заняться можешь, чтобы и тебѣ пай былъ. Ѣдемъ мы двумя деревнями: наши съ лямицкими одинъ неводъ держатъ, поровну и дѣлежъ дѣлаютъ.

Орудія, принесенныя имъ, оказались *пѣшней* и *кутиломъ*. Пѣшня было не иное что, какъ ломъ, которымъ раскалываютъ по зимамъ ледъ на всемъ пространствѣ Россіи: тотъ же желѣзный, съ краю заостренный наконечникъ, деревянная рукоятъ, длиною около сажени, плотно прикрѣпленная гвоздями къ самой пѣшнѣ (наконечнику). Кутило отличалось отъ пѣшни только тѣмъ, что желѣзный наконечникъ (собственно *кутило*) на концѣ имѣлъ загибъ, на подобіе крюка, и палка не прикрѣплялась къ нему гвоздями, а свертывалась и въ дѣлѣ служила только рычагомъ для усиленія удара. Къ кутилу, въ замѣнъ рукоятки, прикрѣплена была длинная (сажень 8-ми) веревка.

— Теперь, вишь, у насъ время такое стоитъ, что трава не дошла: *страда* затѣвать еще рано, о жнивѣ и думать не моги; только вотъ и можно бѣлугу ловить. Она, на тотъ разъ словно угорѣлая,

только, кажись, на наши берега и лѣзеть: удержу нѣтъ. Извѣстно, тутъ только подавай Боже. Мы четыреста рублевъ на серебро за свой неводъ потратили, да вотъ рублей по пятидесяти (тоже на серебро) ежегодъ на починку изводимъ. Потому этотъ неводъ нашъ собственный.

— На какихъ же условіяхъ берутъ на прокатъ отъ архангельскихъ?

Хозяинъ на слова эти рукой махнулъ и потомъ примолвилъ:

— Тамъ, вѣдь, это—неволя, по Лѣтнему взять или по Зимнему берегу. Тамъ, слышь, возьмутъ этотъ неводъ-отъ, да и думаютъ: „Пошли-ко молъ, Господи, звѣря-то, что ни на есть больше; было бы что за неводъ заплатить, да изъ остатковъ и себя бы не обдѣлить, не обидѣть“. Много ли, мало ли звѣря придетъ, а половину выручки отдай неводному хозяину, хоть лопни: а другой разъ закинешь неводъ—опять половину отдай; да хоть все лѣто мечи его—все половину отдавай. Такъ ужъ тотъ злодѣй-отъ и стоитъ надъ тобой, блюдетъ за каждымъ за твоимъ выѣздомъ. Тамъ и выметываютъ, стало быть, чаще. Тамъ ужъ и избушекъ сторожевыхъ по берегу-то насыпано больше нашего. Тамъ и сторожей сидитъ много; оттуда и на Мурманъ мало ходятъ. Тамъ ужъ, коли начала выставать бѣлуга, много не зѣваютъ; какъ запримѣтятъ, сейчасъ кричатъ на берегъ: „Богъ-де въ помощь!“ и выѣзжаютъ.

— А какъ у насъ-вотъ неводокъ-отъ свой завелся, мы и благодаримъ Бога. Разъ въ годъ починишь его, да ужъ и не горюешь: знаешь, что неводъ этотъ тебѣ лѣтъ восемь, а не то и всѣ десять прослужить; только имѣй ты за нимъ глазъ да блюденье. Мы ужъ и упроемыслимъ что на этихъ бѣлугахъ: на сорокъ человѣкъ своихъ раздѣлимъ, да другого ужъ и не знаемъ никого. И части мы эти дѣлимъ поровну, потому какъ всѣ равныя деньги на неводъ клали, всякій на промыселъ идетъ на своихъ харчахъ, со своимъ достаткомъ. Вотъ этакъ-то мы и ловимъ бѣлугу по лѣтамъ: три недѣли въ Петровомъ посту (съ Прокофья косить начинаемъ), за три недѣли передъ Ильинымъ днемъ. Дѣло-то и идетъ у насъ ровно, и плечъ-то нашихъ не давить, не тяготить.

— А видаль ли ты неводъ бѣлужій?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, еще не случилось...

— Сами плетемъ, а которые и соловецкимъ монахамъ заказываютъ (да берутъ они дорого). Сѣти мы эти плетемъ изъ бичевокъ голанскихъ, сколько можно толстыхъ. Ячеи въ этой сѣти по шести *верховъ* (вершковъ) въ поперечникѣ затѣмъ, что на рыбу тутъ не надѣешься; рыба тутъ самая большая проскочить; а бѣлуга звѣрь такой, что хоть ты въ сажень ячею-то дѣлай, не проскочить. Неводъ этотъ на саду сидитъ сажень съ тысячу, да веревокъ однѣхъ у него

цѣлая верста. Такъ—вотъ, смотри, какой большой неводъ этотъ. А затѣмъ и бѣлуга—сальный звѣрь, а не кожный, какъ бы лысунъ али нерьпа, заячъ. И тѣхъ къ намъ много проходитъ. Да ладно! съ тѣмъ и прощай!.. Ложись отдыхать и я тоже, потому карбасъ-отъ ужъ налаженъ и про твою милость...

Рано утромъ разбудилъ онъ меня еще въ сумерки, или въ тотъ полусвѣтъ, который держался въ это время съ часъ между вечерней зарей и утренней, такъ что ночи, въ собственномъ смыслѣ, рѣшительно не было. На карбасъ свой онъ поставилъ кадушку съ просоленной треской, бросилъ мѣшочекъ со ржанымъ хлѣбомъ и житникомъ—небольшимъ караваемъ ячменнаго хлѣба, который можно употреблять въ пищу только въ тотъ день, когда онъ испеченъ, и который, за ночь, для слѣдующаго дня такъ черствѣетъ и портится, что положительно становится негоднымъ къ ѣдѣ, окаменѣлымъ. Три пѣшни и три кутила лежали тутъ же, подлѣ насъ, въ карбасѣ. Мы отправились.

Дорогой хозяинъ успѣлъ сообщить мнѣ, что бѣлуга любить чаще приходить къ ихъ берегу, чѣмъ въ другія мѣста, и какъ главная цѣль ея появленія въ Бѣломъ морѣ—отыскивать пищи въ видѣ сѣмги, сельдей и другой рыбы, то поэтому и рыбы этой на Онежскомъ берегу меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Сказывалъ также и то, что и самый берегъ этотъ сподручнѣе для ловли бѣлуги, по значительному количеству мелей, на которыя удобно загонять звѣря, и что по этому случаю на Онежскомъ берегу бѣлугъ вылавливается больше, чѣмъ гдѣ-либо.

— Главная причина, говорилъ онъ,—не стоялъ бы шалоникъ (NW) долго; шалоникъ отдираетъ звѣря. А на этого звѣря пуще, чѣмъ на другого какого, вѣтеръ свою силу имѣетъ. Вотъ, рассказывали, выставала было налысь бѣлуга-то у Лѣтнаго берега, да зазнала: къ устьямъ (двинскимъ) пошла. А тамъ пали вѣтра—угребла, знать, въ Кандалуху (Кандалажскую губу). Можетъ, которая половина и на нашу долю достанется.

— Ишь, времечко-то теперь какое красивое стоитъ—любо да два!—говорилъ потомъ хозяинъ мой, не одинъ разъ любуясь погодой. Дѣйствительно, во всей своей необъятной красѣ, какъ огненный шаръ безъ лучей, выплывало изъ-за дальняго края моря лѣтнее солнце. Пронизавши воду своимъ пурпуровымъ отцвѣтомъ, солнце выглянуло изъ за воды сначала краемъ, который постепенно и замѣтно увеличивался и золотилъ воду. Вотъ, наконецъ, и все солнце, весь этотъ огненный шаръ на нашихъ глазахъ. Кругомъ его за клубился словно паръ, отливавшій потомъ какъ будто дальними, свивавшимися клубомъ облаками. Ближніе къ солнцу края облаковъ этихъ желтѣли, дальніе еще отливали пепельнымъ цвѣтомъ; но солнечныхъ лучей не

видать было часъ, не видать другой. Солнце замѣтно, почти на нашихъ глазахъ, отмѣряло пространство и скоро взбиралось по небу. Кажется, если бы не обманывающій ходъ лодки все впередъ и впередъ, можно было бы рѣшительно замѣтить этотъ скорый подъемъ, почти бѣгъ солнца къ зениту. Свѣтъ значительно усиливался; на морѣ было тихо; слегка поталкивала борты нашего карбаса легкая, сдержанная волна. Тумана не видать было ни на дальнихъ лудахъ, ни на ближнемъ берегу; но лучи солнца еще часъ времени боролись съ эфиромъ, не могли пронизать его и освѣтить наше море. Оно какъ будто только того и выжидало, какъ будто затѣмъ только и присмирѣло теперь, чтобы мгновенно освѣтиться яркимъ, животворнымъ солнечнымъ блескомъ.

Долго мы ѣхали греблей; долго впивалъ я дыханіемъ своимъ безконечно чистый, нѣсколько свѣжій морской воздухъ; долго любовался и на безграничный, глубокій—глубокій сводъ неба, нависшій надъ нами съ его солнцемъ, съ свѣтлой, нѣжной лазурью. Наслажденіемъ подобнаго рода можно упиваться, но трудно передавать послѣ всего того, что уже давно было не одинъ разъ сказано и поэтами, и живописцами. Солнце успѣло уже озолотить берегъ и тотчасъ-же, скорѣе чѣмъ въ мгновеніе ока, освѣтитъ и насъ, и наше море на всю его безконечную даль отъ сѣвера къ югу и отъ востока къ западу.

Мы были уже почти подлѣ цѣли.

Съ десятокъ карбасовъ плыло въ дальнихъ отъ насъ мѣстахъ Онежской губы; нѣкоторые изъ нихъ, передъ нашими же глазами, повернули отъ сосѣдней къ нимъ луды и, какъ видно, гребли усиленно въ нашу сторону. Быстро отдѣлялись эти карбасы отъ туманной луды, быстро перебирали лодочники руками; въ свѣжемъ воздухѣ моря доносились до насъ рѣзкіе, дальніе крики. На крики эти хозяинъ мой замѣтилъ только одно:

— Чуть не запоздали: обметываютъ ужъ!

Онъ тотчасъ же повернулъ руль влѣво и нашъ карбасъ направился прямо къ берегу, въ сторону отъ тѣхъ карбасовъ, съ которыхъ, повидимому, раздавались крики. У берега чернѣлось еще нѣсколько карбасовъ, и, какъ видно, безъ всякаго дѣла. Вѣроятно, и наше мѣсто было тамъ же. Впереди, прямо противъ берега, къ сторонѣ, затянутой въ туманную хмару луды, бѣлѣлись, словно большія клочья морской пѣны, спины бѣлугъ. Въ нѣсколькихъ десяткахъ мѣстъ повторялось это явленіе: лѣщились себѣ бѣлуги, выставя изжелта-серебристыя спины на морской поверхности, и потомъ быстро опрокидывались головами въ морскую глубь, хватая въ ней сплутную рыбу. Одна зашипѣла почти подлѣ самаго нашего карбаса и успѣла обнаружить и горбатую спину, и какую-то дыру на ней, откуда вылетѣли

фонтаномъ не высокія, но быстро вымеченныя брызги воды, сереб-
рившіяся на лучахъ солнца.

— Пошла оттыкать пробку, свинья морская!—Постой, будетъ
тебѣ ужо на орѣхи. Чуть не спихнула, проклятая!—быстро замѣтилъ
хозяинъ.

— А развѣ бываетъ этакъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ не бываетъ, никогда не бываетъ! Развѣ сами спихнемъ
ее, а ей, проклятой, насъ не опружить,—отвѣчалъ онъ мнѣ неохотно
и какимъ-то сердитымъ голосомъ. И сильно прикрикнулъ мой хо-
зяинъ на работниковъ, чтобы тѣ гребли сильнѣе и круче налегали
бы на весла.

Послышались со стороны хозяина ругательства и во всемъ со-
ставѣ его начались судорожныя, нетерпѣливыя движенія. Видно было,
что теперь-то наступала для него самая горячая, самая важная пора.
Къ тому же (какъ я замѣтилъ) всѣ карбасы, ближніе къ берегу, отва-
лили и плыли по направленію къ тѣмъ карбасамъ, которые отъ луды
ладились къ берегу и по прежнему продолжали выбрасывать сѣть,
безпрестанно путаясь въ веревкахъ, и по прежнему неслись оттуда
сильныя, громкія ругательства. Ихъ даже можно уже было слы-
шать цѣликомъ, когда мы вдругъ круто повернули къ тому же мѣсту,
дальше отъ берега. Мгновенно схвачена была съ ближняго карбаса и
на нашъ длинная веревка, которую мы спѣшили выбрать въ то
время, когда другіе передавали ее на слѣдующій карбасъ. Долго, до
обильнаго пота, тащили мы конецъ толстой веревки и перебрасывали
ее сосѣдямъ до той поры, пока не выбросали всю, пока не почув-
ствовали въ рукахъ ячеи невода, круто и сильно опускавшагося тя-
жестью своею ко дну, пока, наконецъ, и мы не очутились, въ свою
очередь, крайними. Видно, поспѣли во-время! Быстро гребли мы ве-
слами и бѣжали за веревкой; быстро закручивалась эта веревка уже
прямо противъ насъ. Думаю, часъ цѣлый выжидали мы, когда, нако-
нецъ, попадетъ эта веревка въ наши руки, послѣ того какъ обойдетъ
сѣть меньшій кругъ. Бѣлуги между тѣмъ продолжали лещиться и ку-
выркаться, разгребая ластами воду на двѣ струи, но уже не въ раз-
броску одна отъ другой, а почти всѣ около одного мѣста, ближе къ
серединѣ того круга, который описывалъ выметанный неводъ. Звѣрь
выстаетъ замѣтно чаще и какъ будто сердится. У него захватываетъ
съ натуги и отъ гнѣва дыханіе, и онъ спѣшитъ вздохнуть свѣжимъ
воздухомъ и, если уже возможно это, такъ въ послѣдній разъ передъ
смертію, которая виситъ надъ головой.

Между-тѣмъ крики со всѣхъ карбасовъ, съѣхавшихся теперь на
близкое другъ отъ друга разстояніе, превратились въ громкій, базар-
ный гулъ: всѣ невѣроятно спѣшили, всѣ какъ будто обижены были
тѣмъ, что не по ихъ желанію начали, не по ихъ волѣ продолжаютъ и,

стало быть, неудачно окончать. Вдругъ раздался сильный плескъ по водѣ веревки, сопровождаемый сильнымъ, громовымъ эхомъ въ горахъ. Раздалась опять крутая, громкая брань и, въ мгновеніе ока, нѣсколько карбасовъ, въ томъ числѣ и нашъ, юркнули черезъ эту веревку въ середину того завѣтнаго круга, который описалъ неводъ. Здѣсь, на этотъ разъ, уже рѣже выставали бѣлуги, вѣроятно утомленные. Быстро хваталъ хозяинъ мой кутило и бросалъ его выстававшему звѣрю, и, сколько можно было замѣтить это при скорости удара, прямо въ *дыхало* (въ дыру, пускавшую фонтанъ). Съ быстротой молніи выхватывалъ онъ изъ кутила палку, бросая ее прочь, въ лодку, и въ то же время, съ поразительною ловкостью, выбрасывалъ въ воду и всю веревку, привязанную къ кутилу. Другой конецъ этой веревки онъ задеживалъ за карбасъ, и опять таки, ни минуты не медля, хватался за новое кутило. Нѣкоторое время спѣшливо, внимательно высматривалъ онъ на водѣ выстававшаго звѣря, держа настороженнымъ орудіе смерти. Веревку, сколько я могъ замѣтить, крѣпко держалъ онъ у ратовища (палки), съ тою цѣлю, чтобы не прыгнуло съ него кутило, и быстро выхватывалъ палку ратовище, и ослаблялъ и кидалъ всю веревку до дальняго конца въ то время, когда замѣчалъ сначала спину, а потомъ и *дыхало* звѣря, какъ черное пятно, зіявшее мгновенно, тотчасъ же.

Такимъ образомъ, выметалъ онъ всѣ свои три кутила (въ карбасѣ лежали только пѣшні) въ то время, когда, опомнившись, онъ отъ тяжелыхъ трудовъ, я отъ внимательнаго выслѣживанья за его движеніями и движеніями людей сосѣднихъ карбасовъ—мы замѣтили себя у самаго берега, на который первые, выскочившіе изъ лодокъ съ уханьемъ и той же бранью, тащили сѣть. Тоже сдѣлали и мы. Впрочемъ, нѣсколько карбасовъ еще ѣздили кругомъ сѣти, болтавшейся въ водѣ, и съ нихъ время отъ времени, еще выметывали кутила, но, вѣроятно, уже послѣднія. Нѣкоторое время слышалась эта буркотня, но и она вскорѣ смолкла. Чайки, все время кружившіяся надъ бѣлужимъ юровомъ и спѣшно выхватывавшія изо рта звѣря рыбу, въ несмѣтномъ количествѣ кружились теперь надъ нами и густой, темной тучей надъ неводомъ. Визгливый, разноголосный крикъ ихъ возмущалъ душу, но всѣмъ было не до нихъ. Начиналась самая трудная, самая спѣшная пора работы, хотя и со всѣхъ насъ потъ лилъ градомъ, хотя весьма многіе съ трудомъ переводили дыханіе. Крики и брань прекратились. Стадо пойманныхъ, застигнутыхъ въ распахъ, бѣлугъ на прибрежныхъ кошкахъ обмельзло; нѣкоторыя изъ нихъ выставили! на показъ всю свою огромную тушу, богатую саломъ. Видны были, гладкая, безъ шерсти кожа, изжелтабѣлая, у нѣкоторыхъ съ мертвою просинью на одномъ концѣ туловища виднѣлась голова, въ зашейкѣ которой чернѣло *дыхало*, величиною около полу-

вершка въ діаметръ, на другомъ концѣ хвостъ длиною съ пол-аршина, толщиною пальца въ три, обтянутый бѣлою кожицею, отливавшею по краямъ пепельнымъ цвѣтомъ. На плечахъ ясны были лапы—*крылья* (какъ называли промышленники), имѣющія нѣкоторое сходство съ небольшими свинными окороками, четвероугольной, продолговатой фигуры. Задніе лапы, лаптаки, не были больше сажени, и весь звѣрь, длиною аршинъ семь, растянувшійся по землѣ, со своею горбатою спиною, головою, небольшою сравнительно съ остальнымъ туловищемъ, глядѣлъ рѣшительнымъ подобіемъ небольшого кита, къ породѣ которыхъ, вѣроятно, и принадлежитъ бѣлуга эта, (*delphinus leucas*, по камчатски бѣлюкъ,—животное, однородное съ черноморской свинкой и не имѣющее ничего общаго съ рыбой бѣлугой. Соименная звѣрю волжская *рыба* называется *Acipenser Huso*).

Пока я занимался разсматриваньемъ фигуры невиданнаго мною безобразнаго звѣря, промышленники *кромали*, т. е. пришибали пѣшней въ дыхало тѣхъ звѣрей, которые шевелились еще и грозили, при малѣйшихъ невниманіи и оплошности, опрокинуться въ воду и уйти отъ насъ въ руки другихъ счастливицевъ, на берегъ къ которымъ ихъ можетъ выкинуть морская волна. Промышленники наши прекратили всѣхъ звѣрей по-очередно, немного отдохнули и, заправившись пищею, начали свѣжить добычу. Для этого они сначала отрубали голову, хвостъ и четыре лапы: затѣмъ, сдирали шкуру вмѣстѣ съ саломъ и не буксировали его на карбасы потому только, что были на берегу. Мясо бросали тутъ же, предоставляя его на съѣденіе собакамъ, которыя стадами бѣгутъ сюда даже изъ дальнихъ деревень.

— Куда же пойдетъ кожа звѣриная, если сало въ продажу? спросилъ я хозяина, не отстававшаго отъ другихъ и молчавшаго во все время работы.

Въ отвѣтъ на это онъ только приподнялъ ногу, показалъ подошву и пощелкалъ по ней пальцемъ.

— На это идетъ, да на другую кою мелочь—отвѣчалъ мнѣ за него уже другой сосѣдній мужикъ. Кожа бѣлужья—не кой кладъ. Это—не нерпичья кожа: та лучше, та барышнѣе.

Затѣмъ опять слѣдовало молчаніе. Видимо, всѣ сосредоточеннымъ вниманіемъ занялись своей работой. Съ трудомъ, послѣ долгаго ожиданія съ моей стороны, нашелся еще одинъ словоохотный, который говорилъ мнѣ:

— Вотъ все, что ты теперь видѣлъ, начальникъ, дѣло хорошее. Промыселъ нашъ на твой счастливый пріѣздъ задался ловкій.

— А какъ приблизительно?

— Да коли ста два звѣрей попало; рублевъ на большую тысячу будетъ. Ста по два рублевъ на ассигнаціи придется на брата. На это и сѣти поправимъ; порвала же, чай, звѣрина, не безъ того: бѣ-

сится и она какъ, вишь, не смирна теперь. Мечется, животъ-отъ свой горемышный жалѣючи.

— Этакій промыселъ мы на рѣдкость дѣлаемъ!—подхватилъ разсказчика уже третій, вѣроятно, желавшій тоже отдохнуть и тоже доказать мнѣ свою бывалость и знаніе.—Больше всего мечемъ сѣти на меляхъ у Ягровъ, у Кумбышъ, у Омѣлы, у Гольца (острова это такіе живутъ). Тамъ-то вотъ мы эти сѣти и спускаемъ на кибасахъ (поплавкахъ деревянныхъ). Звѣрь-отъ въ нихъ самъ заходитъ и путается; мы его только на мель тащимъ, да кротимъ пѣшней. А тамъ свѣжуемъ, спустимъ въ воду, привяжемъ на веревку къ карбасу, да и веземъ въ деревню. Звѣря по-три, по-четыре и здѣсь попадаетъ. Дѣлежъ на каждую ромшу послѣ бываетъ...

— Что же это такое ромша ваша?

— А ромша: вотъ всѣ мы, все общество наше—артель бы, къ примѣру. Вотъ насъ теперь 12 карбасовъ. На каждомъ карбасѣ по четыре человѣка и малолѣтки ребята тутъ же: ихъ дѣло промысловую избу чистить, ложки мыть, звѣря караулить, когда мы спимъ. Это ромша. А жиръ-отъ, что съ кожи рѣжемъ, *шелею* зовемъ: а согрѣется онъ да закиснетъ—*сыротокомъ* слыветъ. Вотъ тебѣ и все!

— Нѣтъ не все, коли сказывать началъ, перебилъ его третій голосъ. Ты ему Расскажи про петровское-то дѣло. Слушай-ко, твоя милость!

— Поѣхали наши ребята за бѣлугой на вздогадъ, авось-молъ встрѣнется. А звѣрь—дуракъ извѣстный, про то не знаетъ, чего человѣкъ-отъ хочетъ: не встрѣнулся. Искали они этакъ-то, долго искали—не нашли. Ухватили, слышь, рожу-то въ горсть, чтобы не больно стыдно было добрыхъ людей, поѣхали въ деревню ни съ чѣмъ. Тамъ-де (думаютъ) грязью закидаютъ; года съ три и опослѣхъ вспоминать да корить будутъ сосѣди. Ъдутъ они, ъдутъ: извѣстно, надрываются сердцемъ, боятся мірскаго суда. А было ихъ человѣкъ съ десять на трехъ карбасахъ и неводъ былъ при нихъ, и неводъ-отъ они этотъ такъ и не замочили: какъ былъ засмоленный, такъ и остался—ничѣмъ-ничего. Ъдутъ они это въ деревню свою, ъдутъ, „да и видимъ, говорятъ, впереди-то, молъ, насъ словно пѣна морская! Да какая, молъ, тутъ пѣна будетъ: коргъ нѣтъ, водѣ мырить не изъ-чего, не изъ-чего и пѣны пускать. Надо-де быть, братцы, бѣлуги!“ Стали присматриваться: бѣлуги и есть! „Молись-де, ребята, да заѣзжай, который удалѣ!“ Такъ и сдѣлали. [Выметали сѣть—заѣхали. Вытащили сѣть на мель: сто штукъ бѣлугъ предстали предъ ними какъ на блюдечкѣ. Ну,—опростили. Извѣстно, барышу много: плохая бѣлуга меньше 12 пудовъ сала носить на себѣ...

— А то рассказывали сорочана (изъ деревни Сороки на Кемскомъ берегу), что къ нимъ въ сельдяную сѣть бѣлуга-то зашла. Стали,

слышь, осматривать ее, потащили: да-что, молъ, туго подается, али, молъ, рыбы полѣнницу навалило! Думаемъ-де, говорятъ, мы этакъ-то, тащимъ—знай. Вытащили, глядимъ: дураково поле—бѣлуга звѣрь. Разрѣзали: двадцать пудовъ сала выняли. Рыбу-то она въ сѣти всю, слышь, пожрала, а себя самое въ руки врага таки-выдала. Худо вотъ, начальникъ, когда на замѣткѣ замотаетъ тебѣ звѣрь одинъ рядъ сѣти, особо при самомъ началѣ: тогда всѣхъ товарищевъ до единого выпустить. Оттого вотъ мы при поворотахъ-то давеча и оралъ крѣпко, себя не помня, потому знаемъ, что выпустилъ ты звѣрей въ море—въ догонку за ними ни на какомъ ты карбасѣ не поспѣешь, хоть будь тебѣ самая красивая беть (полный бейдевиндъ). Это ужъ мы знаемъ доподлинно: лють звѣрь на водѣ, круто беретъ!..

— Такъ вотъ, твоя милость, какія дѣла бываютъ, говорилъ онъ какъ бы въ заключеніе, и снова принялся за работу.

Дальнѣйшій уходъ за звѣремъ состоитъ въ томъ, что сало его вытапливается немедленно по уловѣ на салотопенныхъ заводахъ. Это не иное что, какъ простыя ямы, вырытыя за селеніями на берегу рѣки или того же моря. Яма салотопенная, по обыкновенію, обкладывается простыми камнями и кое-какъ на-скоро обмазывается глиной. Тутъ же подлѣ, по сторонамъ ямы, вкапываютъ два столба съ шестомъ или *стягомъ*, на который и вѣшаютъ котелъ съ саломъ. Снизу разводятъ огонь. Перетопленное сало сливаютъ въ обрѣзы (кадки, сдѣланные изъ бочекъ, перерубленныхъ пополамъ, на два обрѣза). Въ этихъ обрѣзахъ сало стоитъ и отстаивается двое сутокъ. Верхній отстой переливаютъ въ бочки черезъ рѣшето и пускаютъ въ продажу подъ именемъ сала 1-го сорта. Нижній отстой или гущу, называемую *бардой*, перетапливаютъ еще разъ, и такимъ образомъ получаютъ 2-й сортъ сала цвѣтомъ нѣсколько темнѣе перваго. Слитое въ обрѣзы съ двумя днами сало этого сорта иногда даетъ новый отстой—третій сортъ, называемый *мазью* и идущій для домашняго употребленія, напримѣръ, для смазки сапоговъ—бахилъ и проч. Сало звѣриное обыкновенно (передъ тѣмъ какъ топить его на огнѣ) стружатъ, т. е. рѣжутъ на мелкіе куски особымъ орудіемъ, имѣющимъ форму серпа, для того, чтобы сало легче таяло. Сложенное въ обрѣзы и умятое тутъ деревяннымъ пестомъ для устою, сало бѣлужье, нерпичье, лысуновое и моржовое иногда таетъ отъ дѣйствія лѣтняго солнца и тогда получается лучшій сортъ, болѣе цѣнный въ продажѣ и извѣстный подъ именемъ *сыротока*. Харавины, т. е. шкуры, обыкновенно сушатъ на землѣ, распяливая на палочкахъ, въ которыхъ, для скорости дѣла, намѣчаютъ скважины. Чтобы очистить шкуры эти отъ шерсти, ихъ обыкновенно распяливаютъ на деревянныхъ рамкахъ и въ этомъ видѣ опускаютъ въ воду недѣли на двѣ и больше. Для этой цѣли предпочитаютъ опускать рамки на самое быстрое мѣсто

рѣки или моря. Всѣ припасы и орудія складываются въ сараи, которые такимъ образомъ дополняютъ общій видъ всѣхъ салотопенныхъ поморскихъ заводовъ. Въ этихъ же сараяхъ хранится и звѣриное сало: и въ бочкахъ, и въ обрѣзахъ. Моржъ даетъ этого сала среднимъ числомъ отъ 10 до 15 пудовъ, заяцъ морской отъ 5 до 9, лисыны и утельги отъ 5—10, бѣлки отъ 1½ до 2 пудовъ, нерпа (самая большая) 3 пуда; бѣлуга, какъ выше сказано, даетъ отъ 15 до 20 пудовъ, стало быть больше всѣхъ морскихъ звѣрей, исключая кита. Сала ворваннаго, со всѣхъ морскихъ промысловъ по Бѣлому морю и Новой Землѣ, привозилось въ послѣдніе годы до 60,000 пудовъ; отправлялось оно болѣе въ Германію и Голландію (отъ 30,000 до 40,000 пудовъ). Во время монополіи графа Шувалова отпускъ этотъ былъ несравненно значительнѣе.

Въ тотъ же день вечеромъ я оставилъ своихъ промышленниковъ за счастливой добычей, а самъ отправился дальше, по направленію къ городу Онегѣ. Цѣлые сутки ѣхалъ я до той поры, когда мнѣ опять удалось ступить на твердую землю и сѣсть, хоть и въ тряскую, но въ привычную, съиздѣтства знакомую телѣгу. Заснулъ я въ ней крѣпко и сладко, и проснулся разбуженный ямщикомъ, который, слышу, рапортуетъ, что пріѣхали-де:

— Куда?

— Въ село Тамицу; 35 верстъ до Онеги осталось. А у меня ваше благородье, дорогой-то лошадки было побѣсились. Ты не слышалъ—чай?

— Отчего же?

— А Богъ ихъ вѣдаетъ: коровъ, можетъ, повидали. Вишь, съ моря-то туману навалило: темно стало, ничего не видать. А и море-то верстъ, надо быть, двѣнадцать отсѣдова...

Ямщикъ замолчалъ. Слышался взрывистый звонъ почтоваго колокольчика, который, вѣроятно, раскачала отряхнувшаяся лошадь, и шумъ пороговъ, несущійся прямо съ рѣки. Ямщикъ опять подошелъ къ телѣгѣ съ писаремъ, явившимся за подорожной.

— Чай, въ рѣку-то семга заходитъ; хорошо ей тутъ: она любитъ пороги.

— Гдѣ семгѣ!..

Ямщикъ расхохотался. Даже писарь не могъ удержаться отъ улыбки.

— Думаешь ты, рѣка-то и нивѣсть какая? вопросительно объяснилъ ямщикъ:—мелкая, вѣдь, рѣка-то, курицѣ по холку, и все тутъ. Кумжа вотъ развѣ зайдетъ.

Ямщикъ обратился къ писарю:

— Заходитъ! отвѣчалъ онъ грубо—заспаннымъ голосомъ и взялъ подорожную для прописки въ избу.

Ямщикъ не отвѣчалъ.

— Здѣшній народъ все больше въ Питеръ ходитъ на лѣсные дворы. Такъ вотъ и пойдетъ тебѣ со всей Онеги, знай это!..

Слышу, опять раздается пріятный на этотъ разъ, звонъ новаго колокольчика; выѣзжаетъ новая телѣга, набитая до-верху сѣномъ, съ новымъ ямщикомъ на козлахъ и въ шапкѣ съ мѣднымъ гербомъ на лбу. Валюсь я и въ это сѣно и на немъ также пріятно и сладко засыпаю и просыпаюсь на другой день, въ виду Онеги, освѣщенной яркимъ солнцемъ, пробившимъ и испарившимъ весь ночной туманъ побережьевъ.

Едва ли особенно лучше было въ томъ, что солнце освѣтило Онегу: плачевно глядѣла она изъ-за ярового поля черными, гнилыми домами. Правда, что бѣлѣлась на горѣ каменная церковь, но церковь эта оказалась недостроенною; правда, что бѣлѣлось еще каменное зданіе, но и оно оказалось неизмѣннымъ казеннымъ казначействомъ, съ неизбѣжными, сильно захватанными дверями, съ грубыми, заспанными, полупьяными сторожами-солдатами. Единственная улица города, по которой можно еще ѣздить на лошадяхъ (всѣ другія, три или четыре, заросли травой и затянулись кочками, представляя видъ недавно высушеннаго болота), была когда-то выстлана досками, но теперь представляла ужасный видъ гнили, съ трудомъ преодолимый путь къ цѣли, которою, на этотъ разъ, служила отводная квартира. Но и къ ней можно, не обинуясь, отнести слова поговорки: „на безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи и Ома дворянинъ“. Бѣдна Онега и печально глядитъ въ глаза всякому проѣзжему. Бѣдностью своей (какъ оказалось послѣ) она можетъ соперничать только съ одною Мезенью. Правда, что есть въ ней опрятныхъ домиковъ—два, три, но это дома богачей и лѣсной конторы, которая нашла себѣ пріютъ въ этомъ городѣ.

Сколько безпривѣтенъ видъ города, столько же печально смотритъ и протекающая подлѣ, хотя и значительно широкая, богатая семгой и миногами, рѣка Онега. Всю еѣ, слово нарочно, какіе-то богатыри закидали безчисленнымъ множествомъ крупныхъ камней, переборъ которыхъ иногда сплошнымъ рядомъ чуть не доходитъ отъ одного берега до другого противоположнаго. Четыре раза въ сутки всѣ эти уродливо каменные переборы, производящіе на глазъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе, высоко покрываются прибылою съ моря водою и потомъ опять, почти тѣ же двѣнадцать часовъ, мечутся на глаза обывателямъ обнаженные, сѣрые камни, въ иныхъ мѣстахъ сопровождаемые длинными, желтыми запесками. Видъ на городъ съ рѣки, и притомъ издали, недуренъ; но мрачно глядятъ изъ города берега рѣки, поросшіе густымъ, чернымъ лѣсомъ, изъ котораго, въ одномъ только мѣстѣ прямо противъ города, бѣлѣютъ доски и стро-

енія пѣньгамскаго лѣсопильнаго завода. На меня смотритъ оттуда дальняя дорога въ Поморье, со всѣми ужасами неизвѣстности, которой, кажется, на этотъ разъ, и конца нѣтъ, за всѣми болотами, рѣками, моремъ и океаномъ, озерами и гранитными берегами и лудами...

Вотъ вся нехитрая, несложная и небогатая примѣтными событіями исторія этого города. Не дальше, какъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, онъ былъ просто Усть-Янскою волостью, состоящею изъ нѣсколькихъ слободъ, до сихъ еще поръ сохранившихъ древнія свои имена: *Верхи* (верхній конецъ города), *Низы* (средній) и *Погостъ* (остальная часть ко взморью, самая лучшая, и самая главная часть города). Всѣ эти слободы, по указу императрицы Екатерины II, въ 1780 году, вошли въ черту новаго уѣзднаго города Архангельской губерніи. Первоначальное заселеніе его относится къ первымъ временамъ появленія новгородцевъ на берегахъ Бѣлаго моря для рыбныхъ и морскихъ промысловъ, еще во время княженія на Руси Василія Темнаго. При набѣгѣ литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ на сѣверныя страны Россіи, около 1613 года, Усть-Янская волость была почти совершенно выжжена и истреблена; однако, въ 1621 году, была уже въ ней церковь и до 20 домовъ. Съ 1657 до 1764 г., волость, по указу царя Алексѣя Михайловича, принадлежала, со всѣми рыбными тонями, сѣнокосами, пажитями, вѣдѣнію сосѣдняго съ нею монастыря Крестнаго, тогда еще новаго и не имѣвшаго никакихъ угодій. Принадлежа, затѣмъ, къ Бѣломорской провинціи Новгородскаго намѣстничества, Усть-Янская волость въ 1774 г. отчислена къ архангельской воеводской канцеляріи и ввѣрена управленію экономическаго казначея и его помощниковъ. Съ 1761 года въ Онегѣ существовала лѣсная контора англичанина Гома, оживившая торговлю тамошняго края, значительно усилившая населеніе Усть-Янской волости и, вѣроятно, не мало способствовавшая къ тому, что волость эта, предпочтительно передъ другими сосѣдними, названа была городомъ. Девятнадцать лѣтъ производилъ здѣсь Гомъ свою лѣсную торговлю, по контракту, заключенному имъ съ графомъ Шуваловымъ — тогдашнимъ сѣвернымъ монополистомъ. Въ это время Гомъ успѣлъ отпустить за море болѣе 18 коммерческихъ судовъ, больше 9 гальясовъ и 20 рѣчныхъ судовъ, выстроенныхъ на двухъ тамошнихъ верфяхъ и нагруженныхъ петрозаводскимъ желѣзомъ, волжскимъ хлѣбомъ и онежскими досками и канатами. Въ то же время начали приходить сюда иностранные корабли (ежегодно отъ 20 до 70) за тѣми же досками и канатами. Но около того времени, когда Усть-Янская волость названа была городомъ, дѣла Гома начали упадать, закрылся канатный заводъ; а вскорѣ прекращено и судостроеніе. Съ 1769 года, по случаю худого состоянія и слабаго кредита купца Гома, за неплатежъ, по обязательству, казенныхъ денегъ, лѣсной торгъ ввѣренъ былъ завѣдыванію

Гаумана. Въ 1781 году онъ переданъ былъ вологодской казенной палатѣ и въ 1783 году лѣсной торгъ окончательно взятъ былъ въ казну и отдается теперь торговымъ компаніямъ только на арендное содержаніе. Въ 1783 году за рѣкою Онегою выстроена была, вмѣсто обветшавшей, новая верфь о 4 эллингахъ, на которой и былъ построенъ, въ томъ же году, корабль. Двумя годами раньше этого времени (1781 г.) при новомъ городѣ учрежденъ открытый портъ, по слѣдующему указу Екатерины II: „Учредивъ при самомъ устроении Вологодскаго намѣстничества городъ Онегъ для доставленія жителямъ его пропитанія и въ распространеніе торговли, всемилостивѣйше позволяемъ отъ пристани сего новаго города выпускать русскіе продукты и товары, коихъ вывозъ не запрещенъ особыми указами, съ пошлиною, до будущаго нашего соизволенія, каковая собирается въ городѣ Архангельскомъ; равнымъ образомъ ввозить туда всѣ незаповѣдныя товары съ таковою же пошлиною, которая при архангельскомъ портѣ установлена для оныхъ; чего ради для досмотра и сбора настоящую опредѣлить таможенную, съ потребнымъ числомъ служителей, подъ вѣдѣніемъ казенной палаты Вологодской губерніи“. Таможня въ настоящее время находится на островѣ Кіѣ, около котораго, за крайнимъ мелководіемъ рѣки Онеги, и останавливаются иностранныя корабли. Они являются сюда ежегодно за досками и брусьями, распиливаемыми на двухъ заводахъ компаніи, пѣньгамскомъ (на другомъ берегу рѣки Онеги, прямо противъ города) и андскомъ (по направленію вверхъ по рѣкѣ Онегѣ, въ 8 верстахъ отъ города).

Въ такомъ видѣ представляется исторія Онежскаго лѣсного торга, — исторія документальная, такъ сказать бумажная, а вотъ и живая съ результатами, замѣченными П. И. Челищевымъ еще въ 1791 г. (см. путешествіе его по сѣверу Россіи, изд. въ 1886 г. графомъ С. Д. Шереметевымъ): „Шатаючись часто въ жизнь мою по мѣстамъ, гдѣ производится торгъ моего Государя и Отечества, не нашелъ я ничего вреднѣе, какъ бракованіе полезнѣйшихъ нашихъ произведеній и произрастеній и то единственно только во угожденіе алчныхъ и сребролюбивыхъ людей, которые безъ насъ никакъ обойтись не могутъ, а мы, если оставимъ наши прихоти, то смѣло можемъ забыть, есть ли они на свѣтѣ. И въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣетъ чужестранецъ браковать нашъ товаръ? Если онъ ему не угоденъ, не бери; пускай въ ихъ отечествѣ пріемники бракують товаръ у корабельщиковъ, а до насъ имъ какое дѣло? А тѣмъ самымъ сбиваютъ цѣну и разоряютъ неимущихъ и не гораздо просвѣщенныхъ нашихъ соотчичей. Напр. я привезъ десять тысячъ бревенъ, изъ которыхъ пять тысячъ самыхъ хорошихъ, три тысячи посредственныхъ, двѣ тысячи худыхъ. Сребролюбивый бракеръ бросаетъ совсѣмъ за негодность пять тысячъ, а хорошія пять тысячъ, ссылаясь на присяжную свою должность, го-

ворить: и тѣ сумнительны. Я уже зашелъ въ долгъ на заготовленіе сего лѣса, кредиторы меня мучаютъ, бракеръ мною ругается, а иноземецъ, снюхавшись съ присяжнымъ плутомъ, говоритъ: не мое дѣло. Наконецъ, съ чрезвычайнымъ ущербомъ перемогаетъ мой гостинецъ лукаваго и безжалостнаго чужестранца: половину моего лѣса принимаютъ кой-какъ, платятъ мнѣ за оный самую малую цѣну, другая половина остается на согнитіе во вредъ мнѣ, монарху и отечеству. Я расплачиваюсь кое-какъ съ моими кредиторами, на силу мнѣ остается на годъ хлѣбъ насущный, и, отвѣдавъ лѣтъ десять сего торгу, скапливаю кой-какъ тысячь пять въ карманъ, наскучиваю безпрестаннымъ симъ шишиморствомъ и бросивъ сей торгъ, уѣзжаю въ малый городишко, дѣлаюсь сумаремъ (мелкимъ торговцемъ) и на бѣдныхъ щахъ за труды мои проживаю остатокъ моей жизни. А лихоимственные бракеры, нажившись отъ моихъ убытковъ, въ великолѣпныхъ своихъ домахъ утопаютъ въ роскоши. Ни въ которомъ торгѣ такъ не примѣтно воровство бракарство какъ въ лѣсномъ и не такъ вредно, ибо вредъ изъ другихъ торговъ относится только на частныхъ людей, а этотъ относится и на государство, потому чтобъ бракерю сорвать за лѣсъ хорошій гостинецъ съ десять тысячъ бревенъ, то надобно, чтобы половина за бесполезное была брошена“.

Этой пѣснѣ уже на-дняхъ, такъ сказать, исполнится столѣтіе, а между тѣмъ даже не чуткое ухо слышитъ и сегодня рѣзкіе и однотонные звуки того же мотива. Онъ наскучилъ своею раздражительностію, измучилъ чувствительныя сердца и озлобилъ умы, а все-таки по-прежнему ноетъ и плачетъ, умоляя взглянуть на содѣянное, чтобы провѣрить сказанное. „Одна гавань, говоритъ дальше любознательный, честный авторъ, живо сочувствующій бодрому и трудолюбивому сѣверному люду—одна гавань (въ Онегѣ же), складенная сажень на сто плотно изъ обракованныхъ брусевъ поперекъ на Кій островъ, близъ г. Онеги, доказываетъ сіе. Ибо я скажу мало, ежели футовыхъ брусевъ квадратныхъ въ одномъ семъ мѣстѣ погублено сто тысячъ, гдѣ бы все то можно было сдѣлать изъ камня, ибо въ весь островъ, версты на четыре простирающійся, ни что какъ камень“. Дѣлая роскошныя пристани изъ дорогого товара, иностранцы съумѣли многовидную рѣку (хотя и порожистую) сдѣлать еще болѣе порожистою и совершенно не судоходною, не доступною со стороны моря: они засоряютъ рейдъ до сихъ поръ балластомъ. Ко всему этому надо присоединить, главнымъ образомъ, то существенное обстоятельство, что, какъ здѣсь, такъ и въ Архангельскѣ иностранцы всѣми происками „шишиморствомъ“ вытѣснили съ рынковъ русскихъ людей, а болѣе стойкихъ смিরили до совершеннаго подобія чужеземцамъ, въ смыслѣ людей, чуждыхъ нашимъ отечественнымъ интересамъ. Имя истребителя сѣверныхъ лѣсовъ Вильяма Гома имѣетъ право на историческую память.

О приказчикѣ Гома (Ниманѣ) тотъ же Челищевъ пишетъ: „Нигдѣ и никогда не было выдумано вреднѣе для истребленія лѣса заведенія, какъ въ Онежской лѣсной конторѣ, и способнѣе къ тому не бывало человека, какъ сей нерадивый Ниманъ, природой шведъ, по званію купецъ, по должности директоръ, а по промыслу разоритель“. „Содрогнуться должно (пишетъ Челищевъ), увидѣвъ сколько сей зловредный бродяга въ пятнадцать лѣтъ начудодѣялъ. Но опустимъ занавѣсу на государственную сію болячку, по пословицѣ „знай сверчокъ свой колчокъ“. „Господамъ британцамъ пришла охота за безцѣнную плату разорять наши лѣса на свои флоты“. Они и достигли своей цѣли. Академикъ Озерецковскій въ 1791 г. нашелъ въ Каргополѣ (при озерѣ Лачѣ, изъ котораго беретъ начало р. Онега) лѣса, которые росли на улицахъ этого города. Теперь ближе ста верстъ нельзя услышать меланхолическаго ропота этихъ лѣсовъ, а кругомъ самаго города, по присловью, негдѣ взять лучинки въ зубахъ поковырять.

Всѣ обыватели города Онеги заняты работами на этихъ заводахъ, живя тамъ пять сутокъ въ недѣлю: на шестые приходятъ они въ контору, получаютъ расчетъ и въ воскресенье, почти съ самаго утра, на улицахъ слышатся пѣсни, бродятъ подгулявшіе горожане. Пѣсни эти не смолкаютъ на ночь, тянутся потомъ и во весь слѣдующій день—понедѣльникъ, который извѣстенъ и тамъ подъ именемъ *маленькаго воскресенья*. По общимъ слухамъ и по нагляднымъ примѣтамъ, трудно найти въ другомъ какомъ-либо городѣ такого долгаго, безтолковаго загула, какъ въ Онегѣ. Вотъ почему дома безобразно покривились на бокъ, деревянные мостки погнили и обвалились, улицы заросли травой, три городскихъ кабака новенькіе, каменная церковь недостроена, деревянная, кладбищенская, полуразрушилась. Весь заработокъ онежане успѣваютъ пропить въ эти два загульные дня (иные, болѣе ретивые, начинаютъ еще съ вечера субботы), если толковая, храбрая и сильная жена не успѣетъ отобрать у расходившагося мужа небольшіе остатки, которые пойдутъ потомъ на недѣльное пропитаніе голодной, полунагой семьи. Можно положительно сказать, что только въ женскомъ населеніи, отличающемся крѣпкимъ, здоровымъ и красивымъ тѣлосложеніемъ, сохранился новгородскій типъ. Ему, даже до сихъ поръ, не измѣняетъ и внѣшній нарядъ женщинъ, особенно праздничный.

До сихъ еще поръ одѣвались онѣ, если не нарядно, то пестро и пышно, хотя по большей части въ платьѣ, переходящее изъ поколѣнія въ поколѣніе по наслѣдству. Штофные сарафаны изъ алой, голубой или зеленой матеріи, а часто изъ золотной (или золотой парчи), топырятся и шуршатъ. На головахъ у дѣвушекъ надѣты шелковые платки, у женщинъ—низенькія шапочки съ золотымъ начельникомъ или широкимъ позументомъ. У богатыхъ дѣвушекъ, по праздникамъ, кокош-

ники, называемые *повязками* и имѣющіе форму усѣченного конуса, или павловскаго кивера, украшены огромнымъ начельникомъ, широкимъ позументомъ, пронизаннымъ жемчугомъ ряда въ три—четыре. Сзади, по косѣ, пускалась алая лента ниже пояса. У всѣхъ блюдется старый обычай: при всякой встрѣчѣ кланяться и привѣтствовать другъ-друга добрымъ пожеланіемъ и привѣтомъ вродѣ слѣдующаго:

— Почти праздникъ-отъ!

— Твои гости!

Каждую субботу и наканунѣ всѣхъ большихъ праздниковъ моютъ полы, подоконицы, лѣстницы и даже самыя стѣны избъ. Изба, по старинному еще, дѣлится на три части: *шолнушъ*, или кухню, замѣняющую также спальню, собственно избу—столовую комнату, и *горенку*, которая ставится за *повѣтью* или сараемъ, пристраиваемымъ прямо къ избѣ, и которая, по обыкновенію, строится безъ печи и украшается картинами, зеркалами, чашками, самоваромъ, завозимыми сюда *торгованками*, временно пріѣзжающими изъ Каргополя и *офенями*—бродячими вязниковцами. Точно также, до-сихъ еще поръ, чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, слышится здѣсь старина, древнее сказаніе и новгородская пѣсня, которыя можно услышать и у тѣхъ же дѣвушекъ—по зимамъ на посѣдкахъ. Послѣднія также изстари свято блюдутся здѣсь, хотя, въ то же время, и значительно ослабѣли или совершенно прекратились во всѣхъ другихъ мѣстахъ архангельскаго края.

Если съ одной стороны, лѣсопильные заводы отвлекли все вниманіе горожанъ отъ родного крова, устремивъ дѣятельность ихъ на трудныя ломовыя работы, то, съ другой стороны, городъ Онега замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ ни кузнецовъ, ни столяровъ, ни слесарей; есть только плотники (да и то въ чужихъ рукахъ). По той же самой причинѣ, здѣсь и рыбная ловля незначительна и вся легко справляется женскимъ населеніемъ города. Дѣвушки и женщины осматриваютъ и обираютъ и миноговыя мерѣжи, и камбалыи уды, и запускаютъ сѣмोजи неводы и подплавни. Потому же, и собственно городской торговли рѣшительно не существуетъ: вся она находится въ рукахъ онежской лѣсной компаніи. По ея милости (отчасти), по причинѣ враждебныхъ природныхъ силъ страны (вообще), всѣ прірѣчные онежскіе жители уходятъ на дальніе промыслы до Петербурга включительно. Всѣхъ этихъ „прохорятатъ“, всѣхъ этихъ „прохоровыхъ дѣтей“ (по народному прозвищу онежанъ) можно во многомъ числѣ найти въ столицѣ на лѣсныхъ дворахъ и биржахъ. Сюда-то изъ Онеги мифическій „Прохоръ письмо прислалъ, а лободырному (самому ледащему и глупому изо всѣхъ) велѣлъ оброкъ собирать“,—какъ давно уже дразнять и сердять этихъ простодушныхъ выходцевъ съ рѣки Онеги. Тамъ у нихъ есть село Усть-Межа, про которое говорятъ, что въ ней „хлѣбно“ (много засѣваютъ хлѣба), и которое въ самомъ дѣлѣ пред-

ставляетъ конецъ или географическій предѣлъ тѣхъ мѣстностей, откуда жители уходятъ на дальніе заработки и между прочимъ на петербургскіе кирпичные заводы. Къ югу отъ села все пріонежье сидитъ дома и питается отъ земледѣлія. „Не бывать воронѣ далѣе Усть-межи“ иносказательно выражаются про это экономическое явленіе въ жизни пріонежскаго люда (дальше къ сѣверу, воронѣ и всякой птицѣ нечего клевать, нечѣмъ питаться). Хозяйничанье монополевой компаніи иностранцевъ, безъ милосердія истребившей лѣса, довело здѣсь дѣла до того, что все бы Пріонежье обезлюдѣло, если бы еще не поддерживала черноземная и хлѣбородная каргопольщина. Притомъ народъ отличается глубокимъ суевѣріемъ до такой степени, что когда появились здѣсь первые проповѣдники новаго раскольниковъ толка странниковъ или бѣгуновъ, многіе здѣшніе (особенно женщины) покинули дома и убѣжали жить уединенно въ лѣсныхъ трупобахъ и въ землянкахъ. Здѣсь же указываютъ на село Шелексу (слышущее такъ по рѣкѣ), и называютъ жителей его „безпутными“. Въ оправданіе ихъ крайней бѣдности сохранилось особое преданіе даже историческаго характера. Рассказываютъ, что къ шелеховцамъ явился нѣкоторый святой мужъ и просилъ мѣста для постройки кельи и часовни. Они не только отказали, но и плотъ, на которомъ прибылъ преподобный, оттолкнули отъ берега. Отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, св. мужъ предрекъ: „жить вамъ ни сѣро, ни бѣло; ни голо, ни богато“. Нашелъ себѣ удобное пристанище этотъ праведникъ св. Антоній, записанный въ святцахъ съ прозваніемъ Сійскій, въ 1520 году, на прекрасномъ островѣ, окруженномъ глубокими озерами и опоясанномъ рѣкою Сією, на ея пути въ р. Двину. Съ той поры имя „шелеховца, примѣняютъ къ безпутнымъ и безнравственнымъ людямъ, какъ ругательное. Эти, по крайней мѣрѣ, живутъ въ избахъ, общающихся довольство, хотя и хуже сосѣдей, но за то большая часть пріонежанъ — непокрытая бѣдность, народъ беззаботный: „семерыхъ въ одинъ кафтанъ согнали“. Близъ самаго города (всего въ 10 верстахъ) на озерѣ Андозерѣ, лежитъ деревушка, про жителей которой прямо говорятъ: „Андозера— хайдуки: нѣтъ ни хлѣба, ни муки“. Этимъ еще тѣмъ хорошо въ печальной жизни, что озеро даетъ рыбу и съ нею привыкли они обходиться безъ хлѣба, который и не сѣютъ. Менѣе счастливые осуждены просто пробираться Христовымъ именемъ, а по этой причинѣ тамъ и подслушано руководящее убѣжденіе того смысла, что бѣдному всегда подастъ Богъ или, какъ говорятъ они по своему: „анделъ далъ-бы въ цыпку, Микола на ложку“. Какъ-бы то ни было, во всѣхъ этихъ крайнихъ проявленіяхъ безпомощной бѣдности не малая доля отвѣтственности легла на Онежскую компанію лѣсного торга.

Доски и брусъя съ заводовъ компаніи доставляются къ кораблямъ, стоящимъ на Кійскомъ рейдѣ, при помощи особаго рода плоскодон-

ныхъ судовъ, называемыхъ *романовками*. Романовки эти не иное что, какъ тѣ же лоды, только съ нѣкоторыми незначительными особенностями. Такъ, напримѣръ, при противномъ вѣтрѣ, оцѣ, по крайней плоскостности своей, ходить не могутъ, и потому, въ этомъ случаѣ, буксируются компанейскимъ пароходомъ. На нихъ ставятся двѣ мачты (по 9 сажень 5 вершковъ), къ нимъ прикрѣпляются косые паруса. Палубы здѣсь не настилаются по той причинѣ, что суда эти грузятся трехдюймовыми досками (до 1,000—1,200 штукъ). У романовокъ дно плоское, какъ полъ; борты отвѣсны, какъ стѣна; ширина ихъ (*лонная* сторона) 28 ф., длина—75, высота—8 ф. 3 дюйма; 6 ф. вышины въ каютѣ, 7 ф. по форштевню; корма, какъ стѣна; ахтеръ-штевень уклоняется на 4 ф. форштевень на 5 ф., на ту и на другую сторону 9 ф. Обшивается она досками съ обѣихъ сторонъ такъ, что всего желѣза въ это судно идетъ, приблизительно, пудовъ до 100. Суда эти дальше Кійскаго рейда не ходятъ, хотя и былъ одинъ разъ такой случай, что одна изъ этихъ романовокъ сходила и, къ счастью, благополучно вернулась изъ Архангельска, на диво и крайнее удивленіе самихъ же строителей и хозяевъ. Прежде въ Подпорожьи строили лоды, но теперь, какъ говорятъ, и не думаютъ. Рѣдкій изъ порожскихъ не умѣетъ строить романовокъ по аляповатымъ, безтолковымъ чертежамъ, что и дѣлаютъ.

Въ этихъ же деревняхъ Подпорожской волости построень огромный заборъ для семги, пользующейся во всей Россіи заслуженною славою, какъ одной изъ лучшихъ и извѣстныхъ подъ именемъ *пороги*.

2-го іюля поморская шкуна „Николай Старковъ“, нагрузившись досками и брусьями, ладилась пуститься въ море, черезъ Кемь, въ Норвегію, гдѣ хозяинъ этой шкуны предполагалъ продать свой лѣсной товаръ. Братъ его предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ, обѣщая доставить въ Кемь, прямо моремъ и не дальше какъ чрезъ двое, много черезъ трое сутокъ. Надъ предложеніемъ этимъ я долго не задумывался: близкая неизвѣстность, неизвѣданный еще мною морской путь, надежное судно, способное лавировать (по здѣшнему *бетаться*), ласковый хозяинъ, говорунъ и острякъ, прямо изъ корня всего поморскаго края—каково Кемское поморье и деревня Сорока—все это, взятое вмѣстѣ, соблазнило меня.

Я предпочелъ шкуну и дальнее морское раздолье ѣздѣ верхомъ на девяносто слишкомъ верстахъ, и потомъ скучному прибрежному плаванію около всего Кемскаго берега слишкомъ на двѣсти верстъ, еще и по тому важному обстоятельству, что на возвратномъ пути съ Мурмана и Терскаго берега мнѣ не пришлось бы уже миновать этихъ интересныхъ мѣстъ.

На другой же день, со всіми своими пожитками, я былъ уже на шкунѣ,—и городъ Онега потянулся взадъ, выказывая крайнія ко взморью строенія свои, между которыми рисовались высокіе дома лѣсной компаніи. Изъ-за нихъ бѣлѣла соборная церковь; мрачно и непривѣтливо чернѣла темная роща, разсыпанная по крутой загородной горѣ. Чахлый лѣсъ сопровождалъ оба берега рѣки. Вдали бѣлѣлъ уже маякъ, и все-таки не пропадалъ изъ глазъ, не закрывался ни берегомъ, ни лѣсомъ, бѣдный, хотя и длинный городокъ Онега. Ровно сутки лавировали мы между отмелями и подводными коргами и кошками каменистой рѣки Онеги на полномъ, докучливомъ безвѣтріи. Два раза, на всемъ этомъ десяти-верстномъ пути, бросали мы якорь, выжидая вѣтра, и одинъ разъ такъ неудачно, что шкуну нашу убывая вода едва совсѣмъ не положила на бокъ. Изловчившись кое-какъ, съ криками и ругательствами хозяина и его двухъ работниковъ, мы на прибылой водѣ, поднявшей наше судно, медленно выбрались впередъ на Онежскій рейдъ, пристали къ острову Кію. Здѣсь вышли на берегъ его, съ тѣмъ, чтобы записаться въ таможенъ и дожидаться потомъ на берегу новаго прилива, обѣщавшаго намъ надежду ѣхать дальше въ глубь моря, помимо несчетнаго множества шхеръ и лудъ Онежскаго залива, съ бѣльшимъ удобствомъ и легкостью. Ровно полторы сутки потомъ, на полномъ, всегда обидномъ и докучливомъ безвѣтріи, видѣлся намъ островъ Кій съ обгорѣлымъ Крестнымъ монастыремъ, казенною таможеню, рѣденькою сосновою рощею и красновато-грязнымъ гранитнымъ берегомъ. Тотъ же гранитъ билъ въ глаза и на всѣхъ остальныхъ спопутныхъ лудахъ: Пурлудѣ, Шаглонѣ, Кюнд-островѣ и другихъ мелкихъ лудахъ, не имѣющихъ часто никакого названія.

Островъ Кій — сплошная гранитная скала, возвышающаяся на 40 футовъ надъ уровнемъ малой воды, прикрутая къ юго-востоку и западу, нѣсколько отлогая во всѣ другія стороны. Гранитъ покрытъ тонкимъ, разрывнымъ слоемъ земли, на которой, особенно въ щеляхъ и ложбинахъ, прицѣпились высокія сосновыя деревья, образующія рѣденькія, сильно просвѣчивающія рощи. Вотъ весь наружный видъ острова, дополняющійся на юго-восточной сторонѣ сараями лѣсной компаніи, домами таможни, выстроенной вновь послѣ англійскаго разгрома. Только они и составляютъ единственные жилыя мѣста острова. На зиму эти зданія пустѣютъ, при нихъ остаются только сторожа; но лѣтомъ они населены значительнѣе и гуще. Жизнь и дѣятельность кипятъ въ это время на всемъ островѣ и около него, на рейдѣ, въ значительныхъ размѣрахъ. Исключительная цѣль этой жизни и дѣятельности — доставка досокъ на романовкахъ изъ складныхъ сараевъ острова на иностранные корабли, стоящіе верстахъ въ полторахъ, на рейдѣ. Остальное жилье острова — Крестный монастырь, возвыша-

ющійся на сѣверо-восточной сторонѣ, состоитъ менѣе чѣмъ изъ десяти человѣкъ монаховъ. Въ мой проѣздъ монастырь представлялъ обгорѣлую, далеко еще не поправленную массу зданій. За нѣсколько дней до прихода англичанъ на Онежскій рейдъ, Крестный монастырь сгорѣлъ отъ неосторожности монаховъ.

Вѣднѣй въ настоящее время, по незначительности рыбной ловли и бесплодности островного гранита, существующій весьма незначительными и рѣдкими вкладами соловецкихъ богомольцевъ, Крестный монастырь, какъ извѣстно, основанъ въ 1657 году патріархомъ Никономъ. Онъ бывши, еще соловецкимъ іеромонахомъ и отправлявшійся съ церковными требами, потерпѣлъ крушеніе въ устьѣ рѣки Онеги, спасся на этомъ островѣ и, по исконному обычаю того края, поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вступилъ на берегъ, деревянный крестъ. Это было въ 1635 году. Въ 1652 году Никонъ, будучи уже новгородскимъ митрополитомъ, ѣздивъ въ Соловецкій монастырь, вмѣстѣ съ княземъ Хованскимъ, за мощами митрополита Филиппа, видѣлъ на Кій-островѣ крестъ свой, видѣлъ вѣру къ нему въ ближнихъ жителейхъ и тогда же рѣшилъ основать здѣсь монастырь. Обѣтъ свой онъ привелъ въ исполненіе тогда уже, когда сдѣлался московскимъ патріархомъ. Въ 1656 г. Никонъ, по жалованной грамотѣ отъ царя Алексѣя Михайловича, началъ строить монастырь на счетъ своей келейной казны и на тѣ шесть тысячъ рублей, которые пожалованы были ему царемъ Алексѣемъ. Въ 1692 г. царь Петръ Алексѣевичъ указалъ производить монастырю государскаго жалованья на церковныя potreбы и на монашенскія одежды каждагодно по 292 руб. 90 коп., что и производилось по 1707 годъ. Кромѣ ризъ и книгъ, жалованныхъ монастырю царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, царевною Татьяною Михайловною и самимъ патріархомъ, въ монастырѣ хранится животворящій крестъ съ 300 частицъ мощей, сооруженный, по заказу Никона, въ Іерусалимѣ, въ настоящую мѣру креста Христова (длиною 4 аршина, поперечное дерево 2 аршина 13 вершковъ, титла—15 вершковъ, подножіе въ аршинъ, ширина 5 вершковъ, толщина 2 вершка). Крестъ этотъ привезенъ былъ въ монастырь въ 1657 году, а въ 1661 году явился сюда изъ Москвы и самъ строитель для освященія готоваго уже соборнаго храма во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Въ 1657 г. монастырь былъ утвержденъ государевыми жалованными грамотами, съ дачею волостей съ 4.537-ю душами. Тогда же приписаны были къ нему и Усть-Янская волость (теперь городъ Онега), и Опеченскій (Печенгскій) кольскій монастырь, со всею округою, и Сырьинская и Благовѣщенская пустыни.

Монастырь нельзя покинуть, не вспомнивъ, что здѣсь около 12 лѣтъ прожилъ въ ссылкѣ лишенный сана воронежскій епископъ Левъ (Юрловъ), извѣстный своими приключеніями. Голиковъ въ исторіи

Петра рассказывает между прочимъ слѣдующее: однажды Петръ пригласилъ невѣстку свою Марфу Матвѣевну (супругу царя Феодора) на ассамблею въ Нѣмецкую слободу къ голландскому купцу Гоппу. Съ царицей былъ ея пажъ Юрловъ. Послѣ ужина, во время танцевъ царь попросилъ меду, но его не оказалось. Когда потребовалъ анисовки, то не оказалось того кубка, серебрянаго, съ крышкой весьма изящной работы, изъ котораго обычно пилъ государь настойку. Онъ приказалъ запереть ворота и никого не выпускать не только на улицу, но и изъ покоевъ на дворъ. По разспросамъ, у прислуги, узнали, что выходилъ къ царицыной каретѣ одинъ только ея пажъ. Спрятанный кубокъ отыскали, а невѣсткѣ своей царь приказалъ на другой день утромъ прислать къ нему Юрлова.—Этотъ бросился къ ногамъ царицы, и, повинился.

— Что ты сдѣлалъ, проклятый! Вѣдь государь засѣчетъ тебя, и вѣчно напишетъ въ матросы или, по крайней мѣрѣ, въ солдаты.

Вручивши ему нѣсколько червонцевъ, царица велѣла ему спастись, какъ знаетъ. Она получила отъ Петра выговоръ, а Юрсовъ сталъ промыслять о своемъ животѣ. Всѣ поиски остались тщетными потому, что виновный забѣжалъ далеко,—и въ одномъ изъ вологодскихъ монастырей успѣлъ постричься въ монахи съ именемъ Льва. Въ 1727 г. онъ былъ уже въ Переяславлѣ Залѣсскомъ архимандритомъ Горицкаго монастыря, такъ какъ въ этомъ году (1-го марта) его хиротонисали во епископа, и послали на епархію въ Воронежъ. Живя здѣсь, онъ завелъ ссору съ губернаторомъ, которая разгорѣлась сильно какъ разъ къ тому времени, когда на престолъ вступила Анна. Губернаторъ, получивъ указъ сената, пригласилъ архіерея служить соборный молебенъ и приводить гражданъ, и чиновниковъ къ присягѣ на подданство. Архіерей отказался неимѣніемъ указа изъ синода. Губернаторъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ Отомстить врагу и тотчасъ же отправилъ въ сенатъ курьера съ доносомъ на Льва. Сенатъ рѣшилъ взять епископа въ Москву, предать суду, лишить сана, переименовавъ Лаврентіемъ. Судъ приговорилъ наказать его кнутомъ и сослать въ этотъ никоновскій монастырь. Рѣшеніе приведено въ исполненіе 3 декабря 1730 года. Императрица Елизавета, прощавшая всѣхъ обвиненныхъ при Аниѣ, вспомнила обо Львѣ и приказала освободить его отъ ссылки и возвратить ему архіерейскій санъ. Прощенный отказался отъ управленія епархіей и кончилъ жизнь въ Москвѣ на покое въ Знаменскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ и маленькій Крестный монастырь не избѣгъ той же участи, какая предназначена была всѣмъ отдаленнымъ монастырямъ и въ особенности такому большому и богатому, каковъ ставропигіальный и знаменитый Соловецкій. Тамошняя монастырская тюрьма сдѣлалась спеціальнымъ мѣстомъ для заключенія не только

преступниковъ противъ вѣры, но и для ссылаемыхъ за оскорбленіе Величества. Въ таковыхъ между прочимъ зачтены были два князя Долгорукихъ—Василій Владиміровичъ и родственникъ его Василій Лукичъ, желавшіе ограничить самодержавныя права императрицы Анны (первый прожилъ два года, а второй девять лѣтъ до освобожденія Елизаветою. Когда разыгралась ссора Бирона съ Артеміемъ Волинскимъ, сюда же въ Соловки сосланъ былъ, и здѣсь же умеръ другъ бывшаго кабинетъ-министра графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, наказанный будто бы за дерзкія рѣчи противъ правительства, а собственно за связи и дружбу съ Волинскимъ.

IV.

НА ШКУНѢ.

Переѣздъ изъ Онеги въ Кемь.—Впечатлѣнія морскаго пути Луды.—Старикъ работникъ.—Егоръ Старковъ.—Мижмуи.—Взведены.—Характеристика морскихъ вѣтровъ.—Морскія примѣты.—Морскія воды, приливъ и отливъ.—Купнога.—Сдвой.—Подводныя опасности.—Преданія о спопутныхъ островахъ: Никодимскомъ, Полтамъ-Коргѣ, Нѣмецкой Варахѣ, Осинкѣ (голодная смерть).—Преданіе объ Кдлгуевѣ и Ждгжинѣ и богатыряхъ Колгѣ и Жогжѣ.—Кончахъ.—На берегу.

Съ востока потянуло крѣпкой, проникающей сыростью. Показались густо-плотные клочки облаковъ, превратившихся вскорѣ въ сплошную массу, затянувшую ту часть горизонта, откуда появилось впервые густое дымчатое облачко—первый предвозвѣстникъ тумана. Солнце, до этой поры яркое и жгучее, со всѣми характерными признаками лѣтняго іюльскаго солнца, стало какимъ-то матово-фольговымъ кругомъ, на который даже смотрѣть было можно безнаказанно, а тамъ и совсѣмъ его затянуло туманомъ: ни одинъ лучъ, ни одна искра свѣта не могли пронизать тумана, чтобы освѣтить и нашу сѣрую шкуну, нахмурившееся море, начинавшее усиленно плескаться въ борты ея. *Заводился вѣтеръ, но противнякъ.* Вся надежда полагалась на *полую воду*, которая, слѣдуя законамъ отлива, пошла съ береговъ и понесла вслѣдъ за нами клочья изжелта-зеленой *туры* (морского горошка), мелкія щепки, гдѣ-то выхваченное бревно, еловые вѣтки, лѣниво-колыхавшіяся въ густой пѣнѣ, смытой съ береговъ сосѣдняго гранитнаго островка, а отчасти пущенный и нашимъ утлымъ судномъ. Шли медленно, сколько это можно было понять изъ того, что у бортовъ не визжала и не шумѣла вода, развѣзываемая носомъ, а медленно, монотонно плескалась на судно, и слѣдъ шкуны былъ такъ коротокъ, что конецъ его легко можно было услѣдить глазомъ. Вотъ пробѣжалъ легенькій вѣтерокъ и прорыбилъ стихавшую поверхность хмураго моря: слѣдъ судна сталъ замѣтно удлиняться и совсѣмъ пропадать изъ глазъ, подхватываемый набѣгавшими волнами.

— Перекинь кливерь!.. тyani шкотъ!—раздались громкія, урывистыя слова, въ которыхъ было такъ много успокоительно-пріятнаго, тѣмъ болѣе, что преслѣдовавшее насъ безвѣтріе отъ самаго города Онеги и его мелкой и порожистой рѣки бѣсило даже привычныхъ мореходовъ-работниковъ судна. Не одинъ уже разъ замѣчалъ хозяинъ.

— Надо-быть, старая баба помирала на ту пору, какъ заводилось намъ вечеръ повѣтерье...

— А то что же? спрашивалъ я.

— Дѣло-то вотъ какое несхожее: у насъ вѣтра (примѣта) такая, что какимъ вѣтромъ пошелъ ты изъ становища, такимъ и на мѣсто придешь. Обидитъ тебя вотъ этакъ-то противнякомъ на выходѣ, такъ на противнякахъ тебѣ и весь путь итти. Больно ужъ горько ладиться этакъ-то, словно тебя кто за корму-то сгрѣбъ и не пускаетъ.

Обиженный безвѣтріемъ хозяинъ уходилъ съ палубы и крѣпко засыпалъ, уложивши свое богатырски-развитое тѣло во всю длину узенькой, душной каюты. У руля оставлялъ онъ работника съ приказаньемъ ладиться на востокъ къ Онежскому берегу и на Орловъ-Наволокъ, откуда, по его мнѣнію, теченіе моря идетъ прямо на Кузовскіе острова. Отъ нихъ уже рукой подать и до вождѣленной Кеми. Старикъ дремалъ у руля, не считая нужнымъ слишкомъ налегать на него или поворачивать по требованіямъ прихотливаго вѣтра. Другой работникъ (на шкунѣ ихъ было всего трое), хотя и не ладно кроенный богатырь, пользуясь тѣмъ завиднымъ преимуществомъ, что онъ былъ братомъ хозяину, тоже большею частію спалъ, и только когда уже не было никакой возможности смѣжить очей, отъ излишняго пресыщенія въ этомъ невинномъ удовольствіи расходовать скучное время, щипалъ паклю или выливалъ помпой воду прямо на палубу. Все глядѣло до той поры какъ-то мрачно: и крѣпко заплатанные паруса, ваявшіеся на палубѣ безъ дѣла и безъ призрѣнія, и самая помпа, въ которой сейчасъ только прошипѣлъ и опустился внизъ поршень отъ напора ворвавашагося воздуха, и это сѣренькое небо съ яркимъ лѣтнимъ солнцемъ и безъ всякаго вѣтра, враждебнаго или благопріятнаго,—и это безбрежное море, слившееся съ дальнимъ горизонтомъ и обозначившееся въ мѣстѣ сліянія густо-синей полоской, и, наконецъ, эти голые гранитные острова (луды), которые цѣлой вереницей тянулись справа и слѣва во всю длину Онежской губы, дальше въ *полюмя*—безконечную даль моря. Кое-гдѣ на докучныхъ островахъ пробился какъ-будто густой лѣсъ издали, на самомъ же дѣлѣ рѣденькій, скудный кустарникъ, кое-какъ уцѣпившійся на клочкѣхъ земли, приросшей къ холодному и голому граниту луды (гранитные острова Бѣлаго моря; часто также слово это употребляется въ значеніи продолговатой прибрежной мели, выступившей значительно на поверхность подобнаго камня въ противоположность кипакѣ—не вы-

сокой береговой гранитной скалѣ). Съ одной луды выглядывала черная, догнивающая свой вѣкъ промысловая избенка, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая отъ англичанъ, только что въ прошломъ году оставившихъ холодное и безпривѣтное Бѣлое море. Избенка эта пуста теперь и только будущей осенью населится артелью промышленниковъ, вышедшихъ въ море за морской свинкой—бѣлугой. Вскрикнуть, бывало, пронзительно-больно и для ушей, и для пораженнаго безлюдьемъ и скукой сердца, пары двѣ-три чаекъ, и поднимутся онѣ надъ самой низенькой лудой, которая далеко за половину заливається прибылой водой, и опустятся опять внизъ, и еще тяжеле, и еще безпривѣтнѣе послышатся ихъ дикіе, глухіе крики. При этомъ замѣтитъ, бывало, кто нибудь изъ товарищей-спутниковъ:

— Надъ гнѣздомъ воютъ: пѣть ребятишекъ своихъ учать, какъ лѣшіе по зарямъ; летать тоже учать: мы-де ужъ во-какъ умѣемъ, и вы потому же, молъ, смѣкайте... Въ Соловецкомъ отъ ихняго крика дѣться некуда. Непутная птица, совсѣмъ дикая: разкудахталась вотъ этимъ-то *порато*—ну и чуй непогодъ; знай—падетъ вѣтеръ какой ни на есть. Да, вишь, намъ-то все противнякъ... все противнякъ!..

Разсказчикъ замашетъ, бывало, рукой, покрутитъ головой и уйдетъ либо въ каюту спать, либо на корму платить продыравленный парусъ. Смотришь, бывало, въ воду, какъ прорябитъ ее легонькій вѣтерокъ и опять докучная тишь сгладитъ всѣ рябинки. По прежнему безотрадно и тихо море, по прежнему ощущается та чарующая чистота воздуха, отъ которой какъ-то и въ груди широко и привольно, и дышется такъ легко, и ничто, кажется, не увлечетъ съ палубы въ каюту. Заѣсъ уже окончательно сонное царство и ведутъ безсвязные, безтолковые разговоры въ бреду оба брата. Одинъ проснулся, вышелъ на палубу и также замѣтно пораженъ увлекающей прелестью теплой погоды.

— Эка благодать! Эка благодать—матушка! Эко привольное раздолье, жисть благодатная!.. мірозданіе божеское!.. А все бы, гляди, лучше, кабы повѣтерье-то пало. Ну, да ладно!.. Море—это горе, а безъ него—кажись, вдвое. Что у васъ тамъ... въ Расеѣ-то; есть экое-то?—прихвастнулъ хозяинъ и, получивши отрицательный отвѣтъ, еще больше пріударилъ на свое:

— То то, вѣдь нѣтъ!.. ину пору, правда, и тоска беретъ этакъ въ непогодъ али-бо на берегу сидя, а попалъ вотъ въ этакую благодать, такъ слезными рыданіями не прочь удовольствіе себѣ получить: не сошелъ бы съ палубы!..

— А что, паря, готовъ ли обѣдъ-отъ?—Наставляй скорѣйча!.. завершить, бывало, свою рѣчь хозяинъ. Знаешь уже, что уйдетъ онъ съ братомъ въ каюту и станетъ ѣсть тамъ сначала жидкость, на треть съ морской водой, называемой ими разсоломъ, и на двѣ трети съ

прѣсной, сильно потеплѣвшей и значительно выстоявшейся въ нечистомъ боченкѣ. Горячую жидкость эту зовутъ они ухой, хотя оттуда вынута и потребляется особо обожаемая всѣмъ архангельскимъ краемъ треска, со своимъ одуряющимъ, амміакальнымъ запахомъ, который не пропадаетъ въ ней и по вываркѣ. Навѣрно знаешь, бывало, что съѣдятъ товарищи всю уху—одинъ непременно примолвить, постукивая ложкой въ пустую чашку: „дожда не будетъ!“ Твердо знаешь и то, что за треской послѣдуетъ пшенная каша, причемъ непременно потужить хозяинъ, что забылъ прихватить съ собой съ берега масла, и замѣнить его той же соленой ухой. Твердо знаешь, что при первомъ появленіи въ каюту къ обѣду, обзоветъ онъ тебя приглашеніемъ:

— Поѣшь трещочки-то: хорошо, вѣдь!

— Не хочу; спасибо!

— Не привышное, вишь, дѣло-то тебѣ, не привышное. Мы такъ вотъ и о пасхѣ ей разговляемся: на сковородкѣ яйцами обливаемъ, да со скоромнымъ масломъ и ѣдимъ въ сласть: знатно кушанье!.. Что же своей-то не поѣшь?

— Ветчины-то? не хочешь-ли попробовать?

— На оба конца не соблаговолила бы!.. а съ молитвою и все въ сласть: давай за твое здоровье! Вареную-то вотъ, чай, благонадежно можно есть.

Попробоваль—не нравится: нашель, что она въ пирогъ лучше, а такъ-де боязно есть.

— Женщины-то ѣдятъ ли ее?

— Ёдятъ.

— А любятъ ли?

— Да ужъ ѣдятъ, такъ, стало быть, любятъ...

— То-то!

Надоѣли въ безвѣтріи и эти докучные, невяжущіеся разговоры. И рады, и истинный на улицѣ праздникъ для всѣхъ насъ, когда, бывало, повстрѣчаемся на морскомъ безлюдьи съ другимъ судномъ, которое везетъ также живыхъ существъ. И все въ этомъ суднѣ интересно: и какой оно краской покрашено,—и потому сумское ли оно, или кемское — и что везутъ: треску или мелкую рыбу морскую, и сколько рабочихъ. Спитъ кто — разбудятъ бывало: „ступай, лодья идетъ, полно дрыхать-то“. И привѣтствуемъ, бывало, встрѣчныхъ завѣтнымъ прадедовскимъ привѣтомъ, и намъ отвѣчаютъ тѣмъ же:

— Путемъ-дорогой здравствуйте, молодцы!

— Здорово ваше здоровье на всѣ четыре вѣтра!

— Откуда Богъ несетъ?

— Съ Мурмана—въ *Городъ*.

— Чѣихъ вы?

— Кемскіе.

— Что это у васъ лодья-то безъ мачты?

— На голомани сломало: несхожіе вѣтры пали.

— У насъ такъ вольненькая морянка все тянетъ, такъ... легонькая. Третьи вотъ сутки отъ Онеги шляндаемъ...

— Тамъ, на Терскомъ—ай-какія бури стояли! Со дна воротило, и все межонные вѣтра были!..

Съ тѣмъ мы и разошлись. Не удивили и не озадачали, уже прислушавшееся къ мѣстному говору ухо, новыя слова, вставленные въ короткія рѣчи привѣтствія. Зналъ я уже давно, что Мурманомъ зовется тотъ берегъ океана, который потянулся отъ Бѣлаго моря на западъ мимо Колы къ норвежской границѣ и на который сѣзжаются всѣ поморы для ловли трески — спасительнаго продукта для пищи, замѣняющаго легко и благотѣльно всякаго рода хлѣбъ, который въ сѣверныхъ краяхъ не родится. Зналъ я, что городомъ зовется исключительно одинъ только Архангельскъ, куда свозится и гдѣ продается вся выловленная на океанѣ треска; что морянка—легонькій, богатый, по выраженію поморовъ, вѣтерокъ съ моря; голоманы—даль морская, все, что пошло отъ берега, который, въ свою очередь, носить общее названіе горы, и что, наконецъ, съ понятіемъ о межонныхъ вѣтрахъ соединяется понятіе о непостоянствѣ вѣтровъ, дующихъ лѣтомъ, когда случается, что вѣтры обойдутъ кругомъ по всѣмъ румбамъ компаса, тогда какъ осенью морскіе вѣтры N, NO и O часто дуютъ безпрестанно не только по цѣлымъ днямъ, но даже и по цѣлымъ недѣлямъ.

На морѣ по прежнему тишь и гладь; но на дальнемъ краю, тамъ, гдѣ начинается синева горизонта, промелькнуло что-то бѣлое, какъ будто волны; вотъ ближе и въ какой замѣчательной непослѣдовательности одна за другой, то въ одномъ мѣстѣ, то замѣтно далеко въ другомъ!

— Что это такое, старикъ?

— А бѣлухи лѣщатся: знать, вѣтеръ чуютъ! — спину показываютъ, цѣлымъ юровомъ (стадомъ) выплыли.

Юрово это такъ близко, что можно различать всѣ ихъ продѣлки. Старикъ-работникъ не выдержалъ:

— Бѣлухъ-то какъ есть спихнемъ: на дорогѣ стали! Любятъ они духъ человѣчій—идутъ на него.

Бѣлухи, высовывая голову, замѣтно вдыхаютъ въ себя воздухъ, издавая при этомъ непріятные для уха звуки, на подобіе свиного хрюканья, и прячутъ голову въ воду, выгибая при этомъ свою горбатую, серебристую, какъ вѣшній снѣгъ, спину.

— Совсѣмъ свинья-бы, присказалъ снова старикъ: — только ногъ нѣту,— а хрюкаетъ.

Надъ бѣлужимъ стадомъ мгновенно закружились — откуда взялись — огромныя стаи чаекъ, подхватывая изо-рту звѣря пойманныхъ имъ маленькихъ рыбокъ. Старикъ и здѣсь не выдержалъ:

— Чайки эти завсегда живутъ мірскимъ подаяніемъ, что богомолки соловецкія!.. Ишь норовить!.. ишь сторожить, проклятая!

Дѣйствительно зоркая чайка, замѣтивъ звѣря у поверхности воды, тотчасъ опускалась ниже и распускала свои крылья насторожѣ. Звѣрь, разгребая воду лапами на двѣ струи, высовывалъ свою небольшую голову и терялъ часть добычи: чайки уже тутъ-какъ-тутъ.

Старикъ продолжалъ раскачивать головой и хлопать себя по бедрамъ, и какъ будто горевалъ бѣлужьему горю:

— Эка, гляжу, ненасытъ, эки проклятыя! Всего имъ мало, обжорамъ!..

Бѣлухи, по прежнему, продолжали шумѣть водой и, по прежнему, судорожно вскрикивали и немедленно тяжело отлетали прочь чайки съ рыбой во рту...

Таковъ видъ на морѣ. На палубѣ виднѣлись прежнія, давно знакомыя картины: хозяинъ для разнообразія сѣлъ къ рулю, отпустилъ горемычнаго старика-работника отдохнуть, соснуть, а самъ замурлыкалъ себѣ подъ носъ ту заунывную пѣсню, отъ которой еще тяжелѣе становится на душѣ. Старикъ, воспользовавшись свободой, бросилъ на веревочкѣ *плицу* (деревянное корытцо, которымъ на мелкихъ судахъ бѣломорскихъ вычерпываютъ воду), досталъ морской воды и вымылъ ею руки — занятіе, къ которому онъ ежедневно прибѣгалъ разъ по пяти — по шести на день. Онъ завалился спать на палубѣ, сильно пропекаемой жгучимъ солнцемъ. Братъ хозяина лѣниво щиплетъ, по прежнему, паклю, какъ будто серьезное дѣло дѣлаетъ: ни пѣсень не поетъ, ни съ кѣмъ не заговариваетъ. Разъ только подошелъ онъ къ борту и безсознательно-тупо поглядѣлъ въ темно-зеленую чернѣть воды и засвисталъ тѣмъ дребезжащимъ свистомъ, какимъ пріохочиваетъ ящикъ на питье свою уходившуюся и взмыленную тройку.

— Чего, чортъ, разсвистался-то? — обозвалъ его братъ, все еще навалившійся на руль и мурлыкавшій свою горемычную русскую пѣсню.

— Да вишь — нерьпа!..

— Выстаетъ, что ли?

— Знамо.

На гладкой поверхности моря, время отъ времени, показывалась между тѣмъ черненькая, маленькая живая головка, съ плоскимъ утинымъ носомъ, судорожно вертѣвшаяся изъ стороны въ сторону, какъ бы прислушиваясь къ дикимъ звукамъ человѣческаго свиста. Вотъ показалась серебристая, лоснящаяся, сизая шейка звѣрька, и вотъ

часть бѣленькаго брюшка. Звѣрекъ бойко помахиваетъ головкой, ныряетъ въ воду и опять выстаётъ, чтобы снова подхватить долетающіе до него звуки свиста. Опять онъ крутитъ головкой, подплывая почти къ самому судну, и опять прячется, и опять выстаётъ, но уже въ другомъ мѣстѣ, далеко въ голомѣ: такой онъ юркій скороходъ!

— Надо быть, осенній выводокъ, замѣтилъ хозяинъ;—да, вишь, заблудился, отсталъ отъ стада. Лѣтомъ не слѣдно имъ жить здѣсь: ѣсть нечего, уходить за сельдами за Грумантъ (Шпицбергенъ). И любопытный звѣрекъ: охочъ на свистъ-отъ. Тѣмъ вотъ и донимаемъ, беремъ на стрѣльну. Больше за ними и уходу нѣтъ: нѣтъ этихъ тамъ сѣтей, крючьевъ что-ли. А саломъ лакомъ, мягкое сало даетъ и кожу даетъ хорошую. Вонъ соловецкіе монахи сапоги — бахилы дѣлаютъ, поясами чресла перепоясываютъ. Сходный, барышный звѣрекъ, что говорить: одно—малъ!..

Моремъ опять понесло туру и щепки, и опять все это затянуло пѣной, оторванной отъ берега и голышей-камней, кое-гдѣ торчащихъ безъ всякой системы и порядка на всемъ протяженіи безтолковой и опасной для судовъ Онежской губы.

— Полая пошла, теперь ходчѣ станетъ. Все, гляди, хоть на куриной шагъ, да ближе къ Кеми.

— Скучно ужъ очень. Не глядѣлъ бы ни на что!

— Кто говорить?! знамо, скучно: въ-первые на морѣ. Какъ тебѣ не быть скучно, дѣло не свычное. Мы вотъ и родились почестъ что на морѣ, да и тутъ все нутро воротить. Смѣхай, вѣдь совсѣмъ упалъ вѣтеръ! Экая тишь, словно на смѣхъ и горе!..

— Посвищи на тюленя-то, веселѣй станетъ! — счелъ за нужное прибавить отъ себя забавлявшійся созерцаніемъ любопытнаго звѣрька парень.

— Поѣлъ бы нѣшто. Вишь, вѣдь ты не спишь, не ѣшь, — утѣшалъ въ свою очередь хозяинъ.

— Не хочется: призору нѣтъ.

— Знамо, какой тутъ призоръ? несвычное дѣло, знамо... На берегу-то тебѣ, поди, лучше?

— Разумѣется лучше.

— А насъ такъ вотъ тамъ и калачемъ не удержишь. Нечего намъ на берегу дѣлать. Давно идетъ у насъ пословка: — „море наше поле, дастъ Богъ рыбу—дастъ Богъ и хлѣбъ“. Моремъ только и живемъ, а сторона выходитъ самая украина, у край моря сидимъ. На него вся наша надежда!

— Да, вѣдь, ужъ скучно очень!

— Какъ не скучно; знамо, скучно!

Нѣтъ, рѣшительно не клеится разговоръ. Хозяинъ видимо и самъ утомленъ и озадаченъ безысходностью положенія: вяло какъ-то и по

палубѣ онъ ходить, и спать ужъ черезъ-чуръ часто и долго, и пѣсни все поетъ заунывныя, да и ѣсть лѣниво и много. Не таковъ былъ онъ въ первый день знакомства съ нимъ, когда пробирались мелководной и порожистой рѣкой Онегой, ежеминутно почти мѣряясь шестомъ, чтобы, не ровень часть, не сѣсть на мель и не положить судна совсѣмъ на бокъ. Разъ я поймалъ его на такой штукѣ: долго, долго смотрѣлъ онъ противъ вѣтра и крутилъ головой, какъ-будто сердился; затѣмъ снялъ шапку, похлопалъ себя по лбу и сталъ зачесывать вихорь на правый високъ. Опять похлопалъ себя по лбу и засвисталъ.

— Что это ты дѣлаешь?

— Вѣтеръ хочу раздразнить: вишь, вѣдь, чтобъ его!..

— Какъ-будто онъ тебя послушается?

Хозяинъ задумался было, но вскорѣ спохватился:

— Бывало и слушивался; а коли и не такъ, такъ все какъ-то на сердцѣ легче, какъ-будто и сдѣлалъ свое дѣло-то... Совсѣмъ на-противѣлъ,—свищи, старики!

Старикъ, также охотно и сохраняя ту же важность выраженія въ лицѣ, хлопалъ себя по лбу, присвистывалъ и дразнилъ вѣтеръ.

— Что, старикъ, и тебѣ легче? спросилъ я его.

— Знамо, легче!..

Однимъ словомъ, всѣмъ надоѣло постоянное безвѣтріе въ теченіе цѣлыхъ двухъ сутокъ. Даже и старикъ-работникъ, который хвастался тѣмъ, что „вотъ-де пятый десятокъ живу, а почестъ не сходилъ съ судна“, не доволенъ своимъ положеніемъ. Все время онъ охаетъ и отрывисто поддакиваетъ сѣтованіямъ на безвѣтріе или постоянный противнякъ. По цѣлымъ часамъ приходилось, бывало, просиживать у борта, бессознательно созерцая гладкую, безбрежную поверхность моря и синюю массу дальняго берега, на которомъ нельзя уже различить ни черныхъ кучекъ—избенокъ селенія, ни яркой золотой точки, горѣвшей въ крестѣ надъ церковью, ни оврага со сверкающей змѣйкой-рѣченкой: все ушло вдаль и отливало туманной синевою. Теперь и того не видно: все заволокло туманомъ, до того густымъ, что въ немъ нельзя уже различить съ кормы даже старика, рочившаго кливеръ, и брата хозяина, вскарабкавшагося на бизань по оборванной, грозящей ежеминутно смертью, веревочной лѣстницѣ (вѣнтамъ), гдѣ и самые приступки (выбленки) чрезъ два въ третій, измочалены, висятъ клочьями.

Наступила минута всеобщаго торжественнаго молчанія: всѣ стояли насторожѣ въ ожиданіи того, въ какую сторону приметъ направленіе вѣтеръ, до того времени игравшій кливеромъ то съ одной стороны его, то съ другой. Наступилъ и этотъ моментъ, сопровождаемый невыносимымъ скрипомъ бизани и всѣми рѣзкими, бранными словами, на какія только можетъ хватить умѣнье и привычка русскаго человѣка,

въ сердцахъ и безмѣрно-обиженнаго. У брата хозяина сильнымъ порывомъ вѣтра вырвало изъ рукъ кливеръ, шкотъ. Его поймали багромъ, но виноватый получилъ пять-шесть ударовъ въ спину — и отдохнуть бы, но хозяинъ, весь уже превратившійся въ суетливаго, почувствовавшаго и сознавшаго трудную минуту въ своемъ положеніи посреди враждебныхъ стихій, требовалъ его къ бизани, крѣпко бранилъ. Бранилъ и за то, что спуталъ всѣ веревки на мачтѣ, хотя скорѣе спуталъ ихъ вѣтеръ, и за то, что медленно рочилъ бечеву, и за то, что медленно отходилъ къ другому борту для закрѣпы шкота. Не ушелъ и смиренный старикъ отъ зоркаго глаза и замѣтокъ хозяина: и ему послано съ бизани приказаніе, съ сильной закрѣпкой и памяткой, налечь на руль крѣпче и держать круче, на перерѣзъ волны. Любо было видѣть его въ эту минуту полного разгара хлопотливости: онъ то взберется на лѣстницу вверхъ, то опять, почти въ мгновеніе ока, очутится внизу у кливера. Наконецъ, торжествующій, посреди прежняго всеобщаго молчанія, онъ сѣлъ къ рулю самъ, прогнавши старика слѣдить за кливеромъ.

— Что, хозяинъ, теперь весело?

— Ну, да какъ не весело? благодать! и на сердцѣ складно. Этакъ-то вотъ иную пору тамъ, въ океанѣ, сутки у руля-то просидишь легко и передать жаль. Таково-то любо!..

Всѣ три паруса надуло вѣтромъ до состоянія полноты и насыщенія. Накренившееся судно бойко разрѣзало въ мелкія брызги набѣгавшія густыя волны и бѣжало смѣло впередъ, оставляя позади себя бѣлую, гладкую полосу, окаймленную густой бѣлой пѣной. Пѣну эту подхватывали набѣгавшія волны, съ шумомъ отпрядывавшія отъ бортовъ въ мелкихъ брызгахъ. Туманъ замѣтно пропадалъ, позволяя видѣть мрачно клокотавшую бездну воды, взбитую густыми волнами, невысокими, но частыми и бойкими, во всемъ ихъ поэтическомъ обаяніи и прелести. Но вотъ волны, гонимыя боковымъ вѣтромъ, стали чаще и смѣлѣе набѣгать на накренившійся бортъ шкуны, прядали черезъ него, обсыпали своими противно-соленого вкуса каплями и лицо, и платье. Одна волна цѣлую массу воды кинула черезъ судно и опечалила всѣхъ.

— Порато же много выпало вѣтра! — наконецъ-то выговорилъ хозяинъ, до того времени хранившій гробовое молчаніе.

— Отдай кливеръ, да держись крѣпче за бечеву: повернемъ!

На палубѣ сдѣлалось такъ холодно, какъ холодно бываетъ въ крещенскій морозъ: холодъ леденитъ руки и бьетъ въ виски; только постояннымъ движеніемъ можно противоѣдствовать его вліянію. Ходить по палубѣ непривычному человѣку уже невозможно и смѣшно видѣть, какъ прыгнувшій работникъ ухватился было за боченокъ, но при новомъ поворотѣ судна на противоположной конецъ, отброшенъ

былъ къ печкѣ. Въ каютѣ свалило со стола бумаги, книги, чернильницу; въ шкапу хлопали дверцы и звенѣли двѣ—три чашки. Хозяинъ плавалъ съ нѣкоторымъ комфортомъ: у него имѣлся и мѣдный чайничекъ для чаю. Чай прислащаль онъ сладкими колобками, хотя и значительно высохшими и одеревенѣвшими; послѣ обѣда услаждалъ себя часто, сверхъ сыта, щелканьемъ кедровыхъ орѣшковъ—меледы, называя ихъ *идами*. Вина не держалъ вовсе, считая вино на суднѣ совершенно лишнимъ продуктомъ:

— Вино на суднѣ—гибель, и безъ него тошно! На берегу еще отчего не побаловаться въ добрый часъ? Тамъ съ виномъ весело: здѣсь маета. Отъ холодовъ и подъ подушубкомъ согрѣмся. Иные, пожалуй, и любятъ брать съ собой, да тоже въ морѣ, почитай, не пьютъ. Агличкіе, что въ городъ на корабляхъ ходятъ, тѣ, пожалуй, вонъ съ утра до вечера пьяны. За нихъ, вѣдь, другіе дѣло-то правятъ, имъ съ пола-горя пить-то. А у насъ вся надежда въ тебѣ: работать за тебя некому, самъ все...

Затѣмъ еще нѣсколько ругательствъ и плюхъ со стороны хозяина, еще нѣсколько сдавленныхъ криковъ изъ устъ его брата въ отвѣтъ за науку, и насъ погнало восторону отъ прямого, принятаго нами пути. Еще нѣсколько криковъ и бранныхъ словъ, да визгъ каната и всплескъ свалившагося якоря въ воду—и мы на безопасномъ мѣстѣ, подъ островомъ Шижмуемъ, на -половину лѣсистымъ, на -половину голымъ, какъ вообще голъ бѣломорскій гранитъ.

— Экой взводнишшо разворотило: сюды-нали досягнулъ!

— Поди-ко тамъ теперь какой адъ дѣвствуетъ! Больно пылко...

— Пыль, пыль, братецъ ты мой! прибавилъ отъ себя старикъ, стараясь поддержать разговоръ, завязавшійся тотчасъ послѣ того, какъ *обронены* были паруса и повернулось судно. Одинъ только хозяйскій братъ видимо былъ недоволенъ, стоя насупившись и сохраняя прежнее упорное молчаніе. Но и онъ былъ замѣченъ хозяиномъ:

— Слышь чортъ, Петруха! Сердишься что ли, аль нѣту?

— Петруха молчитъ.

— Ишь вѣдь, словно Грумантъ, и разгнѣвался! Пошто старикъ-отъ не сердится?

Петруха все еще стоитъ на своемъ: лицо его мрачнѣе неба и воды оокольной.

— Больно что ли, коли молчишь?

— Знамо, больно, противъ сердца бьешь: съ разу-то, вѣдь и духу тяжело!...

— Любя вѣдь, лѣшій!

Петруха на замѣчаніе это издалъ какой-то глухой грудной звукъ, который братомъ его былъ принятъ по-своему.

— Съ горяча-то вѣдь, дуракъ, не разберешь. По шеѣ бы, вишь, надо.

— Ну какъ тѣ не по шеѣ?... Себя бы билъ по шеѣ-то.

— Ладно, ну ладно, поцалуемся!... Да вари-ко паужинѣ. Дѣлать-то, видно, некого: спать ляжемъ.

— А недаромъ же, ваше благородье, бѣлухи-то играли.

— А то что же?

— Да ужъ какъ стали выставать цѣлымъ стадомъ, знай—крутой будетъ вѣтеръ. Такая скотинка необрядная! Надышаться, вишь, нарочить: на волнахъ-то ей не повадно: не всякую, вѣдь, волну и одолишь. Теперь вся на днѣ въ лежку лежитъ, да рыбку проходящую удить: тѣмъ она живетъ, самъ знаешь.

Между тѣмъ, набѣгавшія волны отъ огромнаго *взводня* (волненія), распущеннаго крѣпкимъ сѣвернымъ вѣтромъ, продолжали сильно раскачивать судно и хотя не накренивали его по прежнему, но за то этой качкой сильно содѣйствовали тому, что всѣ мои спутники снова заснули богатырскимъ сномъ. Изъ голомени доносился до насъ глухой гулъ отголосками послѣднихъ раскатовъ грома. Яснѣе и чище выдѣлялись изъ этого густого гула всплески набѣгавшихъ волнъ на ближайшіе къ намъ голыши. Оттуда снова слышались громкіе, раздрающіе душу вскрики чаекъ. Изъ каюты вышелъ старикъ, поболтался по палубѣ, погрѣлъ руки надъ дотлѣвавшими угольками въ печи, вымылъ ихъ морской водой, покрякалъ и опять спустился въ каюту.

Прямо противъ судна потянулся длинный Шижуи, слѣва глѣсистый и зеленый, справа каменистый и черный; далеко у края торчить что-то густо-черное: кажется, изба, а можетъ быть, и просто огромный камень. Тамъ и сямъ прорѣзаются въ ночномъ полумракѣ деревянные кресты, которыми уставлены чуть не вплотную всѣ берега и острова Бѣлаго моря, всѣ перекрестки и выгоны городовъ и селеній Архангельской губерніи. Кресты эти ставятся по обѣту или мѣстными жителями, или богомольцами, идущими въ Соловецкій. Кресты на Шижуи могли имѣть иное начало: можетъ-быть, тѣмъ-же крутымъ вѣтромъ, какимъ загнало сюда и насъ, загнало въ это становище утлая суденка промышленниковъ и надолго затянулъ одинъ и тотъ же вѣтеръ, запирая всѣ пути къ выходу не на одинъ день мрачно скучнаго гореванья. Ловцы сошли на островъ и долго поджидали вождѣленной поры, когда уляжется вѣтеръ или перемѣнится въ попутный. Проходитъ не одинъ день скучнаго житья на голой лудѣ, а между тѣмъ флюгарка на мачтѣ по-прежнему рветъ въ ту же враждебную имъ сторону, по-прежнему несется страшный гулъ отъ дальняго взводня со стороны моря и по-прежнему черно и сумрачно это море, до половины покрытое густой, серебристо-бѣлой пѣной. Ту же тоску и безвыходность положенія испытываютъ промышленники, какія впору только тѣмъ несчастнымъ, которые брошены на голый, безлюдный камень, окруженный громадною массою воды и сверху

покрытый безпредѣльнымъ голубымъ небомъ. Тамъ съ крикомъ пролетитъ орелъ, тяжело размахивая своими сильными крыльями, и находитъ себѣ мѣсто, пріютъ и довольство на первой же спутной лудѣ. Далеко не таково безъизвѣстное положеніе покорившихся прихотливымъ капризамъ моря, когда, наконецъ, самый запасъ провизіи замѣтно приходитъ къ концу, а налѣпившіяся по лудѣ ягоды: сочная морошка и кислая, водянистая вороница, набили оскомину. Даже забившаяся въ овражекъ между камнями лужа дождевой воды, пощаженная палящими лѣтними лучами солнца, грозитъ скоро истощиться окончательно и общаетъ рано или поздно возможность горькой смерти столько же отъ жажды, сколько и отъ голоду. Промышленникамъ остается одно: быть вѣрными завѣту своихъ праотцевъ и въ сооруженіи деревяннаго креста полагать всю надежду на лучшую долю, чѣмъ бездѣйственное положеніе на голомъ и безлюдномъ островѣ. За матеріалами ходить недалеко: лѣсъ подъ руками, и плохой тотъ мореходъ, который не только въ дальнее морское плаваніе, но даже и въ ближайшее—на сосѣднюю луду за грибами или ягодами, не прихватитъ съ собой топора и пилы. Цѣлой артелью, меньше, чѣмъ въ сутки, сооружается крестъ и вырѣзывается на немъ приличная надпись съ именемъ Страдавшаго и годомъ сооруженія.

— Всегда послѣ того, какъ вкапывали крестъ въ землю, переставалъ вѣтеръ. Если онъ не становился попутнымъ, то зато до конца плаванія противнякъ не мѣшалъ плыть ровно и спорко, и бѣтаться (т. е. реить, лавировать)—говорили мнѣ въ одинъ голосъ и прежде и послѣ большая часть ходоковъ по бѣломорскимъ пучинамъ.

Между подобнаго рода крестами много, и едва ли, впрочемъ, не большая часть, такихъ, которые сооружались спасшимися. Изъ нихъ два креста сдѣлались историческими: одинъ Петра Великаго, сооруженный собственными его руками на берегу Унской губы въ 1684 г. и хранящійся теперь въ Архангельскомъ соборѣ, и другой Никона, послужившій началомъ основанія на Кій-островѣ Крестнаго монастыря.

Если утомительны эти колыханья между голыми островами при полномъ безвѣтріи, то едва ли не втрое мучительнѣе гнететъ наболѣвшее сердце пяти—шестичасовая стоянка на якорѣ: приглядятся окольные однообразные виды, съ каждой мелочной подробностью которыхъ дѣлаешься какъ-будто знакомымъ съ-издѣтства. Глазъ болитъ отъ безпредѣльной поверхности моря, взволнованной, возмущенной на всемъ своемъ пространствѣ непокойными, спорящими волнами: одна подсѣкаетъ другую, разбиваясь въ мелкія дребезги объ острые корги, голыши и луды. Мельничнымъ воплемъ отдаетъ шумъ волнъ, набѣгающихъ на каменистый переборъ между сосѣдними голышами, оголенными убылой водой. Стихаетъ этотъ вопль по мѣрѣ того, какъ

сполняется вода, слѣдуя неизмѣнному природному закону прилива, несмотря на противодѣйствующую силу крѣпко разгулявшагося взводня. На небѣ, замѣтно прочистившемся, съ сѣвера прошли облака и скрылись за хребтомъ всплывшихся волнъ голомени. Съ сѣверо-востока показались другія, черныя. Вѣтеръ опять пошелъ духами: то стихнетъ какъ-будто, то опять заклубить и заплѣнить дальнія волны. Опять завоюютъ онѣ на переборѣ и острыхъ окраинахъ Шижмуя, и опять качается насть словно въ люлькѣ. Крѣпкимъ, невозмутимымъ сномъ продолжаютъ спать мои спутники. Снова походишь по палубѣ, хватаясь на пути за устои, чтобы не упасть при этой постоянной качкѣ судна съ боку на бокъ. Посмотришь вдаль моря: тамъ опять заиграли бѣлухи, вырисовывая въ чернѣти волнъ и на дальней крайнѣ горизонта свои серебристыя спины:—какой-то предвѣщаютъ вѣтеръ? Поглядишь на якорь, не повело ли канатъ прибылой водой налѣво, не подтянетъ ли его совсѣмъ подъ судно, и такимъ-образомъ не повернетъ ли послѣднее кормой, чтобы бѣжать повѣстить своихъ спутниковъ, что вода запала и нечего терять дорогого времени. Работники лѣниво просыпаются и почти навѣрно могу догадаться, что бранять нарушившаго покой ихъ и за его нетерпѣливость, и за его бессонныя ночи, и бранять даже за то, что получасомъ разбудилъ ихъ раньше, чѣмъ бы имъ самимъ хотѣлось.

Сначала вылѣзъ изъ каюты самъ хозяинъ въ слегка накинутаго на плечи полушубкѣ: но холодъ беретъ свое: хозяинъ крутитъ плечами и зѣваетъ.

— Что, братъ, холодно?

Отвѣта не было. Хозяинъ опять спустился внизъ и слышно оттуда, какъ бранить онъ другихъ товарищей и, вѣрно, толкаетъ ихъ въ бокъ ногой. Тѣ огрызаются на него, обзываютъ лѣшимъ и охаютъ. Онъ снова на палубѣ, плотно укутанный въ шубу, моетъ руки и молится на востокъ. Удостоверившись, что якорь дѣйствительно находится подъ днищемъ шкуны, съ помощью работниковъ выбираетъ его рычагомъ на палубу. Кое-какъ, медленно и молча налаживаются паруса. Шкуну нашу легонько потащило на западъ полдой водой, вырисовывая передъ глазами новые острова, но со старыми, давно-знакомыми видами.

— Вотъ смекай, ваше благородье!—началъ, наконецъ, хозяинъ послѣ упорнаго, продолжительнаго молчанія, которое нарушалъ только требованіями: „опустить немного шкотъ, зарочить покрѣпче кливеръ, держать вѣтръ въ парусахъ, не налегать на руль и держать его на вѣтрѣ, поддать бизани, подвести руль“, и проч.

— Палъ голомянный, вѣтеръ морской бы тебѣ называть: сѣверъ ли тамъ, полуношникъ (NO), вотъ какъ бы теперь, востокъ ли: за-всегда взводень рыдать, по осенямъ недѣлями тянеть, ну да и лѣтомъ

развѣ сутками удовольствуется. Это не то, что вѣтра горные: вотъ хоть бы лѣтній (S) взять, западъ, обѣдникъ (SO): отъ тѣхъ только визгъ пойдетъ, пыль... мачты крѣпи, паруса убавляй, а нѣтъ тебѣ, чтобы эти волны: шипитъ вода, что уха въ котлѣ. Одинъ только шалоникъ (SW) побойчѣ всѣхъ, да и тотъ развѣ ужъ крѣпко наляжетъ, такъ распуститъ взводень-отъ...

— Гдѣ же опаснѣе взводень: здѣсь ли въ морѣ, или тамъ на Мурманѣ—въ океанѣ?

— Взводень нигдѣ не страшенъ: умѣй только паруса обладать, да не зѣвай по времени—не опружить. Опять же мѣста знай: гдѣ мель, гдѣ корга. Становища, якорныя мѣста, опять знай, умѣй во время спрятаться. А который взводень сильнѣе?

— Да.

— Океанскій матерущій взводень живетъ. Этотъ и званія передъ тѣмъ не стоитъ, такъ... дрябъ, зыбъ и ничего... тѣфу!..

Разсказчикъ присвистнулъ.

— На Мурманѣ во—какія волны!

Разсказчикъ засучилъ рукава и приподнялся.

— Паль тамъ, вотъ этакой-то чертовикъ полуношникъ, да сдуру начнетъ пылить по океану-то: ну... большія волны живутъ...

И онъ снова сѣлъ на свое мѣсто.

— А какъ же велики?

— Да чуть тебѣ съ колокольну не посулилъ...

Прислушивавшіеся работники захохотали. Самъ разсказчикъ скрылъ улыбку и продолжалъ самоувѣреннымъ тономъ и еще круче засучивая рукава. Онъ опять приподнялся.

— Идетъ тебѣ устрѣчу волна, что домъ городской. Подойдетъ это тебѣ подъ низъ, взберетъ на себя все выше, да выше, на самый хребетъ; вздынетъ, покачнетъ этакъ разъ-другой-третій, потѣшитъ это душеньку-то, значить, свою: да и пуститъ легонько внизъ, что по маслу, любо!..

Разсказчикъ покрутилъ головой.

— Спустила это она внизъ,—ничего не видно и духу сразу не соберешь. Глянь, анъ другая тебѣ лѣзетъ, еще больше той. И эта съ тобой поиграетъ, да этакъ-то вонъ съ-одновн по цѣлымъ суткамъ и тѣшатся: и любо и имъ, и тебѣ. На попутный идетъ—шагаешь это, все впередъ, да впередъ и порато бойко; а на устрѣтной—знамо бѣги въ становище, осилить, не справишься...

Онъ помолчалъ.

— И сколь велики эти волны—такъ вотъ теперь съ лодьей бы идешь рядомъ, да поползъ на волну къ хребту-то и сталъ на мель, верхушки мачты не видать, не то что лоды самой; во какъ!.. А, вѣдь, это морскія волны! Это, такъ... тѣфу!

И рассказчикъ опять презрительно свистнулъ.

— Волна эта мелкая, бойкая, съ ней опасно: того гляди, подсъчетъ и окружить. Волна эта немного отъ рѣчной отстала. Та такъ вотъ совсѣмъ обижаетъ, особѣ на суояхъ: тамъ это, гдѣ палая бы вода съ прибылой встрѣтится. Тутъ ужъ рулевой не зѣвай.

— Ну, а какъ же это, дядя Егоръ, на Мурманѣ-то лонись десятковъ семь ребятъ погибло. Такія бури стояли, что отродясь не запомнать?

— Что же? на то власть Божья; знамо, все отъ Его произволенія. Тутъ намъ съ тобой, дядя Степанъ, дѣлать нечего;—вѣрно ли я говорю?

Дядя Степанъ глубокомысленно кивнулъ головой.

— Въ океанѣ взводень укладывается не больно же скоро: и вѣтеръ перестанетъ, и другой завяжется, а взводень все рыдаетъ, все гуляетъ... Въ морѣ не такъ, въ морѣ взводень въ полчаса уgomонится, а и раньше, коли на морской вѣтеръ набѣжитъ какой ни есть горній.

Поощряемый этими распросами и общимъ вниманіемъ, хозяинъ, привыкшій, приглядѣвшійся къ морю и капризамъ вѣтровъ, продолжалъ рассказывать слѣдующее:

— Про вѣтры нѣшто сказать тебѣ заразы, чтобы зналъ ты и напредки, коли въ Колу и на Мурманъ ѣдешь, всѣ ихъ обыки, всякій норовъ, значить. Взять бы востокъ—морской, голомянный вѣтеръ—боекъ и разгуливается скоро, глазомъ почестъ мигнуть не успѣешь, и крутитъ иной разъ по морю завсегда цѣлый день: а пошло этакъ солнце на вѣтеръ...

— Что же это значить?

— Стало этакъ солнце, значить, на востокѣ, въ сторонѣ этой на небѣ-то:—отишетъ вѣтеръ и отстанетъ, и взводня не пускаетъ больше. И знай: пересталъ вѣтеръ, такъ либо ничего, либо другой падетъ, а ужъ тотъ старый и никогда почестъ не ворочается, не играетъ ужъ... По ночамъ послѣ востока больше шалоникъ (SW) ходитъ.

— Ну, а этотъ каковъ?

— Совсѣмъ негодяй; пылить, словно угорѣлый, рветъ все у тебя, ровно благуетъ и почестъ не даетъ никакого взводня. Совсѣмъ взбалмошный вѣтеръ: задулъ, закрутилъ, оборвалъ бичеву, пѣну пустилъ—думаешь, и несосвѣтимуую погоду завяжетъ, и невѣсть куда унесетъ тебя, коли попутный. Глядишь, поигралъ часъ-другой-третій, попылилъ и опѣшилъ—и приругаешь дурака и наплюешь въ глаза. Такой!.. Вонъ полуношникъ (NO), сѣверъ, западъ—теплый вѣтеръ, тѣ молодцы, съ тѣми можно дѣло имѣть, потому благородно и необидно... Сѣверъ однако не круто взводень пускаетъ, — развѣ ужъ крѣпко расходится и тянетъ долго...

— Лѣтній каковъ?—спросилъ я, стараясь воспользоваться словоохотливостью Егора, не всегда разговорчиваго, но большей части замкнутаго и сосредоточеннаго въ себѣ.

— То есть горніе?

— Да.

— Про какой спросилъ-то: про лѣтній?

— Про лѣтній.

— Это, вѣдь, бѣлоручка, дворянскій сынъ. Подъ него спать на палубѣ ловко. Щекотить это по рожѣ-то теплыню, умирать не надо. Таково люблю!.. Такъ ли я, старина, говорю?

Старикъ опять молча кивнулъ головой и опять усмѣхнулся, даже на всегда мрачномъ лицѣ хозяйскаго брата проскользнулъ родъ какой-то усмѣшки и онъ переступилъ съ ноги на ногу. Это замѣчено было Егоромъ.

— Вонъ Петрухъ-то какой не завязывылся вѣтеръ, все ладно. Полуношникъ хоть всѣ трубы открой—не пройметъ: моржевисть...

Хозяинъ замолчалъ, но вскорѣ счелъ за нужное прибавить еще слѣдующее:

— Гагара кричитъ—на морѣ безпремѣнно падетъ сильный вѣтеръ. По старымъ временамъ, на пятницу вѣтеръ смѣняется, какъ бы ни игралъ круто...

— Да вѣрно ли это, хозяинъ?

— Съ тѣмъ, возьми!..

Полѣя вода продолжаетъ подвигать насъ, хотя и медленно, впередъ. Потаились Шижмуи. Вмѣсто нихъ выплыли новыя луды, изъ которыхъ однимъ знатоки дали названіе Медвѣжьихъ Головъ, другія обозвали именемъ Сеннухи. Далеко впереди выяснились высокіе Кузовы, цѣль настоящихъ нашихъ помысловъ и желаній. Какимъ-то матовымъ отблескомъ покрыты эти острова отъ вершинъ до мѣстъ прибои волнъ и рисуются тускло: нельзя еще отдѣлить гранита отъ того мелкаго кустарника, которымъ, говорятъ, онъ вплотную усыпанъ.

— Гляди правѣ Сѣдловатой луды, видишь?

— Ничего не вижу; но Сѣдловатую луду узнаю и дивлюсь ея мѣткому прозвищу: лучше назвать ее едва ли можно...

— То-то! совсѣмъ, вѣдь, сѣдло... А направо-то видишь еще кое-что? продолжалъ добиваться своего хозяинъ, когда вопросъ возбудилъ всеобщее любопытство.

Двое работниковъ смотрѣли туда же и тоже не понимали: отчего мнѣ не видно того, на что указываетъ хозяинъ. Одинъ изъ нихъ даже не выдержалъ и дополнилъ:

— Вишь, бѣлѣтъ-нали стало! совсѣмъ видно...

Но я, попрежнему, ничего не видалъ. За поморами, хотя бы даже и въ очкахъ, не угоняешься: они очень зорки и далекое видятъ

ясно, благодаря безграничному горизонту моря, на которомъ съ малыхъ лѣтъ развивается ихъ зрѣніе. Только тогда, какъ насъ значительно подвело еще дальше впередъ, на НО выплыло какъ бы облачко, сначала незначительной величины, потомъ постепенно округлявшееся, рѣзко обозначая свою подошву на мѣстѣ прибоя волнъ. На этомъ облакѣ, дѣйствительно, заблѣла небольшая, но круглая точка. Надъ точкой прорѣзалась и загорѣлась золотая звѣздочка, одна, вотъ другая... третья,—и еще,—и еще...

Невольно дрогнуло сердце и не надо было сомнѣній и разспросовъ: само собой разумѣется, что золотыя звѣздочки эти принадлежали дальней изо всѣхъ русскихъ обитателей, монастырю Соловецкому, съ которымъ связано столько живыхъ впечатлѣній, обильный наплывъ которыхъ мѣшалъ найти въ нихъ единое цѣлое.

Нѣкоторое время видѣлась только сѣрая масса съ серебристо-снѣжнымъ пробѣломъ, который начиналъ постепенно увеличиваться и выдѣлилъ изъ себя двѣ церкви, еще что-то похожее на длинную стѣну, и вдругъ все снова пропало.

— Темень подняло: дождя, знать, будетъ. А не надо бы нама-ка!— послышался голосъ хозяина.

— Зорокъ же, братъ, ты и догадливъ!

— Намъ нельзя безъ того. Слѣпымъ-то у насъ и на печи мѣста много. Близорукъ въ морѣ будешь, такъ и носъ расшибешь. Наше море не такое, чтобы коркъ этихъ, кошекъ, голышей не было, не такое!..

Предсказаніе хозяина сбылось: изъ теменцы—дальняго облачка—явилась вскорѣ надъ нашими головами цѣлая и густая туча, обсыпавшая насъ бойкимъ, но скоро переставшимъ дождемъ, вызвавшимъ новое замѣчаніе Егора:

— Въ морѣ встанетъ темень—жди дождя; въ горахъ (въ береговой сторонѣ) завязалась она и кажетъ словно молочная, да зачернѣло оттуда море синей полосой,—быть вѣтру, и крѣпкому вѣтру. Такъ и всегда вотъ, какъ и теперь!

Это предсказаніе сбылось, какъ нельзя вѣрнѣе и лучше: дождь загналъ меня въ каюту, куда послышались вскорѣ съ палубы новые крики, и опять начались возня и брань.

Слышится задыхающійся голосъ Егора:

— Къ снастямъ, ребятушки, къ снастямъ, други милые, чело-вѣки земнородные! Постарайся, други, золотомъ озолочу и по всему свѣту пушчу славу!—Вотъ такъ, упрись! Вотъ этакъ, серебряные, золотые!.. А чтобъ тебѣ, старому чорту, ежа противъ шерсти родить, что кливеръ-то опустил? анаеема... Не задорься, крѣпись на руль-то, лупоглазый! рочи живѣй, одеръ необычный!.. Начну вотъ кроить шестомъ-то, скажешь, которое мѣсто чешется!.. окаянные!.. Держи вѣ-

теръ-отъ такъ, желанные мои, такъ,—вѣрно, такъ! Спасибо на доброй подмогѣ! Ишь какъ знатно пошло прописывать. Молодцы ребята, тысячи рублей за васъ не деньги! — Рочи-ко скоренько, рочи, бѣтайся, други, бѣтайся!.. Вотъ лихо!.. вотъ лихо! Знатно! Шевелись, старикъ, шевелись, перекидывайся, шевелись покрѣпче—погуще поѣшь: ладно! Вотъ тебѣ разъ! вотъ тебѣ разъ!..

За послѣдними словами въ каюту донеслись новые звуки хозяйскаго свиста. Я вышелъ на палубу: стоитъ онъ, разставивъ ноги и разводя руками, лицомъ къ вѣтру, и опять снялъ шапку, опять машетъ ею противъ вѣтра.

— Что, Егоръ?

— Да, вишь, окаянный какой!..

— Что же, обидѣлъ?

— Попугалъ только, проклятый: на то и шалонникъ — разбойникъ, чтобъ ему пусто было!.. Рони, паруса, братцы, да крути якорь: надо опять *полой* * дожидаться!.. Вотъ и горюй тутъ!

— И тебѣ-то, гляжу, Егоръ, обидно!

— Зареву, вотъ по-коровьи зареву, и знай! Совсѣмъ обида: вино бы подъ рукой было, кажись, облопался бы, чтобы не видать экаго посрамленія на головушкѣ. Сказано: какъ, знать, пошли, такъ и придетъ непутно! А Кузовѣ-то далеко ушли: къ Кильякамъ, знать, ладиться надо!..

— Что же такъ?

— Течение-то, вишь, тяга-то тебѣ къ берегу: безъ вѣтра однимъ бѣтаньемъ не одолѣешь...

— А вѣдь это, братъ, совсѣмъ ужъ не по морскому. Это ужъ, выходитъ, наавось идти.

Егоръ ничего не отвѣтилъ. Видимо совсѣмъ ошеломленный отъ постоянныхъ неудачъ, швырнулъ онъ безъ видимой нужды шестъ съ

* Считаю пелиншимъ объяснить здѣсь значеніе поморскихъ словъ, употребляемыхъ для выраженія извѣстнаго состоянія воды въ приливахъ и отливахъ. Вотъ весь порядокъ этихъ замѣчательныхъ проявленій жизни Бѣлаго моря на поморскомъ нарѣчій, всегда мѣткомъ и оригинальномъ. Начало пролива, и именно тотъ короткій моментъ, когда вода какъ будто *задумается* и стоитъ неподвижно, не подаваясь ни впередъ, ни назадъ, поморы зовутъ *куйпогой* и *куйпакой* (значеніе этого слова въ нѣкоторыхъ случаяхъ переносится и на осыхающій послѣ отлива берегъ морской). За куйпогой вода *заживетъ*, т. е. начнетъ прибывать, *сполняться*, и все остальное время прилива носить уже названіе *полой*, *прибылой воды*. Приливъ кончается: вода *кротнеть*, теченіе ея дѣлается тише, она вскорѣ сполнится и черезъ шесть часовъ отъ начала прилива будетъ *полная вода*: затѣмъ она *дронетъ* и начнетъ *западать* (убывать)—и все слѣдующее послѣ того время отлива имѣетъ одно общее названіе *сухан*, *малая вода*. Такимъ-образомъ, опять черезъ шесть часовъ будетъ куйпога и немедленно слѣдующее за нею начало полой воды, и т. д. Неправильностями въ одновременномъ появленіи приливовъ и отливовъ объясняютъ несчастія, случающіяся съ бѣломорскими судами во время ихъ плаванія.

одного борта на другой, двѣ огромныя, тяжелыя щепки бросилъ въ море, легъ было на доскахъ, на палубѣ, и не улежалъ, пошелъ въ каюту. На пути сильно толкнулъ попавшагося брата, безъ видимой причины, и только въ каютѣ смогъ улечься окончательно и ровно восемь часовъ проспалъ непробуднымъ, богатырскимъ сномъ.

Кончались уже пятыя сутки нашего морского плаванія, и немного принесло оно съ собою радостей. На все глядѣлось какъ-то смутно, во всемъ составѣ чуялась какая-то истома, и на всѣхъ видѣлось тоже самое: хозяинъ пересталъ шутить и пѣть пѣсни; братъ его глядитъ еще сумрачнѣе и молчитъ еще упорнѣе; старикъ работникъ, словно развинченный, еще чаще сталъ доставать морской воды и умывать руки. Всѣ истомились и неохотно заговариваютъ другъ съ другомъ. Дальній поморскій берегъ синѣетъ по прежнему безтолково, неясно, какимъ-то длиннымъ, бесконечно длиннымъ облакомъ, обрамленнымъ снизу яркой синевою неба, что водой морской дальній островъ. Таковы и Кильяки, замѣнившіе для насъ значеніе вождѣленныхъ Кузововъ, такова и Бѣлогузиха, таковы и Медвѣжьи-Головы, бьющія теперь въ глаза своимъ красновато-грязнымъ гранитомъ и вѣчною зеленью сосенъ и елокъ. Разъ только потѣшилъ насъ бойкій вѣтеръ, но и тотъ выпалъ на столько боекъ, на сколько и бесполезно опасенъ, да другой *попугалъ*, говоря мѣткимъ выраженіемъ Егора, сумрачно созерцающаго теперь давно-знакомые и сильно напотивѣвшіе ему виды.

— Вотъ, рассказывалъ онъ:—выглядываетъ круглой шапкой, что повыше всѣхъ изъ Кузововъ, Никодимскій островъ, и жилъ на немъ старецъ въ постѣ и молитвѣ, и померъ, уложивши головушку на псалтырь старопечатную. Такъ и нашли ягодицы—дѣвки кемскія—лѣтъ тому десять, а не то и пятнадцать. Съ тѣхъ поръ и зовутъ по Никодиму-то старцу и островъ Никодимскимъ. Стали было ходить съ молитвой туда, да исправникъ не велѣлъ...

Трудно было отличить этотъ островъ въ цѣлой массѣ другихъ, болѣе или менѣе высокихъ острововъ, цѣлой стѣной заступившихъ весь горизонтъ впереди. Самое море чрезъ то потеряло всю свою прелесть безбрежнаго, почти безслѣдно-сливающагося съ дальнимъ горизонтомъ. Виднѣлись только острова и съ боковъ, и прямо, и сзади шкуны.

Еще на одинъ изъ нихъ указываетъ хозяинъ и, называя его Полтамъ-Коргой, ведетъ новую повѣсть:

— Дѣвушка — этакъ въ порѣ: полной дѣвкой заводилась, плыла по ягоды съ прялкой, да божественныя старины пѣла: Сонъ Богородицы, Мученіе Христово, Плачъ Іосифа-Прекраснаго, егда продаша братія его во Египетъ, и прочее такое изъ стиховъ, что калики-перехожіе по ярмаркамъ поютъ. А какъ допѣла она до стиха въ плачѣ-то Іосифа, что

Внуши-де, мати, плачъ горкій
И жалостныи гласъ тонкій,
Виждь плачевный образъ мой,—
Прими, мати, скоро во гробъ твой.
Не могу азъ больше плакати,
Хотятъ врази мя заклати,
Отверзи гробъ, моя мати!
Прими къ себѣ свое чадо...

и палъ, слышь, шалоникъ бойкій и окружилъ дѣвушку-то: потопилъ, значить!.. А сирота была, и ни одного мужика не знала, и всѣ горемъ горевали по ней... Погоревали, сказываютъ, немного-немало, да такъ и забыли, и забыли бы совсѣмъ.—Да выходитъ: въ сонныхъ видѣніяхъ являться стала то къ одному, то къ другому, и все съ прялкой своей, и все, слышь, просила, чтобы часовню на ея косточкахъ ставили. Взялись мужики, отыскиали тѣло, зарыли, и часовню сдѣлали на берегу, гдѣ тѣло-то ея волной выбросило. Исцѣленія и чудеса были, молебны пѣли, да пріѣхалъ разъ исправникъ съ понятыми и сжегъ часовню, и крѣпко-на-крѣпко наказалъ не ходить къ тому мѣсту. Да народъ-отъ не будь глупъ: откопалъ дѣвушку и перенесъ ея тѣло на другое мѣсто. Утонула дѣвушка лѣтъ 15-ть, а судили ее всего года четыре назадъ...

— Тамъ вонъ за Кильяками-то, въ Кузовахъ, есть луда такая, варака, а зовутъ ту вараку *Нѣмецкой*: такъ тутъ, вишь, нѣмчи кашу варили и, стало-быть, шли они на Соловки, чтобы монастырь ограбить. Варятъ это, значить, нѣмчи кашу, да и похваляются: кто, выходитъ, больше ограбилъ, у кого денегъ больше. Одинъ этакъ влѣзъ на вараку-то, увидалъ монастырь вдали, что картину писаную, да и пригрозилъ. Завидно, вишь, стало, что хорошъ больно монастырь-отъ, да и казны его счесть нельзя. Пригрозилъ нѣмецъ: „завтра, молъ, красоты твоей не видать станетъ, всю по камушку разнесемъ“. Да видно вражьиъ было это попущеніемъ—Божьиъ-то изволеніемъ: нѣмецъ, какъ сказалъ слова тѣ свои, такъ и сталъ камнемъ, и товарищи-то всѣ до единого въ камни оборотились. Знать ихъ теперь всѣхъ по той варакѣ: въ сумерекъ проѣдешь—такъ ровно бы люди: вся почестъ гора уставлена ими по-низу. Такъ, выходитъ, всѣ нѣмчи и стали камнями!..

— А слыжалъ ли, твоя милось, про Анику? завершилъ свой рассказъ хозяинъ.

— Нѣтъ, не слыжалъ.

— Разбойникъ, вишь, былъ: по пятницамъ молоко хлебалъ, сырое мясо ѣлъ въ Великъ-день. Жилъ онъ около промысловъ на Мурманѣ и позорилъ всякаго, такъ-что кто что выловилъ — и неси къ нему его часть; безъ того проходу не дастъ: либо все отниметъ, а не

то и шею наkostenяетъ, пожалуй и на тотъ свѣтъ отправить. Не было тому Аникѣ ни суда, ни расправы. И позорилъ онъ этакъ-то православный людъ, почитай, что лѣтъ много. Да страся же надъ нимъ такой грѣхъ, что увязался съ народомъ на промыселъ паренекъ молодой: изъ Корелы пришелъ и никто его до той поры не знавалъ. Пришелъ, да и поканался коршику: „возьми да возьми!“ И крестъ на себя наложилъ: православной — молъ я. Приѣжали. Паренекъ-то ва-чеги—рукавицы, значить, суконныя—просилъ вымыть. Вымыли ему рукавицы, да выжали плохо — осердился: „Дай-ко, самъ!“ говоритъ. Взялъ это онъ въ руки рукавицы-то, да какъ хлопнетъ, что аглечій изъ пушки: разорвалъ! Народъ-отъ диву дался: паренекъ-то коли, молъ, не богатырь, такъ полбогатыря навѣрняка будетъ. А тутъ и Аника пришелъ свое дѣло править: попроголодался, знать, по зимѣ-то. „Давайте, говоритъ, братцы, мое; за тѣмъ-де пришелъ и давно-де я васъ поджидаю“. А парень-то, что приѣхалъ впервые, и идетъ къ нему на устрѣчу: „ну ужъ это говорить, нонѣча оставь ты думать; не видать-де тебѣ промысловъ нашихъ, какъ своихъ ушей; не бывать плѣшивому кудрявымъ, курицѣ пѣтухомъ, а бабѣ мужикомъ“. Да какъ свиснетъ (сказываютъ) онъ его, Анику-то, въ ухо: у народа и духъ захватило! Смотрятъ, какъ опомнились: богатыри-то бороться снялись и пошли козырять по берегу. То на головы станутъ, то опять угодятъ на ноги, и все колесомъ, и все колесомъ... У народа и въ глазахъ зарыбило. Ни крику, ни голосу, только отдуваются, да суставы хрустятъ. Кувыркаютъ они этакъ-то, все дальше да дальше, и изъ глазъ пропали, словно бы-де въ океанъ ушли. Стоитъ это народъ-отъ, да Богу молится, а паренекъ какъ тутъ и былъ: пришелъ, словно ни въ чемъ не бывалъ, да и вымолвилъ: „молись-де, молъ, братцы, крѣпче; ворога-то вашего совсѣмъ не стало: убилъ“, говоритъ. Да и пропалъ паренекъ-отъ. Съ тѣмъ только его и видѣли. Аника-то тоже пропалъ...

— Ты этому вѣришь, Егоръ?

— Въ становащѣ Корабельна-Губа, подлѣ Колы, островокъ экой махонькой естъ: зовутъ его Аникинымъ и кучу камней на немъ показываютъ...

— Что же это такое?

— А, стало-быть, Аники-то, молъ, этого могила. Такъ и въ народѣ слыветъ.

— Вотъ что, твоя милость! примолвилъ мой рассказчикъ послѣ нѣкотораго раздумья. Въ стихахъ старинныхъ поется вотъ какое: „что; молъ, старина, то и дѣянье“. Да коли ужъ не вѣришь этому, что рассказалъ тебѣ про старинное, такъ вонъ тебѣ островъ Осинка. На нашей памяти было и дѣло это.

Рассказчикъ, при послѣднихъ словахъ, тяжело вздохнулъ и былъ справедливъ, какъ нельзя больше.

Островокъ этотъ, Осинка, не отличаясь ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ сосѣднихъ (такой же сѣренькій, гранитный, только нѣсколько пошире и пониже) замѣчателенъ по грустному, тяжелому воспомина-нію, какое сопряжено съ его именемъ у поморовъ.

Здѣсь, не такъ давно, умерли съ голоду два мужика, Осипъ Каншіевъ и Яковъ Елисеевъ. Послѣдній торговалъ хлѣбомъ и, вернувшись домой къ осени на лодѣ, съ значительнымъ барышомъ, прихвастнулъ въ семьѣ, сказываютъ, разъ какъ-то „что теперь-де, слава Богу, не умремъ съ голоду“. Сталось иначе. Когда завязалась уже глухая осень, такъ схожая въ томъ краю съ зимой, когда на морѣ у береговъ образовались уже ледяные припай—торосья (огромныя льдины) бродили по голомяни. Съ однимъ изъ этихъ торосовъ оторвало крутыми морскими вѣтрами рыболовныя сѣти, привязанныя къ этимъ припаямъ. Сѣти были мірскія. Все мужское населеніе этой деревни отправилось на карбасахъ для поимки сѣтей, составлявшихъ надежду не одной семьи и, можетъ-быть, даже не одного дня. Рыба, какъ извѣстно, подъ шумокъ осенью идетъ охотно и подъ часъ въ огромномъ количествѣ. Сѣти были, однако, пойманы, хотя и значительно потертыми; но искатели не досчитались двухъ товарищей, отправившихся вмѣстѣ на одномъ карбасѣ. Бѣда, при нѣкоторомъ соображеніи, оказалась избыточною: „мало ли—думали мужички—пропадало народу, не только около дому, но и на Грумантѣ, и на Новой Землѣ, и на Колгуевѣ, а миловалъ Богъ—ворочались, бывало, черезъ полгода, черезъ годъ: авось и эти...“ Пришелъ между тѣмъ мартъ—весенній мѣсяцъ: море попрочистило, льды отнесло дальше въ голомянь. Поѣхали искать пропавшихъ—не нашли; попытались другой разъ и вышли на Осинку. Здѣсь изба промысловая: черная, закоптѣлая, догнивающая свой вѣкъ подъ бойкими осенними дождями и раскачиваемая въ своемъ дрябломъ составѣ крѣпкими морскими вѣтрами. Все постарому. Вошли въ избу: лежатъ на полу два почернѣлыхъ уже человѣка, обхватившись руками и плотно прижавшись другъ къ другу. Сверху рогожка лежитъ: рогожской накрылись. Въ одномъ узнали Якова Елисеева, а въ другомъ Осипа Каншіева; у одного полонъ ротъ набить собственнымъ же каломъ, у другого — мохомъ. Совсѣмъ голодной, не русской смертью умерли несчастные и всего только въ десяти верстахъ отъ родной деревни! Тутъ же въ избѣ нашли три дощечки и съ надписаніемъ (Яковъ Елисеевъ былъ грамотный). Вотъ какія горькія строки выстрадалъ онъ и написалъ женѣ своей Прасковѣ Евдокимовой: (1 дощечка) „Пашенька! какъ унесло насъ—четвертое воскресенье и понедѣльникъ; ты не пришла; тепло было. Ходили по Осинкѣ, дожидали васъ, вы не пріѣхали; Богъ съ вами! Панюшка, тѣщи стали! карбасъ отлучился (оторвало вѣтромъ) 15 верстъ ниже льды; по тонколедяцѣ пришли“.— (2 дощечка) „Панюшка! я воскресенье ходилъ по Осинкѣ; впередъ не

знаемъ: долго ли живемъ, или коротко. У Канбалина якорь возьми и долгъ Рынину заплати. Ты, Пашенька, не забудь моей души грѣшной. Мы здѣсь другъ другу клялись и скажи отцу: всѣми грѣхами грѣшны и согрѣшили, и ты поставь псалтырь (закажи читать). Пашенька! вели Андріевной, чтобъ Бога-ради принялась и пусть простить. Мы одинъ бѣлый мохъ ѣдимъ и силы не стало. Простите, други и недруги, меня грѣшнаго Якова Елисеева“. (3 дощечка) „20 числа ходилъ по Осинкѣ и домой смотрѣлъ; ледъ тонкій: если бы можно, еще бы ушелъ домой. Пашенька, прости! и всѣмъ скажи и всѣ меня простите. Братецъ Андрей, не обидь Парасковьи и другимъ не давай; если стануть брать, прокляты будьте. Прости, Пашенька, и меня, и меня грѣшника простите, Якова. И еще проходили осьмого числа, да не могли. Яковъ Елисеевъ“. Стало быть, страдалцы жили на острову болѣе пяти недѣль.

— Такъ вотъ, вишь ты жизнь-то наша приморская (перебилъ хозяинъ):—гдѣ потеряешь—не чаешь, а гдѣ и найдешь—не знаешь. Вонъ и теперь подъ нами-то, надо-быть, сажень 50 печатныхъ глуби есть. Ладно еще, что вольненькая-то морянка тянетъ, да Богъ милуетъ!.. Ну, слушай же, твоя милость, расскажу я тебѣ еще старину. Знаешь про Колгу да Жюжгу!

— Слыхалъ, что есть острова въ морѣ—Колгуевъ да Жюжгинъ...

— Супротивъ послѣдняго острова есть мысокъ экой небольшою—Кончаковымъ - Наволокомъ зовется—неподаль отъ деревни Дуракова. Вотъ на всѣхъ мѣстахъ этихъ жили три брата: меньшого-то Кончакомъ звали, такъ по именамъ-то ихъ и острова теперь слывуть. Вотъ, стало быть, и живутъ эти три брата родные, одного, выходитъ, отцаматери дѣти; живутъ въ дружбѣ-согласіи; у всѣхъ топоръ одинъ: одному надо—швырнулъ черезъ море къ брату: тотъ подхватилъ, справилъ свое дѣло, топоръ ему передалъ. Такъ и швырялись они—это вѣрно! Съ котломъ опять, чтобъ уху варить—самое тоже: и котелъ у всѣхъ одинъ былъ. Живутъ-то они этакъ годъ-другой, третій, да живутъ недобрымъ дѣломъ: что сорвуть съ кого, тѣмъ и сыты. Ни стиглomu, ни сбѣглomu проходу нѣтъ, ни удалому молодцу проѣзду нѣтъ (какъ въ старинахъ-то поется). Шалятъ ребята кажинный день, словно по сту головъ въ плечи-то каждому ввинчено. Стало проходящее христіанство поопасиваться. Въ Соловецкій которые богомольцы идутъ, такъ и тѣхъ ужъ стали грабить: ужъ и чтобы, кажись, баловства пуще. А вотъ пришелъ разъ старичокъ съ клюкой: сѣденькой экой, дрябленькій, да и поѣхалъ въ Соловки съ богомольцами-то. И пристали они къ Жюжгину острову, гдѣ середній братанъ жилъ. И вышелъ Жюжга, и подавай ему всѣ деньги, что было, и все, что везли съ собой. Старичокъ-то клюкой и ударъ его, и убилъ, наповаль убилъ. А по веснѣ приговорился на сальный промыселъ, да и Колгу убилъ, и

въ землю его зарыли. Да сказывали бабы—изъ земли-то выходить-де сталъ и мертвый бы—а лежитъ, молъ, что живой, только что навзничъ. И пугаетъ... Долго ли, много ли думали, да гадали и стали на томъ, что вбить, молъ, колдуну, по заплечью-то, промежъ двухъ лопатокъ, осиновый колъ...

— Ну! — привздохнуль откуда взявшійся старикъ работникъ, до той поры незамѣченный.

— Пересталъ вставать: ушелъ на самое дно, гдѣ три большущихъ кита на своихъ матерыхъ плечахъ землю держать.

— Ну, а Кончакъ-отъ что, третей-отъ брать? опять спросилъ рассказчика старикъ-работникъ. Но хозяинъ отвѣтилъ не прямо, а обратился ко мнѣ, примолвивъ:

— Старика, гляди, рѣзобрано! Не все тебѣ, старина, сказывать надо: по ночамъ вопить станешь. Слушай! Кончакъ-отъ такой силы быть, что коли сухъ, да не бывалъ въ банѣ что ли, или не купывался—въ силѣ стоять, съ живого вола сдеретъ однимъ ногтемъ кожу; а коли попарился этакъ или искупался, такъ знай—малый ребенокъ одолить. Вотъ и полюби онъ попову жену и укралъ ее у попа-то: та на первыхъ порахъ и смекни, что богатырь-отъ послѣ бани что лыко моченое. Она и погонись за нимъ вдоль берега по морю до Кончакова-Наволока, тутъ онъ изошелъ духомъ, умаялся—померъ. Тамъ тебѣ и могилку его укажутъ, коли хочешь.

— Будетъ же, братья, видно, разводы-то разводить: вотъ и Кильяки! — берись за шесть да налегай, старина, на руль-то покрѣпче! — завершилъ Егоръ свои рассказы въ самую опасную для насъ пору плаванія: шли мы узенькой салмой (проливомъ); саженьяхъ въ десяти-двѣнадцати справа и слѣва тянулся рядъ неширокихъ, невысокихъ лудъ, извѣстныхъ въ группѣ своей подъ именемъ Кильяковъ.

Въ широкихъ щеляхъ этихъ голыхъ лудъ забила земля и уцѣпились на этой землѣ искрасна-желтые кусты морошки и вьющейся плющемъ, цѣпкой, черной вороницы. На одномъ островку занимались было березки, да, прохваченныя въ вершинкахъ своихъ постоянной полярной стужей, изогнулись въ горбыль и пошли опять къ землѣ колѣнами, цѣпляясь одна за другую плотнымъ, нераспутываемымъ плетнемъ. Даль этого сорта березкамъ поморскій народъ прозваніе *ползушекъ* (сланки), а столяры дальнихъ городовъ Россіи — корельской березы. На одномъ острову порадовали, уже отвыкавшій и притупившійся на морской глади глазъ, кусты можжевельника, такого же косматого, такого же цѣпкаго, какъ и на всѣхъ остальныхъ пространствахъ громаднаго отечества. Большого отыскать уже ничего нельзя было: гранить и одинъ гранить кругомъ. До ушей доносятся какіе-то отрывистые, но покойно высказываемые выкрики хозяина и отвѣты на нихъ:

— Ткни шестомъ справа-то!..

— Не хватаетъ.

— Ну-ко слѣва!

Раздается: „ухъ“, какъ выраженіе испуга, и опять слышится: „не хватаетъ!“—Старикъ чуть не опрокинулся съ шестомъ черезъ бортъ.

— Впереди-то сувой * стоитъ: эка-бы до насъ то его разбило. Ну да ладно: ткни-ко еще, старина!

— Не хватаетъ.

— Держи, старикъ, брасъ немножко; зарочи! потуже натяни, потуже!.. Отвори брасъ! поддай бизани-то!—Ладно; довольно. А-ну-ко... теперь ткни шестомъ-то!.. опшшо!.. ладно!..

— Теменца идетъ: дождя, знать, хочеть быть... Ишь парусокъ показался: на тоню, знать, поѣхали!.. Вонъ и другой, третій! куда это они?.. А дождя, знать, будетъ: сильна теменца-то!..

— Пуцай будетъ, нама-ко что?

— Знамо!..

Мы попрежнему продолжаемъ пробовать шестомъ, чтобы не наткнуться на подводную кошку въ этомъ опасномъ проходѣ, про который самъ хозяинъ выразился такимъ образомъ:

— Костливо же здѣсь мѣсто, куды не поглянешь—все вода мырить, все словно на коргѣ бьется она; здѣсь, чай, изъ кемскихъ-то и не ѣздитъ никто—право, не ѣздитъ. Вѣдь, вотъ не бывалъ, такъ-вѣдь и не знаешь и, того-гляди, голову свернешь. Костливо мѣсто, костливо!.. Ткни, старикъ, вотъ впереди-то, полѣвѣе. Шестись, шестись-знай!..

Дѣйствительно, въ салмѣ этой можно было прослѣдить всѣ разнородные виды морскихъ голышей, такъ опасныхъ для судовъ, и прослужать всѣ мѣткія названія, которыми охарактеризовали ихъ поморы въ отличіе одинъ отъ другого. Вотъ *баклышъ*—надводный огромный камень, покрываемый прибылою водой, и *бакланецъ* (бакланецъ потому, что любить на ней садиться и вить гнѣздо морская птица *бакланъ*) низенькая луда, тотъ же баклышъ, но вода прибылая не топить его; *корю*—подводный камень, иногда въ цѣломъ переборѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ; *пахта*—цѣлый утесъ, одиноко выдавшійся въ море изъ груды сосѣднихъ острововъ. Вотъ *поливуха*—камень, стоящій наравнѣ съ поверхностью воды, которая мыритъ на немъ все время буруномъ. Вотъ и вѣчно-обманывающіе самый опытный глазъ *водопѣйяны*—камни и мели, поднимаемые водою во время прилива; *чурь*—хрящеватая отмели или косы; наконецъ *клинъ*—подводная каменная банка или рифъ, *заберсжъе*—та часть морского берега, которая во

* Сувоемъ называется то мѣсто въ водѣ, гдѣ она крутится и клубится отъ двухъ встрѣчныхъ теченій, когда полая вода пойдетъ на малую, или же когда обѣ волны встрѣтятся: полая съ убылой.

время прилива покрывается водой и сосыхаетъ при отливѣ, и *лѣщади*—ровныя, гладкія, подводныя мели съ *артишникомъ*—цѣлыми горами мелкихъ, округленныхъ волнами камней, и проч., и проч.

Но вотъ снова крики: „оброни марсель! и кливеръ оброни!.. Старикъ, ступай-ко къ бизани: я пойду якорь брошу!“ Затѣмъ опять нѣсколько глухихъ криковъ, ширканье каната, глухой стукъ и всплескъ—шкура дрогнула и остановилась. Вѣтеръ ходитъ *духами*: то припадаетъ, то опять зарядитъ волны, напущенныя сюда дальнимъ голомяннымъ взводнемъ. Цѣну несутъ *дородно*, по замѣчанію работника, и вся салма наша представляла вообще тотъ видъ, который не позволилъ бы сунуться въ Неву ни одному петербургскому ялику. Егоръ преспокойно спустилъ свой ботикъ со шкуны, досталъ изъ каюты два избитыхъ, обгрызанныхъ весла, служившихъ, можетъ быть, весьма недавно въ деревенскомъ дому его для мѣсива пойла коровамъ и принялся обрывать парусъ. Матеріаломъ для послѣдней цѣли послужилъ старый мѣшокъ старика-работника, навязанный на тоненькую палку. Мѣшокъ, въ добавокъ ко всему, въ одномъ мѣстѣ украшался изрядной величины дырой.

— Мыши прогрызли, въ клѣти лежала! — объяснилъ старикъ:— думали, надо-быть, съѣстное найти!..

Нашли они немного: пестрядиную рубаху, кусочекъ суконца синяго, кусочекъ кожицы, нитки, козырекъ отъ шапки — и только. Старикъ, вѣчно навимающійся на суда работниковъ, жилъ налегкѣ; да едва ли и могъ имѣть что больше, если представить себѣ его постоянно въ рукахъ прожорливыхъ чужеядныхъ поморскихъ монополистовъ.

Егоръ уже готовъ, одѣтый въ свой полотняный сюртукъ, пропитанный вохрой съ масломъ и представлявшій видъ самодѣльной клеенки—произведеніе личной смѣтки и досужества самого Егора; ни прежде, ни послѣ не случалось мнѣ видѣть такого наряда. Самъ Егоръ приквастнулъ:

— Никакой дождь не беретъ: что съ гуся вода — отмѣнное дѣло.

Парусокъ наложенъ и, къ крайнему удовольствію всѣхъ моихъ спутниковъ, надулся вѣтромъ.

— Садись, баринъ, карета готова.

— Егоръ, не опружило бы? Видишь какой взводень, и вѣтеръ не тишетъ!

— Не изъ такихъ бѣдъ выхаживали сухи: Богъ миловалъ, а и эта волна, такъ... сонное видѣніе!

— Однако, въ рѣкѣ-то мелкія волны будутъ, подшибутъ, пожалуй!

— Не кверху полетимъ и въ рѣкѣ, коли пронесетъ моремъ. Вѣтеръ-то къ той порѣ авось и потишетъ...

— Страшно, Егоръ, право страшно!

— Страшенъ чортъ, коли во снѣ приснится, а на яву-то пристанеть — такъ и открестимся. Одно только сумлѣніе наводитъ: не осмѣяли бы встрѣчные, что вотъ, молъ, палкой подпоясались, мѣшкомъ упираются...

Трудно было не согласиться на предложеніе Егора, видя все его хладнокровіе и зная его опытность и приглядку ко всякому шагу на морѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ, я уже, въ подобныхъ случаяхъ, не задумывался, видя даже въ поморскихъ бабахъ удивительную смѣлость, умѣнье управляться и съ рулемъ, и съ косыми, и съ прямыми парусами.

Егоръ продолжалъ быть вѣрнымъ себѣ и во все время, когда наша скорлупа-ботикъ болтался по далеко еще неуходившемуся взводню. У старика — гребца выскочило изъ уключинъ (называемыхъ здѣсь *кочетьями*) весло, почти вышибенное бойко набѣжавшей волной. Егоръ усмѣхнулся съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ посмѣялся бы онъ и въ каютѣ, во время стоянки на якорѣ, надъ стариковой дремотой или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

— Что старикъ, каши ложку потерялъ?

— Бури престаша, вѣтры улегоша, во своя устроися:—примолвилъ онъ въ ту пору, когда скорлупа наша обогнула наволокъ и побѣжала въ небольшую, порожистую рѣчку Кемь. За дальнимъ колѣномъ рѣки выглянулъ и самый городъ, сначала своими двумя деревянными церквями, потомъ рядомъ домовъ, изъ которыхъ одинъ коричневый, другой зеленый, остальные всѣ цвѣта дикаго крашенаго, и дикаго крѣпко подержаннаго, вылинявшаго отъ дождей и снѣга.

Городокъ глядитъ привѣтнѣе Онеги и далеко успокоительнѣе: у пристани ребятишки рыбу удятъ и ведутъ бойкіе, оживленные разговоры. Подлѣ лаетъ и прыгаетъ собака. Инвалидный солдатъ прошелъ съ ружьемъ и сильно просаленными масляной сажей усами, а позади—кемская женка вся въ красномъ. Издалека несется визгъ пилы, ласкъ топора, попавшаго плашмя на сучекъ, всплѣски весель и затѣмъ голосистая русская пѣсня, разводимая бойкими голосами пяти-семи дѣвокъ. Пѣтухъ поетъ „кукареку“; ребенокъ гдѣ-то плачетъ. Пороги шумятъ, и шумъ ихъ то относитъ вѣтромъ далеко и дѣлаетъ глуше, то опять шумятъ эти пороги, словно надъ самымъ ухомъ... Все кругомъ живетъ и дышетъ тою ласкающею, тою чарующею жизнію, отъ которой на душѣ такъ тепло и привольно!..

ПОЕЗДКА ВЪ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Первыя впечатлѣнія пути по морю.—Воспоминанія туземцовъ о недавнемъ посѣщеніи Бѣлаго моря англо-французскою эскадрою.—Мои спутники.—Соловецкій монастырь.—Гостиницы.—Часовни.—Воспоминанія о посѣщеніи монастыря Петромъ Великимъ.—Возмущеніе соловецкихъ старцевъ и подробности осады монастыря отъ московскаго войска.—Бѣглецы и старцы.—Нстоящее состояніе монастыря и его значеніе.—Поездка на Анзеры и въ скитъ Голгофу.—Соловки съ птичьяго полета.—Монастырская тюрьма.—Ея внѣшній видъ.—Ея исторія.—Интересный заточникъ.—Папулинъ.—Изъ исторіи федосеевскаго раскольниковьяго толка.—Похищеніе древняго иконостаса.—Древнія иконы.—Тюремный преступникъ.—Разсказъ архимандрита Александра.—Земляныя тюрьмы.—Мѣшокъ.—Побѣги.—Великоважные преступники.—Строгость заточенія.—Цѣпные.—Донской эсаулъ. Игуменъ Израиль.—Ссылные.—Интересныя изъ нихъ: Пархомовъ и Жуковъ. Всенародное поколѣніе. Возвращеніе и обратный путь въ Кемь.

Шумливо бѣжить въ недалѣе море порожистая, неширокая рѣка Кемь, извиваясь прихотливыми колѣнами, обставленная высокими гранитными берегами; бойко бѣжить по ней и нашъ карбась, подгоняемый крутымъ, не на шутку расходившимся югозападнымъ вѣтромъ. Недавно оставленный нами городъ Кемь то закрывается отъ насъ ближней *саракой*, высокой крутизной каменнаго, безплоднаго берега, то покажетъ, какъ бы для послѣдняго свиданія, часть деревянныхъ домовъ дальней набережной, то Лепъ-островъ съ его деревянной церковью древней постройки. Наконецъ, онъ совсѣмъ пропадаетъ изъ виду, когда уходятъ далеко вправо и влево берега рѣки, на этотъ разъ какіе-то низенькіе, какіе-то черные, мрачные съ виду. Казалось, что вотъ сейчасъ же разольется передъ нами громадная ширина Бѣлаго моря и начнутъ метаться, одна на другую, крупныя, соленыя, для непривычнаго страшныя съ виду, волны. Какъ будто нарочно для этого и правая крутизна ближняго мыса, затянувшись туманомъ, отошла далеко назадъ. Самый вѣтеръ надувалъ наши два паруса полнѣе и крѣпче; чайки выкрикали чаще и тоскливѣе; море ширилось все больше и больше и бросало въ насъ уже крѣпко-солеными брызгами. Мы находились въ настоящемъ морѣ и почти открытомъ, если бы не высту-

пали направо и налево высокіе, словно обточенные, скалистые и щелистые острова изъ группы Кузововъ. Дальніе краснѣютъ тускло, какъ будто надрѣзанные, прохваченные снизу полосой воды, какъ дальнее облако, неподвижно вѣзанное въ сѣрый горизонтъ. Ближніе изъ нихъ ярко выясняются своимъ грязнымъ, сѣроватымъ гранитомъ съ прѣзеленью тщедушнаго сосняка, съ прѣжелтью выжженной солнцемъ, выцвѣтшей травы, ягиля (оленьяго моха), листьевъ ягоды вороницы и морошки. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ не кажутъ ничего, кромѣ камня, темнаго цвѣта выбоинъ-щелей и потомъ опять камня сѣровато-краснаго и сѣровато-желтаго. На одномъ изъ нихъ прицѣпилась избушка—таможня.

— Это Поповъ-Островъ,—объясняетъ кормщикъ. Въ избушкѣ солдаты живутъ. Къ нимъ приставай всякій, кто съ моря ѣдетъ, и показывай имъ: не везешь ли чего изъ запретнаго: рому норвежскаго, чашекъ чайныхъ, сукна, а либо чего изъ прочаго. Да наши молодцы такіе, что и за Кильяками (островами) встанутъ, не что возьмешь: далеко вѣдь... Туда досмотрщику не сподручно ѣхать, хоть и карбаса есть у нихъ, и багры, чтобы за чужой карбасъ ухватиться. Спасаемся же!...

— А вонъ, гляди, этотъ островъ,—продолжалъ мой кормщикъ тогда, какъ выровнилась новая гранитная скала, нѣсколько бѣльшая противъ другихъ сосѣднихъ.

— Ёхали наши ребята на карбасѣ три человѣка: богомольцевъ везли къ угодникамъ. Съ ними женокъ штукъ до пяти было—и все тутъ. А на ту пору у насъ этотъ *агличкой*-то бродилъ, да обиды всякія дѣлалъ. Ёдутъ вотъ наши ребята—ѣдутъ, ѣдутъ на-угадъ, авось-де со врагомъ съ супостатомъ и не встрѣтимся, и пройдемъ, и св. угодникамъ молитву воздадимъ. Ладно,—съ тѣмъ, стало, и ѣдутъ. Анъ глядь-поглядь изъ-за одной луды въ Кильякахъ словно бы дымокъ показался. Стали всматриваться—дымокъ и есть. Наши ребята этакъ взяли въ сторонку рулемъ и стали заходить правѣе за луду: тамъ-де встанемъ, переждемъ на лютый часъ, пусть погуляютъ, пройдутъ. Ружья у нихъ и были, пожалуй, такъ-вишь женскаго-то полу набралось—дери ихъ горой! Ну, вотъ—хорошо! Слушайте! Обогнули наши молодцы луду ту: пристали. На гору подниматься стали, поднялись—посмотримъ, молъ, далеко ли супостаты. А они тутъ и есть подъ горкой: кто въ растяжку, кто стоя, трубочки покуриваютъ, кто какъ... Насчитали наши ихнова народу надо-быть, сказывали, человѣкъ до 30. Какъ, слышь, увидали нашихъ на горѣ,—взболоболькали по своему, да какъ кинутся подъ гору назадъ,—такъ слышь, только пятки засверкали. А нашимъ-то и любо; стоятъ да глядятъ, что дальше будетъ. Бѣгутъ агличкіе къ шлюбкѣ,—отчаливать тормозатся, весла хватаютъ... Одинъ оступился, въ воду попалъ,—что быкъ взревѣлъ! Такъ и удрали, такъ и удрали на свой

пароходъ. Наши послѣ нихъ пистолетъ нашли, цыгаровъ, спичекъ хорошихъ такихъ, ни одна не пропала, а горѣла, что тебѣ восковая свѣчка... Таково-то хорошо, ей Богу!...

Намъ завязалось повѣтерье. Карбасъ, нѣсколько накренившись на бокъ, бѣжалъ довольно спѣшно, бойко разсѣкая не сильныя, но частыя волны. Мы продолжали ѣхать между островами, оканчивая то тридцати-верстное пространство, которое занято ими, начиная отъ устья рѣки Кеми. Остальные тридцать верстъ (изъ всѣхъ шестидесяти отъ города до монастыря) идутъ уже *по́лымъ*, по здѣшнему, т. е. открытымъ, свободнымъ отъ всякихъ острововъ моремъ.

Хорошо было сидѣть мнѣ въ чистенькомъ, таможенномъ карбасѣ, предложенномъ мнѣ предупредительностью добраго кемскаго городничаго. Родъ каюты, навѣсъ надъ кормою, сдѣланный на подобіе кибитки, обить былъ зеленымъ сукномъ; тѣмъ же сукномъ обиты были и скамейки по сторонамъ. На полу подостлана была шкура бѣлаго медвѣдя, мягкая, удобная для лежанья и сидѣнья. Навѣсъ не угрожалъ ударами по головѣ, какъ во всѣхъ другихъ поморскихъ карбасахъ, лаженныхъ кое-какъ, только бы сошло дѣло съ рукъ. Тамъ сквозной вѣтеръ дуетъ безнаказанно, тамъ отъ дождя навѣсы не спасаютъ и всегда одолеваетъ одуряющій запахъ трески, которою запасаются дѣвки-гребцы. Здѣсь на этотъ разъ ничего изъ подобнаго не было; даже и женщинъ-гребцовъ замѣнили на этотъ разъ 6 мужиковъ, сильныхъ на рукахъ, бойкихъ и острыхъ на языкъ. Они подобрали весла и, по обычаю всѣхъ архангельскихъ поморовъ, тотчасъ же принялись за дѣду. Несутся въ мою будку отрывки ихъ разговоровъ.

Одинъ сообщаетъ прочимъ, что онъ вотъ уже пятый разъ въ нынѣшній годъ ѣздитъ въ монастырь, и съѣздитъ, можетъ быть, и еще четыре раза.

— Чего жъ больно такъ разохотился? спрашиваетъ его другой гребецъ. Али весело очень, въ привычку вошелъ?

— И въ привычку вошелъ, и усердіе имѣю: я и въ запрошедшій годъ два раза былъ тамъ, хоть и аглечкой бродилъ — небось, не боялся. Я, вѣдь, болѣе по портному дѣлу, на монастырскихъ работниковъ жилетки шью: любятъ очень. Поживешь на острову три дни положенныхъ, жилетокъ до пяти и обработаешь. А деньги особъ и за греблю, и за шитье получу: вдвое, стало быть, въ барышахъ и бываю...

— Стало, тебѣ тамъ и помолиться некогда?

— Какая ужъ тутъ тебѣ молитва?—извѣстное дѣло!

Слышатся новые толки. Тотъ же портной сообщаетъ товарищамъ, что монастырь выставляетъ бочку дегтю даровую для того, чтобы богомольцы могли смазывать свои сапоги.

— А велятъ ли сапоги-то мазать?—робко, сдержаннымъ голосомъ опросила его кемская женка, уприсившая насъ взять ее съ собой.

Портной посмотрѣлъ ей на ноги: баба была въ сапогахъ.

— Да хоть голову мажьте, коли *усердіе* есть!—отвѣчалъ онъ ей и набилъ трубочку, коротенькую, прожженую и окуренную до безобразія и постоянной воркотни.

Почуялся прогорклый, непріятный запахъ махорки. Портной высосалъ трубку въ два приѣма и очумѣлъ, вытаращивъ глаза, которые на этотъ разъ, сдѣлались какими-то оловянными и безсмысленными. Вѣроятно, въ это время онъ испытывалъ неземное наслажденіе, потому-что улыбка, до того времени не сходявшая съ его лица, на этотъ разъ сіяла полнѣйшею, двойною радостію.

— Нечистый васъ, братцы, вѣдаетъ, какъ это вы въ экой дряни смакъ находите, будь вамъ пусто!—послышался голосъ кормщика.

— Да, вѣдь, это кому какъ, ГERVасей Стефеичъ. Иной, пожалуй, вонъ изъ одной-то чашки съ тобой и пить не станетъ, а все свою носить. Такъ-то!

— Да вѣдь изъ головы блудницы зелье-то это поганое выросло, замѣтилъ было кормщикъ грубо-сердитымъ тономъ.

— Это, братъ ГERVасей Стефеичъ, по книгамъ, вѣдь. А по мнѣ, коли водки въ кабацѣ выпить захочешь, въ артельной чаркѣ она на-всегда слаще бываетъ. Я не брезгливъ: по мнѣ, коли водку пить, такъ и изъ ошметка хорошее дѣло. Вѣрь ты моему слову нелестному!...

Кормщикъ замолчалъ на убѣжденія соперника. Но не молчалъ этотъ:

— Ты это знай, ГERVасей Стефеичъ, что табакъ бодрости придаетъ: въ немъ сила... Ты посмотри—вонъ, и его высокородіе сигарочку закурилъ. Стало, это хорошо: вонъ оно што!..

Кормщикъ хранилъ уже послѣ того упорное молчаніе.

Острякъ заглянулъ ко мнѣ въ будку:

— Ваше высокородіе!

— Что хочешь сказать?

— Вотъ вы теперича изволите въ обитель преподобныхъ въ первый разъ ѣхать?

— Да.

— А знаете ли, какія тамъ дивныя дѣла случаются?

— Нѣтъ, не всѣ знаю.

— На зиму, изволите видѣть, мѣсяцевъ на восемь острова Соловецкіе совсѣмъ запираетъ: на нихъ тогда ни входу, ни выѣзду не бываетъ во все это время. Сначала мутятъ море бури такія, что и смѣлый и умѣлый не суется. Попробовалъ архимандритъ за почтой въ Кемь послать—всѣ потонули. Съ октября мѣсяца у береговъ припаи ледяные дѣлаются. Такъ ли, братцы?

— Припай верстъ на пять бываютъ отъ берега, — подтвердилъ кто-то.

— Бываютъ и больше. Вотъ на ту пору вѣтры морскіе, самыя такіе крѣпкіе, зимніе отъ припаевъ этихъ ледяныхъ, льдины, торосья такіе, отрываютъ и носятъ, что шальныхъ, изъ стороны въ сторону. Промежъ льдинъ этихъ не протолкаешься: изотрутъ онѣ утлый карбасенко въ щепу.

— А Михай-то Назаровъ въ четвертомъ году пробрался! — замѣтилъ кто-то.

— Ну, братъ, ты мнѣ про это не рассказывай! Про Михея Назарова законъ не писанъ: онъ, вѣдь, блажной. Головушку-то свою гдѣ-гдѣ онъ не совалъ; онъ, вѣдь, братъ, зачурованный. Его и на томъ свѣтѣ черти-то голыми руками не ухватятъ: такой ужъ!

Всѣ засмѣялись.

— Такъ вотъ я къ тому рѣчь свою веду, выше высокородіе, что монастырь на всю осень, на всю зиму, на всю весну запертъ бываетъ; никакихъ такихъ сношеній съ нимъ нѣтъ. На ту пору они арестантовъ изъ казематовъ выпускаютъ: которые гуляютъ по монастырю, которые въ церковь заходятъ. Въ маѣ (рассказываютъ монахи), какъ начнетъ отходить земля, побѣгутъ съ горъ потоки, — прилетаетъ чайка; одна сначала, передовая. Сядетъ она на соборную колокольню и кричитъ долго-предолго, шибко-прешибко; покричитъ часокъ, другой-третій — улетаетъ. Дня черезъ два, черезъ три, налетаетъ этихъ чаекъ несосвѣтимаая сила, проходу отъ нихъ нѣту: сами увидите! Живутъ онѣ на острову все лѣто, дѣтей (чабарами зовутъ) тутъ же и выводятъ. Монахи и богомольцы ихъ хлѣбомъ кормятъ, и чайки эти со-всѣмъ ручными дѣлаются, а вѣдь пугливая, дикая птица отъ рожденія. Вотъ вамъ и первое диво!

Всѣ гребцы при этихъ словахъ переглянулись. Портной продолжалъ:

— Осенью прилетаютъ вѣроны, — съ чайками драку затѣваютъ. Идетъ у нихъ тутъ кровопролитіе большое: чаекъ много бываетъ побито. Чайки улетаютъ съ острова всѣ до одной: остаются хозяевами вороны во всю зиму, а по ранней веснѣ и они тоже улетаютъ, тутъ драки не бываетъ. Такъ, вѣдь, вотъ диво-то какое!

Острова, между тѣмъ, стали замѣтно рѣдѣть; быстро уходили они одинъ за другимъ назадъ. Крѣпкій вѣтеръ гналъ насъ все впередъ скоро и сильно. Сильно накренившееся на бокъ судно отбивало боковыя волны и разрѣзало переднія смѣло и прямо. Выплыветъ островъ и начнетъ мгновенно сокращаться, словно его кто тянетъ назадъ; выясняется и отходитъ взадъ другой — рѣшительная груда огромныхъ камней, набросанныхъ въ замѣчательномъ безпорядкѣ одинъ на другой; и сказывается глазамъ вслѣдъ за нимъ третій островъ, покрытый мохомъ и ельникомъ. На островѣ этомъ бродятъ олени, завезенные сюда съ кемскаго берега, изъ города, на все лѣто. Олени эти

теряютъ здѣсь свою шерсть, спасаются отъ оводовъ, которые мучать ихъ въ другихъ мѣстахъ до крайняго истощенія силъ. Здѣсь они, по словамъ гребцовъ, успѣваютъ одичать за все лѣто до такой степени, что трудно даются въ руки. Ловятъ ихъ тогда, загоняя въ загороди и набрасывая петли на рога, которые успѣваютъ уже тогда нарости вновь, сбитые животными лѣтомъ. Между оленями видны еще бараны, тоже кемскіе, и тоже свезенные сюда съ берега на лѣто.

Бдемъ мы уже два часа слишкомъ. Прямо противъ нашего карбаса, на ясномъ, безоблачномъ небѣ, изъ моря выплываетъ свѣтлое маленькое облачко, не ясно очерченное и представляющее довольно странный, оригинальный видъ. Облачко это, по мѣрѣ дальнѣйшаго выхода нашего изъ острововъ, превращалось уже въ простое бѣлое пятно и все таки—по прежнему вонзенное, словно прибитое къ небу.

Гребцы перекрестились.

— Соловки видны!—былъ ихъ отвѣтъ на мой спросъ.

— Верстъ еще тридцать будетъ до нихъ,—замѣтилъ одинъ.

— Будетъ, безпримѣнно будетъ,—отвѣчалъ другой.

— Часамъ къ десяти вечера, надо-быть, будемъ! (Мы выѣхали изъ Кеми въ три часа пополудни).

— А пожалуй, что и будемъ!..

— Какъ не быть, коли все такая погодка потянетъ. Берись-ко, братцы, за весла: скорѣй пойдетъ дѣло, скорѣе доѣдемъ.

Гребцы, видимо соскучившіеся бездѣльнымъ сидѣньемъ, охотно берутся за весла, хотя вѣтеръ, замѣтно стихая, все еще держится въ парусахъ. Вода стоитъ самая *кроткая*, т. е. находится въ томъ своемъ состояніи, когда она отливомъ своимъ умѣла подладиться подъ попутный вѣтеръ. Острова продолжаютъ сокращаться; судно продолжаетъ качать и замѣтно сильнѣе по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ двадцатипяти-верстной салмѣ, отдѣляющей монастырь отъ послѣднихъ острововъ изъ группы Кузововъ. Наконецъ, мы въѣзжаемъ и въ эту салму. Вѣтеръ ходитъ сильнѣе; качка становится крѣпче и мѣшаетъ писать, продолжать замѣтки. Несетъ насъ впередъ необыкновенно быстро. Монастырь выясняется сплошной бѣлой массой. Гребцы бросаютъ весла, чтобы не *бразнить* вѣтеръ. По прежнему крутятся и отлетаютъ прочь съ пѣной волны, уже не такія частыя и мелкія, какъ тѣ, которыя сопровождали насъ между Кузовами. Налѣво, далеко взадъ, остались въ туманѣ Горѣлые Острова. На голомяни, вдали моря направо, бѣлѣютъ два паруса, принадлежащіе, говорятъ, мурманскимъ шнякамъ, везущимъ въ Архангельскъ треску и палтусину первосолками...

Набѣжало облако и спрыснуло насъ бойкимъ, крупнымъ дождемъ, заставившимъ меня спрятаться въ будку. Дождь тотчасъ же пересталъ и побѣждалъ непрогляднымъ туманомъ направо, затаивъ отъ нашихъ глазъ острова Заяцкіе, принадлежащіе къ группѣ Соловецкихъ.

— Тамъ монастырскіе живутъ; церковь построена, при церкви монахъ живетъ, дряхлый, самый немощный: онъ и за скотомъ смотритъ, онъ и съ аглечкими споръ имѣлъ, не давалъ имъ скотины. Тамъ-то и козель тотъ живетъ, что не давался супостатамъ въ руки...

Такъ объясняли мнѣ гребцы.

По морю продолжаетъ бродить взводень, который и раскачиваетъ наше судно гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Вѣтеръ стихъ; ѣдемъ на веслахъ. Паруса болтаются то въ одну сторону, то въ другую: вѣтеръ какъ будто хочетъ установиться снова, но какой—неизвѣстно. Ждали его долго и не дождались никакого. Взводень мало-по-малу укладывается, начинается меньше раскачивать карбасъ, рябитъ уже не крутыми и не высокими волнами. Волны эти, по временамъ, нѣтъ-нѣтъ, да и шибнуть въ бортъ нашего карбаса, перевалить его съ одного боку на другой, и вдругъ въ правой бортъ какъ будто начало бросать камнями, крупными камнями; стукъ затѣлся сильный. Гребцы крѣпче налегли на весла, волны прыдали одна черезъ другую въ какомъ-то неопредѣленномъ, неестественномъ безпорядкѣ. Море, на значительное пространство впередъ, зарыбило широкой полосой, сталась на немъ словно рыба чешуя, хотя впереди и кругомъ давно уже улеглась вода гладкимъ зеркаломъ.

— Сувоемъ ѣдемъ, на мѣсто такое угодили, гдѣ обѣ воды встрѣтились: полая (приливъ) съ убылой (отливомъ). Иногда такъ и осилить его не съумѣешь: особо на крутыхъ; а то и тонуть—объясняли мнѣ гребцы, когда, наконецъ, прекратились эти метанья волнъ въ килевыя части карбаса. Мы выѣхали на гладкое море, на которомъ уже успѣлъ на то время улечься недавній, сильный взводень.

Монастырь кажется все яснѣе и яснѣе: отдѣлилась колокольная отъ церквей, выдѣлились башни отъ стѣны; видно еще что-то многое. Заяцкіе-Острова, направо, яснѣются также замѣчательно подробно. Мы продолжаемъ идти греблей. Монастырь всецѣло заблѣлъ между группою деревьевъ и представлялъ одинъ изъ тѣхъ видовъ, которыми можно любоваться и залюбоваться. Видъ его былъ хорошъ, насколько можетъ быть хороша группа каменныхъ зданій, и особенно въ такомъ мѣстѣ, и послѣ того, когда прежде глазъ встрѣчалъ только голые, бесплодные гранитные острова и повсюдное безлюдье и тишь. Въ общемъ, монастырь былъ очень похожъ на всѣ другіе монастыри русскіе. Разница была только въ томъ, что стѣна его пестрѣла огромными камнями, неотесанными, безпорядочно вбитыми въ стѣну словно нечеловѣческими руками и силою. Пестрота эта картинностью и—если такъ можно выразиться—дикостью своею увлекла меня. Прихватили монастырскую ограду и гребцы мои.

Въ половинѣ десятаго часа монастырь былъ верстахъ въ двухъ, на которыя обѣщали всего полчаса ходу. Ровно въ десять часовъ мы

уже идемъ Соловецкой губой, между рядомъ гранитныхъ коргъ съ несмѣтнымъ множествомъ деревянныхъ крестовъ. Тѣми же крестами уставлены и всѣ три берега, развернувшіеся по сторонамъ. Въ губѣ стоятъ лодьи и мелкія суда; могутъ, говорятъ, подходить къ самой монастырской пристани самыя крупныя суда: до того глубока губа!

У пристани толпится кучка народу, изъ нея выдѣляется фигура монаха въ затрапезномъ платьѣ. Монахъ оказался гостинщикомъ. Онъ ввелъ насъ въ номеръ, который не могъ похвалиться ни особенною чистотою, ни особеннымъ просторомъ. Говорятъ, что привелось бы поселиться съ пятью-шестью сосѣдями въ этой узенькой, маленькой комнатѣ, и что теперь я одинъ здѣсь потому только, что *бою-мольцевъ поотвѣмлю*, какъ объяснилъ мнѣ монахъ-гостинщикъ, побѣждавшій докладывать о новопріѣзжемъ отцу-архимандриту Александру.

Я остался одинъ и, Богъ вѣсть, сколько темныхъ, нерадостныхъ мыслей пришло мнѣ на ту пору въ голову. Вотъ куда, думалось мнѣ на тотъ разъ, забросила меня капризная, темная судьба, вопреки всѣхъ предположеній и мечтаній. Это, казалось мнѣ, грань крайняя: дальше идти было можно, но уже недалеко...

„Сію минуту (писалось мною въ дневникѣ) ушелъ отъ меня какой-то допотопный варваръ, инвалидный офицеръ въ пьяномъ видѣ, смѣнившій своего предмѣстника, который, по его словамъ, завтра долженъ былъ сѣсть на карбасъ и ѣхать въ Архангельскъ. Много говорилъ онъ мнѣ всякаго вздору: говорилъ, что если онъ архангельскій, а я костромской, то мы земляки; что солдатъ солдату братъ, офицеръ офицеру тоже. Чудакъ принялъ меня за ревизора и никакъ не хотѣлъ вѣрить, что я присланъ отъ морского министерства, а не отъ министерства государственныхъ имуществъ, и что пріѣхалъ я не землю жевать... Хорошъ бы этакой-то гусь явился къ настоящему ревизору. И пришла же блажь для перваго знакомства съ монахами нализаться до сплетенія языка и немощи... И вотъ—темная, дальняя, скучная, безталанная сторона и безвыходная уѣздная жизнь: вся изъ однообразія, грязи, плѣсени и неизлѣчимыхъ наростовъ, получившихъ каменистое свойство и характеръ гнилого чирья, переставшаго уже ныть и болѣть. Сердце мучится сомнѣніемъ, невѣденіемъ будущаго, и не смѣешь смѣяться, и больно и стыдно за виноватаго, пойманнаго съ поличнымъ“.

— Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ! послышался за дверью чей-то тихій припѣвъ, произнесенный тончайшимъ фальцетомъ съ прибавленіемъ ударовъ въ дверь.

— Аминь! отвѣчалъ я.

Явился молодой, кудрявый, сытый послушникъ. Онъ говорилъ:

— Отецъ-архимандритъ прислали вамъ свое благословеніе: сли-
вокъ, булку, чухонскаго масла и просили извинить, что не могутъ
васъ видѣть сегодня: они уже въ постели...

Крѣпко заснулъ и я на новомъ мѣстѣ; но рано проснулся: мона-
стырскіе часы монотонно отбиваютъ минуты. Чайки разнокалиберно,
разноголосно кричатъ во всѣхъ углахъ ограда, на нашей гостинницѣ,
на берегу, на водѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ летаютъ мимо оконъ: и
длинноносыя, и съ утиными носами, и сѣрыя, и бѣлыя—бездна! Кри-
комъ своимъ надоѣдаютъ невыносимо!.. Прямо передъ моими глазами
хмуро глядитъ своими выломанными окнами, съ выбитыми стеклами,
другая гостинница архангельская, такая же деревянная, обшита те-
сомъ, покрашеннымъ желтою же краской. Разница въ томъ, что та
гостинница уже необитаема, тесъ ея по мѣстамъ ободранъ, углы по-
ломаны, крыша разбита. Говорятъ, ее замѣнять новою, потому что
она рѣшительно негодна для обитанія, и потому что на нее-то пре-
имущественно и устремлены были выстрѣлы англичанъ во время по-
слѣдняго бомбардированія. Архимандритъ оставилъ ее въ томъ видѣ
для того, чтобы богомольцы, приходившіе въ этотъ годъ въ огром-
номъ числѣ, могли видѣть слѣды недавняго непріятельскаго погрома.

По побережью бродятъ лошади съ колокольчиками на шеѣ; ходятъ
инвалидные солдаты; на причалившей лодѣ шевелится людъ право-
славный; изъ-за ограда бѣлѣются монастырскія церкви и несется звон-
кій благовѣстъ, отдающійся долгимъ эхомъ. Правѣ архангельской го-
стинницы зеленѣетъ осиновый лѣсъ, лѣвѣе—березки, и видятся низень-
кіе, бѣлые столбики второй ограда. Дальше сверкаетъ неоглядною,
безконечною гладью море. Чайки продолжаютъ кричать попрежнему
невыносимо тоскливо; у пристани бѣлѣетъ парусокъ—монахи ловятъ
сельдей на сегодняшнюю трапезу. Солнышко весело свѣтитъ и разли-
ваетъ пріятную, увлекающую теплоту.

Я вышелъ изъ номера и пошелъ бродить подлѣ ограда.

Тутъ, на побережьи губы, выстроены двѣ часовни: одна петров-
ская, на память двукратнаго посѣщенія монастыря Петромъ Великимъ,
другая Константиновская, на память посѣщенія монастыря великимъ
княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Вблизи ихъ стоитъ гранитный
обелискъ на память и съ подробнымъ описаніемъ бомбардированія мо-
настыря англичанами.

Въ первой разъ былъ здѣсь Великій Петръ въ 1694 г. 7-го іюня.
Прибылъ онъ сюда въ нарочно устроенной для него въ Англіи яхтѣ
съ немногими приближенными особами, съ холмогорскимъ Архіеписко-
помъ Аѳанасіемъ, недавно только спасшійся въ Унскихъ рогахъ отъ
кораблекрушенія. Выйдя на берегъ, государь тогда же приказалъ во-
друзить крестъ деревянный, которой и находится теперь въ Петров-
ской часовнѣ. Три дня пробылъ онъ здѣсь: „въ семъ удаленномъ отъ

міра пустынномъ мѣстѣ младый самодержецъ Россіи упражнялся въ молитвѣ и богомысліи, а потомъ, по отправленіи молебнаго пѣнія и по одареніи настоятеля со всѣмъ братствомъ денежною милостынею, того же іюня 10-го дня изволилъ отбыть обратно къ городу Архангельскому, съ милостивымъ обѣщаніемъ всегда покровительствовать святой обители—говорить Архимандритъ Досіеѣй въ своемъ описаніи Соловецкаго монастыря. Второе посѣщеніе монастыря Петромъ I, по свидѣтельству соловецкаго лѣтописца, послѣдовало въ 1702 г. августа 20 дня. „Онъ прибылъ, говоритъ лѣтописецъ, на 13 корабляхъ и сталъ на якоряхъ близъ Заяцкаго-Острова, и была пальба изъ пушекъ, а прежде себя его царское величество изволилъ прислать напередъ, чтобы великаго государя пришествіе архимандритъ съ братією ожидалъ въ монастырѣ, а въ судахъ встрѣчать не ѣздилъ. И великій государь съ корабля съ ближними своими людьми, не со многими изволилъ прибыть въ ботѣ въ монастырь за полчаса до вечера, и, вышедъ его царское величество на берегъ, помолился противъ монастыря и принялъ отъ архимандрита благословеніе; келарь же не со мною братією подошли съ подносомъ съ образомъ, хлѣбомъ и рыбою, и великій государь благодарилъ и изволилъ сказать: *«будемъ у васъ»*, а прочая братія всѣ стояли по чину, вышедъ мало изъ святыхъ воротъ. Благочестивый же государь, не подошелъ ко вратамъ, изволилъ идти кругомъ ограды монастырскія на правую сторону и, обшедши, вшелъ святыми воротами въ монастырь и изволилъ идти въ соборную церковь—благовѣсту и звону не было—и въ соборной церкви помолился и изволилъ идти въ церковь къ преподобнымъ чудотворцамъ и тамо у гробовъ преподобнымъ прикладывался потомъ изволилъ идти въ ризницу, въ оружейную, въ трапезу и говорилъ архимандриту, что „завтра кушать буду со всѣми своими пришедшими начальными людьми въ трапезѣ“. „Литургію слушалъ у преподобныхъ чудотворцевъ, еже есть во вторникъ, потомъ пожаловалъ онъ, великій государь, къ архимандриту въ келію и благоволилъ въ тотъ вечеръ, еже есть августа въ десятый день, въ понедѣльникъ, у архимандрита кушать. И откушавши, великій государь изволилъ отѣхать, часу въ шестомъ ночи, на корабль, а вышеписанные бояре и ближніе люди ночевали въ гостинной келіи. Августа 11-го дня благоволилъ великій государь придти слушать литургію безъ благовѣсту и звону. Послѣ соборныя службы, братія отѣли въ трапезѣ, а онъ, великій государь, изволилъ войти въ монастырь безъ встрѣчи и съ благороднымъ царевичемъ и великимъ княземъ Алексѣемъ Петровичемъ, и весь его царскій синклитъ; служилъ іеромонахъ съ іеродіакономъ; пѣли великаго государя пѣвчіе по скору, по литургіи слушалъ молебенъ, отпускалъ одинъ священникъ со діакономъ и благоволилъ на молебенъ ачу пожаловать, и отслушавъ молебенъ ради благороднаго царевича, опять изволилъ ходить въ ризницу, и въ оружейную, и въ прочія

службы, и благоволилъ великій государь въ трапезѣ кушать, и благородный царевичъ, и при немъ ближніе люди и начальныя, а кушанье приспѣвало все монастырское и питіе, а подчивалъ архимандритъ, келарь и казначей и отъ братіи первые. Онъ, великій государь, и благородный царевичъ сидѣли купно съ бояры и съ ближними людьми, и откушавъ, благоволилъ по монастырю ходить, по тюрьмамъ и благоволилъ быть у архимандрита въ кельи до отдачи часовъ и отбылъ его царское величества и съ благороднымъ царевичемъ на корабль ночевать". 12-го августа Петръ Великій былъ въ монастырѣ уже безъ царевича, осматривалъ съ ближними Вараку (гору) и поздно уѣхалъ на корабль. 13-го съ корабля не съѣзжалъ. 14-го августа онъ опять пріѣхалъ въ монастырь, слушалъ всенощную и самъ стоялъ съ пѣвчими на правомъ клиросѣ и пѣлъ басомъ. Послѣ разсматривалъ онъ грамоты, жалованныя монастырю; архимандриту Фирсу повелѣлъ носить мантию со скрижалями, посохъ съ яблоками и совершать все по чину Чудова монастыря. За литургіей архимандритъ служилъ уже такъ, какъ указалъ государь. Тамъ же Петръ снова стоялъ и пѣлъ на клиросѣ; „и по святой литургіи (прибавляетъ лѣтописецъ) изволилъ идти въ гостиную келью, тамъ кушалъ съ благовѣрнымъ царевичемъ. Приспѣшники были дворцовые. Откушавъ, изволилъ быть въ монастырѣ и посѣтить старца Лаврентія Александровца: понеже онъ изъ кельи не выходилъ никуда, ниже въ церковь, развѣ причащенія ради". 15-го августа государь, на малыхъ судахъ, отбылъ на корабль, а 16-го наутрѣ отправился въ походъ. Вечеромъ онъ былъ уже въ селеніи Нюхчѣ кемскаго берега, откуда шла недавно сдѣланная по его повелѣнію деревянная дорога на Повѣнецъ. Архимандритъ съ келаремъ и нѣкоторыми монахами ѣздилъ на корабль благодарить государя за посѣщеніе. Петръ Великій „довольно ихъ подчивалъ" и велѣлъ отпустить въ монастырь изъ Архангельска двѣсти пудовъ пороку. „Архимандритъ, прибавляетъ лѣтописецъ, возвратясь въ монастырь, прямо пошелъ въ церковь, пѣлъ молебень съ благовѣстомъ и звономъ за здравіе государя и его спутниковъ; отъ радости былъ архимандритъ на погребѣ со всею братією и довольно *трахтовались*, благодаря Господа Бога за такое благополучіе".

Прямо противъ монастырскихъ воротъ находилась третья часовня, называемая *Просфоро-Чудовою*.

— На этомъ мѣстѣ (объясняли мнѣ монахи) новгородскіе купцы обронули просфору, которую далъ имъ праведный отецъ нашъ Зосима. Пробѣгала мимо собака, хотѣла ѣсть, но огонь, изшедши изъ просфоры, попалилъ ее.

Въ веретѣ отъ монастыря четвертая часовня, *Таборская*, построена на томъ мѣстѣ, гдѣ погребены умершіе и убитые изъ московскаго войска, осаждавшаго монастырь съ 1667 года по 1677 годъ.

Поводомъ къ возстанію соловецкихъ старцевъ, какъ извѣстно, послужило исправленіе патріархомъ Никономъ церковныхъ книгъ. Въ 1656 году вновь исправленныя книги присланы были въ монастырь Соловецкій. Старцы, зная уже о московскихъ бунтахъ и распряхъ, а равно и о томъ, что самъ исправитель (нѣкогда монахъ соловецкій) находится подъ царскимъ гнѣвомъ, присланныхъ изъ Москвы книгъ не смотрѣли, а, запечатавъ ихъ въ сундуки, поставили въ оружейной палатѣ. Церковныя службы отправлялись по старымъ книгамъ. Въ 1661 г. изъ Москвы прислано было множество священниковъ для обращенія старцевъ къ раскаянію. Московское правительство думало дѣлать благо, но сдѣлало ошибку. Все грозило близкою опасностью и возстаніемъ: дѣла монастырскія принимали воинственное настроеніе. Къ старцамъ присоединились бѣглые донскіе казаки изъ шайки Стеньки Разина. Двое изъ нихъ, Кожевниковъ и Сарафановъ, назначены были, на случай опасности, начальниками. На Никона сочинялись разные навѣты; возрастала всеобщая ненависть. Рассказывали за вѣрное, что когда Никонъ, бывши еще инокомъ, однажды читалъ евангеліе во время литургіи въ Анзерскомъ монастырскомъ скитѣ, то змѣй пестрый обвился около шеи его и лежалъ по плечамъ. Видѣлъ это своими очами святой старецъ Елеазарій. Старцы перестали повиноваться архимандриту Варѣоломею, и въ концѣ седьмого года, по присылкѣ книгъ изъ Москвы, разсмотрѣли ихъ и написали, въ опроверженіе *новинъ*, большую челобитную къ царю Алексѣю Михайловичу. Келарь Савватій Абрютинъ (изъ московскихъ дворянъ) съ казначеемъ Геронтіемъ сочинили эту челобитную; старецъ Кириллъ, съ двумя послушниками, вручилъ ее царю на Москвѣ. Въ сентябрѣ 1666 г. Алексѣй Михайловичъ потребовалъ къ себѣ архимандрита и еще другого, жившаго тамъ на покой, архимандрита Никанора, бывшаго царскаго духовника. Изъ Москвы съ ними отпущенъ былъ новопоставленный архимандритъ соловецкій Іосифъ, затѣмъ, чтобы крестостію увѣщать непокорныхъ. Соловецкіе старцы не впустили архимандритовъ, кромѣ Никанора, который присоединился потомъ къ расколу. Въмѣсто первыхъ двухъ, въ 1667 году, явились новые увѣщатели, но старцевъ и эти не убѣдили. Въ слѣдующемъ году пришла царская грамота, повелѣвавшая старцамъ „отъ противности недоумѣнія и отъ непослушанія отстать“ и быть у архимандрита въ послушаніи. Но соловецкіе монахи и этой грамоты не приняли. Явился въ монастырь стольникъ Хитрово съ обращеннымъ къ православію келаремъ Савватіемъ Абрютинымъ: монастырскіе и тогда не послушались. Свѣдавъ о томъ, что изъ Москвы идетъ въ Суму съ ратными людьми стряпчій Волоховъ, къ которому должна была еще присоединиться на Двинѣ стрѣleckая сотня, старцы собрали соборъ. Совѣтомъ этимъ положено было отослать на поморскій берегъ всѣхъ немощныхъ и малодушныхъ, а всѣмъ остальнымъ (1670 человекъ)

обороняться до послѣдней капли крови. Монастырь заперъ ворота 7 марта 1669 г. и заявилъ вооруженное сопротивленіе. Къ этому представлялась полная надежда, потому особенно, что монастырь издавна дѣлалъ огромные запасы съѣстной провизіи, и была возможность имѣть сношенія съ ближними монастырскими вотчинами. Въ монастырѣ, сверхъ того, находилось, кромѣ мелкаго ружья, 24 мѣдныхъ пушки, 22 пушки желѣзныя, 12 пищалей и, сверхъ того, свыше 30,000 руб. серебромъ и мѣдью. Стѣна была неприступна, твердыня ея неодолима. Все предвѣщало успѣхъ и надежду до такой степени сильную, что и вторая царская грамота была отвергнута. Мирное предложеніе Волохова сдаться безъ боя было осмѣяно; боевыя нападенія не имѣли успѣха, и не могли имѣть его потому особенно, что Волоховъ три лѣтнихъ мѣсяца стоялъ или, лучше, смотрѣлъ на монастырскія стѣны, а всю зиму жилъ подъ монастыремъ въ бездѣйствіи на Заяцкомъ островѣ. У него было 725 стрѣльцовъ противъ затворившихся въ обители 500 человѣкъ монаховъ и бѣльцевъ. Только въ 1670 году удалось ему захватить главнаго начальника осажденныхъ, чернеца-будильника Азарія, съ 37 человѣками, выѣхавшихъ изъ гавани въ море ловить рыбу. Въ томъ же году, 30 человѣкъ вышли изъ монастыря добровольно, но дѣло нисколько не подвинулось впередъ.

Стряпчій Волоховъ вызванъ въ Москву. Его мѣсто занялъ голова московскихъ стрѣльцовъ Климъ Іевлевъ, явившійся сюда съ тысячею человѣкъ свѣжаго войска. Этотъ повелѣ дѣла, если не успѣшнѣе, то умнѣе Волохова: онъ перевелъ свои войска на самый островъ, отогналъ весь рабочій скотъ, захватилъ всѣ рыболовныя снасти, сжегъ всѣ строенія, находившіяся внѣ монастырскихъ стѣнъ, прекратилъ всяческія сношенія монастыря съ его вотчинами, особенно съ селомъ Керетью. Въ 1674 году царь отозвалъ и его въ Москву за притѣсненія и насилія, которыми онъ отягощалъ монастырскихъ крестьянъ; къ тому же, какъ пишутъ, его постигла цынга. Отъ нея же, какъ равно отъ пушечной и мушкетной стрѣльбы, въ самомъ монастырѣ погибло 33 человѣка. Мѣсто Іевлева заступилъ стольникъ и воевода Иванъ Мещериновъ. Этотъ, подступивъ подъ монастырь, окопался шанцами, построилъ 13 городковъ (батарей) и началъ дѣлать подкопы. Осажденные принуждены были производить частыя вылазки и всегда успѣшно: подкопы уничтожались при самомъ началѣ. Мещериновъ дѣлалъ приступъ, но приступъ (23 декабря 1676 г.) не былъ счастливъ. Воевода рѣшился блокировать монастырь во всю зиму, какъ вдругъ представился легкій, неожиданный случай сдѣлать дѣло скорѣе и легче. Къ воеводѣ представленъ былъ перебѣжчикъ монахъ Теофистъ, объявившій, что подъ одною изъ башенъ (Бѣлоу) находится подземный проходъ, ведущій изъ монастыря къ кладбищенской церкви, что этотъ проходъ закрыть ветхою калиткою и что передъ утреннею зарею ноч-

ная стража смѣняется и идетъ по кельямъ, а въ башняхъ, для караула, остается только по одному человѣку. Ненастная, бурная погода, случившаяся на 22 января, указала на время приступа. Майоръ Келентъ, съ отрядомъ и проводникомъ Θεоктистомъ, прошелъ въ отверстіе, указанное перебѣжчикомъ, отворилъ сѣятыя ворота и впустилъ черезъ нихъ воеводу съ остальнымъ войскомъ. Осажденнымъ, застигнутымъ въ расплохъ, уже не было никакого спасенія и не дано никакой пощады—по свидѣтельству Семена Денисова, который (въ своемъ Выгорѣцкомъ скитѣ) написалъ „Исторію о запорѣ и о взятіи Соловецкаго монастыря“ *. Онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «мужи же мужественніи, изъ нихъ Стефанъ и Антоній, съ прочими тридесяти, изшедши ко вратомъ на срѣтеніе и мужественно за отеческіе законы во вратѣхъ святыхъ бравшеся, вси смертную чашу испиша, отъ воиновъ посѣчени быша. Отцы Киновій и прочіи слуги и трудницы, услышавше, паче же узрѣвше нечаянную, новосодѣявшуюся плачевную вещь, разбѣгшася во своя келіи и затворишася. Еже услыша воевода не смѣ долго во обитель внити и посылаша начальники воиновъ молити и увѣщавати иноки, да ничтоже бояшеся, изыдутъ изъ келій, никоего же имъ озлобленія сотворити обѣщаяся и клятвою крѣпкою свое заувѣщаніе печатствова. Отцы же, вѣру емше, изыдоша на срѣтеніе съ честными кресты и со святыми иконами. Сей же, забывъ обѣщаніе, преступи и клятву, повелѣъ воинамъ иконы и кресты отъяти, иноки же и бѣльцы за караулъ по келіямъ развести“.

Далѣе Семень Денисовъ пишетъ, что воевода, возвратившись въ станъ свой, приказалъ привести къ себѣ сотника Самуила и бить его передъ собственными глазами (Самуилъ ударовъ *пятицами* не выдержалъ и тотчасъ же умеръ). Потомъ приказалъ позвать архимандрита Никанора.

Этотъ привезенъ былъ на небольшихъ саночкахъ по той причинѣ, что былъ уже старъ и въ то же время сильно болѣлъ ногами. Воевода говорилъ ему:

— Рцы ми, Никаноре: чесо ради противился еси государю?

— Самодержавному государю ниже противляхомся, ниже противлятися помышляхомъ когда, отвѣчалъ Никаноръ:—занае научихомся отъ отецъ къ царемъ чествованіе паче всего являти. Научихомся отъ самого Христа воздавати кесареви кесарево, и Божіа Богови.

* Въ Архангельскомъ Поморѣ, можно сказать, нѣтъ ни одного селенія, гдѣ бы нельзя было встрѣтить рукописныхъ списковъ этого замѣчательнаго сочиненія, извѣстнаго болѣе подъ заглавіемъ „исторіи о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ“. Еще большимъ уваженіемъ и извѣстностью пользуется „Соловецкая челобитная“ сдѣланная основнымъ догматическимъ сочиненіемъ, опорою во всѣхъ спорахъ старовѣровъ и вызвавшая со стороны православныхъ цѣлыя сочиненія въ ся опроверженіе.

— Чесо ради, обѣщався увѣщати прочія къ покоренію, не токмо преступилъ обѣщаніе, но и самъ съ ними на сопротивленіе цареви совѣщался еси?— снова спрашивалъ Никанора воевода.

— Понеже, отвѣчалъ старецъ:— Божіихъ неизмѣнныхъ законовъ апостольскихъ и отеческихъ преданій, посредѣ вселенныя живущимъ соблюдать не попускають нововнесенные уставы и новинства патріарха Никона: сихъ ради удалихомся міра, избѣгохомъ вселенныя и въ морскій отокъ, въ стяжаніе преподобныхъ чудотворцевъ, вселихомся преподобными ихъ чины и уставы и обычаи тѣмъ же благочестіемъ по стопамъ ихъ руководитися желающе.

— Чесо ради воинства во обитель не пускаете и хотящіе внити оружіемъ отбиваете?

— Васъ, иже растлити древлецерковные уставы, обругати священныхъ отецъ труды, сокрушити богоспасительные обычаи пришедшихъ - во обитель праведно не пущахомъ.

На всякій спросъ старецъ давалъ отвѣтъ рѣшительнымъ, твердымъ голосомъ. Разгнѣванный воевода началъ его бранить, но старецъ не потерялся и тутъ.

— Что величаешься? говорилъ онъ: — и что высишися? яко не боюся тебѣ, ибо и самодержца душу въ руцѣ своей имѣю...

При этихъ словахъ воевода вскочилъ съ мѣста и билъ старца тростью по головѣ, плечамъ, и по спинѣ, выбилъ ему зубы, приказалъ связать по ногамъ и бросить за оградой въ ровъ. Въ одной рубашкѣ пролежалъ Никаноръ всю ночь, а на утрѣ умеръ.

По словамъ Денисова казнены были потомъ: старецъ Макарій, рѣзчикъ Хрисанфъ, живописецъ Ѳеодоръ съ ученикомъ его, Андреемъ.

„Тако, продолжаетъ онъ далѣе, повелѣ прочія изъ караула привести иноки и бѣльцы, числомъ яко до шестидесяти, и различно испытавъ и обрѣте ихъ тверды и непревратны, зѣльною яростію воскипѣвъ, смерти и казни различны уготовавъ, повѣсити сія завѣщавъ: овья за выи, овья за нозѣ, овья и множайшія междорребріа острымъ, желѣзомъ прорѣзавше и крюкомъ продѣвше, на немъ обѣсити каждаго на своемъ крюкѣ; иные же отъ отецъ звѣросердечный мучитель на нозѣ вервію оцѣпивши, къ коннымъ хвостамъ привязывати повелѣ и безмилостивно влачили по отоку, дондеже души испустятъ“.

Выкинутыя тѣла лежали на морскомъ берегу до времени таянія льдовъ, когда они были погребены на сосѣдней лудѣ, называемой *Женской*. Изъ оставшихся въ живыхъ, большая часть разслана была по дальнимъ мѣстамъ бѣломорскихъ побережьевъ. Нѣкоторые, болѣе озлобленные, отправлены въ дальніе города государства на заточеніе. Иные успѣли самовольно убѣжать изъ монастыря и скрыться. Всѣ тѣ, которые покорились, прощены и оставлены жить въ Соловахъ. Имена упорныхъ, въ числѣ 33, записаны въ раскольничьи синодики

и поминаются, какъ страдальцы за вѣру и мученики. Важно было разяснить и доказать, что въ защиту стараго благочестія возстала святѣйшая въ Россіи обитель; въ убѣжденіи, что мятежъ Соловецкій одно изъ крупнѣйшихъ событій въ исторіи раскола—произвелъ самъ по себѣ сильное вліяніе на обольщеніе простыхъ умовъ въ пользу раскола. Увлечшійся, но безспорно даровитый историкъ. Нѣсколько избранныхъ произведены даже во святые. Денисовъ въ своей „Исторіи“ сообщилъ объ нихъ краткія житія и обычныя велерѣчивыя восхваленія ихъ подвиговъ,—обстоятельство, существенно важное вообще для исторіи распространенія раскола. Эти бѣжавшіе изъ монастыря скитальцы (въ числѣ десяти) были собственно пропагандистами, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ укрѣплявшими въ народѣ вѣру въ старую книгу и старый обычай. Соловецкое сидѣние съ надлежащими послѣдствіями сдѣлало ихъ озлобленными, увѣренными въ себѣ и помогло ихъ очень быстрымъ успѣхамъ. Денисовъ, упомянувъ о „многострадальныхъ“ Епифаніи, дивномъ отцѣ Савватіи и Игнатіи, дьяконѣ соловецкомъ, указываетъ проповѣдниковъ въ лицѣ Іосифа Сухаго, положившаго основу раскола въ Сумѣ и Каргопольскихъ предѣлахъ, Евфимія Дивнаго, бросившаго первыя сѣмена ученія въ Олонецкомъ уѣздѣ, Павлѣ, Серапіонѣ и Логинѣ—въ Ковдинской волости и Геннадіи Качаловѣ—въ Нижнемъ Новгородѣ, Тихвинѣ и проч. „И не токмо пустыни (пишетъ Денисовъ), и дебри и блатѣ, но и окрестъ прилежащія грады и веси благочестія свѣтомъ научивше и просвѣтивше, сторицень плодъ ко Владыцѣ принесоша“. Для пущаго успѣха дѣла, два фанатика изъ нихъ (Игнатій и Германъ) прибѣгли къ самоожженію.

Вѣсть о покореніи монастыря уже не нашла царя Алексѣя въ живыхъ. Мещериновъ царемъ Θεодоромъ вытребованъ былъ въ Москву и здѣсь судимъ за расхищеніе монастырской казны и сокровищъ.

Монастырь вновь населялся приходившими и присланными монахами изъ дальнихъ монастырей; но порядку въ немъ еще долго не было. „Отсюда, говоритъ Семенъ Денисовъ далѣе, въ Киновіи умножишася мятежи и безчинія: умножишася по келіямъ особьяденія, варенія и пироженія; умножишася винопитія и пѣнства и рождающія пѣнство питій содержаніе: оставляють яже на пѣннихъ молитвословіа—исполняютъ кликовъ безчинія, яже учащеніе празднословія, срамословіа и лаяній неподобныхъ изношенія, яже табаки держанія и табакопитія и прочіе неблаголѣпные обычаи и дѣланія“.

Показанія эти подтверждаютъ и царскія грамоты: Θεодоръ Іоанновичъ (въ 1591 г.) воспретилъ медовый квасъ; Михаилъ Θεодоровичъ запрещалъ (въ 1621 г.) употребленіе пьянственнаго питія и обыкновеніе жить по келіямъ особенно, *заговоромъ*, какъ сказано въ грамотѣ. Алексѣй Михайловичъ, въ 1637 г., давалъ указъ о томъ же, и уже

вслѣдствіе прошенія игумна Ильи, онъ же вновь подтвердилъ указъ Михаила Теодоровича о томъ, чтобы молодые, безбрадые трудники, въ лѣтнее время, жили отдѣльно въ монастыря, а на зимнее время отправляемы были на берегъ въ Сумскій острогъ или Кемь, „или гдѣ пригоже, а въ монастырѣ бѣ имъ зимовать не велѣли“.

Осматривая настоящее состояніе монастыря и вникая во всѣ подробности его внутренняго и внѣшняго устройства, почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ имя св. митрополита Филиппа, бывшаго здѣсь съ 1548 года по 1566 годъ игуменомъ. Въ эти осмнадцать лѣтъ онъ успѣлъ сдѣлать многое, что до-сихъ еще поръ имѣетъ всю силу матеріальнаго своего значенія. Поставленный въ исключительное положеніе, любимецъ грознаго царя, щедраго на подарки и милостыню, самъ сынъ богатаго отца изъ стариннаго боярскаго рода Колычевыхъ, св. Филиппъ не стѣснялъ себя въ матеріальныхъ средствахъ для того, чтобы удовлетворять всѣмъ своимъ стремленіямъ и помысламъ. Онъ исключительно посвятилъ дѣятельность на то, чтобы островъ Соловецкій, до того времени сильно запущенный, сдѣлать возможно удобнымъ для обитанія: прорылъ каналы, вычистилъ сѣнокосные луга и увеличилъ ихъ въ числѣ; провелъ чрезъ лѣса, горы и болота дороги; устроилъ для больной братіи больницу; учредилъ по возможности лучшую и здоровую пищу; внутри монастыря, подлѣ сушила, устроилъ каменную водяную мельницу и для нея провелъ воду изъ 52 дальнихъ озеръ главнаго Соловецкаго острова; въ братской и общей кухнѣ устроилъ колодезь, въ который проведена изъ Святаго озера вода, черезъ подземную трубу, подъ крѣпостною стѣною. Помпа колодезя этого зимою подогревается нарочно устроенною печью. Другая печь приготовляетъ теперь въ одинъ разъ до 200 хлѣбовъ. При многолюдствѣ богомольцевъ, въ печь эту ставятъ двѣ квашни въ день; хлѣбъ день отлеживается, на другой день поѣдается весь. Остатки ѣдятъ рабочіе, остатки же этихъ остатковъ превращаются въ сухари. Прежде было обыкновеніе давать каждому богомольцу по широкому ломтю на дорогу; теперь это, говорятъ, вывелось изъ употребленія. Въ квасной запасается 50 бочекъ по 200 ведръ каждая.

Сверхъ-всего этого, св. Филиппъ умножилъ домашній рогатый скотъ и, на островахъ Муксалмахъ, выстроилъ для него особый коровій дворъ. Онъ же развелъ на островѣ лапландскихъ оленей, которые живутъ тамъ и до настоящаго времени; выстроилъ просторныя соборныя церкви и огромную трапезу, вмѣщающую сверхъ тысячи человѣкъ гостей и братій. Близъ монастыря сдѣлалъ насыпи и разныя машины къ облегченію трудовъ работниковъ; построилъ кирпичныя заводы, замѣнилъ старинныя чугуныя плиты—*клепала*, *била*—колоколами; правителямъ поморскихъ волостей, *тіунамъ*, слугамъ и доводчикамъ назначилъ жалованье, и пр., и пр.

Монастырь и въ настоящее время находится въ такомъ состоянїи, что не нуждается во многомъ: только пшеница, вино, рожь и нѣкоторое количество соли для монастыря покупное, а все почти остальное онъ имѣетъ свое. При легкомъ даже взглядѣ, монастырь поражаетъ необъятнымъ богатствомъ. Не заглядывая въ сундуки его, которые, говорятъ, ломятся отъ избытка серебра, золота, жемчуговъ и другихъ драгоценностей, легко видишь, что, сверхъ годичнаго расхода на братію, у него остается еще огромный залишекъ, который пускается въ ростъ на проценты. При мнѣ высыпали изъ кружекъ богомольческихъ подаваній, скопившихся въ полтора почти мѣсяца, до 25,000 р. асс.; но что нынѣшній годъ, говорили, одинъ изъ *неурожайныхъ*, затѣмъ, что первый мирный; въ *урожайные* годы вынимають до 95,000. Эту цифру монахи считаютъ среднею величиною. Сверхъ всего того, каждый богомолецъ покупаетъ просфору, платитъ за чернила, которыми пишутся имена родныхъ на исподкѣ просфоры, платитъ за писанье, если только онъ самъ не умѣетъ грамотѣ. Годовые богомольцы платятъ деньги. Лубочные виды монастыря стоятъ 25 к. сер., вмѣсто 5 коп., назначенныхъ; маленькій кипарисный образъ стоитъ 75 к.; за стихи, описывающіе бомбардированіе англичанъ убійственными виршами и переписанные довольно четко на листѣ, просили съ меня 1 р. 50 к. сер. Товары въ лавочкѣ для богомольцевъ, со скуднымъ количествомъ предметовъ, дороги неприступно: палочка плохого сургуча стоитъ 20 к. (въ монастырѣ почтовое отдѣленіе). Спутникъ мой на Анзеры (въ скитъ) желалъ записать въ синодикъ на поминовенье своихъ родныхъ. Монахъ, сидѣвшій съ перомъ, объявилъ, что они берутъ 30 к. сер. за годичное поминовенье и 1 р. 50 к. на вѣчныя времена. Спутникъ мой рѣшился на первое; писалъ долго и много; при расчетѣ долженъ заплатить 6 р. сер.; оказалось, что 30 к. сер. берется съ каждаго вписаннаго имени, въ чемъ монахъ однако не предупредилъ заказчика, уставленій безповоротно испачкать шнуровую книгу сыяснымъ указаніемъ именъ.

— Хорошо еще, что я призабылъ многихъ, а то нахваталъ бы сотню: жутко бы тогда пришлось!—простодушно замѣтилъ мой спутникъ.

Торговля производится всюду, чуть ли не во всѣхъ монастырскихъ углахъ: на паперти Анзерскаго скита продають лубочный видъ этого скита, на Анзерской горѣ Голгофѣ (въ скиту же) продають видъ Голгофскаго скита, и вездѣ кое-какія книги, и вездѣ стихи монаха. Можно купить сапоги изъ нерпичьей кожи; можно купить и широкій монашескій поясъ изъ той же кожи, довольно хорошо выдѣланной въ самомъ монастырѣ. Въ самомъ же монастырѣ пишутся и иконы, шьется платье не только на монаховъ, но и на штатныхъ служителей, обязанныхъ черными и болѣе трудными работами. Бѣдлая половина ра-

бочихъ живеть по обѣту. Обѣты даютъ они при случаѣ опасностей, которыми такъ богато негостепріимное Бѣлое море. Тюленій промыселъ, называемый *выволочнымъ*, соблазнительный по богатству добычи, опасный по отправленію, губить много людей. Звѣря бьютъ на дальнихъ льдинахъ; льдины эти часто отрываются вѣтрами и *вызолакиваются* въ море вмѣстѣ съ промышленниками. Счастливые изъ нихъ прибываются къ острову Сосновцу или къ Терскому берегу. Они-то и даютъ, въ благодарность за спасеніе, обѣтъ бесплатно работать на монастырь три—пять лѣтъ. Бѣольшая часть уносится въ океанъ на неизбежную гибель.

Въ монастырѣ вылавливается морской звѣрь, вытапливается его сало, выдѣлывается его шкура. Есть невода для бѣлугъ, есть сѣти для нерпы и бѣлковъ. Въ монастырскую губу приходитъ въ несмѣтномъ числѣ лучшій сортъ бѣломорскихъ сельдей, небольшихъ, нѣжныхъ мясомъ, жирныхъ. Только крайне-плохой засолъ, какая-то запущенность этого дѣла мѣшаютъ пускать ихъ въ продажу. Выловленные сельди лѣтомъ уходятъ на братскую уху, выловленные осенью частію потребляются, частію идутъ въ прокъ на зиму. Полотно для нижняго монашескаго бѣлья не покупное: оно сносится богомольными женщинами съ разныхъ концовъ огромной Россіи; онѣ же приносятъ и нитки. Коровы для молока, творогу и масла въ монастырѣ свои; бараны, живущіе на Заяцкомъ острову, даютъ шерсть для зимнихъ монашескихъ тулуповъ и мясо для трапезы штатныхъ монастырскихъ служителей въ скоромные дни. Лошадей монастырь имѣетъ также своихъ. Между монахами и штатными служителями есть представители всякаго рода мастерствъ: серебряники, слесари, мѣдники, оловяники, портные, сапожники, рѣзчики. Всѣ другія мастерства, не требующія особенныхъ познаній, раздѣлены на послушанія; таковы: рыбаки, продавцы, пекаря, мельники, маляры.

Въ этомъ отношеніи, монастырь представляетъ цѣлое отдѣльное общество, независимое, сильное средствами и, притомъ, значительно многолюдное. Ежегодные обильные вклады и правильное хозяйство общаются монастырю впереди несчетные годы.

На третій день моего пріѣзда въ монастырь, я былъ разбуженъ по утру громкими криками, раздавшимися подъ окнами нашей гостиницы и по корридорамъ ея.

— Что тамъ такое? спрашиваю я гостинщика.

— Гонять женокъ-богомолокъ сельдей чистить. Сейчасъ приплылъ карбасъ съ свѣжей рыбой. Уждь на уху она пойдетъ—объяснялъ онъ.

— А уготовляли-ли вы себѣ цѣлбоносное купаніе во Святомъ озерѣ вчера? спросилъ онъ меня потомъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Всѣ богомольцы, немедля, по прибытіи, совершаютъ сей обрядъ во душевное спасеніе и тѣлесное здравіе. Отъ многихъ недуговъ полезна вода. И сколь она холодна и благотворна, то такой уже, говорятъ, и не обрѣтается въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ честныя обители сея.

— Что же это, батюшка, обязательно для всѣхъ?

— Неволи не полагается; но всякъ творить по мѣрѣ силъ. Немощствующіе не купаются. У насъ, по монастырскимъ обычаямъ, всѣ богомольцы, искупавшись во Святомъ озерѣ, идутъ ко гробу преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія и ходатайствуютъ у нихъ объ умилоствленіи Творца Всевышняго. Затѣмъ всякій полагаетъ отправиться воздать молитву при гробѣ преподобнаго Елеазара въ скиту, сооруженномъ имъ на острову Анзерскомъ, и оттуда идутъ на гору Голгофу, гдѣ поминаютъ молитвою предшедшихъ отцовъ и братію въ панихидѣ при гробѣ преподобнаго отца Иисуса Голгофскаго. За симъ, на третій день, посѣщаются всѣ часовни, мѣста коихъ освятили своими стопами угодники Божіи: одну въ 3-хъ верстахъ отъ обители, близъ Исаіевой горы, гдѣ первоначально поселились преподобные Зосима и Германъ, и всѣ семь пустынь.

При послѣднихъ словахъ его раздался звонъ въ малый колоколь.

— Это что такое?

— Кончилась литургія: къ трапезѣ звонятъ,—пожалуйте! Въ сей день полагаются скромныя кушанья.

Я отправился. Огромная трапеза была полна народу; монахи пѣли. Между богомольцами не видать было женщинъ: всѣ онѣ, по монастырскому обычаю, угощаются въ особой залѣ, такъ-называемой келарской. Раздалось чтеніе житій святыхъ того дня, производимое съ особаго амвона череднымъ монахомъ. При перемѣнѣ кушаньевъ, при звонѣ колокольчика, читалась съ амвона и прислуживающими послушниками молитва: „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ“. Трапезующіе должны были отвѣчать „аминь“. Всѣмъ возбранялись разговоры, всѣ обязаны были ѣсть изъ общей чашки; у всѣхъ были деревянные ложки съ вырѣзною благословляющею рукою. Мнѣ попалась ложка съ надписаніемъ:

На трапезѣ благословенной
Кушать братіи почтенной.

У сосѣда моего на ложкѣ было написано просто „во здравіе братіи“. Вся посуда была оловянная. Кушанье солить или обливать уксусомъ обязаны были послушники. На этотъ разъ вся трапеза состояла изъ четырехъ блюдъ: холодное — соленыя сельди съ лукомъ, перцомъ и уксусомъ; треска со сметаной и квасомъ; уха, удивительно вкусная, изъ сегодня выловленныхъ сельдей; и каша гречневая съ

коровьимъ масломъ и кислымъ молокомъ. Въ концѣ трапезы разносились кусочки просфоры, или богородичнаго хлѣба, освященный въ концѣ пѣніемъ и разрѣзанный при томъ же пѣніи и тогда же. Пѣвчіе пѣли потомъ молитвы и отпущъ л—затѣмъ всѣ расходились.

Несмѣтное множество чаекъ усыпало весь дворъ монастырскій: кажется, на это время слетѣлись онѣ со всего острова и его береговъ. Монахи и многіе богомольцы бросали имъ куски хлѣба. Чайки до того были безбоязненны, что хватали хлѣбъ этотъ изъ рукъ; многія клевали проходящихъ за ноги, за полы платья. Крикъ былъ невыносимый, и все это, взятое вмѣстѣ, представляло странную, хотя и своеобразную картину. Нѣкоторые изъ монаховъ пошли удить рыбу на озерахъ, другіе—смотрѣть на море, гдѣ въ это время разыгрывались знакомыя, обыденныя сцены: вотъ чайка учитъ своего чабара летать; чабаръ старается дѣлать тоже, что и мать: машетъ крыльями, бѣжитъ скоро впередъ, но спотыкается, ударяется утинымъ своимъ носомъ въ землю, прискакиваетъ, но въ воздухъ держится недолго: собственная тяжесть не пускаетъ его отъ земли дальше четверти аршина. За другимъ чабаромъ слѣдитъ мать, и смотритъ, какъ онъ влѣзъ въ воду и окунывается, хлопая по водѣ крыльями и обмачивая голову; чабаръ на водѣ держится легко. Дальше все прежнее: мальчишки-работники, *безбрадые трудники*, по словамъ гостинщика, бродятъ безъ дѣла по берегу, одѣтые въ монастырскіе подрясники съ широкими кожаными поясами и въ плисовыхъ круглыхъ колпакахъ на головѣ. Мальчишки шалаютъ. Взрослые штатные служители важно толкуютъ съ богомольцами; часы выколачиваютъ половину; чайки кричатъ и гулъ ихъ отдается эхомъ въ стѣнахъ монастырскихъ. Кто-то запѣлъ: „Воскресеніе Христово видѣвше...“

Вернувшись въ свой номеръ, я попросилъ лошадей, чтобы ѣхать на Анзерскій островъ. Потребовали три рубля сер.—и мы отправились. Дорога пошла по Соловецкому острову гладкимъ, исправленнымъ полотномъ. По сторонамъ ея потянулся лѣсъ со всею обычною обстановкою, невычищенный, со множествомъ неприбраннаго валежника. Во многихъ мѣстахъ лѣсъ этотъ отдавалъ рѣшительною дичью. Все въ немъ напоминало лѣса нашихъ приволжскихъ губерній: тѣже высокія деревья словно и не полярныя, не архангельскія, та же спутанность сортовъ и видовъ ихъ: тутъ и березовая полоса, перепутанная съ пивнякомъ, тутъ и соснякъ съ кустами густого цѣпкаго волжскаго можжевельника. Соснякъ перепутанъ съ ельникомъ, — даже кое-гдѣ между ними проглянула лиственница. Между деревьями, по кочкамъ, иногда мшистымъ, иногда обтянутымъ травой, рассыпались кусты ягодъ вороницы и морошки. Кое-гдѣ красовался цвѣтами шиповникъ; во многихъ мѣстахъ зацвѣтала малина и даже краснѣла уже ягодами. Въ воздухѣ разлита была чарующая свѣжесть, которою дышешь — не

надышешься: то вдругъ пролетѣтся струя цѣлебной смолки, то здоровый запахъ травы, то вдругъ опять пролетитъ нѣжная, эфирная струйка, пущенная зажившими цвѣтами шиповника. Луга, выглянувшіе между деревьями, усыпаны были цвѣтами и рисовались такимъ же пестрымъ ковромъ, который такъ обыкновененъ вездѣ, кромѣ архангельскаго края. Мѣстность Соловецкаго острова рѣшительный контрастъ со всѣми сосѣдними ей: природа словно огорчилась, истощенная въ береговыхъ тундрахъ и болотахъ, и собравши послѣднія оставшіяся силы, произвела на острову новый, особенный міръ, въ которомъ такъ всѣмъ привольно и такъ все сродни и знакомо дальнему, заѣзжему человѣку. Вотъ пошла дорога подъ гору, на мостикъ, перекинутой черезъ бойкій ручеекъ; вотъ побѣжала она въ гору, взрытую по мѣстамъ колеями; вотъ канавы, прорытыя по сторонамъ полотна ея и опять таже лѣсная чаща и между нею болото такое же ржавое, такое же зыбкое, какъ вездѣ и всюду въ Россіи, богатой и горами, и болотами, и роскошными лугами. Прекратился лѣсъ, открылась поляна, на полянѣ посѣяна рожь. Рожь уже наливается, наливъ идетъ къ концу; васильки въ полной силѣ. Вправо отъ дороги, между рѣдко разставленными деревьями, черезъ поляну, засыпанную хвоемъ, выглянуло озеро большое, рыбное, на этотъ разъ свѣтлое, зеркальное. Лѣсная чаща продолжаетъ попрежнему окружать насъ со всѣхъ сторонъ и дышетъ своимъ здоровымъ, цѣлебнымъ дыханіемъ. Въ ней запѣла даже гдѣ-то птичка, другая, третья... и четвертая. Весело на душѣ, летятъ всѣ черныя мысли прочь, забываешь обо всемъ прежнемъ и живешь только настоящимъ. Пусть бы дальше и больше тянулась эта дорога съ увлекательными видами и свѣжестью; пусть никакое тревожное воспоминаніе не беспокоитъ теперь воображенія. А воспоминаній этихъ накопилось такъ много, ими такъ сильно утомлена и пресыщена душа, что прежній путь по побережьямъ кажется какъ-будто сномъ, какой-то сказкой, выслушанной еще въ дѣтствѣ, и теперь съ трудомъ припоминаемой.

Ѣхали мы лѣсомъ часа два. За лѣсомъ началось поле, на концѣ котораго стоитъ избушка и въ ней живутъ два монаха-перевозчика. У избушки этой надо было оставить лошадей и садиться въ карбасъ, на которомъ предстоялъ путь чрезъ салму (проливъ) въ 4 версты 300 сажень. Вѣтру никакого не заводилось: привелось ѣхать на греблѣ, между тѣмъ, какъ быстрина теченія здѣсь поразительна. Къ тому же, на то время, *вода* на томъ берегу *распалась*, какъ выразился нашъ перевозчикъ, т. е. пошла на прибыль, начался приливъ и обѣщаль намъ на встрѣчу сувои, но сувой оказался не сильнымъ, и мы хотя и медленно, но прошли его при помощи только двухъ веселъ. По пути намъ моремъ играла бѣлуга у самаго карбаса и такъ близко, что можно было разсмотрѣть, какъ опрокидывала она свое огромное сальное

тѣло въ воду, выгибая надъ водой спину и выкидывая на шеѣ фонтаномъ воду. Провожающіе насъ монахи говорятъ, что она удивительно быстро ходить, и если ужъ одной удалось прорвать неводъ, такъ всѣ другія уйдутъ за ней мгновенно.

— Молоко-то у ней тоже бѣлое! замѣтилъ монахъ.

— А гдѣ же его видѣли? спросилъ мой спутникъ.

— У *пропавшей* (околѣвшей и выброшенной на берегъ) видѣли.

Черезъ полтора часа ѣзды мы были уже на берегу Анзерскаго острова, подлѣ часовни, на мѣстѣ которой, говорятъ, основатель скита Елеазарій работалъ въ избушкѣ деревянную посуду и потомъ продавалъ ее приходившимъ на Мурманъ поморамъ. Приготовленную посуду онъ, по преданію, выставлалъ на пристани, а самъ удалялся въ лѣса отъ людей. Приплывавшіе поморы брали посуду, а въ оплату оставляли хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, по силѣ возможности.

Отъ часовни этой мы шли 2½ версты пѣшкомъ до Анзерскаго скита, раскинутаго въ ложбинѣ съ каменными кельями (въ нихъ живетъ 14 монаховъ) и таковою же небольшою церковью. Вблизи скита этого ловятся лучшія соловецкія сельди и семга и производятся по осенямъ промыслы тюленей и морскихъ зайцевъ.

На острову Анзерскомъ жилъ нѣсколько лѣтъ Никонъ.

Пустынничество въ этомъ скитѣ существуетъ на томъ же положеніи, какъ и въ монастырѣ Соловецкомъ.

Въ Анзерскомъ скиту насъ посадили опять въ линейку, чтобы вести на Голгофу, въ Иисусо-Голгофскій скитъ, до котораго считаютъ 6½ верстъ. На второй верстѣ началась эта высокая, словно сахарная голова, гора Голгофа чрезвычайно крутая, вулканическаго вида. Дорога побѣжала винтомъ между высокими деревьями, въ виду озеръ, разлившихся у подошвы горы. Словно поставленная на облакахъ, бѣлѣлась надъ нашими головами скитская церковь далеко-далеко на верху. Здѣсь первоначально жилъ Елеазаръ, а послѣ него іеросхимонахъ Иисусъ, водрузившій здѣсь крестъ и положившій такимъ образомъ первое основаніе скита въ 1712 году. По завѣщанію его, въ скиту воспрещено употребленіе рыбы и молочной пищи, кромѣ субботы и воскресенья, и установлено неусыпное чтеніе псалтыря. Братіи здѣсь жило въ то время 8 человекъ.

Видъ съ горы и скитской колокольни поразителенъ: море протянулось во всей своей пустынности и ушло въ безграничную даль океана. Неоглядная даль эта сливается въ ближайшей сторонѣ съ бойкою, богатою лѣсною и луговою растительностію острова, съ другой, дальней, ограничивается группою острововъ Муксалмовскихъ. На нихъ пасется монастырскій скотъ. Между Большими и Малыми Муксалмами разливалась салма съ необыкновенною быстротою теченія, усиленную еще сверхъ того присутствіемъ пороговъ. Пороги эти носятъ названіе

Желѣзныхъ Воротъ, едва одолимыхъ гребнымъ карбасомъ въ сухую воду и едва доступныхъ, по быстротѣ теченія, при приливѣ, или полой водѣ,—по туземному. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ этихъ воротъ, съ одного берега на другой, перекинутъ мостъ для перехода скота и оленей. За Муксалмами выясняется группа острововъ Заяцкихъ съ бѣлою церковью, и вотъ правѣ ихъ и ближе весь зеленый и огромный Соловецкій. Среди зелени его лѣсовъ свѣтлѣютъ зеркальнымъ блескомъ: то несомнѣнные озера, то врѣзывшіяся въ берегъ морскія губы, которыя такъ легко принять за озера. Между послѣдними отличаются два: одно Исаковское, другое Сѣкирное. Первое выдѣляется изъ всѣхъ тѣмъ, что выстроенная на берегу его пустынь означаетъ мѣсто, на которомъ впервые поселился преподобный Зосима. Второе отличается отъ прочихъ не столько пустынью, сколько висящей надъ нимъ горою, которая почитается самою высокою на всемъ Соловецкомъ лѣсистомъ островѣ. На верхушкѣ горы нѣкогда (во время шведской войны въ концѣ прошлаго вѣка) построена была батарея и поставленъ маякъ. Теперь бѣлѣется на томъ мѣстѣ церковь.

Затѣмъ повсюду кругомъ, какъ вѣнецъ сверкаетъ громадная, неоглядная масса воды, сверкающей на полномъ свѣтѣ полуденнаго, лѣтнаго солнца. Вотъ на морѣ этомъ чернѣетъ корга, едва не заливаемая прибылой водой, та корга, на которой ловятъ монахи морскихъ звѣрей по осенямъ и зимамъ. Съ колокольни, на которой вѣчно ходитъ круговой вѣтеръ (хотя бы подъ горою и на морѣ была полная тишь и гладь), глазъ бы не оторвалъ отъ всего, что рисуется и красуется внизу. Гора Голгофа до того высока, что видна съ моря верстъ за 50, по словамъ туземцевъ, и до того своеобразна, что чаекъ, одолюющихъ крикомъ внизу, въ Анзерскомъ скиту—въ здѣшнемъ Голгофскомъ не могли прикормить. Не водятся также здѣсь и голуби: и только вороны да орлы способны прилетать сюда вить гнѣзда и кормиться отъ сытной и обильной братской трапезы.

Въ Голгофскомъ скиту не служатъ молебновъ, — служатъ однѣ панихиды.

На обратномъ пути, въ Анзерскомъ скитѣ, намъ предложили варенцу и сливокъ, которыхъ здѣсь, по словамъ монаховъ, въ изобиліи.

— Тяжелы были времена для обители въ запрошедшіе годы, разсказывалъ мнѣ Анзерскій монахъ. Въ скиту нашемъ стекла дрожали отъ пальбы непріятельскихъ пушекъ. Страшный дымъ стоялъ все время надъ монастыремъ: думали уже мы, что случился пожаръ и загорѣлась какая-либо изъ башенъ. Дымъ, стоявшій надъ монастыремъ, минутъ чрезъ пятнадцать, разносило вѣтромъ, и сердца наши испытывали велие веселіе, радовались надеждою. Пришедшіе монахи сказывали на другой день, что гроза миновала и молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы, Савватія и Германа Соловецкихъ, Елеазара Анзер-

скаго и Иисуса Голгофскаго обитель спаслась и только испытала нѣкоторыя поврежденія.

Поврежденія эти, сохраненныя еще на мой проѣздъ, состояли, какъ сказано, въ неисправимыхъ поврежденіяхъ архангельской гостиницы. Одно ядро прошибло крышу и опалило образъ у дверей холоднаго собора, другое пробило въ одномъ мѣстѣ стѣну; многія расшибли церковныя и келейныя окна. Всѣ эти ядра, собранныя въ значительномъ числѣ, показывали богомольцамъ, выставленными по прилавку на соборной паперти. Пушки, изъ которыхъ стрѣлялъ монастырь, отецъ-архимандритъ Александръ предполагалъ позолотить и выставить при входѣ въ св. ворота. Также позолочены были и тѣ ядра, изъ которыхъ одно упало въ соборной церкви и не разорвалось, и другое, застѣвшее въ соборной главѣ и чуть не брошенное внизъ, по неосторожности, кровельщикомъ, въ послѣдствіи, когда поправлялись главы и кровля.

Вотъ что можно услышать отъ соловецкихъ монаховъ, съ присоединеніемъ того, что осталось въ воспоминаніяхъ самого отца-архимандрита Александра объ недавнемъ бомбардированіи монастыря англичанами.

Эскадра англійская, какъ извѣстно, останавливалась около Заяцкихъ острововъ. Отсюда отправлены были въ монастырь парламентеры съ просьбою снабдить ихъ пароходы баранами. Архимандритъ отказалъ. Англичане высадились на одинъ изъ Заяцкихъ острововъ, и именно на тотъ, гдѣ паслись въ то время бараны. Часть ихъ была поймана, не давался долго одинъ козелъ, но когда былъ схваченъ, лизалъ руки у враговъ, своихъ владѣтелей. За такую ласковость англичане отпустили козла, не взявши его съ собою. Монастырю, во всякомъ случаѣ, угрожала опасность. Англичане, державшіеся той системы, чтобы не стрѣлять и не начинать ссоры съ беззащитными селеніями, сожгли въ то же время Пушлахту и Кандалакшу, только послѣ того, когда видѣли, что жители выбѣжали съ ружьями и стрѣляли по нимъ. Англичане знали, что монастырь—сильная крѣпость, что въ крѣпости этой есть нѣкоторое количество инвалидной команды, есть пушки и боевые снаряды и есть, сверхъ всего, огромный запасъ провизіи. Къ тому же изъ монастыря полученъ былъ отказъ въ снабженіи мясомъ. Архимандритъ зналъ, что бомбардированіе неизбежно. Не задолго до него, командиръ эскадры поручилъ заяцкому монаху, отправившемуся въ монастырь, передать настоятелю подарокъ. Подарокъ этотъ была штудерная пуля со всѣмъ припасомъ.

— Попенялъ я имъ, что посылають пулю, рассказывалъ этотъ монахъ. „Послали бы вы, я говорю, отцу-архимандриту ружье англійское хорошее“. А пусть (говорятъ) пріѣдетъ самъ—подаримъ! „А мыѣ подарите ружье?“ спрашивалъ я. Тебѣ, говорятъ, не надо ружья. По-

давая мнѣ пульку, командиръ, переглянувшись съ другимъ, стоявшимъ рядомъ, усмѣхнулся.

Собралъ отецъ-архимандритъ совѣтъ изъ монашествующей братіи и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи ѣхать для личныхъ переговоровъ съ непріятелями. Одни отсовѣтывали, другіе утверждали въ этомъ намѣреніи. Отецъ Александръ рѣшился на послѣднее и, благословивши и распростившись со слезами съ братією, сѣлъ въ монастырскій баркасъ, управленіе которымъ довѣрилъ онъ самому опытному кормщику, а въ помощь ему выбралъ самыхъ сильныхъ изъ всего количества штатныхъ монастырскихъ слугителей.

При холодномъ, противномъ вѣтрѣ, противъ котораго съ трудомъ держался баркасъ и едва спасала теплая двойная одежда, ѣхалъ отецъ Александръ до непріятельскихъ пароходовъ. Только на разсвѣтѣ (отправившись послѣ вечерень) онъ могъ достигнуть до нихъ. Выкинуть былъ парламентарскій флагъ; съ парохода непріятельскаго спущена была шлюпка для переговоровъ. Настоятель согласился сѣсть только въ такомъ случаѣ, когда увидѣлъ, что на шлюпку вскочило много.

— Отчего ты не давалъ намъ барановъ? спрашивалъ переговорщикъ. Переводчикъ этотъ чисто говорилъ по-русски; сказывалъ, что воспитывался и жилъ въ Архангельскѣ, гдѣ и привыкъ такъ бойко говорить по-русски; сказывался простымъ солдатомъ, хотя, по словамъ отца-архимандрита, и имѣлъ на фуражкѣ кокарду.

— Оттого не даемъ ничего, что вы враги наши! — отвѣчалъ архимандритъ.

— Мы бы тебѣ заплатили деньги.

— Денегъ мнѣ вашихъ не надо, потому что я монахъ и не нуждаюсь въ деньгахъ. Я всѣмъ обезпеченъ отъ обители.

— Мы тебя возмемъ въ плѣнъ и увеземъ съ собою.

— Въ плѣнъ вы меня взять не смѣете, потому что я подъ парламентарскимъ флагомъ пріѣхалъ къ вамъ, да и что вамъ во мнѣ, и зачѣмъ вы меня такъ далеко повезете?...

— Далъ бы ты намъ барановъ, мы бы васъ нетрогали.

— Дать я вамъ всего этого не могу, да и не позволить братія.

— А если самъ захочешь?

— Самъ не хочу и не дамъ, и братіи не позволю, потому что мы, хотя и монахи, но принадлежимъ своему отечеству, любимъ его и молимся за своего государя.

— Ну, такъ мы будемъ стрѣлять....

— А мы будемъ молиться...

— Стрѣлять мы будемъ завтра.

— Стало-быть, такъ и я знать буду, и также точно перескажу братіи. Поѣду и самъ приготовлюсь, по обрядамъ нашей церкви, къ смерти.

Оставивъ англичанъ съ положительнымъ отказомъ, отецъ-архимандритъ собралъ всю братію и приказалъ ей, исповѣдью и причащеніемъ св. Тайнъ, приготовиться къ завтрашнему дню. На другой день, въ самый день бомбардированія, причастился и самъ я, не дожидаясь начала пальбы, началъ литію съ тѣмъ, чтобы при пѣніи ея обойти вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Лишь только потянулось шествіе по стѣнамъ и не совершило еще половины крестнаго хода, раздался оглушительный громъ отъ пальбы, завизжали пули, нѣкоторыя изъ нихъ носились надъ головами богомольцевъ, незначительная часть которыхъ успѣла пробраться на то время въ монастырь. И вдругъ—въ одно мгновеніе (которое, по словамъ очевидцевъ, неизгладимо останется въ ихъ памяти)—раздался сзади шествія страшный крикъ и почти всѣ задніе ряды повалились ничкомъ на землю. Оказалось, что ядро прошибло стѣну и пролетѣло надъ головами богомольцевъ, не сдѣлавъ имъ вреда. Въ то же время другое ядро ударило въ соборную главу и влетѣло въ церковь, другое пробило кровлю и попалило образъ. Гулъ и пальба не прекращались долго, даже и въ то время, когда крестный ходъ вернулся въ соборъ.

Наконецъ все стихло: архимандритъ совершалъ благодарственное молебное пѣніе. Англійская эскадра отправилась въ Кемь...

При этомъ присовокупляютъ, что во время пальбы, на монастырскомъ дворѣ не видали убитою ни одной чайки.

Хотя теперь уже, можетъ быть, уничтоженъ и послѣдній слѣдъ поврежденій, произведенныхъ въ монастырь непріателемъ, но, думаю, воспоминанія и рассказы о немъ слышатся богомольцами и до сихъ еще поръ такъ же обильно, какъ слышалъ и я. Тогда для монаховъ было это свѣжо, но мнѣ измѣняетъ память; все, что осталось въ ней, я передаю какъ могу и помню.

15 іюля 1856 года былъ послѣдній день моего пребыванія въ монастырѣ. Въ послѣдній разъ видѣлъ я привѣтливаго, гостепріимнаго, словоохотливаго отца-архимандрита, и простился съ нимъ. Въ послѣдній разъ видѣлъ я двухъ схимниковъ съ пожелтѣвшими, словно воскъ лицами, въ ризахъ, обшитыхъ спереди и сзади крестами, съ сѣдыми какъ серебро, волосами. Схимники выходили за трапезу.

Карбасъ мой былъ уже готовъ—и мы отправились. Понесло насъ сначала легонькимъ повѣтерьемъ: лѣтній вѣтеръ надулъ паруса и вѣялъ пріятной, клонящей ко сну прохладой. Монастырь еще видѣлся долго намъ назади, сѣрѣя своими стѣнами изъ неотесанныхъ камней, плотно лежащихъ одинъ на другомъ. Но вотъ и стѣну затянуло туманомъ.

— На Сенныхъ мара! кричитъ кормщикъ

— Что такое? спросилъ я.

— Сеннуха—острова, а мара—гляди вонъ!

Я видѣлъ впереди спустившійся туманъ, который казался дальнимъ, едва примѣтнымъ берегомъ. Ъхать было невыносимо скучно, къ тому же вѣтеръ палъ, и гребцы сѣли въ весла. Затѣмъ пошли обычные, давно наскучившія подробности.

— Батюшко, припади! говорилъ одинъ гребецъ, обращаясь къ вѣтру.

— Припадетъ—побѣжимъ! подхватилъ его сосѣдъ и товарищъ.

— Товарищи, други,—не посраимся! просилъ третій, крѣпко налегая на свое весло.

— Сдѣлайте милость, товарищи, понатужьтесь: тамъ станетъ легче!—упрашивалъ кормщикъ...

Гребцы послушно налегали на весла, хотя и хорошо знали, что тамъ не могло быть легче.

Портной нашъ сидѣлъ какимъ-то сумрачнымъ, какъ будто обидѣлъ кто.

— Что ты такой невеселый?—замѣтилъ я ему.

— Изъ монастыря ѣдучи, всегда такъ надо.

— Развѣ работы не было?

— Ни одной жилетки не удалось сшить.

— Что же ты тамъ дѣлалъ?

— А у монаховъ про житіе все слушалъ... всѣ три дни житія слушалъ.

Опять по сторонамъ старые виды, и опять на карбасѣ пустые, на половину понятные и неинтересные разговоры. Вѣтеръ то припадаетъ, то опять стихаетъ. Дальній островъ сначала выплываетъ словно облако, потомъ меледится—чуть выясняется въ туманѣ и, наконецъ, по мѣрѣ приближенія къ нему, совсѣмъ обозначается ясно и живо съ грудами камней, по которымъ прошли желобки, словно приступки. Въ тѣхъ желобкахъ, гдѣ болѣе тѣни и тѣнь эта долговременна, сверкаютъ лужи дождевой воды сомнительныхъ качествъ, черной какъ пиво, и все-таки дорогой, въ крайнихъ случаяхъ, при лѣтней жарѣ для заѣзжихъ. По лудамъ, и самымъ счастливымъ изъ нихъ, цѣпляется кое-какая растительность и зеленѣетъ у самой воды какая-то скользкая, грязная слизь.

Влѣво отъ насъ выплывало изъ-за острововъ судно. На мачтѣ этого судна засверкала, отъ лучей солнца, золотая звѣздочка, вѣроятно, крестъ, безъ котораго не бываетъ ни одной монастырской лодьи, назначенной перевозить богомольцевъ изъ Архангельска, изъ Сумы и иногда изъ Кеми. Всѣ мы рады этому судну, и всѣхъ занимаетъ оно, и рисуются въ моемъ утомленномъ воображеніи слѣдующія картины:

Видится мнѣ дряблая, разбитая ногами и голосомъ старушенка, въ крашенномъ сарафанѣ, съ остроносою сорокой на головѣ, баба

плаксивая, богомольная: вывела она сыновей, дождалась и баловливых внуковъ. Въ товариществѣ попова Гаранюшки баженника-дурачка, да Матвѣюшки, что по запрошлый годъ медвѣдь ломалъ да не изломалъ совсѣмъ, сама съ клюкой, Христовымъ именемъ пробирается въ невѣдомый ей край.

Дребезжить ея разбитый голосъ подъ волоковыми окнами спутныхъ городовъ, селъ и деревушекъ. Въ деревушкахъ видятъ у старухи котомку за плечами, старенькіе лаптишки подъ котомкой— въ избу зовутъ:

— Богомолушка, кормилица?

— Нѣшто, родимые.

— Куда Богъ несетъ?

— Къ Соловецкимъ, родители, за грѣхи свои Богу помолиться.

— Далеко, кормилушка, далеко. Возьми-ко, сердобольная, гривенку: поставь и за насъ свѣчку тамъ — не погнушайся, богоданная! А вотъ тебѣ пятакъ за проходъ, пирогъ на дорогу. Да присядь-ко, касатушка, пообѣдай.

Бредетъ эта старушечка и цокаетъ: рассказываетъ про свою родину за густыми сосновыми лѣсами ветлужскими и кедровыми лѣсами вологодскими. Молить она милостынки и у вагана-шенкурца и у холмогора-заугдѣльника. Приходитъ, наконецъ, и въ длинный Архангельскъ, но уже не съ пустыми руками, хотя и съ разбитыми, сильно-отяжелѣвшими ногами. Поскупится она заплатить, изъ бережливости и скопидомства, лишній грошъ, ее заставятъ щипать паклю или прясть канатное прядево—и безъ денегъ свезутъ...

Вотъ она на палубѣ огромнаго судна—монастырской лоды, плоскодонной, безобразной, съ старой оснасткой и покровомъ, посреди густой толпы богомольнаго люда. Ъдетъ тутъ и бородатый раздобрѣвшій купецъ, которому удалось хватить горячую копейку на выгодномъ казенномъ подрядѣ. Ъдетъ тутъ и оставленный за штатомъ недалеый чиновникъ изъ духовнаго званія, распѣвающий въ досужее время церковныя стихиры и не пропустившій на своемъ вѣку ни одной заутрени и обѣдни въ воскресный день. Ъдетъ тутъ и сухой монахъ дальняго монастыря изъ-подъ Кіева, отправленный со сборною памятью и игуменскимъ благословеніемъ... Всѣ тутъ вмѣстѣ: и свѣтская архангельская дама-вдова съ томными глазами, со вкрадчивымъ разговоромъ и въ костюмѣ, имѣющемъ претензію на замѣтное кокетство, и бойкая щебетунья-баба солдатка изъ Сѣлобалы, и длинный семинаристъ богословскаго класса, и дальній сельскій попъ, низкопоклонный, угодливый, приниженный.

Паруса уже налажены, снасти подобраны, остается только вытянуть рычагомъ якорь. Всѣ богомольцы стоятъ безъ шапокъ и чего-то

ждутъ со сосредоточеннымъ вниманіемъ и при сдержанномъ молчаніи. Раздается сладенькій тенорокъ кормщика:

— Молись, господа! Молись, благословёны—въ путь-дорогу пора. Читай, Кондратушко, молитву на путь шествующимъ!

Вслѣдъ затѣмъ раздается звонкій, выровненный, развитой до поразительной чистоты голосъ монастырскаго служки: Богомольцы творятъ молитвы на городскія церкви и потомъ на всѣ четыре стороны, изъ которыхъ на каждой непременно блеститъ по одному — по два церковныхъ креста.

Судно трогается и бѣжитъ, если вѣтеръ крѣпко-попутный, и плыветъ лѣнливо и вяло, плохо лавируя, если повѣтерье (говоря поморскимъ выраженіемъ) кормщику въ зубы. Бѣжитъ монастырское судно вблизи Лѣтнаго берега Бѣлаго моря къ Ухтѣ-Наволоку и далѣе открытымъ моремъ.

Трудными повенѣцкими дорогами съ Онежскаго озера идутъ другія партіи богомольцевъ изъ ближнихъ къ Петербургу губерній. То пробираются они по узкимъ тропинкамъ, черезъ гранитныя скалы, выкрытыя тундрой съ оленьимъ мохомъ и лѣсами съ дряблыми деревьями; то плывутъ они по зеркальнымъ, глубокимъ озерамъ въ утлыхъ, неудобныхъ лодкахъ или на посадѣ Суму, или на деревню Сорѣку—людныя и богатыя селенія поморскаго побережья Бѣлаго моря. Здѣсь ихъ также принимаютъ на лодьи или монастырскія, или обывательскія. Въ нерѣдкихъ случаяхъ ѣдутъ богомольцы и въ мелкихъ судахъ, карбасахъ. Теперь возитъ ихъ монастырь уже на собственныхъ прекрасныхъ пароходахъ и такимъ облегченіемъ пути всѣ не нахвалятся.

Въ одномъ изъ промежутковъ между циклопическими стѣнами Соловецкаго монастыря, складенными изъ громадныхъ дикихъ камней, и стѣнами жилыхъ монастырскихъ строеній, въ сѣверо-западномъ углу, пріютилась отдѣльная палата каменная и двухъ-этажная. Весь этотъ уголъ отгороженъ высокой каменной стѣной. Часть палаты занята была казармами караульныхъ солдатъ, присылаемыхъ на определенное время изъ Архангельска съ офицеромъ, другая часть — арестантскими. 12 чулановъ существовали издавна въ нижнемъ этажѣ очень стариннаго зданія, построеннаго еще въ 1615 году. 16 новыхъ чулановъ прилажены были и въ верхнемъ этажѣ въ 1828 году, а въ 1842 году тюрьма увеличилась надстройкою третьяго этажа, который и дѣлаетъ ее видною богомольцамъ изъ-за стѣнъ. Для солдатъ и офицеровъ построено отдѣльное зданіе. До того времени мѣстъ заключенія было нѣсколько: у Никольскихъ воротъ, у Святыхъ воротъ, подъ крыльцемъ Успенскаго собора, и въ башняхъ: западной и на восточной сторонѣ (у Архангельскихъ воротъ). Всѣ были неудобны, но главное неудобство признано было въ ихъ разбросанности, не позволявшей правильнаго надзора и требовавшей многочисленной стражи. Изъ стѣнъ на-

чали перемѣщать въ подвальные этажи монастырскихъ корпусовъ. Явились такимъ образомъ тюрьмы: Келарская, Успенская и Преображенская (по церквамъ). Нѣкоторыя тюрьмы носили названіе по фамиліямъ заключенныхъ; таковы Головленкова и Салтыковская. Иныхъ узниковъ не помѣщали въ тюрьмы: такъ одинъ священникъ Симеонъ жилъ въ хлѣбнѣ прикованнымъ на цѣпь и въ такомъ видѣ мѣсилъ братскіе хлѣбы; иные весь день были на волѣ въ оковахъ и безъ нихъ, но на монастырскихъ черныхъ работахъ, и т. д. Наступило строгое время преслѣдованія за всяческія убѣжденія, въ томъ числѣ и за религіозныя, въ виду развитія сектъ скопческой, молоканской и духоборческой. Основателями этихъ сектъ нашихъ раціоналистовъ и были впервые оживлены новые соловецкіе чуланы, похожіе болѣе на собачьи конуры. Соловки стали второю по счету живою могилой послѣ таковой же, приспособленной въ городѣ Суздаль, въ тамошнемъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

Мнѣ не разрѣшили попасть туда, несмотря на то, что я былъ снабженъ офиціальною бумагой, предлагавшею оказывать въ моихъ работахъ возможное содѣйствіе. Готовно показывали мнѣ все, что относилось до монастырскаго хозяйства, столь замѣчательнаго благоустройствомъ и предусмотрѣнною обеспеченностью. Я видѣлъ даже и ту палатку въ связи съ Преподобническою церковью, въ два этажа, въ которой сложена была разная церковная ветхая утварь и тѣ иконы, которыя отбирала кемская полиція въ Поморьѣ и доставила изъ разрушенныхъ еодосѣвскихъ скитовъ на Топь-озерѣ, р. Мягригѣ и друг. Приходилось довольствоваться чужими свѣдѣніями и, безъ личной провѣрки, полагаться на нихъ.

Хотѣлось мнѣ попасть въ тюрьму собственно затѣмъ, чтобы повидаться и побесѣдовать съ однимъ изъ замѣчательныхъ людей, дѣятелемъ раскола еодосѣвщины, моего почтеннаго земляка (костромича) судиславскаго купца „батюшки—отца, батюшки Николая Андреевича“ (Папулина). Народъ и мѣстная молва и семейныя наши преданія указывали на Соловецкую тюрьму, какъ на мѣсто заточенія этого выдающагося челоуѣка, который не пройдетъ безслѣдно въ исторіи безпоповщинскихъ толковъ. Хотѣлось мнѣ успокоить его неожиданнымъ появленіемъ пришельца съ родимой стороны и въдобавокъ, можетъ быть, утѣшить передачей поклона отъ моего отца, съ которымъ соловецкій заточникъ до своей ссылки находился въ независимыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ. Спонтанно при такомъ удобномъ подходящемъ случаѣ возможно было совершить также одно изъ дѣлъ христіанскаго милосердія, прямо указанное Евангеліемъ — и въ то же время въ такомъ святомъ и много чтимомъ мѣстѣ.

Папулинъ, по вѣрѣ принадлежалъ въ безпоповщинѣ, къ еодосѣвскому толку. Онъ дѣйствовалъ въ то время, когда на старообрядство

этого согласія, замѣнившаго церкви часовнями, а поповъ—выборными наставниками съ попечителями, правительственныя преслѣдованія обрушились усиленно. Вслѣдствіе того съ ихъ стороны потребовалась особая энергія, понадобились руководители со стойкимъ характеромъ и твердымъ умомъ и явились защитники въ видѣ покровителей, владѣвшихъ капиталами. Прогнанные съ одного мѣста и разсѣянные въ разныя стороны, еедосѣвцы умными и опытными наставниками собирались опять въ новомъ мѣстѣ, болѣе безопасномъ и отдаленномъ. Денежными пособіями попечители этой общины укрѣплялись тутъ и снова начинали жить тѣсными союзами съ наибольшою опытностью и осторожностью до той поры, когда вновь открытые, снова принуждены были разсѣваться и прятаться. Это была въ полномъ смыслѣ слова „бѣгствующая церковь“, находившая себѣ поддержку и существенное руководство въ богатой Москвѣ, гдѣ такъ наз. Преображенское кладбище было еедосѣвской митрополіей. Ея вліяніе было обширно, простираясь на всю Русь, когда во главѣ стояли такіе руководители, какъ богатый и умный Илья Ковылинъ, какъ ловкій, опытный и бывалый Семенъ Кузьминъ. Послѣдній сдѣлался наставникомъ въ самое тяжелое гонительное время, въ началѣ 40 годовъ. Тогда за дѣлами еедосѣвщины, учрежденъ былъ особѣнно бдительный со стороны правительства тайный надзоръ. Послѣднему стало ясно, что мелкіе толки безпоповщины разъединены и Москвѣ не всегда удастся спланивать ихъ, что еедосѣвщина разбилась на отдѣльныя моелельни, число которыхъ однако возрастало (изъ 30 находившихся въ Москвѣ въ 1826 году, въ 40 годахъ стало уже около 150), и во всякомъ случаѣ эта секта усиливалась и видимо укрѣплялась. Успѣхи ея оказались наиболѣе яснымъ въ средѣ обездоленнаго, закрѣпощеннаго и полукочевоваго заводскаго и фабричнаго населенія, и покровителями толка естественно явились владѣльцы фабрикъ и заводовъ тѣхъ извѣстныхъ фамилій, которыя гремѣли не только по всей Россіи, но и за предѣлами ея въ Сибири, вплоть до китайскихъ предѣловъ.

Хотя Москва и почиталась главою всей еедосѣвщины, простирая свое вліяніе даже до такихъ удаленныхъ общинъ, какъ Топозерская (почти на сѣверной границѣ Финляндіи съ Архангельской губерніей), но временами принуждена была уступать силу вліянія и первенствующій голосъ иногороднымъ общинамъ. Это бывало во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло переходило въ руки умныхъ богачей и у нихъ случайно сочетались обѣ силы: нравственная и матеріальная. Такимъ между прочими оказался оптовый торговецъ грибами, производившій оборотъ этимъ тайнобрачнымъ растеніемъ ежегодно болѣе чѣмъ на 100 тысячъ рублей. По этой причинѣ онъ находился въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ московскими богомольными людьми, строго соблюдающими обычаи старины и въ томъ числѣ православныя посты.

Всего ближе онъ стоялъ къ еедосѣвцамъ, гдѣ старая обрядность доведена была до крайнихъ предѣловъ нетерпимости и знатоки писанія (по свидѣтельству даже враговъ ихъ) на столько были многочисленны, какъ рѣдко можно найти между православными образованнаго общества. Съ одной стороны ни одинъ еедосѣвецъ, даже очень богатый и независимый, не позволялъ себѣ оскверниться одной каплей постнаго масла, одной ложкой горячей пищи въ обѣ великія недѣли великаго поста, такъ какъ во всемъ обиходѣ установлены точныя границы самаго строгаго, истинно-монашескаго воздержанія. Съ другой стороны приверженность всего старообрядства къ старымъ книгамъ и иконамъ—въ еедосѣвщинѣ породила наилучшихъ знатоковъ по иконографіи, по разбору пошибовъ письма старинныхъ рукописей и по оцѣнкѣ старопечатныхъ книгъ. Въ нихъ понуждались и отъ нихъ многому научились наши ученые историки, археографы и археологи. Еедосѣвцы владѣли главными и истинными сокровищами по всѣмъ родамъ русской старины и между прочимъ драгоценными иконами. На пріобрѣтеніе ихъ не брезговали никакими средствами и та община, которой доводилъ случай обезпечиться рѣдкостями выдвигалась впередъ всѣхъ и обогащалась денежными средствами. На этомъ-то поприщѣ и отличился Папулинъ и маленькій посадъ Костромской губерніи, гдѣ онъ жилъ—Судиславль, извѣстный до тѣхъ поръ лишь сушеными и солеными грибами, носившими его скромное имя, сдѣлался извѣстенъ и славенъ во всемъ разнообразномъ и богатомъ старовѣрскомъ мірѣ. Похищеніе иконъ изъ старинныхъ церквей велось издавна въ одиночку и по частямъ, но то, что умудрился сдѣлать Папулинъ случилось во всѣ 300 лѣтъ существованія на Руси раскола только во второй разъ. Папулинъ ухитрился пріобрѣсти цѣлую древнюю церковь со всѣмъ ея иконостаснымъ и настѣннымъ украшеніемъ.

Въ городѣ Сольвычегодскѣ (Вологодской губ.), гдѣ, еще со временъ Ивана Грознаго, именитые люди братья Строгановы, на вывозкѣ соли и иныхъ торговыхъ предпріятій, наживали основы послѣдующихъ несмѣтныхъ родовыхъ богатствъ, ими выстроена была всеградская соборная Благовѣщенская церковь. На ея благолѣпіе богачи эти не щадили своихъ средствъ, пріобрѣтая рѣдкости и отыскивая святыни, каковъ между прочимъ холстинный саккосъ пермскаго апостола св. Стефана. Заботу же о церковномъ украшеніи они простерли до того, что выписали изъ Италіи мастеровъ и завели особую школу иконописцевъ, слава которой сохранилась до нашихъ дней.

Папулинъ искусно соблазнилъ покладистаго протоіерея того собора и купилъ весь иконостасъ подъ видомъ обветшалости дорогихъ старыхъ иконъ, потребовавшихъ будто бы одновременно и обновленія, и полной замѣны вновь написанными. За семь тысячъ Папулинъ пріобрѣлъ 1,300 иконъ и, темною ночью, на шести парныхъ подводахъ,

вывезъ ихъ изъ Сольвычегодска въ Судиславль. Тутъ были иконы, писанныя св. Петромъ митрополитомъ московскимъ (извѣстнымъ изографомъ), каковыми московскіе патріархи благословляли именитыхъ людей Строгоновыхъ. Тутъ же съ прочими образами оказалась купленою и икона „Годъ святыхъ“, подлинно писанная знаменитымъ иконописцемъ Андреемъ Рублевымъ. Вывезенныя иконы Папулинъ исправлялъ и подновлялъ: нѣкоторыми украсилъ свои молебни близъ Судиславля, другими торговалъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ еедосѣвскихъ и филипповскихъ общинахъ. Его приказчикъ, торговавшій въ Петербургѣ грибами, салфетками и холстомъ, вывезъ ихъ сюда и украсилъ домашнія столичныя молебни и общественную на Волковомъ кладбищѣ. Самому обошлась каждая икона, мелкая и большая, круглымъ счетомъ по 5 руб., а онъ бралъ за иныя по 250 и выручилъ отъ продажи въ разныя губерніи до 13 тыс. и сверхъ того 7 тыс. отъ одного Преображенскаго кладбища.

Это дѣло сдѣлалось гласнымъ и обратило на Папулина особенное вниманіе правительства. По розыскамъ, дознаніямъ и разспросамъ оказалось, что Папулинъ былъ не только ловкій торговецъ, но и опытный ловецъ въ человѣкахъ. Жителей изстари православнаго городка въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ онъ совершенно отвелъ отъ обѣихъ посадскихъ церквей. При двухъ своихъ мельницахъ: Калишкѣ и Шемякиной онъ основалъ два монастыря-сщечитія для мужчинъ и для женщинъ и въ число обитателей не задумывался принимать бѣглыхъ и безпаспортныхъ. Это послѣднее обстоятельство принято было за главнѣйшій поводъ къ его осужденію, аресту и ссылкѣ. Но прежде, чѣмъ случилось все это, онъ умѣлъ ловко прикрывать свои дѣянія, задаривая и задобривая властей и успѣшно ведя много лѣтъ ловкую борьбу съ епархіальными архіереями. Посчастливилось болѣе настойчивому изъ нихъ—Владиміру (Алявдину), въ союзъ съ которымъ вступилъ и явился на помощь графъ С. Г. Строгоновъ, состоявшій тогда въ званіи попечителя Московскаго учебнаго округа и уже успѣвшій возвратить нѣкоторые изъ иконъ, найденныхъ врасплохъ у московскихъ еедосѣвцевъ.

Въ хищеніи святынь, совращеніи въ расколъ, пристанодержательствѣ бѣглыхъ и укрываніи тѣхъ, которыми дорезжили и за которыхъ боялись въ Москвѣ и высылали къ Папулину, онъ былъ уличенъ въ 1846 году, тайно взятъ и невѣдомо куда отправленъ. Имущества его изъ одной Калишки было вывезено 20 возовъ. Груды иконъ сложены были въ Ипатьевскомъ монастырѣ и много другихъ небрежно хранились въ костромскомъ губернскомъ правленіи. Стало доподлинно извѣстно также и то, что много иконъ успѣли изъ Судиславля припрятать въ разныхъ мѣстахъ и между прочимъ на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ въ количествѣ тридцати. Между ними оказались

три другія строгоновскаго письма и изъ нихъ одна оцѣнена въ 200 рублей.

Этого-то Папулина безуспѣшно хотѣлось мнѣ разыскать и увидѣть.

Проезжая прелестнымъ чищенымъ лѣсомъ поперекъ острова изъ главнаго монастыря въ Анзерскій скитъ, я слышалъ отъ своего возницы-монаха:

— Не выдерживаютъ они у насъ: въ умѣ мѣшаются. Былъ случай, что одинъ изъ нихъ зарѣзалъ солдата.

Вотъ и примѣръ:

— Одинъ досидѣлся до того, что возмнилъ о себѣ, яко бы звѣрь въ него вселился, и самъ онъ сталъ звѣремъ. Встанетъ на четвереньки и съ боку на бокъ качается и хрюкаетъ. Положить его на постель, отвернуться не успѣютъ, какъ онъ опять на томъ мѣстѣ могається. Тамъ, гдѣ колѣнками упирался, большія ямки вывертѣлъ, гдѣ руками — поменьше: полъ-отъ въ тѣхъ покояхъ кирпичный, мягкій.

Убийство сторожа вызвало улучшение въ тюремныхъ помѣщеніяхъ и перемену участи заточенныхъ.

— Не спрашивайте: ни имени, ни фамиліи здѣсь нѣтъ, я знаю только нумера. Вотъ и тотъ, похожій по вашимъ примѣтамъ, должно быть сидитъ подъ № 13-мъ, какъ разъ подъ чортовою дюжиной, — поучалъ меня инвалидный капитанъ, на другой день возвращавшійся съ командою въ Архангельскъ и успѣвшій уже на прощанье съ знакомыми монахами подгулять, — „наторопиться“, какъ выразился онъ самъ. Я довѣрился словамъ его по безвыходной неволѣ.

Добровольно явился онъ въ мой номеръ монастырской гостиницы въ той же походной формѣ, въ которой сидѣлъ поутру за общемою трапезой. Разговаривая, онъ все оглядывался по сторонамъ и, оглядываясь, оправдывался:

— Стѣны здѣсь слышать, — вотъ какое строгое мѣсто!... А землякъ вашъ добрый старикъ и ласковый! Да вотъ какой добрый: когда ни придешь, онъ всякій разъ начинаетъ около себя обыскиваться, шарить на столѣ, заглядываетъ подъ кровать: „Подарилъ бы, говорить, что, да взять нечего, — все отняли.“

Офицеръ при этихъ словахъ не только оглянулся и приподнялъ надъ ухомъ настороженный палецъ, но на цыпочкахъ подкрался къ двери и, быстро отворивъ ее съ видимымъ расчетомъ ударить въ лобъ того, кто тамъ подслушиваетъ, заглянулъ въ длинный и немечтенный корридоръ. Возвратившись, онъ съ большею смѣлостью говорилъ:

— Доводятъ ихъ до бѣды, потому что исправляютъ. Я готовъ въ рапортъ написать, что нельзя повѣрять монахамъ такихъ людей, которые съ ними ссорились прежде, тамъ... Помилуйте, скажите: я —

офицеръ, а къ архимандриту каждое утро долженъ ходить, какъ къ генералу или коменданту, вытягиваться и рапортовать. Онъ выслушаетъ, а чашки чаю не дастъ,—гордится предо мною.

Сквозь слегка нескладную болтовню я у зналъ отъ этого офицера, что землякъ мой лѣтнею порой сидитъ въ чуланѣ безвыходно, надѣваетъ на носъ большія круглыя очки и безпрестанно читаетъ толстыя книги въ кожаномъ переплетѣ.

— Кроткому человѣку архимандритъ попускаетъ: даетъ книги, а зимой выпускаетъ съ солдатомъ въ старый соборъ помолиться. Конечно, это дѣло его. Онъ здѣсь полный хозяинъ, на комендантскихъ правахъ.

— Конечно, безъ солдата и ему я не могу позволить,—хвастался офицеръ.—Положимъ, что лѣды обкладываютъ монастырь такъ, что не вырвешься. Да здѣсь держи ухо востро. Вдругъ онъ скрылся: можетъ быть, съ берега прибылъ сюда его сообщникъ. Островъ-отъ очень великъ, есть гдѣ спрятаться. Выждалъ время, посадилъ въ карбасъ и увезъ,—здѣшній народъ лѣдовъ не боится. Да! по моему лучше морская пучина, чѣмъ эти чуланы. Я къ тому это говорю, что изъ богомольцевъ много народу припрашивалось повидаться съ нимъ, давали мнѣ хорошія деньги. Я не соглашался,—я помню присягу...

Слѣдовала затѣмъ похвальба личными достоинствами, къ которой обычно прибѣгаетъ подъ хмѣлькомъ всякій приниженный человѣкъ. Новаго онъ уже ничего не говорилъ и становился просто докучнымъ: видимо по суммѣ старыхъ и мелкихъ неудовольствій, желалъ сплетничать и съ пьяна злословилъ языкомъ, наладя тоже на нескладную болтовню и воркотню. Сталъ онъ просить и отъ меня угощенія,—для того совѣтовалъ послать къ самому архимандриту:

— Пришлетъ. Хорошаго рому пришлетъ. Хорошо бы пунштику на дорожку. Давно не пилъ. Твоему пріѣзду они не рады. Не понутру имъ. Говорили мнѣ, что писать будешь: грѣхи ихъ переписывать. Постарайся, сдѣлай одолженіе!

Дальше пошло уже такое все нескладное, настоящій бредъ, что я и въ самомъ дѣлѣ не зналъ, какъ развязаться съ нимъ. Онъ помогъ мнѣ тѣмъ, что пообѣщалъ самъ пойти просить рому,—и ушелъ.

За него договаривалъ самъ архимандритъ, пожелавшій дополнить мои скудныя свѣдѣнія о № 13-мъ, какъ бы въ утѣшеніе за отказанное личное свиданіе.

— Глубоко огорченъ я былъ, когда, принявъ настоятельство, посѣтилъ тюрьму, неся туда слабое слово утѣшенія,—разсказывалъ мнѣ о. Александръ, прославившійся защитникъ монастыря Соловецкаго во время блокады его англичанами въ Крымскую войну. Разсказывалъ онъ тѣмъ говоромъ, который обличалъ въ немъ малоросса и который не сдумѣло затушевать и обезличить даже столь богатое

и типическое архангельское нарѣчіе и, притомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ.

Получилъ я оскорбленіе, откуда не ожидалъ, отъ своего же, такъ сказать, брата—духовнаго. Бросился онъ на меня съ зубовнымъ скрежетомъ, намѣревался ударить, круто обругалъ. Я уже не давалъ ему наставленій, ушелъ отъ грѣха. То былъ безбожникъ изъ кончившихъ курсъ семинаріи пѣвчій. Нумеръ второй обратился ко мнѣ съ крикомъ и слезными жалобами на отца, по просьбѣ котораго онъ и присланъ къ намъ за непочтеніе родительской власти. Я ходатайствовалъ черезъ синодъ и испрошено было повелѣніе, чтобы несчастному отецъ его обязательно высылалъ благопотребную сумму въ приварокъ къ монастырскому продовольствію (въ 1855 г. былъ освобожденъ). Видѣлъ и тринадцатый нумеръ и ожидалъ новыхъ оскорбленій; полагалъ—отвернется или приблизится, чтобы сказать укоризненное слово. Взглянулъ онъ на меня изъ-подлобья и нависшихъ бровей кроткими глазами, поклонился очень низко, ничего не сказалъ, ничего не просилъ, расположилъ меня къ себѣ своею покорностью и смиреніемъ. Черезъ караульныхъ послѣ выпросилъ онъ книги,—велѣлъ я снабдить ими. Зимой попросился посѣтить старый соборъ, чтобы тамъ помолиться: я благословилъ. Видѣли вы сами, сколь благолѣпенъ иконостасъ нашего древняго храма постройки московскаго святителя и чудотворца Филиппа. Поклонились и явленной ему иконѣ Богоматери, именуемой Хлѣбленною по явленію ея въ пекарнѣ. Сказывали мнѣ монахи, что передъ нею съ особеннымъ усердіемъ молился тотъ 13 № и не хотѣлъ отрываться. Повторялъ онъ и затѣмъ свои просьбы, и я благословлялъ ему таковыя утѣшенія. Не разрѣшилъ я только приносить коврикъ и лестовку, ибо нахожу неблаговиднымъ. Да оно и соблазнъ производить: зачѣмъ? При предшественникахъ моихъ были случаи обращенія монаховъ въ еодосѣвщину отъ проживавшихъ въ обители на волѣ ссыльнымъ. Бывали случаи и хуже, но о нихъ перомолчу. Не удивляйтесь: большинство иноковъ народъ простой и легкомысленный, очень много изъ простыхъ мужиковъ. Напр. когда вступилъ предшественникъ мой Дмитрій, то онъ мало нашелъ монаховъ, умѣвшихъ пѣть и читать: изъ мѣстныхъ штатныхъ служителей принужденъ онъ былъ собрать хоръ и сопровождать службы чтеніемъ по полному положенному уставомъ чину. И еще: предлагалъ я 13-му № посѣщать наши богослуженія; онъ отказался рѣшительнымъ образомъ, безъ всякихъ, однако, объясненій. И еще: изъ докладовъ по командѣ замѣчается въ немъ въ послѣднее время какъ бы какое-то внутреннее безпокойство. Пересталъ старецъ разговаривать, какъ бы наложилъ на себя добровольный обѣтъ молчанія. Нарушаетъ его, чтобы говорить все одни и тѣ же слова: „разорили, совсѣмъ разорили!“ Начнетъ ходить по кельѣ взадъ и впередъ, начнетъ рукой махать. Я пос-

лѣ того посѣтилъ его, всталъ онъ передо мною, воззрился мутными глазами и спросилъ: „гдѣ правда?“ Я не собрался отвѣтить а онъ крѣпко топнулъ ногой, поднялъ на потолокъ глаза и крикнулъ: „нѣту правды на землѣ,—въ небесахъ она!“ Я распорядился, чтобы не беспокоили его вопросами и не вступали съ нимъ въ подобные разговоры и подробныя объясненія. Не знаю, исполняютъ ли? А я уже очень давно его не видалъ...

Подъ тою же башнею въ сѣверо-западномъ углу крѣпости, носившую изстари названіе „корожной“ находились и такъ наз. (въ старинныхъ актахъ историческіе, „земляныя тюрьмы“) уничтоженные и замурованные въ Соловецкомъ монастырѣ по синодскому указу еще въ 1742 году. Соловки даютъ объ нихъ наглядное понятіе: это были ямы на цѣлую сажень глубиною, обложенныя кирпичемъ и покрытыя сверху досчатой настилкой, на которую насыпана была земля. Въ такой крышѣ была прорублена дыра, называвшаяся дерзкимъ именемъ двери, запиравшаяся впрочемъ замкомъ послѣ того, какъ опускали туда самого заточника или пищу ему. Полъ устилался соломой и въ нихъ не было даже тѣхъ кирпичныхъ лежанокъ которыя придѣлавались къ стѣнамъ въ качествѣ кроватей или дивановъ. Нѣчто подобное описываетъ какъ самовидецъ М. А. Колчинъ въ статьѣ „ссылные и заточенные въ острогѣ Соловецкаго монастыря (Русская Старина 1887 г., октябрьская книжка).

„Идетъ узкій темный проходъ сажени двѣ длины. Чтобы не заплутаться и не запнуться за что-либо—необходимо идти съ огнемъ. Спускаемся ступени на три ниже уровня земли, сворачиваемъ немного вправо и входимъ низкою дверью въ большую квадратную, сажени въ три, комнату. Въ ней темно, такъ какъ нѣтъ ни одного окна, а взамѣнъ ихъ на каждой стѣнкѣ находятся двери съ маленькими вырѣзками. Комната цѣликомъ состоитъ изъ кирпича: полъ, потолокъ, стѣны, лавки, полки все кирпичное, сыро, стѣны мокрыя, заплеснѣвелья. Воздухъ спертый, удушливый—такой, какой бываетъ въ сырыхъ погребахъ. Испугавшіяся свѣта крысы, водящіяся здѣсь во множествѣ, съ ужасомъ бросаются вамъ подъ ноги. Въ этой комнатѣ въ прежнее время помѣщалась стража караулившая узниковъ, заключенныхъ въ казематы, расположенные по всѣмъ сторонамъ этой комнаты. Прямо передъ нами маленькая, аршина въ два вышины дверь съ крошечнымъ окошечкомъ въ серединѣ ея; дверь ведетъ въ жилище узника, куда мы и входимъ.“

„Оно имѣетъ форму личнаго усѣченнаго конуса въ длину аршина четыре, шириною сажень; высота при входѣ три аршина, въ узкомъ концѣ (обращенномъ къ кладбищу) полтора аршина. „Здѣсь—маленькое окошечко вершковъ шесть въ квадратѣ. Лучъ свѣта, точно украдкой, черезъ три рамы и двѣ рѣшетки тускло освѣщаетъ этотъ страш-

ный казематъ (можно читать въ самые свѣтлые дни и то съ напряженіемъ зрѣнія). При входѣ направо мы видимъ скамью, служившую ложемъ для узника; надъ нею почернѣлая до неузнаваемости икона, а за нею сохранилась освященная верба. На другой сторонѣ остатки разломанной печи. Стѣны, какъ и въ первой большой комнатѣ, сырыя, заплеснѣвелья; воздухъ затхлый и спертый“.

Въ этихъ-то „каютахъ“ маяли „гладомъ“, и жили безъисходно, не учиняя утечекъ (какъ выражались старые акты и жалобы самихъ заточниковъ) многіе годы несчастные въ родѣ Кольнишевскаго, кошевого бывшей Запорожской сѣчи, просидѣвшаго, по преданію, 16 лѣтъ и оказавшагося невиннымъ. (Его освободили, но онъ выпросилъ остаться въ Соловкахъ навсегда, и молилъ царя московскаго лишь объ одномъ,—о постройкѣ для преступниковъ настоящей тюрьмы). Первымъ испыталъ ужасы одиночнаго заключенія живымъ въ гробу, по письменнымъ извѣстіямъ, игуменъ Троицкаго монастыря Артемій, обвиненный какъ соучастникъ ереси Башкина и осужденный духовнымъ соборомъ при Грозномъ въ 1554 году. Онъ прибылъ сюда въ то время, когда въ монастырѣ былъ игуменомъ св. Филиппъ (впослѣдствіи митрополитъ московскій). Ему удалось бѣжать за рубежъ въ Литву, гдѣ онъ былъ ревностнымъ защитникомъ православія и написалъ на эту тему нѣсколько книгъ. Вскорѣ за нимъ послѣдовалъ въ Соловки и историческій Сильвестръ, протопопъ благовѣщенскій, другъ Грознаго, осужденный заочно и присланный сюда также на вѣчное заточеніе (могилу его указываютъ близъ Преображенскаго собора). Этими ссылками данъ былъ, такъ сказать, первый тонъ послѣдующимъ временамъ и дѣяніямъ по примѣненіи къ духовнымъ лицамъ и преступникамъ противъ вѣры изъ гражданскихъ лицъ.

Замурованныя земляныя тюрьмы (которыя особенно предпочиталъ Петръ I) замѣнены были особенными казематами для секретныхъ арестантовъ, устроенными въ подвалѣ нынѣшней тюрьмы, куда надо бы было спускаться по нѣсколькимъ ступенямъ. На длинномъ корридорѣ шесть дверей вели въ шесть чулановъ сажени по двѣ длины и съ небольшимъ въ 2 аршина ширины, съ общимъ окномъ, находившимся на уровнѣ земли. Такіе же чуланы, похожіе на обыкновенныя тюремныя одиночныя камеры, находятся въ верхнихъ этажахъ, но они уже свѣтлые и сухіе. Въ самомъ нижнемъ этажѣ, въ концѣ корридора находилось то „особое уединенное мѣсто“ съ окошечкомъ только въ двери и аршина полтора въ квадратѣ, гдѣ нельзя ни лежать, ни сѣсть протянувши ноги,—этотъ, такъ наз. „мѣшокъ“ въ просторѣчій. Сюда-то съ цѣпью на шеѣ и желѣзами на ногахъ замыкались въ старину великоважные преступники, обреченные на вѣчное молчаніе и на постоянное уединеніе, съ тѣмъ, чтобы „ни они кого ни ихъ кто видѣть могли“. Сюда же временно, какъ въ карцеръ сажались строптивые, и непокой-

ные, и покушавшіеся на побѣгъ. Монастырскіе акты указываютъ на Потапова, который подъ шумный праздничный колокольный звонъ разогнулъ табуретомъ рѣшетку и выбросился на крѣпостную стѣну и съ нея на землю въ одной рубашкѣ. Въ этомъ поличномъ онъ былъ усмотрѣнъ богомольцами, признался имъ и заслужилъ перемѣну квартиры на худшую, съ кандалами. Въ такой же мѣшокъ посаженъ былъ и раскольникъ Бѣлокопытовъ (присланный сюда съ урѣзаннымъ языкомъ), который съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ успѣлъ въ стѣнѣ проковырять дыру, чрезъ которую вышелъ на крѣпостную стѣну, по веревкѣ спустился черезъ бойницу, ушелъ въ ночь, переночевалъ въ пустой избушкѣ, сколотилъ изъ досокъ плотъ, выѣхалъ на немъ въ море, но вѣтромъ снова былъ прибитъ къ берегу и схваченъ. Въ слѣдующемъ году онъ снова повторилъ попытку. Досталъ ножъ, прорѣзалъ имъ отверстіе подлѣ дверного замка, и вышелъ. Восемь дней онъ блуждалъ по монастырскому лѣсу, и снова очутившись въ казематѣ скованнымъ по рукамъ и по ногамъ, просидѣлъ тамъ до самой смерти. Впрочемъ это — рѣдкіе случаи: побѣги невозможны въ людномъ монастырѣ, при постоянномъ движеніи многочисленной братіи, при крѣпкихъ затворахъ, стражѣ, живущей о бокъ съ самими казематами, при развитомъ до совершенства шпіонствѣ. Побѣги затруднительны даже для тѣхъ арестантовъ, которые живутъ на волѣ, именно по географическимъ условіямъ острова, когда не на чемъ сплыть на матерый берегъ и невозможно скрыться зимою, когда припаями обложится монастырь, и за ними зияетъ бездна открытаго, незамерзающаго моря.

Живущіе на волѣ ночевали въ казематахъ (иногда по-двое) изъ тѣхъ, которые присылались для употребленія въ монастырскія работы; иные носили желѣзо на рукахъ только, иные лишь на ногахъ, другіе были совершенно безъ оковъ. Съ каждымъ присылались инструкціи, какъ содержать ихъ, и даже назначался родъ самыхъ работъ. Этихъ „смиряли по монастырскому обычаю“ либо батогами, шелепами, плетями и цѣпью, либо сотнями земныхъ поклоновъ. Лѣтомъ, при наплывѣ богомольцевъ ихъ запирали, зимою пускали на полную волю и мучительное бездѣйствіе: грамотнымъ не давали книгъ, перьевъ и бумаги, не позволяли сходитьсѣ и обмѣниваться разговорами; нѣкоторымъ неграмотнымъ позволялось работать на себя въ казематахъ: сапожничать, портняжить, сорить стружками вытачивая ложки, вырѣзая крестики, дѣлая ведра, сгибая ободья и обручи.

Большая или меньшая строгость зависѣла отъ характера архимандритовъ: Досифей Нѣолоновъ (приписавшій себѣ извѣстное описаніе монастыря, составленное ссыльнымъ за богохульство учителемъ Василиемъ Воскресенскимъ) былъ самымъ строгимъ и суровымъ дозорщикомъ; современный моему посѣщенію монастыря Александръ былъ самымъ мягкимъ и милостивымъ. Досифей давалъ убогую пищу, при-

саживалъ въ одиночныя камеры по-двое такихъ арестантовъ, которые ненавистны были другъ другу по религіозному разномыслію. Александръ почтилъ память тамбовскаго епископа Игнатія, пострадавшаго по дѣлу Талицкаго (книгописца) сооруженіемъ надъ его могилою плиты съ надписью. Легче всѣхъ было, конечно, тѣмъ, которые ссылались подъ начало „для строгаго смиренія“ а не „подъ караулъ“, т. е. въ тюрьму. Вообще же надо всѣми парилъ духъ сердобольнаго милосердія и чело-вѣколюбиваго прощенія, какимъ полно русское сердце, умѣющее вы-сказаться по требованію, не нуждаясь въ денежныхъ подкупахъ, и ни въ какихъ другихъ искусственныхъ связяхъ, обязательныхъ между стрегущимъ солдатомъ и стрегомыми заключенниками. Здѣсь было трудное прерываться этимъ добрымъ чувствамъ и евангельскимъ подви-гамъ. Но для таковыхъ нѣтъ ни препонъ, ни избранныхъ мѣстъ, ни людей. Нарушившихъ установленныя правила для надзора и отдавшихъ ся влеченію мягкаго сердца сторожа, наказывали плетью и цѣпью, устраи-вали отъ подобнаго послушанія, но соловецкая тюремная эпопея все-таки представляетъ многочисленные эпизоды, свидѣтельствующіе о до-бровольномъ смягченіи отношеній караульщиковъ къ заточникамъ. Къ тому же въ громадномъ большинствѣ случаевъ приводилось имѣть смотрѣніе и вести дѣло съ людьми покойными, виновники лишь въ разномысліи съ догматами православной церкви и большею частію съ главными руководителями („совратителями“), которые по самому ха-рактеру ихъ дѣятельности, должны были владѣть привлекательными, мягкими, вкрадчивыми и симпатичными свойствами нрава. Таковъ между прочими извѣстный въ Сибири Израиль, увлекшій тамошнее кучество (особенно въ Кяхтѣ) дѣяніями и вѣроученіемъ. Онъ помогалъ бѣднякамъ, устраивалъ училища, несъ слово утѣшенія въ каторжныя тюрьмы, кормилъ, голодающихъ въ Селенгинскомъ монастырѣ, гдѣ былъ игуменомъ, обучавшихся мальчиковъ кормилъ и одѣвалъ. Таковы дѣ-янія, а вѣроученіе его, основанное на нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и но-вовведеніяхъ въ церковныхъ обрядахъ, было признано св. синодомъ преступнымъ. За распространеніе его Израиля прислали сюда, лишен-нымъ священства и монашества, навсегда подъ присмотръ военной стражи. Здѣсь онъ не примѣнилъ ученія своей секты и обращалъ на себя вниманіе монастырскаго начальства лишь горячими спорами съ ду-шевно-больнымъ донскимъ казакомъ-есауломъ Кожевниковымъ. Схо-дясь въ корридорахъ днемъ (на ночь ихъ запирали въ чуланахъ), они доводили религіозные диспуты до рукопашныхъ схватокъ, вынуждав-шее начальство смирять ихъ одиночнымъ заключеніемъ. Одинъ былъ убѣжденнымъ защитникомъ православія, другой основателемъ новой секты въ родѣ хлыстовской, дерзко искажавшимъ самое существенное въ божественной литургіи и кощунственно вѣровавшимъ въ свое при-званіе, какъ истиннаго сына божія и спасителя міра. Соловецкая

тюрьма его не смирила: онъ умеръ здѣсь (въ 1862 г.) стоя на колѣняхъ, въ молитвенной позѣ *). Да и вообще достигала-ли Соловецкая тюрьма главной цѣли—обращенія покаившихся и смиренія непокорныхъ?

Вспыльчивый и сварливый есаулъ Котельниковъ отказывался по прежнему отъ общенія въ общемъ моленіи и съ Израилемъ, и съ духовидцемъ Сергѣевымъ и съ пророчествовавшимъ Курочкинымъ, а между тѣмъ и самъ не ходилъ въ монастырскія церкви за службы, постоянно состязался и проклиналъ ереси, защищая православіе, въ ожиданіи стать вселенскимъ учителемъ. Точно то же замѣчается и относительно прочихъ раскольниковъ. Увѣщанія монаховъ на столько были мало вліятельны, что случаи искренняго раскаянія въ заблужденіяхъ, насчитываются единицами и при томъ многіе слѣдуетъ считать притворными, сдѣланными съ расчетомъ на улучшеніе участи. Бывали примѣры, что обратившись въ православіе и принявъ монашескій чинъ, ссыльные поступали такъ для полученія извѣстной свободы, которою и пользовались съ цѣлю скрыться изъ монастыря на твердую землю и затѣмъ въ неизвѣстную отлучку. Въ этомъ столь жизненномъ и существенно важномъ вопросѣ заточенія замѣчалось скорѣе обратное явленіе: видимое страданіе за убѣжденія и несомѣнная въ нихъ стойкость подымали значеніе заточниковъ до высоты героевъ и увлекала нѣкоторыхъ изъ монашествующей братіи, въ особенности же стоявшихъ ближе къ ссыльнымъ приставниковъ. Со времени ссылки сюда скопцовъ (каковыхъ, напр., къ 1835 г.—времени ревизіи соловецкаго острога—было 7 человѣкъ) замѣчено вліяніе ихъ на уродованіе монаховъ. Ссылка этихъ опасныхъ прозелитовъ была прекращена съ обращеніемъ ихъ въ Сибирь въ Туруханскій край, и съ отдачею въ солдаты находившихся въ то время въ Соловкахъ. Архимандритъ Александръ въ 1855 году доносилъ, что „ученые и умные изъ приставниковъ—увѣщателей не только не имѣли успѣха, но сами увлекались еретичествомъ“. Въ 1836 г. однихъ федосѣевцевъ находилось 9 человѣкъ и 3 изъ секты такъ наз. странниковъ или бѣгуновъ. Въ числѣ федосѣевцевъ былъ въ то время весьма извѣстный начитанный, стойкій и вліятельный ловець въ человѣцѣхъ, Сергѣй Гнусинъ и т. под.

Кромѣ раскольниковъ попадали сюда въ заточеніе и юродивые, и завѣдомо сумасшедшіе (которые такими и записывались въ ежегодно составляемыхъ донесеніяхъ), и крайніе мистики, не принадлежавшіе ни къ какой сектѣ, но очевидные полупомѣшанные, такъ называемые маніяки въ родѣ Котельникова, душевно-больного фанатика (прожилъ здѣсь 28 лѣтъ). Присылались и за иныя вины; какъ исключеніе впрочемъ, но тѣмъ не менѣе личности, интересныя по многимъ отношеніямъ. Попадались обмѣнявшіеся въ острогахъ именами и много та-

*) Объ Израилѣ я уже имѣлъ случай разсказать въ сочиненіи моемъ „Сибирь и каторга“.

кихъ, которые несли наказаніе, превышавшее весьма мѣру вины ихъ. Не говоря о тѣхъ раскольникахъ, у которыхъ смѣшивалась идея противленія господствующей церкви съ непризнаваніемъ свѣтской власти и государственныхъ и общественныхъ законовъ, въ прежнія времена до нынѣшняго столѣтія присылались въ Соловецкія тюрьмы и такія лица, которыя кричали страшное „слово и дѣло“, и тѣ, которыя приносили „важныя и непристойныя слова“. Этимъ безъ всякихъ словесныхъ внушеній и духовныхъ наставленій клали въ ротъ, поперекъ его, палочку съ завязками, какая употребляется для звѣрей, пойманныхъ живьемъ, и на морду лошадей, чтобы не кусались (ее вынимали, когда давали пищу колодникамъ, а произносимыя въ это время слова записывали и отсылали въ тайную канцелярію). Нѣкоторыхъ присылали безъ обозначенія вины, иные, какъ свящ. Лавровскій (въ 1831 г.) за подметныя письма, въ которыхъ порицалось крѣпостное право. Бывшаго казанскаго царя Симіона Бекбулатовича Лжедимитрій сослалъ сюда за то, что онъ обличилъ этого самозванца въ латинствѣ и увѣщалъ народъ стоять за православіе. Одинъ присланъ за то, что насильно постригъ жену; другой (монастырскій казначей) просто „за грубость“ и т. д. Тотъ самый воевода Мещериновъ, который взялъ приступомъ Соловецкій монастырь и усмирилъ тѣмъ монастырскій бунтъ, явился здѣсь узникомъ, какъ обвиненный въ разграбленіи монастырскаго имущества и въ жестокомъ обращеніи съ побѣжденными. Петръ I прислалъ самозванца Салтыкова и слѣдомъ за нимъ многихъ „говорившихъ великія непристойныя слова“, пойманныхъ на „воровскихъ подметныхъ письмахъ“, сообщниковъ Кочубея, свидѣтельствовавшихъ измѣну Мазепы, двое крещенца жидовскаго рода (дважды принявшихъ въ 1709 г. православіе), въ 1828 г. студенты Московскаго университета—декабристы, два графа Толстыхъ за неизвѣстную вину и другія лица, съ краткимъ обозначеніемъ „за нѣкоторую вину“. Присланъ былъ даже особенный колодникъ, который назывался „бывшій Пушкинъ“ и т. д. Ссылали епархіальные архіереи по своему усмотрѣнію и произволу, но въ 1835 г. состоялось распоряженіе, чтобы ссылатъ только по Высочайшему повелѣнію.

Изъ ссыльныхъ прошлаго вѣка и этого сорта людей съ исключительно преступностью выдаются двое: Максимъ Пархомовъ и Андрей Жуковъ—на столько, что на нихъ слѣдуетъ остановиться.

У перваго началомъ преступности и дальнѣйшимъ поводомъ къ ссылкѣ оказался романъ на обычной подкладкѣ. Разлюбилъ жену, отъ которой имѣлъ четверыхъ дѣтей и полюбилъ чужую жену. Когда умеръ мужъ послѣдней, любящій человѣкъ возымѣлъ намѣреніе съ нею повѣнчаться. Убивать законную супругу не поднималась рука, сама смерть къ ней не приходила, всѣ мѣры склонить ее принять иноческій чинъ не имѣли успѣха. Придумалъ онъ постричь жену на-

сильно, такъ какъ разводъ не дозволялся. Избивши до полусмерти, онъ свелъ ее въ монастырь и, какъ вліятельное въ губерніи лицо заставилъ постричь. Обиженная пожаловалась на своеволие мужа властямъ и ее освободили отъ монашества, но не съумѣли водворить къ мужу. Отъ второй жены у него родился сынъ и на радостяхъ отецъ задалъ пиръ. Одинъ изъ бывшихъ тамъ былъ оскорбленъ и, желая отомстить, подалъ доносъ въ синодъ на Пархомова. Бракъ расторгли; велѣли жить съ первой женой, но эта сама не захотѣла и вскорѣ умерла. Пархомовъ далъ въ синодѣ росписку въ томъ, что со второй женой жить не будетъ, а между тѣмъ, тайно продолжалъ жить съ нею по прежнему. Опять у нихъ родился ребенокъ,—и опять пиръ, который въ новомъ доносѣ выставленъ былъ, какъ явная и гласная насмѣшка надъ синодскимъ приговоромъ. Синодскимъ указомъ (5 мая 1729 г.) велѣно обоимъ супругамъ въ церкви не пущать, ни до какихъ таинствъ не допускать, и въ домъ ихъ съ духовными требами не входить. Пархомовы скрылись; имѣніе ихъ конфисковано. Въ 1741 году Пархомовъ вознамѣрился попытать счастья въ просьбѣ объ освобожденіи отъ наказанія, и отъ принцессы Анны Леопольдовны (во время ея правленія) получилъ разрѣшеніе, но, имѣя неосторожность лично явиться въ синодъ съ ходатайствомъ о причтеніи къ церкви, былъ арестованъ и скованнымъ отданъ подъ караулъ. Онъ подаетъ прошеніе, въ которомъ отказывается отъ сожителства и съ него снимаются оковы, но вскорѣ снова проситъ синодъ о соединеніи съ женой, и на него опять кладутъ оковы. Такъ повторялось нѣсколько разъ. Привезли и жену его, которая съ перепугу отказалась, ради свободы, отъ мужа, и оба окончательно объявили, что не будутъ жить вмѣстѣ. Синодъ не рѣшился имъ дать свободу, но отъ клятвъ и анафемы освободилъ, и приказалъ ввести ихъ въ церковь. Въ воскресный день, въ крѣпостномъ Петропавловскомъ соборѣ торжественно читался архіереемъ актъ присоединенія при многочисленномъ стеченіи народа. Описывались вины и въ концѣ было сказано: „во отвращеніе отъ ихъ душепагубнаго сквернодѣйства, а на наставленіе ихъ къ покаянію и на путь спасенія, разослать ихъ въ монастыри подъ карауломъ скованными“. Пархомовъ привезенъ въ Соловки, гдѣ его расковали, но жить ему стало столь тяжело, тамъ, гдѣ—по его словамъ—не только здоровье, но и желѣза ржавѣютъ и онъ, изъ прегорькой неволи и ссылки, изъ мѣста крайсвѣтнаго, заморскаго, темнаго и студенаго и прискорбнаго“, сталъ проситься „съ радостью души въ каторжную работу!“ *.

Не менѣе интересна судьба Жукова, каптенармуса лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, испытавшаго наказаніе, которое ни до того,

* Заимствовано изъ разсказа г. Колчина въ „Русской старинѣ“, декабрь 1887 г., стр. 591—599.

ни послѣ, ни надѣлѣмъ непримѣнялось. Въ 1754 году онъ, въ сообществѣ съ женой своей, убилъ мать и родную сестру. Заключенные въ тюрьму оба содержались тамъ до 1766 г., когда Екатерина II, не подвергая ихъ смертной казни, вознамѣрилась примирить ихъ съ Богомъ посредствомъ покаянія передъ народомъ. Для этого убійцы одѣты были въ посконныя свиты съ распущенными волосами, босые, въ оковахъ, имѣя въ рукахъ зажженные восковыя свѣчи, въ сопровожденіи священника каялись всенародно. Ихъ приводили къ церкви и, не вводя во внутрь, но, окруживъ стражей и поставивъ на колѣна, заставляли читать вслухъ нарочно изготовленную молитву, которою исповѣдовали свое преступленіе. Продолжая стоять на колѣнахъ, они обязаны были много разъ говорить входящимъ въ церковь: „Возлюбленные о Христвъ! чувствуя мы тяжесть нашего беззаконія и ужасаяся раздраженнаго нами Бога, недостойныхъ себе судимъ услышаніе его, васъ убо молимъ, споспешьте намъ и возшлите ко Господу молитву, да призритъ на покаяніе наше и милостивъ намъ будетъ“. На эктеніяхъ дьяконъ возглашалъ добавочное прошеніе. По окончаніи обѣдни, на особомъ амвонѣ внутри церкви, но у самыхъ дверей проповѣдникъ говорилъ народу поученіе. Затѣмъ убійцы снова просили выходившихъ о молитвѣ. Обрядъ этотъ совершенъ былъ въ Москвѣ четыре раза: въ Успенскомъ соборѣ, въ Петропавловской церкви на Басманной, въ церкви Параскевы Пятницы, на Пятницкой и у Николы на Арбатѣ. Затѣмъ Алексѣй Жуковъ сосланъ былъ въ Соловки, а жена его въ Далматовскій женскій (Пермской губ.). Настоятелямъ поручено было употреблять ихъ въ постоянныя работы; одному наблюдать за ними, и чаще напоминать о силѣ вѣры и закона, о страшномъ и неизбѣжномъ для нераскаявающихся грѣшниковъ судѣ Божиѣмъ; а по правиламъ св. отецъ объ убійцахъ, 20 лѣтъ, включая однако и время, проведенное ими въ тюрьмѣ, ходить на всякую церковную службу, но становиться не въ церковь, а въ трапезѣ; всякій постъ исповѣдываться, но не приобщаться, кромѣ смертнаго случая.

Г. Колчинъ помогаетъ намъ прослѣдить за послѣдующею судьбою Жукова. Изъ секретнаго монастырскаго дѣла видно, что, несмотря на запрещеніе входа въ церковь, этотъ Жуковъ ворвался въ нее, и при томъ во время торжественной службы по случаю дня коронованія императрицы, и на шумѣлъ сильно и злобно набранился. Безумца вывели и у всѣхъ служащихъ отобрали росписки, что они, подѣ страхомъ смертной казни, никому не расскажутъ о слышанномъ. Жукова заковали и свезли въ Архангельскъ. Дѣло дошло до Екатерины, которая повелѣла его прекратить, а преступника отправить обратно въ Соловки, но заключить его тамъ такъ, чтобы про него никто ничего не зналъ. Просидѣвъ въ такомъ заключеніи около двухъ лѣтъ, Жуковъ „своею волею удавился“, какъ показывалъ его караульный.

VI.

КОРЕЛЬСКОЙ БЕРЕГЪ.

Первыя впечатлѣнія прибрежнаго плаванья и первыя деревни этого берега. Село Кереть и воспоминація объ англичанахъ.—Мой хозяинъ.—Островъ великій и раскольники.—Село Ковда.—Богачи.—Деревня Княжая. Корелы: ихъ нравы, обычаи и характеръ.—Золото полярной страны.—Воинскій рудникъ и его приключенія.

— Прости, крещеная душа, гостенекъ дорогой! Пошли тебѣ Никола Угодникъ да Варлаамій Керетскій счастливое плаванье! Ъдешь ты въ сторону дальнюю—всякаго горя напримаешься. Въ живѣ бы тебѣ, заѣзжему человѣку, вернуться назадъ и насъ бы порадовать. Мы тебя въ своихъ грѣшныхъ молитвахъ не забудемъ. Смотри—неладное что выйдетъ тебѣ: повѣтерья что ли долго не будетъ, въ бурю ли страхъ обуяетъ тебя, въ великое ли сомнѣнiе впадешь и соскучишься крѣпко—молитву свою Варлаамію Керетскому посылай. Затѣмъ онъ Батюшко въ нашихъ странахъ и обитель себѣ земную воспріялъ. Молись ты ему—пособляетъ.

Такими совѣтами и напутствіемъ провожалъ меня кемскій хозяинъ, когда готовъ уже былъ карбасъ, чтобы вести меня въ глухую даль Архангельской губерніи, къ сѣверу отъ Кеми, вдоль Корельскаго берега Бѣлаго моря.

Чистыя, свѣтлыя комнаты отводной городской квартиры замѣнило на этотъ разъ уютное суденко—карбасъ—въ два аршина шириною, на восемь аршинъ въ длину, шитое деревянными гвоздями и вичью. Родъ кибитки—по здѣшнему болокъ (изъ гнутыхъ деревянныхъ ободьевъ, обтянутыхъ заплатанной парусиной и накрытыхъ поверхъ всего рогожкой, которою затягивалась также задняя часть этого навѣса)—долженъ былъ защищать меня и отъ дождя, и отъ крѣпкихъ, порывистыхъ *духовъ* вѣтра морского. Четыре плотныя, коренастыя дѣвки, сильныя на рукахъ и *крѣпкія сердцемъ*—какъ выразился мой кормщикъ—сѣли на весла напротивъ, ближе къ носовой части карбаса. Сзади на руль, помѣстился мужикъ кормщикъ—дорогое, самое главное и самое важное лицо, отъ умѣнья и смѣтливости котораго зави-

сѣло все мое настоящее. Четверо гребцовъ прекраснаго пола, какъ объясняли мнѣ, служили на этотъ разъ замѣною пары лошадей (кормщикъ, стало-быть, правилъ должность ямщика) на томъ основаніи, что *горю* по здѣшнему, или берегомъ по просту, лѣтомъ ѣздить нѣтъ никакой возможности. Огромныя гранитныя скалы, наваленныя грудами безъ всякаго порядка, глубокія щелья, выстланныя болотными, не поднимающими даже легкую ногу оленя, зыбунами, залегли на всемъ пространствѣ бѣломорскихъ побережій. Они обезпечиваютъ, такимъ образомъ, возможность ѣздить только моремъ, вблизи береговъ, на карбасахъ почтовыхъ или на *обязанныхъ*, такъ называемыхъ *обыкательскихъ*. Такимъ путемъ ѣздитъ почта отъ селенія Унежмы (на поморскомъ берегу) до Колы. Также точно ѣздить и чиновники земской полиціи по Терскому берегу.

Естественно, что особенныхъ удобствъ въ этомъ способѣ переѣздовъ не предвидится. Низенькая, наскоро гнутая и неладно прилаженная кибитка не даетъ возможности принимать иное положеніе, кромѣ сидячаго (и то въ рѣдкихъ, счастливыхъ случаяхъ), или полудежачаго на подстилкѣ, замѣняемой въ нѣкоторыхъ случаяхъ шкурою бѣлаго медвѣдя или оленьей постелью. Въ большей части другихъ случаевъ подстилкой служилъ просто ворохъ сѣна, накрытый рогожкой или старымъ, рванымъ и отслужившимъ свой вѣкъ парусомъ. Вылѣзти изъ этой берлоги на свѣжій воздухъ—помѣшать греблѣ: карбасъ коротокъ и узокъ; повѣтерье—не всегдашнее подспорье въ морскихъ плаваніяхъ. Лежать подъ навѣсомъ—истощить весь послѣдній запасъ терпѣнья и имѣть непріятность слышать тяжелый запахъ одуряющей трески, которою (на два дня) запасаются гребцы на случай того несчастія, когда крѣпкій вѣтеръ и сильное волненіе посадитъ на голую и бесплодную луду. Однимъ словомъ, скучнѣе, безпривѣтнѣе прибрежнаго плаванія въ карбасѣ трудно вообразить себѣ что либо другое. Однообразно покачиваются впередъ и назадъ, упираясь на весла, гребцы—дѣвки и бабы, когда спокойно море и не заводится ни одинъ изъ вѣтровъ, или ходитъ одинъ и вѣчный, но настолько слабый, что не способенъ даже слегка надуть парусъ. Завизжать гребцы отъ скуки пѣсню и разведутъ ее на многія версты, на долгое время, чтобы спорилась работа и уходило впередъ докучно-навязчивое время. Подпоетъ имъ козелкомъ—всегда сосредоточенный на своемъ рулѣ кормщикъ. Слушаешь эту пѣсню, привыкаешь къ едва выносимому визгу, но удовлетворяешься немногимъ, она почти все та же, что и въ дальнихъ мѣстахъ Великой Россіи. Не услышишь этой пѣсни подъ воскресенье, не допросишься и ничѣмъ не умиривишь гребцовъ на праздничную пѣсню на среду и пятницу по вечерамъ, а тѣмъ болѣе ночью, на этотъ разъ коротенькою, свѣтлою, полярною. Пѣсня въ такихъ случаяхъ, и то только на настойчивый спросъ и

просьбу, замѣняется плаксиво выпѣваемой стариной про Егорья—свѣта храбра, про Романа Митріевича млада, про царя Ивана Грознаго, про сонъ Богородицы и про другое прочее. Но за то уже такихъ былинъ нигдѣ, кромѣ сѣвера, не услышишь.

Начнется (*надетъ, завяжется*, по туземному говору) вѣтеръ—гребцы выберутъ весла на карбасъ, наладятъ два косыхъ паруса, недавно только въ народномъ употребленіи замѣнившихъ прямые, тяжелые, несподручные. Зарочатъ они (*закрѣпятъ*) шкотъ и дадутъ свободу по волѣ и прихоти вѣтра бѣжать утлому карбасу по широкому, неоглядному приволью моря. Весело сидится тогда въ суденкѣ, и ничто не увлечетъ подъ тотъ навѣсъ, который даже плохо защищаетъ отъ дождя. Весело смотрится тогда и на море, по которому гуляютъ свѣжія, бойкія волны: одна плеснется на бортъ и брызнетъ крупными каплями, обольетъ грудь и заслѣпитъ глаза; другая, какъ будто обезсиливъ, разпластается раньше, не достигши карбаса, и залется вся новой волной, болѣе сильной и болѣе бойкой. Со стономъ и визгомъ плещутся эти волны на каменныхъ переборахъ, какъ будто тяготея спопутьемъ ихъ, и какъ бы хотятъ и осилить эти груды камней, и стереть ихъ съ лица земли. Глухимъ гуломъ тѣхъ же плещущихся, неугомонныхъ волнъ отдаетъ и дальній берегъ, какъ черная стѣна, навѣсившійся надъ ворчливымъ моремъ. По всей взрытой волнами поверхности его, по временамъ, но часто, вскипаетъ пѣна, бѣляющая, какъ клочки пушистаго снѣга, «бѣльки»—по туземному, разгоняемые новыми волнами и вновь вскипающіе на гребняхъ волнъ, какъ будто опять-таки для того, чтобы сильнымъ прибоемъ послѣднихъ быть прибитыми къ отмелымъ мѣстамъ ближайшей луды. Вѣтряной теменью съ разорванными облаками—черными *свинками-вѣтрянами*, по туземному—глядитъ черная даль небосклона, откуда тянетъ *попутникъ*. Все небо, по большей части, въ этихъ случаяхъ, хмурое и непривѣтливое, какъ будто опустилось внизъ и хочетъ надавить и тѣмъ усилить и волненіе, и порывы вѣтра (*духи зѣри*—по морскому говору). Вѣтеръ то *подпадетъ*—прибудетъ, усилится, то *охлябнетъ*, *спристанетъ*—уменьшится, но въ тѣхъ и другихъ случаяхъ иногда и *подвываетъ*—держится въ парусахъ, крѣпко надутыхъ и значительно вытянутыхъ. Накренивъ на правый бокъ карбасъ, мимо мчитъ онъ все спопутное: гранитную луду—голый камень, гранитный островъ, нерѣдко съ утлой промысловой избенкой, съ медвѣдемъ, сидящимъ на корточкахъ и сосущимъ лакомую ягоду, и всегда съ цѣлыми гнѣздами крикливыхъ, докучливыхъ чаекъ, робкихъ утокъ, ныряющихъ въ воду и долго невыстающихъ при людскомъ приближеніи. Нагнувшійся на бокъ карбасъ смѣло рѣжетъ набѣгающія волны своею грудью—носовой частью—всегда острою и значительно приподнявшеюся надо всѣми остальными частями суденка. Хлопотливый кормщикъ сгонитъ гребцовъ на

дно карбаса дальше отъ носа, и еще внимательнѣе слѣдитъ за рулемъ, и еще крѣпче налегаетъ мускулистыми руками своими на руль и его ручку. Бѣжить-себѣ карбасъ бойко впередъ, все дальше, и не на шутку сердиться, не на шутку негодуешь, когда вѣтеръ, мало-помалу *спадая* (стихая, подпадая) начнетъ болтать парусами, кидаясь въ нихъ съ разныхъ сторонъ. Волей неволей гребцы роняютъ паруса, свертывая ихъ на мачту, вынимаютъ эту мачту и кладутъ къ боку на судно. Опять они садятся въ весла, и визжатъ отъ скуки пѣсню или начнутъ обмѣниваться остротами или замѣчаніями, въ родѣ такихъ, что водъ-де:

— Дуриль, дуриль вѣтеръ, да и слябалъ.

— Не грозно-же стало вѣтра-то!

— Ну, да гдѣ взять грозно-то?

— Не греби съ подергой (неровно, урывочно) — весло ломаешь; а греби въ рѣстягу — не часто, а покрѣпче, и не по мурмански — не далеко пускай весло въ воду, а греби имъ по верху: легче груди бываетъ, суденко шибче бѣжить и круче беретъ.

— Спасибо стужа — подживила ноги! — приговариваетъ отъ себя молчаливый кормщикъ, когда гребцы, снявши съ рукъ ситцевые нарукавники и, обронивъ паруса, охотно берутся за весла. Скоро подается карбасъ на сильныхъ и привычныхъ рукахъ поморокъ, хотя успѣваютъ надобъсть до крайности сторонніе, скудные однообразіемъ виды: черные тундристые берега, всѣ лѣсистые, всѣ словно вымерзшіе, и безжизненные каменные луды, по другой сторонѣ. Съ терпѣніемъ и кротостью примиряются гребцы съ своей скучной, утомительной обязанностью и не шутя негодуютъ на то горе, когда вѣтеръ вдругъ перебѣжить на противоположную сторону неба и подуесть съ носа *повытеремъ коршику въ зубы*, говоря словами шутливаго присловья. Обзываютъ дѣвки, смѣясь искренно тѣмъ встрѣчнымъ счастливымъ, которымъ пало повѣтерье:

— Оброни парусъ-отъ: опружить.

— Опружить — никто и потужить, — отвѣчаютъ тѣ также хладнокровно, какъ хладнокровно успокоиваютъ себя и несчастные труженники, у которыхъ теперь вся надежда на свои силы и руки. Они умѣютъ утѣшать себя простымъ приговоромъ, „въ морѣ по тиши вѣтеръ и по вѣтрѣ тишь“, т. е., что въ лѣтнее *мѣсячное* время непостоянство вѣтровъ изумительно, что часто въ одинъ день вѣтеръ успѣваетъ обойти кругомъ всѣ румбы компаса и не остановиться ни на одномъ изъ нихъ надолго. Также скромно радуются они всякому горному (дующему съ берега) вѣтру, будь хоть это — *шальной* шалоникъ (SW), который, по ихъ присловью, безъ дождя мочить, т. е. не пуская волненія (взводня) пылить, бросаетъ на карбасъ брызги, особенно если придется ѣхать къ нему на встрѣчу. Также добродушно

смѣются, въ свою очередь, ошастливленные повѣтерьемъ надъ тѣми, которымъ вѣтеръ не благопріятствуетъ:

— Эхъ бы тебѣ съ носу поносу—далеко бы ушелъ!

Также весело выбираютъ гребцы въ карбасъ свой весла, когда падетъ опять повѣтерье, способное наполнить паруса, и также простодушно острять между собою, принявшись за ѣду отъ скуки и ради препровожденія докучнаго времени.

— Коршикъ! Какое у тебя молоко-то?

— А бѣлое.

— Есть ли пареное-то (топленое)?

— Затѣмъ, вишь, нѣтъ, что солнце-то закатилось.

— Мы рыбу-то, товарищъ, съѣли: тарелочку въ воду бросимъ.

— Брось, отвѣчаетъ кормщикъ:—да и руки-то брось.

— Да не выкинешь, не угорадишься...

— Приложу стараніе, любезна, для тебя: возьму черезъ лѣтико замужъ за себя!—отвѣчаетъ и на это замѣчаніе тотъ же кормщикъ словами пѣсни и, передавши руль которой-нибудь изъ гребцовъ, самъ также принимается за ѣду, состоящую обыкновенно изъ пироговъ—згибней, вареной трески, а иногда и сырой (последняя считается у нихъ не менѣе лакомой и вкусной пищей), изъ молока, лепешекъ извѣстныхъ болѣе подъ именемъ шанежекъ и проч. Потрапезовавши и укутавшись въ полушубки, гребцы вслѣдъ затѣмъ лягутъ спать и съ болѣею притомъ охотою, если день пойдетъ на вечеръ или ночь застигнетъ карбасъ на пути. Кормщикъ отвѣчаетъ тогда за всѣхъ и за все, и не нарадуется за себя, когда опять стихнетъ вѣтеръ и придется ему будить своихъ товарокъ. Общая и безграничная радость для всѣхъ наступаетъ въ то время, когда, наконецъ, зачернѣетъ въ береговой темени устье рѣки и расширится оно съ своими недалними берегами, обѣщая за слѣдующими наволоками, за дальними колѣнами рѣки, верстахъ въ 5, 6, 10 отъ моря, вождѣленное селеніе, взятое рѣшительно съ бою, и долгимъ, утомительнымъ трудомъ сколько для гребцовъ, столько, кажется, и для сѣдока, извѣстнаго обыкновенно подъ общимъ именемъ „начальника“.

Весело на тотъ разъ смотритъ деревушка, раскинувшаяся по обоимъ берегамъ всегда порожистой, всегда, слѣдовательно, шумливой рѣки, съ опрокинутыми карбасами, съ доживающими послѣдніе дни негодными лодьями, шняками, рѣшанами и проч. Привѣтливо машутъ флюгарки, во множествѣ укрѣпленныя на высокихъ, длинныхъ шестахъ, прислоненныхъ къ амбарушкамъ, построеннымъ у самой воды. Гостепріимно глядятъ и двухъ-этажныя, всегда внутри чистыя избы и старинная, всегда деревянная церковь. Лають собаки, кричатъ и плещутся въ рѣкѣ маленькіе ребяташки.

Тоже точно испытываешь и въ первой деревнѣ отъ Кеми—Лѣтней. Тоже и во всѣхъ остальныхъ Корельскаго берега.

Лѣтняя деревня (на мой проѣздъ) значительно обезлюдѣла: всѣ обитатели ея ушли на Мурманъ за треской, по найму отъ богатыхъ поморовъ Кемскаго берега: кемлянъ и шуерѣчанъ. Въ сентябрѣ вернувшись домой, они до 1 марта живутъ въ деревнѣ. Нѣкоторые, уходя въпрочемъ, на Терскій берегъ, на подрядъ за семгой, недѣль на 5, на 3—4. Тогда же оставшіеся дома бьютъ на льдахъ нерпы: по промыселъ этотъ не составляетъ для нихъ особенной важности и производится почти исключительно отъ нечего дѣлать, ради страсти попытать счастья и извѣдать приключеній. Семгу ловятъ по взморью (въ рѣку она не заходитъ), а въ рѣкѣ добываютъ сельдей и сиговъ, но исключительно для домашняго потребленія. Рѣдкій сѣтъ жито (ячмень), и то понемногу. Дальше, сѣвернѣе Лѣтней, хлѣбъ уже не родится, и не дѣлается даже никакихъ попытокъ къ тому. Лѣтняя, какъ и всѣ остальные деревни и села бѣломорскаго поморья, выстроилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ моря, по той причинѣ, чтобы и во время прилива морской воды имѣть подъ руками годную въ питье прѣсную воду, и для того же, чтобы укрыться за прибрежными скалами отъ сильныхъ непогодъ, всегда гибельныхъ по зимамъ и осенямъ.

Также точно, версты за двѣ отъ моря, расположилось и слѣдующее за Лѣтнею селеніе *Поньгама*, раскинутое на трехъ рѣчонкахъ: Поньгѣ, Куземѣ и Воньгѣ, богатой хорошей семгой, для которой всегда строится заборъ. Отсюда на Мурманъ ходятъ рѣже; за звѣрями почти совсѣмъ не выходятъ. Деревня эта наполовину заселена корелами. Въ ней между прочимъ указываютъ на два деревянныхъ креста, которые будто бы поставлены еще св. митрополитомъ Филиппомъ, когда онъ былъ соловецкимъ игуменомъ.

Отъ Поньгамы до слѣдующаго селенія на Корельскомъ берегу моря—Калгалакши, считают моремъ 50 верстъ, но такихъ, впрочемъ, про которыя сами же поморы говорятъ, что „мѣряла ихъ баба клюкой, да и махнула рукой: быть-де такъ“. Намъ на зло, всю дорогу въ воздухѣ стояло такое затишье, которое лишало всякой возможности наладить паруса. Привелось идти греблей, привелось до утомительнаго притупленія зрѣнія созерцать дальній лѣсистый берегъ, который то поднимается горой и какъ будто срастается съ дальнимъ небосклономъ, то полого опустится внизъ, выясняя чернѣющуюся ложбину: можетъ быть, устье рѣченки, можетъ быть, горло губы съ соленой водой, съ морской рыбой. Дальше, за лѣсомъ этимъ, навѣрно, тянется болото, корельское болото, которое захватило три—четыре дальнихъ губерній, которое безпривѣтно подошло къ самой Невѣ, усыпанное зыбунами, огромными и маленькими озерами, большими рѣками, рѣчками и ручейками, то болото, на которомъ вся растительность—мохъ да во-

доросли, на которомъ всѣ проявленія жизни—крикъ перелетной болотной птицы, кваканье лягушекъ, шатанье безпріютнаго космополита—медвѣдя, рысканье голодныхъ волковъ и мелкаго звѣря, тѣхъ же лисицъ, горностаевъ. Рыщетъ по мертвеннымъ и все мертвящимъ мѣстамъ этимъ заблудившійся, не попавшій еще подъ пулю охотника дикій олень, живетъ кое-какъ пріютившійся на сухихъ мѣстахъ этого же болота, подлѣ рыбныхъ озеръ и рѣкъ, корель, привлеченный сюда богатствомъ рыбы и звѣря и обязанный къ тому неимѣньемъ лучшаго мѣста и неумѣньемъ понимать лучшую жизнь, чѣмъ эта, на которую осудили его историческія судьбы.

Ровно четырнадцать часовъ нужно было намъ для того, чтобы осилить греблей это пятидесяти-верстное пространство между Пѣньгамой и Калгалакшой. Привелось испытать въ это время, Богъ вѣсть, какую тоску и какія страданія; привелось выходить на ближнія луды, чтобы дать возможность уставшимъ гребцамъ расправить руки и наболѣвшую спину; привелось наглазно видѣть всю справедливость поморской пословики: „тихо—не лихо, да гребля лихѣ“. Вдоволь навизжались пѣсенъ дѣвки-гребцы; вдоволь успѣло наскучить и напротивѣть все непривѣтное, какое-то мрачное, тоскливое однообразіе прибрежныхъ видовъ: спугнули мы и орла съ одной луды, видѣли и опять медвѣдя, сосущаго ягоды на другомъ островѣ, слышали и усиленные крики утки, на которые поспѣшили всѣ ея робкіе выводки, при приближеніи нашего карбаса, спрятаться въ воду и не показывались во все время, когда мы ѣхали подлѣ. Привелось прислушаться ко всѣмъ переливамъ и тонамъ голоса кормщика, которымъ онъ ободрялъ гребцовъ. Чѣмъ-то безконечно-ласковымъ звучалъ этотъ голосъ въ крайнихъ случаяхъ, когда сильно *мырла* вода на встрѣчномъ сувоѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ встрѣчалась убылая вода съ прибылой, или когда сильно *садила* она и, словно камнями, звучно и сильно бросалась всплесками въ борта карбаса.

— Приналягъ, други! ошастливъ, товарищи! Бери, мои богоданные, посильнѣе да покруче. Золотомъ озолочу васъ и по всему свѣту славу пушу, что съ такими товарищами и умирать не надо!—кричалъ кормщикъ.

Гребцы, даже привскакивая на скамейкахъ, дружно и сильно, хотя и медленно, выгребали карбасъ въ то мгновеніе, когда онъ почти готовъ былъ повернуться носомъ назадъ, а можетъ быть, и опрокинуться днищемъ кверху. Также сосредоточенно-молчаливо гребли они дальше на всемъ пути, также визгливо пѣли свои небогатые складомъ пѣсни; также принимались они за ѣду сырой трески и кислаго молюска, пока, наконецъ, всѣмъ намъ не привелось увидѣть Калгалакшу, удаленную уже на значительное разстояніе отъ моря, разсыпанную кучками на какой-то морской, болотистой трясинѣ, по берегу мелкой,

порожистой рѣчки того же имени. Калгане, толпой наполнившіе всю избу, въ которой мнѣ привелось остановиться, поразили меня своимъ многочисломъ, тѣмъ болѣе въ такое время, когда по всѣмъ деревнямъ Поморья остается почти исключительно одинъ только женскій полъ. Посѣщеніе ихъ казалось мнѣ празднымъ и праздничнымъ. Словоохотливые посѣтителі объясняли все это тѣмъ, что на Мурманѣ, послѣ недавней войны, они не успѣли обрядиться, но что вотъ подождутъ осени—станутъ тюленей стрѣлять на льдинахъ или ловить ихъ сѣтями; что лѣтомъ въ озерахъ по близости попадаютъ сѣи, по губамъ морскимъ—сельди, но что они въ продажу ихъ не пускаютъ; что семга въ мелкую рѣчку ихъ не заходитъ; что держать они и скотъ, для котораго по морскимъ лудамъ и побережьямъ растетъ много и довольно сносной травы, лучшей, впрочемъ, только на одномъ Кочкѣмъ-Наволѣкѣ, при которомъ хорошее, безопасное становище, и проч.

Предполагая еще разъ встрѣтиться съ калганами на обратномъ пути, я спѣшилъ забраться въ дальнія мѣста интересныхъ кольскихъ и мурманскихъ предѣловъ. Пѣшкомъ, по болотнымъ кочкамъ и грязнымъ рытвинамъ, не просыхающимъ во все лѣто, провели меня версты двѣ до того мѣста, куда отведенъ былъ изъ рѣчки карбасъ. Путь на двѣнадцать верстъ шелъ по озерамъ. Перешейки—переволоки—между ними были прорыты канавами (версты на 3) для того, чтобы сократить дальній, почти сорокаверстный объѣздъ моремъ. Гигантскихъ трудовъ, терпѣнія многихъ лѣтъ и силы многихъ сильныхъ рукъ стоило выворотить огромные камни, чтобы сдѣлать между ними проѣздъ, глубокій, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы можно было подняться *пздовому* карбасу, и узкій до того, что гребцы вытѣзли на берегъ и вели судно руками, ежеминутно спотыкаясь, ежеминутно торкая о каменья карбасъ, который, по словамъ ихъ, и году не живетъ на этихъ поѣздкахъ. Радостно, охотно хватались гребцы за весла, когда, наконецъ, кончались эти каналы и выплывало навстрѣчу намъ широкое озеро, обставленное гранитными скалами, съ которыхъ подчасъ опускалось картинно, надъ самою водою, вѣтвистое, густое дерево. Озеро это, своей невозмутимой гладью и зеркальной поверхностью, чѣмъ то давно знакомымъ, хотя въ тоже время и нѣсколько своеобразнымъ, успокоивало на время, какъ будто вознаграждало за понесенные труды и терзанія всѣхъ насъ. Привѣтливо, наконецъ, глянуло и море, даль котораго на всѣ 12 верстъ закрыта была отъ насъ цѣлымъ архипелагомъ каменистыхъ лудъ, о которыя съ громомъ разбивались волны, пуская дальше густую бѣлую пѣну. Спутный вѣтеръ довершилъ общее довольство и не больше, какъ на 8 часовъ, сократилъ намъ весь путь отъ Калгалакши до Гридины, весь этотъ 25-ти верстный переволокъ.

Также бѣдно глядитъ и эта деревушка, также полна изба набралась народу, жаловавшагося на свое бездолье, какъ и во всѣхъ прежнихъ селеніяхъ Поморья. Также всѣ единогласно причину своего бездолья выставляли недавнее посѣщеніе непріятелей, не пускавшихъ ихъ въ море, воровавшихъ ихъ скоть, и проч. Жаловались также на медвѣдя, который давить скоть, который здѣсь также вѣренъ своей привычкѣ—зарывать остатки глубоко въ землю, про запасъ, до другого раза. Разсказывали также, что ловятъ они и лѣснаго звѣря, преимущественно лисицъ, продавая по три рубля шкуру. Сельдей (извѣстныхъ величиною своею) ловятъ неводами съ Успеньева дня до льду, „а живетъ море—такъ и до Рождества тянутъ“. Весной выходятъ на морского звѣря, съ тѣми же снарядами, съ тѣмъ же рискомъ, почти на вѣрную смерть какъ и на Зимнемъ, Мезенскомъ, Канинскомъ и другихъ берегахъ Бѣлаго моря. Также точно и гридяне, какъ и мезенцы плаваютъ за звѣремъ туда, куда вѣтеръ потянетъ, и для этого запасаются печенымъ хлѣбомъ, калачами, крупой и рыбою на два и на три мѣсяца.

Появленіе звѣря въ Кандаджской губѣ обусловливается выволочными вѣтрами: не будетъ ихъ—юрова почти всѣ останутся въ рукахъ мезенскихъ поморовъ. Падутъ эти вѣтры—поживятся и корельскіе, а съ ними, конечно, и терскіе поморы. Точно также отъ случайности зависитъ и добыча бѣлухъ, которыхъ иногда рано закрутившіе холода *опеленужтъ* льдами на всю зиму и такимъ образомъ не дадутъ имъ выхода до поздней весны. Хаживали отсюда прежде и на Новую Землю. Чаше, чѣмъ теперь, обряжали покруты и на Мурманъ. Теперь подошли тугія времена и тяжелыя невзгоды, и обѣднѣло Гридино, какъ бы въ подтвержденіе другой поморской пословицы, что „противъ руля вода не течетъ“.

Семьдесятъ верстъ привелось мнѣ ѣхать за тѣмъ до слѣдующаго селенія Корельскаго берега Кѣрети. Рѣже попадались на всемъ пути этомъ острова, которыхъ такъ много на пути, ближнемъ къ Кемі. Эти острова, какъ и всѣ острова Кандаджской губы, *глубокіе*, т. е. такіе, около которыхъ, по общему сознанію, можно становиться о-берегъ на самыхъ большихъ судахъ.

Село Кѣреть едва ли не самое лучшее изъ всѣхъ селеній Корельскаго берега. Сбитое въ кучу и раскиданное на значительномъ пространствѣ по горѣ и подъ горою, оно пестро глядитъ обшитыми тесомъ и выкрашенными двухъ-этажными избами. Множество амбаровъ, не развалившихся, запертыя неломанными замками, пріютились къ рѣкѣ и пристани. Самая рѣка Кереть, по обыкновенію, также порожистая, и стало-быть, шумливая и богатая семгой, какъ и другія бѣломорскія рѣки, глядитъ какъ-то празднично: у побережьей ея, ближе къ устью, качается не одна, но пять лодей, и не гниющихъ

за давностью лѣтъ и невозможностью быть употребленными въ дѣло, но съ наложенными снастями, съ живыми людьми на палубѣ. Между этими крупными и безобразными судами видятся двѣ шкуны, красиво срубленные по вѣрному, толковому чертежу, а не доморощеннымъ путемъ, и видимо—умнымъ хозяиномъ, который измѣнилъ (на общій примѣръ и благое поученіе) закоренѣлый обычай прадедовъ держаться людей и шнякъ допотопной конструкціи и вида. Если прибавить ко всему этому казенные винные подвалы, соляной и хлѣбный амбары, то село Кереть можно рѣшительно назвать посадомъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, какъ понимается посадъ или безъуѣздный городъ дальней Россіи.

Случай привелъ меня въ двухъэтажный, зеленый съ мезониномъ, домъ туземнаго богача и далъ мнѣ возможность видѣть, какою роскошью (относительно) обставляютъ себя эти богачи монополисты. Нѣсколько чистыхъ, свѣтлыхъ комнатъ съ крашенными полами глядятъ празднично; шпалеры, оклеивающія стѣны, не дурного рисунка, хотя и поразительной пестроты и яркости. По внѣшнему виду комнатъ можно заключить, что хозяинъ—купецъ и придерживается старины, если принять во вниманіе, что всѣ иконы съ позолоченными ризами стариннаго письма, что подъ кіотою на тѣлѣ стоитъ ручная курильница, святая вода въ бутылкѣ, псалтырь стариннаго изданія (во Львовѣ) и ни одной просфоры ни тутъ, ни въ кіотѣ. Не видать и прошлогодней вербы, не видать и первокрестнаго пасхальнаго яйца. Комнатныя двери—росписныя; на столахъ клеенки; по стѣнамъ лучшаго изданія портреты царской фамиліи; четверо часовъ, изъ которыхъ одни, съ кукушкой, старинные, и другіе густого звона и послѣдняго рисунка, выписанные изъ Петербурга; много шкафовъ со стеклами, завѣшанными ситцевыми занавѣсками, набитыхъ до верху фаянсовой и фарфоровой нервежской посудой; много зеркалъ, также вѣроятно, вывезенныхъ изъ Норвегіи; старинные диваны и стулья—жесткіе, съ высокими спинками. Между печью и ближней стѣной, за ситцевой занавѣской, чистый, свѣтлый, мѣдный рукомойникъ надъ тазомъ и бѣлое, какъ снѣгъ, полотенце. Все это бросилось мнѣ въ глаза и пріятно радовало подробностями, чистотою и своеобразиемъ. Видно было, что живетъ здѣсь купецъ, и купецъ богатый. Наконецъ, явился ко мнѣ и самъ онъ, съ лукавой, умной усмѣшкой, съ ласковымъ словомъ и привѣтомъ, въ синей сибиркѣ и смазныхъ, ужасно скрипучихъ сапогахъ. На огромномъ, полновѣсномъ серебряномъ подносѣ принесла изъ-за притворенной хозяйской комнаты чай съ лимонами, сливками, архангельскими баранками, при поясныхъ, низкихъ поклонахъ, сама хозяйка въ бѣломъ ситцевомъ съ цвѣточками платьѣ—безобразно-толстая баба, расплывшаяся какъ опара или грибокъ-дождевикъ. Началось питье чая до седьмого пота. Тотчасъ же за чаемъ

явилось угощеніе пирогами, всѣми сортами соленой бѣломорской рыбы. Тутъ же—откуда ни взялись—явились и кедровые орѣшки, и вяземскіе пряники, и изюмъ, и еще что-то. Все это надо было ѣсть, чтобы не обидѣть отказами хозяевъ и чтобы, наконецъ, себя самого избавить отъ поясныхъ поклоновъ и докучныхъ просьбъ: того отвѣдать, этого хоть пригубить, къ этому *призорецъ* оказать; все это—говоря короче—напоминало мнѣ здѣсь Волгу и ея хлѣбосольныхъ жителей. Наконецъ, также по обыкновенію, послѣ обѣда, хозяинъ утопилъ меня въ высокихъ, мягкихъ пуховикахъ и вышелъ на цыпочкахъ внизъ, гдѣ на то время, какъ помнится, замолчалъ, вѣроятно, по его же приказу, и ткацкій станокъ, и какое-то строганье и пиленье. Утомленному долгимъ путемъ и мученіями морскихъ переѣздовъ, отдохъ, естественно, кажется раемъ больше, чѣмъ когда-либо въ другихъ случаяхъ жизни. Тутъ едва-ли какой, даже самый громкій стукъ и крикъ способенъ нарушить сонъ, всегда крѣпкій и пріятный. На карбасѣ успѣешь подремать часъ или два, много три, но либо плескъ волны, либо настойчивая тяга свѣжаго надводнаго воздуха, либо порывистый духъ вѣтра обольютъ мурашками все тѣло и, разбудивши, приведутъ тотчасъ въ то же состояніе, въ какомъ находится крайне-бодрствующій человѣкъ.

По пробужденіи моемъ, явились кофе и чай, и опять хозяинъ съ словоохотливыми, подробными разсказами о посѣщеніи недавняго не-пріятеля.

— Приходили, приходили и къ намъ! говорилъ онъ. Высадились на берегъ: мужичковъ встрѣтили—ничего не сдѣлали имъ: мы, говорятъ, пришли не по васъ и вашего-де намъ ничего не надо, бить-де и стрѣлять васъ не станемъ. Заходили въ церковь—ничего тамъ не взяли. Гуляли по горамъ—ромъ свой пили: другихъ совсѣмъ пьяныхъ такъ и тащили на баркасъ. Спрашивали затѣмъ, что-де у васъ казеннаго? А вотъ—говорятъ—соленой, винной да хлѣбной амбары. „Нѣтъ, говорятъ, винной!“—и огня подложили. Мужички наши въ слезы: пощади-де! „Нѣтъ, говорятъ, поздно: горить ужъ!“ Хотѣли жечь и другіе амбары. Наши просили соли: вотъ-де рыбупка къ осени пойдетъ—солить будетъ нечѣмъ, съ голоду помремъ. Дали четверть часа сроку—носи-де, что успѣешь. Просили хлѣба: хватай-де и его сколько можешь, а мы-дескать остальное сожжемъ. Да упросилъ переводчикъ толковый человѣкъ, на нашу рѣчь такой бойкій, понятливый и словно бы знакомый, архангельскій. Разспрашивали про шкуну мою, да спрятана была верстахъ въ 20 ти, въ губѣ, и мужички—спасибо имъ!—не сказали гдѣ.—Ну ладно! говорятъ, теперь мы искать твою хорошую шкуну не станемъ: нужно-де поспѣшить получить на Сосновкѣ (островѣ) почту, а получимъ ее, да назадъ придемъ—смотрите!—худо будетъ“. Съ тѣмъ и ушли, и опять-таки слово свое сдержали—вернулись; спустили баркасъ на наше селенье, да увидѣли, что наши керечане по горѣ съ

ружьями побѣжали къ нимъ на устрѣту—драла дали и—не ворочались ужь, а пошли на Ковду. Тамъ тоже высадили другого переводчика съ матросами; бродили по деревнѣ много, подчивали кѣйлянъ ромомъ, возили на пароходъ—показывали. Наши-то распоясались—попросили пропустить ихъ на Мурманъ за треской, мимо Сосновца. „Пожалуй, говорятъ, мы и дадимъ знать своимъ-то аглечкимъ, такъ видишь-де тамъ французъ еще есть, а этотъ негодий, того и гляди, всѣхъ васъ перерѣжетъ, не токма-что все поотнимаетъ“. Тѣмъ и рѣшили. Спрашивали опять казеннаго строенья—не сказали затѣмъ, что другой переводчикъ раньше надоумилъ, и добрый такой человекъ и на русскую рѣчь такой тоже легкій. Когда на берегъ вышелъ, сказывали, и шапку снялъ, и кланялся, и дружкой-пріятелемъ назывался. Наши православные хотѣли было и переловить ихъ и перестрѣлять, коли Господь поможетъ, да надумались такимъ дѣломъ, что бѣлый-де царь никогда самъ не начинается, а и они не напали, и ничего не сожгли. Взяли только колоколъ и тамъ, что и у насъ же. Промѣръ въ рѣкѣ сдѣлали—съ тѣмъ и уѣхали. Послѣ приходили на трехъ баркасахъ, да увидѣли, что и тамъ мужики съ пищальми побѣжали, перетрусилась и поплыли назадъ. Одно суденко у нихъ сѣло въ суматохѣ-то этой на мель, такъ, сказывали, всѣ они такъ и присѣли на днище, словно передъ страшнымъ судомъ грѣшники. Говорятъ, все были старый да малый, кто кривой, кто хромой—всякой сбродъ.. У убогаго человека какая же храбрость? Приходили они, сказывали, затѣмъ—къ Кандалакшѣ, да не успѣли слышь, и на берегъ выйти. Калгане приняли ихъ съ перваго слова на пищаль: переводчика того, что въ Ковдѣ выходилъ, убили. Разсердился аглечкой: сталъ изъ пушекъ палить и выжегъ всю деревню, что и Пушлахту же на Онежскомъ берегу, али бо и городъ Колу. Стало, съ ними не заводи ссоры: они не обидчики и съ тобой они, что съ другомъ своимъ. Вотъ хоть бы взять кемскихъ молодцовъ. Тѣхъ взяли въ плѣнъ да выпустить захотѣли—такъ „нѣтъ вишь! (наши-то) такъ не сойдемъ, а дайте намъ на дорогу хлѣба, ружей, карбасъ: намъ-де далеко, съ голоду помереть можемъ, да пушай-де насъ на жилой берегъ, а не на луду, а то де мы и съ судна вашего не сойдемъ“. Такъ и рѣшилъ аглечкой дать имъ хлѣба (ружей не дали, однако). Нашли гдѣ-то карбасъ—посадили (шибко же, знать, надоѣли ребята). „Ступайте, говорятъ, дружки, ступайте ради Христа и Господа, вы-де у насъ только харчей много тратили, а пользы отъ васъ большой не видали; въ нашу-де землю мы другихъ вашихъ отправили, а васъ-де не надо намъ!“ Трусливъ же супостатъ-отъ нашъ былъ, трусливъ шибко: спроси не меня, спроси ты объ этомъ у всѣхъ поморовъ, у котораго хочешь, всѣ тебѣ одно скажутъ. Народъ на вражьихъ корабляхъ—самый негодящій былъ, самый такой убогій, что и выгладаннаго яйца не стоитъ—вотъ тебѣ Господь Богъ въ томъ порука! Мнѣ

на старости лѣтъ о спасеніи души, а не о жи какой грѣховной думать. Слышь: кабы смѣтки у нашихъ мужиковъ больше было—всего бы не-пріятеля живьемъ подовили—ей Богъ!...

Обращаюсь опять къ селенію. Пустынное лѣтомъ, оно значительнѣе посѣщается зимой, когда изъ дальнихъ погостовъ лопари и корелы являются сюда во множествѣ, чтобы почтить память св. Варлаамія, мощи котораго почиваютъ подъ спудомъ въ керетской церкви. Онъ былъ, какъ извѣстно, кольскій священникъ; убилъ свою жену и съ трупомъ ея поплылъ изъ родины океаномъ. У Св. Носа заклалъ онъ какихъ-то вредныхъ морскихъ червей, которые протачивали суда, ходившія мимо, и остановился выше Керети, въ лѣсу на озерѣ. Часто приходившія сюда ягодницы, съ мірскими пѣснями, заставили его уйти дальше въ глубь корельскихъ болотъ, верстъ за 20: тамъ онъ и умеръ. Тѣло его принесено въ Кереть неизвѣстнымъ человѣкомъ и то мѣсто, гдѣ оно было погребено, означено (и донинѣ сохранившимся) деревяннымъ крестомъ, близъ алтаря. Св. Варлаамію молится здѣшній и дальній поморскій народъ о попутной погодѣ и объ удаленіи всѣхъ опасностей морского пути.

Новыхъ и столько же мучительныхъ семьдесятъ верстъ легло между Керетью и Ковдою. Первые версты какъ будто и порадовали: мѣста начались довольно красивыя. Ъдешь словно озеромъ, тихимъ и чистымъ. Кругомъ всю губу обступили высокія горы, съ густымъ хвойнымъ лѣсомъ, съ зеленой травой. Все это картинно опрокинулось въ водѣ и все это представляло тотъ превосходный видъ, когорый такъ любятъ всѣ богачи цѣлаго свѣта, имѣющіе загородные сады и замки. Одна скала, изъ цѣлаго десятка другихъ сосѣднихъ, отвѣсно, словно стѣна, смотритъ въ море—рѣденькимъ, какъ бы нарочно вырубленнымъ лѣсомъ, осѣняющимъ ее макушку. Невозмутимая тишина дополняла обаяніе и уносила куда-то далеко, заставляя забыть всю скудость видѣнныхъ уже побережьевъ. Забылись бы и они, можетъ-быть, также легко, какъ легко натомили душу при постоянномъ, продолжительномъ преслѣдованіи на всемъ пути, еслибы въ тоже время карбасъ нашъ опять не выплылъ въ открытое море. А здѣсь—тѣ же отчаянные виды, которые, на этотъ разъ показались еще бѣднѣе и однообразнѣе: море по прежнему ширилось, по прежнему выглядывалъ, далеко вдавшійся въ него, дальній наволокъ, можетъ-быть, съ промысловой избушкой на краю, можетъ-быть, безъ нея. Попрежнему выплывали и уходили назадъ луды. На одной, можетъ быть, также поселился, ради морошки и вороницы, медвѣдь, который изъ лѣсной гущи также, вѣроятно, подчасъ выходитъ поглазѣть на воду и, при видѣ карбаса и людей, также лѣзетъ въ гору, въ лѣсины. Услышавши крикъ, поползетъ онъ въ гору шибче и, обшибая лапами спопутные, мѣшающіе бѣгству его сучья, пуститъ стонъ и трескъ, которые звонко

отдадутся эхомъ по гладкой поверхности моря. Также, можетъ быть, и этотъ медвѣдь переплываетъ черезъ салму на берегъ, гдѣ давить коровъ и оленей, какъ заклтый, исконный ихъ врагъ, какъ ненасытная отъ вѣка лакомка. На половинѣ пути попалась на одной изъ лудъ, на южной сторонѣ, почтовая избенка — станціонный домъ, или, лучше, баня, гдѣ кое-какъ, словно летучія мыши, гнѣзятся бабы-ямщики и староста-кормщикъ. Къ избушкѣ идетъ пристанишка, дощатая, съ погнившими приступками. Говорять, и людей этихъ медвѣдь не прочь обидѣть. Говорять, что попавшійся, медленно идущій и опереженный нами карбасъ, была почта, шедшая въ Колу, что человѣкъ, растянувшійся на днѣ судна, былъ почтальонъ. Говорять, что почта отъ Архангельска до Колы ходитъ лѣтомъ мѣсяць цѣлый въ одинъ конецъ и три-четыре мѣсяца весною и осенью во время распутицъ. Говорять, что намъ осталось еще до Кдвды тридцать верстъ, и что если завязывавшійся попутникъ съумѣетъ надуть паруса, то мы часа черезъ четыре посидѣмъ на мѣсто; въ противномъ-де случаѣ пройдемъ еще часовъ десять. Толковали и еще многое въ этомъ родѣ, но я уже не слыхалъ ничего больше: тихая погода, при полномъ солнечномъ свѣтѣ и тепломъ южномъ вѣтрѣ, склонила ко сну. Долго ли спать — не помню, но просыпаюсь въ то время, когда солнце уже закатилось. Наступилъ мракъ столько же и ночной, сколько и происходившій оттого, что все небо задернуто было черной тучей. Паруса были обронены, шли греблей; по морю ходилъ взводень, бросавшій въ нашъ карбасъ крупныя, сильныя воины. Всегда неугомонный и сильный полунощникъ (NO) замѣтно усиливался. Страшно было въ этомъ полумракѣ, среди открытаго моря, правый берегъ котораго совсѣмъ пропадалъ отъ нашихъ глазъ вдаль. На встрѣчу выплывала и стояла, словно тѣнь въ туманной картинѣ, встрѣчная луда, вся затянутая туманомъ. Многихъ трудовъ и усилий стоило гребцамъ, чтобы подтянуть къ ней карбасъ и увидѣть передъ собою высокій, лѣсистый островъ и за нимъ маленькую губу, по которой ходили мелкія волны, слегка рябившія поверхность воды. Губа эта оказалась удобнымъ становищемъ для насъ, тѣмъ болѣе, что и гребцы устали, и вѣтеръ крѣпчалъ ежеминутно съ новой силой, лишая всякой возможности плыть дальше.

— Кажись, и о трехъ бы я головахъ былъ — не повезъ бы тебя, ваше благородье, дальше! — говорилъ кормщикъ.

— Пылко стало въ морѣ, несосвѣтимо пылко! Хорошо еще, что благополучно вынесъ насъ Господь да Варлаамій Керетскій — поддакивали гребцы-дѣвки.

— Здѣсь намъ переждать придется, пока уляжется погодушка эта: безъ того нельзя; за тебя, вѣдь, мнѣ передъ начальствомъ отвѣчать придется; на то я и кормщикъ, а ты — газенный человѣкъ!

На доводы эти я поневоле долженъ былъ согласиться, и полѣзъ вслѣдъ за гребцами по щелямъ и крупнымъ, подчасъ скользкимъ, подчасъ словно обточеннымъ, гранитнымъ камнямъ, представлявшимъ на цѣлые десятки сажень рѣшительное подобіе петербургской дворцовой площади. Надъ нашими головами висѣлъ сосновый лѣсъ густой и пустынный. Передъ глазами нашими вздувалось и отшибало крутыми волнами, словно море, взбороненное поле.

— Гляди же, пыль какая, словно береста вода-то: горить, да и все тутъ! — не упустилъ и на этотъ разъ замѣтить кормщикъ, не отстававшій отъ меня во все время, когда я поднимался на гору.

— Мы, ваше благородье, соснемъ-пойдемъ, а тѣмъ часомъ погодушка-то, можетъ, сдаться и пустить. Право-такъ! — продолжалъ онъ вкрадчиво-лѣстивымъ голосомъ.

— Ну, вотъ и благодарствуемъ, — вотъ съ этакимъ-то начальствомъ мы не прочь хоть все лѣто ѣздить: это по-христіански — заключилъ онъ же, смѣнивъ просительный тонъ голоса на повелительный, когда получилъ мое согласіе и, махнувъ рукою и головой взбиравшимся на крутизну гребцамъ, весело полѣзъ влѣво.

Я потащился за нимъ. Шли долго. Лѣсъ рѣдѣлъ, открылась площадка и опять море. На площадкѣ избушка разволочная, повидимому недавно выстроенная, но уже недоступно грязная, какъ и всѣ другія. Разволочная она потому, что предварительно срублена она на берегу. Сюда перевезена на карбасахъ въ локченныхъ мѣченыхъ зарубками срубамъ и поставлена наскоро, такъ что имѣетъ значеніе лишь временнаго пристанища рабочихъ. Прочную и помѣстительную избу зовутъ особенно „становую“: она способна для зимовки, а поставленная по разнымъ мѣстамъ и зависящія отъ этой главной и будутъ разволочными, т. е. разъемныя или разборныя избы — филиальными отдѣленіями.

Въ этой керетской разволочной тоже битыя стекла, блестящія радужными отливами, тоже одно заткнуто тряпкой и таже груда камней съ углубленіемъ въ серединѣ, замѣняющая печь: нары, солоница съ солью, буракъ (по здѣшнему туезъ) съ соленой треской; рыболовная сѣть не рваная, ведро съ водой, иззубренный топоришко, — однимъ словомъ, все то, что, по исконному обычаю, любятъ оставлять въ своихъ избахъ промышленники на случай посѣщенія ея спасшимися отъ бури и незапасливыми путниками. Отъ нечего дѣлать, и тѣмъ болѣе, что сонъ бѣжалъ отъ глазъ, я пошелъ бродить по острову, между деревьями котораго (противъ всякаго ожиданія) нашелъ кусты малины, чернику, бруснику, тоже несмѣтное множество морошки. На этотъ разъ еще ни то, ни другое не поспѣло. Между деревьями, подчасъ высокими, подчасъ значительно толстыми, попадались: ель, сосна, береза коренговатая, сучковатая, приземистая, однимъ словомъ — та,

которая въ столярныхъ подѣлкахъ извѣстна подъ именемъ корельской. Далеко въ серединѣ лѣсной чащи и, можетъ быть, самаго острова нашелъ я площадку, которая видимо нарочно была очищена для какой-либо цѣли: гнилыя бревна, полузарытыя ямы говорили, что здѣсь было когда-то жилье, но чье? Островъ оказался *Великимъ*, на которомъ, какъ сказывали мнѣ впослѣдствіи, жили старушенки-раскольницы, скитомъ, еще недавно прогнанные отсюда земскою полиціей. Точно такая же пустынь, *Ивановка*, лежитъ въ десяти верстахъ отъ Керети, на пути къ Гридину, и третья—Мягрига близъ Кеми. Но объ нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Семень Денисовъ (одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ раскола въ сѣверномъ краю, начитанный, обладавшій удивительною стойкію характера и неутомимостію) въ своемъ сочиненіи „О заборѣ и о взятіи Соловецкаго монастыря“, объ островѣ Великомъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Серапіонъ дьяконъ и Логинъ слуга многа лѣта безмолвнымъ житіемъ во отоцѣ морстѣмъ Господеви работавше. Сіи бяху житиліе Киновіи Соловетстѣи и, во время гонительнаго смятенія отлучившеся обители, пріѣхавши на островъ, глаголемый *Великій*, иже близъ Ковденскія волости, и ту пребыша блаженній время не мало, ангельскимъ живуще житіемъ, яко тридесять лѣтъ Господеви работавше, ни единаго же человѣка видѣвши и еже узнавше чуднѣйши, яко звѣробійцемъ и звѣроловцѣмъ и прочимъ человѣкомъ на островъ той, потребъ ради, присно пріѣзжающимъ. Блаженнии же боготрудницы ниже вѣдоми, ниже познавшеся кимъ бываху. Въ толикая убо лѣта откуда пищу, откуда одежду тѣлеси, отъ кѣихъ житницъ, отъ кѣихъ сокровищъ пріобрѣтаху: отъ человѣкъ сіе утаися, яко выше естества и постиженія. Егда благоволі Богъ въ послѣднія роды мужи совершенны явити, рыболовцы волости оныя, ловящіе во островѣ, изшедше въ пустыню, обрѣтоша келіи и въ келіи обрѣтоша живуща великаго отца Павла, прочимъ же ко Господу отшедшимъ. Съ нимъ же бесѣдовавше довольно вся о немъ и спостника его увѣдавше и пищи у него вкусивше и благословеніе пріемше—отъидоша и пріѣхавше въ волость возвѣстиша боголюбцѣмъ, иже еликимъ желаніемъ раченія толико тѣхнѣмъ потрудишася. Потребнымъ ладіицу наполнивше, на островѣ пріѣхавше и много время искавше хождаху, но ничто же обрѣтоша, ниже келію, ниже самаго отца и не токмо тогда, но и послѣжде многожды ходяще, ищуще. По лѣтѣ же единомъ видѣша нѣщии отъ жителей на островѣ ономъ столпъ огнемъ отъ земли и до небеси сіяющъ и разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отыде, по видѣніи столпа онаго преставленіе прознаменовавшу“.

Сквозъ хитросплетенныя слова этого сказанія можно видѣть причину появленія на этомъ островѣ впослѣдствіи особеннаго скита отшельницъ, послѣ которыхъ на моихъ глазахъ видѣлись только скуд-

ные, ничтожные остатки, которые, может быть, уже и смыло теперь дождемъ, также точно, какъ говорить, не осталось уже и слѣда огромнаго скита на огромномъ Тѣпозерѣ (въ глуши корельскихъ болотъ). Скитъ этотъ, по числу старообрядцевъ и по огромному количеству приношеній, присланныхъ изъ Москвы, съ Урала и изъ другихъ мѣстъ, грозилъ превратиться въ огромный и богатый монастырь, который, какъ говорили, могъ бы сдѣлаться даже соперникомъ Соловецкаго. Скитъ этотъ уничтоженъ въ концѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія (о немъ дальше въ статьѣ „Разоренная Обитель“).

Между тѣмъ, далеко уже на утрѣ, когда провожатые выпалились, и я самъ досыта нагулялся по острову, вѣтеръ началъ спадать, взводень какъ будто осѣдался и не пугалъ уже своими прежними страшными волнами. Мы, не желая терять времени, поспѣшили направиться къ Ковдѣ, до которой оставалось не больше десяти верстъ. Хотя волны качали насъ какъ въ люльки и часто обсыпали брызгами, хотя самыя весла гребцовъ часто срывались съ волны и не успѣвали захватывать ее круче и глубже, мы, однако, успѣли-таки, наконецъ, дождаться и той поры, когда смолкнулъ вѣтеръ и взводень постепенно укладывался и улегся уже, вѣроятно, весь, когда мы повернули въ устье рѣки Ковды. Здѣсь до восьми маленькихъ карбасовъ качались въ волнахъ, держась противъ теченія на греблѣ.

— Что это такое?

— Да, вишь, погода какая повадная стояла...

— Ну такъ что же изъ этого?

— Такъ тресочку мелкую ловятъ на уду.

— На носу-то сидитъ удельщица, бросаетъ уду, уда безъ поплавка,—на крючкѣ наживка насажена изъ сельдей. Къ лесѣ (веревочкѣ)—свинцовый, али бо желѣзный кряжикъ привязанъ. Схватить треска наживку: леса зашершить о бортъ—рыба твоя, тащи въ карбасъ, снимай съ крючка. Этакъ-то только здѣсь. На Мурманѣ это дѣло большимъ обрядомъ идетъ.

Я обернулся назадъ; прямо вдали моря отлѣнялись синія, высокія горы въ сѣверную сторону отъ нашего карбаса.

— Это Киберинскія вараки, и все, что дальше черной полосой поидетъ—Терскій берегъ. До него считаемъ верстъ 30 Кандалухой, да островами верстъ восемь.

На одной изъ этихъ варакъ свѣтлѣетъ на солнцѣ что-то, какъ будто бѣлая церковь, монастырь.

— А это что такое, бѣлое?

— Снѣгъ. Тамъ онъ во все лѣто не таетъ. Горы эти—самыя высокія; выше ихъ есть, слышь—только на Канинѣ. Снѣгъ у насъ вѣчный.

А между тѣмъ, середина іюля, и такой день, когда тепла граду-совъ 16, солнце свѣтитъ во всей его силѣ, и небо необыкновенно чисто: свѣтлое такое, бирюзовое!

Огибаемъ колѣно рѣки: село выглядываетъ однимъ краемъ избъ. Рѣка, по обыкновенію всѣхъ поморскихъ рѣкъ, шумитъ порогами, которые расшатала недавняя непогода и не уgomонило еще наступившее затишье. Шумитъ она сильнѣе и едва ли не порожистѣе всѣхъ видѣнныхъ мною рѣкъ.

— Если бы была теперь куйпога (последній часъ отлива)—намъ бы и не выстать, быстрина что съ горы, что водопадъ въ Кандалакшѣ—объясняетъ кормщикъ.

И потомъ опять:

— Весной рѣка шумитъ такъ, что уши глохнутъ; съ привычки даже—и то крѣпко надождно. Вѣрь Богу!

По берегамъ рѣки, болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, видно карбасовъ и обмеленныхъ лодей и шнякъ, а еще того болѣе развѣшано по берегу рыболовныхъ снастей...

— Отчего?

— Въ эти губы много сельдей заходитъ. Вонъ теперь сѣно косятъ—страда идетъ, послѣ Покрова нерьпу бьютъ: сѣрки въ пудъ попадаютъ. Со Спасова дня до Покрова только и дѣла, что сельдь упромышляютъ. Вонъ посмотри—ужо пойдешь по деревнѣ—что увидишь?

Увидѣлъ я почти у каждого, дома и чуть не цѣлыя полѣнницы небольшихъ боченковъ, плохо сплоченныхъ изъ весьма тоненькихъ досокъ продолговатой формы. Это—сельдянки, которыя извѣстны едва ли не всей Россіи. Здѣсь, говорятъ, почти исключительное мѣсто ихъ приготовленія и здѣшнія сельдянки все-таки плотнѣе и долѣе живутъ, чѣмъ, напримѣръ сорѣцкія, гридинскія и другія. Всякій домохозяинъ prepares эти боченки. Приготавливаетъ ихъ и мой хозяинъ, квартира котораго, какъ живая, теперь передъ моими глазами, съ ея шахматнымъ крашенымъ поломъ, съ голубкомъ, сдѣланнымъ изъ лучинокъ на Мурманѣ и привѣшеннымъ къ потолку, со множествомъ картинъ, содержаніе которыхъ болѣею частію составляютъ эпизоды недавней войны и болѣшая часть которыхъ развѣшана даже въ сѣняхъ. Помнится между ними видъ города Ярославля, рисованный 1731 года и напечатанный иждивеніемъ тамошнихъ обитателей и изображеніе „птицы дивной, которой еще никто не видалъ“. „Она—какъ гласитъ подпись внизу—влетѣла въ Парижъ къ градоначальнику и представлена къ королю; на головѣ корона, носъ корпусомъ индѣйскаго пѣтуха, голосъ павлиный, выговоръ турецкій, пѣніе ея весьма пріятно и всѣхъ плѣняетъ по примѣру инструмента; ѣсть мясо и всякую снѣдь, что человѣкъ употребляетъ. На спинѣ имѣла гробницу и въ оной три человѣческія кости: когда запѣваетъ, то всѣхъ къ сраже-

нію приіготовляеть. Думаютъ такъ, что послана по Божію повелѣнію⁴. И эти картины завезены сюда, всюду шатающимися вязниковцами, офенями—ходебщиками. Также точно, какъ и въ Керети, и здѣсь встрѣчаютъ меня тѣ же угощенія густымъ какъ пиво, дешевымъ кантонскимъ чаемъ, съ тѣми же глубокими поклонами и ласковымъ привѣтомъ. Помнится, подали къ чаю сливокъ; помнится, какимъ-то непріятно-соленымъ вкусомъ отдавали эти сливки, потомъ и молоко, и у моего хозяина, также какъ у священника и сельскаго головы—корела. На спросъ мой о причинѣ подобнаго явленія отвѣчали всѣ положительно, въ одинъ голосъ, что по незначительному количеству на скабливаемого горбушами сѣна между гранитными камнями лудъ и побережьевъ, они принуждены приучить скотъ къ рыбѣ. Для этой цѣли они обыкновенно берутъ рыбы головы, которыя лѣтомъ сушатъ на солнцѣ, разбрасывая ихъ по крышамъ домовъ своихъ. Вяленія такимъ путемъ головки эти и кое-какъ разбитыя въ порошокъ, не только койдянами, но и всѣми поморами Корельскаго и Терскаго береговъ, зимою, передъ пойломъ скота, парятся въ горшкахъ. Образовавшеюся оттого гущею обливаютъ скудные клочки сѣна, нацарапаннаго лѣтомъ по сюземкамъ и островамъ. Приученный скотъ ѣсть—говорятъ—эту дрянъ охотно, хотя по зимамъ и даетъ молоко, отдающее запахомъ сельдей, едва выносимымъ даже для привычныхъ людей. Лѣтомъ свѣжая трава даетъ еще нѣкоторую возможность пользоваться молокомъ лучшаго вида и вкуса, хотя въ тоже время и соленымъ. Обиліе приходящихъ сельдей облегчаетъ способъ.

Также много приходитъ этихъ сельдей и въ губу Княжую, на берегу которой раскинута послѣдняя деревушка Корельскаго берега—Княжая. Много попадаетъ ихъ въ селѣ Кандалакшѣ, расположенномъ при вершинѣ Кандалажскаго залива (Кандалухи—по туземному выговору). Кандалакша, какъ извѣстно, выжжена англичанами. Къ сѣверу отъ нея, по направленію къ озеру Имандрѣ, идетъ пѣшеходный трактъ на Колу, мимо лопарскихъ вѣжъ и погостовъ. Къ юго востоку потянулся отъ Кандалакши, къ селенію Пѣрьегубѣ, высокій Терскій берегъ, который изъ деревни Княжей видѣнъ уже значительно яснѣе и со многими подробностями: высокими вараками, обсыпанными на южныхъ отклоняхъ мелкимъ лѣсомъ, мрачно-черняющими щельями и опять-таки сверкающимъ на вершинахъ вѣчно нетающимъ снѣгомъ.

Деревня Княжая или Княжегубская выстроилась также при устьѣ рѣченки, берега которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты лугами и болотами, а по горнымъ склонамъ—сосновымъ, березовымъ и еловымъ лѣсомъ. Жители ея замѣтно бѣднѣе обитателей Керети и Ковды; рѣдко ходятъ за треской на Мурманъ, ограничиваясь ловлею сельдей въ своей губѣ и незначительнаго количества мелкой трески для домашняго потребленія, и даже не имѣютъ собственныхъ лѣдей. Впрочемъ, богат-

ство жителей могло бы быть и значительнѣе, какъ въ Княжей, такъ и во всѣхъ другихъ селеньяхъ бѣломорскаго побережья, если бы всѣ промыслы не находились въ рукахъ богачей-монополистовъ, съ которыми судьба знакомила меня почему-то прежде всѣхъ остальныхъ жителей селеній. Работая изъ-за хлѣба на квасъ и не столько для себя, сколько на своего патрона-хозяина, поморскій работникъ ограничивается только насущнымъ, хотя и не печалится и не плачется вслухъ на свое бездолье. Онъ даже примирился съ своею участью до подобострастія, до глубочайшаго, безпрекословнаго повиновенія къ лицу покровительствующему, дающему ему тяжелыя, невыгодныя работы. Сколько можно замѣтить, при первомъ же легкомъ и даже поверхностномъ взглядѣ, и здѣсь, какъ и вездѣ на свѣтѣ, по непреложному закону людской натуры, богачамъ-монополистамъ отъ бѣдняковъ страдалцевъ почетъ и первый низкій поклонъ. Мнѣ случалось, останавливаясь у мѣстнаго богача, призывать изъ властей сельскихъ кого-нибудь для справокъ о томъ напримѣръ: нѣтъ ли въ правленіи старинныхъ (по ихнему—*досельныхъ*) бумагъ, или для порученія снарядить гребцовъ и обрядить карбасъ для дальнѣйшаго пути. Приходившая власть кланялась богачу и спрашивала не меня, а богача: „что угодно?“—хотя хорошо знала, что требованіе шло отъ меня, отъ пріѣзжаго человѣка въ очкахъ.

Я предлагалъ вопросъ или высказывалъ свое желаніе.

Собираясь отвѣчать прямо, пришедшая сельская власть смотрѣла, послѣ моего вопроса, пристально на богача, смотрѣла тѣмъ раболопно-покорнымъ и робкимъ взглядомъ, который какъ будто спрашивалъ: — Что повелишь отвѣчать?

Отвѣты на мои вопросы составлялись уже потомъ обоюдными силами, послѣ многихъ переминаній и заиканій. Богачъ приказывалъ дѣлать по-моему, исполнить мое желаніе, вѣроятно, въ то же время заставляя себя, и непременно противъ собственной воли, уважать мою особу, по крайней-мѣрѣ, на это время. Получившій приказъ богача бѣжалъ затѣмъ, обыкновенно сломя голову, и немедленно приводилъ въ исполненіе, какъ умѣлъ, все, что мнѣ хотѣлось получить и безъ такихъ, докучныхъ, досадныхъ приготовленій, оговорокъ и замедленій.

Крайнее селеніе Кандаляжской губы—самое сѣверное село на берегу бѣлаго моря—Кандалякша, имѣло до прихода англо-французской эскадры двѣ деревянныя церкви, изъ которыхъ одна стояла на возвышенномъ западномъ плечѣ рѣки Нивы, другая, бывшій Коковъ монастырь, на восточной ея сторонѣ, при устьѣ, —до 60 домовъ и до 140 жителей. Англичане превратили село это въ груды пепла. Конечно, теперь оно уже выстроилось вновь и попрежнему, тѣмъ болѣе, что русскій человѣкъ, плохой космополитъ и трудно разстается съ роднымъ пепелищемъ, и потому еще, что въ рѣку Ниву, богатую боль-

шими порогами, изъ которыхъ одинъ даже глядитъ рѣшительнымъ и притомъ чрезвычайно картиннымъ водопадомъ—въ рѣку Ниву любить заходить семга. Для нея прежде и существовалъ заборъ, одинъ изъ самыхъ большихъ въ Бѣломорѣ, который, по всему вѣроятію, построенъ и на нынѣшнее лѣто.

Спѣшимъ обратиться снова къ Корельскому берегу, или лучше, къ тому инородческому племени, которое дало свое имя этому безпривѣтному, скучному, длинному и бѣдному берегу Бѣлаго моря.

Еще въ деревнѣ Поньгамѣ можно встрѣтить въ говорѣ нѣкоторыхъ мужиковъ ломанья русскія слова, произносимыя съ оригинальными, неправильными удареніями, въ родѣ цыганскаго, и съ перестановкою буквъ: отнако, у города, Кристось, свой лошадь и проч. Моя болтливая хозяйка въ этой деревушкѣ, обзаведшаяся собственнымъ домомъ, созналась (почему-то впрочемъ, не охотно), что она корелка, жила на Топозерѣ, въ скитахъ, гдѣ родила сына на мху (когда мохъ *вздымала*—щипала); что она этого сына учила грамотѣ; что учитель нанялся къ ней съ тѣмъ, чтобы она за науку кормила бы его въ теченіе всѣхъ лѣтъ ученія, и что за это выучилъ онъ ея сына старопечатной псалтыри и часовнику. Прицокивая уже по поморски, она въ тоже время въ слѣдующемъ разказѣ также безтолково коверкала на свой корельскій ладъ всѣ русскія слова. Она говорила бойко и рѣчисто о томъ, что она умѣетъ руду (кровь) заговаривать божественными и мірскими заговорами, но что не употребляетъ божественныхъ оттого, что этотъ грѣхъ, и что эти заговоры пускаютъ только старовѣры едосѣвскаго, а не даниловскаго толка, и проч. Другой корелякъ, попавшійся мнѣ гдѣ-то между гребцами и поразившій сосредоточенною молчаливостію, бѣлыми волосами, поразительнымъ сходствомъ съ петербургскими чухонцами, и про котораго другой гребецъ, русскій, выразился такъ, что-де „у него наша рѣчь круто же живетъ“, съ трудомъ и отрывочными фразами могъ объяснить, что онъ родомъ съ Елеть-озера, что промышляютъ они тамъ рыбу и тѣмъ питаются, но что про Топозеро и Пявозеро онъ ничего не слыхалъ. Въ Керети помнится мнѣ еще пять кореловъ съ рыжими, почти красными, бородами. Эти корелы, обвязавши голову, шею и часть лица тряпицей отъ комаровъ, несли грузные мѣшки (пудовъ до шести) съ хлѣбомъ, выданнымъ имъ изъ запасныхъ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Сильно изогнувшись подъ тяжестью ноши, корелы эти, уполномоченные отъ цѣлаго своего селенія, сносили эти мѣшки изъ села Керети верстъ за 15 къ лодкѣ, которая дожидалась ихъ на дальнемъ озерѣ. Сваливши мѣшки, они немедленно являлись за новыми и поразили своей безустанностью.

— Когда же вы отдыхаете? спросилъ я одного изъ нихъ. Къ счастью онъ зналъ по-русски, семеро другихъ не говорили ни слова.

— А вотъ идемъ назадъ безъ груза: на ходьбѣ и отдыхаемъ!—наивно отвѣчалъ умѣвшій говорить по-русски.

— Нужный народъ, самый бѣдный: одолѣла ихъ бѣдность пуще всѣхъ; подошли хуже нашего!—добавилъ за него проходившій мимо керечанинъ и слышавшій вопросъ.

— Вотъ—продолжалъ онъ—хлѣбъ они этотъ не станутъ ѣсть по нашему, потому имъ невыгодно: не хватить, съ голоду помрешь. На это у нихъ свой законъ, на это они свой хлѣбъ выдумали. На это у нихъ, вмѣсто нашихъ пироговъ да сгибней, *решка* есть. Слушай, что они дѣлаютъ: весной съ молоденькой сосны обдираютъ они кожурину, подъ кожуриной обрѣзываютъ заболонь—мягкая она такая, жирная на этотъ разъ. Заболонь они эту на солнышкѣ сушатъ, затѣмъ въ печи. Затѣмъ ее въ иготи толкутъ, али бо между жерновами растираютъ, и выходитъ изъ нея словно бы мука—пыль такая. Этой пыли берутъ они три части, да одну часть муки оржаной, мѣшаютъ вмѣстѣ—тѣсто дѣлаютъ, изъ тѣста лепешки крутятъ. Вотъ и *реска* или *решка*, горькая—прегорькая, разсыпчатая, что песокъ,—городской собакѣ дай: рыло отворотить. Съ голоду, кажись, брюхо лопни: ѣсть не станешь ее. Мы и не ѣдимъ. Сѣютъ они тамъ у себя, въ землѣ своей, ячмень и рожь—когда—когда, да больно плохо родится (у насъ такъ вонъ и совсѣмъ, вишь, нѣтъ этого заведенія). Бѣднота народъ, а плутъ, потому отъ нихъ все колдовство идетъ, всякую они тяготу съ Корелы своей на наше Поморье пушаютъ. Вотъ зачѣмъ они плохой народъ и зачѣмъ надъ нимъ трясутся всѣ эти напасти. Спроси не меня!

Дѣйствительно, повѣрье о напускѣ скорбей съ *Корелы* во всемъ Поморьѣ общеизвѣстно и имѣетъ даже давнишнее историческое значеніе. Давно уже, и по русскимъ лѣтописямъ, чудское племя, къ которому безспорно принадлежатъ и корелы, славилось волхвами, колдунами и чародѣями, которые сжигаемы были и въ Новгородѣ, призываемы были и къ умиравшему Грозному царю, и живали при дворѣ царя Бориса. Даже и въ настоящее время корелы наивно, простосердечно, съ полнымъ убѣжденіемъ и вѣрою въ истину передачи, завѣщаютъ при смерти вѣдомые имъ наговоры, заговоры и чарованья до вѣренными лицамъ, болѣею частью, конечно, роднымъ своимъ. Съ другой стороны, существованію въ настоящее время подобнаго страннаго повѣрья много способствуетъ вѣра и самихъ поморовъ, которые всѣ свои болѣзни морскія приписываютъ исключительно порчѣ не столько злого духа, сколько злобѣ какого-нибудь лихого человѣка изъ Корелы. Съ *вѣтру* (говоря выраженіемъ поморовъ) приключается имъ и кдлотье во всемъ тѣлѣ, особенно въ суставахъ, извѣстное у нихъ подъ именемъ *стрѣля* и *стрѣлг*. Тому же напуску съ *вѣтру* приписываютъ они и всѣ разнородныя проявленія скорбута и другія болѣзни, и простосердечно увѣрены, что только корель, сдѣлавшій это или просто изъ личнаго

удовольствія, отъ нечего дѣлать, или даже изъ мести, можетъ выгнать эту болѣзнь при посредствѣ заклинаній на вѣтры и на четыре стороны, въ видѣ ли сажу, песку, мелко изрѣзанныхъ волосъ, щетины морского звѣря и проч., смотря по произволу колдуна. Также точно охотно зоветъ поморъ колдуна-корела (или, лучше, самого плутова-таго изъ этого вообще неразвитого, но добраго племени) на свадьбу для отпуска, на погребеніе покойника, скоропостижно умершаго, или иногда и просто погибшаго на промыслѣ. Корелы, въ этомъ случаѣ, по грустному факту въ жизни русскаго человѣка, замѣняютъ для поморовъ ту роль, которую поддерживаютъ еще до сихъ поръ плуты-цыгане въ дальнихъ отъ Архангельской губерніяхъ Россіи.

Вотъ все недоброе корельскаго племени, или, лучше, небольшого числа ихъ (только однихъ *избранныхъ, умныхъ*). Остальные кореляки, особенно дальніе, живущіе въ глуши болотъ, дальше отъ морского берега, по общему мнѣнію поморовъ, отличаются замѣчательнымъ простосердечіемъ, гостепріимствомъ и хлѣбосољствомъ. Воображеніе поморовъ, напуганное далью и безвѣстностью корельскихъ болотъ, или, лучше всего, злые языки придумали повѣрье такого рода, что будто бы для кореляковъ ничего нѣтъ проще и обыкновеннѣе выраженія: „положить въ озеро“, несмотря на то, что выраженіе это отзывается самымъ нечеловѣчнымъ, варварскимъ смысломъ. Выраженіе „положить въ озеро“, по смыслу своему, равносильно для кореляка съ самымъ исполненіемъ, которое состоитъ въ томъ, что всякій корель долженъ зарѣзать и бросить въ озеро cadaго помора, довѣрившаго свою жизнь гостепріимству и знакомству этого ближняго своего со-сѣда. Что было первою побудительною причиною къ сочиненію такой нелѣпости—рѣшить не беремъ, зная изъ положительныхъ фактовъ и наблюденій, что торгующіе поморы живыми и необворованными возвращались изъ дальнихъ корельскихъ деревень; что кореляки, выселившіеся на берега моря въ русскія деревни и немедленно (года въ три) обрусѣвшіе, являются такими же честными, трудолюбивыми, предприимчивыми работниками, какими являются на глаза всякаго наблюдателя тѣже поморы: хозяева покрутовъ, у которыхъ почасту живутъ кореляки по найму, не нахвалятся ихъ трудолюбіемъ, безпрекословнымъ, почти безсловеснымъ повиновеніемъ всѣмъ, издавна введеннымъ, обычаямъ и порядкамъ въ морскомъ дѣлѣ.

Рѣдки, правда, переселенія кореловъ въ русскія приморскія деревни, не особенно часты также и наймы ихъ въ покруты на Мурманъ или за морскимъ звѣремъ. Корелы болѣею частію любятъ жить въ своихъ деревняхъ и этою жизнію домашнею сѣумѣли обусловить для поморовъ необходимость въ ихъ работахъ, особенно въ пригот-вленіи ружей, пицалей, винтовокъ. Это—давнішнее, привилегированное, можно сказать, занятіе кореловъ: всѣ винтовки, которыми бьютъ

поморы крупнаго морского звѣря, всѣ пищали, изъ которыхъ стрѣляютъ они мелкаго морского звѣря, всѣ ружья, которыми добываютъ они же лѣснаго звѣря и птицу, выходятъ изъ корельскихъ кузницъ и отсюда расходятся по всей Архангельской губерніи, въ самыя отдаленныя мѣста ея, каковы, напримѣръ, Мезенскій и Печорскій края. Столько же и прадѣдовскій вѣковой обычай, сколько и богатство корельскихъ болотъ желѣзными рудами и другими металлами *, указали корелямъ на это ремесло, какъ на выгодный способъ добыванія средствъ къ существованію. Не имѣя правильно организованныхъ заводовъ, кореляки на домашнихъ кузницахъ обрабатываютъ добытую руду и тутъ же готовятъ: и пищали, и винтовки, и ножи, и горбуши (родъ серпа, замѣняющаго въ здѣшнихъ мѣстахъ косы), и топоры, однимъ словомъ, всѣ желѣзныя вещи, необходимыя для домашняго обихода поморовъ. Естественно, что все это выходитъ изъ рукъ кореловъ грубой, доморощенной работы: винтовки, напримѣръ, непременно требуютъ отъ покупателя домашней выправки, очистки. Онѣ вывѣряются уже самими поморами дома и притомъ требуютъ принаровки при прицѣлахъ: иное беретъ влѣво, рѣдкое прямо и большая часть отдаетъ иногда шибко въ грудь, валить съ ногъ. Со всѣми этими неизбѣжными неудобствами, въ свою очередь, умѣли мастерски примириться поморы и, по свойству русской природы и по давнему навыку въ дѣлѣ, все таки и изъ корельскихъ ружей бьютъ лисицу и бѣлку въ мордочку; отъ пули ихъ улетаетъ рѣдкая птица. Поморскіе стрѣлки и съ корельскими ружьями — едва ли не лучшіе въ цѣлой Россіи. Испортится винтовка, дробовка, сдѣлаются онѣ окончательно негодными къ употребленію, начнутъ бить въ рѣзсыпь; поморы не задумаются поѣхать за новыми снарядами и опять-таки къ тѣмъ же корелямъ, въ деревни Мясельгу и Юшкозеро, гдѣ живутъ, по крайнему убѣжденію покупателей-охотниковъ, лучшіе ружейные мастера.

Большое и едва ли не главное подспорье для поморскаго народа доставляетъ корельское племя въ другомъ промыслѣ своемъ, тоже давнишнемъ, унаслѣдованномъ отъ финновъ, — именно, въ умѣньи прочно и красиво строить морскія суда: лоды, ранышины, боты, и понимать чертежи быстро и безошибочно. Въ этомъ отношеніи замѣчательна деревня Подужемье, расположенная въ 15 верстахъ отъ города Кеми, вверхъ по рѣкѣ.

Объ этомъ предполагаю говорить подробно въ другомъ мѣстѣ. Теперь же, для того, чтобы покончить съ корелями, которые, во всякомъ случаѣ, не такой народъ, который пользуется отъ моря и живетъ для моря, спѣшу прибавить еще то немаловажное обстоятель-

* Около села Надвѣицы добывалось когда-то золото, выламывалась также слюда, которая и была въ свое время употребляема для военныхъ судовъ, строившихся въ Архангельскѣ.

ство, что между кореляками (также, какъ между другимъ инородческимъ племенемъ губерніи — зырянами) начала развиваться въ послѣднее время страсть къ коммерціи въ разныхъ ея видахъ, но пока еще въ незначительномъ объемѣ. Ижемцы ведутъ уже огромную торговлю пушными товарами и замшей, кореляки все еще ходятъ съ коробками, набитыми всякаго рода мелочью, по лопарскимъ вѣжамъ и гейматамъ Финляндіи, ограничиваясь незначительнымъ сбытомъ и незначительнымъ барышомъ, на который попрежнему они закупаютъ новый товаръ на шунгской ярмаркѣ (въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи). Послѣ нея они опять носятъ съ московскимъ товаромъ, Богъ-вѣсть, какъ далеко отъ своей деревни, Богъ-вѣсть, въ какую погоду и при какихъ лишеніяхъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ нѣкоторый поводъ заключить, что корельское племя ждетъ лучшая судьба, чѣмъ та, которую несетъ уже самоѣдское племя. Къ тому же корелы скоро и легко выучиваются по-русски, удобно, ненасилованно свыкаются съ русскими обычаями, любятъ даже русскую пѣсню. Самое же главное: они любятъ жить осѣдло, не въ лопарскихъ вѣжахъ или самоѣдскихъ чумахъ, а въ просторныхъ, теплыхъ и, по возможности, чистыхъ избахъ. Къ тому же почти всѣ корелы давно уже христіане.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о золотѣ нашей полярной страны, — именно о Воицкомъ рудникѣ. Открылъ его крестьянинъ Надвиинской волости въ 1737 г. на самомъ истокѣ Выга—рѣки изъ Выгъ—озера и, какъ всегда у насъ бываетъ, имени его преданіе не сохранило. Онъ открылъ, указалъ, и начали черезъ пять лѣтъ (въ 1742 г.) разработку. Три года добывалось только мѣдная руда, но въ исходѣ 1744 г. между мѣдною случайно зажелтѣло и золото, и начало заманивать рабочихъ и вызвало усиленный трудъ. По 1770 г. добыли изъ 271 т. пудовъ руды 1 п. 21 ф. 71½ зол., израсходовавъ денегъ около 511 т., — всталъ казнѣ золотникъ золота въ 8 руб. 59¾ к. Въ этомъ и слѣдующемъ году работъ не производилось, въ слѣдующіе два года изъ 17½ тыс. руды, не смотря на ея меньшее количество золота добыли больше (2 п. 39 ф. 48 зол.) и, конечно, оно обошлось казнѣ дешевле (по 3 р. 49⅜ к. золотникъ). Съ 1784 по 1791 г. никакой работы не производилось. Горный офицеръ Толстой скучалъ отъ бездѣлья и томился голодомъ; отъ бездѣлья, чтобы убить время, собиралъ онъ между горами выдѣланныхъ кусочки руды, набралъ ихъ много, началъ плавить и добылъ больше фунта чистѣйшаго золота. Сталъ онъ уже и задаваться веселыми мечтами о наградахъ и будущемъ счастіи. „Оставалось ему одна трудность (пишетъ въ своемъ описаніи Сѣвера П. И. Челищевъ въ 1791 г.): сыскать лѣстницу, по которой бы взлѣсть до монаршаго престола. На этотъ конецъ показался ему „манежный“ Олонецкій генераль-губернаторъ Тутолминъ весьма способнымъ, и для

того отправилъ къ нему свое найденное золото и просьбу о награжденіи его труда. Г. Тутолминъ, яко ревностный сынъ отечества, золото взялъ, а просьбу сжегъ въ каминѣ. Онъ, при первой своей поѣздкѣ въ Петербургъ, не забылъ взять изящный тотъ металлъ съ собою и, представя ко двору, умѣлъ такъ расхвастаться своими подвигами и расхвалить свое раченіе, что схватилъ Владиміра первой степени и отмѣнное благоволеніе. Бѣдный же виновникъ богатаго сего открытія обязанъ сталъ быть безотлучнымъ въ той пустынѣ“.

Уже и въ то время „не одна земляная, но и влажная стихія сильными своими препонами защищаютъ сокровища, хранимыя въ ихъ нѣдрахъ“: штуфъ, веденный на 80 сажень глубины, заливался водой; ручные насосы и конныя машины работали безплодно, лишь въ утомленіе рабочихъ людей и лошадей. Выписанъ былъ изъ Англіи механикъ (Шеренъ) приладившій по новоизобрѣтенному плану „чугунную огненную воздушную машину“, но и возлагавшіяся на нее надежды не оправдались. Тогда уже подозрѣвали, что наклонъ рудной жилы принялъ направленіе подъ самую рѣку Выгъ, многоводную, неистощимую и свирѣпую. Вскорѣ рудники были оставлены, какъ всѣ теперь увѣряють, за недостаткомъ рукъ, отдаленностью края, а главное, какъ думаютъ, по недостатку капиталовъ. Тѣмъ не менѣе можно сказать на дняхъ лишь мы вычитали въ газетахъ о новой находкѣ въ тѣхъ же мѣстахъ драгоценныхъ металловъ, но на этотъ разъ уже какимъ-то иностранцемъ. Теперь около того мѣста лишь деревянная церковь Соловецкихъ чудотворцевъ да старинная дорога къ ихъ многоцѣлебнымъ мощамъ, да попрежнему неумолкаемо шумять и гремѣть съ незапамятныхъ временъ шеванскіе пороги или, какъ называютъ тамъ, падуны. Сказываютъ тамошніе жители, что за этими тремя опасными порогами не бывало проѣзда къ Бѣлому морю на деревню Сороку. Первымъ черезъ нихъ проѣхалъ изъ Москвы въ Соловецкій монастырь на игуменское мѣсто св. Филиппъ митрополить и поставилъ на берегу каменистаго (окружности версты на двѣ) острова, Шеванъ, деревянный крестъ. Послѣдній давно уже подгнилъ, свалился и исчезъ. Всталъ на мѣстѣ его уже не одинъ новый крестъ, который тоже въ свое время обвѣтрился и зачернѣлъ, а вѣрующій народъ все еще продолжаетъ считать и новый крестъ за тотъ самый, который вытесалъ и поставилъ на мѣстѣ своими честными руками св. мученикъ митрополить всея Руси Филиппъ (Колычевъ).

VII.

КОЛА.

Путь въ этотъ городъ отъ села Кандалакши.—Исторія города.—Ссылное мѣсто и недобрая слава.—Двукратное бомбандированіе его англичанами. Подробности послѣдняго дѣла англичанъ въ прошлую компанію.—Кольской Воскресенской соборъ и преданіе объ его строителѣ.—Разказы колянъ объ ихъ жизни и занятіяхъ.—Оригинальное стихотвореніе.—Разказы объ лопаряхъ съ точки зрѣнія на этотъ народъ сосѣднихъ русскихъ.

Кола, уѣздный городъ Архангельской губерніи, имѣетъ 811 душъ мужского пола, 1,053 ж. п.; домовъ каменныхъ 1, деревянныхъ 912; ярмарки не бываетъ; при училищѣ учащихся 2, учащіяся 39 человекъ.

(Описаніе Архангельской губерніи Пункарева).

Двѣ тысячи сто тридцать семь верстъ отдѣлили Колу отъ Петербурга; тысяча сто верстъ легли между Петербургомъ и Архангельскомъ. Такъ говорятъ почтовые карты и календари, и также добросовѣстно, честно 1.000 разъ торчатъ до Архангельска на каждой верстѣ пестрые казенные верстовые столбы, также на каждыхъ двадцати пяти верстахъ предлагаются къ услугамъ каждаго странника (по казенной ли онъ, по частной ли надобности ѣдетъ) утлые, наскорошитые станціонные домики съ жалобной книгой, съ смотрителемъ изъ почтальоновъ, съ ямщиками, оказавшимися въ крестьянскомъ быту ни къ чему неспособными. Тянутся по сторонамъ березовыя аллеи тамъ, гдѣ дорога бѣжитъ по пахатымъ полямъ, и пропадаютъ эти аллеи вездѣ, гдѣ сама природа потрудилась обильно разставить ихъ въ лѣсной кущѣ. Выбѣжить на усладу и утѣшеніе скучающаго путника и разбросается передъ его утомленными, наболѣвшими однообразіемъ видовъ глазами какая-нибудь сѣренькая, гніющая, выкрытая соломой и закоптѣвшая деревенька, или бѣдный уѣздный городокъ съ люднымъ, крикливымъ базаромъ, съ тихою, безмятежною, созерцательною семейною жизнію. Говорливый или безгранично-молчаливый ямщикъ споетъ длинную, тоскливую или *развалистую* пѣсню, расскажетъ веселую сказку и повезетъ пошибче обыкновеннаго, когда обезпечится возможностью получить лишнюю семитку на водку. Однимъ словомъ, и на

этомъ пути точно тоже, что и вездѣ, на всѣхъ другихъ дорогахъ Великой Россіи. Разница небольшая: меньше разнообразія видовъ, больше лѣсовъ и болотъ, меньше селеній, больше пустырей — да и только. Промелькнуть безпривѣтно шесть уѣздныхъ городковъ: ближній Шлис-сельбургъ, со шлюзами, крѣпостью; какая-то желтая и потому скучная Новая-Ладога, съ каналомъ петровскаго прорытія; тоскливое Лодейное-Поле; значительно-каменная, богатая купеческими капиталами Вытегра; заставленный множествомъ церквей большой Каргополь, пустившій по себѣ славу своими рыжиками, груздями и прочею соленою снѣдью и извѣстный скорняжнымъ промысломъ. Наконецъ дальше, Холмогоры, со сгнившими, развалившимися домами, съ крупными, рослыми коровами—одинъ изъ древнихъ городовъ Россіи, одинъ изъ самыхъ скучныхъ и бѣдныхъ между ними, родина гениальнаго рыбака. И вотъ (въ награду за недѣльное мученіе) Архангельскъ, безконечно длинный, чистенькій, нѣмецкій, съ треской и шанежками, съ обрусѣвшими нѣмцами и онѣмечившимися русскими, со всѣмъ своимъ обычнымъ характеромъ и обстановкою,—городъ портовый и торговый.

Почти тысяча же верстъ остается отсюда до Колы—говоритъ календарь—и вдесятеро больше нужно времени для того, чтобы настойчиво-храбро одолѣть это пространство. Во сто кратъ требуется больше терпѣнья чтобы перенести всѣ трудности и сопряженныя съ ними невзгоды пути—говоритъ личный опытъ теперь, когда такъ весело наслаждаться плодами одержанной побѣды.

Слишкомъ двѣсти верстъ безплодной тундры, мѣстами покрытой мохомъ и взбитой кочками, мѣстами болотистой и прорѣзанной или чистой, бойкой рѣченкой, или свѣтлымъ, какъ хрусталь, озеромъ — залегли между послѣднимъ сѣвернымъ селеніемъ на берегу Бѣлаго моря—Кандалакшею и самымъ дальнимъ, которое лежитъ уже на берегу Сѣвернаго океана—Колой.

Счастливъ путникъ, перенесшій мученія скучнаго, безконечно однообразнаго прибрежнаго плаванія по морю, когда крѣпко расходившійся вѣтеръ нерѣдко на нѣсколько сутокъ можетъ заставить сѣсть на голой лудѣ, гдѣ нѣтъ не только жилья, но даже воды прѣсной, гдѣ кругомъ море, кипящее бурей, какъ вода въ котлѣ. Счастливъ путникъ, когда, наконецъ, увидитъ онъ обгорѣлые (послѣ недавняго англійскаго разгрома) пни и кочки люднаго, *строптиваго* селенія Кандалакши, и вдвое несчастливъ тѣмъ, что путь ему лежитъ не назадъ, а впередъ.

Узенькой тропинкой съ погнившими мостовинами потянулся почтовый трактъ въ Колу, поперекъ такъ называема Лапландскаго полуострова—этой исключительно земли мховъ и лишаевъ, этой холодной Сахары. Мхи и лишай ведутъ здѣсь борьбу съ древесною растительностію и, распространяясь все далѣе и далѣе, истребляютъ мало-по-

малу рощи, кустарники и даже небольшіе лѣса. На горизонтѣ какъ будто лѣсъ: онъ кажется густымъ, но приближайтесь еще, — деревья рѣдѣютъ на сухой лишайной почвѣ. Передніе ряды деревьевъ давно уже вымерли, и ихъ бѣлые суковатые стволы стоятъ, какъ мертвецы. За этими рядами поднимаются деревья, болѣе выпрямленныя, съ нѣсколькими клочками зелени на вѣтвяхъ; наконецъ являются и совершенно прямыя: тамъ уже почти нѣтъ лишаевъ. Это — чисто лѣсная полоса. Въ самой срединѣ Лапландіи, говорятъ, есть такіе лѣса сплошными насажденіями, откуда береговые жители берутъ матеріалъ для построекъ. Такъ это у Бѣлаго моря, въ началѣ пути. За тѣмъ уже вездѣ, за этимъ скуднымъ лѣсомъ, почва снова стелется мягкою постелью мховъ и лишаевъ. По нимъ вьется почтовая дорога — узенькая тропинка съ мостками. Ъхать по тропинкѣ этой даже верхомъ нѣтъ никакой возможности: образъ *тишлаго хожденія на своихъ-на двоихъ* — единственное средство добраться до вождедѣнной цѣли. Подчасъ съ шестомъ для сохраненія равновѣсія между двумя крайностями: болотную топью съ одной стороны и ямой съ водою съ другой, подчасъ на плечахъ привѣсившихся, присмотрѣвшихся къ дѣлу проводниковъ — плетется путникъ, обрекшій себя на путешествіе въ Колу лѣтней порой. Болятъ колѣни, ломить грудь и спину, давить плечи, проступаетъ невольная, всегда стыдливая слеза, и вылетаетъ изъ устъ справедливый ропотъ на судьбу и на себя самого. Тоскливо глядитъ все кругомъ, и все окрестное заявляетъ себя на вѣки заклятымъ врагомъ утомленному страннику и физически и даже нравственно. Бредешь безсознательно, машинально ступая съ кочки на кочку, съ сучка на сучокъ, тяжело прыгаешь съ камня на камень, скользя и пластомъ, съ непритворными слезами, валишься на придорожную, прохваченную насквозь водой и сыростью мшину. И радъ, какъ лучшему благу въ жизни, какъ лучшей наградѣ за трудный подвигъ и страданія, когда судьба приведетъ къ длинному, десяти-тридцати-пятидесяти-сто-верстному озеру, на которомъ колышется спасительный, дорогой, неоцѣненный карбасъ. Какъ въ люлькѣ баюкаетъ онъ и восстанавливаетъ силы, но опять-таки для того, чтобы истощить ихъ въ слѣдующихъ пняхъ, кочкахъ, болотинахъ, на погнившихъ, обсучившихся, выбитыхъ мостовинахъ. Въ станціонныхъ избушкахъ не насидишь долго: дымъ, наполняющій ихъ отъ потолка до пола, ѣстъ глаза и захватываетъ дыханіе. Сквозной вѣтеръ, свободно входящій въ щели сильно прогнившей и разшатанной буйными вѣтрами избенки, гонитъ вонъ на свѣжій, крѣпко свѣжій воздухъ полярныхъ странъ, гдѣ затишье — рѣдкій и всегда дорогой гость. Пройдетъ недѣля и слишкомъ въ этой борьбѣ съ препятствіями, когда, наконецъ, глянетъ въ наболѣвшіе глаза рядъ шести-семи уцѣлѣвшихъ домовъ и черные пни пресловутой Колы, выжженной англичанами 11 и 12-го іюля 1854 года, и долгое

время, въ комплектѣ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, оставшейся за штатомъ.

Около шестисотъ лѣтъ (со времени перваго лѣтописнаго свидѣтельства о существованіи имени Колы) жило безмятежно это бѣдное и самое дальнее изъ селеній Великой Россіи. Населенная вначалѣ новгородскими выходцами и бѣглецами, увлеченными привольемъ моря и богатствомъ промысловъ, Кола только съ 1533 года заявлена въ лѣтописяхъ, какъ большое селеніе, имѣющее уже двѣ церкви — Благовѣщенья и Николы. Нелюдное въ началѣ, селеніе это съ 1550 года начало заселяться тѣми несчастными, которыхъ посылалъ сюда царскій гнѣвъ и навѣты крамольныхъ бояръ. Алексѣй Михайловичъ (въ 1664 году) прислалъ сюда сто человѣкъ стрѣльцовъ для защиты слабого населенія отъ частыхъ нападеній шведовъ, которые давно уже враждебно смотрѣли на Колу, и разъ (въ 1590 году) дѣлали, хотя и не удачно, нападеніе. Петръ Великій, въ 1704 году, выстроилъ въ Колѣ крѣпость, прислалъ 53 пушки и офицера, и считалъ Колу уѣздомъ Архангельской губерніи, управляемымъ воеводами, комисарами и управителями. Екатерина II, въ 1780 году, назвала Колу городомъ, вывезла уцѣлѣвшія орудія, разрушила крѣпость и, въ 1792 году, прислала сюда коменданта, который черезъ пять лѣтъ переименованъ въ городничіе.

Какъ мѣсто ссылки Кола получила недобрую память и славу среди сосѣдей. Стало извѣстно „кольско страшилище“; создалась поговорка „привязался, какъ кольскій солдатъ“. Самый городъ начали уподоблять рыбацкой удѣ или крюку и говорить: „городъ-то крюкъ (построился около губы, имѣющей форму подковы), да народъ-то въ немъ уда: что ни слово, то и зазубра“. Увѣрили въ томъ, что „кто проживетъ въ Колѣ три года, того и на Москвѣ не обмануть“. Преступники, ссылаемые сюда, а равно и ихъ охранители прицѣплялись и приставали со своей великой нуждой, стращали и вымогали, прибѣгали къ насиліямъ и во всякомъ случаѣ были докучливы, дерзки и нахальны. Стали поговаривать, что въ Колѣ „мужика убить, что крынку молока испить“. Молоко, впрочемъ, за неимѣніемъ коровъ, въ Колѣ—величайшая рѣдкость и лакомство, а вмѣстѣ съ тѣмъ, много всякаго другого горя,—говорять: „съ одной стороны море, съ другой—горе, съ третьей—мохъ, а съ четвертой—охъ“. Да и „морская губа, что московская тюрьма“: есть входъ, да нѣтъ выхода. За то „стала Кола—бабья воля“ (а „коляне Господни — народъ израильскій“),—тамошнія женки такъ умудрились и освоились, что любая удачлива въ рыбацествѣ, неустрашима и ловка въ управленіи рулемъ и парусомъ на морскихъ промыслахъ. Онѣ отличаются большею энергіею и самостоятельностью, чѣмъ вообще удалыя и всегда смѣлыя поморки. Въ Поморьѣ сосчитали, что „отъ Колы до ада всего только три версты“,

а въ противоположность мужественнымъ тамошнимъ бабамъ ставятъ понойскихъ бабъ (изъ села Поной на Терскомъ берегу). Это имя стало ругательнымъ и укоризненнымъ. „И уменъ ты, товарищъ: а судишь, какъ понойская баба“. Про самое селеніе, крайнее и послѣднее на Горлѣ моря, при заворотѣ океанскаго берега (гдѣ Святой Носъ, который, по кемскому присловью, „ни одна рыба не минуетъ, гдѣ она ни ходитъ“), привычно говорятъ такъ: „тутъ гора и тутъ гора, а сверху дыра—вотъ и Поной“. Для колянъ обратили въ укоризненное слово прозвище „чинятниками“, такъ какъ они преимущественно занимаются постройкою этого рода судовъ для мурманскихъ промысловъ.

Такова вся исторія города, которому только два раза на вѣку его привелось испытать невзгоды и бѣдствія въ истинномъ смыслѣ словъ этихъ, и оба раза отъ англичанъ. Первый разъ въ 1809 году, когда Россія объявила Англіи разрывъ, запретивъ ей кораблямъ приходить въ наши гавани. Въ Колѣ гавань эта существовала уже издавна. При Елизаветѣ ежегодно приходило уже сюда до семи иностранныхъ судовъ, за ворванью или оленьими шкурами. Сѣверная компанія графа Шувалова усилила населеніе Колы почти вдвое. Городъ былъ значительно люденъ (хотя столѣтняя деревянная крѣпость и пришла въ ветхость) когда, наканунѣ Николина дня, съ ужасомъ слышали мирные коляне, что въ морской губѣ показались непріятельскіе корабли. До сихъ поръ ходятъ рассказы о томъ страхѣ, который обуялъ горожанъ, изъ которыхъ большая и лучшая часть ушла на вѣшню (для морскихъ промысловъ на Мурманскомъ берегу). До сихъ еще поръ рассказываютъ объ несчастномъ случаѣ, какъ одна мать, спѣша убѣжать вмѣстѣ съ сосѣдами за утесы ближайшей къ городу горы Салавараки, вмѣстѣ съ пожитками своими сунула въ мѣшокъ грудного ребенка и такимъ образомъ задушила его. 9-го мая подошли къ городу два баркаса съ 35 матросами (страхъ былъ напрасенъ). Люди сошли на берегъ, городничій встрѣтилъ ихъ въ воротахъ деревянной крѣпостцы и торжественно, церемоніально отдалъ имъ шпагу. Побѣдители разбили дверь хлѣбнаго магазина и вытаскали оттуда весь запасъ хлѣба, потомъ выкатили изъ винныхъ подваловъ бочки вина, нѣкоторыя взяли съ собой на баркасы, другія выпили или разлили по землѣ; наконецъ, обшарили пустые дома и, зарубивши саблями двухъ коровъ, съ торжествомъ и народнымъ гимномъ на другое утро уплыли въ океанъ. Если считать извѣстный всей Россіи подвигъ смѣлаго кольскаго мѣщанина Герасимова за подвигъ геройскій, то онъ отмстилъ англичанамъ въ послѣдствіи за нападеніе на свой родной городъ. Отомстилъ онъ тѣмъ, что будучи захваченъ въ плѣнъ, непріятельскаго кормщика столкнулъ въ воду. Остальныхъ враговъ своихъ, спящихъ, накрылъ люкомъ и представилъ плѣнниками и жи-

выми къ коменданту норвежской крѣпости Вардегуза (по мѣстному выговору Варгаева). Императоръ Александръ I наградилъ Герасимова георгіевскимъ крестомъ, установленнымъ для нижнихъ воинскихъ чиновъ за храбрость.

Естественно, не меньшимъ ужасомъ поражена была Кола при нападеніи на этотъ городъ англійскаго винтоваго корвета *Миранды*, съ двумя бомбическими двухпудоваго калибра пушками и четырнадцатью орудіями тридцати-шести-фунтоваго калибра. Собраны были чиновники и граждане Колы на совѣщаніе. Еще далеко до появленія непріятеля, составленъ былъ актъ въ томъ, „что въ случаѣ нападенія на городъ Колу непріятельскаго войска (говоря словами подлинника), по малому количеству у насъ боевыхъ снарядовъ (2 пуда пороху, 6 пудовъ свинца), при незначительномъ числѣ нижнихъ воинскихъ чиновъ, усердствуемъ съ радушіемъ въ помощь инвалидной команды собрать изъ всякаго сословія милицію подъ командою г. городничаго Шишелова, какъ уже бывшаго въ 1812 и 1814 годахъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ противъ непріятеля, на каковой предметъ необходимо нужно собрать оружіе, и дабы милиціонеры не отлучались изъ города Колы, то выдавать имъ въ родѣ провіанта съѣстные припасы, и на покупку оныхъ, по согласію и силѣ возможности каждаго изъ насъ, нынѣ же сдѣлать пожертвованіе и въ случаѣ нападенія непріятеля на городъ Колу, то защищать и твердо стоять за православную вѣру, церковь святую, за всемилостивѣйшаго государя и отечество до послѣдней капли крови, не щадя живота своего, боясь крайне нарушить данную присягу и не помышлять о смерти, какъ доброму и неустрашимому воину надлежитъ“. Слѣдуютъ подписи: одинъ жертвовалъ 15 руб. сер., два охотничьихъ ружья, два пистолета и 20 фунтовъ просольной трески; другой—10 руб. съ оговоркою: „на службу отечества я готовъ посвятить личныя мои услуги, не щадя живота до послѣдней капли крови и если нужно на защиту города Колы денежный сборъ, то по мѣрѣ возможности приношу на сей предметъ 10 руб. сер. и почту себя счастливейшимъ, если жертва моя будетъ благосклонно принята начальствомъ; третій жертвуетъ 2 руб.; четвертый столько же; пятый 25 коп.; шестой 1 руб. 50 коп.; седьмой пишетъ такъ: „жизни своей жалѣть не буду для защиты отечества, но жертвы денежной, по бѣдному состоянію, принести не могу“. Далѣе слѣдуютъ такія слова: „какъ сей послѣдній ложно именуется мѣщаниномъ, ибо онъ только причисленъ и не можетъ быть, по закону, даже допускаемъ на мірскія сходки, какъ человѣкъ лишенный добраго имени, то за симъ никто не осмѣлится продолжать подписи по сему акту въ добровольномъ своемъ пожертвованіи, и засимъ, возобновивъ таковой для подписи желающихъ, покорнѣйше прошу не предлагать онаго тѣмъ лицамъ, кои не имѣютъ на то права“. — Мнѣ извѣстно, писалъ

начальникъ губерніи:—кольскіе жители народъ отважный и смышленный, а потому я надѣюсь, что и въ случаѣ недоставки по какимъ-либо причинамъ орудій въ г. Колу, они допустятъ въ свой городъ непріятеля, котораго съ крутыхъ береговъ и изъ-за кустовъ легко могутъ уничтожить мѣтками выстрѣлами; пусть сами жители подумаютъ хорошенько, какія къ нимъ могутъ придти суда, и какъ можно, чтобы они не справились съ пришедшими! Одна только трусость жителей и нераспорядительность городничаго можетъ понудить сдать городъ, чего никакъ не ожидаю отъ кольскихъ удалцовъ и ихъ градоначальника. Да поможетъ вамъ Богъ нанести стыдъ тому, кто покусится на васъ напасть! Предписываю вамъ объявить о семъ жителямъ г. Колы“.

Но—сила солону ломить, говоритъ пословица: непріятель съ 2½ часовъ утра 11-го до 7 часовъ утра 12-го громилъ городъ бомбами, гранатами, калеными ядрами и пулями съ зажигательнымъ составомъ. Городъ не былъ взятъ и пытавшійся выдти на берегъ десантъ, при одномъ только видѣ спѣшившихъ къ нему на встрѣчу нашихъ солдатъ, удалился отъ берега и возвратился на фрегатъ. „Ожесточенный непріятель, въ яростной злобѣ своей, долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что сжегъ бѣольшую часть города, а именно: двѣ церкви, колокольню, часовню, 92 обывательскихъ дома, деревянный острогъ и казенные магазины: хлѣбный, соляной и винный“. При этомъ неизлишне замѣтить, что г. Кола, построенный безъ всякаго порядка, съ тѣсными, вымощенными деревомъ улицами, всегда, въ случаѣ пожара, подвергался большой опасности; при настоящемъ же случаѣ пожаръ былъ неизбѣженъ. Между погорѣвшими церквями былъ и прекрасный Воскресенскій соборъ.

Соборъ этотъ построенъ при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ, въ 1684 году. Увѣнчанный восемнадцатью главами съ восьми-конечными крестами, соборъ имѣлъ три храма: главный средній освященъ былъ во имя Воскресенія Христова, правый придѣлъ св. Николая чудотворца, лѣвый св. великомученика Георгія. На восточной сторонѣ церкви, подъ кровлею, прибита была доска, на которой славянскими буквами написана исторія основанія храма. Служба совершалась въ немъ со дня великой субботы по день Успенія Пресвятой Богородицы; онъ не былъ согрѣваемъ печами и сохранилъ необыкновенную прочность, изумлявшую всѣхъ, втеченіе ста-семидесяти лѣтъ. 11-го августа 1854 года загорѣлся онъ вечеромъ, въ половинѣ осьмого, и горѣлъ ярко и скоро, какъ построенный изъ сосноваго лѣса.

— Вотъ *ею* жаль, да еще стараго пепелища жаль, а то, что городъ?—городу этому только званіе было. Кому надо, тотъ выселится, за это мы не боимся. Пушай на то и губа-то наша—привольная губа!—толкуютъ старики коляне (временно расселившіеся по ближнимъ поморскимъ селеніямъ береговъ Корельскаго и Терскаго).

— А все же вы охотнѣе бы вернулись въ Колу, чѣмъ теперь свыкаетесь съ чужими мѣстами и чужими обычаями?

— Да, вѣдь, это опять-таки привычка, не иное что. Привѣсился ты къ своей печкѣ, посвыкся съ ней, извѣстно, на чужой-то печи тебѣ, какъ будто, и зябко. А обычаи наши кольскіе—тѣже обычаи, что и терскіе, не далеко ушли. У промыслового и поморскаго народа одна забота, и конецъ одинъ. Гляди ты на море да полюби его, да не жалѣй своей души многогрѣшной—хорошо будетъ! Море наше, гдѣ ни возьми, вездѣ съ рыбой, вездѣ, стало быть, съ добычей. Разноты тутъ большой не видать: у насъ вонъ перемѣтами рыбку-то ловятъ, а здѣсь, вишь, харвами. Присмотришься ко всему этому, такъ тоже самое и выйдетъ. Нѣтъ, вѣдь, нашъ народъ кольскій издавна за толкомъ-то къ сосѣду не ходитъ. Нашего брата закинутого, поморскаго человѣка домъ-отъ не держитъ: такъ и не привыкаешь къ нему. Мы домой-то ходимъ только отогрѣться, да праздники большіе, по завѣту отцовскому, христіанскимъ образомъ, честно править. Попьешь, пображничаешь съ ромомъ норвежскимъ недѣлю—другую, да и опять потеплѣй одѣваешься, опять въ море лѣзешь.

— Лѣтомъ кого ты въ Колѣ увидѣлъ? грудныхъ ребятокъ, да нянекъ-старухъ, и коровы не увидѣлъ бы (на весь городъ двѣ). Лошадей опять тоже не держимъ. Свинью городничій прикормилъ (такъ и та, вишь, не наша), собакъ увидѣлъ бы, потому собака у насъ замѣсто лошади, на нихъ мы все возимъ: собака наша по этому самому дѣлу—совсѣмъ другъ.

Лѣтомъ, стало-быть, мы всѣ на Мурманѣ треску, семгу, палтасину ловимъ до поздней осени, когда и къ берегамъ ледяные припаи пристынуть, и губы всѣ въ сплошной ледъ закуетъ и въ морѣ заплываетъ сало—снѣгъ, такой мокрой, что масло коровье. А показалась шуга—сало-то это въ мелкой ледъ застывать стало, мы къ дому бѣжимъ на зимній отдыхъ, сидимъ мы дома святки, сидимъ масляницу, сидимъ святую недѣлю. Вотъ и все наше ликованье, вся радость и земная и небесная.

— На тѣ поры у насъ и пѣсня, и сказка, и ребята со звѣздой ходятъ и стихъ поютъ, и хухольники (ряженные) бродятъ, и все такое. Тутъ мы живемъ во мракѣ: солнышко на то время, не токмо себя, и сумерекъ-то не показываетъ. Кажись, коли-бъ на ту пору не мѣсяцъ да не сполѣхи (сѣверныя сіянія), да снѣгъ нашъ бѣлый пребѣлый не пускалъ отъ себя сіяніе, яко подобаетъ ему—тьма бы кромѣшная стояла и глаза бы полопались. Болятъ же они, правда, шибко ноютъ отъ ночниковъ отъ нашихъ со звѣриномъ саломъ, да за одну вѣсну опять свѣтлѣютъ: морскіе, надо-быть, вѣтры продувають, очищаютъ ихъ.

— Живемъ мы въ этой кромѣшной ночи до Евдокей до самыхъ (до первыхъ чиселъ мѣсяца марта). Тогда дорогой гостенекъ-солнышко

сначала крайкомъ выглянетъ, тамъ запаздывать станеть все дальше и больше, а тамъ онъ, батюшко, и совсѣмъ перестанеть прятаться: такъ и стоитъ недѣль двѣнадцать съ лихвой надъ нашими надъ украинскими палестинами и надъ Колой нашей сердечной. Выйдетъ оно на полдень красивое такое, какъ и быть лѣтнее солнышко, а пойдетъ на полуночь, такъ и смотри на него смѣло: не жжетъ глазъ, не гонить слезы. Стоитъ оно себѣ красное такое, что уголь печной, и большимъ такимъ кажется словно ихъ десять тутъ въ одно сошлись, и свѣтъ отъ себя бросаетъ оно на ту пору такой приглядный, что и сказать не можно. Словно бы Господь-то Богъ на ту пору всю землю красивою такою фольгою одѣялъ. Иной разъ вотъ этакъ-то вспомнишь, догадаешься, да и задумаешься: таково-то, молъ, хорошо все это, и-и— Господи! Всякое-то тебѣ въ ту ночь древо видно, и всякой-то листь на немъ тебѣ въ красотѣ своей показуется. И вдали-то что, все видишь и понимаешь, словно, молъ, не ночь эта, а таже-де благодать, что по крещеному днемъ нарицается. Право, сказывать надо, духъ-отъ твой воскресается и сердцемъ твоимъ елей бы, что ли... проходить! Божье, братецъ ты мой, все дѣло это!...

— Рѣдко, правда же, зрѣлищемъ-то любишься, потому заниматься этимъ времени не хватаетъ—мы въ ту пору всѣ на промыслахъ: кипить у насъ на ту пору дѣло съ пылу горячее. Рыбы лѣзеть много,—успѣвай только снасти обирать. А знаешь ли какъ мы это дѣло правимъ?

— Знаю.

— А постой-ко я вотъ тебѣ стишокъ покажу. У насъ одинъ молодецъ изъ ученыхъ такихъ писалъ, тоже вашъ столичной. Больно хорошо въ немъ все наше дѣло описано: кажись, самъ-отъ такъ и не расскажешь складно. Очень похоже написано. Почитай-ко!

Вотъ эти курьезные стихи:

ВЕШНЫЙ И ПЕРВЫЙ МОЙ ВЫѢЗДЪ ВЪ МОРЕ.

Пустившись въ море отъ нужды
За рыбнымъ промысломъ скитаться,
Съ пріятной грезой мечты
Въ швякъъ подъ парусомъ качаться,
Или ударомъ дружнымъ веслъ
Бродить пѣнистую волну,
Или на ярусѣ *, изъ козль,
На мачту вскинувъ парусъ бѣлый, сдаться сну.
Но выпло что же наконецъ?
Мечта пріятная исчезла
И, Боже милостей, Творецъ!

* Ярусъ—рыболовная снасть для ловли трески и наптасины.

Вся каторга трудовъ присиѣла.
 Одинъ гласить: гребѣ сильнѣ!
 Другой кричить: гребѣ непорко!
 Иной трещить, что будь живѣ.
 Другой, оря, бравить позорно!...
 То то подай, то то возьми,
 То поскорѣй тряску трясѣ,
 То живо фартукъ привяжи,
 То пить скорѣе принеси.
 И не лишенному-то чести
 Сносить все это каково! *,
 Тутъ нѣтъ приличья свѣтской лести,
 Ослушался—такъ и въ скуло..
 А въ становищѣ **, Боже мой!
 Тюки носи, дрова коли,
 Воды неси и рыбу рой ***,
 Потомъ, какъ конь, ее свези
 За полверсты въ колѣно сиѣгу,
 Потомъ развѣсь на палтукъ ****, въ сушку
 И, наконецъ, бросая нѣгу,
 Вари обѣдъ, уху голушку,
 И чѣмъ немного бѣ отдохнуть,
 Само-собой, по христіански,
 Кричатъ: ступай еще тряхнуть *****,
 Хотя одну или двѣ тряски...
 Опять въ пняку всѣ потащились,
 Опять все гоже началось.
 Опять приказы разразились,
 И эхо брани разнеслось.
 Ну вотъ! — и кончилась развѣзка!
 Другое дѣло принялось:
 Пришла продажная разческа,
 И мѣна рыбы началась.
 Вездѣ вокругъ раньшинъ и лодей
 Шляки съ трескою прицѣпились:
 Вездѣ множество людей
 На бортахъ, палубахъ разсѣлись.
 Иной беретъ для чая—чашку,
 Другой холстины, сѣтку, чаю:
 Иному нужно рыбну латку,
 Другому что-нибудь къ случаю.
 Исторговались наконецъ.
 Пошли ребята чередомъ
 Потомъ, о Боже, мой Творецъ!

* Авторъ былъ изъ ссыльныхъ.

** Удобныя, закрытыя отъ вѣтровъ океанскія губы, по берегамъ которыхъ промышленники становятся станами въ избушкахъ.

*** Ронить, свѣжить рыбу—чистить и готовить къ посолу.

**** Жерди на ёлкахъ—козлахъ.

***** Тряску трясти—осмотрѣть ярусъ и снять съ него зацѣпившуюся на крючьяхъ рыбу.

Въ шлякахъ пошло все къ верху дномъ:
Упившись рому, всѣ кричатъ,
Тотъ пляшетъ, тотъ дерется,
Какъ пчелы въ уліяхъ жужжать,
Кто горько плачетъ, кто смѣется—
И каждый день все тожь и тоже,
И этакъ мѣсяца ужъ три,
А, можетъ, даже и побольше,
Текли страданія мои...
И изнуренный, изнемогшій,
Съ мозолями на всѣхъ перстахъ,
Брадой огромною обросшій,
И съ болью сильною въ плечахъ,
Опять пріѣхалъ въ Колу я,
Опять въ бездѣйственной дремотѣ
Жизнь сирая пошла моя—
Или во снѣ, или въ тягостной зѣвотѣ.

Къ стихамъ этимъ надо прибавить, въ объясненіе ихъ, то весьма важное обстоятельство, что дѣйствительно въ срединѣ лѣта являются изъ Норвегіи хозяева-поморы съ товарами, но главное—съ коньякомъ и ромомъ. Въ это время достаточно поломавшіеся въ началѣ лѣта промышленники творятъ беспросыпный, двухъ-трехънедѣльный загулъ, и тогда же запродаютъ себя въ пьяномъ видѣ смѣтливымъ богачамъ своимъ монополистамъ на будущее лѣто.

— Въ Колѣ намъ по лѣтамъ дѣлать нечего (разсказывали поэтому всегда словоохотливые коляне)—солнышко тамъ хоть и глядитъ во всѣ глаза, да не грѣетъ. Ничего у насъ не растетъ, ничего и не сѣемъ. Капусту вонъ бабы и садятъ, да и капуста у насъ не православная; вытянетъ ее всю въ листъ да вдоль, а кочнемъ не вьетъ, не погибаетъ.—Рубимъ ее, солимъ, да съ молитвой во щахъ и хлебаемъ: ничего, въ перемежку съ рыбушкой-то—живетъ! Вся тутъ и овощъ наша. Потому у насъ нѣтъ этихъ растений самыхъ, что вдругъ тебѣ ни съ того, ни съ сего падаетъ вѣтеръ сѣверный и надѣвай теплую шубу, хоть по утру и въ рубахѣ по городу ходилъ. За то нарожается у насъ морошка знатная, ей и въ Питерѣ не брезгаютъ, крупная такая, что грецкій орѣхъ. Заливаемъ мы ее въ анкерахъ спиртомъ, али бо то ромомъ. Она такъ и идетъ въ Шунгу на ярмарку, и не киснетъ и хвалятъ всѣ морошку кольскую. Ягодой этой, въ иной годъ, вся тундра усыпана, что снѣгомъ; другая такъ и погниваетъ. Да это опять, таки что?—все это бабье дѣло!

— По лопарскимъ-то вонъ угодыямъ горностаѣ (*quilo borealis*) бѣгаетъ, выдра въ морѣ идетъ, росомаха роетъ норы, въ скалахъ. Такъ опять-таки и то не наше угодые и не слѣдъ намъ лопаря обижать. Лопарь, извѣстно, не умный человѣкъ; ему Господь такого разума не далъ, хоть бы вотъ нашему брату. Лопаря обидѣть легко,

потому онъ добръ; придешь къ нему въ вѣжу—всѣмъ подчуешь. Вчерашней рыбы не подаетъ, а живую тащитъ, сегодняшнюю. А и выпьетъ—драться не лѣзетъ: не то, что нашъ поморъ; а ты его поцалуй, ты его самъ зазови въ гости, ты съ нимъ крестомъ помѣняйся, крестовымъ братомъ назови. Такъ онъ за тебя тогда душу свою заложитъ и выкупать не станетъ. Вотъ они каковы человѣки есть—добрый народъ. Теперь вонъ сказываютъ, что озорничать стали, убиваютъ—де котораго безсильнаго, да я не вѣрю же этому: безъ вѣсти, въ морѣ человѣкъ погибаетъ—на лопаря валять, кровью-то его чловѣчью пятнають, а онъ добрый, хлѣбосольный народъ. Это передъ тобой, какъ передъ Богомъ!

— Старики вонъ наши рассказываютъ, что за то, что они въ Бога нашего вѣрятъ, разъ (давно ужъ это, годовъ съ 80 назадъ) принесло морскимъ вѣтромъ въ губу нашу пять китовъ, да въ подосѣнокъ. Океанъ-отъ нахлесталъ къ губѣ торосевъ (льдинъ) бродячихъ, да и заморозилъ губу-то самую—такъ, слышь, сердечные-то и остались. Льду-то и не смогли проломать. Сбѣжались лопари, да и изрубили топорами сало-то ихъ, чуть ли, сказываютъ, не на три тысячи рублей деньгами. Словно горы, слышь, ледяные-то бугры стояли надъ звѣрами: намъ-де страшно было, а храбрые лопари, небось, не испужались. На моей памяти зашелъ этакъ китъ-отъ по прибылой водѣ (за рыбой, знать, за мелкой погнался) да и замѣшкался. Вода-то его не подождала—пошла на убыль: онъ и сѣлъ на мели. Насъ, что было—всѣ высыпали, да на него съ топорами, съ ножами, скребками, кто съ чѣмъ успѣлъ, и малые, и старые, и бабій полъ. Рубили мы его часовъ пять и много вырубили. И сколь силенъ звѣръ этотъ; такъ вонъ, сказываю тебѣ: какъ почуялъ прибылую-то воду—покачнулъ насъ, чуть не свалилъ: пошевелился значить. Да не смогъ, знать, уйти, такъ и дорубили до смерти. Изъ одного языка 80 пудовъ чистаго сала вытопили, вынули нутро, мужикъ самый большой вставалъ, топоромъ не досягалъ до ребръ. Ребра, что бревна, позвонки, что наковальни, али стулъ высокой. Вотъ какой матерезный звѣръ этотъ! Рѣдко же, надо тебѣ сказывать, бываетъ это потому и лѣземъ дальше отъ дому, хоть и мило тамъ, и очень больно пріятно съ хозяиками. И теперь родины-то нашей, Колы-то, жаль: надо говорить правду. Очень жаль! Пуще того жаль собора нашего: такой онъ былъ приглядный, хорошій, такимъ благолѣпіемъ! сіялъ, особенно вонъ съ горы Саловараки—все отдай да мало. Очень его жаль!

— Ну, да ладно, стану я сказывать теперь тебѣ про мастера, что строилъ соборъ-отъ нашъ: мастеръ этотъ былъ не изъ нашихъ. Построилъ онъ много церквей по Поморью;—затѣмъ и нашу. Въ Ньюхчѣ увидишь похожую, въ Колежмѣ; только разъ въ пять поменьше тѣ будутъ. Церкви онъ строилъ почестъ-что задаромъ; говорилъ:

меня-де только безъ денегъ домой не пущайте, а я-де Богу работаю, мзды большой не приѣмлю. Такъ построилъ онъ въ Шунгѣ церковь. Позвали къ намъ въ Колу. Согласился, пришелъ и къ намъ, и у насъ работалъ, и у насъ соорудилъ церковь: вывелъ ее, значитъ, до главъ. Довелъ до главъ и идетъ къ старостѣ:

— Я, говоритъ,—главы буду выводить два мѣсяца. Когда весь вашъ народъ, говоритъ, съ промысловъ домой придетъ, тогда-де и кресты поставимъ.

— Да не долго-ли, святой человѣкъ, говоритъ староста-то:—чай и скорѣй можно?

— Нѣтъ, говоритъ,—скорѣй нельзя.

— Ну-де, какъ знаешь!

— Я, говоритъ,—не съ тѣмъ сказалъ и пришелъ къ тебѣ. Ты, говоритъ, надо мной не ломайся, потому какъ я мастеръ и для Бога работаю, а не для вашихъ бородъ. У меня-де и своя таковая-та есть.

Подивился тутъ староста, подивился: ни съ чего-де человѣкъ въ сердце вошелъ. А онъ и рассказываетъ:

— Ты, говоритъ,—на всю ту пору мнѣ клади по кубку вина утромъ, въ полдень и вечеромъ: безъ того-де и работать не стану.

Староста сталъ торговаться съ нимъ: на двухъ кубкахъ порѣшили, да чтобы поутру не пить. Такъ онъ тяпалъ, да тяпалъ и главы стяпалъ. Народъ съ промысловъ сталъ собираться. Опять пришелъ мастеръ къ старостѣ, опять рассказываетъ:

— Не надо, говоритъ:—мнѣ вина твоего, а черезъ недѣлю повѣсти народъ, чтобы собрался—середній крестъ ставить стану, такъ чтобы при всѣхъ это дѣло было. Я, говоритъ, такъ и батюшекъ-поповъ повѣстилъ.

— Ладно, рассказываютъ,—будетъ по твоему.

Осталось три дня, церковь готова и крестъ у церкви къ стѣнѣ прислоненъ стоитъ: бери, значитъ, поднимай его, да и ставь.

— Не пора ли-де!—опрашиваютъ.

— Нѣтъ, говоритъ, сказалъ въ воскресенье—такъ и будетъ.

Глядятъ: сидитъ мастеръ на горѣ противъ собора, плачетъ, утромъ сидитъ, въ полдень сидитъ, вечеромъ сидитъ: и все плачетъ... Обѣдать зовутъ—ругается, спать зовутъ—пинается, а самъ все на соборъ-отъ на свой смотритъ, и все плачетъ. Сидитъ онъ этакъ-то и на другой день и другую ночь, и плачетъ ужъ—всхлипываетъ. Ребятѣнки собрались, смѣются надъ нимъ—не трогаетъ, не гоняетъ ихъ. Въ субботу только къ вечеру сходилъ и опять сѣлъ на горѣ и просидѣлъ всю ночь. Въ воскресенье послѣ обѣдни только вина попросилъ, да хлѣба съ солью на закуску. Народъ собрался весь, и старъ и малъ; лопари, слышь, наѣхали изъ самыхъ дальнихъ погостовъ. Всѣ его ждутъ. Приходитъ хмурой такой, нерадостный и хоть бы-тъ,

слышь, капля слезинки. Ждутъ, что будетъ. Молебень отпѣли староста съ шапкой мастера обошелъ народъ: накидали денегъ много въ его, мастерову значить, пользу, по обычаямъ. Полѣзъ онъ съ крестомъ на веревкѣ, уладилъ его, повозился тамъ, сталъ у подножія-то—кланяется. Народъ ухнулъ, закричалъ ему: „Богъ тебѣ въ помощь, Божья, молъ, надъ тобой милость святая!“ Все, какъ быть надо. Сталъ слѣзать—народъ замолчалъ, слѣзъ—ждетъ народъ, что будетъ, не расходится.

— Къ вамъ, говорить, православные? слово и дѣло. Пойдемъ, говорить, вмѣстѣ на рѣку на Тулому вашу. Тамъ, говорить, я съ вами толковать буду.

Народъ испугался на первыхъ-то на порахъ, да видятъ лицо его кроткое такое, свѣтлое: повѣрили, пошли—смотреть. Подошелъ онъ къ крутому берегу, вытащилъ изъ-за пояса изъ-за своего топоръ: размахнулся, бросилъ его въ воду и выкрикнулъ:

— Не было такого мастера на свѣтѣ, нѣтъ и не будетъ!..

Сказалъ слова эти, бросился въ толпу. Побѣжали за нимъ, кто догадался. На квартиру пришелъ. Цѣлый день не ѣлъ, все ревелъ, благимъ матомъ ревелъ, да потомъ оправился и денежки взялъ и въ свое мѣсто ушелъ.

И съ той поры (сказываютъ старики) сколько ни было ему зазывовъ, поклоновъ низкихъ, просьбъ почестныхъ, никуда не пошелъ, топора не бралъ въ руки. Лѣтъ съ десятокъ жилъ послѣ того и пилъ, мертвую пилъ.—Тѣмъ и померъ.

VIII.

МУРМАНЪ.

Время, вызывающее поморь на тресковой промыселъ; путь ихъ къ океану.—Жальники.—Ливяса.—Подсѣжная статуя.—Подробности способовъ ловли трески и паласины.—Мурманскіе судохозяева и ихъ покрутки во взаимномъ отношеніи другъ къ другу и къ артели—пѣкруту.—Станы и становища.—Тороса и припаи. Сало и шуга.—Устройство рыболовнаго яруса.—Зуйки.—Весельчаки.—Стряски.—Приготовленіе трески.—Штокфишъ.—Норвежскій ромъ.—Пріѣздъ хозяевъ.—Архангельскій рынокъ.—Возвращеніе мурманскихъ промысленниковъ домой и обряды до и послѣ этого.

Въ концѣ февраля полярная архангельская зима начинаетъ замѣтно умѣрять свои холода, которые въ концѣ января и въ началѣ февраля едва выносимы. Въ февралѣ зима *сдастъ, кротѣетъ*, говоря мѣткими поморскими выраженіями. Перестаютъ *играть* въ сѣверномъ краю небо *сполдхи* (полярныя сіянія); сѣверовосточный вѣтеръ, смѣняющій горные, чаще нагоняетъ густые туманы, покрывающіе сплошнымъ, непроницаемымъ пластомъ все побережье. Хотя оно все еще засыпано глубокими, въ ростъ человѣка, снѣгами, тѣмъ не менѣе привычному уху помора слышатся подчасъ учащенные, вдвое зловѣщіе крики вѣроновъ, чующихъ свой скорый отлетъ вглубь окрестныхъ корельскихъ и дальнихъ финляндскихъ болотъ. Снѣгъ на берегахъ и на лугахъ еще сверкаетъ своимъ поразительно-яркимъ, едва выносимымъ для непривычнаго глаза блескомъ. Пороги въ рѣкахъ незамерзающіе во всю зиму, продолжаютъ шумѣть попрежнему, но глухо и далеко не такъ бойко, какъ въ началѣ весны. Окраины моря подернуты еще широкимъ ледянымъ припаемъ и, при сильныхъ вѣтрахъ, все еще разгуливаютъ по немъ огромныя ледяныя поля съ потрясающимъ шумомъ и трескомъ. Подобно раскатамъ грома, ломаются тамъ самыя большія изъ льдинъ—*торосы*, отъ сильно набѣжавшей и бойко разрѣзавшей ихъ меньшей льдины. Но за то чаще перепадающія оттепели стали держаться дольше, а за ними и неразлучные насты на снѣжныхъ поляхъ—тотъ промерзающій и обледѣняющійся верхній слой снѣга, по которому такъ легко бѣгать на лыжахъ. Ночи

хотя и становятся замѣтно короче, превращаясь при блескѣ луны, освѣщающей не менѣе блестящіе снѣга, почти въ такой же свѣтлый и ясный день, какимъ въ пору быть зимнему дню и при солнцѣ. Но по избамъ идутъ еще своимъ чередомъ *вечерины*, хотя и безъ пѣсень и плясокъ, по причинѣ великаго поста. Между тѣмъ незамѣтно наступаютъ и первые мартовскіе дни—*Евдокеи*—замѣтное время для поморовъ. Соображаетъ каждый на нихъ, про себя, пока еще лежа дома въ теплой избѣ и въ домашней холѣ слѣдующее:

— Въ Крещенье, на водосвятѣ, и потомъ цѣлый день крѣпкій *сѣверъ* тянулъ: надо-быть, по старымъ памятямъ, морскому промыслу хорошимъ; тоже опять и звѣзды—низко, у самаго моря шибко горятъ и играютъ. Чистый понедѣльникъ весну хорошую посулилъ: выпала на тотъ день такая свѣтлая, да благодатная погодка, что и бояться, стало быть, нечего. Все таково хорошо показываетъ, что вотъ и самого заставь сдѣлать-то этакъ—не сдѣлаешь!..

Вотъ что бываетъ дальше на всемъ протяженіи поморья, начиная отъ городка Онеги и оканчивая послѣдними деревнями дальней Кандаджской губы (по мѣстному Кандалухи)—Княжой и Кандалакшей. Во всякомъ почти селеніи найдется по одному, нерѣдко по три и даже болѣе богачей, у которыхъ ведется туго набитая киса съ деньгами, неразлучная съ ними страсть къ пріобрѣтенію еще большихъ суммъ и, наконецъ, исконный (у иныхъ еще прадѣдовскій) обычай *обряжать подкрутъ*, т. е. панимать работниковъ для промысла трески и палтасины на дальнемъ Мурманскомъ берегу океана. За работниками дѣло не стоитъ: всегда тутъ же, подлѣ, домъ-о-домъ въ той же деревнѣ, живутъ цѣлыя семьи недостаточныхъ мужиковъ, у которыхъ нужда отняла возможность дѣйствовать самостоятельно, по себѣ; а, съ другой стороны, природа наградила крѣпкимъ здоровьемъ и силами, не отказавши, въ тоже время, ни въ терпѣніи, ни въ смѣлости. Привычка приспособила небогатыхъ поморовъ къ тому, чтобы цѣлые полгода не видать семьи и часто даже не получать отъ нея никакихъ вѣстей, а короткое и близкое знакомство съ моремъ отучило и отъ жаркой печи и отъ теплыхъ палатей. Помору въ избѣ и тѣсно и душно, если только онъ въ силахъ и если еще не изломали его въ конецъ житейскія нужды и трудныя ломовыя работы. Богачъ припасай деньги и свою доброю волю, а бѣднякъ-наемщикъ не заставитъ просить и кланяться.

Онъ придетъ около Евдокей въ избу *боготѣля*, встинетъ у дверей, поклонится на тябло, да самъ же и отдастъ поясной поклонъ хозяину:

— Что, батюшко, Естегнѣй Парамонычъ, ладишь понѣча туды-то?

Проситель махнетъ головой и рукой въ уголъ.

— Знамое дѣло. Ну, да какъ и не ладить? ни одной почестъ весны, какъ живъ, не запомню, чтобы не обряжалъ покрутовъ. Самъ вотъ подряжаю на двадцатую, да и батюшка-покойничекъ тѣмъ же пробавлялся...

— Знаемъ доподлинно и эту причину. Такъ и нонѣча, выходить, надумалъ?

— Отъ другихъ не отстану!

— Такъ, Естегнѣй Парамонычъ, такъ, и какъ же, коли не такъ.

Проситель, оглядывая шапку свою съ разныхъ сторонъ, пере-кладываетъ ее изъ руки въ руку и, того и гляди, запустить правую руку за затылокъ.

— Беру ребятъ нонѣшную весну на два стана,—продолжаетъ хозяинъ.

— Такъ, Естегнѣй Парамонычъ, такъ: и это хорошее дѣло!. Стало быть, тебѣ покручениковъ-то много же надо?

— По глаголу твоему. Вѣстимо больше, чѣмъ по запрош-
лый годъ.

— Я то—не лишній буду?

— Имѣлъ, имѣлъ, Степанушко, и тебя въ предметъ: милости просимъ! Обряжайся съ Богомъ!

Степанушко опять кланяется въ поясъ и опять оглядываетъ свою хохлатую шапку со всѣхъ сторонъ:

— Ты это какъ, Естегнѣй Парамонычъ, меня-то... въ какіе?

— Да по старому, думаю, Степанушко, по сѣгодняшнему.

— Не обидно ли будетъ опять-то въ наживочники?

— Это ужъ твое дѣло, святой человѣкъ: на твой кладу разумъ. Самъ смѣкай!

Проситель учащеннѣе заворачиваетъ шапкой и весь зардѣлся: оза-дачили его послѣднія слова богатѣля.

— Ишь, вѣдь, ты прорва какая! Не ладно вышло-то больно,—на умъ-то не такъ сложилось: ребятамъ нахвасталъ, что въ кѣршики возьметъ меня Естегнѣй-то Парамонычъ—раздумывалъ проситель, по-временамъ искоса взглядывая на хозяина.

— Въ кѣршики-то кого берешь?—говорилъ онъ уже вслухъ.

— Аль ты надумалъ?

— Больно бы ладно; отчего нѣтъ?

— Да не управишься, вѣдь тяжело, свыку надо много.

Въ отвѣтъ на это проситель только улыбнулся и насмѣшливо посмотрѣлъ на хозяина.

— Обряды-то всѣ мурманскіе знать надо: гдѣ тебѣ сѣтъ опу-
стить, гдѣ стоитъ тебѣ корга, въ кое-время рыба шибче идетъ, все
надо—продолжаетъ хозяинъ.

Но и этимъ словамъ проситель улыбнулся и только боязнь разсердить хозяина и такимъ путемъ испортить все дѣло помѣшала ему прихвастнуть о себѣ: „что и мы-де съ твое-то знаемъ, тоже не первый годъ идемъ на Мурманъ-отъ, а богатъ вонъ ты—такъ и ежовишь, ни съ какой-де тебя стороны не ухватишь“.

— Не обидь, говорилъ онъ уже вслухъ:—вѣчные за тебя Богу молеельщики: возьми въ коршики-то!..

— Въ коршики—сказалъ не возьму; есть ужъ. До коршиковъ-то тебѣ надо еще разъ пятокъ съѣздить туда, да тогда ужъ развѣ. А то какъ тебѣ довѣриться! И ребята, пожалуй, съ тобой не пойдутъ: имъ надо по-знати, а ты еще и весельщикомъ не стаивалъ.

— Вели: состоимъ! Намъ это дѣло въ примѣту: у тебя вотъ, на пятую вѣсну иду!

— Нѣтъ, Степанъ, остань ты—остань: и не обижай ты меня попустому.

— Да хоть парнишку мово вели взять съ собой?

— Парнишку бери, парнишко не тягость, пущай привыкаетъ, хорошо-вѣдь это.

— Хорошо-то хорошо, Естегнѣй Парамонычъ, что говорить!

— Вѣдь въ *зуйки* берешь: чтобы кашу варилъ да потроха прибиралъ?

— Да ужъ, извѣстно, не въ коршики. Ты, Естегнѣй Парамонычъ, не дашь ли теперича мнѣ хоть маленечко?..

— Чего же это?

— Денегъ бы маленечко далъ—вѣчные бы Богу молеельщики. А то, вишь, дома-то оставить нечего: измаются!

— Денегъ отчего не дать: мы за этимъ добромъ не стоимъ — много его у насъ. Для-ча не дать денегъ? Сколько же тебѣ надо?

— Да, вишь, бабамъ на лѣто, сколько положишь: твоя власть во всемъ, а мы тутъ, выходить, ни въ чемъ непричинны...

— Бабамъ скажи, чтобъ зашли, когда имъ тамо надо будетъ,— а тебѣ вотъ на первую пору полтинничекъ.

Полтинникъ этотъ—такъ называемый *запивной* и заручный, — не пойдеть въ общій счетъ при осеннемъ раскладѣ заработковъ промысловыхъ. Вотъ почему проситель не настаивалъ больше и тотчасъ же ушелъ, заручившись главнымъ, т. е. хозяиномъ. Просьба въ кормщики сказалась такъ, с проста, съ кончика языка соскочила безъ умыслу, какъ выражаются они же сами и какъ бываетъ часто со всякимъ поваженнымъ человѣкомъ, когда ему придетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего просить и еще и еще, хотя и такъ уже сытъ и удовлетворенъ, что называется по горло. Въ кормщики поступаютъ всегда испытанные, искусившіеся въ своемъ дѣлѣ ходоки: новичкамъ — тутъ не мѣсто. Хорошіе кормщики всѣ наперечетъ въ Поморьѣ; ихъ зна-

ютъ всѣ хозяева и не заставляютъ приходить къ себѣ и кланяться. Скорѣе хозяинъ ходитъ за ними, проситъ и поблажаетъ.

— Скоро, Еремушка, Евдокеи, — говоритъ хозяинъ вкрадчиво-лестливымъ голосомъ.

— То-то, кажись, скоро, Естегнѣй Парамонычъ; вороны ужъ больно шибко кричатъ. Вечоръ, слышь, выпить захотѣлъ, сунулся, анъ карманъ-отъ хотъ вывороти, словно тутъ Мамай войной ходилъ: ничего не осталось...

Хозяинъ улыбается и милостиво и ласково, столько же и причувившійся слышать почти во всякомъ отвѣтѣ весельчака-кормщика шутку, столько же и поблажающій ему, какъ человѣку дорогому и нужному:

— Собираешься-ли?

— Куда это?

— А на Мурманъ-отъ?

— Чего мнѣ собираться-то? На то хозяева, сказано, на свѣтѣ живутъ, чтобы покруты собирать, а наше дѣло извѣстное: дѣло боярское! Чего собираться-то мнѣ? Брюхо вонъ только съ собой-то прихвачу, да зубы еще нѣшто, ну... языкъ тоже, и будетъ съ меня на лѣто-то!..

— Къ кому же идти надумалъ, Еремушко?

— Да кто дастъ больше, Намъ, извѣстно, у того хорошо, гдѣ съ тебя работы меньше спрашиваютъ, да рому даютъ больше!

— А ко мнѣ пойдешь?

— И къ тебѣ пойду, коли вотъ *свершённы* * больше 25 рублей положишь... на серебро выходить, да теперь дашь на выпивку полтора цѣлковыхъ — не въ счетъ.

* При нарядѣ покрута соблюдаются обыкновенно слѣдующія правила, вездѣ общія для каждаго поморскаго селенія. Крутятся въ пай обыкновенно четверо: *кормщикъ, тямлецъ, весельщикъ* и *наживочникъ*. Послѣдніе трое называются *рядовыми* и отдаются въ полное распоряженіе кормщика. Отъ кормщика требуется вѣрное знаніе мѣстностей всего спопутнаго Бѣлаго моря, а тѣмъ болѣе океана и всѣхъ его становвищъ, умѣнье мегать снасти (яруса) и способы сгряски, осола рыбы, знаніе *воды*, т. е. времени морскихъ приливовъ и отливовъ и наконецъ лучшія мѣста для лова. Добытый промыселъ дѣлится на три части: двѣ поступаютъ въ пользу хозяина, крутившаго пародъ, за его снасти и суда; остальная треть добычи дѣлится поровну между четырьмя работниками. Кормщикъ, сверхъ того, получаетъ на свой пай *половой* отъ хозяина, то-есть еще ровно половинну того, что ему досталось изъ третьей части по раздѣлу, и, сверхъ того, награду, такъ называемый *свершбнокъ*, отъ 50 и до 5 рублей сер., смотря по способностямъ своимъ и по тому, какъ богатъ былъ промыселъ. Это послѣднее обстоятельство зависитъ естественно отъ расторопности самого кормщика и добросовѣстности въ работѣ остальныхъ троихъ его товарищей. Зуйки — мальчишки не получаютъ на свою долю ничего, кромѣ мелкихъ, незначительныхъ подарковъ и возможности съ маюлѣтства приучивать себя къ труднымъ и дальнимъ работамъ на тресковыхъ промыслахъ.

Хозяинъ не стоитъ за этимъ, зная, что опытный кормщикъ не у него, такъ у другого найдетъ себѣ мѣсто. Еремушка только просить, получивши деньги:

— Когда обѣдомъ-то на разставаньи кормить станешь, на Прокофья, что ли? Такъ и знать будемъ: придемъ!..

И придетъ исполнить обѣщаніе, вѣрный старому обычаю *заручиться хозяиномъ*. Заручка эта, по давнему, всегда завершается, передъ походомъ покрутчиковъ, обѣдомъ, на который сзываютъ промышленниковъ мальчишки-зуйки, являющіеся въ назначенныя хозяиномъ покрута избы съ поклономъ и приговоромъ: „звали пообѣдать—пожалуй-ко!“ Повторивши еще разъ послѣднее слово, зуйки стремглавъ убѣгаютъ въ другіе дома, къ другимъ званнымъ-желаннымъ. Обѣдъ прощальный, по обыкновенію, бываетъ сытный и жирный, гдѣ первымъ блюдомъ—треска, облитая яйцами и плавающая въ маслѣ, послѣднимъ—жареная семга или навага — все это подправляемое обильнымъ количествомъ національной водки, а у тароватаго хозяина и ромомъ и хересомъ, которые такъ *дешево* достаются въ Норвегіи. Естественно, къ концу обѣда, когда гости, что называется, распояшутся и войдутъ во вкусъ, начинаются крупные разговоры, затѣмъ споры. Гости, пожалуй, побранятся и поцѣлуются, потомъ наговорятъ про себя и для себя всякаго пьянаго, безтолковаго вздору, споютъ нѣсколько безалаберныхъ, бессмысленныхъ пѣсенъ безъ конца и начала и, разбредясь кое-какъ по своимъ угламъ, покончатъ такимъ образомъ дѣло съ хозяиномъ до будущей осени, когда вернутся домой уже съ промысловъ.

На другой день послѣ хозяйскаго пира, если не похмѣлье, со всею неприглядною обстановкою вчерашняго пьянства, то уже непременно сборы въ дальній путь-дорогу и прощанья со всѣми родными и сосѣдями. Наконецъ наступаетъ и самый день проводъ, съ неизмѣннымъ бабьимъ воемъ на цѣлую деревню. Мужья, братья и сыновья, обрядившись по дорожному и помолившись на свою сельскую церковь, цѣлой ватагой идутъ на дальній Мурманъ за треской, а стало-быть, и за деньгами. „Тамъ (подсмѣиваются сами надъ собой поморы), тамъ каша сладка, да на морѣ мачта прядка“ (упруга, тяжела и непослушна, а на одобреніе каши разлитое море рыбьяго жира, добытаго топленьемъ изъ тресковой печени и прямо полученнаго изъ самой жирной океанской рыбы—палтаса).

Теперь пока мурманцы всѣ еще въ кучѣ и не разстались съ остающимися дома родными.

Вообще не щедрый на слезы русскій человѣкъ, искушенный въ трудахъ и сопряженныхъ съ ними частыхъ разлукахъ, плачетъ рѣдко, и если уже подступить ему горе подъ сердце и нѣтъ ему исхода, слезы эти бываютъ и горьки и едва выносимы. Чѣмъ то зловѣщимъ,

раздирающимъ душу, несутся съ сельскихъ погостовъ всякому свѣ-
жему проѣзжему человѣку вопли и причитыванья надъ свѣжей моги-
лой, вырытой для кормильца-радѣльника. Едва выносятся еще неозлоб-
ленной, вѣрующей во все святое душой тѣ простыя, повидимому,
сцены, которыя разыгрываются подчасъ на площадкахъ и улицахъ
какой-либо дальней деревушки или бѣднаго уѣзднаго городка, въ ко-
торомъ нѣкогда производился рекрутскій наборъ. Огромная толпа на-
рода, запрудившая всю главную улицу отъ одной стороны ея до дру-
гой, едва колеблясь, медленно, какъ только возможно медленно, по-
двигалась впередъ. Разноцвѣтно-пестрая по бокамъ, однообразно-сѣрая
въ серединѣ, толпа эта молчала, какъ бы выслушивая всю до конца
длинную, печально-погребальную пѣсню, которую тянула середина
народной массы. Изрѣдка прорѣзывались между однообразными зву-
ками напѣва болѣзненные вздохи и выкрики, готовые превратиться
въ одинъ сплошной плачь и ревъ, когда выяснятся и примутъ пла-
чевное цѣлое послѣднія слова длинной, безотрадной пѣсни:

Ужъ и гдѣ жь, братцы, будемъ день дневать,
Ночь коротати?
Будемъ день дневать въ чистомъ полѣ,
Ночь коротати во сыромъ бору.
Во темномъ лѣсу все подъ сосною
Подъ кудрявою, подъ жаравою.
Намъ постелюшка—мать сыра земля,
Изголовьице—зло кореньце,
Одѣялышко—вѣтры буйные,
Покрывалышко—снѣги бѣлые,
Обмывающице—частый дождичекъ,
Утираньице—шолоковъ трава,
Родной батюшко нашъ—свѣтѣль мѣсяцъ,
Красно солнышко—родна матушка,
Заря бѣлая—молода жена.

Пусть оттуда, изъ середины толпы этой, тотчасъ же раздается
на смѣну иная, веселая, плясовая пѣсня, сопровождаемая и стукомъ
въ бубенъ, и взвизгами задыхающей гармоникки и трывканьемъ
сподручной, но не гармоничной балалайки; пусть эта толпа пьетъ
крѣпко и много на всѣхъ дневкахъ и подымаетъ пыль трепакомъ и
камаринскимъ вездѣ, гдѣ позволятъ ей перевести духъ и полежать
свободно—день проводъ изъ родныхъ мѣстъ на всю жизнь, до гробо-
вой доски, ложился тяжелымъ гнетомъ на сердца и въ воспомина-
нiяхъ всѣхъ, кто хоть разъ видѣлъ подобную картину и былъ въ ней
не участникомъ, а даже простымъ, спокойнымъ и непричастнымъ
дѣлу свидѣтелемъ.

Въ проводинныхъ слезахъ поморскихъ бабъ чуется иной смыслъ,
далеко не такъ знаменательный и горькій. Русская баба вездѣ не прочь.

поплакать, было бы только къ чему привязаться. А тутъ вотъ какое горе: вчера былъ мужъ подлѣ, тутъ же подъ бокомъ, а теперь, гляди и нѣтъ его, да и завтра нѣтъ, и все лѣто не будетъ. А тамъ надо за дровами въ лѣсъ съѣздить, лошадь впредь, дерево свалить. Смотришь изъ начальства кто наѣхалъ и пошелъ крутить все, да браниться направо и налево; надо ему подводу сбивать, гребцовъ собирать, *карбасъ* обрядить, да и такой, чтобы и съ боковъ не просачивалъ, да сверху бы навѣсъ былъ, чтобы не мочилось его благородье дождемъ. Во всемъ правъ десятскаго должность: съ женскимъ-то умомъ-толкомъ не вездѣ тутъ угодишь. Парнишку гдѣ бы тутъ въ иную пору сунула вмѣсто себя—пушай-де отвѣчаетъ передъ начальствомъ—такъ и тутъ несходное: и парнишекъ-то всѣхъ прихватили большаки съ собой на Мурманъ. Воютъ бабы цѣлымъ селеніемъ въ перегонку одна передъ другой, когда, мужики съ ногъ до головы укутанные въ оленя, потянутся изъ деревни на задворья и дальше въ снѣжную степь. Будутъ ли назадъ живы-здоровы!—вѣдь всяко бываетъ. Кто туда хаживалъ, тотъ здѣсь сказывалъ, что по Мурманской дорожкѣ много „жальниковъ“ насыпано, а подъ этими насыпями много косточекъ сложено,—и все-то ихъ однихъ добрыхъ молодецвъ—покручениковъ. „Вдъ тяжкихъ грѣхахъ безъ покаянія они приняли смеретушку напрасную, тѣлеса у нихъ пошли безъ погребенія, не отданы матушкѣ-сырой землѣ, придавило буйнымъ вѣтрушкомъ, призагрѣло краснымъ солнышкомъ, запало тѣло снѣжечкомъ пушистымъ“. Таковы плачки въ деревнѣ и то что по мурманской дорогѣ нѣтъ ни теплыхъ пристанищъ, и при себѣ нѣтъ достаточной и здоровой пищи, ни на себя теплой одежды, ни отъ другихъ помощи. Путевые товарищи только и въ силахъ, чтобы похоронить умершаго. Повоютъ бабы потомъ и въ домахъ цѣлыми артелями въ одиночку; на завтра поохаютъ, повздыхаютъ тяжело и глубоко, но уже не дальше на томъ простомъ основаніи, что нудой поля не изъѣдишь, тугой моря не переплывешь; не на вѣкъ же и не первый же годъ такъ-то...

Станемъ ждать да дожидатся:
Мы во чистыя поля во широкія
Прираскинемъ свои-тѣ очи ясныя
Далекимъ-далеко на всѣ стороны...
Мы станемъ глядѣть да углядывать,
Что не придутъ ли наши ясные соколы
Они—яблони, да кудреватія,
По прежней порѣ да по времечку
На трудную работу на крестьянскую,
Будемъ вѣкъ дожидаться и повѣку.

Со стоическимъ хладнокровіемъ переносятъ мужья ихъ болѣе тягостную и болѣе безутѣшную разлуку съ родными семьями и дерев-

ней, тѣмъ болѣе, что безпріютная, голая дѣйствительность обступаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и не даетъ покою своимъ холодомъ, крѣпко-накрѣпко заправляемымъ постоянными, упорными вѣтрами съ моря и своими глубокими, въ маховую сажень, снѣгами. Рады путники, какъ находкѣ, какъ особой наградѣ за свою рѣшимость и трудный дальній путь, когда морозъ прокуетъ рыхлый подвешенный снѣгъ крѣпкимъ настомъ, давая имъ возможность легче и удобнѣе бѣжать по немъ на лыжахъ. Картина странствія значительно оживляется, и хотя не слышно разговоровъ, уступившихъ мѣсто серьезной работѣ, для того, чтобы по возможности скорѣе сократить разстояніе до мѣста привала, за то учащеннѣе слышатся и взвизги и лай большихъ желтыхъ собакъ, запряженныхъ въ салазки съ необходимой поклажей и управляемыхъ ребятенками, съ малолѣтства обреченными привыкать къ будущимъ трудовымъ работамъ на океанѣ. Впереди несутся на лыжахъ въ перегонку и только отдуваются, быстро перемѣняя одну ногу другой и подкатывая себя все дальше и дальше, большаки артельные. Сзади прыгаетъ и замѣтно отстаетъ весь поѣздъ съ собаками и ребятишками, а между тѣмъ вдаль уже чернѣетъ одинокая промысловая изба, до половины зарытая снѣгомъ—мѣсто привала, если только бьетъ уже кровь въ ноги и подгибаются колѣни, и если далеко еще путникамъ до селенія, которыя не бываютъ ближе 40—50 верстъ одно отъ другого на всемъ пути по побережьямъ. Въ промысловой избѣ промышленники находятъ не много: четыре закопѣлыхъ стѣны, замшонныя кое-какъ, съ щелями; въ одной стѣнѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣла еще рамка со стекломъ; другое отверстіе просто уже заткнуто кускомъ армячины; сверху потолокъ изогнувшійся, покривившійся во многихъ мѣстахъ и глянцебитый отъ налетѣвшей сажи и выкипѣвшей сѣры. Въ углу печка кое какъ смятая изъ глины съ пескомъ, потрескавшаяся и закопѣлая, подлѣ нея полусгнившія нары; кругомъ—покривившіяся лавки, обезноженная скамеечка, двѣ доски, изъ которыхъ сооружается столъ. Въ другомъ углу тѣло съ почернѣвшимъ и полоповшимся образомъ, и тутъ же двѣ самодѣлки—ложки деревянные, берестяная корбочка съ отсырѣвшею, грязнаго вида солью, ведро для воды. Все, по обыкновенію, издавна укоренившемуся въ безлюдномъ и безпріютномъ архангельскомъ краѣ, запасенное для всякаго прохожаго, имѣющаго ежечасную возможность спутаться съ дороги, просидѣть въ пустой избѣ и умереть съ голоду, если надолго завяжется бойкая, порывистая погода съ сильными вѣтрами и истощится весь запасъ взятой съ собою провизіи. Горькое горе, только привычнымъ человѣкомъ выносимое—это тѣ мятели, по мѣстному *xivusá*, когда снѣгъ носится цѣлыми тучами съ одного мѣста на другое, подрывая бѣгущихъ на лыжахъ и сбивая съ ногъ собаченковъ, ежеминутно грозя засыпать все это высокимъ снѣжнымъ курганомъ. Тутъ одинъ исходъ, если нѣтъ

подлѣ спасительной избѣжки и высокаго подвѣтреннаго бугра, обернуть сани вверхъ копыльями, лечь подъ нихъ, предаваясь волѣ Божьей и пережидать, пока вѣтеръ перестанетъ раскачивать чунку и нагревать на нее новые сугробы.

Это не въ диво испытаннымъ въ путевыхъ лишеніяхъ поморамъ: лежать они и толкуютъ:

— А тепло, братцы, что въ банѣ! хоть бы и вѣкъ такъ.

— Мокро ужъ больно, Ервасей Петровичъ. Ишь словно капель какая: всего такъ и обливаетъ тебя...

— Бери-ко шесты да поростолкайте—легше будетъ.

— А ты бы, Матвѣюшко, налегаль бокомъ-то, уминаль бы снѣгъ-отъ; все, гляди, и дышать-бы просторнѣе стало. А что, крутить, братцы, вѣтеръ-отъ? разгрябись-ко да выстань!...

— Крѣпче серчаетъ, Ервасей Петровичъ, такъ и залѣпило всю рожу, какъ выглянулъ.

— Ну, лежи, братцы, плотнѣй да дружнѣй. Твори молитву „помилуй мя Боже!“

— А что, Ервасей Петровичъ, на умъ мнѣ пришло: котораго у тебя хозяйка-то парнишку родила—анъ пятаго?

— Ишь тебѣ, черту, дѣла-то мало! Лежи знай, да поплотнѣй ложись, другое думай что смѣшное, не засыпай, бодрись. Тыкай шестомъ-то кверху. Шапку бы кто просунулъ: поваднѣй бы дышать-то. Ну-кошь, ребята!...

— Водки бы теперь выпить, Ервасей Петровичъ!...

— Рому бы аглечкаго!...

— Плетью бы васъ, дураковъ, поперекъ живота, чтобы знали, что къ чему и какую молитву творить надо передъ смертью. Лежи-ко дружнѣй, да разговаривай меньше; попусту только духъ-отъ гоняете!...

— Ну, братцы, знать еще не написана про насъ смерть эта!—говорилъ тотъ же Ервасей Петровичъ уже въ лучшихъ обстоятельствахъ,—въ теплой, знакомой избѣ ближайшаго селенія.—Знать еще въ книгѣ-то судебъ Божіихъ имена наши не похѣрены: быть намъ, стало-быть, и нонѣ на Мурманѣ.

— Наше дѣло еще что? полусутокъ-то, почитай не лежали; а вонъ лопари на тундрѣ—трое было—такъ заснули, надо быть, подъ чункой-то. По веснѣ ужъ нашли, что кисель-де, сказываютъ, совсѣмъ погнили: такіе-де черные, какъ уголь, молъ, черные!...

— А бываетъ, что и по суткамъ лежать—и ничего. Надо-де въ носу щекотать, чтобы сонъ-отъ не бралъ.

— Не надо бы выходить въ такую погоду.

— Ну да какъ ты узнаешь-то, Елистратушко, какъ? Вонъ въ деревнѣ: такъ оно, по стариковски, не ходи въ море—бури падутъ, коли ребятенки на улицѣ въ колокола звонятъ, играютъ значитъ. А тутъ-

то какъ? Пущай, коди крѣпко на востокъ небесья чернѣтью затянетъ—вѣтеръ падетъ крутой и съ пылью; да какъ уснаровиться-то, какъ? По лѣтамъ, вишь, такъ чайки бы да гагары сказывяють—и снаровился, подлаживался, а тутъ тебѣ снѣгу, что воды въ морѣ, а и ширь-то ширь по полю, что почестъ не въ двои сутки изъ жилья въ жилье угодишь...

— Нѣтъ, да ужъ что, Ервасей Петровичъ, толковать попустому; не ты смерти ищешь, сказано: она сторожитъ. Вонъ Луканько-то по три года на Мурманъ ходилъ и въ городъ по всѣ разы плавалъ: а дома по грибы, вѣдь, поѣхалъ-то, и опрокинуло. Отъ смерти не посторонишься: на роду пишется, гдѣ тебѣ умереть надо, то мѣсто и на кривой оглоблѣ не объѣдешь...

Лѣпотъ (все что носится на себѣ, рухлядъ) высохнетъ, ребятенки выспятся, хозяева отдохнутъ, собаки отлежатся и путники опять направляются дальше, крѣпко заправивши желудки, и съ прежнею вѣрою въ лучшую долю и болѣе или менѣе отрадное будущее. Мелькнутъ мимо ихъ спутныя деревни и села, по обыкновенію, пріютившіяся верстъ на 5, на 6 отъ моря, при устьѣ болѣе или менѣе значительной рѣчки, всегда порожистой, нѣсколько широкой при устьѣ, но на второй-же, третьей верстѣ значительно сѣзвившейся и переходящей въ плохую, лѣсную рѣчку. Селенія эти двумя рядами двухъ-этажныхъ, чистенькихъ, веселенькихъ избъ, раскрашенныхъ по ставнямъ, по крышамъ и даже воротамъ, всегда расположены по обѣимъ сторонамъ рѣченки. Чуть живой мостикъ, почти пригодный только для пѣшеходовъ и вовсе неудобный для конной ѣзды (которая, впрочемъ и не въ ходу), соединяетъ обѣ половины селенія. Въ рѣдкомъ изъ нихъ дома эти идутъ, не сбиваясь въ кучу, даже въ нѣкоторой симметріи. Въ рѣдкомъ нѣтъ кабака. Въ рѣдкомъ изъ нихъ клѣти, старенькія и низенькія, не составляютъ вторую сторону улицы—собственно набережную. Рѣдкое изъ селеній не въ двѣ, три версты длиною, и всегда и во всѣхъ нѣсколько десятковъ пестрыхъ крашенныхъ шестовъ съ флюгарками, замѣняемыми часто простымъ клочкомъ ситца, ленточкою и даже веревкой, голикомъ и проч. Въ богатыхъ селеніяхъ, преимущественно селахъ, разница та, что побольше домовъ новенькихъ, обшитыхъ тесомъ и раскрашенныхъ всѣми ярко-прихотливыми цвѣтами: коричневымъ, зеленымъ и синимъ. Въ иныхъ изъ нихъ внутри и зеркалъ много, и картины развѣшены, и полы штучные и крашенные. Всегда и во всѣхъ селахъ старинныя, обветшалыя церкви, только по угламъ обшиты тесомъ, съ рѣзкими, яркими заплатами кое-гдѣ по мѣстамъ на крышахъ, съ отдѣльно-стоящими колокольнями въ одинъ просвѣтъ, гдѣ три-четыре маленькихъ колокола, до половины разбитыхъ, съ глухимъ сиплымъ звономъ. Тутъ же, противъ церкви, общественный домъ для церковниковъ: верхній этажъ для попа, нижній

для дьячка и пономаря—домъ съ горшками герани на окнахъ, съ садикомъ или, лучше, клочкомъ огорода передъ окнами, гдѣ нерѣдко можно увидѣть и парничекъ, и пять-шесть грядокъ съ неизбѣжнымъ чучеломъ на одной изъ нихъ. Пропастъ мелкихъ судовъ въ перебивку съ кое-какими изъ крупныхъ, зазимовавшихъ въ рѣкѣ, желтыя большія собаки, бѣгающія по улицѣ, парочка бойкихъ и статныхъ оленей, да кучи сбитаго у дворовъ и по задворьямъ снѣга довершаютъ картину любого поморскаго селенія, всегда однообразнаго.¹

Промышленники, отправляющіеся на Мурманъ *, идутъ изъ Кандалакши или почтовымъ путемъ на Колу, или черезъ Лапландію—прямо къ своимъ становищамъ, смотря потому, куда ближе лежатъ эти становища: къ Святому-ли Носу или къ городу Колѣ. Труднѣе и безпріютнѣе изъ обоихъ путей на Мурманъ тотъ, который идетъ черезъ Лапландію—эту огромную тундру, кое-гдѣ покрытую озерами и частыми порожистыми рѣками и прерываемую небольшими гранитаго свойства горами. Горы эти, уже окончательно пустынные, съ незначительными проблесками жизни, обступили океанъ, образовавши такимъ образомъ сплошную стѣну на 300 верстъ протяженія (отъ Св. Носа до Кольской губы), называемую издревле норманскимъ берегомъ, превратившимся на языкѣ туземцовъ въ *Мурманскій, Мурманъ*. Тонкій слой тундры, этой сгустившейся болотной грязи, проросшей кореньями травъ въ смѣшеніи съ пескомъ и мелкими камешками, выстилаетъ всѣ вершины мурманскаго гранита, давая достаточно питательныхъ соковъ для ягеля—бѣлаго моха—любимой, единственной пищи оленей. Кое-гдѣ на покатосяхъ мохъ зеленѣетъ и надъ нимъ прорѣзается колѣчатый приземистый березнякъ—*слѣнка*. На южныхъ склонахъ березнякъ этотъ вырастаетъ и больше аршина, а мохъ смѣняется зеленою травою; появляются кое-гдѣ цвѣты и даже порядочный соснякъ, особенно по рѣкамъ, бѣгущимъ изъ Лапландіи. За то собственно побережье—подшвы мурманскаго берегового гранита—сплошной голый камень съ булыжникомъ по отлогостямъ, съ вѣчными снѣгами въ расщелинахъ, обращенныхъ къ сѣверу и песчаниковъ въ нѣкоторыхъ небольшихъ заливцахъ или, по туземному, *заво-дяхъ*. Берегъ на всемъ протяженіи, представляя всевозможнаго рода неровности, то переходя въ высокія, обрывистыя горы, то спускаясь въ синюю массу воды океана невысокими отлогостями и мысами, называемыми обыкновенно *носомъ*, изрѣзанъ множествомъ губъ и заливовъ. Неопасныя по подводнымъ коргамъ и мелямъ и защищенныя отъ морскихъ вѣтровъ губы, удобныя для якорныхъ стоянокъ, носятъ названіе „становищъ“, которыми особенно богатъ приглубой, почти всюду чистый Мурманскій берегъ, сравнительно съ обмелѣвшими бѣ-

* Вся дорога имъ отъ дому до цѣли похода стоитъ обыкновенно не больше 9 цѣлковыхъ, даже, пожалуй, и со всѣми непредвидѣнными расходами.

ломорскими берегами. Болѣе удобныя и болѣе безопасныя изъ „становищъ“ (и именно тѣ, въ которыя не заходитъ прибой океанскихъ волнъ, въ которыхъ тихо гуляетъ всякій вѣтеръ) служатъ временнымъ пристанищемъ бѣломорскихъ судовъ, назначенныхъ для трескового промысла. По большимъ ущельямъ, снабженнымъ прѣсною водою отъ пробѣгающихъ въ нихъ рѣченокъ, настроены рыбачьи *станы*—тѣ уродливыя избенки, догнивающія свой вѣкъ подъ морскими дождями и снѣгами и разшатываемыя крѣпкими, порывистыми и продолжительными морскими вѣтрами—избенки, которыхъ такъ много по всѣмъ островамъ и пустыннымъ берегамъ сѣверныхъ морей Россіи. Кое-какъ сплоченныя изъ тонкаго, дряблага, лапландскаго лѣса и обсыпанные съ боковъ и сверху морскимъ пескомъ, съ щелями, заткнутыми мохомъ и служащими вмѣсто оконъ, избенки эти, въ числѣ пяти—шести, составляютъ родъ небольшого временнаго селенія, оживленнаго только съ апрѣля до половины августа и пустыннаго во все остальное время года. Изрѣдка—раза два-три во всю осень и зиму—навѣщаютъ ихъ лопари ближайшихъ погостовъ, чтобы посмотреть: все ли цѣло изъ сѣтей, веревокъ, суденокъ, кулей муки и соли, оставленныхъ поморскими промышленниками подъ ихъ личный надзоръ и смотрѣніе. Посмотритъ лопарь, покопошится въ избенкахъ, перехватитъ на отощавшій желудокъ того, что догадался прихватить съ собой изъ дому, и выйдетъ посмотреть на океанъ, пока олени его пробивая копытомъ снѣгъ достаютъ себѣ бѣлый мохъ и комочки самаго бѣлаго, мягкаго снѣга. Но какимъ-то зловѣщимъ и далеко не покоющимъ воображеніе зрѣлищемъ глядитъ въ то время океанъ. Съ октября еще и во всю зиму почти безпрестанно носятся по немъ огромныя глыбы льду—*тороса*, оторванныя бойкими, порывистыми волнами отъ береговыхъ *припьевъ* и успѣвшія въ долгомъ плаваніи намерзнуть и смерзнуться въ длину и ширину на нѣсколько сотенъ и часто тысячъ сажень. Съ поразительнымъ шумомъ носятся они по прихоти вѣтровъ, одинъ торосъ за другимъ, и съ визгомъ, раздражающимъ нервы, идутъ они бокъ-о-бокъ, пока новый штормъ не раздробитъ ихъ въ отдѣльныя груды—*стамухи*. Длинными *поясами* (полосами) и широкими *полями* (плотными ледяными полями) ходятъ по всему океану отъ береговъ и къ полюсу всѣ эти тороса и стамухи. Кое-гдѣ и въ рѣдкую на сѣрѣющемъ пространствѣ до того вплотную темнаго моря просвѣчиваютъ *рынчачи*, какъ острова, какъ водяные оазисы посреди *зажившаго ропачистаго* океана. Но и эти рынчачи недолго остаются свободными, недолго просвѣчиваютъ въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, почти ежеминутно замѣщаясь или *саломъ* (комками снѣга, смытаго съ торосовъ волной, но еще не успѣвшаго обледеветъ и пристать къ ближайшей льдинѣ), или *шудой*—мелкимъ рыхлымъ льдомъ, превратившимся въ кашу отъ тренія одной льдины о другую. Сало и

шуга рѣдко бываютъ толще четверти аршина. Попадающіеся въ океанъ въ видѣ обледѣлаго твердаго снѣга только однѣ и можетъ считать океанъ своей родиной. Изъ нихъ-то и накапливаютъ тѣ огромныя ледяныя массы, которыя запираютъ на $\frac{3}{4}$ года живую и дѣятельную жизнь береговыхъ жителей, такъ какъ, по роковому закону, всегда неизбѣжно направляются именно въ эту жилую сторону.

Тамъ, гдѣ по пути попадаютъ полянамъ и поясамъ *стамикъ*—каменистые подводные острова, громоздится одна на другую цѣлыя горы льду, которыя, при первомъ порывистомъ вѣтрѣ, въ свою очередь, образуютъ новыя поляны и новые пояса. Послѣдніе тѣмъ чаще начинаютъ бродить по морю въ концѣ зимы, что вѣтры, вѣрные необъяснимымъ законамъ природы, начинаютъ переходить въ межонныя, т. е. дуть уже не съ прежнимъ постоянствомъ и настойчивостью, смѣняясь, какъ бы по очереди, одни другими, переходя часто отъ одного румба компаса на другой, противоположный. Такъ бываетъ обыкновенно въ началѣ апрѣля.

Въ маѣ прибрежный ледъ начинаетъ отодвигаться отъ береговъ и только въ концѣ этого мѣсяца (рѣдко въ серединѣ) оставляетъ океанъ свободнымъ и чистымъ. Въ апрѣлѣ, когда появляются на Мурманѣ первыя артели промышленниковъ, глубокій снѣгъ лежитъ еще всюду, но замѣтно уже осѣдающій къ серединѣ этого мѣсяца, когда быстро сокращаются длинныя зимнія ночи, и солнце начинаетъ запаздывать на горизонтѣ все дольше и дольше. Между тѣмъ, почасту на разныхъ сторонахъ горизонта появляются рѣзкія, сѣровато-холмистыя полосы, какъ бы дальній берегъ, при значительномъ вѣтрѣ, сопровождаемыя туманами, до того густыми, что въ двадцати шагахъ трудно бываетъ различать ближайшую избенку, сосѣднее судно. Съ мачтъ и снастей послѣднихъ падаютъ даже почасту комки сгустившейся слизистой жидкости. Въ концѣ апрѣля и началѣ мая туманы эти разрѣшаются дождемъ, при сѣверныхъ вѣтрахъ—мелкимъ и настойчивымъ, при южныхъ—крупнымъ и перемежающимся. Но пока еще не зазеленѣютъ мохъ и трава по южнымъ отклонамъ горъ, пока еще не слышать по берегу ни чаекъ, ни гагаръ, и льды не всѣ еще унесло къ полюсу, воды океана оживаютъ, въ нихъ являются двѣ прожорливѣйшія породы изъ всѣхъ морскихъ рыбъ—треска и палтусъ, вмѣстѣ съ невинными жертвами ихъ алчности—сельдями. Ловъ тѣхъ и другихъ составляетъ главную и единственную цѣль появленія на пустынномъ Мурманскомъ берегу океана почти всего мужскаго населенія Кемскаго, Онежскаго и отчасти Мезенскаго поморья. Возможность всегдашняго богатаго улова, способнаго вознаградить всѣ труды, издержки и лишенія, поддерживаетъ твердость духа и мужество полуторы-тысячи промышленниковъ, поставленныхъ во всегдашнюю, трудную борьбу со враждебными стихіями—океаномъ и климатомъ.

До двадцати, болѣе значительныхъ, по количеству, становъ разбросано на всемъ протяженіи берега отъ Семи Острововъ до Териберихи (губы) и отъ Иоканскихъ острововъ до Кильдина. Въ каждой становой избѣ помѣщается обыкновенно отъ 12 и до 16 человѣкъ, и только въ крайнихъ случаяхъ больше 20-ти. Весь людъ, населяющій мѣста эти лѣтомъ, съ малолѣтства подготовленный къ труднымъ и однообразно-утомительнымъ работамъ, начинаетъ настоящую дѣятельность свою тогда только, когда побережья океана очистятся отъ льда и дадутъ возможность опускаться *ярусѣ*.

Ярусы эти обыкновенно обряжаются слѣдующимъ образомъ: къ веревкѣ, свитой изъ тонкаго прядева и называемой *оростяюй*, на одномъ концѣ прикрѣпляется уда—крючокъ, обложенный варомъ въ мѣстѣ прикрѣпленія, чтобы рыба не могла сорваться. Оростяги эти (или какъ иные называютъ арестеги, аростяги, длиною въ аршинъ и полтора) привязываются другимъ концомъ своимъ, на разстояніи одна отъ другой около 4 аршинъ, къ толстымъ веревкамъ, концами своими связаннымъ между собою. Мѣряютъ же на Мурманѣ не казенными или клейменными аршинами, а своей властной рукой владыкой; мѣряютъ тамъ „петлей“, а въ петлѣ этой столько длины, сколько ея приходится отъ плеча лѣвой руки съ конца пальцевъ вытянутой правой руки. На разстояніи такихъ двухъ петель привязываются въ ярусѣ всѣ четыре тысячи оростягъ верхними концами своими противоположными тѣмъ, на которыхъ прикрѣплены крючья съ наживкой. Веревки эти, взятые въ совокупности съ удами и оростягами, и называются *ярусомъ*. Онъ обыкновенно спускается на самое дно океана и растягивается на немъ верстъ на 5 и на 6. Для того, чтобы ярусъ удерживался на днѣ океана, употребляются особаго устройства якоря, состоящіе изъ тяжелаго булыжнаго камня, защемленнаго въ сучковатое полѣно и укрѣпленнаго въ немъ *вичью*, древесными кореньями. Отъ якоря на поверхность воды выпускается *кубасная симка* или *стоянка*, такая же, какъ ярусъ, веревка, къ противоположному концу которой, надъ водою, прикрѣпляется деревянный поплавокъ, называемый обыкновенно *кубасомъ* (длинной почти въ 2 аршина, а шириной вершковъ 8)—родъ чурбана: такихъ бываетъ два на всемъ ярусѣ. Къ кубасу, на верхней поверхности его, плотно прибивается шесть, длиною аршина въ 2 и 3, съ голикомъ или вѣшникомъ на концѣ, называемый *махавкой*. Махавка это означаетъ мѣсто, гдѣ брошенъ ярусъ, и должна быть примѣтна изъ становища. Крючки наживляются по веснамъ маленькой рыбкой *мойвой* и *пикшей*, лѣтомъ—червями, кусочками сельдей, семги и даже той же самой треской и кусочками того же самого палтаса, для которыхъ, и сооружается весь этотъ длинный подводный ярусъ. Его бросаютъ отъ берега верстъ на 5 и на 10 и всегда четыре человѣка, отправляющіеся для этой цѣли на особаго рода суднѣ, называемымъ обыкновенно *шнякой*.

Четверо рабочихъ *трясутъ тряску*, т. е. черезъ каждые шесть часовъ, по убылой водѣ, осматриваютъ и обираютъ ярусъ: коршикъ (кормщикъ) правитъ судномъ, *тягалецъ* тянетъ ярусъ; *вѣсельщикъ* улаживаетъ судно на одномъ мѣстѣ, чтобы ловче было тяглицу вытаскивать якорь. По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе сокращается стоянка, вода начинаетъ бѣлѣть и серебрится, а когда покажутся бросяги, зацѣпившаяся рыба болѣзненно бьется почти на каждомъ крючкѣ. Рѣдко попадаетъ туда какой нибудь полипь, еще рѣже сельдь. Обязанность наживочника—снять съ уды рыбу (треску и полтасовъ) и, отвертывая имъ головы, бросать въ шняку и опять наживлять крючки новой наживкой до тѣхъ поръ, пока не осмотрятъ весь ярусъ и пока шняка ихъ способна нести на себѣ всю, нацѣпившуюся на крючья, рыбу. Случается такъ, что въ благополучный уловъ съ одного яруса увозятъ по двѣ и по три полныхъ шняки. Случается и такъ, что вынимаютъ ярусъ совершенно пустымъ: не только безъ рыбы, но даже и безъ наживокъ и удъ. Ударятъ промышленники себя съ горя по бедрамъ, примолвивъ:

— И такъ-то мы, братцы, на хозяйское—чужое дѣло—не падки: а тутъ вотъ тебѣ этакой еще срамъ, да поношенье!

— А все, вѣдь, это, Ервасей Петровичъ, акула, надо-быть: прорва эта ненасытная!

— Кому, какъ не этой лѣшачихѣ бѣды творить. Подавиться бы ей, проклятой, добромъ нашимъ, и, гляди, брюхо-то у ней—пучина морская: чай, облизнулась только. Опять, смотри, придетъ пообѣдать. Надо бы, ребята, на другое мѣсто якорь-то положить!...

— Надо, Ервасей Петровичъ, надо! Больно бы надо!

— Опять придетъ. Надо на другомъ мѣстѣ выметать—лучше будетъ, Ервасей Петровичъ!

— Али, братцы, и такъ ладно?—Не придетъ, чай!

— А и то, Ервасей Петровичъ, и такъ ладно, не придетъ!

— Не придетъ, Ервасей Петровичъ, пошто ей придти?—Сытой ушла.

— Хозяйское, вѣдь, добро-то, братцы—вамъ что? Извѣстное дѣло, мы тутъ ни въ чемъ не причинны. Не намордникъ же надѣтъ на звѣря-то!

— Поди же ты, ребятушки: пришла обжора рыба и поѣла все. Что вотъ ты тутъ съ ней станешь дѣлать?

— Ничего, Ервасей Петровичъ, не подѣлаешь: ишь, вѣдь, она, какая лѣнивая. На готовомъ ей складнѣ жить.

— Чортъ, а не рыба—прости меня, Господи!

— Никакъ ты вразумить ее не угодишь. Ушла, вѣдь, проклятая, далеко ушла, чай въ самое, тоись, гдѣ-то ушла.

— Въ самое гдѣ-то ушла, далеко ушла, Ервасей Петровичъ!—продолжаютъ выплакивать свое горе и неудачу промышленники.

Опять они хлопают себя по бедрамъ, и утѣшаютъ себя тѣмъ, что ничего нельзя подѣлать съ прорвой-рыбой. Опять еще долго качаютъ головами, пока не догадается кормщикъ прикрикнуть на vesselщика, чтобы гребъ назадъ въ становище.

Первымъ дѣломъ и главной заботой по приходѣ въ мурманскія становища изстари водился обычай для каждаго изъ нихъ выбирать старосту. Въ шутку его называютъ „старый староста“, а на самомъ дѣлѣ на него возлагаются самоважнѣйшія обязанности въ этой временной, свободно сложившейся общинѣ. Онъ разбираетъ ссоры и принимаетъ драки, принимая на себя всѣ случайности непріятныхъ послѣдствій и всѣ неудобства гласнаго разбирательства. Онъ же уряжаетъ всякій техническій порядокъ въ становищѣ, посылаетъ на шнягу, указываетъ время, когда слѣдуетъ выѣзжать въ океанъ и обирать рыбу, и т. д. Отправленію всѣхъ этихъ почтенныхъ обязанностей предшествуетъ обычное шутливое торжество посвященія въ высокій санъ этого главнаго человѣка изъ всѣхъ, добровольно собравшихся сюда. Налаживають получше „кережку“—обыкновенныя лопарскія санки въ видѣ корыта съ острымъ носомъ и обѣ одномъ полозѣ на самой серединѣ днища. Въ нее сажаютъ избраннаго старосту, и такъ какъ оглобелъ и дышла въ кережкѣ не полагается, то въ ременные лямки впрягаются сами проводники, называя такой способъ ѣздомъ на обывательскихъ безъ прогоновъ, а самое торжество „поѣздомъ стараго старосты“. Возятъ его поочередно отъ одного стана къ другому, въ каждомъ изъ нихъ всѣ выбѣгаютъ навстрѣчу, потчуютъ высокаго гостя водкой, а чтобы въ тоже время показать силу и значеніе самой артели и власть общины, обливаютъ старосту водой и даже помоями. Весь этотъ канунный день староста ѣздитъ по становищамъ и возвращается къ ночи въ свое перепачканнымъ съ ногъ до головы и пьянымъ до безчувствія. На другой день, съ больной головой, онъ вступаетъ въ свои права и начинаетъ исправлять должностныя выборныя обязанности.

Здѣсь, за неимѣніемъ положительнаго дѣла, приходится обыкновенно плести дростяги, сѣти для семги и сельдей, точить уды, а то и просто спать въ растяжку со всею настойчивостію опытныхъ знатоковъ этого дѣла. Приготовленіемъ ухи, припасомъ дровъ, промываніемъ боченковъ и другими мелкими, утомительными работами заняты ребята-подростки, очень мѣтко прозванные зуйками, на томъ основаніи, что они, не имѣя доли въ общемъ участіи, пользуются только остатками отъ трапезы большаковъ, какъ маленькая птичка зуетъ (изъ породы чаекъ) хватаетъ всѣ выкидыши, ненужные потроха изъ распластанныхъ рыбъ. Въ чайкахъ-зуйкахъ поморы различаютъ три вида: краморскій пѣтушокъ (*charadrius hiaticula*), глупышъ (*ch. morinellus*) и малой (*ch. minor*), а въ зуйкахъ-мальчикахъ тѣхъ спо-

собныхъ, которыми можно подсмѣнить заболѣвшихъ или загулявшихъ покрутчиковъ. По распредѣленію занятій при ловѣ, на шнякъ не можетъ быть меньше 4 рабочихъ. Ихъ нанимаютъ на тотъ рубль, который вычитается у рабочихъ изъ пая за каждый день, когда онъ не выходилъ въ море, хотя бы даже и по болѣзни. Обыкновенно же имъ выдается подачка только: съ каждыхъ двухъ тюковъ снасти по одной рыбѣ. Изъ-за зуйковъ—ребятишекъ крѣпко и сладко спится подчасъ помору, послѣ неудачнаго осмотра яруса; за то по два — по три дня не приходится и очей смыкать, когда шибко пойдетъ на яруса рыба и когда приходится въ одни сутки дѣлать по четыре, по пяти добросовѣстныхъ стрясокъ. Не говоря уже о хлопотахъ на водѣ подлѣ ярусовъ, не менѣе хлопотливыя работы ожидаютъ рыбаковъ и на берегу, въ станахъ, особенно если время близится къ лѣту и ожидается скорый пріѣздъ хозяевъ съ новыми запасами хлѣба-соли, копченаго мяса и, главное, крѣпкаго, дешеваго заграничнаго рому, покупаемаго обыкновенно въ норвежскихъ ближайшихъ портахъ: Гаммерфестѣ, Вадзэ и Вардегузѣ *.

Работа кипитъ на берегу, чему не мало способствуютъ свѣтлыя, съ незаходящимъ солнцемъ, полярныя ночи. Не всегда крѣпкіе и продолжительные межонные (лѣтніе) вѣтры способствуютъ легкому и удачному обиранию ярусовъ, а постоянное лѣтнее солнце—береговымъ работамъ. Работы въ морѣ, кромѣ оборки ярусовъ, состоятъ еще и въ приготовленіи ихъ къ дѣлу. Такъ какъ тотчасъ же за тѣмъ, какъ снята съ крючковъ пойманная рыба оростяги „глушатъ“, т. е. связываютъ петлей, чтобы, цѣпляясь другъ за друга, они не путались между собою,—передъ ловомъ „снасть разглушаютъ“. Приготавливаютъ ярусъ,—сидя на шнякѣ,—тягалецъ тѣмъ, что надѣваетъ „тюкъ“ (три связанныхъ между собой „стеклины“ или „стяжки“ веревки) на доску („порубень“), прилаживаемую на шнякъ и начинаетъ разматывать и развязывать петли оростягъ. Наживодчикъ долженъ принимать распутанные пучки веревокъ и поспѣшать наживленіемъ крючковъ по мѣрѣ передачи тягальцемъ (всѣхъ тюковъ въ ярусѣ бываетъ отъ 20 до 30; а разница между стоякомъ и стеклиной заключается въ томъ, что стоякъ короче (отъ 40 до 50 саж.) и толще (въ мизинецъ,) и служить на меньшихъ глубинахъ, а въ стеклинѣ меньше 50 сажень длины не бываетъ, а доходить и до 60-ти. Таковы ярусныя работы на морѣ, когда приходится „наживить ярусъ“ приманкой до 4 тысячъ уданныхъ крючковъ съ заговоромъ и приговоромъ: „рыба свѣжа, наживка сална, клюнь да подерни, ко дну потяни“. Береговые работы состоятъ въ томъ, что тягалецъ отвертываетъ головы, кормщикъ пластаетъ рыбу,

* Эти норвежскія мѣстечки на языкѣ поморовъ превратились въ *Омарфистъ*, *Васикъ* и *Варисевъ*.

надрѣзая ее по спинѣ впродоль, и вынимаетъ внутренности, вмѣстѣ съ хребетною костью, которыя зуйками выбрасываются вмѣстѣ съ головами рыбы въ море, какъ ненужныя. Наживочникъ отбираетъ для сала максу. Рыба съ вынutoю захребетною костью назначается въ продажу, подѣ названіемъ—*штокфигиъ*, и потому, полежавши нѣкоторое время въ кучахъ, раскладывается по жердинамъ, называемымъ *пѣлтухами*, положенныхъ на *ѣлухъ* — толстыхъ бревнахъ, укрѣпленныхъ въ козлахъ. Около двѣнадцати недѣль рыба такимъ образомъ сохнетъ на этихъ пѣлтухахъ и то только въ такомъ случаѣ, когда не ожидается скорого пріѣзда хозяевъ. Обыкновенно же треску и палтусину солятъ вмѣстѣ съ хребетною костью въ амбарахъ или, лучше, въ подвалахъ, врытыхъ въ землю и обложенныхъ дерномъ. Рыба укладывается плотно отъ полу до самаго потолка щабелями — пластами, рядами. Каждый рядъ солится особо и такъ скупно и небрежно (на 100 пудовъ рыбы приблизительно 16 пудовъ соли, лучшаго, впрочемъ, сорта, голландской), что рыба даетъ въ послѣдствіи противный, амміакальный, одуряющій запахъ.

Когда придутъ хозяйскія суда, односолка рыба опять укладывается щабелями въ судахъ и снова просаливается, и хотя дѣлается нѣсколько лучшею на вкусъ, но все-таки не теряетъ своего противнаго запаха. Изъ максы или печенки вытапливается сало или тотъ благодѣтельный жиръ, который извѣстенъ едва ли не каждому подѣ именемъ тресковаго. Языки солятся особо въ отдѣльныхъ боченкахъ — но очень, впрочемъ, рѣдко — также какъ и головы, часто сушатся на солнцѣ и идутъ потомъ, превращенные въ порошокъ, въ пойло домашнему скоту, особенно коровамъ. Палтусъ — также главный предметъ (послѣ трески) промысла на Мурманѣ—никогда не сушится, по причинѣ присутствія въ тѣлѣ значительнаго количества жиру (чего не достаеетъ тѣлу трески), но солится тѣмъ же путемъ, какъ треска, и отдаеетъ тѣмъ же, если еще не болѣе, непріятнымъ запахомъ. Рыба эта портится (горкнетъ) скорѣе трески потому особенно, что мѣста около костей снабжены маслянистымъ жиромъ; солится же всегда съ головой. На ярусахъ не часто, но попадаютъ еще небольшія акулы, дающія до 8 и 10 пудовъ максы (сала). Нѣкоторое время солили ее и продавали простому народу въ Архангельскѣ, гдѣ не безъ основанія находили ее чрезвычайно вкусною. Кожу, хорошо просушенную, употребляли въ станovýchъ избахъ вмѣсто стеколъ.

Въ началѣ весны и даже среди лѣта, когда вдругъ временно перестаетъ идти на яруса рыба, отнесенная сильными вѣтрами къ норвежскимъ и гренландскимъ берегамъ, или перехваченная въ окрестностяхъ Шпицбергена (называемаго поморами Грумантомъ) стадами морскихъ звѣрей: китовъ, касатокъ, акулъ, бѣлухъ и проч., архангельскіе поморы, отъ бездѣлья и скуки, ловятъ рыбу особымъ пу-

темъ—на *лѣску*. Это—веревка, на половину тоньше тѣхъ, которыя употребляются на яруса. Къ ней привязывается желѣзный кусочекъ—*грузево*, который тянетъ ко дну и самую лѣску и *перевесло*—желѣзный пруть, привязанный поперекъ ея. Къ двумъ концамъ этого перевесла, къ особо придѣланнымъ ушкамъ, привязываются оростяги съ тѣми же крючками и наживкой, какъ и въ обыкновенномъ ярусѣ. Когда услышатъ, что грузево щелкнуло въ каменистое дно моря, лѣску нѣсколько приподнимаютъ и, какъ при обыкновенномъ уженѣ, дальше уже по приглядкѣ замѣчаютъ: хватила-ли рыба наживку. Въ счастливую пору улововъ, грузево не успѣваетъ доходить до половины пути своего ко дну, какъ алчная, всегда прожорливая треска на лету хватаетъ приготовленную для нея наживку съ роковымъ крючкомъ.

При сильныхъ вѣтрахъ, когда гуляетъ по океану громадный взвонъ, съ волнами, величиною въ порядочный петербургскій домъ, промышленники сидятъ въ своихъ станowychъ избахъ, предоставляя яруса волѣ Божіей и грустно созерцая съ высокаго берега, какъ маховка надъ кубасовъ, вздрагивая, покачивается на хребтѣ высокой волны и какъ захлеснется набѣгомъ новой и совсѣмъ скроется изъ глазъ, вся ушедшая въ волну или сшибенная на бокъ и не успѣвающая, какъ должно, изловчиться. Кубасъ вмѣстѣ съ маховкой то мигнетъ на поверхности серебристой воды, то опять спрячется подъ водой.

— Эка, братцы, пыль какая пошла несосвѣтимая!

— Этакъ ли еще бываетъ, Ервасей Петровичъ!

— Ну да сказывай ты малымъ ребятамъ это-то—не знаю, что ли?

— Въ избѣ-то теперь ничего; на ярусѣ такъ вотъ поди *порато* бы страшно и тебѣ показалось; а въ избѣ—ничего: вонъ ребята въ карты козыряютъ, а къ ночи, слышь, кто кого обломастъ—и за виномъ къ лопарямъ бѣги: попойку, стало-быть, затѣваютъ.

— Вечоръ, Ервасей Петровичъ, Гришутка такихъ намъ наскзалъ бывальщину, что наши затылки-то всѣ въ кровь расчесали.

— Это что, парень?

— Да ужъ складно больно, Ервасей Петровичъ: не то тебѣ плакать надо, не то Гришуткину-то смѣху даваться. Такъ это тебѣ пѣлъ, да все по церковному, и ко всякому-то слову складъ прибиралъ, какъ это вишь, князь Романъ Митріевичъ-младъ простился со своей княгиней—со сожительницей, выходитъ—и поѣхалъ, вишь, нѣмчовъ до-нимать: что-молъ вы теперича подать перестали платить? Мнѣ, говорить, и то, и сѣ—деньги надо, нѣмчѣ некрещаная. Поганый-молъ вы народъ, и разговоровъ терять не хочу съ вами! И какъ это нѣтъ его дома годъ, нѣтъ и другой. Схватили его, что ли? Гришутка-то, вишь, не знаетъ. Вотъ теперича сожительница его и выходитъ это на кры-

лецъ и видить: „бѣжить изъ-за моря изъ-за синя три чорныхъ, три карабля“. Она, вишь, и заплакала, да такъ складно и жалостливо. Гришутка-то, слышь, рожу этакъ на сторону, глаза-то, что котъ, зажмурилъ, и словно ему княгини то, значить, больно стало.—Ужъ и взвылъ же онъ это, какъ бы вотъ она сама-то...этакъ...этакъ! и рукой-то правой машеть и грудь-то вздымаетъ... этакъ... этакъ! Да нѣтъ ужъ, Ервасей Петровичъ, заставь самого его: прослезить.—А я-ко не смогу такъ!

— Что и говорить, братецъ, всякому, сказано, зерну своя борода! А по-стариковски, кто гораздъ пѣсню пѣтъ, сказку сказывать, кто ѣсть спорко да много, скорѣе всѣхъ—тотъ и въ работѣ золотой человѣкъ. У стариковъ нашихъ, Михѣюшко, водился вотъ какой обычай. Теперь, вишь, оставили вы его и не знаете. Пришли этакъ-то покрученики къ которому хозяину на Мурманъ-отъ наниматься; онъ съ ними и слова не молвить, а велить идти внизъ въ избу, да и выставить имъ всякой свѣди многое число. Ребята-то разѣдятся, а онъ, хозяинъ-отъ, на ту пору и сойдетъ къ нимъ, и сядетъ этакъ съ боку, чтобы видно ему было всѣхъ. Смотрить онъ, кто ѣсть шибче, кто, свою-то сѣвши, съ чужой ложки рветъ—тѣхъ и опросить: какъ-де и звать тебя, и годовъ тебѣ сколько? А ужъ кого не опросилъ, который на него ѣсвой-то этой, выходитъ, не угодилъ такъ лучше и не разговаривай: ступай прямо домой—не возьметъ. Лѣнливо-де ѣшь, лѣнивъ и въ работѣ—мнѣ-ко-де не надо такихъ. Мнѣ, говоритъ, коли человѣкъ ѣсть, да за ушами у него визжить—дорогой человѣкъ: у этого и въ работѣ руки зудятся. А, вѣдь, почестъ, парень, на то и выходитъ: ѣсть человѣкъ скоро и словно спѣшить, словно надо ему что-то сдѣлать. А другой пошелъ этакъ въ потяготку, да въ распояску, ротъ-то словно ворота съ просонковъ растворяетъ, чешетъ, ложку-то положить на столъ, да скоро ли еще достанетъ ее опять—ну, человѣкъ тотъ спать послѣ обѣда ляжетъ; ушатомъ холодной воды облей его послѣ—не разбудишь.

— Да, вѣдь, Гришутка-то, Ервасей Петровичъ, больно же боекъ и въ работѣ!

— Да то, вѣдь, я и говорю, дураково поле! Гораздъ Гришутка и на пѣсню, и на сказку гораздъ, а будущей весной ему и въ коршики не зазорно проситься. Лихой, что говоритъ!...

Дѣйствительно, трудно найти хоть одинъ станъ на всемъ Мурманѣ, въ которомъ бы не нашелся свой потѣшникъ—душа и любимецъ общества, то необходимое лицо, безъ котораго едва ли стоитъ хоть одна артель въ Россіи. Всегда непринужденная веселость, бойкая рѣчь, знаніе присловій и пословокъ, и умѣнье вклеить ихъ въ разговоръ кстати и у мѣста, простая, но мѣткая и безобидная шутка надъ всякимъ попавшимся подъ руку своимъ братомъ, а пожалуй и

чужимъ, прохожимъ человѣкомъ, лишь только было бы весело самому шутнику и всѣмъ его окружающимъ:—вотъ особенности, характеризующія всякаго шутника, балясника подобнаго рода, будетъ ли онъ изъ ямщичьяго круга, извозчикъ ли столичной, или тотъ же архангельскій покрученикъ на пустынномъ берегу пустыннаго океана. Это едва ли не одна изъ главныхъ характеристическихъ особенностей нашего народа, непринужденно и неудержимо веселаго на радостяхъ, не унывающего въ горѣ и неспособнаго пасть глубоко передъ несчастьями, какого бы рода ни были они. Ломало народъ нашъ всякое горе, ломаетъ оно и теперь подчасъ крѣпко больно, а все же въ немъ еще много силъ, и хватить ихъ на столько, чтобы быть поистинѣ великимъ народомъ.

— Что это, Григорьюшко, погода-то шибко разъигралась, пылить ужъ оченно!—затрогивалъ шутника Ервасей Петровичъ, разлакомившись похвальными отзывами про него.

— А тебѣ-то что; твое это дѣло?

— Ну, да какъ же не мое-то?

— Да ты что это: дразнить меня что-ли пришелъ?

— Пошто дразнить?—такъ пришелъ: посмотрѣть, вонъ, какъ ты въ карты играешь.

— Съ тѣмъ и ладно! Не серди въ другой разъ, а не то всю родню расскажу. Вишь, проигралъ всѣ свои, на хозяйскій карманъ—чтобъ онъ лопнулъ!—счетъ пошелъ. До шутокъ ли тутъ? Ужо проиграюсь—расскажу тебѣ сказку про бѣлаго быка.—Шелъ бы дразнилъ лучше хозяевъ-то; кстати моряну на нихъ несеть, авось и услышать. Встань, вотъ этакъ-то по вѣтру, да и шапку скинь: оголи лысину, тебѣ же ее не покупать стать, вишь, какая заправская выгорѣла, что Кандалашка позапрошлый годъ. А виски знай примазывай, присвистывай, да приговаривай: „дуй-молъ моряна, не на васъ, молъ, хозяевъ *надья* (надежда); мать-сыра-земля народить—накормить, что посялять, то и вырастетъ.“—Да и накрой голову-то шапкой, чтобы знали хозяева, что у тебя и виски есть, и волоса не всѣ вылѣзли, да и брюхо наполовину противъ хозяйскаго будетъ. Имъ, вѣдь, что, хозяевамъ-то, было бы семги вдоволь да чаю много, да рому на досужій часъ, а ты хоть съ голоду лопни—и не почешутся: свое возьмутъ. Вонъ что ни стряска, то и ихъ, а тебѣ только по усамъ течетъ да въ ротъ не канетъ. Сколько забрался-то у хозяина-то?

— Я, Григорьюшко, только половину взялъ впередъ-отъ, да и то за нынѣшнее лѣто.

— Вотъ, постой, привезутъ они тебѣ рому—сдешевѣешь; придешь домой и гроша ломанаго на будущую-то весну не дадутъ за тебя, коли не надломаешь спины отъ поклоновъ имъ да почестей. Я, вѣдь, тоже было этакъ-то сначала, да вижу, всѣми очесами-то вижу,

что какъ ни кинь—все клинь, взялъ да и закабалилъ себя на четыре лѣта впередъ. Хоть патоку гони теперь они изъ меня, хоть полѣнья щипли, больше себя не сдѣлаю,—лобъ ты взрѣжь. Вотъ Михайло то, да и Степка, да и Елистратко косолапый, да и всѣ, гляди, напередъ за два лѣта забрались. А что еще будетъ, какъ сами-то прїѣдутъ? Имъ что, хозяевамъ-то: купилъ онъ тебя—такъ и пляши и ломайся, а ужъ онъ обсчитать тебя не преминетъ. Вонъ и меня позапрошлой годъ на десять рублевъ наказалъ, да и нонѣшній, гляди, также будетъ, коли не дрогнетъ рука, да не покачнется совѣсть въ груди!... Живодеры, вѣдь, всѣ хозяева-то наши, сатанино плямя! богачи, такъ и... Хлюсть, хлюсть, братцы! хоть вы-то не обидьте, пустите душу въ рай!—завершилъ свою рѣчь Григорьюшко—баловникъ и утѣшитель своей артели.

Въ началѣ іюня въ мурманскія становища прїѣзжаютъ сами хозяева на собственныхъ лодьяхъ, привезя съ собой муку, соль и другіе припасы на остатокъ лѣта, съ нѣкоторымъ залишкомъ для начала будущей весны. Явился въ свой станъ и хозяинъ шутника Григорьюшки, плотно раздобрѣвшій мужикъ съ маслянымъ лицомъ и зажирѣвшими пальцами, круглый и гладкій, упрямый и своенравный, по обычаю всѣхъ тѣхъ мужиковъ, которые съизмалолѣтства помаленьку сколачивали рубли и въ сорокъ лѣтъ считают уже не только сотни, но и тысячи. Въ неизмѣнной синей сибиркѣ, въ жилеткѣ, личныхъ сапогахъ и суконной шапкѣ съ глянцевитымъ козырькомъ, хозяинъ саво-вито, важно вылѣзаетъ на берегъ, прїѣтствуемый собравшимися работниками:

— Добро пожаловать, Евстегнѣй Парамонычъ, на наши промысла съ молитвой, да со святымъ благословеніемъ!

— Благополучно ли пронесло твою милость?

— А бойкіе вѣтры были, бойкіе, Евстегнѣй Парамонычъ!

— Ну, какъ-то вы живете-можете? Все ли по Божьему благополучію?

— Твоими молитвами, Евстегнѣй Парамонычъ. Живемъ!...

— Какъ ты, Григорьюшко, шутки шутишь?

— Какъ не шутить, Евстегнѣй Парамонычъ? Кабы на животъ-то плотнѣ лежало—спалъ бы!...

— Ну, а ты Ервасей Петровичъ?

— Да вотъ, видишь, трясочку встряхнули: почесть не полная шняка вышла, да вечеръ три обрядили. Рыбинки далъ Богъ—благодаръ. Рыбинки нонѣшній годъ далъ Богъ: амбарушку полную посолили, да еще пол-амбарушки станеть. Сушить ужъ начали, и той пудовъ съ сотню наберется. Посмотри Евстегнѣй Парамонычъ!

— Ладно, други, ладно, такъ-то! Съ вами хоть бы вѣкъ промысла обрывать: вотъ ужъ, гляди, и съ залишкомъ снасть-то окинулась... по-

очистилась! Неси-ко, ребята, съ лодьи угощеніе: рому ямацкаго я изъ Норвеги прихватилъ, позабавьтесь!

— Благодаримъ на почестяхъ; много доводьны!

— Продли Господь твою жизнь на кои вѣки!

— Съ внуками тебѣ радоваться да и съ правнуками! Не прикажешь ли—разведемъ веселенькую, Евстегнѣй Парамонычъ?—спрашивалъ шутникъ Григорьюшко, почувствовавши всю прыть и задоръ отъ прохватившаго его насквозь нефабрикованнаго, заграничнаго одуряющаго рому.

— Станемъ, братцы, хозяина нонѣ чествовать, а завтра, что Богъ дастъ: можетъ, и поѣдемъ къ ярусу, а можетъ—и нѣтъ! Ну-ко разливанную-то приударимъ!

Пьеть и поеть, и пляшетъ весь промысловый людъ на Мурманѣ съ прїѣздомъ тароватыхъ хозяевъ. Но какъ во всѣхъ подобныхъ пиршествахъ рѣдко простой человѣкъ обходится безъ загулу на трои, на четверо сутокъ, то мурманскіе промышленники куражатъ не одинъ день, тѣмъ болѣе, что за хмѣльное наличными платить не-изъ-чего, да и не откуда: хозяева послѣ разсчитываютъ и охотно выпаиваютъ весь ромъ, прихваченный въ Норвегіи. Болѣе догадливые и радѣющіе о себѣ хозяева, естественно, тутъ-то и руки грѣютъ и рыбу удятъ. Болѣе честные и предостерегутъ, пожалуй:

— Смотри, ребята, нонѣ по серебряному рублю платилъ за бутылку-то!

— Да хоть бы и по три четвертака пришлось тебѣ гуртомъ-то, давай, не бойсь—коли есть еще—не стоимъ! Ты намъ не указывай: сами хозяева! Вотъ хотимъ на ярусъ ѣхать—ѣдемъ, а нѣтъ, такъ хоть лыки дери ты съ насъ. Ты намъ не указывай—сами хозяева!..

— Что мнѣ указывать? Зачѣмъ я стану, дружки мои, вамъ указывать?

— Вотъ это дѣло; это по нашему! Слышь вонъ гармонію? Ну и давай, рому давай, коньяку давай! Водки мы вашей поморской и знать не хотимъ. Водка эта—вода, званія не стоитъ, пѣфу!..

Лучшимъ спасеніемъ въ этихъ попойкахъ-загулахъ болѣе или менѣе скорый отъѣздъ хозяевъ со свѣжей первосолкой треской въ Архангельскъ. Еще дня два гуляетъ промысловый народъ и стоятъ яруса нетронутыми. Время и обычай однако берутъ свое. Чаше стали выплывать шняки на голдмѣ, рѣже несутся изъ становищъ пѣсни и пьяные выкрики: или хозяева уѣхали, или, наконецъ, истощился запасъ привезеннаго ими вина. Снова обычной чередой идутъ стряски и посолъ выловленной рыбы, снова смѣшки и подсмѣиванья надъ хозяевами, и снова тянется цѣлый рядъ волшебныхъ сказокъ про Бабу-Ягу костяную ногу, про царя Берендѣя, про Яшку красную рубашку и проч., и опять по субботамъ и передъ большими праздниками поются

тарины стародавнія про Романа Митріевича, про Егорья-свѣта-храбраго, про царя Ивана Грознаго, про Іосафа-царевича, про Іосифа прекраснаго и проч., и проч. Между дѣломъ, при затянувшейся неблагопріятной морянкѣ, досужіе мастера работаютъ разныя бездѣлушки. Отсюда тѣ модели карабликовъ, лодей, рѣньшинъ со всѣми снастями, которыми изукрашены полисадники, ворота и свѣтелочные балконы въ богатыхъ домахъ богатыхъ поморскихъ селеній. Отсюда же и тѣ голубки, гнутые изъ лучинокъ и раскрашенные, которыми любятъ украшать потолки своихъ чистенькихъ залъ всѣ богачи побережьевъ Бѣлаго моря. Мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, къ августу мѣсяцу мурманскіе промышленники успѣваютъ наловить и насолить рыбы достаточно для того, чтобы часть оставить для будущей весны, а другою нагрузить рѣньшину *, если они поѣдутъ по хозяйскому наказу прямо домой, и лодью **, если велѣно имъ ѣхать въ Архангельскъ къ Оспожинской или Маргаритинской (въ сентябрѣ) ярмаркѣ.

Наступаетъ вождѣленный, давно ожидаемый августъ мѣсяць. Рыба идетъ замѣтно не дружиѣ, чѣмъ въ межонное время. Дни убываютъ и солнышко давно уже уходитъ въ море, и чѣмъ дальше за перваго Спаса идутъ лѣтніе дни, тѣмъ дольше ночуетъ солнышко въ морѣ. Морскіе вѣтра отдають крѣпкимъ осеннимъ холодомъ, а лѣтніе дуютъ и рѣже и далеко непостояннѣе. Морошка, которой такое обильное количество на всей тундрѣ за гористымъ берегомъ, поблекла, заводянѣла: гнить ей скоро придется. Чаечьи выводки, чабры, стали большими птицами и покрикиваютъ сильнѣе и учащеннѣе, чуя свой скорый отлетъ въ теплыя дальнія страны. Показались кое-гдѣ даже вѣроны со своимъ зловѣщимъ крикомъ, рѣдкіе лѣтніе гости Мурмана. Листъ на березкахъ и ивнякѣ начинаетъ крѣпко желтѣть и къ концу августа слетитъ и прогнѣетъ на сырой влажной тундрѣ къ срединѣ сентября, когда выпадаетъ первый снѣгъ, который почти всегда бываетъ зимнимъ нѣтающимъ снѣгомъ. Послѣ Успеньева дня завязываются частые холодные туманы и начинаютъ дуть сѣверные, попутные въ Архангельскъ, вѣтра.

— Попадешь на нихъ въ добрый часъ — сутки въ трѣи угодишь къ ярмаркѣ! — думаютъ промышленники, которымъ уже далеко теперь не до пѣсенъ и загула. Нагрузивши лодью до-верху самой свѣжей, самой лакомой для архангельскаго люда треской, они покидаютъ Мурманъ подъ присмотромъ сосѣднихъ лопарей, всегда вѣрныхъ и честныхъ въ исполненіи разъ даннаго имъ обѣщанія. Поморъ, въ этомъ отношеніи, покоенъ: у него ничего не пропадаетъ, ни даже фунта изъ

* См. дальше статью „Бѣломорскія суда“.

** Описаніе лодьи, вмѣстѣ съ прочими, сдѣлано также подробно въ статьѣ „Бѣломорскія суда“ (см. дальше).

оставленной имъ про весенній запасъ трески. Звѣря бояться нечего: медвѣдь не охотникъ до рыбы, да онъ сюда и не ходитъ. Не ходятъ на Мурманъ и другіе звѣри, предпочитающіе для своихъ прогулокъ и обсемяненья огромную лопарскую тундру, гдѣ имъ предстоитъ меньше опасности вдалькѣ отъ жилья и людей. Только неискусившіеся, неопытные изъ нихъ близко подходятъ къ селеніямъ на свою бѣду и конечную гибель въ силкахъ и разнаго рода и вида капканахъ.

Впрочемъ, надо замѣтить кстати, что коляне, какъ ближайшіе сосѣди океана, являются на немъ за треской не одинъ разъ въ годъ. Въ мартѣ идутъ они на такъ называемую *вешну* и къ Петрову дню приѣзжаютъ назадъ за сухой рыбой. Стараясь разсчитаться съ хозяевами въ долгахъ, они идутъ въ началѣ іюля на *лѣтню* и обряжаютъ ее всю отъ себя и на себя. Около Успенья возвращаются домой и съ Ивана-Постнаго отправляются третій разъ на *подосенокъ*, и тогда промышляютъ до Воздвиженья. Выловленную въ это время рыбу солятъ для себя на зиму; затѣмъ, починивши сѣти и напекши хлѣба, идутъ около Покрова на *осенню*, возвращаясь съ ней домой къ Дмитріеву дню или къ Филиппову заговѣнью, около 13 ноября, съ свѣжей мороженой рыбой, которая и идетъ въ Петербургъ. Передъ Веденьевымъ днемъ уходятъ на *зимню*, и рыба съ этого промысла идетъ также въ Петербургъ, черезъ посредство села Шунги, въ которомъ бываетъ двѣ зимнія ярмарки: Никольская и Благовѣщенская.

Такимъ образомъ, въ концѣ августа и въ началѣ сентября, вообще во все лѣто, пустынное Бѣлое море замѣтно оживаетъ. Рѣдкій день не пробѣжитъ на его, волнуемой отъ частыхъ осеннихъ вѣтровъ, поверхности пять-шесть разнаго рода судовъ: и неуклюжія лодьи, и красивенькія, ходкія шкуны, и раньшины, и большіе и малые карбасы. Все это направляется въ Двинскую губу, къ двинскимъ устьямъ и дальше въ Архангельскъ. Въ началѣ сентября вся Двина передъ городской пристанью вплотную заставлена уже бѣломорскими судами. Пристань длинная, покатая къ рѣкѣ площадь гостиныхъ рядовъ оживлена такъ, какъ никогда въ другое время года. Торговки, являющіяся туда изъ городскихъ слободокъ Кузнечихи и Архіерейской только по вторникамъ, теперь торгуютъ на площади цѣлый день передъ столиками, закладенными шерстяными чулками, всякой рухлядью, подержанной и подновленной и заставленными самодѣльными компасами, имѣющими на поморскомъ нарѣчій названіе *матокъ*. На плотяхъ набережной цѣлыя артели поденщицъ-женщинъ, называемыхъ по архангельски *женками*, обмываютъ треску отъ той грязи, которая напласталась на рыбѣ въ мурманскихъ грязныхъ амбарахъ. Отсюда-то, и со всей пристани, и со всѣхъ бѣломорскихъ судовъ, и отъ всѣхъ рослыхъ богатырей-поморовъ, расхаживающихъ по рынку и по всему городу, несетя тотъ характеристически-непріятный запахъ трески, который не

даетъ покоя нигдѣ на всемъ протяженіи безтолково-длиннаго Архангельска и даже въ адмиралтейскомъ Соломбальскомъ селеніи. По улицамъ то и дѣло снуетъ мѣстный людъ, прихватившій два-три звена любимой лакмой рыбы и въ плетушку, по здѣшнему — туезъ, и въ лукошко, и такъ подѣ мышку. Дорвались до дешеваго, вкуснаго, сытнаго и здороваго добра, навезеннаго въ такомъ огромномъ количествѣ поморами съ Мурмана: и преземистый, коренастый матросикъ рабочаго экипажа, и инвалидный солдатикъ, и гарнизонный молодецъ, и соломбальская щебетунья-торговка, солдатская вдова, торгующая всякимъ добромъ на потребу неприхотливаго мѣстнаго населенія самаго сѣвернаго и самаго холоднаго изъ нашихъ губернскихъ городовъ. Несутъ треску и на трапезу бѣднаго писца любой изъ палатъ, и для стола губернскихъ аристократовъ: будетъ ли онъ изъ чиновнаго люда или изъ нѣмцевъ искони пустившихъ корни въ архангельской почвѣ и почти сроднившихся съ нею и нажившихъ тамъ большіе капиталы въ торговлѣ съ Европой.

Всѣмъ въ Архангельскѣ угодили мурманскіе промышленники; угождать еще больше и дальнымъ городамъ, когда олонецкая шунгская ярмарка отправить сушеную треску цѣлыми вереницами воевъ по тремъ смежнымъ губерніямъ, пройдетъ эта треска и въ Петербургъ и на Сѣнной площади этого люднаго города накормитъ дешево и сродито цѣлыя сотни *толкученскихъ* бѣдняковъ изъ сѣраго, простого, добраго народа русскаго.

Пока такимъ образомъ поморы, облегчившіе свои лоды отъ мурманской клади, разгуливаютъ покойно по городскому рынку, покупая для себя, кто сапоги смазные, кто сибирки, кто новыя городскія шапки и перчатки, кто платки и ситцы на обновы домашнимъ, или весело пропиваютъ залишекъ въ спопутныхъ кабакахъ, которыхъ такъ много въ Архангельскѣ—дома, въ родныхъ семьяхъ ихъ съ послѣдними числами сентября, начинаются всѣ припадки нетерпѣливыхъ ожиданій большаковъ. Всякое судно, издалека еще показавшее свой бѣлый парусъ, приводитъ въ волненіе цѣлое селеніе. По мачтѣ, по окраскѣ судна, по мельчайшимъ, тончайшимъ, едва примѣтнымъ для непривычнаго глаза признакамъ узнаютъ мѣстное ли судно, или ближайшей деревни и какого хозяина. Живы ли всѣ, благополучно ли было плаванье въ городъ: писемъ получить не съ кѣмъ. Послѣднія вѣсти шли еще съ Мурмана отъ хозяевъ и случайно отъ проѣзжавшаго разсыльнаго земскаго суда. Между тѣмъ море бурлитъ уже по осеннему, холода стоятъ сильные и бури вздымаютъ море съ самаго дна. Разъ начавшійся крутой морской вѣтеръ тянетъ трои-четверы сутки безъ перемѣжекъ, безъ усталости. Того и гляди, при упорномъ сѣверѣ и полуношникѣ (с.—в.), закуетъ рѣчонки и губы, а тамъ ужъ недалеки и береговые припаи въ самомъ морѣ. Вѣтры все противниками смот-

рятъ, и за то почти не видать совсѣмъ никакого судна, не только своего.

Ноютъ бабы, и плачутся другъ-другу на крутыя, тяжелыя времена:

— Чтой-то, женки, словно и не бывало такого горя: такая-то дурь не глядѣла бы!..

— И не говори, желанная, словно на зло намъ и погоды-то такія дались. Не наговорилъ ли кто?

— А то, дѣвонька, не пустилъ-ли кто съ Корелы на насъ этакое нескоее поущеніе? Дѣлають, вѣдь...

— Дѣлають, богоданная, ангельская душа твоя, дѣлають! Есть тамъ такіе: вонъ стрѣльи пуцають же!

— Пуцають, кормилка, пуцають, желанная моя! Экой грѣхъ, экое горе!

— И не говори, дѣвонька; такой-то неизбывной грѣхъ, такое-то злключеніе! Ой, Господи, ой, соловецкіе святыя угодники!..

— Да помолиться нѣшто, женки, Варлаамію-то Керетскому: даетъ, вѣдь, повѣтерье-то, посылаетъ!

— И то, разумницы, помолиться: легче станетъ, на душѣ рай разцвѣтетъ.

— Разцвѣтетъ, кормилицы, разцвѣтетъ и... полегшѣетъ.

Молятся бабы о спопутныхъ погодахъ и цѣлымъ селеніемъ, и каждая порознь—въ одиночку, всякая о своемъ сердобольномъ. Цѣлымъ селеніемъ ходять къ морю дразнить вѣтеръ, чтобъ не серчалъ и давалъ бы льготу дорогимъ *мѣтнякамъ*. Для этого онѣ предварительно молятся всѣмъ спопутнымъ крестамъ, которыми такъ богаты всѣ бѣломорскія побережья, гдѣ на рѣдкомъ десяткѣ верстѣ не встрѣтишь двухъ-трехъ деревянныхъ крестовъ. На слѣдующую ночь послѣ богомолья всѣ выходятъ на берегъ своей деревенской рѣки и моютъ здѣсь котлы; затѣмъ бьютъ полѣномъ флюгарку, чтобы тянула повѣтерье. Тутъ же стараются припомнить и сосчитать ровно двадцать семь плѣшивыхъ изъ знакомыхъ своихъ въ одной волости, и даже въ деревнѣ, если только есть возможность къ тому. Вспоминая имя плѣшиваго земляка, дѣлають рубежокъ на лучинкѣ углемъ или ножомъ; произнося имя послѣдняго, двадцать седьмого, нарѣзываютъ уже крестъ.

Съ этими лучинами все женское населеніе деревни выходитъ на задворки и выкрикиваетъ сколь возможно громко слѣдующій припѣвокъ:

Востокъ да обѣдникъ

Пора потянуть!

Западъ да шалоникъ

Пора покидать!

Тридевать плѣшей

Всѣ сосчитаныя,

Пересчитанья,
Востокова плѣшь
Напередъ пошла.

Съ этими словами бросаютъ лучинку черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и тотчасъ же припѣваютъ слѣдующее:

Востоку да обѣднику
Каши наварю
И блиновъ напеку;
А западу, шалонику,
Спину оголю.
У востока да обѣдника
Жена хороша,
А у запада, шалоника,
Жена померла!

Съ окончаніемъ послѣдняго припѣвка обыкновенно спѣшать по-смотреть на кинутую лучинку: въ которую сторону легла она крестомъ—съ той стороны и надо ожидать вѣтеръ. Но если опять воз-вѣстить вѣтеръ неблагоприятный, прибѣгаютъ къ послѣднему, извѣ-стному отъ старины средству: сажаютъ на щепку таракана и спуска-ютъ его въ воду, приговаривая: „поди тараканъ на воду, подними та-раканъ съвера“.

Но вотъ съ колокольной, откуда уже цѣлый день не сходятъ ре-бятишки, несутся ихъ радостные, веселые крики: „Чабъ, чабъ-чеба-нять, матушки-лодейки, наши деревенски!“ Вся деревня цѣлымъ сво-имъ населеніемъ бѣжитъ на пристань, къ которой легонько подви-гается то безобразное судно, которое и на ходу тяжело и въ бурю опасно, и за то теперь почти уже покинуто. Сходятъ съ людей на бе-регъ и мурманщики, цвѣтушіе еще большимъ здоровьемъ и крѣпостью, чѣмъ были передъ походомъ въ дальнюю сторону. Полнота и завидная свѣжесть лицъ не мало свидѣтельствуютъ о томъ, что чистый морской воздухъ, которымъ довелось имъ питаться въ самую лучшую часть года, постоянныя, домовыя работы, такъ благотѣльно укрѣпляющія мышцы и весь составъ человѣка, чарка, употребленная во время и въ мѣру и, наконецъ, тресковое сало, топленое изъ максы и служившее, вмѣсто чаю, по уграмъ и на ночь, возымѣли на тѣлосложеніе хотя и не ладно кроенаго, но крѣпко-шитаго русскаго человѣка все свое спасительное, благотѣльно-укрѣпляющее вліяніе.

— Красавцы вы наши, благодѣтели, радости вы наши небесныя! Разнесло-то васъ, раскрасавило! Жилось безъ васъ—тужилось, а те-перь вотъ и счастье наше прилучилось! Не ждали васъ, не гадали нонѣ, а стало такъ, что по вашему, а не по нашему. Свѣты вы наши красные!—причитываютъ обрадованныя до послѣдняго нельзя

бабы и будутъ еще нѣсколько дней вычитывать всѣ ласкательные приговоры и прозвища, какіе только есть въ ихъ нарѣчїи, вообще богатомъ и, до сихъ еще поръ, сохранившемъ въ неприкосновенной цѣлости слѣды славянскаго (новгородскаго) элемента.

Между тѣмъ, на первыхъ же дняхъ прїѣзда, покрученики получаютъ отъ хозяевъ расчетъ: болѣе радѣющіе о себѣ успѣваютъ получить наличными. Забравшіеся и неумѣющіе сводить концы съ концами, естественно, очищаютъ только нѣкоторое количество долгу и почти всегда тутъ же должны и на будущія вѣсны.

Если ни одна заработанная копѣйка, полученная гуртомъ и всегда въ часъ добрый не обходится безъ *вспрысковъ* вездѣ, во всѣхъ концахъ громадной отчизны нашей, то и здѣсь точно также кабакъ и его содержатели получаютъ огромный процентъ въ общей складчинѣ трудовыхъ, кровныхъ денегъ, отъ которыхъ тяжело и весело, и легко и грустно, пожалуй, тому же самому помору. Въ глухую осень и холодную зиму успѣваетъ онъ отлежаться и отдышаться до того, что съ первыми признаками весны его опять тянетъ въ море, которое по морскому же присловью, хотя и горе, а безъ него ему вдвое. Море—говорятъ поморы, наше поле: дасть Богъ рыбу—дасть Богъ и хлѣбъ.

IX.

ТЕРСКІЙ БЕРЕГЪ БѢЛАГО МОРЯ.

Физическій видъ на всемъ далекѣмъ протяженіи его.—Лопари: ихъ бытъ и нравы съ исторической и этнографической сторонѣ.—Преподобный Трифонъ. Печенгскій монастырь.—Прожисъ мѣстожителство лопарей.—Лазарь мурманскій.—Шведское владычество. Одежда и жилища.—Крестовни. Озерная рыба.—Лопари по сравненію съ самоѣдами.—Занятія лопарей.—*Довъ семги*: село Кузомень, село Варзуга.—Заборы для рыбы и другія рыболовныя снасти, употребляемыя на Терскомъ берегу и въ другихъ мѣстахъ сѣвернаго края.—Нравы и обычаи семги.—Лохъ и вальчагъ.—Уменьшеніе рыбы.—Заборщикъ.—Вололазы.—Пунды.—Тайники.—Юрики.—Подледна.—Гольцы.—Дальнѣйшій путь мой по Терскому берегу мимо Умбы и Пѣрьегубы.—Серебряная руда.—Впечатлѣнія при переѣздѣ черезъ Кандалажскую губу въ бурю.—Волчья ночь.—Забытое и заброшенное въ краѣ.

Тѣми же высокими гранитными скалами, до 25 и 30 сажень высоты, какъ Мурманскій и Корельскій берега, начинается и Терскій берегъ отъ Св. Носа. Такимъ же гранитнымъ утесомъ кончается онъ въ вершинѣ Кандалажскаго залива. Выкрытыя тундрой, съ вѣчнымъ снѣгомъ въ оврагахъ, темнокрасноватыя горы эти тянутся до рѣки Пондой, за изгибами которой разбросано первое селеніе Терскаго берега—село Пондой, съ деревянною церковью, съ 20 домами, съ такимъ же количествомъ обитателей (между которыми встрѣчаются уже осѣдлые лопари) и съ заборомъ для семги, выстроеннымъ поперекъ порожистой, глубокой рѣки. Тою же тундрою и бѣловатымъ ягиломъ—оленьимъ мохомъ—выкрыты горы и прибрежныя скалы берега на дальнѣйшемъ протяженіи полуострова до рѣки Пулонги. Рѣдко горы эти и прибрежныя скалы поднимаются выше 50 сажень, но большая часть изъ нихъ, уже около острова Сосновца, покрываются мохомъ зеленоватаго цвѣта и мелкимъ кустарникомъ, который, по мѣрѣ приближенія берега къ рѣкѣ Пулонгѣ, переходитъ постепенно въ рѣдѣнскій, невысокій сосновый и березовый лѣсъ.

Бѣднѣе и безпривѣтнѣе вида этого побережья можно представить себѣ одинъ только голый Мурманскій берегъ океана, продолженіемъ котораго можно считать безошибочно всю сѣверную, начальную часть Терскаго берега. Около Пулонги начинаются уже песчаныя

осыпи и кое-гдѣ глинистыя прикрутости, которыя, при устьѣ самой большой изъ рѣкъ Терскаго берега—Варзуги, являются сплошнымъ песчанымъ полемъ, кое-гдѣ испещреннымъ невысокими, песчаными холмами въ срединѣ этого поля и болѣе высокимъ, менѣе рѣдкимъ лѣсомъ по окраинамъ его. Пять только селеній приютились на всемъ этомъ безпривѣтномъ протяженіи Терскаго берега, до устья рѣки Варзуги, при устьяхъ маленькихъ рѣчекъ, на береговыхъ прикрутостяхъ. Во всѣхъ этихъ селеніяхъ можно видѣть деревянныя часовни, въ рѣдкомъ церковъ. Таковы Пялица (20 дворовъ), Чапома (22), Стрѣльна (4), Тетрина (30) и Чавонга (13). Изъ деревень этихъ только одна Тетрина, какъ бы въ исключеніе изъ общаго правила, не прячется за дальними колѣнами рѣки, дальше внутрь земли отъ устья, но видится съ моря всецѣло на мыскѣ, у подошвы голой гранитной крутизны; оттого и самый видъ деревни картинно-своеобразенъ. Также приглубъ Терскій берегъ и на этомъ половинномъ протяженіи своемъ (отъ Пондѣ до Варзуги), какъ приглубъ онъ и вездѣ дальше до Кандалакши. Кое-гдѣ и около него есть песчаные отряды и глубокіе острова, между которыми по величинѣ замѣчательнъ *Сосновецъ*, служившій въ недавнюю войну станціею судовъ соединеннаго англо-французскаго флота.

Островъ этотъ голымъ камнемъ, прорѣзаннымъ кварцомъ на десять сажень, возвышается надъ поверхностью моря, въ недалежномъ (2 мили) разстояніи отъ берега, и идетъ на 600 сажень въ длину и на 320 саж. въ ширину. Издали видится на немъ красная башня, а на западномъ берегу нѣсколько крестовъ. Тѣми же крестами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ установлено и все побережье. Кресты эти и становяся избы кое-гдѣ на южныхъ отклоняхъ горъ, успѣваютъ еще поддерживать вѣру въ то, что ѣдешь не окончательно пустыми, безлюдными мѣстами, что если теперь не видно жизни, то во всякомъ случаѣ, была она прежде, будетъ потомъ. Только около рѣдкихъ бѣдныхъ селеній успѣваешь встрѣчать живого человѣка: это или рыбакъ, выѣхавшій съ товарищами осматривать сѣть, пущенную въ море, или иногда куча дѣвокъ съ пѣснями и смѣхомъ плывутъ въ такомъ же карбасѣ на ближній островъ докашивать траву, или добирать ягоду, успѣвшую уже созрѣть на то время (конецъ іюля). Забравшись въ селеніе, встрѣчаешь тѣ-же чистыя избы, тѣхъ же привѣтливыхъ и словоохотливыхъ русскихъ мужичковъ съ ихъ своеобразнымъ, въ высшей степени типичнымъ говоромъ, съ ихъ бытомъ, сложившимся подъ иными условіями, при иной обстановкѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ великой Россіи.

Заселеніе Терскаго берега славянскимъ племенемъ одновременно съ заселеніемъ этимъ же племенемъ всего сѣвера Россіи. Умѣнье освоиться съ чужою мѣстностью, въ теченіе этихъ шести-семи вѣковъ,

какъ съ родною, даетъ почти прямое право считать русское племя за аборигеновъ прибрежьевъ Бѣлаго моря, а настоящихъ аборигеновъ—финское племя, лопарей—какъ пришлецовъ, какъ гостей на чужемъ пиру и притомъ гостей почти лишнѣхъ и ненужныхъ. Такъ скоро умѣло болѣе сильное и развитое племя подчинить своему вліянію слабое племя инородцевъ! Лопарь теперь не болѣе, какъ работникъ, батракъ, рабъ-невольникъ у русскихъ обитателей Терскаго берега. Нѣкоторою самостоятельностью (хотя, въ то же время, незначительною) пользуются изъ лопарей только тѣ, которые поселились своими вѣжами въ глуши Лапландскаго полуострова, вблизи озеръ, или на почтовомъ тракѣ между Кандалакшею и Колой, вблизи большихъ и рыбныхъ озеръ. За то всѣ лопари Мурманскаго, а тѣмъ болѣе Терскаго берега, издавна уже существуютъ работами, задаваемыми имъ русскими промышленниками, и большею частію или уже обрусѣли, или находятся въ послѣднемъ, близкомъ къ этому великому дѣлу, періодѣ.

Лопари, или собственно такъ называемая „терская лопь“, встрѣчаются по одиночкѣ не только на Мурманѣ, но и у рѣки Іоканки и на берегу Лумбовскаго залива (до 80 душъ), и въ каждомъ селеніи Терскаго берега работниками у богатыхъ хозяевъ. Семьями или цѣлыми погостами, встрѣчаются они только у рѣки Понды (свыше 50 душъ), около острова Сосновца (свыше 20 душъ) и верстахъ въ 20 отъ селенія Кузрѣки. Въ первомъ случаѣ они живутъ у моря и ради моря, а потому посильно кладутъ и свою долю вліянія на отправленіе звѣринныхъ промысловъ и рыбной ловли больше, чѣмъ корелы.

Рѣзко бросается въ глаза низенькій лопарь, всѣмъ обличемъ замѣтно отмѣченный отъ сосѣдняго русскаго люда. Глянцовито-черные волосы щетинисто торчатъ на головѣ и, кажется, никогда не способны улечься, они висятъ какими-то неровными клочьями надъ лбомъ, изъ подъ котораго тупо и лѣнливо глядятъ маленькіе глаза, большею частію каріе. Нѣсколько выдавшіяся скулы, значительной величины разрѣзъ рта дѣлаютъ изъ лопаря нѣкоторое подобіе самоѣда, еслибы только всѣ черты лопаря были менѣ округлы, еслибы разрѣзъ глазной былъ уже и самая смуглость лица была бы сильнѣе. Лопарь, напротивъ, въ этомъ отношеніи составляетъ какъ бы переходъ отъ инородческаго племени къ русскому, хотя бы, на примѣръ, отъ того же самоѣда къ печерцу. Правда, что въ то же время лопарь, сравнительно, выше ростомъ самоѣда, менѣ плечистъ и коренастъ, хотя и далеко не дошелъ до русскихъ, между которыми попадаются истинные богатыри и красавцы. За то, въ свою очередь, несравненно легче и понятнѣе говорить лопарь порусски, чѣмъ картавый самоѣдъ, и хотя лопарь любитъ вставлять, *узнаивать* (по мѣстному выраженію) въ свою рѣчь лишніе, неимѣющіе никакого смысла слоги, въ родѣ *ба, ото* и проч., и свои родныя, коренныя слова—все же его

понять можно и даже, при случаѣ, разговориться съ нимъ. Продолжая далѣе сравненіе лопарей съ самоѣдами, находимъ не лишнимъ сказать, что самоѣды уходятъ далеко отъ своей родной тундры, собираютъ милостыню въ Архангельскѣ; лопарь же, въ свою очередь, рѣдкій и случайный гость этого города и почти никогда не оставляетъ своей вѣжи надолго. Если самоѣдское племя многочисленнѣе, а лопарское малочисленнѣе, и если самоѣдовъ только въ послѣднія десятилѣтія настоящаго вѣка начали обращать въ христіанство, то лопари давно уже христіане.

Лопари, какъ говорятъ лѣтописи, въ княженіе Василия III явились въ Москву съ данью и произвольною просьбою дать имъ проповѣдниковъ Евангелія. Тогда же (въ 1527 г.) отправленъ былъ съ ними архимандритъ Ѳеодоритъ, успѣвшій просвѣтитъ христовымъ ученіемъ лопарей, жившихъ около Колы, и даже будто бы перевести нѣкоторыя церковныя книги на туземный языкъ. Но въ настоящее время не сохранилось ни книгъ, ни даже какихъ либо преданій и извѣстій о Ѳеодоритѣ. Болѣе памятнымъ и высокочтимымъ всѣмъ лопарскимъ населеніемъ остается св. Триѳонъ, апостольствовавшій въ дальнихъ сѣверо-западныхъ предѣлахъ Лапландіи одновременно съ Ѳеодоритомъ (около половины XVI вѣка). Мѣрами кротости, личнымъ примѣромъ безупречной добродѣтельной жизни преподобный Триѳонъ успѣлъ въ короткое время обратить полудикихъ сосѣдей своихъ въ христіанство и построилъ на рѣкѣ Печенгѣ монастырь, возстановленный въ настоящее время. Вотъ краткая исторія этого Кольскопеченскаго монастыря, нѣкогда самаго сѣвернаго и самаго дальняго изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи. Первый храмъ, построенный Триѳономъ, посвященъ былъ имени св. Троицы и освященъ іеромонахомъ Илією, котораго нашелъ преподобный въ Колѣ. Этотъ же іеромонахъ постригъ Триѳона въ монашество. Триѳонъ отправился въ Москву просить грамоты у царя Грознаго, встрѣтилъ царя на пути въ церковь, подалъ челобитную и тогда же получилъ въ даръ отъ царевича Ѳеодора верхнюю одежду и отъ самого царя (22 ноября 1556 г.) жалованную грамоту. Монастырь получилъ „на пропитаніе въ вотчину морскія губы: Мотовскую, Лицкую, Урскую, Пазрицкую и Навденскую“, и съ тѣмъ, чтобы „въ морѣ всякими рыбными ловлями и морскимъ выметомъ, коли изъ моря выкинетъ кита или моржа, или какого иного звѣря, и морскимъ берегомъ, землею, островами, рѣками и малыми ручейками и съ верхотинами, и топами, и горовыми мѣстами, и пожнями, и лѣсами, и лѣсными озерки, и звѣриными логовищи, и лопарями, которые лопари наши данные въ той Мотовской и Печенгской губѣ нынѣ есть и впредь будутъ, и со всѣми луговыми угоды и своими, царя и великаго князя денежными оброки и со всѣми доходы и съ волостными кормы и тѣмъ имъ питаться, и

монастырь строить“. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ (въ 1590 году) шведскіе финляндцы, жившіе близъ Колы, сожгли церковь Успенія, стоявшую въ 26 верстахъ отъ монастыря. Стояли потомъ 7 дней подъ самымъ монастыремъ и въ день Рождества Христова, тотчасъ послѣ литургіи, умертвили всѣхъ бывшихъ въ оградѣ, ограбили церкви и сожгли и разрушили до основанія весь монастырь. Ѳеодоръ Іоанновичъ повелѣлъ перевести обитель въ Колу, но она здѣсь вскорѣ сгорѣла и вновь выстроена была (въ 1619 году), уже при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, за рѣкой Колой. Монастырь управлялся игумнами; въ 1701 г., по указу Петра Великаго, приписанъ былъ къ архіерейскому дому, а потомъ къ кольскому собору. Церковь упраздненнаго монастыря сожжена вмѣстѣ съ городомъ соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ въ 1854 году.

Далеко прежде появленія Ѳеодорита въ Лапландіи, лопари—по свидѣтельству соловецкаго лѣтописца—вскорѣ по основаніи Соловецкаго монастыря, уже имѣли вѣру во Христа: „много отъ тѣхъ лопарей прихождаху во обитель преподобныхъ отецъ Зосимы и Саватія и остригающе власы главъ своихъ бываху мниси“. Въ другой соловецкой рукописной книгѣ, „Садъ Спасенія“, говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Древле быша сіи вышерѣченіи родове, яко звѣріе дивіе живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни инаго потребнаго къ жительству человѣческому; но токмо животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда же—кожа еленей тѣмъ бѣше. Отнюдь Бога истиннаго единого и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати, ни разумѣти хотяху; но имъ же кто когда чрево насытитъ, тогда оно и бога си поставляше, и аще иногда каменемъ звѣря убіетъ—камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое—палицу боготворитъ, еже и нынѣ въ самоядцѣхъ зловѣріе закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лопарѣхъ, обачѣ *отчасти*“. По крещеніи Триономъ, лопари, оставшіеся еще въ язычествѣ, стали называться лопью некрещеною, но уже не долго. Другое свидѣтельство о лопаряхъ находимъ у Павла Іовія, жившаго въ Россіи при Василѣ III. Онъ говоритъ: „На самомъ дальнемъ берегу океана живутъ лапландцы, народъ чрезвычайно дикій, подозрительный и до того трусливый, что одинъ слѣдъ чужестранца, или даже одинъ видъ корабля, обращаетъ ихъ въ бѣгство; москвитяне не знаютъ свойствъ этого народа; торговля мѣхами производится безъ разговоровъ, потому-что лапландцы избѣгаютъ чужихъ взоровъ. Слививъ покупаемые ими товары съ мѣхами, они оставляютъ мѣха на мѣстѣ, а купленное уносятъ, и такая заочная торговля производится съ чрезвычайною честностію“.

Другія историческія свидѣтельства приводятъ насъ къ тому заключенію, что лопари въ переселеніи своемъ шли съ юга, и именно

отъ Онежскаго озера, гдѣ нѣкто муромскій монахъ Лазарь видѣлъ ихъ еще около половины XII столѣтія и звалъ *лопьянами, сыродцами*, звѣрообразными людьми. Онъ тогда же хвалилъ ихъ кроткіе нравы, рассказывая объ общей благодарности и желаніи стать христіанами послѣ того, какъ удалось ему исцѣлить слѣпого сына одного изъ лопарскихъ старшинъ. Даже случилось такъ, что отецъ исцѣленнаго, имѣвшій жительство на Рандозерѣ сдѣлался монахомъ и всѣ сыновья его крестились. Тѣже лопьяне (жители сѣвернаго побережья Онежскаго озера), которые сначала гнали святого мужа съ острова Муромскаго, сожгли его хижину, притѣсняли и даже били,—впослѣдствіи сами оставили тѣ мѣста, „отыдоша въ предѣлы окіана моря“. Это начальное переселеніе лопарей далѣе на сѣверъ, очевидно тѣснимыхъ новыми пришельцами, находившимися подъ защитою и покровительствомъ сильнаго Новгорода, случилось несомнѣнно ранѣе 1352 г., когда св. Лазарю Муромскому выдана была посадникомъ Славянскаго конца Иваномъ Фоминымъ владѣльческая грамота на островъ Мучь, озеро Муромское съ окрестностями. Въ началѣ XI столѣтія лопари дѣлаются извѣстными исторіи и уже какъ данники Великаго Новгорода. Новгородъ раздѣлилъ ихъ на два разряда: *двоеданныхъ* и *троеданныхъ*, и къ послѣднимъ приписывалъ тѣхъ изъ нихъ, которые переходили за норвежскую границу добывать промысла. Дань эта состояла сначала изъ шкурокъ пушного звѣря и рыбы, а потомъ уже изъ денегъ. Только при Іоаннѣ III лопари начали сами возить эту дань въ Москву, но до того времени отдавали ее нарочно присылаемымъ приставамъ, которые и обязаны были ѣздить и ходить по ближнимъ и дальнимъ погостамъ.

Посильно отбывая государственныя повинности, лопари, въ то же время, находились во враждебномъ отношеніи къ тѣмъ изъ своихъ единоплеменниковъ, которые подчинились норвежцамъ и въ страны которыхъ наши лопари ѣздили за промыслами. Происходили ссоры, драки, кровопролитія; требовалось положить между сосѣдями политическую, правительствами обусловленную, границу. Около пятисотъ лѣтъ тянулось это дѣло. Шведы неоднократно присылали уполномоченныхъ, являлись и московскіе (въ 1526, 1592, 1595, 1601); затѣвались споры, происходили разногласія, дѣло не подвигалось впередъ, требовалось рѣшенія спора оружіемъ. Шведы, въ 1591 г., овладѣли сумскимъ острогомъ, сожгли монастырь печенгскій; московскія войска, подъ предводительствомъ двухъ братьевъ князей Волконскихъ, опустошили сѣверную Финляндію. Нѣкто Валить—„ратный человекъ и къ рати необычайный охотникъ, собою дородный“, изъ знатныхъ новгородцевъ, ходилъ на Мурманъ, поставилъ огромный камень и окруживъ его двѣнадцатью рядами каменныхъ стѣнъ, назвалъ Вавилономъ—говоритъ финское преданіе (не сохранившееся у лопарей). Тоже

самое соорудилъ этотъ *Валитъ* и на мѣстѣ нынѣшней Колы. Шведы отдали ему все Лопорье до рѣки *Илгея*, такъ что лопари сдѣлались новгородскими данниками. Царь Борисъ *начиналъ* дѣло о границахъ, но не кончилъ: начавшаяся неурядица государственная затянула это дѣло надолго. Екатерина II, въ 1784 г., подняла *вновь* вопросъ этотъ, но также не кончила совершенно. Въ 1809 году, когда Финляндія присоединена была къ Россіи, границы эти были приведены въ бѣдльшую ясность. Такъ было до 1822 года, когда норвежскіе солдаты изъ крѣпости Вардегуза, пріѣхавши къ берегамъ, принадлежавшимъ къ Пазрѣцкому погосту, нарубили тамъ дровъ, во исполненіе уже давняго обычая похищать лопарскую собственность. Лопари принесли жалобу кольскому исправнику. Въ дѣло это вмѣшалось шведское правительство; присланы были уполномоченные и тогда же получена новая жалоба отъ *фильмановъ* * (новержскихъ лопарей, *финнимановъ*, *фирминовъ*) на русскихъ лапландцевъ. Все это, взятое вмѣстѣ, послужило къ тому, что въ 1825 году русскій полковникъ Галяминъ и шведскій полковникъ Сперкъ назначили окончательно границу эту по рѣкѣ Пазрѣкѣ (Пазвигу). По конвенціи между русскимъ и шведскимъ правительствами, подписанной въ 1826 году, положено, чтобы норвежскія семейства, а равно и семейства русскихъ подданныхъ, живущія на земляхъ, которыя навсегда достаются въ удѣлъ Россіи или Норвегіи, оставались на мѣстѣ ихъ жительства или переселились на землю другой державы въ теченіе трехлѣтняго срока. Въ теченіе шести лѣтъ тѣ и другіе имѣли право ходить на землю другой державы для производства тамъ по прежнему рыбной и звѣриной ловли, соображаясь, однако, съ правилами внутренней полиціи и таможенными учрежденіями. Оленей позволялось пасти только на тѣхъ мѣстахъ, которыя названы общими (Fellesdistricter).

Въ правительственномъ отношеніи, лопари въ настоящее время стоятъ наравнѣ съ прочими государственными крестьянами: платятъ подати, исправляютъ земскія повинности, но, въ то же время, освобождены отъ личнаго рекрутства, платя вмѣсто того, въ рекрутскій годъ, 150 р. сер. съ рекрута.

Закутанный въ оленьи мѣха, лопарь живетъ по зимамъ въ своихъ зимнихъ погостахъ внутри Лапландскаго полуострова и только на лѣто перекочевываетъ къ морю или океану. Тотъ же совикъ, что и у самоѣда (но, на этотъ разъ, называемый *печокъ*, нераспашной, съ колпакомъ

* Финниманы—живутъ въ трехъ торговыхъ крѣпостцахъ: большомъ и маломъ Вадзѣ, въ Несби и въ селеніяхъ при Варангскомъ заливѣ океана: Нивдемѣ, Пазѣ и Ровдиной. Образъ жизни, одежда, языкъ и нравы ничѣмъ почти не отличаются отъ русскихъ лопарей, но за то финниманы несравненно богаче послѣднихъ количествомъ головъ рогатаго скота и оленьихъ стадъ. Рыбная ловля и морскіе промыслы значительно пополняютъ это количество. Финниманы раздѣляются на *юрнимъ* (Fieldfinner) и *морскихъ* (Seefinner).

для головы), тѣже оленьи высокіе сапоги—*яры*, съ длиннымъ и острымъ носкомъ, шапка съ длинными ушами, опушенная разсомашечьимъ мѣхомъ, спасаютъ лопаря отъ суровостей полярнаго холода. *Юна*—тотъ же *печокъ*, но не мѣховой, а изъ сѣраго сукна, съ такимъ же куколемъ, вродѣ шапки, служить лопарю на его лѣтнихъ морскихъ промыслахъ, спасая его и отъ крѣпкихъ вѣтровъ, и отъ міріады комаровъ, вьющихся надъ гнилою тундрой его отечества. Лопарки носятъ сарафаны; на головѣ—сороки изъ кумача, холста и караеи; на затылкѣ кладутъ вынизанный бисеромъ, краснаго сукна назатыльникъ. Дѣвушки носятъ шелковыя каразейныя повязки, а на шеяхъ бусы изъ краснаго бисера и дешеваго жемчуга, добываемаго, какъ извѣстно, во многихъ рѣкахъ поморья, особенно въ рѣкѣ Кеми. У лопарей тотъ же конусообразный шатеръ, что чумъ у самоѣдовъ, называемый *въжсей*, составляетъ его жилище. Разница между чумомъ и вежей незначительна. Тѣ же обточенные шесты, сажени въ двѣ длиною, составляютъ ея основаніе, такое же отверстіе наверху для дыму, тотъ же, наконецъ, земляной полъ, устилаемый оленьими постелями, какъ и въ самоѣдскомъ чуму. Разница только въ томъ, что вѣжа устанавливается прочнѣе и перевозится, какъ чумъ, съ мѣста на мѣсто (въ этомъ случаѣ, вѣжа составляетъ какъ бы нѣчто среднее, переходное отъ кочевой палатки къ избѣ или къ дому). Для этой цѣли внѣшняя сторона вѣжи не обшивается оленьими мѣхами, а обкладывается сначала хворостомъ и вѣтвями хвойныхъ деревьевъ, а потомъ сверхъ всего широкими пластами дерна. Въ одномъ боку вѣжи, въ противоположной сторонѣ отъ сѣвера, оставляется отверстіе, которое, на этотъ разъ, закрывается опять таки не оленьимъ мѣхомъ, а дверью, сколоченною изъ трехъ-четыреухъ дощечекъ; дверь эта приподнимается кверху и тяжестью своей готова придавить и способна ушибить больно всякаго неловкаго, неопытнаго гостя, какъ западня, какъ защелка, по подобію съ звѣриной ловушкой. Такихъ вѣжъ у такъ называемыхъ кочующихъ лопарей для каждаго семейства по двѣ: одна, зимняя, остается при озерахъ *незапертою*, когда лопарь перекочевываетъ въ весеннее время къ морю, гдѣ уже ждетъ его готовая лѣтняя вѣжа, точь-въ-точь такого же строенія и вида, какъ и прежняя. Многіе погосты имѣютъ уже лопарскія избы, выстроенныя по образцу русскихъ. Скудную пищу и крѣпкій сонъ вкушаетъ и лопарь въ своихъ вѣжахъ, или избахъ, какими пользуются самоѣды въ своихъ чумахъ. Отъ оленьихъ же стадъ зависятъ участь и судьба большей части лопарскаго населенія, какъ и самоѣдскаго. Разница только одна: лопари давно уже перестали находить въ оленяхъ единственныхъ друзей и единственное, неизбѣжное подспорье въ жизни, а потому обращаютъ на нихъ меньшее вниманіе. Олени лопарскіе больше ростомъ, значительно крѣпче силой, не гоняются стадами при передвиженіи, а живутъ по большей части на назначен-

ныхъ мѣстахъ, на издавна отведенныхъ пастбищахъ и часто оставляются безъ надзора на все лѣтнее время морскихъ промысловъ. Огромная стада дикихъ оленей вознаграждаютъ утраты, въ случаѣ нападенія на стада домашнихъ оленей волковъ, росомахъ и медвѣдей, которыхъ, какъ говорятъ, на Лапландскомъ полуостровѣ несравненно больше, чѣмъ въ мезенской тундрѣ. Точно также, по большей части съ пятилѣтняго возраста, пускаютъ и лопари (какъ и самоѣды) оленей своихъ въ упряжь. Разница здѣсь только въ томъ, что лопарскія сани имѣютъ форму корыта и называются *кѣресомъ*, *кережкою*, но у нихъ также веревочная упряжь, все то же, даже и особыя названія для всякаго возраста животнаго: *теленкъ*—олень на второмъ году жизни называется *урѣкомъ*, самка—*вонделажкою*; на третьемъ: самецъ—*убѣрсомъ*, самка—*вонделаженкою*; на четвертомъ: самецъ *кундусомъ*, самка, какъ и у самоѣдовъ—*важенною* и, также какъ у самоѣдовъ же, самецъ послѣ пяти лѣтъ и до смерти носить названіе *быка*. Зрѣлый олень также не живетъ болѣе 20 или 30 лѣтъ, и умерщвляется раньше, на случай насущной потребности, для одежды или пищи. На Лапландскомъ полуостровѣ, какъ и по мезенской тундрѣ, врагами оленей, помимо волковъ, можно считать докучливыхъ слѣпней (*tabanus* или *coestrus tarandi*). Оригиналенъ здѣсь только тотъ обычай, что пригнаннымъ къ морю оленямъ лопари позволяютъ пить соленую воду. Олени пьютъ ее съ жадностью, но только одинъ разъ въ лѣто; другіе разы они въ этой водѣ только спасаются отъ слѣпней, но, какъ замѣчаютъ, никогда уже не пьютъ ея больше. Терскіе лопари (предпочтительно предъ другими одноплеменниками) изъ оленьихъ шкуръ, готовятъ хорошую лосину и замшу, называемыя въ поморской торговлѣ общимъ именемъ *рѣдьюи*.

Продолжая сравненіе лопарей съ самоѣдами, найдемъ, что лопари, напр., ничего не ѣдятъ сырымъ и безъ соли, какъ любятъ дѣлать это самоѣды. Точно также лопари въ своей торговлѣ съ русскими промышленниками, забирающими у нихъ лѣтніе уловы рыбы въ становищахъ Мурманскаго и Терскаго береговъ, скорѣе остаются въ накладкѣ, чѣмъ въ прибыли. Лишняя чарка водки рѣшаетъ иногда дѣло къ немалому ущербу лопаря, всегда добраго, сговорчиваго и вѣрующаго въ честность промышленниковъ русскихъ, но почти всегда ошибающагося. Наконецъ, несравненно лучшимъ здоровьемъ пользуется лопарь передъ самоѣдами, по той причинѣ, что, къ счастью, нѣтъ у нихъ наслѣдственныхъ заразительныхъ болѣзней, нѣтъ и другихъ, исключая неизбѣжныхъ морскихъ. Можетъ быть, способствуютъ къ тому правильно обусловленные перекочевки два раза въ годъ,—а можетъ быть и не такая грязная, не такая животная жизнь, какъ жизнь самоѣдовъ. Если прибавить ко всему сказанному, что лопарки необыкновенно пугливы, и что громкій, неожиданный стукъ или крикъ способенъ произвести во всемъ ихъ организмѣ значительное нервное раз-

стройство, подчасъ доводящее ихъ до состоянія бѣшенства: то, этимъ, кажется, придется сказать все о лопаряхъ.

Тою же кротостію и миролюбивымъ характеромъ дышатъ всѣ отношенія лопарей къ русскимъ, какъ и отношенія самоѣдовъ къ зырянамъ *. Даже, какъ кажется, лопарь еще честнѣе, еще характернѣе самоѣда, а простодушіе его не ищетъ дальнихъ доказательствъ. Патріархально-гостепріимный въ своей вѣжѣ лопарь, въ сношеніяхъ своихъ съ русскими любитъ заводить тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай *крестованья*. Угодить въ чемъ нибудь, понравится чѣмъ нибудь, угостить хорошо или дать выгодную плату за промыселъ давній лопарскій знакомецъ-поморъ—лопарь не замедлитъ предложить ему *покрестоваться*, т. е. обмѣняться крестами, сдѣлаться крестными братьями. Лопарь, по совершеніи обряда обмѣна крестовъ, даритъ „крестовому“ все, что есть у него лучшаго: лучшій оленій мѣхъ, лучшую звѣриную шкуру, бобровую или чернобурой лисицы. Крестовый русскій долженъ, въ свою очередь, отдарить, чѣмъ можетъ, своего крестоваго брата—лопаря. Г. Верещагинъ, авторъ „Очерковъ Архангельской губерніи“, рассказываетъ одинъ подобный случай крестованья слѣдующимъ образомъ:

„Одинъ изъ нашихъ русскихъ промышленниковъ въ одно лѣто былъ на Мурманскомъ берегу около норвежской границы. Тамъ нашъ промышленникъ случайно встрѣтился съ однимъ дотогѣ ему неизвѣстнымъ лопаремъ, котораго все богатство состояло въ оленьихъ стадахъ. Разсудивъ, что не худо имѣть знакомаго человѣка, съ которымъ, можетъ быть, приведется на будущее время имѣть какое-нибудь дѣло, промышленникъ пригласилъ этого лопаря къ себѣ на лѣдью. Лопарю понравился новый его знакомый, такъ что онъ предложилъ ему свою дружбу; друзья покрестовались. Лопарь, получивъ, по обычаю, подарокъ (весьма впрочемъ незначительный), пригласилъ своего крестоваго къ себѣ. Они съѣхали на берегъ и, пройдя нѣсколько верстъ, очутились на небольшой равнинѣ, окруженной скалами. Лопарь громко свистнулъ и на этотъ свистъ послышался лай собакъ. Въ ту же минуту лопарь повелъ своего знакомаго на ближайшій холмъ. Лишь только они успѣли на него взобраться, какъ вдругъ откуда ни возмись, со всѣхъ сторонъ набѣжали на равнину стада оленей, ловко загоняемые собаками. Нашъ промышленникъ, стоя на холмѣ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на это безчисленное стадо оленей, которые покрыли всю равнину.

— Вотъ всѣ мои олени, сказалъ, наконецъ, лопарь, обращаясь къ своему крестовому:—выбирай себѣ любого, какого хочешь.

* См. т. II, статью: „Поѣздка на Печору“. *Самоѣды*.

Крестовый съ минуту оставался въ недоумѣніи: онъ зналъ, что, по обычаю, долженъ былъ, взамѣнъ своего подарка, получить подарокъ и отъ лопаря; но, вспомнивъ о ничтожности своего подарка, въ сравненіи съ тѣмъ, который предлагалъ ему лопарь, онъ невольно смутился, тѣмъ болѣе, что лопарь нарочно для него раскинулъ передъ нимъ *все* свое богатство и великодушно предлагалъ выбрать самое лучшее.

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ, наконецъ, промышленникъ:—куда ужъ мнѣ выбирать? Спасибо! Самъ ты дѣлай, какъ знаешь.

Лопарь тотчасъ сошелъ съ горы и, выбравъ самаго лучшаго изъ оленей, ловко набросилъ на рога его петлю. Тотчасъ же олень былъ убитъ, и нашъ промышленникъ разстался съ своимъ крестовымъ, неся съ собою прекрасную шкуру и мясо оленя—залогъ новаго знакомства и дружбы съ добродушнымъ лопаремъ“.

„Эта черта (прибавляетъ дальше г. Верещагинъ) показываетъ высокое качество души людей, которыхъ мы привыкли считать грубыми; это качество сдѣлало бы честь всякому образованному чело­вѣку“.

По нашему мнѣнію, случай этотъ, какъ и нѣсколько другихъ, подобныхъ ему, служить не маловажною причиною къ опроверженію того мнѣнія, которое хранятъ еще нѣкоторые изъ поморовъ, что будто бы лопарь склоненъ къ убійству, что будто бы безъ товарищей и оружія нельзя довѣряться его гостепріимству, что такимъ образомъ недавно пропавшій безъ вѣсти кемскій поморъ, имѣвшій при себѣ значительную сумму денегъ, убитъ лопарями, и будто бы за то только, что у него было много денегъ! Въ тоже время и тѣ же русскіе, уходя домой съ мурманскихъ промысловъ, оставляютъ лопаря сторожемъ всего запаса на будущую весну, всего, что было бы лишнимъ дома, но что можетъ пригодиться на будущій годъ. Семь мѣсяцевъ блюдетъ лопарь, за ничтожную сумму, становища промысловыя и все въ поразительной цѣлости передаетъ хозяевамъ, не утаивъ за собою малѣйшаго пустяка. Между тѣмъ надзору лопарей довѣряется весьма часто нѣсколько сотенъ пудовъ трески, палтасины, семги, на нѣсколько же сотенъ рублей снастей и проч. А между тѣмъ чрезвычайно рѣдки судебныя слѣдствіе о смертоубійствахъ, въ которыхъ бы замѣшался лопарь (извѣстны только два).

Лопари охотно и часто выселяются ближе къ русскимъ селеніямъ и не строятъ уже своихъ погостовъ далеко, въ глубь Лапландіи; также охотно, особенно въ послѣднее время, они женятся на русскихъ дѣвушкахъ. О простотѣ и даже нѣкоторой тупости лопарей поморы, между прочимъ, рассказываютъ слѣдующее. Одному лопину удалось утащить изъ часовни цѣлый ящикъ церковнаго сбора. Желая спрятать его подальше, онъ вышелъ на тундру, высмотрѣлъ дерево, закопалъ

подъ нимъ свою кражу и, отойдя, долго оглядывался потомъ назадъ, съ цѣлю хорошенько запомнить мѣсто. Къ несчастію лопаря, все это высмотрѣли ребята—зуйки, ходившіе изъ становища за морошкой. Зуйки рассказали обо всемъ этомъ кормщику. Тотъ пришелъ, вырылъ деньги, ящикъ расколотилъ и бросилъ. Лѹпинъ заплакался, цѣлые дни ходилъ повѣся носъ и, наконецъ, не выдержалъ и рассказалъ русскимъ промышленникамъ свое горе.

— Отчего же ты по-дурачки пряталъ?—спрашивали тѣ.

— Лѣзя видѣть, лѣзя не видѣть,—оправдывался лѹпинъ и приписалъ все это злымъ духамъ.

Свадебные обряды лопарей, до сихъ еще поръ, сохранились въ первобытной цѣлости и оргинальности. Свадьбѣ обыкновенно предшествуетъ сватанье. Женихъ съ родными своими отправляется въ этотъ день къ избѣ или вѣжѣ невѣсты. Но жениха не пускаютъ туда: дверь заперта на задвижку. Онъ со всѣми родными своими долженъ стоять въ сѣнцахъ, гдѣ такъ холодно и, въ тоже время, такъ непріятно—стыдно. Женихъ съ пришедшими начинаетъ стучать въ дверь, съ приговоромъ молитвы: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!“—до трехъ разъ. Послѣ послѣдняго удара и молитвы, изъ-за дверей окликаютъ пришедшихъ сердито-заспаннымъ и хриплымъ голосомъ:

— Кто это тамъ по ночамъ бродить, беспокоить?

— И, просунувши голову въ полуотворенную дверь, лопарь хмурить глаза и опять приговариваетъ:

— Не вижу, не вижу, что за люди пришли...

Ему даютъ полтинникъ. Онъ третъ этой монетой одинъ глазъ и щурить другой. На этотъ глазъ тоже поступаетъ отъ жениха полтинникъ или другая монета, смотря по состоянію.

Получивши полтинникъ, сватъ не отстаетъ: говорить, что горло болитъ, лѣчить надо—даютъ платокъ. „Озябъ“—говоритъ сватъ—водки дають. Тоже самое повторяетъ и другой привратникъ, которыми бывають по большей части братья невѣсты. Этому послѣднему, обдавивши его, пришедшіе сказываютъ свой сказъ: что пришли-де отъ заморскаго купца, у котораго улетѣла золотая птица и будто бы спряталась въ этой вѣжѣ. Ихъ тотчасъ же пускаютъ посмотрѣть и поискать. Гости, ухватившись руками за плечи и наклонивши голову, входятъ въ избу гуськомъ, одинъ за другимъ. Женихъ топаешь ногами; его осаживають, останавливаютъ криками: „тпру“, но женихъ продолжаетъ топать до тѣхъ поръ, пока не подойдутъ къ лавкамъ. На лавкахъ, въ это время, сидитъ вся невѣстина родня. Невѣсты нѣтъ тутъ; отецъ ея сидитъ опустивши голову, какъ будто спитъ. Гости подходятъ къ нему и будятъ, ударивши нокотками пальцевъ въ голову. Очнувшійся отецъ протираетъ глаза, проситъ на очки, на

починку головы. Тоже самое дѣлаетъ и вся остальная невѣстина родня, которую тоже женихъ обязанъ одаривать. Когда, наконецъ, кончится вся эта скучная церемонія, выводятъ невѣсту, сажаютъ на постель, накрывши предварительно лицо ея покрываломъ.

Родные указываютъ на нее пришедшимъ и спрашиваютъ:

— Не та ли эта птица, что ищете?

Сваха даромъ не показываетъ птицы, просить подарка. Получивши его, она поднимаетъ покрывало.

— Она,—говорятъ пришедшіе.

Старшій свать жениха беретъ его руку подъ правую свою мышку, придерживая локоть своей ладонью; тоже дѣлаетъ сватья съ невѣстой. Жениха и невѣсту водятъ вмѣстѣ, сближаютъ ихъ руки, чуть дотрогиваясь одной до другой, но мгновенно отдергивая, до трехъ разъ, и потомъ разводять. Женихъ одинъ уѣзжаетъ домой, а родные его, вмѣстѣ съ невѣстиными, начинаютъ пиръ и ведутъ его до поздней ночи. На другой день совершается и самая свадьба, сопровождаемая тѣмъ же пиромъ, но только уже въ домѣ новобрачныхъ.

Промышленники русскіе всѣ единогласно хвалятъ цѣломудренность лопарскихъ женщинъ, ихъ трудолюбіе и домовитость, которыя не мало способствуютъ къ тому, что и дѣти воспитываются въ нѣкоторой патріархальной чистотѣ нравовъ: мальчикъ—лопарь, до совершеннолѣтія, живетъ большею частію дома и не отпускается на трудные мурманскіе промыслы. Сама же лопарка всегда дома. На ея обязанности лежитъ приготовленіе пищи: тонкихъ лепешекъ—*рески*—приготовляемыхъ изъ тѣста (муки съ водой) и поджариваемыхъ на раскаленномъ камнѣ, и *линды*—ухи изъ рыбы (иногда мяса оленьяго)—родъ грязноватой невкусной похлебки, съ примѣсью незначительнаго количества муки. Черной хлѣбъ, покупаемый или вымѣниваемый у русскихъ промышленниковъ на Мурманѣ, составляетъ лакомство. Въ свободное время лопарка обшиваетъ дѣтей, мужа, самое себя*; онѣ такія же мастерицы шить платья, какъ и самоѣдки, но также неопрятны, также неразборчивы въ пищѣ, подчасъ также упрямы, какъ и мужья ихъ, и всѣ до единой умѣютъ говорить порусски тѣмъ же говоромъ, въ которомъ слышатся крѣпкое удареніе на букву *о* и непріятно-пронзительные звуки.

Такимъ образомъ, лопарь все лѣто живетъ морскимъ промысломъ; живетъ онъ имъ и осенью, и зимою, если только случайность судьбы поселила его на Терскомъ берегу, около Поноя. Въ противномъ случаѣ, съ первыми признаками осеннихъ непогодей, лопари удаляются къ своимъ зимнимъ погостамъ. Здѣсь, на ту пору, ближнія (всегда

* Многіе лопари приучились, въ послѣднее время, къ русскимъ кафтанамъ, при которыхъ носятъ нынѣ и картузы съ козырькомъ, по лѣтамъ.

большія) озера богаты разнаго рода рыбой: идутъ сизи, гáрьюсы хáрьюзы, гарвизы, *Salmo thymalus*—мелкая, но вкусная рыба съ мелкимъ клескомъ или чешуей, до 5 фун. вѣсомъ), попадаются въ невода, еѣти и сѣтки щуки, окуни, ерши, мелкая палья съ краснымъ мясомъ, перьями и хвостомъ и чернымъ клескомъ (изъ рода лососей, близкая къ форели). Идутъ на крючки съ сеговой наживкой жирные, вкусные налимы. Часть этой добычи служитъ для нихъ большимъ подспорьемъ на зимнее продовольствіе; часть скупается на мѣстѣ пріѣзжающими на оленяхъ терскими поморами или на деньги, или на соль и ржаную муку.

Зиму лопари въ своихъ дальнихъ вѣжахъ посвящаютъ ловлѣ птицъ и лѣснаго звѣря, и это едва ли не главные и не самые выгодные и прибыльные промыслы. Несмѣтное количество куропатокъ населяютъ весь Лапландскій полуостровъ, давая возможность лопарямъ не прибѣгать къ огнестрѣльному оружію, а пользоваться легчайшими и дешевѣйшими способами. Куропатки кучками и въ одиночку бѣгаютъ по чистому снѣгу, обыкновенно по направленію въ южную сторону. Зная это, лопари устраиваютъ ловушку, весь нехитрый составъ который состоитъ въ томъ, что къ двумъ колушкамъ, наклонно воткнутымъ въ снѣгъ, привязываютъ небольшую петельку, плетеную изъ нитокъ и называемую *iamásomъ*. Около гангаса этого дѣлаютъ коротенькій заборикъ съ двухъ сторонъ изъ сосновыхъ и еловыхъ лапокъ. Куропатка, вбѣгая въ этотъ переулочекъ, узенькій и коротенькій, принуждена стремиться впередъ и, стало быть, прямо въ петлю, гдѣ ей уже нѣтъ спасенія. Но часто подобную добычу, и притомъ въ значительномъ числѣ, похищаютъ лисицы.

Противъ этихъ звѣрей лопари придумали много средствъ, большею частію общихъ съ мезенскими краями, каковы: отравы, капканы и другія ловушки, всегда вѣрный и мѣткій выстрѣлъ. Лопари такіе же замѣчательно-искусные стрѣлки, какъ вообще всѣ живущіе морскими и лѣсными промыслами и для которыхъ ружье, естественно, предметъ необходимой важности. Тѣми же снарядами и при тѣхъ же средствахъ добываютъ лопари горностаевъ, песцовъ, волковъ и зайцевъ, какъ производится это дѣло и въ мезенской тундрѣ. Медвѣдей лопари не бьютъ, по тому ли давнему, суевѣрному понятію, что у медвѣдя 12 силъ человѣческихъ и 10 умовъ мужичихъ, или по тому убѣжденію, что медвѣдь не приноситъ особаго вреда. Къ тому же лапландскій медвѣдь смиренъ и почти никогда не нападаетъ первымъ; при видѣ нѣсколькихъ, бѣжитъ даже прочь и больше лопарокъ боится неожиданнаго и сильнаго крика. Если иногда лопарь и надумаетъ стрѣлять въ звѣря, то прежде выстрѣла—тоже по давнему обычаю—говоритъ ему краткую рѣчь, или родъ увѣщанія, чтобы медвѣдь не нападалъ первымъ, затѣмъ-де, что ружье можетъ осѣчься, рука мо-

жетъ дрогнуть и проч.—чего благородный (по убѣжденію лопарей) звѣрь никогда не рѣшится сдѣлать, и тому подобное.

Изъ другихъ, болѣе прибыльныхъ для лопарей, лѣсныхъ или тундряныхъ промысловъ замѣчательны два: промыслы выдры (бобры совсѣмъ перевелись) и дикихъ оленей. Выдры, какъ извѣстно, живутъ въ водѣ и преимущественно въ тѣхъ рѣкахъ и озерахъ, которыя имѣютъ прямое сообщеніе съ моремъ. Уходятъ выдры и въ море, но и тамъ попадаютъ на всегда мѣткій выстрѣлъ охотниковъ. Звѣря этого считаютъ три вида, изъ которыхъ самый распространенный тотъ, который характеризуется бѣлою грудью и черною, блестящею шерстью на другихъ частяхъ тѣла. Величина его доходитъ иногда до величины большой свиньи или дворовой собаки. Эта порода выдръ очень легко дѣлается ручною, и бывали даже случаи, что звѣрь этотъ помогалъ даже хозяину ловить рыбу, до которой самъ онъ, въ тоже время, страстный охотникъ.

Дикихъ оленей, которыхъ множество бѣгаетъ и по лапландской тундрѣ (не стадами, но въ одиночку), ловятъ лопари на хитрость: или подползая къ нимъ *за вѣтромъ*, съ петлей или ружьемъ, или подпуская къ нимъ домашнюю самку осенью, во время течки, когда обыкновенно нѣсколько сбѣжавшихся дикихъ самцовъ затѣваютъ изъ-за самки драку. Въ дракѣ той они путаются рогами и такимъ образомъ становятся легкою добычею. Во время гололедицы бѣгаютъ за оленями на лыжахъ и, утомля ихъ долгимъ и труднымъ бѣгствомъ, берутъ на ружье, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ подобной охоты. Иногда, впрочемъ, лопари прибѣгаютъ и къ болѣе мирному средству добычи дикихъ оленей. Для этого выбираютъ они въ лѣсу такое мѣсто, по которому, по всѣмъ примѣтамъ, долженъ пробѣжать дикій олень. Въ этомъ мѣстѣ, къ сучьямъ деревьевъ привязывается гангасъ — такая петля, какъ и для куропатокъ (только, естественно, значительно бѣлшая и изъ довольно толстыхъ веревокъ или ремня). Бѣгающій всегда быстро и, въ большей части случаевъ, безъ оглядки, олень легко попадаетъ въ ловко-настороженную петлю и, при усиліяхъ выбраться, еще больше путается и затягивается на вѣчную смерть въ мучительнѣйшихъ предсмертныхъ судорогахъ. Мясо убитого такимъ образомъ оленя не идетъ въ пищу. Въ дѣло идетъ одна только шкура: изъ снятой съ ногъ и выбѣленной на солнцѣ дѣлаютъ обувь, изъ остальной замшу, а нерѣдко и педѣкъ, точно такъ же, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ мезенцы и самоѣды.

На огромное множество полевыхъ мышей, безчисленными вереницами бѣгающихъ по тундрѣ, лопари не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія, предоставляя ихъ въ пищу птицамъ и звѣрямъ, и въ то же время простодушно убѣждены, что мыши эти падаютъ съ облаковъ, не зная того, что вообще животныя сѣвера многоплоднѣе животныхъ

южныхъ странъ (овцы носятъ ягнятъ два раза въ годъ и часто двойни, козы даютъ по три козленка, и проч.), и что именно этимъ обстоятельствомъ можно объяснить всѣ эти міриады рыбъ (особенно сельдей и семги), міриады куропатокъ, комаровъ и тѣхъ же полевыхъ мышей. Число послѣднихъ такъ велико, что невольно рождается вопросъ, чѣмъ онѣ питаются на этой скудной лишайной почвѣ. Ихъ двѣ породы: одиѣ очень миролюбивы, никогда между собою не дерутся и скоро дѣлаются ручными. Другія, желтобурыя, довольно злы и не скоро привыкаютъ къ человѣку. На Новой Землѣ ихъ, говорятъ, несравненно больше, чѣмъ въ Лапландской тундрѣ.

Коснувшись суевѣрій, не лишнее упомянуть и объ томъ понятіи (изъ множества предразсудковъ полудикихъ лопарей), которое имѣютъ они объ сѣверномъ сіяніи. По ихъ мнѣнію, это души умершихъ родныхъ, идущія на небо; нѣкоторые лопарки узнаютъ даже въ столбахъ сполоховъ своихъ мужей, отцовъ, братьевъ и друг. Болѣе суевѣрные и обладающіе крайнею степенью воспламененнаго воображенія видятъ въ тѣхъ же столбахъ сіяній—злыхъ духовъ; но грамотные русскіе, хватившіе книжной премудрости, привыкли приписывать игру сполоховъ отраженію въ небѣ безчисленнаго множества сельдей, совершающихъ свои полярныя переселенія.

Вообще лопарь, за крайнею ли удаленностію церквей, или по другимъ какимъ, болѣе важнымъ, причинамъ, при православіи—крайне суевѣренъ и мало религіозенъ при всемъ стремленіи уподобляться русскимъ, какъ сдѣлали это, напримѣръ, относительно одежды. У лопарей въ округѣ Аккульскомъ водятся такіе опытные колдуны, къ которымъ приходятъ гадать чухны изъ Саволакса и другихъ мѣстъ Финляндіи. Здѣшніе кудесники не употребляютъ однако ни причитаній, ни заговоровъ, ограничиваясь нѣкоторыми механическими приемами, передаваемыми изъ рода въ родъ. Терскіе, напримѣръ, не соблюдая постовъ, употребляютъ круглый годъ куропатокъ и наивно оправдываются тѣмъ, что куропатки—летучая рыба. Новорожденный ребенокъ иногда цѣлые геды остается у нихъ безъ крещенія; рѣдкій изъ взрослыхъ знаетъ какую-либо молитву: большая часть ограничивается крестными осѣненіями и частыми поклонами передъ иконами въ часовняхъ, при своихъ погостахъ, при свѣтѣ свѣчей, которыя держатъ обыкновенно въ рукахъ; лопари носятъ крестъ, какъ украшеніе, поверхъ одежды, и проч. Въ то же время, лопари вѣрны и честны въ данномъ словѣ, любятъ искренно своихъ земляковъ и стоятъ за нихъ горой. Между тѣмъ, нѣтъ между ними ни одного грамотнаго, хотя всѣ охотно учатся говорить по-русски, всѣ безъ исключенія привержены къ крѣпкимъ напиткамъ, которые сдѣлали имъ уже много положительнаго вреда,—сдѣлаютъ еще больше, если не найдетъ ихъ рука спасающая, благодѣтельная, если не найдетъ ихъ грамотность, и че-

стный привѣтъ, и доброе вниманіе. На сосѣднихъ русскихъ, въ этомъ случаѣ, надежда сомнительная и плохая, тѣмъ болѣе, что между русскимъ населеніемъ поморья развилась и пустила глубокіе корни страсть къ торговымъ предпріятіямъ, со всѣми дурными ихъ сторонами.

Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ привести слова нѣмецкаго этнографа Франца Легера, дѣлавшаго общій выводъ обо всѣхъ дикаряхъ земного шара. „Сегодня, говоритъ онъ, дикарь, откровененъ, завтра вскипитъ въ немъ буйная страсть, какъ у истого сына природы, страсть, возбужденная или гордостью, или корыстолюбіемъ; надъ нею онъ уже не имѣетъ власти и, однажды проливши кровь, онъ становится жестокъ и страшенъ: онъ тогда уже безсильный рабъ этой ярости. Нѣжнаго, стыдливаго чувства нѣтъ у дикарки: страсть правится и легкомысліе—вотъ дары природы; дѣвственности жены мужъ-дикарь не требуетъ, но за нарушеніе вѣрности мститъ, какъ за покражу собственности. Материнское чувство бываетъ живо, но существованіе дурныхъ, а часто и постыдныхъ привычекъ объясняетъ частую бесплодность браковъ и раннюю смерть дѣтей“. Только этого послѣдняго положенія нельзя примѣнить къ нашимъ сѣвернымъ дикарямъ. „Въ дикарь—говоритъ г. Легеръ дальше—духовный человѣкъ находится въ постоянномъ плѣну и помраченіи. Игналище страстей и минутныхъ увлеченій, дикарь однообразно изживаетъ дни жизни и не имѣетъ предчувствія о возможности болѣе благороднаго существованія“... „Онъ можетъ благоденствовать лишь среди дикой и бѣдной природы. Гдѣ цивилизація приближается къ нему, тамъ онъ отступаетъ и изводится, какъ изводится дикая птица вблизи образованнаго человѣка“.

Д о в ѣ с е м ѣ и.

Село Кузомень, расположенное на рѣкѣ Варзугѣ, въ шести верстахъ отъ устья и въ двухъ верстахъ отъ моря, выстроилось на песчаномъ грунтѣ и, въ этомъ отношеніи, составляетъ разительное исключеніе изъ всѣхъ другихъ бѣломорскихъ селеній, которыя всѣ стоятъ на гранитѣ. Съ колокольни, недавно выстроенной вновь, можно видѣть всю эту огромную массу песка, обложившаго селеніе со всѣхъ сторонъ, кромѣ той, которая прилегаетъ къ широкой рѣкѣ Варгузѣ—большей изъ всѣхъ рѣкъ Терскаго берега. Окрестное песчаное поле безпривѣтно тянется до моря. Въ рѣдкихъ мѣстахъ на этой степи выставляются песчаные холмы, краснѣя издали своимъ глинистымъ основаніемъ. На рѣдкомъ изъ этихъ холмовъ съ трудомъ держится еще дряблѣе деревцо, и какъ будто что-то подлѣ него зеленѣетъ. Мелькаетъ еще такая же зелень (но не ясно) вдали на дальнемъ горизонтѣ, гдѣ, можетъ быть, уже начинаются лѣса. Лѣса идутъ за селеніемъ по

берегу рѣки, на которой качаются на якорѣ суда; нѣсколько другихъ бѣлѣютъ парусами. Море, на этотъ разъ, отдастъ взводнемъ и валить на берегъ одну за другой пѣнистыя, неугомонныя волны. Самое селеніе кажется довольно большимъ и выстроеннымъ какъ-будто недавно. Дома его глядятъ чисто, привѣтливо: всѣ почти они выкрыты тесомъ; рѣдкіе, словно бани, врыты до половины въ землю. Печально, какъ и дома эти, смотрятъ и тѣ амбарушки, которые прицѣпились на крутомъ берегу Варзуги и которымъ судьба судила хранить промысловыя снасти и во всѣхъ бѣломорскихъ селеніяхъ стоять впереди домовъ на берегу и привѣтствовать всякаго пріѣзжаго прежде всего другого. Въ Кузоmeni глубокий, летучій песокъ кругомъ, и тотъ же песокъ между домами. Кончаясь на этомъ берегу рѣки, онъ опять начинается въ другомъ и идетъ бесплодною степью все дальше и больше въ ближнюю лапландскую тундру. Какъ черныя, непроглядныя точки видятся на этомъ пескѣ ближнія къ морю промысловыя избушки, салотопенные амбары, и проч., какъ и вообще во всѣхъ другихъ приморскихъ деревняхъ Терскаго берега. Кузомень отличается отъ нихъ только тою завѣтною особенностью, что въ ней не встрѣтишь ни единой собаки, тогда какъ огромныя, желтыя животныя эти стадами наполняютъ всѣ другія поморскія селенія.

— Отчего же?—спрашивалъ я у туземцевъ.

— Не ведутся—мѣста-то у насъ, видишь, не такія, не повадныя; да и звѣрь-отъ этотъ для нашего края почитай-что лишній!—отвѣчали одни.

— Мѣсто у насъ такое стало (прибавляли другіе)—что и овецъ-то какъ еще Богъ держитъ и чѣмъ питаетъ: травы у насъ нѣтъ, листвы тоже. Скажемъ тебѣ—пожалуй не повѣришь—овца наша песокъ ѣстъ, пыль глотаетъ; сѣти ты на виду и не вѣшай—всѣ обгрызетъ, всѣ изсосетъ; рада—рада, коли тряпочка какая попадетъ. Даемъ имъ тоже мѣсиво изъ сельдяныхъ головокъ въ пойлѣ. Да, вѣдь, ужъ скотъ, извѣстно, не человѣкъ—съ однова сытъ не бываетъ, цѣлый день ѣстъ—не наѣтся. Поѣдешь въ Варзугу—тоже увидишь.

Людное, богатое село Варзуга—одно изъ первыхъ, по времени, заселеній новгородцевъ по Терскому берегу—ушло на 18 верстъ внутрь земли отъ Кузоmeni. Везутъ туда обыкновенно рѣкою Варзугою въ карбасѣ до того мѣста, которое зовется *ямой* и выше котораго начинаются уже пороги, столь высокіе и бойкіе, что по нимъ нельзя безъ опасности подниматься въ лодкѣ. Отъ ямы дорога идетъ узенькой тропинкой по песчанымъ холмамъ, иногда довольно высокимъ, между дряблыми стволами деревьевъ и плотно-сцѣпившимися кустами можжевельника. Между деревьями тянутся огромныя пространства, покрытыя бѣлымъ мохомъ. Слѣва надъ горами разлеглось неоглядное, ржавое болото; въ ложбинахъ бѣгутъ много ручейковъ, которые надо

переходить въ бродъ или перепрыгивать. Къ тому же, на этотъ разъ, все это питиверстное пространство надо было проходить съ оглядкой: тутъ, какъ рассказывали, показывалась медвѣдица съ пѣстуномъ и медвѣжатами и успѣла даже задавить нѣсколько коровъ и овецъ. По счастью, на встрѣчу попадалось много мужиковъ, одѣтыхъ въ полотняные колпаки (по туземному, въ куколи) отъ комаровъ, шедшихъ со страды, со всею беззаботностію и полною безбоязненностію, какъ бы по улицамъ своей деревни. За полторы версты, съ послѣдней песчаной горы, показалось, наконецъ и самое село, разбросанное двумя порядками по обѣимъ сторонамъ р. Варзуги. Видѣлись двѣ высокія, почернѣвшія отъ времени церкви, одна на правомъ, другая на лѣвомъ берегу: одна посвящена имени св. Іліи, другая имени св. апостоловъ Петра и Павла.

Село это можно почитать, въ относительномъ смыслѣ, центромъ дѣятельности, главнымъ мѣстомъ, столицею всего Терскаго берега. Сюда бредутъ и лопари, плывутъ и торговцы кемскіе и архангельскіе (особенно въ августъ мѣсяцъ): первые (лопари) для продажи, всѣ послѣдніе для закупки семги—почти единственнаго продукта, отъ котораго живетъ все населеніе Терскаго берега.

Еще въ Понѣ можно видѣть заборъ для семги. * Выстроены такіе же заборы и въ Варзугѣ, и въ Умбѣ, и въ Кандалакшѣ. Еще около Сосновца и далѣе по берегу видны десятки промысловыхъ избушекъ и вымеченныя на воду сѣти для той же рыбы. Семга для жителей Терскаго берега—единственное и богатое средство для существованія и занятій. Отсюда, какъ говорится, во всѣхъ бѣломорскихъ мѣстахъ на мурманскіе промыслы *подъемотъ* нѣтъ, т. е. хозяева не обряжаютъ покрутовъ за треской и палтасиной. Нѣкоторые изъ нихъ давно когда-то пробовали—не понравилось и они предпочли тамошніе, хотя и далеко небогатые промыслы домашнимъ, болѣе легкимъ и выгоднымъ. Семга идетъ на Терскій берегъ въ громадномъ числѣ.

Слѣдуя изъ вѣковъ своимъ врожденнымъ инстинктивнымъ побужденіямъ, семга ежегодно совершаетъ свои переселенія изъ странъ приполюсныхъ къ берегамъ морей. Совершая эти путешествія въ несмѣтномъ множествѣ и становясь на пути богатою добычею для морского звѣря, рыба эта (все-таки въ несмѣтномъ еще числѣ) входитъ, между прочимъ, изъ океана въ Бѣлое море. Здѣсь она выбираетъ рѣки самыя порожистыя и, по возможности, самыя покойныя въ истокахъ, вѣроятно, вслѣдствіе того же инстинктивнаго побужденія. Обладая крѣпко развитыми мускулами, дающими ей возможность

* Поной и Варзуга—двѣ самыя длинныя рѣчки Лапландскаго полуострова—вытекаютъ изъ высокаго болота, лежащаго во внутренней части Лапландіи. Внутренность эта мало обитаема.

плавать быстрее всѣхъ извѣстныхъ породъ рыбъ, семга, пробираясь рѣками и встрѣчая на пути преграду въ порогахъ, прыгаетъ черезъ нихъ иногда въ $1\frac{1}{2}$ сажени высотой. За то по латыни она и называется *salmo*, т. е. прыгунъ). Никскій водопадъ не въ силахъ удерживать эту рыбу, стремящуюся, подобно птицамъ, вывести дѣтенышей въ томъ же мѣстѣ, гдѣ сама родилась. Не удадутся первые сильные прыжки, семга нѣсколько разъ возобновляетъ опытъ. Нѣкоторые поморы замѣчали при этомъ слѣдующее интересное обстоятельство: если рыба не успѣвала осилить высоты пороговъ, то дожидала обыкновенно росы, и по этой росѣ—сухопутьемъ — *переползала* выше пороговъ. Тогда же за этими порогами, вдали отъ селеній и въ самыхъ спокойныхъ заводяхъ, она совершаетъ тѣ природныя отправленія, для которыхъ, и ведетъ ее инстинктъ изъ океана въ рѣки. Въ сопровожденіи самцевъ, полная икрою, самка выбираетъ тогда въ рѣкѣ такое мѣсто, гдѣ слабѣе теченіе и притомъ такое, которое закрыто съ южной стороны скалою, камнемъ и проч. Цѣлые сутки—какъ говорятъ наблюдатели—самка трется всѣмъ своимъ тѣломъ о песокъ подлѣ камня, плавая на этомъ мѣстѣ необыкновенно медленно взадъ и впередъ. Въ этихъ передвиженіяхъ она мечетъ икру свою и, кончивши дѣло, остается подлѣ (но въ сторонѣ) еще нѣкоторое время, уступая свое мѣсто самцу, который тоже, въ свою очередь, плыветъ надъ наметанною икрою и оплодотворяетъ ее молоками. Самецъ, и самка сдѣлавши свое дѣло, утомленные, ослабѣвшіе до послѣдней степени, спѣшатъ подниматься выше, вполне увѣренные въ томъ, что придорожный камень не пуститъ икры по теченію и дастъ легкую возможность произойти изъ нея новому населенію въ значительномъ числѣ субъектовъ. Выбравши глубокую, тинистую яму, и самецъ, и самка, иногда, какъ говорятъ, по цѣлымъ недѣлямъ стоятъ въ ней неподвижно, уткнувшись рыломъ въ берегъ ямы, и опять-таки по-прежнему въ прямомъ направленіи къ верхней сторонѣ рѣки. Во время этого стоянія и совершается съ рыбой та перемѣна, которая на поморскомъ языкѣ извѣстна подъ именемъ *облѣхивленія*, т. е. семга успѣваетъ тогда *облѣхивиться*, или, проще, превратиться въ *лоха*: красное мясо ея блѣднѣетъ и становится совершенно бѣлымъ. Изъ головы, подо ртомъ вырастаетъ костяной крюкъ; внѣшняя сторона клѣска серебрится, а уже не чернѣетъ; хвостъ становится тоненькимъ сама рыба дѣлается тощею (отъ 7 фунтовъ первоначальнаго вѣсу спадаетъ до 3 и $2\frac{1}{2}$), съ дряблымъ мясомъ. Семга уже мало тогда бываетъ похожа на свой первообразъ: она дѣлается лохомъ и въ этомъ видѣ идетъ внизъ по рѣкѣ, вдоль береговъ, обратно въ море, преслѣдуя при этомъ другихъ водяныхъ животныхъ. Попадаясь на пути въ промысловыя сѣти, она превращается уже и на языкѣ поморовъ въ *вальчака*, въ *пина*, въ *лоховину*, смотря по мѣстному говору. Выйдя

въ море, валчакъ все еще не теряетъ роговой крюкъ и красныхъ пятенъ на поверхности кожи, хотя и начинаетъ нагуливать тѣло, на которомъ появляется даже краснота. Въ этомъ перемѣнномъ и переходномъ состояніи онъ получаетъ названіе „кирьякъ“. Но та изъ этой новой породы рыбъ, которая успѣетъ спастись отъ преслѣдованій человѣка и пройти въ море, *проломивъ* (пробывши) въ рѣкѣ всю зиму, — къ осени приходитъ опять въ ту же рѣку уже безъ крюка и съ краснымъ мясомъ, настоящею семгою, и опять-таки для той же прямой и положительной цѣли: метанья икры. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ всѣ естествоиспытатели и промышленники, изъ которыхъ иные дѣлали будто бы нѣкоторыя примѣты на лохѣ (намѣчая зарубки, отрывая какое либо перо и проч.) и пуская этого лоха въ море. Замѣченный лохъ приходилъ въ ту же рѣку и на слѣдующій годъ, и все-таки уже семгой, а не вальчакомъ. Этимъ же превращеніемъ подвергается, какъ извѣстно, и балтійская семгалосось, прозимовавшая въ Невѣ или озерахъ Ладожскомъ и Онежскомъ, или въ рѣкѣ Свири.

Бѣломорская семга, разсыпаясь послѣ полярнаго переселенія и путешествій по побережьямъ Мурманскаго берега, Новой Земли, по берегамъ Норвегіи до крайнихъ южныхъ предѣловъ послѣдней, по всѣмъ порожистымъ, самымъ дальнимъ рѣкамъ Бѣлаго моря: Двинѣ, Мезени, Онегѣ, Кеми, преимущественно и несравненно въ большемъ числѣ расплывается по рѣкамъ ближайшаго къ океану Терскаго берега. Здѣсь ея самый главный и самый богатый уловъ. Лучшимъ способомъ для этой цѣли туземцы издавна, изъ темныхъ и дальнихъ историческихъ временъ, почитаютъ заборы.

Ранней весной, по возможности тотчасъ же послѣ половодья, когда уйдутъ всѣ льды и рѣчная вода войдетъ въ свои берега, строить эти заборы въ рѣкѣ Онегѣ (около волости Подпорожья); на Корельскомъ берегу: въ Поньгамѣ, въ Керети; на Терскомъ берегу: въ Кандакшѣ, въ Умбѣ, въ Варзугѣ, въ Пѣпоѣ. Въ Поньгамѣ встрѣчается простой первообразъ этихъ заборовъ: тамъ неширокая рѣчка перерѣзана поперекъ заставой изъ хвороста и хвойныхъ лапокъ, плотно прикрѣпленныхъ къ двумъ слегамъ—длиннымъ бревнамъ, которыя сходятся между собою подъ угломъ. Вершина этого угла обращена въ верхнюю сторону рѣки и только въ одной вершинѣ этой остается отверстіе (обѣ другія стороны плотно законопачены хвойными лапками и хворостомъ). Въ отверстіе это, въ проходъ, въ воротца (что все равно), вставляется обыкновенно *верша* широкимъ основаніемъ своимъ. Верша эта не иное что, какъ неправильной формы конусъ, составленный изъ планокъ, отплетенныхъ веревочными сѣтками. Внутри этой верши привязывается въ всячемъ положеніи, такъ-называемый *языкъ*—вѣтка же (родъ колокола), обращенная основаніемъ своимъ къ осно-

ванію верши, а узкимъ отверстіемъ вершины своей, конечно, прямо противъ вершины верши. Здѣсь языкъ укрѣпляется въ висячемъ положеніи посредствомъ веревокъ и употребляется въ этомъ случаѣ для того, чтобы воспрепятствовать обратному выходу рыбы, успѣвшей зайти въ вершу черезъ широкое основаніе ея, обращенное въ сторону прихода рыбы (внизъ рѣки). Для того, чтобы заборъ не могли снести и размыть вода рѣчная и дождевая, на верхнія бревна его кладутся обыкновенно тяжелые камни. Заборъ подобнаго устройства—самый несложный и самый маленькій изъ всѣхъ существующихъ въ Поморѣ. Такой же точно заборъ съ одной вершей выстроенъ и въ рѣкѣ Кузѣ около селенія Терскаго берега—Кузрѣки. Въ Умбѣ (на Терскомъ берегу) ставится заборъ въ огромныхъ размѣрахъ: здѣсь и рѣка гораздо шире, и самой рыбы идетъ несравненно больше.

Умбовскій заборъ, при взглядѣ съ горы, кажется рѣшительнымъ мостомъ, съ верхнею стороною на столько широкою, что по ней можно свободно ходить въ рядъ четырехъ человѣкамъ. Верхняя сторона этого забора бревенчатая и называется *мосты*. По мостамъ этимъ къ сторонѣ моря накладывается для тяжести значительное число огромныхъ камней, и чѣмъ, говорятъ, больше этого груза, тѣмъ плотнѣе сидятъ мостовыя бревна на *перекладахъ* (бревнахъ же), укрѣпленныхъ на козлахъ (*перебояхъ*). Эти перебои вбиты въ дно рѣки на умбовскомъ заборѣ въ шести мѣстахъ. Свободныя пространства, имѣющія форму треугольниковъ, заслоняются, такъ-называемою *талёю* — прутьями, сплетенными *вичьемъ* (древесными корнями). Талья эта, имѣющая видъ самага плотнаго частокола, опускается на дно рѣки въ нѣсколько наклонномъ положеніи къ сторонѣ моря и отвѣсно къ верхнимъ мостовинамъ. Все значеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы рыба не могла перейти въ нее и чтобы въ то же время, не унесла ее вода. Для этой послѣдней цѣли по серединѣ талы, параллельно съ поверхностью воды, пришиваются тонкія хворостины, называемыя *стальями*. Такихъ талевыхъ треугольниковъ въ Умбовскомъ заборѣ четыре, для четырехъ вершей (въ понойскомъ столько же, подпорожскомъ или онежскомъ десять). Въ этихъ треугольникахъ, какъ и въ поньгамскомъ, вершина оставляется свободною, съ отверстіемъ, къ которому приставляются основаніемъ своимъ тѣ же верши. Разница только въ томъ, что умбовскія верши плетутся изъ самыхъ толстыхъ бечевокъ и при томъ такъ велики, что человѣкъ можетъ входить въ нихъ и свободно стоять на деревянной сторонѣ конуса (лежащей при запускѣ на дно), не касаясь даже головой до верху. Верша и здѣсь кладется также на бокъ и, чтобы держалась тяжестью своею на водѣ, упирается вершиною или *головною* своею въ колѣ—щипцѣ, воткнутомъ въ рѣчное дно. По кольямъ этимъ идутъ кольца; по кольцамъ свободно поднимаются верши вверхъ при посредствѣ ворота. Верша сидитъ на водѣ четверти на три, а чтобы и

этимъ свободнымъ пространствомъ не могла пробраться рыба вверхъ, опускають туда родъ лѣсенки, называемой *наплѣской*.

Рыба, ища прохода, стучается головою объ талью и, не видя отверстія, идетъ въ первое попавшееся, которое и приводитъ ее такимъ образомъ въ вершу. Здѣсь она продолжаетъ тоже стремленіе свое все впередъ и впередъ и, не находя пути, упирается головою въ сѣтку и стоитъ такимъ образомъ неподвижно, какъ будто отдыхаетъ. Инстинктъ не научилъ ее къ обратному повороту въ море, въ которомъ рыба и не можетъ находить особой нужды, привыкши метать икру въ вершинахъ рѣкъ, а не въ соленой водѣ. Какъ магнитъ желѣзо, влечетъ ее инстинктъ на мѣсто, родину, въ верховье рѣки.

Когда осматриваютъ заборъ и готовятся вынимать вѣротомъ вершу, отверстіе ея, обращенное къ морю, обыкновенно стараются заставить тою же лѣсенкою—*заплескою*, что бы, во время выниманья верши, рыба не выскользнула и не пустилась вонъ. Вершина—голова верши—идетъ на воротъ къ кольцу, основаніе верши поднимается въ то же время и на тотъ же рычагъ на канатѣ. Рыба, почувствовавши себя безъ воды, бьется необыкновенно сильно, прыгая одна черезъ другую. Въ это время рыбаки, обыкновенно, распутываютъ на верху входное отверстіе (попонку) и въ тоже время даютъ рыбѣ возможность нѣсколько уходить и успокоиться. На моихъ глазахъ, въ Умбѣ, рыба такимъ образомъ такъ сильно взмахнула хвостомъ, что сшибла съ ногъ того рыбака, который влѣзъ въ вершу „кротить“ добычу. Кротятъ семгу обыкновенно въ голову деревянною колотушкою и, если покажется изъ головы кровь, рыба уже не шелохнется больше. Тоже дѣлають обыкновенно и съ остальными, и, во всякомъ случаѣ, при этомъ требуется большое проворство и нѣкоторая приглядка къ дѣлу. Иная рыба до того бойка, что по нѣсколько десятковъ разъ способна вырваться изъ рукъ и спасти свою голову отъ кротилки. Попадетъ рыбакъ этой деревяшкой въ бокъ—рыба мечется еще сильнѣе и только припертая въ переднемъ углу верши способна поддаться удару. Иногда, впрочемъ, быстрина воды успѣваетъ прижать нѣкоторыхъ изъ рыбъ къ куту языка верши такъ плотно, что *обневоливаетъ* семгу, т.-е. заморить ее. Тогда уже не нужно бываетъ пускать въ дѣло колотушку: рыба на тотъ разъ едва жива. Иногда (и это, конечно, самая бойкая рыба) вынимается семга совершенно синяя или покрытая множествомъ синихъ пятенъ, которыя успѣваетъ она надѣлать себѣ, въ порывахъ къ свободѣ, объ деревянныя скрѣпы верши или стѣнки тайниковъ.

Верши умбовскаго забора не одинаковой величины: тѣ, которыя запускаются въ серединѣ забора, замѣтно больше тѣхъ, которыя становятся ближе къ берегу. У самаго берега тальи или чашчѣльнаго колья уже нѣтъ; здѣсь, по мелководью рѣки, натканы просто хвойныя лапки и набросаны мелкіе камни. Однако, при всѣхъ этихъ предосторожно-

стяхъ, рыба все-таки успѣваетъ подниматься выше и, вѣроятно, въ то время, когда осматривается верша, приподнятая на мостовины забора и оставляемая обыкновенно при этомъ случаѣ въ висячемъ положеніи. Заборы эти, такимъ образомъ, служатъ. обыкновенно на все лѣто, когда идетъ особый сортъ семги-межонъ (отъ *межонное*—лѣтнее время) или *межонка*, доходящая вѣсомъ отъ 1 до 3½ фунтовъ, не такъ жирная и вкусная, какъ *осень*, которая начинаетъ идти (въ тотъ же заборъ) осенью, съ первыхъ чиселъ августа мѣсяца. Семга осень имѣетъ уже значительно нѣжное и ярко-красное мясо, а вѣсомъ доходить отъ 6 до 10 и даже гораздо болѣе фунтовъ. Весной, когда *роспалатся* рѣки, попадаетъ особый видъ семги, называемый *залѣткой*, но въ чрезвычайно маломъ, незначительномъ числѣ, и при томъ эта рыба далеко отстаетъ вкусомъ, вѣсомъ и даже видомъ не только отъ осени, но и отъ межонки *. Рыба эта идетъ тогда всегда съ икрой, вкусъ которой (особенно въ осоленномъ видѣ) хвалятъ поморы. Икры этой добываютъ они изъ одной рыбы иногда до пяти фунтовъ. Вотъ почему ловъ залетки долженъ быть положительно запрещенъ закономъ, да и самые заборы, стоящіе въ рѣкѣ все лѣто, доставляя богатое средство къ существованію однимъ, отнимаютъ отъ другихъ, верховыхъ жителей, средства къ тому же (много уже тяжбъ заведено по этому предмету у сосѣдей). Но и та рыба, которая успѣетъ пройти вверхъ и при томъ въ незначительномъ числѣ, запасается на пути икрой и, стало быть, не можетъ идти на уловъ во имя будущихъ поколѣній, которыя съ годами замѣтно уменьшаются.

Меньше рыбы, противъ прежнихъ годовъ, стало ходить теперь въ рѣки бѣломорскихъ береговъ—говорятъ въ одно слово сами поморы, и меньше ея, вѣроятно, вслѣдствіе того же неправильнаго производства промысла, совершаемаго безъ всякихъ правилъ во всякое время года. Новая рыба, идущая обратно изъ рѣкъ, попадаетъ въ тѣ же сѣти, на которыя не положено никакого разумнаго правила, кромѣ личнаго произвола рыбаковъ, всегда ошибочнаго, всегда поэтому вреднаго для цѣлаго поколѣнія, вкусной, здоровой для человѣческаго организма рыбы. Богатый уловъ осенью самъ-по-себѣ указываетъ на законное время для лова, когда у рыбы нѣтъ еще икры, которую обыкновенно мечетъ межонка. Но эта межонка, какъ сказано, преимущественно и задерживается въ заборахъ, обязанность которыхъ въ осеннее время исполняютъ сѣти, тайники, гарвы и проч., но опять таки какъ подспорье для бѣльшаго улова, а не какъ конечная замѣна забора.

Заборы стоятъ всю зиму. Ихъ ломаетъ только весенняя вода или руки догадливыхъ мужиковъ тамъ, гдѣ лѣсъ дорогъ и его мало. Про-

* Молодая семга называется *тиндой*; она нарождается и вырастаетъ выше пороговъ, мелка и безвкусна.

мысленники, въ этихъ случаяхъ, оправдываются тѣмъ, что не попадетъ рыба въ заборъ—попадетъ въ пасть морского звѣря: акулы, китовъ, бѣлугъ. Послѣдній сортъ звѣря за тѣмъ только и является въ Бѣломъ морѣ, чтобы поживиться семгой; но, въ тоже время, сами охотно вылавливаютъ этого звѣря въ огромномъ количествѣ, во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ и во всякое время. Они не замѣчаютъ, въ дѣлѣ личной прибыли, того, что, уничтожая злѣйшаго врага рыбы для сала, въ тоже время незамѣтно усиливаютъ количество добываемой семги. Вотъ, кажется, почему скорѣе надо усилить звѣринные промыслы, всегда выгодные, прибыльные и безопасные, чѣмъ строить заборы, и особенно на лѣтнее время, или ловить семгу — залетку съ икрой въ весеннее время. Бѣльшаго застоя, бѣльшаго невниманія къ дѣлу трудно найти въ иномъ мѣстѣ и въ иныхъ дѣлахъ русскаго человѣка, какъ въ этомъ и вообще во всѣхъ другихъ бѣломорскихъ промыслахъ. Поморы, въ этомъ отношеніи, живутъ еще тою жизнію и по тѣмъ правиламъ, которыя случайно установились еще во времена до Марѣи Посадницы, во времена перваго населенія этого богатаго края. Соловецкій монастырь, который могъ бы служить поучительнымъ, вѣрнымъ и рѣшительнымъ примѣромъ, идетъ тѣмъ же путемъ, ни на югу не отставая отъ остальныхъ побережьевъ. Въ Европѣ семга принадлежитъ къ числу гастрономическихъ яствъ; древнія поговорки тамошнихъ рыбаковъ семгу почтительно называютъ „господиномъ“. Тамъ же замѣчено, что, не смотря на свое плодородіе, семга весьма замѣтно уменьшается въ водахъ европейскаго материка. Еще нѣсколько столѣтій тому назадъ лосось въ изобиліи подымался въ рѣки изъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей,—по крайней мѣрѣ, въ древнихъ постановленіяхъ германскихъ приморскихъ городовъ воспрещалось господамъ кормить своихъ служителей болѣе двухъ разъ въ недѣлю мясомъ этой рыбы. Наибольшее количество лососей ловилось до сихъ поръ въ Шотландіи, въ рѣкѣ Твидѣ. Въ ней еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ получалось ежегодно до 200 тыс. особей. Такая богатая ловля существовала только потому, что эта рыба съ древнѣйшихъ временъ находилась подъ защитою законовъ. Ловля рыбы подвергнута была извѣстнымъ правиламъ и первый парламентъ въ правленіе Якова I-го (1424 г.) установилъ значительный штрафъ въ 40 шиллинговъ за всякаго, не во время пойманнаго лососка. Въ новѣйшее время и въ Англіи количество этой рыбы значительно уменьшилось и искусственное населеніе ими рѣкъ еще до сихъ поръ не имѣло никакого успѣха. Примѣры эти довольно краснорѣчивы и должны быть внушительны для нашихъ поморей.

Вредные, положительно сами отрицающіе свое существованіе, поморскіе заборы немногимъ отличаются одинъ отъ другого во ви́шнемъ строеніи, и въ дальнѣйшихъ отправленіяхъ дѣла. Построенный

въ Кандалакшѣ, говорятъ, былъ (до прихода англичанъ) настолько широкъ, что служилъ даже мостомъ для прохода и проѣзда путешественниковъ. Осмотрѣнный мною заборъ въ Варзугѣ не настолько уже широкъ, чтобы по немъ можно даже ходить, не только ѣздить, и осматриваютъ его не на мостовинахъ, а съ лодки, на которой подѣзжаютъ къ самымъ тайникамъ. Здѣсь уже нѣтъ вѣрши, которую замѣняетъ самый тайникъ — такой же многоугольникъ изъ тальи, родъ садка со входными воротцами и съ пятью углами, изъ которыхъ три острыхъ и два тупыхъ. На углахъ этихъ прикрѣплены вичью каменные якоря, которые держатъ тайникъ въ укрѣпленно-стоячемъ положеніи, и для того, чтобы вода и теченіе ея не распирало частокольныхъ стѣнокъ этого пятиугольника, кладется въ самомъ широкомъ мѣстѣ ея толстое бревно, называемое *мостіной*. Тайникъ этотъ, сверхъ того, на двухъ углахъ подлѣ самага мѣста забора, укрѣпляется еще на кольяхъ, имѣющихъ названіе — *колья стоячюю*. Семга, входя въ этотъ тайникъ, также нащупываетъ выходъ, бываетъ обманута угломъ и если не остановится въ первомъ, то пройдетъ во 2, 3, 4 или 5, и все-таки не выйдетъ обратно въ отверстіе, которое опять-таки остается свободнымъ, открытымъ. Передъ тѣмъ, какъ осматривать тайникъ, это свободное отверстіе заставляется обыкновенно рѣшеткой (въ мѣру самага входа), плетеной изъ тростника и веревочекъ. Рыба вынимается изъ тайника прямо большимъ сакомъ (въ пудъ вѣсомъ) и при томъ нащупывается такъ, что сакъ этотъ начинаютъ вести отъ головы тайника, для того, чтобы и рыба попала въ него головою же и, стало-быть, могла менѣе биться и не разорвала бы сака. Запасныхъ обыкновенно не держатъ, и заборъ осматриваютъ только два человѣка: одинъ сачить, другой, вынимая рыбу, кротить ее тою же колотушкою и бросаетъ въ лодку. Заборы эти осматриваются лѣтомъ одинъ разъ въ сутки, рано по утру (часа въ три), а по осенямъ — еще другой разъ, поздно вечеромъ.

Устройство самага большого изъ бѣломорскихъ заборовъ, построеннаго на рѣкѣ Онегѣ въ 17 верстахъ выше города, у деревни Подпорожской волости Каменихи, почти точно такое же, какъ и всѣхъ другихъ. Здѣсь вылавливается тотъ сортъ бѣломорской семги, который извѣстенъ въ Петербургѣ подъ именемъ *порогъ* и считается лучшимъ, хотя и ошибочно. Правда, что при опытныхъ рукахъ хозяина его, засолъ этой семги дѣлается добросовѣстно и съ нѣкоторымъ знаніемъ дѣла, но сама рыба въ долгомъ пути по Бѣлому морю замѣтно тощаетъ, хотя, въ тоже время, и любитъ эту рѣку, въ высшей степени порожистую, въ сухую воду кажущуюся съ берега какъ бы вполтную забросанною огромными камнями, сплошнымъ каменнымъ мостомъ. Здѣсь меньшій приходъ рыбы (особенно замѣтный въ послѣднее время) объясняютъ тѣмъ, что пугаетъ ее шумомъ паро-

ходъ компаніи, буксирующий романовки, нагруженные лѣсомъ и досками.

Вотъ вся разница сортовъ бѣломорской семги, пускаемой въ продажу и извѣстной подъ именемъ тѣхъ рѣкъ, гдѣ она вылавливается. Семга—*порогъ* съ лучшимъ засоломъ и такимъ же плотнымъ, твердымъ мясомъ, какъ *умба*; *варзуга*—мясомъ замѣтно нѣжнѣе, а осенняя почитается лучшею изъ всѣхъ сортовъ бѣломорскихъ; *кола*—вылавливаемая по Мурманскому берегу, могла бы быть лучшею, но солится такъ скупно и небрежно, что расходится только между простымъ народомъ, а въ Петербургъ доставляется почти окончательно негодною, въ рогожахъ, мороженою, потерявшею свой цвѣтъ, сокъ и нѣжный вкусъ. Поньгама и кандалакша—худшіе изъ сортовъ этой рыбы. Поной—сухая, безъ жиру. Мезень—также, и притомъ послѣдняя мало вывозится изъ губерніи. Нѣжную, мягкую, съ бѣлымъ жиромъ между каждымъ слоемъ мяса, печорскую семгу можно почитать самымъ лучшимъ сортомъ этой рыбьей породы. Столько же неумѣнье солить, сколько и необыкновенная нѣжность печорской семги лишаетъ обѣ столицы возможности употреблять въ пищу эту рыбу. Она, отливающая нѣжнымъ розовымъ цвѣтомъ, попадаетъ иногда на архангельскомъ рынкѣ, но и здѣсь стоитъ въ низкой цѣнѣ, затѣмъ что скоро покрывается ржавчиной и горкнетъ, тогда какъ умба, варзуга и пороги способны долго хранить свой засолъ, не теряя вкуса, вида и даже краснаго цвѣта.

Рыбы достаточно для десяти вершей, которыя на р. Онегѣ уже замѣняются особыми сѣтками—*мережками*. Вотъ все устройство этой мережки: она не иное что, какъ сѣтка, сплетенная изъ довольно толстыхъ нитокъ и натянутая полотномъ на 8 и болѣе обручьевъ, къ которымъ и бываетъ прикрѣплена, представляя видъ (въ растянутой фигурѣ) конуса. Часть сѣти между обручьями называется жиромъ (стало-быть, всѣхъ жиръ въ мережкѣ 7). Въ первомъ жирѣ, самомъ широкомъ, 20 ячей; отъ второго идутъ жира по 18 ячей; въ послѣднемъ или въ вершинѣ конуса, называемомъ *кутковымъ жиромъ*, уже 60 ячей и ячее эти плетутся чаще. При основаніи мережки, у перваго жира привязывается другая сѣтка, называемая *наджье*—родъ мѣшка, гдѣ и оставляется отверстіе для входа рыбы. Вершина конуса, или послѣдняго кутковаго жира, привязывается веревками къ кольямъ; отверстіе обращается стороною къ морю; вся мережка плаваетъ въ водѣ бокомъ. Для того, чтобы вошедшая рыба не могла выйти назадъ, внутри конуса привязывается меньшій конусъ, здѣсь называемый *языкомъ* или *горломъ* (*килеса*ми по Свири). Въ мережки эти на Соловецкихъ островахъ, вмѣстѣ съ рыбою заходитъ также и нерьпа, увлекаемая легкой добычей любимой пищи. Мережки бываютъ большія (съ 12 жирами) и маленькія (отъ 3—6 жиръ); въ послѣднихъ бываетъ по два горла, вмѣсто одного, какъ у большихъ мережекъ. Заборъ и въ Подпорожѣ,

точно также тянется черезъ всю рѣку слишкомъ на трехсотъ-саженномъ пространствѣ. Въ заборѣ этомъ также отверстія, называемыя *ямею*, которыя точно такимъ же образомъ заставляются широкимъ основаніемъ мережки—конусообразной сѣткой, распяленной на шести обручахъ, величина которыхъ постепенно уменьшается къ вершинѣ. Внутри мережки укрѣпляется на веревкахъ тотъ же языкъ, какъ и въ пѣнгамской вершѣ, какъ и во всѣхъ другихъ мережкахъ, употребляемыхъ и на Ладожскомъ, и на Онежскомъ озерахъ, и на Волгѣ, и во всѣхъ другихъ рѣкахъ Россіи. Для того, чтобы распялить мережку и держать ее въ наклонно-висячемъ положеніи въ водѣ, къ вершинѣ ея прикрѣпляется кольцо, свободно вращающееся на колу, называемомъ *кутовымъ*. Коль этотъ вбивается на дно рѣки въ томъ разстояніи отъ забора, насколько вытягиваются сѣтки мережки (саженяхъ въ трехъ обыкновенно). Мережка вытаскивается вся вмѣстѣ съ рыбой на такъ называемое смотровое судно, похожее на архангельскую завѣзную или на волжскій дощаникъ: носъ его острый, корма усѣченная отвѣсно, съ широкимъ бортомъ. Въ то время, когда вытащена мережка, отверстіе забора или ямега заставляется рамой съ сѣткой, или такъ называемымъ *запускомъ*. Вытащенную мережку обыкновенно обиваютъ сначала палками отъ пѣны и наносныхъ травъ и щепокъ, и потомъ уже рукою вытаскиваютъ рыбу, кротятъ и убираютъ ее на томъ же смотровомъ суднѣ. Для этой операціи необходимы четыре человѣка, изъ которыхъ трое въ лодкѣ вынимаютъ пяло мережки (т. е. ближнія къ забору части его), четвертый зацѣпляетъ багромъ и тянетъ голову, *кутъ* сѣти; бабы очищаютъ ее отъ наплывной дряни. Въ мережки попадаютъ, вмѣстѣ съ семгою, сига, камбалы, даже щуки и налимы. Заборъ утвержденъ на тѣхъ же слегахъ съ камнями, которые, въ свою очередь, лежатъ на козлахъ, запущенныхъ уже въ воду. Лѣтъ тому 50 назадъ по Онегѣ настроено было до пяти заборовъ; теперь всѣ они замѣнены однимъ.

Для починки забора, который успѣваетъ-таки не одинъ десятокъ разъ въ теченіе лѣта промыть вода, употребляются тѣ-же работники, которые по этому случаю и называются *бродчиками*. Они получаютъ особую плату и, кромѣ того, должны быть искусными. На подпорожскомъ заборѣ такихъ бродчиковъ (бродчиковъ оттого, что рѣка Онега въ томъ мѣстѣ довольно мелка) четыре и одинъ *заборщикъ*, на отвѣтственности котораго лежитъ постройка самаго забора (въ Умбѣ бродчики носятъ уже прямое названіе водолазовъ). Онъ самый старшій между рабочими; онъ же добываетъ рыбу изъ тальниковъ, наблюдаетъ за ея соленіемъ и продажей. Онъ хранитъ вырученные деньги и расходуетъ ихъ по требованію и задачамъ промысла. При постройкѣ забора—его дѣло сообразить ломаную линію всего забора, указать, какъ перегородить рѣку кольями, т. е. „забирать рѣку“ (отсюда

и слово заборъ, смѣнившее общее названіе „заколъ“). Онъ соразмѣряетъ разстояніе свай одна отъ другой на маховыя сажени и наклонны рядовъ ихъ, направленныхъ по теченію рѣки и противъ теченія указываетъ сколько валить на мосты камня или тюлетней. Онъ и въ отвѣтъ, если заборъ снесетъ прежде времени, когда онъ могъ бы начать свою службу. Заборъ строить въ Умбѣ человекъ 18, которые иногда бьются около него недѣли три и болѣе. При строеніи забора обыкновенно сплачиваются, вмѣстѣ два карбаса для удобства производства работъ. Между карбасами, аршина на полтора, оставляется промежутокъ, на который накладываютъ лѣсину, сплачивающую карбасы; бревна и доски кладутъ въ самый карбасъ. Но такъ какъ верхніе слои остаются на всю зиму нетронутыми, то все дѣло, стало-быть, состоитъ въ томъ, чтобы загородить все свободное подъ ними пространство тальей. А чтобы вбивать эти колья въ дно—употребляютъ кіюру—тяжелой камень (въ полпуда вѣсомъ), оплетенный вичемъ. Талья эта, простоявшая весну, лѣто и осень, на зиму (послѣ Покрова черезъ недѣлю) опять убирается вмѣстѣ съ вершами. Такихъ мастеровъ во всей деревнѣ Умбѣ нашлось только трое.

На моихъ глазахъ, для примѣра, опускались они въ воду въ шерстяныхъ фуфайкахъ (изъ которыхъ они вбираютъ въ себя свѣжій воздухъ) и съ быстротою той же семги плыли по направленію забора, около тальи, хватаясь одной рукой за эту талью, а другой, правой, нащупывая дно рѣки. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ замѣчалось просоченное водою отверстіе, водолазы выставляли изъ воды и, принявши съ мостинъ хворостъ и камень, снова бросались въ воду, починали прорѣху и опять бѣжали впередъ искать новой. Одинъ изъ этихъ водолазовъ пробылъ въ водѣ 10 минутъ и, вѣроятно, не столько при помощи шерстяной фуфайки, сколько по давнишней привычкѣ. Этоть, на примѣръ, уже двадцать пять лѣтъ правилъ должность починщика забора.

Осенью, когда начнутся сильныя бури въ морѣ, которыя такъ любить семга, какъ будто находя въ борьбѣ съ волнами все свое удовольствіе, всю жизнь и легкую возможность животнаго проявленія, семгу ловятъ поѣздомъ, одинаково днемъ и ночью и одинаковымъ путемъ, какъ и вездѣ. Ъдутъ противъ воды двѣ лодки и за длинныя веревки тянуть сѣть (вродѣ мѣшка, сажень до 2 печатныхъ длиною и въ *околѣ* (кругомъ) сажень до трехъ съ половиной). Въ концѣ сѣти, на двухъ углахъ привязаны камни, называемые *пундами*, зашитые въ кожу для того, чтобы не шершили обо дно и не пугали бы такимъ образомъ рыбу. *Коршикъ* (всегда мужчина) держитъ поѣздъ, *носовщикъ* (всегда женщина) гребетъ веслами. Рыба, попадая въ сѣть, дергаетъ ее и веревки * въ рукахъ кормщиковъ, или часто поднимается съ

* Веревокъ двѣ, верхняя, называется *ихома*—потоньше, нижняя—гораздо толще зовется *пуденица*.

сѣтью вверхъ и серебрится у поверхности воды. Для этихъ поѣздовъ, напримѣръ, рѣка Варзуга уже раздѣлена на участки для каждаго семейства особенно, и поѣздовъ такихъ въ одинъ часъ осенняго рыбнаго времени ѣздитъ больше десятка, и притомъ на каждой изъ нихъ рыбы попадаетъ, какъ говорятъ, такъ много, что едва успѣваютъ кротить (въ одинъ запускъ иногда пудовъ до десяти). Конечно, бываетъ, что тянуть сѣть и ничего не вытащать. Такъ случилось одинъ разъ на моихъ глазахъ. Я спросилъ: отчего это?—мнѣ отвѣчали:

— А ужъ Богъ не дастъ, такъ и не вытянешь.

Но, точно также, какъ и заборы—во все лѣто и осень стоятъ запущенными у побережьевъ Терскаго берега разные роды снастей, имѣющихъ различныя названія, смотря по расположенію сѣти на водѣ. Такъ, напримѣръ, около Кузомени (и только исключительно въ этихъ мѣстахъ) употребляются такъ называемые *тайники*, т. е. сѣть точно съ такимъ же расположеніемъ въ водѣ, и въ такой же фигурѣ, какую имѣетъ тайникъ варзужскаго забора. Для того, чтобы сѣть не могло унести теченіе или волненіе моря, она прикрѣпляется ко дну моря на веревкахъ, къ концамъ которыхъ привязываются опять-таки каменные якоря, оплетенные берестой, а для того, чтобы сѣть держалась въ отвѣсно-стоячемъ положеніи на водѣ, къ тѣмъ же якорнымъ веревкамъ (*сѣткамъ*) привязываются *кубиса*—деревянные дощечки овальной формы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ берестяные поплавки и такъ называемые *ловдусы*—четыре дощечки, сплоченныя въ перпендикулярномъ положеніи другъ къ другу. Такихъ якорей и такихъ кубасовъ или ловдусовъ на всемъ *заводѣ* (на цѣломъ тайникѣ) бываетъ до десяти. Весь тайникъ держится вблизи берега на дрекѣ.

Тайникъ дѣлится на двѣ части, отдѣленные одна отъ другой стѣной сѣтки, которая идетъ къ берегу съ одной стороны и соединяется съ заднею морскою стороною самаго тайника. По обѣимъ сторонамъ этой стѣны оставляется небольшое отверстіе, свободное пространство для прохода рыбы, которая идетъ, послѣ захода въ сѣть, огибомъ вдоль стѣны завода и затѣмъ входитъ въ самый тайникъ, т. е. въ тѣ двѣ части завода, которыя выгорожены новыми двумя стѣнами сѣтки. Отсюда рыба не можетъ выйти назадъ, имѣя только одну возможность перейти изъ одного угла тайника въ другой (угловъ этихъ и здѣсь, также какъ и въ заборѣ, пять). Если такимъ образомъ много наберется въ тайникѣ рыбы, она не замедлитъ торговать сѣтку, качать веревки, кибаса и, наконецъ, сторожевую веревку, которая протянута отъ береговой стѣны на берегъ, на глаза очередного сторожевого рыбака (большею частію бабы или мальчика). Сторожъ кричитъ въ ближнюю избушку общимъ привѣтомъ: „Богъ въ помощь“, или „Богъ послалъ“. Рыбаки садятся въ карбасъ, вытягиваютъ на него весь заводъ до той поры, пока не покажется первый куть (дальній мѣшокъ

сѣти), въ которой заберется вся зашедшая въ тайникъ рыба; затѣмъ приступаютъ къ высматриванью второго тайника завода, въ которомъ находятъ тотъ же куть и также полный рыбы. Въ хорошіе, уловные годы вынимаютъ такимъ образомъ семги изъ одного тайника отъ 40 пудовъ до 50-ти. Тѣмъ же путемъ опускаютъ опять тайникъ въ море и на слѣдующіе полусутки, бросая сначала куть, затѣмъ стѣны праваго тайника (которыя сидятъ въ водѣ въ вышину на двѣ сажени), наконецъ лѣваго, и также тянутъ и укрѣпляютъ веревку на берегу по окончательномъ запускѣ завода, и также, оставляя чередоваго сторожа, идутъ въ избу. Здѣсь или спятъ, если хватаетъ еще силы на то, или на тюрикѣ плетутъ сѣти и потомъ коптятъ ихъ на самомъ легкомъ огнѣ въ красный цвѣтъ для того, чтобы не развѣдала потомъ соленая вода прядева и держалось бы оно на водѣ, а не тонуло.

По отмелымъ берегамъ Терскаго берега для подъема изъ воды семожихъ сѣтей употребляются особаго устройства палаты, называемыя *юриками*. Онѣ же замѣняютъ на этотъ разъ и сторожевыя избы. На этихъ палатахъ, подъ рогожнымъ навѣсомъ (отъ дождя и вѣтра), обращеннымъ открытою стороною къ морю, также сидятъ и сторожатъ рыбу трое рыбаковъ, способныхъ общими силами вытаскивать и обчищать семожую сѣть. Палаты эти ничто иное, какъ дощатый помостъ, утвержденный надъ водою (иногда въ полуторахъ и двухъ верстахъ отъ берега) на четырехъ бревнахъ *ногами*. Надъ палатами этими дѣлаются перильца, называемыя ведилками, и на нихъ вѣшается рогожка, предохраняющая сторожей отъ непогодей. Отъ этихъ же палатъ идетъ наклонно въ море родъ лѣсенки съ частыми перекладинами, утвержденными также на двухъ бревнахъ (*юричинахъ*). По этой наклонной лѣсенкѣ, или собственно юрикамъ, и вытягиваютъ сѣть послѣ того, какъ въ ней сдѣлается примѣтною рыба (лѣтомъ), или когда разыграетъ она надъ поверхностью (выскочить и всплеснется въ ненастную, осеннюю погоду). Сѣть тянутъ по юрикамъ на палатахъ двумя веревками, изъ которыхъ одна называется *келью* (въ Кашкаранцахъ) и *ужищемъ* (въ сторонѣ къ Поною); другая веревка называется *бережникъ* и бываетъ всегда тоньше первой. Рыбу изъ матицы (послѣ того уже, когда всю остальную часть завода вытянутъ на палаты) выбираютъ въ карбасъ уже у воды при основаніи юриковъ или юридной лѣстницы. Сѣть, при такомъ устройствѣ, укрѣпляется обыкновенно въ глуби моря на деревянномъ крюкѣ, который и вытягиваютъ потомъ вмѣстѣ съ нею.

Дальнѣйшее расположеніе въ водѣ семожихъ сѣтей во всѣхъ другихъ мѣстахъ бѣломорскаго побережья многимъ уже не отличается отъ рассказанныхъ выше. Вся хитрость расположенія *заводовъ* состоитъ въ томъ, чтобы стѣны сѣти приходились гдѣ-нибудь подъ угломъ и

чтобы въ этомъ углу непременно былъ кустовой мѣшокъ, въ который могла бы войти рыба для окончательной гибели. Здѣсь она не можетъ повернуться и ни въ какомъ случаѣ не сѣмѣтъ выйти назадъ. По разнымъ мѣстностямъ и расположеніе сѣтей носить разное названіе, помимо тайниковъ и заборовъ. Такъ, напримѣръ, по всему Корельскому и Поморскому берегу ловятъ семгу гарвами, именемъ которыхъ называютъ тоже расположеніе въ водѣ сѣти, какое употребляется и на Терскомъ берегу, съ ничтожными видоизмѣненіями, цѣль которыхъ та, чтобы семга, попавши въ заводъ, могла *объячеиться*, т. е. запутаться въ ячеяхъ сѣти. Хоботъ или высота запущенной въ море стѣны завода, на этотъ разъ называемаго *переметомъ*, бываетъ до трехъ сажень. Въ Мезени этотъ же снарядъ употребляется на мѣстахъ, покрывающихся водою при приливѣ и осыхающихъ при отливѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, объячеившаяся, запутавшаяся головою и передними крыльями, рыба виситъ на воздухѣ (когда прекратится морской приливъ), давая такимъ образомъ легкій способъ для уборки. Переметь, находящійся въ висячемъ положеніи, обыкновенно осматривается возможно чаще, на случай посѣщенія сѣти этой чайками, которыя въ такомъ случаѣ успѣваютъ очистить ее всю, еще далеко до прибытія рыбаковъ. Тоже самое можно встрѣтить и на Печорѣ, особенно при устьѣ ея. Вся разница при употребленіи этихъ сѣтей для ловли состоитъ въ немногомъ; такъ, напримѣръ, въ крайнихъ деревняхъ Терскаго берега — Кашкаранцахъ, Порягубѣ (на тонѣ Иогоковдѣ), Сальницѣ, около Умбы и въ Оленницѣ сѣть, вмѣсто поплавокъ, укрѣпляется надъ водою на такъ-называемыхъ *себьяхъ* — деревянныхъ крюкахъ и даже на дрекахъ. Въ такомъ случаѣ на верхней тетивѣ ея привязано болѣе значительное число поплавковъ, деревянныхъ для того, чтобы сѣть опять-таки отвѣсно держалась на водѣ. Замѣчаютъ одни, что сѣть при себьяхъ часто заливаема водою, чего, какъ увѣряютъ, никогда не бываетъ въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сѣть держится на водѣ кибасами, какъ, напримѣръ, въ Кузомени и Пялицѣ, или *голованомъ*, какъ по Корельскому берегу. Головань этотъ ни иное что, какъ деревянный чурбанъ, который держитъ сѣть надъ водою въ прямомъ положеніи и самъ, въ то же время, держится на одномъ мѣстѣ каменнымъ якоремъ.

Зимой весь Терскій берегъ и въ то же время Мезенскій занимаются такъ называемою *подлѣдною* ловлею семги, хотя ловъ этотъ бываетъ не всегда удаченъ. Для этой цѣли прорубаютъ обыкновенно двѣ проруби въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи (на 10 сажень). Черезъ эти проруби, при помощи длинныхъ, десятисаженныхъ же шестовъ и деревяннаго крюка (норила), пропускаютъ сѣть, *пронашиваютъ* ее подо льдомъ, во всю длину ея, вмѣстѣ съ веревкой. Проноривши сѣть, ее утверждаютъ на толстой палкѣ — *пайинѣ*, связанной съ

шестомъ сѣти *виллиной* въ трехъ круглыхъ прорубяхъ; четвертую—по большей части большую и четырехугольную, въ томъ мѣстѣ, гдѣ придется куть запущенной сѣти. Эта послѣдняя прорубь называется *при-волѣка*: черезъ нее нащупываютъ рыбу въ кутловомъ горлѣ сѣти палкой и черезъ нее же вынимаютъ ее на ледъ. На водѣ подо льдомъ сѣть держится опять-таки на тѣхъ же берестяныхъ поплавахъ—*кеб-рикахъ*—имѣющихъ форму трубочекъ. Запущенная такимъ образомъ сѣть оставляется въ водѣ на нѣсколько сутокъ, и иногда въ пять-шесть дней не даетъ ни одной рыбы, особенно если долго тянется морозная, все леденящая зимняя погода.

По Печорѣ ловятъ семгу тѣми же переметами, тѣми же неводами (не черезъ всю рѣку) и, наконецъ, тѣми же *поплавнями*, распускаемыми черезъ всю рѣку, во всю ея ширину, какъ уже и было говорено въ своемъ мѣстѣ. Предпочитаютъ ловить въ бурную погоду также и на Печорѣ, какъ и вездѣ. Замѣчено около Пустозерска, что въ лѣтнюю пору семга предпочитаетъ плавать по мелямъ затѣмъ, чтобы тереться о песокъ. Въ это время раздѣдаетъ ея кожу особое насѣкомое, называемое *семожинымъ клопомъ*. Если много попадется такой семги съ клопами, то примѣчаютъ, что осенній уловъ рыбы будетъ обильный. Семга съ клопомъ называется *походною*: она идетъ первою изъ моря еще въ первый разъ и вывелась изъ икры, которая была вымечена въ Печорѣ.

На рѣкѣ Мезени для семги въ большомъ ходу тѣже *поплавни*, которыя и здѣсь большею частію принадлежать цѣлому селенію, какъ, напримѣръ, терскіе заборы. Каждая поплавь состоитъ изъ девяти сѣтей, каждая сѣть въ 20 сажень длины. Сѣти эти *свирываются*, т. е. сплетаются вмѣстѣ и образуютъ такимъ образомъ поплавь въ 180 сажень длиною (стоитъ она обыкновенно отъ 50 до 100 руб. серебромъ). Такихъ поплавней по всей рѣкѣ Мезени ходитъ штукъ 50 и иногда 70. Каждая изъ нихъ сидитъ въ водѣ на три сажени и держится въ отвѣсномъ положеніи при помощи кибасовъ, пришитыхъ внизу, и плавковъ, придѣланныхъ вверху къ надводной тетивѣ или веревкѣ. Съ каждою поплавнею ѣздитъ одинъ карбасъ съ тремя работниками, изъ которыхъ одинъ мечетъ сѣть, привязавши ее къ трехведерному боченку—буйку (на Мезени) и къ палкамъ, имѣющимъ форму креста (по Печорѣ); двое другихъ работниковъ правятъ лодкою: одинъ въ веслахъ, другой на рулѣ. Выметавши всю сѣть, съ другимъ концомъ ея, противоположнымъ буйку, ѣдутъ всѣ три работника въ томъ же карбасѣ противъ теченія и всегда въ сильную погоду и преимущественно при мутной водѣ. Семга, идущая въ эту пору въ рѣки изъ моря (въ которомъ въ солнечную погоду она любитъ *играть*), попадаетъ въ ячеи поплавни, путается въ нихъ и иногда вспрыгиваетъ надъ водою. Рыбаки, не обращая на это никакого вниманія, продол-

жаютъ ѣхать дальше до тѣхъ поръ, пока не притянутъ сѣти къ оставленному другому концу ихъ съ буюмъ. Ёхали бы они и дальше, если-бы не могли приплыть въ чужой участокъ (какъ это дѣлается на Печорѣ), или если не боялись того, что быстрина воды можетъ спутать сѣть, сильно перекосивши ее (какъ это и бываетъ при сильныхъ морскихъ приливахъ въ рѣкѣ Мезени). Съ поплавнями этими выѣзжаютъ въ осеннее время нѣсколько разъ въ день, и такъ въ теченіе 8 и 9 недѣль кряду.

Въ рѣкѣ Двинѣ рѣдко употребляются полавни, за то въ большомъ ходу перемѣты, которые ставятся также и по Мезени, и по Печорѣ въ довольно значительномъ числѣ. Переметы эти утверждаются на кольяхъ, которые находятся на разстояніи двухъ саженъ отъ другого, и преимущественно тамъ, гдѣ круты берега. Въ переметахъ нѣтъ уже ни киасовъ, ни поплавокъ, однѣ тетивы. Длина всего этого снаряда достигаетъ до 15 саженъ. Одинъ переметъ отъ другого ставятъ на 50 саженъ разстоянія и преимущественно на камняхъ, около которыхъ, какъ извѣстно, семга любитъ тереться. При приливахъ, когда чаще идетъ въ рѣки рыба, переметы эти покрываются водой. Семга, подходя къ нимъ, путается въ ячеяхъ, а при отливѣ остается въ нихъ и снимается сторожемъ, который обязанъ при этомъ обивать палкою всѣ наплывшія изъ моря нечистоты. Случается, что при большихъ и сильныхъ приливахъ, вода ломаетъ колья и рветъ самые переметы, и точно также во множествѣ прилетаютъ чайки похищать рыбу.

Переметами же, поплавнями и неводами (последними по извѣстнымъ всей Россіи пріемамъ) вылавливается семга и на всѣхъ другихъ берегахъ Бѣлаго моря: Зимнемъ, Лѣтнемъ, Онежскомъ, Поморскомъ, Корельскомъ, иногда на Терскомъ и рѣдко, впрочемъ, на Мурманскомъ. На Канинскомъ берегу, на островахъ Кюлгуевѣ и Новой Землѣ, попадаетъ особый родъ семги, меньше ростомъ съ болѣе нѣжнымъ мясомъ и со всѣми тѣми же привычками и свойствами, какими обладаетъ сама семга. Это—*олмцы* (*salmo alpinus*-круглѣе семги, длиною до $\frac{3}{4}$ аршина и вѣсомъ отъ 2 до 15 фунтовъ). Они также любятъ подниматься вверхъ по рѣкамъ для метанья икры, также любятъ борьбу съ порогами и крутымъ, сильнымъ теченіемъ, также *лонжиются*, т. е. возвращаются изъ рѣки въ море съ носовымъ наростомъ. На этомъ основаніи и ловятъ ихъ тѣми же способами, т. е. строятъ небольшіе заборы съ деревянными вѣршами, и точно также гольцовъ этихъ набивается въ каждую вѣршу такъ много, что всѣ остальные, задніе, стоятъ неподвижно большими табунами, уткнувшись головами въ тальи забора. Отсюда ихъ большею частію и добываютъ просто сакомъ. Кромѣ заборовъ, гольцовъ ловятъ еще въ невода при устьяхъ рѣкъ. Лучшіе вкусомъ гольцы—новоземельскіе, вылавливаемые въ

незначительномъ числѣ и исключительно, притомъ, для домашняго употребленія. Вообще голецъ мелокъ, шкурка его синеватая съ мелкой чешуей. Рыба эта очень вкусна, даже осоленная скупо и дурною солью. *

Также скупо и, въ то же время, также дурно осаливается на всѣхъ пунктахъ улова и семга, вопреки огромнаго требованія на эту рыбу во всѣхъ столичныхъ и другихъ рынкахъ Россіи; несмотря на то, что поморамъ дозволено пріобрѣтеніе лучшей французской соли въ Норвегіи и провозъ ея оттуда безпошлинно, соленіе до сихъ поръ производится небрежно: рыба солится плохо вычищенная, плохо промытая, не тотчасъ по уловѣ, а значительно уже вылежавшаяся, стало быть, потерявшая половину изъ всего ея лучшаго. Купорится она въ нечистыхъ, промозглыхъ, прогорклыхъ боченкахъ, нечистыми руками, количествомъ соли, брошеннымъ на-угадъ, безъ системы, безъ положительнаго знанія, по какимъ-то вѣковымъ предразсудкамъ и примѣтамъ. Поразительное исключеніе составляетъ, можетъ быть, одна только семга-порогъ, приготовляемая опрятнѣе, но и та солится вмѣстѣ съ костями, нерѣдко въ старомъ разсолѣ и безъ помощи селитры, которая принята за благо во всѣхъ другихъ мѣстахъ Европы. Несмотря однакожъ на то, порогъ - семга солится не заграничною солью, а русскою, тою же бѣломорскою (съ варницъ Красной горы) солью. Приготовляемая для Петербурга, семга обыкновенно выбиралась изъ множества другихъ; для этого употребляли ту, у которой бѣлое брюхо и фіолетовая спина, (красная и синяя, избившаяся объ мережку, остается въ губерніи). Семга бываетъ величиною отъ 2 до 6 четвертей, вѣсомъ отъ 4 до 80 фунтовъ; ротъ у ней небольшой; языкъ бѣлый, костеватый; перьевъ плечныхъ и подбрюшныхъ по два и на спинѣ и близъ прохода по одному. На спинѣ къ хвосту замѣчается маленькое перышко, обросшее жиромъ и находящееся какъ бы въ зачаточномъ состояніи. Хвостъ рыбы широкій съ выемкой; цвѣтъ чешуи темно-синеватый, съ серебрянымъ отливомъ на спинѣ; по бокамъ свѣтлѣе, и потому серебристѣе, съ черными пятнами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; на брюхѣ цвѣтъ по большей части совершенно бѣлый, серебряный. Обыкновенная цѣна за пудъ 3 и 4 рубля; зимой доходить до 5 и выше руб. сер. Порогъ—самая дорогая, кола и поной—самая дешевая.

На заборѣ въ Подпорожѣ принято еще обыкновеніе прорѣзывать рыбѣ ножомъ крайнее мѣсто у хвоста и, это, говорятъ, особенно важно при соленіи, хотя все дѣло состоитъ въ томъ, что черезъ этотъ раз-

* Нѣкоторое сходство съ гольцами имѣетъ рыба *памя*, вылавливаемая въ Онежскомъ озерѣ, и въ озерахъ Кольскаго полуострова.

рѣзъ рыба скорѣе осаливается, но и то, можетъ, однимъ днемъ раньше, чѣмъ та, у которой хвостъ забудутъ или подѣнятся прорѣзать.

Быстро несъ меня карабасъ на легкомъ благопріятномъ повѣтерьи отъ деревни Кузоmeni по направленію къ Кашкаранцамъ. Скоро пронесъ онъ это сорокаверстное пространство и къ вечеру позволилъ увидѣть эту деревню прямо съ моря, на далеко-выдавшемся изъ земли песчано-каменистомъ мысу, со множествомъ обычныхъ крестовъ на наволѣкахъ. Назади помнился камень-корабль, скала, имѣющая издали поразительное сходство съ этимъ великаномъ судовъ; впереди виднѣлась деревушка Кашкаранцы съ относительно недурными строеніями. Попались въ карбасъ кашкараны, обиравшіе рыбу съ тоней, которыхъ такая пропасть по всему сполутному берегу. Тоже множество промысловыхъ избушекъ, не пустыхъ на то время (былъ конецъ іюля), стояло на берегу и на дальнѣйшемъ пути, на слѣдующихъ 15-ти верстахъ до Сальницы и 20-ти до Оленницы. Огромная мель, на которой торчали голые камни чуть не надъ поверхностью воды, не позволила мнѣ побывать въ первой изъ этихъ деревушекъ. Не былъ я также и въ слѣдующей деревушкѣ—Оленницѣ (съ 30 домами и 50 мужиками); бѣлѣлась только верстахъ въ 6 отъ насъ вновь строившаяся деревянная церковь. Благопріятное—рѣдкій гость—повѣтерье понесло насъ мимо; даже сами гребцы не хотѣли смѣняться до Кузрѣки, которая отстоитъ отъ Оленницы, какъ думаютъ, на 35 верстъ (зимніе пути, конечно, короче верстъ на 5, на 7, на 10 и даже больше).

Кузрѣка—маленькая (10 дворовъ), грязненькая, старенькая деревушка, заброшенная далеко за устьемъ рѣки Кузи, мелкой до того, что по стрежу ея разставлены вѣхи, обстоятельство, помѣшавшее англичанамъ посѣтить эту деревушку, несмотря на то, что она, въ то время, почти совершенно обезлюдѣла: все мужское населеніе ея ухаживало на помощь въ Умбу, до которой отъ Кузрѣки 30 верстъ моремъ. Немногимъ пополнило мои свѣдѣнія посѣщеніе этой деревушки, помимо семожей ловли, которая и здѣсь составляетъ насущное, главное занятіе. Изъ этой деревушки, точно также, какъ и изъ всѣхъ прежнихъ до Поноя, народъ не поднимается на Мурманъ, но по зимамъ, съ Федора Тирона до Благовѣщенья, ходитъ для промысла морского звѣря недѣли на три, на четыре на Бабій носъ, на мысы: Погорѣльскій, Никодимскій, въ Девятое (становище у Поноя) и на Святой Носъ.

На промыселъ этотъ идутъ обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди бѣжитъ на лыжахъ хозяинъ, обязанный высматривать удобное для прохода мѣсто и кричать гдѣ камень, гдѣ ропачистый (негладкій) ледъ, между которымъ вода обыкновенно садитъ (ходитъ съ необыкновен-

ной быстротой) и мелчить торосный ледъ въ шугу, по которой бѣгутъ уже на длинныхъ и широкихъ „ламбахъ“.

Пока они бѣгутъ, мы ненадолго остановимся осмотрѣть эти диковинные ламбы, которые здѣсь, на Терскомъ берегу, чаще называются лопарскимъ словомъ „кѣлги“. Берутъ доску длиною въ 2 аршина 6 верховъ (вершковъ), шириной $2\frac{1}{2}$ вершка, въ толщину не болѣе $\frac{7}{8}$ того же вершка. Къ верхней сторонѣ доски, предназначенной для подошвы человѣческой ноги, чтобы она здѣсь не скользила, деревянными гвоздочками прикрѣпляется кусокъ бересты въ пол-аршина длины и въ $2\frac{1}{2}$ вершка ширины. Это—пелгасъ. Эту доску въ передней части загибаютъ нѣсколько кверху и „носокъ“ затесываютъ острымъ угломъ. Нижнюю сторону доски обшиваютъ, сплошь всю, тюленьей кожей, края которой заворачиваютъ на верхнюю сторону. Это—„мелгасъ“. Когда промышленникъ поставитъ ногу, то на „пятникѣ“ обхватываетъ сзади ремнемъ „запятникомъ“, а весь передъ ноги прикрѣпляетъ ремнемъ, называемымъ и „переноскомъ“ и „наносошникомъ“. Поморскія ламбы отличаются только тѣмъ, что короче, (всего $1\frac{1}{2}$ ар.) и шире (до 6 верш.) и вмѣсто обоихъ ремней,—пелгаса и мелгаса—снабжены ременной дугой поперечки, въ которую свободно просовывается нога, какъ въ калоши, или въ стремя. Съ носка идетъ поводокъ для управленія, когда нужно руками, какъ и въ лыжахъ.

Позади хозяина покрута, на этотъ разъ правящаго обязанность кормщика, бѣгутъ на лыжахъ двое его работниковъ, которые тянутъ на лямкахъ лодку съ поддѣланными внизу креньями. Въ лодкѣ—провизія, теплая лопать (носильное платье), орудія ловли: пѣшни, ножи, кутило и другая снасть. У всѣхъ на спину перекинуты винтовки, у всѣхъ въ карманахъ и за пазухой кусочки свинцу для пуль и порохъ, если вѣтеръ, дующій съ горъ, не отнесетъ льду въ голомя и не заставитъ промышленниковъ въ ближайшей избушкѣ выжидать у моря погоды и возвращенія льда.

На немъ уже навѣрно образовали залежки бѣлки, отдѣлившіеся отъ матерей и отцовъ, уплывшихъ въ Мезенскій заливъ. Замѣтивши юрово, креновой карбасъ немедленно спускается на воду, звѣрь берется на тѣ же хитрости и тѣми же орудіями (мелкій на кѣкотъ—деревянную колотушку, крупный на винтовку). Убитаго звѣря выносятъ на берегъ, тамъ его и пластаютъ, мясо бросая, а харавины (шкуры) съ саломъ везутъ домой, гдѣ обыкновенно строгаютъ его и вымачиваютъ харавины для замши въ водѣ (лѣтомъ) повыше заборовъ, для того, чтобы вымокла и вылѣзла вся негустая и короткая шерсть.

Точно также и здѣсь, на Терскомъ, какъ и на Зимнемъ, Мезенскомъ и Канинскомъ, сильные вѣтра раздереживаютъ ледъ, на которомъ промышленники заняты своей работой, и уносятъ его въ добрый часъ на Соловецкій островъ или къ мезенскимъ берегамъ; въ

несчастнѣйшій часъ, при перемѣнѣ вѣтра — въ океанъ на вѣрную гибель!..

На Св. Носѣ тѣже промыслы производятъ исключительно одни почти лопари. Удача этого промысла на Терскомъ берегу зависитъ, какъ уже сказано, отъ вѣтровъ, которые въ тоже время могутъ вынести льды съ юровами въ океанъ или просто прибить ихъ къ Корельскому берегу, предоставивши такимъ образомъ промыселъ въ другія руки, или примкнуть тѣже неблагоприятные вѣтра и тѣже льдины къ необитаемой, пустынной части Терскаго берега (между Кандалакшей и Поръегубой). Здѣсь звѣрь спокойно живетъ зиму и спокойно выплываетъ по веснѣ въ океанъ, ускользнувъ изъ рукъ поморовъ.

И вотъ—Умба, лучшее (послѣ Варзуги) селеніе Терскаго берега, съ огромнымъ заборомъ, глубокою, картинно-обставленною высокими скалами рѣкою. Съ одной изъ вараковъ глядитъ высоко подымающаяся къ небу деревянная часовня, словно орлиное гнѣздо, чуть держащаяся на обрывистой, сѣроватой, гранитной крутизнѣ. Съ параллели этой скалы и часовни, изъ-за чащи высокихъ сосновыхъ деревьевъ уже сѣрѣетъ своими избами и самое село,—та Умба, которою, какъ носились слухи, хотѣли замѣнить Колу, переведа сюда уѣздный городъ съ его присутствіями и уѣздомъ; та, наконецъ, Умба, которая пользуется лучшею рѣкою во всѣхъ прибрежьяхъ моря,—рѣкою, порожиною только на двѣ версты выше села, гдѣ и устроенъ заборъ для семги, охотно посѣщающей эту рѣку черезъ два ея рукава. Рѣка эта, противъ обыкновенія, не надѣдаетъ уже шумомъ, а тихо катится въ море по глубокому стрежу. Также тихо и скромно расходится народъ по домамъ (на мой пріѣздъ туда, только что отошла обѣдня), небольшая часть того добраго и привѣтливаго народа Терскаго берега, между которымъ, какъ положительно извѣстно, нѣтъ ни одного раскольника и про который, вѣроятно, еще и до сихъ поръ рассказываютъ всѣ поморы ближнихъ и дальнихъ береговъ, что стоитъ только обокраденному мужику заявить о своей пропажѣ въ церкви послѣ обѣдни—воръ, или вынужденный обстоятельствами похититель, непременно скажется или укажетъ на него другой.

Дѣйствительно, на всемъ Терскомъ берегу въ рѣдкихъ случаяхъ употребляются замки, и то по большей части противъ коровы или блудливой овцы. Довѣрчиво смотрятъ всѣ терскіе, откровенно высказываютъ все свое сокровенное, хотя и высказываютъ это нѣсколько книжнымъ, фигурнымъ языкомъ, не отличаясь, въ то же время, въ говорѣ отъ другихъ поморовъ. Гостепріимство и угощенія доведены здѣсь до крайней степени добродушія; хозяинъ и хозяйка суетятся все время, принося все лучшее и безпрестанно подчуя и оправдываясь при этомъ тѣмъ, что, по пословицѣ, „хозяева-де и съ перстовъ наѣдятся“. Добродушіе это и посвоему понимаемое ими гостепріимство доходило

нѣсколько разъ до того, что кормишки (по большей части хозяева обывательскаго карбаса) не хотѣли даже получать прогонныхъ денегъ, что съ трудомъ можно было убѣдить въ этомъ законномъ ихъ правѣ.

— Съ тебя деньги грѣхъ брать, *странный* (странникъ, заѣзжій), а мы за Богомъ—дома!—былъ отвѣтъ однихъ.

— Странникову-то златнику чортъ подхватываетъ, да и несетъ къ сатанѣ. Тотъ надъ ней прыгаетъ, пляшетъ, къ дьявольскому сердцу своему прижимаетъ. Такъ и въ писаніи сказано! — объясняли другіе.

Тоже гостепріимство и готовность на услуги, словоохотливость и радушный, родственныи пріемъ ожидали меня и въ слѣдующемъ селеніи—Порьегубѣ, за 30 верстъ отъ Умбы. Высокія Умбовскія горы долго еще тянулись по берегу, выкрытыя уже значительно-густымъ соснякомъ и ельникомъ; острова попадались рѣдко. Селеніе оказалось забившимся за дальней губой, приглубокой, обставленной низменными берегами съ густымъ, непрогляднымъ боромъ. Въ селеніи церковь и только 15 дворовъ. Бѣдность селенія, какъ сказывали, зависитъ отъ безрыбья губы, отъ нѣкоторой удаленности отъ моря. Лѣсные и тундряные промыслы пушнаго звѣря и перекупка рыбы у лопарей даютъ возможность жителямъ Порьегубы вымѣнивать достаточное количество муки, для годового пропитанія, съ судовъ, приходящихъ сюда изъ Кемскаго поморья.

Съ Порьегубы путь лежалъ назадъ, черезъ Кандалажскую губу, въ селеніе Корельскаго берега — Ковду, покинутую мною только въ прошломъ мѣсяцѣ. Плыть приводилось сначала десять верстъ между островами и лудами (Крестовой, Озерчанкой, Столбовыми, Сѣдловатымъ, Хед-островомъ, Медвѣжьимъ); затѣмъ 20 верстъ полымъ (открытымъ) моремъ и потомъ опять десять верстъ между лудами противоположнаго, Корельскаго берега, до устья рѣки Ковды. На самомъ высокомъ и крутомъ изъ острововъ Порьегубскихъ — Медвѣжьемъ, покрытымъ кустарникомъ, мы останавливались и съ трудомъ могли различить четыре рудокопныя ямы: Орель, Надежду, Куртъ и Боярскую. Эти ямы, зарываемыя временемъ и непогодами, служатъ послѣднимъ, отживающимъ, наглазнымъ признакомъ существованія на островѣ Медвѣдѣ, съ 1740 по 1790 годъ, разработки серебряной руды и строеній при этомъ пріискѣ. Разработка производилась частными людьми, но „бергъ-коллегія, усмотрѣвъ пріискъ сей въ дѣлопроизводствѣ неспособнымъ, оставила оный“. Около ямъ этихъ промышленники до сихъ еще поръ находятъ куски свинцоваго блеска. Впрочемъ, забытаго и заброшеннаго въ архангельскомъ краѣ немало. Въ 15 верстахъ отъ с. Керети, по дорогѣ въ Колу, въ Пулонской горѣ, керечане добывали слюду большими листьями. Яму залило водой, а водокачекъ не было. Въ океанскихъ губахъ ловились устрицы и добывался отличный

аспидный камень, который отъ солнечнаго жара выламывался самъ собою слоями. По рр. Сюзьмѣ, Кеми и друг., въ ихъ верховьяхъ выжидали спада весеннихъ водъ, кроткой и малой воды, когда можно было видѣть дно рѣки. Устраивали тогда прорѣзной плотъ и слѣдили за движеніемъ раковинъ. Ихъ брали особыми расчепами, и при удачномъ ловѣ набирали штукъ до 50-ти. Вскрывая, искали жемчугъ и находили мягкимъ, какъ воскъ, а чтобы затвердѣлъ онъ клали его въ ротъ и за щеку для соединенія съ слюной. Теперь на ловъ жемчуга не смотрятъ, какъ на кормежный промыселъ, а потому его и бросили. Только два-три кемлянина (больше для поддержки славы и чести городского герба, изображающаго жемчужную нитку) разѣзжаются по верховьямъ бѣломорскихъ рѣкъ и рѣчекъ. Были они въ рр. Сюзьмѣ и Солзѣ и назадъ больше не пріѣзжали—значить, ничего здѣсь не нашли. Указы Петра и Екатерины Второй сохранили слѣды тѣхъ хлопотъ, которыя устремлены были на развитіе промысла: предписывалось осматривать раковины, не разрывая ихъ; если бы при осмотрѣ оказалась маленькая жемчужина,—велѣно было таковыя, какъ незрѣлыя, бросать обратно въ рѣку, и т. под.

Начинало темнѣть. Острова то уходили назадъ и скрывались въ туманѣ, то продолжали снова выплывать впереди. Мы ѣхали греблей, хотя и перебѣгали какой-то вѣтеръ съ разныхъ сторонъ, желавшій, по всѣмъ примѣтамъ, уходить, улечься въ одной сторонѣ чистаго, яснаго неба.

— Который-то часъ, ваша милость? — спросилъ меня кормщикъ. Понашему, надо-быть, девятый на исходѣ, коли бы не десятый въ началѣ.

Я свѣрился съ часами. Кормщикъ ошибся немногимъ: мои часы показывали половину девятаго.

— Отчего-жъ ты угадалъ?

— А, вишь, солнце-то въ побережникѣ (NW), немного подалось къ межнику на сѣверъ.

— По нашему счету, дѣло это во-какое!—объяснялъ онъ потомъ. Солнышко пошло отъ *полуношника* (NO) на *востокъ* и пришло туда—знай: шесть часовъ ночи. Вставай нашъ братъ—поморъ, Богу молись, за работу примайся, пора! Солнышко на ту пору къ обѣднику (SO) три часа цѣлыхъ пройдетъ, въ 9 часовъ въ обѣдникѣ будетъ; береговые наши терскіе обѣдать садятся: первая выть. Въ 12 часовъ солнышко на лѣтъ (S) будетъ, на вѣтрѣ томъ въ ту сторону неба уходить. Въ 3 часа за полдень оно на *шлонику* (SW): вторая выть, береговые паужинаютъ. Въ шесть часовъ солнце на западъ придетъ, да не прячется, а только стоитъ въ той сторонѣ неба—и все тутъ. Въ 9 оно въ побережникѣ (NW): для береговыхъ третья выть, ужинать садятся. Въ 12 часовъ солнышко на сѣверъ придетъ: мужики всѣ уже

давно *повалились* и *заспали*, у мужика на брюхѣ туго и сонъ крѣпокъ, не дотычешься. Спитъ онъ и еще три часа, когда солнышко свое дѣло править, въ три часа ночи въ *полуношникъ* (NO) придетъ. Опять ты его, мужика, на ту пору не дотолкаешься: все еще крѣпокъ сонъ, все еще мужикъ огрызается. Дай ты ему еще три часа доху. Когда солнышко на востокъ придетъ—опять мужикъ самъ горошкомъ вскочить: выпался, вздынулся, умылся, Богу помолился, всѣхъ за работу усадилъ и самъ за работу принялся. Идетъ красный денекъ впередъ да впередъ, идетъ красное солнышко своимъ чередомъ по вѣтрамъ, и опять мужику четыре выти, четыре разъ ѣсть, двѣнадцать часовъ работать.

На Мурманѣ вонъ, сказываютъ, всего только три выти, а то, слышь, и двѣ, а то-де и одна, да и та въ сухомятку, особо когда работа-де горячая идетъ. Это, вѣдь, намъ, береговымъ, хорошо на четыре-то выти распоясываться отъ нечего дѣлать. Мы, пожалуй, въ межникахъ еще сверхъ сыта пообѣдаемъ, когда межникъ отъ лѣта ближе къ шалонику (2 часа), или когда межникъ отъ запада ближе къ шалонику (4 часа за полдень). Право такъ, не смѣхомъ!..

— А вонъ, гляди, и матушка Турья-гора, госпожа Кандалуха-губа, батюшка Оленій-Рогъ!—вдругъ прервалъ свою рѣчь кормщикъ, указывая на послѣдній яснѣвшій островъ, за которымъ чуть-чуть вдали синѣла безбрежная, непроглядная полоса воды въ Кандалажской губѣ.

Послѣднее присловье его, общее всѣмъ поморамъ, посѣщающимъ Кандалажскую губу, имѣетъ тотъ смыслъ, что Кандалажская губа, „куда не ѣдешь — все впереди, все она, все прямо, все въ нее угодишь“ — объясняли мнѣ кормщики. Турья гора, гранитный утесъ съ уступами, въ 200 футовъ высотой надъ моремъ, у мыса Турья, на Терскомъ берегу, примѣтна издали, „гдѣ-гдѣ покажется“ (по словамъ поморовъ), а Оленій-Рогъ (на Оленевскомъ острову, у Корельскаго берега) съ мелкими мѣстами далеко оттянулъ въ голомя Кандалажской губы, отпрядышами сажень на 50 отъ берега, между селеніями Керетью и Ковдой.

Между тѣмъ мы плыли все-таки еще между островами, хотя и послѣдними, и все-таки по прежнему на греблѣ. Вѣтеръ установился сначала южный, потомъ перебѣжалъ, перемѣнился на западъ. Но оба, легкимъ дуновеніемъ, незамѣтно располагали ко сну, на этотъ разъ и монотонно затянутая кормщикомъ пѣсня послужила для послѣдняго занятія хорошимъ, благопріятнымъ подспорьемъ. Я, убаюканный всѣмъ этимъ и легкимъ покачиваньемъ карбаса на легкихъ волнахъ, заснулъ.

Просыпаюсь: чувствую ознобъ и холодъ, который, вѣроятно, и разбудилъ меня. Вижу обручья будки, слышу ужасный шумъ и свистъ, въ которыхъ ничего нельзя разобрать. Смотрю впередъ — гребцы по-

ложили весла, подняли свои косые паруса, и вмѣсто того, чтобы спать по обыкновенію, молча сидятъ на своихъ мѣстахъ, закутавшись въ полушубки. Дѣйствительно, холодная, пронизывающая сырость наполняла и мою будку: холодно было и мнѣ одѣтому, однако, совсѣмъ по осеннему. Неопредѣленность молчанія сосѣдей, на первыхъ минутахъ пробужденія, подѣйствовала какъ-то смутно и тяжело. Мнѣ сдѣлалось безсознательно страшно.

— Въ чемъ, братцы, дѣло?—спросилъ я.

Отвѣта не было. Я обратился къ кормщику, но и тотъ молчалъ. Неопредѣленный страхъ мой усилился. Я настаивалъ-таки на своемъ и опросилъ кормщика.

— Пылко больно!—отвѣчалъ онъ мнѣ сердито и неохотно.

— Какой вѣтеръ?

— Полуношникъ (NO).

Въ словахъ этихъ представилось мнѣ столько ужаса и двусмысленности, что, помнится, сердце облилось кровью и начало еще сильнѣе биться. Также безсознательно я позволилъ себѣ, нѣсколько оправившись, другое движеніе—вонъ изъ будки. Страхъ мой былъ не напрасенъ: море буквально кипѣло котломъ; высокія волны бороздили его справа, вѣтеръ свистѣлъ невыносимо, можетъ быть, въ снастяхъ нашего карбаса, можетъ быть, неся этотъ свистъ продолженнымъ эхомъ изъ дальнихъ скалъ Терскаго берега, который, на этотъ разъ, ушелъ далеко и весь затянулся туманомъ. Въ этомъ же туманѣ, еще болѣе непроглядномъ, еще болѣе густомъ, видѣлся за головою кормщика противоположный Корельскій берегъ—цѣль нашего плаванія. Дальнее море въ туманномъ мракѣ слилось уже съ хмурымъ небомъ, затянутымъ, въ свою очередь, черными тучами безъ просвѣта, какъ въ глухую осеннюю — *волчью* ночь. Мы были на половинѣ пути, въ самой серединѣ Кандалажской губы.

Вѣтеръ ходилъ здѣсь свободно, безъ препятствій, безъ остановокъ. Здѣсь онъ былъ полный и неограниченный властелинъ и хозяинъ; надо было крайнее умѣнье, чтобы бороться своимъ умомъ и толкомъ съ его враждебными порывами. Мнѣ дѣлалось уже окончательно страшно и привелось даже пожалѣть о томъ, что холодъ разбудилъ меня прежде времени. Лучше было-бы проснуться въ то время, когда карбасъ миновалъ всѣ опасности, а не теперь, когда она на носу, когда отъ нея нигуда не спрячешься, когда на десять верстъ впередъ, на десять верстъ назадъ нѣтъ ни одной хоронушки, ни одного становища, хоть бы одинъ островокъ, хоть бы одна скала даже и на пол-аршина надъ водою. Кипѣвшее море, постепенно крѣпчавшій вѣтеръ ужасомъ обдавали попрежнему сердце и нагоняли мрачныя и страшныя мысли. Я спрятался опять подъ будку, хотѣлъ заснуть—не могъ: масса разныхъ воспоминаній путалась въ головѣ безъ связи, безъ порядка, но такъ,

въ то же время, быстро и своеобразно, что трудно было услѣдить за мыслями. Припомнился дальній уѣздный городокъ, куда бы ѣхалъ теперь съ несказанною охотою, гдѣ бы желалъ быть въ настоящую пору и пол-жизни бы отдалъ за то; гдѣ будутъ долго и искренно плакать надъ горькою участью, предложенной негостепріимною, далеко не родною и не родственною морскою губою Бѣлаго моря. И вдругъ, вслѣдъ затѣмъ, промелькнулъ большой городъ: вспомнились золотыя главы, узкія улицы, площади съ фонтанами, бульвары съ густо-поросшими аллеями, маленькій садикъ во дворѣ между четырьмя большими домами, *theatrum anatomicum* съ крылечкомъ, нѣсколько лицъ, хорошо знакомыхъ издавна, съ которыми бы не разстался во-вѣки. Опять новые виды: желѣзная дорога, толпа мужиковъ кругомъ; незнакомый красивый городъ, высокіе дома, чудно обставленные гранитные берега рѣки, еще что-то... длинный Архангельскъ и семожій заборъ въ Умбѣ, и опять что-то еще болѣе неясное и неопредѣленное... сѣдой старикъ въ Порьегубѣ, угощающій густымъ, какъ пиво, чаемъ и окаменѣлыми баранками; овца въ Варзугѣ, бѣгающая въ круги, безконечно-долго, безконечно-много, словно сумасшедшая, подъ окнами моей квартиры.

„Крючекъ отъ сѣти въ бокъ попалъ—не ослобонится,“ вспоминается объясненіе хозяина, какъ-будто сейчасъ выговоренное и какъ-будто звуки словъ этихъ еще не застыли въ воздухѣ...

Также безсознательно смѣшными показались на этотъ разъ и эти слова, какъ смѣшны были и другіе случаи, пришедшіе вслѣдъ затѣмъ на память, но зачѣмъ и съ какой статьи? — объяснить я себѣ этого уже окончательно не могъ. Чувствовалось только, что какъ-будто на душѣ съ этой минуты сдѣлалось и свѣтлѣе, и пріятнѣе. Я уже смѣлъ закурить сигару, смѣлъ опять вылѣзть вонъ и сѣсть на будку; смѣлъ опять смотрѣть на волны даже, какъ казалось, безбоязненно, хотя и не безнаказанно. Бойкая волна круто разорвалась о накренившійся бокъ нашего карбаса, вырвала сигару изъ рукъ и унесла ее въ море. Обливши меня щедро брызгами, волна плеснула на грудь и въ лица гребцовъ и заставила одного изъ нихъ нарушить его упорно сдерживаемое, сосредоточенное молчаніе.

— Ишь, лѣшая, плескается!—успѣлъ онъ однозвучно выговорить и опять замолчалъ.

Молчаніе это продолжало меня томить и возмущать душевный покой по-прежнему. По-прежнему проходили въ головѣ новыя воспоминанія, быстро погоняя одно другое; припоминалось многое иное, уже новое. Но одна мысль о томъ, что мы, во всякомъ случаѣ, ѣдемъ по морю, которое имѣетъ здѣсь сто саженъ глубины, опережала всѣ прочія и сдѣлала свое дѣло. Опять пробовалъ и не могъ я заснуть, видя, что передній берегъ все еще залить туманомъ, все еще тускло отдаетъ надеждой на скорое плаваніе между островами, гдѣ и вѣтеръ

будетъ ходить тише, гдѣ самыя волны значительно мельче, гдѣ, можетъ быть, выровняется даже и такая поверхность, которую чуть-чуть только рябитъ и которую тѣмъ легче можетъ осилить своей острой грудью наша скорлупа — карбась. Захотѣлось чаю, теплой комнаты, захотѣлось быть на берегу такъ сильно и неодолимо, какъ не хотѣлось ничего и никогда въ жизни. Не желалъ бы выходить изъ будки въ другой разъ, чтобы, не видя воочию опасности, спокойнѣе выждать благополучный и, пожалуй ужъ, и неблагополучный исходъ ея, если того требуетъ судьба и житейская случайность. Набѣжитъ волна, подхватитъ нашъ карбась, явится ей немедленно другая волна на подмогу: разобьютъ они сообща неплотно-шитое суденко наше, разломавъ его на двѣ, на три, на четыре части, увлечетъ насъ собственная наша тяжесть на этихъ осколкахъ судна, между тѣми же осколками, на самое дно, гдѣ и холодно, гдѣ и темно, и гдѣ, наконецъ, вѣрная смерть—всегда мрачный, хладнокровный, безнадежный, неумолимый врагъ! Плыть отъ врага этого—не уплывешь: самый ближній берегъ чуть видѣнъ, и волны ходятъ такія крутыя и высокія, съ какими могутъ бороться одни только суда, за тѣмъ выстроенныя, на то приспособленныя цѣлыми вѣками, не однимъ десяткомъ умовъ.

Лучше, если бы стихалъ вѣтеръ, лучше, если бы несъ онъ скорѣе между островами, въ рѣку, къ твердому берегу, гдѣ и изба теплая и чай горячій. Можно приготовить недурно удобо-сѣдомый обѣдъ; можно говорить спокойнѣе и словоохотливѣе, можно дѣлать все, что захочешь: писать, ходить, лежать, не боясь смерти, не думая о ней. И, кажется, не выѣхать бы изъ деревни до той поры, пока совершенно не уходился бы вѣтеръ, не улеглось бы море, и весь остальной путь предпочелъ бы проѣхать лучше греблей, чѣмъ на парусахъ, лучше между островами и гораздо медленнѣе, чѣмъ теперь по страшному взводню, на самомъ крѣпкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, который былъ для насъ полнѣйшій фордевиндъ.

— Слушай, Васька! на берегъ пріѣдемъ, носъ и уши обрублю тебѣ непременно: вѣрь ты моему слову нелестному! Что зѣваешь-то, окаянный, неумытая душа! Рочи шкотъ-отъ, лѣшій!—кричалъ кормщикъ гребцу-лопарю и какъ-будто уже замѣтно болѣе спокойнымъ голосомъ.

Онъ былъ такъ щедръ на слова, что, казалось, въ душѣ его затихла буря: да и была ли она? Онъ какъ-будто не сердится уже на свое ремесло, а съ любовію, крѣпко налегши на руль и внимательно устремивши взглядъ свой впередъ на дальній берегъ, что-то высматриваетъ, и, хотя молча, справляетъ свою обязанность. Съ нимъ, казалось мнѣ, уже можно было заговорить и не разсердить его.

— Что ужъ, не страшно теперь: доѣдемъ?

— Чего страшно? чего доѣдемъ? извѣстно доѣдемъ!.. Сидѣлъ бы, твоя милость, подъ будкой; а то на будкѣ-то сидя мѣшаешь, засло-

няешь, не видно!—отвѣчалъ онъ рѣзко, но опять-таки спокойнѣе и не съ сердцовъ.

Онъ снова замолчалъ, крѣпко налегъ на руль: и то повернуть его вправо, то отдать немного назадъ, и опять двигаетъ головой по сторонамъ, что-то сосредоточенно-внимательно высматриваетъ.

Вотъ онъ кричитъ на помощниковъ:

— Отдай, Гришка, кливера, рулю тяжело, скорѣй, проклятый! Ишь вѣдь вы, съ Васькой-то одного гнѣзда воры. Ужѣ вотъ я васъ!.. шевелись!.. Набѣжить бойчѣ волна, опружить... Рулю тяжело: руки-то у меня не каменные, жильныя чай, саднѣютъ ужъ!.. Ну, живѣй, стрѣля бы вамъ въ спину обоимъ!..

Кажется мнѣ, невольню ухватившемуся за его мысль, что слова эти были справедливы и брань сыпалась по заслугамъ. Какъ будто нарочно медленно, не живо брались гребцы за свое дѣло, какъ будто бы мертвымъ узломъ крѣпили они шкотъ и другія снасти, и вотъ, того и гляди, вырвется бечева изъ рукъ, начнетъ хлестаться на водѣ. Набѣжить въ это время волна, неумѣющая медлить и пережидать лѣниваго. Но кормщикъ молчалъ: стало-быть, все хорошо. Мысль объ опасности пропала окончательно; даже весело было смотрѣть, какъ одна волна, набѣгая слѣва страшной горой на самый карбасъ, готовая залить его, ломалась подлѣ борта, словно нагибалась тутъ и проходила подъ судномъ на правую сторону уже неопасною, уже побѣжденною, а потому и покорною. Новая, такая же высокая, такая же страшная, точно также, съ тѣмъ же шумомъ вздымалась налѣво отъ насъ, также опускалась и проходила подъ карбасъ, легонько покачнувши его и отдавая свою пѣну назадъ, на новыя волны, которыхъ постигала таже участь. Весело было смотрѣть въ это время на всю эту игру расходившагося взводня, весело было встрѣчать всѣ другія, новыя волны и слѣдить за ними на другой сторонѣ за карбасомъ, который продолжалъ тянуть за собою свѣтящійся, свободный отъ пѣны слѣдъ все больше и дальше. Вдали, въ крайней дали, едва досягаемой взглядомъ, неугомонныя волны замѣтали этотъ слѣдъ, уничтожали его навсегда, какъ лишній, бесполезный и обидный признакъ побѣды утлаго суденка-щепки, но выстроеннаго для борьбы этой и побѣды человѣкомъ и для человѣка.

Между тѣмъ вѣтеръ, надувши наши паруса, продолжалъ крѣпчать. Судно разсѣкало, рѣзало волны и быстро бѣжало впередъ. Скоро оно успѣло подтянуть къ намъ острова, скоро бросило нѣкоторые изъ нихъ назадъ. Взводень оказался между островами этими, дѣйствительно, слабѣе и рыдалъ только тамъ, гдѣ оставался свободный проходъ для вѣтра, свободный выходъ въ море. Наконецъ, и послѣдніе острова остались назадъ, мы ѣхали рѣкой Ковдой между избами. Слышался давно знакомый шумъ пороговъ, который какъ будто, на этотъ разъ,

разносился еще сильнѣе, рѣзче и даже музыкальнѣе. Но вотъ уже карбась нашъ привязанъ: мы на берегу и въ теплой комнатѣ. Передо мною кормщикъ держитъ руки, всѣ окровавленные, всѣ имѣвшія поразительно-непріятный, отталкивающій видъ, и проситъ на водку гривенникъ для косушки, простосердечно давая этому гривеннику огромное значеніе десяти рублей серебромъ.

— А, вѣдь, страшно было ѣхать?—замѣтилъ я ему.

— Чего страшного: этакъ ли еще бываетъ?—отвѣчалъ онъ прежнимъ своимъ равнодушнымъ голосомъ и съ прежнимъ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Ну да, однако, и съ нами хорошо было?

— Хорошо-то, хорошо!.. Страшно было! Два раза чуть не опружило; а все вотъ эти черти!

Онъ указалъ на улыбавшихся гребцовъ.

— Что же ты съ ними сдѣлаешь?

— А что съ ними сдѣлать? Далъ ты намъ деньги—пойдемъ, выпьемъ вмѣстѣ за твое здоровье. Да надо же будетъ и намъ переждать здѣсь: вѣтеръ-отъ теперь противнякъ на Терскій берегъ...

— А я могу ѣхать дальше?

— Отчего не ѣхать?—можешь. А лучше бы, кабы и ты переждалъ: неровень, вѣдь, часъ!..

Двое сутокъ тянулъ потомъ крѣпкій сѣверо-востокъ и держалъ меня въ селѣ Ковдѣ, не пуская съ мѣста. Каждый разъ, какъ ни пошлешь посмотрѣть на море, приносился одинъ отвѣтъ:

— Пыль, пыль, страшенная пыль въ морѣ. Вода, что бересто, словно мыломъ налита.

— Спасъ тебя Богъ на этотъ разъ, нечего въ другой разъ смерти пытаться. Коршикъ-отъ у тебя былъ золотой человѣкъ, этакихъ-то по всему поморью только три и есть и всѣхъ по именамъ знаютъ: малаго ребенка спроси объ Иванѣ Архиповѣ. Съ этимъ человѣкомъ можно горе горевать. Другой на такомъ взводнишшѣ, да на такомъ крутомъ вѣтрѣ, пожалуй, безотмѣнно бы пустилъ тебя рыбу ловить. Пей-ко вотъ чай-то, прошу покорно!

Прежній знакомый хозяинъ квартиры съ шахматнымъ поломъ, съ мурманскимъ голубкомъ подъ потолкомъ и съ птицей дивной, говорящей человѣческими голосами, усердно кланяясь, поилъ меня чаемъ со сливками. Общелкивая, въ тоже время, маленькими кусочками крупно наколотый сахаръ и хитро поставивъ, московскимъ обычаемъ, блюдечко съ чаемъ на распыленныхъ рогулькой пальцахъ правой руки, растабарывалъ:

— Нѣтъ ничего обиднѣе смерти этой выжидать среди моря, когда вотъ баба какая на ту пору прилучится. Самъ ты о себѣ на ту пору думаешь мало, все попеченіе о житіи своемъ откладываешь, только

молитвы набираешь, чтобы больше ихъ было. А бабы, нѣтъ: бабы сомущаютъ. Сердце у тебя окаменѣетъ; передъ собой только и видишь воду, да карбась: а онѣ вой поднимаютъ, подъ сердечушки свои хватаются, словно оно выпрыгнуть у нихъ хочетъ! Опять же бабы эти—дери ихъ горой!—причитанья свои надрывныя, что на могилахъ сказываютъ, начнутъ разводить: въ дѣсь бы бѣжалъ! Въ чувство приводятъ, память твоей руководствуютъ. Иногда, слышь, до смѣховъ доходитъ дѣло, развеселяютъ... Одна, какъ теперь вижу и помню, до того добралась: „Батюшко-де, слышь, Никола Угодникъ, помоги, если сможешь!“

На другой день послѣ этого разговора я уже ѣхалъ въ обратный путь вдоль Корельскаго берега и на пятые сутки скучнаго прибрежнаго плаванія былъ опять въ Кеми, на поморскомъ берегу Бѣлаго моря.

X.

ПОМОРСКИЙ БЕРЕГЪ ИЛИ СОБСТВЕННО ПОМОРЬЕ. *

1. Городъ Кемь; его исторія.—Занятія кемлянъ и жемчужная ловля.—Шкиперское училище.—2. *Раззоренная обитель*. Копыловская вѣра.—Чашники.—Кто такой Копыловъ.—Вещественные слѣды Топозерскаго скита.—Дикая и пустынная рѣка.—Пороги на р. Кеми.—Дорога на Топозеро.—Громадное озеро.—Скитское островное селеніе.—Внѣшній видъ и внутренній бытъ скита.—Церковныя службы въ немъ.—Вліяніе его на окрестныхъ жителей.—Большаки.—Женщины.—Иванъ Демидычъ.—Его мнѣнія и рассказы.—Раззоренные скиты.—Ихъ государственное значеніе и послѣдствія разрушеній.—3. *Бѣломорскія суда*.—Внѣшній видъ города Кеми.—Лепъ-островъ.—Туземные богачи—судохозяева.—Строители судовъ и обряды, соблюдаемые при судостроеніи.—Бѣломорскія суда: лодья, раньшина, съ чердаками, шняка, кочмаръ, разные виды карбасовъ.—Мелкія рѣчныя суда: барки, полубарки, каюки, обласы, завозни, разные виды плотовъ, покинутыя кочки.—4. *Бѣломорская торговля*: исторія ея и настоящее состояніе по сношенію поморовъ съ Норвегіей.—Путь изъ Кеми въ Онегу.—Село Шуя.—Село Сорока.—5. *Сельдяной промыселъ*: полярныя переселенія этой рыбы; подробности ловли сельдей по вѣсѣмъ побережьямъ, но преимущественно въ деревнѣ Сорокъ.—Порядокъ лова.—Общинный ловъ.—Деревни Сухая и Вирьма.—6. *Сумскій посадъ*: его исторія; занятія жителей.—Обжа.—Таможня.—Соловецкіе богомолцы; путь ихъ изъ Петербурга по переволокамъ между Онежскимъ озеромъ и посадомъ Сумою.—Здѣшній расколъ.—Пертозерскій скитъ.—Карташова.—Ея вліяніе.—Характеристика поморовъ присловьями.—7. *Отъ Сумы до Онеги*:—Желѣзныя ворота.—Село Колежма.—Нервныя болѣзни.—Раздѣвильно.—Размужичье.—Трудный путь до села Нюхчи.—Преданіе о посѣщеніи этого села Петромъ Великимъ и исторія пребыванія Петра въ сѣверномъ краю Россіи, предшествовавшего посѣщенію Нюхчи.—Народныя преданія о дальнѣйшемъ пути Петра Великаго вплоть до Повѣнца.—Ямы.—Раскольниковъ хлѣбъ-соль.—Петръ на крестинахъ. Онъ же на работахъ. Повѣнецкій Петръ.—Случаи въ дорогѣ.—Дальнѣйшій путь мой изъ Нюхчи; Унежма.—Верховая ѣзда.—Села: Кушерѣка, Малошуйка, Ворзогоры.—Крестьянская свадьба.—Могилки.—Разлученіе съ повязкой.—Здоровъ.—Дружки и Дружокъ (Вѣжливой).—Катанья.—Честны.—Здарье.—Баянникъ.—Коробье.—Полюбовная гостыба.—Дорога въ Онегу.—Послѣднее свиданіе съ этимъ городомъ и конечный путь и возвращеніе мое въ Архангельскъ.—Образчикъ нравовъ.

I. К е м ь.

Кемь, по всей справедливости, почитается центромъ промышленной дѣятельности всего Поморскаго края. Капиталисты этого города строятъ лучшія и въ бѣдѣшемъ, противъ другихъ, количествѣ морскія суда, отправляя ихъ и на дальніе промыслы за треской на Мур-

* Поморскимъ берегомъ, или собственно *Поморьемъ*, на языкѣ туземцевъ, называется западная часть Онежскаго залива между двумя уѣздными городами губерніи: Онегою и Кемью. Дальніе поморы мезенскіе и терскіе обыкновенно зовутъ этотъ берегъ *Кемскимъ*. Мы слѣдуемъ первоначальному названію этого берега по той причинѣ, что поморцами, поморами называются исключительно обитатели Кемскаго берега.

манскій берегъ, и за морскимъ звѣремъ на Новую Землю и Кѣлгуевъ; они же первыми ѣздили и на дальній Шпицбергенъ; они же ведутъ дѣятельную, съ годами усиливающуюся торговлю съ Норвегіей. Оставляя, до приличнаго случая, объясненіе значенія этого города въ ряду всѣхъ другихъ поморскихъ селеній и всю силу нравственнаго вліянія его на домашній и общественный бытъ всѣхъ сосѣднихъ ему обитателей, считаю главнымъ прослѣдить теперь за историческими судьбами города, чтобы потомъ перейти къ главнымъ проявленіямъ дѣятельности жителей его: судостроенію и заграничной торговлѣ.

Въ архивѣ кемской ратуши сохранилась рукопись, начатая по приказу олоонецкаго намѣстническаго правленія, въ 1787 году, и продолженная до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Она называется такъ: „Исторія о новоучрежденномъ городѣ Кемѣ, состоящемъ Олоонецкой губерніи, въ Петрозаводскомъ вѣдѣніи, при предѣлахъ Бѣлаго моря, Сѣвернаго океана, на рѣкѣ Кемѣ“. *Исторія* эта начинается такъ: „Отъ сотворенія міра въ лѣто 7084 (1579) и 7098 (1590) оная Кемская волость отъ шведовъ дважды была воюема. Храмы Божіи и обывательскіе дома выжжены, жители побиты, иные въ полонъ взяты, а другіе разбѣжались. По населеніи, лѣта 7099, іюня, по грамотѣ царя и великаго князя Θεодора Іоанновича, Кемская волость отдана Соловецкаго монастыря игумену Іакову съ братією. Того жъ лѣта, августа 2 дня, по таковой же царя и великаго князя грамотѣ, велѣно ему, игумену, съ братією хрестіянъ судомъ и расправою вѣдать Соловецкаго монастыря властямъ, или кому онѣ прикажутъ“. Этимъ и ограничиваются всѣ свѣдѣнія о первоначальномъ заселеніи города. Тоже самое подтверждаетъ и соловецкій лѣтописецъ. Въ XV вѣкѣ, по свидѣтельству его, Кемъ называлась уже волостью и принадлежала именитой посадницѣ Марѣ Борецкой. Марѣа, въ 1450 году, подарила эту волость, вмѣстѣ съ другими, Соловецкому монастырю. Послѣ паденія новгородскаго вѣча, Кемъ сдѣлалась государевою собственностію и была ею до царя Θεодора. Больше соловецкій лѣтописецъ уже не говоритъ ничего, хотя, по всему вѣроятію, можно предположить, что и Кемъ, какъ и посадъ Сума, первоначально населена была кореляками, и Кемъ была такая бѣдная корельская деревушка, какъ и финская *Suoma*—Сума. Въ Кемѣ, до сихъ еще поръ, хранятся на языкѣ туземцевъ старинныя корельскія названія частей города, хотя корелы русскимъ новгородскимъ населеніемъ и отодвинуты вверхъ по р. Кемѣ на 18 верстъ (до деревни Подужемья). Слобода, расположенная на сѣверномъ берегу рѣки, до настоящаго времени зовется *мандера* (по-корельски твердая, матерая земля); городской погостъ называется *гайжа*; часть города на южномъ берегу—*кѣриа*. Гайжу можно назвать главною частію города, потому-что здѣсь находится соборная церковь, казенныя и общественныя зданія. Это большой

островъ, образованный двумя рукавами рѣки. Противъ этого острова (къ востоку) находится другой, меньшей величины, называемый Леп-островомъ, отдѣленный небольшимъ проливцемъ Пудась. Здѣсь находится деревянная церковь и полуразрушенная, догнивающая свой долгій вѣкъ, деревянная башня—одинъ изъ остатковъ нѣкогда бывшаго здѣсь острога.

Острогъ этотъ, какъ пишетъ соловецкій лѣтописецъ, построенъ въ 7165 г. (1657) по грамотѣ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича (для караула воинскихъ людей) на счетъ монастырскихъ суммъ. Онъ былъ двухъ-этажный, назывался городкомъ, имѣлъ по угламъ башни и два ряда бойницъ, 12 желѣзныхъ пушекъ, 14 пищалей затинныхъ, 63 мушкета, 30 бердышей, 118 копій, 9 роговъ, 2 знамени, 3 барабана, 1 алебарду, 3 значка, 9 ядеръ, свинцу 9 пудовъ 27 фунт., и двѣ бочки пороху. Построенный исключительно для защиты отъ набѣговъ „нѣмецкихъ людей“, острогъ, однако, не успѣлъ исполнить своего назначенія: нѣмцы не приходили. Городокъ снокойно догнивалъ свой вѣкъ до указа Екатерины II, когда Кемь отведена была отъ монастыря. Боевые снаряды остались, однако, за нимъ. До того времени, въ Кемь, на особомъ подворьѣ, до сихъ поръ еще сохранившемъ всю оригинальность своей архитектуры, жили соловецкіе старцы, собирая на монастырь волостные доходы съ *рыбныхъ лозищъ и кречатыхъ садбищъ*. Дворъ этотъ, по примѣру другихъ и по царскимъ указамъ, былъ *объленъ*, т. е. освобожденъ отъ всѣхъ тѣхъ поборовъ, какими обложены были всѣ другіе обывательскіе дома. Когда состоялись духовные штаты, подворье продолжало оставаться въ вѣдѣніи монастыря до 1808 г. Тогда оно продано было тамошнему купцу Дружинину.

„Въ 1714 и 1715 годахъ, по указамъ его царскаго величества Петра Алексѣевича—продолжаетъ вышеупомянутая *исторія*—для укомплектованія морского флота, набираю въ матросы поголовно людей годныхъ, крѣпкихъ и здоровыхъ, господиномъ лубенахтомъ и кавалеромъ Синявинымъ, да лейбъ-гвардіи капитанъ-лейтенантомъ Румянцевымъ (отцомъ задунайскаго героя). Изъ Кемскаго города взято съ полнымъ мундиромъ 44 человекъ, которыхъ указомъ его величества велѣно въ предбудущіе наборы съ прочими губерніями уравнить зачетами; оставшихся же отъ взятыхъ въ матросы сиротъ, престарѣлыхъ родителей, женъ и малолѣтнихъ дѣтей воспитывать того городка обществомъ“. Наборъ этотъ — *Синявинина*—до сихъ еще поръ памятенъ народу, до сихъ еще поръ живетъ въ памяти ихъ, какъ дальнія муки и разбои каянскихъ нѣмцевъ и литовскихъ людей. Выбраны были лучшіе люди; волости замѣтно упали, не имѣя уже крѣпкихъ, здоровыхъ рукъ для промысла; Синявинъ до сихъ еще поръ для помора—второй Мамай, второй Биронъ. Еще далеко до него, въ 1702 г., Кемь

отпускала рабочихъ людей для проложенія дороги отъ села Нюхчи на Повѣнецъ, по которой Петръ везъ сухимъ путемъ свои яхты.

„Въ 1749 и 1763 г. бывшими великими вешними наводненіями въ проходѣ Кеми-рѣвки вешняго льда у городка, съ лѣтней и съ западной стороны, стѣны льдомъ и водою сломало и унесло въ море, также и обывательскихъ домовъ и анбаровъ по низкимъ мѣстамъ состоящимъ, много сломало и унесло. Въ 1764 году, по указу ея величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, оный Кемскій городъ изъ вотчины Соловецкаго монастыря подѣ въдомство государственной коллегіи экономіи присланнымъ отъ архангелогородской губернской канцеляріи поручикомъ Матвѣемъ Какушкинымъ отведенъ и управляемъ былъ, какъ прочія духовныя вотчины, архангелогородскими экономическими казначеями. 1785 года, мая въ 16 день, по именному государыни императрицы Екатерины II указу, данному правящему должностъ олонецкаго и архангельскаго генераль-губернатора, господину генераль-поручику Тутолмину, велѣно предѣлы Олонецкаго намѣстничества распространить до Бѣлаго моря и Кемскій городокъ переименовать городомъ; а того же 1785 г., августа 22 дня, прибывшимъ нарочно его превосходительствомъ, господиномъ статскимъ совѣтникомъ олонецкимъ губернаторомъ, Гаврилою Романовичемъ Державинымъ, съ церковною надлежащею церемоніею, открыть.“

Дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя „Исторіею“, состоятъ въ томъ, что въ 1787 въ городѣ открыты были присутственныя мѣста; въ 1793 г. освящена церковь во имя Живоначальныя Троицы (кладбищенская); 1802 г. городъ присоединенъ къ Архангельской губерніи; въ 1811 позволено жителямъ вывезти 2,000 четвертей хлѣба въ Норвегію для вымѣна на рыбу и привозить послѣднюю въ Россію безпошлинно; 1820 г. разрѣшено взимать за употребляемый на суда лѣсъ (для рыбныхъ промысловъ) попенныя деньги (а не футовые) и дозволено снова увезти въ Норвегію 6,000 четвертей муки и вымѣнять ее на рыбу. Въ 1822 г. открыты уѣздное училище и больница; въ 1825 г. закрыты городской магистратъ и градская дума; оставлена одна ратуша. Того же года пожаръ испепелилъ 72 обывательскихъ дома, гостинный дворъ и часовню, изъ которой крестъ вынесенъ въ соборную церковь за правый клиросъ. Въ пособіе обывателямъ правительство выдало 20,000 деревъ безъ платежа попенныхъ денегъ и 10,000 руб. асс. заимообразно безъ процентовъ на 10 лѣтъ. Въ 1826 году, отъ сильныхъ жаровъ и сухихъ погодъ распространились на городскомъ выгонѣ пожары, такъ что пламя было близко города, особенно къ кладбищенской церкви; дождь, начавшійся съ 15 августа, потушилъ пожары; потеря оказалась только въ травѣ и сѣнѣ, хотя, въ то же время, и значительная.

Соборная церковь города, съ главнымъ храмомъ во имя Успенія и придѣлами: Зосимы и Савватія (лѣвѣмъ) и Николая Чудотворца (правѣмъ), построена въ 1714 году. Поразительная по своей ветхости, церковь эта имѣетъ расположеніе въ формѣ креста, края котораго образуются главнымъ храмомъ, придѣлами и папертью. Въ окнахъ ея до сихъ еще поръ видится слюда. Въ самой церкви замѣчательны два креста съ вырѣзными изображеніями молитвъ, а на одномъ изъ нихъ— съ рѣзнымъ изображеніемъ Спасителя и вида св. града Іерусалима внизу. Нѣкоторые относятъ работу этихъ крестовъ ко временамъ Марѣи посадницы, при которой будто бы поставлены и другіе три креста бывшаго соловецкаго подворья, невдалекѣ отъ соборнаго храма. Сходная архитектурой церковь на Лѣп-островѣ, во имя Іоанна Предтечи, построена въ 1782 году. Кладбищенская, въ мой пріѣздъ, обводилась заборомъ, но всѣ три церкви находятся въ запущенномъ, полуразрушенномъ состояніи, съ ветхими ставнями у оконъ, обращенныхъ къ сѣверной сторонѣ, съ плѣсенью по крышамъ, съ желтизной по всѣмъ стѣнамъ. Причина тому, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что большая часть жителей города держится раскола.

Въ Кеми существовало когда-то шкиперское училище и потомъ снова заведенное. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминали толковые и грамотные отцы семействъ объ этомъ благодѣтельномъ учрежденіи. До тѣхъ еще поръ лучшими мореходами считались тѣ изъ поморовъ, которые слушали курсы. Кемляне и сумляне не теряли надежды имѣть снова у себя это училище, и готовы были обнадѣживать возможность существованія его, даже и при существованіи такихъ курсовъ въ Архангельскѣ.

„Это (шкиперское) училище—говоритъ г. Рейнеке въ одномъ мѣстѣ своего „Гидрографическаго описанія сѣвернаго берега Россіи—учрежденіемъ своимъ (въ 1842 г.) обязано министру финансовъ, графу Канкрину. Оно доступно всѣмъ поморцамъ отъ 15 и до 20 лѣтъ, знающимъ грамоту; преимущественно же принимаются тѣ, которые обучались въ уѣздномъ или приходскомъ училищахъ и, слѣдовательно, знаютъ начала ариѳметики. Первые два года ученики содержались собственнымъ иждивеніемъ и ходили въ классъ только для слушанія уроковъ; впослѣдствіе, для облегченія бѣдныхъ крестьянъ сосѣдственныхъ деревень, правительство приняло на себя и полное содержаніе учениковъ, въ числѣ до 20 человекъ“. Они жили въ особенномъ домѣ, получали отъ казны пищу и одежду. Предметами курса были: законъ Божій, ариѳметика, геометрія, навигація и астрономія (безъ теоретическихъ подробностей), практическія правила кораблестроенія и кораблевожденія, гражданскіе законы по отношенію ихъ къ торговому мореплаванію. Приморская географія и съемка береговъ преподавались практически въ формѣ бесѣдъ. Курсъ наукъ продолжался два года;

ученье начиналось 1 октября, кончалось 1 мая; на него употреблялось ежедневно по четыре часа. Лѣтомъ ученики ходили въ море на собственной шкунѣ; другіе отпускались для домашнихъ работъ. Кончившіе курсъ получали аттестаты (но безъ всякихъ условныхъ преимуществъ) и возвращались въ свое первобытное сословіе, чтобы *улучшить мореходство, промыслы и торговлю своихъ семействъ*. Нѣкоторые изъ учениковъ въ С.-Петербургскомъ училищѣ торговаго мореплаванія умѣли выдержать экзаменъ на званіе коммерческаго шкипера; нѣкоторые ходили на русскихъ коммерческихъ судахъ матросами; *нѣкоторые поступили на службу на иностранные корабли...*

Гербъ города изображаетъ щитъ, въ верхней части котораго находится губернской гербъ, а въ нижней, въ голубомъ полѣ, *вѣнокъ изъ жемчуга*. Это послѣднее обстоятельство не маловажно и не потеряло своего значенія и до сихъ поръ. Въ порожистой, быстрой и мѣстами чрезвычайно мелкой рѣкѣ Кеми попадаютъ жемчужныя раковины, хотя ловъ ихъ и не составляетъ исключительнаго занятія всѣхъ жителей, но даже и одного какого нибудь семейства. Жемчугъ этотъ ловятъ отъ бездѣлья досужіе люди и не всегда для продажи, потому-что здѣшній жемчугъ не высокой доброты и попадаетъ въ рѣкѣ въ незначительномъ количествѣ. Иногда цѣлый день терпѣливые люди роются въ водѣ и достаютъ много горсть, чаще три-четыре зернышка. Ловля эта обыкновенно производится слѣдующимъ простымъ способомъ. Искатели садятся на бревенчатый плотъ небольшой, съ отверстіемъ въ серединѣ, заставленнымъ трубой. Большая часть трубы этой находится въ водѣ. Одинъ, по берегу, тянетъ плотикъ, другой смотритъ черезъ трубу въ воду. Замѣтивъ подлѣ камня раковину, имѣющую сходство съ жемчужною (обыкновенно, при ясной солнечной погодѣ, когда животное открываетъ раковину) наблюдатель опускаетъ черезъ трубу длинный шестъ съ щипчиками или крючкомъ на одномъ концѣ его. Раковина смыкается и тогда ее удобно бываетъ принять на щипчики. Разломивши раковину, счастливецъ, нашедшій зернышко, обязанъ немедленно положить его за щеку для той цѣли, чтобы это зернышко—отложеніе болѣзненнаго процесса улитки (какъ объясняютъ обыкновенно зарожденіе жемчуга)—черезъ прикосновеніе со слюною, дѣлалось изъ мягкаго постепенно твердымъ, до состоянія настоящаго жемчуга (обыкновенно черезъ 6 часовъ, какъ замѣчаютъ). Точно также (замѣчаютъ поморы) жемчугъ водится во всѣхъ рѣкахъ, куда любитъ въ избыткѣ заходить семга, и что между этой породой рыбъ и слизняковъ существуетъ какая-то темная, загадочная, трудно-объяснимая симпатія. Ловится жемчугъ и въ другихъ поморскихъ рѣкахъ и кромѣ Кеми, какъ, напримѣръ, въ Жемчужной губѣ, около Княжей губы, около Колы. Но и кемляне, какъ и всѣ остальные поморы, не даютъ этой отрасли промысловъ особенной доли участія и вниманія, кладя всю жизнь, находя всю цѣль

существованія исключительно въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, въ судостроеніи и торговлѣ.

2. Разоренная обитель.

— Ты какой вѣры?—при случаѣ, спросишь иного помора и нерѣдко получишь отвѣтъ:

— Копыловской.

— Какая же это неслыханная вѣра и что это за невѣдомый раскольничій толкъ?

— Вѣра-то у нихъ одна съ нами, да согласіе не одно, — уклончиво отыгрываются одни изъ вопрошаемыхъ, осторожные и недовѣрчивые.

— Онъ своимъ иконамъ молится, изъ своей посуды ѣсть и пьетъ, — серьезно поясняли тѣ изъ словоохотливыхъ поморовъ, которые принимаютъ въ свои дома священниковъ и сами ходятъ въ церковь.

— Онъ и въ кабакъ со своею чашкой ходитъ, — толкуетъ полицейскій солдатъ Михѣевъ, стараясь изобразить кривымъ глазомъ насмѣшливую улыбку. Сначала соблюдаетъ себя: свою чашку достаетъ изъ-за пазухи. Ее и подставляетъ, а когда подвыпилъ, то ужъ и не разбираетъ: тянетъ изъ артельной. Не взираетъ, что она теперь и похватаана.

Болѣе обстоятельныхъ объясненій я уже и не слыхивалъ и, къ полному удивленію, именно отъ тѣхъ людей, которые находились во всегдашнихъ сношеніяхъ съ исповѣдниками „копыловской“ вѣры. Подозрѣвалось затаенное нежеланіе выдавать своихъ, потребовавшее большой осторожности въ разспросахъ; оставалось рассчитывать на благоприятные случаи въ будущемъ. Яснымъ казалось также и то обстоятельство, что поморы, за недосугомъ и за своими дѣлами, не привыкли заглядывать въ чужую душу и копаться въ чужой совѣсти, вообще заниматься обиднымъ и щекотливымъ для другихъ дѣломъ.

— Всякая Божья птица по-своему Господа славить, какъ умѣетъ.

— Видимое дѣло, не стѣсняетъ того человѣка держать всегда при себѣ за пазухой или въ карманѣ свою чашку, — пускай и носитъ.

Очень рѣдко, и то больше отъ чиновныхъ людей, доводилось слышать обидчивыя сѣтованія на ту брезгливость, съ какою относятся старовѣры къ православнымъ именно въ подобныхъ пріемахъ. На первыхъ порахъ и самому лично случалось испытывать то же обидное и непріятное чувство досады, видя себя какимъ-то отщепенцемъ.

— Посудите сами, вѣдь, они насъ просто-таки считаютъ погаными, — толковалъ мнѣ исправникъ. — Мнѣ доводилось одолжаться стаканами: онъ морщится, упирается, не даетъ. Прикрикнешь — усту-

пить, да на твоихъ же глазахъ возьметъ изъ рукъ тотъ стаканъ и разобьетъ о камень. Ему уже такая посуда не годится. Онъ не жалѣетъ, хоть и помнить, что стекло въ здѣшнихъ мѣстахъ — товаръ рѣдкій и дорогой. У богатыхъ мужиковъ на тотъ концы держится въ особомъ поставцѣ уже такая особенная, которая и носитъ свое имя „міршоны“. У бѣдныхъ изъ такой посуды и люди пьютъ, и собаки лакаютъ. Кажется, ее никогда и не моютъ.

Этотъ обычай, въ самомъ дѣлѣ, докучливъ въ Поморѣ, гдѣ смѣшанно сидятъ рядомъ православные со старовѣрами, обмѣнявшись на смѣшливыми прозвищами, какъ отличіями двухъ отдѣльных лагерей. Одни — міршныя или міршоны, другіе — чашники, т. е. поганые и чистые. Послѣдніе съ застарѣлымъ закаломъ и съ закоренѣлыми убѣждениями.

Одинъ изъ такихъ толковалъ мнѣ:

— Ужъ скоро изойдетъ вторая сотня лѣтъ, какъ вѣра-то сблудила.

Вотъ почему въ Поморѣ необходимо было опознаваться, чтобы не попадаться въ просакъ, и поневолѣ прибѣгать къ такимъ, повидимому, страннымъ вопросамъ, каковъ въ средѣ коренныхъ русскихъ людей вопросъ о томъ, какой онъ вѣры. Оказывается, что есть еще какая-то копыловская. Чѣмъ еще эта вѣра можетъ огорчать заѣзжаго человѣка?

Въ одномъ селеніи, въ отводной квартирѣ, хозяйка, по моему входѣ, тотчасъ задернула пеленой иконы. Въ другой и другая, явившись съ ручною кадильницей, такъ густо наредила дешевымъ ладаномъ, что пришлось выбираться вонъ на вольный воздухъ. Расторопный, умный и начитанный Егоръ Старковъ, хозяинъ моей шкуны, на которой я переправлялся по Бѣлому морю изъ Онеги въ Кемь, спускаясь въ каюту молиться, просилъ меня на то время не курить. Увидя мою стеариновую свѣчку, похвалилъ ее:

— Хорошо бы ее теперь къ образамъ поставить, — вишь, вѣдь, какая она толстая. Почему фунтъ-отъ экихъ свѣчъ? Какой бѣлый, чудный свѣтъ для Бога!

На объясненіе мое, что въ Россіи въ большихъ городахъ нѣтъ этого обычая, онъ съ сердцемъ и съ нескрываемою досадою рѣзко заявилъ:

— Погаси ее, сдѣлай милость: пушай не мѣшаетъ мнѣ!

Между тѣмъ, Егоръ человѣкъ бывалый, тертый калачъ, въ Норвегу ходилъ, съ тамошними „нехристями“ давно уже ведетъ всякія дѣла. Однако, и онъ то и дѣло проявляетъ странности въ характерѣ, въ пріемахъ и убѣжденіи. Все, бывало, ждемъ какой-нибудь выходки. Между прочимъ почти ко всякому, рѣзко выдающемуся, случаю у него находилось книжное изреченіе.

— Завтра 15 іюля, — говоритъ онъ, — св. равноапостольнаго кн. Владиміра, во св. крещеніи Василя, и т. д.

Оказалось, что онъ почти всѣ святцы знаетъ наизусть. Не диковина въ тѣхъ мѣстахъ, среди старовѣровъ, встрѣчать начетчиковъ. Очевидно, Егоръ былъ изъ таковыхъ: не копыловскій ли?

Я его объ этомъ рѣшилъ спросить и получилъ рѣзкій отвѣтъ:

— Нѣту такой вѣры. Дураки тебѣ такой отвѣтъ держали. Есть такой въ Кеми богачъ Копыловъ. Вотъ я тебя провожу, куда тебѣ идти указано въ городъ, а самъ къ нему зайду! Дураки про такую вѣру сказываютъ, а ея и не бывало.

Онъ ушелъ наверхъ, словно бы даже разсердился.

Спустившись въ каюту обѣдать и, видимо, пообмякши въ сытомъ настроеніи духа, самъ Егоръ началъ разговоръ:

— О Копыловѣ ты давѣ меня спрашивалъ, — тако дѣло обсказывать буду. Ладился я судно строить. Смекалъ я такой счетъ, что по нашимъ мѣстамъ судно вгонить ста въ четыре съ половиной, а въ Норвегу сведу, тамъ за него дадутъ тысячу, а то, по временамъ судя, и полторы могу получить. Какъ быть, какъ стать? Мѣста въ Норвегѣ безлѣсныя, а изъ Онеги всего лѣсу не вывезешь: сходно бы деньги въ тако дѣло пустить. Намъ, съ дуракомъ-братомъ, послѣ батюшки-покойничка скопленныхъ осталось ста три рублевъ. Видишь, полтора нехватаетъ. Какъ быть, какъ стать? Поищи-ка по деревнѣ-то, по нашей по Сорокѣ, такого капитала. И кто повѣритъ мнѣ, ледащему, неимущему? — Я къ Копылову. На знати онъ у насъ по всему Поморью. Одно слово — богачъ. Гордъ и ругателенъ. Какъ приметъ? По человѣку онъ пріемъ дѣлаетъ, а какъ онъ меня понимаетъ, — того я не вѣдаю. Слыхалъ, что онъ по взгляду смекаетъ и по разговору разбираетъ людей. А знаетъ онъ про всякаго по Поморью-ту. Да впрочемъ и самъ вотъ ты теперь видишь, много ли народу живетъ въ нашихъ украиняхъ. Гдѣ рѣка покрупнѣе пала въ море, тамъ и деревня; на мелкой рѣчущкѣ и жительства нѣтъ никакого. Ищи его дальше, — обходи то мѣсто. А всталъ на горку и всѣ дома сосчиталъ, — немного ихъ. Про всякаго слышимъ, всякаго скажемъ наперечетъ: и какъ онъ, и чтѣ онъ. А Копыловъ про иного слышитъ и знаетъ до потроху, прозирается: таково ему дѣло предуставлено. Бываетъ, что воззрится и ужъ наскрозъ видитъ. Заробѣлъ я отъ такихъ слуховъ про него, однако, пріотворилъ дверь-то, просунулся, всталъ у притолки, очи перекстилъ и начала положить, какъ уставъ нашъ велитъ. Накинулся онъ на меня, изругалъ: „молодъ, говоритъ, въ Норвегу торговать ходить: рому тутошняго пить захотѣлъ, съ трубкой баловаться начнешь“. Я ему клятвы сказываю, а онъ того пуще обиды говоритъ. Насказалъ столько-то, что я запужался даже: привелъ меня, молъ, лѣшій въ тако тупичекъ, въ уголокъ, что и выходу мнѣ нѣту. Онъ и на улицу

со мной вышелъ и тамъ все пыталъ махатья руками и зыкать на меня, не взирая, что народъ по улицѣ ходитъ и все въявь слышитъ. Маялъ-маялъ, да и молвилъ на ушко: „Черезъ три дня заходи!“

— И что-жъ бы ты думалъ? Далъ, вѣдь. Сколько я просилъ, столько онъ отъ щедротъ своихъ и выложилъ! Сказать онъ мнѣ не сказалъ, а я сердцемъ своимъ понялъ такъ: вотъ-де тебѣ, бери на здоровье, разживайся!—и выложилъ бумажками. Въ осеняхъ, послѣ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, я ему тотъ заборъ отдалъ полностью золотомъ. Такъ онъ самъ мнѣ и приказалъ золотыхъ тамъ намѣнять и золотыми заплатитъ ему. Я было серебромъ подсмѣнилъ малую толику, такъ онъ ругался опять, да на тотъ разъ полегче. А я теперь новую шкуну сладилъ, именемъ покойничка старшаго брата назвалъ, досками нагрузилъ, да вотъ по третье лѣто туда дерева вожу. Шкуну свою не продаю, хотъ и были на нее охотники, да я треской тамъ нагружаюсь и въ обратну ту треку сухую сюда, либо въ городъ (Архангельскъ) вожу продавать. Вотъ тебѣ Копыловъ! Каковъ онъ таковъ есть человѣкъ на семь свѣтъ, вотъ тебѣ—смекай!

Въ самомъ городѣ Кеми, въ мѣстѣ жительства этого извѣстнаго въ Поморѣ и интереснаго человѣка, пѣлучишь о немъ такія свѣдѣнія. Сообщалъ добрыйшій и обязательныйшій человѣкъ, городничій Осипъ Яковлевичъ:

— Не думаете ли вы познакомиться съ нимъ? Не совѣтую. Отъ него что-либо интересное для васъ и для печати слышать—все равно, что передъ любою нашею скалою стоять и ждать отъ нея слова. Съ полною откровенностью долженъ я вамъ признаться въ томъ, что онъ первымъ извѣстилъ меня о вашемъ прїѣздѣ, случайно встрѣтившись на улицѣ. „Пали, говоритъ, слухи, что изъ Питера большой начальникъ наѣзжаетъ какую-то провѣрку дѣлать“. Принялъ я его слова за обычныя у нихъ, у раскольниковъ, вѣсти. Все они кого-то ждутъ, чего-то опасаются. Вѣстями этими они любятъ пробавляться всласть, но цѣны большой сообщеніямъ ихъ я привыкъ не давать. Мимо ушей пропустилъ и это извѣстіе. Уже черезъ три недѣли послѣ того разговора привезла почта указъ губернскаго правленія, предписывающій оказывать вамъ возможное и законное содѣйствіе при исполненіи порученія, возложеннаго на васъ морскимъ министерствомъ по волѣ генераль-адмирала. Да я и самъ вчера слышалъ, какъ онъ изъ-за косяка, хоронясь и прищуриваясь, всматривался, любопытничалъ, какъ пробиралпсь вы мимо его дома изъ карбаса. Примѣты, знать, ваши распознавалъ, чтобъ обходить потомъ и не натолкнуться ненарокомъ.

Такимъ образомъ, вопросъ мой на первыхъ шагахъ рѣшенъ былъ разомъ въ отрицательномъ смыслѣ.

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою этотъ Копыловъ?

— Прежде всего, Копыловъ онъ, должно быть, потому, что родители его на дровешкахъ сюда зимой вѣхали, а теперь онъ самъ можетъ ѣздить въ каретахъ. Отецъ благочинный толкуетъ по-своему: поставить на копылъ—по здѣшнему значить разстроить что-нибудь, поставить вверхъ дномъ. Смутьянъ онъ (говорить батюшка): помутить церковь; многихъ православныхъ отвелъ. По-моему, онъ—большакъ, какъ привычно говорятъ здѣсь *. Онъ, такъ сказать, коммисіонеръ, и казначей, и блюститель еедосѣвщины здѣшнихъ мѣстъ. Большой человекъ по влиянію и богатый по средствамъ. А гдѣ его корень и въ чемъ его сила—за справками надо ѣхать въ Москву. Сказать я вамъ самъ ничего не могу, потому что ничего не знаю, а показать кое-что желаю съ удовольствіемъ.

Осипъ Яковлевичъ вынесъ ко мнѣ нѣсколько церковныхъ книгъ, страшно закопченныхъ, засаленныхъ и захватанныхъ, большею частью аляповато и самодѣлкой оправленныхъ въ кожу. Все больше псалтыри, печатныя и писанныя (и довольно плохо). На одной псалтыри надпись: „Сія богодухновенная книга, глаголема псалтырь блаженнаго пророка Давида царя, раба Божіа Иларіона, писанная съ древней псалтыри; азъ многогрѣшный Иларіонъ писалъ своею рукой“. Въ печатной псалтыри бумага въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повыхватана и исчезнувшія строки подклеены бумажными заплатками съ починкою словъ перомъ въ неискусной рукѣ. Еще псалтырь писанная, но переплетъ ея такъ улощенъ грязью съ рукъ и воскомъ со свѣчей, что книга даже скользила въ рукахъ.

— Все это конфисковано въ Топозерскомъ скиту, — объясняетъ Осипъ Яковлевичъ.—Въ этомъ ящикѣ все это и хранится при описи и въ такомъ видѣ получено мною отъ предмѣстника моего.

Вотъ и опять вещественные слѣды неизвѣстнаго, но благочестиваго и толика богомольнаго старца Иларіона: болѣе другихъ заманная книга молитвъ, ирмосовъ, сѣдаленъ, праздничныхъ тропарей и кондаковъ, имъ же написанная. Евангеліе, принадлежащее тому же рабу Божію Иларіону, но печатное, съ вырваннымъ въ началѣ листкомъ и безъ обозначенія даты. Маленькія тетрадки (я насчиталъ ихъ до 11-ти) съ повѣстями о славѣ небесной и радости праведныхъ вѣчной,—выписаны изъ Великаго Зерцала; выписки изъ Четы, слово о разбойницѣ и повѣсть чудна о нѣкомъ старцѣ; выписка изъ соло-

* Извѣстный обычай сохранять за каждымъ лицомъ уличную насмѣшливую кличку въ смыслѣ приватнаго прозвища, болѣе употребительнаго, чѣмъ по отчеству и фамиліи, распространенъ по всей Россіи, не исключая Сибири. Въ Архангельской губ. онъ извѣстенъ подъ оригинальнымъ названіемъ „уличнаго устава“, что и соответствуетъ прямо термину казенныхъ бумагъ, взятому изъ латинскаго языка (*privatus*). Такъ же точно такіа же вторія прозвища сохраняются и за селеніями, помимо ихъ официальныхъ названій.

вещкаго и другихъ монастырскихъ уставовъ о пищѣ, поклонахъ и великомъ постѣ; житіе преподобнаго отца нашего Марка Афинійскаго, бывшаго въ горѣ Фраческой суція обонъ-поль Еѳіопіи; мѣсяцесловъ всего лѣта (писанный весьма красиво), съ обозначеніемъ на поляхъ именъ умершихъ скитниковъ до 1774 года, и проч.

Все это слѣды созерцательной жизни въ полномъ уединеніи и въ совершенномъ удаленіи отъ живыхъ мѣстъ, молчаливо-краснорѣчивая повѣсть исчезнувшей съ лица земли раскольниковъ обители. Въ ней невидимые и невѣдомые жили старцы, неутомимо-богомольные по стариннымъ образцамъ сподвижники и трудолюбивые писатели божественныхъ откровеній и отеческихъ наставленій, какъ жить и молиться и вѣровать—себѣ въ уладу, другимъ на потребу. Все это—та драгоценность, которая оберегалась, какъ непокупная рѣдкость, добытая великими усилиями одного человѣка, выдѣлявшагося отъ прочихъ очевидною добродѣтелью и поразительнымъ досужествомъ. Вотъ и створчатый деревянный образъ, почернѣлый и закоптѣлый до такой степени, что съ трудомъ распознаешь въ бурныхъ просвѣтахъ, на совершенно черномъ фонѣ, признаки Распятія слѣва и Воскресенія справа. Можетъ быть, ему онъ и молился, и, несомнѣнно, со всеусердіемъ. И второе сокровище изъ скуднаго скарба неизвѣстнаго Иларіона, которому онъ также усердно поклонялся и съ вѣрою притекалъ: створчатый же мѣдный образокъ съ изображеніями „св. Филиппа, Николая и прочихъ семи“. Эти образа хранятся въ холщевомъ мѣшечкѣ (должно быть, старецъ ихъ пряталъ, но не ухоронилъ) и тутъ же очки-клещи уже въ качествѣ диковинки очень давней работы, нѣсколько разъ починенной и такъ неискусно, что и очки эти кажутся также самодѣлкой.

Таковы ничтожные по числу и по наружнымъ качествамъ слѣды нѣкогда процвѣтавшей и большой обители Топозерской, славной по всему русскому старовѣрческому міру. Въ настоящемъ случаѣ для насъ это, пожалуй, доскутокъ той канвы, по которой еще можно отчасти возстановить прежній рисунокъ, не прибѣгая къ помощи Копылова и не выпуская, однако, его самого изъ вида, какъ ближайшаго свидѣтеля интересныхъ прежнихъ событій, поучительныхъ и для настоящаго, и для будущихъ временъ.

Изъ тѣхъ въ полномъ смыслѣ мертвыхъ и глубокихъ трущобъ, которыя въ новѣйшихъ учебникахъ географіи носятъ названіе „страны великихъ озеръ“, взялась одна рѣка, рѣдко упоминаемая въ тѣхъ же учебникахъ, но достойная особеннаго вниманія. Во-первыхъ, она не такъ ничтожна по величинѣ своей, потому что протекаетъ 400 верстъ; во-вторыхъ, со своими притоками она образуетъ огромную водную

систему, усиливая теченіемъ пять болѣе или менѣе значительныхъ озеръ и нѣсколько маленькихъ, которыя она прорѣзаетъ; въ третьихъ, глубина ея восходитъ въ нерѣдкихъ случаяхъ выше 12-ти сажень, а ширина до цѣлой версты, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ей удается выбиваться изъ скалъ на широкой просторъ влажныхъ, мокрыхъ и болотистыхъ низинъ. Угрюмо нависшіе надъ прозрачными водами утесы и скалы дѣлають рѣку Кемь дикою и пустынною, но, по Батюшкову, прелестною и въ дикости своей, совершенно іота въ іоту отвѣчающею той странѣ, которая сосѣдитъ съ ней и воспѣта поэтомъ. Близъ самыхъ финляндскихъ границъ беретъ эта почтенная рѣка Кемь свое начало изъ озера Гогарина, въ прямое свидѣтельство этимъ послѣднимъ именемъ о томъ, что русскіе люди издавна спознали рѣку и бывали на ея верховьяхъ. Здѣсь въ Кемь впадаетъ очень порожистая рѣчка Шомбо-Курья, образующая нѣсколько довольно значительныхъ озеръ и между ними Костяное. Это не соединяется ни съ какимъ озеромъ, но отъ него въ $\frac{3}{4}$ верстахъ къ сѣверу лежитъ озеро Пднѣгама, а къ западу отъ послѣдняго, въ одной верстѣ, громадное среди прочихъ сѣверныхъ озеръ Архангельской губерніи Тѣпозеро. Разлеглось оно, какъ безбрежное море, въ низменныхъ болотистыхъ берегахъ въ длину на 90 верстъ и въ ширину (въ самомъ широкомъ мѣстѣ) на 40 верстъ *. Живописца видами своими оно не соблазнить: озеро это не чета сосѣднему Ковдозеру, которое все усыпано зелеными островами, покрытыми рощами и иногда, въ контрастъ и для разнообразія ландшафта, голыми и безжизненными скалами. Приглядѣвшись къ нему, русскіе люди поспѣшили приладить то же при словѣ, каковое приспособлено было ранѣе знаменитому въ исторіи раскола Выгозеру: „сколько дней въ году, столько на Ковдозерѣ острововъ“.

Всѣ эти озера, расположившись гораздо выше береговъ Бѣлаго моря, пустили въ него быстробѣгущія рѣки, — тѣ естественные пути для входа и выхода людямъ, забредшимъ сюда по случайностямъ быта и житейскимъ нуждамъ и вѣлніямъ. Изъ Тѣпозера оказались двѣ такихъ дороги въ живыя и обжившіяся страны Поморья: по рѣкѣ Кемь на городокъ Кемь, который хотя и зачисленъ въ уѣздные, но не больше хорошаго села, и по р. Пднѣгѣ—въ приморскую деревушку Пднѣгаму, совсѣмъ уже маленькую и очень бѣдную. (Изъ Ковдозера рѣка Княжая приводитъ въ приморское селеніе этого уже послѣдняго имени и въ село Ковду). Конечно, всѣ эти пути — не дорѣги даже и въ Архангельской губерніи, прославившейся своею бездорожицей. Они берего-

* Вотъ его сравнительная величина съ прочими самыми большими озерами въ этомъ глухомъ и далекомъ сѣверо-западномъ углу Великороссіи: Ковдозеро въ длину 80, въ ширину 40 верстъ; лапландское Имандра въ длину 80, въ ширину 30 верстъ.

выми кривыми линиями—только указатели такихъ тропъ, по которымъ обязательно надо колесить и дѣлать мучительные, безконечные обходы, но современемъ и при нечеловѣческомъ терпѣніи попадать въ желаемыя мѣста, хотя бы на то же Тѣдозеро. Окрестности его обросли хорошимъ лѣсомъ и на самыхъ берегахъ попадаютъ сосновые участки сплошь годныхъ для построекъ деревьевъ. Если на болотахъ лѣса представляютъ собою малорослый и корявый дровяникъ, то на сухихъ мѣстахъ, по общему для всего сѣвера закону, сосны вырастаютъ крѣпкими, мелкослойными. По числу слоевъ древесины инымъ деревьямъ часто насчитывается 100—120 лѣтъ: растутъ они медленно на мелкой почвѣ, состоящей изъ перегноя, песку, глины, мховъ и супеси, но зато вырастаютъ не спѣша, въ долгій срокъ, до того, что въ старыхъ постройкахъ ихъ не беретъ топоръ, разбрасывая не щепу, а лишь однѣ искры. При трехсаженной вышины они бываютъ 8, 9 и болѣе вершковъ,—товаромъ вполне ходовымъ и настоящимъ. Ему-то и служить, главнымъ образомъ, какъ прямые пути, эти рѣвки, бѣгущія въ море,—пути, также мало надежные и обезпечивающіе. Плотовъ порожистыя рѣвки не допускаютъ, требуютъ сплавовъ бревенъ въ розсыпь, но р. Кемь и такихъ не щадитъ. На ней девять злодѣевъ-пороговъ, которые тянутся по 6 и 7 верстѣ (Бѣлый и Кривой) и иные обладаютъ такою силой паденія, что, несмотря на какія-нибудь 60 сажень длины, какъ Юшъ, и не больше версты, какъ въ Подужемѣ (близъ г. Кемь), ломаютъ крѣпкія бревна въ щепу выступающими тутъ изъ воды рѣзаками—скалами и бойцами—каменьями. На самыхъ короткихъ изъ нихъ спускаться въ лодкѣ нельзя. Только въ самомъ городѣ на морскомъ порогѣ (200 саж. длины) бойкія, шаловливыя и сытыя пѣвуньи женки выучились бороться съ пучиной. Но это уже артисты-акробаты. Онѣ съ малыхъ лѣтъ навываютъ смѣлости и ловкости, которыя ихъ и прославили во всемъ Поморѣ. На верхнихъ порогахъ, несмотря на искусство лоцмановъ, почти ежегодно гибнетъ много кореляковъ (говорятъ, иногда челоуѣкъ по десяти и больше).

Такими-то трудно достигаемыми путями съ едва одолжимыми препятствіями обезпечилось топорозерское жительство старовѣровъ, едва ли не самое отдаленное изъ всѣхъ мѣстъ въ Великороссіи, куда устремлялись гонимые за вѣру. Во всякомъ случаѣ, оно было изъ давнихъ и происхожденіемъ своимъ обязано многолюдному общежителству въ горѣцкому, которое, какъ извѣстно, освободилъ отъ ударовъ своей тяжелой руки даже самъ Петръ Первый.

Преданіе приписываетъ основаніе Тѣдозерскаго скита какому-то боярину, сбѣжавшему во времена стрѣлецкихъ смутъ изъ Москвы, и указываютъ на деревню Княжью, назвавшуюся такъ по имени какого-то князя, поселившагося здѣсь для того, чтобы молиться старымъ крестомъ по стариннымъ книгамъ и предъ древнѣйшими иконами.

Будто-бы этотъ самый князь подкупилъ священника московской церкви Св. Анастасіи на Неглинной рѣчкѣ близъ Кузнецкаго моста (давно не существующей) продать старинный иконостасъ и показать слѣдователямъ, что тѣ иконы, по волѣ Божьей, погорѣли. Самъ Илья Алексѣевичъ Ковылинъ, прославившій Преображенское кладбище, наѣзжалъ сюда въ Поморье для обученія, какъ жить и молиться, однако, самъ изъ поморскихъ ключей бралъ воду своимъ черпакомъ и привезъ съ собою многое множество тѣхъ иконъ. Онъ рассказывалъ здѣсь и хвасталъ, что тѣ иконы взяты имъ изъ нижняго тябла Успенскаго собора, но, тѣмъ не менѣе, Тѣдозерскую часовню этимъ приношеніемъ онъ обогатилъ, возвеличилъ и прославилъ. Наѣзжалъ сюда и позднѣйшій замѣститель его, не менѣе его оказавшій услугъ едосѣвщинѣ вообще и Преображенскому кладбищу въ особенности, настоятель Семенъ Кузьмичъ, послѣ того, какъ выкупился изъ сельскаго общества казенныхъ крестьянъ Владимірской губерніи отъ преслѣдованія тамошняго архіерея и приписался въ мѣщане г. Костромы. Эти сильные умомъ и характеромъ намѣстники-попечители не боялись трудностей пути, чтобы полюбоваться на такую пустынную обитель, которая совсѣмъ удалена отъ всяческихъ соблазновъ и предоставлена однимъ лишь трудамъ и богомыслію.

Уныло, неутѣшительно для воображенія и неласково для глазъ, привыкшихъ къ городскимъ благолѣпіямъ, разлилось это безбрежное озеро Тѣдо на каменистомъ и песчанистомъ ложѣ. Извилистые берега его изрѣзаны заливами такъ, что послѣдніе кажутся отдѣльными озерами и были бы таковыми, если бы узкіе проливы не сливали ихъ съ водной громадой главнаго озера. Въ лабиринтѣ рукавовъ можно заблудиться и умереть мучительною голодною смертію. Безъ проводника здѣсь нельзя обойтись и можно принять за рукавъ и заливъ устье р. Кизи, которая впадаетъ въ озеро, протеки цѣлыхъ 80 верстъ, и истокъ р. Вднѣги, направляющейся отсюда въ Бѣлое море,—и опять затеряться и не выбраться. Острововъ на Тѣдозерѣ немного, и тѣ каменные, покрытые малорослымъ хвойнымъ лѣсомъ, чрезъ что, естественно, унылость мѣста удваивается. Гдѣ-гдѣ выглянетъ по берегу маленькая деревушка кореловъ (и такихъ на цѣломъ озерѣ всего десятокъ) да промысловая избушка, не покрытая кровлей, съ дырой, вмѣсто окна, закоптѣлая и съ каменкой, вмѣсто печи, какъ молчаливый признакъ близости селенія и одинъ изъ намековъ на житейское хозяйство. Такихъ избушекъ для временнаго пристанища, но необитаемыхъ, очень много. Около одной изъ нихъ дырявая лодка и проводникъ для доставки на тотъ островъ, на которомъ расположился интересный скитъ. Отъ берега сулятъ до него вглубь озера 12 верстъ, но лодка ползетъ пять часовъ, а островъ все еще далеконекъ. На пути выплываетъ кое-какой маленькій болотистый островокъ, до того топ-

кій, что далеко по немъ не уйдешь и нигдѣ не присядешь, а отдохнуть надо:—и проводникъ умаялся греблей, и сѣдокъ измучился ожиданіемъ первой половины пути.

— Вотъ здѣсь и будетъ половина, — подсказываетъ корель, хорошо обучившійся говорить по-русски и пріученный креститься большимъ старовѣрскимъ крестомъ, какъ почти всѣ они.

Однако бывалый проѣзжіи этому свидѣтельству не довѣряетъ, помня поморскую поговорку, что „корельскій верстень—поѣзжай цѣлый день“.

Не довѣряя, проѣзжіи переспрашиваетъ и догадливо замѣчаетъ:

— Вотъ здѣсь-то ваша баба, должно быть, и веревку оборвала, и клюку, которою версты мѣряла, бросила и рукой махнула: быть де такъ.

Корель старается весело улыбнуться на замѣчаніе, но снова наводитъ на лицо серьезное выраженіе при отвѣтѣ въ утѣшеніе:

— Задняя половина больше, передняя половина „гораздъ поменьше“.

Опять вода кругомъ, отдающая тою холодноватою сыростью, которая забирается подъ рубашку, но за то, по крайней мѣрѣ, вода эта прозрачная и чистая и на вкусъ очень пріятная. Въ ней великое множество всякой рыбы, тѣхъ, впрочемъ сортовъ, которые не въ почетѣ у поморовъ, пристрастившихся къ трескѣ и палтусу и объѣдающихся вкусною семгой и сельдями. Здѣсь, вмѣсто семги, лохъ (да и то рѣдко). Всего больше въ Тѣдозерѣ ряпусовъ, плотвы или сорогъ, харьусовъ, кумжи (крупной желтоватой форели), ершей, сига, окуней, язей, щукъ и налимовъ (послѣднихъ двухъ архангельскіе поморы зовутъ особыми именами: щуку — штука, налива — менекъ). Весла лодчонки спугиваютъ утокъ. На заднемъ островкѣ изъ-подъ ногъ вышмыгивали кулички. Издалека неся крикъ лебедей и вздымалась, паря надъ водою, ихъ бѣлая, какъ снѣгъ, тучка.

Наконецъ, и скитскій островъ оказался весь на виду и какъ бы длинною стѣной разгородилъ все озеро: длины въ немъ отъ 4-хъ до 5-ти верстъ, ширины до 2-хъ. Почву его хвалятъ, называютъ хорошею. Видна и сильная лѣсная растительность съ особеннымъ исключеніемъ для можжевельника, достигающаго здѣсь до двухъ аршинъ роста. Хвастаются также жители обиліемъ малины и особенно морошки; брусникой покрыты всѣ откосы возвышенныхъ мѣстъ. Рассказываютъ про бѣлыхъ и красныхъ лисицъ, про злую рѣчную прожору выдру. А вотъ тамъ по дорогѣ, гдѣ шумитъ и ломаетъ бревна въ рѣкѣ Кеми порогъ Кривой и гдѣ идущая изъ моря молодая семга встрѣчается съ перезимовавшимъ лохомъ (и ловится во множествѣ), почему-то любятъ держаться медвѣди и олени.

Мало-по-малу, при встрѣчныхъ видахъ, ослабѣваетъ предвзятый страхъ отъ пустыннаго и скуднаго житья. Онъ смѣняется чувствомъ теплаго довольства, испытываемымъ иззябшимъ и оголодавшимъ путникомъ во всякомъ жиломъ мѣстѣ, гдѣ пахнетъ и дымомъ, и навозомъ, и ожидаются ободрительные звуки человѣческаго голоса. Даже собачій лай, всегда докучливый, на этотъ разъ не беспокоитъ, но, дополняя картину, даже нѣсколько радуетъ. Собаки — обычной сѣверной породы: большого роста, съ острою мордой, торчащими ушами, обычно кроткія и терпѣливыя и, конечно, чуткія и сильныя, — одинъ-на-одинъ не боится она схватиться съ волкомъ и вести кровавую борьбу.

Еще больше радуютъ успѣхи человѣческаго труда, который также и здѣсь обязательно вступилъ въ битву и повелъ ее на жизнь и смерть со враждебными силами негостепріимной природы. На скитскомъ острову зеленѣютъ дуга и пересѣкаютъ ихъ перелѣски, но не видать полей: суровость климата и холодная почва съ этой стороны побѣдили, заставивъ положить оружіе. Довольно бываетъ одного мороза, чтобъ уничтожить всѣ надежды хлѣбопашцевъ: попробуютъ — и бросятъ. Вѣрнѣе и надежнѣе оказывается покупной и пожертвованный хлѣбъ. Тѣмъ не менѣе, разведены огородцы, гдѣ воздѣлываютъ съ порядочнымъ успѣхомъ морковь, рѣпу, брюкву и картофель (хотя и выходитъ онъ мелкимъ), но отбились отъ рукъ: огурцы, горохъ и капуста, которые никогда не достигаютъ полной зрѣлости даже въ городѣ Кеми.

Затѣмъ извѣстно, что тамъ, гдѣ завелись бабы, появилась и домашняя птица, гдѣ мужики, тамъ и домашній скотъ. Нацарапываютъ горбушей траву по перелѣскамъ и рѣчнымъ бережкамъ — и кормятъ, а овца привычна ѣсть и осиновый листъ. Умудрилъ Господь отшельниковъ разумомъ и пособилъ придумать подспорье къ корму: олений мохъ, болотный хвощъ и осиновыя вѣтки. Мохъ берется рослый, старый и чистый, т.-е. безъ примѣси опавшихъ листьевъ и разнаго сора. За нимъ плаваютъ на лодкахъ и ищутъ въ боровыхъ мѣстахъ возвышенныя и сухія площадки. Онъ тутъ и сидитъ, сильно переплетеннымъ, но слабо прикрѣпленнымъ къ землѣ корешками, отчего легко отдѣляется желѣзною лопаткой. Эта работа „вздымать мохъ“ — бабьяго досужества: отобрать и повернуть корнями вверхъ, чтобы приставшая къ корнямъ земля просохла. Дня черезъ два встряхнуть моховыя кучи вилами — и готово. Такой мохъ если и отъ дождей намокнетъ, то снова просыхаетъ въ прежнемъ соку и неутраченной силѣ. По первому зимнему пути свозятъ этотъ кормъ въ амбары, возовъ до 20—30 каждый. Когда надо задавать скоту кормъ, перемѣшаютъ мохъ съ сѣномъ и заваряютъ горячею водой. Выходитъ такое кушанье, которое ѣсть всякая скотина охотно и даже отъѣдается, а коровы даютъ жирное молоко, конечно, не безъ запаха мохомъ. Лѣтъ черезъ семь оголенная

моховая площадь снова покрывается этимъ питательнымъ и спасительнымъ лишаемъ. Хвощъ болотный, скошенный даже съ мѣстъ, покрытыхъ водой, и сгребенный для просушки на сухихъ мѣстахъ, скотъ употребляетъ довольно охотно, осиновыя же листья овцы предпочитаютъ даже сѣну хорошаго качества.

Сверхъ этихъ даровъ природы, тѣпозерскимъ отшельникамъ помогали расселившіеся по берегамъ въ древнѣйшія времена обездоленные корелы, привычныя на свою бѣду къ хлѣбу и готовые изъ-за него одного работатать при безхлѣбѣ. Да и въ счастливыя времена они нанимаются за 50—40 копѣекъ въ недѣлю. Здѣсь для молитвенныхъ старцевъ еще новый довольный поводъ и причина для прохладнаго житія, въ которомъ самый неодолимый врагъ—дожучное время; его надо убивать и съ нимъ сражаться въ ту же силу, какъ и съ самою природой.

Изъ-за высокихъ бревенчатыхъ стѣнъ забора, построенныхъ нарочно для того, чтобы скитъ во всемъ походилъ на монастырскую обитель, поднимается три главы большая часовня, подобная церкви. Подлѣ нея отдѣльно стоитъ высокая колокольня, а кругомъ раскиданы въ полномъ безпорядкѣ братскія кельи съ запертыми тесовыми воротами и открытыми у оконъ ставнями, которыя, однако, вопреки поморскому обычаю, не размаLEVаны. Среди прочихъ избъ, величаемыхъ неподходящимъ именемъ келій, возвышается изба большака въ два этажа, или, по мѣстному говору, въ два жила: нижнее жило про себя, верхнее про почетныхъ гостей и важныхъ собесѣдованій. Этой избѣ любой поморъ позавидовалъ бы: такія тамъ бываютъ только у богатыхъ, хотя бы даже у того же Копылова, у Савина въ Керети, у Филатова въ Ковдѣ. Здѣсь тѣ же голубки изъ лучинокъ—досужество умѣлыхъ скитниковъ, прикрѣпленные къ потолку ради украшенія, тѣ же крашенные въ шахматы полы, отъ которыхъ непріятно рябитъ въ глазахъ; покрытые клеенками столы, въ богатыхъ и большихъ окладахъ иконы, какъ главнѣйшее украшеніе, на которое старательно обращено исключительное вниманіе. Нѣтъ такого количества зеркалъ и стѣнныхъ часовъ разныхъ сортовъ, до которыхъ неизмѣнно охотливы всѣ богачи поморы. Нѣтъ картинъ свѣтскаго содержанія, вродѣ разсужденія холостого о женитбѣ, но за то есть картины съ надписаніемъ о томъ, что сосуды съ водой всегда надо покрывать, иначе въ нихъ вселяется бѣсъ, объясненіе лѣстовокъ, дьяволъ смущаетъ молящагося еедосѣвца къ „маханію рукою“, притча о томъ, какъ богачъ звалъ на пиръ, и отчего „они“ не пришли. Есть изображеніе воздушныхъ мытарствъ св. Θεодоры, человѣческіе возрасты, грѣхи и добродѣтели. Наконецъ, въ исключеніе передъ всѣми поморскими богачами, украшающими свои парадныя комнаты картинами, занесенными офенями, здѣсь висятъ портреты всѣхъ бывшихъ поморскихъ большаковъ—настоятелей. Всѣ

эти портреты висятъ безъ рамокъ, всѣ писаны масляными красками и, конечно, всѣ непохожи. Затѣмъ тотъ же посудный навѣсный шкапчикъ, который у всѣхъ свѣтскихъ поморовъ задергивается тафтичкой, а здѣсь онъ въ открытую и на чистоту. Посуда помѣчена особыми наръзками, которыя обозначаютъ три сорта ея: чистую—для настоящихъ еедосѣвцевъ, почтенныхъ, но сердитыхъ, необщительныхъ и довольно грубоватыхъ старичковъ и болтливыхъ старушекъ; новоженскую— для недавно присоединившихся, не прошедшихъ всего искуса, не вникшихъ во всѣ правила соглася, и для тѣхъ изъ православныхъ, которые не курятъ и не нюхаютъ, и мѣршону или поганую посуду на всю прочую братію и на вся христіаны.

Въ большаковой избѣ, сверхъ всего прочаго, опытный глазъ способенъ замѣтить кое-гдѣ въ полахъ люки для спуска въ нижній этажъ, замѣтное множество чуланчиковъ, перегородокъ и дверей, расположенныхъ такимъ образомъ, что представляютъ цѣлый лабиринтъ, изъ котораго незнакомцу трудно выбратся. Имъ, этимъ тайникамъ, чердачкамъ, чуланчикамъ и жилымъ подпольямъ, также нерѣдко связаннымъ между собою подъ землей, даютъ недоброе толковаваніе: ихъ зовутъ вертепами разврата и притонами бродягъ. Для отвода глазъ и для успокоенія подозрѣній, имѣется про всякаго подозрительнаго пріѣзжаго ласка до приторности, радушіе до докучливости и, наконецъ, пряникъ, очень большой и всюду неизбѣжный медовый пряникъ изъ тѣхъ самыхъ, которые нарочно пекутся и привозятся изъ Архангельска. Эти пряники, говорятъ, того же рисунка и величины, въ каковомъ видѣ нѣкогда подносился, по преданію, выгорѣцкими раскольниками самому царю Петру Алексѣевичу. И еще въ подарокъ заѣзжимъ людямъ неизмѣнный и обязательный шелковый поясокъ, въ палецъ шириною, съ молитвою, вытканною бѣлыми руками дѣвушекъ-старочекъ. Онѣ присылаются сюда для обученія грамотѣ и рукодѣльямъ и нерѣдко, за содѣянное увлеченіе, въ наказаніе, чтобы очиститься и возродиться отъ живаго грѣха. Конечно, для сильныхъ и властныхъ, сверхъ всего, то самое приношеніе, которое сохранило здѣсь древнее имя „мзды“, основанное на открытомъ и твердомъ убѣжденіи, что не для чего различать людей и опасаться отъ иного недовольнаго и бранчиваго отказа отъ денежнаго приношенія: „въ восьмой тысячѣ лѣтъ толку не встанетъ“. Подноси, значитъ, первому, лишь только вспадетъ на умъ сомнѣніе, что онъ изъ опасныхъ и вліятельныхъ.

Все въ скиту предусмтрѣно и предуставлено: мужчины, если не спятъ и не ѣдятъ, занимаются чтеніемъ и перепиской книгъ, для чего у грамотныхъ двѣ чернильницы, изъ которыхъ одна непременно съ кинварью. Женщины всѣ за рукодѣльемъ: обшиваютъ и починяютъ. Всѣ изъ жарко-нагрѣтыхъ и душныхъ келій, степенною чередой, съ лѣнливою перевалкой засидѣвшихъ и ожирѣвшихъ въ безработное время

суровой осени и долгой зимы, ежедневно ходятъ въ часовню. Она дощатою переборкой, немного выше человѣческаго роста, раздѣлена на двѣ половины: правую—мужскую и лѣвую—женскую. Здѣсь-то строгіе большаки, помогая коротать досадное время въ пустынномъ уединеніи, держатъ на ногахъ свою паству: на утрени—шесть часовъ, на часахъ—два часа и на вечернѣ съ правиломъ—три часа.

Такія длинныя церковныя службы являются на выручку въ скукѣ и на нѣкоторую усладу отшельнической жизни для тѣхъ, кто ощущаетъ въ себѣ силы и тоскуетъ по волѣ и бездѣльемъ. Затѣмъ крѣпительный, послѣ часовеннаго утомленія, что называется, въ растяжку—сонъ, который такъ и слыветъ въ Поморьѣ подъ названіемъ „скитскаго“. „Пришелъ сюда этотъ сонъ изъ семи селъ, а съ нимъ пришла и лѣнь изъ семи деревень“.

Приглядѣвшіеся къ тѣмъ позерскимъ работамъ прямо-таки увѣрили въ томъ, что и работаютъ скитскіе не столько для дѣла, сколько съ цѣлью убить время. Работа ихъ медленная, хуже поденщины; всякое дѣло они нарочно затягиваютъ. Помогаютъ длинные переходы и переѣзды къ мѣсту работъ, оттого разстоянія имъ становятся ни почемъ, потому что собственно спѣшить не куда, да никто и не ждетъ. Дальніе переѣзды и все равно переходы становятся для нихъ даже нѣкотораго рода удовольствіемъ: идешь—не работаешь. Исключительное положеніе на островѣ уединеннаго озера вынудило съ самодѣлкамъ и оттого мебель самой грубой топорной работы не потому собственно, что нѣтъ мастеровъ и инструментовъ (все привезутъ), а именно отъ неохоты приложить свои способности вмѣстѣ, гдѣ за труды не платятъ и даже некому похвалить. Ёда скитская тоже особенная, т. е. частая и всякій разъ протяженная. Хотя вообще сѣверные люди, какъ всѣ жители холодныхъ странъ, ѣдятъ много, скитскіе и изъ этого занятія сдѣлали работу, убивающую время, и удовольствіе пріятнаго и легкаго труда. Именно тотъ и скитскій трудъ, который легокъ: кошельки вязать, полуустановомъ писать, перекоряться, перебраниваться, голубковъ клеить, бураки расписывать, сплетни разводить, ревновать, вино испивать, по мѣткой пословицѣ—„жить въ скитахъ въ тѣхъ же суетахъ“. Кстати здѣсь же выучивались пѣнію духовныхъ стиховъ и старинныхъ богатырскихъ былинъ старые старики и молодая бабы (отъ одной изъ нихъ, выселившейся въ деревню Поньгаму, я ихъ нѣсколько слышалъ и всѣ записалъ). Впрочемъ, такой уже и народъ сюда подбирался съ обязательнымъ сильнымъ перевѣсомъ женскаго пола надъ мужскимъ, какъ явленіе общее и рѣзко выдающееся не только въ еодосѣвщинѣ, но и во всемъ старообрядствѣ. На этотъ случай такая и поговорка сложена: „мужъ ревнивъ, попъ глумливъ, свекоръ сердитъ—пойду въ скитъ, пойду по вѣрѣ“. По вѣрѣ идти, то же что „переправиться въ старовѣры“ предпочитаютъ старики лѣтъ за 50,

преимущественно вдовы и засидѣвшіяся дѣвки, лѣтъ послѣ 30-ти, и затѣмъ по пословицѣ: „живутъ по вѣрѣ, а пьютъ по полумѣрѣ“.

При наружномъ благочиніи, въ несомнѣнномъ довольствѣ на всемъ готовомъ и при внутреннемъ, душевномъ, безмятежномъ спокойствіи процвѣталъ Тѣпозерскій скитъ въ особенности въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Процвѣталъ онъ, именно благодаря богатой московской федосѣевщинѣ, высоко разцѣнившей его значеніе и услуги въ гонительное время 30-хъ, 40 хъ и 50 хъ годовъ. Москва взяла его подъ свою защиту и прислушивалась ко всѣмъ его нуждамъ, и побаивалась недовольнаго ропота, и не скупилась никакими денежными жертвами и разными приношеніями. Дорогостоялъ этотъ болотистый островокъ и этотъ деревянный скитокъ не для кармана только, но болѣе для души. Не даромъ же, когда почуялись первые признаки надвигавшейся бури-урагана, преображенскій настоятель Семень Кузминъ рѣшился послать сюда на три года своего лучшаго друга, правую руку и такого „твердаго адаманта“ вѣры, каковымъ былъ московскій мѣщанинъ Наумъ Васильевъ. Митрополитъ Филаретъ поручалъ увѣщевать его избранному ученому священнику законоучителю кадетскаго корпуса, и не имѣлъ успѣха. Не даромъ тотъ же Семень Кузминъ поддерживалъ и Копылова. Онъ приставилъ его стражемъ Тѣпозерской обители какъ разъ на перепутьѣ. На самомъ прямомъ поворотѣ въ ту надежную хоронушку сидѣлъ онъ, одаренный большимъ умомъ, ловкостью и изворотливостью, и, притомъ, пользовался большимъ значеніемъ и вліяніемъ не въ одной лишь Кемі.

— Я видѣлъ у него этого московскаго гостя,—разсказывалъ мнѣ житель Сумскаго посада Демидовъ.

Этотъ Демидовъ извѣстенъ былъ въ это время, какъ самый искусный строитель судовъ, охотно и разумно, между прочимъ, подѣлившійся со мною многими интересовавшими меня свѣдѣніями по специальной задачѣ морского министерства. Разсказывали про него, что онъ разъ не только удивилъ всѣхъ, но и насмѣшилъ, въ то же время. Заказали ему судно: онъ на снѣгу палкой намѣтилъ чертежъ, по немъ сбилъ лекалы и построилъ судно не хуже прежнихъ. Ходило оно въ то лѣто уже на пятой водѣ, какъ выражаются тамъ, т.-е. пятый годъ. По вѣрѣ Демидовъ былъ строго-православнымъ.

— Пришелъ я къ нему поговорить... не о вѣрѣ. Зачѣмъ про то? Онъ твердо зналъ, что меня не спихнешь. Пришелъ я къ нему подряжаться строить лодью. Не хотѣлъ онъ шкуны ладить, не глядя, что Савиновъ другую себѣ шкуну заказалъ. „Св. отцы,—говорилъ,—ходили на лодяхъ, а не на шкунахъ. Зачѣмъ же я буду поганиться?“ Вошелъ я къ нему, и на образа его не молился,—знаю, что не лю-

бить, да еще и зарычить. Крутенежь онъ! А московскій гость тутъ и сидить и не глядитъ на меня, словно смекнулъ, что мы ужъ про него слышали, да молчимъ о томъ, такъ какъ это совсѣмъ не наше дѣло. А Копыловъ такъ-то круто повернулъ ко мнѣ, да и загадалъ загадку.

Демидовъ перемѣнилъ тонъ, въ которомъ слышалась и сдержанность: не болтнуть бы чего неладнаго, и опасливость: не проговориться бы въ чужое осужденіе до грѣха. По улыбкѣ его было видно и по самому тону слышно, что подѣлаться ему хочется, потому что загадка самому очень нравится и кажется ему, что умно она сказана. Вѣроятно, рѣшивши про себя, что меня больше занимаетъ то, какъ суда строить, да рыбу ловятъ, а его разсказъ будетъ по пріятельству мимолетнымъ, онъ продолжалъ:

— Такъ-то круто онъ ко мнѣ повернулся и таково-то истово спрашиваетъ: „Какъ лучше въ шашки играть, скажи-ко: въ поддавки или на прямую?“

— Въ поддавки, молъ, скучновато.

— Анъ, весело!—отвѣчаетъ, да и ногой притопнулъ и слова тѣ самыя выкрикнулъ.

— Кому, молъ, какъ.

— А у насъ, вишь, уговоръ такой, что у него съ перваго хода дамка и стоитъ на большой дорогѣ.

— Ну, ужъ это что же за игра,—говорю ему;—надо бросить.

На эти слова мои, слышу, гость его хихикнулъ довольно громко.

— Да какъ бросить-то? Вѣдь, всѣ тебя обступили, всѣ на тебя бѣльма вылупили и вопять: продолжай! И въ бока толкаютъ, и въ спину тычутъ. Иной разъ, можетъ, онъ и впрямъ зазѣвается, поддастъ, а я и фукнулъ. Взялъ шашку-ту, да и забоялся,—ой, не къ добру! Онъ со злымъ умысломъ поддалъ, въ такое мѣсто запереть хочеть, что и ходу не будетъ. Въ краску тебя ударить, за ушами загорить. А играть надо,—велить.

На эти слова гость его опять прихихикнулъ.

— Въ поддавки, Иванъ Демидычъ, тѣмъ хорошо, что на большой соблазнъ навести можно. Онъ начнетъ жадничать, веселиться, выхвастываться, заторопится,—глядь, и зазѣвался, а я и поймалъ, и игру выигралъ: оно мнѣ и хорошо. Всѣ меня похваляютъ и благодарятъ. Такъ-то!

Онъ говорилъ, а я все думалъ, къ чему его такія рѣчи? Да ужъ когда вышелъ отъ него, да шапку надѣлъ, тогда ужъ догадался. Настало, знать, время смиренія, чтобы пуще хорониться и поглядывать и не зѣвать. Нѣтъ у нихъ, честной господинъ, настоящей такой прямой рѣчи, все какъ-то въ околесную. Водить онъ, водить тебя всякими притчами, такъ что иной разъ обидно станеть. Брось,

молъ, обинякомъ,—говори прямикомъ. Почему и зачѣмъ, какъ ваша милость думаетъ?

— Отъ привычки скрывать свои мысли, какъ преслѣдуемые и напуганные. Извѣстно, что у нихъ даже языкъ особый придуманъ, на образецъ того, какъ говорить ваши „торгованы-вязниковцы“.

— Напуганы они точно что вдосталь. Вотъ и Копыловъ не таковъ былъ до бѣды своей; знавалъ, вѣдь, я его и въ раннюю пору.

— Добрѣе бывалъ? Не прижималъ, не бранился?

— Жиловать-то онъ и допрежъ былъ: въ денежкѣ жаденъ. Грѣховъ по нашему крестьянству довольно-таки онъ набрался и перепачкался въ нихъ. Утѣснитель онъ и въ ту пору былъ. Я не про то... Послѣ той бѣды онъ рѣдко сталъ изъ дому выходить, словно бы въ себя ушелъ и затворился тамъ. Выходить когда на улицу, такъ, кажись, затѣмъ только, чтобы побрехать, какъ собака, поругаться съ кѣмъ ни доведется и кто первымъ на глаза вскинется. Въ разговорахъ на-глазъ такъ и норовить ударить тебя подъ сердце обиднымъ словомъ. Перевернуло его.

— А какая бѣда?

— На ученаго попа наскочилъ.

— Привели его къ нему или самъ пришелъ?

— Добро бы такъ, анъ нѣтъ: самого нанесло, доброхотно. Человѣкъ онъ гордый. Объ себѣ полагалъ всегда довольно много: и цѣны-де такой нѣтъ, чего я стою. Вѣрно тутъ, однако, то, что онъ точно былъ начетливъ и собачливъ по ихнимъ спорамъ,—всѣмъ про то было вѣдомо... А онъ и вздумалъ пойти къ ученому попу собой хвастать. „Можетъ быть,—говорилъ,—я что и неправильно думаю, такъ пускай онъ мнѣ докажетъ. Я послушаю“. Пріѣхалъ онъ обратно изъ города-то, какъ палками избитый. Однако, на первыхъ порахъ сгоряча самъ рассказывалъ про свою бѣду—гнѣвъ свой изливалъ и себя утѣшалъ. И я слыхивалъ отъ него. Теперь ужъ онъ объ этомъ не рассказываетъ, да и вообще на рѣчи-то туговать сдѣлался, неохотливъ. Глядитъ теперь волкомъ на всякаго съ той самой неладной поры.

Откровенность моего словоохотливаго собесѣдника доставила мнѣ возможность услышать и запомнить этотъ рассказъ о копыловской бѣдѣ въ томъ самомъ видѣ, какъ отъ него самого былъ полученъ.

„Велѣлъ онъ меня допустить. Хоромы богатые. Одѣяніе на немъ шелковое, сплошь голубое, а въ рукавахъ бѣлая подкладка. Голова и борода расчесанныя. Я ему обсказался, за чѣмъ пришелъ издалека и чего хочу. Онъ на меня воззрися и говоритъ таково-то мягко: „Поди-ка ты отъ меня прочь, да куда нибудь подальше съ глазъ. Я съ тобой о такомъ высокомъ предметѣ и говорить-то за стыдъ поставляю.“

Умѣститься ли подъ твоею нечесаною, косматою головою такой премудрости, какая отъ вѣковъ заповѣдана?“

„Я было ему изъ писаній про примѣры совопросниковъ, съ которыми вступали въ пренія и разговаривали. Его въ краску кинуло. Заговорилъ крикливо: „Такъ нешто и мнѣ съ тобой теперь заниматься преніями? Ты вонъ какъ на меня косо глядишь и сердито. Я, конечно, тебя не боюсь. А приходи ты лучше ко мнѣ на задній дворъ: тамъ у меня, привязанъ на цѣпи къ стойлу, бодливый быкъ стоитъ. Я его велю выпустить, — попробуй съ нимъ пободаться: чей лобъ крѣпче?“

„Я ему опять вставилъ свое слово, — осмѣлѣлъ я на такія обиды. А онъ въ отвѣтъ: „Знаю, вѣдь, я очень хорошо. Слышалъ, слышалъ про то, что въ вашемъ потребникѣ алую-то строчку великій человѣкъ читалъ и одобрилъ. Да это мнѣ ни къ чему. Развѣ книга та богодухновенная, угодникомъ написана?“

„Тутъ ужъ я и уста замкнулъ, говорить съ нимъ пересталъ. Собрался я уходить, а онъ не отстаётъ и глазами сверкнулъ:

— „Чего, вѣдь вы тамъ на лѣсной-то волѣ да въ темныхъ кутахъ своихъ не надумаете! Поди-знай, что никого-то на всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣту лучше васъ. Затворяй-ка дверь-то поплотнѣе.

„Черезъ день-другой пришли за мной на фатеру, взяли и посадили. Посидѣлъ я довольно-таки. Вздумали и порѣшили, что я ничего такого согрубительнаго, за что наказуютъ, не говорилъ. Выпустили меня. Однако, ни бороды, ни волосъ не стригли, — стало быть, на чистоту простили“.

Демидовъ толковалъ мнѣ потомъ:

— Я полагаю, что съ того времени онъ не только въ нашихъ мѣстахъ въ славу вошелъ, но стали его знать и понимать въ самой Москвѣ. И впрямъ, какъ твоя милость вымолвилъ: сталъ онъ человѣкомъ напуганнымъ, да и надо правду говорить — ушибленнымъ. Пошелъ Копыловъ крутить, огороды городить: куда вернетъ — тамъ и улочка, куда махнетъ — съ переулочкомъ. Скажу прямо: изъ Москвы ему посылали большія деньги: онъ грошъ на Тѣпозеро, пятакъ себѣ за сапогъ. На грошахъ у него чуть не города вырастать стали, а онъ молчитъ, да свое долбитъ: дятель — птица упрямая и осторожливая. Копылова ни видать, ни слышать, а всѣ дѣла онъ одинъ дѣлаетъ. Вездѣ онъ поспѣлъ: прибылыхъ проводилъ, настоятелю деньги свезъ, властей ублаготворилъ, тебя подсмотрѣлъ; отписалъ въ Москву о томъ, о семъ, оттуда получилъ вѣсти и повѣсти, да честныя денежки. А ухо у него, какъ у лисы: торчитъ оно, насторожено, прислушивается. Не по нашимъ мѣстамъ этотъ человѣкъ. Лучше, какъ бы взяли его совсѣмъ на Москву и не спускали бы его оттуда...

Пошелъ Демидовъ на откровенность, развернулъ, ударился въ подробности.

Къ этому времени Демидовъ относитъ самую лучшую пору процвѣтанія Тѣпозерскаго монастыря, когда въ немъ повѣшены были красные звоны; появились рѣдкостныя иконы (одна, по его словамъ, стоила больше тысячи рублей); примѣтно прибавилось народу на жительство. Стали тамъ свои иконы пописывать и завели ими торговлю въ добавокъ къ тѣмъ рукописнымъ книгамъ и вышитымъ поясамъ, которыми издревле снабжалось Поморье все оттуда же. Та паутина, которую плелъ искусникъ, сидя на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ и которою достаточно твердо обмоталъ онъ всѣ разбросанныя еедосѣвскія общины, болѣе крѣпкою нитью своей зацѣпилась за островокъ на Тѣпозерѣ.

Въ Тверской губерніи, въ Вѣсегонскомъ уѣздѣ, крѣпостные крестьяне завели моленную. Помѣщикъ, генералъ Мавринъ, на это разсердился, вздумалъ преслѣдовать, началъ круто тѣснить своихъ мужиковъ. Они доброхотно часовню свою уничтожили, но сами взяли, да и разбѣжались всею деревней и прямо ушли на Тѣпозеро, гдѣ, конечно, ихъ любовно приняли и обогрѣли.

Сюда изъ большихъ городовъ сѣверной Россіи, такъ же увѣрен но шли всѣ тѣ изъ ревностныхъ еедосѣвцевъ, которымъ опасно было оставаться въ родныхъ мѣстахъ. Для облегченія путешествія къ тому времени сокращенъ былъ путь отъ г. Кеми до скита на цѣлыхъ двѣсти верстъ: кривыя дороги, указываемыя теченіемъ рѣки съ притоками, были обойдены, тропы облажены. Кое-гдѣ гатями и мостами улучшены были дороги для верховыхъ вьюковъ и наставлены примѣты для саннаго пути на снѣжное время. Дорога же до Кеми по сѣвернымъ губерніямъ, по Волгѣ на Мологу и далѣе, была надежно обезпечена весьма скрытыми переходами по селеніямъ и общинамъ единомышленниковъ. Добирались до Кеми безъ всякихъ паспортовъ и снабжались изъ Москвы таковыми лишь болѣе дорогіе и важныя для секты люди, увлеченные надеждою спасенія во святой пустынной жизни, искренніе ревнители. Брели слѣдомъ за этими и всѣ тѣ, которые рассчитывали обезпечиться совершенною свободой отъ всякихъ податей и полною независимостью отъ властей. Поговаривали и такъ, что сюда же изъ Москвы прятали и тѣхъ, которые тверже были въ вѣрѣ, да нечисты въ дѣлахъ, совершили что-нибудь несодѣянное, за что строго наказываютъ по закону.

По мѣрѣ увеличенія населенія, а съ нимъ и нѣкоторыхъ стѣснительныхъ неудобствъ въ общежитіи, явилась надобность, какъ и во всякихъ другихъ большихъ монастыряхъ, въ отдѣльных поселеніяхъ, настоящихъ скитахъ. Кучками въ 3—5 избушекъ стали вселяться съ глухого озера на приволье береговъ самаго моря и на его мало-мальски подходящіе острова. Стариннымъ знакомымъ способомъ выселковъ стали распространяться селенія въ видѣ займищъ на

новяхъ и починками на давно покинутыхъ, но нѣкогда воздѣланныхъ пустошахъ. При московскихъ пособіяхъ дряхлѣющій сѣверъ Россіи началъ примѣтно оживать и несомнѣнно увеличиваться населеніемъ. По всѣмъ признакамъ ясно было, что это дѣло не остановится, — дальше пойдетъ.

Какъ устраивались скитами на Ковдозерѣ, на Возмозерѣ, такъ не побоялись построиться кельями и на болѣе видныхъ мѣстахъ. По рѣкѣ Ковдѣ выбрались къ деревнѣ Гридиной (близъ Керети) и основали здѣсь пустынь Иванькову. Тѣ, которые выходили съ Топозера по рѣкѣ Кеми, обстроились скиткомъ близъ города Кеми и назвали это мѣсто Мягригой. На морѣ, на лудѣ (каменистомъ небольшомъ островѣ), наз. Великой, также указывали мнѣ мѣсто бывшаго жилья пустынниковъ. Между Сорокой и Кемью на островѣ Палтамъ Корга стояла извѣстная гробница утонувшей дѣвицы, при маленькой деревянной часовнѣ, и гробница нѣкогда покрывалась тремя шелковыми пеленами съ наметами на нихъ серебряными большими крестами и т. под.

Во время переѣзда на шкунѣ Егоръ Старковъ то и дѣло рассказываетъ про святыя мѣста и указываетъ ихъ во-очію.

Егоръ, указывая и рассказывая, заключилъ свою рѣчь, по извѣстной привычкѣ своей къ вычитаннымъ книжнымъ изреченіямъ: — Тако да просвѣтитсѣ свѣтъ ихъ предъ челоуѣки и да видятъ добрыя дѣла ихъ.

На одномъ изъ острововъ, называемомъ Кильяками, стоитъ также пустынька и въ ней, при часовнѣ живетъ 30 старушекъ.

— Ходятъ ихъ нанимать на акаѳисты, соглашаютъ читать канонъ за единоумершаго. Когда нанимаютъ церковные (т.-е. православные), онѣ такъ и уговариваются: „Мы будемъ у васъ читать, только съ тѣмъ, чтобы вы сами на то время не молились. Не то мы перестанемъ и уйдемъ“. Соглашаются. Ихняя молитва очень доходлива, — продолжалъ объяснять Егоръ.

— Вотъ сколько я насказалъ тебѣ, а многихъ обителей и самъ еще не знаю.

И вздохнулъ:

— Прощѣла есть пустыня, яко кринъ Господень, — промолвилъ онъ по своему привычному обычаю.

— Кто же эти старцы, выселившіеся изъ Топозера: тѣ ли, которыхъ за древностью лѣтъ надо было снимать съ хлѣбовъ долой, или ужъ самые опытные и искусные въ дѣлахъ вѣры и поученій, пригодные и полезные на не початыхъ мѣстахъ?

За Егора объяснилъ мнѣ уже Демидовъ:

— Всяко бываетъ. Однако, въ послѣдніе годы стали появляться такіе люди въ такихъ мѣстахъ, гдѣ допрежъ не водились: много на-

роду перестало ходить въ церковь въ Шижиѣ, въ Сорокѣ, въ Шуѣ и у насъ, въ Сумахъ. А про старушекъ, которыхъ я знаю, могу сказать, что всѣ онѣ круто просоленыя. Хозяйственныя дѣла вести всякими богомольными способами—нѣтъ ихъ лучше, мужикамъ ихнимъ за ними далеко не поспѣть. Всѣ онѣ — начетницы. Водятся между ними такія, что умѣютъ руду заговаривать божественными и мірскими заговарами. Знаютъ робятъ повивать. Плачемъ на могилки отъ нихъ хорошія наймутся. Какъ завидятъ карбасъ, такъ сейчасъ становятся на молитву и гудятъ разными голосами, точно тюлени на залежкахъ... У насъ, въ Поморѣ, давненько-таки замѣчается такой обычай. Спросишь инога: какой, молъ, ты „по вѣрѣ“? „Православный,—скажетъ,— а вотъ состарѣюсь,—приму старую вѣру“. Пойдетъ къ этимъ—макушку на головѣ выстрижетъ, чтобы благодати сверху вольнѣй было входить въ его потупѣлую голову. Вотъ и знакомца твоего керетскаго, Савина, недавно тоже въ скитъ на Топозерѣ возили, и тамъ его перекрестили и перемазали. Топозерскій скитъ натворилъ по этой части большихъ смуть и много грѣховъ на душу принялъ. Мужиковъ все еще возятъ туда; а вотъ эти самыя старушки по маленьку, да по охоткѣ исповѣдываютъ и перекрещиваютъ все наше бабье государство. До „гонительнаго-то“ времени росли эти скиты, какъ грибы. Далеко ли до Выговецкихъ-то, пустынь?—Отъ Сороки рукой подать и путь прямой.

— Ими оживлялись пустыня и заброшенныя страны, заселялись такіе острова, которые всѣмъ казались ненужными и неудобными,— замѣтилъ я.

— Хорошо и такъ сказать. Если говорить по-твоему, то и впрямь выйдетъ на то, что жили иные тамъ порато догадливые. Дорогу-ту ко спасенію ходили съ запасомъ отъ доброхотныхъ подаяній. Ограждались отъ скуки пустыннаго житія здоровыми женками. Онѣ имъ помогали поклоны считать. Надо разговаривать и по другому. Зачѣмъ они робятъ топили? Зачѣмъ не поднимали ихъ на ноги, не учили ихъ грамотѣ, хотъ бы и по-своей? Все, вѣдь, это по нашимъ мѣстамъ едино-единственно, а онѣ проклятымъ дѣломъ—за ножки, да въ воду. Исправникъ-отъ къ нимъ когда пріѣдетъ, чѣмъ пужалъ ихъ, когда деньги хотѣлъ собрать? „Бросьте-ка,—говорить,—неводокъ: мнѣ вашей рыбки захотѣлось, не попадется ли кумжа, хороша она вареная съ хрѣномъ; я люблю ее“. Они ему въ ноги, начнутъ плакаться, за-трусятъ: неровенъ часъ, ребеночка сѣти вытащать...

— Вѣдь, это ты, Демидычъ, съ чужихъ словъ! По Россіи обо всякомъ скитѣ подобное же рассказываютъ. Какъ же понимать теперь: люди ли богомольные живутъ тамъ, или волки лютые и свои черева ѣдятъ? Мнѣ поньгамская старуха рассказывала, совсѣмъ мимоходомъ, что она, когда родила въ Топозерѣ на мху сына, то его

возростила и потомъ круглый годъ кормила учителя. Изъ-за хлѣбовъ одного года онъ паренька выучилъ и псалтыри, и часослову. Я этого мальчика своими глазами видѣлъ. Въ Москвѣ новорожденныхъ своихъ еедосѣвскія бабы и дѣвки подкидывали на Преображенское кладбище и для нихъ имѣлся тамъ особый пріютъ, называемый „дѣтскою палатой“. Чтобы не переполнялась она, закуплены были чиновники казеннаго воспитательнаго дома: дѣти на казенный счетъ вырастали и возвращались родителямъ. Объ этомъ хорошо знали и доносили по начальству тѣ чиновники, которые приставлены были тайно слѣдить за дѣлами московскихъ еедосѣвцевъ. Умершихъ ребятъ также принимали на кладбище, завертывали въ миткаль и хоронили. Бывали часто и такіе случаи, что зачисляли живыхъ подкидышей въ списки умершихъ, къ свѣдѣнію полицейскаго начальства, именно съ тою самою цѣлью, чтобы скрыть ихъ въ какой-нибудь изъ единомышленныхъ общинъ въ Москвѣ или отправить въ надежныя руки въ деревню. Попавшіе въ воспитательный домъ не выпускались изъ виду, и когда потребовали оттуда возвратившихся на Преображенское кладбище, настоятели придумали хитрую уловку. Такъ, между прочимъ, на первой Мѣщанской извѣстно было большое заведеніе одного еедосѣвца для издѣлія лакированныхъ кожъ. Онъ забралъ къ себѣ, съ разрѣшенія опекунскаго совѣта, пятьдесятъ воспитанниковъ изъ пріемышей кладбища, кормилъ ихъ, обучалъ своему мастерству: это и закономъ дозволялось...

Эти слова мои перебилъ и озадачилъ собесѣдникъ мой необыкновенно энергически-высказаннымъ замѣчаніемъ. Онъ при этомъ всталъ со скамьи, оперся обѣими руками о крашеный шахматами круглый столъ на одной фигурной, толстой ножкѣ (обычный въ лучшихъ поморскихъ избахъ). Оперся онъ о столъ, словно вызывалъ меня на кулачный бой, и выпрямилъ спину. Я какъ теперь вижу эту еще незнакомую мнѣ и непривычную позу всегда сдержанно-спокойнаго и выдержанно-разсудительнаго человѣка.

— Я тебѣ вѣрю: вотъ истинный Христосъ! Всѣмъ словамъ твоимъ вѣрю. Отъ своихъ словъ отрекаюсь. Одни эти дѣла ихъ и сомущали мою душеньку. Я пыталъ узнать правду, да въ нашихъ забвѣнныхъ мѣстахъ спросить было не у кого. Спасибо тебѣ большое! Теперь вижу ее, всю правду вижу.

Онъ поклонился низко и, понизивъ тонъ, заговорилъ уже поспокойнѣе:

— Спрошу я тебя въ упоръ, какъ того хочется мнѣ. Скажи теперь по-божески, въ такую же силу, какъ я съ тобой доселѣ говорилъ, всю подноготную правду скажи: за что ихъ всѣхъ разорили? Копыловъ отъ нихъ только нажился, чортъ съ нимъ. Я объ немъ не думаю, его не жалѣю. Такихъ злодѣевъ, что пьютъ крестьянскую

кровь, по нашимъ мѣстамъ на каждое селенье приходится по одному... хочешь сосчитаю? За что за одного виноватаго всѣ прочіе разорились? Вотъ о чемъ я всѣхъ спрашиваю. Бракъ они отменяли, это вѣрно. Такъ, вѣдь, и на Топозерѣ, по слухамъ, раздоръ былъ, проявились новожены, безъ бабы соскучились: дай-де мнѣ такую, чтобъ я ее одну только и зналъ. Стали и тамъ поговаривать: женившіеся не согрѣшаютъ, бракъ чистъ, ложе нескверно и неблаженно. Да и впрямъ, прости Ты меня, Господи! Почему тѣ ихнія бабы—невѣсты Христовы въ прекрасныя ризы облачаются, какія-то свѣтильники куютъ, а моя вѣрная жена—сатанина свинопасица до самаго смерти? Съ мужемъ живетъ, такъ якобы, на руки и ноги узы желѣзныя надѣваетъ? Писано это у нихъ, въ ихнихъ книгахъ, самъ я читалъ. Да, вѣдь, мало ли что сказать и написать можно? Покажи дѣла!..

— А я опять къ своему же вернусь... Зачѣмъ ихъ разорили? Давай теперь считать и смекать. Первое — устроили они жительство, какъ быть тому подобно. Вѣдь, Топозерскій-то скитъ былъ втрое больше самаго города Кеми. Второе сказать — огородцы развели. Похвали ихъ зато! Подати они не платятъ: такъ и всѣ монастыри на одинаковомъ положеніи. Ну, да ладно. Этимъ дай повелѣнье платить и не вели числиться монастырскими. Пускай себѣ куфтырки для дому носить, ничему не мѣшаетъ, а подати плати. Бѣглыхъ они въ чуланъ прячутъ и въ подпольяхъ держатъ, — сосчитай сколько; выведи и накажи. Изъ книгъ царскій титулъ вырываютъ, — вотъ тутъ ты и прикрикни во весь голосъ и притопни ногой, и такъ накажи, чтобы искры изъ глазъ посыпались! Накажи такъ-то, да и напередки большимъ кулакомъ пригрози, чтобы не повадились, ахъ, молъ, вы, сатаниновы внуки, чортовы братья, погибельные сыны адскаго титана преисподняго.

— Накажи виноватыхъ, зачѣмъ всѣхъ разорять?—продолжалъ Демидовъ допытываться уже совершенно спокойнымъ тономъ.

Послѣдній, несмотря на свою вопросительную форму, не вызывалъ, однако, на отвѣты. Да, собственно, и не были они ему желательны, именно потому, что вопросы заранѣе рѣшены имъ домашними средствами и безъ чужой помощи. Онъ, просто сказать, разговаривалъ потому, что опять впалъ въ повѣствовательный спокойный тонъ.

— Довелось мнѣ прошлою зимой, на Николу (въ 1857 г.), быть въ Шунгѣ на ярмаркѣ: свою треску продавалъ и бѣлку пособралъ, песцы были — привезъ. Послышалъ я тамъ про недавнее выговское разоренье. Любопытенъ я съ самыхъ малыхъ лѣтъ: хочу знать про все разное не для другихъ—для себя одного. Хотя и не по пути прямому было, да, вѣдь, и крюкъ небольшой: завернулъ туда посмотреть, что это такое за разоренье бываетъ,—не видывалъ. Порѣшилъ я ѣхать въ Сюземки, такъ ли, не такъ ли, а ѣхать.

— Пріѣхалъ туда, и что я тамъ увидѣлъ?

— Сюземками (на вопросъ мой объяснилъ Демидычъ) по нашимъ мѣстамъ такъ звали тѣ пустынные мѣста за то, что тамъ стоятъ дремучіе лѣса сплошь, чортово мѣсто, одно слово сюземка. Церковь печатями запечатана и окна закрыты ставнями, а къ нимъ тоже красныя печати приложены. Можно и дома молиться,—подумалъ я,—затвори клѣтъ и тамъ помолись: Господь вездѣсущъ, увидитъ и услышитъ. Колокольная превысокая стоитъ, а колокола сняты съ нея. Пролеты съ просвѣтомъ таково-то уныло глядятъ. И тяжело мнѣ стало на душѣ. Зачѣмъ такъ? Чѣмъ звоны виноваты? Ну, да пушай въ другомъ мѣстѣ сзываютъ эти колокола на молитву, гдѣ бываетъ нечѣмъ (слыхалъ я, что гдѣ-то тамъ, за Двиной, личный колоколъ виситъ, лыками оплетенъ). Избы заперты и запечатаны—точно кладбище. Заглянулъ я на настоящее, а тамъ стоятъ кресты поломаны, кои повалены. А было то мѣсто свято, я это давно зналъ: тысячи народу сходились туда поклоняться гробамъ: братьевъ Денисовыхъ, Данилы Викулыча и сестрицы Денисовыхъ Соломонида * и ихъ тетки. Отъ насъ туда ходило великое число всякаго народу. Заборы въ скиту гдѣ сломали, гдѣ повалили. Поглядѣлъ я—и словно пешней мнѣ подъ сердце ударило! Входъ на кладбище запертъ и запечатанъ, подъ заборомъ его сидятъ остатныя старицы — завидѣли меня, — и плачутъ. Взглянулъ я на нихъ, да и самъ заревѣлъ и стегнулъ по лошадакъ, чтобы кому-нибудь на глаза не попасться. Были тѣ жительства обширныя и прекрасныя. Въ одной Лексѣ жило до 700 сестеръ. Оби обители царя Петра хорошо помнятъ. Онъ ихъ простилъ, и всѣ цари миловали,—и теперь ни съ чего такое разоренье!.. Оправятся ли?

— Я сужу по нашимъ ближнимъ мѣстамъ, глядя на Топозерье!—поспѣшилъ отвѣтить на свой же вопросъ Демидовъ. — Про Выгозеро послѣ слыхать было, что на томъ мѣстѣ, гдѣ монастырь стоялъ, поселили сто душъ мужиковъ. Вывели ихъ откуда-то изъ-за Питера (изъ Псковской губ.) и сказывали, что самъ баринъ отступился отъ нихъ: воръ на ворѣ и плутъ на плутѣ. Имъ бы хозяйство ладить, а они и на своихъ-то мѣстахъ были гуляки да пьяницы; они и остаточныхъ старцевъ поразогнали. Какъ пришли, такъ бабу и убили. Стали ихъ разбирать, да цѣлую половину и угнали въ Сибирь. Малая толика прицѣпилась къ мѣсту, да и тѣ непутные. Правильно ли начальство поступило? Когда дѣлались самовольныя пытки, тоже обходились не безъ грѣха, хоть бы и у топозерскихъ. Выгонять ветхихъ старухъ негодящихъ на море, на луды пустыя (молодыхъ при себѣ

* Основательницы женскаго монастыря на р. Лексѣ. Отъ Данилова мужскаго скита ѣзды сюда 8 верстъ, по р. Выгу, до слободы Сергіевой, а отъ нея столько же верстъ по адской колесной дорогѣ, засыпанной крупнымъ булыжникомъ и пересѣченной рѣчками и озерами почти на каждой верстѣ.

оставляли), построить имъ избы (недорогаго стоятъ), дадутъ харча много, чтобы ѣли досыта (Москва на это денежки присылала, изъ Питера даянья шли и мукой и всякимъ житомъ, и прочимъ такимъ дѣломъ). Да какія же это селенія? Пословица впрямъ говоритъ: „бабьи города недолго стоятъ“. Цинга по нашимъ мѣстамъ гуляетъ и воюетъ; на тѣхъ мѣстахъ только одни косточки забѣлѣются. Топозерскіе знали и другую пословицу: „безъ бабъ де города не живутъ“. Такъ и дѣйствовали. А вотъ теперь ихъ вдосталь разорили... Что-жъ станется? Города, вѣдь, годами строятся,—взять къ примѣру нашу Суму. Старики-покойнички сказывали про „Сенявшину“. Прислалъ царь Петръ злого генерала Сенявина солдатъ на войну набирать и городъ Питеръ строить. И натворилъ этотъ человѣкъ то у насъ, что доселѣ не выходитъ въ народѣ изъ памяти. Всѣхъ распугалъ. Стали прятаться, кои въ лѣса забѣжали, тѣ тамъ и погибли. Нахваталъ самыхъ молоденькихъ, крѣпныхъ,—всѣхъ забралъ, никого не оставилъ ни на племя, ни на сѣмя. Было до него въ нашемъ посадѣ 600 душъ, стало 250. Съ тѣхъ поръ вотъ намъ и не поправиться, а, вѣдь, сколько годовъ прошло! Дошелъ вотъ теперь чередъ до Топозера. Какъ онъ строился? Кто-то скитокъ завелъ. Стали къ нему пристраиваться втихомолочку, не торопясь, исподволь. Рубятъ избу, — прислушиваются не шибко ли топоръ звенитъ?..

— Слыхалъ, твоя милость, про Великопоженскій скитъ? — спросилъ Демидовъ, круто оборвавши нить разсказа.

Намекъ этотъ указывалъ на свѣжее событіе, какъ разъ случившееся въ то время и, несмотря на свою малость, довольно громкое: оно быстро облетѣло молвою весь Архангельскій край. Дѣло было самое простое, которое при другихъ обстоятельствахъ прошло бы совершенно незамѣченнымъ. Около Печоры давно уже существовалъ этотъ скитъ. За глазами, за непроходимой тайбой скитъ въ этомъ краю (который на Мезени называется „отдаленной“) незамѣтно превратился въ настоящее селеніе, людное и широко разбросанное. Палатъ государственныхъ имуществъ сдѣлалось совѣстно называть его скитомъ и она поспѣшила переименовать его въ деревню.

— За что такая милость тамъ, а здѣсь вотъ одни только разоренія? Не слыхалъ, твоя милость, за что?

На прямой вопросъ, выговоренный въ томъ тонѣ, что требовался отвѣтъ, подкрѣпляющій или разрѣшающій сомнѣніе или незнаніе, я не могъ сказать ничего, кромѣ сообщенія общихъ положеній, которыми въ то время руководились при преслѣдованіи раскола. У Демидова оказались свои аргументы, представленные съ оговоркой, что говорить онъ по слухамъ.

— Присланъ былъ въ Соловки изъ Москвы на смиреніе и обращеніе нѣкоторый человѣкъ, по прозвищу Гнусинъ, за большое его

озлобленіе и за писанія. Толковалъ онъ какъ-то неладно апокалипсисъ и разныя такія хульныя тетрадки писалъ. Продолжалъ тотъ Гнусинъ дѣлать то же самое и въ Соловкахъ. Того мало, что ругательно писалъ, а еще и картинки въ насмѣшку хорошо могъ рисовать. Въ Соловецкомъ онъ и померъ. Въ то время въ Топозерѣ настоятелемъ былъ Томилинь. Онъ сѣзидилъ въ монастырь, выпросилъ тѣло, перевезъ моремъ и похоронилъ у себя, въ скиту. Болтаютъ, что-де у архимандрита Досиея онъ и писанія тѣ и картинки купилъ. У него, за великія деньги, перекупилъ ихъ какой-то московскій купецъ и свезъ въ Москву. Тамъ прознали и схапали, а на Топозеро грозу пустили: на полное разрушеніе. Осветили часовню на православную церковь, попа приставили. Жителямъ велѣли выбираться. Кто хочетъ оставаяся, а прочіе всѣ вонъ иди. Старики ушли, не хотѣли оставаться.

— А если захочетъ Москва, — перебилъ я собесѣдника своего, въ свою очередь, вопросомъ:—возстанетъ ли Топозерское жительство?

— Вотъ ты мнѣ очи просвѣтилъ. Прямо скажу: возстанетъ. Они живущи, а Москва сильна. Вотъ какъ они живущи. Выходило имъ, какъ и всѣмъ, общее положеніе: высланы были тѣ, у которыхъ папчортовъ не оказалось. Старымъ доживать дозволено, а принимать прибылыхъ нельзя. Нельзя вновь строиться и старыя избы чинить. Годовъ съ десятокъ тому будетъ, пріѣхали изъ Питера посмотрѣть: и заплаточекъ много наложено, и прибылые есть. Разсердились тогда и сдѣлали тотъ великій и разгромъ. Стало теперь послѣ нихъ селеніе, какъ настоящій соловецкій скитъ: десятка людей не считаешь. Три монахини поѣхали прямо въ Москву жаловаться. Вскорѣ туда игуменью вызвали. Знакомая она мнѣ была, звали Анфисой. Сановитая такая, изъ себя дородная, плотная, даромъ что было ей пять десятковъ лѣтъ съ хвостикомъ. Ростомъ высока, пуцай, какъ и всѣ наши бабы, да ужъ больно гладка была, еще не обгрюзгла: на Москвѣ, поди, очень понравилась. Пока не обойдется, бывало, важной такой глядитъ. Кромѣ благочестивыхъ разговоровъ, другихъ никакихъ не знаетъ. Съ глазъ—хитрая, въ словахъ—увертливая. А разгостится, да опознается,—любила гостить,—такая-то ли добрая да развеселая. И поговорить любила, и шутку подкинетъ такую, что и мозодой разбитной женкѣ не сдѣлать. Эта Москву обойдетъ. Эта тамъ не заблудится, да еще и другихъ прочихъ съ собою на свою дорогу проведетъ. Топозеру не погибать же стать изъ-за одного Гнусина!

— Чѣмъ плѣняли?—отвѣчалъ Демидычъ на вопросъ. Я долженъ теперь говорить по всей истинной правдѣ...

Заговорилъ онъ шепотомъ:

— Въ Сюецки кто въ кой часъ ни попадалъ бывало, всегда у нихъ молятся, все гдѣ-то служба часовенная идетъ и днемъ и ночью:

то заутрення, то часы, а то и всенощная, обѣдни, вечерни, молебны, панихиды—раздолье богомольному человѣку. Вотъ это надо понимать, въ самую глубь дѣла проникать.

Переѣхавши тонъ голоса на такой, какимъ обыкновенно говорятъ тайны (хотя даже насъ никто въ это время не слушалъ), Демидовъ сообщилъ:

— Начинають и на Топозеро помаленьку стягиваться (слышалъ я про то отъ вѣрныхъ людей). Изъ нашего селенія и изъ Кемі кое-кто ушелъ ужъ туда. Съ Ковдозера ожидаютъ. Вѣдь, зачѣмъ Наумъ-то Васильевъ у Копылова сидѣлъ? Онъ собиралъ разсѣянное стадо и новыя деньги привозилъ на покинутое гнѣздо. Какъ можно потерять Москвѣ такое мѣсто? Вѣдь, оно насиженное, укромное! Поди-ко знай доберись до него: глаза выколешь себѣ, все тѣло перецарапаешь, ноги повывихнешь. Да и богата же эта самая Москва! По этимъ же самымъ топорамъ и намъ всѣмъ это видно. Надо такъ думать и говорить: не пустяшная какая ни-на-есть забота житейская, а великое дѣло—о вѣрѣ! Ужъ если человѣкъ по вѣрѣ пошелъ и около нея началъ устраиваться, то онъ и впрямь какъ дятель: и упрямъ, и чутокъ! День и ночь онъ крѣпкимъ носомъ долбитъ, а голова у него не болитъ.

— Я твою милость больше и спрашивать не стану, — самъ отвѣчать могу. Топозеру большимъ городомъ не быть, а маленькій сколотятъ.

Припомнились эти слова и все сейчасъ рассказанное, когда случайно попалось мнѣ на глаза въ газетахъ достовѣрное извѣстіе самовидца:

„Деревянный высокій заборъ обвалился. Ворота и ставни у многихъ домовъ заколочены. Много огородовъ совершенно заросли. Жилыхъ избъ я насчиталъ двѣнадцать, и между ними видѣлъ большую въ два этажа,—сказали мнѣ, что тутъ живетъ большакъ. Между жилыми домами разведены маленькіе огороды, засѣянные рѣпою, лукомъ и картофелемъ. Въ жилыхъ—около 20 мужчинъ и женщинъ: мужчины сидятъ за чтеніемъ и перепиской рукописей, женщины — за рукодѣліемъ...“

3. Бѣломорскія суда.

Городъ Кемь внѣшнимъ видомъ своимъ столько же похожъ на всякое другое бѣломорское селеніе, обусловленное простымъ значеніемъ деревни или села, сколько, въ то же время, не похожъ ни на одинъ изъ другихъ уѣздныхъ городовъ Россіи. Начиная съ того, что въ городъ этомъ встрѣчаетъ всякаго пріѣзжаго невыносимый, докучливый шумъ рѣчныхъ пороговъ, какъ и всюду по берегамъ Бѣлаго моря.

Кемь, въ свою очередь, поставлена въ такое же исключительное и незавидное положеніе, что разобросалось въ поразительномъ безпорядкѣ по гранитнымъ скаламъ, которыя въ пяти-шести мѣстахъ слились въ сплошныя груды, какъ будто горы. Цѣпляясь на уступахъ этихъ гранитныхъ горъ неправильною линіею безъ симметріи идутъ одни за другими, одни надъ другими зеленые, желтые, сѣрые домики и дома этого города. Незначительная часть ихъ, полукругомъ, какъ-будто въ нѣкоторомъ порядкѣ, какъ бы подобіемъ набережной красиваго приморскаго города (особенно при видѣ издали, при вѣздѣ въ городъ съ моря), обогнули широкой, круглый ковшъ рѣки, гдѣ она слилась двумя своими рукавами. Съ одного изъ этихъ рукавовъ съ шумомъ и брызгами несется по крупнымъ камнямъ огромная масса воды, трудно побѣдимая силою весель, силою человека и паруса, крѣпко надутаго сильнымъ и крутымъ вѣтромъ. Тамъ, гдѣ масса воды этой не кипитъ уже котломъ, а зияетъ огромной пучиной, выбитой временемъ и водой какъ бы въ упоръ стремленію водопада, выплываетъ невысокая гранитная скала со старинною церковью, съ болѣе древнею башнею уже разрушеннаго или рухнуваго отъ времени *острога*, *городка*.

Это - Лепъ-островъ ячейка, первоначальнаго поселенія, защищеннаго деревяннымъ острогомъ, который въ концѣ прошлаго вѣка уже былъ въ развалинахъ. Продолжая замѣчательно спокойное теченіе свое дальше, рѣка обрамляется тѣми же гранитными скалами, по которымъ тянется изгородь, вѣшала съ сѣтями направо и разсыпался такой же безпорядочный рядъ строеній налѣво, въ сторону города. Въ дальнемъ концѣ своемъ, до котораго видно такое множество угловъ, трубъ и кровель, рядъ домовъ этихъ, названный корельскимъ именемъ *мандеры*, замыкается деревянной кладбищенской церковью съ крестами и гранитными камнями и плитами кругомъ. На такихъ же неправильно-очерченныхъ, неправильно-разметавныхъ кругомъ камняхъ и плитахъ выстроилась соборная церковь, встала отдѣльно отъ нея соборная колокольня, неизбѣжно каменное казначейство, еще нѣсколько домовъ, пожалуй, относительно, и красивыхъ, не похожихъ на дома деревенскіе или сельскіе, но ни огорода подлѣ, ни кусточка зелени, кромѣ зелени ивняка, да дальняго сосноваго бора, ни лошади подлѣ или даже гдѣ-нибудь и вдали. Если въ Онегѣ есть еще хоть одна улица, по которой можно ѣздить, то по Кемѣ окончательно по лѣтамъ ѣздить невозможно. Два утлыхъ, наскоро плетенныхъ моста перекинутыхъ черезъ узкіе рукава рѣки, служатъ только для прохода пѣшеходовъ, заблудившейся или, по обыкновенію, оставленной безъ призора бодливой коровы, всегда огромной, всегда желтой собаки, которая по зимамъ возитъ воду и воеводу, дрова и его челядинцевъ.

Взойдешъ на гору, взберешся на колокольную—моря не увидишь, море затанули спопутные взору мысы извилистой, колѣнчатой рѣки, закрыли избы, сосновый перелѣсокъ, недавно построенныя противъ непріятеля батареи, бараки подлѣ. Видишь неровныя, прогнившія крыши домовъ съ кадушками и швабрами въ нихъ на случай пожара. Видишь опять прихотливыя изгибы рѣки; видишь кемскую женку всю въ красномъ съ весломъ на плечѣ, идущую къ карбасу; видишь этотъ карбасъ, который качается на водѣ подлѣ берега, и парусокъ другой вдали. Слышишь снова вой пороговъ или еще болѣе несносный вой своры собакъ, бѣгающихъ по загороднымъ горамъ. Тамъ дальше тускнѣетъ что-то въ туманѣ: можетъ быть, тотъ же боръ, можетъ быть, тѣже сѣровато-красныя массы гранита. А тамъ опять—таки слышишь человѣческіе голоса, какъ-то не гармонирующие со всею наглазною обстановкою, какъ-будто чужіе здѣсь, хотя подъ ногами и раскинулся широко одинъ изъ лучшихъ, самый богатый капиталами городъ Архангельской губерніи.

Спустишься внизъ по уступамъ скалъ, имѣющихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видъ и форму рѣшительной лѣстницы, словно рубила ее рука человѣческая, но и тутъ все-таки ничего не встрѣчаешь новаго: слышатся тѣ же пороги, видится тотъ же широкій и глубокий ковшъ среди города, среди самой рѣки. По берегу этого ковша навалены грудями, полѣнницами, доски и бревна. Изъ-за нихъ, по временамъ, вырываются болѣзненный взвизгъ пилы, голоса людей, звонъ топора, плашмя попавшаго на сучекъ. Здѣсь городская, доморощенная верфь и, говорятъ, хотя и маленькая, но чрезвычайно удобная. На этомъ мѣстѣ, съ этого берега, въ этотъ ковшъ рѣки Кеми ежегодно спускаютъ по одному, по два, нерѣдко по три и по четыре крупныхъ морскихъ судна, назначаемыхъ для дальнихъ морскихъ плаваній. Подрядчиками работъ этихъ бываютъ, конечно, богатые капиталисты города; производителями, работниками—корелы изъ деревни Подужемья, расположенной въ 17-ти верстахъ выше города, на той же рѣкѣ Кеми. Вся нехитрая и несложная исторія этого дѣла обыкновенно обряжается и ведется простымъ путемъ.

Вотъ какъ про все это рассказываютъ.

Давно уже кемскіе богачи нажили свои капиталы и пустили объ этомъ славу на всю ближнюю и дальнюю окольность. Правда, что слава эта на устахъ правдивыхъ людей не всегда добрая, и кемскіе капиталы, какъ говорятъ, нажиты не весьма честнымъ путемъ, а потому и наше дѣло сказывать всю сущую правду, какъ она рассказывается. Давно, еще до временъ Петра Великаго, въ глухихъ непроходимыхъ корельскихъ болотахъ, вблизи большихъ рыбныхъ озеръ, особенно же около Тѣдозера, расселились первые раскольники своими снитами. Я уже рассказаль, что такое представлялъ собой Топозер-

скій скитъ. Прежде въ этотъ скитъ бѣжалъ—говорятъ—изъ Сибири клейменный, и не одинъ десятокъ разъ прогнанный сквозь строй и посланный на поселенье солдатъ, всякій кто могъ понадѣяться на личную смѣлость и не побояться втораго, всегда болѣе горшаго наказанія. Пробираясь христовымъ именемъ, обнадеженные сердобольемъ доброго русскаго народа, который давно уже приучилъ себя видѣть во всякомъ бѣгломъ, если не мученика, то непременно уже страдальца, достойнаго и куска хлѣба, и теплаго пріюта—бѣглые, со званіемъ и прозвищемъ „несчастненькими“, болшею частію, спокойно достигали до корельскихъ болотъ. Здѣсь первый сподутный скитъ приглашалъ ихъ къ себѣ и благословлялъ на вѣчную, спокойную жизнь, обезпеченную дальностью мѣста, непроходною глушью за зыбучими болотами, за высмотрѣнными и зачурованными тропинками. Сюда цѣлое столѣтіе не достигалъ полицейскій надзоръ и корельскіе и выгорецкіе скиты ежегодно населялись цѣлыми десятками бѣглецовъ, *ревнующихъ о древлецерковномъ благочестіи*. Опять-таки цѣлое столѣтіе эти бѣглецы-скитники были предметомъ бдительнаго надзора тѣхъ изъ богатыхъ раскольниковъ, которые заручались умѣньемъ и смѣлостью въ столицахъ. Богачи эти не скупились на милостыню и не десятками, а сотнями и тысячами рублей посылали ее сюда на помощь *ионимой, унетсннкой о Христѣ братіи*. Хорошо зная о крайней удаленности архангельскихъ поморскихъ скитовъ, о трудно проходимыхъ путяхъ туда, наконецъ, о крайней скудости средствъ къ жизни, столичные раскольники обыкновенно адресовали свою милостыню на имя тѣхъ изъ своихъ единомышленниковъ, которые жили въ Кемѣ, ближе къ почтѣ и ближе къ скитамъ. Коммиссіонеры эти, сначала обладавшіе только однимъ секретомъ скоро и вѣрно находить скиты, впоследствии научились другому: не обходить и себя въ *дележѣ*, конечно, съ болшею выгодною и съ болшимъ барышомъ. Легко и въ короткое время они успѣли убѣдить скитниковъ, что скорѣе хлѣбъ, мясо и другіе съѣстные припасы, скорѣе одежда и предметы домашняго хозяйства, чѣмъ деньги—неприложимый въ глухихъ и безлюдныхъ мѣстахъ матеріалъ—нужны для ревнующихъ о древлецерковномъ благочестіи и спасеніи души; что, наконецъ, деньги эти, какъ игрушка, какъ забава, важны для нихъ въ небольшомъ числѣ, и то почти для того только, чтобы не сидѣть безъ нихъ, не разучиться распознавать одну монету отъ другой. Дѣло это было улажено при помощи тѣхъ же денегъ, которыми покупались хитрые изъ скитниковъ и скитницъ, имѣвшихъ право голоса и силу нравственнаго вліянія на всѣхъ остальныхъ. Кемскіе раскольники-коммиссіонеры продолжали попрежнему получать изъ обѣихъ столицъ, изъ богатыхъ и торговыхъ городовъ значительныя суммы, закупали все нужное для скитовъ, часть денегъ приберегали для себя, а самую меньшую и ничтожную, отсылали въ

скиты. Скрытные и хитрые, но вѣрные въ словѣ, по патріархальнымъ, еще неиспорченнымъ понятіямъ о честности, корелы носили, за ничтожную плату, на своихъ крѣпкихъ плечахъ громоздкія тяжести и подъ рубахой на груди довѣренныя имъ скитскія деньги. Съ каждымъ мѣсяцемъ, между тѣмъ, богатѣли кемскіе комиссіонеры и разъ (рѣдко два раза) въ году сами приходили въ скиты, чтобы свести счеты, въ три-дорога поставить цѣну на доставленные предметы, приносили съ собою много водки и вина, чтобы этимъ умирволить настоятелей и настоятельница-*матушекъ*. Съ недѣлю пиروвали они здѣсь, бражничали и, такимъ образомъ, успѣвали располагать скитянь снова въ свою пользу на весь будущій и на всѣ другіе слѣдующіе за нимъ годы. Такъ велось дѣло до уничтоженія скитовъ. Значительные капиталы перешли, такимъ образомъ, въ пять-шесть кемскихъ домовъ и способствовали къ тому, что всѣ эти дома повели на основные, несчастные капиталы новыя дѣла, хотя уже и другого рода. Много морскихъ судовъ большаго и меньшаго размѣра находятся теперь въ собственности кемскихъ раскольниковъ. Рѣдкій изъ нихъ не строить еще по одному ежегодно на мѣсто обветшавшаго. Дѣло это идетъ такимъ побытомъ.

Богачъ-хозяинъ, задумавшій выстроить судно, заручается лѣсомъ, нарубленнымъ по берегамъ и протокамъ рѣки Кеми. Для рангоута и досками на большія суда запасается онъ или на онежскихъ лѣсопильныхъ заводахъ, или привозитъ ихъ на своемъ же суднѣ изъ Архангельска, затѣмъ, что ближній лѣсъ, дряблый и мелкій, негоденъ для судостроенія. Освобожденный указомъ 1820 года отъ платежа *фрутовыхъ денегъ* и обязанный только при постройкѣ платить единовременно *попенныя деньги*, хозяинъ спѣшитъ заручиться мастеромъ. Для этого, какъ сказано уже, ходитъ не далеко; въ семнадцати верстахъ выше города, въ деревнѣ Подужьемѣ, живутъ корелы, которые всему архангельскому краю извѣстны какъ лучшіе мастера крупныхъ морскихъ судовъ, не имѣющихъ никакого порока. Мастеровъ этихъ возятъ въ самыя отдаленныя мѣста побережьевъ: дорожатъ ими и керечане, и варзужане, и мезенцы, и лѣтне-сторонніе, и соловецкіе, и горожане (архангельцы). Работа ихъ въ чести и славѣ и у архангельскихъ англичанъ и нѣмцевъ. Кемскій судохозяинъ никогда уже не обойдетъ ближняго сосѣда, съ которымъ ежегодно, въ день Спаса Преображенія (6 августа), въ томъ же Подужьемѣ ведетъ онъ хлѣбъ-соль и бесѣду, и разводитъ веселый, длинный праздникъ и столованье. Напротивъ, богатый кемлянинъ выберетъ и заговоритъ себѣ мастера лучшаго: къ празднику Спаса мастера бываютъ всѣ дома. Заказчикъ, пожалуй, и переждетъ одинъ годъ, а пожалуй и два, если у этого лучшаго мастера есть уже на рукахъ заговоренная работа. Вотъ отчего кемскія суда лучше постройкой, красивѣе глядятъ своею внѣшностію, чѣмъ

всѣ другія суда, принадлежащія другимъ деревнямъ и нерѣдко выстроенныя доморощенными, деревенскими мастерами, не подъ-ужемскими корелами. Кемское судно узнается въ морѣ издали, угадывается поморами безошибочно; иной рассказываетъ даже при этомъ имя хозяина, а нерѣдко и имя мастера.

— Лодейку задумалъ построить, рассказываетъ кемлянинъ въ избѣ мастера, являясь туда съ поклономъ, привѣтомъ и приносомъ заграничнаго крѣпкаго рому или коньяку.

— Сказывали—слышалъ.

— Возьмешься ли?

— Для-ча не взятыся—могимъ!—отвѣчаетъ мастеръ.

— Да свободенъ ли ты?

— Сказываемъ—слово, такъ стало—не время. Самъ знаешь!

— Какъ тебя не знать, весь свѣтъ тебя знаетъ. Весь свѣтъ съ тобой радъ дѣло вести: это передъ тобой, что передъ Спасомъ! Отгушай-ко!

Откупоривается бутылка, расходуется вино, идутъ разные сторонніе разговоры, которымъ какъ ни завязываться, какъ ни метаться въ бокъ, да по сторонамъ: съ Мурманна на городъ, изъ города въ Москву и Питеръ, а съѣсть на одно, опять на той же задуманной лодейкѣ: въ ней и заказчику барышъ, и мастеру польза и выгода; для того и другого вожделѣнныя, вѣрныя деньги: одному раньше, другому нѣсколько позже. Начавши другую бутылку, и заказчикъ и мастеръ, подъ веселый шумокъ, говорятъ о цѣнѣ; спорять и шумять, не изобилая другъ друга; ладятъ, какъ умѣютъ и смѣютъ; стягиваютъ, какъ могутъ, накладки и скидки. Опять пьютъ и шумятъ, и опять-таки добиваются до искомой, исходной середины, на которой и заказчику, и мастеру становится безобидно и неубыточно. Сойдутся они на этой средней цѣнѣ неспремѣнно: не въ первый разъ вершатъ они дѣло. Ни заказчикъ не отпустить безъ конечнаго отвѣта хорошаго мастера, ни мастеръ не бросить богатаго, честнаго хозяина. Спорить—вольно, браниться—грѣхъ, говорить поговорка. Какъ ни шумѣть, какъ ни выговаривать своего я и своихъ барышей—заказчику не пойти изъ избы, мастеру не пустить его изъ дверей на городъ. Такъ во всѣхъ случаяхъ, во всѣхъ сдѣлкахъ между своими и ближними. Темень человекъ дальній; свой ближній извѣстенъ со всею придурью, со всѣми изгибами простого, нехитраго сердца.

— Ну, такъ что ли дѣло наше, по тому идетъ?—спросить еще разъ заказчикъ.

— Такъ и не инакъ, потому по самому—отвѣтитъ въ послѣдній разъ мастеръ.

— Ну, ударимъ по рукамъ, поцѣлуемся и станемъ Богу молиться.

— Ладно, по рукамъ и за Бога—по обычаю.

Сговорившіеся хватаются за полы, обнимаются, молятся на тѣло: и кемскій и поджумець старымъ до-никоновскимъ крестомъ.

— Когда приходитъ-то?—спросить послѣдній уже у дверей избы своей.

— Да когда удосужишься, когда зима станетъ; доски пилеными привезъ, кокоры обтесали инвалидные солдаты на задѣльные дни— все готово. Скорѣ придешь, лучше будетъ.

Поджумець не замедлитъ. Сборы его не велики; подмастерье его свой человѣкъ, правая рука, отъ него не отходитъ и часто живетъ съ нимъ въ той же избѣ, если не рядомъ.

Сидитъ кемскій хозяинъ рано поутру въ своей свѣтлой, поразительно-чистой избѣ, за крашенымъ столомъ, накрытымъ чистымъ рядномъ—скатерѣткой. Передъ нимъ на столѣ лежитъ толстая книга, въ кожаномъ переплетѣ, временъ Михаила Ѳеодоровича, раскрытою. Онъ только что *перекрестилъ* очи и, *положивъ* *начина*, сѣлъ *попытаться* *отъ словеснаго млека и умственнаго кладезя*, чтобы потомъ напиться чаю изъ *неміршоной чашки* своей, купленной имъ за моремъ, въ Норвегіи. Чѣмъ-то мудрымъ, внушающимъ уваженіе, если не страхъ, глядитъ его чистое лицо, опущенное большой сѣдой бородой и такими же волосами на лбу, подстриженными, по старому обычаю, въ скобку; смѣло и сурово глядятъ его умные, бойкіе глаза изъ-подъ мѣдныхъ очковъ-клетней, захватывающихъ его носъ до страдательнаго вида и состоянія. Онъ вслухъ, для себя, гнусливо читаетъ житіе святого настоящаго дня и, можетъ быть, прочтетъ это житіе до конечнаго аминя,—но въ двери стучатся съ молитвой: „Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!“ Слышится въ молитвѣ этой женскій голосъ одного изъ домочадцевъ; старикъ *отдаетъ* *аминь*. Входитъ жена, а за нею мастеръ-поджумець, на другой же день, по совершеніи сдѣлки и подряда.

— Ну, вотъ и свѣтъ въ очи, а только-что объ тебѣ думалъ, да и попризабылся было! Ладно же—прошу покорно со мною чаю кушать. Неси, дѣвка, рому завѣтнаго; сстряпай, дѣвка, обѣдъ праздничный. На этотъ день распоясаться хочу—запой сдѣлать, коли со старости лѣтъ выдержу это, да не крикну! Гости пока, почестной гость! На завтра думу будемъ думать и объ дѣлѣ смекать; а сегодня, въ молитвословѣ показано разрѣшеніе вина и елея. Такъ и станется!

На другой день, рано утромъ, и хозяинъ и мастеръ уже на мѣстѣ работы и именно тамъ, гдѣ рѣка Кемь, сливаясь двумя своими рукавами, образовала широкій ковшъ. На берегу этого ковша строятъ кемляне суда свои, но преимущественно большого размѣра лодьи, шкуны, рѣньшины, боты. Для мелкихъ судовъ отводятся другія мѣста, какъ для карбасовъ, такъ и для лодокъ; но постоянныхъ элинговъ нѣтъ нигдѣ по всему Поморью. При постройкѣ крупныхъ, какъ и при постройкѣ мелкихъ, приемы одни и тѣ же.

Давно и положительно извѣстно, что лодейные мастера не знаютъ ни чертежей, ни плановъ, и руководствуются при строеніи судовъ только навыкомъ и какимъ-то архитектурнымъ чутьемъ, которое, какъ кажется, надо считать природленною особенностію корельскаго народа. Въ то же время, остальные приемы при дѣлѣ установлены дѣдовскими и прадѣдовскими обычаями, преданіемъ и нагляднымъ наставленіемъ. Точно также положительно извѣстно и то, что архитектура бѣломорскихъ судовъ однообразна и точно такая же и теперь, какая была—говоря поморскимъ же выраженіемъ—при царѣ Капылѣ, когда грибы воевали съ опенками, или, лучше, когда еще правила Поморьемъ Марее Посадница. Таковы лоды, таковы кочмары, таковы шняки и раньшины. Для всѣхъ этихъ судовъ чертежей и плановъ не существуетъ. Только шкуны, въ послѣднее время введенныя въ употребленіе, начали строить по чертежамъ, аляповато, безтолково, доморощеннымъ способомъ начерченнымъ. Правда, что лоды, имѣвшія прежде всею форму нелѣпаго ящика, поморы стали дѣлать острѣе, но все еще по-прежнему оправдывали плоскодонность своихъ судовъ тѣмъ, что на нихъ удобнѣе входить въ мелкія приморскія рѣки и затоплять эти суда на зиму у самой деревни, прямо подъ глазами, или становить ихъ на городки передъ окнами. Но въ то же время (и отчасти справедливо), и даже тѣ поморы, которые уже начали, вмѣсто лодей, строить шкуны, объясняли существованіе на водахъ моря еще довольно значительнаго числа людей тѣмъ, что построеніе ихъ стоитъ дешевле (рублей на 100 серебромъ), хотя въ то же время на лодью и требуется, для ея тяжелыхъ, неудобныхъ парусовъ и снастей, рабочихъ больше (по крайней-мѣрѣ, пять человекъ), чѣмъ на шкуну (три и даже два рабочихъ). Этимъ лодьямъ, почтеннымъ древностію, а не морскими качествами, еще въ 1618 году дана была такая оцѣнка свидѣтелемъ спуска лоды въ Архангельскѣ англичаниномъ Традескантомъ. 30 работниковъ заняты были этимъ дѣломъ при помощи ганшпуговъ. „Рабочіе (говоритъ онъ) подняли такой крикъ, что можно было подумать—не поссорились ли жители между собою“, и утверждаетъ при этомъ, что онъ съ пятью англичанами успѣлъ бы болѣе въ этомъ дѣлѣ.

Точно также, какъ бывало прежде, мастеръ, намѣчалъ на полу мѣломъ, на пескѣ палкой чертежъ судна и вымѣривалъ тутъ же его размѣры. Ширину клалъ вершками пятью или шестью шире трети длины; половина ширины будетъ высота трюма. На жерди намѣчалъ рубежки (замѣтки) и по этимъ рубежкамъ этою же жердью все время намѣчалъ шпангоуты, называя ихъ по своему *боранами* (носовымъ и кормовымъ). Отвѣсы или перпендикуляры и на чертежъ клалъ по глазу, безъ циркуля, и точно также своимъ именемъ *скуль* называлъ боковыя части перпендикуляра, его прямые углы. Кончивши чертежъ,

мастеръ обыкновенно сбивалъ лекалы, если строится лодья, и считалъ это дѣло лишнимъ, дорогимъ и для хозяина, если строилась шняка или равшина. Сбивши лекалы, мастеръ приступалъ прямо и не обинуясь къ работѣ, дѣлалъ *поддонъ* — основаніе судна, его скелетъ; обшивалъ его снаружи и внутри досками; ставилъ три мачты, если лодья назначалась для дальнихъ морскихъ плаваній, и двѣ, если она приспособлялась для богомольцевъ, идущихъ въ Соловецкій монастырь.

Въ одну зиму, при не слишкомъ усиленной и ускоренной работѣ, лодья бывала готова со всѣми своими мелочными подробностями: съ неизбѣжной помпой, съ казѣнкой—каютой, съ приказеньемъ—люкомъ, мѣстомъ спуска въ каюту, съ палубой, съ козовами, прикрѣпленными на бушпритѣ, съ двумя печами, если лодья мурманская, и съ одной, если ей суждено ходить только въ Архангельскъ. Судно это имѣетъ длины 40—80 футовъ, ширины 12—25 ф., въ грузу способно сидѣть отъ 6 до 9 футовъ и грузу этого способно поднять, смотря по величинѣ и размѣрамъ, отъ 5 до 12,000 пудовъ. Правда, что большая часть настоящихъ лодей не беретъ уже свыше 3,000 пудовъ, но все-таки строятся еще лодьи и большихъ размѣровъ. Судно это все изъ соснового лѣса, крѣплено желѣзомъ (единственные суда съ такимъ крѣпленіемъ); обшивныя доски его крѣплены въ малыхъ лодьяхъ въ наборѣ, въ большихъ—въ гладь деревянными гвоздями и сшиты мягкими древесными корнями—*вичью*. Перекладины или брусья (бимсъ), на которые настилается палуба, называются *перѣшива*; подкладки изъ тонкихъ досокъ, какими выстилаютъ внутри низъ судна, чтобы не подмокъ грузъ, зовутся *подтоварьемъ*. Лодейныя мачты—однодеревныя, бушпритъ короткій; на фокъ и гротъ-мачтахъ по прямому парусу съ реею; на бизань-мачтѣ—косой парусъ съ гикомъ и гафелемъ; прямые паруса держатся на вѣтрѣ во всю свою ширину для одинаковыхъ размѣровъ паруса вверху и внизу распоркою, называемою обыкновенно *чеплиной*. Сверхъ того, при лодѣ также употребляется ботъ, называемый *павозкомъ*, и, наконецъ, повсюдная и неизмѣнная бочка для прѣсной воды, называемая *подвозокъ*. Шпангоутъ лодьи и всѣхъ другихъ судовъ зовется общимъ именемъ—*упругъ*.

Таково въ устройствѣ и подробностяхъ своихъ самое крупное изъ всѣхъ бѣломорскихъ судовъ—*лодья*, которое вѣрнѣе должно быть готово въ новомъ своемъ видѣ къ спуску до половодья. Сильная разливомъ и нерѣдко заливающая городскія строенія рѣка Кемь въ половодье способна для этого спуска. Самый спускъ ея на воду требуетъ отъ строителей, по исконному прадѣдовскому обычаю, нѣкоторой торжественности, нѣкотораго рода гласности для цѣлаго селенія.

Ледъ вынесло изъ рѣки въ океанъ, рѣка въ полной заливной водѣ, на крайнемъ дохѣ, на крайнемъ рубежѣ, съ котораго она пой-

детъ убывать. Къ тому же, полая вода эта стоитъ на приливѣ—стало-быть, общаетъ благополучный моментъ для спуска.

Моментъ этотъ предусмотрѣнъ, и часть для спуска назначенъ.

Еще съ вечера, наканунѣ дня, назначеннаго для спуска лодьи, мальчишки-подростки обѣгали всѣ дома и деревни и повѣстили хозяевъ приговоромъ:

— Дядя Еремей! дядюшка Пантелей на первую выть (послѣ завтрака) звалъ тебя на лодейкѣ спускаться—пожалуй-ко!

Мальчишка скороговоркой произнесши эти слова, убѣгалъ изъ избы, и званный охотно приходилъ на другой день раньше часа спуска и видѣлъ широкое, чреватое днище лодьи, во всемъ его неприглядномъ безобразіи, еще на городкахъ, на берегу, но безъ снастей, по обыкновенію, безъ мачтъ. Видѣлась только крыша казенки, толстый, тяжелый руль и свѣжая, щедро-просмоленная конопатка. Всѣ деревенскіе или городскіе гости, знакомые и благопріятели хозяина, влѣзаютъ на палубу и ждутъ молитвы. Придетъ священникъ съ крестомъ и чтеніемъ молебна—раскольникъ ли хозяинъ или нѣтъ. Прочтется послѣдняя молитва, дрогнетъ сердце хозяина, дрогнетъ и сердце мастера, возбуждены и прочіе зрители-гости.

Мастеръ съ помощникомъ спускаются внизъ и, съ крестнымъ знаменіемъ, подрубаютъ разомъ съ уханьемъ и вздохами два бревна, поддерживающія корму лодьи. Судно качнется разъ и два и, наклонившись нѣсколько на бокъ, ползетъ по двумъ другимъ бревнамъ, положеннымъ параллельно килю, прямо въ воду. Рывкнетъ свое за-вѣтное ура весь народъ на палубѣ разъ, другой, третій, — и лодья уже на водѣ осѣлась благополучно: не умереть въ тотъ годъ хозяину, не потерпѣть большого несчастія ни ему, ни всѣмъ сосѣдямъ его, спустившимся на новомъ суднѣ на вѣшнюю воду. Хозяина цѣлуютъ, поздравляютъ, кланяются въ поясъ. Честятъ лестными приговорами мастера, и во все это время ни хозяева, ни гости не надѣваютъ шапокъ до той поры, пока судостроитель-богачъ не пригласитъ ихъ всѣхъ въ свою избу на почетный пиръ, на пьяное и весело-шумливое угощенье. Несется потомъ неладная пѣсня, безтолковый говоръ, и долго затѣмъ во всю ночь бродятъ по улицамъ шатающіеся изъ стороны въ сторону тѣни, которыя или скроются въ воротахъ собственнаго дома или подъ угломъ первой спопутной клѣти, подлѣ перваго попавшагося бревна, какъ это бываетъ вездѣ, во всѣхъ углахъ широкаго русскаго царства.

„Зимою суда обыкновенно замерзаютъ въ рѣкѣ — говоритъ г. Верещагинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ „Очерковъ Архангельской губерніи“—но чтобъ весною, при выходѣ льда, ихъ не унесло и не изломало, то ихъ поднимаютъ на городки или костры короткихъ бревенъ, опирающихся на дно рѣки, такъ что лодьи стоятъ на этихъ

городках¹ выше поверхности льда. Для лучшаго равновѣсія ея протягиваютъ канатъ, котораго одинъ конецъ привязанъ къ вершинѣ гротъ-мачты, а другой закрѣпленъ къ берегу. Для спуска лодьи подкладываютъ подъ киль ея, перпендикулярно, бревна, и тянутъ судно, заставляя его сдѣлать прыжокъ съ городковъ въ воду. Совершивъ такой скачекъ, лодья, какъ-будто въ ужасѣ, долго качается съ боку на бокъ и размахиваетъ своими мачтами. Разумѣется, такіе спуски не бываютъ торжественны и на лодѣ, такимъ-образомъ спускаемой, нѣтъ никого, кромѣ ребятъ—народа въ высшей степени неустрашимого, которые громкимъ смѣхомъ изъясляютъ свое удовольствіе, когда лодья, совершая свой прыжокъ, зачерпываетъ воду своимъ бортомъ. *

На этихъ лодьяхъ поморы или возятъ купленный въ Архангельскѣ хлѣбъ въ Норвегію, или къ промышленникамъ на Мурманскій берегъ, или совершаютъ прибрежныя плаванія на Терскій берегъ за семгой, на Корельскій за сельдями, на Новую Землю за моржами, на Кдлгуевъ за птичьимъ пухомъ, въ Онегу за досками, въ тотъ же Архангельскъ съ треской и палтусиной и въ Соловецкій монастырь съ богомольцами.

Во всѣхъ этихъ плаваніяхъ, поморы ходятъ *по вѣтръ*, по старымъ примѣтамъ, замѣченнымъ или самими, или переданнымъ отъ отцовъ или бывалыхъ сосѣдей. Большою частью лодьи держатся *бережье*, вблизи береговъ, и въ крайнемъ случаѣ, при необходимости пускаться въ глубь моря—руководствуются компасиками—по ихъ *матками*—покупаемыми обыкновенно за четвертакъ, полтинникъ на архангельскомъ рынкѣ. У нѣкоторыхъ хозяевъ, болѣе толковыхъ и смѣтливыхъ, встрѣчаются, на случай порчи одного, два и три запасныхъ. У нѣкоторыхъ ведутся также записныя книжки о времени *переваловъ* (поворотахъ курса), о коргахъ и опасныхъ меляхъ, о болѣе удобныхъ и безопасныхъ становищахъ и проч. Но и въ этомъ случаѣ всѣ поморы руководствуются памятью, поразительно-замѣчательною смѣткою и толкомъ, и почти всегда вѣрными примѣтами.

Второе (по величинѣ судна) мѣсто, послѣ лодьи, должно принадлежать *ранъишнѣ*. Первообразъ этого судна—*шняка*, по величинѣ нѣсколько меньшая предыдущей. Шняка обыкновенно шьется тѣми же древесными корнями—вичью (по мѣстному названію) изъ широкихъ досокъ, въ наборѣ, длиною отъ 4 до 5 сажень, шириною немного больше сажени, съ плоскимъ, какъ и лодьи, дномъ, съ острыми носомъ и кормою. Шняка оставляется открытою. На нее ставятъ одну мачту по срединѣ; на мачтѣ употребляется еще до сихъ поръ одинъ *прямой* парусъ. Обыкновенно же шняка ходитъ на веслахъ (шести).

* Годы судовъ у поморовъ выражаются *водами*. Лодья, прожившая три года, называется *лодьею на четвертой водѣ*.

Судномъ этимъ управляютъ четыре человѣка: кормщикъ, тяглецъ, наживочникъ и весельщикъ, т. е. всѣ тѣ рабочіе, которые необходимы для осмотра мурманскаго яруса съ треской и палтусиной. Шняка способна поднять 500 пуд. груза и, въ это время, сидитъ въ водѣ около 2½ футовъ. Перегородками судно это раздѣляется на „чердаки“: собачій“, гдѣ спитъ наживочникъ, „рыбный“ (или „рыбная кладь“), куда грузятъ свѣжую, снятую съ ярусовъ рыбу и тутъ же солятъ. Третій чердакъ величается особымъ званіемъ „кормовой заборницы“, ибо ею владѣетъ почетное лицо—кормщикъ. Перегородка наз. „ушница“ и выдѣленное одно изъ нихъ отдѣленіе, носить имя „кары“. Здѣсь за низкой перегородкой по правому борту на полкѣ хранится наживка и ею наживляютъ уды; здѣсь же связываютъ въ тюки крючныя веревки, и укладываютъ вытянутый изъ моря ярусъ. За карой—еще отдѣленіе—„гребень“, въ которомъ складываются смотанные тюки, и отсюда передаютъ ихъ для наживленія въ кару. У самаго носу шняки „заборница“ или каютка для весельщика и тягльца. Не различаютъ однако этой собственности и не признаютъ спеціальности назначенія, когда задается хорошая стряска. Рыбой нагружаютъ сначала кормовой чердакъ, потомъ носовой, а затѣмъ валятъ и въ носовую заборницу,—въ крайнихъ случаяхъ и въ самую кару. Вотъ почему на вопросъ: много-ли уловили?—отвѣчаютъ: „полъ носовой кладі заняли“: стало быть имъ „слава Богу“, а прочимъ выѣхавшимъ въ тотъ же богатый океанъ завидно.

— Ишь, вы какіе счастливые!...

Тяжелое, плохо лавирующее судно это, самымъ названіемъ своимъ (Sneke-фелука норвежская) напоминающее времена до-историческія, употребляется исключительно почти для мурманскихъ промысловъ. Потому-то шняки и строятся обыкновенно въ Колѣ, гдѣ онѣ и покупаются промышленниками. На зиму шняки оставляются въ становищахъ подъ надзоромъ лопарей *, но рѣдко пускаютъ ихъ въ дальнія плаванія, хотя бы напримѣръ, въ тотъ же Архангельскъ съ мурманскими промыслами. Для этой цѣли нерѣдко (къ крайнему сожалѣнію), и притомъ менѣе запасливые, и достаточные хозяева на ту же шняку набиваютъ *нашвы* (числомъ 3—4—5)—фалшборты, ставятъ еще другую (неопускную же) мачту, не накладываютъ палубы, но надъ серединою судна дѣлаютъ выпуклую крышу. Шняки эти, больше только бортомъ, и стало быть, способныя поднимать болѣе значительный грузъ, называются *ранъшинами* по той причинѣ, что они привозятъ первые—*раніе* промыслы въ Архангельскъ (слѣдующіе привозятъ на лѣдяхъ).

* Лопари, вмѣсто шнякъ, на мурманскихъ промыслахъ употребляютъ такъ называемые *трѣйники*, управляемые тремя лопарями на шести одноручныхъ веслахъ. Трѣйники бывають длиною отъ 3 до 4 сажень и строятся хозяевами обыкновенно около ихъ лѣтнихъ вѣжъ. Шняки стоятъ въ Колѣ отъ 20 до 30 руб. серебр.

Раньшины эти по большей части строятся въ тѣхъ же деревняхъ и противъ тѣхъ же оконъ, а не на элингахъ, какъ лоды, какъ шняки и какъ всѣ другія бѣломорскія суда. Нѣкоторое сходство въ оснасткѣ и въ назначеніи съ тою же раньшиною составляетъ *кочмъръ*—палубное же судно, нѣсколько, впрочемъ, большее, съ двумя же неопускными мачтами и употребляемое также для перевозки рыбы, назначенной въ продажу. Однако, судно это сдѣлалось замѣчательною рѣдкостью, вытѣсненное изъ употребленія, вѣроятно, шкунами. Прежде строились они въ Кóлежмѣ, Шуѣ, Шижнѣ и Сорокѣ—деревняхъ поморскаго берега.

Тамъ же, откуда выходятъ въ Поморье лучшіе лодейные мастера, т. е. въ кемской деревушкѣ Подужемье, строятся и самая употребительныя, самыя важныя для ближнихъ прибрежныхъ плаваній, мелкія бѣломорскія суда—*карбасы*. Шьются карбасы (крупныя суда, „строятся“) точно такимъ же образомъ, какъ шняки, но меньше послѣднихъ (длиною 18—25 футовъ и шириною менѣе $\frac{1}{4}$ длины); въ водѣ сидятъ на футъ. На карбасахъ этихъ обыкновенно отъ 4 до 10 одноручныхъ веселъ и два шпринтовныя паруса; шпангоутъ карбасный зовется *опруюй*. На веслахъ карбасы легки на ходу и, лавируя весьма не дурно, въ тоже время, замѣтно валки; пустозерскіе карбасы, съ прямою кормою, пускаются въ море съ грузомъ, котораго поднимаютъ они до 200 пудовъ. Тотъ же карбасъ, только нѣсколько пошире и покороче описанныхъ, употребляется для промысла тюленей на льду и, въ такомъ случай, принимаетъ новое названіе *весновальнаго* *. Этотъ родъ карбасовъ, какъ уже сказано, приспособляется къ тому, чтобы быть удобно влачимымъ по льду, а для этого вдоль киля придѣлываются два полоза, называемые *кренями*. Такъ дѣлается на Терскомъ берегу; на Мезени же пришивается одинъ крень и по обѣимъ сторонамъ его, на четверть одинъ отъ другого, по четыре бруска. Впрочемъ, мезенцы Зимняго и Мезенскаго берега весновальные карбасы замѣняютъ особаго устройства лодками—*осинками*. Лодки эти выдавливаются въ Березинкѣ (вверхъ по р. Мезени), но обшиваются еловыми досками (въ два набоя) уже на мѣстѣ, самими хозяевами промысла. Для того, чтобы не испортилась осина, внутри лодки кладутъ такъ называемыя *опруи*, обстроганныя палки (пальца въ два толщиною), которыя и пришиваютъ потомъ стяжками. Къ килю придѣланъ одинъ крень и по обѣимъ сторонамъ его по одному бру-

* Еще строить такъ называемые *торосные* карбасы—небольшія лоды, на которыхъ возили почту изъ Кемѣ къ Соловкамъ. Суда эти названы торосными потому, что они при легкости своей приспособлены къ вытаскиванію на ледяные тороса. Теперь они становятся замѣтною рѣдкостью, по причинѣ той опасности, которая сопровождаетъ всякую перевозку почты зимою по бродячимъ льдамъ между монастыремъ и Кемью.

ску; длина осинки $3\frac{1}{2}$ саж. и чуть не одна сажень ширины. Такія осинки идутъ на Устинскіе промыслы; на Кеды пускаютъ осинки поменьше: до $2\frac{1}{2}$ сажень длиною и около 2 аршинъ шириною. Такого рода осинки или челноки съ болѣе плоскимъ дномъ и сколоченные изъ досокъ или просто выдолбленные изъ цѣльнаго бревна безъ нашивовъ (фалшбортовъ) пазываются уже *стружокъ*. Суда эти годятся только на побочныхъ рѣкахъ и небольшихъ озерахъ; они способны держать только двухъ человѣкъ.

Вотъ такимъ образомъ всѣ, самыя мелкія, видоизмѣненія карбаса. Самые крупныя изъ карбасовъ съ каютою на кормѣ и двумя же шпринтовными парусами носятъ названіе *двинскихъ*, но чаще *холмогорскихъ*, хотя, въ то же время, строятся почти исключительно близъ села Емецкаго (вверхъ по Двинѣ, въ 114 верстахъ отъ Холмогоръ); въ селеніяхъ Хаврогорскомъ (за 8 верстъ) и Прилуцкомъ (за 5) дѣлаются по большей части, по заказу (рѣдко на волю), и потому называются на мѣстѣ отдѣлки *городскими*. Они, какъ и всѣ крупныя бѣломорскія суда, строятся изъ сосны казенныхъ лѣсовъ, вырубленныхъ по билетамъ, и имѣютъ внутреннюю обшивку, называемую *телгасъ*, но безъ палубы. Онѣ поднимаютъ отъ 600 до 1,000 пудовъ груза, состоящаго изъ камня, извести и лѣсу, адресованныхъ въ Архангельскъ. Для отливанія воды на судахъ этихъ становится помпа; таже помпа идетъ и на лодью, и на раньшину. На шнякѣ и на карбасахъ подужемскихъ для той же цѣли употребляютъ водоотливный ковшъ, называемый *плица*. На шнякахъ, какъ сказано, употребляютъ прямой парусъ; тѣ же прямые паруса держатся еще и при карбасахъ, но только уже исключительно на Терскомъ берегу, гдѣ существованіе ихъ объясняютъ большею легкостью обращенія, чѣмъ съ косыми парусами. За то на всѣхъ остальныхъ берегахъ Бѣлаго моря косые паруса замѣнили безобразныя, опасныя и тяжелыя прямые паруса. Прямой парусъ шняки всегда съ подзоромъ: двумя веревочками внизу и въ срединѣ паруса. Эти веревочки привязываются къ мачтѣ и тогда вѣтеръ держится въ парусѣ и легче и больше. Рифы карбасныхъ парусовъ на языкъ промышленниковъ превратились въ рефы (подрони парусъ и возьми въ рефы—общее выраженіе). На шнякахъ деревянные упоры для веселъ, сдѣланные изъ большихъ березовыхъ сучьевъ, называются *ключи* (веревки для веселъ—*оключина*); на шнякахъ эти же ключи называются *кочтъе*. Точно также, какъ скамейка для сидѣнья гребцовъ (на шнякѣ) зовется *бабка*, и *нашестью*—также скамейка на карбасѣ; но въ обоихъ судахъ для того, чтобы упираться гребцамъ ногами и облегчать процессъ гребли, придѣлываютъ поперекъ карбаса шесть, называемый *балка*. Верхній уголъ паруса называется *тайка*; шесть, упирающійся въ парусъ для расширенія его, называется буглиннымъ шестомъ; буглинями (булинами) называются веревочки паруса, которыя служатъ.

къ тому, чтобы при помощи ихъ парусъ не рябилъ и само судно лучше бы шло при крутомъ вѣтрѣ. На карбасахъ, назначаемыхъ для почты и проѣзжающихъ, устраивается родъ кибитки, временнаго навѣса противъ дождя и непогодей и это мѣсто зовется *гуйной*. На Мезени этотъ же болокъ или верхъ называется буйно и имѣетъ колъ въ срединѣ утврждающей въ веревку, которая притягивается отъ кормы къ носу. Оно называется тамъ „шелемкой“, а въ Поморьѣ „шелешень“. На ранщинахъ и кочмарахъ существуетъ особое мѣсто, гдѣ кладутъ особыя толстыя доски густо покрытыя землею или пескомъ и называемыя *алажъ*. Тутъ разводятъ огонь и варятъ пищу.

Въ этомъ всѣ особенности самыхъ мелкихъ подробностей бѣломорскихъ судовъ. Чтобы прослѣдить всѣ измѣненія названій и однимъ разомъ кончить описаніе судовъ, встрѣчаемыхъ въ сѣверномъ краю Россіи, начнемъ съ болѣе крупныхъ, хотя они по большей части строятся внѣ губерніи. Таковы: *барки*, *полубарки*, *кюки*, *обласы*, *завѣзны* и другія. Барки и полубарки встрѣчаются лишь на Двинѣ, по которой идутъ онѣ изъ Вологодской губерніи (изъ рѣкъ Юга, Сухоны и Вычегды) съ паклей, льнянымъ сѣменемъ, овсомъ и другою «сыпью» къ архангельскому порту. Полубарка имѣетъ 8—12 саж. длины, $3\frac{1}{2}$ — $5\frac{1}{2}$ саж. ширины и до $1\frac{1}{2}$ саж. глубины по борту. Судно это, безъ палубы, какъ всякое другое грузовое, но съ отлогою крышею на два ската, поднимаетъ до 1,000 пудовъ (печорскія полубарки, или собственно пермскія, несутъ отъ 2 до 3 тысячъ пудовъ). Тамъ же на Печорѣ можно встрѣтить и *каюки* чердынскихъ (пермскихъ) купцовъ *. На той же Двинѣ, у того же Архангельска ежегодно и въ значительномъ числѣ можно встрѣтить въ высшей степени оригинальныя плоскодонныя, широкія лодки съ низкими бортами на срединѣ. Суда эти называются „завѣзнями“ и на верху обоихъ штевней имѣютъ развалистыя кокорки, которыя образуютъ выемки для завознаго каната; употребляются, стало-быть, для завозовъ при баркахъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ становятся каюты и въ такомъ случаѣ эти *завѣзны*, ходящія на веслахъ медленно, черепашиимъ ходомъ, привозятъ обыкновенно хозяевъ барокъ къ Архангельску и не отводятся обратно, а продаются на мѣстѣ или для малыхъ пристаней, или идутъ на порамы для перевозки, черезъ неширокія рѣки, большихъ и громоздкихъ тяжестей (телѣгъ съ лошадьми и проч.). На той же Двинѣ изрѣдка можно видѣть и *обласы*, поднимающіе грузу отъ 100 до 150 пудовъ (длиною 4 саж., шириною $\frac{1}{2}$ арш.); приходятъ они или изъ р. Вычегды, или изъ р. Пинеги, гдѣ они и строятся, какъ грузовыя суда. Наконецъ, на той же Двинѣ являются *пауэки* (длиною около 8 сажень, шириною 3 саж., глубиною на саду болѣе сажени; грузу несутъ болѣе 1000 пудовъ), *шитики* (небольшія лоды, поднимающія тоже до тысячи пудовъ

* См. т. II, „Поѣздка на Печору“.

грузу) и *поыздники* (собственно *поыздные карбаса*), длинныя, низкія и узкія лодки, но не грузовыя, а промысловыя суда, употребляемыя на ловлѣ рѣчной рыбы.

Кромѣ этихъ судовъ *, по Двинѣ ходятъ разнаго вида и наименованія плоты. Таковы *ведило* или *видило*—плоты изъ тонкихъ бревенъ съ перилами по краямъ, на которыхъ привозятъ къ архангельскому порту смолу; *плитки*—плоты въ одинъ или два ряда бревенъ; на нихъ привозятъ къ Архангельску ту же смолу, песокъ, нерѣдко даже хлѣбъ; *юнки*—нѣсколько плотовъ строевого лѣса, связанныхъ между собою по два или по одному въ рядъ. Для этой цѣли два плота соединяются между собою счалками, т. е. еловыми шестами, длиною около сажени, толщиною вершка въ два. *Сшивины*—еловыя жерди (около 3 сажень длиною, около вершка толщиною) кладутся поперекъ ряда бревенъ и затѣмъ прикрѣпляются вичью къ каждому бревну отдѣльно. Такимъ образомъ, эти счалки и сшивины, образуя плотъ, составляютъ гонку.

На всѣхъ этихъ разнаго рода плотахъ и баркахъ употребляется большое весло, въ видѣ лопаты, называемое *ребокъ*. Въмѣсто руля на подставкѣ—*дѣвкѣ*—утверждается верхній конецъ *поносны*, весьма большого весла—правила, накладываемаго на каждой оконечности барки и паузка. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *поносно* называется *пѣтесью*:—это огромное еловое весло около 10 саж. длиною, съ весьма широкою лопастью. Также точно и пѣтеси кладутся на обоихъ концахъ барокъ съ перевѣсомъ въ воду, и также тешутся изъ цѣльнаго дерева.

Изъ судовъ съ правильною оснасткою, выстроенныхъ по вѣрнымъ чертежамъ, безопасныхъ въ морѣ и употребленіе которыхъ обусловлено законами науки и примѣромъ Европы, въ Бѣломъ морѣ, кромѣ иностранныхъ кораблей, теперь довольно уже часто видятся *шкуны* и *шлюпы*. Шкуны строятся поморами Кемскаго и Корельскаго береговъ и употребляются исключительно для торговли съ Норвегіей; нѣкоторые и рѣдкія возятъ изъ Архангельска богомольцевъ въ Соловецкій монастырь. Шлюпы попадаются въ рѣдкомъ числѣ и выходятъ опять-таки изъ Кеми и опять-таки употребляются для торговыхъ плаваній въ Архангельскъ и Норвегію. Для тѣхъ же торговыхъ цѣлей на взморьѣ Двины ходятъ *лихтеры*—палубныя, плоскодонныя (по причинѣ замѣчательнаго мелководья бара) суда съ тремя мачтами. Они подвозятъ достальную грузъ изъ Архангельска на куческіе корабли, но рѣдко пускаются въ самое море. Кромѣ того, существовали на Двинѣ *галысы*, но теперь объ нихъ и самый слухъ пропалъ, какъ и о кочахъ. Между тѣмъ эти суда, палубныя, объ одной мачтѣ, сыграли, немаловажную роль при заселеніи края и вообще въ его бытовой исторіи. Ихъ строила казна съ большою охотой для такихъ напр. дальнихъ плаваній,

* На Двинѣ есть еще *двойки*; но это не иное что, какъ двухвесельныя лодки и *плотницы*, т. е. деревянныя лловучія пригнаны для гребныхъ судовъ.

которыя препринимались для походовъ въ Сибирь,—для изслѣдованія прохода въ р. Обь и Енисей (и не безуспѣшно). Хаживали они на Новую землю, побывали и въ Обской губѣ. Вайгачскимъ проливомъ и Карскимъ моремъ, они доходили до устья р. Мутной. Послѣ пятидневнаго плаванія по этой рѣкѣ и по двумъ попутнымъ озерамъ доходили до двухверстнаго волока. Здѣсь ихъ перетаскивали въ озеро Зеленое и изъ него по рѣкѣ прямо въ Обскую губу. Когда бунтовалъ Соловецкій монастырь противъ новоисправленныхъ книгъ, на этихъ кочахъ сплыли туда изъ Архангельска стрѣльцы.

Обращаясь снова къ собственно-бѣломорскимъ судамъ, которыя и строятся въ Поморьѣ, и принадлежать поморамъ, мы все-таки должны повторить то, что крайняя, выходящая изъ размѣровъ (обусловленныхъ наукою корабельной архитектуры) плоскодонность судовъ поморскихъ зависитъ не столько отъ мелководья поморскихъ рѣкъ, сколько отъ какой-то упорно-закоренѣлой привязанности къ старинѣ. Архангельскіе поморы смѣтливы и, видя лучшее противъ того, что есть у нихъ, принимаютъ новизну легко и скоро. Доказательство тому—болѣе десятка шкуновъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и, въ тоже время, закоренѣлымъ раскольникамъ, и наконецъ, общее желаніе всего Поморья завести собственные пароходы, о которыхъ они имѣли лишь смутныя понятія. Въ мое время (да и прежде) во всемъ Архангельскомъ краю существовали только три парохода, изъ которыхъ два небольшихъ: одинъ—онежской лѣсной компаніи, буксируетъ суда—романовки, нагруженные бревнами и досками, и не ходитъ въ море; другой—купца Бранта, также ограничиваетъ небогатую свою дѣятельность на водахъ рѣки Двины и пересталъ ходить въ море разъ испытавъ несчастіе, по малой величинѣ своей, на плаваніяхъ съ богомольцами въ Соловецкій монастырь. Его заливало морское волненіе; онъ съ трудомъ ладилъ съ крѣпкими морскими вѣтрами. Третій пароходъ принадлежитъ казнѣ—какъ говорятъ, тяжелый, неудобный, давней постройки—съ трудомъ править работы при архангельскомъ портѣ и употребляется почти исключительно для буксировки. Теперь настало то время, когда пароходы взяли свое право и бороздятъ воды Двины и Печоры и самага Бѣлаго моря во всѣхъ его направленіяхъ.

4. Бѣломорская торговля.

Выселившись на берегъ Бѣлаго моря исключительно для морскихъ промысловъ, поморы-новгородцы на первыхъ порахъ поставлены были во враждебное положеніе съ сосѣдними норвежцами, записанными въ лѣтописяхъ подъ именемъ *каинскихъ нѣмцевъ*. Но кромѣ взаимныхъ, враждебныхъ столкновеній, иныхъ отношеній между сосѣдями не было: новгородскія дружины плавали на норвежскіе берега Сѣвер-

наго океана и доходили даже до крѣпости Вардэгуза, но съ вооруженною рукою, и, въ свою очередь, получали возмездіе. О мирныхъ торговыхъ отношеніяхъ не могло быть и помину: всякій отстаивалъ свой участокъ земли; всякій старался обусловить свое политическое существованіе, еще довольно шаткое, значительно неопредѣленное. Поморы, отданные подъ защиту, покровительство и вѣдѣніе Соловецкаго монастыря, строили остроги, содержали на общественный счетъ, въ острогахъ этихъ, присылаемыхъ изъ Москвы стрѣльцовъ съ пушками, пищалями и пороховымъ зельемъ, мирно занимались рыбными и звѣриными промыслами, сбывая ихъ, и то изрѣдка, въ одинъ Архангельскъ, извѣстный еще тогда подъ именемъ *Порта св. Николая*. Сюда, еще во времена Ивана Грознаго (въ 1553 г.), по ошибкѣ и случайности, зашелъ на корабляхъ Ричардъ Ченслеръ, названный двинскимъ лѣтописцемъ Рыцертомъ, посломъ англійскаго короля Эдварта. Ченслеръ искалъ прохода въ Индію, но нашелъ ласковый пріемъ при дворѣ Іоанна Грознаго и получилъ позволеніе на торговлю. Въ 1557 году въ Лондонѣ учредилось общество съ цѣлю основанія этой торговли, а въ 1569 году королева Елизавета заключила уже формальный торговый трактатъ. Французскіе и голландскіе корабли не замедлили явиться съ товарами, хотя англичане вскорѣ успѣли овладѣть монополіею двинской торговли и довели дѣло до того, что царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, въ 1584 году, приказалъ заложить близъ устья Двины новый городъ—Архангельскъ, за удаленностью отъ моря города Холмогоръ. Торговля Архангельска усиливалась, городъ увеличивался народонаселеніемъ, число приходящихъ кораблей возрастало, а съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжно усилилась и промышленная дѣятельность всего поморскаго края, который уже не беспокоили нѣмцы. Царь Ѳеодоръ Ивановичъ и потомъ Борисъ Годуновъ ослабили монополію англичанъ, дозволивъ приходъ всѣмъ иноземцамъ (съ 1604 г. стали ходить гамбургскіе корабли), а царь Алексѣй Мпхайловичъ даже вовсе запретилъ англичанамъ торговлю. Монополистами сдѣлались голландцы съ одной стороны и русскіе *гости* московскіе, костромскіе, галицкіе, вологодскіе, ярославскіе и казанскіе—съ другой. Поморцы пользовались ничтожными выгодами. Такимъ образомъ, шло дѣло до временъ Великаго Петра. „Изъ Москвы—говоритъ г. Пушкаревъ, авторъ „Описанія Архангельской губерніи“—везли въ Архангельскъ товары зимою до Вологды, откуда, по Сухонѣ и Двинѣ, сплавляли ихъ на судахъ. Въ іюлѣ приходили въ Архангельскъ иностранные корабли и торговля продолжалась до сентября. Это время называли *ярмаркою*. Въ октябрѣ иностранные корабли отходили отъ архангельскаго порта. Главными отвозными товарами были: паюсная икра (доставляемая изъ Астрахани), мѣха и звѣриныя шкуры (отпускалось до 600 сороковъ соболей, до 350,000 бѣлокъ, до 16,000 лисицъ, до 20,000 кошекъ), юфть, пенька,

лень, холстъ, поташъ, смола, деготь, сало, мыло, щетина, рогожи, (до 400,000 штукъ), слюда, рыбій клей, лѣсъ и проч. Стало-быть, собственно поморскихъ не было. Иностранные привозные товары были разнообразны, состоя изъ золота, серебра, драгоценныхъ каменьевъ, посуды, мебели, галантерейныхъ вещей, суконъ, бархатовъ, парчей, шелковыхъ тканей, колониальныхъ произведеній, аптекарскихъ материаловъ, экипажей, сахару, лимоновъ, испанскихъ и французскихъ винъ и проч. Провозъ отъ Москвы до Вологды стоилъ 4 коп. съ пуда, а съ Вологды водою 15 коп. съ пуда. За всѣ привозные товары платилось съ цѣны по 6 процентовъ пошлины. Если иноземецъ везъ ихъ самъ въ Москву, взыскивались еще 10 процентовъ и въ московской таможнѣ особо 6 процентовъ. Съ вывозимыхъ товаровъ, если они мѣнялись на привозные, ничего не взыскивали, но если отпускались безъ вымѣна—брали также 6 процентовъ.

Петръ I, послѣ первой поѣздки своей въ Архангельскъ, дарованіемъ многихъ льготъ, уменьшеніемъ пошлинъ, повелѣніемъ возить товары на казенныхъ корабляхъ, успѣлъ усилить бѣломорскую торговлю до того, что число ежегодно приходившихъ кораблей возрасло до 150, а сумма пошлинъ до 150.000 р. Но основаніе Петербурга и желаніе усилить значеніе новаго города заставили Петра сначала ограничить ($\frac{2}{3}$ товаровъ должны идти въ новую столицу и только $\frac{1}{3}$ въ Архангельскъ), а потомъ и совершенно ослабить архангельскую торговлю. Указомъ 1722 года запрещено отпускать русскіе товары за море и позволено привозить въ Архангельскъ только то количество товаровъ, какое необходимо для мѣстнаго потребленія. Уничтожая одною рукою, Петръ Великій, въ тоже время, созидалъ другой. Въ 1703 г. онъ дозволилъ Шафирову и Меншикову учредить компанію для усиленія рыбныхъ, звѣриныхъ и китовыхъ промысловъ по Мурманскому берегу океана и по всѣмъ бѣломорскимъ побережьямъ, и для этой цѣли выписывать изъ Голландіи мастеровъ. Однако, компанія не оправдала надеждъ великаго царя: дѣла велись неправильно мастерами, недобросовѣстно руководили имъ и ближніе царскіе довѣренныя. Петръ, уничтоживъ въ 1721 году компанію, дозволилъ заводить подобныя частнымъ лицамъ. Дѣло нисколько не поправилось. Первымъ основалъ компанію купецъ Евреиновъ, въ 1722 году, но не имѣлъ успѣха, какъ и иностранецъ Гарцинъ (въ 1723 г.). Царь дозволилъ свободу промысловъ безъ исключительныхъ компаній и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ дѣлѣ кораблестроенія, нашелъ исполнителя въ томъ же умномъ холмогорцѣ Баженинѣ. Баженинъ, въ годъ смерти любившаго его монарха, посылалъ для промысловъ три судна съ голландскими мастерами, но тоже безъ значительнаго успѣха. Точно также шло дѣло и въ послѣдующія царствованія. При Елизаветѣ промысла подчинялись монополіи графа Шувалова до 1768 г. Въ этотъ

годъ всѣ монополіи уничтожились. Съ 1803 по 1813 г.—десять лѣтъ—существовала Бѣломорская компанія, которая также не принесла особенной пользы. Естественнo, что при такой обстановкѣ и условіяхъ самая торговля поморовъ, помимо архангельской монополіи, не могла существовать самостоятельно, идти впередъ, имѣть что-либо характеристическое, самобытно-русское. И теперь, когда вся торговля архангельскаго порта находится исключительно въ рукахъ монополистовъ—нѣмцевъ и англичанъ, поморы довольствуются незначительнымъ паемъ въ заграничной торговлѣ—паемъ, добытымъ съ бою. Вся поморская заграничная торговля производится только съ *четырьмя* маленькими норвежскими крѣпостями: Гаммерфестомъ, Вардэгусомъ, Вадзэ и Тромсеномъ,—но и торгояля эта большею частію мѣновая, и та почти вся находится въ рукахъ мѣстныхъ деревенскихъ монополистовъ. Дѣла общины, дѣла артели и обоюдныхъ соглашеній здѣсь нѣтъ. Торговлю эту начинаетъ тотъ, у кого есть значительный капиталъ (пожалуй, даже хотъ и нажитый отъ столичныхъ раскольниковъ) и есть крупное морское судно, особенно шкуна или гальотъ. Значеніе этой торговли много усиливаетъ Мурманскій берегъ и спопутные берега, на которыхъ производится салные промыслы. Кемское судно, обрядившись съ весны, обираетъ на мѣстѣ улова рыбу, сало за полцѣны на Корельскомъ, Терскомъ и Мурманскомъ берегахъ и съ этимъ грузомъ идетъ въ первую попавшуюся на встрѣчу норвежскую крѣпостцу и, конечно, преимущественно въ ту изъ нихъ, въ которой оно уже успѣло завести знакомство и начать дѣла. Здѣсь оно сбываетъ товаръ свой и вымѣниваетъ соль (безпошлинно), шкуры, треску (если попадается сходнѣе мурманской), запасается винами, преимущественно крѣпкими, коньякомъ, ромомъ и ликеромъ (по поморски *литърою*), накупаетъ фаянсовыхъ чашекъ и всего, что находитъ дешевле домашняго, и благополучно, умѣючи, проскользаетъ со всею этою контрабандою и неконтрабандою мимо океанскихъ и морскихъ буръ, мимо норвежскихъ и русскихъ таможенныхъ досмотрщиковъ.

Начало торговли этой должно относить къ 1811 году, когда кемлянамъ, императорскимъ указомъ, для поправленія бѣдственнаго состоянія города, дозволено вывезть 2,000 четвертей хлѣба въ Норвегію, для вымѣна на рыбу, безпошлинно. Въ 1820 году указъ этотъ повторился. Кемляне промѣняли на ту же рыбу 6,000 четвертей также безпошлинно. Вѣроятно, эти сношенія, всегда мирныя и направленные къ обоюдной пользѣ, послужили къ болѣе частому и близкому сношенію нашихъ поморцевъ съ поморами норвежскими. Окончательно скрѣпились они съ той поры, когда дозволенъ привозъ заграничной соли безпошлинно, въ видѣ поощренія рыбной промышленности. Только, кажется, пока въ этомъ отношеніи и имѣетъ еще нѣкоторое значеніе для поморскаго края Норвегія, не говоря о сильномъ, замѣтномъ

при первомъ взглядѣ нравственномъ вліяніи, о которомъ мы должны говорить послѣ.

Точно также *по вѣри* и старымъ примѣтамъ и при тѣхъ же плохихъ компасахъ ходятъ наши поморы и океаномъ въ Норвегію, какъ ходятъ они по своему родному Бѣлому морю. Не много получаютъ тамъ выгодъ, немного привозятъ и свѣдѣній. Всѣ свѣдѣнія ихъ ограничиваются, при разсказахъ, тѣмъ, что Омарфистъ (Гаммерфестъ) какъ бы и городъ, но хуже Кеми; что въ губѣ его есть мѣдный заводъ, на которомъ работаютъ бѣглые русскіе солдаты; что губа эта до того велика, что въ ней могутъ установиться всѣ бѣломорскія суда, и большія и малыя, что когда океанъ гудеть — вода въ гавани рябитъ только; что Варгаевъ (Вардэгусъ) — крѣпость: комендантъ живетъ, пушки стоятъ, солдаты видны, что тамъ и сямъ по нашему лавка, по ихнему крамъ; что, наконецъ, города больно плохи, дома деревянные, но на каменномъ фундаментѣ.

— Живутъ норвеги весело — прибавляютъ другіе. Только и дѣла у нихъ, что гостѣбу гостить, да пуншты съ хорошимъ своимъ ромомъ пить. До страсти любятъ! Всякій ходитъ со своей трубочкой; всякій, почитай, табакъ куритъ. Разговоры большихъ не ведутъ, а больше въ молчанку играютъ. Зато ужъ и спать люты, особо купечество: во вторую выть къ иному придешь, по-нашему бы обѣдать пора, а онъ еще въ постелькѣ своей прохлаждается, да кофеекъ въ этихъ же постелькахъ, не вставучи попиваетъ. Хозяюшка ему и кофеекъ-отъ этотъ припасаетъ, она ему и обѣдъ стряпаетъ, а онъ, знай, лежитъ чуть не по три выти ($\frac{3}{4}$ сутокъ); для того и перины на мягкомъ, да тепломъ гагачьемъ пуху дѣлаютъ и гагачимъ же одѣяльцемъ накрываются. Счастливый народъ! На пути съ землякомъ своимъ, али и съ нашимъ братомъ встрѣчаются — шапочки не сниметъ, а привѣтъ свой сказываетъ: „тузи такъ!“ (tusend tack). Опять же по праздникамъ гопку (hopska) свою охочи плясать, да не хорошо больно, не весело: словно въ ступу толкутъ, отъ одного мѣста далеко не отходятъ, ровно боятся, чтобъ не занялъ ихъ кто. Не весело, не по нашему!

— Фивмана въ городахъ ихнихъ попадаются — дряннъ народъ. Одни по бочкѣ водки въ день выпиваютъ — зельное пьянство! На ногахъ носить упаки съ сѣномъ. Народъ мелкій, гнилой. Листовой табакъ жуютъ; за паухой всегда водку держатъ; говорятъ по норвежски, богаты оленями, промыслами никакими не занимаются. Спятъ на березовыхъ вѣникахъ. Любятъ дарить и отдариваться — вотъ только и есть въ нихъ хорошаго!...

— А народъ эти норвеги, разсказывали третьи: — народъ обстоятельный, любятъ на аккуратъ, да на честность всякое дѣло. Вотъ пришелъ ты къ нему и сказываешь ему по ихнему:

— Куфманъ! кюфть молъ планка! купи доски, али бо: кюфть фишка—рыбу тоись. Надо ему—онъ тебѣ сейчасъ отвѣтъ даетъ:

— О есть кюфть—надо молъ. А то: кайниге кюфть; али-бо: ики-кюфть—ступай де къ другому—не надо. Ну, да ладно, постой! Надо норвегу товаръ твой, покупать хочеть, „о есть кюфть“ сказалъ, то сейчасъ замолчить немного и опять спросить:

— Ватъ прейсъ?—цѣна-де какая? Тутъ хочешь деньги, на деньги сказывай. Больше же, правда, на мѣну идетъ: „ватъ вара форъ юръ“—товаръ на товаръ по нашему: фишку беремъ—треску значить, салтъ—соль, торфишь—сухую треску, рофишь—сырую, салтъфишь—соленую, искинварь—мѣха беремъ, решнинвари—лисицъ покупаемъ. Сторгуемъ—норвегъ сейчасъ русси принципаль—хозяинъ значить, и рушмановъ—работниковъ по нашему, сейчасъ въ свой крамъ ведетъ—въ лавку. Въ лавкѣ онъ этой всякое угощеніе хорошее даетъ ромомъ, винами, литѣрой. Тутъ ужъ не стоитъ за доброе свое; худо, коли ты стрекача дашь. Норвегъ на святое слово твое вѣритъ, ему и задатку не надо. А коли уговорился ты съ нимъ, да сталъ около другого куфмана ладиться взять барыша побольше—держишь: сейчасъ засудятъ. Прежде головы рубили, теперь перестали, и не вѣшаютъ. Прежде ты съ нимъ на иномъ какомъ языкѣ не говори, опричь ихняго: изловчайся, какъ сможешь. Нонче и они стали простираться на нашъ языкъ; иные такъ и больно же бойко сыплютъ—выучились. Прежде, слышь, изъ дому къ нимъ ѣдешь и окликаютъ они тебя по своему: „куры фра?“—куда-де идешь?—Гамерфештъ-молъ, Тромсенъ, Васенъ, да съ тѣмъ и мимо. А новѣ и шельму пошлютъ и другое какое ни есть слово совсѣмъ наше и совсѣмъ по нашему. Вѣрно такъ!...

Къ этимъ свѣдѣніямъ о новержской торговлѣ можно присоеди- нить еще то, что самымъ выгоднымъ продуктомъ для этой торговли въ безлѣсной Норвегіи служатъ доски. За брусочки, стоящіе въ казнь въ Онегѣ по 1½ коп. штука, т. е. 1½ руб. сер. сотня, норвежскіе купцы давали рублей 20 сер. (конечно, товаромъ больше); за футъ доски—3 *икилина*, такъ-что за доску, стоящую въ Онегѣ 10 коп. сер., получали около 2 руб. асс. и всего 1 руб. 60 коп. асс. чистаго барыша, за очисткой переправочныхъ расходовъ. Также хорошо идетъ въ продажѣ щипаная пакля, на приготовленіе которой поморы употребляютъ досужее, свободное время самихъ переѣздовъ въ Норвегію *.

* Поморъ, сообщившій мнѣ всѣ эти свѣдѣнія, зналъ больше сотни норвежскихъ словъ и, между прочимъ, счетъ, который онъ понималъ такъ: 1—инъ, 2—ту, 3—фирн, 4—фире, 5—фэмъ 6—сексе, 7—сю, 8—ота, 9—нѣ, 10—тѣ, 11—ельве, 12—толве, 13—фретниъ, 14—фюртинъ, 15—фэмтинъ, 16—сестинъ, 17—сѣюстинъ, 18—аттинъ, 19—вэтинъ, 20—тювэ, 21—тювэ о-инъ, 30—тридсвѣтъ, 40—фюртинъ, 50—фемоти, 60—сексати, 70—сѣюати, 80—атати, 90—нѣати, 100—гундѣръ, 1000—тѣюниъ. Монеты есть-де

Все закупленное или вымѣненное, такимъ образомъ, въ Норвегіи торговцы поморы обыкновенно продаютъ по пути въ становищахъ Мурманскаго берега, преимущественно же вина и соль. Этими обстоятельствами особенно пользуются хозяевами покрутовъ. Они обирая по пути первую рыбу, везутъ и продаютъ ее въ Норвегіи, здѣсь закупаютъ соль и вино. Соль пускаютъ въ оборотъ на собственное дѣло осола поздней рыбы; виномъ забираютъ въ кабалу своихъ покрутчиковъ на слѣдующіе годы. Фарфоровую посуду везутъ для похвальбы и чванства въ деревню, за стеклами въ шкапикахъ.

Между злоупотребленіями, зависящими прямо отъ тѣхъ же поморовъ, торгующихъ съ Норвегіей, сами промышленники ставятъ шалости, тѣхъ изъ своей братіи, для которыхъ честность не всегда дорога, первая и главная доблесть торговца. Рассказываютъ три нереккомендательныхъ случая. Одни поморы, продавая доски англичанину въ Гаммерфестѣ (который-де кстати умѣлъ еще не дурно говорить по русски), къ своимъ доскамъ для пущаго счета, приложили украденныя у того же хозяина его доски, да еще попросили денегъ и угощенія! Двое другихъ поморовъ у этого же англичанина украли пустой анкерокъ и продали ему за свой собственный; украли въ другой разъ и во второй разъ сбыли съ рукъ благополучно; на третій попались: хозяинъ узналъ свой анкерокъ, отдалъ имъ деньги и въ третій разъ и съ простиосердечнымъ привѣтомъ: „спасибо хоть мою же штуку, да мнѣ же продаютъ!“ За то другой поморъ заплатился 400 руб. асс. за то, что пьяный велѣлъ рабочимъ своимъ валить баластъ прямо съ судна въ портъ. Въ дабавокъ къ денежному штрафу, виновнаго продержали еще цѣлые сутки подъ арестомъ. Одному норвежцу захотѣлось попробовать хваленаго русскаго квасу. Для этой цѣли онъ обратился къ первымъ попавшимся русскимъ промышленникамъ. Тѣ выговорили себѣ два пуда муки, потомъ припросили еще одинъ пудъ послѣ. Изъ этихъ трехъ пудовъ, истративши всего, можетъ быть, не больше десяти фунтовъ, они сварили два анкерка квасу, который еще вдобавокъ, по всему вѣроятію, и не понравился норвежцу. Поморы, какъ извѣстно, въ домашнемъ хозяйствѣ живутъ за женами и все-таки пьютъ отвратительный квасъ, да и тотъ весьма рѣдко.

Торговлей съ Норвегіей, помимо дальнихъ мурманскихъ и новоземельскихъ промысловъ, занимаются кромѣ кемлянъ, и всѣ другіе

у нихъ больше бумажныя, золота не встрѣчалъ, серебра (спэсннъ) довольно, хотя-де и своего счета: урга—30 коп. сер., полурга 15 коп. сер., половина сэспнна—вальковы. Бумажныя деньги моему давнему ходоку и торговцу въ Норвегіи—честному и толковому кемскому промышленнику, попадались на глаза въ 2½ руб., въ 5, въ 25 руб., по сравнительной цѣнности съ нашими деньгами считая эту цѣнность на серебро. Хотя, въ то время, и опять таки торговля производится на мѣну—*вара фбрь вара*, говоря выраженіемъ искусившихся въ познаніи норвежскаго языка нашихъ толковыхъ поморовъ.

поморы поморскаго берега Бѣлаго моря, каковы жители селеній Шуи, Сордки, Сумы и нѣкоторыхъ другихъ.

На томъ же карбасѣ, тѣмъ же путемъ прибрежнаго плаванія (7 верстъ рѣкою Кемью и 30 открытымъ моремъ) достигъ я до перваго за Кемью селенія поморскаго берега—Шуи. Немного интереснаго и своеобразнаго представляетъ и это село, правда, значительно людное, съ лучшими, болѣе красивыми строеніями, чѣмъ всѣ тѣ, которыя видѣлись на берегахъ Корельскомъ и Терскомъ. Въ Шуѣ встрѣчается уже не одинъ на все селеніе, но нѣсколько богачей-монопольщиковъ, имѣющихъ, какъ сказывали, можетъ-быть, только на половину меньшіе капиталы противъ кемскихъ богачей. Легче ли отъ этого трудовымъ рабочимъ и недостаточнымъ шуянамъ—рѣшить не трудно, тѣмъ болѣе, что и богачи села Шуи, по всѣмъ наглазнымъ примѣтамъ, положительно ни въ чемъ не разнятся отъ всѣхъ другихъ достаточныхъ мужиковъ Поморья. Тоже стремленіе къ роскоши, проявляющееся въ фарфоровыхъ чашкахъ, чайникахъ, несмѣтномъ множествѣ картинъ по стѣнамъ, въ нѣсколькихъ стѣнныхъ часахъ, разнаго рода и вида, съ кукушками и безъ кукушекъ. Какая-то крѣпкая самоувѣренность въ личныхъ достоинствахъ и развязность въ движеніяхъ, хотя въ тоже время и своеобразная развязность, которая высказывается въ протягиваньи руки первымъ, въ смѣломъ движеніи сѣсть на стулъ безъ приглашенія и т. под. Богатые поморы, какъ и шуяне, въ этомъ отношеніи, находятся въ переходномъ состояніи, отдаляющемъ ихъ отъ простаго рабочаго крестьянина и приближающемъ нѣсколько къ значенію богатѣющаго купца. Не такъ бѣдно и не такимъ угнетеніемъ смотритъ быть и тѣхъ шуянъ, которые, не наживши еще собственныхъ капиталовъ, пока всецѣло находятся въ рукахъ богатыхъ сосѣдей. Даже и у бѣдныхъ на первыхъ порахъ можно замѣтить нѣкоторое стремленіе къ роскоши и комфорту. На женахъ и дочеряхъ ихъ—ситцевые сарафаны яркихъ цвѣтовъ ежедневные. Гребцы мои, дѣвки, сверхъ платья надѣвали *нарукавники*—родъ курточки или теплые рукава, сшитыя между собою тесемками. Наружники эти предохраняли руки отъ простуды въ то время, когда дѣвки-гребцы положили весла, наладили парусъ и отъ бездѣлья принимались или за ѣду, или за сплетни. Стремленіе къ роскоши и какому-то, какъ кажется, даже тщеславію доходитъ здѣсь до того, что туеза (бураки) и лукошки по всему Поморью, не природныхъ цвѣтовъ, но обычно выкрашены масляными красками съ изображеніемъ различныхъ цвѣтковъ и предметовъ.

Шуйская церковь великомученицы Параскевы существуетъ около 300 лѣтъ и, неподновляемая лѣтъ 50, приходитъ къ конечному раз-

рушенію. Выстроенная въ формѣ осмиконечнаго креста въ довольно значительныхъ размѣрахъ, она можетъ, до извѣстной степени, указывать на давнюю достаточность жителей Шуерѣцкой волости. Внутри этой церкви находится рѣзное изображеніе мученицы съ вѣнцомъ на головѣ, украшеннымъ жемчугомъ, и крестомъ въ рукѣ съ частицами мощей. Изображеніе это, какъ говорятъ, относится къ первому заселенію этого мѣста деревнею. Другая церковь, во имя св. Николая Чудотворца, успѣвшая также значительно обветшать, построена при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 1753 года. Во всѣхъ церквахъ этихъ большая часть оконъ до сихъ еще поръ слюдяная. На обклейку внутреннихъ стѣнъ ихъ шуйское невѣжество истребило всѣ старинныя бумаги, между которыми, какъ говорили, попадались и свитки, и была одна *смѣшная* (какъ выразился мой рассказчикъ) росписка одного шуянина другому, въ которой заимодавецъ пишетъ должнику, что если онъ не отдастъ ему денегъ къ сроку, то ему будетъ стыдно.

На другой день, рано утромъ, бойкій западный вѣтеръ успѣлъ въ часть времени разогнать всѣ сбиравшіяся на небѣ тмени—облака и, начавши бойко, вскорѣ смолкнулъ, давая, такимъ образомъ, возможность пуститься далѣе. Къ тому же на тотъ часъ начиналась полная вода (послѣднее время прилива). Я отправился.

Полная вода дала намъ возможность выбраться въ море черезъ мель, засыпавшую устье рѣки Шуи, по обыкновенію, шумливой и порожистой, и загороженной въ двухъ мѣстахъ семожими заборами. Бойкій западъ пронесъ насъ между спутными островами чрезвычайно скоро и еще болѣе оттого, что вѣтеръ этотъ не распускаетъ въ Бѣломъ морѣ волненія. Только за послѣднимъ наволокомъ и уже въ открытомъ морѣ мы нашли довольно значительной силы взводень, распущенный побережникомъ (NW), смѣнившимъ западъ. Вѣтеръ этотъ былъ намъ попутнымъ. Начинаясь ночь, которая могла бы отдавать даже теменью въ это время года (были первыя числа августа), но по небу гулялъ мѣсяцъ. Онъ то серебрилъ воду, то, скрываясь за встрѣчнымъ облакомъ, обливалъ бродившія волны мракомъ, густымъ мракомъ, который на этотъ разъ дѣлалъ морской взводень страшнымъ на видъ, способнымъ не на шутку напугать воображеніе.

Ровно двѣнадцать часовъ плыли мы эти 35 верстъ разстоянія, отъ Шуи до слѣдующаго поморскаго селенія, то подъ мрачнымъ обаяніемъ темноты и высокихъ волнъ морского взводня, то подъ чарующимъ обаяніемъ луннаго свѣта, серебрившаго хребты волнъ, бѣлившихъ хребты дальняго берегового гранита. Надъ нимъ разстился въ непроглядномъ мракѣ темный лѣсъ.

Передо мною селеніе Сорѣка, густо-населенное, разбросанное на значительномъ пространствѣ, съ церковью, съ красивыми, выкрытыми тесомъ и покрашенными краской домами, которые могли бы сдѣлать честь даже городу Кеми.

Селеніе Сорока извѣстно по всему сѣверу красавицами, какихъ, дѣйствительно, трудно сыскать въ другихъ мѣстахъ русскихъ губерній. Сороцкія дѣвушки и женщины—красавицы почти всѣ безъ исключенія. Еще громче, настойчивѣе и докучливѣе визжать пороги (ихъ здѣсь, вмѣсто одного, уже два). Прямо передъ деревнею разстилается широкая губа, изъ-за дальняго берега которой чуть-чуть чернѣютъ дома ближняго (въ 4 или 5 вер.) селенія Шизни и серебрится на лунномъ свѣтѣ крестъ его деревянной церкви. Въ губу эту, мелкую (при отливѣ пройти нельзя)—Сороцкую—заходитъ такое несмѣтное количество сельдей, что, по словамъ туземцевъ, вода густѣетъ, какъ песокъ или каша: шапку кинь на воду—не потонетъ, палку воткни туда—не упадетъ, а только вертится...

Село оказалось на острову, образованномъ рукавомъ р. Выги, носящимъ имя Сороки и имѣющимъ въ окружности до 3 верстъ. Стоящая на берегу рукава часовня означаетъ мѣсто, гдѣ былъ погребенъ скончавшійся здѣсь преподобный Зосима, мощи котораго перенесены были потомъ въ сооруженный ими Соловецкій монастырь. На эту деревню выходитъ прямой и естественный путь, по порожиному Выгу изъ Олонецкихъ странъ, для богомольцевъ. Другой притокъ этой рѣки, Шижня, въ четыре версты длиной, вышедшій на 9 верстъ выше Сороки и впадающій прямо въ море, намѣтилъ мѣсто деревушки этого же названія и также устроившейся на острову до 20 верстъ въ окружности, и также съ церковью, по неизмѣнному обычаю Поморья, во имя Николы.

5. Сельдяной промыселъ.

Арктическіе льды и приполюсныя страны почитаются кореннымъ мѣсторожденіемъ сельдей. Здѣсь мечется ими икра, здѣсь икра эта оплодотворяется и здѣсь же родятся несчетныя мириады существъ сельдяного рода (*Clupea harengus*). Подъ вѣчными, стоячими ледяными полями, можетъ-быть также древними, какъ самая вѣчность, вырастаетъ на самомъ днѣ, неизмѣримо глубокомъ и отъ вѣковъ зачурованномъ, все поколѣніе сельдяного рода, каждый паюсъ икры котораго, по словамъ естествоиспытателей, содержитъ до 10,000 яицекъ и, стало-быть, тоже число отдѣльныхъ существъ. Все это несчетное множество существъ этихъ, въ первые дни по рожденіи, спокойно въ тиши морской пучины, въ сторонѣ отъ лютыхъ враговъ своихъ, вырастаетъ въ нѣжную, крупную, бѣлую рыбу. Вслѣдъ затѣмъ, слѣдуя неизмѣнному закону природы, весною вся эта масса народившихся сельдей подымается съ океанскаго дна на поверхность и начинаетъ отдѣльными отрядами, семьями, *рунами* совершать свои полярныя переселенія. Переселенія эти совершаются одинъ разъ въ годъ, какъ одинъ

разъ въ годъ производится и самое нарожденіе всей сельдяной массы океана. Сельди идутъ всегда къ югу, идутъ всегда тѣсными, плотными рунами подъ руководствомъ и предводительствомъ королька. Инстинктъ этого вожатаго ведетъ все стадо въ тѣ мѣста, гдѣ уже, можетъ быть, разъ былъ этотъ королькъ и нашелъ безопасныя и тихія заводи, которыя такъ дороги и любезны рыбамъ съ перваго момента ихъ рожденія.

«Походъ сей—говоритъ одинъ изъ первыхъ писавшихъ о сельдяхъ (А. И. Оминъ)—представляетъ человѣческому взору огромное, величественное и преузорочное зрѣлище лицами тьмочисленныхъ разнородныхъ животныхъ дѣйствующаго естества. Зрители съ высочайшихъ корабельныхъ мачтъ не могутъ, вооруженнымъ оптическими пособіями окомъ, достигнуть предѣловъ пространства, сребровиднымъ сельдянымъ блескомъ покрытой поверхности моря. Они описываютъ сіе пространство не иначе, какъ пространство десятковъ миль, густою сельдей наполненное. Сіе стадо во-первыхъ, окружается и со сторонъ перемѣшивается макрелями, сайдою, пикшуями, тресками, семгами, палтасами и многими другихъ родовъ плотоядными, одна другую тѣснящими и сверхъ поверхности моря обнаруживающимися рыбами. Она окружная черта рыбъ знатной широты полосу составляетъ. Но къ умноженію пространства смѣшиваются съ нею по окружности звѣри водноземные: нерпы, сѣрка, тюлени, теваки и прочіе; а сихъ стѣсняють звѣри рыбовидные: дельфины, бѣлуги, акулы, финъ-рыба, косатки, кошелоты и другіе изъ родовъ китовыхъ. Оныя огромныя чудовища въ смятеніе приводятся отъ собственныхъ ихъ мучителей, толпами ихъ преслѣдующихъ пыльщиковъ, палашняниковъ, единороговъ и тому подобныхъ. При таковомъ смятеніи водной стихіи, увеличиваютъ представленіе сего зрѣлища, со стороны атмосферы, тучи морскихъ птицъ, весь сельдяной походъ покрывающихъ. Онъ, плавая по воздуху и на волѣ или хотя по густотѣ сихъ рыбъ, безпрестанно ихъ пожирають и, между тѣмъ, разногласнымъ своимъ крикомъ провозглашаютъ торжественность сего похода. Сверхъ сего множества видимыхъ въ воздухѣ птицъ, сгущается оный водяными столпами, кои киты изъ отдушину своихъ безпрестанно выпрыскиваютъ до знатной высоты, дѣлають сей воздухъ, по причинѣ раздробленія сихъ огромныхъ водометовъ и преломленія въ нихъ солнечныхъ лучей, радужно блестящимъ и дымящимся, а совокупно, отъ усиленнаго шипѣнія и обратнаго сихъ водонзверженій на поверхность моря паденія, буйно шумящимъ. Стенаніе китовъ, нестерпимымъ терзаніемъ отъ ихъ мучителей имъ причиняемое, подобное подземному, томному, но весьма слышимому реву, такожъ звуки ударенія хвостовъ о поверхность моря, сими животными отъ остервенѣнія производимые, представляютъ сіи шумы странными и воздухъ въ ко-

лебаніе приводящими. Сей величественный сельдяной походъ, каковымъ его вообразить возможно, представляетъ, напротивъ того, странный театръ поглощенія, пожренія * и мученія, на которомъ несмѣтнымъ множествомъ и болѣе всѣхъ сельди истребляются“.

Количество истребляемыхъ въ походѣ сельдей пополняется новыми рунами: сельди продолжаютъ метать икру и во время похода такъ, что все-таки еще несмѣтное количество сельдей укрывается отъ преслѣдованій морского звѣря въ тихихъ, мелкихъ губахъ нашего Мурманскаго берега, Канинской и Новой Земли, въ Обской губѣ, по побережьямъ сѣверной и западной части Норвегіи, острововъ Гренландіи, Исландіи, по сѣвернымъ конечностямъ сѣверной Америки, у острововъ Оркадскихъ и около береговъ Великобританіи. Отсюда, направляясь дальше, сельдяныя руны испытываютъ превращенія: проходя Атлантическимъ океаномъ и Гибралтарскимъ проливомъ, онѣ, истомляясь долгимъ и дальнимъ путемъ, израстаются, уменьшаются въ тѣлѣ, измѣняются во вкусѣ. Въ сѣверныхъ заливахъ Средиземнаго моря сельдь уже является въ видѣ *сардинки*, въ Балтійскомъ морѣ въ видѣ *пильчары*. Такой же точно родъ измельчившейся сельди проходитъ въ Печору (подъ именемъ *зельди*, *селми* **, и въ рѣкѣ Усѣ дѣлается рѣшительно похожимъ на итальянскую сардинку. Точно тѣмъ же превращеніямъ подвергается и та сельдь, которая проходитъ изъ океана, черезъ Горло, въ наше Бѣлое море. Величина рыбы уменьшается до $\frac{1}{3}$ относительно полярной гренландской и даже мурманской: бѣлое мясо становится замѣтно красноватымъ. Одинъ родъ бѣломорской сельди крупнѣе, другой нѣсколько мельче и называется *галадья* (cl. *sardina*), третій—значительно уже мельче послѣдней (cl. *sprattus*). Тысяча штукъ перваго рода, пойманныхъ вблизи океана, вѣситъ сначала 7 и потомъ, постепенно ближе къ зимѣ, доходитъ до 5; второй сортъ—галадья (сороцкая) идетъ отъ 2 $\frac{1}{2}$ пудовъ до 1 $\frac{1}{2}$ въ послѣдніе мѣсяцы улова (на пудъ приходится сороцкой сельди 500—750 штукъ).

Мурманскіе промышленники начинаютъ ловить сельдь въ концѣ іюля и только черезъ мѣсяцъ (въ концѣ августа), а чаще и въ сен-

* По свидѣтельству одного норвежскаго писателя, въ желудкѣ вынутой на берегъ косатки найдено болѣе 600 тресокъ съ многими птицами и громадою не изгнившихъ еще сельдей. Такой же точно случай недавно повторился и въ нашей Колѣ.

** Печорская зельдь—не пастоящая, впрочемъ, сельдь, и хотя посоленная подобится вкусу сельди, но далеко уступаетъ въ достоинствѣ. Зельдь эту солятъ въ Пустозерскѣ, очищенною отъ внутренностей. Вообще печорскій народъ потрохами рыбьими дорожитъ, потому-что эти внутренности, вываренныя въ кипяткѣ, сверху даютъ отстой жира, замѣняющаго здѣсь масло, которое вообще тамъ рѣдкость. Между тѣмъ *воикса* эта у печорскихъ жителей, отъ привычки, сдѣлалась лакомой и вкусной приправой ко всевозможнымъ родамъ кушаньевъ. Каму, какъ извѣстно, печорцы по милости чердынскихъ купцовъ ѣдятъ.

тябрѣ появляется сельдь въ Бѣломъ морѣ на зимовкѣ и опять - таки подъ предводительствомъ тѣхъ же корольковъ. Несчастный случай гибели королька дѣлается гибелью всего руна: сельди тогда рассыпаются на мелкіе отряды; рѣдко, счастливымъ случаемъ, попадаютъ они въ заливы и губы, чаще прибываютъ на открытые морскимъ вѣтрамъ берега. Здѣсь разбиваются они напоромъ волнъ о гранитные камни и выметываются грудами на побережья. Осенью 1777 года былъ такой случай на отмеляхъ Абрамовой-Пахты, въ семи верстахъ отъ города Козы, когда стадо сельдей обсохло въ колѣно вышиною и выкинуто было потомъ на берегъ. Весною принуждены были, для предотвращения заразы, сносить ихъ дальше, въ тундру.

Изъ лучшей породы сельдей, собственно полярной, названной нашими *заурей*, ловится незначительное количество, и при томъ ловъ этотъ не составляетъ особенной отрасли промысла. Когда въ Кольскую губу навалило несмѣтное руно, коляне черпали сельдей ведрами. На Мурманскомъ берегу рыбу эту ловятъ для тресковой наживки и частью на уху для дневного пропитанія, и то только для того, чтобы сѣмоя и тресковая съ палтасиной уха (щерба — по туземному) не набила, что называется, оскомины. Тоже самое можно сказать и про Новую Землю, и про печорское устье; а у Канинскаго полуострова ее даже и ловить некому. Сельдь легко здѣсь дѣлается добычею морского звѣря, который за то и приходитъ сюда въ замѣтно большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ, исключительный уловъ сельдей производится только въ Бѣломъ морѣ. Дѣломъ этимъ заняты всѣ приморскія селенія, помѣстившіяся вблизи мелкихъ, защищенныхъ отъ морскихъ вѣтровъ губъ. Ловятъ сельдей: Соловецкій монастырь, деревни Канда-лакша (крупныя сельди), Ковда (средней величины), Княжая, Кереть, Гридино (самыя крупныя), село Покровское, Онежской губы Сордка и сосѣднія съ нею деревни. Жители Корельскаго берега, или вообще побережья Кавдалажской губы, для ловли сельди выбираютъ преимущественно лѣтнее время, когда рыба еще способна метать икру, и когда потому бываетъ суха и тоща. Къ осени выловленная рыба засаливается и по первому зимнему пути сбывается въ продажу. Мерзлая рыба идетъ только съ Корельскаго берега, и все по той причинѣ, что у жителей его есть большая возможность сбывать въ селеніи Шунгѣ (Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губ.). До 100,000 пудовъ этой рыбы сбываютъ они въ этомъ селеніи и на архангельскомъ рынкѣ. На Терскомъ берегу, за значительнымъ уловомъ семги, къ ловлѣ сельдей не кладутъ ни малѣйшаго старанія. Жители онежскаго села Покровскаго, вылавливая до 15,000 пудовъ, продаютъ ихъ мерзлыми по сосѣднимъ уѣздамъ и деревнямъ, но никогда почти не засаливаютъ ихъ; здѣшнія сельди не уступаютъ въ добротѣ сороцкимъ. Таковы

же точно и сельди двинскихъ устій Зимняго и Лѣтнаго береговъ. Здѣсь онѣ составляютъ самый меньшій и притомъ самый ничтожный предметъ вниманія, хотя на архангельскій рынокъ зимою нѣсколько сотъ вожовъ являются съ мерзлыми сельдями почти исключительно изъ этихъ мѣстъ.

Во всякомъ случаѣ, главными мѣстами улова этой рыбы надо почитать Пднѣгаму (селеніе Корельскаго берега), Соловецкій монастырь и деревню Сордоку (главнѣе всѣхъ).

Вылавливаемая въ Пднѣгамѣ сельдь самая крупная изъ бѣломорскихъ родовъ этой рыбы и составляетъ одинъ изъ лучшихъ сортовъ ея. На семь пудовъ вѣсу пднѣгамской сельди идетъ только тысяча штукъ; въ осень вылавливается ея до 6,000 пудовъ. Отсюда возятъ сельдей мерзлыми на Шунгскую ярмарку (6 декабря), и рѣдко на Благовѣщенскую (25 марта), по той причинѣ, что оттепели часто захватываютъ возы на дорогѣ, а иногда и на рынкѣ. Коптить ихъ не умѣютъ, солить начали въ послѣднее время, но неудачно, и на архангельскомъ рынкѣ, какъ пднѣгамскія, такъ и гридинскія сельди считаются однимъ изъ худшихъ сортовъ. Въ губахъ острововъ Соловецкаго монастыря попадаетъ галядь и вылавливается въ такомъ огромномъ количествѣ, что по лѣтамъ даетъ монастырю возможность кормить ухю и жареными рыбами людное населеніе обители и огромное количество посѣщающихъ ее богомольцевъ. Для этой цѣли каждое утро выметываются невода. Монастырь, въ тоже время, сельдей этихъ засаливаетъ до 5,000 пудовъ, которые и сбываетъ въ Архангельскѣ; другая часть засола остается на монастырское потребленіе. Такъ какъ засолъ этотъ совершается съ большею опрятностію и вниманіемъ то соловецкія сельди считаются самыми лучшими изъ всѣхъ бѣломорскихъ (особенно выловленные въ Троицкомъ заливѣ Анзерскаго острова). Правда, что рыба эта, при изобиліи корма * у береговъ острововъ Соловецкихъ, дѣлается жирною и даже свѣтлѣетъ тѣломъ. Въ такомъ случаѣ сороцкія должны быть предпочитаемы имъ, хотя, въ тоже время, засолъ ихъ отвратительно-дуренъ. Каждая тысяча этихъ сельдей вѣситъ только два пуда, потому сороцкая сельдь—самая мелкая, но зато и самая вкусная: уха изъ нея легко можетъ спорить съ прославленной стерляжью. Не отличаясь особенною бѣлизною тѣла, рыба здѣшняя имѣетъ сладкое и твердое мясо, способное, по примѣтамъ знатсковъ дѣла, держать въ себѣ засолъ долгое время и, стало-быть, не скоро портиться. По несчастію, и отсюда также идетъ рыба болѣе въ мороженомъ и таломъ состояніи и, сравнительно, въ ничтожномъ числѣ осоленною. Коптить ее здѣсь также не умѣютъ и

* Кемскія сельди, напримѣръ, сухи и, вѣроятно, потому, что тамъ на днѣ моря въ изобиліи наметано такъ называемой *няши* (т. е. илу).

здѣшняя сельдь (какъ и всего Бѣломорья) коптится не на мѣстахъ добычи, а въ другихъ городахъ, и нерѣдко другихъ губерній (какъ напр. Вологодская).

Преимущественный сбытъ сороцкихъ сельдей — какъ уже и сказано — производится въ мороженомъ ихъ видѣ, и притомъ не на вѣсъ или на счетъ, а возами (двухмѣсячный уловъ, какъ говорятъ, доходитъ отъ 30 до 40 тысячъ воевъ; въ каждомъ возѣ полагаютъ до 15,000 штукъ рыбы). Съ возами этими привѣзжаютъ сюда въ осеннее время торгошники изъ губерній Олонецкой и Вологодской, а нерѣдко и ближайшіе корелы. Часть сбывается на Шунгской ярмаркѣ и все количество сороцкой сельди идетъ большею половиною въ Петербургъ. Сами сорочане въ торговлѣ сельдями участвуютъ рѣдко. Коптятъ сороцкихъ сельдей обыкновенно жители села Кубенскаго (Вологодской губерніи).

Вотъ въ какомъ небреженіи находится этотъ родъ промысла, и вотъ какъ рассказывался мнѣ одинъ случай самовидцемъ событія, сорочаниномъ же:

— Къ нашему мужичку корель на возу за сельдями привѣхалъ. Спросилъ: есть ли? — Есть-де карбасъ полонъ, съ верхомъ. Стали спорить, торговаться. Поладили. Купилъ корель весь карбасъ за одинъ рубль мѣдью.

— Бери же, смотри, все! — приговорилъ хозяинъ.

— Ладно, все возьму: тебѣ не оставляю, небось!..

— Сталъ корель складывать рыбу бережненько, хозяинъ стоитъ — пожидается; нѣтъ, нѣтъ да и припугнетъ кореляка, чтобы поскорѣе дѣло дѣлалъ, не медлилъ: некогда-де. Навалилъ корелякъ рыбы полонъ возъ, такъ-что ужъ и класть стало некуда. А въ карбасъ лежитъ еще много.

Стоитъ хозяинъ, сторожитъ, покрикиваетъ:

— Всю бери, мнѣ не надо!

— Да, вишь, мнѣ некуда: тебѣ дарю!

— Съ подареньемъ-то твоимъ тебѣ же и подавиться. Куда мнѣ твоя рыба? Бери знай. Мнѣ съ ней куда дѣваться некуда. Экой дряни у насъ много. Ты бы еще песку, вонъ, морского подарилъ мнѣ.

Сталъ корель опять куда ни попало прятать, и попрыгалъ кое-что, да мало.

— Нѣтъ, говоритъ: — не могу: лучше-де, слышь, тебѣ оставляю!

Взялся нашъ хозяинъ за строгость да за палку.

— Ты, говоритъ: — купилъ всю — всю и бери, хоть подавися!

— Пригрозилъ эдакъ, поругался, самъ сталъ пихать, да уминаетъ боками, и смѣется: стало на смѣхъ кореляку дѣлалъ! Поладили такъ-то. Всей рыбы не убралось; однако, отпустилъ кореляка и домой пришелъ, и спать на ночь легъ. На первомъ забытъ слышитъ стучить кто-то въ оконцо, зазывается.

Высунулъ бороду въ оконцо, смотреть—корелякъ стоитъ.

— Что, братъ, корелушко?

— Лошадка не смогла, пала. Емандую (не знаю), отчего пала.

— Тяжело стало—возъ нагрузилъ; много рыбы купилъ. Не алчбилъ бы больно-то! Ну да ладно, посбросай съ воза-то побольше—бери мою лошаденку. Пошутить, вѣдь, я съ тобой. Будетъ время, приведешь лошадку...

— Съ тѣмъ и разстались. А корелякъ не привелъ лошадки, да и въ деревню нашу съ той поры и глазу не кажется, мошенникъ.

Въ Сороцкую губу изъ вѣковъ уже является одинъ родъ сельдей—галадья, и при этомъ замѣчаютъ, что ея нѣтъ уже ни въ Троицкой губѣ Соловецкаго монастыря, ни въ Гридинѣ; точно также, какъ анзерскія и гридинскія никогда не мѣшаются съ породами кандалажскими и покровскою. Всякая сельдь, по выходѣ изъ океана, отыскиваетъ и всегда находитъ свое мѣсто, если только не признавать возможности и необходимости превращенія породы отъ болѣе или менѣе дальняго путешествія и свойства пищи. Сельдяныя руны приходятъ къ Сорокѣ въ болѣе значительномъ числѣ обыкновенно въ осенніе мѣсяцы, начиная съ сентября и оканчивая серединою ноября, или лучше тѣмъ временемъ, когда губа покрывается льдомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что первый ловъ сельди вообще въ Бѣломъ морѣ (подледный)—егорьевскій (около 23 апрѣля) даетъ рыбу съ поспѣлой икрой и молокомъ, но мелкую. За этой слѣдуетъ залежная сельдь около половины мая, и главнымъ образомъ въ Кандалажской губѣ (это также егорьевская сельдь, лишь по выметѣ икры). Въ началѣ іюня идетъ „Ивановская“—крупная (отъ 80—120 шт. на пудъ) съ икрой и молоками (къ Иванову дню 24 іюня). Самая жирная осенняя сельдь лишь около Успеньева дня появляется въ водахъ Бѣлаго моря. Ловъ въ Сорокѣ истинный праздникъ: старый и малый въ это время на водѣ (особенно въ первыя недѣли); кипитъ тамъ изумительная дѣятельность: простые саки и сачки пускаютъ въ дѣло, невода едва не рвутся отъ множества рыбы. Крикъ и шумъ, смѣхъ и брань дѣлаютъ изъ этого зрѣлища, какъ говорятъ, рѣшительную ярмарку съ тѣмъ же гуломъ, съ тою же неуловимою безтолковщиной, затѣяною, повидимому, безъ особенной видимой цѣли, но какъ будто, въ тоже время, и для какого-то важнаго, великаго дѣла. Изъ базарнаго крика зачастую раздается веселый и громкій смѣхъ: это навѣрное заставляютъ неудачныхъ ловцевъ въ шутку цѣловать „гурей“—столбъ, сложенный изъ дикихъ камней, одинъ на другой для обозначенія того мѣста, гдѣ промыслили, (такихъ много всрѣчается по всѣмъ бѣломорскимъ побережьямъ).

Въ большей части случаевъ и въ другія времена, какъ здѣсь, въ Сорокѣ, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ улова этой рыбы, упо-

требляются въ дѣло самые простые снаряды. Ловятъ неводами, ловятъ и мережками, тѣми же самыми мережками, о которыхъ я уже имѣлъ случай говорить прежде при описаніи ловли семги. Въ обыкновенномъ сорокомъ неводѣ для сельди длина обоихъ крыльевъ (боковъ) отъ 10 до 20 сажень, ширина $2\frac{1}{2}$ сажени, глубина матицы, или нижняго мѣшка, отъ $3\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ сажень.

Съ неводомъ этимъ обыкновенно ѣздятъ слѣдующимъ образомъ, какъ въ Сорокъ, такъ точно и въ Шижнѣ, и въ Сухомъ-Наволокъ, и на Выгъ-островѣ, и повыше деревни Сороки по р. Выгъ. Ъдутъ два карбаса, нерѣдко лодки съ шестью человѣками (по три на каждой), для обоихъ карбасовъ одинъ большой неводъ. Къ неводу съ обоихъ концовъ привязывается, сажень въ 50 длиною, довольно гибкая веревка изъ вицы въ мизинецъ толщиною и называемая *ужище*; къ нему привязываются верхняя и нижняя тетивы (веревки) сѣти. Неводъ держится на днѣ нижнимъ концомъ своимъ при помощи камней, зашитыхъ въ бересту и называемыхъ кибасами, на поверхности воды неводъ держится *плутивами* — деревянными тоненькими дощечками съ дырочкой. Глубина невода „хоботъ“ высотой бываетъ отъ 3 до 5 сажень, длиною отъ 90 до 100 сажень. Онъ плетется изъ толстыхъ нитокъ, потому что онъ часто служить и для семги. На Соловецкихъ островахъ для сельдей плетутся особые сѣти изъ тоненькихъ нитокъ, приносимыхъ обыкновенно въ монастырь богомолками. Неводъ изъ такихъ нитокъ ставится у берега на прикрѣпахъ, а иногда выбрасывается и наѣздомъ съ карбасовъ, какъ и вездѣ по Поморью. Если же глубина моря будетъ значительнѣе и между сѣтью и поверхностью воды останется пространство, то обыкновенно *торчатъ* въ этихъ мѣстахъ веслами, пугаютъ рыбу. Стоящій на носу шестомъ нащупываетъ скопившееся въ одномъ мѣстѣ руно сельдей, а иногда обходится и безъ этого, догадываясь о присутствіи руна по особенному рѣзкому шуму, производимому рыбами въ водѣ.

Наплывши такимъ образомъ на стадо, распускаютъ неводъ и оба карбаса, разѣхавшись въ разныя стороны, растягиваютъ такимъ образомъ сѣть. Одинъ карбасъ беретъ за ужище или *шоранецъ* невода. Когда неводъ распустится окончательно, остальные свободныя руки бьютъ по водѣ палкой, чтобы загнать рыбу въ неводъ, иначе она все время будетъ *стоять*, т. е. тянуться по направленію, принятому передними рядами. Процессъ этотъ совершается возможно скорѣе, потому что рыба, слышавши шумъ, начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, взадъ и впередъ, *бьется*. Затѣмъ оба карбаса опять сѣзжаются вмѣстѣ, вынимаютъ неводъ и черпаютъ рыбу саками прямо въ судно. Рѣдко попадается неводъ полнымъ (особенно на Сухомъ-Наволокъ и Выгъ-островѣ), но полный нерѣдко даетъ грузу на 12 карбасовъ, а въ каждый помѣщается до 10,000 сельдей. Выловлен-

ная такимъ образомъ обществомъ цѣлаго селенія рыба дѣлится обыкновенно на *десять* (хотя въ работѣ только *шесть*) человекъ: владѣльцамъ корбасовъ идетъ по три пая, работникамъ только по одному.

На Терскомъ берегу такой же общинный ловъ сельди обставляется очень старыми правилами такого порядка. Жители четырехъ селеній: Умбы, Кузы, Сальницы и Оленицы въ день Нового года собираются въ село Умбу и тамъ рззбиваются на три „четверти“, т. е. отдѣла. Кто представляетъ четверть (по одному отъ каждой),—тѣ мечутъ жребій по участкамъ, какой достанется четверти изъ всего морского побережья, протяженіемъ въ 50 верстъ. Каждая четверть въ свою очередь раздѣляется на „дружины“ или партіи числомъ десять. Каждая такая дружина опять мечетъ жеребьи уже о распредѣленіи между собою мѣстъ лова, называемыхъ „тонями“. Порядокъ пользованія тонями ежегодно мѣняется круговымъ чередомъ подъ рядъ, какъ говорятъ тамъ „околицею“.

Мережи и другія сѣти для рыбы, преимущественно по зимамъ, когда ихъ провариваютъ обычнымъ путемъ (смотри: „Ловъ семги“), обыкновенно опускаютъ въ салмахъ, верстъ за 30 отъ селенія Сороки, въ открытомъ морѣ. Снасти бросаютъ въ *стрезжъ* (глубину). При этомъ соблюдаютъ нѣкоторыя примѣты, добытыя опытомъ долгихъ и многихъ лѣтъ. Такъ сѣти запускаются въ полнолуніе (рыба особенно любитъ идти въ это время) и при морскомъ отливѣ (когда зимній ледъ, осѣдая отъ убыли воды, гонитъ рыбу изъ мелководныхъ мѣстъ въ болѣе глубокія). Замѣчаютъ также (и, говорятъ, весьма справедливо), что при послѣдней четверти луны рыба почти вовсе не идетъ въ сѣти, и полагаютъ при этомъ, что она на то время уходитъ въ *завѣтьеръ*, т. е. въ ту сторону, откуда скоро долженъ подуть свѣжій морской вѣтеръ. Благопріятными вѣтрами для зимняго хода сельди, какъ и вообще для прихода всѣхъ другихъ породъ бѣломорскихъ рыбъ, считаютъ поморы: западъ (W), лѣтній (S) и шалоникъ (SW). Враждебными, производящими бури и прогоняющими рыбу въ голомя считаютъ: востокъ (O), полуношникъ (NO) и побережникъ (NW).

Если прибавить ко всему уже сказанному то, что небрежность соленія * въ невымытыхъ сельдянкахъ **, протухшихъ, плохо сколоченныхъ, легко выпускающихъ рассоль вонъ, скуднымъ количествомъ соли (рѣдко ливерпульской и испанской, большею частію собственной, грязной, несоленой поморской), то придется повторять тоже самое, что говорено много разъ всѣми, слѣдившими за этимъ дѣломъ. Говорятъ, уже и для него настало лучшее время; говорятъ, и онъ испы-

* Солятъ разрѣзанными въ предварительно-приготовленномъ соленомъ рассолѣ. Рѣзать стараются живыми. Въ Ковдѣ, за недостаткомъ соли, разъ вся сельдь протухла.

** Каждая сельдянка заключаетъ въ себѣ съ небольшимъ пудъ (1 пудъ 10—12 и 15 фунтовъ) соленыхъ сельдей.

таетъ преобразованія, какъ и все, что творится въ архангельскомъ краю по старымъ, уродливымъ, закоренѣлымъ и закосяѣлымъ понятіямъ и обычаямъ. Голландскія сельди все-таки остаются пока лучшими, но лучшими единственно отъ правильнаго, честнаго засола, тогда какъ бѣломорскія сельди въ сыромъ видѣ ничѣмъ не уступаютъ имъ, но даже, какъ говорятъ, и далеко превосходятъ. Таковы, напримѣръ, соловецкія, сороцкія и гридинскія сельди.

— Ты, батюшко, коли тебѣ наши сороцкія сельди вкусомъ своимъ хуже архимандричьихъ, соловецкихъ, показались, знай: тамъ перво-на-перво съ молитвой засоль творятъ, а у насъ со всякой непотребной бранью. Опять же тамъ боченочки-то особенные, къ нимъ и старанія больше кладутъ, потому ихъ мало, потому имъ и въ Питеръ путь лежитъ: рыбу лавровымъ листомъ обкладываютъ. А нашихъ, вѣдь, много, за всѣми не поспѣешь, за всѣми не угладишь: некогда. Да и глядѣть-то нечего, чего глядѣть? — Съѣдятъ, ей-Богу, съѣдятъ, да еще прихвалятъ. Такъ дѣло не одну ужъ сотню лѣтъ живетъ. Ты спроси-ко, гдѣ хочешь, про Сороку нашу. А!—скажутъ—у нихъ сельдей много, у нихъ сельди самыя наилучшія. И смотри!—безпремѣнно: самыя наилучшія — слово-то это упомянуть. Нѣтъ, видно, дѣло это не намъ съ тобой править. Такъ пуцай оно и будетъ, какъ было при покойникахъ нашихъ. Съ тѣмъ и прощай, ваше благородье, счастливаго тебѣ пути!

Этими словами провожалъ меня старикъ-хозяинъ по пути въ карбасъ, который долженъ былъ везти меня до Сухого-Наволока или Сухонаволоцкой станціи. Передъ этой деревушкой морская губа до того мелка, что весла доставали до дна и карбасъ нашъ, садясь разъ до десяти на мель, едва-едва дотацился до селенія. Вотъ простая, видимая причина, почему селенію этому далъ народъ не хитрое прозваніе *Сухова*. Сухое оказалось маленькой деревушкой въ 50 дворовъ, со ста жителями, которые всѣ почти ушли на то время на Мурманскій берегъ. Лаяли огромныя желтыя собаки, попались таможенные солдаты, ихъ будка и сарай, и—что пріятно порадовало послѣ всего, что привелось встрѣтить на недавно-покинутыхъ побережьяхъ моря—это огороды съ капустой и даже картофелемъ. Кромѣ того, здѣсь можно было достать морошку, уже поспѣвшую и потому *рыхлину*, и молоко, не отдававшее противнымъ сельдянымъ запахомъ.

Не заѣзжая въ селеніе Вирьму (съ 80-ю домами и 180-ю жителями), мы на новомъ карбасѣ кое-какъ по прибылой водѣ пробрались обратно Сухой губой. Подъ бойкимъ шалоникомъ (съ пылью, какъ говорятъ здѣсь) обогнули ближній наволокъ направо, на полныхъ парусахъ пронеслись 17 верстъ открытымъ моремъ, забрались въ рѣку Суму. 3½ версты привелось потомъ плыть намъ рѣкою отъ того мѣста, гдѣ стояла, тогда одинокая, еще не скрытая батарея, подлѣ нея старая часовня и еще два-три какихъ-то старыхъ сарая.

Рѣка гнулась на всѣхъ этихъ трехъ верстахъ прихотливыми извилинами: скрывался (*таился* по туземному) одинъ наволокъ, выползалъ другой, третій, четвертый и т. д. Берега вытягивались по обѣимъ сторонамъ круто-непривѣтливо. Кое-гдѣ по нимъ торчали разные стоги сѣна. Попадался на глаза дряблый еловый и сосновый лѣсъ, какъ-будто заблудившаяся, попавшая не на свое мѣсто березка. Вотъ сверкнулъ впереди крестъ сумской церкви сквозь полумракъ, застлавшій уже передъ нами дневной свѣтъ на ночь. Въ 9 часовъ вечера я былъ уже въ Сумѣ—посадѣ, одномъ изъ древнихъ по всему поморскому берегу, нѣкогда игравшему болѣе значительную роль и имѣвшему большее значеніе, чѣмъ Кемскій острогъ, хотя и Сума называлась въ старину Сумскимъ острогомъ. Сума и теперь не потеряла своего значенія, даже нравственнаго вліянія на сосѣднее Поморье, хотя значеніе это стало слабѣе значенія города Кемь.

6. Сумскій посадъ.

Таже неясность и недостаточность историческихъ данныхъ о времени перваго заселенія мѣста, занимаемаго теперь посадомъ, встрѣчается и здѣсь, какъ неизвѣстно тоже самое и объ первоначальномъ заселеніи города Кемь. На этотъ разъ, еще до нѣкоторой степени съ болѣею вѣроятностію можно положить, что здѣсь жило сначала финское племя (*Suomalaiset*), давшее свое имя селенію. Народное преданіе говоритъ, что новгородцы, селившіеся по побережьямъ Бѣлаго моря, заняли мѣсто нѣсколько выше по рѣкѣ отъ нынѣшняго селенія, и именно въ такъ называемомъ Загорьѣ, въ числѣ десятка домовъ. Здѣсь теперь стоитъ деревянный крестъ. Въ 1450 году селеніе это, на ряду со всѣми другими сосѣдними съ нимъ, принадлежало уже посадницѣ Великаго Новгорода Марѣ Борецкой, которая, именно въ этомъ году, подарила его Соловецкому монастырю. Изъ лѣтописца соловецкаго видно, что въ приходъ преподобнаго Зосимы въ Новгородъ къ архіепископу Теофилу съ жалобою на насельниковъ боярскихъ и слугъ вельможъ и помѣщиковъ земли Корельской, преподобному Зосимѣ посадница Марѣ Борецкая пожаловала, для созидавшейся въ то время обители св. Спаса, деревню Суму съ четырьмя обжами (въ каждой обжѣ приходилось два лука, а въ немъ считалось 252 кв. сажени; изъ трехъ обжей образовывалась мѣра одной сохи и 67 вытей; въ Шенкурскомъ уѣздѣ обжей называется такое пространство земли, какое работникъ съ лошадью можетъ вспахать въ теченіе одного дня).

Царская грамота 1555 года утвердила Суму за Соловецкимъ монастыремъ навсегда. Монастырь посылалъ сюда своихъ старцевъ творить судъ и расправу и взимать повинности. На помощь старцамъ сумскій міръ давалъ выборныхъ, которые отправляли собственно полицейскія обязанности.

Дальнѣйшая судьба посада во всемъ сходна съ судьбою города Кеми. Точно также шведы, литовцы и русскіе измѣнники нападали на Суму. Шведы по зимамъ дѣлали частые набѣги, значительно усилившіеся въ исходѣ XVI столѣтія. Въ предупрежденіе этого зла, Соловецкой монастырь вынужденнымъ нашелся и здѣсь, какъ и въ Кеми, построить острогъ (послѣ чего Сума стала называться *Сумскимъ острогомъ*). О строеніи этого острога, одновременнаго съ сооруженіемъ соловецкой стѣны, въ монастырскихъ дозорныхъ книгахъ 1586 года сохранилось слѣдующее извѣстіе: „Въ волости Сумѣ на погостѣ поставленъ острогъ косой, чрезъ заметъ въ борозды, и въ острогѣ стоитъ 6 башенъ рубленыхъ; подъ четырьмя башнями подклѣты теплые, а подъ пятою башнею поварня. А въ острогѣ храмъ Никола Чудотворецъ, да дворъ монастырскій, а на дворѣ пять житницъ, да за ворота двѣ житницы, да у башенныхъ воротъ изба съ клѣткою и съ стѣнами; а живутъ въ ней острожные сторожи. Да въ томъ же острогѣ поставлено для осаднаго времени крестьянскихъ теплыхъ подклѣтовъ, а вверху клѣтки, комнаты въ два этажа построенныя, да 13 житницъ“. Тогда же, какъ былъ построенъ острогъ, монастырь обезпеченъ быть 100 и 130 человѣками стрѣльцовъ, набранныхъ изъ монастырскихъ крестьянъ. Дѣти этихъ стрѣльцовъ считались уже присяжными въ своихъ обязанностяхъ. Половинная часть этихъ стрѣльцовъ находились на береговыхъ укрѣпленіяхъ, а въ томъ числѣ и въ Сумскомъ острогѣ. Въ осадное время они обязаны были „на караулѣхъ ближнихъ и отъѣзжихъ стоять, и въ осадное время рвы копати, и тарасы рубити, и туры плести, и чеснокъ (частоколъ) ставить, и всякія градскія крѣпости ладити, и запасы изъ за города всякіе въ городъ носить, и на пѣмекій рубежъ для вѣстей ходить, и съ вѣстями къ государю, къ Москвѣ, и по городамъ къ государевымъ воеводамъ ѣздить и ходить, и города государевымъ измѣнниками не сдать, и ни въ чемъ государю не измѣнити“. Въ 1590 году въ Суму, для предотвращения нападеній шведовъ, опустошившихъ всѣ почти селенія корельскаго берега, прибылъ воевода Ст. Бор. Колтовской, который, разоривши, въ свою очередь, три селенія шведскія, цѣлый годъ простоялъ потомъ здѣсь и открытаго нападенія не дождался. Нападеніе это уже послѣдовало въ 1592 году. Финляндцы, подъ начальствомъ шведскихъ королевскихъ воеводъ *Мавруса Лаврина* да *Гавнуса Иверстина*, опустошили все Поморье, истребили хлѣбныя магазины, соляныя варницы, весь скотъ, опустошили рыбныя тони, многихъ крестьянъ взяли въ плѣнъ, ограбили и сожгли церкви, сожгли вмѣстѣ съ церквами и самыя селенія, ближнія къ Сумѣ, наконецъ подступили и къ этому острогу. Сумскіе стрѣльцы, при помощи крестьянъ, успѣли упорно удержаться въ засадѣ и даже сдѣлали вылазку. Произошелъ жестокой бой, по словамъ соловецкаго лѣтописца, нѣмцы были обра-

цены въ бѣгство, воевода ихъ былъ убитъ и много было взято въ плѣнъ. Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, на случай осаднаго времени, приказалъ игумену Іакову заготовить въ Сумскомъ острогѣ 500 четвертей ржаной муки. Въ 1611 году Сума еще разъ видѣла въ стѣнахъ своихъ московскія войска, явившіяся для отпора нападеній тѣхъ же шведовъ но этотъ разъ былъ уже послѣдній. Шведы съ той поры успокоились? Въ 1613, 14 и 15 годахъ Поморье опустошали черкасы и русскіе измѣнники подъ именемъ литовскихъ людей. Послѣ неудачнаго нападенія на Холмогоры, подступили они и къ Сумскому острогу. Однако, острогъ снова выдержалъ и эту осаду и притомъ съ малымъ числомъ ратныхъ людей, почти единственно при одной помощи своихъ обывателей. Въ 1691 году острогъ снова укрѣплялся противъ шведовъ, но напрасно.

Мирно повела свой вѣкъ эта волость до тѣхъ дальнихъ временъ когда (въ 1764 году) она съ прочими поморскими селеніями отдана была вѣдѣнію коллегіи экономіи. За монастыремъ оставлено было только подворье его, деревянное, со скотнымъ дворомъ и съ четырьмя сѣнокосными лугами. Подворье это числится за монастыремъ и тамъ, до сихъ-поръ еще, живутъ два монаха. Дворъ этотъ прежде, противъ нынѣшняго, былъ обширнѣе, по той причинѣ, что архимандриты соловецкіе имѣли обыкновеніе выѣзжать сюда на зиму. Въ 1792 г. для этой цѣли архимандритъ Іеронимъ построилъ новыя службы, но въ 1793 г. на подворьѣ жительство уничтожено и все движимое имущество архимандритовъ вывезено въ монастырь; ненужное продано. Скотный дворъ вывезенъ на островъ Заяцкой, на которомъ онъ находится и въ настоящее время. При подворьѣ остался только огородъ, воздѣлываемый монахами, которые, кромѣ-того, обязаны наблюдать за сборомъ добродѣтельныхъ подаяній. Каменная церковь Успенія, принадлежавшая нѣкогда къ подворью, теперь стала теплымъ соборомъ и стоитъ недалеко отъ холоднаго Никольскаго съ двумя этажами. Въ нижнемъ этажѣ послѣдней существуетъ часовня, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи схимонаха Елисея, постриженника соловецкаго.

Сумскій острогъ, въ мое время сохранялся въ замѣчательно-цѣломъ видѣ; рухнули только крыши нѣкоторыхъ башенъ, обвалились крыши стѣнъ; но замѣтны были еще и бойницы и окна, цѣлыя стѣны, даже нѣкоторые рвы, обходившіе крѣпость нѣкогда съ трехъ сторонъ, но поросшіе травой и едва примѣтные. Съ четырехъ сторонъ этого острога или города (по туземному), на крутомъ и высокомъ косогорѣ, видны были изъ подъ стѣны деревянныя крѣпкія ворота, ведущія къ рѣкѣ на пристань. По свѣжимъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время всѣ эти остатки исчезли.

Изъ другихъ преданій старины сохранились въ памяти сумлянъ только два: о томъ, что Меншиковъ приписалъ было Сумскій острогъ,

вмѣстѣ съ Кемью и Керетью, къ олонцкимъ Алексѣевскимъ желѣзнымъ заводамъ *; но что государь, по жалобѣ архимандрита Оирса, возвратилъ все это въ прежнее монастырское владѣніе. Вторымъ памятнымъ для сумлянъ событіемъ остались такъ называемые сенявинскіе наборы (въ 1714 и 1715 г.). По этому преданію, жители сзывались въ церковь указы читать и слушать, и потомъ выбирать міромъ народъ въ солдаты, что такимъ образомъ схвачено было народу много (кемскіе прознали это и успѣли разбѣжаться). Этому событію, вмѣстѣ съ несчастнымъ случаемъ въ двинскихъ устьяхъ, гдѣ потонуло 20 сумскихъ мальчиковъ, сторожилы сумскіе приписываютъ уменьшеніе народонаселенія своего посада отъ 600 душъ прежнихъ до 250 душъ настоящаго времени.

Точно такъ же, какъ въ Кемѣ, и здѣсь, въ 1826 году, отъ сильныхъ жаровъ и сухихъ погодъ, распространились на посадскихъ выгонахъ сильные пожары, испепелившіе церкви, которыя въ послѣдствіи перенесены были на нынѣшнее свое мѣсто—на гору правой стороны рѣки Сумы, внутрь стариннаго острога. Точно также пожары эти потушены были сильными дождями, начавшимися съ 15 августа того же года.

Въ 1806 году, согласно желанію и просьбѣ сумскихъ крестьянъ, они переписаны въ мѣщане, съ дарованіемъ имъ соотвѣствующихъ правъ и присвоеніемъ Сумской волости названія *посада*.

Въ 1830 году посадъ Сума избавился отъ холеры, которая брала свои жертвы по одну сторону его за 70 верстъ въ деревнѣ Нюхчѣ и по другую за 30 верстъ въ деревнѣ Сухомѣ **.

Въ памяти жителей сохранились старинныя названія частей селенія. Весь посадъ поэтому дѣлится на *низовье*, ту часть его, которая начинается отъ взморья. Отъ низовья слѣдовалъ *жемчужный рядъ* до середины селенія, т. е. до того мѣста, гдѣ теперь выстроена мостъ, ведущій въ зарѣчную половину селенія. Средину селенія называлась собственно *посадою* —и *труновой рядъ* или *верховье*, та часть посада, въ которой выстроились бѣднѣйшіе обыватели. Она идетъ дальше по

* Въ 1703 г., при основаніи Петрозаводска подъ именемъ Петровскаго завода, на крестьянахъ Сумскаго острога лежала повинность, обязывавшая отправлять тамъ разныя работы. Съ 1706 г. по сентябрь 1714, когда эта повинность замѣнена была взиманіемъ въ казну 2000 руб. (невнесшіе отбывали работу на заводахъ).

** Во время холеры 1848 г., с.-петербургскій купецъ М. Г. Башмаковъ, уроженецъ Сумскаго посада, располагая на свой капиталъ устроить въ Сумскомъ посадѣ богадѣльню и кладбищенскую церковь. Но холера, къ счастью, была здѣсь не сильная. Башмаковъ, однако, не переставалъ благотворить мѣсту своей родины. Онъ выдавалъ на бѣднѣйшихъ жителей ежегодно по 200 руб. сер., чрезъ свою сестру жившую въ посадѣ. Онъ же пожертвовалъ навсегда 10,000 руб. асс. для содержанія, процентами съ капитала, приходскаго училища, съ учителемъ и законоучителемъ. Сумское общество къ этому капиталу прибавило отъ себя ежегодныхъ 42 руб. 86 к. сер. и, сверхъ того, нанимаетъ сторожа.

восточному берегу за городъ, гдѣ начинается уже тундра, на которой растетъ мелкій сосновый и березовый лѣсъ и течетъ рѣка Сума съ прикрутыми каменистыми берегами, неширокая, мѣстами довольно глубокая, кроткая теченіемъ, съ иловатымъ дномъ. Другая половина посада Сумы по ту сторону (лѣвую) рѣки, та, гдѣ существуетъ острогъ и возвышаются церкви, называется *и норге*, набережная нагорье— *зарыцкая сторона*, дальше *кисли пуби* и, наконецъ, опять дальше на выѣздѣ—*слобода*.

Въ такомъ, густо-застроенномъ до тѣсноты, видѣ является Сума и со стороны рѣки, и съ окрестныхъ лѣсистыхъ горъ. Отчасти только видоизмѣняютъ это: деревянный, разрушающійся острогъ съ каменной и деревянной же церквами, мостъ черезъ рѣку, множество судовъ, наполняющихъ ее на всемъ верстовомъ теченіи внутри посада. Съ небольшимъ на полверсту идутъ строенія посадскія отъ рѣки въ гору и къ темнымъ лѣсамъ, невдалекѣ сливающимся съ лѣсами морского побережья. Обезлюдѣвшимъ на половину населеніемъ своимъ представляется село это лѣтомъ, когда оставляютъ его жители для дальнихъ мурманскихъ сношеній съ Норвегіей. Прежде Сумляне занимались хлѣбопашествомъ (къ которому вновь обратили ихъ англичане, не пускавшіе въ море за промыслами. Прежде въ Сумѣ было только одно поле, а въ мою бытность насчитывалось уже за десятокъ, и тѣ были вспаханы именно только во время плаванія англо-французской эскадры по Бѣлому морю. Ячмень родится хорошо, рожь принимается не дурно; растутъ также капуста, морковь, рѣпа и картофель на многихъ огородахъ. Прежде ловили рыбу въ значительномъ числѣ (теперь промысломъ этимъ занимаются только женщины, и то для себя); теперь же все это оставлено для дальнихъ, выгоднѣйшихъ промысловъ. По сказкѣ Соловецкаго монастыря іероманаха Іліи, въ 1715 г., въ Сумскомъ острогѣ, Кемскомъ городкѣ и въ принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ было монастырскихъ и крестьянскихъ 36, на пустыхъ 19 варницъ; въ вываркѣ соли было по 100 тысячъ пудовъ. Сбытъ этой соли производился въ Повѣнецъ и Олоонецъ, цѣною отъ 3 до 5 алтынъ пудъ. Отъ промысловъ десятая часть поступала въ монастырь, а пошлина отъ продажи въ таможеню *. Деньги эти шли на жалованье стрѣльцамъ, на ихъ аммуницію и пушки. Въ 1713 году, по той же сказкѣ, въ Сумскомъ острогѣ было 343 двора съ принадлежащими къ нимъ заведеніями для соляныхъ, рыбныхъ и сальныхъ промысловъ; теперь домовъ считается здѣсь только 214. Нѣкоторые изъ этого числа жителей умѣютъ плотничать, шить сапоги; есть портные и кузнецы, хотя и плохіе; нѣкоторая, и притомъ довольно значительная, часть живетъ даже исключительно мірскимъ подаяніемъ.

* Нынѣшняя таможенная застава учреждена въ 1834 году для очистки пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ въ Суму прямо изъ Норвегіи.

Сумскіе дома точно такъ же, какъ и всѣ поморскіе, двухъ-этажные: у бѣдныхъ въ одинъ этажъ и, въ такомъ случаѣ, съ неизмѣнными волоковыми окнами. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ у каждаго дома крытый дворъ, на который ведутъ ворота, и надъ каждымъ воротами непременно или крестъ, или икона. Внутреннее расположеніе избы также одинаковое со всѣми поморскими избами и также старинное: неизбѣжная печь, рядомъ палаты и *грядки* или *вороницы*. Подлѣ печи съ боку посудный шкафъ — *блюдникъ*; въ правомъ отъ входа, переднемъ углу — *божница*; противъ средняго окна столъ; подпечки красятся синею и красною краскою; двери и рамы также: простѣнки снаружи обмазываютъ обыкновенно охрой. Надъ дверями и окнами въ избѣ и горницахъ, назначенныхъ для гостей, написана мѣломъ, а иногда масляными красками или чернилами на бумажкахъ молитва: „Христосъ съ нами уставися вчера и днесъ, той же и во вѣки“.

Со второй половины іюня мѣсяца до послѣднихъ чиселъ августа жизнь въ Сумскомъ посадѣ идетъ скромнымъ, тихимъ, размѣреннымъ чередомъ: женщины ткутъ холстъ, бучатъ и бѣлятъ его. Затѣмъ поспѣваетъ морошка, обираемая всѣмъ женскимъ населеніемъ посада; съ морошкой приходитъ и страдная пора сѣнокоса, для котораго являются сюда изъ дальнихъ деревень своихъ корелы; женщины занимаются только уборкою уже готоваго накошеннаго сѣна. При этомъ замѣчаютъ, что корелы первымъ условіемъ, при наймѣ на страду, требуютъ каши, и по возможности, пшенной.

Впрочемъ каша пользуется высокимъ почетомъ на всемъ архангельскомъ сѣверѣ. Если у кого сегодня (говорятъ) „каша“ — значитъ надо понимать такъ, что тотъ хозяинъ желаетъ отжинаться и приглашаетъ для этой цѣли добровольныхъ рабочихъ не за плату, а за угощеніе. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ знаютъ и помнятъ всероссійскую „крестильную кашу“ и за нее кладутъ копейки „бабкѣ на кашу“. По Онегѣ невѣста послѣ бани и „красованья“ (когда надѣваетъ повязку и при этомъ похлопываетъ) идетъ въ подполье и ѣстъ тамъ „золотую кашу“, т. е. непременно яшную. Называютъ кашей даже и такія кушанья, которыя совсѣмъ на нее не похожи: горячей изъ ржаной муки киселекъ съ молокомъ и масломъ — водяная каша; густо заваренное ячменное тѣсто, съѣдаемое также съ молокомъ или масломъ — „каша-повариха“. Корелы не отстаютъ во вкусѣ и питаютъ къ этому кушанью выдающееся почтеніе наравнѣ съ русскими и съ нѣкоторыми добавленіями. Такъ, напримѣръ, у нихъ на свадьбахъ, когда приведутъ молодую и пообѣдаютъ и надо снимать съ нее платокъ, — берутъ на ложку каши и до трехъ разъ подносятъ ее молодымъ, чтобы они вкусили уже на этотъ разъ не столько любимаго всѣми, сколько символическаго обрядоваго кушанья.

Изрѣдка, и только отчасти, видоизмѣняютъ скромную, тихую жизнь посада, лѣтомъ, отправленія богомольцевъ въ Соловецкій монастырь.

Богомольцы идутъ на Сумскій посадъ цѣлыми сотнями съ повѣнецкой дороги. Путь этотъ (на 179 верстѣ) идетъ для нихъ, послѣ Онежскаго озера и за городомъ Повѣнцомъ, вверхъ по берегу рѣки Повѣчанки, десять верстѣ по хорошей конной дорогѣ. Богомольцы обыкновенно идутъ пѣшкомъ, хотя въ каждой деревнѣ можно достать лошадей и за умѣренную плату. За десять верстѣ отъ Повѣнца богомольцы садятся на карбаса и ѣдутъ 4 версты рѣкою (по причинѣ непроходимыхъ стороннихъ болотъ); изъ рѣки вѣзжаются въ Волозеро (15 верстѣ) и отъ сѣвернаго края послѣдняго, опять берегомъ, черезъ гору, на пять верстѣ по порядочной дорогѣ до селенія Масельги. Отсюда по озеру и рѣкѣ, одноименнымъ съ селеніемъ, совершается на 10 верстѣ снова карбасная переправа до деревни Телейкиной, и затѣмъ 40 верстѣ внизъ по рѣкѣ Телейкиной, до Выгъ - острова и 20 верстѣ этимъ озеромъ до деревни Койкенцы. Отъ этой деревни до дер. Вореньжи, на 30 верстѣ, идетъ къ Сумозеру волокомъ хорошая конная дорога. Сумозеромъ до Сумозерской деревни (15 верстѣ) вновь ѣдутъ богомольцы на карбасахъ до входа въ рѣку Суму (текущую на 35 верстномъ пространствѣ изъ этого озера въ море). Дальше, на 10 верстѣ до деревни Лапиной, идутъ вдоль рѣки ея берегомъ и въ Лапиной садятся на 10 верстѣ, въ предпослѣдній разъ до Соловковъ, въ карбасы и, наконецъ, въ послѣдній разъ идутъ еще 10 верстѣ до посада * по едва проходимой, вязкой, болотистой дорогѣ, которую

* Зимній путь для товаровъ, отправляемыхъ на шунгскія ярмарки (за 202 версты, два раза въ годъ—въ началѣ января, или концѣ декабря, и въ началѣ марта), нѣсколько сокращеніе (выпрощеніе, не больше 10 верстѣ) и идетъ нѣсколько иначе, хотя и предпочитаютъ ѣхать по льду, чѣмъ по тайболамъ и гранитнымъ, оголеннымъ вѣтрами, горамъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ледъ на порогахъ худъ, дѣлаютъ объѣзды берегомъ. Отъ Повѣнца до Шунги (на 47 верстѣ) ѣдутъ сначала 17 верстѣ по р. Повѣнчакѣ и потомъ на слѣдующія 30, до села, черезъ губу Онежскаго озера. Въ лѣтнее время и въ крайнихъ случаяхъ необходимости сумляне отправляютъ товары свои изъ деревни Сороки по р. этого имени на малыхъ карбасахъ до деревни Выгъ - острова. Отсюда по р. Выгъ (70 верстѣ), на которой, по причинѣ пороговъ (два большихъ Золотецъ и Маточные), перетаскиваютъ кладъ съ великимъ трудомъ чрезъ низменные мыски сажень до 50 шириною. Тоже встрѣчается и дальше у Войцкаго падуна (гдѣ р. Войца падаетъ въ Выгъ почти отвѣсно съ высоты 3 сажень). Здѣсь изъ мелкихъ карбасовъ сороцкихъ, поднимающихъ грузу не болѣе 15 пудовъ, перекладываютъ его на большіе, поднимающіе до 150 пудовъ. Около устья р. Телейкиной этотъ путь сходится съ богомольческимъ, хотя и не слишкомъ выгодно для провожающихъ кладъ. Они у этой деревни по причинѣ мельницы, должны перевосить товаръ свой въ другіе карбаса, выставлемые выше плотины. Не доѣзжая 10 верстѣ до города Повѣнца кладъ везутъ уже на телегахъ. Путь этотъ первымъ совершилъ, въ 1822 г., кемскій купецъ Дружининъ, говорятъ, въ двѣ недѣли, хотя теперь и тратитъ на него не бо-

могутъ преодолевать только крѣпко-привычныя и искусившіяся въ частой ходьбѣ ноги. Но и весь путь этотъ пролегаетъ мѣстами дикими мало населенными, по голому, безпривѣтному граниту, выстилающему берега рѣкъ и берега озеръ, густо покрытыхъ, въ тоже время, жалкимъ сосновымъ лѣсомъ. Большая часть сухопутныхъ дорогъ пролегла болотами, а сухими мѣстами только по кряжамъ горъ, но и сухими только при продолжительныхъ солнечныхъ погодахъ. Для ѣзды на лошадахъ, въ телѣгахъ тряскихъ и неудобныхъ, дороги эти едва сносны. Въ рѣкахъ всрѣчаются большіе, безпокойные, съ трудомъ одолаваемые пороги. Прежде, говорить, этимъ путемъ возили изъ Петрозаводска въ Архангельскій портъ баласть, пушки, ядра; но вѣроятно, зимою.

Въ Сумѣ всѣ богомольцы нуждаются непременно въ банѣ, въ двухъ-суточномъ отдыхѣ, чтобы потомъ сѣсть или на соловецкую монастырскую лодью, или на суда Сумскаго посада. Богомольцы, прежде отправленія, служатъ обыкновенно молебны у мощей св. Елисея и дѣлаютъ вклады въ церковь и въ кружку соловецкаго двора. Это послѣдніе обычаи предъ отъѣздомъ въ монастырь, который находится отъ сумскаго посада въ 100 верстахъ. Особенно много является богомольцевъ въ маѣ и іюнѣ, и незначительное количество послѣ 20 числа этого мѣсяца и во весь іюль; въ августѣ они уже положительно не показываются. Прибывшіе въ посадъ повѣнецкими соймами, богомольцы обыкновенно вывозятся въ карбасахъ на взморье, по причинѣ небольшихъ, такъ-называемыхъ *верхнихъ порожковъ* рѣки Сумы. На взморьѣ этомъ имѣли обыкновеніе останавливаться лоды и монастырскія соловецкія, и посадскія; ѣдущіе на раньшинахъ, карбасахъ и перѣдко шнякахъ садились въ самомъ посадѣ, потому-что рѣчная вода подпускаетъ суда эти даже къ мосту посада. Монастырь бралъ за провозъ въ одну сторону съ каждаго пассажира по 30 коп. сер., и въ оба конца на обратную — 50 коп. серебромъ. Сумляне берутъ обыкновенно нѣсколько дороже.

Большими кучками идутъ эти богомольцы къ своему судну, загорѣлые отъ жгучаго и, въ здѣшнихъ мѣстахъ, лѣтнаго солнца, съ неизбѣжными котомками за плечами. Подъ котомками привязаны сапоги или новые лыковые лапти, въ котомкахъ праздничное, лучшее платье: нерваные и незаплатанные армяки, можетъ быть, даже и синія сибирки, лапти на ногахъ уже непременно измочаленные дол-

же 5 дней, и въ крайнемъ случаѣ при непогодахъ—8. При этомъ надо замѣтить, что цѣна за провозъ въ Повѣнецъ дороже, чѣмъ на обратный путь, который по большей части совершается внизъ по теченію, стало быть, скорѣе (въ 4 дня) и сподручнѣе, легче. Не лишнее также упомянуть, что архангельскій купецъ Палинъ сдѣлалъ, въ 1835 году, первую попытку отправить бѣломорскіе промыслы прямо моремъ (кругомъ Норвегіи) въ Петербургъ. Судно его со всѣми рабочими погибло у Бердева. Только нѣсколькимъ кемскимъ ишкунамъ и лодьямъ удалось попасть въ столицу послѣ.

гимъ путемъ, каковой для иныхъ идетъ изъ странъ благословеннаго малороссійскаго края. Правда, большая часть этихъ богомольцевъ бредетъ изъ сосѣднихъ Петербургской губерній; большею частію убитые съ виду, неразговорчивые и вообще какіе то неладные псковичи; бойкіе, съ размашистыми манерами подстоличные торговцы; нерѣдко купцы цѣлыми семьями, съ неизбѣжными самоварами, больше созерцательные и молчаливые, чѣмъ разговорчивые. Правда, что эти рѣдко ходятъ, чаще ѣздятъ на лошадяхъ, хотя и немного выгадываютъ на тряскихъ и уродливыхъ повѣнецкихъ дорогахъ. Большая же часть странниковъ приходитъ въ Суму пѣшкомъ и почти на $\frac{3}{4}$ состоитъ изъ женщинъ, пугливыхъ, охающихъ, почти всегда творящихъ изустную молитву, большею частію старухъ. Въ толпахъ этихъ не рѣдкость тѣ полунагіе, молчаливые, вытянувшіеся въ высокій, болѣзненный ростъ дурачки-баженники, къ которымъ питаетъ особенное сочувствіе весь православный людъ русской земли.

Вся толпа богомольцевъ на пути по посаду Сумѣ творить крестные поклоны передъ всякимъ спутнымъ крестомъ, которыхъ такъ много стоитъ на перекресткахъ и перепутьяхъ селенія (больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ поморскихъ селеніяхъ) и, наконецъ, садится на лоды. Паруса еще валяются по палубѣ; пассажиры собрались уже всѣ.

Судно готово къ отправленію, ждутъ только исправленія стариннаго обычая.

Одинъ изъ работниковъ обращается къ хозяину лоды.

— Хозяинъ, благослови путь!

— Святые отцы благословляютъ,—отвѣчаетъ хозяинъ.

— Праведные Бога молятъ—прибавляетъ къ этому другой работникъ, обыкновенно кормщикъ.

Всѣ вслѣдъ за этимъ молятся въ сторону, обращенную къ Соловецкому монастырю. Потомъ вытаскивается якорь и судно, сдѣлавши поворотъ по солнцу, отправляется въ путь, полусуточный даже при посредственномъ, умѣренномъ повѣтерьи.

Жители посада Сумы твердо стоятъ въ православіи, несмотря на то, что ближняя Сорѣка и всѣ деревни по направленію къ Кемь, самая Кемь и деревни по Корельскому берегу почти всѣ и давно уже держатся раскола. Правда, что и въ Суму прокралось старообрядство, но крѣпится преимущественно между женскимъ населеніемъ посада. Между мужчинами мало раскольниковъ и, по мѣрѣ приближенія къ городу Онегѣ, число старообрядцевъ постепенно уменьшается и нѣтъ уже ихъ въ послѣднемъ городѣ и по всѣмъ берегамъ Онежскому и Лѣтнему, и мало ихъ по Двинѣ.

Расколъ въ Сумскомъ посадѣ получилъ начало въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, отъ родственной связи одного изъ сумскихъ семействъ съ раскольниковымъ семействомъ деревни Сороки. Сильное

вліяніе богатаго сумскаго семейства на бѣдный классъ жителей посада послужило первымъ основаніемъ для распространенія старообрядскихъ понятій и убѣжденій. Вскорѣ послѣ того, въ деревушку Пертозеро (за 15 верстъ отъ посада) пріѣхала на жительство вдова прапорщика Анна Карташева, съ сыномъ и дочерью, изъ С.-Петербурга. Карташева была закоренѣлая раскольникъ, и мало-по-малу, тотчасъ же, по прибытіи на новое мѣсто, она, подѣ строгимъ видомъ благочестія и въ духѣ подвижничества, стала собирать около себя раскольникъю пустыню и скорѣ успѣла образовать такимъ образомъ до десяти келій. Подѣ именемъ *матушки-наставницы* о душевномъ спасеніи, Карташева въ зимнее время выѣзжала для проповѣданія *ионимой* вѣры въ деревни Шижню, Сороку, чаще всего въ ближайшій Сумскій посадъ. Успѣвши возбудить къ себѣ общее довѣріе старческимъ видомъ, степеннымъ и внушающимъ уваженіе, необыкновенно правильными чертами лица, осмысленными добрыми, голубыми глазами, Карташева дѣйствовала на женщинъ и даже мужчинъ необыкновенною начитанностію. Знавшіе ее увѣряютъ, что старица въ догматахъ вѣры была до того убѣдительна, что возражать ей было трудно, а спорить невозможно. Такими убѣжденіями и личнымъ примѣромъ строгой, безукоризненной жизни, Карташева успѣла подѣйствовать на многихъ изъ сумлянко, каковыхъ, немедленно же по изъявленіи ими согласія, перекрещивала (она была филипповскаго толка, не признающаго другихъ расколовъ и называющаго своихъ адептовъ *христіанами* и *староверами*, а всѣхъ православныхъ — *никоновцами*, *никошиной*, *щепотниками*). Карташева умерла на шестидесятомъ году въ Пертозерѣ, завѣщавши дѣло своей родной дочери Анфисѣ. Эта сѣумѣла также твердо и при той же всеобщей любви народа идти по стопамъ матери. Доказательствомъ тому, насколько Анфиса возобладала народнымъ довѣріемъ, можетъ служить отвѣтъ одного изъ раскольниковъ сумскому священнику.

— Що тобѣ, бацько, со мной толковать: я целовѣкъ темный, ничего не знаю. Спрашивай матушку Анфису, она про еѣто знаетъ и тобѣ скажетъ. Куды хошь со мной, хошь въ турму сади, а ужъ отъ вѣры матушки Анфисы я не отопрусь.

Въ томъ же крѣпкомъ убѣжденіи, что „*что котора вѣра ионима, та и права*“, стоятъ до сихъ поръ и сумскіе раскольники, какъ и всѣ другіе на всемъ пространствѣ русскаго царства.

Въ 1849 году раскольникъій Пертозерскій скитъ былъ уничтоженъ, обитатели его выселены на мѣста прежняго ихъ жительства, скиты срыты и сравнены съ землею, но дѣло Анфисы и ея матери до сихъ еще поръ продолжается (женщины придерживаются старой вѣры, почти всѣ безъ исключенія, а мужчины почти на $\frac{1}{3}$ всего посадскаго населенія). Зимомъ, при проѣздѣ крестьянъ Олонецкой губерніи и дру-

гихъ мѣстъ мимо Сумскаго острога въ деревню Шижию и Сороку за сельдами и сухой треской, старообрядцы стараются внушать имъ въ вечернихъ бесѣдахъ, на ночлегѣ, истины исповѣдуемыхъ ими догматовъ. Домохозяинъ, если грамотенъ и особенно *по вѣрѣ* (т. е. старообрядецъ), старается заводить разговоръ о вѣрѣ, а во время ужина или обѣда прочесть имъ что-либо изъ старинныхъ книгъ. Книги эти они тщательно прячутъ отъ опаснаго глаза и въ такомъ количествѣ, какъ бы и въ какомъ либо раскольниковѣмъ скитѣ.

Всѣ остальные свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ въ посадѣ Сумѣ: что и здѣсь точно также строятъ крупныя морскія суда; что отсюда, наравнѣ съ кемскими, ходили когда-то на Шпицбергенъ; ходятъ, изрѣдка, на Новую Землю; что лѣтъ 40 залегалъ туда путь и что первымъ возобновилъ его здѣшній мѣщанинъ Ереминъ, лѣтъ тому 30 назадъ. Большею частію, и почти поголовно, сумляне ходятъ для тресковыхъ промысловъ на Мурманъ; но здѣсь блюдетсѣ обычай давать деньги впередъ за весь покрутъ только сильно-нуждающемуся работнику, а излишекъ вслѣдствіе удачныхъ промысловъ уже послѣ, зимою. Тотъ годъ (1856) былъ гибеленъ для мурманскихъ промышленниковъ по сильному развитію тамъ цынги: многіе изъ нихъ, заболѣвши, до конца промысловъ возвращались домой, и здѣсь обыкновенно поправлялись при помощи моченой морошки и дѣятельной жизни, при постоянномъ движеніи. Рассказываютъ, что во время посѣщенія англо-французскимъ флотомъ Бѣлаго моря, промыслы были кинуты на берегу, а сами хозяева съ деньгами пробирались уже горою, т. е. берегомъ, черезъ лапландскую тундру, пѣшкомъ и на оленяхъ. Нѣкоторые хозяева пускали на рискъ свои шкуны въ Норвегію мимо Сосновца (станцію нашихъ недавнихъ враговъ), но старались пробираться ночью, держась поговорки: „путь-дорога честна не сномъ, а заботой“. Въ старину, рассказывали старожилы, на берега моря за морскими звѣрями выходили жители дальней Новгородской губерніи, но это уже лѣтъ 100 оставлено ими.

На Мурманъ сумляне выходятъ лѣтъ также 100 назадъ и больше (съ Норвегіей ведутъ торгъ не дальше 50 лѣтъ). Промышляютъ сумляне, по тѣмъ же правиламъ и при тѣхъ пріемахъ и условіяхъ, какъ и всѣ другіе поморы, обыкновенно въ трехъ становищахъ: Гавриловѣ, Тириберихѣ и въ Вайдогубѣ. Отправляются они туда также въ началѣ марта, прямо на Колу. Изъ Сумы до Кандалакши ѣдутъ на лошадяхъ, а отъ Кандалакши до Колы на оленяхъ. Весь путь совершаютъ въ двѣ или три недѣли (стоилъ онъ имъ отъ 4 до 5 руб. сер.). По приходѣ въ Колу, при первой возможности, отправляются на шнякахъ въ становища, въ готовые станы (избушки); въ каждой помѣщается отъ 12 до 16 человѣкъ, а въ крайнемъ случаѣ и до 30. Въ рѣкѣ Вороньей, въ 3 верстахъ отъ Гаврилова становища, гдѣ въ огром-

номъ числѣ ведется тресковая наживка (рыбки песчанка и мойва), сумляне сходятся со всѣми поморами и своими земляками другихъ становищъ. Съ мурманскихъ промысловъ сумляне возвращаются домой, послѣ 20-хъ чиселъ августа, замѣтно напитанные чванствомъ, замѣтно окрѣпшіе въ силахъ и пополнѣвшіе, „быки быками: шея, что полѣно, лицо разнесетъ словно мѣсяцъ“ — по выраженію самихъ же поморовъ. Днемъ производится выгрузка судовъ, а поздно вечеромъ бываетъ прогулка по посадѣ молодыхъ парней съ дѣвками при веселыхъ хоро-водныхъ и посидѣлковыхъ пѣсняхъ.

Зимнія занятія сумлянъ немногосложны: они или ходятъ на губы для ловли навагъ (самыя лучшія и крупныя ловятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ посады къ Кунуручью), или возятъ на лошадяхъ дрова, ѣздятъ подводами отъ торговцевъ рыбою и возятъ проѣзжающихъ по дѣламъ службы или по дѣламъ торговли. Въ праздничные дни по зимамъ сумляне спятъ послѣ обѣда, *удниуютъ* по старому прадѣдовскому обычаю, и послѣ уднованія бродятъ толпами по улицамъ и толкуютъ обо всемъ, что взбредетъ на умъ. При этомъ случаѣ — сумляне имѣютъ привычку, не выслушавъ разсказа или словъ одного, перекричать другъ друга и кто больше кричитъ, тотъ почитается самымъ толковымъ. У женскаго пола — есть общая привычка, войдя въ избу, перекреститься и, поматавъ потомъ головою и кивнувъ хозяевамъ, тотчасъ же, не выждавъ приглашенія, съ поспѣшностію сѣсть на лавку. Этотъ обычай, какъ говорятъ, блюдется изъ давней старины.

Изъ остальныхъ моихъ бесѣдъ съ посадскими можно было узнать только то, что между сумскими бабами бывали такія, которыя кормицами хаживали на Терскій берегъ; что они желали бы имѣть маяки на зимнихъ горахъ къ Мезени, гдѣ мѣста опасныя, теченіе необыкновенно быстрое; что точно также желали бы лучшаго устройства пути на Повѣнецъ, находя въ этомъ обстоятельствѣ справедливую возможность усилія торговыхъ предпріятій и легкаго обогащенія края и видя трудность только въ устройствѣ горнаго пути, потому что сплутныя озера всѣ глубоки и способны къ переправамъ. Теперь, какъ извѣстно, мечты ихъ осуществились: прекрасная почтовая дорога устроена. По этому пути, какъ уже сказано, торгующіе сумляне и ближніе поморы справляли свою рыбу и отчасти сало и мѣха на шунгскія ярмарки (съ 7 по 15 января и съ 25 марта по 2 апрѣля). За товарами сумляне предварительно ходятъ на малыхъ лодьяхъ къ Терскому берегу, въ рѣки Умбу и Варзугу и даже до Поноя. На всемъ этомъ пути они скупаютъ осенній промыселъ семги, и почти только одинъ этотъ продуктъ (изъ покупныхъ) везутъ на Шунгу, если не считать сухой трески мурманскаго улова. Тѣ же сумляне и тѣ же промыслы отправляютъ также и въ Архангельскъ и чрезъ Онегу въ Каргополь (по р. Онегѣ на карбасахъ, поднимающихъ до 200 пудовъ), въ 6 или

8 дней; но большею частію это отправляется зимою. Сумскія лодьи, на пути въ Норвегію, инныя заходятъ въ Архангельскъ, чтобы нагнужиться мукою, досками, веревками, смолою и другими товарами, пригодными для Норвегіи. Замѣчаютъ, что сумляне въ торговыхъ оборотахъ дѣятельнѣе и опытнѣе прочихъ поморовъ.

„Сума не купить ума—сама продаетъ“ — говоритъ мѣстное при словье и подкрѣпленіе общаго мнѣнія сосѣдей,—равняло ихъ со всѣми остальными лишь одно общее для всѣхъ этихъ жителей Бѣлаго моря прозвище „красными голенищами“, за то, что обычно носятъ они самодѣльные простые сапоги—бахилы (съ круглыми носками и безъ ранта). Ихъ не чернятъ; сшитые изъ нерпичьей кожи, они въ самомъ дѣлѣ отшибаютъ красноватымъ цвѣтомъ даже, если оглядѣть помора издали. Эти же самые бахилы (наз. по р. Пинегѣ бафилами), столь неуклюжи и некрасивы, что сами обратились въ ругательное прозвище, приспособленное горожанами къ деревенскимъ жителямъ. Обутые въ привозные изъ Москвы и съ Вологды настоящіе сапоги (съ каблукомъ и соковой подошвой), глядя на длинные, четверти на двѣ выше колѣна бахилы поморовъ, горожане осмѣиваются прозвищемъ: „бахилъе“. За поморами существуетъ еще неслестное прозвище „ворами“, но въ этомъ случаѣ слѣдуетъ помнить, что наши присловья вообще злоупотребляютъ этимъ словомъ, и къ тому же оно примѣняется скорѣе въ старинномъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, и что попало оно на языкъ въ данномъ случаѣ лишь вслѣдствіе соблазна созвучіемъ. Конечно, находчивость и изворотливость полуголодныхъ и бывалыхъ поморовъ, не свободная при подходящихъ случаяхъ отъ плутовства и вороватости, составляетъ совершенно противоположное качество простодушію довѣрчивыхъ и ненаходчивыхъ жителей захолустьевъ, хотя бы даже вродѣ прирѣчныхъ (конечно, исключая подвинскихъ), и во всякомъ случаѣ удаленныхъ отъ большихъ дорогъ и частыхъ сношеній съ новыми и прибылыми.

7. Отъ Сумы до Онеги.

Моремъ, съуженнымъ множествомъ лудъ, между которыми самыя большія и мѣтко названныя Медвѣжьи-Головы, плыли мы отъ Сумы по направленію къ слѣдующему поморскому селенію Кѣлежмѣ. Видѣлись намъ на протяженіи пути этого на берегу и наволокахъ двѣ избы, на трехверстномъ разстояніи одна отъ другой, — солёныя варницы; мучительно-долго и съ крайнею опасностью перетаскивали мы свой карбасъ между грудями огромныхъ камней, словно нарочно наваленныхъ поперекъ спопутнаго морского залива. Мѣсто это, прозванное *желѣзными воротами*, ежеминутно грозило опасностію изъ каждаго острія огромныхъ камней, замѣчательно обточенныхъ морскимъ

волненіемъ, и намъ и нашему карбасу, который теперь оказался окончательно утлымъ, ненадежнымъ, ничтожнымъ суденкомъ. Кое-какъ, послѣ многихъ криковъ, ругательствъ и почти нечеловѣческихъ усилій, пробрались мы чрезъ узенькій проходъ, или собственно ворота, сдѣланныя болѣе усиліями рукъ человѣческихъ, чѣмъ теченіемъ моря. И вырвавшись на вольную воду, мы выиграли не во многомъ: вѣтеръ тянулъ какъ-то вяло, вода стояла малая въ часы отлива. Недоѣзжая трехъ верстъ до селенія, мы сѣли на мель и дожидались, пока сполнялась вода, которой поверхность мало-по-малу, изъ желтоватой до того времени, становилась все червѣе и чернѣе. Прибылая вода успѣла поднять нѣсколько карбасъ, но позволила ему идти опять-таки не дальше версты разстоянія: мы опять сѣли на мель. Три часа стояли мы на прежней мели (хорошо еще что сумскія дѣвки нашли въ это время насказать мнѣ много пѣсенъ), немногимъ меньше привелось бы намъ стоять и на этой, дожидаясь покой воды. Наконецъ, послѣ мучительнаго ширканья карбасомъ о корги узкой рѣчки Кѣлежмы, и особенно послѣ утомительнѣйшаго, непріятнѣйшаго пѣшаго хожденія (подъ сильнымъ дождемъ въ добавокъ) черезъ двѣ версты отъ карбаса, гдѣ по голымъ щелямъ, гдѣ по избитымъ и старымъ мосткамъ изъ бревешекъ и палокъ, я попалъ, наконецъ, въ вождедѣнное селеніе Кѣлежу.

Село это разбросано въ поразительномъ безпорядкѣ и, вѣроятно, оттого, что первоначальные жители предпочитали близость моря удобству мѣстоположенія. Мѣстность вплотную изрыта огромными скалами, неправильно раскиданными, отдѣляющими одинъ домъ отъ другого на замѣтно большія разстоянія. Оба ряда домовъ идутъ по обѣимъ сторонамъ рѣчки, на противоположной сторонѣ которой видится церковь, мелькаютъ флюгарки, вытянутыя въ прямое, колебательное положеніе; слышится ужасный свистъ вѣтра. Кормщикъ приноситъ немного радостей:

— Дождь пересталъ, а въ морѣ пыль стоитъ: обождать надо!

Между тѣмъ въ Кѣлежмѣ положительно дѣлать нечего. Промыслы кѣлежмовъ сходны съ сумскими: таже перекупка у сорочанъ сельдей, за которыми пріѣзжаютъ сюда зимой изъ Вологодской губерніи; таже осенняя ловля навагъ на уды (рублей на 50—60 на каждое семейство). Судовъ здѣсь не строятъ, на лѣто уходятъ на Мурманъ: все, по обыкновенію, точно также ведется и здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ селеніи поморскаго берега.

Отъ скуки смотришь въ окно и видишь, что пересталъ дождь, лившій много и долго, выглянуло солнце, но и это увидѣло немного хорошаго: ту же порожистую рѣчку, тѣ-же сѣрые дома и бабу, которая, ухвативши неловко ребенка, выскочила, словно угорѣлая, изъ избы на улицу, обѣжала кругомъ клѣтушки, стоящей, по обыкнове-

нію, подлѣ рѣки, разъ, другой и третій. Баба задѣвала за каждый уголъ, за каждымъ угломъ что-то выпѣвала болѣзненно слабымъ голосомъ, словно совершала какое-то таинство, словно творила какой-то тайный, невѣдомой обрядъ. Изъ лепетанья ея удастся поймать только нѣсколько безсвязныхъ словъ: „ушли дѣтки въ богатыя клѣтки“. Ребенокъ все время молчитъ, словно спитъ, словно перепуганъ нечаянностью и крутыми порывами матери такъ, что не можетъ прійти въ сознаніе и заплакать. Мать продолжаетъ бѣгать съ нимъ кругомъ другой клѣти, стоящей рядомъ съ первою. На зрѣлище это собираются мальчишки, подходитъ колежѣмъ, отнимаетъ у бабы ребенка съ словами:

— Дай-ко сюда мнѣ ребенка-то?

— Ребенокъ не котенокъ! отвѣчаетъ баба, но отдаетъ его и сама бѣжитъ на другой конецъ селенья. Ребятишки и нѣсколько праздныхъ бабъ слѣдуютъ за ней. Въ мою комнату входитъ кормщикъ съ поразительно-спокойнымъ видомъ и также хладнокровно отвѣчаетъ на вопросъ мой: „что это такое дѣлалось передъ окнами?“

— А, вишь, полоумная; на ребенкѣ бѣсъ-отъ зло свое вымѣщаетъ—порчена...Этакъ-то вотъ дня по два дурить, а за тѣмъ и ничего:—опять *живетъ*...

Что за причина болѣзни въ этихъ странахъ, гдѣ такъ мало поводовъ къ нервнымъ болѣзнямъ! Несчастный видъ полоумной женщины, поразившей сразу общимъ тягостнымъ впечатлѣніемъ, не выходилъ у меня изъ головы и требовалъ справокъ. Настоящихъ собрать не удалось, но приблизительно объяснила повитушка-старуха, которая осматривала ребенка, нашла его уродомъ, всплеснула руками и, разумѣется, не задумалась вскрикнуть во все горло и тогда же объявить всѣмъ окружающимъ до самой роженицы включительно. У послѣдней, конечно, со стыда и испуга, бросилось молоко въ голову.

— Чѣмъ прегрѣшила, за что Божье наказаніе?

— Вѣдь, у тебя, кормилка, ребенокъ отъ „распѣтушьє“: страшное дѣло!

Страшное дѣло для матери,—съ косвеннымъ отношеніемъ неудачныхъ и несчастныхъ родовъ (по суевѣрнымъ примѣтамъ) ко всему селенію, гдѣ это случилось, для меня стало яснымъ когда объяснилось, что родилось дитя „ни мальчикъ ни дѣвочка“. Здѣсь уже этой уродливости рожденія придумалось новое слово на замѣну общаго русскаго названія „двуснастнымъ двусбринымъ, двуполымъ“ и на отмѣну длиннаго нескладнаго и непонятнаго чужого слова „гермафродитъ“, составленнаго по греческой мифологіи. Здѣсь домашнимъ способомъ обходятся проще и удовлетворительно. Ребенка и потомъ взрослого парня, сохраняющаго въ чертахъ лица и характера нѣжную женственность съ дѣвичьими хватками называютъ „дѣвуля“ и „раздѣвульє“:

парень застѣнчивъ, на всякое слово крессиѣтъ, стыдится того, чего мужчинамъ не слѣдуетъ, равнодушенъ къ дѣвкамъ и съ ребятами не сходится! Другая женщина его не только заткнетъ за поясъ, но и перехвастаетъ. Она говоритъ мужскимъ грубымъ голосомъ, въ ухваткахъ кажется богатыремъ. Ей бы кнутъ въ руки да на лошадь. Рукавицъ съ руки не снимаетъ, любитъ обувать мужскіе сапоги и надѣвать мужичью шапку это—„размужичье“. Такихъ смѣлыхъ, вольныхъ и грубыхъ бабъ много къ Колѣ, но за то тамъ про себя дѣлаютъ и отличіе: всѣ-де-бабы, какъ люди, а незамужнія, вышедшіе изъ лѣтъ „залѣтныя“, какъ говорятъ въ Поморьѣ, грубѣютъ, утрачивая женскіе свойства и размужичиваются, усвоивая всѣ мужскіе привычки и пріемы и даже предпочитаютъ всегда одѣваться мужчинами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ — и не безъ основанія—подозрѣваются и въ этихъ женщинахъ „распѣтушья“. Если и вырастетъ раздѣвулье въ большого мужчину и даже женится, онъ все-таки, останется „бабьякомъ бабей“. Точно также размужичье, до крайняго возраста на старости „мужланъ и бородуля“, потому что у иныхъ и борода обозначается и на губахъ усы пробиваются съ юношескихъ лѣтъ, чтобы такъ уже всѣ знали и видѣли. Кстати сказать, счастливый ребенокъ уродившійся со схожими помѣстными чертами и свойствами отца и матери, „балованное чадушко“, на богатомъ архангельскомъ языкѣ называется „сумясокъ“—двѣ полосы мяса, согласная и обѣщая много хорошаго помѣсь двоякой природы, благодатная и удачная смѣсь. Вообще должно замѣтить, что, распоряджаясь съ успѣхомъ союзами „разъ“ и „со“, коренная народная рѣчь обогатилась не только красивыми словами, но и образно-понятными и внушительными.

Размышленіе мое прервалъ тотъ кормщикъ, который поразилъ меня равнодушіемъ къ участи колежомской порченой женщины. Онъ оповѣстилъ.

— Карбасъ готовъ, ваше благородіе. Вѣтру выпало много, да онъ намъ *уносъ* до Нюхи.

Недолго собирался я въ дорогу и чрезъ часъ былъ уже внѣ порожиистой рѣки Колежмы, въ открытомъ морѣ, берега котораго и здѣсь бросаютъ отъ себя далеко въ море песчаные, бугристые отпрядыши. До селенія несло насъ отлично, благодаря прямому попутному западу, который, однако, успѣлъ развести огромный взводень съ пѣной, валившей прочь отъ нашего большого карбаса. Въ 5½ часовъ мы успѣли пробѣжать все 50 верстное пространство. На двухъ наволокахъ показались лошади ровно черезъ шесть недѣль послѣ того, какъ мнѣ привелось видѣть ихъ въ послѣдній разъ. При входѣ въ р. Нюхчу торчитъ бездна кольевъ, изъ которыхъ иные съ перекладинами. Это тѣ же семожи заклы съ неводами; на нѣкоторыхъ висѣла оставшаяся отъ прилива осока, другіе шесты уродливо и безцѣльно поднимались

кверху. На одномъ наволокъ торчали избенки: въ нихъ также живутъ таможенные солдаты...

Карбасъ нашъ, по причинѣ множества пороговъ и крайняго мелководья рѣченки (село Нюхча завалилось на 8 верстъ внутрь земли отъ моря), долженъ былъ остановиться за 4 версты до селенія. Вѣрсты эти привелось одолѣвать пѣшкомъ и съ такими трудностями, о которыхъ даже нельзя было составить и гадательнаго представленія. Всѣ воспоминанія сходятся въ одномъ, память способна удержать только немного: кочки по всему пути, между ними калужины — глубокія ямы съ грязной водой, которыя надо было обходить стороною и съ крайнимъ умѣньемъ и опасностью. Ямы эти глубоки, грязь ѣдкая и крѣпкая, тундряная грязь; грязь эта всюду и грязь по колѣна. Если бы не высокіе туземные бахилы изъ нерпичьей кожи, достигающіе далеко выше колѣнъ, одолѣть бы ее было нельзя и привелось бы просто лечь тутъ въ изнеможеніи, лишеннымъ послѣднихъ силъ, потерявши послѣднюю каплю терпѣнія. Едва-едва не случилось этого и со мной. Помнится темный лѣсъ, изгороди: чрезъ нихъ надо было перелѣзать, чтобы опять попасть въ грязь по колѣна: помнятся камни — объ нихъ я разбилъ себѣ носъ; ручей безъ мосточковъ, черная рыхло-сырая послѣ дождей тундра, иней по полямъ, засѣянными ячменемъ, темная, хотя и звѣздная ночь, узенькая тропинка во ржи, серебристый крестъ, чуть видный вдали изъ-за ржи и лѣса, и, наконецъ, плаванье къ деревнѣ въ огромномъ карбасѣ, который занималъ собою чуть не половину рѣки, наполненной камнями и мелями. Вотъ, наконецъ, и самая деревня въ то время, когда я успѣлъ промочить себѣ ноги, почувствовать лихорадочное состояніе во всемъ организмѣ, утомиться, выбиться изъ всѣхъ силъ. Ихъ хватило на то только, чтобы завалиться спать и спать долго и добросовѣстно-крѣпко до слѣдующаго утра. Но послѣдствія вчерашняго странствія по адской дороге сказывались еще три дня потомъ...

Слѣдующее утро освѣтило передо мною толпы народа; шедшія въ церковь (былъ праздникъ Успенія), освѣтило и самую церковь поразительно оригинальной архитектуры, выстроенную на высокой скалѣ и тѣмъ же мастеромъ, который строилъ и кольскій соборъ. Въ здѣшней церкви четыре придѣла: Никольскій, Богоявленскій, Климента папы римскаго (особенно чтимаго поморами) и св. Троицы. Построена она въ 1771 году, освящена въ 1774. Двѣ, бывшія прежде ея и на другомъ мѣстѣ, сгорѣли. Внутренность существующей церкви довольно богата; старовѣровъ здѣсь замѣтно меньше, но все-таки существуютъ. Въ рѣкѣ выстроенъ заборъ для сѣтки съ двумя маленькими вершами, которыя называются здѣсь *рюшками*; вершина ихъ зовется *чупой*; въ нихъ попадаетъ рыбы мало и ее больше ловятъ поѣздами осенью. По веснамъ заходитъ сюда мелкая сельдь, которую

также ловятъ и продаютъ въ Онегѣ и за Онегу; берутъ ее и корелы, и потомъ вялятъ, сушатъ и солятъ для себя. Сельдей въ волости Владыченской мѣняють на хлѣбъ и рѣдко продаютъ на деньги. Вологжане скупаютъ и навагу мерзлую, называя ее *меньками*; наваги приходитъ много, а равно и *корюхи*, которая весной носитъ названіе наросной (выросшей изъ молодыхъ выводковъ, она же и корюшка *osmerus eperlanus*). Ее ловятъ въ тѣ же рюшки. Кромѣ этихъ промысловъ нюхотскіе бьютъ въ лѣсахъ рябковъ (рябчиковъ) и прочую дичь, хотя и въ маломъ количествѣ.

Въ 1590 г. царь Ѳеодоръ Ивановичъ подарилъ Нюхчу соловецкому монастырю; въ 1764 она, вмѣстѣ съ другими монастырскими волостями, отошла въ вѣдѣніе коллегіи экономіи.

Здѣсь всѣ тѣ свѣдѣнія, которыми можно было воспользоваться въ селѣ Нюхчѣ. Въ селѣ два раза въ годъ бываютъ крестные ходы изъ селенія къ часовнѣ, построенной у Св. Озера и Св. Горы, совершаемые, какъ говоритъ преданіе, въ воспоминаніе избавленія селенія отъ *Панька*. Преданіе объ этомъ Панькѣ и вообще о паньщинѣ—времени набѣговъ на поморскія селенія литовскихъ людей и русскихъ измѣнниковъ—въ памяти народа сливаются съ преданіями о главной исторической достопамятности села Нюхчи — посѣщеніи Петромъ Великимъ, который велъ отсюда двѣ яхты по нарочно устроенной для этой цѣли дорогѣ. Отъ дороги этой, извѣстной въ народѣ подъ именемъ *царской* и *государевой*, до сихъ еще поръ сохранились остатки. Та часть ея, которая ведетъ отъ села къ Св. Горѣ и Св. Озеру, ежегодно поправляется и поддерживается по той причинѣ, что здѣсь совершаются церковные крестные ходы въ день Троицы и Покрова. Дальше на всемъ своемъ протяженіи, дорога эта значительно погнила и потерялась въ болотинахъ и грудяхъ гнѣющаго валежника. Только, говорятъ, около Пулозера (въ 45 верстахъ отъ Нюхчи) сохранился курганъ и подлѣ него до сихъ поръ валяется огромный дубовый кражище-столбъ, стоявшій вѣроятно на курганѣ, гдѣ сохранилась еще огромная яма.

Вотъ что записано въ „Церковномъ памятникѣ села Нюхчи“ объ этомъ путешествіи Петра Великаго: „Въ 1702 году проходилъ Петръ съ сыномъ своимъ Алексіемъ и синклитомъ въ Нюхчу съ моря. Свиты его, кромѣ начальниковъ, ближайшихъ бояръ, духовныхъ особъ и чиновныхъ людей, было 4,000 человекъ. Царь присталъ изъ Архангельска чрезъ проливъ океана на 13 корабляхъ подъ горою Рислуды, а на малыхъ судахъ присталъ къ Вардегорѣ; корабли изволилъ отпустить въ Архангельскъ. Отъ пристани царь шелъ въ Нюхчу и изволилъ посѣтить село; отсюда пошелъ въ Повѣнецъ мхами, лѣсами и болотами 160 верстъ, по которымъ были дѣланы мосты Соловецкаго монастыря крестьянами. По этой дорогѣ людьми проташены двѣ яхты

до Повѣнца, отъ котораго его величество озеромъ Онегою на судахъ поплылъ въ предѣлы Великаго Новгорода и пришелъ къ городу Орѣшку, что нынѣ именуется Шлиссельбургъ“.

А вотъ что рассказываетъ о тѣхъ же событіяхъ народное преданіе:

— Были на нашу сторонку многія божескія пощущенія и разныя бѣды: приходили къ намъ грабить скотъ, воровать дѣвокъ и маленькихъ ребятенковъ *паны*. Всякій панокъ, у котораго были рабы свои, крестьяне бы — по нашему, воленъ былъ творить всякій разбой и грабительство. Эдакій-то одинъ пришелъ и къ нашему селенію въ старыя времена. Тоже богатый былъ панокъ и силу большую имѣлъ: много народу водилъ за собой (а сказывалъ мнѣ все это старикъ-дѣдушка, а дѣдушкѣ - то другой сказывалъ, а этому - то другому было восемь десятковъ лѣтъ: тотъ дѣло это самъ видѣлъ). Грабилъ этотъ панокъ всѣ деревушки по близости: надумалъ сотворить тоже и съ нашимъ селомъ и силу распредѣлилъ, и спать легъ. По утру проснулся, диво видить: бьютъ его воины всякъ своего брата. Бьютъ они и рубятся и на смерть другъ друга кладутъ: потемнились люди невѣдомой силой и помотались всѣ въ озеро, которое и прозвали съ той поры „святымъ“; и гору подлѣ тоже „святой“ прозвали, затѣмъ, что спасеніе свое тутъ село наше получило.

Увидѣлъ панокъ народу побитіе и, не вѣдаючи причины тому, взмолился Богу со слезами и крѣпкимъ покаянiемъ, и такимъ обѣщаніемъ: „Помилуешь меня, Господи—вѣру православную приму и разбойничать и убивать крещеныя души во вѣки не буду!“ Господь устроилъ по его желанію: простилъ спокоявшагося, далъ ему жизнь и силу. Пришелъ панокъ этотъ въ село наше, отъ священника православнаго благословеніе и крещеніе принялъ и сталъ простымъ крестьяниномъ: сталъ землю пахать, на промысла въ море ѣздить, скоро научился съ волной правиться и сталъ распрехорошимъ кормщикомъ,—всѣмъ, слышь, на зависть.

Вотъ и идетъ, слушай, царскій указъ въ Архангельскій городъ: будетъ-де царь скоро — приготовьтесь. Ёдетъ-де онъ моремъ, такъ шестнадцать человекъ ему *лочиёвъ* (лоцмановъ) надо. Ждутъ царя день, ждутъ и другой, хотятъ его ликъ государскій видѣть: отъ дворца его не отходятъ ни днемъ, ни ночью. Смотрятъ, на балконъ вышелъ кто-то. Лоцмана пали на землю, поклоненіе ему совершили и лежатъ и слышатъ: „Встаньте-де, православные—не царь я, а генераль Щепотевъ. Петръ Алексѣевичъ сзади ёдетъ и скоро будетъ. Велѣлъ онъ вамъ свою милость сказывать: выбрать-де вамъ изъ всѣхъ изъ шестнадцати самыхъ наилучшихъ, какъ сами присудите“. Выбрали четырехъ, пришли къ Щепотеву. Выберите-де изъ этихъ самаго лучшаго! Онъ будетъ у царя корщикомъ, а всѣ другіе ему будутъ помогать и

повиноваться“. Выбрали всё въ одинъ голосъ Антипа Панова, того самого, что подъ наше селеніе съ войной приходилъ и святую вѣру пріялъ.

Царь на это время пріѣхалъ и самъ и сейчасъ на корабль пришелъ, Антипа Панова за руку взялъ и вымолвилъ: „На тебя полагаюсь—не потопи.“ Пановъ палъ въ ноги, побожился, прослезился; поѣхали. И пала имъ на дорогѣ зельная буря. Царь велѣлъ всёмъ прибодриться, а Панову ладиться къ берегу; а берегъ былъ подлѣ Унскихъ-Роговъ, самого страшнаго мѣста на всемъ нашемъ морѣ. Ладился Пановъ умѣючи, да отшибала волна: не скоро и дѣло спорилось. Царю показалось это въ обиду; не вытерпѣлъ онъ, хотѣлъ самъ править, да не пустилъ Пановъ: „Садись, царь, на свое мѣсто: не твое это дѣло: самъ справлюсь!“ Повернулъ самъ руль какъ-то ладно, да и врѣзался, въ самую губу врѣзался, ни за единъ камешекъ не задѣлъ да и царя спасъ. Тутъ царь деньги на церковь оставилъ, и церковь построили послѣ (ветха она теперь стала, не служатъ). Сталъ царь спрашивать Панова, чѣмъ наградить его; палъ Пановъ въ ноги, отъ всего отказался: „ничего-де не надо!“ Дарилъ царь кафтанъ свой, и отъ того Пановъ отказывался. „Ну, говоритъ: теперь не твое дѣло: бери!“ Снялъ съ себя кафтанъ и всю одежду такую, что вся золотомъ горѣла, и надѣлъ на Панова, и шляпу свою надѣлъ на него; только съ кафтана пуговицы срѣзалъ, затѣмъ, слышь, золотыя это пуговицы срѣзалъ, что херувимы, вишь, на нихъ были. * И взялъ онъ Панова съ собой и въ дорогу; въ Соловецкій монастырь и въ Нюхчу привезъ, и на Повѣнецъ повелъ за собой.

А въ Нюхчѣ нашей царь остановился подлѣ лудой Крестовой (такая невысокая, въ верстѣ отъ Пономаревой). У Вардегоры сдѣлана была царская пристань для кораблей; лѣсъ теперь разнесло, остался одинъ колодезь, да по двумъ каменнымъ грудамъ еще можно признать это мѣсто. Они-де и песочкомъ были прежде обсыпаны. Теперь вода все это замыла и унесла **. Въ нашу Нюхчу пришелъ царь со своимъ любимцемъ Щепотевымъ, погулялъ по ней, показалъ народу свои

* По болѣе достовѣрнымъ письменнымъ свидѣтельствамъ видно, что царь подарилъ кормчику свое мокрое платье, даже до рубашки, выдалъ 5 руб. на одежду, 25 руб. въ награду и навсегда освободилъ отъ монастырскихъ работъ. О послѣдующей судьбѣ Антипы Панова народное преданіе повѣствуетъ слѣдующее: царь Петръ, подаривши Антипѣ свою шляпу, даровалъ ему вмѣстѣ съ нею право бесплатно пить годку вездѣ, во всѣхъ царевыхъ кабакахъ, во всѣхъ избахъ, гдѣ бы и кому бы ни показалъ онъ эту шляпу. Пановъ этимъ лакомымъ правомъ не замедлил воспользоваться и неустанно злоупотреблялъ имъ до такой степени, что наконецъ опился и умеръ отъ запоевъ.

** Я былъ на этихъ мѣстахъ и только по указаніямъ рассказчика можно съ трудомъ различить уцѣлѣвшіе признаки царской пристани. Груды камней дѣйствительно могли быть навалены руками человѣческими. Все рассказываемое здѣсь происходило въ 1702 г.

царскія очи. Деревню похвалилъ: „какъ-де не быть деревнѣ богатой—государево село!“ Жилъ онъ у насъ сутки цѣлые въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ наша церковь, а прежде стояли двѣ соловецкія кельи. Для царевича былъ припасенъ другой домъ, крестьянскій на другой сторонѣ, супротивъ царскаго дома. На другіе сутки царь отправился по рѣкѣ нашей прямой къ дорогѣ, а строили эту дорогу цѣлый годъ всѣми волостями соловецкими; изъ разныхъ сторонъ народъ пригнанъ былъ, нѣсколько тысячъ. Дорога эта такъ и показитъ вдоль по рѣкѣ, подлѣ берега, верстъ на 14. Тутъ *поворотъ* называется, и курганъ былъ накладенъ съ печь ростомъ, на самомъ краю да на бережку (и теперь его знать, хоть и сталъ онъ поменьше). Тутъ царь опросилъ: „Нѣтъ ли-де, да не знаютъ-ли, гдѣ бы можно водою проѣхать?“ Сказали, что нѣту.

На ту пору подъ яхтами царскими стали подгибаться, а индѣ и совсѣмъ обваливаться мосты. Доложились царю, что не ловко-де ѣхать, никакъ не мочно, нудно-де очень (а ѣхалъ онъ на своихъ коняхъ, на корабляхъ привелъ коней этихъ изъ Архангельска). Велѣлъ царь на *берлинны* поставить — лѣсины такія сдѣлали вродѣ лыжъ бы, али нашихъ креневъ. Такъ и потащили царскія телѣжки и яхты эти дальше къ Пулозеру, гдѣ курганъ высокій знать теперь и кражище дубовое. Пулозеро (40 верстъ отъ Нюхчи) оставилъ царь въ сторонѣ, вправѣ, и въ деревню не заходилъ, а пріѣхалъ въ деревню Колосьозеро. Тутъ онъ перешелъ мостомъ черезъ рѣчку, а затѣмъ волокомъ верстъ тридцать шелъ дикимъ такимъ лѣсомъ и опять же по мосту (по настилкѣ). Въ лѣсу-то этомъ и доселева еще полосу, просѣку такую, сажени въ три въ ширину, запримѣтишь, хоть мосты и заросли травой шибко. Изъ Колосьозера шелъ царь въ деревню Вождмосову *, оттуда ужъ плылъ по Выгъ-озеру и по Выгу-рѣкѣ на деревню Телейкину, черезъ рѣчки Муромъ да Мягкозерскую. Оттуда опять по мосту, по болотамъ, да по лѣсамъ, на сорокъ верстъ до Повѣнца города. Гати по дорогѣ и до сей поры въ примѣту. Прошелъ онъ, сказываютъ, всю эту дорогу (160 верстъ) въ десять дней. А затѣмъ, толкуютъ, Онежскимъ озеромъ шелъ, да рѣкою Свирью въ Ладожское. На озерѣ этомъ онъ городъ ** взялъ и положилъ подъ нимъ сказываютъ, много народу. Щепотевъ попрекалъ его за это: „Зачѣмъ-де, ты, царь, много народу положилъ? Лучше бы, слышь, пушку навелъ: и городъ бы взялъ скорѣе, да и народу бы-де потратилъ меньше!“

* Деревушка эта—собственно *Важмо-салма*—лежитъ у пролива на юговосточномъ углу Выгъ-озера, въ 27 верстахъ отъ Пулозера. Здѣсь царь подарилъ хозяину дома, въ которомъ останавливался, кафтанъ.

** Орѣпекъ, названный имъ потомъ Шлисельбургомъ—Ключемъ - городомъ, и жрѣпость Нотебургъ при устьѣ Невы.

У насъ тутъ по дорогѣ-то по этой, одно мѣсто за примѣту, верстахъ въ 16 отсюда, зовется *гора Щепотина*—и вотъ почему. Щепотинъ этотъ изобидѣлъ чѣмъ-то царскаго коршика Антипа Панова: щипалъ его, слышь, все сзади; подсмѣивался. Въ обиду, знать, показалось, что тотъ объ руку съ царемъ идетъ на Щепотиномъ мѣстѣ. Пановъ изобидился. Царь успокоивалъ было его, мирилъ обоихъ. Пановъ на своемъ стоялъ: требовалъ закону и челобитную подалъ. Царь принялъ и рѣшилъ Щепотина высѣчь. И высѣкли его подлѣ этой горы, что сейчасъ зовется *Щепотиной*. Сказываютъ еще, что когда царь былъ въ Соловкахъ—оставилъ ящикъ денегъ съ наказомъ открыть его и тратить деньги тогда только, когда монастырь обѣднѣетъ.

Передавая рассказъ этотъ, я старался возможно вѣрнѣе держаться подлинныхъ словъ рассказчика, нюхоцкаго крестьянина Ф. Г. Поташева, происходящаго по прямой линіи (женской) отъ Панова. Подробности рассказа этого казались мнѣ тѣмъ болѣе интересными, что о переправѣ яхтъ и путешествіи Петра Великаго извѣстно не много по короткимъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя можно найти у Рейнеке столько же, сколько у Пушкирева, и у послѣдняго столько же, сколько у лучшаго и добросовѣстнѣйшаго монографа Архангельской губерніи, Молчанова. Если изъ рассказа этого откинуть всѣ тѣ мѣста, которыя подлежатъ еще нѣкоторому сомнѣнію, какъ, напр., о наказаніи Щепотина за такую ничтожную, темную вину, то все остальное кажется достойнымъ вѣроятія, сколько по простотѣ рассказа и несложности событій, столько же и по тому обстоятельству, что времена Петра Великаго не далеки и не могли еще быть затемнены народнымъ вымысломъ и баснословіемъ. Въ рассказѣ нюхоцкаго старика можетъ показаться баснословнымъ только преданіе о панькѣ, и то въ подробностяхъ. Голиковъ же, назвавшій кормщикомъ Петра именно этого Панова, а не соловецкаго лодейнаго перевозчика Антипа Тимофеева (уроженца Сумскаго острога) *, какъ-бы и слѣдовало, былъ отчасти справедливъ тѣмъ болѣе, что онъ могъ записывать самое свѣжее, самое живое преданіе и притомъ отъ самовидцевъ событія (сохранилось же это преданіе въ томъ видѣ и до настоящаго времени, до 1856 года!). Устряловъ, въ своей „Исторіи Петра Великаго“, голословно отвергъ это преданіе и не могъ догадаться о томъ, откуда взялась у Голикова такая ошибка (см. „Исторію Петра Великаго“, Спб.. 1858, т. II, примѣч. 44).

Архангельскій народъ могъ увлечься особенною любовію къ своему собрату и земляку, одаренному царскими милостями, и на столько, чтобы по созвучію именъ, произвести его путемъ баснословія отъ

* Крестьяниномъ Сумской веси названъ онъ въ Двинскихъ запискахъ и Антипомъ Тимофеевымъ въ грамотѣ архіепископа Аѳанасія къ соловецкому архимандриту Фирсу отъ 18 іюля 7202 (1694).

заморскаго князя. Это въ духѣ народныхъ преданій всѣхъ вѣковъ и народовъ. Потому-то всѣ эти преданія достойны внимательной строгой критической провѣрки, а небездоказательныхъ опроверженій. Пановъ ли, другой ли кто ѣздилъ съ Петромъ въ Бѣлое море, но этотъ же кормщикъ могъ провожать царя на Повѣнецъ, и все-таки есть вѣроятіе предположить, что могъ объ немъ царь вспомнить и взыскать своею милостію еще одинъ разъ. Правда, что народъ перепуталъ и соединилъ оба событія въ одинъ годъ, тогда-какъ несчастный случай подлѣ Унскихъ-Роговъ произошелъ въ 1693 году, а яхты переправлялись уже въ 1703 году, какъ сказано. Но и перепуталъ народъ событія эти опять-таки, какъ намъ кажется, для того кормщика, въ лицѣ котораго онъ хочетъ видѣть одного изъ идеаловъ своихъ мореходцевъ, который сѣумѣлъ приложить доморощенные мореходныя способности ко спасенію великаго царя отъ вѣрной гибели и въ самую критическую минуту жизни.

Спасенный Петръ цѣлыхъ три дня послѣ того жилъ въ ближайшемъ къ Унскимъ-Рогамъ Пертоминскомъ монастырѣ, пѣлъ и читалъ въ церкви, обѣдалъ съ монахами, своими руками соорудилъ огромный деревянный крестъ (хранящійся теперь въ Архангельскомъ соборѣ), собственными руками вырѣзалъ на немъ голландскими и русскими буквами слова.

Обращаемся къ событіямъ третьяго посѣщенія Архангельскаго края Петромъ Великимъ, въ 1702 г., за которымъ слѣдовало взятіе Нотебурга (древняго Орѣшка, теперь Шлиссельбурга) и крѣпости Ніеншанца, стоявшей при впаденіи Невы въ Балтійское море.

Въ началѣ лѣта 1702 года (30 мая) Петръ I пріѣхалъ въ Холмогоры. Здѣсь слушалъ литургію, пробылъ 1½ часа у архіепископа и отплылъ вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ, Меншиковымъ, многочисленной свитой и 4,000 войска, на дощаникахъ въ Архангельскъ. Пониже р. Уймы встрѣтилъ его воевода Ржевскій съ пушечною и ружейною пальбою.

Прибывши въ Архангельскъ, Петръ приказалъ строить Новодвинскую крѣпость 30 мая, въ праздникъ св. Троицы, слушалъ литургію, совершаемую архіепископомъ, и самъ пѣлъ съ пѣвчими. На другой день плавалъ на взятомъ (24 іюня 1697 г.) шведскомъ фрегатѣ въ Вавчугу и спустилъ тамъ съ Баженинской верфи два фрегата: „Курьеръ“ и „Св. Духъ“. Вернувшись въ Архангельскъ, царь присутствовалъ при освященіи церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ новопостроенной городской крѣпости, 29 іюня. Церковь украшена была знаменами и флагами и одарена отъ царя ризами, книгами, сосудами и проч. По выходѣ изъ церкви, царю салютовали изъ пушекъ. Онъ, долго стоя на балконѣ, наслаждался звуками пальбы и радовался ей. Отправившись въ собственный дворецъ, на Моисеевомъ

острову, царь угощалъ здѣсь сановниковъ обѣдомъ. Для народа выставлены были бочки съ ренскимъ и простымъ винами и пивомъ. 6 августа царь выѣхалъ въ Соловки и 10 августа со всею свитою и войскомъ былъ уже тамъ.

Царь прибылъ сюда на 13 судахъ. Царская флотилія, за противнымъ вѣтромъ, должна была остановиться, не доходя до монастыря, между островами Анзерскимъ и Муксалмами. Здѣсь до сихъ поръ еще примѣтны остатки тѣхъ трехъ городковъ, или, лучше, большихъ кучъ дикихъ камней (гурьевъ), которыя царь приказалъ, придерживаясь мѣстнаго обычая, навалить, на память посѣщенія этого мѣста. 10 августа флотъ остановился у Заяцкаго острова, возвѣстивъ монастырской братіи пушечной пальбою о прибытіи государя. Вскорѣ на небольшомъ ботѣ прибылъ въ монастырь и самъ Петръ Великій, вечеромъ, и былъ встрѣченъ въ воротахъ архимандритомъ Оирсомъ, еще прежде отъѣзда царя извѣщеннымъ чрезъ стольника князя Ю. Ѳ. Шаховскаго. Архимандрита царь жаловалъ къ рукѣ и принялъ икону соловецкихъ чудотворцевъ, хлѣбъ и рыбу. Осмотрѣвши затѣмъ монастырскія стѣны, церкви, раку преподобныхъ, ризницу и оружейную палату и, послѣ всего отужинавъ въ кельѣ архимандрита, отправился царь къ ночи на корабль. На другой день онъ снова пріѣхалъ въ монастырь съ царевичемъ Алексѣемъ, слушалъ литургію, трапезовалъ съ приближенными своими вмѣстѣ съ братією *, вторично посѣтилъ ризницу, оружейную и тюремныя мѣста, былъ также у архимандрита, но провелъ ночь опять на кораблѣ. 12 и 14 августа Петръ Великій снова пріѣзжалъ на островъ и, въ это время, верхомъ на лошади, успѣлъ съ подробностію осмотрѣть монастырскія стѣны, окрестности, кирпичный заводъ. Возвратясь, онъ разсматривалъ монастырскія граматы и тогда же приказалъ архимандриту Оирсу носить мантию со скрижалями (поматами), а жезлъ имѣть съ шишками и яблоками, на что въ тотъ же день и послѣдовалъ царскій указъ. 15 августа архимандритъ, въ присутствіи царя, служилъ уже со всеми вновь дарованными преимуществами. Царь стоялъ на клиросѣ и пѣлъ съ пѣвчими. Повелѣвши на островѣ Заяцкомъ построить церковь во имя Андрея Первозваннаго, царь и здѣсь также, около того мѣста, гдѣ стоялъ его флотъ, приказалъ навалить въ два ряда изъ булыжника гурій, едва примѣтный теперь.

„16 августа—говоритъ архимандритъ Досиѣей—государь, отправивъ молебствіе, со всеми кораблями отплылъ къ пристани нюхоцкаго соловецкаго усолія, куда, по долгу благодарности за оказанныя ми-

* За трапезою царь замѣтилъ, что никогда такъ пріятно и сытно не ѣлъ, какъ здѣсь. — „Это оттого, отвѣчалъ архимандритъ Оирсъ, что наша пища и питье приготовляются съ благословеніемъ и окропленіемъ святою водою“, — какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ случаѣ авторъ описанія Соловецкаго монастыря, архимандритъ Досиѣей.

лости *, послѣдовалъ и соловецкій архимандритъ Фирсъ съ нѣкоторыми іеромонахами изъ братіи. Они поднесли великому путешественнику икону угодниковъ соловецкихъ, а во флотъ доставили довольно провизіи, что и принято отъ нихъ съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности. На послѣдокъ, бывъ угощены на адмиральскомъ кораблѣ, получили милостивый отпускъ. Вскорѣ за симъ великій государь, сошеде съ кораблей и отправивъ флотъ обратно къ Архангельскому порту, благоизволилъ путешествовать со всѣмъ войскомъ чрезъ Нюхонскую волость до новопроложенной монастырскими крестьянами мостовой дорогѣ къ озеру Онегѣ, на Повѣнецкій погостъ, лѣсами, мхами и болотами, на разстояніе 160 верстъ. Экипажъ государевъ со свитою и двѣ яхты съ пушками провождены сею же дорогою монастырскими крестьянами за довольноую плату. Въ послѣдующее время, по сему новопроложенному тракту, на содержаніе Соловецкаго монастыря крестьянъ, учреждены были почтовые станціи отъ Нюхчи къ Повѣнцу на 120, а зимнимъ на 80 верстъ.

16 августа оставилъ я Нюхчу, но началъ дальнѣйшій свой путь подъ тѣми же неблагопріятными впечатлѣніями, съ какими вѣзжалъ въ это селеніе два дня тому назадъ. Карбасъ нашъ сѣлъ на мель у морскихъ пороговъ, до которыхъ въ первый путь не могли даже доѣхать. Нужно было дожидать прибылую воду, но переждать привелось ее на мошкахъ и неисчетномъ множествѣ комаровъ, усыпавшихъ берега. Солнце свѣтило во всей своей силѣ; въ воздухъ было тепло. Оставалось припомнить всѣ обстоятельства, весь трудъ, съ какимъ пробирался нашъ карбасъ отъ самаго селенія между порогами и грудями наваленныхъ камней, при помощи сильныхъ рукъ гребцовъ-дѣвокъ, выходившихъ на берегъ или входившихъ по колѣна въ воду. Оставалось, въ тоже время, созерцать пастуха и коровъ, пасшихся на противоположномъ берегу рѣченки, и опять-таки сѣрую избушку, которая, на этотъ разъ, была уже не промысловая, не разволочная, а постушья, что такъ замѣчательно-рѣдко попадаетъ во всемъ Поморьѣ, гдѣ скотъ гуляетъ безъ призора. Все это могло бы увести воображеніе далеко-далеко, въ несравненно-лучшія, въ настоящія благодатныя мѣста и нарисовать болѣе родныя и свѣтлыя картины, если бы всѣ эти образы, на тотъ разъ, не разгоняло новое чувство съ иными проявленіями: этотъ путь отъ Нюхчи до Унежмы былъ послѣднимъ карбаснымъ путемъ, такъ сильно утомившимъ и противѣввшимъ въ теченіе слишкомъ двухъ долгихъ мѣсяцевъ. Съ

* Между этими милостями, архимандритъ Досиѣей упоминаетъ о 200 пудахъ пороха, выданныхъ монастырю изъ казеннаго заготовленія въ городѣ Архангельскѣ. Монастырь тогда же препроводилъ къ царскому двору девять живыхъ нерпъ.

Унежмы начинался иной путь и новый способ переправы, мною еще ни разу въ жизни неизвѣданный и предполагавшійся лучшимъ.

Помню, когда, къ неопisanному моему счастью, проширкалъ нашъ карбасъ своей матицей—килемъ, для меня въ послѣдній разъ, по коргамъ и сталъ на мель, я нетерпѣливо бросился впередъ по мелководью оставшагося до берега моря въ бродъ. Помню, что съ трудомъ я осилилъ гранитную, крутую вѣраку, выступившую мнѣ на встрѣчу и до того времени закрывавшую отъ насъ селеніе. Помню, что, наконецъ, осилилъ я щелья, переползъ чрезъ всѣ другія спопутныя, перепрыгнулъ черезъ всѣ каменья и скалы и, освободившись отъ этихъ препонъ, бѣжалъ,—бѣгомъ бѣжалъ въ селеніе. Я не замѣчалъ, не хотѣлъ замѣчать, что небо задернулось тучами и сыпало крупнымъ, хотя и рѣдкимъ дождемъ; я видѣлъ только одно—вожде-лѣнное селеніе Унежму—маленькое съ небольшою церковью, которая скорѣе часовня, чѣмъ церковь. Я ничего въ этотъ разъ не зналъ, что со мною будетъ дальше: такъ ли будетъ дурно, или еще хуже. Я хотѣлъ знать и зналъ только одно, что меня не посадятъ уже въ мучительный карбасъ и не стѣснять будкой и капризами моря. Я хорошо зналъ и, признаюсь, какъ дитя, радовался тому, что привезшій меня карбасъ пойдетъ отсюда назадъ въ безпривѣтную Нюхчу, и что, если я захочу самъ, меня не повезутъ до Вѣрзгоръ прямымъ ближнимъ путемъ, но путь этотъ опять-таки идетъ моремъ, опять-таки въ карбасѣ. Нѣтъ, лучше возьму дальнѣйшій, болѣе поучительный путь и, въ первый разъ въ жизни, попробую ѣхать верхомъ во-что бы то ни стало, чѣмъ сяду опять въ докучливый карбасъ.

— Давай, братъ, мнѣ лошадей!

— Готовы, отвѣчалъ староста:—вещи на телѣжку-одноколючку положу и самъ сяду, а то тебѣ марко будетъ и неловко сидѣть: грязью закидаетъ, да и коротка таратаечка,—еле чемоданъ отъ твой уложился.

— А вотъ и тебѣ конекъ. Не обезсудь, коли праховой такой, да не ладный: сѣна-то вѣдь у насъ не больно же много живетъ, а овсеца-то они у насъ съ роду не видятъ.

Мы ѣхали дальше. Я мчалъ во всю прыть, на сколько позволяли дѣлать то скудныя силы клячи и чудная, ровная дорога куйпогой, т. е. по песку, гладко обмытому и укатанному, до подобія паркета, недавно отбывшей водой. Видѣлись лишь калужины съ водой, еще не просохшей и застоявшейся въ ямахъ. Видѣлся песокъ, несмѣтное множество бѣлыхъ червей, выползавшихъ изъ-подъ этого песку на его поверхность; кое гдѣ кучки плавнику—щепокъ, наметанныхъ грудами моремъ; выяснился лѣсъ, чернѣвшій по берегу, рѣченка, выливавшаяся изъ этого лѣса, дальнія селенія впереди, изъ которыхъ одно было самое дальнее—Вѣрзгоры. Назади едва посмѣвала за мною

одноколка съ чемоданомъ и ящикомъ. Я ощутилъ крайнее неудобство моего сѣдла, кажется, дѣланнаго съ тою преимущественно цѣлью, чтобы терзать все, что до него касается: стремена рванья, высоко поднятыя и неспособныя опускаться ниже. Я мчалъ себѣ, мчалъ во всю немногую силу своей лошаденки, пугливой и, въ то же время, къ полному счастью, послушной. Какъ бы то ни было, но только въ четыре часа съ небольшимъ я успѣлъ сдѣлать на конѣ своемъ тридцать верстъ перегону до села *Кушеръки*. Вспоминались мнѣ уже здѣсь таможенные солдаты, бродившіе по улицѣ Унежмы, бабы, ребятишки, мужики, рассказы моего ямщика о томъ, что здѣшній народъ весь уходитъ на Мурманъ; что дома иногда строятъ они суда и даже лодьи, промышляютъ мелкихъ сельдей и навагъ на продольники; что попадаютъ также сиги, что хлѣбомъ пользуются они отчасти изъ слѣдующаго по пути селенія Нименги. Вспоминаются при этомъ кресты, также, по обыкновенію поморскихъ береговъ, разставленные и по улицамъ покинутой Унежмы. Видится, какъ живой, одинъ изъ такихъ крестовъ подъ навѣсомъ, утвержденнымъ на двухъ столбахъ. Вспоминаются бабы на поляхъ, подсѣкавшія траву, перевортывая коротенькую косу—*горбушу* съ одной стороны на другую. Вспоминаются почему-то и зачѣмъ-то картины, развѣшенныя по стѣнамъ станціонной квартиры „Диогенъ съ бочкой и Александръ Македонскій предъ нимъ въ шлемѣ“; „Крестьянинъ и Разбойникъ“ (басня); „Къ атаману алжирскихъ разбойниковъ представляютъ бѣжавшую плѣнницу“; „Жена вавилонская, апокалипсисъ глава седьмая - на - десять“; „Дмитрій Донской“; „О богачѣ, дающемъ пиръ, и почему онѣ не пришли“, и проч.

Ожидаютъ новыя впечатлѣнія, требуютъ вниманія новыя серьезныя данныя: передъ окнами разстилается новое селеніе — Кушеръка, людное, одно изъ большихъ и красивыхъ селъ Поморскаго берега. Село это строить малыя суда (лодьи весьма рѣдко). За три версты до селенія по унежемской дорогѣ, въ трехъ сараяхъ варятъ соль. Село имѣетъ церковь, не такъ древнюю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не оригинальной архитектуры, имѣетъ рѣку—Кушу, мелкую, но бочажистую (ямистую) и порожистую. Народъ ходитъ на Мурманъ: обрадовавшись уходу англичанъ, на этотъ разъ ушелъ туда почти весь. Ловится семга въ заборы, въ тѣ же мережки, называемыя здѣсь уже вѣршами; попадаютъ корюха, камбала; кумжу (форель) ловятъ сѣтями; ловятъ также по озерамъ мелкую рыбу для домашняго потребленія и по зимамъ удятъ навагъ для продажи. Озерная рыба и здѣсь не въ чести, ни щуки, ни меньки (налимы), ни прочая мелкая: избалованные морскими рыбами, хвастливые поморы сложили даже такую поговорку: „корельска рыба — не рыба: лонски сиги — не сиги“, или съ такимъ измѣненіемъ: „корельски сиги не рыба, деревенска рожъ не хлѣбы“.

Отъ того мѣста, откуда съ унежемской дороги видѣлась церковь Ворзогорскаго села, до этого послѣдняго, къ Онегѣ прямымъ путемъ, можно считать верстъ 20, между тѣмъ какъ мнѣ придется совершать теперь до него 53 версты, не считая 9 верстъ крюку, который надобно сдѣлать въ сторону отъ почтовой дороги, до села Нѣменги.

Дугой вытянулся весь этотъ берегъ до Вѣрзогоръ и видѣнь почти ясно и съ лѣсомъ, и съ чернѣющими домами двухъ-трехъ спопутныхъ деревушекъ. Выясняются впереди этого лѣса и этихъ деревушекъ морскіе пески, гладко укатанные и далеко уходящіе въ море; на нихъ свободно и безбоязненно сидятъ крикливыя чайки, внимательно, хотя и безцѣльно, устремившія свои зоркіе взгляды въ даль шумливаго, вѣчно-плещущаго моря. Искалъ я и здѣсь старинныхъ бумагъ, и не нашелъ, какъ не нашелъ ихъ въ Унемѣ, какъ не нашелъ и въ слѣдующемъ за Кушерѣвкой селеніи Малошуйкѣ.

Отъ Кушерѣвки до Малошуйки считаютъ, почтовымъ трактомъ, 15 верстъ. Дорога идетъ сначала горой, потомъ спускается въ ложбину, какъ будто въ оврагъ какой-то. Подкова лошади не звенитъ о придорожный гранитъ и не врѣзывается въ рыхлую тундру или летучій песокъ. Влѣвъ видится узкая полоса моря, какъ говорятъ, на 8 верстъ отошедшаго въ сторону. Еще нѣкоторое время чернѣетъ Кушерѣвка своими строеніями, отливаетъ крестъ ея церкви — и все это пропадаетъ по мѣрѣ того, какъ мы спускались въ ложбину. Тутъ шумитъ бойкая, по обыкновенію, говорливая рѣчка; черезъ рѣчку перекинутъ мостъ, на-половину расшатавшійся и на-половину погнившій. Пришли на память въ эту пору предостереженія кушерѣцкаго ямщика, который подвелъ ко мнѣ лошадь съ такимъ оговоромъ:

— Конекъ маленькій, а не обидитъ тебя: нарочно такого про твою милость выбралъ.

Оставалось, конечно, поблагодарить, что я и сдѣлалъ.

— Только ты подъ устцы его не дергай — на дыбы становится, сбрасываетъ. Не щекоти опять же — задомъ брыкается. Не хлещи — замотаетъ головой — замотаетъ, не усидишь, хоть какой будь привышный. По веснѣ-то его гадъ (змѣя) укусилъ *.

— Такъ ты бы попользовалъ его.

— Пользовалъ: травы парили.

— Какія же?

— Голубенькіе такіе бываютъ цвѣточки...

— Словно бы колокольчики! — добавилъ другой мужикъ.

— А ты бы, Никифорушко, канфарой примочилъ, вступился третій.

* Змѣй на всемъ западномъ берегу Бѣлаго моря очень много, но за то лагушекъ выгдѣ не видно, въ особенности сѣвернѣе Кемь.

— А ладно, отвѣчалъ Никифорушко:—есть канфара-то; разнозички, вишь, у насъ въ деревнѣ-то живутъ: есть, чай, у нихъ. Ладно-ну!

Лошадка, вопреки предостереженіямъ, оказалась бойкою, не брыкливою и не тряскою, такъ-что я успѣлъ даже приладиться ѣхать на ней вскачь, особенно послѣ того, какъ дорога изъ ложбины потянулась въ гору. Тянулась дорога эта по косогорью, кажется, двѣ-три версты. Скакалъ мой конекъ, для котораго достаточно было одного только взвизга, легкаго удара поводьемъ, и вынесъ меня на гребень горы, на которомъ только-что могла умѣститься одна дорога: такъ узокъ и обрывистъ былъ этотъ гребень. Узенькимъ, хотя и замѣчательно гладкимъ рубежкомъ шла по этому гребню почтовая тропа, достаточная, впрочемъ, для того, чтобы пропускать верхового и потомъ одноколку также съ верховымъ. Одноколка, съ трудомъ поспѣвая за мной, плелась себѣ впередъ, не задѣвая ни за придорожные пни, ни за сучья.

Мы продолжали, между тѣмъ, подниматься все выше и выше. Казалось, и конца не будетъ этой горѣ и этому гребню, и уведутъ они насъ высоко-высоко и покажутъ дальнее море, ржавое болото и т. п. Но вотъ впереди насъ, на спутномъ холмикѣ, показался крестъ подъ навѣсомъ; рядомъ съ нимъ другой. Гора здѣсь какъ-будто надломилась и пошла впередъ отлого, внизъ, замѣтно не круто, какими-то терасами, приступками. Но ѣхать дальше было невозможно. Я, какъ прикованный, остановился на одномъ мѣстѣ и, какъ видно, самомъ высокомъ мѣстѣ горы и дороги — на половинѣ станціи, какъ предупреждалъ ямщикъ раньше. Ямщикъ говорилъ еще что-то и долго и много, но я уже не слушалъ его: я былъ всецѣло обхваченъ чарующею прелестью всего, что лежало теперь передъ глазами.

Высокія березы и сосны, не дряблыя, но вѣтвистыя, съ бойкою круною зеленью, провожавшія насъ на гору, здѣсь раздвинулись, нѣсколько порѣдѣли и какъ-будто именно для того, чтобы во всей прелести и цѣльности открыть чудныя окрестныя картины. Пусть отвѣчаютъ онѣ сами за себя, очаровывая отвыкшіе отъ подобныхъ картинъ глаза, забывшіе объ нихъ на однообразіи прежнихъ поморскихъ видовъ.

Влѣво отъ дороги, по всему отклову горы, разсыпалась густая березовая роща, оживлявшая тяжелый, густой цвѣтъ хвойныхъ деревьевъ, примѣтныхъ только при внимательномъ осмотрѣ. Роща эта сплошною, непроглядною стѣною обступила зеркальное озеро, темное отъ густой тѣни, наброшенной на него, темное оттого, что ушло оно далеко внизъ, разлилося подъ самой горой, полное и рыбы, и картинной прелести, гладкое, невозмущаемое, кажется, ни одной волной. Солнце, разливавшее всюду кругомъ богатый свѣтъ, не проникало туда ни однимъ лучемъ, не нарушало царствовавшего тамъ мрака.

Мракъ этотъ сливался съ тѣнью берега, густой прибрежной рощи и разстился по всему протяженію рощи, поднимавшейся на берегъ озера, также въ гору. Видно было, какъ постепенно склонялась она на дальнѣйшемъ протяженіи, рѣдѣла замѣтно, переходила въ кустарникъ, пропадала въ этомъ кустарникѣ. Пропадалъ и этотъ кустарникъ въ спутномъ пескѣ. Песокъ тянулся немного; на него уже плескалось, набѣгало волнами своимъ море, у самаго почти горизонта, далеко-далеко.

Узкой полосой, черной и также зеркальной, видѣлось это море. Словно озеро, тянулось оно дальше вправо и влѣво на неоглядную даль, которую уже не могъ проникнуть самый зоркій глазъ. Ничего не видать было на этой дали, кромѣ песку и моря, ничего не слышать было оттуда: далеко отошла вся эта картина въ сторону, такъ чудно завершаемая у подножія горы нашей тѣнистой рощей и зеркальнымъ, темнымъ озеромъ. Направо, по горѣ, тянулся тотъ же густой, безпросвѣтный лѣсъ, и уже недолго: на нашихъ же глазахъ быстро обрывался этотъ лѣсъ и не переходилъ уже въ кустарникъ, а прямо въ топкое, ржавое болото.

Безпріютная, мертвенная краснота этого болота, богатаго мошшкой, кочками, больно била въ глаза, какъ нѣчто противорѣчащее со всѣмъ видѣннымъ прежде. Какъ разбитыя стекла, какъ свѣтлыя пятна, отсвѣчивали и искрились на солнцѣ и играли бойкими отблесками эти ямы болота, которыя по мѣстамъ разбросались по немъ безцѣльно и безпривѣтно, и снова мертвенная ржавчина убивала всякую жизнь, всякое случайное поползновеніе къ этой жизни. Я оторвалъ глаза отъ этой смерти направо; я не хотѣлъ сравнивать ее съ жизнію, изобиліемъ, царствовавшимъ въ той же рощѣ, въ озерѣ, наконецъ, въ томъ же дальнемъ морѣ. Я уже боялся встрѣтиться съ безжизненностью болота въ другой разъ, переносилъ взоръ на дорогу и здѣсь встрѣчалъ смѣлую, нетѣснимую ничѣмъ, свободную жизнь: кружились мириады пестрыхъ, разноцвѣтныхъ бабочекъ, словно не боялись онѣ, что попали какъ-будто не въ свое мѣсто, что не дальше, какъ за версту, разстилось безконечное, тысячеверстное корельское болото.

Здѣсь также, какъ и вездѣ по всему бѣломорскому побережью, берега обнажены и сѣверные вѣтры истребляютъ всякую растительность. Но стоитъ отойти немного верстъ—падаютъ деревья. За то лишь только высокій берегъ защищаетъ почву съ сѣвера—является растительность, какой вовсе нельзя ожидать, судя по географической широтѣ. Въ началѣ весны, когда начинается цвѣсти черемуха—первое дерево, приветствующее своими бѣлыми частями наступленіе лѣта въ нашемъ климатѣ,—аконить въ полномъ развитіи цвѣтовъ. Природа истощаетъ послѣднія силы свои, рѣшительно раззоряется, чтобы нѣсколько оживить и украсить эти мертвыя страны. Въ Петербургѣ ако-

нить цвѣтеть почти къ осени, на Бѣломъ морѣ онъ къ лѣту въ ростъ человѣка. Между деревьями глядѣли голубенькіе цвѣточки, среди ихъ какъ будто запутался заблудившійся василекъ, отдавали своимъ свѣжимъ, нѣжнымъ запахомъ анютины глазки; еще какіе-то не архангельскіе цвѣты; тутъ же видѣлась отзрѣвавшая, съ пожелтѣлыми листьями морошка; выползалъ изъ подъ гнувшейся хвои и листвы здоровый, сочный масляникъ, весь облитой словно масломъ и можетъ быть, на нашихъ же глазахъ проточившій свою голову на свѣтъ Божій; видѣлись, наконецъ, бѣлые грибы, красноголовые боровики, видѣлось много... рисовалась, однимъ словомъ, иная жизнь, царствующая только вдали, тамъ, гдѣ у народа одна забота—поле, одно попеченіе—лѣсъ и покосы, и жнива, и которой здѣсь какъ-будто лишнее, не свое, не заслуженное мѣсто.

Здѣшній народъ отвыкъ, даже незнакомъ съ такими мѣстами и могъ бы обойтись безъ нихъ: только значеніе праздничнаго зрѣлища для отдыха и нѣкотораго успокоенія можетъ имѣть для нихъ вся эта мѣстность, отъ которой глазъ бы не отрывалъ, къ которой бы вернулся не одинъ десятокъ разъ. Столько въ ней было прелести, столько въ ней было чего-то, что унесло въ дальнія, знакомыя мѣста, обхватило самыми свѣжими воспоминаніями о давно покинутыхъ мѣстахъ для иной жизни, для иныхъ обязанностей: въ нихъ уже немного поэзіи и нѣтъ очарованій!

— Что заглядѣлся долго: али ужъ хорошо больно?

Ямщикъ, стоявшій все время, поѣхалъ впередъ; я безсознательно повиновался ему.

— Гора, вишь, здѣсь, самое высокое мѣсто, такъ и беретъ глазъ—отъ далеко—оттого это. Малошуйскія бабы за грибами сюда ходятъ: много грибовъ по горѣ-то этой живетъ; попадаютъ и бѣлые: сушатъ, во щахъ ѣдятъ по постамъ.

— Морошку-то больше мочать, а то и такъ ѣдятъ — говорил мой ямщикъ во все то время, когда исчезала отъ насъ часовня; ступевались всѣ эти чудные виды. Я еще долго не отрывался отъ нихъ, нѣсколько разъ поднимался снова наверхъ къ часовнѣ и всякій разъ встрѣчалъ отъ ямщика наставленія:

— Пора, ваше благородье, на мѣсто: стемнѣетъ, хуже будетъ. Дорога за Малошуйкой самая такая неладная, что и нѣтъ ея хуже нигдѣ. Полно, будетъ!

Ровная, какъ доска, дорога сбѣжала съ горы, повернула въ кустарникъ, бѣжала между дряблыми болотными деревьями, выбѣжала на берегъ рѣки, вела этимъ берегомъ, но впечатлѣнія, навѣянные мнѣ чудными нагорными видами, преслѣдовали меня, возставая какъ живыя. Опять вспоминался приволжскій край, и опять воспоминанія эти въ воображеніи не теряли своего мѣста, но приходили съ новой

силой, съ новыми подробностями. Разстилавшіяся поля, ржаныя и яровыя, и теперь передъ глазами. Попадались бабы съ серпами на плечахъ, подбиравшими на жнивѣ пучки захваченныхъ въ руку колосьевъ.

Но вотъ опять болото раскинулось по дорогѣ; по болоту пошла гать, размытая дождями, съ грязными выбоинами, съ погнившими и оголившими сучья бревнами. Все-таки я былъ счастливъ, несказанно доволенъ, какъ ни разу во всѣхъ лѣтнихъ переѣздахъ по прибрежьямъ своеобразнаго, но утомительнаго Бѣлаго моря. Оно покажется мнѣ еще раза два-три, но издали, на послѣднее прощанье и уже около самаго Архангельска.

Село Малошуйка большое, раскиданное по двумъ берегамъ довольно широкой рѣчки. Встрѣчаетъ оно меня большими домами, деревянной, еще не старой церковью. Оставшіеся дома жители его рассказали о томъ, что село это нѣкогда, до штатовъ, приписано было къ Кожеозерскому монастырю (существующему еще до сихъ поръ вверхъ по р. Онегѣ); что они стрѣляютъ птицъ и деньгами отъ продажи ихъ оплачиваютъ государственныя повинности. Бьютъ и морскихъ звѣрей, ловятъ и рыбу, но въ незначительномъ количествѣ. Большею частію они по лѣтамъ, также выбираютъ на Мурманъ и строятъ суда, но немного. *Отлучаются* и въ Питеръ для черновыхъ работъ, на которыя укажетъ случайность и личный произволъ хозяевъ. Прежде занимались въ селѣ Малошуйскомъ хлѣбопашествомъ, но теперь производится это въ меньшихъ размѣрахъ, оттого-де, что земля неблагоприятна, а вѣроятнѣе оттого, что сманили богатые сосѣди—океанъ и море.

По церковному „Памятнику“ видно, что церковь Срѣтенія освящена, въ 1600 году, по благословенію новгородскаго митрополита Евѣимія, а другая церковь (холодная), Николая Чудотворца, сооружена въ 1700 году. Обѣ церкви эти существуютъ и въ настоящее время, и обѣ заново обиты тесомъ. Жители здѣшніе еще держатся православія и только незадолго до моего пріѣзда вывезены отсюда въ Онегу два раскольника, явившіеся было сюда проповѣдывать старый законъ и исповѣданіе. Рассказываютъ еще, какъ-бы въ дополненіе ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, что у самаго почти селенія есть небольшой, сажень въ 50 высотой, обсыпавшійся курганъ, который сохраняетъ еще новое преданіе о набѣгахъ паньковъ (литовскихъ людей) и тяжелою времени *паньщины*. Сюда, будто-бы, малошуйскій народъ, провѣдавъ о скоромъ набѣгѣ непріятелей, спряталъ свои богатства въ трехъ црѣнахъ (котлахъ): въ одномъ положено было золото, въ другомъ серебро, въ третьемъ мѣдь. Црѣны эти покрыты были сырыми кожами, засыпаны землей, образовавшей этотъ холмъ, или „челпанъ“—по здѣшнему говору, и зачурованны крѣпкимъ заговоромъ. Никто не

можетъ взять этого клада (пробовали нѣсколько разъ, разрывали гору). Откроется кладъ и скажется: выйдетъ наружу тогда, когда явятся сюда семь Ивановъ, всѣ семь Ивановычѣй, всѣ одного отца дѣти. Узнають объ этомъ московскіе купцы—придутъ и раскопаютъ...

Преданіе объ этихъ пенъкахъ не пропадаетъ и дальше, и еще разъ встрѣчается при имени слѣдующаго за Малошуйкой селенія Вѣрзогоръ, которое будто бы называлось прежде *Вѣрогоры* и по той причинѣ, что первое заселеніе этого мѣста начато *ворами*, тѣми же панъками, основавшими здѣсь свой главный притонъ. Поселившись на высокой горѣ, панъки эти—воры—прямо изъ селенія могли видѣть всѣ идущія по р. Онегѣ и по Бѣлому морю суда, всякаго ѣдущаго по нименгской и малошуйской дорогамъ. Преданіе это присовокупляетъ далѣе еще то, что вѣрзогорскіе воры грабили окрестности и потомъ, когда приписаны были къ Нименгѣ, селенію, брошенному въ сторону отъ почтовой дороги, на рѣкѣ того же имени, занятому вываркой соли въ одномъ чренѣ и заселенному, какъ говорить тоже преданіе, еще во времена Іоанна Грознаго.

Разсказываютъ также, что въ Малошуйкѣ живалъ нѣкогда богатырь Ауровъ, который-де, что сѣно косилъ, побивалъ дубиной нападавшихъ на селеніе панъковъ съ бердышами, которые были-де какъ грабли, по формѣ своей и внѣшнему виду.

За Нименгой въ болотахъ (разсказывали другіе), лѣтъ тому восемьдесятъ назадъ, семь бѣглыхъ образовали было селеніе, относительно людное и большое. Одинъ случай, причиною котораго было поползновение къ свальному грѣху одного изъ поселенцевъ—и именно убійство за то виновнаго пѣшней, въ потьмахъ въ сѣняхъ—уничтожило дѣло поселенцевъ въ самомъ началѣ. По случаю убійства этого, наѣхалъ судъ и разогналъ всѣхъ поселенцевъ; теперь уже нѣтъ селенія, а обитатели его спокойно перебравшись въ сосѣднія, женились тамъ и незамѣтно пропали въ массѣ защищенныхъ правами законовъ обитателей.

Въ Малошуйкѣ свадьба: крестный отецъ—по старинному новгородскому обычаю, которому слѣдовала, можетъ быть, и Марфа Посадница, выходя замужъ за Исака Борецкаго—крестный отецъ (или брюдга, т. е. крестная мать) сходилъ сватомъ, вызвалъ невѣстину отца въ сѣни (непремѣнно въ сѣни), сговорился съ нимъ, уславъ вѣсть о намѣреніи въ невѣстину избу. Разнесли эту вѣсть бабы по деревнѣ.

— Находить на дѣло!—защобетала и невѣстина и женихова бабья родня.

Надо ладить жениховой роднѣ подарки: будущему свекру: ситцевую рубаху, холщевые порты, будущей свекрови—штофъ на сороку, которую сладить она въ видѣ копыта и положить въ сундукъ, если

заразилась отъ молодыхъ дѣвокъ городскою модой. Ей же припасаетъ невѣста красной холстины на сорочку (которую по Бѣлому морю рубахой не называютъ). Золовкамъ пойдетъ штофное очелье къ дѣвичьей повязкѣ; деверьямъ по ситцевой рубахѣ, да вмѣсто стариковыхъ портовъ по ивановскому платку съ цвѣточками, либо съ городочками. Жениховъ отецъ или самъ женихъ даютъ невѣстину отцу деньги „на подъемъ“, т. е. на вино.

Если злые люди свадьбы не расхилятъ (не разстроятъ), если не увѣрятъ въ томъ, что невѣста „кросень разставить не толкуетъ“ (т. е. не умѣетъ ничего дѣлать) быть представленію сложному и многотрудному.

Зажегши свѣчу и помолившись иконамъ, начинаютъ пить малое. Рукобитье: дѣло кончено, по рукамъ ударено и малое рукобитье выпито. Теперь за „большимъ“ стоитъ дѣло. Ходитъ невѣстинъ отецъ по знакомымъ, всякаго проситъ, — молится: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій! Иванъ Михайлычъ загости ко мнѣ хлѣба-соли кушать, на винну чарку“. Невѣста съ дѣвушками идутъ въ свою бесѣду, которая называется „заплачкой“. Она прощается поочередно съ каждой подругой. Женихъ посылаетъ двухъ парней съ угощеніями. Съ ними приходитъ и невѣстина крестная мать, съ „почолкомъ“ или повязкой съ двумя рогами, вышитой на серебрѣ кемскимъ жемчугомъ, которую и надѣваютъ на невѣсту. Теперь, само собою разумѣется, надо плакать. Невѣста плачетъ и вычитываетъ:—стиховодничаетъ, подруги подголосничаютъ, помогаютъ стихи водить такіе:

Не во саду-то я бѣдная обидѣлась,
Не на садѣ-то я, бѣдна, оглядѣлась,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазоревы.
Не вода надо мной разливается,
Не огонь надо мной разгорается:
Разгорается мое зяблое сердце ретивое,
Разливаются мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу—не румяному.
Что за чудо—за диво великое,
Прежде этия поры—прежде времени
Сидѣла я глупа косата голубушка
Въ собранной своей тихой бесѣлѣ смиренныя,
Не бывала крестовая ласкова матушка
Со хорошей-то моею дорогой воли вольныя.

Ужъ послушайте, милыя подружки любовныя,
Не расплетайте моей русой косы красовитыя
Два востраго пожа, два булатнаго,
Обрѣжьте свои бѣлыя опалыныя рученьки—

поетъ невѣста такъ потому, что въ это время расплетаютъ ей косу торопливо и скоро,—скоро по той причинѣ, что та дѣвушка, которая выплететъ изъ косъ ленту раньше, беретъ себѣ эту ленту *. Окончаніе пѣсни обязываетъ невѣсту на новый обрядъ. Она „даваетъ добровъ“, т. е. при каждомъ стихѣ ударяетъ правымъ кулакомъ въ лѣвую ладонь и кланяется въ поясъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ поглоновъ падаетъ она въ ноги тому, кому даетъ добровъ и, поднявшись съ полу, обнимаетъ. Давая добровъ крестной матери, спрашиваетъ (съ подголосницами): „по чѣму входишь повелѣнью ды (sic) благословленью,—со слова ли, съ досаду ли ласкотниковъ—желанныхъ родителей, не отъ своего ль ума, да отъ разума?“ Отвѣтъ заключается въ самой пѣснѣ. Невѣсту накрываютъ платкомъ и уводятъ изъ избы съ пѣсней:

Послушайте, мои милыя подруженьки любовныя!
Пойдемте вонъ со тихія бесѣды смиренныя:
Пришли скорые послы, да несчастныя.

Идя по улицѣ, поютъ о надеждѣ заступы милыхъ, ласковыхъ братьецовъ: „сполна-де пекетъ красное солнышко угрѣвное,—во родительскомъ домѣ—тепломъ витомъ гнѣздышкѣ сидятъ они вкупѣ во собраніи, весь-то родъ племя ближонное. Топерь слава тебѣ Боже — Господи! не бѣдная ды не обидная“.

Если у невѣсты умерли братья либо на чужой сторонѣ на петербургскихъ лѣсныхъ дворахъ, либо погибли на морѣ,—невѣста споетъ на улицѣ добавокъ:

Собралися бы сокопилися
Изъ славныхъ-то петербургскихъ городовъ
Со печальнаго синя солона моря.

Если братья умерли дома, надо прибавить такъ:

Со окать со горы со Микольскія **.

Между тѣмъ кончилась улица, пришли къ лѣстницѣ. На лѣстницу эту вызываютъ родную мать для встрѣчи, безъ матери „не несутъ ножки рѣзвыя во часту во ступенчатую лисвѣнку, какъ севодня до посеводнешнему“. Когда выйдетъ мать со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ, со умильной-то со горазной со причетью,—стихи поютъ ей спасибо.

* Въ селѣ Шуѣ сохранился еще обрядъ разлученія съ дѣвичьей повязкой. Невѣста прикладываетъ ее къ обѣимъ щекамъ и кладетъ на окошко, когда плачя-подголосница дѣвушка (которую обыкновенно сажаютъ на стул) поетъ заплачку: „брошу я за свѣтло окошко косяцето.—пусть повырастетъ садъ—винограды зеленые, обрядится чужа дорога круглоскатна жемчужинка на садъ — винограде зеленое. Позабудемъ младу касатку голубушку“. Впрочемъ у заплачекъ этихъ конца нѣтъ; такъ напр. въ селѣ же Шуѣ плачется невѣста и о томъ, что матушка дернички сошила (вязаные шерстяные нарукавники): тепло въ нихъ было рыбу ловить.

** На Никольской горѣ находится кладбище.

Приходятъ въ сѣни,—опять заплачка:

Становись моя поневольная млада головушка
Середь новыхъ-то сѣней перенныхъ.

Въ сѣняхъ снимаютъ съ головы платъ съ новой заплачкой:

Теперь скину свои очи ясныя,
Оведу кругомъ новы сѣни перенныя,—
На которой стѣны ограды бѣлокаменные
Стоять чудные Спасы многомилостивые.

И молитва:

Помолиться было сизой косатой голубушкѣ
Богу Спасу, Пресвятой Богородицы,—
Придучись со пути—со дорожки широкия.

Затѣмъ невѣста здоровается съ сѣнями (конечно стихами же):

Вы здорово новы сѣни перенныя,
Кругомъ свѣтлыя окошка косесчатя,
Кругомъ бѣлыя брусозыя лавочки.

Потомъ зоветъ она подругъ въ домъ, приговариваетъ къ дому и себѣ, садясь на лавку въ песьнѣмъ (печномъ) углу; потомъ опять стиховная молитва ко Господу и Пресвятой Богородицѣ и Николѣ Угоднику!

Свѣтъ Сударь Микола многомилосливой!
Попусти тонкой молодой незвученъ голосъ.
Случилось слышать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ-то отъ младыхъ отъ ясныхъ отъ соколовъ
Черезъ три губы синя солона моря
Есть мощи-ты среди синя солона моря.
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ Божья церковь пресвященная.
Благословите же Соловецкіе преподобные чудотворцы многомилосливые
Попустить тонкій молодой незвученъ голосъ
По родительскому теплomu витому гнѣздушку.

Попускаетъ невѣста звученъ голосъ къ родителямъ, какъ бы опомнившись, что забыла спросить и благословиться у нихъ: „чей домъ, того воля довольная“. Затѣмъ плачетъ о своей волѣ: „прости вольная волюшка! Оставайтесь всѣ шуточки-глумочки у родителей въ дому. Прошла теперь волюшка у красныхъ солнушковъ. Пошла я повиступила во женско печально, житѣ подначально. Не своя теперь воля-волюшка: день пройдетъ, даваячи, другой слова дожидаячись; третій похаячись (т. е. наражаячись): вотъ и вся недѣлька семиденная прошла — прокатилася. Приношу благодареньице, что дрѣчили (ласкали) да нѣжили, крутили (наряжали) да ладили“. Вставши съ лавки изъ печного угла она идетъ давать отцу „здоровъ“. „Здоровъ“ этотъ подлиннѣе всѣхъ и поскладнѣе:

Расшанитесь-ко народъ, люди добрые,
Чужи бѣлые хороши лебедочки,—
Дайте несомножечко пути дорожки широкія
Со одну дубовую мостовиночку:
Пройти—пооплыть сизой косатой голубушкѣ
На родительскій домъ тепло витое гнѣздушко
Передъ бѣлые столы передъ дубовые.
Могу ли усмотрѣть, дитя бѣдное,
Сквозь туманъ горьки слезы горячія,—
На которой бѣлой брусовой на лавочкѣ
Пекетъ красное солнце угрѣвное,
Сидятъ мои желанныя сердечны родители

.....
Пропиваютъ меня сизу косату голубушку
Во злодѣйку—неволю великую.
Послушай-ко, желанный родитель-батьюшко,
За каку вину—опалу великую
Отдалъ да обневомилъ во злодѣйку—неволюшку?
Развѣ не трудница была, не работница,
Не вѣрная слуга все измѣнная:—
Измѣнила ль тебѣ, красное солнце угрѣвное,
У всякаго зелья—работы тяжолія?
Не берѣя была краснымъ наливнымъ ягодкамъ,
Не ловѣя была свѣжія рыбы трепущія?
Развѣ укорять тебя стала упрекать
При толпахъ тебя—при артеляхъ великихъ,
При славныхъ царевыхъ при кабакахъ?
Лучше пайми меня въ казачихи-нахлѣбницы,
Возьми собину счотную—золотую казну,—
Заплати-ко чужимъ яснымъ-то соколамъ
За проторы убытки великіе
За довольное хмѣльно зелено вино.

Старикъ въ началѣ пѣсни сидитъ задумчивый и, такъ какъ стихи водятся самымъ заунывнымъ голосомъ, то и нѣтъ того отца, у котораго не растопила бы эта заплачка сердце и который бы не рыдалъ за всю избу. Плачъ становится общимъ. Невѣста, которой уже надорвали нервы до того времени, плачетъ изподтишка. Кланаясь въ ноги,—она съ трудомъ поднимется, обойметъ отцеву шею да и скатится головой на плечо. Рѣдкая изъ невѣстъ допѣваетъ стихи благодарственные сначала отцу, потомъ матери, братьямъ и всѣмъ семейнымъ по тому же порядку, въ какомъ пишутъ письма роднымъ съ чужой стороны. Благодарятъ за невѣсту подруги ея и за то, что давали много вольной воли, дозволяли ходить — гулять по гульбамъ — прѣхладамъ, по тихимъ полуночнымъ вечеринкамъ; надѣляли покрутой—покрасой великой, что дивовался народъ—люди добрые, завидовали милыя подружки-лебедушки“.

Когда выберутся изъ избы гости, невѣста одѣваетъ дѣвушекъ одну бариномъ, другую барыней. Барина въ синій кафтанъ,—барыню

въ хорошую шубейку и платокъ. Эти двое идутъ къ жениху съ пѣснями и отдають ему честь поклономъ отъ невѣсты. Посланныхъ сажаютъ за столъ и подчуютъ виномъ или водкой. Рѣдкая изъ нихъ не выпьетъ при этомъ двухъ-трехъ рюмокъ, стараясь вернуться къ невѣстѣ пошатываясь, какъ бы пьяными. По дворамъ проказать: у холостыхъ ребятъ опрокидываютъ на дворахъ костры дровъ, загораживаютъ дорогу въ ворота дровнями, саями и проч., что попадетъ подъ руку. Выбираютъ разумѣется тѣ дворы, гдѣ понужнѣе и попрятнѣе. Чаще же всего затаскиваютъ дровни на рѣку и запикиваютъ въ прорубь.

Возвратившись къ невѣстѣ, — начинаютъ гулять: заунывные пѣсни смѣняютъ на веселыя. Захватившись въ кругъ руками, вертятся, притоптываютъ и поютъ такую пѣсню:

Бражка ты, бражка моя
Да и — и — ихъ — и!
Дорога бражка поссучена была
На ручью-то бражка ссученая,
На полатяхъ разсоложенная.
Да на эту бражку нѣту питуховъ,
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцевъ.
Я послѣ мужа въ честномъ пиру была
Со боярами состольничала.
Супротиву холостова сидѣла,
Супротиву на скамѣечкѣ.
Ужъ я пьяна я не пьяная была,
Я кокошничекъ въ рукахъ несла,
Подзатыльничекъ подъ поясомъ.

И пошла крутить гульба до упаду. Нѣкоторыя дѣвушки остаются ночевать у невѣсты.

Утромъ приходятъ отъ жениха дружки — два холостые парня — будить невѣсту, которую подруги стараются спрятать какъ можно дальше *. Прячутся и сами подъ одѣяла, шубы, соломѣ, кафтаны, укрывая лицо для того, чтобы дружки дольше не могли прознать, гдѣ спитъ невѣста. Къ этой путаницѣ дружкамъ не одинъ разъ доведется по-

* Архангельскіе дружки замѣчательны тѣмъ, что въ числѣ своихъ атрибутовъ они снабжаются колокольчиками. Ихъ они не выпускаютъ изъ рукъ и, куда бы ни пошли, равномерно побрякиваютъ. Этихъ дружекъ не слѣдуетъ смѣшивать съ „дружкомъ“ (онъ же и „вѣжливый клѣтчикъ“, значить, — у кореловъ „подвашка“), который есть ни кто иной, какъ знахарь, охранитель свадебъ отъ лхой порчи. Передъ свадьбой онъ осматриваетъ всѣ углы и пороги, пересчитываетъ камни въ печахъ, положить на порогъ замокъ, подуетъ на скатерть брачнаго стола, пошепчетъ надъ одеждой молодыхъ и конской сбруей, дастъ къ шейному кресту подѣски, „испортятъ злые люди и отъ чирьевъ не отвяжешься“. Этотъ руководитель, оставшійся въ послѣдство отъ старинной Новгородчины, объясняетъ намъ, почему въ былинахъ древней Руси скомоорохи занимавшіеся также знахарствомъ, величаются людьми „вѣжливыми и очесливыми“, какъ въ пѣснѣ о новгородскомъ гостѣ Терентѣичѣ.

напрасну прочесть молитву и поднять съ постели не ту, которую слѣдуетъ. Того, кто показалъ невѣсту, дружки благодарятъ калачами *. Будятъ невѣсту такой молитвой: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, княгиня первобрачна (имя рекъ), встань—убудись, отъ крѣпкого сна прохватись: бѣлый свѣтъ спорыдайтсе, заря размыкается; на улицѣ собаки лають, ребята играютъ, по боярскимъ домамъ соловьи свищутъ, по крестьянскимъ домамъ пѣтухи поютъ, печи топятся. Скинувъ одѣяло, невѣста начинаетъ стиховодничать. Въ стихахъ выражаетъ сѣтованіе, что вотъ будила родная матушка, а сегодня убужаютъ чужі молодые ясны соколы. У всѣхъ были перины пуховыя, тепло одѣяло соболиное,—у ней, у невѣсты, вмѣсто перины три ряда сѣрыхъ валючихъ камушковъ, одѣяломъ была бѣлая льдина холодная. Во снѣ она видѣла, что подъ свѣтлымъ окошкомъ косесчатымъ стоитъ тихое приглубое озеро: въ немъ плаваютъ сѣрыя водоплавныя утушки; у нихъ подобрано легкое крылье утиное; у одной это крылушко распущено. Эти утушки—подружки любовныя: у нихъ зачесаны младыя буйны головы. Только у ней одной распущены тонкіе вольные волосы.

А потому зовутъ мать чесать голову, просятъ найти ее хорошій частозубчатый гребешокъ, вплести семишелковыя ленточки. Когда мать вычесетъ голову, получаетъ пѣсенную благодарность съ сожалѣніемъ, что не заплела косы и не вплела въ нее ленточекъ.

Посылаетъ невѣста сестру за водою на рѣку обмытъ горьки слезы горячія, намытъ радости—веселья великаго, но съ наказомъ: первую струю пропустить внизъ по славной Дунай-рѣкѣ и другую туда же, а изъ третьей струи зачерпнуть водицы ключевыя. Первой струей умывается разлучница злодѣйка-неволя; другой чужі-дальні несердечные, а богоданные (жениховые) родители. Съ третьей струи у частой ступенчатой лѣсенки надо поплеснуть воды студеныя: пусть вырастетъ чаща-роща непроходимая, чтобы нельзя было ни пройти, ни проѣхать разлучникамъ злодѣямъ великіимъ.

Послѣ этого стиха невѣста умывается водою, а подруги пекутъ блины, которыми угощаютъ дружекъ и подшучиваютъ: всей яравой стянуть съ ногъ сапоги, нальютъ въ нихъ воды или накладываютъ снѣгу и куда вибуда запрячутъ. За сапоги берутъ выкупъ калачами. Сама невѣста пришьетъ дружкамъ на плечи по лентѣ: большому на правое, малому на лѣвое; даетъ каждому по бѣлой опояскѣ. Затѣмъ молится Богу, предварительно попросивъ стиховнымъ плачемъ зажечь свѣчу у иконы:

—„Помолиться было Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ за Царя Восударя Великаго за Матушку Царицу Восударыню. Имъ дай Гос-

* Бѣломорскіе калачи, глухіе кудебачки, вродѣ московскихъ сгибней съ солеными сѣдьями, изъ ржаного и пшеничнаго тѣста.

поди здравіи—здоровья, долгаго вѣку протяжнаго; жить послѣ меня, а маленькими середечными дѣтушками, со всей силой—арміей. Теперь помолиться за ласкотнова родителя - батюшку, за мать, за братьевъ, сестеръ и всѣхъ домашнихъ; за всѣхъ подругъ и за себя-самоё, чтобы жить во злодѣйскъ-неволѣ великой“.

По окончаніи молитвы отцу „добровъ“ тотъ самый, что отданъ былъ и на рукобитѣ. Затѣмъ готовится въ баненку парную мыльную, но просить отца жаловать идти впереди себя; за нимъ мать, подругъ и всѣхъ сосѣдей, величая по имени. По выходѣ изъ бани невѣсту накрываютъ платкомъ: „спасибо тебѣ парная мыльная баенка на храненіи да на береженіи. Ужъ раскатить бы тебя съ верхняго бревешка до нижняго, да пусть моются въ тебѣ ласкотники желанные родители: глупая моя младая буйна головушка (не надо мнѣ желать этого)“.

Затѣмъ невѣста просить у отца лошадей погулять по Дунай-рѣкѣ быстрой, покрасоваться во честномъ похвальномъ дѣвчесьви, во ангельскомъ чину — во архангельскомъ,—проститься со славной гладкой горочкой, со хорошей новшатровой колоколенкой.

Катаются на трехъ лошадяхъ въ санихъ до полудня, пока невѣста не объѣдетъ всей той родни своей, гдѣ прежде гащивала. Вездѣ „дѣлаетъ добровъ“ кто былъ добръ — тѣмъ стиховодничаетъ, кто не ласковъ былъ, тѣ вправѣ на этотъ разъ выкорить при всемъ честномъ народѣ. Не успѣетъ объѣздить всѣ избы, останавливается и даетъ добровъ на улицѣ. У женихова дома дружки выносятъ водку и подчуютъ ея подругъ и самую невѣсту. Къ возвратившейся домой невѣстѣ пріѣзжаютъ гости чѣсныя: крестная мать женихова, сестры его и тетки. Невѣста встрѣчаетъ ихъ привѣтствіемъ на улицѣ, сажаетъ за столъ и проситъ мать свою разставлятъ столы бѣлодобовы, развертывать скатерти бѣлычатыя, сажать гостей милыхъ — небывалыхъ.

По отъѣздѣ „чесныхъ“ невѣста надѣваетъ на себя хорошее платье и повязки. Повязками ударяетъ по воздуху, хлопаетъ (это называется „невѣста красуется“) и принаряжается во покруты — по-красы великія. Затѣмъ благодаритъ она за нихъ отца и братьевъ. По окончаніи красованья она садится подъ образомъ, обвѣшаннымъ полотенцемъ, шитымъ по концамъ красной бумагой. У образа горитъ восковая свѣча. Садится невѣста „за байникъ“, т. е. за столъ, накрытый скатертью съ хлѣбомъ-солю. Приглашаетъ отца и мать ко бѣлопшеничному байничегу. Подходитъ отецъ и, помолившись Богу, даритъ ситцу на сарафанъ или на рукава (на станъ), судя по состоянію. Подходятъ и дарятъ всѣ, кто пилъ вино на рукобитѣ. Получивши подарокъ, невѣста обнимаетъ каждого по нѣскольку разъ. Подарки эти, дѣлаемые женихомъ и его товарищами называются общимъ име-

немъ „вздаря“, приноса, задарья и „здарья“ (много названій—значить обычай повсемѣстный). Здарья отъ невѣсты жениховымъ родителямъ и родственникамъ выговариваются заранѣе, при сватовствѣ. Недача считается оскорбленіемъ и можетъ разстроить налаженную свадьбу. Бѣдна невѣста — женихъ поможетъ. Ничего она не принесетъ—отъ свекрови невѣсткѣ всегдашніе покоры и нерѣдкія гоненія.

Съ невѣстой конецъ теперь за женихомъ дѣло.

Благословившись у родителей, онъ ѣдетъ съ большимъ дружкой звать свою родню „въ поясъ“ (на свадьбу), т. е. идти съ поѣзжанами за невѣстою. По улицѣ ѣдетъ безъ шапки и за большое удовольствіе считаетъ пригласить „къ себѣ въ законный бракъ“ встрѣчнаго, когда родня его, т. е. поѣзжане соберутся, они пойдутъ впереди, за ними „тысяцкій“ (который сваталъ невѣсту) съ иконой въ рукахъ; наконецъ женихъ и сваты (крестная мать и тетки). Для встрѣчи ихъ въ сѣняхъ у невѣсты зажжены у св. иконъ восковыя свѣчи, почему поѣздъ и останавливается здѣсь для богомоленья. Стихи въ избѣ прекращаются и дѣвки захватываются кругомъ невѣсты такъ, чтобы ей не видно было, когда зайдутъ гости въ избу. Дружки съ великимъ трудомъ затапливаютъ кучу дѣвушекъ въ задній уголъ, и выхватываютъ у нихъ невѣсту. Ее уводятъ въ горницу или въ подъязбицу сваряжать къ вѣнцу. Въ это время женихъ уже сидитъ съ поѣзжанами за столомъ противъ невѣстина образа. Изба полна народа: пришли смотрѣть жениха. Это—*смотрѣнье*, когда едва можно повернуться въ избѣ, къ тому же наносятъ еще досокъ, наставляютъ скамеекъ, чтобы всѣмъ и все было видно. Сидятъ „сморѣны“ на воронцахъ, на печи, на полатяхъ, наваливаются на столъ, который то и дѣло поскрипываетъ. Въ нѣкоторыхъ избахъ въ предупрежденіе порчи обиваютъ печи досками, чтобы не проломали. Дружки, какъ ни стараются, ничего въ такихъ дѣлахъ не успѣваютъ: гости требовательны и настойчивы, желая посмотреть невѣсту, которую для этой цѣли сажаютъ иногда за столъ на показъ.

Дѣвки поютъ уже свадебныя пѣсни. Особенно злобятся на свата, какъ и вездѣ на всей Руси святой и стародавней:

Да тебѣ, свату большому
Да изыищнику дѣвочьему
(такому-то)
На ступень ступить нога сломить,
На другой ступить друга сломить.
На третьей голова свернуть.
Того мало свату большому
Да изыищнику дѣвочьему:
На печи спать подъ шубою,
Подъ тремя полупубками,
Подъ четырьмя тулупами,—

и.

ишя.

иавдо.

иен ии.

Да трясло бѣ тебе повытрясло,
Да сквозь печь провалитисе,
Въ мясныхъ щяхъ оваритисе.
Того мало свату большому
Да измѣннику дѣвчѣму:
Съ хоромъ бы ты ѡ борону
Да съ горы бы ты ѡ камень
Безъ поа безъ покаенья
Безъ духовнаго батюшка,—
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не нахваливалъ
Чужи дальнія стороны
Да подгорекія слободы.
Она горемъ насѣяна
Да слезами поливана.

Каждый стихъ вдобавокъ поется по два раза. Пѣсни стихаютъ: передъ столомъ появляется невѣста въ лучшемъ нарядѣ, закрытая платкомъ, съ двумя своими сватьями. Поклонившись три раза поѣзжанамъ, она начинаетъ обносить виномъ каждого, за что кладутъ ей въ чарку какую-нибудь монету, либо орѣхи, либо пряники. Когда дойдетъ очередь до жениха, то онъ самъ уже подноситъ невѣстѣ красной водки до трехъ разъ (она не соглашается). Послѣ этой церемоніи онъ подаетъ ей на подносѣ покрывало (большой платокъ), мыло, въ которое натыкано на ребро грошей, за мыломъ—гребень, зеркало, потомъ большой пряникъ. Встаетъ дружка *большой* и говоритъ невѣстѣ:

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій! Княгиня первобрачная у столовъ была, молодого князя видѣла, подарочки приняла: мыльце, гребешокъ, зеркальце, пряничекъ: мыльцемъ умойся, гребешкомъ зачешись, въ зеркальце посмотришь, пряничкомъ закуси. У нашего князя (имя рекъ) горка низенька, водка близенько, ходи хорошенько. Сяжу грезъ подъ матицу весь, худые порядки оставляя дома у матки, а хорошіе съ собой забирай.

Малдой дружка выступаетъ: подаетъ дѣвушкамъ на подносѣ калачи за пѣсни. Женихъ даетъ прихожимъ мужикамъ денегъ на водку: эти подарокъ принимаютъ за совѣтъ уходить вонъ изъ избы. Въ избѣ стало просторно.

Невѣсту снова накрываютъ платкомъ и заводятъ за столъ къ жениху. Здѣсь невѣстинъ отецъ благословляетъ обоихъ три раза той самой иконой, которая была на стѣнѣ, и передаетъ ея тысяцкому. Всѣ встаютъ съ лавокъ, молятся Богу и идутъ къ вѣнцу въ церковь. Женихъ ведетъ невѣсту за платокъ, а „рожники“ (братья) подъ руки. Впереди идутъ дружки, побрякивая колокольчиками; поѣзжане поютъ пѣсни. Подруги за невѣстой въ церковь не ходятъ.

Во время вѣнчанія въ трапезѣ раздаютъ народу свадебные пироги. Одинъ не дѣлится, — и это каравай „баенникъ“ за то, что съ нимъ долго возятся: дѣлаютъ чистымъ, непримѣснымъ ржанымъ, зашиваютъ наканунѣ дѣвишника въ скатерть съ двумя пшеничными калачами, деревянной столовой чашкой, солонкой съ солью и двумя не бывшими въ дѣлѣ ложками. Зашиваютъ баенникъ въ банѣ (оттого и прозваніе), когда невѣста, выпарившись, отдыхаетъ, а распиваютъ на утро послѣ вѣнца, послѣ второй бани обоихъ молодыхъ. Въ церкви, во время вѣнчанья, онъ лежитъ у крылоса, какъ запоздалый, но живой свидѣтель давно отжившей языческой старины. Послѣ вѣнца одѣваютъ (крутятъ) невѣсту въ бабій повойникъ (вѣнчалась она въ повязкѣ дѣвичей) и она съ молодымъ, благословившись у священника, идетъ въ домъ жениха. Въ сѣняхъ встрѣчаетъ новобрачныхъ свекоръ хлѣбомъ и солью, т. е. рѣшетомъ, въ которое насыпано жито (ячмень) и на него положены хлѣбъ и соль. Рѣшетомъ свекоръ три раза обводитъ вокругъ наклоненныхъ головъ молодыхъ и передаетъ своей женѣ для того же. Отъ матери беретъ молодой и передаетъ молодухѣ, которая несетъ хлѣбъ-соль въ домъ и кладетъ на столъ. Въ избѣ, послѣ обыкновеннаго моленія, молодые съ тысяцкимъ садятся за столы. Свекоръ раскрываетъ лицо молодой и здоровается съ нею *, за нимъ всѣ семейные и поѣзжане съ плеча на плечо, приговаривая: „здорово ли подъ вѣнцомъ стояли?“ Друзьки подносятъ по рюмкѣ водки поѣзжанамъ и эти уходятъ. Молодые ужинаютъ одни безъ поѣзжанъ. Имъ обѣденный столъ послѣ, когда отдохнуть до „ружниковъ“, т. е. тѣхъ, которые привезутъ отъ отца и матери приданое: сундуки и перины, называемые общимъ именемъ „коробье“. Такъ и было — коробки изъ луба, а теперь — сундуки, въ которыхъ копили и рядили „коробью“: одежду, портну, разное прищеголье, платенно, придано, скруту и круту (припомнимъ кстати, что въ древнихъ новгородскихъ лѣтописяхъ крута поминается также въ смыслѣ разныхъ необходимыхъ въ приданомъ женскихъ украшеній. „Крутить невѣсту“ и сейчасъ значитъ тоже, что заготовлять ей приданое).

Послѣ ужина молодые идутъ спать въ клѣтъ, гдѣ невѣста растегиваетъ у жениха кафтанъ и снимаетъ сапоги, въ которыхъ положено нѣсколько серебряныхъ монетъ. При этомъ молодой пользуется случаемъ выманить поцѣлуй, не спуская съ ногъ сапоговъ. Въ силѣ ноги у жениха возможность сорвать такихъ поцѣлуевъ десятки.

* На рѣкѣ Пинегѣ, далеко отъ Бѣлаго моря, при этомъ вводится еще такой обычай: когда молодую закрытую привести отъ вѣнца и отецъ жениховъ станетъ поднимать покрывало, — она не дается. Ее хлопаютъ по лбу ковригой и сулятъ денегъ, жита, нарядовъ. Она все упирается. „Вотъ — говоритъ отецъ — дамъ тебѣ сына своего“. Тогда уже невѣста опускаетъ фату.

Затѣмъ молодой валится на кровать лицомъ къ стѣнѣ и не поворачивается до тѣхъ поръ, пока молодая не поклонится и не проговоритъ въ слухъ такой молитвы: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Такой-то (имя рекъ) пусти ночевать“.

На другой день дружки зовутъ родню молодого на обѣдъ, а родню молодой созываютъ „рожники“ опять съ молитвой и просьбой „загостить пожаловать хлѣба - соли кушать, молодой смотрѣть“. За обѣдомъ, когда дружки обносятъ водкой, молодая каждого гостя чествуетъ поклономъ въ поясъ. Послѣ этой церемоніи раздаетъ дары, выраженные при сватовствѣ — и опять по рюмкѣ водки. Опорожнившій рюмку возвращаетъ ее съ деньгами по тому же порядку и закону, какъ и на смотрѣннѣ. Затѣмъ подають кушанья и за каждымъ изъ нихъ чествуютъ гостей сперва дружки, потомъ женихъ и прочіе домашніе, называя каждого по имени и отчеству: „поѣшь-покушай, гостей почествуй“.

Кончаютъ всю свадебную церемонію „блинами“. Они бываютъ у родителей молодой чрезъ нѣсколько дней послѣ краснаго стола, называемаго здѣсь „Полюбовная гостьба“. На эти блины зоветъ свою родню самъ молодой. На „блинахъ“ порядокъ все тотъ же, лишь не бываетъ даровъ и молодая не носитъ чарокъ, но ее все-таки заставляютъ безпрестанно цѣловаться съ молодымъ мужемъ. Послѣ блиновъ молодой выдають приданое, каковое и несутъ къ ней на домъ бывшія на свадьбѣ подруги.

Затѣмъ и всему дѣлу конецъ, да какъ и вездѣ, — придано въ сундукъ, а уродъ на рукѣ“.

Такимъ побытомъ справляютъ свадьбы по всему бѣломорскому берегу отъ г. Онеги до самаго города Кеми. Въ Кеми дѣлають не во многомъ по другому, да и въ посадѣ Сумахъ такъ же. Въ Сумахъ тоже никогда не бываетъ свадебъ лѣтомъ, потому что, какъ указано въ своемъ мѣстѣ, всѣ мужчины уходятъ на море, или на дальній мурманскій берегъ океана. На богатую свадьбу собирають дѣвушекъ до 30-ти, иногда всѣхъ, что есть въ селеніи, исключая можетъ быть тѣхъ, которыя сами не любятъ ходить на свадьбы. Въ Сумахъ эти дѣвушки, въ то время когда молодой ходитъ съ молодухой съ визитами по гостямъ, остаются у кого-нибудь у родителей и прощаются тамъ. Тамъ же вмѣсто лентъ дружки получаютъ отъ невесты полотенца, которыя и повязываютъ черезъ плечо, какъ кавалерскія ленты. Тамъ же баениковъ (хлѣба-соли) бываетъ два: одинъ жениховъ, другой невестинъ. Ихъ зашиваютъ въ салфетку, изъ верхней корочки въ серединѣ вырѣзають кружокъ и въ ямку кладутъ головку чеснока и щепоть жита, и потомъ все это прикрываютъ вырѣзанной круглой корочкой, какъ примѣту симпатическую и стародавнюю. Въ Сумахъ сохранилась сверхъ прочихъ заплачекъ еще одна передъ воротами родительскаго

дома, когда невѣста возвратится изъ церкви отъ молебна. Прощается невѣста съ рѣкой, съ полями и лугами, со всѣми сосѣдями: „не поминайте окольны порядны сосѣдушки, не помните ни зломъ, да и не лихомъ меня, младу голубушку“. У нѣкоторыхъ суевѣрныхъ невѣстъ ведется обычай противъ лихого духа, обтыкать подолъ сарафана булавками (въ посадахъ и городахъ) или обматываться подъ платьемъ рыболовною сѣткою (въ деревняхъ). Косу у невѣсты къ смотринамъ расплетаетъ сестра, либо, когда ея нѣтъ, любя подруга. Съ распущенной косой ходитъ невѣста до повойника, когда послѣдній надѣнутъ послѣ вѣнца, то расчесываютъ волосы вновь и заплетаютъ ихъ на двѣ косы непременно либо мать крестная, либо та женщина, у которой нѣтъ дѣтей. Въ Шуѣ сохранился еще обычай у невѣстъ до вѣнца ходить гостить по честнымъ гостьбицамъ для подарковъ: крестные отцы даютъ платки и ситецъ на сорочки; отъ богатыхъ идутъ деньги, отъ бѣдныхъ просто куделя (вычесанный ленъ), и проч. Впрочемъ тѣ же голосованья слышатся, тѣ же обряды водятся и въ удаленныхъ отъ Лѣтняго и Терскаго берега странахъ двинскихъ, мезенскихъ и печорскихъ: все одна стародавняя новгородчина (см. дальше, во 2-й части).

Таковы видимые порядки обрядовые. Теперь о тѣхъ, которые скрыты отъ постороннихъ, произведены домашнимъ образомъ, т. е. о брачномъ договорѣ, по свѣдѣнiямъ, заимствованнымъ изъ превосходнаго труда г-жи Александры Ефименко (Обычное Право, Москва, 1884 г.)

Сватья толкуютъ свое въ интересахъ уполномочившей стороны,— родители, привычно слушая въ полъуха, главнымъ образомъ ожидаютъ существенныхъ предложенiй, такъ какъ дочь въ семьѣ работница, имѣющая свою нравственную и матеріальную цѣну.

Иногда свать съумѣетъ мастерски разцѣнить работника, желающаго получить поддержку въ хозяйствѣ въ женѣ и никогда не постѣснится похвалить выше облака ходячаго. Одинъ краснобай похвасталъ такимъ образомъ о бѣдномъ и заурядномъ женихѣ:

— Хватись—чего у него нѣту! Хлѣба стараго полжитницы, четыре скотины на воду ходять, два теленка на сѣнѣ, пятигодовалый быкъ на корму; конь тоже хорошій, одиннадцать овецъ и деньги водятся, домикъ ничего,—живетъ (т. е. порядочный). А хоть изъ платья-то! Шубъ бѣлыхъ, сукманинъ, кафтанъ у парня, рубаха дорогого кумачу, тяжелыя штаны, поясъ изъ дорогого, прядева шленской шерсти и кисти какiя наведены. Не то что кисти, да и концы,—тѣ у пояса развѣ на два вершка.., да что на два,—чуть не на три вышиты золотомъ! Срядится, просто золотой, все бы на него глядѣлъ. Ну,

да что говорить: парень ходитъ на сплавку гроша не промотаетъ, не пьяница, а осенью-то ходитъ въ лѣсъ: у него въ лѣсу насторожено сорокъ петлей, да тридцать кулемъ—сколько онъ переловитъ зайцевъ! Есть ружье и собака, — стрѣляетъ бѣлку. Собака у него, говорятъ, хороша: я чулъ у старовѣра Митрохи цѣлковый давали за собаку ту. И мордъ плести мастеръ и рыбъ ловить въ озерахъ—щукъ. Да есть, ты самъ слыхалъ“, и т. д.

Такимъ художественнымъ, мастерскимъ образомъ передана рекомендація о женихѣ заурядномъ и бѣдномъ, производящемъ привычныя и общія всѣмъ работы и притомъ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Вся задача свата заключалась въ томъ, чтобы подѣйствовать на умъ, чувства и волю родителей. Со стороны послѣднихъ слѣдуютъ вопросы матеріальнаго характера: о свадебныхъ расходахъ и подаркахъ, даже о количествѣ гостей, а самое главное для обѣихъ сторонъ: какая кладка и каково приданое, и какіе задатки, и какихъ размѣровъ неустойки, и т. под.

Кладка деньгами дается женихомъ невѣстѣ на изготовленіе приданого и тогда о послѣднемъ уже не бываетъ рѣчи. Подарки взаимныя между сговорившимися и подарки родственникамъ имѣютъ силу задатковъ. Условія эти совершаются словесно и держатся на честномъ словѣ, но въ грамотномъ населеніи архангельскаго Поморья существуютъ еще письменные договоры на бумагѣ „сговорныя письма“, продолженіе допетровскихъ „рядныхъ записей“. Въ нихъ также опредѣляется день вѣчанья, залогъ или неустойка въ предотвращеніи пятнаго отказа, перечисляется приданое. Женихъ, принимаемый въ домъ, ограничивается правами по отношенію къ имуществу тестя, ставятся условія, обезпечивающія дѣтей, если невѣста выходитъ замужъ „дѣтной“ вдовой, и т. д. Неустойку опредѣляютъ деньгами только богатые, но залогъ на случай разстройки сватовства, обязательно возвращается полностью и въ нерѣдкихъ случаяхъ даже съ наддачею неустоекъ. Впрочемъ, залогъ отцу невѣсты дается лишь въ мѣстностяхъ края, гдѣ существуетъ приданое. Здѣсь и въ этихъ случаяхъ обычай подарковъ получилъ большое развитіе и при необходимости возвращенія ихъ происходятъ недоразумѣнія, доходящія до рѣшенія волостными судами. Иски начинаютъ въ этихъ случаяхъ или отцы женъ, или сами онѣ, если бракъ расторгается смертью мужа! Меньше требованій, если умеръ мужъ, и наоборотъ—они бываютъ гораздо значительнѣе въ пользу жениной стороны.

Заключенный бракъ съ обрядами и юридическими условіями считается нерушимымъ: „женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ“; худой попъ обвиняетъ и хорошему не развѣнчать. Даже бываетъ и такъ въ Поморскомъ краѣ, придерживающемся безпоповщины: жениха и невѣсту благословятъ родители; брачущіеся кладутъ другъ другу руки со

словами: „желаю тебя въ жену“, „желаю тебя въ мужа моего“, цѣлуются, кладутъ начало передъ родителями, а если ихъ нѣтъ—передъ пятью свидѣтелями и затѣмъ новобрачную крутятъ (смѣняютъ дѣвичій головной уборъ на бабій), пируютъ и закрѣпляютъ союзъ тѣмъ же порядкомъ на бѣки нерушимо. Если „расходка“ (разводъ) совершится по обоюдному согласію сторонъ, то уже сюда никто не мѣшается; если же мужъ прогнать жену, или она сама убѣжить—недовольныхъ разбираетъ судъ: онъ или возстановляетъ сожителство или закрѣпляетъ своимъ признаніемъ расходку.

Замѣчаютъ при этомъ, что въ болѣе цивилизованномъ Поморѣ отношенія къ женщинамъ и женамъ мягкія, ласковыя, основанныя въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напр. въ правахъ наслѣдства при незаконномъ т. е. не вѣнчаномъ сожителствѣ) на очень тонкихъ, гуманныхъ правилахъ. На Печорѣ отношенія къ женщинамъ совсѣмъ другія: въ Усть-Цыльмѣ напр. самымъ откровеннымъ образомъ рѣдятся о цѣнѣ невѣсты и поступаютъ здѣсь, какъ при всякой куплѣ-продажѣ: бьютъ другъ друга по рукамъ, запиваютъ, передаютъ, какъ лошадь на недоуздрѣ, изъ полы въ полу, и т. д. Въ малыхъ семьяхъ (каково большинство въ Поморѣ) хотя женщинѣ приводится работать больше, но за то и нравственная цѣна ея выше; она по необходимости должна сбросить съ себя отупѣніе и апатію. За то быть снохой (а особенно при этомъ вдовой) въ большой семьѣ—нѣтъ болѣе тяжелой доли для крестьянки. Изъ малой семьи мужъ почти никогда не гонитъ жену, такъ какъ безъ нея рѣшительно не можетъ обойтись; въ большой семьѣ родители мужа считаютъ вправѣ бить невѣстку, не давать ей ѣсть, и даже прогонять отъ мужа, вонъ изъ дома. Малыя семьи здѣсь происходятъ вслѣдствіе частыхъ семейныхъ раздѣловъ: неурожай затрудняетъ добываніе средствъ къ пропитанію, надо семьѣ работать каждой на себя, и союзъ большой семьи распадается, всего чаще весной, когда нѣтъ хлѣба и стало-быть тяжело кормить стариковъ и чужихъ дѣтей. Трудъ, по причинѣ его исключительной тяжести, поставленъ здѣсь на замѣчательно высокую ступень. Мы имѣли уже случай убѣдиться (въ разсказахъ о промыслахъ на Новой Землѣ), какъ заботливо обставлена цѣлостность морской добычи. Достаточно поставить подлѣ сложенныхъ вещей колышекъ или письменную замѣтку, чтобы всякій понялъ, что онѣ не брошены или обронены случайно, а оставлены нарочно для сохраненія. Кому изъ проѣзжихъ придется взять по дорогѣ изъ чужого сѣна охапку на кормъ лошади, тотъ всегда положить въ зародъ деньги по цѣнѣ сѣна. Оставленная лодка, пойманная оторвавшаяся сѣть тоже неприкосновенны, какъ и добыча. Уваженіе къ чужому труду доведено даже до такой тонкости, что цѣнятся рабочее время, бесполезно потраченное по чужой винѣ и для другихъ и оплачивается виновнымъ какъ бы употребленное по

найму въ его пользу. Таковы дни, потраченные на отысканіе украденнаго; за трудъ при перекосъ травы, помятой скотомъ. Запахался въ чужой участокъ, засѣялъ чужое поле—урожай получай весь себѣ, но за землю заплати кортомныя деньги или отдай весь урожай, но получи съ обиженнаго сѣмена и плату за работу. Нарубилъ по ошибкѣ дровъ въ чужомъ лѣсу,—вези ихъ домой, такъ какъ прилагалъ трудъ, но хозяину заплати по приговору суда, и т. под.

Подобное трудовое начало примѣняется и въ семьяхъ къ женщинамъ. Исключая повсемѣстный нерушимый законъ о приданомъ, которое безраздѣльно принадлежитъ женѣ принесшей его въ домъ,—собственностью послѣднихъ признается также и все заработанное въ домѣ: всякій посторонній заработокъ обращается въ женину пользу. Если вдова жила съ мужемъ долгое время,—значить накоплено имущество совмѣстно и въ немъ она является полноправной наслѣдницей, и не только она законная сожительница, но и незаконная. „Сестра при братьяхъ не вотчинница“, выговорила старинная поговорка, но если она работала на нихъ, будучи вдовой долгое время, судъ отдастъ ей наслѣдство. „Мы нигдѣ не видали (говоритъ изучавшая эти отношенія въ средѣ крестьянской г-жа А. Ефименко) болѣе идеально развитого уваженія къ трудовой собственности, чѣмъ на нашемъ глухомъ сѣверѣ. Однимъ словомъ, трудовой принципъ красной нитью проходитъ чрезъ всѣ наслѣдственные отношенія крестьянъ, по скольку они опредѣляются обычнымъ правомъ“. Въ крестьянскихъ судахъ интересы слабой стороны, т. е. женщины, болѣе принимаются во вниманіе. Крестьянскій судъ, руководясь своими обычными понятіями о справедливости относится къ женщинѣ мягче, чѣмъ законъ. Мужъ требовалъ отъ жены имущества ея — приданаго платья и заработанныхъ денегъ, и при этомъ выхвалялся, что онъ ее „въ полъ втопчетъ, и при живности ея болѣе никакого согласія дѣлать не будетъ, кромѣ побоевъ“. За все это судъ волостной приговорилъ мужа къ наказанію розгами.

Въ Малошуйкѣ я сѣлъ опять верхомъ на лошадь и на этотъ разъ рѣшительно на клячу, для которой собственное право и личный капризъ были выше всего остального. Тяжело ступала она своими уродливыми ногами въ липкую болотную грязь, размытую крѣпкимъ осеннимъ дождемъ, лившимъ цѣлые сутки. Лѣпила эта грязь всего меня съ головы до ногъ; къ тому же дорога шла безутѣшными, безпривѣтными мѣстностями. По сторонамъ тянулось какъ-будто поле, стояло много стоговъ, какъ-будто сѣна; торчали миллионы колышковъ, къ которымъ, вѣроятно, также приставлены будутъ копенки сѣна, или лучше болотной осоки. Шумѣлъ кое-гдѣ народъ, подбиравшій траву коротенькими своими косами—горбушами; лаяли собаки; валялись передъ теплинами ребятки; заползали нѣкоторые изъ нихъ въ

наскоро плетеные шалаши. Все казалось какъ будто такъ же, какъ и въ благодатныхъ мѣстахъ Приволжья, но только при вѣшнемъ взглядѣ: частности измѣняли этому случайному впечатлѣнію и не оправдывали его.

Вилась прихотливыми изгибами рѣчка въ сторонѣ отъ дороги, но съ совершенно голыми берегами, безъ ивняка, безъ другого лѣса, хотя и съ тѣми же мертвенными водорослями; безпредѣльно тянулось вдаль опять ржавое, безжизненное болото. Только нѣкоторою жизнію отдаетъ передняя гора, по которой разостлался ячмень и выяснилось на вершинѣ ея село Вѣрзогоры. Поле не безбрежно уходило вдаль, а также, въ свою очередь, охвачено было мертвеннымъ болотомъ, да едва ли и само, въ тоже время, не было болотомъ хотя и со скудною, жесткою травою. Дорога все время тянулась гатю; гать пересѣкалась рушившимся мостомъ, перекинутымъ черезъ рѣчку. Лошадь не слушалась, боялась моста, не умѣла ладить съ выбоинами гати; хотѣлось ей идти по болоту стороною—зачѣмъ, для чего? Она *норовилась*, брыкала задними ногами, свалила меня въ грязь разъ, и другой, и третій. Я взялъ другую изъ телѣги, но выгадалъ не многое: раскормленная болотнымъ сѣномъ, которое скорѣе раздуваетъ, чѣмъ питаетъ желудокъ, лошадь эта представляла рѣшительное подобіе бочки, неловкой, почти невозможной для сидѣнья. Какого-нибудь сѣдла взять было негдѣ. Кое-какъ добрались мы до перевоза черезъ р. Нименгу съ грязными, расплывшимися берегами, по которымъ ходить человѣку въ дождливую погоду едва ли возможно. На перевозѣ стоитъ таможенный солдатъ, не здѣшній уроженецъ.

— Поломало же ваше благородье напорядкахъ. Изволите видѣть, проклятыя мѣста здѣсь: такихъ я нигдѣ не видалъ, всю Хохляндію съ полкомъ произошелъ. Вотъ въ Сибирь посылають, а зачѣмъ? пошли сюда—намается хуже ада кромѣшнаго. Здѣсь, я доложу вамъ, только и жить бы надо морскому звѣрю: смотрите, какой народъ мелкота: въ гарнизѣ не годится. А оттого гнѣтъ народъ: яшный хлѣбъ ѣсть, приварокъ какой въ честь почитаетъ. У нихъ, вотъ изволите видѣть, и лѣто, и зиму на саняхъ ѣздить. Запоютъ они теперь пѣсню, такую длинную, что цѣлый день тянутъ и на другой день еще допѣвать оставятъ, ей-богу! Совсѣмъ, выходитъ по нашему, кромѣшныя мѣста здѣшнія—вотъ что; извините меня, ваше благородье, на такомъ крутомъ словѣ!

Но, какъ извѣстно, лѣтомъ на саняхъ здѣшніе жители возятъ только сѣно къ стогамъ въ поляхъ; а такой длинной пѣсни, чтобы тянулась цѣлый день и на другой день оставалась, мнѣ не могъ сообщить никто изъ здѣшнихъ. Видимо, солдатъ былъ озлобленъ и скучалъ здѣсь по дальней родинѣ, которая отошла отъ него далеко-далеко (солдатъ былъ изъ Нижняго). Случайность и житейскія обстоятель-

ства завели его сюда въ крайнюю даль Россіи,—случайность, можетъ быть, и возвратить его на родную сторону.

Черезъ часъ я уже былъ въ Вѣрзогорахъ, жители котораго считаются лучшими судостроителями. Они строятъ и романовки для лѣсной компаніи, строятъ и лодьи для своихъ промысловъ. Ловятъ также варзужане сельдей и мелкую морскую рыбу переметами и бреднями, при тѣхъ же пріемахъ и обычаяхъ, какъ и всюду въ Поморьѣ. Село дѣлится на два: въ обоихъ свои церкви; въ одномъ даже двѣ, изъ которыхъ одна новенькая, красивая съ виду и богатая внутри.

Каменисто-песчаными и высокими горами шелъ отсюда путь въ Онегу. По сторонамъ разстилался ячмень, наполовину въ то время (23 августа) уже выжатый. Спустившись съ горы, дорога пошла въ лѣсъ—настоящій лѣсъ, съ высокими, не всегда дряблыми деревьями, съ просинью по сторонамъ, со сплошной лѣсной стѣной, сквозь которую прямо, кажется, нѣтъ и проѣзду. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ этотъ идетъ сплошнымъ боромъ и усыпанъ грибами и ягодами, но за то въ другихъ мѣстахъ, и очень часто, стоятъ рѣдко-разставленные деревья, и изъ-за нихъ уже выглядываетъ ржавое болото. Такое же болото широко идетъ направо, но безъ всякихъ деревьевъ, словно недавно высохшее и затянутое уже зыбуномъ дно озера. Изъ лѣсу дорога вышла на берегъ моря и тянулась по той прибрежной няши, которая уже, не заливаемая морскимъ приливомъ, успѣла покрыться какой-то красной травой, безъ цвѣтовъ, безъ деревьевъ, и все-таки была грязь, наполовину смѣшанная съ пескомъ и всякою гнилью. Едва держала грязь эта ноги лошади, едва замѣтно выдѣлялось на ней полотно дороги какою-то расплывшеюся чернѣтью. Чернѣть эта опять ушла въ лѣсъ и сопровождала дорогу этимъ лѣсомъ, также густымъ и высокимъ, верстѣ на пять, на шесть впередъ. Послѣ лѣсу, дорога шла досчатыми широкими мостками Пѣньгамскаго завода онежской лѣсной компаніи. Но я не могъ понять ея удобствъ, не могъ оцѣнить всей ея прелести, сравнительно съ прежней дорогой, размытой дождями, изуродованной до послѣдняго нельзя выбоинами и ухабами. Едва дотащился я до карбаса. Онъ долженъ былъ перевезти меня на другую сторону рѣки, въ городъ. Едва подвинулся я на отлогій городской берегъ и съ трудомъ дотащился до отводной квартиры, той же самой, которая принадлежала мнѣ до отправленія въ Поморье. Путешествіе верхомъ возымѣло всю силу своихъ послѣдствій.

— Изломало же тебя, моего батюшку, пуще всякой - то напасти да болѣсти, — говорила мнѣ старушка, хозяйка отводной квартиры. Непривышное, гляжу, дѣло-то тебѣ это, непривышное! Ишь, даже ходить не можешь: тяжело, чай, что беремя тащишь, а ноги - то, поди, что свинцомъ налиты. Ну да вотъ, ладно, постой: въ баню сходишь, какъ рукой сниметъ, отойдешь...

— Словно тебя вѣтромъ шатало, словно я на диво на какое глядѣлъ на тебя, какъ давѣ съ рѣки пробирался; насилу выдержалъ на старости лѣтъ,—не засмѣялся—говорилъ мнѣ опять старый знакомый семидесятилѣтній старикъ, ежедневно навѣщавшій прежде и пришедшій теперь поздравить съ прїѣздомъ.

— Тебѣ смѣшно, старикъ, а мнѣ не до шутокъ!

— Ну да какъ не смѣшно? суди ты самъ.—Этакъ-то вѣдь рѣдко которому выпадаетъ. Пушай вонъ наши чиновники, тѣмъ это дѣло привычное: смотри-ко, иной какъ на конѣ-то отдираетъ. А ты-поди и сѣделушкомъ-то своимъ не запасся. Ну да ладно—дѣло теперь все это прошлое, останное, съ тѣмъ оно такое и будетъ во вѣки. Сломалъ же ты таки путину большую, какъ еще животъ - отъ твой выдержалъ, вѣдь, вы всѣ породы - то какой жидкой, словно мочальные. Жилъ у насъ чиновникъ—измотался совѣмъ по нашимъ дорогамъ, въ переводъ попросился: перевели, славу Богу! Тѣмъ только, слышь, и поправили. А ты, на-ко поди: путину такую отляпалъ, что и наши привышные-то поморы такой не дѣлаютъ. На-ко: три тысячи верстъ обработалъ! — Поди вотъ ты тутъ съ тобой и разговаривай!.. Чай, опять завтра въ обратную потянешься?

— Нѣтъ, старикъ, поживу у васъ со недѣлю, отдохну.

— Отдохни, кормилецъ, отдохни: переведи духъ! Телѣги-то почтовые тоже небольшая находка: обламываютъ же вашего брата и онѣ...

Недѣлю потомъ оправлялся я въ Онегѣ, въ старой - знакомой Онегѣ, все такой же: съ той же одной проѣзжей улицей, недостроеннымъ соборомъ, закиданною камнями рѣкой, съ тою же, наконецъ, говоруньей, до безконечности доброй, простодушной хозяйкой-старухой. Точно также оказалось неизмѣннымъ давно слыханное присловье, что „во всей Онегѣ нѣтъ телѣги“, — неизмѣнное до сего дня. Здѣсь же именно и создалось и можетъ быть провѣрено воочію народное преданіе что будто бы воеводу лѣтомъ на саняхъ возили по городу, пользуясь мокрыми, глинистыми и скользкими болотинами, и здѣсь же можно уразумѣть, что нѣкогда (и не такъ давно) необходимо было „на рогахъ“ (домашнихъ коровъ) онучки сушить.

Все старое, давно знакомое, забытое только на время, возставало передо мною и на всемъ остальномъ пути до города Архангельска. Въ Красной Горѣ разбитная хозяйка почтовой станціи встрѣчаетъ привѣтомъ, повидимому, добродушнымъ и искреннимъ, и поражаетъ вопросомъ:

— Не ты ли, баринушко, остатоцку оставилъ?

— Какую, бабушка?

— А ложечку серебряную.

Ложечка эта оказалась дѣйствительно моей, но объ ней я забылъ и думать, и вспомнилъ и узналъ ее только теперь, черезъ три мѣсяца.

Въ Сюзьмѣ не было уже видно ни архангельскихъ шляпъ, ни архангельскихъ шляпокъ и зонтиковъ, принадлежавшихъ, въ первый мой проѣздъ, морскимъ купальщикамъ и купальщицамъ.

— Всѣ уѣхали, давно уѣхали, говорили мнѣ здѣсь. Послѣ другіе пріѣзжали и тѣ уѣхали. Видишь, вѣдь, ты больно-долго ѣздишь, далеко забирался.

Отъ Тоборъ до Рикосихи была хуже дорога, вся размытая дождями, вся грязная по ступицу колесъ почтовой телеги. Въ Рикосихѣ пропали уже тѣ мириады комаровъ, которые, на первый проѣздъ, слѣпили глаза и буквально не давали покоя и отдыха. Съ Двины несло уже сыростью, осенней сыростью; не слышать было пѣнья птишекъ, свободно и громко распѣвавшихъ прежде. Съ деревьевъ кое-гдѣ валился листъ. Въ заливѣ рѣки Двины вели соловецкую лодью—на зимовку, какъ сказывали гребцы. Двина у города засыпана была разнаго вида и наименованій судами. Самый Архангельскъ представлялъ болѣе оживленную картину, чѣмъ тогда, какъ оставлялъ я этотъ городъ для Поморья. У городской пристани, на судахъ и на городскомъ базарѣ толпилась едва ли не половина всего Бѣломорья: по крайней мѣрѣ, мурманскіе промышленники были всѣ тутъ. Начинался сентябрь мѣсяцъ: шли первыя числа его. Приближалось 14 число — время Маргаритинской ярмарки: стало быть, я пріѣхалъ въ Архангельскъ въ самую лучшую пору его промышленной и торговой дѣятельности.

ГОДЪ НА СѢВЕРѢ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОѢЗДКА ПО СѢВЕРНЫМЪ РѢКАМЪ.

ПОѢЗДКА ПО СѢВЕРНЫМЪ РѢКАМЪ.

I.

ПОѢЗДКА НА ПЕЧОРУ.

1. Тайбола.

Первыя впечатлѣнія пути. — Кушны и кушники. — Волки. — Медвѣди. — Комары.

Декабрь мѣсяць 1856 года нашелъ меня уже на рѣкѣ Мезень и притомъ въ самомъ дальнемъ южномъ краю ея, тамъ, гдѣ она готова перейти въ другую губернію — Вологодскую. Семисотъ-верстная Тайбола, закиданная глубокими снѣгами, лежала еще передо мною, рисуясь подчасъ въ воображеніи, какъ темная ночь безъ просвѣта, со всею своею мрачною и непривлекательною обстановкою. Всѣ совѣтовали запастись мѣднымъ и жестянымъ чайниками, копченой и жареной провизіей, хлѣбомъ и — терпѣніемъ. За первыми не стояло дѣло. Надо было вооружиться послѣднимъ.

Зима этого года начиналась какъ-то вяло: по цѣлымъ суткамъ валили крупные хлопья снѣга, но все это, не скрѣпляемое достаточно крѣпкими морозами, ложилось на плохо-промерзшую землю рыхлою, глубокою, въ ростъ человѣка массою. Дороги не устанавливались долго. Не было бы, кажется, и пути на Печору, если бы не прошли оттуда обозы съ мерзлою рыбою на ярмарку въ Пинегу. Обозы эти оставили за собою узенькую дорогу съ глубокими выбоинами, ухабами и широкими раскатами. Прихотливо извиваясь, прошла эта дорога по Тайболѣ между высокими вѣковыми соснами, елями и лиственницей. Этой-то дорогой приходилось ѣхать и мнѣ въ длинной, узенькой, только одному сидѣть, кибиткѣ, предложенной любезною предупредительностью добраго человѣка въ Архангельскѣ, испытывшаго на себѣ всѣ невзгоды дальнихъ дорогъ въ губерніи. Какъ теперь слышу роковое извѣстіе, сказанное мнѣ какъ-то вскользь и равнодушнымъ тономъ въ селеніи Вджгорахъ, что дальше уже нѣтъ деревень вплоть до перваго села на Печорѣ — Усть-Цыльмы.

— Тайбола пойдетъ тебѣ теперь ста на четыре верстѣ, вплоть до самой *отдалёны*—добавляли ямщики.

— Пугаетъ меня эта ваша Тайбола!

— А вотъ поѣзжай: увидишь—намъ скажешь!—отвѣчалъ бойкій староста съ насмѣшливымъ видомъ и тономъ.

— Кибиточку-то ты ладную обрядилъ! добавилъ онъ потомъ.

— А то что же?

— То-то молъ,—хороша: легкая такая!

Онъ, въ доказательство своихъ словъ, откинулъ ее въ сторону, какъ самыя легонькія, маленькія ребячьи саночки.

— Ходка ужъ порато, дядя Кузьма, сама бѣжить! прибавилъ отъ себя привезшій меня ямщикъ.

— У насъ, вѣдь, мѣста здѣсь, надо бы тебѣ сказать, проклятыя: коли сани съ отводами, такъ и не пройдешь—продолжалъ свое ямской староста.

— Ты гляди-ко, дядя Кузьма, въ нутро-то: ишь онъ какъ его олешками знатно уколотилъ,—тепло ему будетъ!

— Это ты, твоя милость, ладно надумалъ; а то, — ишь, холода, кажись, вовсе надумали встать. Не хватили бы только тебя паря, хивусѣ на дорогѣ то?

— Это что же еще такое: хивусѣ?

— Хивусѣ эти вишь... по иному бы тебѣ молвить: падъ экая, рянда, чидега—все вмѣстѣ.

— Курево—сказывай, дядя Кузьма!

— Замятель, тоись, говорилъ третій.

— Все вмѣстѣ, все вмѣстѣ: снѣгъ тебѣ сверху идетъ—одно это. Опять другое: вѣтеръ мететъ тебѣ снизу и съ боковъ, свѣтъ закидаютъ. Ничего тебѣ не видно и ѣхать нельзя: лошади столбнякомъ такъ и встанутъ, бревномъ ты ихъ не спихнешь съ мѣста, не токма плетью: самое такое поганое дѣло!

Староста урывисто махнулъ рукой.

— По трундѣ (тундрѣ) вонъ совсѣмъ засыпаетъ... Эдакъ-то, слышь, ономнясь пустозеровъ двое ѣхали — порѣшило, замело на смерти!—прибавилъ старый ямщикъ.

— Что же вы меня пугаете? Вѣдь ѣздить же другіе!

— Да это точно, что ѣздить: вишь, недавно вѣдь этихъ лошадей выставяты стали здѣсь, а то вѣдь смѣнныхъ у насъ допрежъ не было: больно же чиновники жаловались въ ту-пору, скучали... Садись, ваше благородье, ничего: страшенъ громъ, да милостивъ Богъ, ничего—пройдешь, чай!

Поѣхали. Тройка хохлатыхъ, измученныхъ лошадемокъ, сбитыхъ десятскимъ съ разныхъ дворовъ и потому невыѣзжанныхъ, метнулась въ разныя стороны, сбилась съ дороги въ сугробъ, опрокинула ки-

битку на бокъ. Кибитка была, правда, тепла, но неудобна для того, чтобы въ такомъ крайнемъ случаѣ выбраться изъ нее. Наконецъ и это неудобство было устранено: трое мужиковъ поставили ее на копылья, ухватившись за одинъ бокъ. Я вылѣзъ, но ушелъ въ снѣгъ по плечи; наконецъ, и оттуда вылѣзъ и опять сидѣлъ въ кибиткѣ по прежнему, созерцая впереди себя длиннаго, какъ шесть, ямщика, взгромоздившагося на переднюю лошадь. Онъ ежеминутно дергалъ руками и прискакивалъ на крестцѣ ея. Все пошло своимъ чередомъ: лошади не метались въ сторону и не могли этого дѣлать, потому что мы въѣхали въ лѣсъ, на лѣсную тропинку. Огромныя лапчатые ели и сосны, засыпанныя снѣгомъ, вѣтвями своими метались въ лицо: ямщикъ задѣвалъ головой за сукъ, раскачивалъ вѣтви и подвозилъ меня съ кибиткой подъ этотъ сукъ какъ-разъ въ то время, когда валилась оттуда огромная охапка густого, пушистаго снѣга. Одинъ только, стало-быть, ямщикъ съ передней лошадейю былъ въ барышахъ. Пробовали снѣгъ вытряхивать изъ саней—нашли бесполезнымъ: ямщикъ валилъ на первой же верстѣ новыя охапки. Совѣтовалъ я ему смотрѣть впереди и быть осторожнымъ—не помогло: онъ всегда забывалъ совѣтъ этотъ, но если и сторонился, то по какой-то случайности, не въ-время. Опрокинуться мы не могли: обступившія насъ со всѣхъ сторонъ дряблыя, выросшія на болотѣ деревья, подхватывая съ одного бока, бросали на противоположный пенъ, тамъ, гдѣ лѣсная дорога изломана была рытвинами и ухабами. Не меньше радостей приносили и новые виды, когда мы выбирались изъ лѣсу на широкую снѣжную поляну. Здѣсь не было деревьевъ и, стало быть, приводилось чаще опрокидываться: повалится кибитка на бокъ, зарывшись до половины въ снѣгъ, и протащится такимъ образомъ впереди до той поры, пока не услышишь фореиторъ-ямщикъ задыхающагося голоса изъ кибитки, вопіющаго о пощадѣ и помощи. Соскочить онъ съ лошади, кое какъ поставить опять сани на копылья и въ сотый разъ удивится причинѣ такого зоключенія, промолвивъ:

— Со всѣми, почестъ, начальниками вотъ эдакъ-то!

— Да вы по-дурачки ѣздите: вмѣсто облучка, садитесь на переднюю лошадь. Нигдѣ, вѣдь, такъ-то не ѣздить!

— Всѣ такъ баютъ, да вотъ поди ты...

— Садись на облучекъ!

— Несвычно: лошади опять заматаются. Ну, инъ ладно!

Чтобы угодить сѣдоку, онъ и примостится, пожалуй, на облучекъ, но не надолго. Лишь только успѣешь немного вздремнуть и раскроешь глаза, смотришь,—онъ снова сидитъ на передней лошади и по-прежнему дергаетъ руками и прискакиваетъ.

— Ты, ямщикъ, хотъ бы пѣсню запѣлъ.

Махнетъ онъ рукой, обратившись назадъ — и отвѣтъ его на запросъ весь тутъ.

Примешься от скуки версты считать и, по крайнимъ соображеніямъ, по количеству употребленнаго на ѣзду времени и по пространству, должно быть далеко за половину и скоро должна появиться станція, на которую обѣщали 25 верстъ. Спросишь ямщика объ этомъ.

— Да вотъ озеро пройдемъ, въ лѣсъ втянемся, такъ тутъ кедры стоятъ. Отъ нихъ считаемъ половину-то.

— Такъ какія же вы 25 верстъ кладете на станцію?

— Это точно, что не ладно кладемъ. Да, вишь, вѣдь наши версты-то какія: мѣрила ихъ баба клюкой.

Но и станція здѣшняя не находка: эта низенькая избенка-кушня, полуразвалившаяся, черная сваружи, съ двумя маленькими дырами вмѣсто оконъ, изъ которыхъ лѣзетъ не паръ, а горькій дымъ. Я попробовалъ пролѣзть въ одну кушню черезъ низенькую дверку и закаялся: больно рѣзали глаза вплотную наполнявшіе ее дымъ и смрадъ и захватывали дыханіе. Въ четверть часа времени съ трудомъ можно было разглядѣть все вопіющее убожество ея, всю голую, горькую бѣдность ея обитателя-кушника, оборваннаго, съ загноившимися глазами, сугорбаго старика, съ чернымъ, неумытымъ лицомъ, какъ у кузнеца или угольщика, съ крайне-недовольнымъ и какимъ-то плаксивымъ видомъ. Кушникъ и здѣсь не преминулъ попросить подаенія въ одинаковомъ тонѣ и одними и тѣми же словами, какъ и всѣ другіе на дальнемъ протяженіи Тайболы.

— Не сойдется ли что отъ твоей милости на бѣдность?

— Скучно тебѣ жить здѣсь, старикъ, одному, безъ товарищей?

— Пошлѣ скучно, не скучно! Немошный вѣдь я: въ міру не го-жусь, нѣштѣ дѣлать-то мнѣ!..

— А давно ты ушелъ изъ міра?

— Давно. Почитай, порато же давно. Дальнія-то кушни на лѣто снимають: уходятъ кушники-то по домамъ, а я круглый годъ живу здѣсь.

— И не боишься?

— Чего бояться-то?.. Нѣту, не боюсь...

— А лѣсовиковъ, водяныхъ?

— Кричатъ же по лѣсу-то, а ко мнѣ не ходятъ: оборонялъ Богъ. Молитвой вѣдь я ихъ!.. Медвѣди, вонъ, по лѣтамъ живутъ, тѣ балуютъ, шибко балуютъ.

— Что же они съ тобой дѣлають?

— Да всяко. Объ уголь чешутся: разшатываютъ углы-то; тоже опять дверь припирають...

— Какъ же это?

— А хворосту, да бревень натаскаетъ къ двери-то, тѣмъ и запираетъ. И не выйдешь.

— Ты бы оборонялся.

— Чѣмъ обороняться-то стану? Ружья у меня нѣтъ; прячусь вонъ на подволоку—вся моя тутъ и оборона. Подурить дуракъ, знаю: пошалить у тебя въ избѣ-то, поломаешь все, да съ тѣмъ и уйдетъ: милуетъ Богъ!

— Звѣрковъ, чай, ловишь тоже?

— Это бываетъ: горносталевъ ловлю: тоже псецы (песцы) приходятъ, лисицы...

— Чѣмъ же ты кормишься, старикъ, ѣшь что?

— А то и ѣмъ, что съ проѣзжихъ сойдетъ: даютъ тоже. Лѣтомъ въ нашихъ мѣстахъ больно хорошо!

— Чѣмъ же, старичекъ?

— Да ягодъ ужъ очень много всякихъ растетъ, ну и ѣшь... Промышленники, что за лѣснымъ звѣремъ ходятъ, хлѣбушка даютъ: ѣмъ по праздникамъ!

— А не ошибаешься, въ какой день праздникъ, въ который будень?

— Бываетъ же и эдакъ, ошибаюсь!

— Кто ямщики у васъ, старикъ?

— А земскіе выставляютъ на зиму съ Мезени. Лѣтомъ-то, вишь, здѣсь лошадьми нѣту ѣзды: рѣками плаваютъ, въ карбасахъ. Есть, бають, пѣшіе перевозоки, да небольшіе.

— Чья же у тебя кушняя, своя?

— Нѣту, мірская; я, коли поломается что, отъ себя поправлять должонъ. Опять же уходъ за ней мой.

— Какой же уходъ и какая поправка?

— Правда, что нѣту, да и не спрашиваютъ. Пошутилъ ономясь земскій начальникъ одинъ, что стѣны-де не скоблишь; да самъ же и отшутился, не пугалъ же больно-то: „эдакъ-то-де лучше, коли стѣна коптится; изба-де меньше гніетъ, а ты-де, старикъ, не пужайся“. Такой добрый!..

Готовы, между-тѣмъ, лошади и затѣмъ новыя испытанія отъ кушни до кушни, которыя такъ похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды: съ такими же бѣдными, убитыми одиночествомъ кушниками, между которыми только ближе къ Печорѣ стали попадаться зыряне, умѣющіе по-русски только выпросить подаваніе и затѣмъ молчаливые на всѣ распросы. Говорили ямщики, что они и по-зырянски-то толковать разучились.

— Туги-же на разговоръ-отъ стали! Пріѣдешь это къ нимъ на зиму, мнутъ они тебѣ, мнутъ языкъ-отъ свой, чешутся — чешутся, а не приберутъ тебѣ ладнаго слова: самъ ужъ смѣкаешь. Шибко же дичають за лѣто, что и наши русскіе,—отвыкають...

— А все-таки добрые, ласковые по-прежнему?

— Добрые, больно добрые, что дѣти: нѣ они тебя обругаютъ когда, нѣ на твою брань огрызнутся: порато добрые—это что гнѣвить Бога!

Ночью какъ-то вой волковъ разбудилъ меня и обдалъ всего холоднымъ потомъ.

— Гони, ямщикъ, скорѣе: погибаемъ!

Отвѣта не было. Казалось, ямщикъ дремалъ себѣ беззаботно и такъ крѣпко, что не слыхалъ зловѣщаго, леденящаго душу воя. Лошади бѣжали трускомъ.

— Гони лошадей: волки воютъ!

— А пуцай ихъ!

— Съѣдятъ, чудакъ, въ клочья разорвутъ. Гони скорѣй, если дорога тебѣ жизнь! Опомнись—не спи!

— Не къ намъ бѣгутъ, къ лѣсу!..

Вой усиливался, но становился замѣтно глуше. Слова ямщика оказались правдоподобными; боязнь не позволяла мнѣ высунуться изъ кибитки и посмотреть по направленію къ лѣсу и волчьему вою, чтобы убѣдиться въ его показаніи. Я нашелся: ударилъ кнутомъ коленную, та брыкнула задними ногами и опять пошла прежней ровной побѣжкой, какъ бы согласная съ мнѣніемъ и убѣжденіями ямщика. Этотъ равнодушно обернулся назадъ и, еще при большемъ хладнокровіи (поразительномъ и досадномъ), отнесся ко мнѣ съ такимъ вопросомъ:

— Нѣшто у васъ они страшны, тамъ... въ Расеѣ-то?

— Въ клочья рвутъ, до смерти рвутъ; голодные вѣдь они!

— Наши сытые, наши не рвутъ!..

Онъ опять замолчалъ.

— Гони же, братецъ, не спи: мнѣ еще жизнь не надоѣла.

— Да ты не бойся! Что больно испужался? Наши волки чело-вѣка опасаются, стрѣляемъ вѣдь: они отъ тебя бѣгутъ, а не ты... Оленей вотъ они рѣжутъ: это водится за ними, за проклятыми, — и много оленя рѣжутъ!..

Онъ опять помолчалъ, но не дремалъ.

— Оленя они потому рѣжутъ, что онъ смиренъ, нѣтъ у него противу волка защиты никакой, развѣ-что въ ногахъ. Такъ, слышь, подкарауливаетъ сѣрый чортъ,—на цыпочкахъ подкрадывается и рѣжетъ. А то бы чело-вѣка?! Сорокъ годовъ живу, не слыхивалъ чтобы этого, никогда... Дѣвднѣку вонъ съ братишкомъ на трундѣ (тундрѣ) комары заѣли—это было. Комаровъ у насъ по лѣтамъ живетъ несосвѣ-тимое много: дѣться некуда.

— Знаю, самъ испыталъ!

— Ну вотъ, дѣвднѣка-то, вишь, за ягодами, за морошкой ходила; тѣ и напали на нее комары-то. Она братишку на колѣни взяла:

его то и отмахивала бы, такъ самое-то кусали.—Выбились изъ силъ, такъ и изошлись. Нашли дня черезъ два: парнишечко-то у ней на полѣночкахъ, сама она на кочкѣ сидитъ—оба мертвые—Господи!

Ямщикъ глубоко вздохнулъ, но въ прежнемъ показаніи своемъ былъ справедливъ: вой волковъ стихъ мало-по-малу и затихъ совсѣмъ, когда мы съѣхали съ нѣжной поляны — оказавшейся, по словамъ ямщика, замерзшимъ и закиданнымъ снѣгомъ озеромъ—въ лѣсъ, по обыкновенію, поразительный своею тишиною и мрачнымъ видомъ. Выглянувшая изъ облаковъ луна позволила разглядѣть, по указанію ямщика, дремавшую на придорожномъ сучкѣ птицу, которая оказалась глухаремъ, по здѣшнему—*чухаремъ*.

— У насъ вишь и птица не пуглива, не токмя...

— Тебѣ бояться нечего — ты привыкъ. Теперь и я похрабрѣе буду.

— Медвѣдей ты бойся: эти ломаютъ, такъ и тѣ теперь въ берлогахъ спятъ. Лѣтомъ они хрустятъ же по Тайболѣ, такъ мы сюда и глазъ не кажемъ на ту пору. Бить ихъ въ нашихъ мѣстахъ — не бьютъ...

— Отчего же не бьютъ?

— А какъ ты его досягнешь! Тайбола-то ишь какая долгая, да широкая; на низъ-то она къ тундрѣ подошла, а вверхъ такъ ей, сказываютъ, и конца тамъ нѣтъ.

— Хорошій, кажется, лѣсъ по ней выросъ?

— Какой хорошій! Съ виду—такъ пожалуй, а то нѣтъ—дряблый лѣсъ: на болотинахъ растетъ, гдѣ ему хорошимъ быть; пущай вонъ по суходольямъ который поднимается—ничего, живетъ, матёрой есть. А много-ли тебѣ суходольевъ? Все, гляди, мшина да болотина, да зыбь, что человекъ въ иныхъ мѣстахъ не держитъ. Озеръ опять насыпано по тундрѣ-то по этой и нивѣсть кое число: и живутъ крѣпко же большія, верстъ по тридцати бываютъ.

— И рыбы въ нихъ, чай, много?

— Гдѣ же безъ рыбы? Извѣстно, много рыбы: щукъ, окуней, лещей. Да не ловятъ, развѣ которое озерко къ кушнѣ подошло, такъ кушники берутъ же про свое про удовольствіе, а то нѣтъ, чтобы...

— И птицы, вѣдь, много?

— Много, и—несвѣтимаѣ сила!—много!

— И ее не бьютъ?

— Гдѣ же всю-то перебеешь? Да и кому бить-то? Вонъ тамъ, по Мезени, кладутъ путики * и много же этихъ путиковъ и у Печоры

* *Путики*—это одно изъ тѣхъ золь, которое когда-либо должно же получить свой конецъ. Путикъ—лѣсная тропа, иногда больше 50 — 100 верстъ длиною, по которой разставлены силки, сѣтки, кулемки и другія смертоносныя орудія для птицъ и лѣснаго звѣря (см. дальше).

живетъ, да гдѣ ее всю перебьешь? Вотъ, видѣлъ давѣ чухаря? сидитъ и глазомъ не двинетъ, словно человѣка-то онъ и не видалъ, словно человѣкъ-отъ ему и не страшенъ...

Послышался лай собаки, тотъ радостный привѣтъ, который безконечно отраденъ и дорогъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда утомляешься долгимъ и скучнымъ путемъ и ждешь—не дождешься теплаго угла, хотя бы, пожалуй, курнаго и грязнаго.

На лай этотъ отозвался и ямщикъ, обратясь ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Вонъ, собаки наши чуткія какія: за версту слышатъ. Съ виду ты имъ ломанаго гроша не дашь: хохлатенькая такая да маленькая: да и все тутъ... Анъ-нѣтъ!.. На охотѣ за птицей-ли, за звѣремъ-ли—золотой человѣкъ!

— Привыкли, братецъ! Живутъ на лѣсу, около звѣрей, да съ толковыми охотниками, вотъ и выучились!

— Оно, пожалуй, что и отъ этого!

Лай собаки и на этотъ разъ не обманулъ насъ: впереди уже чернѣла, какъ большая сѣрая куча, кушня, до половины въ снѣгу, вся цѣликомъ закоптѣвшая, съ кушникомъ у дверей, который опять-таки, по обыкновенію, подошелъ попросить на бѣдность и, взявши свое, ушелъ въ избу. Изба на этотъ разъ оказалась хорошею: въ ней можно было напиться чаю и не задохнуться отъ дыма.

— Отчего, старикъ, у тебя въ кушнѣ-то не чадно?

— Чадно же живетъ, какъ топить начнешь. Теперь, вишь, скуталъ (закрылъ), такъ, надо-быть, оттого.

Коротенькій декабрьскій день, съ двумя часами свѣта и часомъ блѣднаго просвѣта, на утрѣ и въ сумерки, приходилъ къ концу. Вскорѣ выплыла луна... Вспоминаются еще двѣ кушни, слышались брань и крики ямщиковъ и робкій голосъ кушника, просившаго на хлѣбъ. Я просыпался и опять засыпалъ до новыхъ криковъ на сбившуюся съ дороги переднюю лошадь и требованій прогоновъ, на водку и проч. Это была послѣдняя, третья, ночь моего путешествія по Тайболѣ.

Проснувшись на разсвѣтѣ, я уже видѣлъ передъ собой, верстахъ въ трехъ отъ насъ, огромное, раскиданное селеніе съ двумя церквами и передъ нимъ большую снѣжную поляну. Мы спустились подъ гору.

— Ямщикъ, рѣкой, кажется, ѣдемъ?

— Печорой.

— А впереди Усть-Цыльма?

— Она самая и есть.

Много зародилось въ эту минуту мыслей въ головѣ моей; трудно было собрать ихъ во-едино въ то время. Правда, немного было между ними ласкающихъ и живительныхъ. Холодомъ какимъ-то захолонуло

сердце и немного отраднаго видѣлось въ этомъ настоящемъ; все же будущее казалось смутнымъ и неизвѣстнымъ. Вотъ, думалось мнѣ, тотъ отдаленный, благословенный, сильно расхваленный всѣми Печорскій край, богатый, по общему мнѣнію, всѣми дарами природы, но еще непочатый и неразработанный. Чѣмъ-то порадуется онъ меня, одного изъ тѣхъ многихъ, кому предлагается онъ, какъ предметъ изысканій, и кому знакомство съ нимъ достается такъ дорого и такъ трудно и зимою, и лѣтомъ? Будутъ ли и здѣсь также словоохотны печорцы, какъ были предупредительно-искренни ко мнѣ дальніе жители дальняго Терскаго берега Бѣлаго моря, или также подозрительно, недружелюбно будутъ смотрѣть на всякій спросъ мой и дѣло, какъ досталось мнѣ испытать это въ другомъ поморьѣ—Кемскомъ и Онежскомъ?..

2. Печорскій князь.

Бхатъ-ли на Печору? — Предупредительные слухи и совѣты. — Лѣтній путь на Печору. — Разсказъ М. Ф. Истомина. — Дорожный случай. — Путь по р. Цыльмѣ. — Свѣдѣнія о князѣ. — Замѣчательная личность князя Е. О. Палавандова. — Его помощь и содѣйствіе. — Его разсказы о А. А. Марлинскомъ (Безстужевѣ), А. С. Пушкинѣ и А. С. Грибоѣдовѣ. — Причина появленія князя на Печорѣ. — Тифлисскій заговоръ. — Грузинскіе царевичи и Додаевъ. — Судъ и приговоръ. — Добрѣйшій лѣсничій. — Его отношеніе къ печорскимъ лѣсамъ. — Безконечные споры устьцылемовъ. — Марья Савельевна. — Устьцылемскій священникъ. — Услуги князя академику Кастрену и слобожанамъ. — Его нравственное значеніе и вліяніе.

Бхатъ ли дальше, на Печору? Стоитъ ли вновь рисковать временемъ и здоровьемъ въ виду того, что работа ограничена срокомъ и суровая зима, видимо, общааетъ встрѣчу съ лютыми полярными морозами?

Эти досадные вопросы тотчасъ же и напросились вновь, какъ только раскинулась по гористому берегу, вообще весьма картинной, рѣки Мезени деревня Вожгоры. Отсюда прямо-таки и начинается зимняя дорога въ эту страну, называемую у мѣстныхъ неученыхъ географовъ „Отдаленной“ и, на самомъ дѣлѣ, представляющую собою край совершенно отдѣленный отъ прочихъ архангельскихъ. Онъ живетъ самобытною жизнью, находится въ зависимости отъ Пермскаго края по торговлѣ и отъ камскаго Сарапульскаго края по хлѣбному продовольствію; съ Архангельскомъ онъ имѣетъ сношенія лишь на короткое время зимою, — лѣтомъ почти совершенно недоступенъ. Десятки лѣтъ серьезно толкуютъ о томъ, чтобы отдѣлить его въ самостоятельный, независимый отъ Мезени уѣздъ, оставивъ почему-то за Архангельскою губерніей.

Начинать изслѣдованія приходится, стало быть, снова и по другимъ пріемамъ, съ обязательными неудачами при торопливыхъ рабо-

тахъ, когда приходится брать не то, что хочется, а то, что дадутъ Христа-ради, на бѣдность. Не очутиться бы и здѣсь въ томъ же безвыходномъ и обидномъ положеніи непрощеннаго гостя, какъ нерѣдко доводилось испытывать въ раскольникѣ Поморѣ. Первое же спутное селеніе на Печорѣ, Усть-Цыльма, населено старовѣрами и, притомъ, точно такими же, которые не ѣдятъ изъ чужой чашки, въ открытую спорятъ о правотѣ своей вѣры и въ ревизскихъ сказкахъ изъ 1,260 душъ мужскаго пола записали $\frac{1}{8}$ часть (250 чел.) незаконнорожденными. Въѣдешь какимъ-то оглашеннымъ,—выѣдешь несолоно хлебавшимъ. Не съ той ноги коренная лошадь тронетъ съ мѣста или ямщикъ съ лѣвой стороны взберется на козла, косою заяцъ перебѣжитъ дорогу—и снова покажется, что всѣ сговорились молчать и столпились тѣсною стѣной, чтобы заслонить самые рѣдкостные, любопытные и поучительные виды.

Подсказываютъ знающіе:

— Печорцы добрѣе, хлѣбосольнѣе, проще и откровеннѣе. Они даже до того простодушны, что купца Вишау, ѣздившаго съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ Пашенкой, приняли за большого человѣка изъ самаго Питера. Когда узнали и увидали, что онъ отлично бѣгаетъ на лыжахъ, еще больше укрѣпились въ своемъ предположеніи, сказавши себѣ и другимъ, что въ Питерѣ большихъ людей учатъ бѣгать на лыжахъ и ламбахъ. „Гдѣ купцу сдѣлать экое дѣло!“ При отправленіи заѣзжихъ въ обратную, народъ собрался толпами, обступилъ ихъ. Одинъ пьяный кричалъ всѣмъ встать на колѣна. Когда лошади тронулись, вся толпа побѣжала черезъ Печору и сдуру кричала „ура“. Долго потомъ не могли разувѣрить народъ въ очевидной ошибкѣ.

Совѣтуютъ тамошніе:

— Непремѣнно надо съѣздить, воспользовавшись случаемъ, когда зима сковала болота и настлала по тундрамъ прямая дороги во всѣ желаемыя стороны. Край—богатый дарами природы, непочатыми и даже неизслѣдованными, крайне любопытный и совершенно неизвѣстный. Очень рѣдко кто его посѣщаетъ иначе, какъ по скучнымъ казеннымъ порученіямъ и служебнымъ обязанностямъ. Въ 1838 году пріѣхали, 26 ноября, по просьбѣ самихъ печорцевъ, слѣдователи, большіе чиновники, которые на Печорѣ не бывали отъ начала міра.

Губернаторы тамъ не бываютъ вовсе, и если который соберется навѣстить, то лѣтомъ, въ досужее время, ѣздитъ на Вологду и на Пермь, оттуда на г. Чердынъ, дѣлая громадную околесицу на большія сотни верстъ. Посѣщеніе архіерея составило эпоху и вызвало легенды, которыя живы до сихъ поръ. Незначительные и пустые, самые обыкновенные случаи приняты за событія чрезвычайной важности и крупнаго значенія. Ихъ хорошо помнятъ и непременно сообщаютъ.

Приходится выслушивать отъ многихъ цѣлый подробный рассказъ о поѣздкѣ епископа холмогорскаго Георгія въ 1831 году, отправившагося не столько по доброй охотѣ для обозрѣнія запечорскихъ приходовъ, сколько по предписанію синода, озабоченнаго въ то время ревностнымъ миссіонерствомъ среди самоѣдовъ при содѣйствіи архимандрита Сійскаго монастыря Веніамина Смирнова (съ 1825 по 1830 годъ).

У одной избушки-кушни для перемѣны лошадей остановился преосвященный со своею свитой. Около повозки суетятся дьяконы, хлопчутъ пѣвчіе. Архіерей не вылѣзаетъ изъ повозки и торопитъ запрягать лошадей. Ему докладываютъ о проѣздѣ старушки, которая везетъ будущаго семинариста поставить подъ архипастырское благословеніе и привычно спрашиваетъ:

— Умѣешь ли ты пѣть?

— Умѣю, да худо.

— Ну, спой что-нибудь, хотя „Святый Боже“.

Мальчикъ молчитъ и заставляетъ повторить приказаніе, но снова продолжаетъ упорно отмалчиваться, тѣмъ болѣе, что большіе и малые пѣвчіе окружили печорскаго дикаря и пощипываютъ.

Георгій, видя замѣшательство совершенно оробѣвшаго ребенка, милостиво и благосклонно говорить съ добродушной улыбкой:

— Экій упрямецъ! Ужо въ семинаріи выучать.

Эта самая семинарія, разрѣшая ученикамъ родомъ съ Печоры отпускъ на лѣтнее вакаціонное время, вынуждена была дозволять его не иначе, какъ на цѣлые полгода, и то разъ или два во все время полного курса ученія. Чтобы добраться туда обычнымъ, самымъ употребительнымъ лѣтнимъ путемъ, по которому до сихъ поръ еще таскаютъ почту, надо истратить цѣлый мѣсяцъ и испытать цѣлый мѣсяцъ и испытать десятки препятствій и сотни приключеній. Второй лѣтній путь съ нижней Мезени отъ села Большія Нисогоры (съ устья Мезенской Пижмы, по этой рѣкѣ до трехверстнаго волока въ Пижму Печорскую и опять въ Цыльму) еще хуже и затруднительнѣе (а потому рѣдко посѣщается).

Посѣщеніе Печоры лѣтомъ—подвигъ; поѣздка туда зимою—обыкновенное дѣло переѣзда по такому тракту, на которомъ выставлены обывательскія лошади. Нѣтъ станціонныхъ домовъ, гдѣ бы можно было отдохнуть, но за то есть избушки, обитаемыя задичалыми зырянами и захудалыми стариками съ Мезени. Можно здѣсь перепачкаться сажей съ головы до ногъ, но, во всякомъ случаѣ, обогрѣть оконченныя конечности. Для прохожихъ людей эти кушни снабжаются на общественный счетъ „бражномъ“ т. е. съѣстными припасами, хлѣбомъ, солью и соленой рыбой въ ведеркахъ.

Такъ успокаивали и уговаривали меня, рисуя контрастомъ лѣтній путь на ту же хваленую и неизвѣстную рѣку.

Говорили:

— Надо пользоваться случаемъ, чтобы не упрекать себя потомъ во всю жизнь. Послушайте-ка, какъ достигаютъ до этой страны лѣтомъ.

Легкимъ способомъ на пинежскихъ карбасахъ, которые всегда готовы къ услугамъ на Архангельской пристани, какъ обратныя, проплываемъ Двиной и рѣкой Пинегой до того волока, который предоставилъ свое нарицательное имя самому городку (названіе города Волокомъ—народное названіе, по рѣкѣ Пинегѣ—официальное и книжное). Собственно пинежскій волокъ, какъ водораздѣлъ, не великъ: маленькую лодченку—долбленную одностеревку можно купить за грошъ и донести на рукахъ до быстрого небольшого ручейка, который превращается на второй день ѣзды въ настоящую рѣку Кулой, а на третій и послѣдній день пути въ необыкновенно широкую рѣку при самомъ устьѣ. Стрѣлой мчится здѣсь лодка, совершенно въ противоположномъ направленіи отъ прямого пути на Печору и рѣшительно въ сторону отъ нея,—прямо на сѣверъ. Въ селѣ Долгощельѣ лодку надо бросить: приводится выходить въ открытое море, огибать берегъ до устья рѣки Мезени и подвергаться случайностямъ. По Мезени полагается плаванія всего 35 верстъ до устья рѣки Пезы, извѣстной всѣмъ по своему знаменитому волоку, второму на пути.

На этомъ водораздѣлѣ рѣкъ, текущихъ въ Бѣлое море, отъ впадающихъ въ Печору и, стало быть, непосредственно въ Ледовитый океанъ, дѣйствительно волокутъ, а не возятъ. Здѣсь народное суевѣріе силится нѣсколько вѣковъ подслужиться практическимъ цѣлямъ, хотя и бесплодно. На могилу богатыря, разбойника Туголукаго, всякій проѣзжій и прохожій обязанъ бросить щепу, вѣтку, камень, но доселѣ не набросали мало-мальски сносной гати: на этомъ болотистомъ перешейкѣ выросъ лишь небольшой холмикъ, аршина два вышины и сажень въ діаметрѣ. Волокъ тянется 15—20 верстъ (по прямой линіи всего семь) и изъ Пезы добираются до него по рѣкѣ Рочугѣ. Самый же пезскій волокъ осиливается при помощи лошадей съ ямщиками. На половину ѣдемъ озерами, соединенными протоками, и въ одномъ лишь мѣстѣ попадаетъ сухой еловый боръ. Весь пригорокъ обросъ мохомъ и усыпанъ иглами хвои такъ, что нога скользить, какъ на паркетѣ. Рѣдко разставлены деревья, какъ въ чищенной рошѣ. Сидя на нихъ, посвистываютъ рябчики; убилъ одного, другой испугался, но далеко не улетѣлъ, а сѣлъ тутъ же на сосѣднемъ деревѣ. Тетерева и пеструхи качаются прямо надъ головами, безбоязненно поглядывая на прохожихъ въ томъ положеніи, которое говоритъ о равнодушіи птицы: либо глупа она, либо глуха, а, можетъ быть, то и другое исправно. Въ первомъ случаѣ она доказываетъ, на сколько дика самая мѣстность, рѣдко посѣщаемая для встрѣчъ и взаимнаго

общенія людей съ ихъ разговорами и перебранками. Во второмъ она оправдываетъ свое названіе, придуманное птицѣ этой въ остальной Россіи (на всемъ сѣверѣ, какъ извѣстно глухаря, называютъ чухаремъ).

На пезскомъ волокѣ лодки втаскиваемъ на сани, настоящія сани на полозьяхъ. Полозья и оглобли — одинъ кусокъ дерева. На концѣ полозьевъ четыре копылица, по два на каждой сторонѣ. Наверху копылица перетянуты сучками; на связкѣ лежатъ доски. Тутъ же подлѣ избушки стоитъ и катокъ или ось съ двумя колесами, весьма неправильными, сплошными кругами. На эти волоки (сани) больше десяти пудовъ не кладутъ. Съ ними волочемся мы по мокрой болотистой грязи и ослизлой травѣ, чтобы во-очію не утрачивала буквального значенія историческая поговорка, что и лѣтомъ на санихъ воеводу возимъ. Разъ отпряжемъ лошадей и плывемъ изъ одного озера въ другое протоками на лодкѣ, а въ другой разъ ведемъ лошадей по худо намѣченной и едва протоптанной тропѣ, и тащимся такъ-то до рѣчки Чирки. Здѣсь опять стоитъ и дожидается насъ другая казенная избушка на курьихъ ножкахъ и объ одномъ окошкѣ, — задымленная и прокопченная насквозь кушняя. Другихъ дорогъ нѣтъ и единственная обязательно должна привести сюда. Изъ бору дорожка вышла прямо въ болото, на которомъ была когда-то гать, а черезъ ручеекъ мостикъ. Все это погнило, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли и послѣдніе слѣды пути. Сбиться съ него, выйдя изъ живой цѣпи опытныхъ провожатыхъ, и зайти за края того кольца, гдѣ еще можетъ быть дѣйствительнымъ и сильнымъ человѣческій голосъ, при помощи лѣсного эхо, — значитъ заблудиться и погибнуть.

— Я ѣхалъ съ бабушкой домой въ Ижму, — рассказывалъ Мих. Оед. Истоминъ, съ полнымъ успѣхомъ и много поработавшій съ пользою для родного края, заслуживающій благодарности и ожидающій справедливо оцѣнки, какъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей отечественной мѣстной печати.

— У бабушки моей, сверхъ необходимаго барахла (всякаго скарба и носильнаго платья), былъ еще ящичекъ, въ который она наклала всякой ненужной дряни, лоскутковъ и тряпья. Ямщики даромъ насъ не везутъ черезъ волокъ: просятъ 20 рублей асс., а денегъ у насъ нѣтъ. Что тутъ дѣлать? Надо хитрить. Я завелъ рѣчь о пороховыхъ заводахъ, сказалъ, что много ихъ сгорѣло, и порохъ сильно вздорожалъ, даже и нѣтъ его въ продажѣ: самой казнѣ недостаетъ пороху. Мужики заахали, а это мнѣ и нужно было. Дѣло въ томъ, что я везъ фунта три пороху. „Вотъ, — сказалъ я, — много ли тутъ, а я заплатилъ 30 р., да и то едва-едва досталъ черезъ людей“. Мужики взмолились: „дай намъ сколько-нибудь!“ Предложилъ его ямщикамъ, — они и согласились везти насъ. Надъ бабушкинымъ ящикомъ залома-

лись. У меня съ ней вышелъ споръ. Я хочу, чтобы всю эту дрянъ бросить, а бабкѣ жалко. Тогда я взялъ ящикъ и бросилъ его въ рѣчку. Она разсердилась, не молвила ни слова и исчезла въ лѣсу. Я подумалъ, что она пойдетъ черезъ волокъ, и самъ потянулся имъ слѣдомъ за другими. Мы пришли къ Чиркѣ, а бабушки тамъ нѣтъ. Рѣшили, что она либо пошла стороной, либо заблудилась, либо съ намѣреніемъ не выходить изъ лѣсу, чтобы дать внуку урокъ. Однако, ждать-пождать, а старухи все нѣтъ. Я влѣзалъ на высокія ели, смотрѣлъ кругомъ, клигалъ, — не было отвѣта, только эхо гудѣло въ лѣсу. Стемнѣло. Мы такъ и положили, что старуха заблудилась. Можетъ, она явится утромъ. Не то намѣревались поискать. Ямщикамъ надо было ѣхать обратно, но они остались съ нами почевать. Памятна мнѣ была эта ночь! Холодно, сыро: какъ ни стараешься укутаться, сырость и вѣтеръ берутъ свое, а печь въ избѣ нетоплена, окна повыбиты. Я не могъ сомкнуть глазъ: чего-чего не передумалъ! Жаль было бабушки, и я горевалъ ужасно.

— Напросился незваннымъ покойный мужъ ея и дѣдъ мой, священникъ Іоаннъ Истоминъ, погибшій на этомъ самомъ мѣстѣ изъ виду и на глазахъ этой же самой бабушки, въ 1806 году, въ Троицынъ день. Печальный фантастическій образъ его такъ и возсталъ передо мною и не давалъ во всю ночь сомкнуть глазъ. Не его ли тѣнь вызвала и мою старуху, или она сама услышала его голосъ и пошла на милые, забытые звуки? Вотъ какъ дѣло было. Епархіальному архіерею сдѣлали доносъ на дѣда, будто бы онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми крестьянами, ходилъ на медвѣдя. Не знаю, справедливъ ли былъ этотъ доносъ, но не могу и не сомнѣваться. По преданію, дѣдъ былъ человѣкомъ общительнымъ, откровеннымъ, веселаго характера и могъ быть за панибрата съ зырянами. Къ тому же онъ былъ одаренъ необыкновенною силой, которая могла во всякое время, особливо подъ хмѣлкомъ, соблазнить его потягаться съ медвѣдемъ. Какъ бы то ни было, но преосвященный потребовалъ его къ отвѣту и по тому суровому времени и безконтрольной деспотической власти могъ, дознавшись вины и не слушая никакихъ представленныхъ оправданій, обрить ему полголовы и полбороды. Такъ уже и случилось это съ однимъ его предмѣстникомъ, забѣжавшимъ, со страху, послѣ такой резолюціи, въ скиты раскольниковъ Топозера. Для дѣда на ту пору стояло время лѣтнее, но путь былъ трудный. Когда бабушка уговорила мужа взять ее съ собою, онъ не прекословилъ. Отправившись, тянулись бичевой, ѣхали на шестахъ по Цыльмѣ, рѣкѣ быстрой и порожиистой. Спускаться съ пороговъ опасно и трудно, а подниматься еще труднѣе и опаснѣе. Греблей нѣтъ возможности не только подвигаться впередъ, но и держаться противъ быстрины. Такое плаваніе возможно лишь тамошнимъ бывалымъ пловцамъ. Съ ними вошли наши путники въ

рѣку Чирку, мелкую, каменистую и быструю, а по ней черезъ 25 верстѣ добрались и до пезскаго волока. День былъ ясный и теплый. Чирка сверкала и прыгала по камнямъ. Пробѣжить она въ одномъ направленіи сажень пятьдесятъ, много сто,—и своротить въ сторону. Доплыли путники до порога Кременцы. Разлился онъ почти на версту: отыскала вода межъ грудами каменьевъ проходецъ и несется съ ужасною быстротой. Спуститься по такому сливу опасно: того и гляди наскочить лодка на камень и быстеръ окружить и залить ее. Вотъ около этого-то мѣста вдругъ дѣдъ мой приподнялся въ лодкѣ и сталъ прислушиваться. Въ лицѣ его произошла перемѣна: вступила кровь и глаза засверкали. Онъ долго и чутко прислушивался къ чему-то. Потомъ тихонько сказалъ женѣ, что ему изъ лѣсу слышится отдаленный звонъ, ясно доносясь даже звуки нѣсколькихъ колоколовъ. Моя бабушка сомнительно покачала головой: откуда могъ быть слышенъ колокольный звонъ, когда кругомъ на двѣсти верстѣ совершенно мертвая пустыня? Но дѣдъ стоялъ на своемъ. Велѣлъ онъ ямщикамъ пристать къ берегу. Выходить дѣдъ на гору, уходить въ лѣсъ, сказавъ бабушкѣ, что провѣдаетъ, гдѣ звонятъ, и тотчасъ воротится. Ждутъ часъ, ждутъ другой, ждутъ цѣлый день,—опальнаго дѣдушки нѣтъ, какъ нѣтъ. Пошли искать въ лѣсъ въ разныя стороны. Искали недѣли двѣ, тужили, но не нашли никакого слѣда. Только нашли его шляпу: висить на сучкѣ. Вернулись, наконецъ, домой, хоть и страшно стало: станутъ спрашивать, куда дѣли дѣда. Изъ Ижмы тотчасъ же отправлена была партія для поисковъ, но и она возвратилась безъ успѣха: старикъ исчезъ безъ всякаго слѣда. Только въ послѣдствіи ижемскіе богомольцы, ходившіе въ Соловецкій монастырь, рассказывали, будто они видали его тамъ въ числѣ схимниковъ. Узнавали же его по бородавкѣ на лбу и проч.; другіе будто бы даже разговаривали съ нимъ. Все это не имѣетъ признаковъ достовѣрности. Одинъ Богъ знаетъ, что случилось съ дѣдушкой!

— Вотъ теперь, видимо, дошелъ чередъ и до бабушки, подумалъ я. Заныло у меня сердце. Лежу не сплю, сдумаю и вскочу съ мѣста,—сильно боюсь я того, что вотъ - вотъ и мнѣ, въ свою очередь, послышится роковой колокольный звонъ. Что-то похожее ужъ и мерещилось, да настало утро. Всѣ проснулись и рѣшили разойтись по лѣсу искать старуху. Мои спутники, ямщики, разумѣется, боялись ответственности: какъ страшно придралась бы къ нимъ земская полиція,—Боже упаси! Бродили въ лѣсу до полудня, но тщетно. Я былъ въ отчаяніи, прочіе въ тревогѣ. Наконецъ, подъ вечеръ явилась наша старушка, еле жива, въ грязи, въ лохмотьяхъ, въ крови. Всѣ обрадовались, что еще жива. Пошли разспросы: что и какъ? Она рассказала, что пошла сначала по дорогѣ, потомъ—около озера, гдѣ тропинка едва замѣтна, и сбилась съ пути. Побрела она цѣликомъ по болотамъ, по лѣсу: шла

цѣлый день до поздняго вечера. Когда ужъ совсѣмъ выбилась изъ силъ, то сѣла подѣ дерево, перекрестилась и стала ждать смерти: думала, что съѣдятъ ее звѣри, какъ и покойнаго мужа. Ночью слышала вблизи вой волковъ и ревъ медвѣдей. Настало утро, она опять пошла, куда глаза глядятъ, питалась ягодами, рвала малину, ѣла красную и черную смородину, собирала морошку и сдыху (гонобобель). Около полудня заслышала голоса. На нихъ-то и потянулась она прямо болотами и непроходимую чащей. Сучья изхлестали все лицо въ кровь, изорвали платье въ клочья. Вотъ и добралась до насъ. Тутъ и вся исторія!..

Добытая нашими усилями и медвѣжьимъ терпѣніемъ, рѣка Чирка—не рѣчка, а ярый потокъ, сплошной, флокочущій порогъ, усѣянный каменьями. Между ними лодка мчится стрѣлой и выносятся въ Цыльму, также не широкую, также порожистую, но болѣе степенную и сравнительно смирную. Пороговъ на ней множество, и иные изъ нихъ весьма опасны. Страшно, однако, то обстоятельство, что отъ послѣдней деревни по Пезѣ до деревни Носовой на Цыльмѣ, на разстояніи почти 300 верстъ, нѣтъ селеній. Рыбы въ Цыльмѣ пропасть, да некому ее ловить. Изрѣдка, гдѣ-нибудь на берегу, встрѣтится жильѣ, и то не селеніе, а какой-нибудь одинокій крестьянскій домъ, по бѣльшей части раскольничій: въ двухъ углахъ образа; передъ восточнымъ угломъ налой, на немъ старопечатная псалтырь; тутъ же писаныя святцы, поученія Златоуста, кожаныя лѣстовки. Рожь сѣютъ рѣдко,—сбиваетъ морозъ,—житная (ячменная) мука своя, ржаную покупаютъ. Живутъ больше промысломъ рыбы. Одна хозяйка подшутила: „Вотъ мы каковы: роду мы большого, кореня толстова, отпить-отѣбсть не у кого!“ Цыльма чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ глубже; пороговъ нѣтъ; берега становятся ниже; скотъ попадаетъ все болѣе комолай (безрогій). Исчезаютъ лѣса и замѣняются пожнями... Плыли мы по Цыльмѣ безъ малаго недѣлю, до села Усть-Цыльмы, но тутъ уже своя сторона. Оставалось до Ижмы только сто верстъ—рукой подать!

Въ самомъ дѣлѣ, — рѣшилъ и я, въ свою очередь, про себя, — послѣ тѣхъ пространствъ, которыя удалось сдѣлать прежде, что значать 230—250 верстъ, конечно, неизвѣстно какихъ: старинныхъ ли семисотныхъ, или нынѣшнихъ пятисотныхъ, вѣрнѣе — вымѣренныхъ пословичною бабьею клюкой? Конечно, послѣ свѣжихъ опытовъ, не въ разстояніи заключается дѣло, и даже не въ той тысячѣ верстъ, которыя объявятся на самой Печорѣ и сдѣлаются сверхъ сыта обязательными тамъ. Лишь бы не сыграть въ пустую, оставшись одинокимъ и безпомощнымъ. Не очутиться бы тамъ въ томъ глупо-комическомъ

положеніи, которое наивно рисуетъ безграмотное либретто безсмертной оперы Глинки, при буквальномъ смыслѣ аріи: „Въ поле чистое гляжу, вдоль по рѣкѣ очи вожу“? Забираться ли въ такую глухую даль?

Этотъ страшный вопросъ неотступно преслѣдовалъ, несмотря даже на то, что со всѣхъ сторонъ и всюду увѣряли въ одномъ:

— Тамъ князь, вы прямо къ нему! Добрѣйшій онъ человѣкъ!

— Князь у нихъ въ цареву мѣсто, надо такъ говорить по Божьему, — объявляли мезенцы.

— Что князь велитъ, то все и сдѣлають! — говорили еще въ Архангельскѣ.

Такими совѣтами напутствовали меня отъ самаго Архангельска на всей счетной тысячѣ верстѣ.

Черезъ два дня на третій я былъ уже на этой Печорѣ, въ селѣ Усть-Цыльмѣ (когда, наконецъ, рѣшился пуститься въ Отдалену, хотя она и не входила вовсе въ казенную программу командировки). Въ отводной избѣ, жарко натопленной, очумѣлый, заспавшійся старикъ, слѣзая съ печи и спускаясь по приступкамъ, ворчалъ на большуху:

— Ишь, какъ нажарила сдуру, ребро за ребро задѣваетъ, — столь тяжело!

— Чай, вѣдь, онъ намерзалъ четверы сутки, — отвѣчала она, ссылаясь на меня, когда я уже успѣлъ развязать свой чемоданчикъ, оттаять замерзшія въ походной черниленкѣ чернила и развернуть странички своего дневника, чтобы вписать въ него на память эти первыя привѣтствія печорцевъ слово въ слово.

Тѣмъ временемъ старикъ успѣлъ испить квасу, потянуться, очухаться, обчесаться. Онъ пришелъ въ себя и заговорилъ:

— Ты, чай, до князя пріѣхалъ? Куда больше, не къ кому!..

И позвѣнулъ.

— Мимо нашего князя никому не проѣхать! — вмѣшалась хозяйка.

— Добрый онъ у насъ, — такой добрый, что лучше намъ и не надо! — подкрѣплялъ старикъ.

— Пошто не добрый! Не нажить намъ другого такого! — поддакнула толстая, вся въ пестрыхъ ситцахъ, большуха.

— Этотъ человѣкъ, — толковалъ дѣдъ, — долго будетъ на людскихъ памятяхъ! Съ богатыми онъ богатый, съ нужными (бѣдными) нужный.

— Онъ у насъ, батюшка, — продолжала словоохотно болтать хозяйка, — захворалъ онагдысь. И такъ его круто свернуло, что днями лежитъ и горитъ. Недѣлями ужъ мы стали считать, а онъ все, свѣтъ нашъ, что бревнушко лежитъ и не шелохнется. Сдумали мы, что онъ, зная, помирать собрался, не отойти ему. Кое-какія изъ бабъ тыхъ

саванъ ему стали шить. Всполохнулись мы тогда всѣ. Все село на ноги поднялось. Страху всѣ дались, какъ бы и впрямъ онъ не померъ. Что мы тогда безъ него?

— Бабы совѣтъ такой промежъ себя собрали и положили лѣчить его, — перебилъ, улыбаясь, старикъ. — Скажи-ко теперь сама, какъ вы лѣчили его?

— Да, вѣдь, и вылѣчили же, — молитвы читали! Съ нашего - то дѣла, съ того самого дня, ему и отпустило. Раздышался онъ, почалъ въ себя приходить, и вздынулся. Здоровъ, вѣдь, теперь. Была у него огнёва (горячка или нынѣшній тифъ), отъ которой люди въ себя не приходятъ и помираютъ въ забытьѣ. Объ стѣну она не бьетъ, а держитъ плашмя и все нутро огнемъ выжигаетъ. Одинадцать сестеръ у этой болѣсти, она двѣнадцатая: лихманка, трясуха, гнетуха, ломовая, маяльница...

— Онъ что сдумали-то, бабы-то, — перебилъ снова дѣдъ.

— Сколько васъ было?

— Десятка два набралось.

— Вотъ всѣмъ-то этимъ суеомъ онъ принесли ушатъ холодной воды полнехонькій. Подкрались къ князиной кровати сзади, да и окатили его: весь ушатъ вылили, сколь онъ ни великъ былъ. Такъ весь и бухнули на князеньку нашего.

— Пять бабъ волокли, да еще двѣ подхватывали и опрокидывали, — подтвердила большуха.

— Это она правду говоритъ, что сталъ съ того дня князь поправляться, съ этой самой со глупости-то съ бабьей. Не то онъ болѣсть ту напугали, не то сама она ихней затѣи испужалась, — Богу вѣдомо! Однако, вышло изъ князя все зло коренье. Сгило оно и пропало: чистъ сталъ!..

— Вотъ, теперь ты, хозяйка, рассказывай, какъ это вамъ въ голову вошло снадобье такое. Ну, да ладно, я самъ расскажу... На суемъ бабы стояли и такой совѣтъ держали. Всѣмъ бы князь святой человѣкъ: одно поганить его. За это самое, видно, Богъ разсердился и наказуетъ этакую приткой. Не истовымъ крестомъ князь молится, а никоновою щепотью, которой и табакъ въ носъ пихаетъ. Дай, освятимъ! Перекрестить его надо, можетъ-де онъ, по своей-то землѣ, и обливанецъ еще. Стали по требнику начитывать, со своими молитвами въ горницу вошли. И когда изъ ушата ухнули, эти самыя молитвы читали на голосъ. Поди разговоры ихъ теперь, что онъ сталъ не ихней вѣры! Теперь, говорятъ, вовсе онъ нашъ сталъ, какъ бы и совсѣмъ прирожденный. Господа, однако, смѣются князю, да и онъ таково-то кротко на ихъ слова отсмѣивается. Въ церковь онъ, по-прежнему, ходитъ, такъ это, вишь (толкуютъ бабы), для начальства, страха ради іудейска. Ничѣмъ ихъ не спятишь съ того, что забрали въ голову.



Вотъ и добрые признаки въ этой добродушной откровенности, обращенной ко мнѣ, безъ всякаго съ моей стороны вызова, хотя бы даже случай этотъ и былъ уже мнѣ извѣстенъ въ Архангельскѣ, и самъ князь подтвердилъ его. Дѣйствительно, женщины силкомъ ворвались къ нему, сбивши съ ногъ слугу и заранѣе подговоривши въ свой заговоръ княжескую кухарку. Операція рѣшена была полнымъ консилиумомъ всего устьцылемскаго бабьяго царства (женщинъ, сказать мимоходомъ, по всему Архангельскому краю, включительно до маленькихъ дѣвочекъ, зовуть „жонками“, на Печорѣ же господствуетъ общерусское слово „бабы“).

Весело глянулось на другой день на Божій свѣтъ, хотя послѣдній на то время (въ декабрѣ) обозначался лишь сумерками: знать, и лошади принимали узенькую дорожную кибитку мою съ правой ноги, и заяцъ не перебѣгалъ дороги, и ямщикъ не садился на козлы, а громоздился на переднюю лошадь, такъ какъ мы принуждены были всю дорогу ѣхать гусемъ. Дорога шла такъ называемою Верхнею Тайболой—обширными сплошными лѣсами, исконною глушью, гдѣ, на огромномъ просторѣ, мѣстами залегли болота, замерзающія поздно, лишь на лютыхъ морозахъ, мѣстами разлились озера, казавшіяся на то время сѣвными полянами. Тамъ, гдѣ дорога вступала въ еловые и сосновые лѣса, среди которыхъ располагались красивыя и стройныя лиственницы (иногда сплошными рощами, но чаще вкрапленными въ борахъ отдѣльными насаженіями или кущами), дорога имѣла подобіе совершеннаго корыта. Его выколотили земскіе лошади копытами, и оно давало собою, все-таки, скорѣе тропу, чѣмъ дорогу. Она самыми причудливыми колѣнами извивалась между гигантскаго роста деревьями, среди которыхъ лиственницы имѣли до первыхъ случаевъ по 7 сажень въ вышину. Дорога лежала гладкимъ полотномъ лишь тамъ, гдѣ попадались калтусы—не слишкомъ вязкія болота, отчасти покрытыя водою даже среди лѣта, и веретѣи—чистыя площадки, не заросшія деревьями или кустарниками.

Охотно, съ добрыми надеждами, шелъ я на свиданіе съ княземъ, вспоминая прошлыя дни неудачъ и приемы богачами и вліятельными людьми въ Поморѣ. Бывало, всегда выходило какъ-то такъ, что на первыхъ шагахъ въ новомъ селеніи я попадалъ прямо на шахматные поды верхняго этажа этихъ богачей, а не въ иную, побѣдище, избу. Кормщикъ, управлявшій рулемъ почтоваго карбаса и замѣнявшій, такимъ образомъ, ямщика, передавалъ меня слѣдующему, съ очевиднымъ наказомъ—проводить въ такое мѣсто, куда приказано гдѣ-то и кѣмъ-то, оставшимся назади и невѣдомымъ. Такова, значитъ, сила подорожной по казенной надобности, съ прибавкою печатнаго указа губернскаго правленія. При входѣ въ домъ тотчасъ же начинается угощеніе. Богачъ въ Ковдѣ, Матвѣй Ивановичъ Клементьевъ, хлопот-

ливо суетится около самовара самолично. Возвращаясь въ комнату, низко кланяется и усердно старается угостить каменными баранками, пряниками, гнилыми орѣхами. Видимо, любитъ онъ принять заѣзжихъ гостей (думалось мнѣ), но на повѣрку оказалось, что онъ человѣкъ замѣчательной скаредности и зараженъ язвою стяжанія новыхъ прибитковъ въ наибольшей степени сравнительно съ прочими. Прижимистъ онъ и неподатливъ; ни на какія уступки не ходитъ и чужими бѣдами не возмущается. Онъ даже прославился тѣмъ, что охотно откупалъ бѣдняковъ отъ рекрутства и затѣмъ забиралъ ихъ къ себѣ въ кабалу, заставляя работать на себя за 50 руб. асс. въ годъ, при своей одеждѣ. При этомъ онъ требовалъ еще перекрещиванья и обязывалъ купить для питья особую чашку и держать ее всегда при себѣ. Словно эта вѣра—его личный капризъ и придурь, изъ-за которой бѣдники должны гнуться въ три погибели, молиться затребованнымъ старымъ крестомъ. Гдѣ-нибудь за глазами они, все-таки, пускаютъ въ обѣ ноздри табачный дымъ и чокаются въ кабакахъ артельными шкаликами и стаканчиками. Этотъ Клементьевъ такъ и ходилъ за мной, чтобъ я не пошелъ смотрѣть, хотя бы невинный заборъ, устроенный для ловли семги. Прислушивался онъ къ моимъ разговорамъ и разспросамъ, предупреждалъ своими отвѣтами тѣ вопросы, которые обращалъ я къ рабочимъ промышленникамъ. Онъ такъ и не выпустилъ меня изъ плѣна, буквально не спуская со своихъ глазъ. Савинъ въ Керети повыступилъ совершенно въ такой позѣ, въ какой, въ знаменитой картинѣ правдиваго Ѳедотова *Сватангѣ маіора*, представленъ отецъ невѣсты: вырядился въ непривычную долгополую нарядную сибирку и даже нижнюю пуговку еще не успѣлъ застегнуть. Какъ будто бы Савинъ заробѣлъ: „есть чему (объясняютъ),— онъ свѣженькій Ѳедосѣевецъ, еще не обсохъ отъ втораго крещенія, которое совершилось надъ нимъ тамъ, въ корельскихъ скитахъ, кажется, на Тѣпозерѣ“. Понуждался я въ сельскомъ начальствѣ для помощи,—Савинъ послалъ за нимъ своего парня. Пришедшая власть поклонилась сначала ему, хорошо разумѣя, что позванъ пріѣзжимъ человѣкомъ, съ которымъ еще не видался. На предлагаемые вопросы, онъ, собираясь отвѣчать, сначала читалъ въ глазахъ богача раболѣпно, покорнымъ и робкимъ взглядомъ, отыскивая рѣшеніе:

— „Какъ повелить говорить твоя милость? Не провратъся бы, не прогнѣвить тебя, нужнаго человѣка: съ тобой вѣкъ изживать, а налетовъ-то этихъ ѣздитъ довольно,—на всякаго не угодишь“.

Въ одномъ случаѣ, при такомъ же замѣшательствѣ въ отвѣтахъ, Савинъ не выдержалъ-таки и замѣтилъ оробѣвшему:

— „Говори же, братецъ, что знаешь и какъ дѣло понимаешь, ты это долженъ!.. Что ты на меня-то палишь глаза?“

Игра на этотъ разъ велась уже до того открыто, что мнѣ становилось не столько досадно и обидно, сколько смѣшно. Чего тутъ, въ самомъ дѣлѣ, скрывать на этомъ семужьемъ заборѣ, на этой ловлѣ сѣтью—гарвою? Знай-болтай: сколько запущено вершей, какъ зовется продольное колье и какъ поперечное, когда ставятъ гарву и зачѣмъ ее не принимаютъ на Терскомъ берегу, — чѣмъ она тамъ не удобна? Сказывай знай: чего жалко? Экіе секреты!

Оказалось, однако, что безъ разрѣшенія Савина сельская власть на полное исполненіе моихъ просьбъ была не властна. Богачъ, за расколъ, не будучи ни старшиной, ни головой, оказался потомъ настоящимъ начальникомъ. На подножномъ корму, выращенномъ и приготовленномъ бѣдняками, а въ томъ числѣ и этимъ, избраннымъ въ начальство за безсиліе, онъ отпаивалъ, откармливалъ и опускалъ до колѣнъ свое чужеродное пузо. На этомъ самомъ Корельскомъ берегу, бывало, то и дѣло лѣзутъ поморы съ жалобами на притѣсненія: „большой начальникъ ѣздитъ“.

Поморы вообще не прочь попечалиться на горькую долю, но жалобы строить на общихъ невзгодахъ, зависящихъ отъ мѣстныхъ причинъ: отъ агличана, приходившаго разорять берега во время крымской войны, отъ суроваго предательскаго климата, отъ норвеговъ, безъ спросу вылавливающихъ на нашихъ берегахъ треску, и т. п. За то поморы Корельскаго берега вдвое, вчетверо докучливѣе жалобами противъ прочихъ сосѣдей и такъ, что самыя просьбы ихъ перестали уже давать темы для разспросовъ и служить путеводною нитью при изслѣдованіяхъ быта и нравовъ; просьбы и жалобы были слишкомъ личными, въ тѣсныхъ рамкахъ единичнаго интереса. Просто таки жмутъ ихъ и надавливаютъ богатые монополисты, каждаго по-своему и всѣхъ за одно. Брошенное письмо валялось въ коробѣ съ древними рукописями, принесенными на показъ. Пожелавъ познакомиться съ письменнымъ стилемъ поморовъ, я развернулъ письмо и прочиталъ: „М. г. Иванъ Андреевичъ! Желаю вамъ здравствовать! Съ наступающимъ лѣтомъ поздравляемъ. Симъ васъ прошу покорно сходить къ Ивану Сущинину и получить по моему регестру денегъ три рубля. Если не отдастъ, то нажми. Скажи ему, что я буду просить становаго, чтобы онъ выслалъ его ко мнѣ, и вы попросите Назара Васильича моимъ словомъ: нельзя ли его выслать ко мнѣ для разсчета? Если вамъ не отдастъ, меня увѣдомить. Проситель А. Тукачевъ. Прошу меня объ обстоятельствахъ увѣдомить. Писать про себя нечего, а пишемъ ради вѣсти, что нагрузились сухой рыбой и идемъ въ Архангельскъ“. Въ другомъ мѣстѣ лѣзетъ ко мнѣ проситель съ такою просьбой:

— Миръ на море отпустилъ, а становой доржить. И билетъ отъ головы и отъ писаря есть; въ карманѣ лежитъ. Пали слухи, что на

Мурманъ рыбы не выгребешь, а рукъ мало. Поведи, какъ мнѣ быть?

Избитыя пѣсни, надоскучившія и измучившія своимъ рѣжущимъ уши и надрывающимъ сердце тономъ, непрощенными снова пришли на память, когда я шелъ знакомиться съ княземъ. Кого въ немъ встрѣчу?

Вотъ и самъ печорскій князь налицо, когда я въ безпорядочно раскиданномъ, но очень большомъ селѣ Усть-Цыльмѣ, на площадкѣ противъ церкви, нашелъ двухъэтажный домъ, одинъ изъ лучшихъ и выдѣляющихся въ слободѣ. Домъ этотъ казенный, предназначенный для квартиры лѣсничаго, въ должности котораго и состоялъ въ то время этотъ, столь всемъ извѣстный, любимый и расхваленный человекъ. Въ Пинегѣ, на Никольской ярмаркѣ, отъ всякаго печорца въ числѣ первыхъ опросовъ требовался отвѣтъ: „все ли по здорову князь поживаетъ?“ Всякій хорошо зналъ, что ни одинъ ижемецъ не проѣзжалъ мимо безъ того, чтобы не повидаться съ княземъ, не поклониться ему, лишь бы только лежалъ этимъ людямъ путь черезъ Усть-Цыльму.

Передо мной стоялъ небольшого роста, живой и подвижный старичокъ (ему было лѣтъ подъ 60) въ бѣличьемъ архалучкѣ, — бабій любимецъ и кумиръ. Онъ привѣтливо, очень мягко и ласково улыбается мнѣ черными глазами. Надъ густыми усами ярко выдѣлялся круглый восточный носъ грузинскаго типа. Это и былъ тотъ самый князь Евсеѣй Осиповичъ Палавандовъ, къ которому обращаются теперь мои запоздалыя воспоминанія.

Онъ сейчасъ же и обогрѣлъ меня теплымъ привѣтомъ. Сказалъ, что поджидалъ со дня на день и кое-что успѣлъ уже приготовить изъ того матеріала, который можетъ пригодиться для знакомства съ краемъ: пѣсельницу хорошую разыскалъ, знаетъ такую женщину, которая свадебные порядки умѣетъ вести, и уже подговорилъ ее рассказывать, когда я приѣду. Теперь ждетъ лишь прямыхъ указаній, что еще нужно для моего дѣла, и чѣмъ еще можетъ помочь.

Едва мы успѣли обговориться и поосмотрѣться, какъ Евсеѣй Осиповичъ поспѣшилъ сообщить мнѣ то, что по званію моему, прописанному въ подорожной, казалось для меня близкимъ и интереснымъ и что въ томъ или другомъ видѣ сохранилось въ запасахъ его памяти. Живя въ Тифлисѣ, онъ слыхалъ про Марлинскаго, знавалъ Грибоѣдова, лично видалъ А. С. Пушкина. Самъ былъ онъ тогда очень молодымъ юношей, съ ограниченнымъ, какъ грузинъ и тифлисскій житель, наблюдательнымъ кругозоромъ. Послѣдующая судьба и суровая жизнь могли лишь разсѣять и малые запасы свѣдѣній, изношен-

ныхъ въ теченіе тѣхъ трехъ десятковъ лѣтъ, которые протекли со времени любопытныхъ тифлискихъ встрѣчъ. Конечно, онъ могъ сообщить уже не многое, лишь кое-что болѣе рѣзко запечатлѣнное. Отдавшись благодарнымъ воспоминаніямъ о добромъ князѣ, я не могу замолчать его рассказы, какъ своеобразные, какъ рассказы очевидца. Я занесъ ихъ въ дневникъ, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ. Записалъ я тотчасъ же, какъ представилась свободная минута по выѣздѣ изъ Усть-Цыльмы на сѣверъ Печоры въ Пустозерскъ и далѣе, на печорскомъ Мыцкомъ островѣ, въ деревушкѣ Хавринской, представляющей собою недавній выселокъ изъ слободы. Это былъ одинъ изъ тѣхъ, на которые охотливы устьцылемы, населявшіе малыми починками, превратившимися потомъ въ небольшія деревеньки, всѣ болѣе или менѣе значительные и подходящіе притоки Печоры. Въ Хавринской всего два дома, да два такихъ же остались назади въ нѣкоторомъ разстояніи. Въ выселкахъ Усть-Цыльмы засѣвають жита (ячменя) пудовъ по десяти на душу, да по пуду ржи, но держатся на своихъ мѣстахъ больше промысломъ,—давятъ петлями рябчиковъ, ловятъ рыбу:

— „Живемъ все больше рыбкой; не сами себя кормимъ, Богъ насъ кормить. Когда у насъ пола мокра, такъ и брюхо сыто“.

Иные въ щельяхъ (каменные кручи, отсѣчины на рѣчныхъ берегахъ, отъ которыхъ и большая часть названій тамошнихъ селеній) ломаютъ брусняной камень и эти точильные брусья продаютъ чердынцамъ по 15—20 коп. за пудъ. Бруса въ щельѣ много, лишь бы покупали.

О Марлинскомъ (А. А. Вестужевѣ) князь Палавандовъ передавалъ мнѣ извѣстную легенду, сложившуюся на Кавказѣ и облетѣвшую всю Россію, когда имя романиста повсюду гремѣло и онъ былъ любимцемъ всей читающей публики.

— Живя въ Тифлисѣ, числился Марлинскій рядовымъ, но не служилъ. Всѣ его любили. Постоянно ходилъ онъ въ венгеркѣ; жилъ вмѣстѣ съ сумасшедшимъ братомъ. Ему разрѣшено было писать и печатать, но не иначе, какъ подъ псевдонимомъ Марлинскаго. По настоянію какого-то негодяя-полковника, Паскевичъ вскорѣ уславъ его на Кавказъ въ горы, въ дѣйствующія войска. По самымъ вѣрнымъ слухамъ, тамъ полюбили его мирные черкесы, и трое изъ нихъ дали возможность собраться и проводили въ горы. Что тамъ съ нимъ стало, — въ Тифлисѣ не было извѣстно.

Всѣхъ яснѣе напечатлѣлся въ памяти Евг. Осип., конечно, образъ нашего великаго поэта.

— Наша грузинская аристократія любила блескъ и пышность. Ради удовольствій готова была разориться (что и случалось при князѣ Воронцовѣ). Роскошничала сломя голову, неводержжно, съ увеличе-

ніемъ. При этомъ не только не лишена была чванства, но считала за честь кичиться княжескими титулами. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ многіе роды вели свое происхожденіе прямо-таки отъ царей Вахтанга V и Георгія. Внуковъ послѣдняго, отдавагося Россіи со всею страной въ 1800 г., особенно ласкали и баловали. Попасть въ княжескіе дома не легко было, развѣ ужъ тотъ человѣкъ былъ близокъ по родству или другимъ святемъ съ главнокомандующимъ. Можете вообразить себѣ, какой роскошный пиръ приготовили въ Тифлисѣ въ честь новаго намѣстника, графа Паскевича! За почетнымъ обѣдомъ, между прочимъ, для парада прислуживали сыновья самыхъ родовитыхъ фамилій въ качествѣ пажей. Такъ какъ и я числился въ такихъ же, то также присутствовалъ тутъ.

— Я былъ пораженъ и не могу забыть испытаннаго мною изумленія: рѣзко бросилось мнѣ въ глаза на этомъ обѣдѣ лицо одного молодого человѣка,—я его какъ сейчасъ вижу передъ собою въ подробностяхъ. Онъ показался мнѣ съ растрепанною головою, непричесаннымъ, долгоносимъ. Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ жилетѣ. Послѣдній былъ испачканъ такъ, что мнѣ показалось, что онъ нюхалъ табакъ (князь Палавандовъ особенно настаивалъ на этомъ предположеніи). Онъ за столъ не садился, закусывалъ на ходу. То подойдетъ къ графу, то обратится къ графинѣ, скажетъ имъ что-нибудь на ухо,—тѣ засмѣются, а графиня просто прыскала со смѣха. Эти штуки составляли потомъ предметъ толковъ и разговоровъ во всѣхъ аристократическихъ кружкахъ: откуда взялся онъ, въ какомъ званіи состоитъ и кто онъ такой, смѣлый, веселый, безбоязненный? Все это казалось тѣмъ болѣе поразительнымъ и загадочнымъ, что даже генералъ-адъютанты, состоявшіе при кавказской арміи, выбирали время и добрый часъ, чтобы ходить къ главнокомандующему съ докладами, и опрашивали адъютантовъ о томъ, въ какомъ духѣ на этотъ разъ находится Паскевичъ. А тутъ,—помилуйте!—какой-то господинъ безнаказанно заигрываетъ съ этимъ звѣремъ и даже смѣшитъ его. Когда узнали, что онъ русскій поэтъ, начали смотрѣть на него, по нашему обычаю, съ болѣею снисходительностью. Готовы были отдать ему должное почтеніе какъ отмѣченному Божьимъ перстомъ, если бы только могли примириться съ тѣми странностями и шалостями, какія ежедневно производилъ онъ, ни на кого и ни на что не обращая вниманія.

— Всего больше любилъ онъ армянскій базаръ—торговую улицу, узенькую, грязную и шумную. Узка она до того, что то и дѣло скрипучія арбы сцѣпляются съ вьюками на верблюдахъ. Изъ одного дома въ противоположный, стоящій по другую стороны улицы, протянуты веревки и на нихъ просушивается бѣлье. Улица реветъ въ открытую: лавки и мастерскія всѣ настежъ. Чуть не на самомъ тротуарѣ жарятъ

пашлыки, готовятъ кебабы; на глазахъ всѣхъ проходящихъ открыто брѣютъ татарамъ головы, чинятъ штаны, вышиваютъ шелками по сукну. Отсюда шли о Пушкинѣ самыя поражающія вѣсти, тамъ видѣли его, какъ онъ шелъ, обнявшись, съ татаринѣмъ, въ другомъ мѣстѣ онъ переносилъ открыто цѣлую стопку чуреховъ. На Эриванскую площадь выходилъ въ шинели, накинутой прямо на ночное бѣлье, покупалъ груши и тутъ же, въ открытую и не стѣсняясь никѣмъ, поѣдалъ ихъ.

— Изъ Тифлиса ѣзжалъ онъ и подолгу гащивалъ въ полковой квартирѣ Раевского, откуда привозили подобныя же вѣсти: генералъ принимаетъ подчиненныхъ въ мундирахъ, вытянутыми въ струнку, а изъ сосѣдней комнаты въ ночномъ бѣлѣ пробирается этотъ странный человѣкъ, котораго по всѣмъ правамъ обязаны почитать. А онъ вотъ этого-то самаго отъ нашихъ грузинъ и не хочетъ, несмотря на то, что всѣ хорошо знали, что онъ народный поэтъ. Не вяжется представленіе: не къ такимъ видамъ привыкло. Наши поэты степеннѣе и важнѣе самыхъ ученыхъ. Поэтъ долженъ сидѣть больше дома и, придя въ гости, молчать: онъ обязанъ цѣнить каждое свое слово на вѣсъ золота, и на площадяхъ и на вѣтеръ рѣчи свои не выпускать. Каждое его изреченіе непременно должно выражать собою практическое правило, и чѣмъ лучше и красивѣе та форма, въ которую оно облекается, тѣмъ поэтъ почетнѣе и уваженіе къ нему больше. Надо это видѣть у мусульманъ, напримѣръ, у персовъ, особенно по большимъ праздникамъ, когда, цѣлою компаніей, являются къ почетнымъ людямъ съ обязательнымъ поздравленіемъ всѣ эти улемы и муллы. Съ непривычки подумаешь, что это разсажены статуи или языческіе боги съ поджатыми ногами, — до того они степенны и неподвижны. Кажется, не волнуютъ ихъ подставленные подъ носъ подарки, не смущаютъ сладкія и лакомыя угощенія. Если и новый гость войдетъ въ это время, они, повидимому, и на него не обращаютъ никакого вниманія. Ни одинъ не измѣняетъ себѣ предательскою чертой на лицѣ въ сосредоточенности помысловъ даже и тогда, когда понесетъ подъ мышками и въ рукахъ предложенные ему подарки. А тутъ—помиауйте!—совсѣмъ наоборотъ: перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, минуты не посидитъ на одномъ, смѣшитъ и смѣется, якшается на базарахъ съ грязнымъ рабочимъ муштайдомъ и только что не прыгаетъ въ чехарду съ уличными мальчишками. Пушкинъ въ то время пробылъ въ Тифлисѣ, въ общей сложности дней, всего лишь одну недѣлю, а заставилъ говорить о себѣ и покачивать многодумно головами не одинъ годъ потомъ. Это я очень хорошо помню.

Кстати князь вспомнилъ также и эпигramму на капитана Борозду и, полагая ее неизвѣстной, повторилъ съ комментаріями, рисующими личность, съ той поры всѣмъ извѣстную.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвелъ тезка Пушкина, А. С. Грибоѣдовъ, бывшій въ Тифлисѣ гораздо больше, но раньше его.

— Я, — говорилъ князь, — какъ теперь вижу его большіе выкатившіеся глаза и умныя бесѣды, которыми онъ очень очаровывалъ, будучи радушно принятъ во всѣхъ лучшихъ домахъ. Онъ — секретарь персидской миссіи; онъ недавно исполнилъ порученіе — переселялъ армянъ въ Россію; онъ — чиновникъ по дипломатической части при великомъ Ермоловѣ, — чего еще больше? Когда арестовали Рылѣва, въ его бумагахъ нашли письма Грибоѣдова. Ночью тайно схватили его и увезли въ Петербургъ. Онъ успѣлъ оправдаться и вернулся назадъ съ разсказами. Шепотомъ толковали о томъ, что въ Петропавловской крѣпости сидѣлъ онъ, отдѣленный дощатою перегородкой, рядомъ съ тѣмъ жидомъ, который держалъ по подряду почту для сношеній южнаго общества соединенныхъ славянъ съ сѣвернымъ петербургскимъ тайнымъ обществомъ. Жидъ до того явно трусилъ, что неистовые порывы его оробѣлаго духа не только были слышны, но и надобѣли сосѣду. Онъ сталъ высказывать всѣмъ свое твердое намѣреніе написать комедію *Жидъ въ тюрьмѣ*. Исполнилъ-ли?

— Передъ близкими людьми Грибоѣдовъ шутиливо оправдалъ свою невинность и непричастность къ заговору тѣмъ, что написалъ *Горе отъ ума* съ прозрачными намеками, которые не умѣли-де понять, а въ Чацкомъ могли бы заподозрить любого либерала изъ вернувшихся изъ-за границы молодыхъ гвардейцевъ того времени. Весьма скоро выучившись по персидски, Аббасъ-Мирза (ум. 1833 г.), знаменитый тѣмъ, что оставилъ по себѣ 26 дочерей и 24 сына, также и тѣмъ, что бесплодно и безнадежно старался водворить въ Персіи европейское образованіе, получилъ за послѣднее стремленіе отъ Грибоѣдова похвальные стихи, написанные на чистомъ фарсицкомъ нарѣчій, и наградилъ его орденомъ Льва и Солнца *. По возвращеніи въ Тифлисъ Алекс. Серг. выпросилъ у Паскевича позволеніе жениться. Ему, на счастье, досталась красавица Чавчавадзе, за которую раньше сватался племянникъ Ермолова, но суровый и строгій генералъ не любилъ, чтобы въ боевой арміи его находились женатые офицеры, а потому не позволилъ и разстроилъ бракъ. Вотъ почему и уцѣлѣла для Грибоѣдова эта красавица, Нина Александровна, которую онъ и увезъ съ собою въ Тегеранъ, отправившись туда посланникомъ и на смерть. Сестра его желала имѣть землю съ могилы брата, и я ее въ мешечкѣ вручилъ ей въ Москвѣ, черезъ которую провожали меня въ ссылку, въ финляндскіе батальоны.

Евс. Ос. Палавандовъ дѣйствительно былъ въ опалѣ и ссылкѣ, обвиненный за участіе въ заговорѣ, о которомъ собственно весьма

* Здѣсь въ сообщеніи князя неточность: Грибоѣдовъ былъ награжденъ этимъ орденомъ 2 степени за переселеніе армянъ изъ Персіи въ Россію.

мало извѣстно, но организація котораго не лишена интереса. Самъ участникъ не любилъ объ этомъ разсказывать (о чемъ меня раньше предупреждали всѣ). Не вспоминалъ онъ и не сѣтовалъ даже на то суровое время, которое привелось ему провести въ исправительныхъ финляндскихъ батальонахъ, отличавшихся не только строгостью, но и жестокостью въ обращеніи съ жертвами дисциплинарныхъ взысканій. Мнѣ еще въ Архангельскѣ объясняли:

— Незлобивый, добрыйшій человекъ вычеркнулъ изъ своей ссылочной жизни эти годы и постарался забыть о нихъ, такъ что если когда неосторожно доводилось коснуться этого вопроса, онъ вздрогнетъ, вскочить съ мѣста, начнетъ ходить изъ угла въ уголъ и впадетъ въ такую меланхолію, что его уже и не расшевелишь цѣлый день. Ни слова противъ, ни обличительнаго звука, какъ будто ничего этого не бывало и никакой Финляндіи не существуетъ, а есть вотъ прямо передъ глазами облюбованная имъ Печора и застилающаяся въ памяти милая, родная, роскошная и цвѣтушая Грузія.

— Мнѣ доводилось,—разсказывалъ мнѣ самъ Евс. Ос.,—во время прогулокъ по полямъ прилечь отъ усталости на травѣ, гдѣ посуше. Я всматривался пристально въ цвѣтки и находилъ даже мелкія розы, едва поднявшіяся отъ земли, но распустившіяся. Видѣлъ я другіе цвѣтки, которые напомнили мнѣ родину. Здѣсь они не поднимаютъ головокъ надъ травой и, скрываясь въ ней, ни для кого не видны, а потому и считаются несуществующими или несоотвѣтствующими климату и почвѣ. На другой день я приходилъ на тѣ же мѣста, ложился, всматривалъ тѣ цвѣты, и уже не находилъ ихъ: они цвѣли не вчерашнія лишь сутки, а, можетъ быть, всего-то нѣсколько часовъ. Я былъ счастливъ, что уловилъ эти мгновенія. И на Печорѣ свѣтитъ то же солнце, что и надъ Грузіей... Напрасно здѣшнюю природу зовутъ маchioй, несправедливо весь край считаютъ забытымъ и обиженнымъ Богомъ!—толковалъ князь съ убѣждающею настойчивостью.

Онъ убѣждалъ, конечно, не безъ увлеченія теперь, на старости, и въ этой бѣдной и далекой странѣ, куда привели его другія увлеченія давно мелькнувшей молодости, которою ему такъ и не довелось вполне насладиться.

12 сентября 1801 года манифестъ объявлялъ всенародно:

„Не для приращенія силъ, не для корысти, не для расширенія предѣловъ и такъ уже обширѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго; единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое бы могло утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона“.

Таковъ былъ отвѣтъ Императора Александра I, вызванный посольствомъ больного и безсильнаго послѣдняго грузинскаго царя Георгія (въ числѣ членовъ посольства былъ и дядя Евсеія Осиповича, князь Елеазаръ Палавандовъ). Не было никакой мысли овладѣть Грузіей,—предполагалась одна лишь поддержка страны, въ которой всѣ матеріальныя и внутреннія производительныя силы были подточены внутреннею анархіей и расшатаны непрерывными нападеніями внѣшнихъ враговъ. Казалось, непримѣрная по странностямъ, неожиданностямъ и запутанности исторія Грузіи должна была измѣнить свое теченіе въ благопріятную сторону въ мирномъ и осмысленномъ направленіи. Простой народъ единодушно выражалъ желаніе вступить въ русское подданство и избавиться навсегда отъ гнета корыстолюбивыхъ царевичей и расточительныхъ царицъ, доказывая то очевидными знаками довѣрія и расположенія къ новымъ правителямъ. Случилось не то, на что имѣли полное основаніе рассчитывать.

Царевичъ Александръ убѣждалъ въ Персію искать тамъ помощи: ему хотѣлось сдѣлаться царемъ и, въ то же время, онъ не желалъ ссориться съ русскими. Прочіе царевичи, привыкшіе соблюдать болѣе свою, чѣмъ государственную пользу, двуличили не только передъ русскими правителями, но и передъ своими клеветами. Къ 1800 году всѣхъ царевичей, царицъ, царевенъ и ихъ дѣтей насчитывалось 73 человекъ. Царицы (Дарья и Марія), представлявшія крупныя силы, руководили всѣми смугами и интригами и одна изъ нихъ дошла до коварнаго убійства русскаго генерала Лазарева. Прирожденные многочисленныя князья раздѣлились на двѣ партіи: одни, жившіе безграничнымъ насилиемъ и грабительствами, какъ манавскіе, ѣздили на гору каждый день, поджидая и высматривая царевича Александра съ многочисленнымъ войскомъ, злонамѣренно подговаривали лезгинъ къ нападеніямъ, чтобы показать народу безсиліе русской защиты, и возмущали Кахетію. Другіе князья, владѣвшіе деревнями и имѣвшіе свои доходы, были довольны и жили смирно.

На бѣду, русскіе правители оказались не на высотѣ своего достоинства. Князь Циціановъ въ 1803 году засталъ уже весьма печальныя слѣды управленія, игравшаго прямо въ руку недовольнымъ князьямъ и къ возбужденію всѣми средствами враждебныхъ чувствъ къ Россіи и русскому владычеству. Коваленскій съ компаніей воспользовался даннымъ уполномочіемъ и предоставленною ему властью лишь для того, чтобъ обогатить себя и солидно обезпечить клеветовъ и родственниковъ. Онъ захватывалъ безъ разбора: и земельныя грузинскія имуществы, и казенныя деньги. Онъ обиралъ и побѣдоносныя войска, и мятежныхъ князей. Замѣчательно, что и съ удаленіемъ его отъ власти онъ оставался дѣйствующимъ лицомъ по части злоупотребленій, и кн. Циціановъ не могъ помѣшать ему.

Милости, обѣщанныя манифестомъ, не были выполнены. Князья, участвовавшіе въ присоединеніи Грузіи и, въ случаѣ неудачи, обязанные нести свои головы на плаху, остались не только не награжденными, но даже лишились тѣхъ отличій и доходовъ, которыми до тѣхъ поръ пользовались. Многіе же изъ явныхъ враговъ Россіи были награждены или отличіями, или большимъ жалованьемъ. Въ числѣ обиженныхъ и недовольныхъ очутился и родъ князей Палавандовыхъ, игравшихъ значительную роль въ исторіи присоединенія Грузіи и, въ большинствѣ членовъ, преданныхъ Россіи. Въ ихъ средѣ, недовольной и, въ самомъ дѣлѣ, обойденной и обиженной, выросталъ и воспитывался нашъ Евсеій Осиповичъ.

Онъ видѣлъ, что, вмѣсто обѣщанной манифестомъ прибавки князьямъ чести, ихъ лишили даже пропитанія, сообразнаго титуламъ и услугамъ. Онъ слышалъ, что велѣно возвысить честь церквей и епископовъ на его родинѣ, донынѣ отличающейся усердіемъ къ храмамъ и богомоленіямъ, а, вмѣсто того, у духовенства отобраны всѣ вотчины и крестьяне. Обѣщали не требовать съ крестьянъ податей въ теченіе 12 лѣтъ, но и это не сбылось. Разсказывалось про необычныя выходки, злобныя глумленія, смѣшанныя съ полиѣйшимъ презрѣніемъ къ человѣческому достоинству, со стороны наѣздныхъ и навозныхъ людей. Злоупотребленія корыстныхъ чиновниковъ послужили главною причиною тому, что недоброжелательство къ русскому правительству изъ высшихъ слоевъ населенія начало переходить въ низшія сословія, въ среду самаго тихаго и спокойнаго народа, каковымъ, по справедливости, считаются до сихъ поръ обитатели счастливой Грузіи.

Пока молодой князь Е. О. Палавандовъ получалъ обычное высшее воспитаніе—ловко сидѣть на конѣ, стрѣлять въ цѣль на всемъ скаку, владѣть саблей, успѣлъ даже нѣсколько лѣтъ прожить въ Константинополѣ (для изученія арабскаго языка),—въ судьбахъ его родины не произошло перемѣнъ къ лучшему.

Къ концу 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія царевичи и все грузинское царское семейство были перевезены въ Россію, гдѣ предоставлены были имъ возможныя почести и вознагражденія. Но многіе, „вмѣсто должной признательности за благодѣтельное спасеніе ихъ самихъ и отечества ихъ отъ явной гибели, питали скрытную злобу или мечтательныя надежды, породившія, наконецъ, поводъ и къ видамъ преступнымъ“. Такъ было сказано въ судебномъ актѣ о событіяхъ 1831 г. Изъ него, между прочимъ, видно, что молодые грузины, цвѣтъ юношества края, получавшіе образованіе въ Петербургѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходили къ князю Дмитрію и другимъ царевичамъ „отдавать имъ почести“, навѣщали ихъ. У Дмитрія явилась мысль къ возстановленію самобытности отечества. Съ другой

стороны, князь Окропиръ (изъ царевичей же), жившій въ Москвѣ, задумалъ (по свидѣтельству этого же акта) то же самое, безъ всякаго, однако, соотношенія къ замыслу Дмитрія.

До 1829 года не было видно никакихъ дѣйствій. Въ этомъ году Окропиръ, воспользовавшись разрѣшеніемъ, полученнымъ въ Москвѣ, отправился къ кавказскимъ водамъ и, по окончаніи курса леченія, неожиданно отправился въ Грузію. Здѣсь онъ сблизился, главнымъ образомъ, съ Орбеліани, сыномъ царевны Феклы (дочери царя Ираклія), съ артиллерійскимъ офицеромъ Элизбаромъ Эристовымъ и учителемъ Додаевымъ. Они составили правила „тайнаго дружества“, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы внушать молодымъ грузинамъ любовь къ отечеству и Багратіонамъ (о возвращеніи ихъ рода на грузинскій престолъ), просить священниковъ молиться о послѣднихъ, напоминать грузинамъ ихъ прежнее бытѣе, вольный доступъ къ царямъ и скорую каждому расправу, не измѣнять народнымъ нравамъ и обычаямъ, не говорить о намѣреніяхъ своихъ никогда втроемъ, даже при родныхъ братьяхъ и проч. Для возстановленія грузинскаго царства (по даннымъ того же акта) предполагалось произвести народное возмущеніе, овладѣть въ Тифлисѣ главными мѣстами, заградить путь черезъ Дарьяльское ущелье, образовать регулярное народное войско, подчиненное избраннымъ начальникамъ, и продолжать дѣйствія противъ русскихъ не массами, но шайкою. Разсчетъ на успѣхъ основывался на вспыхнувшемъ въ то время польскомъ возстаніи и, вслѣдствіе того, на разъединеніи русскихъ военныхъ силъ. Какъ только пришло объ этомъ извѣстіе, заговорщики перезнакомились между собою и соединились въ общество въ началѣ іюня 1830 года. Кн. Эристовъ, болѣе другихъ пылкій и настроенный и дѣйствовавшій энергично съ кн. Орбеліани, соединился съ учителемъ Додаевымъ и іеромонахомъ Филадельфомъ. Орбеліани открылъ свой замыселъ Евсю Ос. Палавандову, „дѣятельно, однако, не участвовавшему“.

Додаевъ для успѣха дѣла началъ было издавать газету, но выпустилъ лишь 6 листовъ въ 1831 году. Остальные заговорщики вошли въ сношеніе съ бѣглымъ царевичемъ Александромъ, которому Орбеліани приводился роднымъ племянникомъ. Царевича звали при бытѣ въ Кахетію для начальствованія войскомъ въ видахъ изгнанія русскихъ изъ Грузіи. Царевичъ, за старостію лѣтъ, отказался. Племянница его, дочь брата Юлона, красавица Тамара Юлоновна, старшая сестра Дмитрія, замѣстивъ его въ Тифлисѣ, сдѣлалась центромъ заговора. Молодежь увлеклась ею до самозабвенія.

При совѣщаніяхъ съ нею положили подговорить къ соучастію офицеровъ сборнаго учебнаго батальона. При слухахъ о непріязненныхъ намѣреніяхъ персіянъ вторгнуться въ Грузію и о продолжительности польскаго возстанія произошло нѣкоторое волненіе въ умахъ и

безпокойства въ Тифлисъ. Когда Варшава пала и извѣстіе о томъ дошло до Тифлиса, заговоръ „если не прекратился, то ослабъ; общество приняло нѣкоторый видъ литературнаго“. По прибытіи нѣкоторыхъ соообщниковъ изъ Петербурга, заговоръ снова устроился, чему благопріятствовала отправка кавказскихъ военныхъ силъ въ Дагестанъ противъ Казымуллы.

Заговорщики начали распространять неблагопріятные слухи и почасту сходятся у Орбеліани и у Палавандова, жившаго въ квартирѣ брата (Николая Осип.), гражданскаго губернатора, во время отсутствія послѣдняго для ревизіи губерніи. Разсчитывали сдѣлать нападеніе на казну, арсеналь и магазины, подговорить ссыльныхъ поляковъ (которыхъ было до 3 тыс.) и разжалованныхъ нижнихъ чиновъ (каковыхъ числилось въ то время будто бы 8 тыс.). Княжна Тамара сначала было струсилла, но потомъ согласилась на бунтъ и даже на личное въ немъ участіе. Ждали съѣзда дворянъ на выборы, и въ особенности ген.-майора кн. Чавчавадзе, который тотчасъ по пріѣздѣ въ Тифлисъ, и поспѣшилъ отклонить намѣренія молодежи и убѣдилъ оставить пустые замыслы.

Произведены были аресты, и баронъ Розенъ назначилъ военный судъ. Императоръ Николай I, видя безплодность и полную несостоятельность заговора, до нѣкоторой степени раздутаго слѣдователями, милостиво смягчилъ приговоръ суда и мѣру взысканій, проектированныхъ самимъ бар. Розеномъ. Южную кровь болѣе порывистыхъ и пылкихъ надѣялись охладить сѣвернымъ климатомъ. Такъ Элизбара Эристова увезли въ одинъ изъ архангельскихъ гарнизонныхъ батальоновъ, учителя Додаева опредѣлили въ службу нижнимъ канцелярскимъ служителемъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній до отличія выслугою, не прежде, однакожъ, десяти лѣтъ. Иныхъ отправили въ Пермь, другихъ въ Вятку.

Изъ всѣхъ подсудимыхъ 59 получили наказанія, ограниченныя ссылками на житіе подъ присмотромъ въ дальніе русскіе гарнизоны, города и крѣпости. Между прочими, царевичей Окропира и Дмитрія приказано выслать перваго — въ Кострому, втораго — въ Смоленскъ; княжну Тамару Юлоновну — въ Симбирскъ, Феклу Иракліевну — въ Калугу, а отставленнаго отъ службы колл. регистр. князя Евсѣя Палавандова, не подвергая суду и не лишая дворянства, повелѣно опредѣлить унтеръ-офицеромъ въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Финляндіи. Всѣмъ воспрещенъ вѣздъ въ Грузію на всю жизнь. Остальные изъ прикосновенныхъ къ дѣлу, въ количествѣ 78 человекъ, освобождены были отъ всякаго взысканія.

Кн. Палавандовъ въ 1834 году предсталъ предъ новыми начальствами съ аттестаціею барона Розена такого рода: „прежнее поведеніе его весьма предосудительное, ибо два раза онъ бѣжалъ въ Тур-

цію и горы, нравственность его очень неблагонадежная. Вообще, по своему уму, хитрости, пронырству и безнравію, онъ человѣкъ для здѣшняго края рѣшительно вредный и опасный“.

Ссылный князь оказался полезнымъ для другого края, гдѣ постарался начисто исправить свою репутацію и загладить свои вины и увлеченія молодости, замѣнивъ мечтательные порывы практическими стремленіями и дѣйствіями.

По освобожденіи отъ солдатской лямки, князь былъ произведенъ въ благородный чинъ прапорщика, не только дозволявшій, по регламенту, жениться и нюхать табакъ не изъ артельной, а изъ собственной табакерки, но и открывающій дороги во всѣ стороны. Для Палавандова, однако, оказалась одна, не ближе Архангельска, а по прибытіи сюда—не дальше Печоры. Не лѣсничій ученый туда понадобился, а открылось просто свободное мѣсто, предназначавшееся въ то время обычно офицерамъ и, вопреки всякимъ ожиданіямъ, очень покойное. Туда Палавандова и направили и старались о немъ забыть, какъ забыли и о самой Печорѣ. Подъ его наблюденіемъ и попеченіемъ очутилось, такимъ образомъ, цѣлое государство европейское по количеству квадратныхъ верстъ, весь Печорскій край, находящійся въ предѣлахъ Архангельской губерніи. На сѣверѣ — моховая пустыня, безъ мѣры въ ширину и безъ конца въ длину, совершенно безлѣсная.

— Не смѣйтесь!—вразумлялъ меня самъ лѣсничій съ обычнымъ ему примирительнымъ взглядомъ на вещи и пристрастіемъ къ странѣ, гостепріимно его пріютившей.—Живетъ и пустыня. Кажется, все въ ней мертво, уныло и убійственно-однообразно. Смерть, дескать, повсюдная смерть! Стелется одинъ ерникъ да мохъ, а забываютъ, что ихъ сопровождаетъ верескъ, кое-какіе злаки, а по болотнымъ мѣстамъ не оберешься морошки. На самомъ сухомъ бесплодномъ пескѣ вырастаютъ грибы и рядомъ съ ними самое красивѣйшее формами земное растеніе—мохъ и лишай. Я не прощу за насмѣшку и рѣзкое обвиненіе—и укажу прямо на любимицу модныхъ кабинетовъ, многоствольную кустарную корельскую березу. Вѣдь, и лиственница растетъ... Корява правда, малоросла: не выше 1½ сажени, не шире трехъ вершковъ въ отрубѣ, а, вѣдь, это есть то самое благородное дерево, которое идетъ на корабли, которое здѣсь, въ окрестностяхъ Усть-Цыльмы, доходитъ до 7 саж. и семи-деяти вершковъ въ отрубѣ (до нижнихъ сучьевъ). Мы видимъ это дерево сплошными рощами, чего въ Россіи давно не видать. Этими рощами опушены наши рѣки и рѣчки. О соснѣ и еляхъ я уже и говорить не стану: добротность и красота ихъ—доказанныя.

Добрѣйшій лѣсничій, въ самомъ дѣлѣ, увлекался. Ивнякъ, покрывающій иловатые берега, вмѣсто того, чтобы предохранять ихъ отъ обнаженій летучаго песка, свойственнаго внутреннимъ мѣстно-

стамъ тундръ, настолько безсиденъ, что вовсе не дѣлаетъ ему предопредѣленнаго: Пустозерскъ засыпанъ пескомъ чуть не по самыя трубы, Усть-Цыльма тоже страдаетъ отъ него и уже успѣла пересѣсть на другое мѣсто. По бесплодности и малой глубинѣ почвы, состоящей изъ сухого бѣлаго и краснаго песка, древесина деревьевъ вообще плохихъ качествъ. Лиственица дупловата и съ другими внутренними пороками, и по большей части перестойная. Лѣсные участки имѣющіе мелкую почву, особенно мокроватую, буквально замогrojжены валежникомъ. Буреломы и вѣтровалы увлекли за собою и здоровыя приспѣвающія деревья и молодякъ. Они не только засорили мѣстность, но и заградили путь вывозки дальнѣйшихъ лѣсовъ, и безъ того уже въ изобиліи заваленныхъ колодами. Тутъ нѣтъ ни вѣзда, ни проѣзда. О возможности надлежащаго надзора и говорить трудно, особенно при той лѣсной стражѣ, которая называлась конными объѣздчиками и больше спала на себя, чѣмъ работала на казну.

Сверхъ того, слѣды лѣсныхъ пожаровъ бросаются въ глаза даже мимоѣзжимъ путникамъ. Въ самыхъ глухихъ чащахъ торчатъ обугленные остатки большемѣрныхъ деревьевъ и только немного мѣстъ, гдѣ, случайно или по сырости грунта, лѣса уцѣлѣли отъ огня. Большая компанія лѣсного торга (Крузенштерна) бросила здѣсь безнадежно капиталы. Настоящій ученый лѣсничій (г. Боровскій) пришелъ въ отчаяніе при видѣ этихъ лѣсовъ, гдѣ сотни самыхъ отборныхъ бревенъ, вырубленныхъ для сплава на выборъ, какъ корабельныя, валяются безъ призора и сгнили до самой сердцевины. По самой Печорѣ эти самыя лиственицы, рѣдко стройныя, а болѣе уродливыя, выросли на песчаныхъ, довольно высокихъ буграхъ. Эти бугры окружаютъ какое-нибудь озерко или глубокую рытвину и издали кажутся укрѣпленіями съ башнями.

Въ такихъ-то лѣсахъ и при подобныхъ условіяхъ привелось быть блюстителемъ и хранителемъ добрѣйшему и мягкому человѣку Е. О. Палавандову.

Что ему тутъ дѣлать, и какъ тутъ быть?

Онъ надѣлъ архалучекъ и отдался на волю Божію и людское произволеніе.

Идемъ разъ мы съ нимъ вдвоемъ по улицѣ,—на встрѣчу намъ парень. Выправивши съ груди изъ-подъ малицы руку въ рукавъ, онъ снялъ съ головы пыжицу съ длинными ушами и поклонился. Князь пригрозилъ ему пальцемъ.

— Хорошъ мужикъ—разоритель! Куда мнѣ тебя опредѣлить за твою вину?

Тотъ, остановившись, учащенно кланяется, встряхивая волосами.

— Гулялъ я по лѣсу, вижу: лежитъ дерево лиственницы, великанъ-дерево,—объясняетъ князь, обратившись ко мнѣ.—За такое дерево въ Петербургѣ морское министерство шестьсотъ рублей платитъ, за границей дадутъ далеко больше тысячи. Сталъ доискиваться, допрашивать, кто рубилъ? Прямо на тебя, другъ, и указали. Разсказывай, какъ было дѣло?

Встрѣчный паренъ не замедлилъ:

— Поѣхалъ я съ Матюшкой рыбу острогой колоть, изладились пообѣдать и увидали эту самую лѣсину: сколь, молъ, она хороша! А Матюшка-то и говоритъ: А что, паря, матицы для новой избы ладны будутъ? Побѣжали въ лодку за топорами и повалили.

— А не стонало дерево-то, не плакалось, не придавило вастъ? Вамъ жалъ его было? Что же не вывезли-то его, зачѣмъ гнить его бросили?

— Силушки нашей нехватило,—тремъ лопадамъ въ упоръ. Перли, перли, всѣ плечи изодрали,—не поддается.

Заговорилъ и князь-лѣспичій:

— Вотъ онъ теперь гнить начнетъ, мохомъ обростетъ,—кабы ты объ него запнулся да носъ себѣ въ кровь разбилъ!.. Вотъ и толкуйте съ нимъ! Охраняйте лѣса отъ такихъ озорниковъ,—говорилъ онъ мнѣ, а потомъ ему:

— Пойдешь къ батюшкѣ, покайся на духу: своровалъ, вѣдь, да еще и такъ, что ни себѣ самому, ни дворовому псу.

— „Не изловчишься, не наладишься“,—жаловался онъ мнѣ какъ-то разъ послѣ обѣда, въ которомъ обычно смѣнялись олени свѣжіе языки вкусными оленьими губами съ хрѣвомъ и самою вкусною рыбой въ свѣтѣ пеледью (*salmo coregonus*, толстая, горбатая спина, тупое рыло, коническая голова, вѣсомъ до 7 фунтовъ), сигаговыя породы. Съ ними чередовались осетрина изъ Оби, привозимая изъ-за Камня ижемцами, и чирь (изъ породы лососковъ, *salmo nasus*, сизая спина, горбатый носъ, мелкая чешуя, вѣсомъ 5—10 фун.) мѣстнаго нароста.

Князь любилъ поѣсть вкусно, хотя и умѣренно: ему несли все лучшее и любимое имъ. Никому не продадутъ, если онъ не откажется. Не купить князь: — „возьми въ подарокъ, сдѣлай милость, Христа ради, изъ почтенія, за великую твою доброту“.

— Вотъ какъ трудно исправлять должность, — продолжалъ объяснять добрейшій и кротчайшій человѣкъ.—По верховьямъ печорскихъ притоковъ мѣшаются съ елью кедровыя деревья, а по самой Печорѣ ихъ бываетъ еще больше. Въ урожайныя годы шишекъ такъ много, что начинаютъ не только всѣ грызть орѣхи, а и на сторону продавать. Сборъ—бабье дѣло. Онѣ вотъ этакого остолопа возьмутъ съ собою, и онъ, чтобъ угодить бабамъ и понравиться, возьметъ, да и срубитъ благородное дерево. Онѣ, мокрехвостыя, сядутъ, да и обираютъ

шишки, какъ морошку рвутъ. Соберу ихъ, чтобъ избранить и застра-
щать, а иная воструха на мои слова и на глазахъ вынетъ изъ кар-
мана орѣшки и щелкаетъ, назвать-то плодъ не умѣютъ,—зовутъ гни-
дами,—а щелкаютъ, какъ настоящія бѣлки, въ глазахъ рябить. И здѣсь
плюнешь и отойдешь прочь.

— Не баловство это, — объяснилъ отвѣтно князь,—а такой не-
искоренимый обычай, законъ какой-то повсемѣстный. Никакими на-
казаніями не наладишь. Надо въ котлахъ новыхъ людей вываривать,
а старые и наличные всѣ на одинъ покрой и никуда не годятся. Ры-
баку нужно щербу (уху) сварить, охотнику на рябахъ по путикамъ
обогрѣться, — разведутъ костеръ и ни одинъ еще изъ нихъ огня не
тушилъ. Лѣса горять во всѣхъ сторонахъ, и лѣтнимъ временемъ только
о пожарахъ и слышишь. Сгораютъ огромныя площади, конечно, без-
наказанно, за неимѣніемъ средствъ и рукъ для тушенія. Либо самъ
пожаръ перестанетъ отъ какого-либо случая, либо набѣжитъ огонь на
рѣку, домчится до озера, заберется въ гнилое и мокрое болото и не
совладаетъ съ нимъ—потухнетъ.

— Выбралъ я изъ охотниковъ самаго мудраго, степеннаго человѣка.
Глубоко я его уважалъ за разсудительность, за солидныя и чистыя
дѣла,—толковалъ съ нимъ очень долго. Я ему про то, что эти уголья
имъ же на голову,—онъ вникалъ и поддакивалъ. Я ужъ и успокоился,
что нашелъ разсудительнаго человѣка: сейчасъ мы съ нимъ правила
начнемъ сочинять и писать и пошлемъ ихъ въ палату, а то въ ми-
нистерство. Стали сводить къ концу, онъ и говорить: „Напрасно,
князь, пишешь!“—Какъ же, молъ, такъ? — „Да тушить огонь,—гово-
рить,—самое пустое дѣло и трудъ не въ прибыль: Печорскій край
никогда не можетъ совершенно выгорѣть“. Сказалъ онъ это, да еще
ногой притопнулъ; значить, у нихъ скрѣплено и мірская печать при-
ложена.

Разрѣшивши для себя эту статью такимъ положительнымъ и без-
апелляціоннымъ способомъ, Евс. Осиповичъ обратилъ свои заботы и
вниманіе въ другую сторону. Кстати, отъ него и не требовали осо-
бенныхъ должностныхъ услугъ. У него даже вицъ-мундиръ съ зеле-
нымъ воротникомъ залежался. Управляющій палатой, навѣстившій
его, почувствовалъ особенную жалость къ тѣмъ очевиднымъ страда-
ніямъ, которыя испытывалъ князь, надѣвши форму и наглухо заты-
нувшись: мундиръ оказался до того узкимъ, что началъ по швамъ
потрескиваться. Постановлено было тогда же совсѣмъ не обращаться
къ формѣ никогда и быть за всяко-просто, въ архаичнѣйшій грузинскаго
покроя. Князь отбывалъ ссылку—надо сострадать ему и не беспокоить
на мѣстѣ, обязавшемъ его совершенно чужимъ дѣломъ. Онъ успѣлъ
просіять личными добродѣтелями; онъ все и прикрыли, сдѣлавъ его
личность неприкосновенною, отъ которой нечего требовать, а слѣ-

дуетъ ожидать, на что она, будучи свѣтлою и безупречною, сама соизволить. Да и печорцы, кажется, порѣшили такъ.

— „Лѣса, стало быть, охранять не стоитъ, не убережъ ихъ тебѣ и не оглядѣть всю ихъ цѣлину. А вотъ охрани ты насъ, немощныхъ и беззащитныхъ темныхъ людей, въ забвѣнной сторонущкѣ. Поучи, дай совѣтъ, какъ жить да избывать всякія бѣды, которыя, какъ крупа съ неба, не переставая, сыплется. Къ кому же прилѣпиться? Кому же повѣдать печали и у кого искать защиты и добраго совѣта?“

За то совѣтамъ князя охотно слѣдуютъ самые грубые и несговорчивые люди; рѣшеніемъ его всѣ спорщики всегда оставались довольными.

— Батюшка ты нашъ,—выпѣвала своимъ пѣвучимъ печорскимъ голосомъ, неблагозвучно растягивая слова, молодая бабенка, при мнѣ, безъ доклада, прямо ввалившаяся въ горницу.

— И не проси, не пойду, — сразу и рѣшительно отвѣчалъ ей князь, знавшій всѣхъ въ слободѣ не только въ лицо, но и съ изнанки. — Слышалъ, что родила, сказывали.

Она ему въ ноги — и поползла по полу. Онъ даже вспыхнулъ.

— Я покрещу, а ты перемажешь да на-ново перекрестишь. Вотъ тебѣ (и сунулъ что-то, конечно, деньги) — и ступай: кумомъ меня не считай и не зови при нашихъ встрѣчахъ.

— Церковныхъ всѣхъ перекрестилъ, — объяснялъ мнѣ хозяинъ отводной квартиры.

— Родомъ-то онъ дальный (сказывали): изъ какой-то теплой, невѣрной страны, а вѣры-то русской съизмальства, — рассказывалъ хозяинъ, твердо увѣренный въ томъ, что и здѣсь надо подразумѣвать привилегію, какъ нѣкое чудо, доставшуюся въ особое исключеніе передъ прочими для ихъ излюбленнаго человѣка.

— И всякаго парнишку по имени помнить, — добавлялъ онъ. На улицѣ встрѣтитъ — по головѣ гладить, дастъ пряникъ, либо калачикъ. По большимъ праздникамъ одѣляетъ деньгами и малыхъ ребятъ, и все кумовство. Какія получаетъ деньги, всѣ изводитъ. У него отказу нѣтъ. Окажешь ему просьбу, онъ такъ и зашевелится. Хочется ему по-твоему сдѣлать, больно хочется: по всему видать, да видать, — у самого на тотъ часъ нѣту. Благодарности не любить, не примаешь, — отъ тебя, разворчится и не покажется.

Я видѣлъ самоѣда, который на улицѣ, въ глубокомъ снѣгу, повалился благодарить за то, что князь отбилъ отъ обидчика-зырянина добрымъ совѣтомъ двухъ его важенокъ (олений), которыхъ отобралъ ѣлиходѣй за пастьбу на тундрѣ, никому не принадлежащей и до сихъ поръ неудобной къ межеванію. Олени этого самоѣда просто пристали къ стаду зырянина и молодые охотно и долго держались на одномъ

мху, за однимъ пастухомъ, съ третьегонимъ приплодомъ, и тѣмъ провинились, вмѣстѣ съ хозяиномъ-самоѣдомъ, передъ зыряниномъ.

На благодарный поклонъ князь разсердился и даже ворчалъ, говоря мнѣ внушительнымъ тономъ:

— Глупый-съ,—очень-съ глупый народъ, самый несчастный-съ!..

Вѣжливая придаточная частица рѣчи, конечно, не была у него дурною привычкою гостинодворскихъ приказчиковъ галантерейнаго обхожденія. Не чувствовалось въ ней и признаковъ условной, отталкивающей вѣжливости и тѣмъ менѣе она обличала собою насмѣшливость приѣма большихъ и вліятельныхъ, желающихъ уязвить, нагнесты, наглумиться надъ маленькимъ и подчиненнымъ, чтобы онъ чувствовалъ весь ядъ перемены обычнаго тона на поддѣльно-вѣжливый. Подозрѣвалась здѣсь благопріобрѣтенная подъ батальонными пинками и палками простая прикраса обыденной рѣчи ненужнымъ и холоднымъ привѣскомъ. Вошла она теперь въ обычай, съ которымъ и нельзя уже ему разетаться по привычкѣ.

Словно онъ вымѣщаль своими искренними чувствами состраданія и участія—спросту, по-христіански—за все то, чѣмъ обижали его и что перенесъ онъ про себя при старой системѣ казарменнаго воспитанія и батальонной службы. Во всякомъ случаѣ, онъ совершенно погрузился въ интересы Печорскаго края на всемъ протяженіи его въ предѣлахъ Архангельской губерніи, пользуясь всеобщею любовью. Впрочемъ, болѣе близкіе къ нему и тонкіе наблюдатели замѣчали, что у него лежало сердце больше на сторону устьцылемовъ не по ближайшему сосѣдству, а вслѣдствіе экономическихъ условій ихъ быта (всѣмъ было извѣстно, что онъ бѣднымъ слобожанамъ всегда помогаетъ въ покупкѣ дорогаго хлѣба). Архангельскую Печору, какъ извѣстно, подѣлили между собою низовики-пустозеры съ верховыми—ижемскими зырянами. Первые—владѣльцы богатыхъ рыбныхъ ловель и оленьихъ пастбищъ; вторые—владѣльцы оленей и богачи отъ замши, мѣховъ и перепродажи соли и хлѣба. Устьцылемы, очутившись между двухъ огней, понесли печальную бытовую участь съ очевидными признаками бездоля и бѣдности. Последняя вынудила ихъ и на выселки по притокамъ Печоры и породила давнюю непримиримую и нескрываемую вражду съ тѣми и другими, особенно съ пустозерами, и указала князю безпокойную роль миротворца, ходатая и хлопотуна.

Выселками устьцылемы не выгадали: попали изъ огня въ полымя. Живущіе на притокахъ находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, не многимъ лучшемъ самоѣдовъ, въ конецъ обездоленныхъ ижемскими зырянами. Изъ пятилѣтнихъ урожаевъ даетъ Богъ одинъ подходящий, когда снимутъ дозрѣвшій хлѣбъ самъ 5. Иные изъ-за кули бурлачатъ на Печорѣ все лѣто. Между тѣмъ, заступничество князя уважалось и цѣнилось въ Архангельскѣ: оно лѣчило временныя язвы

и починало случайныя прорѣхи. Самое большое затрудненіе представляла размежевка озеръ, чрезвычайно рыбныхъ, изъ которыхъ въ теченіе зимы налавливается не одна тысяча пудовъ. Въ одномъ только случаѣ удалось князю помирить сосѣдей тѣмъ, чтобы они наловленную рыбу: шукъ, чировъ, сиговъ и нельму (*coregonus leucichtus*, сиговъ породы, отъ 3—30 фунт.) сваливали въ одну кучу и потомъ дѣлили по равнымъ частямъ между всеми участниками. Ловцы послушались и потомъ каждый годъ ходили благодарить князя, что приставилъ голову къ плечамъ. Искреннее участіе его, все-таки, ничего не могло сдѣлать съ вѣковѣчною укоренившеюся враждой устьцылемовъ съ низовиками.

— Ну, вотъ-съ, покажите господину;— онъ свѣжій, онъ лучше насъ можетъ разсудить,—говорилъ князь устьцылемскимъ старикамъ, явившимся съ какою-то книгой.

То была старинная, скрѣпленная дякомъ выписка изъ писцовой книги, гдѣ въ самомъ дѣлѣ указаны были собственностью устьцылемовъ тѣ острова, шары и виски, которые оттягали у нихъ пустозеры. Оказалось, что князь давно уже возился съ этимъ документомъ болѣе чѣмъ двухсотлѣтней давности, простодушно увѣренный въ его законности и святости. Возбудить онъ пререканія, вызоветъ перекоры,—начнетъ мирить и соглашать. Спорщики какъ будто и подадутся, и князь для нихъ становится уздою даже въ щекотливомъ экономическомъ случаѣ поземельнаго владѣнія. Спорщики и въ самомъ дѣлѣ помирятся на словахъ до первой ссоры и драки на межахъ. Опять они идутъ къ князю судиться, а онъ снова не скучаетъ съ ними толковать про бѣлаго бычка. Никакъ не управятся они все вмѣстѣ при добромъ согласіи съ этою писцовою книгой! И мною остались, конечно, они все недовольны. Остался доволенъ лишь я самъ лично тѣмъ, что по этой старинной выпискѣ довелось мнѣ пополнить свой словарь мѣстными названіями живыхъ урочищъ. Названія эти изъ XVII вѣка остались нерушимыми до настоящаго времени, но свойственными лишь этому Печорскому краю. Такъ, наприм., виска—это проливъ изъ рѣки въ озеро или между озерами (отсюда и названіе многихъ печорскихъ деревень), а шаръ—проливъ между рѣками и между островами въ морѣ и рукавъ той же рѣки, огибающій островъ, лѣтомъ высыхающій. Курья—заливецъ изъ шара, заходящій кутомъ версты на 2—4 и опять входящій въ шаръ,—это шара шаръ. У острова бываетъ хвостъ и голова. Старуха—не только заветшалая баба, но и покинутое русло, гдѣ, однако, воды столько, что можно плавать, а приставъ—не только тотъ чинъ, который оберегаетъ станъ,—становой приставъ,—но и тотъ колъ, которымъ, съ охранительными же цѣлями, припираютъ дверь отъ блудливой скотины, когда уходятъ на страду. Вотъ и хдлуй—названіе, сохранившееся за великорусскимъ селомъ, гдѣ пи-

шутъ иконы (во Владимірской губ.), и утратившее тамъ первоначальное значеніе. Здѣсь, на Печорѣ, оно убереглось, оставшись за тѣмъ возвышеннымъ побережнымъ мѣстомъ, куда рѣка теченіемъ своимъ привыкла наносить бугоръ изъ щепы, всякаго хвороста, цѣльныхъ деревьевъ и песку. Вотъ и росоха—каждое изъ устій, на какія дѣлятся иныя рѣки при сліяніи, — словомъ, всѣ тѣ урочища, которыя принимались за границы (и, къ сожалѣнію, далеко не всѣ (печорскія) попали въ прекрасный и обстоятельно составленный трудъ г. Подвысоцкаго: *Словарь областного архангельскаго нарѣчія*. Спб., 1885 г.).

— Вотъ-съ, расскажите господину, Марья Савельевна, что знаете, — серьезно и допросливо говорилъ князь (этимъ онъ отвѣчалъ на вопросъ мой о результатахъ безвыгоднаго и тяжелаго житія устьцылемовъ, обращаясь къ приглашенной имъ гостьѣ, себѣ на выручку, мнѣ—на помощь).

Чопорная и полагающая себя умною и дѣйствительно знающая обычаи и всякіе обряды своихъ слобожанъ, Марья Савельевна начала рассказывать. Князь уклонился отъ очнаго свидѣтельства по очевидному неумѣнью или нежеланію говорить о людяхъ худо и произносить тѣмъ паче огульные имъ обвиненія.

— Наши слобожане, — истово выпѣвала рассказчица (въ концѣ рѣчи возвышая голосъ и вообще произнося хуже, чѣмъ Пустозеръ), — не очунъ отягощаютъ себя пьянствомъ, однако же, не дадутъ своей части испортиться въ бочкѣ, но и чужое-то не квасятъ.

Князь улыбается и поощрительно настаиваетъ:

— Говорите-съ дальше: хорошо начали.

— Болѣзнь, кромѣ горячки и оспы, бываетъ порча или отравы, которая единственно происходитъ отъ злыхъ людей по ненависти и дотуль доходитъ, что и смерть получаютъ въ скоромъ времени...

— Дальше, государыня моя, дальше! — продолжалъ настаивать князь и даже ногой притопывалъ, словно наслаждался пѣвучестью рѣчи почтенной старушки, и выбивалъ тактъ, когда она, по мѣстной привычкѣ, къ концу фразы возвышала голосъ.

— Училище? Заводилось училище, но по несвымъ книгамъ, а потому и не было принято желающими училища по старымъ книгамъ для образованности.

Князь потираетъ руки и улыбается.

Затѣмъ шелъ рассказъ о пищѣ, объ одеждѣ, о жилищахъ. Князь настаивалъ, какъ будто хотѣлъ, чтобы старуха выложила все разомъ, и снова въ тактъ покачивалъ головой, когда мнѣ приходилось выслушивать и записывать на память.

Старуха, между прочимъ, выпѣвала:

— Но всегда если не на сарафанѣ, то по рубашкѣ надѣтъ поясъ, по старообрядскому повѣрью, и потерять, либо подарить, либо забыть

надѣтъ этотъ поясъ — значитъ накликалъ на себя несчастіе... Князь погналъ рассказъ дальше и догналъ его до конца. Старушка допѣвала:

— И все тому подобное, хлѣбопашество, скотоводство, рыбная ловля и звѣрина, и жительство, и языкъ—всѣ русскія и никакихъ нѣтъ особенностей разныхъ. И есть хотя маленькія ошибочки, но выразить невозможно.

— А вырази! Ты, вѣдь, умная и ученая,—перебилъ князь.

Но она уже, видимо, устала и выкладывала послѣдніе остатки.

— Также и памятниковъ, и болвановъ, и никакихъ почетныхъ боговъ и богинь не водится. Хоша и есть какія-нибудь басни старинныя,—таперича всѣ оставили. А читаютъ какія-нибудь изданныя разные книжки, примѣрно, Аглицкаго Милорда, Францыля Виньцыана, Еруслана, Бубу (Бову?) и другія прочія. А болѣе не взыщите, — сколько знала, столько я вамъ и сказала.

Вотъ и эта патріотка своихъ мѣстъ застилаетъ и замечываетъ, плететъ и нижетъ, а за занавѣску держится и не выпускаетъ ее изъ рукъ. Гдѣ нужно и когда вздумается, возьметъ да и задернетъ, не взирая на то, что тутъ-то и открываются самые любопытные виды. Тѣмъ не менѣе, свадебный обрядъ дозволила она мнѣ записать полнотой. Пѣсенки на голосъ спѣла, избы въ подробности описала и продѣлала все это беззаастѣнчиво, самымъ обстоятельнымъ образомъ,— конечно, изъ уваженія и угожденія князю, при явномъ расчетѣ на его камертонъ и на выборъ сюжетовъ. Разумѣется, кое-гдѣ схитрила, мѣстами умолчала, въ другомъ переврала, затребовала новой повѣрки и справокъ въ исполненіе печорской же пословицы: „чужая сторона, блудясь, спознавать“.

На одно особенно не поскупились печорцы, — именно въ жалобахъ на враговъ своихъ, ижемцевъ, не пожалѣли красокъ, чтобъ обрисовать отношенія къ тундрѣ, т.-е. къ самоѣдамъ и къ приращенію того бродячаго капитала, который въ видѣ оленьихъ стадъ гуляетъ безпредѣльномъ на просторѣ этой самой тундры.

Я еще не добрался до слободы Усть-Цыльмы, какъ уже успѣли забѣжать къ князю раньше меня уѣхавшіе съ Печорской ярмарки два ижемскіе богача: Меркуль Исаковичъ изъ Мохчи и Николай Васильевичъ изъ Сезябы, съ которыми я успѣлъ тамъ раньше познакомиться. Они долго выпрашивали у князя, какъ имъ поступать со мной и какіе держать отвѣты, какъ меня понимать и за кого принимать. Пріемъ тамъ сдѣланъ былъ самый радушный, но отличавшійся самою досадною и обидною замкнутостью, дававшюю одно лишь подозрѣніе, что ижемскія дѣла въ самомъ дѣлѣ нечисты и „тундра грѣхомъ лежитъ у нихъ на совѣсти“.

По неизмѣнному и испытанно-полезному обычаю я и въ Усть-Цыльмѣ успѣшилъ познакомиться съ мѣстнымъ молодымъ священникомъ. Онъ между прочимъ поразилъ меня знаніемъ священныхъ текстовъ, которыми охотно пользовался, вставляя въ свою рѣчь во все время бесѣдъ нашихъ. По его объясненіямъ, это знаніе замѣчено было и его духовнымъ начальствомъ еще въ семинаріи, и когда онъ окончилъ курсъ и открылось здѣсь вакантное мѣсто, архіерей Антоній избралъ его, признавъ способнымъ къ миссіонерской дѣятельности среди жителей отдаленнаго края и въ роскошничьей слободѣ.

Интересно было его мнѣніе о князѣ.

— Господь благовоизволилъ ему. Оттого и блаженъ, что онъ избранникъ по хотѣнію своему, его же и прія.

— Въ чемъ тайна?—отвѣчалъ мнѣ о. Павелъ на прямой вопросъ мой: грядущаго не изжинаетъ. Каждый идетъ къ нему и всякаго пріемлетъ. Какъ сказалъ Златоустъ въ словѣ на утреню святыя Пасхи? Аще пріидетъ и въ девятый часъ и того милуетъ, и того цѣлуетъ, и овому дарствуетъ, и тому даруетъ—говорилъ о. Павелъ быстро, и остановился.

— Впрочемъ, я всеконечно спутался: одинъ вѣдь разъ въ году-то читаемъ—говорилъ онъ въ свое оправданіе,—и затѣмъ продолжалъ:

— Остерегайтесь называть его дѣянія слабостію къ сплетнямъ и всезнаніе отъ скуки и праздненнаго житія—нѣтъ! Не сонъ его по годамъ сталъ рѣденькимъ, а по великой любви и благодати онъ заботливъ и любвеобиленъ. Съ первыми цѣтухами онъ всегда на ногахъ. И привычка сдѣлана. Докажу примѣрами.

— Живетъ здѣшній мужикъ съ недостатками такими, что можетъ лежать на печи сколько угодно. У него застоится кровь,—начнетъ стрѣлять въ спину, поясица застрадаетъ. Идетъ къ князю жаловаться. Совѣтуетъ князь въ баню сходить. Да онъ ужъ и сходилъ,—и отпустило ему, а все-таки лезетъ.—Зачѣмъ?—вопрошаю. А вотъ, чтобы сказать домашнимъ: „у князя былъ,—какъ принималъ, какъ подчивалъ. „Вотъ, братецъ ты мой, пришелъ я къ нему, вышелъ это онъ ко мнѣ: здравствуй, говоритъ, руку подалъ, и т. д.“ Но о семъ довольно бесѣдовать.

Замѣчательно, что на Печорѣ подача руки вовсе не считается особымъ знакомъ вниманія и почета. Кто изъ пріѣзжихъ новыхъ людей самъ не догадается это сдѣлать, тому печорецъ первымъ успѣшитъ сунуть свою мозолистую руку. Этого нѣтъ въ Поморьѣ, кромѣ богачей, а на Печорѣ такой обычай заведенъ княземъ и сталъ всеобщимъ и похвальнымъ. Каждый тотчасъ же торопится вытащить руку изъ широкаго рукава малицы и просунуть его въ наружный просовъ подъ заскорузлой и торчащей въ бокъ рукавицей, пришитой однимъ бокомъ къ рукавамъ малицы.

— Продолжаю уподобленіе (говорилъ отецъ Павелъ) и представляю второй примѣръ. У бабы овечку волки зарѣзали: отчитывать бы ей по своему требнику, а она также идетъ къ князю. Однако не за деньгами его, чтобы купить, а затѣмъ, чтобы поскучать передъ нимъ и поплакаться ему: „бойкенъкая была; два раза волну снимала, и чердынцамъ на деньги продала“. Онъ ее слушаетъ, головой качаетъ и языкомъ причмокиваетъ: того ей и нужно, и больше ничего. Слышитъ и видитъ она, что онъ ее жалѣетъ. Тайна сія велика есть. Баба довольна, да вѣдь и сосѣдки не дадутъ ей покоя, непременно скажутъ: „что скулишь-то? Посовѣтуйся съ княземъ“. Она побывала, поговорила съ нимъ—овца-то у ней словно бы и отыскалась. Велика эта тайна, повторю, не обинуясь.

— Всматривался я въ его дѣянія: идетъ онъ весьма по-рану гулять по слободѣ, палкой отъ собакъ отбивается, и на все имѣетъ прозорливость. Увидитъ неисправность, постучитъ въ окно палкой и вызоветъ кого возжелаетъ. Сдѣлаегь наставленіе, учитъ каждого, какъ поступать, чтобы всѣмъ было хорошо и любительно.

— Любопытствовалъ я о церковномъ различіи, такъ какъ онъ грузинъ,—никакихъ мнѣ отмѣнъ онъ не указалъ. Обнаруживалъ явственно раченіе къ молитвѣ и рвеніе ко св. храму. Плащаницу самъ любить выносить изъ алтаря и храма. Къ разногласію съ раскольниками довольно хладнокровенъ, какъ бы не взирая. Вотъ вы отсутствовали на богоявленской вечернѣ съ водоосвященіемъ (я былъ на пути въ Ижму),—жаль, что не посвидѣтельствовали, какое бѣсовское игрище, языческое идолослуженіе уготовляютъ шумно и дико на часть освященія воды заблудшіе слобожане. Верхомъ на лошадяхъ они скачутъ по дворамъ въ открытыя ворота. Въ рукахъ у нихъ метлы и палки: суютъ ихъ и бьютъ ими съ плеча во всякомъ углу на дворѣ и въ клевахъ по воздушному пространству.—Это они изгоняютъ бѣсовскую силу, ибо по ученію ихъ потребниковъ, токмо въ одинъ этотъ часъ и возможно дѣланіе таковое, и имѣетъ вѣроятіе восконечнаго изгнанія нечистыхъ духовъ.

— По закоренѣлому своему обычаю раскола предмѣстнику моему отъ суевѣровъ этихъ было весьма худо, и не безопасно. Озорничали при встрѣчахъ, словами, оскорбляя духовный санъ, и, кто знаетъ,—можетъ усугубляли это и дѣйствіями. Князь ихъ смирилъ и, можно сказать, возложилъ на нихъ узду равнодушія. Заключительно скажу: слѣдствія сокровенной тайны, видимыя лицомъ къ лицу, неисчислимы.

— Не бойтесь вы, что они произведутъ князя при жизни во святыя?—спросилъ я.

— Подобные примѣры въ житіяхъ святыхъ усматриваются. Указываются таковые праведники. Впрочемъ, возложимъ храненіе на уста до благовременія.

— Ну, вотъ, и слава Богу: теперь вы все сами лично видѣли!—сердечно привѣтствовалъ меня князь по возвращеніи изъ „Ижемцы“, не пожелавшій прежде подѣлиться своими наблюденіями и выводами надъ этимъ живымъ и самымъ жгучимъ вопросомъ Печорской страны.

— Теперь отъ себя прибавлю,—говорилъ князь. Спаиваютъ: всю тундру со всѣми стадами на вино вымѣняли: за чарку—шкурка. Долгами такъ опутали, что водворили полное крѣпостное право. Однако, не всѣ... Это только худшіе изъ нихъ такъ дѣлаютъ. Прочіе всѣ, какъ люди—хорошіе люди. Сами видѣли—набожные, хлѣбосольные, предпріимчивые, бережливые и—повѣрьте мнѣ!—съ хорошею нравственностью. Все это есть и у пустозеровъ. Нѣтъ только этой скаредности, стремленія къ наживѣ, излишней заботы о своихъ пользахъ. Въмѣсто нихъ, видѣли: любятъ пустозеры жить просторно, полакомиться и другихъ угостить. Бабы щеголяютъ.

Князь пошелъ на откровенность:

— Устьцылемы замкнуты въ себѣ, не гостепріимны, чуждаются людей, да и лѣнны, а бабы только и умѣютъ вязать чулки да перчатки. За то нѣтъ аккуратнѣе въ расчетѣ съ долгами. Безъ чердынцевъ они погибли бы...

Свиданіе это было послѣднимъ на тотъ третій разъ, когда снова приходилось проѣзжать мимо Усть-Цыльмы, въ полное подкрѣпленіе той истины, что мимо князя никакъ не проѣдешь, куда бы въ самомъ дѣлѣ ни сунуться: на югъ или сѣверъ. Не мнѣ первому оказывалъ онъ всевозможныя услуги и помощь. Въ одномъ случаѣ его жизни довелось ему быть даже спасителемъ отъ серьезной опасности молодого ученаго Кострена, изучавшаго здѣсь родственные языки его финляндской родины. Суевѣрные устьцылемы, по какой-то странной огласкѣ, сочли его за колдуна. Другіе признали его за поджигателя, третьи увѣрились въ томъ, что онъ лѣкарь, отравляющій колодзы. На бѣду самъ Кострень имѣлъ привычку гулять ночью. Дѣло обсуждалось въ волостномъ правленіи,—именно въ томъ смыслѣ, что имъ дѣлать съ чародѣемъ. Два раза уже останавливали ученаго на дорогѣ, но князь не велѣлъ этого дѣлать, и умѣлъ разъяснить, что за дикая птица этотъ пріѣзжій. Въ одномъ домѣ тряслись половыя доски, на которыхъ между прочимъ стоялъ ушатъ съ водой. По забавному случаю свалилась съ печи малица, рассыпалась вязка дровъ, заколыхалась вода въ ушатѣ. Тутъ навѣрное засѣлъ чортъ, и посадилъ-то его этотъ самый наѣзжій чародѣй!—порѣшили Печорцы. Надо было догадаться продѣлать опыты надъ трясучимъ поломъ при всѣхъ,—и видѣть, какъ у суевѣрныхъ зачесались затылки, но не исчезло съ лицъ косые взгляды на финляндскаго колдуна. Повѣрить—несовсѣмъ повѣрили, но разошлись добромъ, и по согласію.

Попрежнему, я нашелъ здѣсь на обратномъ пути со стороны Евсевія Осиповича предупредительную заботливость. Онъ прислалъ ко мнѣ съ моржовыми клыками и посками и мамонтовыми рогами продавца по цѣнамъ, установленнымъ чердынцами: клыки подешевле, рога подороже, поски даромъ, курьеза ради, съ пріобщеніемъ о нихъ архангельскаго анекдота (неудобнаго для печатнаго разсказа). Принесли въ подарокъ курьезныя каменные ядра съ увѣреніемъ, что они отваливаются отъ какой-то горы въ тундрѣ именно въ этой поразительно-правильной обточенной формѣ шаровъ. Оказалось, что князь заботливо относится ко всевозможнымъ произведеніямъ края, лежащимъ въ неизвѣстности и еще не имѣющимъ сбыта въ значеніи продажнаго товара. Онъ пытливо допытывается у всякаго заѣзжаго о возможности примѣненія извѣстнаго сырого продукта. Онъ какъ пріѣхалъ сюда, такъ и завелъ огородъ: насажалъ свеклы, рѣдьки, моркови, гороху и, между прочимъ, картофеля. Дѣло небывалое и невиданное въ слободѣ: крестьяне посмѣивались. На картофель искоса поглядывали, прослышавши, что та овощъ недобрая и въ старыхъ книгахъ проклятая. Съ княземъ принимались спорить, возражали ему:

— Что намъ изъ картофи, да и кто добрый человѣкъ будетъ ее ѣсть? Коли ужъ сѣять, такъ лучше же рѣпу. Князь высѣялъ картофель въ полѣ,—осѣнила его благодать,—уродился порядочнымъ. Сѣятель и насадитель переупрямилъ: теперь картофель и овощи стали выручать голодную страну и огородничество оказалось важнѣе хлѣбопашества. Благодѣтель выписалъ свѣжихъ сѣмянъ и раздарилъ охотникамъ. На слѣдующій годъ они пришли и поклонились князю до самой земли. Въ одномъ князь не былъ счастливъ: не сладилъ съ бабами, настаивая на томъ, чтобы онѣ покупали у чердынцевъ ленъ и ткали бы холсты.

— Не умѣемъ, матери не учили насъ ни ткать, ни прясть, упрямо отвѣчали ему съ привычнымъ припѣвомъ.

Добродѣтельный человѣкъ не уставалъ: онъ уже успѣлъ дать ходъ гагачьимъ шейкамъ, покупаемымъ теперь на Пинежской ярмаркѣ для выдѣлки изъ нихъ очень оригинальныхъ, прочныхъ и красивыхъ дамскихъ муфтъ. Самъ онъ изъ нихъ сшилъ себѣ пестрый широчайшій плащъ, непромокаемый и отличавшійся, сверхъ того, еще тѣмъ, что сизыя съ отливомъ, испещренныя бѣленькими бородами въ такихъ же квадратахъ шкуры эти отъ дождя и снѣга становились еще красивѣе и сизѣе. Шила плащъ самоѣдка, по обыкновенію, оленьими жилами на вѣковую прочность, принявши за выкройку широчайшій капюшонъ княжеской шинели военнаго покроя. Мнѣ плащъ понравился и я мимоходомъ его похвалилъ. Когда я сѣлъ въ сани, чтобы ѣхать по льду Печоры въ обратную, князь прислалъ слугу съ мѣшкомъ, принятымъ мною, какъ послѣдній и обычный знакъ госте-

примства. Мнѣ думалось, что добрыйшій человекъ позаботился снабдить меня съѣстною провизіей на время четырехдневнаго переезда по голодной Тайболѣ съ курными и неприступными избушками-кушнями. На рѣкѣ Мезени въ мѣшкѣ оказался тотъ самый плащъ, который практически служилъ на Печорѣ князю, а для меня лично являлся лишь рѣдкостною вещицей на память и для подарковъ.

На тотъ разъ снова цѣльно выяснилась маленькая фигурка большого человека въ полномъ величіи той изящной простоты, которая такъ гармонировала и пришлась по мѣркѣ съ изумительною патриархальною простотою нравовъ жителей Печоры. Въ ихъ глазахъ, въ самомъ дѣлѣ, князь оказался и образцово-набожнымъ человекомъ, соответственно племенному характеру, какъ грузинъ, и святымъ, безгрѣховнымъ человекомъ — по личнымъ свойствамъ. Онъ заслужилъ чрезвычайное почтеніе еще при жизни, которое, несомнѣнно, должно перейти за предѣлы его подневольнаго временнаго пребыванія на далекой рѣкѣ и перенесется на его могилу. Невольно припомнились мнѣ: и могила Кипріяна въ окрестностяхъ той же Усть-Цыльмы, пострадавшаго въ XVII вѣкѣ за приверженность къ расколу, и сомнительное мѣсто погребенія знаменитаго Аввакума съ четырьмя товарищами, сожженными живьемъ въ Пустозерскѣ. Пескомъ съ ихъ могилъ лѣчатся отъ сердитыхъ недуговъ и ходятъ сюда для поклоненія. Если жива и дѣйствительна ихъ память, то, по нѣкоторому сходству участи, не откажетъ въ томъ же благодарное печорское населеніе неподкупному охранителю ихъ правъ, заступнику за ихъ интересы и, несомнѣнно, добрыйшему человеку. Выяснился передо мною и тотъ разительный контрастъ, который оказался между этимъ побѣдителемъ душъ и сердецъ и тѣми поморскими благодѣтелями, которые подвели подъ свою тяжелую руку беззащитную бѣдность страхомъ отказа въ помощи, денежною кабалой, требованіемъ переменны вѣры и смѣны обычаевъ, перекрещиваніемъ, насилуваніемъ совѣсти и другими недобрыми дѣлами.

На этотъ разъ опять предстала передо мною эта высокая въ нравственномъ смыслѣ личность, скромными, неслышными способами получившая широкую извѣстность. Прошлою весной одно изъ вліятельныхъ лицъ, отправлявшееся на Печору съ важными порученіями и обратившееся ко мнѣ за свѣдѣніями, упомянуло объ Евсеѣи Осиповичѣ Палавандовѣ и пожалѣло, что уже не можетъ воспользоваться его услугами и благотворною помощью. Когда послѣднія для меня оканчивались досаднымъ срокомъ поѣздки и надо было благодарить и прощаться, я рѣшился задать князю тотъ вопросъ, который онъ искусно сдерживалъ до сихъ поръ, — вопросъ, невольно напросившійся въ послѣднія минуты свиданія:

— Когда же вы, князь, соберетесь, наконецъ, оставить Печору и рѣшитесь переменить худшее на лучшее?

Извѣстно было, что не одинъ разъ ему предлагали на выборъ любое мѣсто лѣсничаго во внутренней Россіи, даже въ теплой Мало-россіи, только не за Кавказомъ, но онъ упорно отказывался.

— Зачѣмъ?—отвѣчалъ Евс. Ос. и мнѣ вопросомъ, какъ, вѣроятно, дѣлалъ и при формальныхъ запросахъ служебнаго начальства. — Печора дала мнѣ все, что не дала бы и родина. Здѣшній прелестный климатъ на старости лѣтъ закалилъ меня такимъ здоровьемъ, что могу даже отбавить другимъ желающимъ. Такихъ людей, какъ здѣсь, мнѣ уже нигдѣ не найти. Нѣтъ, не могу вамъ сказать: до свиданія,— прощайте навсегда, до возможной встрѣчи тамъ, на небесахъ, въ будущей жизни. Вѣдь, я вѣрующій!.. Для меня уже давно и безповоротно сложились всѣ мои желанія на-двое: либо на родину—въ Грузію, въ Тифлисъ, либо здѣсь—на Печорѣ, въ Усть-Цыльмѣ, продолжать жить и здѣсь же умереть.

Въ Усть-Цыльмѣ, на церковной горюшкѣ, дѣйствительно насыпана могила князя рядомъ съ тѣми многими, для которыхъ онъ посвятилъ всѣ слишкомъ двадцать послѣднихъ лѣтъ своей безупречной и небезслѣдной жизни. На старомъ церковницѣ остался небольшой холмъ: все рызымло и унесло напоромъ рѣки. Новое мѣсто настолько уже надежно и прочно, какъ самая память о незабвенномъ благодѣтелѣ забытаго и заброшеннаго края.

3. Усть-Цыльма.

Исторія заселенія этого мѣста. — Мой хозяинъ и раскольникъ. — Преданія. — Разсказы о ловлѣ семги. — Очереди и общины. — Суда-каюки. — Поплавня. — Чердынцы. — Быть усть-цылемовъ. — Свадьбы. — Раскольницы. — Легкіе нравы.

Существованіе Усть-Цыльмы, какъ селенія, не восходитъ дальше временъ Грознаго. По двумъ сохранившимся грамотамъ его видно, что основателемъ слободки Цылемской, при впаденіи р. Цыльмы въ Печору, былъ новгородецъ Ивашко Дмитріевъ Ластка, которому и данъ „на оброкъ на Печорѣ на Устьцыльмѣ лѣсъ черный“, съ правомъ „на томъ мѣстѣ людей *называть*, жити и копити на государя слободу, а оброку ему платити въ государеву казну на годъ по кречету или по соколу, а не будетъ кречета или сокола, ино за кречета или сокола оброку рубль“; на томъ основаніи, „что по тѣмъ рѣчкамъ лѣсъ-дичъ и пашень и покосовъ и рыбныхъ ловищъ изстари нѣтъ ничьихъ и отъ людей далече, верстъ за пятьсотъ и больше“. „А кто у того Ивашка — говоритъ грамота дальше — въ слободѣ пріѣзжихъ людей учнетъ жить сильно, а ему не явился, и онъ съ того емлетъ про мыты на великаго князя рубль московскій“ и проч. Богатство края: рыбныя ловища и кречатьи и соколы садбища (по словамъ грамоты) и

лѣсъ-дичь (не початой), породило Ласткѣ противниковъ: кеврольцевъ, чакольцевъ и мезенцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые знакомы уже были съ Печорою и ея богатствомъ прежде — „ловили рыбныя ловли наѣздомъ“, какъ говоритъ вторая грамота въ другомъ мѣстѣ. Эти придумали хитрость, хотя и весьма неловкую: они задержали Ластку, на пути въ Москву, у себя на Пинегѣ, отправивъ впередъ своихъ приспѣшниковъ ходатайствовать у царя объ новой грамотѣ для себя исключительно. Въ мартѣ посланные явились въ Москвѣ съ челобитьемъ и сказомъ „про Ивана про Ластку, что его безъ вѣсти нѣтъ“ и что они готовы дать оброкъ за два года впередъ по три рубли на годъ. Въ апрѣлѣ пріѣхалъ и Ластка, и къ прежнему оброку надбавилъ еще рубль противъ противниковъ своихъ. Рѣшено было тѣмъ, что Печора осталась за Ласткою, „потому что (какъ сказано въ грамотѣ) насъ тѣ кеврольцы и чакольцы и мезенцы Вахрамѣйко Яковлевъ съ товарищи обогнали, что Ивашки Ластки безъ вѣсти нѣтъ, а давати ему оброку царю и великому князю на годъ въ нашу казну по четыре рубли московскихъ“. На оборотѣ подпись Грознаго и слѣдуетъ приписка, изъ которой видно, что пинежане на новый оброкъ Ластки наложили еще свой рубль, но Ластка и тутъ не уступилъ: Печора осталась таки за нимъ за шесть рублей оброку въ годъ. Это и засвидѣтельствовано скрѣпою такого знаменитаго окольничаго, какимъ былъ другъ Грознаго царя, Алексѣй Федоровичъ Адашевъ. *

Ластка затѣмъ лѣсъ-дичь расчищалъ и въ слободку людей призывалъ, и церковь Николы Чудотворца въ той слободкѣ поставилъ, въ 1547 г., и попа устроилъ, какъ ему у той церкви можно прожить!“

Все это происходило въ 1555 году. Черезъ девять лѣтъ, въ 1564 году, въ Усть-Цыльмѣ считалось уже 14 дворовъ и „въ нихъ людей 19 человекъ, по Якимову письму Романова.“ Въ 1575 году „по Васильеву письму Агалина да подъячаго Степана Соболева въ ново прибыло (передъ прежнимъ) два двора, а людей въ нихъ прибыло 4 человека“, а при нихъ „церковь съ трапезою Никола Чудотворецъ на погостѣ и при ней черныи попъ Андреянъ.“ „А се угодья Усть-Цылемскія волости жильцовъ, по рѣкѣ Печорѣ рыбныя ловли и тони и рѣчки и стороннія, которыя устья падуть въ рѣку Печору... и всего 14 тонн да 6 рѣчекъ. А ловятъ на всѣхъ на тѣхъ тоняхъ красную рыбу семгу, а въ рѣчкахъ ловятъ бѣлую да бобры бьютъ * всею Усть-Цылемскою волостью жильцы. А владѣютъ они волостные люди во всякихъ угодьяхъ двѣма долями, а третьею долею во всѣхъ угодьяхъ владѣютъ тутошныя слободчики Иванко Ластка... Да въ той же Цылемской слободки хлѣбныя пашенки позади дворовъ ихъ въ капустныхъ огоро-

* Бобры теперь такъ замѣчательная рѣдкость.

дишкахъ ихъ же новыя розчисти всей волости пашенки пять четей и они тѣ пашенки въ иной годъ пашутъ, а въ иной и не пашутъ, потому что морозомъ убиваетъ; да ихъ новыя розчисти, а на тѣхъ розчистяхъ косятъ они сѣно. А давали они прежь сего царю и великому князю въ казну съ тое пашенки и сѣяныхъ покосовъ по тому, какъ было прежь сего, по рублю московскому на годъ. А разводити имъ тотъ оброкъ промежь себя самимъ по своей пашнѣ и по сѣянымъ покосамъ, кто сколько пашетъ.“ Въ началѣ нынѣшняго столѣтія домовъ считалось въ Усть-Цыльмѣ уже 120, а жителей 417 душъ; церковей 2, обѣ деревянныя, изъ которыхъ одна, построенная въ 1752 году, обветшала, другая, новая, построена въ 1853 году.

По преданію, обѣ церкви и дома жителей были ближе къ Печорѣ, но случился пожаръ,—и первая церковь, просуществовавъ около 200 лѣтъ, сгорѣла вмѣстѣ съ деревней. Хотѣли ставить храмъ на старомъ мѣстѣ, но образъ Спаса, принесенный сюда Ласткой и товарищемъ его Власомъ, самъ собою переходилъ на новое мѣсто. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ возвратити на старое мѣсто, принуждены были остановиться на избранномъ имъ самимъ, новомъ мѣстѣ. Скоро и все поселеніе перешло сюда, а старое размыло и унесло напоромъ Печоры,—остался на память небольшой холмъ. Новая церковь построена точно также съ соблюденіемъ того архитектурнаго пріема, который затребованъ самою жизнію и указанъ прежними обычаями. Окна въ церкви и на паперти прорублены только съ южной стороны; съ сѣверной, откуда налетаютъ злыя студенныя силы, оставлено небольшое, всего не больше четверти квадратное оконце. Явленная икона угодника Николы (вершковъ шести длины) украшена серебряною ризою со стразами: всякій, плывущій сверху, молится здѣсь и жертвуетъ.

Вотъ все, что можно было узнать про прѣшедшее и отчасти настоящее Усть-Цыльмы по древнимъ памятникамъ, актамъ и книгамъ—а въ настоящемъ... Такъ-называемая отводная квартира — комната, обитая, къ удивленію, шпалерами, хотя и дешевенькими и старенькими, въ родѣ тѣхъ, какими обиваются станціонныя комнаты въ дальней Россіи, на большихъ трактахъ. Крашеный столъ съ побѣлѣвшей доской, выскобленный хлопотуньей хозяйкой по излишней чистоплотности, кровать двуспальная съ ситцевыми занавѣсками: во всемъ признаки квартиры, передо мною только опростанной хозяевами. Въ углу печь огромная и, на этотъ разъ, до того натопленная, что въ комнатѣ было невыносимо-душно. Передо мною самъ хозяинъ, успѣвшій уже распросить меня: кто я, зачѣмъ и откуда.

Всѣ дома усть-цылемскіе плохо срублены, неискусно слажены и потому большею частію холодны, и въ морозы требуютъ усиленной топки дешевыми дровами. Къ тому же избы эти переполнены черными тараканами, прусаками.

— Да теперь на нихъ лѣкарство придумано — объясняетъ хозяинъ: растворимъ окно, остудимъ печи, двери распахнемъ, сами къ сѣдамъ переберемся—вымораживаемъ дня два-три. Въ досельные годы, при Грозномъ царѣ, когда этотъ черный тараканъ на Руси появился, не знали что съ нимъ дѣлать,—боялись. Въ одномъ мѣстѣ полдеревни—сказываютъ—сожгли отъ нихъ. Въ другомъ цѣлую деревню спалили, чтобы звѣря этого истребить.

Пригласилъ я хозяина чаю напиться—не отказался, но, взявши чашку и перекрестившись, оговорился:

— У насъ эдакіе вотъ есть, что съ тобой изъ одной чашки не стануть пить и ѣсть...

— Отчего-же?

— Вѣра, значить, такая. И въ кабакъ идетъ со своей чашкой. Не люблю я этого!..

— Самъ-то ты старовѣръ?

— Старой вѣры, что таиться, старой вѣры! Да я только старымъ крестомъ крещусь — истиннымъ, значить, да въ церковь не хожу, по батюшкину по завѣту: — а то ничего. У насъ, почестъ, всѣ такъ, все селеніе.

— Какого же вы толка?

— Да ты нѣшто по этому дѣлу пріѣхалъ? Такъ я къ тебѣ такого человѣка приведу: онъ тебѣ все скажетъ, а я говорить не умѣю. Пойдемъ теперь, я тѣ селеніе наше покажу, да и отъ собакъ обороню. Много же ихъ у васъ въ селенѣ: по осенямъ-то насъ волки обижаютъ, забѣгаютъ съ Печоры, такъ противу нихъ!..

Пошли. Передъ глазами рядъ домовъ безъ порядка и симметріи: одинъ нахально выступилъ впередъ и съузилъ улицу, другой робко спрятался за него, закрывшись какимъ-то сараемъ и обернувшись главнымъ фасомъ своимъ совсѣмъ задомъ къ сосѣду. Дома эти всѣ двухъ-этажные: у верхняго придѣланы балконы, у оконъ ставни расписанные, размалеванные по всей прихоти доморощенныхъ вкуса и воображенія; у каждаго на крышѣ по шесту съ флюгаркой, которую часто замѣняетъ простая крашенинная тряпка, голикъ, палка. Всѣ дома, при общемъ взглядѣ на нихъ, какъ будто сейчасъ сползли съ сосѣдней горы и наперерывъ другъ передъ другомъ стараются быть поближе къ рѣкѣ Печорѣ. Печора привольно раскинулась передъ селеніемъ версты на полторы въ ширину. Шли мы долго, и селенію, кажется, конца нѣтъ.

— Длинна же ваша Усть-Цыльма!—обратился я къ проводнику-хозяину.

— Живетъ-таки. Семь верстъ изъ конца-то въ конецъ считаемъ. Пустырей ужъ очень много: при болотахъ, вишь, выстроились, проталинки такіа по сю-пору видны. Вонъ, гляди, какой пустырь!

Передъ нами площадка, въ одномъ концѣ которой, на пригоркѣ, новая церковь; справа недурное (сравнительно) зданіе съ надписью „сельская расправа“, — подлѣ кабака. У кабака куча народу, обратившагося въ нашу сторону съ изумленными и недоумѣвающими лицами. Одинъ отошелъ въ нашу сторону; хозяинъ пріотсталъ.

До слуха моего донеслось слѣдующее:

— Начальникъ?

— Начальникъ.

— Какой?

— Большой, изъ самаго изъ Петенбруха.

— По насъ?

— Кажись...

Еще нѣсколько словъ, которыхъ уже нельзя было слышать.

На обратномъ пути къ дому, весь народъ, стоявшій у кабака, значительно увеличившійся въ количествѣ (сколько могъ я это замѣтить), снялъ шапки. Хозяинъ опять отсталъ, пославши въ догонку за мной парнишку, вѣроятно, съ прежнею цѣлю отгонять отъ меня собаку, и пришелъ въ мою комнату, уже часъ спустя, съ поклономъ, умоляющимъ видомъ и вопросомъ:

— Не вытолкаешь ты меня въ шею?

— Чего ты это, Богъ съ тобой! Милости прошу, садись, потолкуемъ!

— Я не за тѣмъ...

— Что-жъ тебѣ угодно?

— Да угодно, твою милость, значить, — затрудить просьбой...

— Какой же? садись и рассказывай!

Хозяинъ продолжаетъ ежиться и кланяться.

— Я не за себя, выходить...

— За кого же?

— Миръ тебя видѣть желаетъ: выборныхъ прислалъ — не прогонишь ты ихъ? — Въ избѣ ждутъ...

— Проси ихъ, что имъ надо?

Хозяинъ опрометью бросился за дверь и явился съ цѣлой толпой мужиковъ, изъ которыхъ только одна половина могла умѣститься въ комнатѣ; другіе установились въ избѣ. Изъ толпы выходитъ одинъ, видимо, самый бойкій, кланяется низко въ поясъ и, встряхнувши съдой головой, спрашиваетъ:

— Изъ Петенбруха ваша милость?

— Да. — Что-жъ тебѣ угодно?

— По какимъ по такимъ по дѣламъ изволишь?

— Посмотрѣть какъ вы рыбку ловите, судѣнки строите...

— А не по духовнымъ? — слышался вопросъ отъ другого.

— Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ.

— А мы думали—по духовнымъ: у насъ, вишь, тутъ дѣло есть такое немудрое...—продолжалъ опять первый.

— Церковь, вишь, благословенную построить хотѣли—поддержалъ его второй голосъ.

— Такъ, вишь, ни то, ни сѣ—ужъ и не знаемъ, какъ дѣло-то это понимать? Яви божескую милость, прими прошенъеце!

Весь народъ—и передніе, и задніе—повалился въ ноги. Исторія принимала крутой оборотъ, неожиданный, неприложимый ко всему тому, чего и отъ нихъ хотѣлъ и чего могъ ожидать.

— Я, братцы, не за тѣмъ посланъ. Просите тѣхъ, отъ кого это прямо зависить: мое тутъ дѣло сторона!

Просители опять поклонились; на лицахъ ихъ можно было прочитать какое-то недовѣріе къ моему отвѣту. Первымъ вывелъ меня изъ этого неловкаго положенія тотъ, который началъ говорить со мной и котораго они, повидимому, выбрали своимъ адвокатомъ:

— Ну, прости нашу глупость мужицкую, что безпокойство тебѣ причинили. Не гнѣвайся!..

Задніе уже полѣзли изъ дверей, но выборный оставался.

— Мы, вѣдь, темный народъ, извѣстно. Думали, что ты вправду такой!..

Онъ, наконецъ, поклонился и вышелъ. Въ избѣ уже начался базарный шумъ, который становился все громче и громче. Немного спустя, дверь опять отворилась. Явился сѣдой старикъ опять съ поклономъ.

— Говорить съ тобой послали...

— Объ чемъ же?

— О томъ говорить послали, что тебѣ самому-то надо. Сказывай! Зачѣмъ, давѣ сказывалъ, послали-то тебя?—я не вслушался...

— Посмотрѣть, какъ вы суда строите, какъ вы рыбку ловите...

— Суда строимъ? да судовъ-то мы, вѣдь, не строимъ никакихъ, нѣтъ у насъ заводу экаго съ искони бѣ. Карбасишки вонъ шьемъ маленькіе, про домашнюю потребу. Большія-то суда изъ Мезени приводимъ. Пониже-то, вонъ въ Городкъ (Пустозерскъ), въ-рѣдку когда строятъ же и большія, да мало... Каюки * чердынцы приводятъ: такъ и тѣ тамъ вверху дѣлають, у нихъ же... Пущаемъ ихъ съ рыбкой, кому надо. А рыбку-то мы больше сѣмушку (семгу) да сижковъ (сиговъ) промысляемъ. Велишь, что-ли, сказать, какъ рыбку-то промысляемъ, али не надо?.. Можетъ ты такъ про рыбу-то спрашивалъ?..

* *Каюки*—грузовое судно, крытое двускатною крышею, снаружи высмоленное, длиною отъ 8 до 12, шириною отъ 3 до 5 сажень; въ кормѣ каюта; вершина носа загибается внутрь судна. Суда эти ходятъ и противъ теченія на парусахъ и бичевой (рѣдко впрочемъ); въ море не пускаются. Грузу поднимаютъ они отъ 6 до 9 тысячъ пудовъ.

— Сдѣлай милость, будь такъ добръ!

— Осенью, вѣдь, это больше, потому сѣмушка рыбка такая прихотливая, забавная—сказать бы тебѣ надо. Любитъ она, матушка, вѣтры, бури, чтобъ вода-то какъ въ котлѣ кипѣла. Знаетъ-ли она, что человѣку-то эта погода не любя и сидитъ-де всякій крещеный въ ту пору дома, али бо другое что; по мнѣ, кажись, вѣрнѣе то: Господь ее Богъ сотворилъ ужъ такой, что ей бы все съ волной, да съ порогами бороться, силой своей дѣйствовать... Христосъ ее вѣдаетъ въ томъ. Только она все противъ воды идетъ на устрѣту, а, вѣдь, Печорушка-то наша больно же бойка, быстро бѣжить. Навага, сигъ, пеледь опять—эти идутъ больше въ ясную погоду, когда солнышко свѣтитъ, а сѣмушка — нѣтъ! Какъ, выходитъ, поднялись бури, такъ мы за ней и выѣзжаемъ—прости, Богъ, грѣхамъ нашимъ! Пушаемъ *поплавню* * — сѣтъ такая большая, какъ есть рѣка шириной. Этой больше ловимъ всѣмъ селеньемъ, а то и неводами: — тѣми, почитай, меньше одначе. Чтò выловимъ, то на мѣръ и разложимъ и продадимъ чердынцамъ, которые на каючкахъ-то приходятъ къ намъ. Этимъ вотъ и подати оплачиваемъ государевы. Ты такъ и записывай, гдѣ у тебя тамъ...

— Ловимъ очередями, кому жеребій укажетъ, а то порѣшимъ суточно. Сперва выѣзжаетъ первая лодка и вывозитъ поплавню на самую середину рѣки. То мѣсто примѣтно всѣмъ, и потому зовется тоней. Здѣсь конецъ сѣти бросать съ буйкомъ (боченочекъ такой заведенъ у насъ, ино—онъ же и матафанъ, зовутъ и такъ). Парни торопятся, скорѣй бы выкидать сѣтъ, а конецъ ея въ рукахъ держать. Версты съ три плывутъ по теченью, по тонѣ-то, а тамъ и начинаютъ забирать въ лодку и сѣти и рыбу съ нима. Затѣмъ — вторая очередь наступаетъ. Просто же дѣло-то это, я такъ думаю и писать тебѣ нечего, — гдѣ у тя книжка-та?

* Поплавня — крестообразно сдѣланный изъ палокъ поплавокъ, къ которому при-
вязывается длинная до 200саженъ, во всю ширину рѣки, сѣтъ, и который оставляется
на одномъ берегу рѣки. Сѣтъ эта, у которой наверху полавки изъ бересты, а внизу
кибаса—каменные якорьки—постепенно выметывается изъ лодки къ другому берегу
и принимаетъ видъ вогнутой линіи, подаваясь впередъ по теченію. Когда вся сѣтъ
будетъ выброшена, тогда ѣдутъ съ нею съ верегу по теченію и потомъ медленно за-
ворачиваются, выбирая сѣтъ въ лодку. Рыба обыкновенно, проходя, вязнетъ въ
ячеяхъ, величина которыхъ нѣсколько меньше середины тѣла рыбы, бьется и тѣмъ
даетъ знать о мѣстѣ нахожденія. Замѣтивши ее въ водѣ, и обыкновенно для того,
чтобы она не выбилась и не ушла, достаютъ ее оттуда желѣзнымъ крючкомъ, вонзалъ
его въ бокъ. Съ неводомъ таже исторія, съ тою разницею, что неводомъ ловятъ въ
меньшемъ участкѣ рѣки, а не во всю ея ширину. При неводѣ успѣхъ ловли зависитъ
отъ того, чтобы возможно быстрѣ загребать, перегибалъ неводъ къ береговой сторонѣ.
Береговой конецъ—безъ полавки, его держитъ на берегу работникъ. Ихъ требуется
до пяти человѣкъ, чтобы могли бороться съ бурями: онѣ высоко вздымаютъ волны
Печоры, а лучший ловъ всетаки въ ненастное вѣтряное время, въ бурную, тем-
ную ночь.

Тоже общинное право является въ силѣ и дальше на устьяхъ Печоры, гдѣ также всѣ участвуютъ въ ловѣ, не исключая вдовъ и сиротъ. Тони погодно переходятъ въ пользованіе отъ одной деревни къ другой, и каждая деревня, въ свою очередь, имѣетъ хорошую и худую тону. Одни дѣйствуютъ капиталомъ, другіе—трудомъ. Желаніе продаютъ свои пай или участки въ паяхъ.

— Что же дальше съ рыбой?

— Солимъ. Правда, лежитъ же она у насъ сутки двои, и пожалуй, и трои въ водѣ, мокнетъ—значить...

— Зачѣмъ же такъ? вѣдь этакъ вся истощаетъ: она дрябнетъ тѣломъ, дѣлается хуже, вонъ какъ и по Бѣлому морю.

— Это правда, что дрябнетъ, тоже вонъ и чердынцы сказываютъ.

— И солите-то, вѣроятно, скупю.

— Не больно же щедро: и на это указываютъ всѣ...

— Зачѣмъ же дѣло, отчего не дѣлаете лучше?

— Да ужъ дѣлать видно такъ, какъ заведено изстари. Вотъ поди ты, отчего бы и не дѣлать-то лучше, право! Ишь, вѣдь, мы народъ какой глупый, право? Захотѣлъ ты отъ насъ, отъ дураковъ: какъ, знать, рождены, такъ и заморожены, право!..

— Чѣмъ же еще-то живете вы?

— Да какъ чѣмъ—вонъ скотинку держимъ и много скотинки-то этой держимъ. Бьемъ ее—мясо продаемъ самоѣди. Любятъ, вѣдь, они мясо-то и сырьемъ жрутъ, такъ, — паръ тебѣ идетъ отъ нее, кровь течетъ съ нее, а ему-то тутъ, нехристю, и скусъ, и глазенки-то его махонькіе всѣ радостью этой наливаются. Это, вѣдь, не русское племя. Вонъ посмотри ты ихъ: живутъ они по тундрѣ-то и по деревнѣ у насъ ходятъ, кто за милостыней, кто въ работникахъ живетъ; бабы... тѣ больше шьютъ и таково ловко шьютъ—поискать тебѣ на бѣломъ свѣтѣ!

— Олени-то есть у васъ?

— Самая малость. Только про свой обиходъ. Во всемъ селеніи не найдешь половины противу того, что вонъ у ижемца у другаго и не больно у богатаго. Олени-то всѣ у нихъ, вся тундра у нихъ, всѣхъ самоѣдовъ ограбили эти ижемцы. Зыряне, вѣдь, они, не наши!.. Бѣдное, вѣдь, наше селеніе, больно бѣдное: босоты да наготы изувѣшены шесты. Смотри: дома всѣ погнили да рушатся, а поправить нечѣмъ. Вонъ и теперь дѣло съ пустозѣрами не можемъ порѣшить: загребли Печорушку всю, почестъ; выселки свои понадѣлали чуть не подъ самымъ у насъ носомъ. Тако дѣло!.. Не похлопочешь ли ты, ваше сіятельство, яви милость божескую! Плательщики бы были до гробовой доски!..

Старикъ поднялся со скамьи и повалился въ ноги.

— Не нравится мнѣ, старикъ, низкопоклонство ваше, зачѣмъ оно.

— И, батюшка, съ поклону голова не сломится! Будь ты только милостивъ, а мы за этимъ не стоимъ!..

— Вы, старикъ, все-таки меня не за того принимаете, за кого надобно, ошибаетесь...

— Ну, прости, прости, разумникъ! Не буду просить, ни о чемъ не буду просить, развѣ... не кури вотъ, кормилецъ, при мнѣ:—больно ужъ очень перхота долить!

— Изволь, для тебя и за твою словоохотливость...

— Ну да ладно, стой, о чемъ-бишь ты давѣ спрашивалъ? Еще-то тебя зачѣмъ послали?

— Да вотъ затѣмъ еще, чтобъ посмотрѣть какъ живете?

— Живемъ-то? Да больно-же нужно живемъ. Сторона, вишь, самая украиная; чай, тебѣ и доѣхать до насъ много же времени хватило?

Я сказалъ.

— Больно бѣдно живемъ—это что и толковать! Прежде получше жили, а вотъ теперь какую тебѣ чердынцы цѣну за семгу дадутъ, то и ладно, ту и берешь съ крестомъ да съ молитвой. На все, вѣдь; намъ надо деньги; все, вѣдь, мы покупаемъ: вонъ и постели—шкурны оленьи, надо бы сказать тебѣ—и тѣ покупаемъ, чего бы хуже! У ижемцевъ экаго добра столь, что хоть волость-то всю укутывай—хватитъ. Они и одѣнутся, они и денежки въ кованный сундукъ положить—богаты! Бѣднѣй-то насъ ты на всей Печорѣ не сыщешь. Не многимъ, чѣмъ самоѣди-то, богаче живемъ...

— Зачѣмъ же народу такъ много у кабака стоитъ?

— Пьютъ у насъ—это правда, что пьютъ, да не больно же шибко. А у кабака стоитъ кто: не всякій же и за питьемъ пришелъ; гляди на половину—такъ постоять собрались да покалякать. Гдѣ больше-то дѣлать этакъ въ другомъ мѣстѣ? А тутъ тебѣ весь міръ, весь деревенскій толкъ. Малицы наши теплы и къ морозу мы свычны, озябъ который, въ кабакъ зайдетъ погрѣться: подъ руками благо! По праздникамъ пьютъ и шибко гуляютъ—что хитрить? Наши пьяницы, хоть и не очень отягощаютъ себя пьянствомъ, однако, не дадутъ своей долѣ испортиться въ подвальной бочкѣ, да и чужое-то, пожалуй, не квасятъ. Я, вѣдь, тебѣ всю правду... Что же еще-то ты смотришь у насъ станешь?

— Пѣсни буду слушать да записывать, не попадется ли хорошая?

— На посѣдки, стало, пойдешь къ дѣвкамъ?—это ты дѣло! У насъ это всѣ любятъ, никто не обойдетъ селенія нашего. Затѣмъ и слава такая пущена,—чай, ты и на Мезени про то слышалъ? У насъ

это одно не ладно: въ старину, сказываютъ, благочестіе было, да и на моей памяти, смиріе. Теперь измотался народъ, изсвободился. А, можетъ, такъ и надо.

— Не сказалъ ли я тебѣ, ваша милость, обиднаго чего этимъ словомъ самимъ?—Прости! Я вѣдь опять,—сгруппа. Пошто же эти тебѣ пѣсни-то?

— Необходимы также, очень пригодятся мнѣ!

— Да пошто-жъ и ѣхать тебѣ этакую даль? По мнѣ, кажись, ѣхалъ ты напрасно: у васъ тамъ, въ Расеѣ, лучше, красивѣе баютъ нашихъ пѣсни эти. Не надо бы...

— Это не главное.

— То-то. Еще что тебѣ надо?

— Посмотрѣть, какъ свадьбы справляютъ.

— Это можно. Почему же опять и не посмотрѣть тебѣ, какъ свадьбы справляютъ?—У насъ, вѣдь, это все по старинѣ, по самой стародавней.

— Вотъ это-то и хорошо: это для меня еще болѣе любопытно.

— Ну, врешь, ваше благородіе! Ты это не по себѣ... ты это меня старика приголубить хочешь: видишь, что старъ я, да старымъ крестомъ помолился, да разговоры тебѣ разговариваю, ты это меня поласкать... Я тебѣ не вѣрю! сказывай дальше!..

— Другіе у васъ обычаи, какихъ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ пріѣхалъ посмотрѣть...

— Да, вѣдь, этихъ-то нѣтъ у насъ, совсѣмъ нѣтъ, хоть и не ходи и не выпытывай! Мы живемъ, надо тебѣ сказать всю правду, такъ какъ намъ начальство велить, отъ себя мы ничего... ни-ни, ничево-хонько...

Старикъ при этомъ моталъ головой, шевелилъ ногами, руками махалъ; приподнялся со скамьи и, наклонивши голову къ плечу, съ умоляющимъ лстивымъ выраженіемъ лица, примолвилъ:

— Батюшка! ваша сіятельная особа, христовъ человекъ! позволь я къ тебѣ давѣшнихъ-то мужиковъ приведу, хоть не всѣхъ... Сдѣлай милость,—за благодарностью тебѣ мы не постоимъ!..

Словамъ этимъ скорѣе можно было, пожалуй, смѣяться, чѣмъ сердиться на нихъ. Во всякомъ случаѣ отъ старика не было никакой уже возможности добиться чего-нибудь болѣе толковаго, идущаго къ дѣлу. Онъ началъ отвѣчать какъ-то урывчиво, не впадѣть, отъ бѣдѣйшей части вопросовъ отказывался крайнимъ невѣдѣніемъ, несмѣлостью, тупостью и неразуміемъ. Старикъ, видимо, хитрилъ и окончательно не довѣрялъ мнѣ, что особенно ясно высказалъ при прощаньи со мною:

— Прости, говорилъ онъ:—пошли тебѣ Господи вечеръ сей безъ грѣха сотворить!

— А ты, кормилецъ, ангельская твоя душа!—прибавилъ онъ потомъ, немного помолчавъ и подумавши: — меня не тронешь? Не тронешь за то, что тебѣ наговорилъ: можетъ, какую глупость, не вѣдаючи, вывалилъ. Памятью-то ужъ больно слабъ сталъ. Новое и не хотѣлъ бы сказать—сказывается! Прости ты меня старика-дурака досельняго. Въ гробъ бы мнѣ ужъ надо, вотъ что! Прости, твое благополучіе!

Суровость климата, а вслѣдствіе того скудость почвы, которая способна произращать только одинъ ячмень, всегда не дозрѣвающий, плохого качества и въ маломъ количествѣ, наконецъ (и это главнѣе всего)—близость моря, отвлекають усть-цылема отъ домашнихъ работъ и приурочивають его къ странствіямъ въ дальнюю сторону. Большую часть весны и лѣта они, какъ и всѣ приморскіе жители, проводятъ на морѣ: или около устья Печоры, или даже на Новой Землѣ. Осень, самое рыбное время для Печорскаго края, призываетъ усть-цылемовъ къ дому, или лучше къ родной рѣкѣ. Только зима — и это особенное счастье, исключительное право для нихъ, сравнительно съ другими приморскими жителями Архангельской губерніи — находить ихъ дома. Но въ это время усть-цылему уже положительно дѣлать нечего, если не накопилось (и лишь у самыхъ богатыхъ изъ нихъ) излишняго количества рыбы для продажи. Дальнія поѣздки на мѣста сбыта: на Пинежскую и Усть-Важскую ярмарки отнимають, правда, у нихъ большую часть глухой зимней поры, не принося существенныхъ выгодъ. Рыба сравнительно съ Пустозерскою волостью, добывается въ усть-цылемскихъ участкахъ по Печорѣ въ значительно меньшемъ количествѣ. Ловъ и сбытъ добытаго лѣсного звѣря (лисицъ, выдръ, песцовъ—псецовъ по мѣстному выговору, — горностаевъ, бѣлокъ) также, сравнительно, ничтоженъ. Оленеводство, по словамъ старожиловъ, обогатившее наружно слободу, теперь въ рѣшительномъ упадкѣ, по причинѣ сильнаго соперничества Ижемской волости („Ижемцы“).

Вотъ почему—сильно развившаяся въ послѣднее время въ этой волости страсть выселяться на другія мѣста, даже за Уральскій хребетъ, на Обь (за Сибирскій камень, по ихъ выраженію), — при чемъ значительное количество усть-цылемовъ въ наймахъ у богатыхъ ижемцевъ и пустозеровъ. Большая часть промысловъ идетъ на вымѣнъ хлѣба и другихъ необходимыхъ для домашняго обихода предметовъ, привозимыхъ издавна усть-сысольскими торговцами, а въ послѣднее время сильно набившими руку въ коммерческихъ операціяхъ ижемскими крестьянами. Мелкій рогатый скотъ, по большей части комолый, давнишній предметъ вниманія усть-цылемовъ, даетъ, правда, сравнительно-значительное количество сала и масла, но и эти продукты находятъ болѣе выгодный сбытъ только въ рукахъ наѣзжающихъ куп-

цовъ и торгашей. Выставляютъ, правда, усть-цыемы всякому проѣз-
жему и захожему гостю не туземныя лакомства: кедровыя орѣхи, пше-
ничныя баранки, извѣстныя у нихъ подъ названіемъ калачиковъ, вя-
земскіе пряники (во имя исконнаго обычая гостепріимства); пьютъ
даже чай не съ медомъ, а съ сахаромъ, но и за этой щепетильной
роскошью можно усмотрѣть внимательнымъ взглядомъ самую непри-
глядную и вопіющую бѣдность, всю въ лохмотьяхъ и заплатахъ. Домѣ,
всѣ до единого, расшатало бурными вѣтрами со стороны моря и ог-
ромной Большеземельской тундры, всѣми пургами, хивусами, замѣте-
лями, куревомъ и размыло проливными весенними и осенними дождя-
ми. Нѣтъ (по словамъ достовѣрныхъ свидѣтелей и умныхъ старожи-
ловъ не изъ деревенскаго сословія) ни одного слобожанина, на кото-
раго можно было бы указать какъ на достаточнаго, не говоря бога-
таго. Повсюдная бѣдность, вопіющая бѣдность! Между тѣмъ, нѣтъ ни
одного селенія (исключая толковой Ижмы), въ которомъ была бы силь-
нѣе развита грамотность, какъ въ Усть-Цыльмѣ. Здѣсь, естественно,
какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ Россіи, надо искать причину въ
расколѣ, сильно развитомъ по всей волости *. Какъ непреложный
фактъ, за истинность котораго можно ручаться, извѣстно, что всѣ
архангельскіе раскольники грамотны. Такова и Усть-Цылемская во-
лость. И вотъ почему становится понятнымъ извѣстное всѣмъ ученымъ
изслѣдователямъ отечественной старины богатство здѣсь старинныхъ
памятниковъ письменности въ актахъ, отдѣльныхъ монографіяхъ, ста-
ропечатныхъ книгахъ, грамотахъ и другихъ бумагахъ. Они свято
хранятся здѣсь на тяблахъ, въ чуланахъ и крѣпкихъ сундукахъ за
замкомъ не какъ вещи, имѣющія цѣнность, какъ нѣчто старое, пере-
жившее много столѣтій, но какъ матеріалъ для поученія и чтенія на-
зидательнаго, усладительнаго, душеполезнаго. Пишущему эти строки
удалось видѣть свѣжія, недавнія копіи, цѣлыми томами большого фор-
мата, со старопечатныхъ книгъ и цѣлые сборники-книги, которые
поразительны по той разносторонней пытливости и любознательности,
съ какими старались записывать печорскіе грамотѣи все, что могло
интересовать ихъ и на сколько позволяли то дѣлать небогатые, отно-
сительно, средства. Достовѣрно, однако же, и то, что здѣсь заводи-

* Въ Усть-Цыльмѣ, между прочимъ, проявился мѣстно-чтимый святой. Зовутъ
они его Иваномъ Постникомъ и на могилу его, верстахъ въ трехъ отъ селенія, ходятъ
въ іюлѣ совершать панихиды. Здѣсь подъ лиственницами стоитъ деревянный гробъ
огшельника, который выходилъ изъ своего уединенія въ Слободу, ходилъ по домамъ,
когда вздумаетъ и всегда печально, толковалъ подолгу и помногу. Ни отъ кого не
принималъ за то никакого угощенія, никакихъ подарковъ и не сказывалъ, гдѣ живетъ.
Однажды выслѣдили его, но въ то же время видѣли, какъ онъ всталъ на колѣнки и
остался недвижимъ. Отъ возвращенія грѣшниковъ скончался, и уже надъ мертвымъ
соорудили гробъ, который существовалъ въ томъ же видѣ и въ наше время.

лось училище, но усть-цылемы не приняли его по той причинѣ, что въ немъ обѣщали учить по новымъ, а не по старымъ книгамъ, и опять обратились къ своимъ доморощеннымъ грамотницамъ-бабамъ, по обыкновенію, престарѣлымъ сиротамъ, вдовамъ или засидѣвшимъ до поздней поры дѣвкамъ.

Такова вся жизнь усть-цылема, не сложная по обыкновенію, какъ и вообще жизнь всякаго простого русскаго человѣка, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя посильно удалось мнѣ собрать въ недолгое пребываніе въ Усть-Цылемѣ.

Родится онъ въ банѣ, подъ присмотромъ и на глазахъ досужей приспѣшницы родильнаго дѣла бабки-повитушки; пять сутокъ выдерживаютъ его въ банной духотѣ и теплотѣ, часто обмывая. Роженца тоже моется и тоже, до истеченія пяти сутокъ, выйти изъ бани не смѣетъ. Въ избѣ, на шестыя сутки, новорожденному дается имя ставленой дѣвкой или старикомъ, по старопечатному требнику и при благословеніи до никоновскимъ крестомъ. Дальше стараются всѣми мѣрами уберечь дитя отъ недобраго взгляда и неладнаго оговора чужимъ человѣкомъ: въ противномъ случаѣ вспрыскиваютъ его черезъ уголь холодной водой до судорожнаго состоянія во всемъ молодомъ, нѣжномъ тѣлѣ. Потомъ цѣлыхъ полгода пеленаютъ его усердно и крѣпко, чтобы не выросло дитя уродомъ, и не кажутъ ему сильнаго печного свѣта, чтобы не косило оно потомъ во всю жизнь глазами. Годовалыхъ кладутъ на закорки подростковъ, сестренки или братишки и даютъ право выходить на улицу дышать свѣжимъ воздухомъ и развивать на неоглядныхъ полянахъ, обступившихъ кругомъ селеніе, молодое зрѣніе, которое въ взросломъ состояніи пригодится при стрѣляннѣ дичи и лѣсныхъ звѣрковъ прямо въ мордочку. На вольномъ просторѣ и при неудерживаемой ничѣмъ свободѣ ребенокъ развивается въ кучѣ сосѣднихъ ребятишекъ-сверстниковъ дальше, во все время, до тѣхъ поръ, когда онъ дѣлается полнымъ парнемъ-женихомъ. Смирень онъ отъ рожденія — его бьютъ и дѣлаютъ подневольнымъ мученикомъ всѣхъ дѣтскихъ капризовъ; боекъ онъ — ему первый скокъ въ чехарду, ему переднее мѣсто во всѣхъ играхъ. Вездѣ онъ — изъ главныхъ зачинщиковъ, а потому чаще бить и отцомъ своимъ, и чужими, и сельскимъ начальствомъ. Съ ранняго возраста, лѣтъ съ 3 или 4, онъ уже въ лодкѣ, на водѣ, съ весломъ въ рукѣ на дѣтскихъ шалостяхъ, а вскорѣ и въ серьезныхъ работахъ, гдѣ требуется отъ него отвѣта нешутя точнаго. Его посылаютъ по ягоды за Печору, и туда же стеречь и считать пасущуюся скотину. Онъ уже сидитъ на лошади, какъ большой, уже умѣетъ при вѣтрѣ справиться съ парусомъ и не опружиться, за отсутствіемъ отца на промыслы, помогаетъ бабамъ дрова колоть, печь затоплять и во всѣхъ домашнихъ работахъ *умный* человѣкъ и большое, толковое подспорье. Вотъ онъ и на рыбныхъ промыс-

лахъ побывалъ, и въ тундрѣ ходилъ за оленями, и ими умѣеть править, и знаетъ весь обиходъ при этомъ (хотя бы то было и не слишкомъ трудное дѣло, повидимому). Онъ уже большой подростокъ и въ поѣздкахъ на святкахъ, и въ супрядкахъ въ филипповомъ посту видить не простую ребячью забаву, а что-то побольше и посерьезнѣе, и потому не пропуститъ приглянувшуюся ему дѣвку безъ щипковъ и щекотокъ. „Вотъ, толкують бабы, еще *полный женихъ заведется*“. Дѣвки и его въ *счетъ кладутъ* во всѣхъ затѣяхъ: будетъ ли то артельная прогулка за ягодами въ дальній лѣсъ или посидѣлка съ *хухольниками* (ряжеными), когда любятъ въ избахъ гасить лучину и выгонять лишній народъ вонъ, на улицу. Парень замѣченъ невѣстами и одною особенно преслѣдуется на всѣхъ встрѣчахъ и перекресткахъ. И самъ не прочь на отвѣтъ и привѣтъ и суетъ выбранной суженой горсть медовыхъ пряниковъ, кедровыхъ орѣховъ, перемигивается часто и многозначительно. Разъ платокъ подарилъ: узнали бабы объ этомъ и рѣшили, что парень скоро засвататься долженъ, — и не обманулись. Женихъ дождался только, когда прошли святки и когда минуло ему семнадцать лѣтъ—срокъ, установленный мѣстнымъ обычаемъ, и послалъ сваху, накануне перемолвившись съ суженой за банями. За согласіемъ не стоитъ дѣло: родители невѣсты знаютъ, что дочь не надежный товаръ, залежится: съ цѣны спадеть, а парви по деревнѣ всѣ равны, ни одинъ не лучше другого, всѣ на одну колодку дѣланы. Знаютъ они это, и велятъ жениху нести *запросъ* (отъ 10 до 15 р. сер. деньгами), по очень старинному обычаю: „деньги на столъ, такъ и невѣста за столъ“. Пьютъ запой на жениховъ же счетъ и съ женихомъ вмѣстѣ, который знакомъ съ кабакомъ еще съ юныхъ лѣтъ (13-ти и много съ 14). Таковы усть-цылемскіе обычаи! На смотривахъ этихъ творятъ и рукобитье, и назначаютъ день свадьбы, но не откладываютъ его на долгій срокъ. Промысловый народъ, весь безъ исключенія, не любитъ разводить пиры, по обычаю приволжскихъ губерній, особенно усть-цылемы, у которыхъ всякій грошъ на счету и рѣшительно нѣтъ ни одного лишняго. На другой же день, рано утромъ, выбираются дружки изъ тѣхъ ребятъ, у которыхъ есть сипіе кафтаны: у женихова на правомъ плечѣ нашиваютъ ленты, у невѣстина дружки—на лѣвомъ: оба въ тотъ же день ходятъ сзывать по домамъ родныхъ и знакомыхъ на завтрашнюю свадьбу.

Въ день свадьбы, по-утру, собираются у жениха всѣ родственники, садятся за столъ и ставятъ свадебный каравай и пирогъ. Затѣмъ выпьютъ по два стакана пива и по два стакана вина, молятся иконамъ и ѣдутъ за невѣстой, женихъ рядомъ съ крестнымъ (онъ же и тысяцкой, обязанный платить половину свадебныхъ издержекъ), дальше сватья, а тамъ остальные жениховы поѣзжане. Женихова пара, а подчасъ тройка, гремитъ тремя-четырьмя колокольцами. По приѣздѣ

къ невѣстину дому, всѣ идутъ съ крестомъ и образомъ на крыльцо въ такомъ порядкѣ: впереди дружки, за ними женихъ и тысяцкій, дальше сватья и, наконецъ, поѣзжане. Дверь заперта. Жениховъ дружка колотится съ молитвой: „Господи Ісусе Христе, Сыне Божій!“ до трехъ разъ. За дверью отдаютъ „аминь“. Слѣдуютъ вопросы изъ избы, дѣлаемые къмъ-нибудь изъ родственниковъ невѣсты, болѣею частію братомъ, и отвѣты брата жениха, въ такомъ порядкѣ:

„Что вы за люди?“

— Мы люди божьи, да государевы.

„Зачѣмъ пришли?“

— По ваше сулено, по свое богосужено.

„Какой земли?“

— Россійской.

„Какого царя?“

— Бѣлаго.

„Какъ Его зовутъ и прозываютъ?“

— Александръ Александровичъ Романовъ.

„Дѣточки?“

— Николай, Георгій, Ксенія, Михаилъ, Ольга.

„Гдѣ столица?“

— Въ Питинбруги.

„Которой вы вѣры?“—Самой истинной, православной.

„Не по новой?“—По старой.

„Какой вы губерніи?“—Архангельской.

„Какого уѣзда?“—Мезенскаго.

„Волости и селенія?“—Усть-Цылемскаго.

Дальше слѣдуютъ вопросы: какъ зовутъ жениха, отца его, мать, братьевъ, сватьевъ, дружекъ, поѣзжанъ. Разговоры идутъ добрыхъ полчаса. Наконецъ, ихъ впускаютъ въ избу, сажаютъ за столъ по порядку и обносятъ виномъ и пивомъ, а за неимѣніемъ послѣдняго—квасомъ. Затѣмъ невѣсту, окончательно наряженную къ вѣнцу *, съ накинутымъ черезъ голову платкомъ на лицо, выводятъ къ жениху и

* *Нѣсколько словъ о нарядѣ усть-цылемокъ.* Дѣвушки выпускаютъ изъ-подъ платка, вышитаго золотомъ, косу съ гайтаномъ по спинѣ; по праздникамъ, вмѣсто гайтана, вилетаютъ яркія ленты. Сарафаны праздничные отъ подбородка до подола спереди обшиты пуговицами; колодки у башмаковъ на подошвѣ проколоты гвоздями. При повойникахъ (кокошникахъ-сорокахъ остроугольныхъ) употребляютъ золоченные подзатыльники. Вмѣсто гайтана на крестѣ, богатія дѣвушки и жонки, по праздникамъ употребляютъ широкія серебряныя цѣпи, переходящія по наслѣдству изъ рода въ родъ и тщательно хранимыя. Лентъ въ косы наплетаютъ иногда аршинъ до десяти. Серебряныя перстни и мѣховыя шубейки съ купей, лисей и бѣличей опушкой еще въ модѣ. По всегда и у всѣхъ, если не по сарафану, то по рубашкѣ, надѣтъ поясъ и потерять, подарить или забыть его, по старовѣрскому повѣрью и обычаямъ, значитъ накликаъ на себя всякаго рода несчастія.

передаютъ ему изъ полы въ полу конецъ накинутого ей на голову платка. Женихъ сажаетъ ее рядомъ съ собой за столъ. Немного посидѣвши, встаютъ; отецъ невинно спрашиваетъ жениха: „Будешь ли кормить-пить, одѣвать-обувать и женой почитать?“ По отвѣтѣ „буду“, начинается совершеніе обряда бракосочетанія по старымъ книгамъ и старымъ обычаямъ; затѣмъ пиръ и угощеніе. Первыми рюмками обносятъ молодые и, подслащая, по обычаю горечь вина поцѣлуями, получаютъ отъ гостей деньги: 10, 15, 20, 25, 30 и иногда 50 коп. сер. Мужчины при этомъ цѣлуютъ молодую, а женщины молодого. Угостивши гостей, молодыхъ уводятъ въ дальнюю комнату; и пиръ, въ собственномъ смыслѣ, затѣваютъ уже на другой день въ домѣ молодого и продолжаютъ на третій въ домѣ молодой.

Живутъ ли молодые согласно и честно? Хотя это дѣло домашнее и потому, какъ говорится, темное, но отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать смыслъ большей части пѣсенъ, правда неутѣшительный по отношенію къ нравственности усть-цылемскихъ слобожанъ и слобожанокъ, тѣмъ болѣе, что въ иныхъ мѣстахъ пишущему эти строки такихъ пѣсенъ находить не удавалось. Изъ 12 пѣсенъ съ подобнымъ содержаніемъ, выбираемъ три съ менѣе рѣзкими выходками противъ супружества.

Въ одной изъ нихъ заключительныя слова, обращенныя къ отцу, такого содержанія:

Не давай меня, батюшка, замужъ;
Со тѣмъ своимъ мужемъ гулять нейду,
Про тово свою мужа постелю постелю:—
Въ три ряда каменя накладу,
Во четвертый рядъ крапивы настелю;
Со каменница бока его болятъ,
Со крапивы бока *спрыщевали*.

Во второй: молодецъ обращается къ женѣ своей съ такими словами:

Ты пустила сухоту
По моему по животу,
Разсѣяла печаль
По моимъ яснымъ очамъ,
Заставила ходить по ночамъ—
Приневолила любить
Чужу-мужнюю жену.
Что чужа-мужна жена:
То разлапушка моя.
Чтой *свол*-мужна жена:
Осока да мурава—
Въ полѣ горькая трава,
Бѣла рѣпница росла,
Безъ пвѣточиковъ цвѣла.

И вотъ, наконецъ, третья, вся цѣликомъ:

Пойграйте вы, дѣвушки,
Повеселитесь, голубушки,
Во свою волю у батюшки,
Что во нѣгѣ у матушки,
Во прокладѣ у братьевцевъ!
Неравно замужь выйдется,
Неровень чортъ навернется.
Неровень накачается:
Либо старое уродливое.
Либо молодое спѣсивое,
Либо въ ровню упрямчивое.
У меня молодой старый мужъ
Поперекъ постели лежитъ,
Во супорѣ со мною рѣчь говорить,
Раздѣвать, разувать велить,
Балахонъ съ плечъ стягивати
И оборы разматывать:
Что не та въ полѣ ягода цвѣла,
Не того отца дочеръ была,
Не тою была у матушки,
Чтобы мнѣ старика разувать:
У меня руки бѣлыя,—
У него ноги грязныя;
На рукахъ злаченны перстни:
Что мои ручки загрязнятся,
Перстенечки поломаются.
Я пойду млада во торгъ торговать,
По обычаю товару купить:
Я за камушекъ три денежки дала,
За цѣпочку цѣлый алтынъ—
Навяжу стару на воротъ.
Я спущу стару на воду,
Я сама войду на гору.
Посмотрю на стара старика
Каково старый плаваетъ:
Се рука, се нога вверху
Се буйна голова ко дну.
Да какъ взмолятся старый мужъ:
Ужь ты душка, женушка моя!
Перейми старика изъ воды,
Ужь я радъ на тебя работать:
По три утра сырой ржи молотъ,
По три утра не завтракать,
По четыре не обѣдывать,
Ужь я радъ годовалые житники ѣсть,
Троѣднюю кашу хлебать.

Въ четвертой пѣснѣ, между прочимъ, дѣвушка, заявившая молодцу о томъ, что она его любитъ, на вопросъ его: „искренно-ли?“ — отвѣчаетъ:

Я по совѣсти скажу—одного тебя люблю,
Я по правдѣ-то скажу—семерыхъ съ тобой люблю.

Всѣ остальные пѣсни, собранныя въ Усть-Цыльмѣ и распѣваемые обыкновенно дѣвушками на вечеринкахъ, не свидѣтельствуютъ о примѣрной чистотѣ нравовъ: шесть изъ нихъ, болѣе типичныхъ, рѣшительно не годятся для печати.

— Когда Марья Савельевна толковала при князѣ о нравахъ,—про пояса отказалась рассказывать.

— Да, вѣдь, про бабьи-то пояса самъ князь лучше меня знаетъ,—круто оборвала свою рѣчь рассказчица и подмигнула.

Евсевій Осиповичъ на это замѣчаніе благодушно усмѣхался, расхаживая по комнатѣ и отмахиваясь руками. Весь секретъ этого южнаго человѣка, не замороженного сѣверомъ, оказался въ явѣ налицо. Старуха не щадила его, хотя онъ продолжалъ шутливо прицыкивать на нее и поднималъ палецъ молчанія.

— Да, вѣдь, некрасивы, неопрятны, малы ростомъ, говорятъ нехорошо ваши дѣвицы,—замѣтилъ я, чтобы выручить князя. — Рѣдко попадается порядочное лицо и бойкая разговорщица.

— Красавицъ ищутъ тамъ, въ Поморьѣ, ваше благородье,—или какъ васъ звать,—отвѣчала она.—Наши молодые бабенки, да и незамужныя дѣвочки не крѣпко пояса-то завязываютъ. Надо объ этомъ доподлинно спрашивать у ижемцевъ: они нашу сестру очень испортили.—Ну, а денежки у нихъ водятся,—кому при этомъ удержаться? Вѣра нашимъ не претить, и даже одобряетъ,—въ этомъ надо сознаться по-Божески.

Отъ болѣзней здѣсь умираютъ мало. Большею частію пристигаетъ смерть на промыслахъ; въ селеніи попадаетъ очень много стариковъ, изъ которыхъ многіе сказывали, что имъ уже за седьмой, а иные, что и за восьмой десятокъ лѣтъ перевалило. Вообще печорскія долголѣтія замѣчательны. Въ деревнѣ Куѣ въ устьяхъ Печоры извѣстны были старики Корепановы (мужъ и жена), пробывшіе въ сожителствѣ 70 лѣтъ, а у старухи въ то же время жива еще была мать, пѣшкомъ навѣщавшая дочь изъ деревни Никитцѣ. При этомъ они высоки ростомъ и 70-ти лѣтніе старики еще продолжаютъ промыслять на Новой Землѣ *. Заплативши извѣстную, постановленную взаимными договорами дань кому слѣдуетъ, усть-цылемцы хоронятъ своихъ покойниковъ ночью. Воютъ по ихъ душенькамъ также невыносимо-раздражительнымъ напѣвомъ и также поминаютъ его кутьей въ 3-й, въ 20-й, въ сороковой день, черезъ годъ и такъ дальше, ежегодно въ день смерти и въ родительскую—Дмитріеву—субботу, чтобы успокоилась его душенька, если только не кривилъ онъ ея, при жизни, въ

* Изъ особенно распространенныхъ болѣзней—икота у мужчинъ и у женщинъ въ одинаковой мѣрѣ. Противъ оспы и горячки нѣтъ никакихъ средствъ.

торгахъ съ самоѣдами. Эти, по страсти къ вину, пьяными готовы продать за кубокъ (полштофъ) водки цѣлаго оленя, пожалуй черно-бурую лисицу и даже весь свой годовой промыселъ, если у покупателя не дрожить рука и если кулакъ его здоровѣе кулака продавца—самоѣда.

Въ послѣднее время сильно распространилась между усть-цылемцами болѣзнь сифилитическая, перешедшая отъ самоѣдовъ, гдѣ почти всѣ поголовно отъ колыбели заражены ею. Средствъ къ лѣченію нѣтъ никакихъ и потому она въ тѣхъ мѣстахъ всегда почти смертельна. О такомъ грустномъ фактѣ я попечалился старику, навѣщавшему меня ежедневно и пившему со мною чай, но изъ своей чашки.

— Что жъ дѣлать? отвѣчалъ онъ: Божье, знать, на то попущеніе за грѣхи *восьмой тысячи* *.

— А по мнѣ, ты тамъ какъ хочешь и что ни толкуй, старикъ, а тутъ виною расколъ вашъ...

— Ты что же это: можетъ думаешь, что мы *свальному грѣху* причастны.

— Ну ужъ это безъ всякаго сомнѣнія: къ вамъ вонъ изъ Ижмы, что въ свой домъ, навѣзжаютъ тамошніе богачи.

— Ты мнѣ объ этомъ не сказывай, про ижемчей ты мнѣ не сказывай! Это наши супостаты, супротивники: мы съ ними изъ-старины во враждѣ, и дирались, крѣпко-на-крѣпко дирались прежде, до смертнаго побитія дирались. Теперь вотъ только нѣшто поулаживаемся промежъ себя-то, миримся кое-какъ. Да и то нѣтъ: ижемцы на зло славу это на наше пускаютъ такую и соблазняютъ...

— Да, вѣдь, противъ этого, старикъ, есть пословицы хорошія, чай, самъ знаешь?

— Ты это дѣло говоришь! Правда же твоя, какъ передъ Богомъ. Ты стой-ко, стой ты! Я вотъ тебѣ...

Старикъ, сдѣлавши многозначительное и важное выраженіе на лицѣ, наклонился къ самому моему уху и прошепталъ слѣдующее:

— Повзжай, слышь-ты, въ Пустозерскій Городокъ; тамъ лучше. Тамъ по Богѣ... Народъ цѣломудренный. Тамъ нѣтъ этого, что вонъ и въ Ижмѣ. И въ Ижмѣ этого нѣтъ! Одна только волостка-то наша и задалась такой праховой, будь ей пусто!..

Пустозерскъ давно манилъ меня въ свою глушь и далъ близкимъ положеніемъ къ океану и какъ городокъ, сохраняющій въ обычаяхъ много старины честной и неиспорченной, и населенный добрымъ народомъ, сколько могъ я судить по общимъ слухамъ. Наконецъ, любо-

* По мнѣнію старообрядцевъ, въ нынѣшнюю — восьмую тысячу лѣтъ (отъ сотворенія міра) непременно должно ожидать пришествія антихриста, который-де уже и родился.

пытенъ онъ, какъ самое первое заселеніе новгородцевъ въ Двинской землѣ, сколько можно вѣрить въ этомъ народнымъ преданіямъ и нѣ-которымъ намекамъ, разбросаннымъ въ историческихъ документахъ.

27 декабря 1856 года я былъ уже тамъ.

4. Пустозерскъ.

Первыя впечатлѣнія пути.—Городокъ лѣтомъ.—Пустое озеро.—Преданія объ историческихъ ссыльныхъ: Аввакумъ, А. С. Матвѣевъ, В. В. Голицынъ, князь Щербатовъ.—Отводная квартира.—Дома пустозеровъ.—Непогоди.—Разсказы о Новой-Землѣ.—Китоловный промыселъ.—Котляна.—Правила ея.—Ловъ омулей.—Занятія жителей.—Самоѣды.

Къ Городку (такъ Пустозерскъ до-сихъ еще поръ извѣстенъ между ближними и дальними сосѣдями, другого ему имени нѣтъ) подъѣзжалъ я ровно въ полдень. Солнце, не выходившее еще въ тотъ мѣсяцъ (декабрь) на горизонтъ, давало, впрочемъ, отъ дальней зари на столько свѣту, при обильномъ подспоріи необыкновенно - поразительной бѣлизны снѣговъ, что Пустозерскъ видѣнъ былъ верстъ за десять. Обстоятельству этому способствовало еще и то главное, что Городокъ лежитъ на открытомъ, ровномъ мѣстѣ, и лѣсъ, казавшійся только издали лѣсомъ, на самомъ дѣлѣ былъ приземистый кустарникъ—*сланка* (ивнякъ, почти на половину съ можжевельникомъ), не выше полутора аршина въ вышину. Видѣлись церкви, крыши домовъ, послѣ двухъ—суточного созерцанія снѣгу да снѣгу, да того же убогаго лѣса, въ которомъ залегала узенькая, почти тропа, полоса дороги. Мы то и дѣло цѣплялись санями за сучья, то и дѣло отряхались, помахивая мордами, хохлатые лошаденки наши отъ валившагося на нихъ снѣга. Мы выѣхали на озеро Пустое, давшее свое имя селенію—*Пустое* потому, что нѣтъ на томъ полуостровѣ, гдѣ онъ выстроился ничего, кромѣ бугровъ да моху, да кое-гдѣ несчастнаго мелкаго кустарника; кругомъ лежитъ мертвая тундряная степь. Кругомъ мелкія озера, мѣстами песчаные, довольно высокіе бугры. Кое-гдѣ они окружаютъ какое-нибудь небольшое озерко или глубокую рытвинку и издали кажущіяся укрѣпленіями съ башнями странной формы. На нихъ едва держатся корнями малорослыя деревья. Сѣверные вѣтры нанесли сюда песокъ съ береговъ Печоры, нарыли глубокія ямы и подкопались подъ корни чахлахъ полярныхъ растений. Городокъ расположился на довольно - примѣтной возвышенности Городецкаго озера, шириною около 700 сажень. Съ сѣверо-запада онъ засыпанъ песками, другая половина — болото и цѣлыя озера грязи. Черезъ нихъ между домами устроены, еще со временъ воеводства, деревянные мостики. Таковъ лѣтній видъ Пустозерска,—по сообщеніямъ, кто видалъ этотъ Городокъ въ ту пору года.

Увѣряютъ они, что отъ церкви на озеро видъ очень красивъ, но селеніе одолѣли пески, которые до половины занесли кладбищенскую георгіевскую церковь. Бури разрываютъ могилы и обнажаютъ гробы. Весною Печора дѣлаетъ Городокъ островомъ, чему помогаетъ и его семиверстное озеро, обильное рыбой.

Выѣхали мы на это озеро, закованное толстымъ льдомъ—и Городокъ открылся весь цѣликомъ: маленькій, уединенный, пустынный.

Какъ теперь, вижу его сѣренькія избы, изъ-за которыхъ глядѣла одинокая деревянная церковь съ колокольной. Весь онъ уютно сбился въ кучу и словно только-что вчера сломанъ острогъ—неправильный четверугольникъ съ заостренными наверху толстыми и высокими бревнами—какъ будто для того, чтобы селеніе все оставалось теперь на виду и на потѣху вѣтровъ и вьюгъ, набѣгающихъ сюда съ океана, и неоглядныхъ снѣжныхъ полей, величина которыхъ еще болѣе усиливаетъ пустынность и однообразіе видовъ. Напросилась мысль о томъ, что это крайній и самый дальній предѣлъ моихъ странствій, что это одно изъ послѣднихъ русскихъ селеній на сѣверѣ, и еще сильнѣе жала сердце та мысль непрошенная, что недаромъ здѣсь такая пустынность и безпривѣтная даль, когда Городокъ этотъ, со временъ самой отдаленной старины русской, служилъ мѣстомъ ссылки многимъ боярскимъ фамиліямъ, подпавшимъ опалѣ царской. Словно какъ сейчасъ выговоренное, вспоминается мнѣ зловѣщее замѣчаніе моего ямщика, указывающаго кнутовищемъ на правый берегъ озера (называемаго Городецкимъ).

— Вонъ наволокъ-отъ этотъ (мысль) *висьблицы* зовутъ!

— За что-же такъ?—выговорилось мною какъ-то невольно.

— Карачеевъ, сказываютъ, вѣшали въ старину: висьблицы-де тутъ такія стояли. Приведутъ, слышь, карачей-то, котораго поймаютъ, да и повѣсятъ тутъ. Нападали, вишь, они!.. А перевѣшали ихъ гораздо больше тысячи!

Это народное преданіе имѣетъ смыслъ исторической истины. Карачейскіе—жившіе у Карскаго моря (Лукоморья, по Нестору) и рѣки Кары—самоѣды, въ началѣ прошлаго столѣтія, нападали на городъ большими партіями (въ 1719, 1730, 1731 и 1746 годахъ). Они недовольны были наложеннымъ на нихъ и невѣдомымъ до той поры ясакомъ и за то угоняли оленей, убивали противившихся и только-что не производили пожаровъ. Архангелогородскій оберъ-комендантъ, генераль-маіоръ Ганзеръ, послалъ туда роту команды съ поручикомъ Фрязинымъ, къ которой присоединены были туземные крестьяне и самоѣды. Выстроенъ былъ острогъ. Учреждена постоянная команда (она такъ уже и не выводилась оттуда, и солдаты постепенно вымерли одинъ за другимъ до послѣдняго). Карачеи мало-по-малу успокоились и перестали производить нападенія, когда уже, впрочемъ, перевѣшано

ихъ было свыше тысячи, на сколько въ этомъ можно вѣрить народному преданію. Оно уже изрядно затуманено баснями. Такъ между прочимъ рассказываютъ, что они до того злы, что даже на пирахъ съ сырымъ мясомъ, убиваютъ другъ друга, что ихъ не беретъ ни пуля, ни ножъ; пули отскакиваютъ, какъ отъ камня, а стрѣлы вонзаются въ нихъ, словно въ дерево. Иныя стойбища ихъ можно видѣть только издали, а подойдешь ближе, — они скрываются, уходятъ въ землю. Подобное когда-то, впрочемъ — сказывали древніе новгородцы, приходившіе сюда еще въ 11-мъ вѣкѣ.

— А вонъ туда, въ лѣсъ-то! — перебилъ мои мысли ямщикъ: — за лѣсомъ площадочка есть такая. Крестъ на ней стоитъ, народъ ходитъ молиться: Аввакумовъ-де. А самого его сожгли въ городкѣ, на площади. Сдѣлали срубъ такой изъ дровъ. Протопопа поставили въ срубъ и троихъ еще съ нимъ товарищей *. А протопопъ-то предсказалъ это раньше, что быть-де мнѣ во огни. И распорядокъ такой сдѣлалъ: свои книги роздалъ. Передъ смертью къ нему прилеталъ голубь. Изъ Москвы гонецъ прибѣгалъ и царскую милость привозилъ. Народъ пустозерской и стрѣльцы, которые приставлены были, совѣтовали бѣжать, — да Аввакумъ не согласился, милости не принялъ, совѣтовъ не послушалъ: велѣлъ себя жечь. Всталъ онъ въ срубъ. Народъ собрался, началъ молитвы творить, шапки снялъ... дрова подожгли — замолчали всѣ: протопопъ говорить зачалъ, и крестъ сложилъ старинный — истинный значить: „Вотъ-де будете этимъ крестомъ молиться — во вѣки не погибнете, сначала худо будетъ, а въ послѣднихъ

* Это были, какъ извѣстно, кромѣ муромскаго протопопа Аввакума, симбирскій Никифоръ, распопа Лазарь и старецъ Елифаній. Аввакумъ до Пустозерска сосланъ былъ — какъ извѣстно — въ Мезень съ семействомъ; ему оставили санъ протопопа, но запретили служить. Здѣсь онъ распространилъ свои мнѣнія и отсюда писалъ грамотки къ друзьямъ своимъ въ Москву, Воровскъ и другіе города: наконецъ началъ писать окружныя посланія и называть себя рабомъ и посланникомъ Иисуса Христа, прото-сингаломъ россійской церкви. Въ 1665 году его вывезли на Москву и послѣ новаго суда и различныхъ мытарствъ, прислали въ Пустозерскъ. Семейство его, состоящее изъ жены Настасы Марковой и двухъ сыновей сосланы были въ Мезень и жили лѣтъ съ тридцать. Старшій сынъ Иванъ десять лѣтъ жилъ дьячкомъ у Богоявленской церкви въ Окладниковои слободѣ: тѣмъ и семью кормилъ. Когда князь Василій Вас. Голицынъ ѣхалъ въ ссылку въ Пустозерскій острогъ и жилъ въ Мезени четыре года (лодья разбилась), онъ зазналъ семью Аввакума и ходатайствовалъ для нея о свободѣ въ Москвѣ у брата своего Бориса Алексѣевича Голицына. Ходатайство было уважено: аввакумово семейство было освобождено и возвратилось въ Москву около 1680 года. Въ Москвѣ они купили собственныи домикъ, благодаря пособію сочувствовавшихъ заслугамъ отца ихъ и собственнымъ ихъ страданіямъ. Здѣсь сынъ аввакумова Иванъ былъ заподозрѣнъ въ расколѣ, судимъ и осужденъ. Его приговорили сослать въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь на Бѣлоозеро, но Иванъ будучи въ С.-Петербургской (Петропавловской) крѣпости за карауломъ, умеръ 7 декабря 1720 года.

родахъ обрящете спасеніе, а оставите крестъ—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ, а погибнетъ городокъ — настанетъ и свѣту кончина“. Двое тутъ—какъ огонь хватилъ ужъ ихъ—крикнули, такъ Аввакумъ-отъ наклонился, да и сказалъ имъ что-то такое, хорошее же надо быть (старики, вишь, наши не помнятъ). Такъ и сгорѣли. Когда срубъ рухнулъ, увидѣли на озерѣ лошадь скачетъ—пріѣхалъ гонецъ, прошеніе привезъ, да опоздалъ. Стали пепелъ собирать, чтобъ въ рѣку бросить, такъ только и нашли отъ этихъ двухъ кости, и, надо-быть, тѣхъ которые трусили и крикнули. Старухи видѣли, что какъ-де срубъ-отъ рухнулъ, два голубя, не то лебеди свѣга бѣлѣе, взвились оттуда и улетѣли въ небо... душеньки-то это, стало-быть, ихнія. На томъ теперь мѣстѣ по лѣтамъ, песочекъ такой знатъ, какъ стоялъ срубъ, бѣлой-пребѣлой песочекъ, знатъ, и все годъ-отъ году его больше да больше. Запрежъ на этомъ мѣстѣ крестъ стоялъ, въ мезенскихъ скитахъ дѣланъ, и рѣшоточкой, сказываютъ, былъ огороженъ. Къ этому кресту у кого зубы болятъ прикладывали щеки—проходило; начальство сожгло рѣшотку, а крестъ велѣли за городъ вынести, вонъ туда, влѣво-то!..

Онъ опять указалъ въ противоположную, лѣвую сторону отъ Пустозерска.

Впослѣдствіи я былъ на томъ мѣстѣ, въ 5 верстахъ отъ Городка, и видѣлъ цѣлую группу крестовъ, но креста Аввакумова проводникъ мой выдѣлить и указать не могъ: „знаютъ-де его немногіе старики, да указывать имъ начальство строго воспретило“.

— А еще какихъ преданій не сохранилось ли?

— Да вонъ у старичка у одного въ Городкѣ-то крестъ деревянный—эдакъ въ четверть — хранится: самъ-де, сказываютъ, Аввакумъ его сдѣлалъ и Богу ему молился... А то другого чего нѣтъ, да и не слышно. Содержали-то его больно же, сказываютъ, строго; на то, слышь, народъ къ нимъ такой ужъ приставленъ былъ. Изморили-де совсѣмъ.

— „А хлѣба намъ даютъ по полутору фунту на сутки (писалъ царю Алексѣю товарищъ Аввакума, по заточенію, распопа Лазарь), да квасу нужное даютъ: ей-ей! — и псомъ больши сего помѣтаютъ, а соли не даютъ, а одежишки нѣтъ же: ходимъ срамно и наго?“

„Нынѣшняго 167 году (1659) въ великій постъ на первой недѣли—пишетъ Аввакумъ (этотъ первый и самый энергическій распространитель раскола) въ посланіи своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу изъ пустозерской темницы — въ понедѣльникъ хлѣба не ядохъ, такожде и во вторникъ и въ среду не ядохъ, еще же въ четвергъ не ядоша пребыхъ; въ пятомъ же—преже часовъ началъ келейное правило, псалмы давыдовы, пѣти и пріиде на мя озноба зѣло люта и на печи зубы разбило съ дрожи, мнѣ же и лежащу на печи

умомъ моимъ глаголюще псалмы, понеже отъ Бога дана псалтырь изъ устъ глаголати мнѣ. Прости, государь, за невѣжество мое: отъ дрожи твоя нападе на меня мытъ и толико изнемогъ, яко отчаявшумися и жизни сея. Уже всѣхъ дней издесять не ядшу ми и больши, и лежащу ми на одрѣ моемъ и зазирающе себѣ яковые и великіе дни правила не имѣю, но токмо по четкамъ молитвы считаю... Тогда нападе на мя печаль и зѣло отяготихся отъ кручины и размышляхъ въ себѣ: что се бысть? Яко древле еретиковъ такъ не ругали, яко же меня нынѣ: волосы и бороду остригли, и прокляли, и въ темницѣ затворили. И въ полнощи всенощное чтущу ми наизустъ св. Евангеліе утренне надъ ледникомъ, на соломкѣ стоя, въ одной рубашкѣ и безъ пояса въ день Вознесенія Господня, и проч..." „А меня, пишетъ онъ въ другомъ посланіи къ пустозерамъ, въ Даурскую землю сослали отъ Москвы, чаю, тысящей будетъ съ двадцать за Сибирь, и волоча впредь и взадъ двѣнадцать лѣтъ и паки къ Москвы вытащили, яко непотребнаго мертвеца зѣло употчивали палками по бокамъ и кнутомъ по спницѣ шестьдесятъ-два удара, а о прочихъ мукахъ по тонку нѣколи писать. Всяко на хребтѣ моемъ дѣлаша грѣшницы. Егда же выѣхалъ на Русь: на старыя цѣпи и бѣды попалъ. Видите, яко азъ есмь нагъ, Аввакумъ протопопъ и въ земли посаженъ. Жена же моя протопопица Анастасія съ дѣтьми въ земли же сидитъ..."

Отъ воспоминаній объ Аввакумѣ * прямой переходъ къ другому историческому ссыльному, слѣдовавшему за нимъ въ Пустозерскъ—

* Для него, какъ и для его товарищей по заключенію, поставлены были особые 4 острога, съ избой внутри и съ тыномъ кругомъ въ 10 сажень квадратныхъ величиною, какъ видно изъ царскаго указа, присланнаго въ Ижемскую слободку въ 166 году (1658). Приставомъ у заключенныхъ былъ стрѣлцкій сотникъ Федоръ Акиншевъ.

Свободы Аввакуму съ товарищами на всѣ тѣ четырнадцать слѣшкомъ лѣтъ, которые провели они здѣсь, было дано не столько, что они могли писать къ своимъ друзьямъ и единомышленникамъ до роковаго дня казни „огнесожженіемъ въ 1 день апрѣля въ великой пятокъ 7189 г. (1681)". Аввакумъ на досугѣ въ особенности много поработалъ на этомъ поприщѣ посланій и сочиненій къ убѣжденію постоять за старую вѣру, пользуясь всякими случаями выставить себя и товарищей за мучениковъ и даже чудотворцевъ. Таковымъ является Федоръ дьяконъ, у котораго отрѣзанный въ Москвѣ языкъ, здѣсь снова выросъ и онъ получилъ „благодать ясноглаголавія". Когда перехвачены были въ Москвѣ его самохвальщія и бранчивыя посланія и посланъ былъ въ Пустозерскъ подполковникъ Елагинъ, снова отрѣзанный языкъ и отсѣченная правая рука стали „цѣлы и добродѣйственны".

Аввакумъ здѣсь между прочимъ написалъ свою автобіографію въ видѣ посланія къ своему духовнику иноку Елифанію — въ высшей степени любопытное сочиненіе, какъ по авторской откровенности, такъ и по пріемамъ изложенія. Это одинъ изъ выдающихся памятниковъ письменности 17-го вѣка, не имѣющий себѣ равносильныхъ соперниковъ, по языку изложенія. Всѣ мертвыя формы книжнаго языка здѣсь замѣнены формами обиходнаго, и повѣсть веденная простымъ разговорнымъ способомъ, драгоценнымъ для изучающихъ сущность и тонкости роднаго слова. Въ этой повѣсти,

боярину Артемону Сергѣевичу Матѣеву. Этотъ „ближній бояринъ царскія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель“ ѣхалъ уже на Верхотурье воеводой по указу царя Федора, какъ въ Казани настигъ его дьякъ Гороховъ, описалъ все его имѣніе, объявивъ, что онъ лишень боярской чести за сообщество съ злыми душами, за противозаконное обогащеніе, за посягательство на жизнь царя чрезъ посредство аптекарской палаты и осужденъ на заточеніе. Тотъ же дьякъ привезъ его въ Пустозерскъ. Здѣсь томился онъ, какъ извѣстно, около 7 лѣтъ (съ 1676 по 1682 г.) и, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „Жители въ Пустозерскомъ голодомъ тають и умирають, а купать здѣсь четверикъ московской мѣры по 13 алтынъ по 2 деньги, а ихъ будетъ пудъ; и пустозерскихъ жителей всегдашняя пища борщъ да и того въ Пустозерскомъ нѣтъ, а привозять съ Ижмы; и такая нужда въ сей странѣ повсюду, на Турѣ, Устьцыльмѣ и въ Пустозерскомъ острогѣ. Ей-ей! службу Божию отправляютъ на ржаныхъ просфорахъ, и та мука мало лучше невѣянной муки, и ей-ей! не постыдился бы я—свидѣтель мнѣ Господь Богъ!—именемъ Его хо-

впрочемъ, протопопъ немного говоритъ о своемъ заточеніи, свидѣтельствуя лишь о томъ, что подуголова Иванъ Елагинъ, пріѣхавши съ Мезени, взялъ у нихъ сказку, въ которой сказано было: „Мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха съ товарищи еретическое соборниче проклинаемъ“. „И иное тамъ говорено многою и Никону заводчику ересѣмъ, досталось небольшое мѣсто. По семъ привели насъ къ плахѣ и, прочеть, назадъ меня отвели, не казня въ темницу. Чли въ законѣ: „Аввакума посадить въ землю въ срубѣ и давать ему воды и хлѣба“. И я супротивъ того плюнулъ и умереть хотѣлъ не ядши, и не ялъ дней съ восемь и больше, да братія паки ясть велѣли“. Въ одномъ мѣстѣ самъ протопопъ сознается, что написалъ къ царю два посланія „первое не велико, а другое больше“ (о нихъ говорено выше): кое о чемъ говорилъ, сказалъ ему въ посланіи и боюзнаменія нѣкая показанная мнѣ въ темницѣ“. Не успѣлъ Аввакумъ упомянуть лишь о третьемъ, роковомъ, рѣшившемъ его участь, посланіи, посланномъ уже къ царю Федору. Оно отличается обыкновеннымъ протопопу характеромъ: смѣсен самоуниженія и самоуничтоженія съ запосчивостью и хвастливостью, но превзошло прочія посланія неприличной и дерзкой фамильярностью, доведенною до преступныхъ крайностей. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ въ борьбѣ съ противниками, не сдерживаясь въ обвиненіяхъ и открыто доходи до колкихъ насмѣшекъ и грубыхъ ругательствъ. Обращаясь къ боярамъ, Аввакумъ говоритъ: „Отступникамъ до васъ дѣла нѣтъ. Говорите Іоакиму патріарху: престалъ бы отъ римскихъ законовъ. Дурно затѣяли, право. Простой человѣкъ Якимъ-отъ. Тайные тѣпшии, кои пріѣхали изъ Рима (греки), тѣ его падувають аспидовымъ ядомъ. Прости, батюшко Якимущко, Спаси Богъ за кѣвасъ, егда напоилъ мя“. Обращаясь къ царю, пишетъ: „А что царь государь, какъ бы мнѣ далъ волю, я бы ихъ (враговъ) что Ілія пророкъ всѣхъ перепласталъ въ одинъ день; не осквернилъ бы рукъ своихъ, но и освятилъ, чаю“... Хотѣлось ему, чтобы новый царь уничтожилъ новое церковное устройство и угрожаетъ ему. „Богъ судитъ между мною и царемъ Алексѣемъ. Въ мукахъ онъ сидитъ, — слышалъ я отъ Спаса. То ему за свою правду“. Мѣра московскаго терпѣнія переполнилась и законное возмездіе по обычаямъ и пріемамъ того времени закончилось пустозерскимъ трагическимъ событіемъ.

дить и просить милостыню, да никто не подасть и не можетъ подать, ради нужды... Избенка дана мнѣ, а другая червю моему сынишку, ей-ей! обѣ безъ печи, и во всю зиму рукъ и ногъ не отогрѣли, а иные дни мало-что не замерзаемъ, а отъ угару безпрестанно умирали; а въ подклѣтникѣ запасенко мой и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои да караульщики стерегутъ меня, чтобы не убѣжалъ (!). А дрова намъ даютъ, пишатъ, сажень, а даютъ сажень малую сѣченыхъ дровъ, въ аршинъ отрубки, избу трижды вытопить, а не такую сажень, что въ Москвѣ плахами кладутъ и мѣряютъ саженью... Прежде, сказывають, рыбы здѣсь былъ достатокъ и на продажу было, а нынѣ не токмо на продажу, но съ самой весны по іюль до сытости сами никто не ѣлъ, таемъ голодомъ; а хлѣбъ привезли, мука что отруби, и той не продають, оставляють въ зиму, въ самой голодъ продать, взять хотять дороже.

Съ Матвѣевымъ были въ ссылкѣ: сынъ его Андрей (впослѣдствіи графъ и двинскій воевода); при сынѣ учитель Поборскій — польскій шляхтичъ, добровольно согласившійся на заточеніе съ воспитанникомъ, 30 человекъ слугъ, священникъ Василій Чернцовъ. Приставомъ былъ человекъ благородныхъ правилъ, назначенный Пустозерскимъ воеводою, стольникъ Гаврило Яковлевичъ Тухачевскій. Недавно существовала на краю Городка и въ сторону къ устью Печоры избенка, на которую указывали старожилы какъ на жилище Матвѣева, а потомъ Голицына.

Нынѣшнее состояніе Пустозерска значительно лучше, конечно, вслѣдствіе сильно развившихся коммерческихъ предпріятій на Печорѣ: ижемцы и усть-цылемы везутъ сюда дрова, усть-сысолцы хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ на столько, что даже дальніе нерѣдко пользуются избыткомъ его. Пустозеры ѣдятъ даже шанежки — праздничное лакомство только достаточныхъ архангельцевъ.

„За безмѣрнымъ удаленіемъ того Пустозерскаго острога и за безвѣстіемъ земледѣльства,—писалъ впослѣдствіи сынъ А. С. Матвѣева—когого никакого нѣтъ и обѣ немъ не знаютъ, и всякаго чина люди, числомъ всего со сто дворовъ, питаются съ Вычегды рѣки, изъ Яренска и изъ Перми, на малыхъ каючкахъ однажды въ годъ, весною, привознымъ хлѣбомъ, и пудъ муки меньше рубля не купятъ, а питаются житами, въ мясоѣды птицами, а въ посты изъ Печоры рыбой“. Положеніе заключенныхъ доходило иногда до такого плачевнаго состоянія, что у нихъ у всѣхъ было только три сухаря: приставъ Тухачевскій удѣлялъ имъ изъ своего запаса половину, не смотря на то, что и самъ онъ получалъ только шесть пудовъ ржаной муки. Въ 1682 году Матвѣевъ былъ переведенъ въ Мезень и, наконецъ, возвращенъ въ Москву, а въ Пустозерскъ присланъ былъ его врагъ — любимецъ Софіи, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, съ семействомъ, ровно черезъ

девять лѣтъ, въ 1691 году. На содержаніе Голицыныхъ отпускалось по 13 алтынъ и по 2 деньги на день. Двадцать лѣтъ пробылъ здѣсь Голицынъ, имѣя несчастье видѣть старшаго сына своего помѣшавшимся отъ тоски и крайняго горя; а въ 1710 г. онъ переведенъ былъ въ Пинегу, гдѣ, въ 1714 году, умеръ и похороненъ въ Красногорскомъ монастырѣ. Отсюда писалъ онъ: „мучаемъ животъ свой и скитаемся христовымъ именемъ; всякою потребою обнищали и послѣднія рубашки съ себя проѣли. И померѣть будетъ намъ томною и голодною смертію“.

Воспоминаній о Голицынѣ въ народѣ не слышно никакихъ (хотя и осталась объ немъ память въ церкви св. Николая, именно домовый его образъ), равно какъ и о князѣ Семеонѣ Щербатовѣ и его женѣ Пелагій, которые положили въ церковь Евангеліе печати 1675 года, подписанное рукою князя въ 1727 году. Голицынъ въ Красногорскомъ монастырѣ оставилъ Прологъ съ собственноручною надписью, створчатое зеркало, украшенное кругомъ фольгой и позолоченными орлами, двѣ шитыя иконы на плащаницы, сдѣланныя весьма изящно. Всѣ народныя преданія ограничиваются тѣмъ, что князь любилъ ходить изъ Пинеги для прогулокъ по направленію къ монастырю, что гулялъ въ сосѣдней рощѣ, что въ Пинегѣ держалъ своихъ лошадей и раздавалъ крестьянамъ для приплоду, и училъ дѣвушекъ пѣть московскія пѣсни. (См. ниже: „Поѣздка по р. Пинегѣ“).

Мы выѣхали, между тѣмъ, въ Городокъ. Передъ нами длинное, развалившееся зданіе съ выбитыми стеклами, высокой, старинной двускатной крышей—видно, очень старинное. Я спросилъ знатока-ямщика:

— Что это такое?

— Теперь ничего: никто, вишь, не живетъ, давно ужъ...

— Да сказываютъ старики, что тутъ, вишь, солдаты жили, что противъ Карачеевъ-то были присланы, когда острогъ-отъ здѣсь былъ построенъ.

— Внизу-то тутъ тюрьма, слышь, была!—продолжалъ толковать мой ямщикъ, когда мы выѣхали изъ ряда домовъ на площадку, или лучше пустырь, рѣдко и безтолково обставленный домами.

— Въ тюрьмѣ этой, говорилъ ямщикъ: — старики сказываютъ, цѣпь была съ ошейникомъ желѣзнымъ, такъ разъ, на стариковой памяти, попъ съ попадѣей повздорили, попъ-отъ ее и посадилъ, слышь, туда. Померла съ голоду, о томъ-де и дѣло въ церкви хранится.

Весело глядѣла въ глаза отведенная мнѣ здѣсь квартира: комната чистенькая, хотя и уютная, столъ накрытъ скатертью; образа въ стеклянной рамѣ и между ними много въ серебряной оправѣ. Поданный самоваръ былъ вычищенъ, чашки съ блюдечками и безъ отшибенныхъ краевъ. Хозяинъ явился въ синей, довольно чистенькой си-

биркѣ; вообще, дѣйствительно и на первый взглядъ, все несравненно лучше, чѣмъ въ недавно-оставленной Усть-Цыльмѣ. Самые дома, видныя изъ огня, глядятъ веселѣе и красивѣе, ставни нѣкоторыхъ прихотливо расписаны разноцвѣтными арабесками; балясины у неизбѣжныхъ балконовъ поражаютъ вычурностью и всѣ на мѣстѣ, а не распатались и не повывалились, какъ въ Усть-Цыльмѣ. Но и здѣсь, какъ и вездѣ по Печорѣ, въ домахъ понадѣлано много оконъ, вѣроятно, для большаго свѣта въ тусклые и долгіе осенніе дни. И здѣсь на избахъ, также какъ и вездѣ, трубы деревянные, также испещренныя прихотливыми вырѣзками и коньками. У богатыхъ домовъ на верхнихъ маленькихъ балконцахъ прилѣплены модели судовъ, грубо, топорно, но чрезвычайно вѣрно сдѣланныя. Деревянная церковь подновлена и поправлена; недалеко отъ нея рубится срубъ для новой.

Вотъ все, что представилось мнѣ при первомъ взглядѣ на Городокъ, привѣтливѣе глянувшій на меня въ настоящемъ своемъ видѣ, какъ-бы въ контрастъ всему прочувствованному при воспоминаніяхъ объ его прошломъ. Набѣжавшія-было грустныя мысли при началѣ знакомства съ Пустозерскомъ подкуплены современнымъ видомъ его и еще больше радушіемъ и привѣтливостью хозяина, который принесъ двѣ тарелки: одну съ баранками, называемыми здѣсь калачиками, а другую съ кедровыми орѣхами, называемыми меледой.

— Отвѣдай, богоданный гость, покушай нашего баловства на доброе на твое на здоровье — не погнушайся! — приговаривалъ онъ мнѣ.

Слѣдовали неизбѣжные вопросы: кто я, зачѣмъ, откуда—вопросы, отъ которыхъ не привелось мнѣ ни разу отдѣлаться ни въ одномъ изъ нѣсколькихъ сотенъ видѣнныхъ мною селеній втеченіе долгаго годичнаго срока. Отъ хозяина привелось узнать, что Пустозерскъ, на его памяти, былъ гораздо больше, чѣмъ онъ есть теперь; что вообще нонче стали времена тугія и потому и отъ нихъ начали также часто выселяться ближе къ океану и, стало-быть, къ промыслу, образуя тамъ деревушки дворовъ въ 5—6 и больше; что они всѣ православныя и что во всей волости нѣтъ ни одного раскольника, хотя они по большей части и держатся стараго креста, но, исповѣдавшись, всегда и ежегодно пріобщаются св. Таинъ у православнаго священника. Сказывали, что въ Городкѣ не растетъ ничего изъ овощей, и потому они, жители его, рѣшительно ничего не садятъ и не сѣютъ; что здѣсь и по лѣтамъ иногда, особенно при сѣверныхъ вѣтрахъ, бываютъ такіе холода, что приходится по зимнему кутаться въ мѣхъ, надѣвать малицу; что живутъ больше торгомъ рыбы на Пинежской ярмаркѣ, а все необходимое для жизни закупаютъ на каюкахъ у чердынцевъ; что скота они держатъ гораздо меньше, чѣмъ усть-цылемы, но рыбы у нихъ вылавливается несравненно больше, и что у нихъ также нѣтъ

ни одного мастера, ни кузнеца, ни плотника, и всё эти работы правят имъ *верховики*—захожіе люди сверху Печоры.

Здѣсь тоже любопытство—отъ бездѣлья, и тоже неудержимое желаніе просить о чемъ нибудь заѣзжаго *начальника* — по страсти, что приводилось встрѣчать много разъ и прежде вездѣ: и около Колы, и около Кеми и Онеги, и на Мезени, и въ Пинегѣ, и въ Холмогорахъ. Такъ точно и въ Пустозерскѣ: въ тотъ же день я уже былъ лично знакомъ съ большею половиною его населенія: всё они перебывали у меня.

Страшно холоденъ былъ въ Пустозеркѣ первый день новаго года; термометръ священника — несомнѣнно фальшивилъ — показывалъ 34°; вѣтру, правда, не было, но весь воздухъ какъ будто распалился морозомъ и застылъ вселедяющимъ слоемъ; съ трудомъ можно было собирать дыханіе и, казалось того и гляди, брызнетъ кровь изъ носу и глазъ. По крайней мѣрѣ, всё части тѣла, которымъ суждено было находиться подъ вліяніемъ внѣшняго воздуха незакрытыми теплымъ мѣхомъ, мгновенно забли до ѣдко-щиплющей боли и какъ будто всё внѣшніе покровы готовы были распухнуть и разорваться. На улицѣ не видать ни одной души; видимо и привычные пустозеры предпочитали запереться въ дому послѣ того, какъ *сбѣгали* (буквально) въ церковь, слышались со двора рѣшительные выстрѣлы изъ ружья, урывистые и громкіе, хотя, правда, и не частые. Трещали углы въ моей комнатѣ и даже въ одной оконницѣ, выходящей на улицу, лопнуло стекло—обстоятельство, заставившее моихъ собесѣдниковъ — четырехъ мужичковъ-пустозеровъ — сдѣлать такого рода замѣчаніе:

— Крѣпко теперь на-крѣпко расшалился морозъ, а отчего? Оттого онъ, морозъ этотъ, распалился, что Городокъ нашъ на яру стоитъ: нѣтъ намъ противу морозу этого никакой защиты. У насъ и лѣтомъ вѣтерокъ подулъ, то и надѣвай малицу, а зимой такъ хватается и рветъ, что дыхнуть не можно. Опять отчего? — Лѣсу кругомъ насъ нѣту. Старики-то, вишь, выстроились для моря, потому оно близко, и для Печоры—потому хорошо: рыбная рѣка, а объ лѣсу у нихъ и заботы не было. Видѣлъ, вѣдь, твоя милость, проѣзжаячи-то, какой у насъ такой лѣсъ растетъ?—ѣра, мелкая ѣра самая такая мелкая, что выше аршина и дерева не видимъ. Издали-то, пожалуй, ѣрникъ-то нашъ и большимъ лѣсомъ кажется, а на самомъ дѣлѣ онъ у насъ и топливо-то худое. Мы, вѣдь, батюшко, избѣнки рубимъ изъ чужаго лѣсу,—изъ дальняго; лѣсъ-отъ строевой къ намъ, какъ диковинку заморскую, словно бы чай, али осетрину-рыбу, изъ чужи, сверху возять. Вотъ почему, по нашему по глупому разуму, и морозъ пуще бываетъ, чѣмъ въ другомъ коемъ мѣстѣ, хотя бы взять ту же Усть-Цыльму. У насъ и замѣтели, коли нашьлетъ Господь, не какъ въ другомъ мѣстѣ. Ты вотъ видишь наши дома?

— Вижу: всѣ двухъ-этажные, красивые такіе, высокіе и теплые, видно, что богато вы живете...

— Нѣтъ, ты постой, зачѣмъ богато? Не больно же мы богато живемъ: это опосля я тебѣ. Ты вотъ молвилъ: двухъ-этажные—это, тоись, въ два жила. Отчего?—оттого въ два жила и оттого у насъ ставни, что ину пору крѣпкіе хивусѣ живутъ: нагребаютъ они тебѣ снѣгу сажени на двѣ, и больше, пожалуй, до самыхъ-то вонъ до балконцевъ, что кругомъ дома обходятъ. Ты, пожалуй, съ незнати со своей, и скажешь такое глупое: у нихъ-де балконы эти для красоты настроены да такъ, чай, и въ книжечку свою запишешь. Анъ, подожди! Послушай и меня дурака, что я тебя молвлю: прибѣжить, видишь, вѣтеръ съ окіана на снѣжныя наши палестины, начнетъ дурить, смѣтать снѣгъ охапками, да погонять его все дальше да больше, да поддувать все крѣпше да круче, ну... и наше селеніе на пути встрѣнетъ. Въ нашемъ селеніи запрету ему нѣтъ—извѣстно: вали съ какой стороны хочешь, запоровъ не сдѣлали, да и нельзя. Онъ и валить до самыхъ балконцевъ, и оконницы начнетъ распатывать и стекла всѣ, пожалуй, поломаешь; а мы запремся кругомъ ставнями, и засовы закрѣпимъ, и огонь разведемъ. Гуляй-де, знай, по улицѣ, а насъ-де не трогай: мы, молъ, тебя, баловника, давно знаемъ; ты хоть три дня тутъ себѣ благуй, а мы посидимъ, побесѣдуемъ промежъ себя, переждемъ тебя—изволь, молъ, потѣшаться до-сыта! Моя, молъ, изба съ краю, ничего не знаю: вотъ, вѣдь, мы какъ!..

Разсказчикъ приподнялся съ мѣста, видимо довольный своимъ повѣствованіемъ, которое на устахъ остальныхъ собесѣдниковъ-слушателей также развело улыбку.

— Ты такъ хорошо, старикъ, рассказываешь, что даже хвалиться этимъ можешь: съ тобой все бы сидѣлъ и все бы тебя слушалъ?

— Да это пущай и сосѣди толкуютъ: ты-де все со своими толкованьями къ начальникамъ ходишь, словно ты-де у насъ на должности на такой состоишь. А, вѣдь, мнѣ что? Пущай толкуютъ! Я развѣ худо сказываю-то? Недоброе, молъ, что-ли я начальникамъ сказываю, хоть бы и твоей милости?

— Спасибо; я очень тебѣ благодаренъ. Ты для меня золотой человѣкъ, неоцѣненный, умный и толковый такой...

— Ну, да пущай и не больно же я умный человѣкъ—это, вѣдь, ты такъ! а я самый неумный человѣкъ. Вотъ я какой дуракъ есть, и міръ это знаетъ, слушай: по пяти лѣтъ къ ряду обряжалъ я покруты на Матку (Новую Землю) за моржами: за саломъ—значить; по десяти работниковъ имѣлъ, раза три по два судна пускалъ, а что добылъ, что выручилъ, съ чѣмъ сию?—Избенка у меня, почитай, хуже всѣхъ; самъ я не то, чтобы человѣкъ путный, а такъ—неладный какой-то, а все отчего?—Оттого это все, что по всѣ разы, что не ѣздилъ, промысла всѣ въ морѣ оставлялъ.

— Отчего-же?

— Да такъ, стало-быть, Господу угодно: разбивало, до единого всѣ разбивало: самъ-отъ насилу ноги уносилъ. Ну, и будетъ бы, съ первымъ же бы разомъ будетъ, а я — на пятый поѣхалъ. Опять растрепало, все до послѣдней щепы растрепало. Гордымъ, стало-быть, Богъ противится. Деньжонки-то какія отъ батюшки отъ покойничка оставались — всѣ уложилъ въ этотъ промыселъ. Опосля тоже, по старой вѣрѣ ко мнѣ, сосѣди ссужали кое-мѣсто, а тутъ и вѣрить перестали: тебѣ-де все не рука, твой-де покрутъ, что рѣшето, хоть, молъ, жизнь свою туда клади,—все толку не будетъ никакого. Ну и сѣлъ, и сажу вотъ...

— Вѣдь, это, старикъ, пожалуй, и ладно,—пожалуй, и такъ?

— Нѣтъ, не надо бы такъ-то, охъ больно бы не надо такъ-то!

Онъ мотнулъ головой, глубоко вздохнулъ и опустилъ голову.

— Какъ же по-твоему, старикъ?

— Опять бы надо на Матку ѣхать.

— Да, вѣдь, несчастія тебя преслѣдуютъ?

— Пущай ихъ преслѣдуютъ, а на Матку больно хочется: при-
выкъ ужъ очень, поправиться можно.

— Ну такъ что-же? поѣзжай покрутчикомъ.

— Это мнѣ-то?

Старикъ приподнялся и продолжалъ запальчиво:

— Это, чтобы работать-то на другихъ, спать на себя. Нѣтъ, ты, ваше благородіе, человѣкъ въ этомъ дѣлѣ, какъ я вижу, темный, больно несвѣдущій. Ты это оставь про себя! Знаешь-ли, что мнѣ помѣха, и крѣпкая помѣха?

— Думаю, денегъ не достаетъ.

— Есть, да мало, надо еще два года ждать, покуда накопится—вотъ оно что! Ты считай: надо ѣхать туда недѣль на двѣнадцать, коли не больше, и сколько ни бери народу, а на каждого человѣка клади-знай: 7 пудовъ муки оржаной и яшной, пуда полтора житной крупы да толокна, да столько же трески соленой. Безъ нее нашъ братъ, пожалуй, и на оленину пойдетъ—мы не мурманскіе—ее клади; да пуда полтора солонины, да по десяти фунтовъ — опять-таки на рыло—масла коровьяго, столько же постнаго: безъ него, самъ знаешь, какая же каша живетъ. Опять по праздникамъ колобокъ надо съѣсть, али бо тамъ шаньгу—вѣдь не каторжные же! Клади — опять-таки, значить —на человѣка: одинъ ушатъ кислаго молока, али творогу—это все едино, полтора фунта гороху на постные дни: ну! клади ужъ фунтъ меду краснаго:—безъ киселя въ постный день не проживешь, какъ ни мудри. Опять же на всю артель клади безпремѣнно — какъ Богъ святъ—безъ того у насъ и толкъ не стоитъ и жить нельзя просто-на просто: бочку моченой морошки надо взять какъ крестъ на

грудь; безъ морошки цынга одолить на смерть. Смерть на Маткѣ не человѣчья, вѣдь: безъ покаянья мрутъ, потому тамъ нѣтъ попа и никакого другого человѣка не найдешь.

— Это я давно знаю.

— Такъ знай, пожалуй, и еще, что всякому покрутчику надо оленину дать на постель, да овчинное одѣяло. Божьи, вѣдь, люди, душеньки-то въ нихъ тоже Христовы, отъ ребра Адамова! Пущай одежду—лопаты, по нашему—они свою приносятъ: безъ того, извѣстно, нельзя. Ну, а вотъ дальше-то тутъ тебѣ и пойдетъ: снасти, ружья, порохъ, сѣти—самое-то все дорогое, неподходящее. А на одномъ - то суднѣ надо посылать, по-крайности, человѣкъ 8, али-бо 10, да еще и судно-то промысли, обряди его по морскому: путь отъ насъ дальній, хоть, пожалуй, и ближе другихъ; а и при непопутныхъ вѣтрахъ почестъ, въ недѣлю только угодишь успѣть. Такъ вотъ ты размысли, да и подумай: дѣло-то оно и выйдетъ куда большое, самое купецкое, да и купца-то богатаго! Оттого у насъ большія дѣла и ведутъ все ижемскіе зыряне—богатый народъ, а у нашихъ богачей и остается кроха малая, и ходятъ все въ складчину, норовятъ какъ бы на одну артель тремъ хозяевамъ угодить. Тутъ ужъ, по мнѣ, дѣло не большое, а такъ... прогулка. Дома-то, молъ, надоѣло съ бабами-то: поѣду-ко, молъ, покатаюсь, посмотрю-де, много-ли на Маткѣ звѣря какого, да что, молъ, тамъ ижемцы подѣлываютъ. Посмотрю - де и вернусь домой пальцы сосать, въ потолокъ плевать, да рассказывать ребятишкамъ сказку про бѣлаго быка. Да еще и вернуться-то сподобить-ли Богъ?—А то часто головой-то своей да прямо въ омутъ на вѣка-вѣчные. Вотъ оно что! И... провались это непутное дѣло со-всѣмъ!..

Старикъ расходился такъ, что на всѣ остальные распросы отвѣчалъ одно:

— Спрашивай вонъ этихъ, больше знаютъ; а мнѣ таково не-ладно: не глядѣлъ бы на свѣтъ отъ Божій! Спрашивай вонъ самыхъ-то умныхъ...

— Да ты что это больно на насъ нападаешь?—счелъ за нужное спросить другой старикъ собесѣдникъ. Но отвѣта не дождался.

— Не ты садилъ, не тебѣ и обирать: вотъ какъ по нашему. Сказываетъ онъ тебѣ, твоя милость, что малыми дѣлами заниматься не можетъ, а спроси ты его: съ большаго-ли онъ и тогда начиналъ? У него, вишь, моржъ второе дѣло: мнѣ бы говорить, денегъ да китовъ ловить, изъ кита-де я 30, а и, на худой-де конецъ, 25 бочекъ сала-то выгоню; а моржъ и большой-отъ даетъ-де много пудъ десять, а то гляди, и всего восемь. Вотъ, вѣдь, онъ у насъ блажной какой! Стану говорить, китовъ ловить: вѣдь, ловили-де старики и богатство послѣ себя оставляли; онъ и мастеровъ указываетъ. Спроси ты

его: какихъ, молъ, ты такихъ — что китовъ-то, ловили — сказываешь?

— Мало ли было! ловили же Балдинъ Харитонъ, Шухобовъ Иванъ, онежская лодья была *...

— Да ладно-ли, полно, ловили-то? Самъ, вѣдь, сказывалъ, что за моржами же послѣ пускались. Нѣтъ, ты и охотниковъ-то на это дѣло не заманишь, никто съ тобой и не пойдетъ на экаго звѣря. Ошутилъ ты, крещеной человѣкъ, китомъ этимъ, когда, слышь, никакая снасть его не удержитъ: все-де, слышь, какъ ниточку, рветъ! Ты его только, почтенный, послушай! (воззваніе относилось ко мнѣ). Расскажи-ко лучше гостеньку-то нашему, какъ ты тинки—кльки это моржовые, по-нашему—скупать хотѣлъ, да въ Норвегу возить; какъ ты пухомъ-то гагачимъ хотѣлъ торговать: ты вотъ что Расскажи!

Но старикъ отъ всѣхъ вопросовъ продолжалъ отдѣлываться молчаніемъ, давая волю сопернику.

— Онъ, вѣдь, у насъ, до поры — до времени, и хорошъ былъ разсудительный такой, а теперь все въ книжкѣ читаетъ: такъ оттого-ли, али отъ другаго — блажить началъ. Мы было и на глумъ его приняи, что полоумнаго, такъ инъ скажетъ и такое умное слово, въ иную пору, что всѣмъ на диво. Дурить, вѣдь, осерчалъ ужъ очень съ промысловъ-то неладныхъ: по мнѣ, это вотъ отчего! Такъ-ли я говорю?

Но тотъ продолжалъ молчать по-прежнему; соперникъ его не отставалъ:

— У насъ, почтенный, вотъ какъ уже изстари заведено: коли ты пошелъ на *мѣсную* — такъ и лови песцовъ, горностаевъ, лисицъ, зайцевъ, выдру, бобра — этотъ тоже заходитъ изъ-за Камня (Уральскаго хребта), хоть и нечастый гость. Сомутился на *рычную*, такъ наша Печора и на этотъ конецъ рѣка толковая: семги много — гово-

* Китоловные промыслы, какъ уже давно извѣстно, производились преимущественно въ западной части Сѣвернаго океана, въ 1786 и слѣдующихъ годахъ, около Шпицбергена. Петръ Великій, указомъ 1723 г., повелѣлъ устроить кольское китоловство на счетъ казны; при Екатеринѣ I указъ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе: въ 1727 — 1751 три китоловныхъ корабля, подъ управленіемъ голландцевъ, ежегодно выходили въ море, но поймали только 4-хъ. Обвиняли иностранцевъ въ подкупѣ и, кажется, справедливо. Графъ А. Р. Воронцовъ пробовалъ деньгами своими оживить этотъ промыселъ, но неудачно: 11 китовъ легко ранено, но ни одного не убито. Въ 1805 г. Румянцевъ, министръ коммерціи, отправилъ корабль для той же цѣли; но корабль этотъ былъ сожженъ, и взятъ какимъ-то крейсеромъ подъ французскимъ флагомъ, при первомъ выходѣ своемъ въ океанъ изъ Кольской бухты. Киты эти изъ породы кошлатовъ. На Новой-Землѣ также производилось китоловство голландцами (доказательства — салотопельныя ямы, видныя до сихъ поръ). Неудачи въ подобномъ предпріятіи обыкновенно приписываютъ пеловкости промышленниковъ, не получившихъ никакого навыка, и дурно выкованнымъ гарпунамъ, которые или ломались, или скользили и выскакивали изъ добычи.

рить про то мечего; сеговъ не оберешься; опять же омули*, пеледи по озерамъ—много же озеръ-то этихъ по тундрѣ живетъ—чиры рогостятся, отмѣнная рыба такая, что вкуснѣе, слаще ее и на свѣтѣ нѣту такой. Сказываю на то тебѣ, что ужъ принялся ты за одинъ промыселъ—другимъ не займуйся: такъ старики вели, такъ и мы ведемъ, что вотъ не пришли сюда на Печору въ лѣта незапамятныя, по стариковымъ толкамъ, изъ Новагорода. Опять же если и на Матку себѣ пошла полоса, то и тамъ смекай на двое, или на трое. Матка богата, недаромъ ее Маткой зовутъ, за всѣмъ тамъ не угонишься. Сала хочешь,—на то тебѣ тамъ моржи залежки раскидываютъ, ошкуй (бѣлый медвѣдь) выстаецъ, заяцъ морской попадается—это тебѣ побережной промыселъ. За горнымъ пойдешь—дикаго оленя много прыгаетъ, гуси да гагары, да утки ливать прилетаютъ, что и счесть нельзя—палками колотимъ. Пухъ собирай, пожалуй, побитую птицу соли, изъ *разбойного звѣря* сало топи. Работы тамъ всякой довольно: пущай вотъ чванливой съѣдь-отъ нашъ, бахваль-отъ, рыло воротить-ему, *вѣдь*, боярской работы надо. Мы, вѣдь, твоя милость, дураки, скоты—надо бы тебѣ молвить. Вотъ что! У насъ угодили кто разъ-пятокъ на Матку сбѣгать въ покручникахъ, на шестой ты такъ-то къ нему не ходи, а поприслушивайся, да съ голыми-то руками и не подступай къ нему: смотри—безпремѣнно въ хозяева надумалъ. Ты около него съ поклономъ да приговоромъ, а онъ тебѣ спину кажетъ, и ногами, и руками машетъ, что бодливый быкъ, али бо пьющая баба; ты ему колъ на головѣ теши, а онъ тебѣ два ставитъ. Да этакъ-то онъ всю весну и ломается, что курица рѣстится—смѣхъ-нали возьметъ, на его дурость гляди.—Съ тѣмъ и уходишь. Николинъ день подойдетъ на ту пору—бѣжать пора на Матку: „И, полно, молъ, дуралей ты экой, дура, молъ, съ печи, какой, молъ, то-есть челоуѣкъ безъ денегъ да безъ вѣры: тряпица, молъ, ты

* *Омули* (*Salmo autumnalis*) очень похожи на сига: голова острая, пижия челюсть длиннѣе, спина желобоватая; впрочемъ, вкуснѣе сига и различается отъ послѣдняго только по наружному виду: клескъ—чешуя—омулей мельче сеговой, на бокахъ черныя точки; продаются солеными, но большею частію извѣстны всѣмъ мерзлыми, отъ 2—5 фун. вѣсомъ. Сейчасъ-выловленные даютъ превосходную икру. Омули не рѣчная рыба: они приходятъ въ Печору также изъ моря, большею частію въ первыхъ числахъ августа. Ловятъ ихъ сѣтями и поплавнями, какія употребляются въ Усть-Цылымъ для семги, съ тою только разницею, что семажиноплавни плетутся изъ конопляныхъ питокъ, а омулевыя изъ льняныхъ, и потому эти нитки (подвязъ) потоньше. Въ омулевой полавнѣ ячеи шириною въ 3 и 4 пальца, сложенныхъ вмѣстѣ. Для лова сеговъ употребляютъ такъ-называемыя *пуцальницы* (пускъ ставушки) въ 30 сажень *провязи* (длины) и 15 на *саду* (глубины); внизу хобота (мѣшка) придѣлываютъ каменицы (камни) на веревочкахъ, наз. „катушница“ и „тряпичка“ на разстояніи, одинъ отъ другаго, сажени на 1½; наверху къ тегивѣ (веревкѣ) привязываютъ полавки—берестяныя трубки, наз. [торорунка]. Пуцальницы употребляютъ чаще по зимамъ, опуская ихъ въ проруби, и привѣсивъ къ шестамъ, положеннымъ поперекъ, только около Цустозерска. Лѣтомъ ставятъ на отмеляхъ на колыяхъ, вбитыхъ въ дно рѣки или озера. Въ другихъ мѣстахъ пуцальницъ я не встрѣтилъ, да, говорятъ, и нѣтъ ихъ.

равная! Послушай-де ты... умной, милой ты человекъ, дай-ко, молъ, я обойду тебя да поцѣлую, не сатана-молъ я, не бѣсъ какой!" И—обоймешь его пожалуй—домой уйдешь опять, да ужъ съ толкомъ: либо въ кормишки пошелъ, либо въ полууженщики. Такъ-то толковые дѣлаютъ, а и этому давали денегъ (за этимъ мы не стоимъ про своихъ: помогаемъ тоже) и покрученикамъ за него сказывали, что человекъ, молъ, надежной, поручиться можемъ; да нѣтъ — знать, несчастіе съ роду ему. А ужъ тутъ, по старой по вѣрѣ нашей, дома сидѣть надо: либо море потопить, либо бшкуй сломаешь. Седьмой годъ—нехорошой годъ—обходи его, и на печи тебѣ пролежать не грѣхъ. Это вѣрно!

Каждое судно, отправляющееся за промыслами на Новую Землю, имѣетъ свою артель, называемую *котляною*. Котляна имѣетъ названіе *плотной*, когда паевщики идутъ отъ себя, а не по найму отъ хозяевъ. Въ каждой котлянѣ, снаряженной хозяиномъ, бываетъ отъ 8 до 20 человекъ. Главный изъ нихъ называется *кормщикъ*, второй за нимъ *полу-кормщикъ*, третій *полууженщикъ*, всѣ остальные простые работники,—*покрутчики*, *покрутченики*. Каждый изъ нихъ имѣетъ, при раздѣлѣ промысла, свою часть, пай, называемой *ужною*. На хозяина по *ужнамъ* идетъ обыкновенно двѣ трети всего промысла; кормщикъ изъ остальной трети добытаго получаетъ, противъ простаго покрутчика, въ 4, 5, 6 и даже 7 разъ больше; полукормщикъ противъ всего этого половину; полууженщикъ половину противъ послѣдняго; покрученикъ, по взаимному договору съ хозяиномъ получаетъ противъ прежнихъ, меньше иногда на половину, а иногда и того меньше. Взаимныя и полюбовныя условія на честное слово здѣсь занимаютъ первое и главное мѣсто, такъ что высказанное нами не всегда должно принимать за постоянное правило и законъ.

Затѣмъ извѣстно, что какъ только попали разные артели на Новую Землю, такъ и народилось тамъ новое государство со своими законами, которые еще не такъ давно были цѣлы и дѣйствительны. Если артель признали „Плотною“, то значитъ, установили правиломъ барыши дѣлить по-ровну между всѣми, кто работалъ: не получить пая оставшійся на суднѣ въ это время по своей волѣ, за то получить его тотъ, кто оставленъ на суднѣ съ общаго согласія. Больной человекъ получаетъ пай не со всей котляны, а только съ того судна, на которомъ пришелъ. Пай умершаго отдають наслѣдникамъ, на томъ же основаніи. Потомъ вернувшіеся съ добычи обязаны беречь судно замѣшкавшихся; если судно разобьется, снасть съ него вывозятъ безплатно. Когда суда промышляютъ за одно, да ихъ разнесетъ въ разные стороны безъ раздѣла,—дѣлятъ по возвращеніи все, что до разлуки одинъ передъ другимъ имѣлъ лишняго. Ежели за добычей разѣхались въ разные стороны, но одни не нашли звѣриной наледицы и вернулись безъ добычи,—неудачливые получаютъ долю отъ тѣхъ, ко-

торымъ посчастливилось. При этомъ дѣлать такъ, что на карбасъ или лодку съ меньшимъ количествомъ людей удѣляютъ съ людныхъ карбасовъ, чтобы уравновѣсить. Въ силу такого закона, когда перепадетъ на чью-нибудь руку случайная вольная работа, — плату за нее тотъ обязанъ отдать въ артель на всѣхъ. Одинъ попробовалъ сдѣлать на сторонѣ и получилъ совѣтъ нанимателя несказывать и не отдавать артели, — онъ подумалъ — подумалъ, да вечеромъ того же дня и признался кормицику. Этому кормицику всѣ рядовые товарищи обязаны во всемъ повиноваться и ни въ чемъ воли съ него не снимать; въ потребномъ случаѣ вольны подавать совѣтъ, только учтиво и вѣжливо. Кто его избранить или ударить, или не станетъ слушаться, прочіе рядовые даютъ кормицику помощь.

Когда нѣсколько судовъ сошлись въ одной бухтѣ да не установили котляны, все равно: одинъ другому мѣшать не смѣетъ. Никто не обманетъ ложными вѣстями; каждый поступаетъ честно. Честь — первое на языкѣ слово, да и первая добродѣтель въ сердцѣ. Впрочемъ, неизвѣстному за честнаго человѣка никогда и не составитъ артели. Когда многіе карбасы съѣдутся къ одной наледицѣ, т.-е. тому мѣсту, гдѣ лежатъ и спятъ, ворчатъ и режутъ морскіе звѣри, напр., моржи, тогда одна лодка другой подаетъ знакъ. Если другая отвѣтила, — значитъ котляна установилась; не нужно ни маклера, ни судьи. Что ни добудутъ, — все дѣлать вмѣстѣ. Такая котляна называется „смашною“. Нѣтъ смашной котляны — когда не подано знаку; тогда однимъ до другихъ дѣла не имѣть, помѣхи не чинить, въ бочки не барабанить, и чрезъ это нежелающихъ не привлекать.

Кто поколетъ залежку, а его отнесетъ, когда уже у звѣрей отсѣчены головы, — никто трогать того не смѣетъ: „всякъ, кто искололъ звѣря, всегда на то мѣсто придти желаетъ“ — объясняютъ промышленники.

Можно брать только „плавикъ“ (убитаго или околѣваго звѣря) и то, когда онъ плаваетъ дальше версты отъ мѣста звѣриной бойни. Могутъ брать и ту добычу, которая не вмѣщается на суднѣ и ей придется валяться и гнить на берегу, — все по тѣмъ же соображеніямъ.

Но и безъ котляны — въ морѣ, прежде договору, котлянные правила святы и нерушимы. Если потерпѣвшіе неудачу подали знакъ мимоидущимъ судамъ, — они непременно приворачиваютъ, собираютъ людей, вывозятъ ихъ безъ всякой платы и кормятъ безденежно. Не было примѣра, чтобы въ такихъ случаяхъ входили въ рядъ, а тѣмъ паче заключали бы письменные договоры. Принятыхъ съ разбитаго судна людей стараются помѣстить на то судно, гдѣ меньше людей. Принятые, такъ называемые невольные люди, ѣдятъ свои запасы, пока имъ хватитъ, затѣмъ поступаютъ на чужіе, за что должны помогать повозчику промышленлять, но участка себѣ не требовать, хотя бы имъ

и послѣдовала сдача на случившіяся суда. Встрѣчныя суда обязаны ихъ принимать, если только увидятъ, что другіе успѣли уже подержать и прокормить ихъ: всякому свои запасы дороги. Промыслы ихъ поволицъ воленъ брать и не брать, какъ захочетъ, но снасти обязанъ вывезти безотговорочно. Снасти—покупное дѣло, а потому драгоценное: если кто найдетъ плавающимъ разбитое и брошенное судно, тотъ беретъ себѣ его бесплатно, и обязанъ только возвратить снасти; если же возьметъ промыселъ, а снасти оставитъ, то изъ промышленнаго идетъ ему лишь $\frac{1}{4}$ часть.

— А, вѣдь, Городокъ-отъ нашъ больно древній!—толковалъ мнѣ прежній старикъ-говорунъ.

— Знаю, старикъ. Построенъ онъ былъ новгородцами для того, чтобы дань собирать съ самоѣдовъ, и обнесенъ былъ острогомъ. А самоѣды эти назывались ясашными...

— Это такъ, твоя милость, и по книгамъ значитъ. Читалъ тоже и я грѣшной!

— Былъ здѣсь въ-старину воевода, и ему дана была канцелярія.

— Такъ и въ народѣ молва идетъ, такъ! Бумаги изъ этой канцеляріи хранились у насъ въ управѣ, да, вишь, сгорѣла управа-то, и бумаги эти всѣ погорѣли. А знаешь ли, твое благородіе, какая-такая святая вещь у насъ есть?

— Можетъ-быть, крестъ Аввакума?—знаю.

— Это-что! А то есть у насъ тутъ... у одного у мужичка по сосѣдству, образъ чудотворный, небольшой, вершка въ два, на доскѣ, и писаніе хорошо сохранилось. Сказываютъ, образъ тотъ принесенъ изъ Новгорода, при Грозномъ-царѣ, когда вотъ селенію-то нашему начало сказываютъ. Это первый-де Христовъ ликъ въ нашемъ краю! Мы ему молебны служимъ *.

Разсказчикъ, при послѣднихъ словахъ, перекрестился.

На улицѣ слышались въ это время громкія, но какія-то нескладно-безтолковыя пѣсни. По улицѣ пронеслось много оленей съ саночками, на которыхъ валялось по-два, по-три самоѣда. Разсказчикъ разрѣшилъ нѣдоумѣніе:

— Самоѣдъ гуляетъ. Имъ, вѣдь, нехристямъ, все равно, не разбираютъ: постъ ли, праздникъ ли, вонъ и теперь подъ воскресенье пришло,—надопались.

— А любятъ они и у васъ также пить, какъ въ Усть-Цыльмѣ?

* Впослѣдствіи лично удалось мнѣ повѣрить сообщенныя старикомъ свѣдѣнія: образъ значительно потускнѣлъ отъ времени и хотя хорошо видны были лики, но надписи разобрать не было никакой возможности. Первое показаніе его о томъ, что старинныя бумаги всѣ сгорѣли, также, къ несчастью, оказалось справедливымъ. Впрочемъ, Озерцовскій, еще въ 1773 году, не нашелъ уже ихъ.

— Да что имъ дѣлать-то? извѣстно, пьющій народъ съ роду. У нихъ и ребятенки вмѣсто молока вино пьютъ, и яньки (жонки) пьютъ, всѣ пьютъ...

— Зачѣмъ же они въ Городокъ вашъ попали?

— Ясакъ привезли, такъ ужъ, кстати, въ кабакъ - отъ... У насъ ихній старшина живетъ. Теперь они въ чумы свои поѣхали; чумами-то, вишь, они не далеко разложились, сказываютъ: верстъ и десятка не будетъ.

Подъ нашими окнами остановились двое саней, послышался вскорѣ громкій, ожесточенный споръ на томъ непріятномъ гортанно-шипящемъ языкѣ, который только и можно услышать отъ самоѣдовъ. Смотрю, одинъ самоѣдикъ наскочилъ на другаго, ударилъ его въ лицо и окровавилъ, третій разнималъ ихъ и тоже получилъ на свой пай отъ забіяки съ десятокъ плюхъ.

Это обстоятельство вызвало замѣчаніе одного изъ моихъ гостей:

— Подѣломъ, не суйся! Гляди, ваше благородье, цѣловаться теперь станутъ и опять олешковъ повернуть къ кабаку. Гляди!

Дѣйствительно, самоѣды обнялись всѣ трое вмѣстѣ и поочередно цѣловались, крѣпко стучаясь, въ тоже время, лбами.

— А, вѣдь, смирный же они народъ, какъ видно.

— Смирный, добрый такой!.. смирный: только вотъ во хмѣлю-то бурливы, привязываются, задираютъ. А и крикнешь на нихъ, пригрозилъ кулакомъ, не испугаются, еще пуще лѣзутъ. А трезвые, что и олешки же, смирны.

Шумъ на улицѣ затихъ. Самоѣдъ съ подбитымъ глазомъ лежалъ уже на чункѣ (санкахъ); двое другихъ куда-то пропали; но не совсѣмъ: отворилась дверь въ мою комнату и оба они явились на порогъ и повалились въ ноги разъ, другой и третій. Одинъ такъ и не вставалъ, какъ легъ. Другой выступилъ — настоящій самоѣдъ: приземистый, коренастый, съ рѣденькой, крайне-рѣденькой бородкой, съ необыкновенно-смуглыми, хохлатыми волосами. Узенькіе глаза его непріятно выглядывали изъ подъ жиденькихъ рѣсницъ; широкій неправильный носъ какъ-то удивительно не шелъ къ его скуластому, смуглому лицу. Къ тому же, пьяный самоѣдъ глядѣлъ настоящимъ разбойникомъ.

— Что тебѣ, братъ, надо? ..

— Прости!—могъ я понять.

— Въ чемъ дѣло?

— Дѣло.

— Какое же?

— Ясакъ тяжело!

— Проси не меня объ этомъ!

— Старшину проси! — добавилъ кто-то изъ гостей моихъ: — ступай-ко, ступай!

— Ну-ну, ладно, ладно! Прости!

— Прощай!

— Ступай-ко, ступай, не студи!—продолжалъ хозяинъ.

— Ко всѣмъ вотъ этакъ лѣзуть, отогнать не можно: къ начальнику-де надо. Просьбы подають и завсегда пьяными. Сердятся же начальники-то. А тоже, вѣдь, вотъ война-то была, спрашивали мы ихъ: пойдете-моль? А пошто-де насъ не обрядятъ: стрѣльнули бы дородно!..

— Говорятъ же они и по-русски?

— Стали же нонче и на это простираться; мало который не говоритъ, развѣ ужъ самые дальніе... У насъ, вѣдь, тоже ихній переводчикъ живетъ, дьячекъ. Въ Городѣ * обучали его, такъ мать приѣхала, выкрала; опять отвезли—она опять выкрала, да померла теперь. Этого ты отъ насъ и не разпознаешь: говорить спорко и изъ-себя бѣлъ, скуловать развѣ, да глаза узенькіе. Только пьеть, больно же круто пьеть... А въ службѣ церковной—сокровище: все знаетъ и голосистый такой. Пьеть тоже зря, ничего не разбирая, что и другіе! Самый пустой человѣкъ!..

— На ясакъ-то они жалуются: стало-быть, тяжелъ?

Всѣ мои гости насмѣшливо улынулись. Одинъ вывелъ меня изъ недоумѣнія.

— Всего рубликъ-отъ серебромъ наберется ли, гляди. Да и то смекай: въ годъ, изъ того числа 2½ коп. на оспу идетъ, на священника сколько-то копѣекъ, на дьячка на этого опять—съ души. Вотъ ихъ и весь ясакъ! Въ старину они его песцами платили, теперь отмѣнено это: на деньги выкладено. Тяжелъ бы ясакъ-отъ былъ, не стали бы такъ-то пить.

— Что же они крещенные?

— Есть тоже церковь походная, шатровая; вонъ въ Тельвисочной деревнѣ деревянную для нихъ, всегдашнюю—значить, строить теперь.

— А любятъ они Богу молиться?

— Мало же. Да и придуть когда, всю службу не выстаиваютъ, не могутъ: либо вонъ выходятъ, либо возмуть да и лягутъ на полъ. Въ чумахъ-то что-ли они привыкли все лежать да лежать, али бо что... кто ихъ знаетъ! А то не горазды они стоятъ, не свичны: въ избу къ намъ заходятъ, такъ и сажай скорѣй, а то ляжетъ, безпремѣнно ляжетъ. Тепла опять они не любятъ, нашихъ избъ не любятъ: такъ и

* Нѣкоторые города Архангельской губерніи имѣютъ туземныя старинныя названія: самъ Архангельскъ повсюду называется просто *Городъ*, Пинега—*Волокъ*, Мезень—*Большая Слобода*, Усть-Цыльма—*Малая Слобода*. Города Холмогоры и Шенкурскъ до сихъ поръ сосѣдніе жители зовутъ „*Посадамъ*“ и въ то же время этимъ же именемъ называютъ, въ видѣ собственного, многія села и деревни. Точно также неправильно зовутъ погостами тѣ селенія, которыя давно уже стали селами, т. е. къ церкви и домамъ причта присосѣдились голыя выселенны, какъ напр. въ селѣ Благовѣщенскомъ, Шенкурскаго уѣзда, извѣстномъ большею ирмаркою.

наровать скорѣй бы выдти. Вонъ старшина ихній живетъ у насъ на селѣ, такъ въ избѣ не спитъ, а все въ сѣняхъ, и все больше по улицѣ ходить и избу дня по-три не топить. Такъ ужъ привыкли! Совсѣмъ, вѣдь, они глупый народъ!

— Чѣмъ же особенно?

— Спроси ты, сколько ему лѣтъ, любого спроси: не знаетъ...

— Вонъ, гляди, твое благородье, оленковъ никакъ привели тебѣ. Съ Богомъ!—перебилъ рѣчь рассказчика хозяинъ мой.

Въ этотъ день я рѣшился ѣхать въ одно изъ самыхъ дальнихъ печорскихъ селеній—село Кую. Тамъ предстояла интересная бесѣда съ однимъ изъ старыхъ и опытныхъ ходоковъ на Новую-Землю.

— Онъ тебѣ все по порядку расскажетъ—говорили собесѣдники, провожая меня къ чункѣ,—бывалый, вѣдь! Разведетъ онъ тебѣ рѣчь, только слушай! Съ тобой-то ему не съ первымъ толковать ужъ!

— Поподчуй его водочкой — распояшется. Говорунъ, вѣдь, онъ у насъ, красной, что въ цѣлой волости нашей другого такого не сыщешь.

— Съ Богомъ, счастливый тебѣ путь дорога!

5. Новоземельскіе моржовые промыслы.

(Рассказы стариковъ).

Негостепріимство Новой-Земли. — Промышленники, зазимовавшіе тамъ. — Моя поѣздка къ океану. — Сѣверное сіяніе. — Ледяныя поля. — Ледяныя горы. — Падунъ. — Стамики. — Опасность отъ нихъ. — Горѣлые чадъ. — Историческій очеркъ посѣщеній Новой-Земли. — Подробности промысла моржей (разбойнаго). — Характеръ животныхъ. — Нападенія на промышленниковъ. — Заколки. — Полубарки. — Общія впечатлѣнія отъ видовъ на Новой-Землѣ (по Беру). — Бѣлый медвѣдь, его нравы, образъ жизни и способы ловли. — Звѣри на Новой-Землѣ.

— Въ неладное ты время-то пожаловалъ, честной господинъ, въ наши украинныя палестины—говорилъ куйскій собесѣдникъ на другой день по пріѣздѣ моемъ въ это изъ самыхъ ближнихъ къ печорскому устью—селеніе Кую. Пріѣхать бы тебѣ по веснѣ!..

— Отчего же, Антипа Прокофичъ?

— Удрали бы мы съ тобой знатную штуку. Взяли бы мы, ужъ куда бы ни шло, лодку большую, людей бы подговорили, снасти бы опять взяли... Да съ Божьимъ бы со святымъ благословеніемъ, худаго слова не молвя, протолкались бы туда, на Новую-Землю, сами по-смотреть, какая она такая есть: та ли несхожая дрянъ, какъ тебѣ про нее натоковали.

— Зачѣмъ же теперь стоитъ дѣло, Антипа Прокофичъ?

— Да теперь ты меня хоть золотомъ озолоти, не поѣду. Первая голова у меня на плечахъ и шкура невороченная, — надо тебѣ такъ говорить.

— Льдовъ-то ужъ что-ли около нее бродячихъ много?..

— А такъ тебѣ много, что въ пылъ изотрутъ суденко твое, будь оно хоть самое крупное: лодья бы тебѣ, али шкуна. И никоими ты человѣческими силами отъ льдинъ отъ этихъ не оборонишься. Ходятъ онѣ такія большія, что и глазомъ не окинешь: пная кажетъ верстъ на десять длиннику, а бываютъ-де и больше того. Треску, да визгу, да всякаго шуму отъ нихъ! Словно свѣтъ-то Божій представляется, и антихристъ грядетъ ужъ во облацѣхъ небесныхъ со звукомъ трубнымъ.

— Этакъ-то вотъ мнѣ надумалось лѣтъ тому тридцать назадъ! — продолжалъ мой старикъ, подвигаясь со стуломъ. Упромышляли мы звѣря на Маткѣ всю весну, все лѣто и осени прихватили. А звѣря въ тотъ годъ выстало несосвѣтимаая сила, такъ и лежалъ по берегу-то плашмя, что полѣнья. Отстать, кинуть бы — моченьки не хватаетъ: что ни утро, то и подмываетъ тебя: „и сегодня ступай, коли-де его, руби его!“ Пороху было вдосталь, въ залишкѣ. Сосѣди домой побѣжали, наказали мы имъ, чтобъ прислали другое судно — побольше, по-дождемъ, молъ, здѣсь. Авось, молъ, зима-то позамедлитъ, недаромъ-де звѣря идетъ къ намъ все пуще, да пуще. Не надо бы зимъ ранней быть, (мерекаемъ себѣ), да такъ вотъ и ждемъ недѣлю, другую и третью. Надо бы судну придти, потому вѣтра все съ берегу, горные падаютъ, а по вѣтру съ Печоры до Матки на парусахъ всего три дня ходу: такъ завсегда! А тутъ, глядимъ, ужъ и на четвертую недѣлю четвертый день пошелъ: потасковали опять, попечалились другъ-другѣ. Защемило наши сердечушки-то туже да туже. Въ сумнѣніе, въ боязнь впали: не бывать, молъ, намъ эту зиму дома, не нашли, знать, наши судна. Дѣло худое! Помолился я Богу и на пятая сутки, и пошелъ, по своему по обычаю, на море глядѣть: покажется парусокъ — наше судно бѣжитъ. Иду это я къ морю и думаю, многое разное думаю, о чемъ бы и не слѣдъ на ту пору вспоминать, домой, молъ, приѣду, жена встрѣнетъ, ребятенки заластятся, сосѣди съ разговорами придутъ, вина выставлю, пить станемъ, пѣсни запоемъ... Думаю все это, идучи къ морю, а самому и не въ-домѣкъ, что вѣтеръ не вечерошной тянетъ. Подставилъ я ему щоку, востокомъ сказался, — вѣтромъ тѣмъ непутнымъ, что изъ самой-то голомяни отъ вѣковъ тянетъ. Такъ у меня на ту пору ноженки и подкосились, словно подъ жилки меня кто полѣномъ урѣзалъ: присѣлъ нали. Одначе, оправился, дальше пошелъ и море увидалъ, да бѣлое такое, вонъ-что оленья постель бѣлая. Кругомъ бѣлое море, а воды на немъ ни слезинки, ни капельки: все ледъ, кругомъ тордѣся. И визжать это они, и стонуть, не слыхивалъ такъ! Антихристъ, молъ, идетъ съ сонмищемъ со своимъ, а кой, молъ, тутъ тебѣ чортъ! — лодья деревенская на выручку... Пришелъ къ своимъ въ избу да и взвылъ, рассказалъ имъ все; только

по бедрамъ ударили да головушку понурили. Теперь-де жди до весны горнихъ-то вѣтровъ, а какъ ни какъ—зимовать видно, надо. Помолились мы Богу крѣпко-на-крѣпко—да и зазимовали!..

Старикъ, опутивъ голову, смолкнулъ.

— Наступило, стало-быть, для васъ самое трудное время!—подсказалъ я, чтобы подзадорить старика на продолженіе разсказа его и не ошибся. Старикъ продолжалъ прежнимъ тономъ:

— Самая трудная была та пора! Такая, сказать тебѣ надо, пора наступила, что еле до весны дожили. Одначе троихъ горемычныхъ товарищей похоронили тамъ.

— Ты, старикъ, разскажи, пожалуйста, по порядку.

— Порядки тебѣ эти вотъ какіе будутъ... не соскучился бы ты?

— Сдѣлай милость, разсказывай! весьма обяжешь.

Разсказчикъ началъ не прямо, но предварительно оглядѣлся кругомъ избы, наполненной въ то время слушателями и столько же зрителями, являвшимися, по обыкновенію, на всякій пріѣздъ мой въ любое изъ печорскихъ селеній, и примолвилъ:

— Изъ лишнихъ-то кто есть, ушли бы. Вы, бабы!.. Ступайте-ко вонъ, не мѣшайте мнѣ! Вели, ваше высокородіе!

— По-мнѣ, зачѣмъ же ихъ гнать? Пускай слушаютъ: не помѣшаютъ.

— Воютъ, вѣдь, онѣ. Что вотъ не разсказываю, голосами воютъ безъ удержу.

Сталось по желанію старика, заинтересовавшаго насъ еще болѣе такою торжественностію вступленія.

— Затерло вотъ такъ насъ льдами, затянуло кругомъ, что ни входу, ни выходу. Справа и слѣва — Божіе произволеніе; сверху и снизу—Его святая милость. Хочешь ты — въ снѣгъ зарывайся, хочешь—въ избѣ сиди да надѣйся. А, вѣдь, избы наши извѣстно: сверху мочить, съ боковъ дуетъ, снизу всего тебя насквозь до послѣдняго суставчика сыростью пробираетъ, потому избы эти строены и нивѣсть въ кою пору и нивѣсть изъ чего. Всю вонъ эту дрянь-то, что и море не держитъ въ себѣ и что *плавикомъ* зовемъ по-нашему, мы въ строеніе пускали: всѣ эти бревна, кряжи, щепу разную, что ухватить волна на одномъ берегу, а выкинетъ на другой, да промочить ее всю до сердцевины, да прогноить до слезъ. Теперь, вѣдь, только изъ привознаго-то лѣсу строить начали, а въ тѣ времена, что выбросить море, то и наше. Въ такой-то вотъ избѣ и мы сказки сказывали, въ кулаки дули, съ ноги-на-ногу переступаячи, да думали: вотъ кабы Господи снѣгу накидалъ къ намъ побольше, хорошо бы было. И за этимъ не стояло дѣло: на Кузьминки (къ 1 ноябрю) наметало его такую пропасть за ночь, что потомъ цѣлый день отгребались. Въ избѣ теплѣе стало и полъ промерзъ: не въ туманѣ сидѣли, по крайности и

ношникъ не трещалъ, не брызгалъ. Такъ, гляди, иная бѣда навязалась, а запрежь того, поглядишь бывало, какъ это оно тебѣ постоитъ на небѣ-то краснымъ такимъ, да большимъ пребольшимъ, такъ къ примѣру, на полчаса по времени да и спрячется. А тутъ тебѣ и выглядывать перестало — скука взяла! Чайки улетѣли, утки потомъ, моржи пропали, ни реву, ни свисту—еще того хуже пришло, хоть самъ себѣ въ ногти свищи! Одинъ ѳшкуй пугать приходилъ, да воровать, что упростили мы: стали стрѣлять по немъ, убили троихъ. Мясо собакамъ пригодилось. Четвертаго поранили — думаемъ, скажетъ другимъ, что деремъ-де—не ходили бы; такъ инъ, еще пришли: одинъ совсѣмъ въ избу лѣзъ и собаку одну изломалъ — угодили подъ сердце, намъ же достался. На Веденьевъ день и дня знать не стало, все едино, что ночь, не свѣтлѣй ее; ѳшкуй пересталъ ходить, въ снѣгъ зарылся *юмодомъ жить* до весны. „Ладно, молъ, своякъ, надумалъ ты этакъ-то: теперь горемъ меньше стало!“ А до того начнутъ эти ѳшкуи въ ногти свистать одинъ за другимъ: таково надрывно и боязко. Перестали свистать — легче стало и въ ухахъ и на сердцѣ не тягостно. За то ужъ опять больно темень-то одолѣла: ничего не распознаешь. Рѣшили такъ, что коли-де въ одной плѣшкѣ ношникъ сгоритъ—день прошелъ, въ другомъ ношникѣ порѣшилось сало—ночь прошла: и досчитались мы, вотъ эдакъ-то, по нашему счету, до Рождества Христова. Да не на радость, знать, досчитались; не было у насъ изъ ѣды ни синя-пороха: рыбы какой по осени-то наловили—всю поѣли; птицы было до Филиповокъ-то прозапасли, такъ и той нѣту, да опять же и грѣхъ мясо въ постъ ѣсть: на томъ свѣтѣ и водицы не дадутъ напиться. Наступило Рождество, а намъ и разговѣться нечѣмъ. День-то сидѣли—горевали; пѣсни было, на утѣху свою, къ вечеру-то запѣли, такъ на голодное-то брюхо голосъ не потѣкъ. Бросили!

— Былъ съ нами молодецъ одинъ—Тимохой звали (померъ ужъ)—ушелъ, не сказавши слова. День пропадалъ, вернулся радостный такой, шутить: „Хотите, говорить, помирать, такъ сказывайте: могилы-де вырылъ“. Да какъ же, молъ, Тимофеюшко, ты могилы-то вырылъ, когда землю теперь и огнемъ не проберешь? „А я, говорить, въ снѣгу вырылъ могилы-то“.—Да мы, молъ, не медвѣди: смѣемъ ему. Ты, молъ, дѣло-то сказывай. „А какое-де вамъ дѣло сказывать: ѣсть, молъ, хотите?“—Ну да какъ, молъ, Тимофеюшко, не хотѣтъ; посмотри ты на насъ: осунулись. Опять же цѣлый день тошнить, знобить, не согрѣемся. Во рту горечь такая, словно смолу ѣли. Опять же десны припухать стали, а морошку, самъ-де знаешь, еще къ Николиву дню всю поѣли.—И, какъ теперь, вижу все это (хоть и тридцать годовъ прошло): ухмыляется намъ шутникъ, опять зашутилъ, изъ избы вышелъ да принесъ намъ... Принесъ-то онъ намъ оленя дикаго, теплый еще. Стали мы кровь пить, мясо такъ и не жарили — сырымъ ѣли. И ни-

чего сладко таково! и наѣлись скоро. Пить захотѣлось—натаяли снѣгу,—напились. Къ вечеру голова разболѣлась, тошнота долить начинала, не выдержали... А Тимоша нашъ все шутить, ему все смѣшки да забавы. Допрежъ этого съ нимъ не бывало, что ни знали его: думчивый былъ такой, непривѣтный. Согрѣшилъ я на ту-пору, подумалъ: передъ горемъ, молъ, ты Тимофеюшко, раскудахтался. Ему-то я о томъ не сказалъ, а ребятамъ—таки попечаловался. — „Такъ! говорили, со большой со тоски дурить, да опять же и вѣра наша, что коли—де цыгги ты боишься, больше смѣйся, больше бѣгай, шевелись: не пристанетъ она.“—Вотъ и Тимофеюшко нашъ дурилъ еще день, да и смолкнулъ. День молчить, другой молчить, на третій къ вечеру слегъ. Слегъ, что бревно слегъ, святая душа, богоданный товарищъ... милый человѣкъ! У насъ и сердечушки защемило: такъ-то вотъ, молъ, все мы подъ Господомъ! Упаси, молъ, ты его, Святая Богородица! И стало намъ таково тошно!..

Старикъ, смолкнувъ, прослезился и теперь такъ же точно, какъ, можетъ быть, плакалъ онъ и при прежнихъ своихъ разсказахъ объ этомъ событіи, вызывая на то же сердобольныхъ бабъ—слушательницъ. Съ трудомъ онъ оправился потомъ и продолжалъ разсказъ свой:

— Лежитъ нашъ Тимофеюшко на нарахъ, лежитъ—охаетъ. Кто изъ насъ ни подойдетъ, опросить: что, молъ, ты, друже? „Ослабъ!“ сказываетъ. Ослабъ, да ослабъ, охатъ сталъ пуще, по ночамъ вопить блажнымъ-матомъ. Мы опять къ нему: не надо ли, молъ, тебѣ чего? „Ничего, говорить, не надо!“ Да и дать было нечего. А вотъ, говорить, во рту горечь, и плюнулъ, чернѣтью такой плюнулъ, словно изъ трубы изъ печной. И десны показалъ—пальца въ два раздуло деснытъ. Дотронулись мы до нихъ пальцемъ,—а изъ нихъ кровь пошла. Стали оглядывать: блѣдной такой лежитъ, синія щеки и осунулись, подъ глазами синяки въ пятакъ мѣдной. Ноги загноились, и смердитъ, больно смердитъ,—головы даже болѣть у насъ почали. Глядимъ, этакъ послѣ Крещенья, у него руда пошла изъ носу и изо-рту, стало его такъ сшибать, что вотъ закроетъ глаза и лежитъ безъ памяти, словно мертвой. Опомнится, опять окликнемъ: не надо ли, молъ, чего? (все себя-то да и его надували). „Вотъ, говорить, что надо, коли живы будете, безъ меня... да домой сбѣжите, родительское свое благословеніе на вѣки нерушимое посылаю всѣмъ, и ругать, молъ, себя не велѣлъ...“ Сталъ онъ тутъ наказывать про родныхъ такъ слезно, голосомъ дрожить, самого такъ и вѣдетъ... судорга!.. головушкой-то своей побѣдной покачиваетъ. Мы то-же за нимъ: не въ терпежъ ужъ стало! режемъ! И не было тутъ ни одинаго человѣка, чтобы у котораго слезъ не текло! Больно ужъ печально было смотрѣть, какъ душа-то человѣчья тяготится. Глядимъ опять: закатилъ нашъ Тимоша глаза свои, да съ тѣмъ мы его и видѣли! Померъ несчастнымъ дѣломъ. Гри-

горій молитву читалъ, я обмылъ его; собча могилу выкопали въ снѣгу на другой ужъ день. Весна, смѣкаемъ, придетъ, да отойдетъ мать-сыра-земля—туда спрячемъ. Такъ и сдѣлали. И все нашъ Тимофеюшко опосля кончины своей намъ мерещился, душеньки наши томилъ, словно камень тяжелый на все накладывалъ. И теперь вотъ... ужъ очень обидно вспоминать про его про кончину! Отъ слезъ не удержишься, хоть и стыдно бы старику!..

— Ты позволъ, ваше высокородіе, отдохну я маленько: духъ переведу!—перебилъ свою рѣчь рассказчикъ этимъ запросомъ.

Старикъ послѣ того молчалъ долго, до того долго, что заставилъ даже вмѣшаться въ нашу бесѣду стороннему слушателю. Тотъ говорилъ:

— Ты бы рассказалъ, дядя Антипа, его милости, что дальше съ вами было, хорошо тоже было! Послушай-ко, честной господинъ.

Запрощикъ привздохнулъ, старикъ не упрямился:

— Хорошаго, надо бы говорить тебѣ, мало же было. Хорошаго тутъ все, что еще троихъ товарищевъ потеряли: двое отъ той же отъ цынги истаяли, хоть и оленковъ ловили, теплую кровь пили; опять же и въ пѣсняхъ, и въ пляскахъ недостачи не было — бѣгали, сугробы раскапывали; зря, ради дѣла, гору обледѣнили водой—катались съ нее, и саночки такія скотили. Всего было! Третій товарищъ, по очереди, за пищей ходилъ: съ ружьемъ, тоись, за оленями, да и не возвратился. Надо бы медвѣдю съѣсть, такъ на ту пору хивусъ палъ такой, что всю нашу избушку завалилъ сажени на три глуби. Заблудился, стало, да и замерзъ. Нашли послѣ, далеко, верстъ за десять, что кисель: совсѣмъ загнилъ. Тоже слезы были, могилку копали боольшую, да и всѣхъ въ одну и положили, и крестомъ осѣнили деревяннымъ. И теперь крестъ-отъ этотъ знать. Вотъ что ни бываю на Маткѣ, у креста у этого завсегда по праздникамъ молитвы пою, какія знаю. Очень, вѣдь, ужъ печальна, твоя милость, жисть-то наша промысловая: бабамъ, кажись бы, въ этомъ дѣлѣ и толку не было. Съ однихъ бы, съ гореваньевъ повымерли!

— Позволъ, ваше сіятельство, водочки выпить, съ твоего позволенія. Грѣшу съ юныхъ лѣтъ, да и рассказывать вольнѣ станетъ!—опять также неожиданно перебилъ свою рѣчь рассказчикъ.

Желаніе его было немедленно исполнено. Но старикъ все еще молчалъ, какъ-будто припоминая что-то, и опять на столько же долго, что заставилъ прежняго запрощика подзадорить себя новымъ совѣтомъ.

— Ты расскажи, дядя Антипа, что вы на Благовѣщеньевъ - то день дѣлали: занятно!

Последнее слово относилось ко мнѣ.

— Я тебѣ по порядку лучше, какъ было, началъ старикъ. На Афонасья (8 января) такъ, надо быть, по нашему счету, первой мы

свѣтъ увидѣли: заря занялась, мы и ношникъ погасили, такъ эдакъ на часокъ мѣста. На Оксинью-Полузимницу (24 января), глядимъ, и солнышко на горахъ заиграло: хоть и не видать еще было его, а поиграло-таки съ часъ мѣста. Смотримъ, на Стрѣтвевъ день (2 февраля), оно, батюшко, красное солнышко, во всей-то во своей красотѣ изъ-за горъ-то и выглянуло. И такъ мы ему всѣ обрадовались: заплясали, цѣловаться начали, ей-Богу!.. Отецъ, молъ, ты нашъ родной, при тебѣ теперь не скучно будетъ, радость ты, молъ, наша! Такъ это все ему, что человѣку, мы и обсказывали въ очи, ей-Богу!.. Словно одурѣли всѣ, зиму-то, что медвѣди вылежавши.

— Прошли на ту пору Евдокеи (1 марта), прошли, по нашему счету, и Сорокъ Мучениковъ (9 марта): показались по снѣгу проталинки, мягкія мѣста по тундрѣ-то отходить стали. Около Благовѣщенья запримѣтили, что мохъ закудрявился, отошолъ—значить. Ну, думаемъ, Божья благодать осѣняетъ. Ошкуй проснулся; прошелъ вдалекѣ мимо насъ въ море, гдѣ ужъ на то время полыньи стали запримѣтны. Наступилъ, значить, и великъ-день—Благовѣщенье, большой у Господа праздникъ; сказано: на этотъ день и птица гнѣзда не вьетъ, а по нашему на тотъ день и работать нельзя. Вышли мы потому изъ избы, стали къ востоку, да и запѣли церковные стихиры, какіе знали. Пѣли мы, пока солнышко на виду было: часа, надо-быть, три пѣли, всю всюнощну и изъ обѣдни, что знали—все перепѣли, и таково согласно, что миѣ, поди, и не сдѣлать теперь такъ-то. Какъ теперь, помню: голосами закручиваемъ, выводимъ, ино протянемъ, — ну, одно-слово, дьячки—да и все тутъ!

Нѣкоторые изъ слушателей засмѣялись. Разсказчикъ мой объяснилъ это:

— Вотъ какъ про Благовѣщеневъ день ни припомню, всегда имъ любо, какъ-де я дьячкомъ пѣлъ.—Смѣшно, вишь!

— Смѣшно и есть!.. безголосному-то!—послышался голосъ изъ толпы посѣтителей, и другой:

— Досказывай, знай, дальше!

— Разсказывать-то теперь легко, говорилъ старикъ: — а тогда больно же *мѣстно* было. День-за-день, все въ одиночествѣ: очень тяжело было, не до смѣшковъ приходилось!..

— Надо тебѣ разсказывать теперь вотъ что! — продолжалъ старикъ мой, немного подумавъ. — Съ Марьи (первыхъ чиселъ апрѣля мѣсяца) во весь тотъ мѣсяцъ земли оттаяло много. Морозъ, почитай, гулялъ въ кою-пору, да, вѣдь, ужъ въ нашихъ мѣстахъ, безъ того не могли думать, нельзя... Такъ ужъ отъ вѣковъ! Къ Егорьеву дню (23 апрѣля) озерки отошли и ручьи съ горъ побѣжали, на Вѣшняго Николу много ужъ было ихъ. А снѣгъ тамъ во все, вѣдь, лѣто видѣнъ; какъ онъ тамъ отъ сотворенья-то міра легъ, тамъ и лежитъ, надо-

быть. Объ этомъ и разговаривать больше не будемъ. На Оедосью (29 мая) два гуся прилетѣли и гагара. Покричали они, погоготали часъ, другой, третій, и улетѣли. Дня два потомъ не видать ихъ было: никого не видать. Передовые, молъ, знать, были эти, повѣстить насъ прилетали да осмотрѣться: хитра, вѣдь, птица-то! На третій день слышимъ: крикъ, да крикъ, стадо за стадомъ: и гуси, и гагары эти, утки опять, лебеди, чайки разныя: и клуши, и моевна, и сизые тулупаны, и пяташки — всѣ прилетѣли. Ну... со той поры въ пищу намъ недостачи не было. На этотъ счетъ было ужъ очень хорошо. Опять же крѣпкіе вѣтры ледъ понесли въ голѣмя. Губы бережнныя прочищаются начали около Петра Аѳонскаго (въ первыхъ числахъ іюня); щавель показался, на горахъ цвѣты какіе есть: звѣробой (чернобыльникъ), травка мелконькая такая зазеленѣла. Лѣто пришло и сердце отошло. Слава-молъ, Богу! Хоть другаго чего и мало растеть на Маткѣ, ничего больше не будетъ — на иной ёркѣ, эдакъ въ $\frac{1}{2}$ аршина вышиной, пожалуй почки распустятся, да въ листь имъ не перейти до скончанія вѣка. — А все же, молъ, лѣто пришло: тундры, каменной берегъ, озера, рѣченки всѣ оголились. Стало море, за мѣсто льду, плавикъ выкидываетъ: гдѣ щепочку, гдѣ бревешко. Моржи, зайцы морскіе, нерпы, бѣлуги выставать стали... Петровъ день на дворѣ, — скоро быть нашимъ промышленникамъ. А какъ сталъ день за мѣсто ночи, да крѣпче пришлось тосковать намъ, со дня на день дожидаячись, — посмотримъ: парусокъ-отъ осенній по лѣту ужъ по этому и забѣлѣлся, да и не одинъ, а пять... шесть... семь... да и больше. Ну, радостей тутъ — извѣстное ужъ дѣло! — много было всякихъ. Тутъ опять слезы, да ужъ не такія, не прежнія: эти, вѣдь, лучше, слаще!..

— Вотъ тебѣ и все! — завершилъ свою рѣчь старикъ, приподнявшись съ мѣста съ сіяющимъ, веселымъ лицомъ, на которомъ легко можно было читать всю исторію дальнѣйшей встрѣчи съ родными, дорогими людьми.

— Мы, вѣдь, ужъ нонче не зимуемъ, а какъ вотъ Успеньевъ-день на дворѣ, такъ и норовимъ съ лѣтней-то бѣжать къ домамъ. Дома лучше! — добавилъ рассказчикъ.

— Гдѣ же вы наступившее лѣто взяли? — спросилъ я его, чтобы вывести на новую откровенность.

— Да соблазнились харчами-то: на Маткѣ лѣтовали, — отвѣчалъ онъ какъ-то неохотно.

— Что же дѣлали?

— Упромышляли.

— А какъ? — это ты не рассказывалъ.

— Ты, ваше благородье, вотъ-что: дай мнѣ отдохнуть и рюмку водочки! Завтра я забѣгу къ тебѣ на-утрѣ и всю правду истинную,

какъ умѣю, расскажу. Теперь ты поѣзжай на устье, посмотри: скоро полая пойдетъ (отливъ начнется)—заживетъ вода. Любопытно!

Въ этотъ день я, дѣйствительно, рѣшился ѣхать посмотрѣть на широкую Печору въ зимнее время. Олени были готовы. Мы вышли на улицу.

Стоять олени, по обыкновенію, понутивъ головки и положивъ вѣтвистые рога свои на спину, и, по обыкновенію, стоятъ подлѣ нихъ легонькія санки на высокихъ копыльяхъ, по туземному—*чунки*. Здѣсь также, какъ и на Мезени, упряжь оленья веревочная, привязанная къ чуркамъ и потомъ къ самымъ санямъ. Здѣсь также кожаная лямка, обходящая вокругъ шеи животнаго и замѣняющая въ этомъ случаѣ хомутъ, называется *подеръ*; и также между ногами, отъ шеи къ чуркамъ, пропущена кожаная же лямка, называемая *сса*. У лѣваго крайняго оленя сса эта подлиннѣе другихъ, и потому олень этотъ *передовой* и *главной*, по той причинѣ, что къ головѣ его привязана *метыне*—единственная, длинная возжа для всей четверни. И знаю: дернетъ, соберетъ возжу эту до половины въ руку проводникъ на всемъ бѣгу оленей, всѣ они повернутъ въ сторону и остановятся. Знаю: будетъ проводникъ, во время ѣзды, подергивать и похлопывать этой метыне по боку передового съ одной стороны и съ другой, будетъ пинать оленей въ задъ длиннымъ березовымъ шестомъ своимъ, *хареель*, кончающимся на одномъ концѣ костяной, изъ мамонтоваго рога, шишечкой. Разница передъ мезенскими обычаями здѣсь состояла только въ томъ, что досчатая настилка сверху чунки покрыта была не оленьей шкурой (по туземному *постелей*), а шкурою бѣлаго медвѣдя, и вмѣсто мезенскаго гогоканья и оледельканья, здѣсь поудительные крики на оленей слышались: „кыса-кыса!“ Во всемъ же остальномъ поразительное сходство: тѣже пугающія, опрокидывающіяся назадъ чунки и не совсѣмъ сваливающія внизъ потому только, что спереди сдерживаетъ санки въ колебательномъ (дрожательномъ) состояніи оленья упряжь, а сзади острые концы дугообразныхъ нижнихъ полозьевъ чунки, легкой на ходу и удивительно приспособленной къ несильнымъ, хотя и бойкимъ на бѣгу, маленькимъ оленямъ. Наконецъ и здѣсь тѣже предостереженія провожавшаго меня добраго, гостепріимнаго и словоохотливаго люда въ родѣ слѣдующихъ:

— Тутъ въ чункѣ-то, подъ мѣхомъ, ременныя петелки такія есть, такъ держаться надо: тогда и на кочкахъ не опружить тебя.

— А кочекъ-то этихъ по пути тебѣ теперь много будетъ: держись только! Дорѣгъ-то, вѣдь, у насъ изъ-вѣковъ не проложено: челкомъ (цѣликомъ) ѣздимъ, какъ олешки надумаютъ.

— Ногъ-то ты не клади на чунку: сшибетъ пожалуй,—да опять же и малица то сверху колѣнь полѣзетъ—озябнешь. Спусти ихъ лучше, да поглядывай, а то, вишь, ноги-то у тебя длинныя—задѣвать за кочки станутъ, да и опять же не сшибло бы.

— Озябать станешь, рукава-то у малицы спусти, да и рожу то всю подь мѣхъ спрячь, коли дыханье захватывать станетъ. Ишь, вѣдь, какой холодище завязался, а тамъ у окіяна еще лютѣй!..

Едва ли противъ какого холоду не устоитъ тяжелая, неловкая, безобразная, но страшно-теплая самоѣдская одежда, получившая право гражданства и у русскихъ туземцевъ. Безъ этой одежды нѣтъ возможности ѣздить по нашему холодному Сѣверу и волей-неволей всякій долженъ надѣвать на ноги сначала мѣховые чулки (шерстью къ тѣлу и длиною выше колѣнъ) изъ оленьей шкуры, называемые *мипты*, потомъ *милы*,—родъ сапоговъ, красиво сшитыхъ изъ разношерстныхъ (шерстью наружу) лентъ мѣховыхъ (ка́мусовъ), снятыхъ съ оленьихъ ногъ и разукрашенныхъ по мѣстамъ разноцвѣтными лоскутками суконъ, и, наконецъ, при крѣпкихъ морозахъ, сверхъ всего этого, каалоши — *тоборы*, *топаки*, по самоѣдскому названію, полуголені, по русскому. Распашныя шинели, шубы здѣсь также не имѣютъ никакого смысла и необходимо замѣняются *мѣлицой*,—мѣховымъ, шерстью къ тѣлу (изъ оленя же) мѣшкомъ, у котораго снизу широкое отверстіе—полы, отороченныя мѣховой разношерстной же лентой *пяндой*, а сверху узенькое отверстіе, въ которое съ трудомъ пролѣзаетъ голова и которое имѣетъ мѣховый воротникъ. Теплая, съ полы надѣваемая, а потому и похожая на стихарь, малица, во время сильныхъ вьюгъ и морозовъ, неудовлетворительна. Она покрывается *совикомъ*—такой же мѣлицой, но съ тѣмъ главнымъ отличіемъ, что у совика къ воротнику пришить мѣховой же колпакъ (куколь, по туземному) и притомъ совикъ надѣвается шерстью наружу. Куколь его не исключаетъ, впрочемъ, употребленія теплой шапки, которая шьется колпакомъ съ длинными ушами (также пестро-изукрашенными) изъ шкуры молодыхъ оленей—пыжиковъ. Въ такомъ безконечно-тепломъ нарядѣ можно было ѣхать не только къ океану, но, пожалуй, даже и на Новую-Землю, и притомъ въ какой угодно холодъ.

До того мѣста, которое мы назначили цѣлью поѣздки, на этотъ разъ было верстъ сорокъ, т.-е. ровно на три доха для бойко и въ прискокку бѣжавшихъ оленей. Дохъ, или духъ, этотъ состоялъ въ томъ, что проводникъ мой, сидѣвшій на облучкѣ слѣва, собиралъ въ руку возжу — метыне — до половины длины ея: передовой олень дергалъ вправо и увлекалъ за собой всѣхъ остальныхъ четырехъ, которые мгновенно останавливались, какъ вкопанные. Они тяжело и порывисто дышали, пуская паръ клубомъ, жадно схватывали мягкій пухъ съ лежавшаго подъ ногами ихъ снѣга, опять усиленно собирали воздухъ въ теченіе какихъ-нибудь десяти минутъ. Провожатый мой выводилъ ихъ впередъ, выравнивалъ шестомъ своимъ, бѣжалъ сначала нѣсколько впередъ въ припрыжку, затѣмъ мгновенно вскакивалъ на облучекъ. Олени, положивъ свои вѣтвистые рога картинно на спину,

снова пускались своей легонькой, рысистой побѣжкой дальше, до новаго, послѣ малаго, большаго доха. Эти 20 верстъ ѣхали мы меньше часу времени, тѣмъ болѣе, что (какъ говорилъ проводникъ) запряжены были важенки (самки), болѣе легкія на ходу и рѣже пускаемыя въ вѣду, чѣмъ работающіе быки (взрослые самцы-олени).

Мы уже близки къ цѣли: дали послѣдній, самый большой, дохъ оленямъ и ѣдемъ послѣ него довольно долго. Вонъ вдали шевелится весь тотъ снѣгъ, который казался до того неподвижно растянутымъ полотномъ. Шевелится онъ на всемъ неоглядномъ пространствѣ, раскинутомъ впереди до безконечности. До ушей долетаетъ сначала глухой гулъ и потомъ, по мѣрѣ приближенія, къ *зажившему* морю, выдѣляются изъ этого шума отдѣльные звуки: то какъ будто неистово щелкаетъ что-то, то раздается невыносимый визгъ и трескъ, то какъ-будто раскатистый всплескъ какого-то громаднаго морскаго чудовища. Далеко разносистые, попеременно смѣняющіе одинъ другой, рѣзкіе звуки продолжаютъ увлекать вниманіе. Бѣлая, сплошная даль засѣрѣла. Видятся отдѣльныя льдины, неподвижная окраина берега, темныя полосы воды и кругомъ безлюдье и дичь, которая какъ-будто тоже приготовилась смотрѣть и слушать. Страшна, казалась, эта мрачная даль, хотя и была она полна жизни дикой, своеобразной.

Мы остановились. Проводникъ мой оговаривается при этомъ:

— Ну, ужъ дальше ѣхать нельзя: дальше небо досками заколочено и колокольчики не звонятъ..

Дальше, какъ извѣстно, цѣлые ледяные острова, увѣнчанные до облаковъ поднимающимися ледяными же скалами въ 400 и больше футовъ высотой и въ 100 и болѣе миль въ окружности. Цѣлую вѣчность бродятъ они съ одного конца Ледовитаго моря до другаго—американскаго, перенося на своихъ хребтахъ моржей, тюленей и уживагося съ полярнымъ холодомъ и тепло-одѣтаго ошкуя. Съ ужаснымъ громомъ разламываются эти ледяные исполины, разсыпаясь мелкой пылью, которая пѣнитъ и бурлитъ воду иногда на пяти-верстномъ разстояніи. Чудныя картины являютъ они въ иную пору—картины, напоминающія изумрудные дворцы волшебныхъ сказокъ, когда зажгутся и заиграютъ отъ лучей солнца всѣ эти ледяныя арки, столбы, конусы, и въ каждой капелькѣ которыхъ играетъ оно всѣми семью роскошными цвѣтами радуги.

Это—„ледяныя поля“, нарождающіяся въ крайней океанской дали и приплывающіяся оттуда величиною иногда въ нѣсколько верстъ, толщиною аршина въ три. Въ движеніи своемъ они повинуются вѣтру, а съ другой стороны морскому теченію. При такой совокупности двухъ силъ бродятъ они быстрѣе всѣхъ, предостерегая о своей близости и величайшей опасности яркою бѣлизною. Надвигаются они непримѣтно и неожиданно, какъ ночные воры, и затѣмъ встрѣчное судно либо пе-

рерѣзають и опрокидываютъ на себя, либо проламываютъ бокъ, пускають ко дну и наваливаются всей своей громадой съ тою тяжестью, помѣрить которую не достанетъ человѣческихъ силъ. Удастся судну убѣжать отъ одного чудовища, на встрѣчу, вблизи и подлѣ прилѣзло другое: въ Океанѣ и Бѣломъ морѣ такихъ бродячихъ (всегда въ разсыпную) полей несчетное множество. Имѣя подъ водою значительную покатость, они опасны, какъ черпакъ. Проплывая мимо прибрежныхъ ледяныхъ припаевъ, эти поля ломають ихъ—вскидывая огромные обломки на свои хребты, гдѣ они становятся стоймя горами, и очень быстро: вода, зачерпнутая вмѣстѣ съ ними, не успѣваетъ стекать и льется съ нихъ потоками. Въ это время не дремлетъ стоящій наготовѣ ловкій кузнецъ—морозъ въ 40—45°, который приковываетъ захваченное черпакомъ въ прихотливыя фигуры. Не успѣвшіе сбѣжать потоки и водопадъ, онъ искусно обращаетъ въ сосульки, въ прихотливыя сталактиты: то въ видѣ небывалаго чудовища, чудовищной птицы страшной, но красивой. Иногда льдины скучиваются и громятся такъ прихотливо, что представляются волшебными городами. И такъ какъ въ громадахъ океана все громадно, то и ледяныя горы доходятъ высоту до 60 сажень; когда они рушатся въ морскую бездну, то рождаются пучины, съ круговымъ водоворотомъ, и морское волненіе, слѣдующее за тѣмъ даетъ себя знать далеко отъ мѣста гибели этихъ горъ. Разрушаются ледяныя поля отъ встрѣчныхъ теченій, изъ которыхъ одно производится случайнымъ вѣтромъ, другое—вѣчное отъ вѣчнаго движенія воды. Тогда страшныя ледяныя массы вертятся рѣшительно, какъ мельничныя жернова, а будучи надломлены и потрясены поля эти черпають краями своими массу воды и, перекидывая ее черезъ себя, производятъ могучіе водопады. Они не перестаютъ появляться и въ то время, когда гора сядетъ на мель, а случайность морскаго волненія покатаитъ чрезъ нее свои волны. Этихъ обмельвшихъ полей, наз. по архангельски „стамухами“ и „стамиками“, въ устьяхъ мелѣющей Печоры очень много.

Стамикамъ въ формѣ огромныхъ ледяныхъ, бродячихъ острововъ выходятъ на встрѣчу и неровный бой, такъ наз. „падуны“ (они же „падежи“, отпадymi)—то же ледяныя горы, но высоту не больше восьми сажень, за то погруженные въ воду корнями своими до 50 сажень. Падуны приходятъ изъ своихъ мѣстъ рожденія, по всему вѣроятію изъ громадныхъ сибирскихъ рѣкъ, во всякомъ случаѣ они несомнѣнно „отпадymi“, оторвавшіеся отъ крутыхъ рѣчныхъ береговъ, отъ горъ и возвышенностей. На сколько опасны сверкающія бѣлизною, плѣнительныя наружнымъ видомъ, но коварныя въ дѣлѣ ледяныя поля—стамухи, на столько менѣе опасны эти падуны—горы, хотя онѣ и страшнѣе видомъ и главное—ужасающимъ шумомъ и трескомъ. Какъ будто засѣла тамъ живая артиллерія и палитъ изъ пушекъ и

одновременно изъ мелкаго ружья. То почуеться живой базаръ: и гудить онъ и галдить. Это либо свищетъ вѣтеръ, влетающій порывами въ промежутки льдинъ и ломающій звонкія, какъ стекло, сосульки, либо трещать самыя горы и ихъ выступы подъ нажимомъ клещей такого богатыря, какъ полярный морозъ. Отъ этого и не такъ страшна встрѣча судовъ съ падунами, которые и въ темное и въ туманное время даютъ знать о себѣ за нѣсколько верстъ, и при этомъ обыкновенно движутся очень медленно, такъ какъ глубоко погружены въ воду и подчиняются лишь мѣстнымъ теченіямъ, которыя сильны на поверхности, но слабы на глубинѣ. Запоздалое или зазѣвавшееся судно успѣетъ повернуться, переставить паруса и уйти прочь, а, пожалуй, и пройти мимо подъ самой стѣнкой крикливаго и хвастливаго падуна. Наваливаясь на поля, падуныя горы рушатся на встрѣчныхъ, исчезають сами, но образуютъ изъ полей стамухъ падуны—горы съ ужа-сающимъ трескомъ и громомъ.

Все это пришло на память и на соблазнъ воображенія въ то время, когда припаи широкаго, какъ самое море, устья Печоры зажили, вѣроятно, подъ вліяніемъ силы прилива или отлива. Хотя эти припаи тянутся отъ береговъ въ глубь ровнымъ полемъ, иногда верстъ на 15 и 20, но они не знаютъ покоя: ихъ обрываютъ ледяныя поля, ихъ обламываютъ порывистые и крѣпкіе вѣтры. Всѣ эти соображенія успокаиваютъ разсудокъ, сilyтcя обуздать воображеніе, но живыя картины разыгравшіяся во всю мощь не позволяютъ опомниться и сладить съ собою, сладить съ невольнo навѣяннымъ и неизвѣданнымъ ощущеніемъ страха. Не привычно уху и глазу, не усвоено съ дѣтства.

Шумъ и безтолковый гулъ, несущійся со стороны моря, начинаютъ замѣтно стихать. Попрежнему, обгоняя одинъ другой, несутся въ воображеніи дальніе родные виды и картины, Богъ-вѣсть, чѣмъ и зачѣмъ вызванные на эту пору, какъ-будто въ контрастъ настоящему зрѣлищу: и любящая родная семья, и искренній, дружескій, дорогой кружокъ семьи пріятельской, отдѣленные теперь двухъ-тысячнымъ безпривѣтнымъ пространствомъ. И еще дороже и цѣннѣе кажется все дорогое наболѣвшему сердцу, и еще благотворнѣе, живѣе и нагляднѣе рисуется мирная, сосредоточенная въ кружкѣ и обусловленная обычной колеей жизнь, знакомая и родная съ дѣтства. А тутъ, д-божь, живетъ расходившееся море, но живетъ какою-то безцѣльною повидимому, непонятною жизнію, заключенное въ тѣсныхъ рамкахъ замершей и уже окончательно безслѣдно-вымершей природы.

Живутъ еще олени и живетъ проводникъ — подневольные мученики капризовъ чужаго произвола. Олени, выпраженные, пробиваютъ копытцами намерзшій снѣгъ, инстинктивно отыскивая подъ нимъ лакомую и единственную пищу свою—сочный и сытный бѣлый мохъ.

Проводникъ, сосредоточенно-молчаливый, обрубаешь топоромъ вѣтвистый рогъ у одного оленя и вызываетъ этимъ меня на вопросъ:

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Да, вишь, мѣшаютъ: заплетается! — отвѣчаетъ онъ рѣзко и сердито.

— А лучше бы, по-моему, такъ оставилъ: красивѣй.

— И что красивѣй! — знамо, красивѣй, да вишь мѣшаютъ: съ другими сплетаются, опять же ёрку задѣваютъ по дорогѣ.

— Сами, вѣдь, они на зиму-то сбиваютъ ихъ!—продолжалъ рассуждать проводникъ, какъ-будто награждая себя за долгое, часовое молчаніе во все то время, когда кормились привезшіе насъ на это мертвенное безлюдье олени.

Отрубленные рога брошены подлѣ дороги. Окружающая насъ безпривѣтная среда продолжаетъ тяготить своимъ безлюдьемъ попрежнему. Печора замѣтно успокоивается: отливъ кончился, разломанный ледъ далеко отнесло вдаль, побережье мрачно чернѣетъ отъ наступающихъ сумерокъ, которыя казались бы глубокою, черною, волчьею ночью, если бы поразительная бѣлизна снѣга не бросала отъ себя просвѣта на все видимое пространство. Чуть-чуть мерещился вдали огонекъ ближняго къ намъ выселка въ двѣ избы. Олени наши отдохнули, проводникъ удовлетворилъ своему желанію оставить одного изъ нихъ безъ праваго рога. Мы поѣхали назадъ.

Морозъ крѣпчалъ и становился едва выносимымъ: то щипнеть онъ лицо и заставить спрятать его подъ куколь совика, то пропуститъ холодную струю подъ теплый мѣхъ малицы и пробѣжитъ мелкими струйками по всему тѣлу. Но ни малѣйшаго вѣтра. Къ тому же и самый воздухъ какъ-будто застылъ сплошной ледяной массой, и страшно, и холодно. Попрежнему сосредоточенно-молчаливо, поталкивая другъ-друга въ бокъ, бѣгутъ олени въ неоглядную даль, расталкивающуюся передъ ними, и попрежнему безпрестанно толкаетъ проводникъ хареемъ то того въ бокъ, задъ, или ногу, то другаго, третьяго и четвертаго. На подорожной кочкѣ тряхнетъ сильно и свалитъ въ рыхлый, мягкій снѣгъ. Проводникъ при этомъ посоветуетъ спустить ноги внизъ и крѣпче держаться за ременную петельку, и ничего не скажетъ, когда вывалитъ насъ обоихъ, когда ляжетъ чунка наша на-бокъ и спутается веревочная упряжь.

Справа и слѣва, спереди и сзади, опять залегаетъ неоглядная снѣжная степь, на этотъ разъ затѣненная довольно сильнымъ мракомъ, который въ одно мгновеніе покрылъ все пространство, доступное зрѣнію, и, словно густой, темный флеръ, опустился на окольность. Вдругъ мракъ этотъ исчезъ, началось какое-то новое, сначала смутно-понимаемое впечатлѣніе, потомъ какъ-будто когда-то извѣданное: весь снѣгъ со сторонъ мгновенно покрылся сильно багровымъ,

какъ будто занялось пожарное зарево, кровавымъ свѣтомъ. Не прошло какихъ-нибудь пяти мгновений — все это слетѣло, свѣгъ продолжалъ свѣтиться своимъ матово-бѣлымъ свѣтомъ.

Недолго, думалось мнѣ, будетъ онъ бѣлѣться: вотъ оболѣетъ всю окольность лазуревымъ, зеленымъ, фіолетовымъ, всѣми цвѣтами красивой радуги, вотъ заиграютъ топазы, яхонты, изумруды...

Рисуются уже дворцы въ настроенномъ подъ общій ладъ воображеніи, какъ въ волшебныхъ сказкахъ, пожалуй, даже, какъ въ театральныхъ Армидахъ, Фаустахъ...

— Сполохъ играетъ! — давно уже и нѣсколько разъ повторялъ между тѣмъ проводникъ. Я инстинктивно обернулся назадъ, къ сѣверной сторонѣ неба, но тамъ уже прежній мракъ, кромѣшный мракъ, словно мрачное дождевое, ненастливое облако залегло и ширилось на всю четверть круга видимаго горизонта, какъ-бы нарочно заслоняя отъ насъ такъ сильно нахваленное и такъ давно выжидаемое сѣверное сіяніе. Какъ-бы нарочно, для него цѣлыхъ двѣ недѣли не было ни пургъ, ни хивусовъ, ни замѣтелей и стоялъ ледяной холодъ по всѣмъ окрестностямъ Пустозерска — обстоятельство, какъ извѣстно, необходимое для того, чтобы игралъ сполохъ, т.е. былъ бы видѣнъ во всѣхъ полярныхъ бережьяхъ.

Гдѣ же лучше (думалось мнѣ) видѣть его, какъ не здѣсь, у океана, въ безбрежной степи, въ какихъ-нибудь 400—450 верстахъ отъ страшной Новой-Земли? И вотъ, какъ-будто на зло, темное облако заслонило его теперь. Становилось, не шутя, и обидно и досадно.

Я покручинился ямщику, но тотъ отвѣчалъ успокоительно:

— Теперь нѣпремѣнно разыграетъ, благо началъ: вотъ олешкамъ станудохъ давать—гляди, сколько хочешь!

— Вонъ тебѣ—любуйся! прибавилъ онъ потомъ, и еще что-то, и много чего-то...

Я уже всего этого ничего не слышалъ: я былъ прикованъ глазами къ чудному, невиданному зрѣлищу, открывшемуся теперь изъ темнаго облака. Оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засіяло ослѣпительными цвѣтами, цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, которые переливались изъ одного въ другой и, какъ будто искры, сыпались безконечно сверху, искры снизу, съ боковъ... Ничего не разберешь, ничего не сообразишь для одного, цѣльнаго впечатлѣнія; все мѣшается и путается. Въ глазахъ рябитъ и становится больно. Дашь глазамъ отдыхать на сторонѣ, но тамъ встрѣчаютъ они прежній мракъ, обрамляющій чудное, невиданное зрѣлище. Обращаешься опять къ нему, но ужъ тамъ явились новые виды. Какъ будто огромная, всемірная кузница пущена теперь въ ходъ; и только не видишь рабочихъ, не слышишь молотовъ за дальностью, близорукостью. Видишь одинъ громадный горнъ, бѣгающія въ немъ искры—и все это горитъ такимъ

яркимъ свѣтомъ, какой едва-ли придется видѣть въ другомъ изъ чудныхъ зрѣлищъ чудной природы, кромѣ сѣвернаго сіянія, проживи хоть и болѣе тридцати, пятидесяти лѣтъ. Такъ думалось мнѣ на ту пору и невольно шли на память безсознательно выученные въ дѣтствѣ, теперь, при наглядномъ сравненіи, поразительно-вѣрные стихи Ломоносова, который знакомъ былъ съ красотою явленій полярнаго неба въ ранней юности:

Лице свое скрываетъ день,
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на горы черна тѣнь, —
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ — дна.
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря:
Не солнце-ль ставить тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мешутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ,
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Скажите, что васъ такъ мятетъ,
Что зыблетъ ясный ночью лучъ;
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ,
Стремится отъ земли въ зенитъ.
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождать пожаръ?
Тамъ споритъ жирна мила съ водой;
Иль солнечны лучи блещутъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой:
Изъ тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ
*И гладки волны бѣгутъ съ эфиръ? **

— На Маткѣ, рассказываютъ старики наши, больно страшно сполѣхи играютъ, да и по деревнямъ порато же сильнѣе. Въ иную зиму все небо горитъ, столбы ходятъ да сталкиваются промежъ себя, словно солдаты дерутся, а упадутъ — таково красиво станетъ! Эдакъ чаще! А что видишь теперь—такъ рѣдко же, все больше кажутъ зарей даль-ной. Самые страшные въ большой холодъ живутъ, и тогда словно свѣта представленье, и привычнымъ мы нашимъ дѣломъ, а крѣпко пугаемся. На Маткѣ-то, слышь, старики рассказываютъ, трещить даже сполѣхъ-отъ, словно изъ ружей щелкаетъ. Страшно, очень ужъ страшно!—разсуждалъ мой проводникъ на пути нашемъ въ село Кую.

* 11-я Ода Ломоносова: „Вечернее размышленіе о Божиѣмъ величествѣ при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія“. Изд. Смирдина, томъ I, стр. 30.

— Не такъ долать насъ сполдхи по зимамъ—это любопытно, съ этимъ весело—какъ вотъ по лѣтамъ на Маткѣ, когда эти проклятые *горьлые чады* * завяжутся. Просто сказать тебѣ, въ сырую землю ложись и гробовой доской накрывайся!—говорилъ мнѣ тоже въ куйской избѣ, на другой день по возвращеніи туда, мой вчерашній словоохотливый собесѣдникъ, старикъ Антипа Прокофѣичъ.

Явился онъ, по обыкновенію, веселымъ такимъ, по обыкновенію, подалъ мнѣ руку, охотно сѣлъ, похвалилъ меня за поѣздку, находя, впрочемъ, въ ней больше храбрости и рѣшительности съ моей стороны, чѣмъ чего либо другаго. Выпилъ чашку-другую чаю, закурилъ сигару (бывалый, начитанный, но не раскольникъ поморь, для забавы, не прочь потѣшить себя этимъ зельемъ, выросшимъ, по ихъ мнѣнію, изъ головы евангельской блудницы) и продолжалъ общанные рассказы о моржевомъ промыслѣ на Новой-Землѣ, въ такомъ порядкѣ.

Считаемъ нелишнимъ предварительно и коротко прослѣдить историческія судьбы искони негостепріимной Новой-Земли. Послѣ трехъ неудачныхъ экспедицій Виллоуби (въ 1553 г.), Барроу (въ 1554) и Пета съ Джакманомъ (въ 1580 г.), видѣвшихъ Новую-Землю только издали, первымъ вступилъ на ея берега, въ 1609 г., англичанинъ же Гудзонъ, за годъ до того нашедшій островъ Шпицбергенъ. Гудзонъ видѣлъ только западный берегъ ея, но Вудъ, отправившійся въ 1676 году и едва не погибшій тамъ, успѣлъ изслѣдовать горы и далъ объ этомъ полярномъ Эльдорадо кое-какія болѣе положительныя и достовѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ всѣ прежніе предшественники его. Голландцы были немногимъ счастливѣе англичанъ, лучше воспользовались только матеріальными средствами, предложенными имъ богатствомъ морскаго звѣря на Новой-Землѣ (одинъ только Баренцъ въ 1594 г. сдѣлалъ нѣчто для географіи, осмотрѣвши тотъ же западный берегъ и пробравшись до сѣверной оконечности острова); таковы экспедиціи Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ въ 1595, 1596 (того же Баренца), въ 1609 и др. годахъ: всѣ ловили звѣря, птицу, собирали пухъ — и только. Съ тою же цѣлію ѣздили туда русскіе поморы, но, естественно, гораздо прежде голландцевъ и англичанъ, особенно если принять въ соображеніе то, что въ XVI вѣкѣ Россія отправляла за-границу *рыбьи зубы* (моржовые клыки) и бѣлыхъ медвѣдей. Въ 1768 и слѣдующемъ году явился на Новой-Землѣ съ ученою цѣлію первый изъ русскихъ штурмановъ—Розмысловъ, описавшій часть восточнаго берега и Маточкинъ Шаръ. Въ 1807 штурманъ Поспѣловъ, а въ 1819 лейтенантъ Лаза-

* *Горьлые чады* (по туземному названію) одно изъ физическихъ явленій, случающихся на Новой-Землѣ при ужасныхъ раскатахъ грома, сопровождаемыхъ при этомъ горькимъ, удушливымъ, густымъ дымомъ, *чадами*, покрывающимъ всѣ прибрежья. Бываютъ они, обыкновенно, при продолжительно-покойной лѣтней погодѣ.

ревъ описали югозападную часть острова; капитанъ Литке (съ 1821—1824 г.) подробно весь западный берегъ, а подпоручикъ Пахтусовъ (съ августа 1832 по ноябрь 1833 г.) описалъ и восточный берегъ, до того времени считавшійся почти недоступнымъ. Въ 1834 г. онъ продолжалъ опись сѣверной части восточнаго берега вмѣстѣ съ прапорщикомъ Циволькою. Въ 1837 г. Циволька опять былъ на Новой-Землѣ, командуя судномъ экспедиціи, отправленной академіею наукъ подъ начальствомъ академика Бѣра; но безвременно погибъ въ слѣдующемъ году, провожая новую экспедицію, снаряженную правительствомъ для описи сѣверо-восточнаго и особенно западнаго береговъ. Это была послѣдняя ученая экспедиція, хотя ежегодно, съ той поры, предпринимаются богатыми поморами новыя экспедиціи, но съ прямою коммерческою цѣлю, безъ всякой другой. Большая часть судовъ, являющихся на Новой-Землѣ, принадлежитъ предприимчивымъ кемлянамъ—прибрежнымъ жителямъ дальняго Бѣлаго моря. Затѣмъ охотнѣе являлись здѣсь мезенцы, въ послѣднее время уступившіе свое мѣсто болѣе предприимчивымъ и ближайшимъ къ Новой-Землѣ жителямъ—ижемцамъ и пустозерамъ. Жители Усть-Цылемской волости являются тамъ только въ качествѣ наемныхъ работниковъ—покрученниковъ. Хозяева, кромѣ ижемцевъ бываютъ изъ Пустозерской волости, и изъ селеній: Оксина, Тельвиски, Никитцъ, самаго Городка и Куи.

— Побѣжишь по веснѣ на Матку,—извѣстно,—сейчасъ думаешь: пронесетъ-де тебя туда и обратно благополучно—безъ большаго барыша не вернешься. Такое ужъ сокровище земля эта! Прибѣжишь, ну, ужъ извѣстно, сейчасъ Богу помолишься и сейчасъ озираться, все-ли тутъ ладно: становище на полуденную ли сторону смотреть, изба есть-ли. А есть изба—извѣстно, всю ее оглядишь: гдѣ промыло ее, разшатало за зиму-то—планочку придѣлаешь, окно мохомъ заткнешь—и пойдетъ она тебѣ въ услугу на все лѣтѣ. Тамъ уже, извѣстно, купеческихъ обрядовъ своихъ не соблюдаешь: все благо. И не умоешься въ который день, Богу забудешь помолиться, выспишься, гдѣ приткнетъ тебя усталость—все съ рукъ сходитъ, все во душевное удовольствіе. Надо-быть, человѣкъ ужъ такимъ сотворенъ, что, куды ты его не сунь—вездѣ найдется свое дѣло править. Такъ, по мнѣ! Не знаю, что твоя милость на это скажетъ?

— Ну, такъ вотъ и ладно! — продолжалъ онъ потомъ, послѣ моего отвѣта, все тѣмъ же полушутливымъ, полувеселымъ тономъ. Вотъ какъ тамъ это мы все около себя-то обставимъ, какъ быть надо богатому хозяину—сейчасъ сѣти смотришь: которая для нерпы, для рыбы—гольцовъ. Опять же носки точить начинаемъ: это для моржей. Я тебѣ такъ и сказывать стану про нихъ какъ велѣлъ *. Видалъ ты моржа живаго?

* Довля гольцовъ и лѣнной птицы: гусей, утокъ, гагаръ въ большомъ количествѣ производится на островѣ Колгуевѣ (см. ниже: „Островъ Колгуевъ“).

— Гдѣ же мнѣ его видѣть, старикъ?

— И то, парень, негдѣ. На картинкѣ-то вонъ онъ у тебя похожъ же. Большой же, вѣдь, онъ у насъ живетъ; косатки только поменьше-то, а то всѣ эти бѣлуги, нерпы тамъ, зайцы, лысуны — всѣ помельче его. Одно тебѣ сказать: жиру изъ него пудовъ по 15, по 20 вытаскиваемъ, изъ большаго-то. Въ продажѣ его, со всѣмъ и съ тинками (клыками) и съ харавиной (шкурой), рублей въ 50 на серебро считай. Вотъ онъ какой! Даромъ, что некрасивой да неуклюжей: рыжій весь * и сверху перепонка такая, сѣткой, съ волосами же—алаперой зовемъ (съ битаго снимаемъ ее, и легко таково!), головища большая, на мордѣ щетины насажены, что усы у кота. Шея толстая, словно бревно проглотилъ. Въ плечахъ широкой, да грудастой такой—богатырь, что вонъ въ сказкахъ рассказываютъ. Вотъ эдакое-то чортово чудище еще страшнѣе кажется, какъ ты ему въ морду взглянешь: глаза (маленькіе пущай), такъ всѣ и налились кровью, словно бы вонъ отъ пьянства у котораго лихаго человѣка. А не видитъ, ничего-таки не видитъ глазами этими: слѣпой, значить! Носъ-то у него не большой и къ верху вздернутъ, и воду въ ноздряхъ держитъ и высоко выбрасываетъ, а погляди-ко, какой онъ на носъ-то лютой, коли по вѣтру пойдешь! Такъ ужъ и норовимъ подходить, когда вѣтеръ отъ него тянетъ. Да, пущай объ этомъ послѣ! На груди у него *ка́тары*, словно двѣ ноги, коротенькія да толстыя лапы перепончатыя, на нихъ острые когти. Изорта-то къ нимъ идутъ тинки—ими онъ и страшень намъ. Вотъ онъ какой! Недаромъ морскимъ чудищемъ прозываютъ.

— Ходятъ они отъ-вѣсковъ стадами—*юровами* такими, *кожами* зовемъ, и все чаще тамъ, гдѣ духу человѣчьяго меньше. На Кѡлгуевъ, къ примѣру, самоѣдскія семьи на житѣ въ недавнюю пору выѣхали—и звѣря туда нынче меньше ходитъ. У насъ на устьѣ, на Тиманскомъ берегу, гдѣ жилья наставилось много, не слышать моржа, развѣ ужъ который блудящій, когда все его юрово перебито, — да и то рѣдко. Ходятъ они больше на Матку, и ходятъ по веснѣ, на полой водѣ (тогда и добывать его трудно); по лѣтамъ бьютъ его въ водѣ; продаютъ на ту пору кожу ему ковшачи—червяки такіе въ конецъ перста: столь толсты! Тогда лѣзетъ онъ на берегъ *костливой* — чесаться. Лежатъ до грозы: грянулъ громъ — не любятъ, сейчасъ побрасаются въ воду. По осенямъ моржъ на льдины идетъ и ложится *казакъ съ казачихой кучиться, париться*—дѣтенышей выводить значить. Маленькаго моржа зовемъ „Абрамкой“: этому и году еще нѣтъ; годовалаго—Кыр-

* Въ черномъ моржѣ, водящемся въ Карской губѣ, сала—не болѣе 10 пудъ; въ сивомъ, живущемъ въ Студеномъ морѣ, нѣсколько больше чернаго. Но обѣ эти породы моржей на Новой-Землѣ—рѣдкіе гости. На Костиномъ Шарѣ водятся моржи съ особенно большими клыками. Старики помнятъ и свидѣлствуютъ, что когда-то моржевое юрово забралось въ Печору, вверхъ верстъ на 200.

чига. Эти моржовыя дѣтки ласковы и тоже, матерей своихъ выметъ, промежь себя стараются ладить артели, по нашему „юрова“. Да зовутъ однако и „юро“—по простотѣ, для смѣху въ рѣчахъ.

— Душину моржъ въ ту пору, когда кучится, пускаетъ такую, что носъ зажимай, да и бѣги на край свѣта; больно смердятъ, потому и лежатъ они другъ на дружку—сказываютъ всѣ въ одно слово—больше четырехъ недѣль: видали же наши! На ту пору, мы вотъ по духу-то и узнаемъ, гдѣ они тамъ по берегу-то залѣжку свою сдѣлали—это къ осени. А лѣтомъ извѣстно: высталъ онъ изъ воды, ухватился за берегъ, али-бо за край льдины тинками, приподнялся, выползъ на берегъ—и ляжетъ тутъ, у самой воды, и спитъ. Другой выстанетъ рядомъ,—тоже ляжетъ, третій опять, четвертый... Высталъ который, да видимъ, что другой залегъ ужъ тутъ: онъ не поглядитъ, въ другое мѣсто не пойдетъ, а возьметъ тинками, да и отодвинетъ, и самъ ляжетъ на его мѣсто: столь лѣнны. Эдакъ-то накладываютъ они такую залѣжку, что который первый-отъ высталъ, — версты за двѣ ужъ отъ берега очутится. Это въ хорошіе годы! Спитъ моржъ крѣпко, шибко крѣпко, потому знаетъ, что сторожъ (у нихъ тоже, что у гусей, всегда сторожъ) своихъ не выдастъ: услышитъ духъ человѣчей—сейчасъ своимъ голосомъ скажетъ: „близко-де, ребята, спасайся!“ Тутъ только бульканья считай: почнуть опрокидываться ко дну. Затѣмъ ближе къ краю и спать ложатся. Не спятъ когда, отъ бездѣлья потѣхи затѣваютъ: возятся колютъ другъ-дружку тинками, играютъ,—и нѣтъ того тинка, на которомъ бы зарубокъ не было понадѣлано, всегда этого много. Спитъ-ли, не спитъ-ли моржъ—реветъ бычачьимъ голосомъ—у него это первое дѣло, безъ того не бываетъ. Все воетъ, все реветъ: вотъ, и по тому опять узнаемъ, по реву-то по этому, гдѣ они налѣдицу сдѣлали, гдѣ ихъ много, значить. А слышали духъ ихній, али-бо ревъ, да особливо когда вѣтеръ отъ нихъ, тутъ ужъ мы—извѣстно не даемъ маху: тутъ-то намъ и праздникъ великой, и веселье. Успѣешь лопатинку на себя—какая подъ-руку попадетъ—надѣтъ, да и на обнарядъ, не думая, не гадая долго. Спихнемъ лодочку *стрѣльную* * на воду прихватимъ съ собой *кутило* **, моржовку безотмѣнно ***, и

* *Стрѣльная*—легоныя лодка, которую удобно могутъ нести на плечахъ два человѣка; это—едва не челнокъ по величинѣ своей. Иногда при этомъ промыслѣ употребляютъ и карбасы съ нашивами или набойками (фальшь-бортами).

** Носокъ, кутило, синца, родъ копья,—рогатины съ довольно-значительной зубриной (хвалятъ корельской работы). При этомъ оружіи необходимы также окованныя желѣзомъ березовыя дубины. Къ носку привязывается, обыкновенно, хвостикъ или трость—длинный ремень сажень въ 50 изъ моржевой же кожи. На другомъ концѣ этого троса привязывается боченокъ, ведеръ въ десять, называемый *баклажкой*, набитый вполоть обручами, для того, чтобы звѣрь не могъ разбить его своими клыками.

*** Большаго калибра винтовки, необыкновенно тяжелой, сдѣланная аляповато доморощенными способами въ деревенскихъ кузницахъ и потомъ уже вывѣренныя

поплывемъ ко льдинѣ ли, къ берегу, гдѣ только учуемъ звѣря: все то равно. Вѣдимъ больше двое: одинъ гребетъ взадъ отъ себя, чтобы меньше шумѣла вода, не будила бы звѣря. Я завсегда стою съ кутиломъ наготовѣ, потому, люблю забаву эту. Тутъ приглядка первое: весельщикъ умѣй тебя такъ къ звѣрю подвести, чтобы весь онъ лежалъ передъ тобой, какъ на блюдѣ, всего бы его тебѣ было видно. Подѣхали, напримѣръ: обманули сторожа (этотъ извѣстно, все караулить: опустилъ эдакъ голову—думаешь дремлетъ,—смотришь опять поднялъ ее и опять слушаетъ). Къ самому звѣрю подѣхали, вижу я его: спитъ, скорчившись, по своему обычаю. Знаю, что кутиломъ такъ-то его не возьмешь: проскользнетъ какой хошь острый носокъ между морщинами. Кожа его извѣстная кожа: толще ея и на свѣтѣ-то есть-ли? Промahnуться—стыдъ, по-моему: пусть промахивается малый ребенокъ, а не нашъ братъ. Я вонъ на вѣку-то своемъ на руку за вторую сотню *разбойныхъ-то моржей* считаю. Вотъ по тому, какъ ты подѣхалъ, буди моржа, крикни шибче, сколько мочи хватить, какъ на лошадь: тпру! молъ, тпру! А у кого губы толстыя и не можетъ онъ эдакъ-то, тотъ вопить „тару-тару!“. Крику этого онъ не любитъ, сейчасъ испугается, вздрогнетъ, проснется, спрямитъ, значитъ, складки на тѣлѣ—тутъ ты только, что глазомъ мигай, принимай моржа: бросай ему въ зашеекъ * спицу! Звѣрь сейчасъ трусую праздновать: на утѣкъ! Тутъ метальщикъ успѣвай трость выкидывать съ баклажкой весь въ ту сторону, куда моржъ упалъ. Весельщикъ умѣй во время отскочить, отгрести лодку, а то упадетъ звѣрь въ суденко—добра мало. Моржъ и смиренъ на берегу-то, пожалуй, и спать охочій, и человѣческаго духу боится, а встрѣтится съ тобой глазъ-на-глазъ, уваженія не даетъ большаго: сейчасъ въ драку. Онъ тебя подъ лапу сгребетъ, да въ воду утащитъ, либо тинками пришибетъ лодку—всѣхъ въ море пустить. Съ нимъ умѣючи надо, потому раненый онъ гнѣвень, раненый онъ, что бѣшенный, буянъ. Сунется въ воду и опять кверху лѣзетъ, затѣмъ, что разсолъ ему разъѣдаетъ рану, а баклажка свое творить: далеко въ глубь не пускаетъ. Онъ смекнетъ это, и сейчасъ начнетъ баклажку тинками бить, да какъ обручей-то вплотную

самими владѣльцами. Это безобразное оружіе въ рукахъ опытныхъ поморскихъ стрѣлковъ имѣетъ поразительно-дѣльное примѣненіе. Рѣдкій зарядъ, какъ извѣстно—промышленникъ пускаетъ мимо. Въ моржовку идутъ большія пули, которыхъ приготовляютъ изъ одного фунта только десять. Моржовки сильно отдають, но „съ горяча-де не слышимъ этого—говорятъ поморы—пока не засадинтъ щеку. Да на это на все мы не взираемъ...“.

* Въ зашейкѣ у моржа отверстіе, величиною, говорятъ промышленники въ трехъ-копѣечную мѣдную монету. Сюда преимущественно и стараются угодить для того, чтобы усилѣе былъ вѣрияе. Никогда не случалось, чтобы убивали моржа при этомъ до смерти; прямая цѣль здѣсь—силѣе поранить его, а главная имѣтъ на кутилъ, т. е. почти въ рукахъ.

насаживаемъ на ней, такъ ничего онъ тутъ и не дѣлаеть, только до-
сыта тѣшится. Вотъ—и все! А выстанеть онъ изъ воды, *дастъ духу*,
тутъ ты опять не зѣвай, бери его на *затинъ*. А на *затинъ* взять,
надо тебѣ говорить, дѣло большое, это дѣло не всякій сможетъ, сно-
ровка великая требуется. Первое тебѣ—умѣй во время изъ лодки на
берегъ, али на льдину выскочить; второе опять—умѣй пѣшню крѣпко
упирать, и угоди поскорѣй обмотать на нее трость: третье—отъ тебя
большой силы въ этомъ обрядѣ требуется. Ну, ужъ и о другомъ ни
о чемъ не думай и на тотъ часъ не робѣй! Съумѣешь пѣшню упереть
во время—звѣрь не уйдетъ отъ тебя; кинуться—не кинется, рѣдко же
это бываетъ, а выставать станетъ чаще, чего и надо! Походить-похо-
дить въ водѣ колесомъ, да все въ круги, и выстанеть, потому трость
задержать его на глубинѣ, а ужъ тамъ, извѣстно, упереться ему не
во-что, силой тутъ ничего не сдѣлаешь. Высталъ звѣрь, ты опять
держи ухо востро: наматывай, знай, трость на пѣшню больше, лучше,
ближе къ концу и къ звѣрю. Онъ въ воду ушелъ, а ты на пѣшню
належь, да и придержалъ ее крѣпче. Онъ опять высталъ, а ты еще
круче накрутилъ троса. А доберешься до баклажки,—звѣрю идти не-
куда—въ воду не пускаетъ его *затинъ*, да опять же онъ и натомился,
крѣпко изусталъ. Тутъ ему стрѣлай въ зашеекъ, тамъ у него кость
тоньше (на вискахъ ее не пробьешь: расплющится пуля, а толку не
будетъ). Не угодишь пулей—звѣря лютѣе не бываетъ: онъ и реветъ
на ту пору зычно, что уши ломить, на льдину лѣзетъ, пугаетъ тебя
всякимъ дѣломъ, пока ты его не уложишь вовсе. Тогда его бери на
катофъ (воротъ) и кати на льдину, что сальную бочку: тутъ твоя
сила нужна и ничего уже больше! Свѣжуемъ (пластаемъ) мы ихъ
всегда на льдинахъ тутъ же...

Моржъ рѣдко дѣлаеть нападенія, по словамъ поморовъ, и если
бывали подобные случаи, то они исключительно производились моло-
дыми, неопытными звѣрями. „Съ нами—толковали поморы—тоже не
находка моржу вести дѣло—моржовка не промахивается“, и все-таки
разсказываютъ при этомъ одинъ особенно поразительный случай.
Моржъ (изъ молодыхъ), раненый, но, по несчастію, непринятый на
затинъ, бросился на промышленника и, ухвативши его подъ правую
ласту, увлекъ съ собой въ воду. Долго они не показывались, и именно
до тѣхъ поръ, пока звѣрь не заблагоразсудилъ, выставши въ другой
разъ, бросить промышленника изъ-подъ ласты; по счастью, тотъ по-
палъ на берегъ, хотя съ вывихнутыми рукой и ногой. На другой
годъ онъ опять явился на Новую-Землю за моржами, но, говорятъ,
состоялъ уже въ весельщикахъ. Другой случай съ канинскимъ само-
ѣдомъ поразителенъ болѣе плачевнымъ исходомъ: ранивши моржа,
самоѣдъ бралъ его въ *затинъ* не на пѣшню, а обмоталъ трость, по
личному капризу, около себя и не имѣя силы упереться ногами въ

прибрежные камни, былъ увлеченъ звѣремъ въ глубину. Вытащили его уже, естественно, мертвымъ. Когда звѣрь тащилъ его въ воду, случившійся тутъ же другой самоѣдъ хотѣлъ ухватиться за товарища, помочь ему; но несчастный, увлекшись работой и видимо рассчитывавшій на безраздѣльную будущую прибыль, закричалъ на другаго, чтобы тотъ „не трогалъ его, не мѣшалъ ему“—прибавляли ко всему этому печорскіе рассказчики. Третій характеристическій случай нападеній моржа на промышленника, рассказанный мнѣ самимъ участникомъ, кончился, по счастію, удачно. Онъ состоялъ въ томъ, что раненый моржъ вскочилъ въ карбасъ и, несообразивши дѣла и, повидимому, самъ испугавшись рѣдкому порыву личной храбрости, сидѣлъ, поводя своими кровавыми глазами то на одного промышленника, то на другаго; сидѣлъ долго, давши такимъ образомъ, возможность одному изъ своихъ противниковъ осторожно вытащить изъ-подъ боку ружье—моржовку, которою и убилъ смѣльчака-звѣря наповальъ тутъ же въ лодкѣ, безъ всякихъ затиновъ и прочаго. До побѣды промышленнику довелось, конечно, до-сыта намучиться и напугаться при видѣ, прямо на глазахъ черной головы, широкой вздутой морды, кровавыхъ выпученыхъ глазъ, сверкающихъ клыковъ, которые какъ длинные усы спадаютъ на грудь и столь могучи, что рвутъ съ морскаго два длинные стебли водорослей и прокладываютъ себѣ путь сквозь льды и скалы. На мордѣ торчатъ волоса толщиною въ соломинку. Кто поручится, что этотъ уродъ ни волъ, ни конь, ни китъ, сдуру не вздумаетъ драться, либо топить. Станный дикій ревъ, слышный на часовомъ разстояніи, достаточно убѣждаетъ, что звѣрь не изъ смиренныхъ, а изъ сердитыхъ. Четвертый моржъ, мгновенно вскочивши въ карбасъ, до того перепугалъ промышленниковъ, что всѣ они повывскакали въ воду и ухватились руками за борта; погибли бы они, еслибъ хозяинъ судна не нашелся прежде всѣхъ другихъ. Онъ ударилъ звѣря пѣшней и этимъ заставилъ его выскочить обратно изъ карбаса въ воду.

— Не страшенъ тотъ моржъ, у котораго тинки вмѣстѣ идутъ — страшнѣе тотъ, у котораго тинки врозь пошли (продолжалъ потомъ рассказчикъ, какъ бы отвѣчая на мою мысль). Этого и зовемъ мы разбойникомъ. Страшно съ нимъ глазъ-на-глазъ сходить, когда онъ лежитъ передъ тобой и пѣшню свою держишь ты еще въ рукахъ наготовѣ, а всадилъ ее на берегъ, выскочилъ, тогда съ сердца, что гора свалится, словно изъ бани вышелъ. Такъ—на затиѣ. А то беремъ мы ихъ еще на *заколкахъ* *. „На заколкахъ бываетъ звѣрниная поколка“.

* Зоколки эти дѣлаются всѣми артелями съѣхавшихся на Новую-Землю промышленниковъ, и большею частію лѣтомъ и осенью, когда звѣри на *мыстахъ*, т. е. когда они для совокулёнія выползаютъ на берегъ. Удача заколки и успѣшные результаты ея зависятъ непременно отъ того, чтобы звѣри возможно дальне заползали на берегъ.

Это ужь очень любопытно бываетъ: тутъ, словно подъ пьяную руку, въ плясъ ходишь. Помнишь только одно, что тебѣ весело, сердце твое отъ радости надрывается—ничего другаго не видишь и знать не хочешь: одного звѣря дубиной пришибешь, другаго. Третьему. звѣрю въ зашеекъ спицей угодишь,—четвертаго уходишь! Одинъ потомъ съ перепуга заторопился, черезъ голову перекувырнулся; другой то же поползъ на катарахъ своихъ, да не смогъ, толкаетъ неуклюжей тушей своей боковыхъ и переднихъ. И ты ревешь блажнымъ матомъ—сколько силы хватить—пугаешь ихъ, и они со страху воютъ и оборониться отъ тебя не смогутъ, не сдогадаются. И смѣшно, и пріятно! Эдакъ-то вотъ, въ добрый часъ, ползаютъ и наколешь цѣлой-то своей артелью. Кровища ихъ ручьями течетъ. Остальные сами лезутъ на смерть. Станешь послѣ счетъ имъ подводить—оно и благо-видно. Водки-то ужь послѣ того на радостяхъ-то великихъ и не жалѣешь: пьешь ее, когда есть, въ великомъ числѣ. Съ эдакой работой хоть бы вѣкъ вѣковать! Это, вѣдь, совсѣмъ не то, что вонъ когда не успѣешь выскочить на затинъ, да потащить тебя звѣрь—отъ и съ карбасомъ, да почнетъ вертѣть, да мотать изъ угла въ уголъ, изъ стороны въ сторону. Ладно, коли коршикъ съумѣетъ подладиться къ звѣрю, или ты успѣешь догадаться, да буюкъ къ оборъ-то привязать (буюкъ этотъ послѣ покажетъ, гдѣ звѣрь возится), да въ добрый часъ скинуть его въ воду. А то бывало и такъ (да и зачастую!), что и заматывалъ звѣрь, таскивалъ карбасъ—отъ ко дну. Такъ и складывали промышленники наши свои буйныя головушки, безчастныя сердечушки. Бабы послѣ, сколько ни реви на погостахъ, тутъ ни въ чемъ не помогутъ. Такъ-то!.. *

— Вотъ тебѣ все, почѣсь, и про Матку! Не сказалъ, однако, что живетъ тамъ еще ѡшкуй, да тому всѣхъ лучше. Полежить на солнышкѣ, въ воду сходить за рыбкой, моржовыя залежи запримѣтить—сейчасъ на обманъ сзади ползетъ къ нимъ и норовитъ всадить свои когти въ загривокъ. Бѣсится моржъ, а везетъ, да стонетъ: везетъ и въ воду, везетъ и опять на берегъ, коли не усноровитъ ѡшкуй переломить его до воды поперекъ. Силенъ ѡшкуй, крѣпко силенъ, на то и ноги коротки, и вся сила его въ ногахъ этихъ; а нападать на че-

Иначе успѣхъ довольно сомнителенъ и па заколкѣ не можетъ быть поколки. Точно также не могутъ быть удачны нападенія на звѣря позднею осенью, когда промышленники рискуютъ встрѣтить на возвратномъ пути къ берегу съ промысла намерзшій тонкій ледъ, по здѣшнему *ниласъ*, между которыми протолкаться съ карбасомъ—нелегкое дѣло. Когда же моржи не спятъ паледицей, или на мѣстахъ, тогда принимаютъ ихъ на хитрость: выбираютъ льдину ропачистую, т. е. высокую и негладкую, и за ея ропачами прячутся въ лодкѣ. Лодку эту подводятъ къ моржовой залежкѣ такъ близко, чтобы можно было черезъ эту льдину стрѣлять изъ моржовокъ, нерѣдко въ упоръ.

* Къ сожалѣнію, положительные факты доказываютъ, что рѣдкій годъ на Ново-Землѣ обходится безъ подобныхъ злоключеній...

ловѣка не охотникъ, развѣ ужъ глазъ-на-глазъ по нечаянности сойдемся. Бьемъ мы ихъ мало, хоть и хорошее сало они даютъ.—Старики — покойнички сказывали, что одинъ изъ нашихъ молодцевъ за-примѣтилъ, что изъ его ямы на становищѣ повадился ѡшкуй топленое моржевое сало пить. А чортъ-отъ этотъ можетъ выпить пудовъ десять сала за одинъ разъ, недѣли на двѣ впередъ про запасъ. Молодецъ устерегъ, запалилъ его на смерть, подкатилъ бочку, да и вычерпалъ въ нее изъ медвѣжьего брюха все ворованое сало, — тепленькое еще было оно. Всѣхъ-де насмѣшили. Впрочемъ, у насъ живетъ такая поговорка: „Дай Богъ промышлять моржа на берегу, а ѡшкуя на водѣ“. Тако правило это для каждаго умнаго, и не горячаго челоѣка! Послѣ Успеньева дня къ Рождеству Богородицы мы домой бѣжимъ, а тамъ ужъ извѣстно: и сказывать не стану!..

Такъ заключилъ свои рассказы куйскій собесѣдникъ про *разбойные* промыслы—разбойные потому, что и самъ промышленникъ, отправляющійся на Новую-Землю, изъ глубокой старины зовется *разбойнымъ челоѣкомъ*. Разбойну свою, состоящую, кромѣ главнаго продукта—сала, изъ клыковъ и шкуры, продаютъ поморы, по обыкновению, въ то время года, которое издавна русскій народъ богато обставилъ еженедѣльными торгами, ярмарками, базарами. Зимой свозятъ они промысла свои на близкіе торги: кемскіе промышленники въ Шунгу (Олонец. губ. Повѣнец. уѣзда), мезенцы и печорцы въ Пинегу на Никольскую ярмарку, на Вагу, въ селеніе Кривое (Яренск. уѣзда Вологодской губ.), но бѣльшая часть идетъ въ руки чѣрдынцевъ, пріѣзжающихъ сюда обыкновенно по лѣтамъ.

Жители пермскаго городка Чѣрдыни и его уѣзда являются на Печору въ каюкахъ и полубаркахъ. *Полубарка*—грузовое судно съ отлогою крышею на два ската, длиною 8—12 сажень, шириною $3\frac{1}{2}$ — $5\frac{1}{2}$; глубиною по борту до $1\frac{1}{2}$ сажень. Грузу поднимаютъ они отъ 2 до 3 тысячъ пудовъ. *Каюки* длины одинаковой съ полубарками, шириною отъ 3— $4\frac{1}{2}$ саж., съ каютой въ кормѣ; вершина носа загибается внутрь судна. Грузу подымаютъ отъ 7 до 9 тысячъ пудовъ. Чѣрдынцы, на возвратномъ пути своемъ домой, по Малой Печорѣ встрѣчаютъ пороги (числомъ до 3-хъ), а при соединеніи ея съ Большою—*заструи* (песчанья отмели), и потому разгружаютъ суда свои до половины на *повозки*, находящіяся наготовѣ у пристаней Подчѣрья (въ 700 верст. отъ Пустозерска) и близъ Усть-Шугоры (въ 850 верст. оттуда же). Пристаютъ у Якинской пристани уже въ Чѣрдынскомъ уѣздѣ. Чѣрдынцы привозятъ въ этихъ судахъ хлѣбъ въ видѣ муки ржаной, крупчатки, крупъ, гороху, солоду, — и товары: простые бѣлые холсты, крашенину, синія пестряди, довольно значительную часть чаю (печорцы до него страстные охотники, какъ самоѣды до вина), русскій сахаръ, ситцы, сукна, бумажные и шелковые платки, косы, ножи,

железные гвозди и часть свинца. Являясь около 15 июня в селѣ Ижмѣ, они в серединѣ лѣта выплываютъ в устьѣ Печоры и заходятъ отъ него моремъ верстъ за 15—20 в губу, гдѣ пустозеры ловятъ семгу. Рыба эта, какъ и звѣриное сало, покупаются такимъ образомъ на мѣстѣ на наличныя деньги, но чердынцы предпочитаютъ свои товары отдавать в долгъ, за которымъ и являются в другой разъ уже зимою. Каюки чердынскіе—маленькія походныя лавки пристають тамъ, гдѣ заранѣе каждому опредѣлено мѣсто: одному в Тельвискѣ, другому в Куѣ, третьему—в Никитцахъ. Товары отпускаютъ на вѣру, да и покупатели берутъ, не справляясь о цѣнѣ, которая скажется послѣ лѣтнихъ промысловъ. Да съ нуждою и закабаленнымъ должникомъ разговоръ коротокъ: „не по карману тебѣ цѣны, заплати старый долгъ, а рыбы твоей намъ не надо,—у другихъ—прочихъ нагрузимся“. Идетъ за семгу и хлѣбъ, и соль, и столь же важный товаръ, каково прядево или пенька на канаты и сѣти. Съ Чердынцами стали ѣздить за легкой добычей и устьысолицы, которые немногимъ лучше: торгуютъ очень искусно и не вредятъ только другъ другу, не сбивая цѣнъ.

Черезъ руки кемскихъ и мезенскихъ промышленниковъ моржевые продукты идутъ на иностранныхъ корабляхъ за-границу: ворванное сало в бѣльшемъ числѣ, кожа в меньшемъ, но какъ отличный матеріалъ для подкаретныхъ ремней, на гужи къ хомутамъ (туземцы употребляютъ ремни эти в оленьей упряжи, для тросовъ при ловлѣ того же моржа). Мелкое зубье идетъ на костяныя подѣлки в родѣ запонокъ, пуговицъ и тому подобнаго. Клыки, или тинки, не многимъ уступая слоновой или мамонтовой кости, расходятся по окрестнымъ холмогорскимъ деревнямъ, издавна извѣстнымъ в Россіи своими костяными издѣліями. Тинки эти, отличаясь отъ мамонтовыхъ сужельтю в сердцевинѣ, вѣсятъ обыкновенно (в парѣ) до 20 фунтовъ, и только уже отъ самыхъ огромныхъ моржей получаютъ тинки вѣсомъ на одинъ пудъ в парѣ клыковъ.

Въ заключеніе, нелишнимъ считаемъ прибавить, что Новая-Земля представляя богатые матеріалы для пользованія ея сокровищами, до сихъ поръ еще находится во враждебномъ отношеніи къ своимъ сосѣдямъ. Причиною тому одни полагаютъ негостепріимство ея береговъ, на которыхъ гниющія морскія травы (особенно тура, морской горошекъ) производятъ вредныя испаренія, развивающія цынгу. В тотъ самый годъ (1857), когда я собиралъ эти свѣдѣнія и выслушивалъ рассказы туземцевъ, — лѣтомъ послѣ моего отъѣзда на Новую-Землю ижемцы отрядили промысловую партію в 28 человекъ на трехъ лодкахъ. Ушли весной, —осенью вернулись только шестеро: всѣ остальные в серединѣ лѣта, одинъ за другимъ пухли и помирали черною смертію (отъ цынги). Уцѣлѣли шестеро оттого, что умудрились поймать дикихъ оленей и пили теплую кровь. Спасшіеся отъ

смерти привезли домой всякаго звѣря и птицы на 1,500 руб. по 250 руб. на брата, да страшный процентъ двадцати двухъ неповинныхъ смертей, когда и безъ того на Печорѣ не тѣсно. Вотъ почему Новую-Землю стараются избѣгать. Другіе видятъ въ значительно ослабѣвшемъ желаніи поморовъ извлекать выгоды изъ Новой-Земли ту причину, что предприимчивые хозяева упали духомъ при частыхъ неудачахъ сосѣдей (особенно въ послѣднее время). Третьи, наконецъ, оправдываютъ этотъ грустный фактъ тѣмъ, что между всегда смѣлыми и толковыми поморскими кормщиками, нѣтъ людей, хорошо, безусловно хорошо, знакомыхъ съ наукою кораблевожденія. Какъ бы ни были правдоподобны эти частности, все-таки, въ общемъ, должно согласиться съ тѣмъ, что промысловыя артели обряжаются изъ рукъ вонъ безтолково: хозяинъ, какъ монополистъ, видитъ въ своихъ покрученикахъ простое орудіе для своей личной прибыли, не принимая (и, къ несчастію, не столько не умѣя, сколько не желая понимать) ни его высоко-человѣческаго достоинства, ни его требованій, какъ разумнаго существа. Сырой избой, утлымъ судномъ, на половину порченой провизіей, рваной одеждой, скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ обставляется безжалостнымъ монополистомъ всякій покрутъ, снаряженный имъ на Новую-Землю за моржами. Вотъ, кажется, почему обратилась теперь бѣднѣйшая часть печорцовъ и мезенцовъ къ роднымъ рѣкамъ, богатымъ семгой и другой цѣнной рыбой, и почему почти только одни самоѣды *крутятся* на новоземельскіе промысла, — самоѣды, не сознающіе еще своего нравственнаго человѣческаго достоинства и злоумышленно хитрыми своими сосѣдями поддерживаемые въ животномъ, невѣжественномъ коснѣніи. Изъ дальняго кемскаго поморья идетъ сюда крайняя, рваная, беззащитная бѣдность, у которой нѣтъ иной вѣры, какъ вѣры въ случай, и надежды, *всегда кроткой посланницы небесъ*, хотя, въ этомъ случаѣ, не всегда оправдывающейся.

Вотъ что рассказываетъ объ этой землѣ очевидецъ (академикъ Беръ): „неизгнѣсная грусть овладѣваетъ душою всякаго человѣка, даже грубаго матроса, при взглядѣ на эти обнаженные, безмолвныя, безжизненныя области, гдѣ нѣтъ, ни дерева, ни кустарника, ни даже высокой травы. Сердце сжимается, но въ этомъ грустномъ чувствѣ есть что-великое, торжественное. Ступайте въ средину Новой-Земли: передъ вами съ одной стороны разливается вдаль безграничное море, а съ другой стелется на необъятное пространство, пустыня, которая ожидаетъ еще жизни и жителей. Мнѣ казалось, что настало первое утро сотворенія міра, и юная земля, только что отдѣлившаяся отъ водъ, не успѣла еще одѣться въ свои пестрыя и зеленныя тнани и ожидала прибытія жизни. Но всмотритесь ближе. Здѣсь уже есть что-то похожее на жизнь, на движеніе. Вотъ вдали шевелится одинокій

звѣрекъ, по воздуху изрѣдка пронесется чайка, или пробѣжитъ по землѣ пеструшка. Да этого мало, чтобы оживить картину. Нѣтъ шуму, нѣтъ настоящаго движенія жизни,—въ особенности если посѣтите Новую-Землю въ то время, когда стада гусей уронивъ у озеръ свои перья, улетятъ отсюда. Повсюду глубокое безмолвіе. Птицъ въ этой землѣ очень мало, и онѣ безгласны; даже насѣкомое жужжаніемъ своимъ не напомнитъ вамъ о себѣ. Только по ночамъ слышенъ иногда крикъ полярной лисицы. Даже въ долгіе ясные дни напрасно вы станете прислушиваться: ни одного звука, — повсюду могильная тишина. Вся природа какъ бы въ онѣмѣніи. Смотря на кустарники, мы привыкли видѣть ихъ колеблющіеся листья и слышать ихъ шелестъ. Въ Новой-Землѣ растеніе прильнуло къ почвѣ такъ, что и дуновение вѣтра не достигаетъ его. Оно совершенно неподвижно, какъ театральныя декорации. Вы не отыщите на немъ даже насѣкомаго. Намъ попался только одинъ жукъ *chrysomela*, кажется новаго вида. Но кто бы подумалъ, въ лѣтніе дни, въ мѣстахъ, согрѣтыхъ солнцемъ, вы иногда увидите трудолюбивую пчелу! Она едва жужжитъ, какъ у насъ въ сырое время. Мухъ и комаровъ здѣсь побольше, но ихъ съ трудомъ должно отыскивать. Они едва летаютъ, едва живутъ. Не опасайтесь ихъ докучливости: „здѣшній комаръ потерялъ даже инстинктъ, увлекающій его къ человѣческой крови, которой нѣтъ и въ заводѣ на его полярной родинѣ“.

Западный берегъ Новой-Земли, который одинъ только и извѣстенъ, къ которому исключительно пристають живые люди, посѣщающіе ее именно съ запада, западный берегъ окруженъ множествомъ утесовъ или торчащихъ надъ поверхностью моря или скрытыхъ подъ водой. Южный берегъ низменный: на берегахъ Нехватовой рѣки, текущей въ Костиномъ Шарѣ—длинная равнина, но и она обставлена грядами скалъ, въ двѣ тысячи футовъ вышины. Далѣе къ сѣверу горы становятся и еще выше, тянутся семейно рядами и рѣдко имѣютъ острые вершины. Къ сѣверу онѣ постепенно понижаются. Въ долинахъ, примыкающихъ къ берегу, уже вѣчные ледники. Вдоль покато-стей тянутся щелья—невысокія, изъ сплошнаго шифера, возвышенности, — покрытыя также вѣчными снѣгами, которые таютъ и бѣгутъ ручьями во время короткаго лѣта. Почти утвердительно можно сказать, что новоземельскія горы—продолженіе горъ уральскихъ: есть и каменный уголь, и слоится такъ же сѣрый безъ примѣси камня, известнякъ. Разница состоитъ лишь въ томъ, что на громадахъ скалъ не видно ни тундръ,—ни сухихъ, ни влажныхъ. Горы эти на столько же голы, какъ и тѣ, которыя идутъ подъ водою между Вайгачемъ и Новою-Землею и, какъ стѣна, задерживаютъ ледъ, плывущій къ западу отъ Карскаго моря. Это мѣсто промышленники издревле называютъ непроходимымъ.

Новоземельскія низменности представляют такія мѣста, гдѣ вязнетъ нога: сюда отъ недавняго разложенія скалъ налилась вязкая черноватая глина, да къ тому же снѣжная и дождевая вода безпрестанно стекая съ покатостей, издавна образовала наплывы, покрытые рѣдкимъ мохомъ. Самовидцы, ходившіе по этой землѣ говорятъ, что хотя ноги путника на этой грязи и могутъ промокнуть, но идти можно смѣло: твердый грунтъ лежитъ тотчасъ. За то глазъ не встрѣчаетъ мѣстъ, покрытыхъ сплошною зеленью или даже густымъ мохомъ. Какъ исключеніе выдалось одно мѣсто, покрытое травою погуще другихъ и прозванное промышленниками Гусиной землей (тутъ линяютъ полевые гуси), но и здѣсь обманомъ зрѣнія рисуется обширное поле: за зеленѣющія поля глазъ сплошь и рядомъ спѣшитъ принять бѣдную осоку, иногда просто каменья, даже и не зеленого цвѣта. Шкерцъ и известь, скоро разслоиваясь, даже и не умѣютъ удержать на себѣ никакихъ наростовъ, да и порфиръ, менѣе уступчивый вывѣтриванью, обложенъ лишаями, похожими на струпы и потому кажется какъ бы обрызганнымъ разноцвѣтными пятнами.

Отсутствіе всякой растительности составляетъ главную черту Новой-Земли. Хотя и встрѣчаются изрѣдка нѣжныя цвѣты облитые живою краскою, но они очень низки и едва показываются изъ земли. Имъ отъ вѣковъ не удалось еще утучнить родимую почву такъ, чтобы дать мѣсто новымъ и свѣжимъ потомкамъ. Незабудки разстилаются кое-гдѣ пестрымъ ковромъ, но за то на большинствѣ другихъ растений—сухіе листья, прозябіе за нѣсколько лѣтъ. Новоземельскія растенія—прозябенія съ весьма короткой и быстрой жизнью, которая ускоряется чрезвычайно длинными днями и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль нескрывающимся солнцемъ. Все-таки, несмотря на это, здѣшнія растенія и позже всходятъ и медленнѣе развиваются. Во всякомъ же случаѣ растительное царство Новой-Земли поддерживается приносными дарами сосѣдней земли. Гостепріимство имъ незавидное: счастливъ тотъ гость, который укрѣпился корнемъ въ щеляхъ почвы, высохшей лѣтомъ и натреснувшей на тысячи многоугольниковъ. Эти части успѣваютъ выразиться пестрою смѣсью: подлѣ одного цвѣтка садится другой, совершенно разнородный. Даже мохъ не обильно разсыпается здѣсь сѣмена свои. Вѣчный снѣгъ и отъ него чрезвычайный холодъ по окрестностямъ, одинаково повсемѣстенъ, будетъ ли онъ въ извилинахъ, обращенныхъ къ сѣверу или къ югу. Только отдѣльныя возвышенности освобождаются отъ снѣгу, когда обогрѣваются солнцемъ со всѣхъ сторонъ. На три фута въ землю слонится уже чистый ледъ, который, по всему вѣроятію, помнитъ время мірозданія, лежитъ многія тысячи лѣтъ. Вся растительная жизнь на Новой-Землѣ сдавлена между верхнимъ слоемъ почвы и низменнымъ слоемъ воздуха: оттого растенія мало поднимаются надъ земною поверхностію и не глубоко уходятъ внутрь.

Самымъ убійственнымъ впечатлѣніемъ полагается здѣсь то, что, идя, сколько ни удваивайте шаговъ, предметы остаются на томъ же разстояніи. Нѣтъ ни жилища, ни деревца, почему можно бы судить объ отдаленіи. Здѣсь отъ ясности и прозрачности воздуха, все кажется близкимъ, но въ то же время все въ одномъ и томъ же отдаленіи. Въ ясные дни воздухъ почти безцвѣтенъ: на ослѣпительно-бѣлыхъ горныхъ вершинахъ мѣстами прорѣзаются черныя скалы, но въ воздухѣ ни малѣйшаго цвѣтнаго отлива. Экспедиція, отправленная королемъ датскимъ Фридрихомъ II въ Гренландію въ виду ея береговъ воротилась назадъ, не исполнивъ назначенія, увлеченная оптическимъ обманомъ этимъ: вѣтеръ надулъ паруса, судно летѣло какъ птица, но берегъ стоялъ все въ томъ же отдаленіи.

Изъ звѣрей на Новой-Землѣ самый могучій изъ всѣхъ, деспотъ сѣверныхъ странъ съ гигантской силой и, безстрашно свободный — бѣлый медвѣдь, очень похожій на нашего косолапаго Мишку Топтыгина. Бѣлый лишь вытянуть въ длину больше нашего плясуна на 7—9 футовъ. На жадно-вытянутой шеѣ насажена голова, которая немного напоминаетъ овцу и подъ острымъ, выбѣгающимъ впередъ носомъ, представляетъ пасть, отступающую назадъ. Эта пасть усажена зубами, маленькое ухо хотъ и срѣзано, но слышитъ издалека, какъ кошачье. Ревъ похожъ на сиплый вопль, но иногда переходитъ въ неистовый вой, столь дикій, что можетъ быть подобнаго и не найти въ царствѣ животныхъ. Шерсть на немъ совершенно бѣлая, серебряная, жестка какъ щетина и вырастаетъ на мездрѣ, толщиною въ лубокъ: шубы изъ нея не сошьешь, но подстилать подъ ноги, вмѣсто ковра, очень годится, потому что чрезвычайно прочна. У стариковъ серебряная шерстка желтѣетъ. Бѣлый медвѣдь весь покрытъ мѣхомъ: голы только кончикъ носа, края губъ; у него здоровые когти и темное кольцо вокругъ глазъ. Въ такой шубѣ этотъ звѣрь, шутя, ходитъ на встрѣчу леденящимъ морозамъ: гдѣ, повидимому, все живое должно исчезать, — бѣлый мишка живъ и бодръ. На Новой-Землѣ онъ даже зимуетъ и притомъ въ мѣстахъ самыхъ морозныхъ — именно въ горахъ странъ, которыя стоятъ далеко на сѣверѣ. Онъ даже выводитъ дѣтенышей около Рождества, такъ что во время беременности самки температура бываетъ ниже нуля градусовъ и полярная ночь занимаетъ болѣе половины этого времени.

Бьютъ его очень мало, больше за то, что пугаетъ и опасенъ тѣмъ, что соблюдаетъ на льдахъ и въ безлѣсѣ скверную привычку лѣснаго родича: гнуть людей и животныхъ поперегъ и переламывать. Глупъ еще тѣмъ, что ходитъ на огонь и въ промысловыя избы лѣзетъ непрошеннымъ гостемъ. Бродяга онъ настоящій и, во всякомъ случаѣ, непосѣдливѣе своего лѣснаго брата: бѣлый медвѣдь живетъ во всѣхъ мѣстахъ Ледовитаго моря. Его видали въ 86 верстахъ отъ твердой

земли. Онъ останавливается на островахъ, плаваетъ на льдахъ; нагуленный жиръ дѣлаетъ его однимъ изъ лучшихъ пловцевъ на свѣтѣ. Онъ ныряетъ между льдинами, шатается по каменистымъ берегамъ и лазитъ по ледянымъ горамъ, какъ лѣсной его братъ по деревьямъ за пчелами. На ледяныхъ горахъ бѣлому медвѣдю поживиться нечѣмъ, но на ледяныхъ поляхъ, а особенно на низменностяхъ необитаемыхъ острововъ, для него готова пища сытая и обильная. Гдѣ лежатъ моржі, тюлени и другіе салные морскіе звѣри, туда ѡшкуй или бѣлый медвѣдь ходитъ охотно подъ вѣтромъ. Особенно хорошо онъ видитъ и чутко нюхиваетъ. Онъ можетъ поддерживать свою жизнь не иначе, какъ только непрестаннымъ трудомъ: замерзлая вода служить плотомъ, на которомъ онъ спускается въ море; въ незамерзшей водѣ онъ находитъ пищу. Какъ деспотъ сѣверныхъ странъ онъ ненавидитъ всѣхъ и считаетъ всякаго своей добычей и собственностью, бросается даже на тѣ салныя бочки (вѣсомъ иные до 80 пудовъ), которыя называются моржами. Моржъ бѣсится, реветъ отъ боли, но везетъ медвѣдя въ воду, вывозитъ опять на берегъ, если не успѣетъ ѡшкуй изломать его до воды. Обезсилѣвшаго звѣря медвѣдь съѣдаетъ, но не брезгаетъ и трупомъ своего брата. Зимой и лѣтомъ ему житіе всѣхъ лучше: всегда готова пища, — труповъ убитыхъ и брошенныхъ звѣрей онъ первый гость и лакомка. Нѣтъ пищи или сытъ — онъ полежитъ на солнышкѣ, погрѣется, сходитъ въ воду за рыбой. Когда гольцы идутъ, онъ встанетъ поперекъ рѣки, и свое тѣло, какъ неводъ, распуститъ. Когда сытъ, тогда любитъ свистать въ когти и тѣмъ наводитъ большой страхъ на промышленниковъ, а такъ какъ ѡшкуи любятъ ходить стадами, то свисту такого бываетъ довольно во всю зиму. Спать онъ не ложится, спячки не знаетъ: вся жизнь его проходитъ среди одной вѣчной зимы. На человѣка нападаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда сходится по нечаянности глазъ-на-глазъ. Тогда и бьютъ его изъ моржовокъ или принимаютъ на рогадины.

Вообще онъ звѣрь очень сильный и особенно велика эта сила въ короткихъ ногахъ, на которыхъ онъ кажется неуклюжимъ; не большой мастеръ ходить по землѣ (ходить прыжками). Вообще на бѣлаго медвѣдя не слышать крупныхъ жалобъ отъ нашихъ русскихъ охотниковъ. Для людей онъ соблазнителенъ нагуломъ очень нѣжнаго и хорошаго сала, которое не воняетъ. Матери, завидѣвъ людей, защищаютъ медвѣжатъ и не убѣгаютъ прочь. Медвѣди сыты и отъ охоты за тюленями; сидеть онъ у расщелины льдины, куда нырнулъ тюлень, и сторожитъ: не двинется, не шевельнется, словно замеръ, какъ настоящая охотничья собака. Но лишь завидѣвъ, что тюлень сталъ опять высовываться, чтобы набрать въ свои легкія свѣжаго воздуха, — медвѣдь растянулся во всю длину, переднія лапы сложилъ кольцомъ. Лишь только звѣрекъ изъ воды, желѣзный ошейникъ готовъ и съ

такой пружиной, которая не соскакиваетъ. Въ бою съ глазу-на-глазъ медвѣдь смѣшонъ и малоопытенъ: идутъ двое, одинъ хочетъ направить ударъ въ одинъ бокъ, медвѣдь старается ухватиться лапами за этотъ бокъ, оставляя другой безъ защиты. Идетъ одинъ и твердо держитъ копье, подстрекая медвѣдя къ нападенію, самъ охотникъ прикидывается трусомъ и указываетъ ту сторону, въ которую намѣренъ бѣжать. Медвѣдь оставляетъ свое мѣсто, охотникъ тотчасъ займетъ его: звѣрь старается опять занять покинутое мѣсто и спихнуть охотника, но здѣсь-то его и встрѣтитъ копье, которымъ стараются попадать въ бокъ, подъ лѣвую лопатку.

Въ сосѣдяхъ съ медвѣдями бѣгаютъ по Новой-Землѣ бѣлые и голубые песцы. Шкурки голубыхъ въ большомъ почетѣ и въ хорошей цѣнѣ. Водятся еще лисицы и волки, но звѣрей этихъ ловятъ мало: нѣкогда,—послѣ Успеньева дня надо поторапливаться: зима ходитъ тамъ быстрыми шагами. Намерзшій тонкій ледъ, по тамошнему „налысъ“, налипаеъ по берегамъ такъ рано, что на обратномъ пути съ промысла трудно бываетъ сквозь него проталкиваться.

Много еще на Новой-Землѣ пеструшки (полевой мыши), но мало волковъ и лисицъ. Все животное богатство въ морскихъ волнахъ. Изъ птицъ на берегу бѣлая сова, которая здѣсь и зимуетъ, подорожникъ, водяная курочка, соколъ; лѣтніе гости: полевые гуси, ледяная утка, музыкальный лебедь, но и тѣхъ неизмѣримо больше на островѣ Колгуевѣ: на Новой-Землѣ имъ почти нечѣмъ питаться. Ужасная страна!—страшная уже тѣмъ, что здѣсь предѣлъ всепобѣждающей человѣческой силѣ: здѣсь побѣдитель природы едва ли въ силахъ надежно укрѣпить ногу.

6. Село Ижма.

Общій видъ селенія и характеръ зырянъ, по личнымъ наблюденіямъ. — Разные способы ловли мелкой рыбы. — Бытъ зырянъ, домашній и общественный. — Рѣка Ижма. — Первые выходы и родоначальники. — Старинныя бумаги. — Огородничество. — Національный промыселъ зырянъ. — Боршеѣды. — Бѣлкованье.

— Поѣдешь ты въ Ижму—увидишь тамъ храмы Божіи каменными и во всемъ благолѣпнѣ; угощать тебя будутъ по-купецки; станутъ тебѣ сказывать, что въ Бога вѣруютъ, не слушай: врутъ! Тундра у нихъ грѣхомъ на совѣсти давно лежитъ. Смотри, не поддавайся же этимъ зырянамъ: плуть-народъ!...

Подобное предостереженіе и, пожалуй, наставленіе, сказанное мнѣ за недѣлю назадъ добрымъ рассказчикомъ моимъ въ Пустозерскѣ, пришло мнѣ на память именно въ то время, когда передо мною открылась

вся Ижемская волость *, крайняя (по Печорѣ) въ Архангельской губерніи, со всѣми своими наглазными мелочными подробностями. Не хотѣлось вѣрить предостереженіямъ этимъ на первыхъ шагахъ и при первомъ взглядѣ, тѣмъ еще болѣе, что дѣйствительность увѣряла въ противномъ. Правда, впрочемъ, то, что поразительными казались огромныя каменныя церкви съ громкимъ звономъ, съ громкимъ, согласнымъ пѣніемъ на два клироса, съ звонкими голосами дьяконовъ, съ иконостасами, изукрашенными сверху до низу образами въ серебряныхъ, позолоченныхъ ризахъ, щедро облитыхъ богатымъ свѣтомъ, и съ духовенствомъ въ глазетовыхъ облаченіяхъ. Такъ вездѣ, во всѣхъ селахъ Ижемской волости; въ Сизябѣ, Мохчѣ, въ самой Ижмѣ, и какъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Архангельской губерніи, исключая только самаго губернскаго города, древнихъ Холмогоръ и трехъ-четырехъ еще неупраздненныхъ монастырей (не считая здѣсь необыкновенно богатаго Соловецкаго). Ижемскія церкви, всѣ до одной, вплотную были набиты народомъ, молившимся не старымъ крестомъ. Слышались въ толпахъ этихъ и удушливый старческій кашель, и неугомонный плачь и визгъ грудныхъ малютокъ, и подчасъ звонкіе, нескромные вскрики подростковъ. Видѣлись и тѣ, и другія и третьи: мужчины на правой сторонѣ, женщины на лѣвой, безъ исключеній, по старому русскому обычаю. Между-тѣмъ, въ большей половинѣ архангельскихъ селъ и даже городовъ, духовенство исправляетъ службы въ пустыхъ, холодныхъ, со сквознымъ вѣтромъ церквахъ, едва не на ржанныхъ просфорахъ, въ полуистлѣвшихъ ризахъ, при свѣтѣ четырехъ-пяти желтыхъ восковыхъ свѣчъ на всю церковь, при разбитомъ голосѣ дьячка, звучащемъ еще печальнѣе при такой печальной обстановкѣ. Не такъ, далеко не такъ въ богатыхъ церквахъ Ижемской волости, гдѣ домъ духовенства — лучшіе дома въ цѣломъ селеніи, гдѣ церкви рѣшительно-таки несравненно-богаче, чѣмъ въ самомъ Архангельскѣ. Гдѣ же справедливость въ словахъ честно изжившаго вѣкъ, воспитаннаго въ безъискусной, патріархальной простотѣ и уважаемаго всѣми сосѣдями моего дальняго пріятеля:

— Станутъ они тебѣ сказывать, что въ Бога вѣруютъ, не слушай: врутъ!

Первые моменты знакомства съ Ижмой рѣшительно не говорятъ этого, напротивъ, наглазною обстановкою доказываютъ совершенно противное. — А между тѣмъ второе показаніе старика оказывается справедливымъ. Радужно встрѣчаетъ меня хозяинъ отводной квартиры, не позволяетъ пить моего чаю и, не шутя, ворчитъ на это предложеніе мое, и чуть не бранится. Тащитъ онъ, суетяся, какъ угорѣлый, снизу нѣсколько тарелокъ: съ баранками, съ изюмомъ, съ пряниками,

* На рѣкѣ Ижмѣ въ 100 верстахъ къ югу отъ Усть-Цылымы, въ 40 отъ Печоры въ 62 отъ устья р. Ижмы.

съ кедровыми орѣхами - меледой, откуда ни беретъ бутылку хересу, графинъ водки, и все это просить потреблять вмѣстѣ, валить въ кучу. Наливаетъ густаго, какъ пиво, дешеваго чаю, просить сахаръ класть въ стаканъ и какъ только возможно больше — не жалѣть; общааетъ принести сливокъ, и приноситъ такія густыя, о которыхъ рѣдко гдѣ имѣютъ понятіе въ другомъ мѣстѣ губерніи, кромѣ Холмогоръ; божится, что обшарить завтра всю волость, чтобы достать лимону; общааетъ того, другаго, всего... Неужели и послѣ этого должно давать вѣру словамъ моего пустозерскаго пріятеля?—Нѣтъ, что нибудь далеко не такъ!

Слѣдующій день исключительно покушается разбить всѣ оставшіяся сомнѣнія, если не разбиваетъ ихъ окончательно: съ утра являются одинъ за другимъ сѣдые, почтенные старики просить отвѣдать ихъ хлѣба-соли и потомъ встрѣчаютъ на крыльцѣ, и суетятся привѣтливо, и, видимо, чистосердечно. Не зная, чѣмъ занять гостя, подчуютъ меледой, горсть которой, безъ сноровки и привычки, въ полчаса не общелкаешь. Не зная, чѣмъ чествовать, — ставятъ на столъ осетрину—диковинку своего края, вывозимую изъ дальней Сибири, съ Оби, вареные олени языки, олени губы, удивительно вкусныя, рѣдкія свои блюда, и квасъ, какъ лакомство, замѣняющее здѣсь невѣдомое пиво. Семгой, какъ дешевой рыбой, они даже и не угощаютъ и, оправдываясь, толкуютъ:

— Непроваренная она не здорова, свѣжая скоро пріѣдается.

По этой причинѣ вездѣ по Печорѣ для ухи (по ихнему щербы) рѣжутъ на мелкіе куски и варятъ. Потомъ вываливаютъ куски на лотокъ, солятъ и остуживаютъ. Въ уху прибавятъ нѣсколько горстей муки, и снова варятъ.

— Нарочно по твоего высокоблагородья на вечеръ олень колотлы, отвѣдуй: очень намъ отлично буде! — приговариваютъ зыряне при этомъ бойкимъ русскимъ говоркомъ, хотя и съ невѣрнымъ выговоромъ словъ и съ невѣрными удареніями на нихъ, дѣлающими рѣчь ижемцевъ похожею на цыганскій говоръ дальней Россіи. Самый языкъ зырянскій, болѣе, впрочемъ, пріятный въ устахъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ, бьетъ ухо богатствомъ непріятно-гортанныхъ и шипящихъ звуковъ. За столъ съ нами женщины не садятся,—приносятъ только съ низкими поклонами блюда и сейчасъ удаляются, не примолвивъ ни единого слова. Собесѣдники мои не пускаютъ роднаго моего языка въ исключительное употребленіе, при задаваемыхъ вопросахъ, обращаясь къ сотрапезникамъ на зырянскомъ языкѣ. Пусть же они, какъ-то подозрительно переглядываются и выпрашиваютъ другъ у друга отвѣтовъ на эти запросы, обращенные исключительно къ ихъ житію-бытію, къ оленеводству. Я готовъ, на этотъ разъ, объяснить все это про свой обиходъ такъ: гортанность ихъ языка тѣмъ, что онъ отрасль

чуждаго; отсутствіе женщинъ—старымъ вѣковымъ обычаемъ (доселѣ соблюдаемымъ) видѣть въ женщинѣ исключительно рабыню, а не человека; страсть къ родному языку—прирожденнымъ правомъ всѣхъ народовъ. Можно бы объяснить и переглядки, и косые взгляды, и ихъ недовѣрчивость къ вопросамъ, и ихъ нежеланіе прямо и словоохотливѣе отвѣчать на нихъ—тѣмъ, что зыряне большую часть года проводятъ въ средѣ соплеменныхъ семей и не привыкли къ новымъ свѣжимъ людямъ. Пожалуй даже наконецъ объясню это себѣ просто привычкою, родою народною особенностію. Но, не смотря на все это, отвѣты оказались многозначительнѣе и важнѣе, чѣмъ казались на первыхъ порахъ. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ, помогъ мнѣ случай. Оставалось потомъ выслѣдить его по горячимъ слѣдамъ.

Дѣло происходило вотъ какъ:

Бесѣдовали мы о разныхъ мелочахъ въ-шестеромъ и результатомъ бесѣды нашей было: для нихъ — то, что выпили два самовара большихъ-пребольшихъ и общелкали большую, глубокую тарелку, насыпанную верхомъ кедровыми орѣхами: для меня — нѣсколько скудныхъ, впрочемъ, свѣдѣній, которыя почти всѣ заключались въ слѣдующемъ. Рѣка Ижма обставилась высокими берегами, обрамленными людными зырянскими селеніями, рощами листовичныхъ деревьевъ и богатыми сочною травою пастбищами и сѣнокосами. Все это, взятое вмѣстѣ, поражаетъ картинностью видовъ не только заѣзжихъ, но и привычныхъ туземцевъ, въ лѣтнюю и весеннюю пору. Немногое теряли эти приглядные виды и зимой, на мой взглядъ, давно уже отвыкшій ото всѣхъ поразительныхъ картинъ на архангельскихъ равнинахъ.

Вообще рѣку Ижму хвалятъ за красоту побережьевъ и сердито бранятъ ея характеръ. Всѣ красивыя и довольно высокіе берега (конечно и здѣсь, по закону природы, правые) заняты селеніями, которыя и любятъ на низменности лѣваго берега, съ раскинутыми по мѣстамъ лугами. За то самая рѣка крайне мелководна, хотя и насчитываютъ у ней до 30 притоковъ: косы нерѣдко во всю рѣку, безпрерывно либо камни—бойцы и одинцы, либо каменистые переборы и отмели. То и дѣло видны „заколы“ изъ часто-набитыхъ кольевъ иногда до половины рѣки для лова рыбы мордами. О бичевникѣ до сихъ поръ никто не подумалъ, а кто выдумаетъ тянуть лямкой лодку, тому по берегу налита липкая грязь, накиданъ валежникъ, и предостоятъ крутизны, покрытыя лѣсомъ. Тѣмъ не менѣе въ селеніяхъ избы съ трубами и большими окнами, внутри очень опрятныя.

Рыба, попадающаяся въ Ижмѣ, довольно мелкая, и насчитываютъ ее до 12 сортовъ. Семга заходитъ рѣдко и самая вода рѣчная отличается тяжелымъ вкусомъ, по причинѣ значительнаго раствора нефти—

обстоятельство, заставляющее предпочитать рѣчной водѣ колодезную. При ловлѣ рыбы (исключительно въ печорскихъ участкахъ и на озерахъ по тундрѣ) до сихъ поръ соблюдается старинный обычай на всѣхъ тонахъ: для всякаго человѣка-путника варить щербу изъ свѣжей, сейчасъ-пойманной рыбы, и не скупиться отпустить и съ нимъ рыбы, въ надеждѣ на будущій обильный уловъ. Рыбу ловятъ обыкновеннымъ установившимся способомъ, общимъ всѣмъ приморскимъ мѣстностямъ. Рѣчные способы мелкой рыбной ловли извѣстны въ трехъ видахъ: 1-й *попѣдомъ попѣдоватъ*; два рыбака плывутъ въ особыхъ лодкахъ не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, на сколько позволить то сдѣлать длина сѣти. Сѣть эту безъ матицы (мѣшка) держатъ за тетиву, погружая подводную часть ея, при пособіи шестовъ, которые и держатъ въ рукахъ (иногда употребляютъ грузева—каменные якоря—кибаса). Плывутъ обыкновенно внизъ по теченію: первая попавшаяся рыба толкаетъ въ сѣть и потрясается палки. Осторожно рыбаки сѣзжаются вмѣстѣ и вынимаютъ сѣть. 2-й способъ: *лучомъ лучить*. Лучать темною осеннею ночью и для этого на носу лодки укрѣпляютъ коль (накозье) аршина въ полтора, на немъ козу — рѣшетку желѣзную съ торчащими къверху зубцами, между которыми кладутъ куски просушенныхъ и просмоленныхъ комлей и пней, и зажигаютъ ихъ. На носу же, у огня, становится рыбакъ съ острогой (въ 2½ саж. длиною). Онъ высматриваетъ спящую рыбу и даетъ знакъ осторожно гребущему товарищу остановиться, самъ въ тоже время прозааетъ шукъ, налимовъ и другую рѣчную рыбу. 3-й *неводомъ*, какъ и въ Усть-Цылымѣ, какъ и въ Кемскомъ поморьѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ огромной Россіи, гдѣ только водится какая-либо рыба, способъ одинъ и тотъ же. Можно отмѣтить одну любопытную особенность,—оригинальный приѣмъ, подмѣченный на берегахъ Сѣверной Двины,—именно въ Холмогорскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ. Тамъ, приступая къ подледной рыбной ловлѣ разрѣзаютъ хлѣбъ на „шѣхмачи“, т. е. куски. Ихъ бросаютъ въ неводъ и волокутъ его по льду на нѣкоторомъ пространствѣ. Затѣмъ всѣ участники артели (обыкновенно отъ 20 до 30 человѣкъ) садятся вокругъ невода и сѣздаютъ шѣхмачи, воображая въ нихъ первую добычу лова. Только послѣ этого обряда рѣшаются приступить къ работѣ, и приступаютъ тотчасъ же: наблюдаетъ старикъ, наз. еровшикъ; долбари пробиваютъ проруби, вилочникъ (онъ же и рельщикъ) гонитъ подъ ледъ жердь съ веревками или тетивой, и дѣламошники тянутъ этими веревками сѣть подъ водой. Замѣчательно, что эти рыбаки, какъ сумочники-торговцы, нищіе, мазурики, коновалы, и проч. говорятъ между собою на искусственномъ языкѣ: у нихъ неводъ—румага, заяцъ—лѣсной барашекъ, изба—теплуха, озеро—лужа, ворона—курица, сорока—векша, и проч. Первую выловленную на выборъ самую большую продаютъ на свѣчу

въ церковь. Еровшикъ бьетъ вичью за пересолъ ухи, за ссору, кражу и за нарушеніе условнаго языка. При „подледной“ продавливаютъ долбари обыкновенно четыре проруби: круглыя три всѣ врьдъ, а четвертая четырехугольная. Эта называется приволѣкой. Сюда вытаскиваютъ сѣть, которую успѣютъ изъ одной проруби въ другую проворить, т. е. провести „походню“ или веревку, (привязанную къ неводу либо перемету, либо поплави). Поплавью (плавной сѣтью), шириною въ 2—3 сажени, длиною до 150 и болѣе ловятъ между прочимъ въ Сѣверной Двинѣ верстѣ на сто отъ устья въ сторону Холмогоръ семгу съ послѣднихъ чиселъ іюля до конца сентября. Ловить стараются по ночамъ, такъ какъ семга, завидя поплавь днемъ при свѣтѣ старается проплывать подъ нею. Эта-та семга „двина“ и появляется въ обѣихъ столицахъ: въ Петербургѣ въ дорогихъ фруктовыхъ магазинахъ и въ Москвѣ въ лучшихъ трактирахъ первую и раннюю, какъ лакомство очень вкусное при маломъ засолѣ и очень дорогое по причинѣ спѣшной доставки.

Судовъ здѣсь строить мало, довольствуясь рубкою мелкихъ, въ родѣ карбасовъ, лодокъ и челноковъ, закупая крупныя или въ Мезени, или заказывая ихъ въ дальней Кемі. Наконецъ, если ко всему этому прибавить то, что здѣсь на домахъ (кстати сказать, хотя и двухъ-этажныхъ, но содержимыхъ довольно грязно, сравнительно съ Пустозерскомъ) по потолкамъ и подъ полами не насыпаютъ земли на томъ основаніи, что будто бы строенія скорѣе гниютъ, и что здѣсь балконы и ставни не составляютъ особенной необходимости противъ вьюгъ и мятелей, какъ по Печорѣ—то опять-таки, наконецъ, во всемъ этомъ едва ли былъ не весь результатъ начатой нами бесѣды...

Ижемцы мои замѣтно скрытничаютъ, какъ-будто чего-то опасаются, частенько переглядываются, вдругъ круто переменяютъ разговоръ совсѣмъ неожиданно, и преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ принимаетъ болѣе оживленный характеръ.

— Нѣтъ, что нибудь да не такъ!—думалось при этомъ мнѣ, избалованному, можетъ быть, словоохотливостію и откровенностію недавно покинутыхъ добрыхъ пустозеровъ. Слова одного изъ тамошнихъ: „Хитрый зыряне народъ, ты смотри: не поддавайся имъ“—возставали какъ живыя, попрежнему.

— Хитрый народъ вся эта „Ижемца“! Такъ обычно называютъ всѣхъ зырянъ, присосѣдившихся своими селеніями къ русскимъ печорцамъ, гораздо позднѣе поселенія послѣднихъ на устьѣ р. Цыльмы. При этомъ собирательное имя, обращенное въ собственное, съ ударженіемъ на послѣднемъ слогѣ обязательно склоняется грамматически, съ неизбѣжнымъ печорскимъ причокиваньемъ,—говорятъ: „у Ижемчей, въ Ижемчахъ“, и т. под. Это слово совершенно вытѣснило названіе зырянъ и на этотъ разъ основательно въ томъ смыслѣ, что Ижемцы

на коренныхъ зырянъ теперь мало похожи. Народное присловье обозвавшее ихъ „борщеѣдами“, насмѣшкою этою не отдѣляетъ отъ Усть-Цылемовъ: и эти, въ странѣ, гдѣ плохо прививается огородничество, вмѣсто капусты, квасятъ и запасаютъ впрокъ на зиму дикорастущія на лугахъ деделюшки или деделю (она же борщъ, пучёкъ, по ботаникѣ—*heradeum borealis*).

Попробоваль я обратиться съ вопросомъ о томъ, существуютъ ли между зырянами какія-нибудь преданія объ ихъ далекомъ прошломъ; но получилъ въ отвѣтъ немногое: что въ чудскихъ могилахъ, при устьѣ Ижмы съ Печорою, въ горѣ находили, лѣтъ тому 20 назадъ, монеты, что попадаются тамъ же мамонтовые рога (кости), хоти и рѣдко; что есть-де крестъ по пути въ Сизябу, на могилѣ Кипріяна, одного изъ друзей Аввакума, сосланнаго сюда за расколъ и которому отрубили здѣсь голову за то же самое; что въ селеніи Усть-Ижмы есть *поганый курганъ*, на мѣстѣ котораго въ *досельную* страну былъ чудскій городъ; что раскапывая курганъ нашли тамъ копье...

Спросилъ я объ исторіи и причинахъ выселенія ихъ, по преданіямъ, въ дальнюю страну, изъ странъ пермскихъ—центра заселеній зырянъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда застали ихъ на этомъ мѣстѣ исторія и Евангеліе, но собесѣдники мои какъ-то ужъ особенно дико переглянулись и замолчали, всѣ до единаго, еще сосредоточеннѣе и упорнѣе. Пришлось остаться на этотъ разъ при тѣхъ же немногихъ свѣдѣніяхъ: что грабежи и обиды казаковъ, ходившихъ черезъ мѣста ихъ прежнихъ заселеній у истоковъ Ижмы, въ Яренскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи, съ верхотурскою казною въ Москву, заставили ихъ всѣмъ населеніемъ выбраться на благодарную, хотя и дальнюю мѣстность устья той же рѣки; что населеніе Ижмы увеличилось въ послѣдствіи выходцами изъ ближней Усть-Цыльмы, значительно населенной и сильной уже въ то время своими матеріальными средствами; къ зырянину, выселившемуся сюда изъ Яренскаго уѣзда, изъ деревни Глотовой, присосѣдились братья Чупровы изъ Усть-Цыльмы и съ собою распространили право, данное грамотою Грознаго Ласткѣ, распространили на эту мѣстность. Собственно же на ижемскихъ зырянъ послана была владѣтельная грамота царями Михаиломъ и Алексѣемъ (въ 1627 и 1649 гг.). Грамоты эти пропали:

— Взялъ чиновникъ губернатора и увезъ въ Городъ (Архангельскъ). Селились здѣсь и самоѣды, теперь утратившіе свою народность и свой родовой типъ подъ вліяніемъ зырянскаго, который только нѣкоторою смуглостью лица (и ничѣмъ другимъ, вѣншнимъ) отличается отъ славянскаго. Здѣсь пролежала сибирская дорога при царяхъ и Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцахъ...

Старинныя бумаги, уцѣлѣвшія въ церквахъ и правленіи отъ пожаровъ и крайняго невѣжества хранителей и попавшія въ мои руки,

говорять тоже немногое: одна повелѣвала давать только сотнику стрѣleckому гребца и не давать того же простымъ стрѣльцамъ города Архангельскаго, идущимъ въ Пустозерскій островъ, на томъ основаніи, что „они сами подъ собою грести могутъ“. Второю—указомъ (7196 г.) царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича повелѣвалось уничтоженіе тарханыхъ грамотъ на сальные промыслы въ пользу Троицкаго Сергіева монастыря, доходы съ которыхъ отъ этого года должны были обращаться уже въ государеву казну. Третьею—указомъ (7205 г.) царя Петра Алексѣевича дѣлалась память головѣ и цаловальникамъ таможеннаго и кружечнаго двора, чтобы они, при недостаткѣ въ холмогорскомъ винѣ, прикупили бы „гдѣ пристойно самую малою цѣною безъ передачи“. Въ четвертомъ свиткѣ (длиною 4½ сажени) подробно означаются правила таможеннаго сбора съ проѣзжающихъ въ Сибирь и обратно изъ Сибири русскихъ и тамошнихъ купцовъ (въ Ижмѣ была таможенная застава), указывается на нѣкоторые злоупотребленія, бывшія при этомъ дѣлѣ, и приказывается вести книги. Въ пятомъ свиткѣ, самомъ древнемъ изъ имѣющихся у меня, по времени, содержится указъ царя Алексѣя Михайловича (7186), которымъ велѣно было ижемцамъ везти лѣсъ и строить четыре острога для ссыльныхъ въ Пустозерскѣ историческихъ раскольниковъ: протопопа муромскаго Аввакума, симбирскаго Никифора, распопы Лазаря и старца Епифанія. Изъ старинныхъ же бумагъ, сохранившихся въ церковномъ архивѣ, болѣе замѣчательною, сравнительно съ другими, можно считать указъ (1760 г.) архіепископа холмогорскаго и важескаго Варсонофія, которымъ приказывалось розыскать попа, провинившагося въ томъ, что онъ, за пудъ трески, покрылъ одного раскольника, освободивши его отъ исповѣди и св. Причастія. Архіерей приказалъ обречь ему за это полголовы и послать въ Архангельской монастырь на вѣчную работу, съ тѣмъ, опять-таки, чтобы, по прибытіи его на мѣсто, обречь ему тамъ остальные полголовы и полбороды. Какъ видно по розыску, священникъ, испугавшись подобнаго рѣшенія, бѣжалъ и, какъ думаютъ, въ топорскіе раскольниковы скиты. Вотъ всѣ сохранившіяся въ Ижмѣ старинныя бумаги!..

Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ, наконецъ, обратился я къ своимъ собесѣдникамъ съ вопросомъ о тундрѣ и, не допытываясь правъ ихъ на владѣніе ею, произвелъ, однакоже, замѣтное волненіе. Они заговорили скоро, поминутно искоса взглядывая на меня тѣми недовѣрчивыми, подозрительными глазами, какими встрѣчаютъ всякаго нежданнаго и незнакомаго человѣка, явившагося въ располхъ посреди закулисныхъ, семейныхъ занятій, принявшихъ форму давнишней законности и обыкновенно скрывааемыхъ отъ чужаго глаза. Смущается и попавшій не во время. Такъ было и съ нами. Ижемцы долго еще толковали на своемъ нарѣчій, которое для меня уже не могло

быть непонятнымъ. Смыслъ его казался уже достаточно подозрительнымъ для того, чтобы, сообразивъ дѣло, припомнить преслѣдовавшее меня до тѣхъ поръ предостереженіе пустозерскаго старика, что „тундра у ижемцовъ давно тяжелымъ грѣхомъ лежитъ на совѣсти“.

Крайне-сомнительными показались, на ту пору, и заискивающія ласки, и угощенія, и уклончивость въ отвѣтахъ: ижемцы объявились мнѣ не столько хитрыми, по понятіямъ и предостереженіямъ хорошо знавшихъ ихъ, сколько простодушными и неумѣлыми до конца устоять въ этомъ, все-таки замѣчательномъ проявленіи развитаго человѣка, а не полудикаря, полусоѣдлага зырянина, каковы проявленія хитрости. Собесѣдники мои говорили немного и вдругъ смолкли всѣ, какъ бы громомъ пришибенные, какъ бы выжидая рѣшительнаго удара съ моей стороны, разъ уже на вѣку своемъ испытавши злосключеніе подобнаго рода и, съ той поры, привыкши видѣть во всякомъ новомъ лицѣ своего врага непримиримаго и заклятаго. Нѣкоторые оправдываютъ этимъ ихъ скрытность, сильное поползновеніе къ обману. Что же до меня, то сцена эта имѣла наталкивающіе, побудительные значеніе и смыслъ. Всѣмъ, что довелось узнать объ этомъ дѣлѣ въ послѣдствіи, поспѣшу подѣлиться съ читателями въ слѣдующей статьѣ.

Теперь же считаю обязанностію своею досказать объ ижемцахъ все, что привелось узнать въ весьма-недолгоевременное пребываніе между ними.

Волость Ижемская, значительно разбогатѣвшая въ недавнее время, имѣвшая еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія деревянную церковь (и только въ одномъ селѣ Ижмѣ), теперь имѣетъ тамъ три богатыхъ, каменныхъ и еще четыре села. Во всякомъ случаѣ, эти обстоятельства, свидѣтельствуя о достаткѣ крестьянъ, несомнѣнно указываютъ такимъ богатствомъ на присутствіе въ характерѣ жителей волости предприимчивости, толковости, находчивости, изворотливости — однимъ словомъ, всего, что характеризуетъ коммерческаго человѣка, будь онъ даже и дальній печорецъ, удаленный отъ главныхъ центровъ русской торговой дѣятельности. Въ послѣднія десятилѣтія выдали мѣлицу ижемца и въ Москвѣ, и на нижегородской ярмаркѣ, и въ костромскомъ Галичѣ: является онъ здѣсь, какъ представитель оптовой продажи скупленныхъ на родинѣ мѣховъ и тамъ же выдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ и лосинъ. Не гнушается ижемецъ и мелочной торговлей въ меньшихъ размѣрахъ по сосѣднимъ печорскимъ селеніямъ; они доставляютъ туда все необходимое въ деревенскомъ быту и сбываютъ это съ поразительною честностью и добросовѣстностью, нанесшими въ послѣдніе годы значительный ущербъ давнишней торговлѣ пермскихъ чердынцовъ. По всѣмъ вѣроятіямъ и наглазнымъ пріемамъ, съ какими повели дѣло ижемскіе зыряне, можно навѣрное предсказать, что въ недалекомъ времени Печора болѣе не увидитъ чердынскихъ каюковъ. Они

уже и въ послѣдніе два года значительно уменьшились въ числѣ и въ количествѣ привозимыхъ ими товаровъ. Вотъ что говорятъ голые факты.

Слѣдивши далѣе за присущими особенностями въ характерѣ ижемца, помимо его скрытности и подозрительности, невольно приходишь къ неменѣе замѣчательной особенности его. Это — безусловная вѣра старымъ преданіямъ въ быту домашнемъ и общественномъ, и въ слѣпомъ повиновеніи ихъ подробностямъ безъ оглядки, безъ дальнихъ размышленій и строгаго анализа по требованіямъ вѣка и по неизбѣжной встрѣчѣ и знакомству съ жизнію столичной и большихъ торговыхъ городовъ. До сихъ еще поръ ижемцы, свято соблюдая, въ большей или меньшей степени, затворничество женскаго пола, не пуская женъ и дочерей своихъ на глаза всякаго гостя (кромѣ крайне-почетныхъ), сохранили всю цѣломудренную чистоту нравовъ. Сравнительно съ сосѣднею Усть-Цыльмою (которая въ этомъ случаѣ значительное подспорье), Ижма, въ этомъ отношеніи, поразительна во всемъ Архангельскомъ краю, составляя удивительное, замѣчательное исключеніе. Сохраняя отъ старины нѣкоторыя игры и забавы: лѣтомъ на лугахъ бѣганья въ запуски, зимою катанья съ горъ, ижемцы установили и твердо хранятъ обычай, позволяющій эти удовольствія дѣвушкамъ отдѣльно отъ молодыхъ. Только оглашенные женихи имѣютъ еще нѣкоторое право (и то весьма рѣдко) играть публично съ невѣстами. И здѣсь, сговорившись съ дѣвушкой, женихъ не видитъ ее до самаго дня свадьбы; та оплакиваетъ свою волю и въ роковой день является, закрытая фатой или платомъ. Въ этотъ платъ завертывается ломоть, отрѣзанный отъ свадебнаго благословеннаго каравая. Ломоть этотъ сѣдается потомъ молодыми до брачнаго стола, въ которомъ они не имѣютъ права участвовать, ограничиваясь только подчиваньемъ гостей, между которыми всегда дорогой и счастливый тотъ, который явился въ Ижму съ чужбины: поэтому всегда стараются высматривать въ толпѣ свадебныхъ зрителей кого-нибудь изъ усть-цылемовъ и пустозѣровъ. Зырянка, сдѣлавшись женой, становится съ той поры и рабыней: если помощницей ея въ трудныхъ черновыхъ работахъ бываютъ по большей части самоѣдки и бѣдныя усть-цылемки, то все-таки уходъ за ребятами поглощаетъ у ней большую часть жизни. Зыряне, какъ извѣстно, плодятся изумительно, отъ достаточной ли жизни, или отъ постоянного почти пребыванія отцовъ въ средѣ семействъ — рѣшить это положительнымъ образомъ нельзя. Но, чтобы нагляднѣе убѣдиться въ томъ, стоитъ только обратить вниманіе на деревенскія улицы въ солнечный день и на церкви въ большіе праздники: всѣ они до половины наполнены ребятишками.

Между другими остатками старины слѣдуетъ обратить вниманіе на обычай зырянъ въ день Богоявленія, послѣ освященія воды, кататься

съ крикомъ и возможно быстрѣе на лошадахъ и оленяхъ кругомъ селенія Ижмы и по улицамъ его. Этимъ, какъ говорятъ, прогоняють они злого духа, побѣжденнаго святымъ церковнымъ обрядомъ.

Огородничество у ижемцевъ, въ исключеніе съ прочими печорцами, довольно развито: садятъ капусту, рѣдьку, рѣпу и лукъ и часть овощей имѣють возможность даже пускать въ продажу печорскимъ жителямъ вплоть до Колвинскаго погоста. Когда по сѣверной Россіи затѣвались картофельные бунты — ижемцы сѣздили за сѣменами и посадили его въ своихъ огородахъ, и роздали своимъ родственникамъ.

Замѣчательно также то, что въ языкѣ зырянъ недавно явилось слово „грабить“ всецѣло съ русскаго языка, до тѣхъ поръ не вызывавшее необходимости. Какъ извѣстно, ижемцы десять лѣтъ тому назадъ не употребляли замковъ, замѣняя ихъ удобно деревянными задвижками, и то исключительно для блудливой рогатой скотины. Теперь и между ними стали появляться воры, по своему хитрые. Такъ разъ являются къ богатому мужику двое изъ сосѣдей просить чего-то въ продажу. Разговорились. Какъ будто на зло имъ является другой (не участникъ дѣла) просить пимовъ. Хозяинъ посылаетъ жену свою поискать на чердагѣ лишнихъ, и та, вмѣсто пимовъ ухватила за ноги въ пимахъ. Мошенникъ зарылся тамъ въ малицы, надѣясь обобрать все въ то время, когда его соучастникъ будетъ растабарывать съ хозяиномъ. Впрочемъ, въ послѣднее время нѣкоторыя попытки злыхъ людей неоднократно вѣнчались успѣхами. Вообще старожилы жалуются уже на порчу нравовъ и начавшееся пренебреженіе къ кореннымъ обычаямъ: на повсемѣстно распространившееся, особенно между молодымъ поколѣніемъ, куренье табаку, на излишнее употребленіе вина и водки до буйнаго, опьянѣлаго состоянія, на частое посѣщеніе ими усть-цылемскихъ раскольницъ. Указываютъ даже на нѣкоторыхъ изъ своего женскаго населенія съ крайнимъ недовольствомъ и презрѣніемъ. Все-таки, попрежнему, въ большіе праздники ходятъ они по роднымъ угощаться чаемъ и обѣдомъ. Тещи подчуютъ зятьевъ своихъ сметаной, намѣчая въ чашкѣ предварительно по три раза крестъ ложкой. По старинному, богачи, снабжая деньгами въ займы своихъ бѣдныхъ единоплеменниковъ, заговаривають у нихъ честное слово не сказывать о томъ никому, на томъ соображеніи, что бѣднякъ знаетъ богатаго, и безъ повѣстки, съ нуждой своей придетъ къ нему. Облѣсившись зеркалами и картинами, выкрасивши полы свои краской и обивъ стѣны московскими обоями, зыряне все-таки бросаютъ куды ни попало скорлупу орѣховъ и сигарные окурки, предпочитаютъ снять съ блюда приглянувшійся жирный кусокъ прямо пальцами, хотя и давно уже высмотрѣно ими и приложено къ дѣлу употребленіе ножей и вилокъ. Попрежнему же, они около Николина дня (6-го декабря)

стояютъ къ селенію своему, оленей; бьютъ ихъ изъ ружей, полагая въ томъ потѣху и истинное свое наслажденіе. Попрежнему и истинному обычаю они привязываютъ къ церковной оградѣ тѣхъ оленей, которыхъ жертвуютъ на увеличеніе церковнаго благодѣпія. Пожертвованные олени, лошади, бараны и телята, при окончаніи службы, продаются церковнымъ старостою желающимъ, а вырученныя деньги поступаютъ въ церковную кружку, или на украшеніе храма, или на пособіе церковникамъ. Богомольный зырянинъ всегда готовъ приставить свѣчу къ домашней иконѣ, хотя бы и не было особеннаго побудительнаго къ тому случая, приговаривая: „Авось, Богъ мнѣ и проститъ какой грѣхъ!“ и всегда готовъ *нарѣзаться* виномъ до омертвѣнія силъ во всякій праздникъ, и даже далеко до обѣдни. Если нѣкоторые въ украшеніи храмовъ зырянами видятъ простое тщеславіе, оправдываемое только слишкомъ дальнею, заискивающею цѣлью, все же въ ижемцахъ, разъ навсегда, должно признать положительную честность, патріархально-соблюдаемую во всѣхъ коммерческихъ предпріятіяхъ. Давши слово, зырянинъ вѣренъ ему до гробовой доски. Этотъ общій слухъ основанъ на множествѣ повсемѣстныхъ фактовъ.

Слѣпая приверженность къ старинѣ, съ другой стороны породила (какъ и естественно) между зырянами ту простодушную простоту, которая, по народному присловью, хуже воровства и, по общимъ законамъ природы, служить на горе и подчасъ на несчастіе самаго простодушнаго простака. Такъ зыряне, любя принять и угостить гостя, сами, въ свою очередь, сильно любятъ угощенія, полагая въ томъ свое благополучіе, и видятъ уваженіе къ своей личности во всякомъ поклонѣ сторонняго человѣка, хотя бы человѣкъ этотъ и дѣлалъ то преднамѣренно, съ заискивающею цѣлію. Тутъ зырянинъ забываетъ все стороннее, всѣ свои выгоды и сдѣлки, и чтитъ гостепріимство какъ гостепріимство, и забываетъ (если только не прощаетъ) долгъ въ 6,000 р. асс. (какъ и сдѣлалъ одинъ изъ ижемцевъ), за то только, что, при первомъ пробужденіи его въ домѣ должника, были ему готовы лошади, чтобы ѣхать на завтракъ, потомъ на обѣдъ и на вечернее угощеніе, всегда обильное, сытное и жирное, и готовъ даже, въ простотѣ сердца, прихвастнуть (вернувшись домой безъ денегъ, но съ подарками) тѣмъ почетомъ, который получилъ онъ отъ толковыхъ и истинно уже хитрыхъ должниковъ своихъ. За то скупъ онъ до крайности и кремнемъ смотритъ на все, что зарыто и заперто въ его большихъ, кованыхъ сундукахъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, ижемскіе зыряне стараго закалу! Они умѣютъ бражничать, умѣютъ и копѣйку зашибать. Однихъ замшевыхъ заводовъ у нихъ насчитывается до 30-ти. Никакою статью произведеній печорскаго края они не брезгаютъ. Птица, рыба, оленьи шкуры, рога, языки, сало оленье и говяжье, масло коровье, песцы, лисицы, куніцы, выдры, моржовая

и мамонтовая кость (рога), пухъ и перья, гагарьи шейки и проч., — все въ рукахъ ижемскихъ зырянъ, этой смѣси коренныхъ зырянъ съ людьми русской крови новгородскаго происхожденія. Съ товаромъ своимъ они вездѣ поспѣваютъ: и на Никольскую ярмарку въ Пинегѣ, и на Маргаритинскую въ Архангельскѣ, и на Евдокіевскую въ Шенкурскѣ, въ Кострому и Галичъ, въ Москву и Нижній. Незвѣстно, что выработаетъ себѣ и чѣмъ займется новое поколѣніе, но пусть оно будетъ также стойко въ данномъ на честь словѣ; пусть будетъ также изворотливо въ коммерческихъ предпріятіяхъ и не гнушается мелочными изъ нихъ сначала, пусть будетъ также патріархально, единодушно и взаимно помогать другъ-другу; меньше пьетъ вина, которое положительно губительно для всякаго неразвитаго человѣка, тѣмъ болѣе полудикаго инородца (самоѣды спились окончательно!) Пожелаемъ наконецъ, чтобы меньше обижали они этихъ самоѣдовъ, т. е. советѣмъ перестали выѣзжать съ бочками хлѣбнаго вина въ тундру.

Впрочемъ, какъ извѣстно, громадное большинство зырянъ не только ижемскихъ, но и всѣхъ остальныхъ печорскихъ — коренные, такъ сказать, природные звѣроловы, уходящіе на промыселъ даже въ зауральскіе лѣса съ бывалымъ вожакомъ и въ артеляхъ человѣкъ до десяти. Берутъ въ лѣсахъ все, что попадется: всякаго звѣря и птицу; но въ барышахъ насчитываютъ больше всего бѣлку или векшу (*sciurus vulgaris*), кочующую несмѣтными стаями по сосновымъ лѣсамъ и кедровымъ рощамъ. Когда она „течетъ“, т. е. обѣщаетъ удовъ, это видятъ зыряне и по урожаю еловыхъ шишекъ и по птицѣ клесту (*loxia curvirostra*: у ней скрещенный клювъ). Эта птица — вожакъ бѣличьихъ артель, а потому, какъ только она появится, зырянскія артели спѣшатъ выбрать своего вожака, и также идутъ въ сосновые лѣса мѣсяца на три. Вожака за почетъ не обременяютъ никакой поклажей: всю ее раскладываютъ по артельнымъ нартамъ. Въ нихъ: сухари, сушеные пироги съ крупой, мука, крупа, сало, а главное — порошокъ, свинецъ и запасныя ружья, — всего на cadaго пудовъ до 12-ти. На лыжахъ и ламбахъ везутъ они на себѣ длинныя легкія нарты по крутымъ спускамъ горъ, по глубокимъ сугробамъ. Для того на нихъ зипуны немного ниже колѣнъ съ мѣховыми рукавами и рукавицами и старыя рваныя малицы на тотъ случай, когда придется перемѣнить бѣлье изъ той пары, которая взята съ собой. Привалы дѣлаются дня черезъ два или три, а здѣсь и ѣда: для себя — любимые блины на салѣ и сушеные пироги, истертые въ кашу, которая зовется „рогожой“ (до такова и съ виду), для собакъ — бѣличье мясо. Съ удачнаго промысла, иной приносить до 500 бѣличьихъ шкурокъ, а хорошій стрѣлокъ, при счастіи, убьетъ въ одинъ день до 20 штукъ.

— Утромъ (говорятъ они), какъ выйдешь инъ — ничего, холодно вато. Ну, а какъ завидѣлъ бѣлку, одну да другую — начнешь поскорѣе ходить, и станетъ жарко, какъ въ огнѣ.

По кряжамъ, т. е. по сортамъ цѣнятся въ торговлѣ бѣличьи шкурки „и дошлая“ (хорошо выцвѣтшая) бѣлка „зырянка“ полагается въ лучшихъ сортахъ и покупается кармолами на пинежской и красно-слободской ярмаркахъ подороже прочихъ сортовъ. Въ „Зырянахъ“ пушистый хвостъ бѣлки опытныхъ стрѣлковъ не обманываетъ. Къ сожалѣнію только необходимо сказать, что за истребленіемъ лѣсовъ и тамъ начали старики опускать головы и поговаривать: „гдѣ куница жила, тамъ теперь и бѣлки не найдешь“.

7. Т у н д р а.

Физическій видъ ея и нравственное значеніе по отношенію къ промысламъ.—Веретби.—Горностаи.—Куница.—Песцы.—Зайцы.—Орудія ловли лѣснаго звѣря: черканы, ставки, приводы.—Пеструшка-мышь.—Дикіе олени и олени домашніе.

Начинаясь у прибрежныхъ песковъ рѣки Мезени и въ дряблыхъ, но еще высокихъ и густыхъ кустарникахъ, обрамляющихъ лѣсистые берега этой рѣки, повыше города Мезени, тундра *, названная по имени этихъ рѣки и города, безпривѣтной пустыней тянется до береговъ дальней Печоры. Слишкомъ тысяча верстъ легла на этомъ безлюдьи и пятьсотъ верстъ прошли отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ начинается безграничная равнина Ледовитаго моря, закованнаго въ гранитные берега до тѣхъ дремучихъ лѣсовъ, которыми обросли южныя половины уѣздовъ Мезенскаго и Пинежскаго, и которые извѣстны подъ именемъ *тайболъ*—нижней и верхней. Начинаясь на сѣверѣ голымъ морскимъ гранитомъ, тундра потянулась къ югу огромнымъ болотомъ со всѣми его характеристическими особенностями: почти сплошнымъ зыбуномъ, мѣстами ржавымъ изъ избытка желѣзныхъ рудъ, мѣстами бѣлымъ отъ огромнаго количества растущаго на немъ ягиля (бѣлаго оленьяго моху). Кое-гдѣ мелькають по зыбуну этому тѣ *черныны* — по туземному, тѣ водные источники — попросту, которые всегда любятъ оставлять себя (по общимъ законамъ природы) цѣлыми рощами деревьевъ, хотя бы даже и скудными и приземистыми, какъ на этотъ разъ. Рѣки эти, рѣченки, ручьи, огромныя озера и простыя *калтусы* (болота покрытая сверху водою) образовались преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тундра—эта черная грязь, на половину съ пескомъ и сгнившими корнями водорослей, насквозь прохваченная обильною

* Мезенская тундра называется *Канинскою* на Каниномъ полуостровѣ, *Тиманскою* между Чешской губой и Печорой и *Большеземельскою* между Печорою и Уральскимъ камнемъ. Тамъ гдѣ болотъ вѣтъ и являются моховыя настибца; тундра называется уже *лаптою* или *гладью*. Таковы въ Тиманской тундрѣ: Малал-Земля и Морская Лапта, въ Большеземельской: Воронова Гладь и Колвинская Лапта.

влажною—не могла держать въ себѣ воду, а тѣмъ болѣе произращать на поверхности своей что-нибудь живое и прозябающее. Тамъ, гдѣ влажная тундра какъ бы истощается въ своихъ силахъ и перестаетъ обильно выдѣлять изъ себя воду, являются кочки, какъ бы остатки старыхъ древесныхъ пней на значительномъ пространствѣ, по лѣтамъ вplotную почти усыпанномъ кустами сочной и крупной морошки, водянистой вороницы и только въ южныхъ частяхъ тундры—малиной. Кочки эти—*веретъи*—единственные почти сухія мѣста по всей тундрѣ, еще способныя держать ногу человѣка и волка, хотя тоже не имѣютъ въ себѣ на столько питательныхъ соковъ, чтобы произращать что-нибудь красивѣе и выше *сланки*—этого уродливаго, колѣнчатого вьющагося плющемъ можжевельника, въ $\frac{1}{4}$ аршина вышиною. На всемъ этомъ пустынномъ пространствѣ, право исключительнаго господства и жизни, принадлежитъ только волку, да оленю, да мелкимъ лѣснымъ звѣрямъ. Человѣкъ здѣсь временный гость, и то по зимамъ.

Лѣтомъ, когда отъ жаркихъ солнечныхъ лучей отойдетъ тундра, растаявъ на $\frac{3}{4}$ аршина въ глубину, и покроется даже кое-гдѣ зеленью, являются цѣлыя облака комаровъ и оводовъ, преимущественно тамъ, гдѣ сверкаетъ на солнцѣ зелень и гдѣ нѣтъ вблизи прохлады, выдѣляемой глубокими озерами и прозрачными рѣками тундры. Съ приближеніемъ мрачной, богатой густыми туманами осени, все это исчезаетъ безъ слѣда. Верхній слой тундряныхъ болотъ, оттаявшій въ лѣтніе мѣсяцы, начинаетъ застывать и въ концѣ января становится сплошною ледяною массою, способною держать на поверхности своей глубокіе, ослѣпительной бѣлизны, снѣга. Одни только самыя жидкія и самыя зыбкія болота не замерзаютъ во всю зиму, продолжая выдѣлять обильныя пары сѣроводороднаго газа. И такихъ много по тундрѣ. Вся она съ января уже скована въ одну плотную ледяную массу, представляя такую же огромную равнину, какъ лѣтомъ, но на этотъ разъ снѣжную и, стало быть, еще болѣе безпривѣтную, болѣе мертвенную, хотя и значительно чаще-посѣщаемую человѣкомъ. Правда, что (почти черезъ всю зиму) въ рѣдкую недѣлю не беспокоятъ снѣга тундры сильныя погоды разнаго рода: *падъ*—пушной, крупный, хлопьями снѣгъ, застилающій свѣтъ Божій; *поносуха*—когда одинъ только вѣтеръ распоряжается уже наметанной падью, готовымъ снѣгомъ, перенося его огромными охапками съ одного мѣста на другое и съ этого на третье, четвертое и т. д. *хивусъ*—исключительная особенность полярныхъ и приморскихъ странъ—та же обильная падъ, но при сильныхъ вѣтрахъ и *заметеляхъ*, когда валитъ снѣгъ сверху и несетъ его съ боковъ и снизу; *рянда*—тотъ же густой снѣгъ, но падающій при теплой погодѣ въ мокромъ состояніи; *чидеш*—весьма мелкіе, но частые дожди при густомъ туманѣ и преимущественно при горныхъ вѣтрахъ, и т. д. За то въ другое время, когда не поднимается

этихъ погодъ и страшные, полярные холода затягиваются надолго, стоятъ недѣлю, другую и больше, невозмущаемые вѣтрами — въ сѣверной сторонѣ неба играютъ красивые, свѣтлые *сполохи* (сѣверныя сіянія). При свѣтѣ ихъ и луны, почти полмѣсяца гуляющей по звѣздному небу, творится иная жизнь, своеобразная, но полная интереса и практическаго значенія для временныхъ посѣтителей тундры. Это время особенно дорого и для самоѣда, изъ вѣковъ хозяина тундры, и для русскихъ, недавнихъ высленцевъ на тѣ мѣста ея, гдѣ прошла рыбная рѣка своимъ устьемъ и гдѣ встрѣчается гранить, къ которому прицѣпляетъ мезенецъ свою утлую избенку.

Въ это время, и особенно въ началѣ зимы, начинается періодическое переселеніе лѣснаго звѣря, какъ говорятъ, изъ странъ зауральскихъ, и значительное передвиженіе тѣхъ лѣсныхъ звѣрей (горныхъ по туземному названію), которые выбрали себѣ тундру мѣстомъ постоянного пребыванія. Огромными вереницами въ тѣсныхъ рядахъ, бѣгутъ, подъ предводительствомъ своего королька, горностаи (*mustella erminea*)—эти своего рода по кровожадности крысы, превратившіяся изъ бuraго лѣтяго въ поразительно бѣлаго и уродливо-длиннаго звѣрка, съ чернымъ, мягко-пушистымъ хвостикомъ. Въ различныхъ, бесконечно прихотливыхъ изгибахъ и полосахъ по снѣжной тундрѣ намѣчаютъ они слѣды своими круглыми лапками, заостренными крошечными пятью ноготками. Бѣгутъ они, серебрясь на солнышкѣ шкурками, въ прямомъ направленіи на сѣверъ, гдѣ предполагаютъ найти себѣ любимую свою мясную и рыбную пищу въ остаткахъ отъ трапезы блудливаго волка, жадной лисицы и зловѣщаго ворона. Обезнадеженные скудостью пищи въ придорожныхъ мѣстахъ Вольшеземельской тундры, горностаи разбиваютъ огромную массу свою: по Мезенской тундрѣ они уже разсыпаются отдѣльными, небольшими отрядами и все-таки бѣгутъ подъ предводительствомъ одного вожака, опытнаго и надѣленнаго отъ природы большимъ инстинктомъ. Посчастливить имъ судьба—они, съ первыми признаками весны, поспѣшатъ возвратиться опять на старыя мѣста: измѣнять вожаку его инстинктъ и опытность—они дѣлаются добычею *настѣй*. Всегда голодные, всегда бѣгающіе по тундрѣ для пріисканія пищи, горностаи охотно хватаютъ всякій кусочекъ рыбы и мяса, хоть бы кусочки эти и были приманкой, положенной на *насторожку* (дощечку) *кулемки* (особаго снаряда съ такимъ механизмомъ, что насторожка соединяется съ другой дощечкой—гнетомъ). Наступить вожакъ на насторожку, чтобы достать кусочекъ, верхній гнетъ опускается и тяжестью своей придавливаетъ головку звѣрка. Всѣ другіе изъ ватаги горностаевъ, безъ предводителя, нѣкоторое время бѣгутъ кучей и потомъ разсыпаются въ одиночку, когда уже легче гибнуть они или отъ тѣхъ же *кулемокъ*, которыхъ такое несмѣтное количество привязано къ лѣсинкамъ по всѣмъ

тундрамъ (и собственно Мезенской и Тиманской, и Канинской) или дѣлаются добычею кровожадной лисицы.

Одновременно съ горностаями является въ тундрѣ и рѣдкая гостя—куница (*mustella martes* лѣсная желтодушка, лучший сортъ). Вырывая себѣ нору, звѣрецъ лежитъ тамъ, *уркаетъ* (говоря мѣстнымъ выраженіемъ) и какъ будто выжидаетъ чуткой собаки, которая указала бы хозяину это мѣсто. Приходитъ звѣропромышленникъ, сгребаетъ снѣгъ съ указаннаго собакой мѣста, прислушивается къ урканью и затѣмъ начинаетъ стучать, выпугивать звѣря изъ норы. Куница выскакиваетъ, но немедленно же попадаетъ въ сѣти, заранее разставленные кругомъ роковой норы ея. Не то бываетъ съ песцами—абригенами тундры, въ огромномъ количествѣ населяющими ее и составляющими главный предметъ звѣриныхъ промысловъ.

Песецъ, (*psitt*, по-туземному выговору), какъ бы выродившаяся собака, (*canis lagopus*) ледовитая лиса, съ сиповатымъ, густымъ голосомъ, похожъ на лисицу: съ такимъ же пушистымъ хвостомъ, но съ болѣе тупымъ рыломъ и съ меньшими и кругловатыми ушами, чѣмъ у послѣдней. Вырывая себѣ норы со множествомъ выходовъ, песцы, называемые „вешняками“, въ апрѣлѣ уходятъ туда щениться и теряютъ въ это время всю свою бѣлую шерсть. Щенки ихъ, называемые „копанцами“, въ апрѣлѣ „норниками“, потомъ въ іюнѣ подрастаютъ, хотя еще отецъ и мать ихъ остаются попрежнему безобразно голыми. Въ августѣ являются и отецъ, и мать, и сами щенки-норники уже „крестоватиками“, въ августѣ съ сѣрой спиной, пересѣченной крестообразно сѣрыми же полосами на загривкѣ, идущими надъ лопатки. Въ октябрѣ, на короткое время, крестоватики превращаются въ *юлубцовъ*—*чалковъ* одноцвѣтно-сѣрыхъ (дымчатыхъ) въ октябрѣ; затѣмъ въ ноябрѣ называются „недопесокъ—впробѣль“, и только около Николина дня (въ декабрѣ мѣсяцѣ) являются они настоящими песцами (*рѣдлопесцами*) съ совершенно уже бѣлою шерстью на всю зиму. До того песецъ все еще былъ „недопесокъ“, не дошлый, не поспѣлый, „нѣдолись“. Голубые песцы вообще рѣдкость въ природѣ и потому особенно дороги; въ Мезенской тундрѣ они не попадаютъ, а живутъ почти исключительно на Новой-Землѣ, равно какъ и на Колгуевѣ; относятся и бѣлые песцы на льдахъ, на которые они набѣгаютъ. Голубые песцы подвержены тѣмъ же измѣненіямъ въ шерсти, съ тою только разницею, что они голубѣютъ по всѣмъ частямъ тѣла, когда спина еще остается сѣрою. Академикъ Лепехинъ, разбирая сходство песца съ лисицей, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „я держалъ песца съ лисицами въ одномъ амбарѣ; лисицы между собою вязались; напротивъ того, съ песцомъ никакого союза примѣтить не могъ“.

Сверкая на солнышкѣ бѣлой шерсткой и рѣзко отливая ее отъ оркестнаго снѣга, бойко бѣжитъ песецъ за добычей одинъ, рѣдко

ѣдвоємъ; пушистый хвостъ его замечаетъ слѣдъ. На всемъ пути не попалось ему ни одной кулемки, ни одной западни: видно, добѣжать ему до озера и вытащить оттуда рыбу на лапкѣ. Видно и опять ему придется бѣжать тѣмъ же путемъ не одинъ разъ впередъ и обратно. Поднявши голову, песецъ продолжаетъ бѣжать все впередъ. Повертывая по-временамъ головой и обнюхивая окрестный воздухъ, звѣрекъ настораживаетъ круглыя свои уши, дрожитъ весь и вдругъ припадаетъ къ снѣгу. Видно, донесла струя воздуха до чуткаго носа его незнакомый, враждебный запахъ человѣка. Зоркіе глаза его тоже не обманываютъ: изъ лѣсу показался мезенецъ верхомъ на лошади и съ ружьемъ. Звѣрекъ не вѣритъ близости несчастія, не возвращается назадъ, а, приподнявшись, продолжаетъ бѣжать прежнимъ путемъ все впередъ, попрежнему сверкая на солнышкѣ серебристой, соблазнительной шкуркой. Человѣкъ, между-тѣмъ, зная обычаи звѣрка, старается его *облукать*: всякій разъ, когда бѣгущій звѣрекъ оглянется, онъ повертываетъ лошадь въ сторону и какъ-будто ѣдетъ мимо. Звѣрекъ простодушно вѣритъ человѣку, начинаетъ бѣжать замѣтно тише, какъ бы старается отдохнуть и, наконецъ, совсѣмъ припадаетъ на снѣгъ и не встаетъ во все время, пока врагъ его дѣлаетъ на лошади круги все больше и больше, все ближе и ближе, на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Песецъ продолжаетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, зорко выслѣживая за кругами лошади, не сводя своихъ черненькихъ глазъ съ роковаго мѣста, и, наконецъ, окончательно, прикурнетъ головкой въ снѣгъ, закроетъ мордочку своими лапками, когда запримѣтитъ ружейное дуло: какъ будто потерявшись окончательно въ надеждахъ, онъ не находитъ иного спасенія и другаго исходу. Пуля, пускаемая всегда вѣрною и опытною рукою, попадаетъ прямо въ голову и подкидываетъ звѣрка въ предсмертныхъ судорогахъ на мѣстѣ и перебрасываетъ съ одной стороны на другую. Неподвижно распускается тогда его пушистый хвостъ по снѣгу, обогрѣнному теплой, красной кровью.

Здѣсь песецъ въ явной и почти ровной борьбѣ съ человѣкомъ, который, въ тоже время, живится на его счетъ и другими путями, по большей части въ тѣхъ случаяхъ, когда звѣрь еще не вытравленъ изъ норы. Обыкновенно, услышавши тоже урканье, приставляютъ къ норкѣ капканы—желѣзные западни, въ которыхъ звѣрь ломаетъ лапу, но уже не вытаскиваетъ ее назадъ; также ставятся *черканы*—доска съ дырой, въ которую могъ бы пролѣзть песецъ; по бокамъ дыры—*захабы* (планки), сдѣланные для того, чтобы въ нихъ входила лопатка. Къ лопаткѣ этой придѣлывается тетива отъ *кръневаго* (деревяннаго) лука, помѣщаемого обыкновенно внизу доски или собственно черкана. Звѣрь, выходя изъ норы, обыкновенно долженъ просунуть голову въ отверстіе черкана и въ тоже время наступаетъ на лукъ,

который спускает тетиву, а затѣмъ и прикрѣпленную къ нему лопатку на отверстіе: такимъ образомъ лопатка эта придавливаетъ шею, середину туловища, задъ звѣря. Черканы теперь оставляютъ, замѣняя ихъ по большей части капканами, на томъ основаніи, какъ говорятъ поморы, „что иные-де черканы по недѣлѣ живутъ, а звѣрь лукавитъ, не лѣзетъ: хитерь сталъ, хотъ и смѣлъ отъ природы“. Разъ облукавленный и уцѣлѣвшій, звѣрь охочь поддаваться ловушкамъ. Въ черканахъ песцамъ сжимается голова, или схватывается середина туловища. Наконецъ ставятъ *кулемки*—бревно на двухъ кольяхъ, падающее и давящее съ тою разницею, что песцовыя дѣлаются ящикомъ, чтобы сохранить попавшагося звѣря отъ его же собрата — песка, который можетъ придти сюда и съѣсть несчастнаго безъ дальнихъ опасеній.

Зайцевъ, которыхъ такъ много по тундрѣ, ловятъ обыкновенно на петлю, сдѣланную изъ бѣлыхъ, тонкихъ, но крѣпкихъ нитокъ. Петлю эту вѣшаютъ на приподнятый очапъ и наставляютъ его на тропѣ, которую прокладываютъ зайцы. Днемъ звѣрь убѣгаетъ назадъ, при видѣ петли; за то ночью всегда попадаетъ въ нее. При этомъ очапъ поднимается вмѣстѣ съ зайцемъ и такимъ образомъ давить его до смерти. Случается, конечно, нерѣдко, что иные зайцы срываются и убѣгаютъ вмѣстѣ съ гнилой петлей.

Тѣми же снарядами, какъ песцовъ, ловятъ и лисицъ (*canis vulpes* она же и „хвостунья“), которые тоже выкапываютъ себѣ норы и съ тою же цѣлю, чтобы кидать тамъ щенятъ. Лисица мечетъ ихъ обыкновенно слѣпыми и уходитъ изъ норы за пищей, оставляя щенятъ своихъ на произволъ судьбы. Большею частію удѣлъ ихъ таковъ: позднюю весною отыскиваютъ эти норы промышленники, по чутью собакъ или по личнымъ примѣтамъ; нору разламываютъ шестами, или затыкая палками всѣ отверстія ея, выкуриваютъ потомъ дымомъ сначала самокъ-матерей, и крючьями уже вытаскиваютъ потомъ самыхъ щенятъ, лисьихъ или песцовыхъ. Способъ выкуриванья особенно вреденъ потому, какъ извѣстно, что ни песецъ, ни лисица въ окуренную нору раньше десяти лѣтъ не вернутся—обстоятельство, заставляющее ихъ уходить дальше изъ Мезенской тундры.

Вытащеннымъ щенятамъ (иногда штукъ по 12 изъ одной норы) надламываютъ одну ногу и воспитываютъ ихъ потомъ въ избахъ, сначала на молокѣ, потомъ на кускахъ оленьяго мяса или рыбы. Нерѣдко они околѣваютъ отъ чаду и духоты; нерѣдко перегрызаютъ другъ другу горло, чтобы освободиться изъ плѣна: нерѣдко убѣгаютъ, и съ переломленной ногой, въ лѣсъ, улучивъ первый благопріятствующій случай. Большею частію доживаютъ они до той поры, когда хозяину придетъ пора пустить ихъ въ дѣло (обыкновенно въ октябрѣ). Тогда, строго наблюдавшій за ними до той поры хозяинъ, обыкновенно

наступает ногой на сердце каждой лисицы поочередно и имѣетъ затѣмъ непопорченную, мягкую *пушину*, которую легко можетъ сбыть за хорошую цѣну, на пинежской ярмаркѣ, галицкимъ купцамъ. Любя въ полдень лежать въ норѣ, лисица охотника бѣгать по снѣгу въ лунную ночь и тогда обыкновенно выслѣживается охотниками на лыжахъ. Мягко еще оставленный звѣремъ слѣдъ—онъ недалеко: пробираясь отъ лѣсинки къ лѣсинкѣ, осторожно ступая, лисица не любитъ бѣгать скоро, особенно если и охотникъ у ней *подъ вѣтромъ*, т. е. не доносится до ея чутья его вражій запахъ. Лисица тогда подпускаетъ охотника къ себѣ на ружейный выстрѣлъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ охотники прибѣгаютъ къ хитрости: они пищатъ по мышинному, легко ворочаютъ звѣря назадъ, и такимъ образомъ заманиваютъ его на вѣрную гибель.

Неизбѣгающая отъ ружейнаго выстрѣла, изрѣдка попадающаяся въ капканъ, лисица трудно дается и на отраву и на *ставки*. *Ставка*—огромное полѣно, въ которое врѣзываются два ствола ружейныхъ (дулами врозь) такимъ образомъ, что имѣютъ одинъ кремневый курокъ. Курокъ этотъ при насторожкѣ приподнимается и слегка удерживается на пружинкѣ, къ которой привязана веревочка. Малѣйшее поддегиванье веревочки спускаетъ курокъ. Къ веревочкѣ этой, проведенной на сторону, противъ дулъ, иногда сажень на 5 длиною, привязываютъ наживку: кусочекъ сала, мяса, и проч. обыкновенно на оленьей косточкѣ. Ставка эта зарывается въ снѣгъ; дула отъ сырости накрываются тряпкой. Звѣрь хватается наживку, дергаетъ веревочку и, спустивши курокъ, такимъ образомъ самъ вонзаетъ въ себя пулю изъ котораго нибудь дула (въ медвѣдя и волка попадаютъ обѣ). Не всякій звѣрь пропадаетъ отъ ставки, какъ увѣряли меня многіе, особенно хитритъ въ этомъ плутоватая лисица: она часто оберетъ всѣ разбросанные кусочки, которыми замаскировываютъ главный кусокъ наживки, и ни въ какомъ случаѣ до нее не дотронется. Часто находятъ курокъ спущеннымъ, оба дула безъ зарядовъ, но не видятъ убитаго звѣря. И тутъ плутни лисицы: она выгребетъ осторожно глубокую яму подлѣ наживки, ложится въ яму возможно уютнѣе, срываетъ лапкой роковой кусокъ и стрѣляетъ изъ ставки поверхъ себя, на вѣтеръ. Но охотникъ и это предусмотрѣлъ, и въ этомъ случаѣ является побѣдителемъ: онъ кругомъ наживки разматываетъ и привязываетъ къ ней *подъ снѣгомъ сѣтки*, какія плетутъ для птицъ-куроптелей. Лисица путается въ нихъ и дѣлается уже добычей съ цѣльной шкурой. Извѣстна также хитрость лисицы въ этомъ случаѣ, когда она прячетъ, замаскировываетъ свои слѣды слѣдами, заранѣе проложенными зайцемъ, какъ уже окончательно безопасными. Но и здѣсь звѣроловъ не дается въ обманъ: онъ осторожно и терпѣливо поднимаетъ снѣгъ, подкладываетъ туда капканъ и немилосердно сердится и бранится потомъ, если въ

капканъ этотъ попадаетъ не лисица, а другой заяцъ. На ставку также охотно идетъ и безтолковая росомаха, но ее, какъ и бѣлокъ, стрѣляютъ больше изъ пищалей и дробовокъ. Всѣ эти способы исключительно пригодны для однихъ волковъ. Медвѣдь гнушается и не признаетъ ни одной изъ ловушекъ: съ легкостью щепы ломаетъ онъ всѣ кулемки, капканы, ставки, черканы, — идетъ только на ружье — на очную, благородную ставку и на не всегда вѣрную погибель. Волкъ — изъ вѣковъ хищный, вѣчно голодный, вѣчно бродящій попарно и въ стаяхъ, всегда хитрый и предусмотрительный, съ неизбѣжнымъ своимъ раздражающимъ душу воємъ, всегдашній непріятель смиренныхъ и беззащитныхъ — и здѣсь, въ тундрѣ, является врагомъ и ненавистнымъ страшилищемъ для оленей. Стада волковъ этихъ вырѣзаютъ иногда довольно значительные косяки въ оленьихъ стадахъ, иногда истребляя за одну ночь все достояніе какого-нибудь бѣдняка-самоѣда. Носясь по тундрѣ широкими прыжками (большею частію въ небольшихъ стаяхъ), волки нападаютъ на оленя сзади, прогрызаютъ ему горло и потомъ съѣдаютъ его всего, оставляя одни только кости. Не находя оленей по пути, или напуганный выстрѣлами бдительнаго сторожа ихъ самоѣда, волкъ охотно хватается отраву.

Отрава — или по туземному — *привада*, состоитъ обыкновенно изъ сулемы или цилибухи, растертой на терпугъ. Цилибуха смѣшивается съ оленьимъ мясомъ, нарубленнымъ кусками, или съ кусками ворваннаго сала, съ цѣлю отшибить характеристическій запахъ растенія. При намазываніи приманки соблюдаютъ непремѣннымъ условіемъ то, чтобы она была покрыта именно тѣмъ веществомъ, которое любятъ звѣри въ тотъ годъ. По понятію и примѣтамъ звѣролововъ, тундрные звѣри въ одинъ годъ предпочитаютъ ворвань, въ другой любятъ рыбу, въ третій мясо, падаль и т. д. Замѣчаютъ также, что отрава изъ цилибухи исключительно дѣйствуетъ только на тѣхъ животныхъ, которыя родятся слѣпыми. Приманка въ формѣ колобковъ (счетомъ штукъ до сорока) складывается въ оленью брюшину и, завязанное оленьими же жилами и замороженное, зарывается въ снѣгъ, гдѣ-нибудь у кустарника, къ которому отраву эту и привязываютъ веревкой. При этомъ замѣчаютъ, что за отраву хватаются болѣею частію молодые волки и околѣваютъ потомъ не дальше ста саженъ отъ роковаго мѣста. Старые волки не только не ѣдятъ ее, но даже предостерегаютъ и молодыхъ, почасту ложась на то мѣсто (хитрая лисица объѣдаетъ отраву эту только съ верху и тотчасъ же отбѣгаетъ, помахивая головой и фыркая). За то старые волки дѣлаются добычей другой приманки-сулемы, обернутой обыкновенно въ воскъ, которому даютъ, по старому обыкновению, форму боченочка и которой намазываютъ по поверхности кровью, ворваннымъ саломъ, опять-таки для того же, чтобы удалить недавнее присутствіе человѣческой руки на

этомъ мѣстѣ. Иногда — и то самые смѣлые изъ охотниковъ — прибѣгаютъ къ болѣе простому средству истребленія волковъ. Выбравши то время, когда вѣтеръ несетъ къ лѣсу, промышленники бросаютъ эти привады (обыкновенно въ этомъ случаѣ падалъ) около своихъ избенокъ-караулокъ и съ заряженными ружьями ждутъ появленія звѣрей. Сначала являются лисицы: эти ѣдятъ и дерутся, перехватывая другъ у друга куски изъ лапъ и даже прямо изъ зубовъ. Немедленно приходятъ волки: эти ѣдятъ жадно, но ѣдятъ дружелюбнѣе лисицъ. Иногда на подобнаго рода приманку приходитъ столько звѣрей, что количество убитыхъ въ одинъ вечеръ награждаетъ охотниковъ за половину зимняго промысла, требующаго, во всякомъ случаѣ, огромнаго терпѣнія, не безъ крайняго, конечно, умѣнья и ловкой предусмотрительности. Любой изъ тундряныхъ звѣрей не легко дается въ руки: тотъ же волкъ, который любитъ *жировать* (жить) въ норѣ, какъ песцы, лисицы и куницы, строго блюдетъ за своей норой и ни-за-что не заявитъ этого мѣста врагу-человѣку. Если оленье стадо случайно подойдетъ къ его берлогу, волкъ не спрячется въ нее, а спокойно отойдетъ въ сторону и уйдетъ, пожалуй, далеко оттуда къ другому стаду и тамъ начнетъ промыслять все-таки для того же, чтобы не узнали норы его.

Въ нѣкоторые годы всѣ эти звѣри: горностаи, песцы, лисицы и даже волки *текутъ за пестрою и бѣлою мышью-пеструшкой*. Эти сѣровато-желтыя съ пятнами животныя отличаются отъ мышей — полевокъ длинными когтями и короткими формами, круглой головой, расщепленнымъ до носа рыломъ, скрытыми въ густой шерсти ушами. Маленькіе глаза смотрятъ пронзительно и злобно: имъ, какъ жертвамъ, нужна осторожность и умѣнье высмотрѣть прележащіе пути, хотя бы онѣ и ходили громадными толпами, которыя при движеніи мышей этихъ кажутся безпредѣльными. Тогда все нипочемъ: ни озера, ни рѣки (пловцы онѣ замѣчательные), ни горы, ни пропасти (акробаты онѣ цѣпкіе), безбоязненно проходятъ онѣ и селеніями и городами, равнодушно подставляя жертвы и подъ лошадиныя копыта, и на клювъ хищной птицы и на крѣпкіе зубы куніцъ и лисицъ. Внезапно появляются опустошительные набѣги этой самой плодovитой и самой вредной изъ мышей, и также внезапно же исчезаютъ. Тундра архангельская на время пустѣетъ и постоянные ея пушные жители начинаютъ голодать, до новыхъ переселеній. Переселенія эти, случающіяся обыкновенно разъ въ четыре года и всегда всѣмъ почти количествомъ наличнаго звѣря опустошаютъ, однако, тундру на время. Черезъ два-три мѣсяца она снова наполняется вновь прибѣгающими звѣрями, а нерѣдко и старыми, вернувшимися, и снова манитъ звѣролововъ на промыселъ и на вѣрный и богатый барышъ.

Когда-то по тундрѣ водились огромныя стада дикихъ оленей, на-дѣленныхъ отъ природы способностью никогда не дѣлаться ручными

и домашними, и отличающихся отъ послѣднихъ только болѣе быстрымъ бѣгомъ и прирожденною ненавистью къ нимъ. Теперь большая часть стада дикихъ оленей ушла въ самыя глухія, безлюдныя мѣста, каковы окрестности сѣверной оконечности Уральскаго Камня, даль Канинскаго полуострова, острова Вайгачъ, Колгуевъ и Новая-Земля. Тамъ они уже безопасно могутъ прыгать по дѣвственнымъ гранитнымъ скаламъ, не боясь, что самоѣдь пришлетъ къ ихъ дикому стаду, какъ бывало, домашнего оленя, съ напутанными на рога петлями и веревками, съ которымъ бы имъ привелось драться, запутаться рогами въ веревкахъ и, стало-быть, поддаться хитрости и погибнуть. Теперь, тундра сдѣлалась почти исключительнымъ, необходимымъ и единственнымъ въ то же время мѣстомъ жительства для домашнихъ оленей, большая часть стада которыхъ принадлежитъ ижемскимъ зырянамъ, потомъ жителямъ Пустозерской волости, мезенцамъ, меньшая усть-цылѣмамъ, и самая малая, сравнительно ничтожная, самимъ самоѣдамъ (имѣющимъ, впрочемъ, вѣковѣчныя права на исключительное обладаніе тундрой).

Безполезная по виду и ничтожная сама по себѣ, растительность тундряныхъ болотъ — ягель, или проще — бѣлый оленій мохъ (*Lichm gangiferinus*) одинъ и исключительно обуславливаетъ всю важность значенія тундры для этихъ небольшихъ животныхъ, съ тонкими, короткими ногами, съ хвостомъ, находящимся въ зачаточномъ состояніи, съ вѣтвистыми рогами — именно этихъ красивыхъ оленей, которыхъ причисляютъ обыкновенно къ породѣ лапландскихъ. Ни одно животное, какъ давно и положительно извѣстно, не приноситъ столько существенной пользы и не служитъ большимъ подспорьемъ въ жизни сѣверныхъ людей, какъ это, и ни одно, въ то же время, не нуждается на столько мало въ личныхъ услугахъ и уходѣ за нимъ чловѣка какъ олень самоѣдской и лапландской тундры (*cervus tarandus*). Олени представляютъ одну изъ самыхъ прекрасныхъ породъ, не только между жвачными, но и вообще между млекопитающими: въ нихъ стройныя формы соединены съ силой. Тонкія ноги жилисты и приспособлены къ продолжительному бѣгу и къ добыванію пищи изъ-подъ оледѣвѣлаго снѣга. Туловище обладаетъ превосходными качествами для упряжи. Это приземистое тѣло, укрѣпленное на коренастыхъ ногахъ уподобляется верблюду полярныхъ странъ. Не замѣчательный ростомъ и легкостью формъ этотъ верблюдъ арктическихъ странъ также быстро бѣгаетъ по снѣгу, какъ тотъ по пескамъ, шелкая звучно при каждомъ шагѣ широкими копытами, которыя раздвигаются. Темная густая шерсть на шеѣ, образующая гриву характеризуетъ его, какъ обитателя, снѣжныхъ и морозныхъ странъ. Звучной побѣжкой рысцей бѣжитъ онъ по снѣжнымъ равнинамъ тундры, какъ молнія мчится по крутымъ склонамъ: быстрота его вообще изумительна, но онъ скоро устаетъ.

Человѣку онъ не обязанъ положительно ничѣмъ: такъ же свободно и на вольномъ просторѣ родится онъ, черезъ 40 недѣль по зачатіи, теленкомъ, гдѣ-нибудь на лѣсной окраинѣ и когда весенній снѣгъ начнетъ таять, и также съ первыхъ же недѣль по рожденіи (обыкновенно на четвертой), вмѣстѣ съ молокомъ матери, становится необходимымъ для него лакомый мохъ-ягель. Три, впрочемъ, первыхъ дня новорожденный неповоротливъ, но черезъ недѣлю уже такъ быстръ на бѣгу, что поймать его невозможно. Мать всегда при немъ и крикомъ, топаньемъ передними ногами предупреждаетъ его о близости врага; ея „пыжикъ“ тотчасъ припадаетъ къ травѣ или заваливается за высокія тундряныя кочки. Родись теленокъ раньше весны, ему не прошибить молодымъ и еще не сильнымъ копытомъ того толстаго слоя льда, который хранитъ подъ собой этотъ мохъ; но природа идетъ за него: тающій снѣгъ оголяетъ мхи, и олень-темнокъ легко черезъ лѣто, дѣлается *пыжикомъ*; черезъ полгода—неблюемъ; потомъ, черезъ годъ — *хорой*, если онъ самецъ, и *сырицей*, если самка. Отелившаяся, въ свою очередь, сырица начинаетъ быть *сѣженкой*, а самецъ—хора—*лешакомъ* (отъ лонской, прошлогодній, т. е. переогодовалый). Такъ же точно: какъ кладеной лоншакъ зовется послѣ того *быкомъ* и употребляется для ѣзды, *вѣженка*, лишенная отъ природы способности телиться, зовется *хѣпторка* и *яловая*, если она и рожала, да годъ послѣ того *не обходится* *. Лѣтомъ (въ іюнѣ и іюлѣ) взрослые олени обыкновенно линяютъ и дѣлаются къ осени или сѣрыми, или бѣлыми, или коричневыми. Въ августѣ они скоблятъ свои рога, въ октябрѣ ихъ сшибаютъ и остаются комолыми во всю зиму до весны, когда опять нарастаютъ рога, въ видѣ сосудистаго нароста, покрытаго множествомъ бородавокъ, который цѣломъ припухаетъ и вздувается, вслѣдствіе отложенія внутри костянаго начала, выходящаго въ видѣ роговъ, покрытыхъ кожей, нѣжной, очень раздражительной и наполненной кровью. (Сосудистый наростъ этотъ нѣкоторые считаютъ тонкимъ гастрономическимъ кушаньемъ). Олень скучаетъ во все это время: укрывается въ тѣни и влагѣ, понижаетъ голову, боясь ежеминутно разбередить свои новые рога. Черезъ девять недѣль по рожденіи, рога молодого оленя окончательно готовы, кожаца остается еще на нихъ, но обтирается потомъ животными о деревья. Рога эти у молодыхъ бываютъ бѣлые, у оленей средняго возраста — бурые, а у стариковъ—совершенно черные; на третій годъ у оленя на рогахъ шесть концовъ, на четвертый — восемь (по четыре на каждомъ), на пятый десять, и т. д.

Робкіе по виду, терпѣливые до послѣдней степени, олени, сильно свыкшіеся съ холодами полярной страны, въ короткое лѣто, на три

* Уродливость рожденія теленка отъ теленка называется *неудый*.

только мѣсяца посѣщающіе тундру, терпятъ муки, равняющіяся тремъ годамъ возможныхъ для нихъ страданій: будь эта поѣздка аргишомъ съ кладью, съ сѣдоками, долгія ожиданія хозяевъ гдѣ-нибудь у дверей сельскаго кабака, безъ пищи иногда по цѣлымъ суткамъ; будь это, наконецъ, даже зимнія пурги, силою своею сшибающія оленей съ ногъ и слѣпящія имъ глаза—все это ничего передъ тѣми страданіями, которыя испытываютъ олени по лѣтамъ. Миріады комаровъ, покрывающихъ въ то время тундру, оводы особой породы (*oestrus tarandi*), проѣдающіе кожу животнаго и оставляющіе подъ нею свои яички, которыя превращаются потомъ и тамъ же въ насѣкомое, заставляють оленей съ храпомъ бѣгать кругами, до истощенія силъ, или спастись въ ближнихъ рѣкахъ или озерахъ, которыя онъ легко переплываетъ. Олень заходитъ туда по самую шею и стоитъ тутъ иногда по цѣлымъ суткамъ и—это единственное спасеніе ихъ. Человѣку-хозяину опять-таки рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до того: пусть ноютъ и гноятся у оленей копыта послѣ гололедицы, — бьетъ въ голову, когда, она, послѣ вымочившихъ ее дождей, замерзаетъ отъ мгновенно-закрутившихся холодовъ; пусть прибѣгаютъ и рѣжутъ олени стада волки—человѣкъ-сторожъ покрутитъ головой, опять пересчитаетъ стадо, опять не досчитается, но помочь ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ. Съ этими обоими врагами олень старается расправиться самъ. Медвѣдя онъ бодаетъ рогами, волка бьетъ копытомъ такъ, что тотъ падаетъ оглушеннымъ; но совершенно безсиленъ съ оводомъ. Этотъ кладетъ на спину яйцо, изъ котораго выползаетъ личинка, виѣдряющаяся въ шкуру. Здѣсь олень питаетъ ее, претерпѣвая ужасныя муки затѣмъ, чтобы на свою же голову воспитать куколку, изъ которой снова вылетаетъ молодой врагъ на все будущее лѣто. Здѣсь для него человѣкъ не только бесполезенъ, но и совершенно безсиленъ. Виновать онъ въ другомъ: не выдумалъ мѣръ устранять ту повсемѣстную распространенность повальныхъ болѣзней всякаго рода и особенно сибирской язвы, которая, проходя изъ конца въ конецъ тундры, словно вихремъ, валитъ съ ногъ всѣ стада олени, и уже не поднимаетъ ихъ вовѣки. Цѣлыми десятками лѣтъ готовится потомъ новое населеніе для тундры, чрезъ пятнадцать лѣтъ достигающее только половиннаго количества противъ прежняго, несмотря на то, что олени замѣчательно плодовиты. Когда-то, богачемъ между хозяевами оленьихъ стадъ считался тотъ, у котораго было 6—5—4 тысячи оленей,—теперь, послѣ послѣдняго сильнаго падежа, самый богатый ижемецъ имѣетъ ихъ только 2,000 и самый бѣдный самоѣдъ-оленоводъ только 10 штукъ, имѣвъ прежде до 80 штукъ. Каждый битый олень, со шкурою и мясомъ, въ продажѣ круглымъ счетомъ стоилъ до 6 руб. сер. Промышленные ижемцы продають отдѣльно: вкусные жирные языки (по 20 коп. сер. пара), рога (по 30 коп. пудъ), сало въ нетоплен-

номъ видѣ (по 2 руб. 50 коп. пудъ), постели—шкуры животнаго, замшею, въ выдѣланномъ видѣ (отъ 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 20 коп. за штуку) и въ сыромъ видѣ (по 25—40 коп. за шкуру), *кабусину*—шкуру съ ногъ, идущую на рукавицы, продаютъ также особо, равно какъ шерсть оленю, выстриженную въ пушномъ состояніи и мясо въ мерзломъ видѣ (отъ 75—80 коп. за пудъ). Мягкія шкурки пыжиковъ идутъ на шапки, шестимѣсячныхъ неблюевъ на малицы (и это самыя прочныя и потому дорогія—до 15 руб. сер. штука). Малицы же изъ постелей взрослыхъ оленей отъ 3 руб. сер. не восходятъ выше 10 р. за штуку (та же цѣна и совикамъ).

Съ судьбами этихъ животныхъ, какъ извѣстно, издавна уже тѣсными и неразрывными связями соединена судьба цѣлаго племени, теперь значительно уменьшившагося въ численности своей, но все еще младенчествуящаго въ патріархальной грубости нравовъ—это.

8. Самоѣды.

При этомъ имени, какъ живая, передъ глазами возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицомъ, обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣденькой бороденкой, плохо выросшей, сверху черными волосами, торчащими копной. При входѣ въ дверь моей комнаты, онъ обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку—пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными, по мѣстамъ, разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Тяжело приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ ѣхатъ, ну!..

Онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной—истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучшій образчикъ самоѣдскаго облика.

— Водки хочешь? спросилъ я его.

— Ладно!

Самоѣдъ, при этомъ словѣ, покрутивши плечами и засучивъ рукава, сдѣлалъ три шага впередъ.

Онъ выпилъ. Я предложилъ ему закусить тарелку съ семгой, но самоѣдинъ презрительно махнулъ рукой, отвернулся и обтерся потомъ подоломъ своей малицы. Чтобы не заставить его дожидаться меня на морозѣ, крѣпко закрутившемъ въ то утро, я предложилъ ему первую попавшуюся подъ руку сигару. Самоѣдинъ, откусивши поря-

дочный кусокъ, спряталъ его за щеку, а остальную половину сигары утащилъ въ рукавъ. Я остановилъ его совѣтомъ:

— Курить это надо. Не ѣшь—скверно!

— Сожру, хорошъ... порато.

— Ёдятъ, вѣдь, ёдятъ, ваше благородье! Ты его не замай!—объясняятъ откуда ни взявшійся хозяинъ, который покровительственно похлопалъ самоѣда, при этихъ словахъ, по головѣ и потомъ продолжалъ:

— Имъ этотъ табакъ пуще водки. Привозимъ же мы имъ въ чумы-то дергачу этого; за ручную горсть песка отдаютъ.

— Ты смотри, Васька, надѣвай шапку-то, — сегодня шибко холодно: за языкъ хватаетъ!..

Замѣчаніе это относилось къ самоѣду, и ко мнѣ другое:

— Завсегда безъ шапки: какой ни жги ихъ морозъ, развѣ ужъ когда вѣтромъ крѣпко шибать станетъ, надѣваютъ ее.

— Крестивой ты?—спросилъ я самоѣда.

Вмѣсто отвѣта, самоѣдъ запустилъ руку подъ малицу и съ большимъ трудомъ просунулъ изъ-подъ бороденки и воротника малицы мѣдный надломленный крестъ. Словесный отвѣтъ за него держалъ опять-таки хозяинъ, все съ тѣмъ же покровительственнымъ тономъ:

— Крестивые они, всѣ крестивые: любого спроси—крестъ покажетъ, а чтобы эта вѣра...

Хозяинъ, не кончивъ рѣчи и покрутивъ головой, обратился къ самоѣдину:

— Ты, Васька, ступай къ оленямъ: не запутались-бы. Начальникъ сейчасъ выйдетъ!

— Вѣры этой нѣтъ у нихъ,—продолжалъ онъ вполголоса, послѣ того, какъ самоѣдъ захлопнулъ за собою дверь: — вонъ ихній бачко, пожалуй, рассказываетъ, что на Колгуевѣ-де двадцать семей окрестилъ, а что проку? Окрестить самоѣда легко. Въ церкву они не заглядываютъ, а и пригонять котораго: на полъ ляжетъ. Дѣтей крестятъ молочниковъ, а гляди, лѣтъ въ десять, а то и позднѣе; жену берутъ зря, что полюбовницу, и никакихъ такихъ обрядовъ при этомъ не дѣлаютъ, и про законы около этого дѣла не слыхатъ. Заплатить женихъ за жену, что спросить отецъ, оленями-ли, песцами-ли, али-бо деньгами, да и живеть, Бога не вѣдая. И если возьметъ онъ одну жену, тѣмъ не довольствуется: гляди другую присмотрѣлъ, и ту къ себѣ тянетъ. Иньки-то, извѣстно, дерутся же промежду собой: одна, значить, надъ другой старшій хочетъ быть, а ему ничего!—не его дѣло. Вѣра ихъ—извѣстная вѣра: обшарь-ко его хорошенько, запусти ему руки за пазуху, такъ вотъ—не стоять мнѣ на этомъ мѣстѣ!—божка, чурочку такую деревяненькую, безотмѣнно вытащишь. Онъ и сѣчетъ

его, коли что не по желанію его сдѣлается; онъ ему и кусочекъ оленьяго мяса въ рыло тычетъ, коли что благополучно сойдетъ; а вѣтъ, такъ и бросить, другаго сдѣлаетъ, съ другимъ ужъ водится. Спросишь: крестивой-моль, ты? — „Крестивой!“ скажетъ, а божокъ въ карманѣ.

— Какую ты вѣру отъ нихъ захотѣлъ, когда вонъ они песцовъ ѣдятъ? Поѣзжай—самъ увидишь!

Мы отправились. Опять снѣжныя поляны раскинулись со всѣхъ сторонъ: скакали впереди саночекъ нашихъ олешки, понутивъ голловки; олѣлѣлкалъ на нихъ проводникъ, и приходилось мнѣ прятать свое лицо подъ совикъ, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, при полномъ безвѣтріи. Совикъ скользилъ по малицѣ и малица по пимамъ, оставляя колѣни неизбежному вліянію мороза. Дали мы первый маленькій дохъ оленямъ и въ концѣ втораго выѣхали изъ кустарника на новую поляну. Вся она, на этотъ разъ, уже была подернута густыми сумерками, но въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ, словно теплина, которыя раскладываютъ волжскіе пастухи на ночникѣ, два другихъ пускали пламя и дымъ, густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Увлекли меня эти привѣтливые огоньки въ дальнее прошлое: на этотъ разъ хотѣлось видѣть стреноженныхъ лошадей, глухо побрякивающихъ въ ночной тишинѣ колокольцами; хотѣлось слышать хлопанье плети, свистъ живаго человѣка, крикъ коростеля, засвѣшаго глубоко въ травѣ. Уже едва не чулся свѣжій, живительный, здоровый запахъ только-что скошенной травы. Въ свѣтлыхъ образахъ возставало все это въ воображеніи, какъ родное, никогда и никѣмъ незабываемое, какъ контрастъ, наконецъ, всему тому, что развернулось теперь передъ глазами въ дѣйствительныхъ образахъ, далеко не такихъ. Кругомъ — олени. По всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную сѣрую: одинъ постукиваетъ то правой, то лѣвой передними ногами въ снѣгъ, перестаетъ на время, наклоняется, какъ будто обнюхиваетъ мѣсто, и опять начинаетъ стучать копытами, смѣняя одно другимъ, и стучить долго, настойчиво. Другой олень стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ-будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ черную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгаютъ въ круги; двое дерутся рогами. Надъ всѣмъ этимъ глубокое, невозмутимое ничѣмъ молчаніе.

Какъ копны, какъ стоги сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразныя чумы—цѣль поѣздки. Входимъ въ ближайшій, или лучше, пролѣзаемъ въ него черезъ узенькое и низенькое отверстіе и дальше лѣзть уже не можемъ: прямо, по срединѣ чума, разложены горящія дрова, надъ ними кипитъ котелокъ и клокочетъ вода. Дымъ свободно лѣзетъ въ отверстіе на верху и все-таки этого дыму остается въ

чуму въ такомъ избыткѣ, что дымъ ѣстъ глаза и затрудняетъ подняться на ноги. Садись на корточки именно за тѣмъ, чтобы прекратить слезы и что-нибудь видѣть и не достаясь до головной боли и угара. При свѣтѣ довольно сильно разгорѣвшихся дровъ, видишь изумленные, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежит *инькѣ*, можетъ быть, женѣ хозяина чума, другое—ему самому, потому что всѣ остальные моложавы, хотя уже съ поразительными задатками на то, что черезъ пять-шесть лѣтъ и они рѣшительно, капля въ каплю, будутъ походить на отца или, все равно, на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ потому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты ворота и видны голыя, смуглыя груди. Самоѣдъ-хозяинъ стружетъ ножомъ мерзлую рыбу и, видимо, съ наслажденіемъ ѣстъ эти стружки. Инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и сшиваетъ оленьими жилами одну оленью постель съ другою: видимо, приготовляетъ совикъ или малицу. Ребятишки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицомъ, продолжаютъ дѣлать свое: одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. Все это творится въ глубокомъ, сосредоточенномъ молчаніи.

Осмотришься кругомъ: закоптѣлыя и значительно подержанныя *нюки*, тѣже оленьи постели, лежатъ на шестахъ (по самоѣдски *умахъ*), сближающихся къ верхнему отверстию. Оттуда, повременамъ, какъ-будто дунетъ кто-то и чумъ вслѣдъ затѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпнетъ глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій обзоръ жилища. Вырвется этотъ дымъ на волю, и опять всѣ старые виды: инька шьетъ, мужъ ея стругаетъ рыбу; надъ котломъ въ дому и на деревянной рѣшеткѣ коптится или вялится мясо, можетъ-быть, *песцевина* (мясо песца), можетъ-быть *лисицовина*, или наконецъ, даже оленина. Повременамъ мясо это пускаетъ отъ себя непріятный, одуряющій запахъ, и, того гляди, не удержишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетеномъ изъ тростнику ерки, подлѣ этихъ *латъ* или деревянныхъ досокъ, которыми огороженъ со всѣхъ сторонъ огонь.

Въ чумахъ богатыхъ самоѣдовъ есть еще одно отдѣленіе, называемое *синикуй*, противоположное входу; здѣсь некрещенные помѣщаютъ своихъ божковъ, крещенные вѣшаютъ св. иконы. Синикуй завѣшивается оленьей шкурой, которая и поднимается въ то время, когда въ чумѣ сдѣлается уже невыносимо чадно. Входъ въ чумъ оставляется, при постановкѣ всегда подъ вѣтромъ. Разбиваютъ чумы, естественно, тамъ, гдѣ по близости нѣтъ другихъ чумовъ, и для того, чтобы олени съ оленями не сходились и не путались между собою.

— Давно ли вы стоите здѣсь?—спросилъ я самоѣда, чтобы о чемъ-нибудь поговорить съ нимъ.

— Вчера,—отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потупилъ глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вонъ!

Самоѣдъ тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, накинувши на себя малицу, вышелъ вонъ. Я сталъ прислушиваться: глухо раздавался вдали лай собаченокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ, мать самоѣдка и ребятенки стали спѣшно подбирать подручное, укладывая потомъ все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попадаетъ самоѣдъ, останавливается и всматривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь?—спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдъ улыбается, однако находится на отвѣтъ:

— Олешка мохъ съѣлъ... велить дальше!..

Съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя. Этотъ испуганно останавливается и дрожить всѣмъ тѣломъ. Самоѣдъ привязываетъ его къ чуму; ловить другаго, третьяго.

Между тѣмъ три хохлатыхъ собаченки продолжаютъ обѣгать, съ удушливымъ лаемъ, вокругъ стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплютъ мохъ. Собаки лаютъ на нихъ долго и много,—наконецъ и этихъ спугиваютъ съ мѣста и ихъ обращаютъ въ бѣгство на настроженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ много уже оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собаченками въ неподвижную и послушную кучу. Откинутыя отъ чумовъ санки стоятъ уже наготовѣ, нагруженные кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками; на остальные изъ нихъ складываются затѣмъ нюки, поднючьи (тѣ же олени шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю настилку). На третьи санки кладутъ шесты, на четвертыя садятся ребятенки, по одному и по два, на шестыя мать съ груднымъ ребенкомъ, на седьмыя бросаютъ хохлатыхъ собаченокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурнувшихъ, на восьмыя, переднія, садится самъ хозяинъ чума и—аргишъ готовъ. ъдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху, еще невытравленнаго, и гдѣ также оставить послѣ себя тундру взбитую и такую же почернѣлою, какъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообразіи. Скрипитъ вдалекѣ аргишъ и чернѣетъ еще нѣкоторое время передъ глазами моими. Наступившій мракъ, усиленный длинною тѣнью придорожнаго лѣса, закрываетъ все это, а быстрота бѣгущихъ оленей уноситъ отъ слуха и скрипъ санокъ, и урывистые вскрики путниковъ. На новомъ мѣстѣ, верстѣ за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы самоѣды и опять постоятъ на немъ

два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на инныя мѣста.

Вотъ почему самоѣды всегда зависятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, новыя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. Вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ проявленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей. Поставлены они въ необходимость отыскивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она ѣсть—и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи, и вся немногосложность въ обычаяхъ и внѣшнихъ обрядовыхъ проявленіяхъ домашней жизни. Около оленей за людей отвѣчаетъ собака, которая и здѣсь, въ тундрѣ,—дорогой и неизмѣнный другъ человѣка, и самоѣды ее цѣнятъ высоко: за лучшую даютъ два, три и даже четыре оленя. На тысячу оленей достаточно трехъ такихъ сторожей да столько же и людей—работниковъ, нанимаемыхъ на годъ за пять и шесть оленей, при готовой пищѣ и одеждѣ.

Хвалятъ и тундру:

— Иногда ѣдешь цѣлый день, — олень копыта не замочить. По тѣмъ мѣстамъ бѣлый, черный и красный мохъ. Гдѣ бѣлая головка травы (болотный пухъ), словно снѣгъ лежитъ: тамъ мокро, тамъ болото—туда не ходи. Озера—глубоки: спускали на дно веревку во 100 сажень, а дна не достали. Озера—всѣ рыбныя: однимъ неводомъ вытацишь не на одинъ день, и еще половину бросишь,—соли нѣтъ. Годомъ родится морошка,—ее весело собирать и запасать. Птица всякая есть, какая только бываетъ на свѣтѣ. На четверкѣ оленей, безъ остановки, зимой можно сдѣлать верстъ до 50-ти и еще за десять верстъ по дыму чуткимъ носомъ узнають чей тамъ чумъ, закололъ ли пріятель оленя на угощенье, и есть ли у него водка въ запасѣ: безъ пировъ и гостей бы, что же и за жизнь? Сами работать не превыкли, да и зачѣмъ, когда для стада есть собаки, а для дома въ чумѣ жены и дочери, инныя и живутъ только однимъ шитьемъ.

Самоѣдъ, какъ извѣстно, плохой семьянинъ. Взявши себѣ жену непременно изъ чужаго рода * хотя бы и сестру жены своего брата, самоѣдъ живетъ съ ней какъ бы только для того, чтобы не остаться холостымъ, и невыносимо бьетъ ее, если замѣтитъ невѣрность, и преспокойно отвязываетъ и уводитъ оленя отъ саней своего соперника. Жену покупаетъ онъ за нѣсколько песцовъ, лисицъ или оленей, при посредствѣ эву (свата), который является въ чумъ отца невѣсты съ деревяннымъ

* Родовъ самоѣдскихъ, какъ извѣстно, шесть: 1) *тыссы* (около Пустозерска, самый многочисленный); за нимъ 2) *логей* (къ с. в. отъ Печоры); 3) *выучей* (къ в. отъ логей, ближе къ Уральскому хребту); 4) *хатанзей*; 5) *валей*; 6) *уанойта*. Эти три послѣднихъ рода живутъ по большей части въ работникахъ у ижемцевъ.

крикомъ отъ котла и не выпускаетъ орудіе это изъ рукъ до тѣхъ поръ, пока будущій тестъ не изъявитъ своего согласія. Оба соблюдаютъ при этомъ возможно глубокое молчаніе, стараясь объясняться одними знаками. Отецъ невѣсты киваетъ головой на предложеніе свата, который тотчасъ же передаетъ ему бирку для того, чтобы тотъ нарѣзалъ на ней то число зарубокъ, сколько хочетъ онъ взять за дочь свою животныхъ. Сватъ срѣзываетъ изъ нихъ сколько покажется ему лишнихъ. Условиваются о днѣ разнѣна выкупа и являются въ невѣстинѣ чумъ артелью, и здѣсь угощаются сырымъ оленьимъ мясомъ и уходятъ, оставляя въ чумѣ только жениха и невѣсту. Въ полночь женихъ уѣзжаетъ домой и является опять къ чуму невѣсты уже въ назначенный день свадьбы. Но чумъ запертъ, свадебный поѣздъ даромъ не пускаютъ: требуютъ подарковъ, а потому и обмѣниваются ими. Потомъ обводятъ невѣсту съ ея приданымъ и жениха съ его выкупнымъ три раза кругомъ невѣстина чума, а затѣмъ, три же раза, кругомъ женихова. Въ этомъ весь свадебный церемоніаль у некрещенныхъ самоѣдовъ! Не оборвется ничего въ оленьей упряжи во время этихъ объѣздовъ — супружеская жизнь молодыхъ должна идти во взаимномъ согласіи и вѣрности.

Сдѣлавшись женой и приготовляясь быть матерью, самоѣдка считается всѣмъ соплеменнымъ ей населеніемъ тундры, нечистою и сквернить своимъ прикосновеніемъ все, до чего ни дотронется. Переступить она черезъ веревку, черезъ оленью упряжь—мужъ поколотитъ ее, приругаетъ и тотчасъ же поспѣшитъ окурить верескомъ ту вещь, чтобы сдѣлать ее опять годною для употребленія. Въ послѣднія недѣли передъ родами, самый чумъ сквернить роженица: бѣдный самоѣдинъ старается не быть въ немъ, особенно въ послѣдніе дни передъ разрѣшеніемъ иньки; богатый спѣшитъ выстроить для нея особый чумъ и называетъ его *сямай-мядыко* (поганный чумъ). Здѣсь, при помощи другой опытной иньки—повитушки, самоѣдка дѣлается матерью, при соблюденіи нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаевъ. Если роды трудны, бабка заключаетъ, что причиною тому измѣна супружеской вѣрности кого-либо изъ супруговъ и потому настойчиво требуетъ признанія съ обѣихъ сторонъ. Новорожденного обмываютъ теплой водой и кладутъ закутаннымъ въ олений мѣхъ въ лубковую колыбель, на дно которой засыпаются мелкоистертыя древесныя гнилушки и опилки. Послѣ того бабка очищаетъ чумъ и людей, отъ предполагаемой скверны, водой, въ которой сварена березовая губка. Черезъ восемь недѣль роженица, окуренная оленьимъ саломъ, имѣетъ уже право раздѣлять съ мужемъ скудную трапезу и почитается чистою до начала новой беременности. Ребенокъ родится, почти всегда и безъ исключенія, съ наследственными болѣзнями, и черезъ нѣсколько недѣль послѣ появленія на свѣтъ, уже покрывается злокачественными сыпями и язвами, между которыми

опытный глазъ можетъ различить и сифилитическія, чесоточныя и, наконецъ, оспенныя, болѣею частію всѣ вмѣстѣ, потому-то собственно и называются всѣ эти болѣзни *ныркомъ*, *мірскими*, какъ-будто безъ нихъ уже и нельзя появляться самоѣду на свѣтъ Божій!

Невсегда при рожденіи, болѣею частію черезъ годъ и больше, даютъ новорожденному имя, по первому попавшемуся на глаза предмету. Назовутъ его *Пайи*, если въ этотъ день выловится много рыбы пеледи; *Мюсъ*, если онъ родится во время ѣзды аргишемъ; назовутъ *Тенeko*, если много попадаетъ въ капканы, по тундрѣ, лисицъ; *Сармикомъ*, если попадутся волки; *Тагана*, если ребенокъ окажется слишкомъ хворымъ. Недавно умеръ *Немза*, названный такъ потому, что онъ родился какъ разъ въ то время, когда явился въ томъ чуму академикъ Кастрень — *нѣмецъ*, изучавшій, по порученію гельсингфорскаго университета, нарѣчія чудскаго племени. Замѣчательно, что и у крещеныхъ по два имени: одно старое, а другое новое. Такъ точно случалось спрашивать многихъ: одинъ сказывался Николаемъ Хавалисовымъ, а у самоѣдъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *Яиро*; другой былъ записанъ Василемъ Судковымъ, а обзывался соплеменниками Майдна, и т. д. Самоѣдскій старшина, снабжавшій меня въ Пустозерскѣ оленями, былъ некрещеный и потому носилъ одно только имя самоѣдское, не имѣя русскаго. Онъ былъ записанъ при клеймѣ своемъ такъ: Хыла Маленбаевъ Явулевичъ.

Не особенно крѣпкимъ здоровьемъ пользуется самоѣдское племя и во всю остальную жизнь, посреди мелкихъ тундряныхъ промысловъ: горныхъ за лѣснымъ звѣремъ, рыбою и птицами, и морскихъ — въ подкрутахъ, по найму отъ богатыхъ сосѣдей зыринъ и русскихъ. Страдая, почти поголовно, глазами болѣзнями, отъ сильныхъ вѣтровъ, разгуливающихъ по тундрѣ, отъ ѣдкаго дыма чумовъ и отъ грязной жизни, самоѣды, въ тоже время, не избѣгаютъ и цынги (для нихъ всегда смертельной), и болотныхъ злокачественныхъ лихорадокъ.

Лишенные всякой помощи, исключительно полагающіеся во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ на кудесниковъ своихъ, *тадибеевъ*, прибѣгая въ суевѣрномъ страхѣ и при болѣзняхъ къ ихъ шарлатанству, самоѣды мрутъ, не достигая 50 лѣтъ жизни. Ревизскія сказки, составленныя посильно вѣрно, указываютъ на грустные результаты: въ послѣдніе 83 года вымерла половина почти всего самоѣдскаго населенія тундры. Обстоятельство это почти прямо указываетъ на то, что осѣдлыя племена, слѣдуя еще неизвѣданнымъ историческимъ законамъ, въ недалекие десятки лѣтъ уничтожатъ это кочующее племя, поработивъ его своему вліянію. Уже въ настоящее время можно указать на нѣсколько селеній, въ которыхъ въ-очію совершаются эти поучительныя преобразованія. На р. Колвѣ, при впаденіи ея въ Усу (притокъ Печоры), выстроилось уже порядочное селеніе (избъ въ 20) при тамошней

церкви, и самоѣды, живя въ нихъ охѣдно, охотно женятся на зырянкахъ: и въ обликѣ, и въ характерѣ значительно теряютъ свой врожденный, самоѣдскій оттѣнокъ. На р. Пѣшѣ, въ пустозерской деревнѣ Тельвисочной, совершается почти тоже, хотя нѣсколько и въ меньшихъ размѣрахъ. Въ ижемской волости, гдѣ самоѣды крещены всѣ поголовно, они сдѣлались рѣшительными зырянами: забыли родной языкъ свой, брѣютъ усы и стригутся въ кружокъ. Большая часть пустозерскихъ самоѣдовъ бойко говорятъ по-русски и нерѣдко заходятъ въ церкви, какъ бы въ наглазное оправданіе давно слажившагося про нихъ русскаго присловія: „И въ самоѣдахъ не безъ людей“.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая (особенно принимая при этомъ въ расчетъ и значительную смертность), общаются, во всякомъ случаѣ, уже недолгое историческое будущее самоѣдскому племени. Также, можетъ-быть, переломаютъ шесты, прорвутъ въ цѣломъ мѣстѣ чума нюки и вынесутъ въ это отверстіе и послѣдняго некрещенаго мертвеца-самоѣда, и также положить съ нимъ въ гробъ ложки, чашки, харей, санки надломленными, и также, можетъ-быть, убьютъ на его могилѣ оленя и съѣдятъ его тутъ же, въ сырыхъ, еще дымящихся теплою кровью кускахъ,—и въ тотъ разъ, когда останется только маленькая горсть, самоѣдовъ-язычниковъ (какъ дѣлаетъ это въ настоящее время еще большая половина мезенскихъ самоѣдовъ).

Окончательному обращенію ихъ въ христіанство много препятствуютъ, по общимъ слухамъ, зыряне, которые увѣряютъ ихъ, что коль-скоро они окрестятся, то неизбежно подвергнутся рекрутской повинности. Тогда-де не посмотрятъ ни на ихъ дряблѣе тѣлосложеніе, ни на привычку и неумѣнье жить въ неволѣ: въ теплой избѣ, пожалуй, даже въ казармѣ, а не на оглядныхъ тундряныхъ степяхъ. Вообще, зыряне имѣютъ сильное вліяніе на самоѣдовъ и, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, много способствуютъ поддержанію въ своихъ неоплатныхъ работникахъ по тундрѣ ихъ старыхъ вѣрованій и суевѣрныхъ обычаевъ.

Не зная пѣсни, не пріучившись находить въ ней какое-либо иное значеніе, кромѣ безсвязнаго, безсмысленнаго мурлыканья себѣ подъ ность отъ скуки и съ примѣра сосѣднихъ русскихъ, самоѣды не хранятъ (почти вовсе) и преданій о прошедшихъ временахъ. Ведутся между ними еще кое-гдѣ два преданія о недавней борьбѣ ихъ съ своими соплеменниками Карачеями. По одному изъ этихъ преданій, больше-земельскіе самоѣды стрѣляли во враговъ своихъ *черезъ каменное окно* или лучше, проходъ въ Уральскихъ горахъ, до того узкій, что при проѣздѣ черезъ него, посылаются передовой повѣстить впереди, чтобы ѣдущіе съ той стороны переждали: двумъ рядомъ проѣхать уже нельзя. Другое преданіе говоритъ, что самоѣды, въ сообществѣ сибирскихъ Остяковъ, отправились на войну съ Карачеями, оставивъ женъ сво-

ихъ у какого-то озера, которое зовется теперь *Неводъ-озеро* (въ переводѣ съ самоѣдскаго). Долго не возвращались самоѣды назадъ: жены съѣли всѣ запасы хлѣба, ѣли птицъ, стали ѣсть мышей. Мужья все не являются: приходится умирать съ голоду и тѣмъ болѣе постыдною смертію, что есть горшокъ, да нѣтъ ложки, есть неводъ, да нѣтъ лодки. Одна самоѣдка ухитрилась, привязавъ къ одному концу невода ковшъ, который и былъ отнесенъ вѣтромъ къ дальнему берегу. Стали вытаскивать,—неводъ оказался полонъ рыбы.

Во всемъ самоѣдъ—рабъ старины, какъ и всякое другое неразвитое племя. До-сихъ еще поръ боится онъ злыхъ навѣтовъ тадебціевъ—духовъ, которые ничего не способны дѣлать, кромѣ зла. До сихъ еще поръ, безусловно вѣрятъ тадибеямъ, тѣмъ избраннымъ, святымъ людямъ, которые одни только способны умиловить всю злую воздушную силу. Во всѣхъ неожиданныхъ и тяжелыхъ испытаніяхъ и невзгодахъ самоѣды, по старому, прибѣгаютъ къ помощи тадибея, всегда самага плутоватаго исамага толковаго изо всего племени, болѣею частію старига и даже, во многихъ случаяхъ, старухи. Захочется тадибею выпить водки и напиться пьянымъ, онъ придумываетъ для самоѣда какую-нибудь смертельную болѣзнь. Самоѣдъ простодушно вѣритъ, позволяетъ дѣлать надъ собою всевозможныя истязанія и не стоитъ за послѣднимъ пескомъ, чтобъ добыть кудеснику вина. Также точно и самъ отъ себя самоѣдъ зоветъ тадибея и на роды иньки, и заклинять вѣтры, и лечить отъ дѣйствительно гнетущихъ его болѣзней. Во всѣхъ случаяхъ является тадибей обманщикомъ, ловко пользующимся простодушіемъ земляковъ и во всякомъ случаѣ готовъ *бить кудесъ* свой и не передъ своими, лишь бы только напоили его за то пьянымъ, или дали ему столько же денегъ на выпивку.

Я былъ личнымъ свидѣтелемъ его продѣлокъ и потому спѣшу передать обрядъ *битья кудесъ* (самбадавы — по-самоѣдски) такъ, какъ онъ представился моему вниманію.

Тадибей нашъ явился приглашеннымъ именно съ тою цѣлію, чтобы показать вишній обрядъ битья кудесъ, и потому, смекнувши, вѣроятно, о томъ, что будетъ имѣть дѣло съ невѣрующими, пришелъ немного навеселѣ, заручившись, естественно, не одной чаркой водки для вящаго вдохновенія. Какъ теперь, вижу его въ хохлатой шапкѣ изъ мѣха россомахи, съ наличникомъ, изъ-подъ котораго выглядывало его красное, лоснящееся, скуластое лицо, съ плутовато-бѣгающими глазами. Встрѣтивъ его нечаянно и въ сумерки гдѣ-нибудь въ лѣсу, не на шутку можно бы было перепугаться и отвести взоръ подальше отъ его непривѣтливаго и дѣйствительно-страннаго взгляда. Неудивительно, что онъ заставляетъ дрожать самоѣдовъ, прибѣгающихъ къ его помощи и, сверхъ того, увѣренныхъ въ томъ, что тадибей живетъ за панибрата съ злыми духами и къ служенію имъ готовится

долгимъ привыкомъ, живя лѣтъ по десяти за Уральскимъ камнемъ въ наукѣ у остяцкихъ шамановъ.

Тадибей и въ нашъ чумъ пришелъ также увѣшаннымъ бубенчиками по швамъ малицы, съ оловянными бляхами по спинѣ и плечамъ. Бляхи эти ширкали и шумѣли при каждомъ движеніи. Кромѣ бубенчиковъ, одежда его опутана была суконными лентами разнообразныхъ цвѣтовъ, какъ рѣдко, пожалуй, украшаетъ свою пеструю паницю иная щеголиха-самоѣдка. Тадибей не измѣнилъ заученной важности пріемовъ, сухо и величаво раскланявшись на всѣ четыре угла чума, по которому размѣстилась вся наша невѣрующая компанія. Истиннымъ, опытнымъ артистомъ и знатокомъ дѣла, словно не разъ уже дававшій концерты при огромномъ собраніи столичнаго люда, казался мнѣ и на ту пору этотъ полудикарь, полуизувѣръ, полуплутъ, стоявшій нѣкоторое время неподвижно. Не шелохнулась ни одна изъ его бляхъ, не ширкнулъ нескромно ни одинъ изъ бубенчиковъ, но въ лицѣ его можно было прочесть плутоватую улыбку, предательское подергиванье лѣваго глаза. Еще мгновенье—и кудесникъ дергалъ уже надъ головою своимъ пензеромъ * разъ, два и три... Онъ присѣлъ, закрывши лицо руками. Поднявшись въ другой разъ, онъ выхватилъ изъ-за пазухи деревянную колотушку, обвитую оленьей шкурой, и началъ колотить ею въ бубень сначала тихо, потомъ все учащеннѣе, такъ что рука его уже ловко прыгада по инструменту, какъ рука опытнаго барабанщика по барабану. Онъ то присядетъ, дико взвизгнувъ,—то опять начнетъ сильно колотить, при чемъ пензеръ издаетъ глухіе, непріятно-гупые звуки. Вдругъ онъ закричалъ лихорадочнымъ голосомъ, пуская цѣлый потокъ разныхъ непонятныхъ словъ на томъ гортанномъ и подчасъ носовомъ языкѣ, который одинаково непріятенъ и въ устахъ мужчины, и въ устахъ женщины изъ самоѣдовъ.

Двое изъ проводниковъ нашихъ, самоѣдовъ, при первыхъ звукахъ его крика, выползли изъ чума; намъ самимъ становились непріятны эти звуки и кривлянья, которыми сопровождалъ кудесникъ обильный потокъ своихъ словъ. Вѣрныхъ четверть часа кричалъ онъ и бѣсно-

* *Пензеръ*, родъ рѣшета, одна сторона котораго, вмѣстѣ съ боками, обвита шкурою убитаго самимъ тадибеемъ оленьяго теленка. Другая сторона пензера открытая, и внутри имѣетъ по срединѣ перекладину, отъ которой идетъ къ боку другая, служащая вмѣсто рукоятки. На обихъ перекладинахъ вырѣзывается по семи *идольскихъ* лицъ. Шкуру для пензера тадибей собственноручно очищаетъ отъ жилъ и потомъ сушитъ ее на медленномъ, несильномъ огнѣ. При этомъ *дѣлѣ* не должна находиться иныя, какъ существо нечистое. Палка, которою колотить кудесникъ въ пензеръ, называется *ладуранецъ*. Палка, сшитая бѣлью (нитками), а не оленьими жилами, по обыкновенію, и украшенная по мѣстамъ пуговицами, медвѣжьими костями, иногда тѣми же оловянными бляхами, называется *сѣвботъ*. Колотушку-ладуранецъ тадибей замѣняютъ иногда заячьей лапкой.

вался такимъ образомъ, вертясь на одной ногѣ съ пензеромъ надъ головою и уже рѣже постукивая въ него колотушкой. Наконецъ онъ упалъ въ изнеможеніи на полъ. Судороги подергивали его нѣсколько мгновеній, онъ какъ будто усиленно всхлипывалъ, и не успѣли мы броситься къ нему, чтобы поднять его, тадибей былъ уже на ногахъ и шарилъ что-то за пазухой. Не успѣлъ я выслѣдить и за этими движеніями его, какъ одинъ изъ нашихъ вырвалъ изъ рукъ кудесника ножъ, примолвивъ:

— Ногами ты дрягай, сколько хочешь, а ужъ рукамъ бадовать не дамъ воли! Это ты опять-таки затѣялъ не дѣло. Ну, тебя!.. Знаемъ мы вашего брата, видали ужъ не единый разъ. Теперь, братъ, ты насъ не надуешь—шалишь!—продолжалъ ворчать проводникъ мой во все время, пока отдыхалъ кудесникъ, видимо пораженный неожиданностью перерыва въ обдуманыхъ и заученныхъ издавна обрядахъ.

Лежа на полу, онъ подниметъ то одну ногу, то другую, повернется на лѣвый бокъ и потомъ медленно передвинется и ляжетъ на спину. По лицу его струится обильный потъ. Узенькіе глаза подернулись какой-то влагой. Онъ тяжело дышалъ. Немного погодя онъ сѣлъ, мутно обводя кругомъ всего чума глазами, и какъ-будто ждалъ чего-то таинственнаго. Разсылный, выхватившій изъ рукъ тадибея ножъ, и здѣсь его не оставилъ:

— Вставай-ко, братъ, ей-Богу, вставай! Не пужай ты меня. Боюсь я ихъ, ваше благородье!—обратился онъ ко мнѣ, какъ бы съ оправданіемъ. Знаете: пугаютъ. Ножемъ-то своимъ вотъ такъ и тычуть около сердца. Въ одинъ бокъ его въ брюхо всунеть, изъ другаго вытащить. Вставай, братъ—самоѣдушко, вставай!

Кудесникъ послушался-таки его, но не былъ твердъ на ногахъ и стоялъ передъ нами, понутивъ голову,—и весь дрожалъ.

— Умаялся, объяснялъ разсылный. Не легкое, вишь, дѣло-то, не легкое!

— Воды не хочешь ли?—обратился онъ къ нему и, получивъ согласіе, напоилъ его водой.

Тадибей, оправившись, обратился къ намъ съ вопросомъ, высказаннымъ слабымъ, удушливымъ голосомъ, но довольно понятно русскою рѣчью, изъ которой видно было, что онъ хотѣлъ показать еще одинъ кудесъ, употребляемый при заклинаніи вѣтровъ. Но и здѣсь суетливый разсылный предупредилъ насъ:

— Не надо, Тадибеюшко, не надо, Христось съ тобой. Знаемъ: сядешь, вѣдь къ жаровиѣ, начнешь по уголькамъ стучать палочкой, мычать да хухукать, да раскачиваться во всѣ стороны, да носомъ-то въ уголья наровить—не надо! Не глядите, ваше высокородіе! Отдохни, Тадибеюшко!... На—вотъ: прими кубокъ вина, да денегъ три цалковыхъ... Это тебѣ за потѣху.

Мы уже не слышали послѣднихъ словъ, поспѣшивъ выдти на свѣжій воздухъ. Разсылный догналъ насъ уже на дорогѣ и встрѣтилъ замѣчаніемъ:

— Смерть боюсь кудесъ этихъ, а глядѣть люблю! Жилы всѣ тебѣ тянетъ, кровь носомъ просится, а не ушелъ бы изъ чума-то до утра, все бы глядѣлъ да пугался...

— Зачѣмъ ты ножъ-то у него вырвалъ?

— А зарѣжется, гляди. Этакъ-то ужъ было на Индегѣ въ тундрѣ. Одинъ экой-то пырнулъ себѣ въ брюхо, да и съ мѣста не всталъ. Знаемъ ужъ мы это! въ свидѣтели потомъ придется идти: ты же въ отвѣтъ пуще другихъ будешь. Скажутъ, зачѣмъ не остановилъ. Такъ вотъ поглядѣть, безъ всего, безъ этого, любопытно!...

— Съ нечистой, вѣдь они силой знаютъ, пуще колдуновъ нашихъ—оттого вѣдь у нихъ это. Самоѣды вонъ и нечистую-то силу эту видятъ: бѣлые-де такіе, что сиѣгъ бѣлые, и всѣ-то, слышь, въ палецъ, а пугаютъ: языками дразнятся. Да вотъ какъ бы дѣло-то теперешнее не ночью было, рассказалъ бы я тебѣ больше противу того...

Тѣмъ и заключилъ свои толки разсылный,—но и на другой день, вопреки обѣщанію, рассказалъ немного: что самоѣды-де божковъ своихъ называютъ *хегами* и ставятъ ихъ у неводовъ и звѣриныхъ норокъ; что есть-де еще *сядеи*, которыхъ они на горахъ оставляютъ; что этихъ они сѣкутъ, когда провинятся въ чемъ, но что хегъ боятся, потому-де, что хеговъ тадибей освящаетъ; что съ самоѣдомъ можно пить водку, сколько хочешь, но что только надо спѣшить самому напиваться скорѣй, да и уходить изъ чума, а то опьянѣетъ самоѣдъ прежде — драться полѣзетъ, лицо печенкой сдѣлаетъ; что самоѣдъ въ дракахъ этихъ силенъ на рукахъ, а на ногахъ некрѣпокъ. Вотъ и всѣ тѣ свѣдѣнія, какими могъ я поживиться отъ бойкаго разсылнаго, который все-таки любитъ больше глазѣть, чѣмъ замѣчать и понимать высмотрѣнное, по обычаю всѣхъ неграмотныхъ мужичковъ русскихъ. Отъ другихъ уже (и многихъ) привелось мнѣ узнать впоследствии о томъ главномъ значеніи, какое имѣютъ зыряне по отношенію къ тунрѣ и къ самоѣдамъ.

Вотъ какъ сложилось все это немногосложное дѣло:

Толковые, смѣтливые зыряне, давно имѣя множество случаевъ вглядываться въ характеръ своихъ туповатыхъ сосѣдей, пришли къ весьма положительнымъ и вѣрнымъ заключеніямъ, что самоѣды, изъ вѣковъ обреченные на борьбу съ природой и множествомъ препятствій, поставляемыхъ ею для достиженія ими прямой цѣли, трудолюбивы. Особенно видятъ они это по тому, что рѣдкій изъ нихъ когда-либо сидитъ безъ работы. Знаютъ зыряне, что трудолюбивые и терпѣливые самоѣды въ тоже время вѣрны, по простотѣ сердца, данному слову: умиралъ обѣщавшій,—за него являлся братъ, другой какой-либо род-

ствеяникъ, взявшійся при смертномъ одрѣ, исполнить его обѣщаніе (это факты и даже недавніе); что самоѣдъ, если и захочетъ схитрить въ чемъ, то легко ловится и въ этомъ. Такъ напр., онъ ни за что не возьмется поклясться на головѣ ошкуя, въ простотѣ сердца увѣренный, что медвѣдь этотъ съѣстъ его, за обманъ, на первомъ же дальнемъ морскомъ промыслѣ. Но, главное, и что особенно зыряне привяли къ свѣдѣнію, и на чемъ преимущественно основали они дальнѣйшіе планы къ исключительному обладанію тундрою — это непомѣрная страсть всего самоѣдскаго племени къ спиртнымъ напиткамъ.

Зыряне много не задумывались и, сговорившись разъ между собою, привели дѣло въ исполненіе. Сколотивши кое-какъ достаточную сумму денегъ (помогать другъ другу, изъ числа своихъ единоплеменниковъ, у нихъ до сихъ — святое коренное правило), они покупали обыкновенно бочку спирта. Ее везли въ тундру, преимущественно въ тѣ мѣста, гдѣ разбивалось больше чумовъ и, стало-быть, гдѣ больше предполагалось добытаго промысла.

Со льстивой рѣчью, почетнымъ поклономъ, съ добрыми пожеланіями всякаго благополучія, *на всѣ четыре вѣтра*, входилъ зырянинъ въ чумъ самоѣда, преимущественно богатаго. Самоѣдъ располагался въ его пользу, сажаетъ поближе къ огоньку, спрашиваетъ согласія заколоть оленя, чтобъ угостить потомъ дорогого гостя парной печенкой, еще дымящимся сердцемъ животнаго. Зырянинъ благодаритъ и предупреждаетъ своимъ угощеніемъ: безъ дальнихъ разговоровъ тащитъ изъ рукава кубокъ (полуштофъ) спирта, щедро разбавленного водой. Самоѣдъ давно уже знакомъ съ этимъ напиткомъ, любитъ его, считаетъ необходимою и ежедневно бы пилъ его помногу, если бы только взять было гдѣ: кабаки всѣ по селеніямъ, которые далеко ушли отъ чумовъ, ѣхать туда далеко, да и нѣкогда: лѣсной звѣрь ежедневно лѣзетъ въ пѣсти, кулѣмки, сѣти, капканы и черканы. Самоѣдъ готовъ уже самъ купить, но зырянинъ желаетъ сначала поподчивать даромъ, а потомъ уже потолковать о цѣнѣ.

Пьютъ. У самоѣда глаза искрятся, сердце обливаешь масломъ: любо ему, что зырянинъ и иньку подчуешь, и подростку сыну подносить вина — и тѣ пьютъ охотно, по давней привычкѣ. Самоѣдъ, пожалуй, радъ и тому, что зырянинъ пьетъ всѣхъ меньше, имъ же больше достанется, — и глазъ не спускаетъ съ рукава гостя: не вылезетъ ли оттуда еще кубокъ водки на пушую его радость и веселье. Но кубка не видать. Зырянинъ самодовольно улыбается и выжидаетъ своей поры. Самоѣдъ не замедлитъ сказаться.

— Изволь! — принесу и еще кубокъ, да только этотъ будетъ денегъ стоить! — отвѣчаетъ зырянинъ на запросъ собесѣдника по самоѣдски конечно, иначе у нихъ бы не состоялось бесѣды (тогда самоѣды не умѣли еще говорить по-зырянски, да и зыряне, знающіе

только одинъ свой языкъ, не ѣздили еще въ тундру). Приносилось вино. У самоѣда нѣтъ денегъ, а есть лисица, только вчера задавленная. Зырянинъ и этимъ не гнушается; и осматриваетъ лисицу: нога была переломлена, кормилась дома и вся въ остъ ушла, пушистая такая,—десяти штофовъ стоитъ: за полуштофъ взять, пожалуй, можно. Самоѣдъ не стоитъ за этимъ: звѣрь не сегодня—завтра другой набѣжить, много его таскается по тундрѣ, а вино можетъ уѣхать въ другіе чумы и тогда его не догонишь, пожалуй. Распивается и этотъ кубокъ, самоѣдъ уже подчуеъ зырянина, свою иньку и сына. На третьемъ полуштофѣ самоѣдъ раскутился: напоилъ даже маленькихъ, разбранилъ зырянина за то, что тотъ мало пьетъ; требуетъ еще водки: зырянинъ объявляетъ, что вся. Самоѣдъ не вѣритъ, говоритъ, что не стоитъ за пушinou, была бы водка. Зырянинъ выговариваетъ чернобурую лисицу, трехъ песцовъ, пару оленей живыхъ и — если не дрогнетъ рука, не треснетъ языкъ!—шкуру медвѣдя, да ужъ (кстати) и сани, на которыхъ бы можно было свезти вымѣненное. Онъ получаетъ все это охотно, тѣмъ болѣе, что не упираются ни отецъ, ни мать, ни дѣти: они же помогаютъ все это положить на новыя сани и привязать поплотице, чтобы что нибудь не свалилось.

Зырянинъ далеко уѣзжаетъ къ другимъ чумамъ. Самоѣдинъ просыпается поутру, вспоминаетъ вчерашнее и жалѣетъ только объ одномъ, что не купилъ еще кубокъ вина про запасъ, на похмѣлье.

Въ другихъ чумахъ съ зыряниномъ ни хуже, ни лучше: самоѣдское племя—что одинъ человѣкъ, съ однимъ обыкомъ (давно уже это всѣ знаютъ и не спорятъ). Въ дальнихъ чумахъ другіе также готовы всѣ до одинаго мѣнять шкуры добытаго звѣря и живыхъ оленей на кубки сомнительнаго достоинства вина, хотя впрочемъ, и не потерявшего способность туманить глаза и совсѣмъ отнимать скудные остатки соображенія. Черезъ недѣлю, много черезъ двѣ, ижемецъ такимъ образомъ возвращается въ свою волость съ пустой бочкой, но не съ одними санками и не порожними. Въмѣсто восьми оленей, привезшихъ бочку, приводитъ онъ домой десять, двадцать, тридцать и болѣе.

Успѣхъ одного соблазнилъ и многихъ другихъ. Изъ рѣдкой деревни по волости не поѣхали такимъ образомъ три—четыре дома, даже съ ребятишками на подмогу, и рѣдкому зырянину случится быть битымъ отъ догадливаго самоѣда. Многіе стали возить туда и другіе товары кромѣ вина; но всѣ пріѣзжали обыкновенно домой съ большими барышами. Всѣ незамѣтно богатѣли *: въ какіе-нибудь два де-

* Г. В. Иславинъ, авторъ весьма замѣчательнаго сочиненія о самоѣдахъ, между прочимъ, вычислилъ барыши ижемцевъ при мѣнѣ съ самоѣдами слѣдующимъ образомъ: за полпуда соли самоѣды даютъ или бѣлаго песка, или оленью постель, т. е. за 35 коп. сер. платятъ 1 руб.; или за пудъ муки—3 песка, т. е. за 85 коп. сер.—3 руб. сер.; или за три пуда масла по 7 коп. сер. фунтъ, берется 14 песцовъ, т. е. за 8 руб. 40 коп. сер.—14 руб. сер. Эти цѣны какъ бы уже установлены по таксѣ.

сятка лѣтъ тѣже зыряне, которые занимались въ работу къ богатымъ пустозерамъ, сами теперь сдѣлались хозяевами. Случился, наконецъ, и болѣе крутой поворотъ: богатые самоѣды, державшіе стада штукъ до тысячи, пошли въ пастухи къ этимъ же стадамъ по найму отъ новыхъ хозяевъ—ижемцевъ и благодарили еще, хвалили хозяевъ своихъ за то, что они не погнушались ихъ скудостью и не пустили ихъ на *подому*, а взяли въ кабалу. Установившійся между печорцами терминъ „жить или сидѣть на ѣдомѣ“, относительно самоѣдовъ, означаетъ тоже, что въ остальной Россіи *побираться Христовымъ именемъ*, т. е. жить мірскимъ подаваніемъ, милостынею. Самоѣды, или на чункахъ, забравши всѣхъ ребятишекъ, идутъ на зиму къ городамъ, преимущественно къ Архангельску, Мезени, Пинегѣ и даже къ Холмогорамъ или нанимаются къ пустозерамъ въ дома. Самоѣдки, давнишнія испытанныя мастерицы шить, работаютъ, изъ-за одного прокормленія, всякую одежду по готовымъ выкройкамъ. Ребятишки тоже помогаютъ въ этомъ матери, или бродятъ по избамъ и собираютъ остатки отъ стола достаточныхъ крестьянъ Усть-Цыльмы, Пустозерска и деревень богатой Ижемской волости. Говорятъ, такимъ образомъ сидятъ на ѣдомѣ до ста семействъ, пришедшихъ въ крайность самоѣдовъ.

Мало-по-малу богатѣли такимъ образомъ ижемцы въ ущербъ самоѣдамъ, увлекая въ такой же промыселъ и дальнихъ пустозѣровъ. Нѣкоторые изъ соблазнившихся легкостью барыша и простодушіемъ самоѣдовъ, прибѣгли къ постыдному, болѣе крутому средству: они просто стали воровски, въ темныя ночи, уводить оленей изъ стадъ и выучившись ловко вытравлять старыя клейма, накладывали новыя, свои. Правда, что въ настоящее время строго запрещено зырянамъ и русскимъ возить въ тундру вино, ловить въ озерахъ рыбу, строго слѣдять за кабалою и на базарахъ за фальшивою монетою, которой самоѣды привыкли бояться, не выучившись распознавать. Правда, что молодое поколѣніе зырянъ негодуетъ искренно на прежніе нечестивые порядки отцовъ и дѣдовъ, но все-таки самоѣды ловятся и на фальшивыя деньги, и на фальшивое вино, хотя и значительно рѣже противъ прежняго.

Нечистыя дѣла сосѣдей до нѣкоторой степени пробудили въ самоѣдахъ чувство самосознанія и даже мщенія, какъ это доказано недавними примѣрами. Одинъ самоѣдъ уже запродалъ крестоватиковъ и лисицъ за условное количество хлѣба одному изъ пустозеровъ и пилъ заручную, но пустозерь, напившись раньше, заснулъ. Самоѣдъ не потерялъ ни сознанія, ни присутствія духа на столько, что съ деньгами и запроданными крестовиками ушелъ и сбывъ добытыхъ имъ песцовъ другому хозяину на другой же день, а на третій *„провалялся въ тундру, гдѣ его и съ собаками теперь уже не сыщешь“*,

какъ выразился мнѣ самъ обманутый. Другой случай, удивившій весь туземный край, совершился за нѣсколько дней до моего прїѣзда. Одинъ ижемецъ *жилъ въ оленяхъ* на тундрѣ и преспокойно ковырялъ ложки или чашки въ то время, когда двое самоѣдовъ поочередно отгоняли отъ него стада оленей. Когда уже такимъ образомъ отогнали они половину, зырянинъ замѣтилъ это, замѣтилъ и обоихъ грабителей-самоѣдовъ. Воры, не думая долго, бросились на пастуха и, чтобы онъ не кричалъ, набили ему въ ротъ нѣсколько горстей моху. По счастью, все это видѣлъ, находившійся вблизи, другой пастухъ-ижемецъ: онъ побѣжалъ на помощь. Одинъ самоѣдъ выстрѣлилъ въ него, но не попалъ. При мнѣ же (въ Мезени) самоѣдъ отвязалъ оленей отъ санокъ пустозера, ѣхавшаго, подъ хмѣлькомъ, съ мерзлой рыбой на пинежскую ярмарку.

Если теперь не поддаются самоѣды обману русскихъ полицейскихъ чиновниковъ (какъ бывало прежде), которые, вмѣсто того, чтобы собирать ясакъ съ головы оленя, бралъ ту же, назначенную правительствомъ сумму, съ копыта, — за то они, до сихъ еще поръ, не знаютъ настоящей суммы подати, особенно дальніе. Русскіе и здѣсь придумали средство поживиться: они, за извѣстную плату самоѣдскому старшинѣ, берутся собирать ясакъ съ самыхъ дальнихъ и, прїѣзжая въ отдаленные чумы, получаютъ не рубль узаконенный, а два, два съ полтиной, смотря по тому, сколько захочется взять съ этой суммы процентовъ за проѣздъ туда и хлопоты при этомъ.

Все-таки во всѣхъ самоѣдскихъ племенахъ, еще до сихъ поръ, при полномъ безвѣріи, пропасть суевѣрій и притомъ самыхъ фанатическихъ. Правда, что они уже не вѣрятъ святости тадибеевъ, въ томъ случаѣ, чтобы отъ нихъ, по прежнимъ преданіямъ, могла отскакивать пуля, особенно послѣ того, какъ попыталъ это одинъ мезенецъ и положилъ кудесника на смерть одной пулей. За то все-таки считаютъ злымъ знакомъ, если во время жертвоприношенія попадетъ на платье капля крови. Не вѣритъ самоѣдъ также счастью на седьмой недѣлѣ и считаетъ седьмую зарю, при болѣзняхъ, роковою. Онъ непременно сожжетъ тѣ санки, на которыхъ когда-либо случайно родила инка, и заколетъ тѣхъ оленей и отдастъ мясо ихъ собакамъ. У тѣхъ санокъ, на которыхъ возить идоловъ своихъ и которые пускаетъ впередъ аргиша, самоѣдъ непременно сдѣлаетъ семь копыльевъ и рубитъ семь рубежковъ на полозьяхъ. Островъ Вайгачъ и на немъ гору Уэсако считаетъ жилищемъ самого невидимаго Нумы, ни за что не ляжетъ спать въ одномъ чуму съ крещенымъ, и проч., и проч.

Дикій островъ Вайгачъ, до сихъ поръ посѣщаемый промышленниками, имѣетъ на мысу Болванскомъ глубокую, скалистую пещеру съ двумя отверстіями: широкимъ къ морю, узкимъ къ вершинѣ утеса. Здѣсь стоялъ идолъ Весака съ семью лицами, которому приписывали

гулъ вѣтра въ пещерѣ и котораго обставляли самоѣды множествомъ другихъ болвановъ. Всѣ эти идолы были сожжены миссией, снаряженной для крещенія самоѣдовъ, подъ предсѣдательствомъ архимандрита Сійскаго монастыря Веніамина, въ 1827 году. Отецъ Веніаминъ, между прочимъ, сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о томъ, что крещеные имъ самоѣды Большеземельской тундры „наперерывъ обѣгали другъ друга, чтобы прежде другихъ позвонить въ колокола, что имъ доставляло величайшее удовольствіе“. Веніаминъ обратилъ къ православію 3303 человекъ, переведя на самоѣдскій языкъ Новый Завѣтъ и составилъ грамматику и лексиконъ.

Можно еще многое сказать о суевѣріяхъ самоѣдовъ, если бы, въ тоже время, сосѣдніе русскіе, при всей своей набожности, были бы менѣ ихъ суевѣрны *.

До сихъ еще поръ самоѣды, въ простотѣ сердца, щеголяютъ ремненными поясами (ни), пестрыми ситцевыми маличными рубашками, разноцвѣтными суконными лоскутками, песцовой опушкою на женскихъ паницахъ, не подозревая, что давно уже виситъ надъ ними громовое облако, и тундра, укрѣпленная за ними, {можетъ быть, цѣлымъ тысячелѣтіемъ, перейдетъ въ руки самыхъ злыхъ враговъ, которыхъ они, по простотѣ своей, считаютъ теперь лучшими друзьями.

3-го февраля (1857 года) я былъ уже въ Хѣлмогорахъ. Передо мною мелькали старенькіе домишки этого самаго древняго города въ Архангельской губерніи. Подъ окнами моими бродили рослыя коровы; *зауольники* прятались по домамъ; не видать было на улицѣ ни одного человека.

Раза два являлись ко мнѣ до того костяники, приносившіе свои бездѣлушки, сдѣланныя изъ моржевой и мамонтовой кости. Хмурилось небо, заволакиваемое снѣжными темными облаками; хмурился,

* Замѣчательно, между прочимъ, то обстоятельство, что жители Городка (Пустозерска) дали обѣтъ не дѣлать вечеринокъ по зимамъ и поспѣлокъ на святкахъ въ одну изъ самыхъ морозныхъ зимъ, какія когда-либо стояли въ томъ краю. Съ той поры нѣтъ у нихъ ни хороводовъ по лѣтамъ, ни ряженыхъ на тѣхъ же святкахъ. Лѣтніе холода—тоже величайшее горе: они вліяютъ между прочимъ на сборъ ягодъ: черники, брусники и морошки, составляющихъ примѣчательное подспорье въ зимнемъ продовольствіи: иные запасаютъ одной морошки до 40 пудовъ. Въ холодныя лѣта мало ловится бѣлой рыбы, поздно приходится ставить тони, и т. под. Съ роковой зимы и самыя праздники, называвшіеся *сборными*, приняли иной характеръ. Въ условленный день сходятся всѣ молиться Богу (какъ напримѣръ, въ Пустозерскѣ день Параскевы Пятницы, такъ въ Вискѣ и Оксипѣ въ Николинъ день) Тѣ, у кого есть знакомые, входятъ въ домъ: пощелкаютъ тамъ орѣшковъ, напьются чаю, выпьютъ водочки, побѣдаютъ и, къ вечеру, гости уже восвояхъ.

казалось, и самый городъ, бѣдный, старый, какъ-будто обезлюдѣвшій. Въ тотъ день я намѣревался оставить Холмогоры, а съ ними и весь архангельскій край, съ которымъ успѣлъ свыкнуться втеченіе года, сдѣлавши по немъ болѣе четырехъ тысячъ верстъ. Передо мною лежала дальняя дорога въ неменѣе интересныя страны побережьевъ озеръ: Ладожскаго и Онежскаго. Не вдаваясь и не загадывая о будущемъ, я, противъ воли, увлекся воспоминаніями о недавно покинутыхъ краяхъ.

Припоминалась богатая жизнь поморовъ, обставившихся зеркалами, картинами и, рядомъ съ ними, дырявая бѣдность кореловъ и лопарей, почасту безъ куска хлѣба, съ однимъ сухояденіемъ. Возставала и жизнь ижемскихъ зырянъ, тоже съ зеркалами, чаемъ и картинами, и опять-таки, о-бокъ съ нею, кочеванье полудикихъ самоѣдовъ, въ лохмотьяхъ, по чужой прихоти, по чужому произволу, на непривѣтныхъ полянахъ тундры. Къ какой, думалось мнѣ, прямой положительной цѣли ведетъ ихъ судьба въ этихъ кочевьяхъ? Чѣмъ кончится эта, затѣянная не на шутку борьба, это интересное столкновеніе болѣе развитаго народа съ полудикимъ, патріархально-недальновиднымъ, безпечнымъ племенемъ? Кончится-ли это горячей стычкой, ожесточенной съ обѣихъ сторонъ, или кротко и мирно (какъ и надо ожидать) войдутъ самоѣдскія племена, для сліянія, въ другія сосѣднія имъ и исчезнуть посреди ихъ навсегда и безъ слѣда, какъ и сдѣлалось уже съ пермскими вогулами? Или...

— Дай денегъ куска для хлѣба куска!—шепелявилъ въ дверяхъ моей холмогорской квартиры маленькій самоѣденочъ и бойко глядѣлъ мнѣ въ глаза; двое другихъ прятались за мать. Мать выступала впередъ, низко кланялась и говорила тоже. Вся семья въ лохмотьяхъ, между которыми даже трудно высмотрѣть характеристическія особенности костюма; у одного мальчика плечо голое; у другаго прорывается малица на груди. Крайняя, вопіющая бѣдность!

— Гдѣ-жъ вашъ отецъ?

— На кабакъ пошла.

— Откуда же онъ денегъ взялъ на вино?

— Мы давалъ.

— А сама-то ты, пьешь?

— Пью.

— И эти деньги пропьешь?

— На мужъ отдамъ, хлѣба купимъ, олень кормимъ... эти деньги не пьемъ.

— А мужъ-то ихъ въ кабакъ унесетъ?

— Унесетъ!

Всѣ эти отвѣты самоѣдка даетъ такимъ спокойнымъ тономъ голоса, какъ будто отвѣчаетъ на вопросы: ѣстъ ли она, спитъ ли, проситъ ли милостыню.

Также вчетверомъ, съ тѣми же оборванными ребятишками, изъ которыхъ одного, закутаннаго въ мѣхъ, везли на маленькихъ саночкахъ другіе два мальчика, промелькнула передо мною самоѣдка подъ окнами крайней избы, на другомъ концѣ города, когда я выѣзжалъ изъ него на петербургскую дорогу. Мелькнули еще потомъ три-четыре такихъ же пестрыхъ группы, съ такими же ребятенками, при тѣхъ же саночкахъ и вымаливающими подъ окнами милостыню, шепелявыми, звонкими голосами. Все это вскорѣ смѣнилось бѣлымъ, снѣжнымъ, безлюднымъ полемъ, лѣсомъ вдали, ямщикомъ прямо передъ глазами, почтовыми лошадьми съ разбитыми ногами, съ неизбѣжнымъ колокольчикомъ подъ дугою.

Долго еще потомъ преслѣдовали меня подробности послѣдняго свиданія съ представителями самоѣдскаго племени: инька, вымаливающая куски хлѣба и молоко для ребятишекъ и оленей, и отдающая деньги мужу; мужъ, пропивающій эти деньги въ кабакъ, изъ котораго выталкиваютъ его потомъ на морозъ. Крѣпко выпится, привычнымъ дѣломъ, самоѣдъ на снѣгу, придетъ въ чумъ, больно прибѣетъ иньку, прибѣетъ ребятишекъ, оберетъ деньги (если онѣ есть) и опять полѣзетъ пропивать ихъ на пользу откупа, ни на малѣйшую для себя: снова инька начнетъ стучаться по подоконьямъ... И такъ всю зиму, до той поры, когда начнетъ таять снѣгъ и придетъ самоѣдамъ пора убираться въ дальнюю тундру и не показываться въ городъ до перваго снѣгу и морозовъ.

9. Островъ Колгуевъ.

Слухи объ немъ.—Настоящее его значеніе и физическій видъ.—Промыслы птицъ: гусей, гагаръ, утокъ.—Исторія заселенія острова.—Самоѣдскія семьи на Колгуевѣ.—Выселки въ необитаемыя мѣста.—Старовѣры.—Гагары.—Шпицбергенъ.—Грумаландская пѣсня.

— По три дня молебная совершалъ, наканунѣ отъѣзда Св. Тайнъ Господнихъ приобщился, а когда съ семействомъ прощался и благословлялъ его своимъ грѣховнымъ благословеніемъ, въ душѣ такое стѣсненіе и сомнѣніе возродилось, что даже готовъ былъ отказаться на вѣки отъ исполненія долга. Но, сочтя все сіе попущеніемъ духа тѣмы грѣховныя и помолясь въ сиротѣющей семьѣ своей молитвою на путь — шествующимъ и съ колѣнопреклоненіемъ въ послѣдній разъ, заплакалъ я, горько заплакалъ, какъ молодой юнецъ, и отправился. Пять дней боролись мы съ морскою стихією, преодолевая ея напоръ и волненія, и на шестыя сутки—Богу поспѣшествующу!—узрѣли, наконецъ, вождельный берегъ острова Колгуева. За всѣ страданія, о коихъ считаю за благо промолчать, вознаградила себя тѣмъ святымъ

дѣломъ, на которое уготованъ и освященъ: съѣзжая съ пустыннаго Кѡлгуева, не оставилъ я на немъ ни единого изъ живущихъ тамъ самоѣдскихъ семействъ неокрещеннымъ, во Христа Спасителя невѣрующимъ.

Вотъ что слышалъ я про Кѡлгуевъ съ одной стороны, и съ другой отъ промышленниковъ:

Островъ этотъ не страшнѣй Матки (Новой-Земли). Страшно только для непривычнаго человѣка проѣхать полтора-два верстъ *по льду* (открытымъ) моремъ. Если промышленнику безговать Кѡлгуевымъ, такъ нѣзачѣмъ было ему и на свѣтъ Божій родиться.

— На печи лежа, кромѣ прѣлжней, мало чего другаго нажить можно, а съ моремъ игру затѣешь—умѣючи да опасливо—въ накладѣ не будешь. Намъ, поморамъ, въ морскихъ плаваньяхъ не учиться стать. Мало того, что малый ребенокъ умѣетъ весломъ владать, баба, самая баба—ужъ чего-бы, кажись, человѣка хуже?! — а и та, что бѣдуга, что верьпа, — лихая въ морѣ. Смѣло давай ей руль въ лапу и спать ложись, не выдастъ: не опружить и слезинки тебѣ единныя не покажетъ...

Вотъ что рассказывали потомъ другіе и третьи:

— Объ одномъ тебѣ, твоя милость, тосковать надо, что ходятъ теперь тамъ льды да торѡсья — не простипись; а прѣхалъ бы по лѣту, мы бы съ тобой и разговорѡвъ долгихъ не имѣли: взяли бы тебя въ охапку, по рукамъ, по ногамъ вязкой (веревкой) связали, положили бы въ карбасъ, и крупнаго бы суденка не брали. Кѡлгуевъ этотъ что? Кѡлгуевъ этотъ все равно, что домъ нашъ родной; полтора-два этихъ верстъ мы бы на попутничкѣ и въ сутки бы обработали. Ты бы лежалъ да во снѣ хваленую свою родину видѣлъ; мы бы паруса ладили да пѣсенки бы свои задвенныя попѣвали. Никому бы это въ обиду! Вѣрь ты Богу! Слушай-ко!

— Видаль ты, какъ журавли да гуси летятъ по поднебесью? Ноги вытянуть назадъ, крылья распусятъ, носы вытянуть, загогочутъ. Артель свою на многія пары разобьютъ, впередъ толковаго вожака пустятъ и—помни!—безотмѣнно одного вожака впередъ пустятъ,—и полетятъ. Знай ты это: весной эти гуси летятъ къ сѣверу, они летятъ на наше море, на острова наши, а пуще на Кѡлгуевъ. По осени го-гочутъ въ небѣ—стало, отъ нашей ловитвы остаточныя, въ теплыя страны уходить хотятъ. А тамъ къ веснѣ опять прилетятъ къ намъ съ новой силой своей, съ первачками—выводками. Нашему брату тѡ и на руку. Вотъ почему мы очень больно любимъ Кѡлгуевъ: намъ онъ пуще Моржовца, Вайгача, да и Матки самой, потому ближе, да и повадливѣе.

Къ показаніямъ мезенцевъ можно прибавить еще то въ особенности существенное и едва ли не главное, что островъ Кѡлгуевъ

можно считать болѣе гостепріимнымъ и удобнымъ къ заселенію, чѣмъ два другихъ, принадлежащихъ Россіи океанскихъ острова: Новая-Земля и Вайгачъ. Тоже самое говорятъ и факты: Новая-Земля, доступная только лѣтомъ, весною и осенью пагубна для промышленниковъ своимъ скорбутомъ, отъ котораго таетъ не одна жертва, и при томъ ежегодно; ни теплая оленья кровь, ни моченая морошка, ни постоянная дѣятельность и движеніе не спасаютъ *мѣняковъ* * отъ смерти. Таковъ и Вайгачъ, отдѣленной отъ матерой земли пятиверстнымъ проливомъ (Югорскимъ Шаромъ), островъ болѣе длинный, чѣмъ широкій, утесистый, низменный, окруженный безчисленнымъ множествомъ рифовъ коргъ, но богатый пушнымъ звѣремъ и перелетной птицей—древнее святое мѣсто язычниковъ самоѣдовъ. Правда, что и Кѣлгуевъ долгое время носилъ незаслуженное имя негостепріимнаго и также пагубнаго для заселенія острова, но позднѣйшіе факты рѣшительно говорятъ противное. Правда, что 85 лѣтъ тому назадъ Барминъ, архангельскій купецъ — раскольникъ, выселилъ на собственное иждивеніе на островъ Кѣлгуевъ сорокъ человекъ мужчинъ и женщинъ, желавшихъ основать тамъ скитъ, но всѣ переселенцы эти вымерли въ одинъ годъ (спаслось только четверо). Справедливо также и то, что раскольники эти болѣею частію были люди престарѣлые и принадлежали къ строгой аскетической сектѣ, допускавшей, изъ набожности, въ нѣкоторые установленные ими мѣсяцы пріемъ пищи только одинъ разъ въ недѣлю. Академикъ Озерецковскій, спутникъ Лепехина въ его ученомъ путешествіи по сѣвернымъ берегамъ Россіи, въ 1772 году встрѣтилъ на рѣкѣ Снопѣ (впадающей въ океанъ на Канинскомъ берегу) двухъ изъ барминскихъ прозелитовъ, до того зараженныхъ уже (до переселенія еще на Кѣлгуевъ) скорбутомъ, что „вонь изъ ихъ ртовъ оттолкнула меня къ дверямъ избы (какъ пишетъ авторъ); лица ихъ были преблѣдныя, крѣпости въ тѣлѣ никакой не находилось, и я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, что бѣдные люди пылаютъ суевѣріемъ и на Ледовитомъ морѣ“. И потомъ далѣе: „Я представлялъ голоднымъ раскольникамъ нюхальный табакъ, увѣряя ихъ, что онъ очищаетъ грудь отъ мокротъ, производя частое откашливаніе, но убѣжденія мои были тщетны и отвергнуты тѣмъ, что табакъ родился отъ блудной женщины, что доказывали книгою, писанною въ листъ полу-уставомъ, гдѣ прегрубо была изображена женщина и представленъ табакъ, изъ нея выходящій“.

* Всѣ отъѣзжающіе изъ домовъ въ дальніе промыслы носятъ названіе *мѣняковъ*, потому что они дальше лѣта не промышляютъ, и *разбойными* людьми, потому что промыселъ кружнаго морскаго звѣря, какъ уже сказано издавна, слыветъ *разбойнымъ*. Подъ этимъ именемъ попадается онъ и въ старинныхъ актахъ, даже временъ Мареш Посадницы Великаго Новгорода.

Переселенія въ лѣса Печоры и Вычегды вообще для гонимыхъ за расколъ не были рѣдкостью, — и доказательства тому прямая — въ распространеніи старой вѣры между русскими печорцами. Ни одинъ разъ звѣроловы находили неизвѣстныхъ никому, небольшія общины. Попадалась подъ ноги имъ едва-примѣтная тропа и приводила въ чащу кустарниковъ, на берегъ рѣчки, а здѣсь стоитъ изба и въ ней живутъ невѣдомые люди, которые говорятъ по-русски, принимаютъ ласково, угощаютъ радушно и за все это просятъ клятвы никому объ нихъ не рассказывать. На Печорѣ расскажемъ такой случай. На томъ каналѣ (наз. Екатерининскимъ), который соединяетъ Печору съ Волгой у ундеръ-офицера пропала дочка. Пошла она въ лѣсъ по-ягоды гулять, — и исчезла. Искали ту пропажу по болотамъ, по лѣсамъ, по мелкимъ частымъ пескамъ и нашли ее въ той избѣ, на которую натолкнулись лѣсные промышленники. Дѣло огласилось. Земское начальство пустилось въ поиски, по замѣченной тропинкѣ: избу нашли, бѣглыхъ поймали, а дѣвица сгинула-пропала. Узнали еще, что отшельники жили въ изобиліи, сѣяли хлѣбъ, садили огородъ, имѣли скотъ и, видимо, находились въ общеніи съ другими общинами.

На Кѡлгуевѣ живутъ болѣе ста самоѣдовъ, лѣтъ пятьдесятъ назадъ тому выселившихся сюда, или на правахъ оленныхъ пастуховъ по найму отъ мезенскихъ богачей, или, наконецъ, по доброй волѣ (хотя это, впрочемъ, и меньшая часть). Переселенцы эти прекратили всякое сношеніе съ материкомъ и уже успѣли значительно обсемениться. Посѣщавшіе островъ береговые жители видали тамъ и грудныхъ дѣтей и подростковъ, не замѣчая въ нихъ никакихъ проявленій особенныхъ болѣзней (кромѣ свойственныхъ всему самоѣдскому племени оспы и сифилиса). На себѣ самихъ они не испытывали ни малѣйшаго признака всегда ненавистной и всегда гибельной цыгги, но даже, вернувшись домой къ осени, неизбѣжно встрѣчали такого рода привѣтствіе:

— Разнесло тебя, свать, раздробило; ужъ и впрямь сказать тебѣ одно надобно: либо съ Мурмана тебя принесло, либо съ Кѡлгуева. Хорошъ островокъ — дай ему, Господи, многіе годы!...‡

Все благопріятно на немъ: высокое, скалистое положеніе острова, пять значительныхъ по величинѣ рѣкъ съ прѣсной водой (Великая, Пушная, Кривая, Васькина и Гусиная), также нѣсколько прѣсныхъ озеръ близъ середины острова и самая середина эта, значительно поднятая надъ крайними берегами, стало-быть, обусловливающая постоянно передвиженіе воздуха морскими вѣтрами, отсутствіе значительныхъ по высотѣ скалъ, громаздящихся на другихъ островахъ плотными стѣнами, допускающими частый застой воздуха, который заражается тамъ лѣтнею порою зловредными испареніями гнѣющей морской туры (морскаго гороха); наконецъ, сильное теченіе океана, прямо

направляющееся мимо этого острова на Новую-Землю. Всѣ эти видимыя причины обуславливаютъ возможность существованія на островѣ Кѡлгуевѣ жителей. Правда, впрочемъ, и то, что не удивить, не обезсилить привычнаго самоѣда никакія физическія невзгоды и лишенія, если же онъ изъ вѣковъ сѣумѣлъ принаровиться къ своему дымному чуму. Въ немъ, лежа передъ разложеннымъ въ серединѣ костромъ, нагрѣваетъ онъ одинъ бокъ и въ тоже время студитъ другой: полежить и повернется.

Мезенскіе промышленники, одинаково привычныя и къ чистой, теплой деревенской избѣ, и къ самоѣдскому чуму, живутъ на Кѡлгуевѣ только лѣтомъ. Правда, что и для нихъ, какъ и для самоѣдовъ, по кѡлгуевской тундрѣ, растетъ несмѣтное множество морошки и настоитъ тяжелый трудъ, требующій напряженія физическихъ силъ и усидчивой работы. Во всякомъ случаѣ, Кѡлгуевъ — весьма гостепріимный, далеко непогибельный въ ряду другихъ острововъ нашего Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Если самоѣдскія семьи удерживаютъ на Кѡлгуевѣ богатство оленьяго моха, выстилающаго всѣ покатоcти острова, и, стало быть, легкую возможность прокармливать оленьи стада, вывезенныя сюда изъ мезенской тундры, — то мезенскихъ промышленниковъ влечетъ Кѡлгуевъ богатствомъ перелетной птицы, въ несмѣтномъ количествѣ наполняющей его.

— Если-бы вся-то округа наша пріѣхала сюда и всѣ бы суда свои, и крупныя и мелкія, привела съ собой, то и того бы на всѣхъ хватило. Таково обиліе птицы всякой на островѣ этомъ! — говорили мнѣ всѣ мезенскіе поморы въ одинъ голосъ, и какъ будто сговорившись.

— Ъздимъ на Кѡлгуевъ артелью, ѣздимъ и въ одиночку, какъ кого Богъ надоумитъ. На то у всякаго свой царь въ головѣ: это извѣстно — рассказывали мезенцы.

— Лодку обряжаемъ мы на ту пору не съ большимъ запасомъ, меньше новоземельскаго, потому на Кѡлгуевѣ самоѣдъ живетъ, и плохой у нихъ тотъ человѣкъ, который оленя поскупится для гостя зарѣзать — заѣдятъ всѣ другіе. Къ тому же у насъ съ ними таковъ уговоръ и обычай, чтобы каждая артель по бочкѣ соленыхъ гусей на харчи самоѣда, при отѣздѣ домой, безпремѣнно отдавала. Такъ ужъ и ведемъ съ коихъ поръ.

— Ну, вотъ ѣдемъ мы, значить на Кѡлгуевъ греблей, либо бѣжимъ парускомъ — какъ кого Господь взыщетъ. Слушай: море тебѣ либо тишь да гладь отдастъ, либо вольненькой, легонькой моряной въ бока поталкиваетъ, а не то и всѣмъ взоднишномъ мотаетъ, словно со зла да на смѣхъ.

— Слушай опять: нашему брату это горе: лихая потѣха, безъ нея нельзя, мы уже съ ней свычны отъ той поры, какъ на дыбкахъ.

стояли, а безъ матери и пищи насущной промышлять могли. Ёдемъ мы на Кѳлгуевъ, день, ёдемъ другой,—а чего Боже сохрани!—и третій, особо если въ греблѣ идешь отъ самаго матераго берега: небо тебѣ сверху, небо съ боковъ, да море—наше поле. Ничего не видать кругомъ, словно и свѣтъ-то тутъ весь къ исходу подошелъ, словно и конецъ его тамъ и нѣтъ тебѣ дальше никакого спасенья. Отъ скуки хлѣбца потреплешь, сѣмушки поѣшь, коли есть она у тебя, да не забьлъ ты ее прихватить съ собой. Ладно! Поѣшь, значитъ,—насытишь свою утробушку богоданную, перекрестишься разъ-другой третій, ребячь чередныхъ въ веслахъ оставишь, самъ на боковушку ляжешь, соснешь, сколько силъ твоихъ хватить: хорошо же, вѣдь это, благодатно на ту пору бываетъ. Вѣрь ты въ этомъ слову моему нелживому! Скуки мы тутъ никакой не замѣчаемъ и вспомнить-то объ ней и въ умъ не приходитъ. Право, такъ. Ладно, ну! слушай-же дальше:

— Ёдемъ опять, позѣвываемъ, разговоръ—какой наклѣется—ведемъ, въ лихой часъ и пѣсню равкнемъ всей-то артелью, ведемъ и ее сколько опять-таки нашей силы хватаетъ. Бываетъ же и эдакъ: что предъ тобой грѣхъ-отъ этотъ таить! Ёдемъ, ёдемъ: Кѳлгуевъ запримѣчаемъ, словно камень какой вдалекѣ—радуемся. А камень этотъ въ недѣлю только и обѣгаемъ вокругъ на лыжахъ; верстъ же ста три съ половиной легко тутъ, большой островъ, изъ самыхъ большихъ—въ этомъ и спору быть не можно. Ёдемъ мы опять-таки, стѣло быть, все ближе да ближе; рѣченки его, что въ море выбѣжали, камни по одиночкѣ, чумъ какой — все видимъ, все богатство его великое видимъ, все до пустяка послѣдняго: тальничекъ его — лѣсъ дремучій, что отъ земли поднялся на поларшина,— да и зачахъ на вѣка-вѣчные, не пошелъ выше; морошку видимъ, что во все лѣто созрѣть инымъ годомъ не успѣваетъ; самоѣдскую рожу видимъ. Стой, значитъ, братцы, пріѣхали: молись Богу, да и ступай къ знакомому самоѣду оленя свѣжить, водкой поить крестиваго. И тутъ опять-таки хорошо, вальяжно бываетъ! Не наскучиль-ли?

Круто оборванная рѣчь требовала поощренія:

— Весело началъ, скуки не жду. Продолжай, пожалуйста!

— Не опять-ли съ начала, какъ въ сказкѣ про бѣлаго быка, что наши старухи на печи рассказываютъ. Ну инъ быть по твоему: поведу съ конца. Слушай и не мѣшай ты мнѣ, коли я распоясался. Таковъ ужъ человѣкъ отъ бытія своего, съ самаго съ рожденія. Намъ вѣдь у моря горевать нѣчего. „Не унывай!“ и въ писаніи сказано.

— Вотъ и пріѣхали, и выпили крѣпко-на-крѣпко, и поплясали, пожалуй: вѣдь безъ того и дѣла не начнешь. Выпей опять-таки, сказано выпей морской человѣкъ, только не пьянствуй: въ пьянствѣ зло, а не въ выпивкѣ. Такъ и мы: выпить выпьемъ, а дѣло смекаемъ:

— На ту пору... (стану я говорить, ужь откашлявшись) на Кóл-гуевъ птица прилетѣла вся и ведетъ безустанной крикъ, — въ Соло-вецкомъ отъ чаекъ такова не бываетъ! Разговору да крику даетъ она на ту пору много, только привычному человѣку и выносить: тутъ и гусь гогочетъ крѣпче всѣхъ; тутъ и гагга своимъ горлышкомъ звонить, словно въ стеклушки; тутъ и утка—олейка (*anas rutilia*), чѣрнетъ (порокъ—*fuligula cristata* и *f. glacialis*) сычитъ, словно пьяный мужикъ съ перепою. И чайку слышишь, и всѣхъ слышишь и безотмѣнно всему этому крику порато-шибко радуешься. Такъ вѣдь и надо. Дай же я опять откашляюсь!..

— Слушай опять, коли нравится: извѣстно ужь, на всемъ намъ на этомъ весельи одно остается: кому ружье продувать, кому въ продутое зарядъ всыпать, а кому и правое око къ прицѣлу да и въ лютаго врага—супостата. Май мѣсяцъ, іюнь опять, беремъ мы эту птицу такимъ побытомъ на стрѣльну, на гнѣздахъ. Кто гораздъ стрѣлять—много беретъ, кто послабѣе—ликуй Исаія... А впрочемъ, всѣмъ благополучно, въ накладѣ никто не останется. Убитую мы птицу въ кучи складываемъ, лежитъ она матушка, тухнетъ, коли дожди льютъ, а не то и сама подпрѣваетъ. Намъ это ничего, потому на больно-то хорошее не поважены, — ѣдимъ и такихъ въ сласть да прихваливаемъ! Намъ къ душинѣ-то этой, послѣ мурманской трески, да гридинскихъ сельдей, не привыкать же стать. Ну вотъ: полежать у насъ набитые гуси, подождутъ своего череду, когда мы стрѣлять поустанемъ, или порохъ подъ исходъ пойдетъ — мы ихъ посолимъ, въ бочки сложимъ. Новинку станемъ отвѣдывать, за уши тоже деремъ другъ друга, съ приговоромъ: все какъ быть по христіанскому по обычаю...

— Вѣдай же дальше вотъ что: передъ Прокофьевымъ днемъ (въ началѣ іюля) гуси—яловики (бездѣтные) линять начинаютъ, на самый Прокофьевъ день (8 іюля) у нихъ глухая лѣнь бываетъ. Лѣнный гусь летать уже не можетъ: пера на немъ мало, пухъ словно выщипалъ кто. Сидитъ тотъ гусь словно обиженный, и молвы лишается, и сидитъ прикурнувши, прячется и отъ человѣка таится, словно стыдно ему наготы-то своей, какъ бы и нашъ братъ православный человѣкъ безъ малицы: рѣшительное подобіе! Вотъ какъ сѣлъ этотъ лѣнный гусь на малыхъ озерахъ, да пустилъ большое въ запасъ, чтобы ходить туда за пищей денной—мы порохъ прячемъ далеко, о ружьяхъ и не вспоминаемъ, а беремъ, вмѣсто ихъ, за сѣти. Тутъ ужъ не работа, а масляница, и дѣло вотъ какого толку и принаровки.

— На всѣхъ тѣхъ переходахъ изъ малыхъ озеръ въ большое, гдѣ гусь ходить любитъ, мы распутываемъ сѣти свои, крыльями далеко по сторонамъ, въ серединѣ — у малыхъ озеръ — воротца оставляемъ для входу птицы. У воротецъ, изъ тундры, дѣлаемъ вѣздець такой: къ озеру покатый, въ серединѣ круга крутой, прекрутой, чтобы не

могъ гусь драда дать назадъ, коли попалъ онъ, по нашему велѣнью, въ матищу сѣти. Сдѣлаемъ мы все это (а дѣло и часа времени не займетъ)—спускаемъ собакъ, сами шумимъ да лаемъ, чтобы зналъ гусь, что ему изъ малаго озера въ большое выходить надо. Тутъ нашъ братъ сноровку знай: не потянулъ бы передовикъ-гусь въ гору, помимо сѣти твоей. Потянулъ одинъ — за нимъ и всѣ побѣгутъ (таковъ ужъ у нихъ досельный обычай!) А побѣжали гуси въ гору, ты за ними и на оленяхъ не угонишься: круто (шибко) бѣгаютъ. Отъ собакъ бѣгутъ они въ воду, отъ человѣка въ воду — это тоже примѣта: такъ и знаемъ, а потому и творимъ дѣло съ опасомъ, не борзяся и малымъ ребятамъ не подобясь. А попалъ одинъ гусь въ воротца, за нимъ и другой и сотый побѣжитъ. Тутъ только прыгай за нимъ да лови въ охапку, да отвертывай головки. А это ужъ малаго ребенка руководѣліе—легкая забава, безобидная!..

— А не побѣгутъ въ воротца?

— Да на это человѣку и хитрость дана, для этого человѣкъ и бородой опушается—по мнѣ, это такъ, да и эдакъ, пожалуй, что вотъ есть и такіе хитрые сѣрые гуси—гуменниками мы ихъ зовемъ—что хитрый звѣря трудно найти, не токма какую глупую, слабую птицу. Любитъ гусь этотъ таяться—не скоро ты его отыщешь. Да и отыщешь, дѣло вести съ нимъ не мутовку лизать.

— Мы хитрую эту птицу, на лодкахъ выѣзжаячи, на середину озера съ опасомъ съ великимъ сгоняемъ, да и тутъ онъ тебѣ козлы ставить: человѣка онъ видитъ, человѣка онъ за врага знаетъ и творить съ нимъ всякую кознь. Въ середину озера онъ нейдетъ, на этотъ разъ кучевой артели до смерти боится. Мы и собакъ держимъ на этотъ часъ на привязи, чтобы не лаяли, не пугали, и веслами легонько гребемъ, не токма разговоръ, и духъ-отъ, пожалуй, въ себя вбираемъ. А гусь все свою жизнь бережетъ, все опасается, все оглядывается, все не тянетъ въ кругъ. Одинъ и на берегъ выйдетъ, пожалуй: и все оглядывается, все человѣчью-то нашу хитрость ни въ грошъ не ставитъ, надсмѣхается. А побѣги онъ, побѣги, Христа ради!—всѣ за нимъ, всѣ за нимъ!.. хоть побожиться.

Разсказчикъ привскочилъ съ мѣста, махалъ руками, учащенно крестился и, не говоря уже ничего дальше, крутилъ только пальцами и кистью правой руки, показывая, вѣроятно, движеніемъ этимъ тотъ счастливый моментъ гусиной ловли, когда они, стянувъ сѣти, чтобы не пускать своихъ живыхъ плѣнниковъ обратно въ воду, начнутъ вертѣть имъ злополучныя головки. Долго разсказчикъ не могъ собраться съ силами, продолжая крутить уже подъ-конецъ обѣими руками, головой и плечами, возбуждая этими движеніями неудержимый общій смѣхъ.

— Гусь—клокотъ (бѣлолобкій *anser albifrons*) дуракъ, у того и голова-то, коли не коровья съ другости съ его, такъ я ужъ и не знаю

чья! — выговорилъ наконецъ разсказчикъ забавно-прерваннаго имъ разсказа.

— Гусь—клокотъ, говорилъ онъ потомъ: башковатостью-то своей развѣ только съ одной казарой спорить можетъ (черный гусь, онъ же и „нѣмокъ“ — *anser torquatus*). Эта сударыня такая несосвѣтлая неумытая дура, что сама въ наши промысловыя избы заходитъ; да на смѣхъ мы и сами ее туда загоняемъ когда, отъ большаго бездѣлья. Отъ слѣпоты ли это она дуристъ, съ большаго ли перепуга, человѣка-то ли она больно любить, или ужъ отъ рожденья у ней на это такая слабость—сказать не могу!..

Разсказчикъ опять перевелъ духъ, тѣмъ болѣе, что послѣднія слова свои говорилъ онъ такъ бойко и скоро, что съ трудомъ можно было услѣдить за нимъ даже со стенографомъ.

— И вотъ! продолжалъ онъ, охорашиваясь и нѣсколько съ торжественнымъ видомъ, высоко поднявши голову. И вотъ, ваше высокое благородіе, не торговый ты человѣкъ, мой гостенекъ дорогой! — вывозимъ мы съ Колгуева острова гусей этихъ самыхъ, по общей смѣткѣ, сказываютъ сто тысячъ штукъ. А могли бы и больше—ну, да это ладно! объ этомъ я тебѣ и вспоминать больше не стану, а поведу тебѣ рѣчь свою къ концу и на пущую докучу о томъ, что на нашъ Колгуевъ еще груманскія гаги прилетаютъ, и зовемъ мы ихъ *турпанами* (*oedima nigra*, нырокъ синьга). Это—не то тебѣ утка морская (каумбахъ), не то настоящая гагга, а прилетаетъ ее на Колгуевъ несмѣтное тоже число. Садятся онѣ больше на лѣтней (южной) сторонѣ, на меляхъ Кривѣчихъ или Тонкихъ Кошкахъ (корги-то эти и море, почестъ, никогда не топить, не заливаешь водой). Сидятъ онѣ тутъ, не кричатъ въ кругахъ, а выгонишь ихъ въ гору къ сѣтямъ. Бѣгутъ не долго, сейчасъ отдохнуть садутъ, потому больно жирны и пахнутъ. Тутъ ихъ не стрѣлай, а то всѣ въ растѣку ударятся, а гони опять безотмѣнно въ сѣти попадутъ, ингодъ тысячь пять, а не то и всѣ пятнадцать за одинъ разъ. Щипать ихъ только трудно бываетъ послѣ: твердо, туго, докучливо, опять таки оттого, что крѣпко жирны *. Чѣмъ больше лодокъ пускаемъ въ ходъ, тѣмъ и удачи больше имѣемъ. Тутъ вся хитрость подогнать ихъ къ берегу, не пускать въ голомя. А затѣмъ угодишь собрать ихъ въ табунъ и — погонишь. Бѣгутъ онѣ, съ боку на бокъ переваливаясь, боковыя покружатся около середнихъ да и устанутъ, и эти садутъ. А тамъ только отдѣляй въ кучи шестью по участкамъ, да и гони потомъ въ какую сѣть поже-

* Извѣстно также что знаменитый гагачій пухъ собирается нашими поморами въ гнѣздахъ, которыя и выстилаетъ птица этой пушниной. Гагачій пухъ имѣетъ впрочемъ то неудобство, что худо вычищенный, въ излишкѣ пропитанный жиромъ, онъ скоро свѣтывается въ плотный войлокъ. Въ иной годъ его добывали до 60 пудовъ.

лаешь. Идутъ охотно безъ разговоровъ, словно человекъ изъ бани вышелъ, да крѣпко запарился, да на печь полѣзъ спать послѣ того и разговору держать никакого не можетъ. Вѣрь ты и въ этомъ моей совѣсти, какъ своей: вратъ мнѣ не изъ чего! Беремъ мы съ гагаръ и гапки (она же и гавка и даже гагунъ, — *samoteria molissima*) этой опять подать яйцами. Яйца кладутъ онѣ на воду, на мелкое мѣсто, на холмушки, на травничекъ. Тутъ и собираемъ и ѣдимъ въ отми́нное свое удовольствіе. Гагаръ мы, пущай, и не бьемъ, потому гагара крѣпко рыбой пахнетъ.

— Съ гагарами ужъ самоѣдъ расправляется * Это ужъ ихнее дѣло. Съ тѣмъ и будетъ!—кончилъ рѣчь свою рассказчикъ, закругливъ ее, по обыкновенію всѣхъ своихъ земляковъ, долгимъ и низкимъ поклономъ.

— Что же затѣмъ еще есть у тебя?

— А затѣмъ и ихъ щиплемъ и ихъ солимъ, что и гусей же. Штукъ по сту, по полтора ста въ одну бочку прячемъ. Съ тѣмъ и въ торговлю пускаемъ, а дальше тебѣ и сказывать нечего!..

Дальше сказать можно еще то, что дурной, скудный посоль, хотя и хорошей заграничной солью, а главное при этомъ — неоприятность и крайняя небрежность и неумѣнье, дѣлаетъ изъ этихъ жирныхъ и вкусныхъ гусей такой скверный продуктъ, который и разить непріятнымъ запахомъ псины, и на вкусъ отвратителенъ для всякаго непривычнаго человека. Не въ особенномъ почетѣ кѣлгуевскіе гуси и у туземцевъ, хотя и считаются праздничнымъ блюдомъ. Богатые ижемцы, на примѣръ, даже не ѣдятъ ихъ, а въ Архангельскѣ тѣ же гуси, свезенные на мезенскихъ лодьяхъ для продажи, раскупаются только бѣднымъ, неприхотливымъ соломбальскимъ и кузнечевскимъ населеніемъ города, по самой дешевой, почти баснословной цѣнѣ (по 6 и по 7 коп. сер. за шт.). Причину всего этого надо искать въ томъ давно-установившемся и, по несчастію, еще справедливомъ до

* Кривливая гагара (*urina troile*) замѣчательна еще тѣмъ, что даетъ со спинны и съ брюха легкія, мягкія, теплыя бѣлыя шкурки, изъ которыхъ туземцы дѣлаютъ мѣха для шубокъ, душегрѣекъ и салоновъ. Изъ шеекъ гагаръ (сизыхъ съ бѣлыми крапинками, расположенныхъ четырехъ угольникомъ въ серединѣ) дѣлаютъ также родъ птичьего мѣха, употребляемаго на шапки, муфты и т. п. Мѣхъ этотъ красивъ и оригиналенъ, и, сверхъ того, на дождь и свѣту непромокаемый, дѣлается еще красивѣе, еще чище и сизѣе (см. также статью „Печорскій князь“). Ее не слѣдуетъ смѣшивать съ той „гагаркой“ (вшивкой, *colymbus anritus*), которая слышна и видна на озерахъ близъ Сѣверной Двины, съ длинной шеей, рогастой головой и несоразмѣрными съ туловищемъ крыльями. Про нее рассказываютъ, что будто бы, прилетая ранней весной, когда на поляхъ и лугахъ стоитъ еще вода, она вьетъ гнѣздо на кусту, и къ нему призываетъ его на свитой изъ прошлогодней травы длинной веревкѣ. Гнѣздо, конечно, плаваетъ, хотя и привязаннымъ; и въ него она кладетъ яйца. Когда вода сбудетъ, гнѣздо опустится на сухую землю.

сихъ поръ мнѣніи, что и поморъ архангельскій также, какъ и всякій другой русскій человѣкъ, на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось, да какъ-нибудь; хотя тотъ и другіе давно и хорошо знаютъ, что знайка бѣжить, незнайка лежитъ, что во всякомъ дѣлѣ починъ дорогъ. Архангельцы стали же въ послѣднее время высылать въ столицы и хорошую рыбу, и хорошо-просоленныхъ сельдей.

Между тѣмъ, Колгуевъ, и кромѣ птицы, богатъ очень многимъ. Мезенцы ограничиваются почти исключительно добычею гусей, морскихъ утокъ и гаги, пухъ которой по осенямъ убѣляетъ всѣ южные склоны островныхъ холмовъ. Печорцы промысляютъ тутъ песцовъ и волковъ, имѣютъ здѣсь часть оленей; остальные промысла предоставляются умѣнью и толку самоѣдовъ. Эти стрѣляютъ по берегамъ нерьпу, которая любитъ поѣжиться одинаково и на льдинѣ, какъ и на шероховатомъ, оголяемомъ въ морской отливъ камнѣ, и моржей, морскихъ зайцевъ (*phoca barbata* болѣе длинною и густой шерстью, чѣмъ у нерьпы), которые, хотя и рѣдко, но выстаютъ и здѣсь также, какъ и на Новой-Землѣ. Неводятъ самоѣды и жирныхъ, всегда прибыльныхъ бѣлугъ, хотя большая часть этого корыстнаго, сальнаго звѣря ускользаетъ отъ рукъ и угребаецъ потомъ и къ полюсу на свободу и въ Бѣлое море, въ болѣе опытныхъ и навывкнувшихъ въ дѣлѣ руки. Рыба, изобильно населяющая островскія рѣки и озера, какъ, на примѣръ, голецъ, сигъ, омули и кумжа (форели), вылавливается исключительно для мѣстнаго употребленія и, во всякомъ случаѣ, во всякое время способна обуславливать въ извѣстной степени и существованіе переселенцевъ, и возможность дальнѣйшаго посѣщенія этого острова береговыми сосѣдями его. Дикій лукъ и щавель, клюква и морошка, то-пливо, въ избыткѣ выбрасываемое моремъ на островскіе берега, служатъ немалымъ подспорьемъ ко всему вышесказанному, чтобы окончательно увѣриться въ возможности дальнѣйшаго заселенія Колгуева. Ошкуй (бѣлый медвѣдь) часто, правда, бродитъ по острову и творитъ свои неладныя медвѣжьи штуки, но противъ него найдется и горячая пуля, и мѣткій выстрѣлъ, и вѣрный взглядъ. Дикіе олени, въ свѣжемъ ихъ видѣ, даютъ вкусную и здоровую пищу. Множество песцовъ и лисицъ, издавна сдѣлавшихся уже аборигенами здѣшнихъ, хотя и пустынныхъ, но здоровыхъ климатомъ, мѣстъ, могутъ служить цѣлью небезвыгодной и нетрудной ловли. Впрочемъ все-таки на Колгуевъ пріѣзжаетъ немного: не болѣе 50—60 промышленниковъ, но и тѣмъ однихъ гусей удается вывозить штукъ до 100 тысячъ, да отъ 70 до 100 пудовъ гусянаго и утиного пуху, пудовъ 50 мелкаго перья, штукъ до 400 лебяжьихъ шкуръ.

Кривая-рѣка и Гусиная давно уже извѣстны мезенцамъ, какъ довольно удобныя становища для судовъ; а губа Промѣй, далеко врѣзавшаяся узкимъ рукавомъ своимъ въ островъ, также давно уже слу-

жить безопаснымъ рейдомъ для самыхъ крупныхъ бѣломорскихъ судовъ, каковы лодьи и шкуны.

Ждетъ ли островъ Кѳлгуевъ (для того, чтобы приносить собою большія выгоды туземному краю) честно задуманной, умно поведенной компаніи, или его также постигнетъ такая же плачевная участь, какую несетъ отъ русскихъ промышленниковъ богатый, хотя и дальній Шпицбергенъ—рѣшить не беремся. Во всякомъ случаѣ, по всѣмъ слухамъ, по общему мнѣнію и по личнымъ соображеніямъ, Кѳлгуевъ далеко не того стоитъ, во что сѣумѣли оцѣнить его до настоящаго время всѣ знающіе и посѣщавшіе его. Жаль, если какая-нибудь предпримчивая и понимающая дѣло компанія не удержитъ мезенцевъ отъ береговыхъ промысловъ, которые успѣли уже приучить ихъ къ лѣвни и къ какой-то апатіи, особенно если принять въ соображеніе слобожанъ (жителей города Мезени) и сосѣдей ихъ къ югу по рѣкѣ Мезени. Примѣръ на глазахъ: богатый Шпицбергенъ (Грумантъ, по архангельскому нарѣчію) брошенъ русскими въ добычу голландцевъ и норвежцевъ, которые выбиваютъ тамъ и китовъ, и огромныя юрова (стада) моржей, и бѣлугъ, и другихъ крупныхъ и мелкихъ звѣрей. Крайняя ли отдаленность этого острова (болѣе 600 верстъ отъ берега), нездоровый ли климатъ его, несчастныя ли попытки туземцевъ, изъ которыхъ самая послѣдняя огласилась на всю Россію неслыханнымъ въ тѣхъ мѣстахъ кровавымъ преступленіемъ * — причиною этому, но во всякомъ случаѣ, Шпицбергенъ уже не посѣщается русскими промышленниками. Словно путь къ нему зачурованъ и заказанъ впередъ на неисчетные годы.

Только пѣсня одна, нехитро сложенная, хотя все-таки оригинальная сама по себѣ, можетъ быть, будетъ ходить въ народѣ, а, можетъ быть, и забудется также скоро, какъ забыли поморы путь на давно-знакомый имъ Грумантъ. Случайно попалась пѣсня эта въ мои руки отъ одного изъ мезенскихъ стариковъ. Спѣшу привести ее здѣсь всецѣло, со всѣмъ ея нехитрымъ, доморощеннымъ складомъ и смысломъ.

Ужъ ты хмѣль, ты хмѣль кабацкой,
Простота наша бурлацка;
Я съ тобою хмѣль спознался,
Отъ родителей отсталъ,
Отъ родителей отсталъ—
Чужу сторону спозналъ.
Мы другъ съ другомъ сговорились
И на Грумантъ покрутились
Контракты заключили

* Пропишествовіе это, со всѣми своими ужасающими подробностями, своевременно объявлено было въ „Морскомъ Сборникѣ“ (1853 г., т. IX, № 6) и потому повторять его теперь было бы совершенно излишнимъ.

И задатки получили.
Прощай, лѣтнія гулянки:
Подъ горою стоятъ барки!
Мы гуляли день и два,
Прогулялись до-вага.
Деньги всё мы прогуляли,
Наши головы болятъ,
Поправиться хотятъ
Мы оправиться хотѣли,
Но у корщика спросились;
Корщикъ воли не даетъ,
Насъ всёхъ на лодью ведетъ.
Якоря на бортъ сдymали,
Паруса мы подымали,
Во походъ мы направлялись,
Со Архангельскимъ прощались:
Прощай, городъ Архангельскъ!
Прощай, матушка-Двина!
Прощай, бражницы—квасницы
И пирожны мастерицы!
Прощай, рыпокъ и базаръ!
Никого намъ здѣсь не жаль.
Ужъ мы крѣпость * проходили,
До брамвахты доходили.
На брамвахтѣ прописались,
Въ Бѣло-море выступали.
Бѣло-море проходили,
Въ океанъ—море вступили;
Океанъ море прошли
До Варгаева ** дошли.
Мы на гору выѣзжали,
Крѣпка рому закупали:
Мы до пьяна напивались,
Другъ со дружкой подрались.
Ужъ мы на лодью припили,
Со Варгаева пошли.
Прощай, городъ Варгаусъ,
Намъ попало рому въ усь!
Прощай, бирка съ крутиками,
Село красно со песками!
До Нортъ-Каа мы дошли
Оттуда въ голомя пошли;
До Медвѣдя *** доходили,
И Медвѣдь мы проходили:
Больши льды вдали бѣлѣютъ
И моржи на льдахъ краснѣютъ.

* Новодвинскую, расположенную въ 17 верстахъ отъ города Архангельска, на восточной сторонѣ, близъ березовскаго устья р. Двины.

** Вардегузъ—небольшая норвежская крѣпость.

*** Медвѣдь-островъ.

Заеда * на льдахъ лежатъ,
 Нерпы ** на лодью глядятъ.
 Во льды мы заходили
 И между льдами мы пошам.
 Еще Груманта не видно,
 А временятся Соколы ***.
 Вы ко Груманту пришли
 Становища не нашли—
 Призадумались немного.
 Тутъ сказалъ намъ коршникъ строго:
 „Ну, ребята, не робѣй,
 Вылѣзай на марса-рей:
 И смотрите хорошенько!
 Что мнѣ помнится маленько:
 Э-тамъ будто становье,
 Старопрежно зимовье!“
 „Ты правду намъ сказалъ!“
 Марсовой тутъ закричалъ,
 И рукою указалъ:
 „Мандолина противъ насъ,
 И въ заворотъ зайдемъ сейчасъ ****
 Въ заворотъ мы заходили,
 Въ становье лодью вводили,
 Чтобъ зимой тутъ ей стоять,
 Намъ объ ней не горевать.
 Тутъ на гору ***** собиравшись,
 Мы съ приваломъ поздравлялись;
 Въ становой избѣ сходились,
 Крестомъ Богу помолились;
 Другъ на друга мы взглянули
 Тяжеленько вздохнули:
 „Ну, ребята, не тужить!
 Надо здѣсь зиму прожить.
 Поживемъ, попромышляемъ,
 Звѣрей разныхъ пострѣляемъ!
 Скоро темная зима
 Проминуется сама;
 Тамъ наступитъ весна красна.
 Намъ тужить теперь наирасно“.
 И, бросивши заботу,

* Конечно, морскіе (*phoca leoporgina s. barbata*).

** Обыкновенный тюлень (*phoca vitulina s. annellata*).

*** Грумантскія (шпицбергенскія) горы. Временятся—по временамъ показыва-
 ются еще тускло, какъ-бы въ туманѣ, по зависимости отъ преломленія лучей въ воз-
 духѣ. Предметы отдаленные приближаются, либо измѣняютъ свой видъ.

**** Эти послѣднія строки, несмотря на всю наивность формы, имѣютъ тотъ мно-
 гознаменательный смыслъ, что поморы, имѣющіе плохія карты и матеи (компасы),
 ѣздятъ большею частію *по своей вѣрѣ* (говоря ихъ выраженіемъ), т. е. по примѣтамъ,
 на память, а, стало быть, и всегда наугадъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствуютъ они
 съ перваго дня своего политическаго существованія.

***** На берегъ.

Принялись мы за работу:
Станову избу исправить,
Полки, печку приналадить,
Отъ погодъ обороняться
И теплѣ согрѣваться.
А разволочныя * избушки
Строить, будто какъ игрушки,
Научились мы тотчасъ.
Поздравляю теперь васъ!
По избушкамъ потянулись,
Другъ со другомъ распростились,
И давай здѣсь зимовать.
Промышлять, звѣрей смекать **.
По избушкамъ жить опасно,
Не пришла бы смерть напрасно.
Мы кулемки *** становили:
Псечей черныхъ наловили,—
А оленей дикихъ славно
Мы стрѣлили пренсправно.
Бѣдой ѡшкуй господишь—
Онъ къ намъ часто подходилъ.
Дикарино мясо кушать
И у насъ въ избахъ послушать,
Что мы говоримъ.
А мы пулю въ бокъ дадимъ,
Да и спицами **** въ конецъ
Закодаемъ наконецъ.
Медвѣдь бѣлой тамъ сердить,
Своей лапой намъ грозить,
И шататься не велить.
Тамъ безъ спицы мы не ходимъ:
Часто ѡшкуя находимъ.
Темну пору проживали,
Николи не горевали;
Какъ свѣтлѣ стали дни,
Съ разволочныхъ потянулись,
Въ станову избу пришли—
Всѣхъ товарищей нашли.
Какъ великой постъ пришелъ—
Слухъ до всѣхъ до насъ дошолъ,
Какъ моржи кричать, гремятъ,
Собираться вѣтъ велятъ.
Карбаса мы направляли
И моржовъ мы промышляли
По расплавамъ и по льдамъ,

* Промысловыя.

** Искать и ловить.

*** Ловушки для мелкаго звѣря, какъ-то: лисицъ, песцевъ, куницъ, горностаевъ, выдръ и проч.

**** Рогатина —копье, даже въ иныхъ случаяхъ—родъ багра съ остриемъ и зазубриной, или крюкомъ ниже острия. Впрочемъ, багоръ этотъ чаще носитъ названіе *моска*.

По заливамъ, по губамъ
И по крутымъ берегамъ.
А моржовъ мы не боимся
И стрѣлять ихъ не стыдимся..
Мы ихъ ружьями стрѣляли.
И носками принимали,
И ихъ спицами кололи.
И вязали за *тички* *.
Промышляли мы довольно,
И поѣхали на лодью;
Лодью мы нагрузили
И отправились мы въ ходъ,
Съ Грумантомъ прощались:
Прощай, батюшка ты Грумантъ!
Кабы больше не бывать
Ты Грумантъ—батюшка страшнѣ:
Весь горами овышонъ,
Кругомъ льдами окружонъ.
На тебѣ намъ жить опасно—
Не пришла бы смерть напрасно.

Приводя эту длинную, наивную, по своей формѣ, иѣсную, мнѣ все-таки кажется, что и сквозь простыя, нехитрыя слова ея и подражательный размѣръ (веселаго и скорого напѣва) можно видѣть горькія слезы скучнаго одиночества—Богъ-вѣсть, (въ какомъ мѣстѣ, рѣшительно на краю свѣта, тѣ горькія слезы, которыя доводится испытывать только на морѣ, когда на волоску висишь отъ смерти, когда, забывая все остальное, видишь и бережешь только одного себя. Нѣтъ, для береговаго человѣка лучшихъ поговорокъ, какъ: „хвали море, а сиди на берегу—съ моря жди горя, а отъ воды бѣды“, и все-таки, оттого, что „дальше моря, меньше горя...“

10. Берестяная Книга.

Береста, собственно верхній свѣтлый слой, наружная оболочка березовой коры, имѣетъ, какъ извѣстно, огромное приложеніе къ практической жизни простаго русскаго человѣка. Онъ представляетъ легкій, подручный и удивительно-пригодный матеріалъ подъ названіемъ скалы для растопокъ печей, топливъ на пастбищахъ, овиновъ по осенямъ, на исподнюю покрывку кровель вмѣсто лѣса, подъ тесть на обертку комлей столбовъ для охраны отъ гнилья, и проч.—Береста, съ другой стороны, служить дешевымъ и удобнымъ матеріаломъ для разныхъ подѣлокъ, необходимыхъ въ домашнемъ быту. Если слѣдовать строго-

* Клыки.

систематическому порядку постепенности въ описаніи всѣхъ практическихъ примѣненій этого продукта, имя котораго стоитъ въ заголовкѣ этой статьи, то, какъ на первообразъ этого примѣненія, можно указать на тѣ самодѣлки-ковшечки, которыхъ такъ много плаваютъ во всѣхъ придорожныхъ ключахъ для услуги утомленнаго лѣтнимъ зноемъ путника, не всегда запасливаго, хотя подчасъ и сметливаго. Второй видъ примѣненія бересты, естественно, тотъ сосудъ, который такъ пригоденъ и въ дальнихъ странствіяхъ на богомолья, и въ ближнихъ на страды и годовые праздники, и въ которомъ пригодно держится въ деревняхъ и сотовый медъ, и густая, вкусная брага, въ которомъ, наконецъ, привозятся въ столицу національныя лакомства, будетъ-ли это уральская икра, или лучшій вятскій (сарapulскій) медъ, или даже каргопольскіе соленые рыжики и ярославскіе грузди. Сосудъ этотъ зовется буракомъ въ средней и южной части Россіи, и туезомъ—по всему сѣверу и по всему сибирскому краю. Ступанцы—тѣ же лапти, только не липовые (не лыковые) и не веревочные шептунны, служащіе простому народу вмѣсто туфель—всегда цѣлыми рядами видны въ любой крестьянской избѣ подъ печными приступками подлѣ голбца, плетены всегда изъ лентъ бересты. Ступанцы эти какъ туфли надѣваетъ и баба, идущая изъ избы загонять въ загороды коровушекъ и овечекъ, и мужикъ, которому надо провѣдать коней, наколотъ дровъ, накачать воды изъ визгливаго колодца. Берестяныя же плетушки—саватѣйки, содержащія внутри себя всю необходимую подручную лопать (одежду и бѣлье), торчатъ сзади, на спинахъ всѣхъ тѣхъ странниковъ-калѣкъ переходящихъ, которыхъ можно видѣть значительными толпами и по Троицкой дорогѣ за Москвой, и въ уродливыхъ лодьяхъ на Бѣломъ морѣ между Архангельскомъ и Соловками. Онѣ же торчатъ и за плечами бродягъ, толпами идущихъ изъ Сибири въ Россію, съ каторжной неволи на лѣсное и степное приволье. Изъ той же бересты шиваютъ тунгузы конскими волосами свои лѣтнія юрты—*урусы*. По Ветлугѣ (въ Костромской губерніи) береста породила новую и довольно-значительную отрасль промышленности: тамъ изъ бересты гнутъ круглыя табакерки-тавлинки, которыя, съ фольгою по бокамъ и ремешкомъ на крышкѣ, обошли всю Россію, удовлетворяя неприхотливому вкусу небогатыхъ нюхальщиковъ. Одинъ изъ умершихъ уже въ настоящее время мастеровъ своего дѣла, въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ одномъ изъ дальнихъ и глухихъ мѣстъ нашей Россіи, дѣлалъ для себя и по просьбѣ короткихъ знакомыхъ цѣлыя картины и портреты, вырѣзая и оттискивая ихъ рельефомъ на той же берестѣ *. На этомъ, повидимому, и должна остановиться

* Авторъ этой статьи видѣлъ два портрета его работы, замѣчательные по чистотѣ, оригинальности отдѣлки и по разительному сходству: портреты фельдмаршала въ Кутузова-Голенищева-Смоленскаго и Барклая-де-Толли, вырѣзанные художникомъ въ 1820 году.

всякая иная попытка къ усовершенствованію и дальнѣйшему приложенію такого грубаго, но прочнаго матеріала, какова береста. Но мнѣ удалось въ мезенскихъ тундрахъ найти новую рѣдкость, указывающую на то, что береста можетъ служить матеріаломъ для составленія цѣлыхъ книгъ, и если не вовсе можетъ замѣнить бумагу, то во всякомъ случаѣ, и легко, и удобно служить замѣною ея въ крайнихъ случаяхъ при ощутительномъ недостаткѣ.

Живущіе въ тундрѣ (въ оленяхъ—говоря мѣстнымъ выраженіемъ) по цѣлымъ годамъ удалены бываютъ отъ людей и всякаго съ ними сообщенія за непроходимыми болотами лѣтомъ, глубокими и непроѣзжими снѣгами—зимою. Скитаясь, по волѣ и капризамъ оленей, съ одного мѣста на другое, живущіе въ тундрахъ (даже и русскіе) привыкаютъ къ однообразной жизни и разнообразятъ ее только охотой съ ружьемъ, съ неводами, съ капканами и проч. Но бываетъ и такъ, что судьба и обстоятельства загоняютъ въ тундру и тѣхъ изъ русскихъ, которые привозятъ съ собою грамотность, такъ значительно развитую въ тамошнемъ краю, забывая часто бумагу. Изрѣдка (въ годъ—въ два раза) наѣзжающіе изъ *Городка* (Пустозерска), по пути на пинежскую никольскую ярмарку, привозятъ съ собой только чай, кофе и сахаръ; предметамъ письменности тутъ нѣтъ мѣста. Между тѣмъ, темныя осеннія и зимнія ночи съ коротенькимъ просвѣтомъ способны нагонять и на привычнаго человѣка тоску и скуку, которыя были бы безвыходны, если бы и здѣсь не явились на помощь грамотность и умѣнье писать.

Изъ пережатой березовой корки дѣлается клейкая сажа, которая, будучи разведена на водѣ, даетъ довольно-сносныя чернила, по крайней мѣрѣ, такія, которыя способны оставить очень примѣтный слѣдъ по себѣ, если и обтираются по верхнему слою. Орлы и дикіе гуси, которыхъ много по тундрѣ и которымъ трудно улетѣть отъ мѣтнаго выстрѣла привычныхъ охотниковъ, даютъ хорошія перья. А вотъ и подручная, всегда удобно-обдирающаяся по слоямъ береста, которую можно и перегнуть въ страницы, и на которой можно писать и скоро, и, пожалуй, четко *.

* Считаю не лишнимъ коротко прослѣдить исторически и постепенно за совершенствованіемъ матеріаловъ для письма. Камень—первый изъ нихъ; таковы скрижали закона Моисея (за 2995 лѣтъ до Р. Х.), памятники египетскіе, индійскіе, мексиканскіе, тмудараканскіе, оршинскіе и динскіе; затѣмъ дерево—таковы русскіе образа и кресты, законы Солона, римскіе *tabulae* (впослѣдствіи *voconia segatae, segae*); исторія Гезіода писана на свинцѣ. Сивиллы писали свои пророчества о судьбахъ народа на *пальмовыхъ листахъ* (у индійскихъ браминовъ французскій турнетъ Лавелле видѣлъ цѣлую книгу изъ пальмовыхъ листьевъ). Сиракузскіе судьи имена изгнанниковъ писали на *оливковыхъ листахъ*. При Александрѣ Македонскомъ дѣлается извѣстенъ *папирусъ*—нильское растеніе *biblos*. Птоломей-Филадельфъ, основывая александрійскую бібліотеку, приказывалъ уже всѣ книги писать на папирусѣ и запретилъ вывозъ его изъ Египта, когда

Беру отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ, и именно то мѣсто, гдѣ вписались подробности пріобрѣтенія этой рѣдкости:

...Едва только аргипшъ * нашъ успѣлъ остановиться, олени повернулись въ лѣвую сторону и стали, какъ вкопанные. На крыльцѣ высокаго, по обыкновенію, двух-этажнаго дома показался человѣкъ, окладистая сѣдая борода котораго, рѣзко отличаясь отъ сѣраго воротника оленьей малицы, бросилась въ глаза прежде всего и необлыжно свидѣтельствовала о томъ, что борода эта принадлежала самому хозяину. По обыкновенію, высокій и широкоплечій, старикъ этотъ не представлялъ, повидимому, ничего особеннаго: та же привѣтливая, полунасмѣшливая улыбка, свидѣтельствующая о томъ, что старикъ радъ неожиданному гостю, та же суетливость и предупредительность въ услугахъ, съ какими поспѣшилъ онъ отряхнуть прежде всего снѣгъ съ совика и съ какою онъ, наконецъ, отворилъ дверь въ свою чистую гостиную комнату, приговаривая:

— Просимъ покорно, просимъ покорно! Не ждалъ, не чаялъ— не обидься на нашей скудости. Милости просимъ, богоданный гость!

Все, однимъ словомъ, по обыкновенію, предвѣщало и впереди тотъ же неподкупно-радушный пріемъ, съ какимъ встрѣчаетъ русскій человѣкъ всякое новое лицо—нежданнаго, потому, стало-быть, еще болѣе дорогаго гостя.

Старикъ и въ комнатѣ продолжалъ суетиться: помогалъ стаскивать совикъ, совѣтовалъ поскорѣ сбросить съ ногъ пимы и липты **,

Евменъ, царь пергамскій, началъ основывать въ своей столицѣ новую бібліотеку—соперницу александрійской. Евменъ придумалъ новый матеріалъ изъ звѣринныхъ кожъ, выдѣланныхъ по особому способу и получившихъ названіе, по столицѣ царства—*пергаменты*. Этотъ матеріалъ сдѣлался болѣе употребительнымъ и распространеннымъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась извѣстна бумага, образцы которой впервые были привезены въ 1470 г. двумя испанцами съ Востока (вѣроятно, изъ Китая). Мексиканцы, извѣщая Монтезуму о прибытіи испанцевъ, послали ему *полотно*, на которомъ въ липцахъ, рисунками, было изображено это происшествіе. У грековъ существовалъ, хотя и незначительно распространенный, родъ бумаги изъ листовъ внутренней древесной коры и значительно сходенъ съ *charta bombicina*—родъ бумаги, приготовленной изъ хлопчатой бумаги. Шелковыя и бумажныя ткани, слоновая и другая кость, разсматриваемыя какъ матеріалы для письма, относятся уже къ позднѣйшимъ временамъ, когда значительно развилась письменность, когда уже человѣкъ не могъ затрудняться въ выборѣ матеріаловъ для этой цѣли. Въ подобныхъ попыткахъ стали видѣть только простыя изобрѣтенія, которыя, дѣлая честь сметливости и находчивости ихъ изобрѣтателей, въ дѣлѣ письменности не произвели значительныхъ улучшеній и переворотовъ. Сюда же мы относимъ и значеніе *бересты*. Бумага получила полное и неотъемлемое, вполнѣ заслуженное ею право гражданства и повсемѣстнаго употребленія.

* *Аргипшъ*—поѣздъ въ 5—10 санокъ оленьихъ. *Чунка*—санки съ высокими колышками и оленьей веревочной упряжью.

** *Пимы*—сапоги, а *липты*—чулки изъ оленьяго мѣха, преимущественно изъ камусины или шкуры, снятой съ оленьихъ ногъ.

тащилъ за рукава малицу, вытребовалъ снизу старшаго сына, такого же рослаго и плечистаго богатыря, и велѣлъ ему весь этотъ тяжелый, неудобный, но за-то страшно-теплый самоѣдскій нарядъ снести на печь и высушить.

— Чай не свычно же твоей милости экую лопать-то на себѣ носить, тяжело—поди!

— Ничего, старичекъ, попривыкь!

— Тепла вѣдь, больно тепла, что баня! Озябли эдакъ руки-то—спустилъ рукава, да и прячь ихъ куда хочешь: подъ мѣхомъ-то имъ и не зябко. Затѣмъ и рукава подъ мышками мѣшкомъ, пошире дѣлають. Мы вонъ малицу эту и по лѣтамъ, почестъ, не скидаемъ—все въ ней.

— Надѣвать-то ужъ очень трудно, видишь, съ полы надо, какъ стихарь. Распашныя лучше по-мнѣ, а то чуть не задыхаешься!

— Да ужъ надѣвать, знамо, привычку надо: мы такъ, вонъ, просунемъ голову—и былъ таковъ! У васъ вѣдь тамъ, въ Расеѣ-то, все, слышишь, распашныя.

— Все распашныя: тулупы, полущубки, шубы, шинели, пальто.

— Въ нашихъ мѣстахъ они не годятся: не устоятъ! У насъ тянуть ину-пору такіе холода, что нали-руду носомъ гонить, а дышимъ, такъ все подъ ту-же малицу, весь въ нее прячешься, и съ носомъ, и съ глазами: такіе страшные холода стоятъ! А. вотъ вѣдь, безъ оленяго-то мѣху, что ты подѣлаешь?

— Теплый мѣхъ, старичекъ, очень теплый и мягкій такой;—а, пожалуй, и неслишкомъ тяжелый.

— Одно, вишь, въ немъ не хорошо: мокра не терпитъ: промочилъ ты его въ коемъ мѣстѣ, такъ и нарови скорѣе высушить, а то подопрѣетъ мездра, и всю шерсть выпуститъ: не клеить, стало, не держитъ! Ну, и духъ даетъ тоже...

— Шевелись же, ребятки, шевелись—давай самоваръ поскорѣе!—прикрикнулъ онъ на своихъ сыновей, изъ которыхъ трое были на лицо и тоже пришли посмотреть и поклониться новому, незнакомому человѣку.

Явился самоваръ, противъ обыкновенія, довольно чистый и, по обыкновенію, большой—ведра въ полтора. Старикъ, предоставивъ старшему сыну распорядиться чаемъ, самъ скрылся и пришелъ уже въ синей суконной сибиркѣ, по праздничному, и съ бутылкою вина въ рукахъ.

— Съ холодку-то, ваше благородье, ромцу не хочешь-ли?—способить. Изъ Норвеги возятъ наши поморы. Хорошее вино, не хваставшись молвить: изъ Слободы въ рѣдкую чиновники наѣзжаютъ—хвалать.

Два сына явились, между тѣмъ, съ тарелками, на которыхъ насыпаны были общія поморскому краю угощенія: на одной медовые пряники, на другой кедровые орѣхи, на третьей баранки.

Начались подчиванья, раза по два, по три, почти черезъ каждыя пять минутъ.

— Спасибо, будетъ!—взялъ ужъ: будетъ съ меня!

— Бери, ваше благородье, не скупись: добра экаго у насъ много; у чердынцовъ, почестъ, возами покупаемъ на цѣлой годъ. Орѣшки-то, вонъ, эти на бездѣльи очень забавны. Дѣла-то ину пору нѣтъ, скламши-то руки сидѣтъ несвѣчно: возьмешь, вонъ, этихъ орѣшковъ — щелкаешь ихъ помаленьку, анъ словно и дѣло дѣлаешь, а время и идетъ тебѣ не въ примѣту. Прекрасная забава!

Началось угощеніе чаемъ, густымъ какъ пиво; но старикъ не съ того началъ:

— Садись, ваше благородье, вонъ, подъ образа-то; сдѣлай милость!

— Спасибо, старикъ, все, вѣдь, равно: мнѣ ловко и здѣсь!

— Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, садись въ передній уголъ, не обидь!

— Не хлопочи, старикъ, и здѣсь также хорошо: стаканъ есть куда поставить...

— Нѣтъ, да ужъ ты не обезсудь нашу глупость: садись въ большое мѣсто — гость вѣдь... У насъ, твоя милость, таковъ ужъ извѣковъ обычай, коли и попъ туда засѣлъ, да нежданный гость пришелъ на ту пору — мы и попа выдвинемъ. Нежданный гость — почестень гость! Да что это я твою милость не спрошу, какъ тебя величать-то? благородный ты, или высокоблагородный?

— Все равно, старикъ, какъ хочешь.

— Нѣтъ ужъ, коли есть разнота эта, пошто не по нашему?

— Имя, вѣдь, есть у меня, а то зачѣмъ намъ чиниться: въ гостяхъ, вѣдь, я у тебя, не слѣдственные допросы отбираю?

— Да, вѣдь, какъ кому? новдй (иной) вонъ, и обижается, коли не чиномъ его взвеличаешь — оговариваютъ. Такъ ужъ и зовемъ всѣхъ высокоблагородными — и не обижаются. Какъ же имячко-то твое святое?

— Сергѣй, старичокъ!

— Слышь, Мишутка, поищи-ко тамъ у меня, въ акафистахъ, акафистъ Сергію Радонежскому, да положи тамъ къ божницѣ! — обратился онъ къ одному изъ сыновей, и потомъ ко мнѣ:

— Ужѣ на молитву къ ночи встану: прочитаю. Его, стало, святыми молитвами мнѣ Богъ нонѣ гостя послалъ; онъ вымолилъ...

— Когда именинникъ-то бываешь: по лѣту, али по осени? родился то на этотъ день, али пораньше? Тропарь... постой тропарь-то ему какъ! Да: „Иже добродѣтелей подвижникъ, яко истинный воинъ Христа-

Бога“—знаю. Да великій былъ постникъ, великій подвижникъ и воинъ по Бозѣ: еще былъ въ чревѣ матери три раза проглаголалъ въ церкви, по рожденіи въ пятки и среды не вкушалъ матерняго молока въ знакъ великаго своего постничества, отъ міра бѣгалъ и въ пустынь водворился, чаяхъ Бога спасающаго отъ малодушія и бури житейскія—продолжалъ, какъ-бы про себя, разсуждать старикъ, подтверждая то мнѣніе, которое составилось объ немъ и въ ближнихъ и дальнихъ мѣстахъ печорскаго края. Говорили, что старикъ читаетъ много и знаетъ много, что такого книжника не найти нигдѣ во всемъ архангельскомъ краю, что онъ самый свѣдущій изъ той семьи стариковъ, почти вымершей въ настоящее время, которая, состоя при Соловецкомъ монастырѣ, въ обязанности штатныхъ служителей, знала церковный уставъ лучше монаховъ, образовывала клиросный хоръ. Къ опытности этого старика обращался первый архимандритъ, составившій пѣвческій хоръ изъ монашествующей братіи, до того не участвовавшей на клиросѣ. Но главное, что особенно могло влечь къ бесѣдѣ со старикомъ, это именно то, что онъ зналъ много о старинѣ архангельскаго края, тщательно собиралъ и берегъ, какъ зѣницу ока, старину эту и въ памятникахъ письменности: въ старинныхъ грамотахъ, сказаніяхъ, книгахъ, и былъ обладателемъ единственной библіографической диковинки, о которой ходили какіе-то смутные слухи. Старикъ показывалъ ее только короткимъ и близкимъ землякамъ, но пряталъ отъ всякаго незнакомаго, чужаго глаза. Всѣ предвозвѣстія были, вообще, неблагопріятны. Личной опытъ былъ тоже не на сторонѣ успѣха въ настоящемъ дѣлѣ: архангельскій людъ уже осмотрѣнной западной части губерніи доказалъ на дѣлѣ какую-то замкнутость и поразительную скрытность въ сообщеніи пустѣйшихъ даже свѣдѣній о своемъ житіѣ-бытіѣ. На всѣ вопросы у всѣхъ былъ одинъ отвѣтъ: „страна наша самая украйная, у край-моря сидимъ; люди мы темные, дураки, грамотѣ и маракуеть кто, такъ и то черезъ пень въ колоду; рыбку вонь сѣтями разными промышляемъ; то же опять суденушки строимъ, а то мы люди темные, какіе ужъ мы люди — самые заброшенные; никакого начальства большаго не видимъ, рыбку вотъ ловимъ, суденушки строимъ...

Со стариками-кремнями было еще труднѣе водить дѣло: спросить о старинѣ и прямо начать говорить о дѣлѣ — испортить дѣло навсегда: онъ окончательно запрется и станетъ на одномъ, что онъ „человѣкъ темный и вести дѣло съ большимъ начальствомъ несвычный; старины придерживается по привычкѣ только, а не со злаго какого умысла.“

Повсемѣстный-ли расколъ, частыя-ли розысканія бѣглыхъ изъ Сибири въ мѣстахъ бѣломорскихъ со всѣми неблагопріятными, запугивающими острасками со стороны неопытныхъ слѣдователей, причиною всей этой скрытности—рѣшить трудно. Можно положительно и навѣрное

сказать одно только, что и будущему собирателю всяческих свѣдѣній предстоитъ такая же неутѣшительная и обидная трудность, съ какою боролся и пишущій эти строки. Одна надежда, единственная возможность услышать кое-что, найти что-нибудь — случайность и крайнее умѣнье, принаровка къ дѣлу. Легче объѣхать всю почти непроходимую Архангельскую губернію въ полгода и въ лѣтнюю пору, чѣмъ собирать всѣ народныя рѣдкости, которыми давно и справедливо славится этотъ дальній, сплошь почти и безъ исключенія грамотный и толковый край.

Съ этими же неблагопріятными и неутѣшительными мыслями и предположеніями сидѣлъ и я въ избѣ мезенскаго старика, удивленный и его начитанностью и рѣдкимъ патріархальнымъ порядкомъ, который ввелъ онъ въ семьѣ своей, напоминавшей всецѣло добрую, но уже отжившую свои вѣка, старинную допетровскую жизнь нашего обновляющагося отечества. Особенно поражало непривычный глазъ отсутствіе женскаго пола, чего нигдѣ нельзя встрѣтить, хоть бы привелось объѣхать всю Россію изъ конца въ конецъ, заглядывая даже въ дальніе, глухіе закоулки ея.

— Развѣ вы, старикъ, живете безъ женщинъ?

Старикъ спохватился, какъ-будто испугался чего-то:

— Нѣтъ, мы не такіе, какъ намъ можно безъ женщинъ? Живемъ мы по христіанскому закону. Ты такъ и пиши. А то пошто безъ женщинъ, какъ можно безъ женщинъ?

— Да куда-же я буду писать-то, старикъ?

— Ну, да кто тебя знаетъ, куда? Извѣстно, ужъ туда, куда тебѣ надо. Затѣмъ вѣдь ты, чай, и ко мнѣ?...

— Ты меня, кажется, старикъ, не за того принялъ?

— Нѣшто ты не изъ земскихъ? Можетъ, изъ молодыхъ. А каковъ-таковъ ты есть — мы и не видывали, да и не чутко, чтобы тамъ на Слободѣ-то новые были какіе. Дали-бы знать, коли-бы были: есть такіе благодѣтели... Ты не обезсудь нашъ глупый мужичій разумъ: сказываемъ то, что на умъ идетъ, по простотѣ вѣдь.

— Каковъ же таковъ ты-то, ваше сіятельство, не въ обиду тебѣ вопросъ этотъ?

Я сказалъ. Старикъ придакнулъ, ребята, сыновья его, насторожили уши.

— Такъ пошто-же это тебя послали-то сюда, сказываешь?

— Смотрѣть вотъ какъ вы живете здѣсь, чѣмъ промышляете...

— Какъ живемъ? да вотъ по Богѣ живемъ-то; христіанскихъ душъ не губимъ: ты въ нашихъ мѣстахъ и не услышишь этого, хоть всѣ объѣзжай. Каковъ вотъ свѣтъ-отъ Божій стоитъ, не токма убивства, воровства-то, ваше сіятельство, не слышать, да и не услышишь. Въ Бога вѣруемъ, Троицу святую почитаемъ и въ Сынѣ и въ Духѣ, въ

тріехъ въпостасяхъ—все по христіанскому закону, какъ глаголали св. отцы и пророки. А промышляемъ-то? Да все рыбку промышляемъ-то, потому—море близко. Хлѣбушка у насъ не даетъ Богъ; ячмень—вотъ туда пониже сѣютъ, да и тотъ больно плохъ—одно, выходить, званіе. Лѣсъ тоже у насъ опять жидокъ, ни на какую подѣлку не способенъ; карбасишки шьемъ, пожалуй...

— Вотъ за тѣмъ-то я и пріѣхалъ, чтобы посмотрѣть, какъ вы и рыбу ловите, и карбаса шьете.

— Такъ! Рыбу-то, вишь, мы ловимъ сѣтями такими, неводами зовутся... Семгу, навагу, сельдь въ рѣдкую попадаетъ тоже. Въ озерахъ—по тундрѣ-то нашей много же озеръ этихъ живетъ—щукъ ловимъ, окуней, лещей опять... А карбаса *вичью* шьемъ,—это такое коренье бываетъ,—вичье.

Старикъ видимо уклонялся отъ разговоровъ и дальше во весь день твердилъ только одно, что сторона ихъ украинная, мѣста бѣдныя, еле концы съ концами сводятъ, что все зависитъ отъ моря, дастъ Богъ рыбу, дастъ Богъ и хлѣбъ—истины, давно уже извѣстныя въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ. Ими, и почти слово въ слово, начинались всѣ мои прежнія бесѣды съ поморами: со старикомъ не ушли мы и на пядень дальше. Даже извѣстіе, что снаряжаютъ также артели за морскимъ звѣремъ на Новую-Землю, было для меня вовсе не новостью. Отъ главнаго, необходимаго предмета разговора мы ушли далеко. Старикъ какъ будто смекнулъ уже о цѣли настоящаго моего посѣщенія и какъ будто старался забить разговоръ, вводя подчасъ со-всѣмъ постороннее и неидущее къ дѣлу.

Разъ я попробовалъ:

— Слыхалъ я, старикъ, что ты человѣкъ толковый, грамотный, разные старинныя бумаги собираешь?

Старикъ отвѣчалъ на это рѣшительно:

— Пошто-же это ты взвеличалъ-то меня, не вѣдаючи?

— Многіе сказывали и всѣ въ одно слово.

— Ну, пушай ихъ сказываютъ: зла я отродясь никому не дѣлывалъ, все по Божьему закону, не избивалъ никого. Я не лучше-же другихъ, коли не всѣхъ еще хуже. Что я? Перстъ есмь, я не человѣкъ, поношеніе человѣковъ и униженіе людей...

— Вотъ вѣдь ты и самолюбивъ-же еще, старикъ, хвастаешься.

— Пошто хвастаюсь? не хвастаюсь. Ты вотъ прихвалилъ на первыхъ порахъ, а теперь и обзывать. А что этихъ бумагъ старинныхъ—такъ ихъ у меня и въ заводѣ не было. Нѣту такихъ, совсѣмъ нѣту!..

— А про акафисты-то сказывалъ.

— Ну, да вотъ еще псалтырь новопечатная есть. Принесите-тко, ребятки, показать его сіятельству. Начальникъ наѣзжалъ по-запрошлый

годъ—видѣлъ и ничего не молвилъ. Держи, говорить!—эту можно. А то какія-такія старинныя бумаги,—нѣту такихъ...

— Ты, старикъ, не думай худа какого!

— Пошто думать? Христіанская, чай, въ тебѣ душа-то; да вонъ и сказываешь еще, что не земской. А какихъ такихъ тебѣ старинныхъ, досельныхъ бумагъ надо—не знаю; да и нѣту ихъ у меня. Нѣту, вѣдь, ребятишки, чего его милость спрашиваетъ?

Сыновья подтвердили, молча кивнувъ головами.

— Вѣдь я, старикъ, не отнимать пріѣхалъ: есть да покажешь—спасибо, а нѣтъ—такъ вѣдь не драться же стану.

— Да это точно, что не драться же станешь. Да вѣдь чего нѣтъ, такъ и не покажешь. Такъ-ли?

— Худа, вѣдь, по мнѣ въ томъ нѣтъ, старикъ, что ты держишь, старинныя грамоты въ свиткахъ, сказанія, лечебники... По мнѣ это тебѣ еще дѣлаетъ честь, какъ человѣку толковому и любознательному.

— Вотъ, ты опять началъ! Знамо, худа тутъ нѣту, да и добра большаго не вижу.

— Добро уже въ томъ, что ты знаешь больше другаго.

— Дѣ, это точно, что я, молъ, какъ будто бы-де и книжникъ какой! Это точно. А все же ума-поди не прибудетъ, коли не далъ Богъ при рожденіи...

— Вѣдь, правишь же ты семьей, сыновей вырастилъ...

— Дѣтей-то народить не хитрая штука: и набитые дураки слышь, умѣютъ!

— А въ почтеніи ихъ къ себѣ держишь?

— Да это, вѣдь, батюшки еще покойничка наука: не самъ-же, вѣдь, я придумывалъ—по готовому, вѣдь! И какъ же сыну теперича кровному почтеніе отцу не оказывать? На то я ихъ поилъ-кормилъ. Жистя своей, можетъ, половину въ нихъ положилъ, заботился объ нихъ. Да отецъ родной сына убить за непослушаніе можетъ, и судъ не тронетъ...

— Они, вѣдь, тебя и слушаютъ, повинуются, чай!

— Этимъ что гнѣвить Бога: всѣ—въ послушаніи и любви: мирно живемъ, по всей, выходитъ, правдѣ Божіей.

Старикъ видимо попалъ на живую струну, говорилъ долго и много. Разказалъ онъ всю біографію и отцовскую, и свою собственную, и каждаго сына порознь.

— Ну, да ладно, постой-ко ужо! Слышь-ко, ребятки, тащи-ко сундукъ отъ, что съ книгами, правой-отъ.

Такое выгодное для меня, хотя и далеко непредвидѣнное заключеніе произошло, по всему вѣроятію, отъ внутренняго довольства старика, успокоившагося въ своей семьѣ, ступающей каждый шагъ по его приказу и указанію.

Въ сундукъ оказалось много старыхъ печатныхъ книгъ: брюсовъ календарь, нѣсколько другихъ позднѣйшихъ, до десятка печатныхъ монографій — житій святыхъ, московскаго изданія, такъ-называемыхъ „пѣтушковъ“, письмовниковъ Курганова и т. п., занесенныя и сюда, вѣроятно, владимірскими ходобщиками—офенями. Но все это было не то, чего мнѣ хотѣлось. Благодарность и осторожность требовали съ моей стороны еще большей и едва-ли не самой нужной въ настоящую минуту скромности.

Сундукъ былъ отнесенъ нетронутымъ — обстоятельство, видимо расположившее старика окончательно въ мою пользу. Онъ велѣлъ принести другой сундукъ съ старопечатными, но и отсюда выбрать было положительно нечего: то были старопечатные требники, псалтыри, минеи — вообще книги, болѣе или менѣе, извѣстныя. И этотъ сундукъ унесенъ такимъ, какъ былъ. Старикъ окончательно повеселѣлъ и ожилъ.

— Ну, постой-же, говорилъ онъ:—коли ты такой до старины падкій, покажу я тебѣ книжку, какой ты, чай, и не видывалъ. Принесите-ко, ребятки, берестяночку-то голубушку. Пусть полюбуется: эдакія, вѣдь, всѣ сказываютъ, на рѣдкость и въ нашихъ мѣстахъ.

Ее-то мнѣ и было надо — книгу, писанную полуууставомъ на берестѣ, такъ тонко и удачно содранной и собранной, сшитой по четверкамъ, что принесенная рѣдкость смотрѣла рѣшительной книгой. Разница только та, что листы берестяные склеивались между собою, но отдирались одинъ отъ другаго и легко, и безъ всякаго ущерба. Писанное разбиралось также удобно, какъ и писанное на бумагѣ, буквы не растеклись, а стояли ровно, одна подлѣ другой: иная бумага хуже выдѣляетъ буквы, и только одинъ недостатокъ — береста раздралась, отъ частаго употребленія въ мозолистыхъ рукахъ поморскихъ чтецовъ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились въ берестѣ прожилки. Книжка была кое-какъ, доморощеннымъ способомъ, переплетена въ простыя, берестяныя-же доски и даже болталась подлѣ веревочная петелька, вмѣсто закрѣпки, а на одной доскѣ торчалъ деревянный гвоздичекъ для той же цѣли. Старикъ весело улыбнулся на мой восторгъ и впилился въ меня взоромъ.

— Батюшко еще покойничекъ выдумалъ, говорилъ онъ:—житія разныя вписывалъ и другое-прочее, что полюбится да придетъ ему по нраву, и я отъ себя писалъ. Таково-то легко: почестъ, что не хуже бумаги. Перо только помягче надо...

— Сколько-же, по твоему счету, времени этой книгѣ?

— Да вотъ мнѣ восьмой десятокъ на выходѣ, а я, что ни живу, помню ее, да все такую же. Батюшко-то, надо-быть, до рожденія моего писать ее началъ. Ужъ такой былъ старикъ книжный да любопытный!.. Царство ему небесное! Такой грамотѣй, что тебѣ архіерей

иной! Псалтырь всю да евангелія, глаза зажмутивъ, на память валаля! А тамъ эти великопостныя службы—ни почему. Смѣялись даже бывало: тебѣ, говорятъ, что царю Василию, хоть самъ Шемяка глазато выколи — любаго попа загоняешь, и глазъ-де не надо. Во какой былъ!

— Хороша твоя книжка, старикъ, очень-хороша.

— Любопытна?

— Да такъ любопытна, что я у тебя и купилъ бы ее охотно, денегъ-бы не пожалѣлъ.

— Книжка-то, вишь, не продажная: отцово наслѣдіе. А деньги пошто не жалѣть?—деньги нужное дѣло, безъ нихъ нельзя. Тебѣ, вѣдь поди, много еще ѣздить надо...

— Да ужъ не пожалѣлъ-бы!

— По-нашему: береги денежки съ молодую—на старости слюбятся, какъ во вкусъ войдешь. А, вѣдь, тратить ихъ, тоже не учиться намъ стать,—съ крылышками, вѣдь, онѣ. Я вонъ и ребятамъ своимъ тоже кажиной день твержу.

— Уступи, старикъ, по гробъ обяжешь.

— Нѣтъ ужъ я тебѣ лучше рыбки какой ни на есть на дорогу дамъ, поважнѣе будетъ: вишь у насъ мѣста какія, кромѣ сибѣгу, ста на три верстѣ ничего не найдешь—сибѣжныя палестины!

— Я тебѣ за рыбу-то деньги заплачу и за книжку тоже...

— Опять-таки, зачѣмъ мнѣ твои деньги? Береги ихъ, а у меня свои есть, своихъ много денегъ. Чай, и на Слободѣ объ этомъ говоруны-то тамошніе сказывали, что у старика денегъ много, да скупъ, молъ, старикъ: задатковъ не даетъ, да и промысла-де старикъ пересталъ обрывать, все по одной скупости. На чужой, вѣдь, ротокъ не накинешь платокъ. По мнѣ, мели Емеля—твоя недѣля, а меня не убудеть, мое при мнѣ и останется. А твоихъ мнѣ денегъ и даромъ не надо: твои деньги не даровыя, чай, тоже...

— Я не стою объ нихъ, не пожалѣю.

— Мнѣ съ тебя, съ завѣзжаго человѣка, брать деньги—грѣхъ: на томъ свѣтѣ покоя за это не дадутъ. Скажутъ: стяжатель, мытарь и фарисей, кощей семейильный—вотъ что скажутъ. Рыбку Богъ даетъ даромъ, бери сколько сможешь—даромъ я и дѣлиться ей должонъ съ тѣмъ, у кого нѣтъ. А пошто я съ гостя-то стану брать? Гость — посланецъ Божій, милость его за какое твое доброе дѣло...

— Да, вѣдь, рыбу-толовишь же, хлопчешь, трудишься!

— Чего трудишься-то? рыбка сама идетъ... Рыбка для гостей не продажная; ты, вѣдь, съѣшь ее—продавать въ чужія руки не станешь. На доброе здоровье она тебѣ пойдетъ, и меня добрымъ словомъ помянешь. Нѣтъ, рыба моя тебѣ непродачная и книжка тоже непродачная—наслѣдіе!.. И на-что она тебѣ?

— Покажу такимъ, которые въ этомъ толкъ знаютъ, пользу найдутъ. У тебя такъ же загложнетъ и никто ничего не увидитъ и не узнаетъ. Тебѣ-то тутъ пользы ужъ положительно нѣтъ никакой.

— Мнѣ какая польза?—это точно. Да что въ ней и смотрѣть-то будутъ. Ничего такого въ ней запретнаго нѣтъ.

— Да и не надо.

— Такъ пошто просишь ты ее?

— Показать, какъ доказательство, что захочетъ русскій человѣкъ писать—и безъ бумаги найдетъ средство, если уже крѣпко шевелится въ немъ это желаніе.

— Такъ вотъ вишь, книга-то непродажная. Еще, чего добраго, ты за мной же пришлешь послѣ, да въ тюрьму, либо въ какое другое мѣсто и посадишь...

— За твое-то одолженіе, за твое доброе дѣло?

— Оно, правда твоя, что нѣ за что. Да, вишь, вѣдь вы, чиновники, народъ такой — не въ обиду тебѣ молвить. Это — начнешь-то сперва, какъ бы и ладно мягко расписываешь, а какъ выжилишь все, такъ и начнешь гнуть, и жестко покажется... Ты меня извини на глупомъ моемъ словѣ. Люди мы простые, пряники ѣдимъ неписанные, да и свѣту-то, почитай, только въ свое окошко и видимъ. Книжка опять-таки стало-быть, выходить, непродажная. Ты и не проси попустому, не замай меня—лучше мы съ тобой по знати, такъ,—миромъ да согласіемъ... Возьми сколько желаешь отступнаго, а меня ты не засуди, ребята тоже, жена, дѣтки: есть кому старика пожалѣть. Вздоютъ, вѣдь, больно вздоютъ, ухъ, какъ вздоютъ!..

Старикъ крутилъ головой, сыновья вышли изъ горницы. Мнѣ становилось тяжело и безысходно, слезы подступали къ сердцу и... прекращаю, впрочемъ, описаніе дальнѣйшаго и скажу въ короткихъ словахъ, что старикъ согласился, наконецъ, уступить мнѣ книгу уже на третій день по моемъ пріѣздѣ. Старикъ уносилъ книгу съ собой, никакъ не рѣшаясь оставить при мнѣ. Видимо бывалъ недоволенъ, когда я принимался ее разсматривать, бралъ изъ рукъ и самъ ее оглядывалъ. Всякой разъ надо было усиленно просить его, чтобы онъ опять ее принесъ снизу. Согласился же онъ отдать послѣ долгихъ и многихъ хлопотъ, и то уже достаточно подстрекнутый сыновьями, изъ которыхъ одному почему-то особенно хотѣлось угодить мнѣ.

— Отдай, батюшко: вишь, вѣдь, ему больно хочется, что мучишь-то?

— Отдай... отдай!—разсуждалъ старикъ. Ну, отдай ты самъ! Что меня учишь? Не знаю, что ли?

— Да я бы, братъ, давно отдалъ, кабы моя была! Вишь, онъ затѣмъ и пріѣхалъ!..

— Пошто затѣмъ пріѣхалъ?—въ гости ко мнѣ пріѣхалъ. Не надо говорить такъ, обижать не надо... отдай!.. ну, отдай самъ. Такъ инъ-вишь, у тебя-то нѣтъ, нѣтъ у тебя-то, а я отдай! Что мнѣ отдавать-то?..

— Деньги возьми, старикъ!—не даромъ же, вѣдь. Я даромъ ни за что не возьму!

— Деньги возьми!—ворчалъ старикъ. Сколько же ты дашь?

— Я не оцѣнщикъ: спроси, сколько тебѣ самому лучшимъ покажется. Я торговаться не стану, если только не превыситъ моихъ наличныхъ.

— Сколько же у тебя наличныхъ?

— А это мое дѣло!

— Знаю что твое дѣло. Книжкѣ-то, вишь, цѣны нѣтъ, дорога книжка!.. Что съ тебя взять?...

Старикъ долго еще продолжалъ толковать все въ томъ же родѣ и высказывался почти тѣми же словами. Часто накидывался и ворчалъ на сына, какъ-будто досадуя на его вмѣшательство и, наконецъ, мы съ нимъ порѣшили.

Четверня оленей, запряженныхъ въ тѣ же высокія чунки, давно уже ожидала меня у крыльца. Скудастый, истый монголъ, самоѣдъ-работникъ стоялъ уже наготовѣ съ длиннымъ шестомъ-хореемъ. Еще нѣсколько другихъ чунокъ съ шестами и оленьими шкурами, для походной палатки — чума на безлюдной и неоглядной снѣжной степи, также были готовы. Оставалось садиться и ѣхать съ прежнимъ гикомъ, похожимъ, впрочемъ, болѣе на откашливанья и замѣняющимъ бойкіе ямщицкіе выкрики дальней Россіи. Ъхали прямо, безъ дороги, черезъ пни и кочки, по звѣздамъ и подчасъ по вѣтру, заметающему свой слѣдъ на снѣжныхъ сугробахъ. Съ моей стороны требовалось того только, чтобъ крѣпче держаться за ременные петельки, прикрѣпленныя къ чункѣ и смотрѣть, чтобы опять не потянуло совикъ и малицу къ колѣнямъ и выше: тогда до чума пришлось бы не согрѣться и безъ причины сердиться и на самоѣдскій нарядъ, безъ котораго нельзя обойтись въ тѣхъ мѣстахъ, и на неудобную чунку, на которую нельзя положить ногъ и расположиться такъ, какъ въ благодатной кибиткѣ, и, наконецъ, на полярный холодъ, и даже, пожалуй, на себя самого.

II.

ПОѢЗДКА ПО РѢКѢ МЕЗЕНИ.

Подробности пути. — Разсказы ямщика о разныхъ видахъ зимнихъ погодъ. — Лѣсная драма. — Икота и стрѣлье. — Дѣло о колдунахъ. — Юрома. — Преданіе о разбойникахъ. — Іовъ праведный. — Пашко. — Село Ушелье. — Преданія о Чуди. — Чучпала. — Характеръ русскаго населенія. — О свадьбахъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1856 года я былъ на рѣкѣ Мезени. 12 числа этого мѣсяца я оставилъ бѣдный, съ великою нуждою влачащій свое обыденное существованіе, городъ Мезень, чтобы направиться вверхъ по рѣкѣ, удѣлившей свое негромкое имя этому городу. Путь мнѣ лежалъ въ дальнія печорскія страны. Дорога тянулась по берегу рѣки мимо множества деревушекъ, которыя разсидились такъ часто, какъ бы и на людной Волгѣ. Близость моря, богатаго барышнымъ, салынымъ морскимъ звѣремъ, подъ рукою широкая, многоводная, обильная семгой рѣка, вся обросшая по берегамъ густыми, первозданными лѣсами, гдѣ такъ много и дичи и краснаго звѣря, а дальше безпредѣльная тундра съ роскошной пастъбой для оленей, неисчислимыми стадами горностаевъ, песцовъ и зайцевъ — обусловили по берегамъ рѣки Мезени это многолюдство населенія, сгруппировавшагося по преимуществу въ низовыхъ частяхъ рѣки. Здѣсь деревни и сѣла такъ часты, что не успѣешь проѣхать пяти-шести верстъ, какъ, глядишь, уже и разсыпалась передъ тобою черная группа избъ, всегда приглядныхъ по виѣшности, всегда двухъ-этажныхъ — по неизмѣнному обычаю цѣлой губерніи. Въ любую изъ нихъ взойти любо: чисто прибрана большая изба съ полатами и огромною печью, хотя эта изба и про-себя держится, хотя тутъ и ребятишки водятся, хотя тутъ возится и хозяинъ со своими рыболовными и другими снастями, и хозяйка со своими домашними приборами. Правда, что и здѣсь полаты устроены такъ низко, что объ нихъ неосторожный и недогадливый гость можетъ стукнуться лбомъ. И здѣсь духота и спершійся воздухъ бывають едва выносимы; и здѣсь двери, ведущія въ сѣни, не отопрешь, если не имѣешь долгой привычки къ тому; и здѣсь визгъ грудныхъ ребятъ и крики те-

лять, запертыхъ въ подъизбицѣ, въ соединеніи съ крикомъ куръ, которыми легко разшумѣться, да трудно унять. Все это легко можетъ выгнать проѣзжаго вонъ изъ избы. Для этого у мезенцевъ есть особый покой—гостиная горница, всегда старательно вытопленная, съ кроватью за ситцевымъ пологомъ, со столомъ, лавками и стѣнами, тщательно вымытыми и выскобленными. У рѣдкаго нѣтъ самовара, фаянсовой посуды, ножей, вилокъ, и у cadaго—полный уголь божьяго милосердія.

Хорошо везутъ проѣзжаго человѣка сытыя, легкія на бѣгу мезенки (хотя нѣкогда извѣстная порода лошадей этихъ теперь уже измельчала и замѣтно пропадаетъ). Разговорчивъ и словоохотливъ и самъ мезенецъ—хозяинъ этихъ лошадокъ, подрядившійся за казенную цѣну свезти сѣдока верстъ за тридцать къ своему побратиму и благопріятелю, у котораго ведутся такія же, сытыя, бойкія лошадки.

Особенно помнится мнѣ одинъ изъ этихъ ямщиковъ, подрядившійся со мною на вторую станцію отъ города. Быстрѣ другихъ снарядилъ онъ тройку и съ бойкими приговорами (противъ общаго обыкновенія) усѣлся на козлы, я—въ теплую, обитую оленьимъ мѣхомъ, кибитку.

Въ кибиткѣ тепло и покойно. По сторонамъ необыкновенно тихо. Занимались сумерки: снѣжныя поляны по сторонамъ отливали менѣе рѣзкимъ свѣтомъ, выплывавшій мѣсяцъ собиралъ свои силы, чтобы освѣтить намъ дальнюю дорогу, хотя и мертвеннымъ, но уже привычнымъ и теперь легко выносимымъ блескомъ. При такой обстановкѣ легко какъ-то сосредоточиваются мысли на одномъ предметѣ, хорошо, много и долго думается и рѣдко хочется спать. Богъ-вѣсть объ чемъ думалось мнѣ на ту пору, но, повидимому, думалось долго потому, что съ козелъ послышался запросъ:

— Чудакъ ты, прямой чудакъ, ваше благородіе! Ъдешь ты съ ямщикомъ пятую версту, а его и ни объ чемъ не опросишь...

— Отучился: всѣ вы какіе-то неразговорчивые. Пробовалъ я не одинъ разъ—и закаялся, отвѣту не получалъ.

— Отъ инаго ты точно не получишь, особо отъ казенныхъ ямщиковъ, которые съ почтой ѣздятъ. Это точно по тому по самому, что казенный ямщикъ всю свою жизнь въ тоскѣ проводитъ. Ему всякій спросъ отъ проѣзжающаго коломъ въ горлѣ становится, всякій проѣзжій казенному ямщику надоѣлъ. А иной до разговоровъ охотливъ, рѣчиствъ!

— А ты изъ какихъ?

— Да за кого почтешь, потому какъ мы всякому отвѣтъ умѣемъ отыскать. Отыщемъ, можетъ, и тебѣ. Спроси-ко меня, о чемъ хочешь!

— Ну, да вотъ теперь ночь-то свѣтлая...

— Свѣтлая оттого, что мѣсяцъ свѣтитъ и небесевъ (облаковъ) нѣту. А вонъ, видишь, къ мѣсяцу-то маленькое облачко при-
двигается.

— Вижу: сиротливо оно такое, словно оторванное, и негустое...

— Въдаешь ли ты то, какъ облачко это силу въ себѣ имѣетъ?

— Кто его знаетъ!..

— А я знаю: сила въ немъ велія. Облачко это пургу несетъ, мятель зачнется. Потому какъ оно клочьями, оттого въ немъ и вѣтеръ засѣлъ. Вона гляди-ко, сколько ихъ прицѣпилось!

Дѣйствительно, цѣпляясь одно за другое, тянулась уже цѣлая длинная веревница жидкихъ, млечнаго вида облаковъ изъ дальней мглы горизонта по направленію къ намъ—чего мы до той поры не замѣчали. Откуда взялись мгновенно облака эти—понять было невозможно: небо до того времени отливало поразительно-чистой бирюзой.

— Берутся они Богъ вѣсть откуда, и собираются и нивѣсть какъ скоро—объяснялъ ямщикъ. Вотъ теперича мы съ тобой и столько верстъ впередъ не заберемъ, что отѣхали, — гляди, какая страшная заметель поднимется. — А потому эта заметель поднимется, что облаковъ-то ужъ этихъ очень много притянулось! Знай это!

Оправдались слова ямщика. За послѣдней деревушкой, глянувшей на насъ множествомъ огней по сторонамъ, направо, налѣво и прямо, и обдавшей насъ дымомъ и той замѣтной теплотой, въ которой слышится присутствіе домовитаго русскаго люда, теплотой растворенной и запахомъ ржанаго хлѣба, и запахомъ горѣлаго масла или сала, дымомъ лучины и прочаго—за этой деревушкой, въ листовеничномъ глухомъ лѣсу, при самомъ вѣздѣ въ него, намъ слышались первые признаки приближавшейся бури.

Небо попрежнему отливало своей свѣтлой, веселой бирюзой и только кое-гдѣ прорѣзывались на немъ вытянутыя кучки млечныхъ вѣтряныхъ облаковъ, но лѣсъ вдали начиналъ гудѣть. Надъ нами уже визжали раскачавшіяся верхушки высокихъ столѣтнихъ сосенъ и листовеницъ. По мѣстамъ изъ лѣсу вырывалась бойкая и сильная струя вѣтра, бросавшая въ насъ клочья рыхлаго снѣгу. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ сильнѣе визжали верхушки впереди и точно также позади нашей кибитки и лошадей. Немного погодя, по лѣсу разносился уже сплошной гулъ, въ которомъ по временамъ можно было различать уже скрипъ и трескъ. Вѣтеръ поразительно быстро крѣпчалъ въ своихъ порывахъ и силѣ. Лишь только мы выѣхали и спустились съ довольно крутаго, высокаго берега въ рѣку, тамъ на всемъ ея пространствѣ зги не видать было и лошади начинали уходить въ снѣгъ по-колѣна. Съ трудомъ нащупывали онѣ наѣзженную дорогу, по

счастію, обставленную догадливými мезенцами вѣшками. Съ горы неся гуль, который на вольномъ просторѣ рѣки превращался въ провзительный, назойливый свистъ. Лошади съ трудомъ ступали вперёдъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на берегу выгибалась лощина, рѣка ли то, или простой оврагъ. Тамъ вѣтеръ метался по рыхлому снѣгу съ какимъ-то шипѣньемъ. Огни сосѣдней деревни сиротливо прятались отъ насъ: то мелькнуть всѣ разомъ, то всѣ разомъ исчезнуть въ безпредѣльной, незримой неизвѣстности. Изъ лѣсу, который потянулся берегомъ, за деревней слышался уже оглушительный трескъ, — можетъ быть валились старыя, одряхлѣвшія деревья, случайно пощаженыя прежнею бурей. Въ часъ времени пурга расходилась такъ, какъ-будто бѣ она уже крѣпчаетъ не первыя сутки.

— Сказывалъ, вѣдь, я, сказывалъ ей-Богу, сказывалъ тебѣ, что наши бури круты живутъ. Это заматель, пурга, а то хивусъ, тѣ еще озорнѣе живутъ, ей-Богу, озорнѣе живутъ, тѣ подолгу, тѣ не скоро укладываются. Это ничего: эта заматель. Пошалить вотъ ночь одну, да и отстанетъ, ей-Богу, отстанетъ. Потому она въ одну ночь отстанетъ, что много силы въ началѣ кладетъ. А кладетъ она, не жалѣетъ свою силу—ее и не хватаетъ. Ладно ли тутъ тебѣ, подь болокомъ-то (подь кибиткой)?

— Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ, ладно, хорошо.

— Ну, и слава Богу? И мнѣ ладно, привышны. У насъ нѣтъ, вѣдь, той недѣли, чтобы не эдакъ-то, нѣту. А мнѣ вичего, я и уши подвязывать не стану.

— Не надудо бы, а то стрѣлять начнетъ — въ недѣлю не уймешь.

— Ничего, намъ это привышно, ей-Богу, привышно. А я ушей завязывать не стану!

Однако, какъ ни божился, какъ ни увѣрялъ меня ямщикъ, по торопливости рѣчи его, по рукамъ, которыя ни минуты не оставались покойными и подергивали возжами, видно было, что онъ и погодой тяготился, и зябнуть начиналъ. Последнее повѣрялось простымъ наблюденіемъ надъ его плечами, которыми время отъ времени онъ пердегивалъ. Видимо онъ хотѣлъ казаться терпѣливымъ и привычнымъ. Вѣтеръ, дѣйствительно, сдавалъ крѣпкимъ холодомъ. Онъ распоряжался, повидимому, готовымъ матеріаломъ, не нуждаясь въ новомъ и свѣжемъ.

— Вѣтеръ-отъ снизу мететъ?

— Снизу, проклятый, снизу!

— Я люблю въ эдакую погоду ѣздить: мнѣ это потѣха.

— Чтò хорошаго-то, чтò?

— Много хорошаго въ голову лѣзетъ: все такое отрадное припоминается, легко и сладко думается.

— Нечего думать, ничего не думается; ей-Богу ничего не думается. Очи слѣпить.

— Памятью много видишь.

— И память знобитъ, всего тебя знобитъ.

— Да, вѣдь, это на козлахъ только у тебя...

— Все едино. Богъ всѣмъ равенъ, и силу такую даетъ ровную. Ты меня этимъ не обманывай!

— Садись сюда ко мнѣ, здѣсь теплѣе будетъ.

— А ты-то куда же?

— А я на козлы сяду.

— Ну, врешь, ей-Богу, врешь, не сядешь. Потому твое дѣло боярское, гдѣ тебѣ — не усидишь. А нѣтъ, вотъ лучше — знаешь ли что?

— Въ первую деревушку къ знакомому тебѣ человѣку заѣхать.

— Вотъ изъ твоихъ бы устъ да Богу въ уши: отгадалъ.

— И заѣдемъ, зачѣмъ стоитъ дѣло?

— И ей-Богу заѣдемъ, къ тѣтушкѣ Маремьянѣ заѣдемъ. Она баба ладная: у ней и яйца есть, и яичницей тебѣ убогаторить.

— Такъ съ тѣмъ и ладно: сворачивай!

— А вотъ постой: деревушка-то ихняя помеледится.

Скоро помеледилась и деревушка своими огнями, словно искорками, ближе, ближе. Лошади лѣниво тянулись впередъ, но, приближаясь къ деревнѣ и взобравшись на гору, инстинктивно почувявъ ночлеги, ускорили бѣгъ, поматывая гривами, густо запушенными снѣгомъ.

— Тпру!

Изба тѣтушки Маремьяны чернѣла передъ нами, бросая красный, яркій свѣтъ изъ окна, рисуя его четырехугольнымъ пятномъ на снѣгу подлѣ нашей кибитки. Ямщикъ пошелъ стучаться. Слышу голоса, цѣлый разговоръ между ямщикомъ и бабой. До меня долетаютъ только немногія слова:

— Чего нельзя?—говорилъ мой ямщикъ.

— Приступило: мутить!—слышался голосъ старухи.

— Али опять съ ней...

— Нанесло, родименькій мой, къ непогодѣ, знать, нанесло-то.

— А ты бы ее къ отцу-то Андрею: отчитываетъ...

— Возила, не помогъ...

— Ну, прости! Ладно, коли нельзя.

— Не взыщи, родименькій, прости!.. Постучись къ Матвѣю-то—пустить!..

— Къ Матвѣю и поѣдемъ!

Между-тѣмъ изъ избы вырывались время-отъ-времени какіе-то дикіе крики, подхватываемые вѣтромъ, и потому отрывочные. Въ

нихъ слышались то лай собаки, то плачь груднаго ребенка, то густой, хриплый басъ, то глубокіе-глубокіе вздохи, сопровождаемыя судорожною, сильной икотой. Непріятное положеніе слушающаго усиливалась еще болѣе и сдержанная тишина кругомъ, и темнота ночи, и нечаянность этого явленія. Рисовались невѣдомыя и невидимыя страданія и многое изъ того, что такъ тяжело и безысходно ложится на душу.

Ямщикъ повернулъ лошадей, сѣлъ на козлы, оттуда снова послышался его голосъ, довольно покойный уже и сдержанный:

— Дѣвка у ней въ избѣ-то, дѣвка-икотница.

— Отчего же!

— А сто бѣсовъ у ней животы гложуть, оттого сказываютъ и выкрикиваетъ.

— Да не отъ другаго ли отчего?

— А и не меня спроси—тоже скажутъ. Весь народъ на томъ рѣшилъ... И батюшка утверждаетъ: такъ это, „такъ это и по писанью, слышь“.

Вотъ и изба дяди Матвѣя. Суетится онъ прибрать съ полу сѣти, радостно, весело приговариваетъ: „милости просимъ, милости просимъ“. Зажигаетъ сальную свѣчку и ставитъ на столъ, передвигаетъ столъ этотъ съ одного мѣста на другое; цыкаетъ на крикливыхъ ребятишекъ. Одного, самаго маленькаго, ползавшаго по полу медвѣдкой, посадилъ на полати и пригрозилъ ему пальцемъ. Бабу услалъ за водой, наладилъ самоваръ, и застучалъ чашками, вытирая ихъ рукавомъ рубахи.

Вошелъ въ избу и ямщикъ мой на ту пору, помолился Богу, разболочка и сѣлъ въ задній уголъ, почесывая затылокъ, плечи и спину и позвывая съ выкрикомъ и краткой молитвой.

Уже самоваръ шипитъ на столѣ, чай готовъ. Хозяева усѣлись въ сторонѣ въ сосредоточенномъ молчаніи; ребятишки съ полатей внимательно слѣдятъ за движеніями на столѣ и подлѣ. Воспоминанія объ икотницѣ выплываютъ снова всецѣло и возбуждаютъ во мнѣ самый живой, безотлагательный интересъ. Я хотѣлъ уже завести объ ней разговоръ, но ямщикъ предупредилъ меня:

— А что, дядя Матвѣй, Анютка-то Маремьянина опять вопить?

— Вопить, слышь,—отвѣчалъ дядя Матвѣй.

— А что, какъ у нихъ дѣло-то?

— Да ничего...

— Чего она-то?

— Видѣлъ: все по старому, все по стародавнему,—вопить.

— А онъ-то?

— Да ни чуть ни чѣмъ ничего.

— Въ солдаты, слышь, отдавать хотѣли.

— Не чуть ничего. Увезли, слышь, на городъ, а что случилось? не довѣдомо.

— Становаго, сказываютъ, мирить просили. Чего становой-отъ?

— Просить-то просили, да ничего и онъ не сдѣлалъ. Призывалъ слышь, уговаривалъ, батюшку-попа вывозили и тотъ пыталъ—ничѣмъ ничего не вышло. При нихъ, слышь, въ комнатѣ-то завопила, ругательски ругалась. Только то и было!

— Ну, а Борька-то?

— А Борька-то, что собака, все при ней, что варъ присталъ—не отстаегъ.

— Безъ него-то почитай, сказываютъ, ей хуже бы было.

— Дурну бы безпремѣнно какую ни на есть сдѣлала надъ собой,—вступилась хозяйка. Ужъ ножа бы не минуло дѣло.

— Ну, ножа-не-ножа, тетушка: взяла-то ужъ ты больно круто. До ножа-то, толкуютъ, не доходило же николи.

— Доходило, родимый, доходило, и не еднова.

— Да отчего же это у ней, хозяйева, что причиной-то послужило?

— Да порчена, почтенный, порчена.

— Давно ли?

— Съ годъ ужъ, ваше благородье, будетъ.

— Кѣмъ же?

— А Христось вѣдаетъ: надо быть, какой такой злой человѣкъ портилъ.

— Когда же она больше выкрикаетъ?

— Да вотъ, когда въ церквѣ со святыми дарами выходятъ—тогда кричить, шибко тогда кричить, и хоть не видитъ она этого, не слышитъ, а ужъ взопить, начнетъ ее ломать да мутить. Молитву-то, слышь, когда читаютъ надъ ней—она, слышь, и не ругается, не корить никого. А безъ того ину-пору такъ расходится, что изъ избы вонъ бѣги: прибираетъ такія слова, что и въ кабакахъ не услышишь и другой хмѣльной да блажной человѣкъ съ одури-то съ пьяной не вывалить. На ту пору ломаетъ ее и коробить—тремъ мужикамъ удержать въ пору.

— А часто ли случается съ ней этакъ-то?

— Да вотъ по воскресеньямъ за обѣдней навсегда. Опять же и въ будни, когда завопить, такъ и знай: гдѣ-нибудь въ селахъ по со-сѣдству обѣдни поютъ, али-бо какую потребу правятъ. Духу она табашнаго не любитъ. Ходятъ вонъ наши ребята на городъ (въ Архангельскъ), берутъ эту проклятую повадку въ трубки-то курить. Дымятъ тоже окайные, что трубы наши непрочищенные. Реветь она тутъ шибко, да не долго...

— А еще когда?

— Да вотъ не сказывай при ней горя-то—тогда по цѣлымъ суткамъ реветъ безъ уйму.

— Какого же горя?

— А спрашивай объ этомъ большака самого, Матвѣя-то: онъ у насъ лютой на разговоръ - отъ. Молчаливъ — дока, а распояшется — наслушаешься...

Дядя Матвѣй, при послѣднихъ словахъ, самодовольно разсмѣялся: явный признакъ, что онъ въ духѣ и рассказать не прочь.

Вотъ что онъ мнѣ повѣдалъ:

— Въ нашихъ мѣстахъ икота эта не въ диво: у насъ, почитай, чуть ли не каждая баба икотница; всѣмъ это извѣковъ. Анюткино дѣло особо. Это дѣло не спуста. Тутъ я, какъ своимъ разумомъ ни раскладывалъ, ничего не вышло, ни чѣмъ ничего не придумалъ...

— Надо тебѣ рассказывать напередъ вотъ что: какъ въ нашемъ крестьянствѣ нѣтъ этого, чтобы женихи невѣстъ выкрадывали, а сходятся и живутъ по родительскому указанію, то ты и не воленъ брать того, чего тебѣ брать не указано и нельзя.

— Да ты что-то не то началъ, не такъ сказываешь, — перебилъ я его. Не служилъ ли ты въ выборныхъ?

— Было это дѣло, было: шесть лѣтъ головой сидѣлъ, а сказываю я тебѣ все это къ тому, что и Петрушка, и Анютка, и Боряка — враги себѣ были и супостаты, а міра не слушались. Стариковымъ указамъ тоже не повиновались, а сказывали наказъ свой — вотъ это отчего. Дѣло шло вотъ какъ: Петрунька съ Анной-то сошлись, приглянулись другъ дружкѣ на святкахъ тамъ что-ли, слюбились. Петрунька ей гостинцы сталъ носить; она безъ него и въ хороводъ не выступаетъ. Такъ у нихъ шло все хорошохонько, и не одинъ день, не недѣлю. На бѣду-было тутъ Боряка въ ихнее дѣло ввязался: къ Анюшкѣ же любовь свою возымѣлъ. Это опять-таки ничего: дѣвкѣ же лучше, коли два парня любятъ; одинъ другому не мѣшаютъ: я, говорить, беру свое, ты — твое, и коли-де не въ прибыли, такъ и не въ убыли. Идетъ у нихъ дѣло такъ миромъ: не бьются, дракъ большихъ не бываетъ, другъ на друга съ жалобой не ходятъ, хотъ и крѣпко поругаются когда промежъ себя. Да ужъ знать это дѣло такое: коли два одну тягу тянуть — безъ ссоры, безъ брани нельзя тутъ. Дѣвка клонить къ одному; клонить и къ другому — какъ и быть надо по бабьему. Извѣстно, въ бабьемъ дѣлѣ первое — слабость, и опять-таки мнѣніе такое, что вы-де тамъ какъ хотите, такъ промежъ себя и вѣдайтесь, а мое-де дѣло дѣвье, за кѣмъ нибудъ за однимъ замужемъ быть: на двухъ-де мужьяхъ и попъ-батко не повѣнчаетъ. А коли-де замужемъ не быть мнѣ, такъ и на свѣтъ, молъ, Божій незачѣмъ было нарождаться. Такъ это! Беретъ Анютка подарокъ отъ одного, да и отъ другаго рыла не воротитъ. Милъ-де милъ и ты,

моя пташечка, пригожь-де, молъ и ты, моя душечка. Вотъ-де одному мой поцѣлуй, а вотъ-де и другому. Плутъ же была дѣвка—что говорить! Любились они такъ-то долго, любились да и спохватились, что-де на народъ идти все дѣло это: не больно же красиво выходить. Послушать толковъ сосѣдскихъ—хорошаго мало сказываютъ; въ лица посмотреть—смѣются всѣ. Стало все это имъ въ примѣту, стали они и объ вѣнцахъ подумывать.

— Родители, извѣстно, на все на это дѣло сквозь ладонь смотрѣли, стало ничего не видали, потому какъ нынче не тѣмъ ужъ свѣтъ живетъ. Въ старину, слышь, бери ты ту дѣвку, которую родитель укажетъ, самъ выбирать и думать не смѣй. Родители на тотъ случай и обычай такой имѣли, что коли много дѣтей, такъ по мѣрѣ силы-возможности съ каждымъ во всей своей деревнѣ породниться. Оттого-то вотъ у насъ вездѣ поди плохой тотъ сосѣдъ, коли своимъ, либо сватомъ не доводится. Такъ въ старину. А нонѣ: бери ты ту дѣвку, которая по вкусу придетъ, полюбится, была бы только работная да здоровая. А которая наша оржануха неработная, которая нездоровая, когда въ волѣ родительской всѣ вырастаютъ. Потому-то вотъ у насъ теперь и свадьбы глаже и дѣла всѣ эти идутъ инако: поженятся--меньше печалуются, меньше промежъ себя досады держатъ. Право такъ! Слушай же теперь, какое у нихъ дѣло потомъ вышло, самое такое нехорошее дѣло вышло, что и сказать не можно. Слушай же все про нашу про икотницу.

— Перво-на-перво пришелъ къ Анюткѣ Петруха и рассказываетъ:

— Я, говорить:—не какой злой человѣкъ; честь твою и свою и Бога знаю—пойдемъ подъ родительское благословеніе.

— Ладно, рассказываетъ она ему. Ты мнѣ не противенъ, а люблю-де я тебя, какъ подобаетъ невѣстѣ.

Съ тѣмъ и разошлись. Про все про это провѣдалъ Борька, тоже къ Анюткѣ пришелъ и тоже ей рассказывать сталъ. Анютка и ему сказъ такой же сдѣлала, что и Петрухѣ:

— Преси-де и ты благословенія родительскаго.

— Борька скажи объ этомъ ребятамъ, скажи и супротивнику своему. Полаялись они, посчитались на ту пору крупно, однако до драки не дошло дѣло.

Петрунька опять къ Анюткѣ:

— Ты, говорить, что это такое надумала, неладная такая неумытая!

— А ничего, говорить прорва-дѣвка:—я такого худого не надумывала. Что-де ты на меня накинулся-то, изъ какихъ корыстей?

— Да не я ли, говорить Петруха-то, первый твоего согласья просилъ; не я ли-де первый за твое дѣвичество заступиться хотѣлъ?

— Ты, говорить Анютка-то:—ты, противу этого и слова сказать не смѣю.

— А не я любить тебя сталъ прежде всѣхъ? Борька-то на тебя еще и не взглядывалъ. На то время, что ты ему, что попова пѣгая кобыла—все было едино.

— И противу этого (сказываетъ Анютка) ничего супротивнаго такого молвить не смѣю.

— Да съ чего же, говорить, ты взбеленилась, что обоимъ намъ одно сказывала, а?

И присталъ: къ одному слову десятокъ привязывалъ, воспылалъ духомъ, потому обиженъ былъ.

Анютка собралась съ силой, оправилась да и отвѣтствуетъ:

— Миѣ-де, Петръ Ивановичъ, что ваша любовь, что Борькина все въ одинъ скусъ, потому какъ мы—дѣвушки и намъ не замужемъ жить не приводится.

— Да вѣдь обоихъ-то и попъ не повѣнчаетъ, да и мы не сживемъ: безъ кроваваго пролитія тутъ дѣлу не быть—сама разсуди!

— Разсудить, говорить она:—я этого не могу, потому какъ невѣста должна больше плакать и потомъ мужа слушаться и быть ему вѣрной до гробовой до доски. А вы, говорить, если желаете меня получить оба, такъ и разсудите своимъ совѣтомъ.

— Да дура! говорить, не опять же ругаться!

— Отчего-де и не поругаться, коли у васъ, сказываютъ, ужъ было дѣло такое.

— Не драться же на смѣхъ всѣмъ, на свое горе.

— А ужъ это какъ, говорить, вы сами разсудите. Я опять-таки одно говорить навсегда должна, что какъ люблю тебя, такъ и Борьку въ одну силу.

— Да чортъ! говорить:—нельзя вѣдь этакъ-то. Не бываетъ ни съ кѣмъ!

— Это, говорить ему Анютка:—я разсуждать не могу, потому какъ сердцемъ своимъ чувствую.

— Да дьяволъ, говорить:—въ сердцѣ-то у тебя жерновъ скипѣлся, квашня вскисла, лѣшая! Ладно-де, нишни ужъ!

Пригрозилъ ей, значить, да съ тѣмъ и ушелъ, и Борька пришелъ.

— Помири ты насъ, сказываетъ.

— Да мнѣ, говорить Борька-то, съ Петрухой и встрѣтиться опасно, потому когда онъ объ этомъ дѣлѣ заговорить, не съумѣю отвѣтъ дать. — Онъ рѣчистъ, противу него нѣту у насъ такого ни одинаго.

— А чортъ, говорить она-то:—велѣлъ вамъ раньше-то промежъ себя не столковаться. А то на-ко къ какому концу привели.

— Я, говорить Борька:—говорить не больно лютъ—сама знаешь: прибрать эдакое подходящее не могу, сейчасъ къ сердцу кровь подольетъ. И не то-де мнѣ на ту пору на Петруху сердце рвется, не то-де по тебѣ обливается. Сердить я на ту пору на Петруху, крѣпко сердить, хуже онъ мнѣ врага лютаго, и къ тебѣ-то бы поластился, и нѣтъ мнѣ радости пуще тебя. Ты такъ вся въ-очью и лѣзешь, словно ластишься.

Топнула, слышь, на него, дѣвка-то на парня-то, топнула потому, какъ онъ очень смиренной былъ:

— Вѣдайтесь вы, слышь, сами про себя. А я-де обиды такой долго выносить не стану. За третьяго-де пойду, и за самаго-де за уродливаго.

Тянется у нихъ опять дѣло это долго, и стали ходить по деревнѣ нехорошіе слухи. Петруха-то къ колдуну ходилъ, а Борьку-де отъ Анятки водой не отошьешь, все у ней сидитъ, либо за ней, что тѣнь мотается. И гармонію для ея прохлажденія на Слободѣ купилъ.

Стали наши земляки призадумываться да на свое мерекать; надумывались на то, что дѣло крѣпко на худое пошло; міру это дѣло самое судить надо. Сговорились, какъ бы эдакъ у кабака хоть бы сказки рассказывать; старшину и писаря на ту сходку залучили. Ребятъ не было: позвали. Пришли.

— Такъ-моль и такъ, братцы!

— Знаемъ-де.

— Дѣвки наши въ сумлѣніе приходятъ, стыдятся.

— И это-де знаемъ.

— Мѣтнули бы вы жеребей что-ли: кому вынется, тотъ оженился.

Петруха таково на насъ косо поглядѣлъ и таково-то усмѣхнулся криво, что обидно намъ всѣмъ стало: такъ вотъ всѣ мы и переглянулись. А Борька—ничего.

— Ладно, говорить:—давай, Петруха, мѣтнемъ жеребей?

— А ты, говорить ему Петруха:—въ городъ-отъ ѣздишь, другой головы не купишь про запасъ.

— Нѣту, сказываетъ Борька-то.

Смѣшно намъ всѣмъ на слова эти стало.

— Такъ купи, говорить:—купи.

Смолчалъ Борька. И мы молчимъ: что дальше будетъ, а дѣло, моль, хорошее, надо быть будетъ. Такъ всѣ и молчимъ, да ладно. Въ пору писарь догадался, и молвилъ:

— А что-де ты, Петруха скажешь, когда мы-де тебя засудимъ?

— А засуди, говорить:—ты вѣдь-чу! затѣмъ и приставленъ. Да зубастъ же и писарь-отъ:

— Я, говорить: — могу сдѣлать такое, что тебя на *кобыль* поженять.

— И это, слышь, ты можешь, потому ты такой ужъ у насъ.

— Такъ помни-де, слышь!

— И безпремѣнно попомню, когда-де и на кобылѣ-то этой и помирать стану, попомню. Благодарю, слышь, покорно на ласковомъ на твоёмъ словѣ.

И поклонился; низко поклонился, въ поясъ писарю-то Петруха поклонился. Молчимъ мы всѣ, потому какъ ужъ всѣмъ очень-жутко стало: и Петруху-то какъ ровно бы жаль. А Борька, что малый ребенокъ, стоитъ да ухмыляется. Что писарь ни скажетъ, то его и начнетъ подергивать, словно онъ гоготать хочетъ.

Ладно ну: толковали долго они промежъ себя, и мы думали долго—что гуси на Колгуевѣ!—куда-де вѣтеръ потянетъ, туда и мы пойдемъ. Не сдавался Петруха, какъ его не стращаль писарь и все-то закономъ своимъ. Да тутъ у насъ старичекъ былъ, ветхой такой (на прошлой недѣлѣ померъ): кому какой совѣтъ надо — всѣ къ нему; у всѣхъ, стало-быть, на почетѣ. Онъ вступился.

— Полно, говорить; — вамъ бѣду по пальцамъ мотать, говорили бы дѣло, коли около него охаживаете. Вотъ что, братцы!

— Чего, молъ, дѣдушка Калистратъ! (міромъ-то ему всѣ такъ разомъ) сказывай-ка—молъ, сказывай! Человѣкъ-отъ молъ, ты божій, роженой ужъ такой—слушаемъ: эдакъ кажись лучше будетъ!

Сталъ онъ говорить:

— Дѣвку постегать надо, покрѣпче...

Да Петруха перебилъ:

— А кто, говорить:—первый кинется, я-де его ножемъ, и кто-де совѣтъ-отъ такой подастъ, я и его...

Смолчалъ дѣдушка, слова не вымолвилъ, только закашлялся. Долго ждали, а онъ и опять началъ:

— Вся бѣда отъ дѣвки идетъ, вся бѣда отъ нея. Сама дѣвка злу корень. Въ ней либо бѣсъ засѣлъ, либо такъ дурить. Вотъ ты коли оленя въ поле выпустишь, да дашь ему тамъ подольше пожить—онъ одичаетъ, въ руки не дается, и ты его не поймашь. Не поймашь его потому, что онъ отъ твоей руки отсталъ, духъ-отъ твой позабылъ, и есть ему на дикомъ оленѣ поблажка. Дикой олень затѣмъ, вишь, и дикой, что одинъ онъ тамъ въ тундрѣ-то, никто его не поучить. А хотъ бы и дѣвку взялъ: дѣвка что? Въ дѣвкѣ ужъ баба отъ рожденья отъ ея сидитъ. Норовъ-отъ этотъ, что ни на кривой оглоблѣ, ни на свинѣ не объѣдешь, сидитъ ужъ въ дѣвкѣ...

Мы было посмѣяться, да нѣтъ, глядимъ, словно бы и ладно. А Борька захохоталъ: Борькѣ это спуста показалось. Петруха стоитъ не шелохнется, глаза въ землю, что быкъ, и уши, словно бы отъ

стариковыхъ - то словъ, придать начали: очень, стало-быть, слушаетъ.

Калистратъ свое:

— У дѣвки только одно разное съ бабой: ей бы только почету и пуще почету отъ всякаго, хоть самъ чортъ тутъ будь, ей все равно. Онѣ вонъ и до хороводовъ люты, и на посѣдкахъ онѣ развеселыя такія, а все отъ того, что и тутъ, и тамъ подарковъ ждутъ, орѣховъ да пряниковъ. А на ихъ пустоту это и ладно, имъ тутъ и душевное ликование. А гляди, пройдутъ веселья, онѣ словно въ воду опущены, и хвостъ поджали. Вотъ и любятъ онѣ всѣ заурядъ, потому это для малыхъ ребятъ занятно, мурашки по сердцу сыплютъ. А привяжется супротивникъ—еще того пуще, еще любѣй. Вонъ хотъ бы Петрухино дѣло...

— Да вѣдь она мнѣ, дѣдушко Калистратъ, пуще всѣхъ (Петрухатю!) Я, вѣдь, ужъ ее давно знаю, прежде всѣхъ.

— У меня (дѣдушко-то ему), у меня, слышь, жеребеночекъ былъ: самъ выпаивалъ, самъ выхаживалъ да выглаживалъ, разъ по десятку на день ходилъ къ нему. Сталъ онъ и жеребцомъ, сѣлъ я на него: объѣду, думаю. Сшибъ, вѣдь, окаянный, сбрыкнулъ меня.

Борька на слова на эти расхохотался вслухъ, чуть намъ и всѣмъ отъ того не весело стало; хотъ и не пора бы, не время. Петруха стоитъ, упершись, словно его въ землю вкопалъ кто.

Старикъ подводилъ все—подводилъ и подвелъ къ тому, что какъ ни какъ, а Анютку постегать надо было. Такъ ужъ вышло.

Какъ услыхалъ слова-то эти Петруха, такъ зарыдалъ даже, заревѣлъ быкомъ, да и со сходки опрометью: думали, за ножомъ побѣждали.

— Нѣтъ, слышь (старикъ-отъ) душу свою заложу, а онъ такого дѣла не сдѣлаетъ.

Да и сказалъ-то онъ такъ, словно самъ Петруха это самое вымолвилъ.

Дѣвку-то мы постегали. Я ужъ про это и сказывать не стану, не хорошо...

— Больно дѣвку-то постегали, больно же они ее постегали,—вступилась въ это время хозяйка, до той поры молчавшая.

— А ты бы не разговаривала, потому какъ мы это отъ тебя слыхивали не одинъ разъ. Намъ рѣчи твои не на ндвяхъ.

— Да не смолчишь, вѣдь, воля твоя!—не смолчишь. На-тко что выдумали, не надо бы этакъ-то...

— А ты вотъ ужъ молчи: палатскій управляющій наѣхать къ намъ хочетъ, я тебя въ губернаторы къ нему попрошу. Ладно-ли такъ-то?

Хозяйка замолчала.

Мужъ продолжалъ:

— Ты, ваше благородіе, нашихъ бабъ объ этомъ дѣлѣ не спрашивай. У нихъ, вѣдь, свое. Пошто, слышь, на ихній судъ дѣла этого не клали. Пытали же онѣ судачить. А все, опять-таки, отъ самой отъ дѣвки. Первое вопила она крѣпко въ правленіи, а жалобъ изъ ея словъ никакихъ на ту пору признать нельзя было: словно она одеревенѣла. Собрались къ ней опосля того наши бабы въ избу (какъ, вѣдь имъ сорокамъ-щебетухамъ не собраться!) Кои улещать стали, кои взвыли, потому женская слеза море, а потомъ баба и разобрать вѣдь, не можетъ, которая бѣда своя у ней, которая чужая. Распустили наши бабы нюни свои, а того не знаютъ, что Анюткѣ-то все это и крѣпко на руку. Пришла, слышь, въ избу: молчить, трепаная такая, волосья не прибираетъ и сидитъ подъ образами, и въ большемъ. выходитъ, мѣстѣ. Бабы ей свое ведутъ:

— Что-де, молъ, родненькая наша, больно тебѣ?

Молчить.

— Которые, молъ, стегали-то!

Молчить.

— Ну да, слышь, ладно; пуцай-бы де ужъ за мѣсто тебя Петруху-то, али-бъ-де Борьку положили.

— Такъ она, родной нашъ, головонькой на эти слова покрутила, а молвить чего—не молвила!—опять вступилась хозяйка. Лукерья (баба у насъ такая есть) на эти на слова такое здумала, что молъ, писаря-бы... Такъ ухмыльнулась и веселѣе словно бы стала.

— А вонъ, говорить:—ребятамъ отъ этого не легче будетъ; обомъ имъ это самое въ обиду. Потому ты, молъ, Аннушка, за нихъ вѣдь, за обомъ. А ихъ дѣло мужское—надрываньямъ-то твоимъ они вѣры...

И на это на все она никакого обсказу не дѣлала.

— Христось, молъ, надъ тобой, а ты ратуй, ратуй во имя Господне. Кто вѣдь, правѣе, надъ тѣмъ эдакое чаще бываетъ.

На слова на эти въ горлышкѣ у ней, у сердобольной ино крикнуло что, и грудь ходуномъ почала ходить; а сама молчить.

— Извѣстно ужъ, молъ, обидно все это (мы-то). Обидно это самое потому, какъ на стеганую дѣвку худая слава ложится, всякій попрекнуть ее потомъ можетъ, а ребята озорные. Да и опять же наши мужики одумаются опосля—сами жалѣть стануть тебя. Помяни ты наше слово!

Опять она головушкой помотала и такъ-то круто и долго. А все неладная эдакая, молчить, все молчить, будто слушаетъ. Мы опять:

— Больно, молъ, это нехорошо. Неладно въ деревнѣ жить послѣ сѣчева, послѣ этого распроклятаго. На самихъ-бы, молъ, на большакахъ стряслось все это.

Она опять ухмыльнулась.

— Ты, молъ, Аннушка, наплюй, коли сможешь. На-ко-молъ, мѣсто какое дѣвку сѣчь задумали! Это, молъ, и бабѣ-то такъ нейдетъ, да и не бываетъ. Дѣвонька-то у насъ разумная была, сама-бы могла разсудить, которое такъ, которое нѣту. Свой бы судъ себѣ смогла дать. Вѣрно это слово?

Вотъ тутъ насилу-то на эти на слова она заревѣла (ну, молъ, слава Богу!). Заревѣла она, что дождемъ прыснуло, долго ревѣла (мы ужъ и не подговаривали ничего). Головонькой-то своей безчастной то въ уголъ ударить, то ее на столъ-отъ положить, а на насъ не глядить. Руки свои ломать почала, а словъ никакихъ не даетъ. Зло-нали насъ всѣхъ взяло: чего, молъ, она рѣчамъ-то нашимъ вѣры не даетъ, чтобъ ей пусто было! Насъ вѣдь, молъ, не старшина къ ней подослалъ, али-бо не водостной писарь. Мы, молъ, отъ своего, вѣдь, сердоболья все это, по своей охотѣ. Поревѣла это она, поревѣла — да и молвила:

— Ладно, молъ, ладно!

— Да ладно и есть!—вступился хозяинъ. Молчи же теперь, слѣзай съ колокольни. Я самъ сказывать буду.

— Вотъ очень-хорошо. Къ ночи-то приходилъ къ ней Петруха, а затѣмъ и пропалъ, ушелъ отъ насъ, а далеко-ли—невѣдомо. Да я твоему благородью лучше покороче сказывать стану. Петруха вернулся, а пришелъ пачпортъ выправить: въ Питеръ наладился, на дѣсные дворы, и съ Борькой, иначе, не простился. Вотъ съ той ли (не упомяну) поры, какъ Петруха-то простился съ ней, али съ сѣчева-та съ нашего...

— Да на первую ноченьку, вѣдь, она взвыла то послѣ сѣчева, что это ты, словно забылъ? Петруха-то къ ней съ порчей-то и приходилъ, затѣмъ и приходилъ—это ужъ свято.

— Вотъ съ тое съ самое поры, продолжалъ хозяинъ, не обращая вниманія на замѣчаніе бабы: — Анютка выкрикать почала, и выкрикаетъ она, сказываютъ бабы, и на міръ, и на писаря, а больше все, слышь, на свою дѣвью красоту, да на Петруху. Борька у ней такъ живмя и живетъ, очень его выкрики-то ея занимають. Помянетъ когда икотой его-то имя, хохочетъ: любо. Не знаемъ, что будетъ. А посвадается Борька, да коли Петруха письмо отпишетъ: быть дѣлу, быть свадьбѣ и намъ пировать на ней. Вѣдь Борька-то мнѣ роднымъ приходится: племянникъ внучатный по родной по теткѣ по своей.

— А икоты этой, ваше благородіе, въ нашихъ мѣстахъ довольно!—заключилъ свою рѣчь хозяинъ.

Дѣйствительно, болѣзнь эта, мѣстно-называемая икотою, частая и повсемѣстная во всемъ томъ краю. Икотою страдаетъ вѣрная четверть всего женскаго населенія по правую сторону отъ рѣки Сѣверной Двины. Дальше къ западу отъ Двины болѣзнь эта пропадаетъ и

въ Кемскомъ поморьѣ является подъ новою формою (нѣсколько слабѣе) и подъ новымъ названіемъ (*стрѣлье, щипота*). Это прострѣлъ, усовъ, вѣтреное, колика, вызывающая крики и требующая заклинаній для выхода ея изъ больного человѣка „на укладъ, на желѣзо и на масло“. „Тенись — не ломись и не рвись, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Икота обыкновенно начинается подъ тѣмъ же видомъ, подъ какимъ является и простое спазматическое сокращеніе грудобрюшной преграды (диафрагмы) начинаются громкіе крики, затѣмъ истерическій плачь или смѣхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее параличное состояніе и обморокъ, сопровождаемый всеобщою слабостью, острою болью въ груди и головѣ. У нѣкоторыхъ припадки эти продолжаются часа полтора—два; у другихъ, преимущественно у старухъ, часто по нѣсколькимъ часамъ (5, 6 и 7). Икота иногда (и даже въ нерѣдкихъ случаяхъ) переходитъ и на мужчинъ, и тогда тому человѣку усваивается имя *мѣряка*, а женщинѣ — *кликуши*, *икотницы*. Туземный людъ приписываетъ причину этой болѣзни, естественно, злему духу, и нѣкоторые порчѣ лихаго человѣка.

Такъ думаютъ всѣ страждущіе, которые особенно часты по Пинежскому уѣзду, по преимуществу около города Пинеги. Недаромъ туземный народъ, между другими остроумными прозвищами и островами надъ сосѣдями, далъ пинежанамъ прозваніе *икотниковъ*. Между тѣмъ, во всякомъ случаѣ причина болѣзни этой требуетъ строгаго научнаго обследованія, требуетъ очистки медицинской критики отъ всей той массы народныхъ суевѣрій, наплывшихъ на болѣзнь втеченіе долгихъ вѣковъ. Извѣстно, что оба уѣзда (Мезенскій и Пинежскій) наполнены гнилыми болотами. Пишущему эти строки довелось на рѣкѣ Кулоѣ, верстахъ въ 20-ти отъ города Пинеги, на разстояніи четырехъ верстъ, слышать и едва выносить крѣпкій сѣроводородный газъ при 20 градусахъ мороза въ воздухѣ, и видѣть нѣкоторыя мѣста болота непромерзшими и отдававшими свѣжимъ бѣлесоватымъ паромъ. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ икота повсемѣстна, носить хроническую форму. Въ другихъ, и часто ближайшихъ, она пропадаетъ вовсе. По преимуществу болѣзнь эта присуща женскому полу. Въ пинежскомъ уѣздномъ судѣ сохранился судебный актъ, содержаніемъ котораго сѣбѣшу подѣлиться съ читателями.

Крестьянинъ пильгорской волости, Михайло Петровъ Чухаревъ (19 лѣтъ отъ роду) портилъ икотою свою двоюродную сестру Офимью Александрову Лобанову. „И ту сестру, сказано въ прошеніи, теперь злой духъ мучить“. Чухаревъ на допросъ показалъ, что „училъ его тому той же волости крестьянинъ Федоръ Григорьевъ Крапивинъ, который — сказано въ показаніи Чухарева — въ пьяномъ видѣ вызвалъ меня изъ того питейнаго дому на улицу, совѣтовалъ: „не хочетъ ли

научиться на народъ пускать боли, подь названіемъ икота?“ — Я, по молодости своихъ лѣтъ и глупости, изъяснилъ согласіе. Послѣ чего училъ меня значущимся въ особомъ листѣ обстоятельствамъ таковое зло производить и впослѣдствіи времени до нынѣшняго, хотя совѣсть меня мучила и самъ терзался, но сдѣлать такого вреднаго для народу случая боялся“.

Вотъ какъ училъ колдовству Михайла Чухарева Ѳедоръ Крапивинъ: „При самомъ началѣ дѣйствія, снять съ шеи крестъ, положить въ сапоги подь пятку, поддержать полсутки, говорить слова: „отрекаюсь Бога и животворящаго Его креста, отдаю себя въ руки дьяволамъ“. Шептать въ соль, упоминая имя человѣка, коему зло намѣренъ сдѣлать, не иначе, во первыхъ, какъ родственницы; упоминать слова: „пристаньте сему человѣку скорби подь названіемъ икоты, трясите и мучьте (назвать имя человѣка) до скончанія жизни. Послѣ, вынувши изъ сапога крестъ, повѣсить на стѣну. Въ то время будутъ дьяволы у тебя. — Помѣшкавъ сутки, перемѣнить по обыкновенному напередъ (т. е. надѣть крестъ), тогда дьяволы отъ тебя отойдутъ, а будутъ мучить того, на кого сіе учинишь. Соль же столовую бросить на дорогу, или въ другое мѣсто, коимъ тотъ человѣкъ ходитъ. Съ даннымъ мнѣ отъ Крапивина неизвѣстнымъ кусочкомъ, менѣ горошины, похожимъ на липучую, черную сѣру, съ приговоромъ: „какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ, кому такое зло учинишь; отступите отъ меня, дьяволы, а приступите къ нему“. И недолгѣ сходить, ту соль разрыть и сказать: „поди дьявольщина отъ меня прочь!“ И такимъ образомъ наканунѣ прошедшаго Богоявленія Господня двоюродной сестрѣ своей, крестьянской женкѣ Офимѣ Александровой Лобановой, такое зло учинилъ, которую злой духъ мучить. Послѣ же сего дѣйствія, черезъ одинъ день, при началѣ сну, пришли ко мнѣ въ огненномъ платьѣ три нечистые духа, изъ коихъ одинъ сказалъ: „Я пойду, куда ты послалъ“. А двое требовали тоже должностей. Чего испугавшись, призывая имя Божіе, и онымъ отогналъ отъ себя и болѣе не видалъ. И послѣ оныхъ, когда будучи въ глубокомъ снѣ, видалъ прихожаго неизвѣстнаго мнѣ старика въ черномъ платьѣ, сѣдая борода, отговаривалъ меня отъ такого зла уклониться, обратясь къ Богу, просить прощенія: отчего пробудясь, призывалъ Бога къ избавленію отъ враговъ и теперь отъ Его милосердія не отрекаюсь“.

На допросахъ Крапивинъ показалъ, что у исповѣди былъ въ прошломъ году, а у причастія когда былъ — не упомянулъ (обыкновеніе, нерѣдкое между мезенцами, вообще склонными расколу). Сотскій Кузьма Любимовъ показалъ, что Крапивинъ „человѣкъ сумнительный“. Староста отъ женщинъ слыхалъ, что Крапивинъ накладываетъ болѣзнь подь именемъ икоты; какой-то Иванъ Поповъ, что болѣзнъ,

на женскій полъ напускаеть. Семень Макаровъ наслышался отъ многихъ людей, „между разговорами, что онъ на женскій полъ налагаетъ, подъ названіемъ икоты, болѣзни, каковою болѣзнію и жена моя страдаетъ“. Сама Лобанова показываетъ, что „болѣзнь икота у ней сначала въ горлѣ стояла, а потомъ опустилась пониже, открылось кричаніе и иканіе, и жатъ у сердца, а въ разсужденіи оную получила дѣйствительно отъ брата двоюроднаго Чухарева“, и за-то будто бы, что она не дала ему поносить для праздника кушака *каламинковаго*. Другія бабы (всего 16, всѣ икотницы) сознаются въ томъ, что у причастія не бываютъ оттого, что болѣзнь не терпитъ. Одна показываетъ, что получила двѣ болѣзни и одна особенно мучить и „при всемъ мученіи употребляетъ при болѣзни сей скверно-матерныя слова“. Но кто напустилъ болѣзнь — обѣ эти бабы не знаютъ. Чухаревъ въ кабацѣ говорилъ сидѣльцу слѣдующее: „дядюшка! сегодншняго числа Иванова Попова дочь Анна бранить, будто я напускаю икоты на людей, и похвалилась, что и сама меня попомнить“.

Далѣе слѣдуетъ рѣшеніе суда: „Чухарева наказать кнутомъ, давъ, по крѣпкому въ корпусъ сложенію, тридцать пять ударовъ, и по наказаніи отдать церковному публичному покаянію, что и представить духовному начальству. Касательно до Крапивина, то какъ Чухаревъ уличить его не могъ ничѣмъ, а вѣрить ему, Чухареву, одному не можно; и за справедливое признать нельзя, и упоминаемый Крапивинъ, ни съ допросовъ, ему учиненныхъ, ниже на очной ставкѣ, данной ему съ Чухаревымъ при священническомъ увѣщаніи, признанія не учинилъ, то въ разсужденіи сего, яко невиннаго, учинить отъ суда свободнымъ, и по настоящему, теперь нужному для посѣву хлѣба времени и домашнихъ крестьянскихъ работъ, препроводить его въ свое селеніе, а Чухарева содержать подъ карауломъ“. Дѣло рѣшено мая 17-го 1815 года.

Начиналось утро самой ранней порой, когда я оставилъ новыхъ пріятелей своихъ и интересную кликушу. Въ воздухѣ разлита была та теплынь, которая неизбѣжно слѣдуетъ за всякой крутой выюгой. Здѣсь на Мезени-рѣкѣ въ теплотѣ этой чуялись еще въ-добавокъ та живительная свѣжесть и легкость, которыя послѣдуютъ въ благодатное лѣто послѣ благодатнаго дождичка, въ благодатныхъ странахъ дальнаго Приволжья. И что за прелесть, что за картинность прибрежныхъ видовъ, разбросанныхъ щедрою рукою по крутымъ берегамъ Мезени! Широкою бѣлою поляною отдѣляетъ рѣка цѣпь однихъ видовъ отъ другихъ, имъ противоположныхъ. И что за разнообразіе въ мельчайшихъ подробностяхъ картинъ этихъ! Не утомляетъ глазъ на этотъ разъ ни неизбѣжное однообразіе лѣсовъ, ни докучныя пихты, ни до-

садныя сосны. А какъ хороши должны быть эти рощи лиственницъ, бесконечно и неисчислимо засѣвшихъ по берегу, когда онѣ всѣ свѣжо и весело зазеленѣютъ весной, когда и мезенецъ не посмѣетъ попить своими безобразными, валкими санями родной широкой и богатой рѣки своей. Глядишь по сторонамъ—и не нагладишься: на сердцѣ весело, и находишь отраду и зимой, и въ глухомъ, дальномъ краю архангельскомъ.

— А что, ямщикъ, весело ѣхать-то, хорошо!..

— Не больно же...

— Да полно, такъ ли?

— Дорогу-то ужъ очень перемело, лошадямъ тягостно.

— Такъ, чудака, не-уже-ли морозъ-отъ лучше?

— Безотмѣнно лучше: подобрало бы, выгладило бы. А то, гляди, какая пушнина лежитъ, что пухъ: хуже песку.

— Да за-то тихо...

— Тихо—не лихо, да ѣзда лиха—сказываетъ пословица, такъ-то...

— Веселѣй сидится, веселѣй думается...

— Весело сидѣть на всякомъ мѣстѣ, которое не жметъ да не колетъ.

— Ну, а думается?

— А думается, потому и думается, каково на сердцѣ. Ладно тамъ, не скребетъ—и хорошо, а не...

— Ну, будетъ; дальше не надо...

Этотъ ямщикъ оказался резонеромъ, какъ и всѣ прежніе, недавніе; видно, всѣ ужъ они таковы. Къ счастью, вотъ и смѣна, и новый ямщикъ, и новое мѣсто: людная деревня, разсыпавшаяся по крутому и высокому берегу. Изъ-за домовъ видится деревянная церковь. Стало-быть, село.

— Какъ зовется?

— Юрома.

Поднимаемся на очень крутую гору съ великимъ трудомъ, чуть не скатываясь внизъ и навзнычъ. Передъ нами, на самомъ юру, чистенькій, чуть ли не новенькій домикъ священника. Вотъ онъ и самъ передъ нами съ гостепріимнымъ привѣтомъ и ласковымъ, отогрѣвающимъ словомъ и дѣломъ.

— Вамъ надо посмотрѣть нашу диковинку—говорить мнѣ отецъ Михайлъ и ведетъ въ церковь.

Церковь старинной постройки (по церковному памятнику 1867 года) довольно большая, изъ поразительно-толстыхъ бревенъ и оригинальной архитектуры.

— По народному преданію (разсказываетъ отецъ Михайлъ), церковь строилъ богатырь (по здѣшнему батырь), именемъ Пашкѣ. Будто-бы своими руками, на собственныхъ плечахъ, валилъ онъ эти

громады одна на другую, одинъ, безъ посторонней помощи. Силы онъ былъ необъятной, а чтобы судить объ ней наглядно — онъ оставилъ народу на память деревянную модель руки своей.

— Вотъ она!—говорилъ онъ мнѣ въ церковномъ притворѣ.

Громадный кусокъ дерева, длиною въ высокій ростъ человѣка, обточенный съ одной стороны въ подобіе руки человѣческой. Рука сжата въ кулакъ и кулакъ этотъ шириной своею равняется четыремъ, если не пяти головамъ взрослога человѣка. По запястьямъ и вдоль всего локтя и сгиба нарѣзаны орнаменты на манеръ балясинъ и, вѣроятно, рука эта предназначалась для колоннъ, подпирающихъ потолокъ. Вѣроятно поскучалъ изобрѣтательный, хитрый на выдумки, строитель надѣлать такихъ рукъ до десятка и замѣнилъ ихъ простыми, едва отесанными, но за-то болѣе благонадежными, столбами, которыми подпирается потолокъ въ настоящее время. А рука такъ и осталась безъ употребленія въ углу церковномъ и благодарная память народа къ строителю не позволила загнить рукъ этой внѣ церкви. Богатырь ли это былъ, или скромный и несильный мужичекъ, строитель, можетъ-быть, съ Пинеги (лампоженская церковь, въ 3 верстахъ отъ города, во всемъ подобна юромской)—рѣшить невозможно. Между тѣмъ, преданіе о богатырѣ Пашкѣ все-таки живетъ въ народѣ и вотъ что объ немъ рассказываютъ:

Пашкѣ, уроженецъ сосѣдней съ юромской деревни (до сихъ поръ называющейся именемъ богатыря—Пашкиной) разъ пахалъ землю на берегу рѣки, въ то время, когда по рѣкѣ плыли сверху семь человѣкъ разбойниковъ. У разбойниковъ было крѣпкое, темное слово. Сказывали они это слово на вѣтеръ, несъ это темное слово вѣтеръ на заказанное мѣсто и стала у богатыря лошадь, какъ вкопанная, и не шла по полосѣ дальше впередъ. Не стерпѣлъ силачъ Пашкѣ такой обиды, а замка отъ заговору—темный человѣкъ—не знаетъ. Надо до-нять злыхъ людей хитростью и своей мощью. Посылаетъ онъ своего работника по берегу наслѣдить разбойниковъ, куда они придутъ, гдѣ остановятся, и только бы на одно мѣсто сѣли: на водѣ они сильны, не одолить. Разбойники свернули въ рѣку Пёзу — такъ работникъ и сказываетъ.

Рассказываютъ также и другое, что Пашкѣ не сробѣлъ, когда встала его лошадь, онъ послалъ и свое запретное слово, и лодка разбойничья встала и съ мѣста не тронулась. Да атаманъ былъ толковъ, зналъ замокъ и сказывалъ: „братцы! есть кто-то сильнѣ меня, побѣжимъ!“ И побѣжали. Зашелъ Пашкѣ по пути за товарищемъ Тропѣю, такимъ же, какъ и онъ, силачемъ, и отъ его деревни *, и съ нимъ

* До сихъ поръ существуетъ, при проходѣ на пезскій волокъ деревня Тропицы. Этому Тропѣ также, въ свою очередь, народнымъ преданіемъ приписывается постро-еніе церкви въ сѣлѣ Койнось (въ 1637 году по церковному памятнику). Койнось — на р. Мезени въ 140 вер. отъ Юромы и около 250 верстъ отъ Мезени.

вмѣстѣ, повернулъ на лѣсъ. Нагналъ Пашкѣ разбойниковъ на рѣкѣ Пѣзѣ (притокъ Печоры). Разбойники наладились кашу варить, да видятъ атаманъ кровь въ кашѣ, пугается крѣпко и товарищамъ сказываетъ: „бѣда-де на вороту, — скоро тотъ, кто сильнѣе насъ, сюда будетъ!“ И не успѣлъ словъ этихъ всѣхъ вымолвить, явился самъ Пашкѣ: одного разбойника убилъ, и другаго, и всѣхъ до седьмаго. Остался одинъ атаманъ: бѣгаетъ онъ кругомъ дерева и истрѣливаетъ, Пашкѣ все дерево въ щепы, и не можетъ попасть въ атамана. Накладываетъ на лукъ послѣднюю стрѣлу и креститъ ее крестомъ святымъ. Валится отъ этой честной стрѣлы врагъ его и супостатъ на вѣки вѣчные.

До сихъ еще поръ старожилы показываютъ на пѣзскомъ волоку (предполагаемомъ соединеніи рѣки Мезени съ Печорою) то дерево, которое изщепалъ своими стрѣлами богатырь Пашкѣ, и до сихъ еще поръ всякій проѣзжій человѣкъ считаетъ неизмѣннымъ и безотлагательнымъ долгомъ бросить охапку хворосту на проклятое, окаинное мѣсто могилы убитаго атамана. Тамъ уже образовался огромный курганъ. А за Пашкѣ осталось на вѣка-вѣчные отъ этого дѣла прозванье *Туолукаго* *.

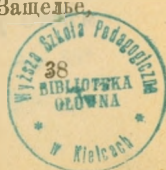
Преданьемъ о разбойникахъ, и при томъ неслишкомъ дальнимъ по времени, встрѣчаетъ и слѣдующая деревушка станція. Разбойники тѣхъ мѣстъ напали на богача и, вынуждая у него денегъ, его самого палили снизу на каленой заслонкѣ и обсыпали сверху горящими листьями вѣшниковъ. Не добившись толку, они плотно заперли, заколотили и зажгли домъ богача, полагая ему смерть отъ задушенія. На счастье, мимо бѣжала старуха. Она слышала крики, сама, въ свою очередь, перепугалась и закричала, и такимъ образомъ собрала сосѣдей, которые и успѣли переловить изверговъ. Всѣ они противъ села Юромы, на другомъ берегу рѣки Мезени, въ деревушкѣ, были биты кнутомъ, прочимъ въ страхъ и поученіе.

Новое преданіе о разбойникахъ слышится еще въ повѣсти о житіи Іова Праведнаго, мощи котораго подъ спудомъ хранятся въ селѣ Ущельѣ (въ 3 вер. отъ деревни Березника). Здѣсь на крутомъ, картинномъ мысу, или щельѣ **, Іовъ основалъ въ 1614 году, по грамотѣ новгородскаго митрополита Исидора отъ 1609 года, монастырь (потомъ нустыня, и съ 1838 г. приходъ).

Въ 1628 г., когда вся братія была на сѣнокошѣ, въ монастырѣ оставался одинъ Іовъ. Разбойники требовали у него денегъ, и полу-

* Полагаютъ, что имя *Пашкѣ* происходитъ отъ уменьшительнаго имени Павелъ, а *Тропа*—отъ Евтропій.

** Щелье—мысъ рѣчной, съ оврагомъ и крутизнами. Особенно богата ими рѣка Мезень и оттого на ней деревни и села: Долгощельѣ, Бѣлощельѣ, Конешельѣ, Зашельѣ, Палощельѣ, Устьщельѣ и проч.



чивши отказъ, „огнемъ жгоша его и въ неистовомъ изступленіи своемъ вервиею влачаху его по земли, яко изсохшему отъ поста тѣлу его, всему изъязвленному быти и членамъ тѣлеси его оторгатися отъ такового лютаго мученія. Послѣди же разбойницы немилосердно отсѣкши честную его главу, отъидоша“—сказано въ рукописномъ житіи праведнаго. Въ ущельской церкви сохранилась кокора, на которой онъ былъ убитъ и которая облита была кровью (кокора эта теперь вся обгрызана, потому что щепы отъ нея, по народной вѣрѣ—взятые въ ротъ успокоиваютъ зубную боль). Указываютъ также и мѣсто убіенія Іова за селомъ, подъ горой, на мосту, котораго теперь уже нѣтъ, потому что ручей, отдѣлявшій церковь отъ села, уже пересохъ. Оврагъ, ведущій изъ селенія на отдѣльную, высокую и крутую церковную (нѣкогда монастырскую) гору, глубиною въ 12 сажень. Гора обросла густымъ листовичнымъ лѣсомъ, изъ-за котораго въ просѣкахъ открываются рѣдкіе по красотѣ своей виды на дальній берегъ съ людною деревнею Березникомъ и опять-таки съ густыми листовичными рощами.

Съ селеніемъ Койносомъ пропадаютъ преданія о разбойникахъ, которые, по всему вѣроятію, были бѣглые литовскіе люди и русскіе измѣнники, пользовавшіеся смутнымъ временемъ, разсыпавшіеся мелкими шайками по всему лицу русской земли и пробиравшіеся къ богатымъ Соловкамъ и торговому Архангельску.

Взамѣнъ преданій о разбойникахъ выступаютъ впередъ болѣе древнѣйшія преданія о Чуди—аборигенахъ всего сѣвернаго края Россіи, о той *чуди блѣгомазой*, имя которой слышится и по рѣкѣ Онегѣ, и по рѣкѣ Пинегѣ. Здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пугаютъ словомъ „чудь“ капризныхъ и плаксивыхъ ребятишекъ. По рѣкѣ Мезени показываютъ множество вещи, съ общимъ названіемъ чудскихъ: кольца, выкопанные изъ земли монеты, и проч. Я видѣлъ въ деревнѣ Березникѣ серебряныя серьги затѣйливой, хотя и аляповатой работы, носившія тоже названіе чудскихъ. Можетъ быть (и по большому вѣроятію), онѣ несравненно позднѣйшей работы и идутъ по наслѣдству изъ рода въ родъ, можетъ быть, онѣ просто-на-просто новгородскаго дѣла и, можетъ даже быть, временъ самыхъ первыхъ заселеній мезенскаго и вообще всего двинскаго края. Преданія о Чуди все-таки здѣсь еще живы и повсемѣстны. Болѣе типическое преданіе удалось мнѣ услышать въ деревнѣ Чучепалѣ, самое имя которой, по этому преданію, происходитъ отъ чуди, и вотъ по какому поводу.

Повыше деревни (хотя и самая деревня стоитъ на довольно-высокомъ мѣстѣ), по берегу рѣки Мезени, на высокой горѣ въ листовичныхъ рощахъ, стоялъ нѣкогда городъ, населенный чудью. Новгородцы, разселяясь по рѣкѣ, выбрали и сосѣднее предгорье, какъ мѣсто удобное и картинное. Первые годы сосѣди жили въ миру, да

строптивѣ была чудь и не угадала новгородской чести, не подладилась подъ новгородскую душу. Задумали люди свободные, люди торговые и корыстные избыть лихихъ бѣлоглазыхъ сосѣдей и для этого дождались зимы морозной и крѣпкой. Прямо противъ городка Чудскаго, на рѣкѣ Мезени прорубили они ледъ поперекъ всей рѣки и сдѣлали такимъ путемъ широкую полынью. Погнали они чудь изъ города въ ту сторону, гдѣ лежала эта полынья: провалилась вся чудь отъ мала до велика, потонула. Стало то мѣсто рѣки называться *кровянымъ плесомъ* (называется оно этимъ именемъ и до этого дня) и прослыла деревушка новгородская Чудьпалой за тѣмъ, что тутъ послѣдняя чудь пала.

По иному преданію, распространенному въ другихъ мѣстахъ Архангельской и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерніяхъ, чудь въ землю ушла, подъ землей пропала, живьемъ закопалась. Сдѣлала она это: по однимъ оттого, что испугалась Ермака, по другимъ оттого, что увидѣла бѣлую березу, внезапно появившуюся и означавшую владычество Бѣлаго царя.

На высокой горѣ, гдѣ предполагался Чудскій городъ, указываютъ на высокій курганъ, какъ на послѣдній остатокъ, на послѣднюю памятку о погибшемъ народѣ, коренное имя котораго стерлось теперь съ лица земли, оставшись только въ отросткахъ: корелахъ, лопаряхъ, зырянахъ, вотякахъ, чухонцахъ, въ мордвѣ и проч. Досужіе люди раскапывали въ томъ мѣстѣ курганъ, но ничего, однако, не нашли тамъ. Такой же кладъ, схороненный „Чудями“ ищутъ между вѣковыми соснами даже на Печорѣ, тамъ гдѣ впала въ нее съ лѣвой стороны рѣчка Крестовка (въ 90 верстахъ ниже Усть-Цылымы), гдѣ выровнялся высокій берегъ, называемый „Крестовскимъ материкомъ“. И здѣсь до сихъ поръ еще ничего не нашли.

Деревня Чучепала лежитъ отъ села Койноса въ 14 верстахъ. А вотъ и Койнось—людное село, но бѣдная церковь, деревянная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заплата, холодная и въ службахъ по зимамъ едва выносимая. Бѣдны всѣ примезенскія церкви, но бѣднѣе койновской нѣтъ другой. Священническія ризы—тлѣны, иконы съ почернѣлыми, едва примѣтными ликами. Все глядитъ поразительною ветхостью и скорымъ, неизбежнымъ разрушеніемъ.

— Отчего же это, отецъ Евграфъ? — спрашивалъ я у священника.

— По всей Мезени народъ склоненъ къ расколу и еле держится, и только около коренныхъ обрядовъ. Въ церковь почти совсѣмъ не ходитъ и, если является, то только ради угожденія палатскому начальству, разъ въ году на исповѣдь. У причастія никто не бываетъ. Ждутъ только рѣшительнаго человѣка, чтобы впасть въ неизлечимый и неисправимый расколъ, какъ усть-цылемы на Печорѣ, кемляне и сумляне въ Поморѣ.

— Кто же ими руководить?

— Есть у них толковники, начитанные и зубастые, въ спорахъ неуступчивые. Въ тундрѣ скиты настроены, гдѣ цѣлыми артелями блюдутъ о древлецерковномъ благочестіи, по ихъ словамъ, но въ самомъ дѣлѣ купаются въ прелюбодѣянніи и угожденіяхъ плотской и мірской жизни.

— А ваши-то прихожане нравственны?

— На посѣдкахъ по зимамъ, не боясь ни чьего глазу, мужики обнимаютъ бабъ и огни гасятъ... На масляницѣ, когда съ горъ катаются, дѣвки среди бѣла-дня сажаютъ къ себѣ ребятъ на колѣна и катаютъ ихъ внизъ на салазкахъ... Въ хоровахъ дѣвки всегда крѣпко нарумянены; да и вообще этотъ обычай румяниться и бѣлиться повсемѣстенъ, особенно съ Азополя... Попъ къ нимъ со своей нуждой не ходи: либо ничего не дадутъ, либо сдерутъ такую цѣну, что послѣ въ два мѣсяца не сберешься духомъ: разбойники!..

— А любятъ они старинку, держатся ли ея.

— Да въ этомъ одномъ все и спасенье-то свое видятъ. Хуже свадебъ ихъ я ничего не видывалъ. Передъ обрядомъ свадебнымъ ведется обычай кормить молодую горячими, масляными блинами. Блинами этими она одѣляетъ подругъ, бросая въ нихъ какъ-ни-попало и не обращая вниманія на то: пачкаетъ ли она ихъ новыя, нарядныя платья, или нѣтъ. Для нихъ это все равно: было бы только приложено усердіе да соблюденъ обычай. Послѣ самаго обряда бракосочетанія, женихъ держитъ свою голову высоко и вообще гордо за тѣмъ, чтобы не первымъ поцѣловать молодую. Та, кое-какъ, съ великимъ трудомъ и то на цыпочкахъ, достаетъ мужнино лицо и чмокаетъ, но тотчасъ же и начнетъ голосить, притворствуя: „насрамилъ ты меня, набезчестилъ-погубилъ ты мою дѣвью красоту!“ На паперти *крутятъ ей новоянчикъ*: она при этомъ обрядѣ упирается, лягается, кричитъ, не дается, но обычай и сила берутъ свое. Въ сани мужнины она въ по-войникѣ садится уже охотно и радостно.

— Когда приведутъ молодую отъ вѣнца къ мужу въ избу—она закрыта. Отецъ молодого поднимаетъ платокъ—молодая не дается. Ее хлопаютъ затѣмъ ковригой хлѣба по лбу и сулятъ денегъ, жита, нарядовъ. Она ни на что не соглашается. „Ну вотъ же“, говоритъ отецъ, „даю тебѣ сына своего“. Тогда она и фату открываетъ. До сихъ еще времени существуетъ обычай красть невѣсть безъ вѣдома родителей, по любви. И бываетъ тутъ иногда не просто, не по одному виду, а хуже: одному жениху отморозили руки, заставивъ его простоять битыхъ семь часовъ на тридцати-градусномъ морозѣ у дверей его богосуженой, но не суеной. Только это несчастіе и случай и умилиствовали отца и мать невѣсты; а парню-то она *порато—горазно* полюбила.

— А чѣмъ же живетъ народъ попреимуществу?

— Деревянную посуду приготовляютъ: чашки, ковши, прялки, ложки, блюдечки, и очень-красиво, и очень много, такъ много, что вывозятъ даже на Пинегу. Нѣкоторая часть изъ народа уходитъ на морскіе промыслы и большая половина занята ловлею лѣснаго звѣря и птицы. Для птицы они прокладываютъ тропы и зовутъ эти тропы—путиками. Идутъ эти путики одного хозяина вдоль нашей безграничной тайболы на великіе десятки верстъ.

— Простоты въ нихъ, доброты предполагать надо много: живутъ въ старинѣ, любятъ домъ и семью — тамъ всегда хорошо. Столицы, фабрики и людные города уничтожаютъ добродушіе народа, портятъ ихъ нравственно.

— Въ нашемъ народѣ и доброта, и простота — все это есть, но портитъ ихъ расколъ и старыя заповѣди. А есть и между ними уроды.

— Какого же рода?

— А вотъ вы поѣдете на Печору, встрѣтите отца Николая. Его объ этомъ спросите!..

— Я вамъ непространно повѣствовать буду, говорилъ мнѣ отецъ Николай:—вкратцѣ изложу вамъ предметъ предлагаемой вами бесѣды. Ъхалъ я къ приходу лѣтнимъ путемъ, по рѣкамъ—въ лодкѣ, по перелокамъ—образомъ апостольскаго хожденія: въ сторонѣ доводилось неоднократно и ревъ лѣсныхъ обитателей изъ звѣринаго рода слышать на страхъ, и пѣніе пернатыхъ на услажденіе... Да, нѣтъ-таки, я вамъ лучше коротенько. Похваляю вамъ обычай оставлять для путешествующихъ, но заблудшихъ странниковъ бражно (хлѣбъ, соль и рыбу), которое обрѣтали мы въ каждой лѣсной избѣ, и почасти въ избыткѣ. Но заблудились, потребили все запасное свое и начали уже изнывать тяжкимъ голодомъ. На видимое счастье наше, напали на охотника съ рѣки Мезени, избыточествовавшего запасомъ своимъ. Просили подѣлиться,—отказалъ: для себя—сказывалъ—припасалъ, а на странниковъ наткнуться не полагалъ-дескать никакія надежды. И самъ ѣлъ при насъ. Думалъ я, раскольникъ то былъ, а сталъ молиться—истинный крестъ Христовъ на перстахъ своихъ изобразилъ. Сказалъ же намъ, однако, что по близости старообрядскій скитъ есть. Содрогнулась въ немъ душа, повидимому, и временно отсталъ отъ него духъ тьмы. Пришли къ скитникамъ. Скитники жили въ достаткѣ и моимъ нарядомъ не побрезговали: приняли, насытили и молитвословія не воспретили. Отдохнувъ я съ семьей, сномъ подкрѣпился. Приступили съ прошеніемъ ко мнѣ: „прочитай намъ, батъко, правило: мы помолимся!“ Да, вѣдь, я по своему требнику стану: по вашему дерзать не могу!—отвѣтствовалъ. „Намъ, говорятъ, все равно, была бы молитва твоя угодна и не съ сердца срывалась“. И молитвословилъ я своимъ грѣховнымъ моленіемъ и возносилъ умиленные мольбы ко Всевышнему, да приобщить сихъ заблудшихъ овецъ къ стаду Христову избранныхъ и отъ вѣковъ возлюбленныхъ.

— И не столь они злы, какъ говорятъ, и не обрядами они тяготятся и по нимъ раздѣленіе свое отъ насъ чинятъ—прибавилъ потомъ отецъ Николай. Тутъ, полагаю, причину болѣе важную и болѣе знаменательную...

— Да, вѣдь, это, батюшко, давно уже извѣстно. Мы объ этомъ потолкуемъ съ вами когда нибудь послѣ, на досугѣ.

III.

ПОЕЗДКА ПО РѢКѢ ПИНЕГѢ.

Городъ Пинега. — Красногорскій монастырь. — Преданія о князѣ В. В. Голицынѣ. — Веркольскій монастырь. — Икота. — Село Кевроль. — Путики для лѣсной птицы.

Почтовый колокольчикъ отболталъ свои послѣднія трели, казенная кибитка обхлопала послѣдніе ухабы и выбоины — передъ нами рядъ домовъ съ городской обстановкой и принадлежностями, передъ нами весь на лицо маленькій узднй городокъ—Волокъ по народному прозванію, Пинега—по казенному. На этотъ разъ въ немъ ярмарка, называемая и въ офиціальныхъ бумагахъ, и на простомъ ходячемъ языкѣ викольскою. Это было 6 декабря.

Пинежская ярмарка, какъ и всѣ собственно народныя ярмарки (называйте ее даже базаромъ), ни въ чемъ не разнится, ни въ чемъ не отступаетъ отъ множества подобныхъ народныхъ сходокъ, разбросанныхъ десятками тысячъ по всему лицу русскаго царства. Не имѣя офиціального характера, необставленная казаками и жандармами, она носитъ на себѣ всѣ признаки старинныхъ русскихъ мірскихъ сходокъ. Въ ней все непринужденно и искренно, все живетъ на распашку, безъ дальняго спроса о томъ, такъ ли это надо, или иначе. Затронутая самымъ живымъ интересомъ—интересомъ барыша (хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и копѣчнаго), она шумитъ, какъ вообще шумитъ русскій человѣкъ, когда онъ очутится на полномъ просторѣ, на широкой, собственной, пестѣсенной волѣ. Она кричитъ потому, что кричитъ пѣтухомъ и всякая барышня копѣйка, по смыслу народнаго присловья. Далеко разносится ярмарочный гулъ затѣмъ, что гулу этому есть гдѣ разгуляться по широкимъ тундрянымъ полянамъ, обступившимъ городъ. Прислушаешься къ гулу, и Богъ-вѣсть что почудится въ этомъ гулѣ: и звонъ золотыхъ въ засаленныхъ, но крѣпкошпигитыхъ мошнахъ ижемскихъ зырянъ, счастливо сбывшихъ свои мѣха и пушину въ надежныя и искусныя руки галицкихъ купцовъ, и звонъ серебряныхъ де-

негъ въ рукахъ архангельскихъ и вологодскихъ краснорядцевъ, продавшихъ линючіе и залежавшіеся московскіе ситцы въ руки холмогоровъ и печорскихъ зырянъ (гуртомъ), и на надежныя руки сосѣднихъ бабъ и дѣвокъ. Слышится въ народномъ ярмарочномъ пинежскомъ гулѣ и глухое побрякиванье мѣдюковъ — тяжелыхъ денегъ, доставшихся оборышемъ, незавиднымъ излишкомъ на горькую долю самоѣдовъ, явившихся сюда изъ-за тысячи верстъ, изъ дальнихъ тундръ своихъ, цѣлыми ѡргишами — вереницами оденныхъ санокъ, нагруженныхъ мерзлой и соленой рыбой: чирами, пелядами и семгой. Чуется въ пинежскомъ ярмарочномъ гулѣ и безнадежный визгъ послѣдней копѣйки, поставленной ребромъ мужичкомъ съ той же Пинеги, или съ ближней Двины изъ-подъ Холмогоръ, продавшихъ какой-нибудь десятокъ паръ рябчиковъ или чухарей (глухарей).

Во всемъ остальномъ пинежская ярмарка опять-таки, какъ капля воды на другую, похожа на всѣ ярмарки и базары. Тѣ же питейные дома, соблазнительно-застроившіе всѣ входы и выходы города, тѣ же питейныя выставки подѣ полотнянымъ колоколомъ на бойкихъ мѣстахъ, по случаю такого горячаго и суетливаго времени (только три или четыре дня дышитъ своимъ разгаромъ ярмарка въ Пинегѣ). На ней услышишь въ народномъ гулѣ печальный крикъ мужичка, который воспользовался люднымъ сборомъ и, повѣсивъ свою лохматую шапку на длинную палку, просить сказать православныхъ: не видалъ ли кто выкраденной лошади съ такой-то примѣтой, или такой-то сбѣжавшей коровы. Здѣсь легко выслушать, изъ общей свалки криковъ и возгласовъ, рѣдкій плачевный звонъ вновь вылитаго колокола, собирающаго подаваніе на подъемъ и благополучный подвѣсъ на колокольню. И здѣсь — повелительныя предостереженія ѣдущихъ: „поберегись“, и здѣсь между сѣрымъ народомъ неизбежно толкаются попъ съ попадѣй, приторговывающіеся къ кобылкѣ или ситцамъ. Породистыя дѣвки, всѣ въ красномъ, стоятъ, скрестивъ на плотныхъ и высокихъ грудяхъ руки, тупо поглядывая на проходящихъ. Здѣсь опять-таки наслѣдишь и мелкіе обманы торгаша, крупныя обманы крупнаго торговца. Не увидишь только ярмарочныхъ представленій въ видѣ райковъ, балагановъ съ петрушками и „шире-бери“, потому что здѣсь къ этому непривычны. Все-таки замѣтишь сосредоточенную на мѣстныхъ пунктахъ хлопотливость, охаживаніе и облаживаніе извѣстныхъ цѣлей въ крупномъ, гуртовомъ, широкомъ размѣрѣ. Это — оптовая покупка мѣховъ и дичи. Мѣха пойдутъ на Москву; дичь, въ видѣ куропатокъ и рябчиковъ, уйдетъ въ Петербургъ, и только мерзлая и соленая рыба по ближнему сосѣдству. Незначительное (по сравненію съ прочими оборотами ярмарки) число костей и роговъ моржовыхъ и мамонтовыхъ, добытыхъ на Новой-Землѣ и на Печорѣ, попадетъ въ руки архангельскихъ и холмогорскихъ костяниковъ.

Ярмарка, вымирающая ночью до единого воза и человека, уже съ 6 декабря, положеннаго законнымъ началомъ для нея, начинаетъ терять все болѣе и болѣе характеристическій видъ. Завтра опять наѣдутъ съ раннихъ утреннихъ потемокъ возы изъ ближнихъ деревень, но уже гораздо меньше, и собственно ярмарка, по общимъ слухамъ, кончилась еще наканунѣ, въ сочельникъ. Перекупаютъ и скупаютъ все привезенное еще до разсвѣта и по дворамъ. Рыночной продажи и по мелочамъ, положительно нѣтъ: пару рябчиковъ, рыбу, достать весьма трудно и почти невозможно: все закуплено оптомъ и передано извозчикамъ. Съ меня просили 50 коп. сер. за пару рябчиковъ, тѣхъ самыхъ рябчиковъ, которые, провезенные въ Петербургъ, на Сѣнной площади будутъ стоить 40 и 50 копѣекъ, — все по той причинѣ, что ярмарка оптовая: не хочется развязывать возъ и путать партію считанаго товара. Стало-быть, ярмарки, въ ея общепринятомъ значеніи, въ Пинегѣ нѣтъ: это просто-на-просто обусловленный обычаемъ срокъ для сѣзда продавцевъ къ своимъ довѣрителямъ. Такъ идутъ кожи, дичь, рыба печорская, мясо, звѣриныя шкуры и по разницѣ остаются гнилые лоскутья, выдаваемые за ситцы, да пыжиковыя издѣлія (шапки и рукавицы), да крестьянскія лошади, да мелкій хламъ деревянный и желѣзный. На тотъ годъ (1856) все стояло дорого и значительно выше противъ прошлагодняго; на лѣснаго звѣря, говорятъ, ловъ былъ плохъ, рыба также ловилась незначительно, а недавняя война вліяла на возвышеніе цѣнъ и на мясо, и на пищу, и на другіе крестьянскіе продукты и издѣлія.

Народъ пьетъ горькую, но некрѣпкую водку и оретъ къ вечеру пѣсни. Разсчетливые оптовые продавцы, ижемскіе зыряне, начинаютъ въ теплыхъ квартирахъ галицкихъ купцовъ свои торговые разговоры съ чаю, до котораго страшные охотники, и оканчиваютъ сдѣлки бутылками хорошаго хересу, привезеннаго архангельскими купцами прямо съ биржи и не фабрикованнаго. Ничѣмъ особеннымъ не сказался первый день ярмарки. Въ единственной городской церкви, каменномъ соборѣ, освящали воду, звонили въ колокола—да и только! Да, народу пьянаго было очень много.

7 числа меньше возовъ; расплата оптовыхъ торговцевъ по домамъ; изрѣдка опоздалые, задержанные пургой возы, плетущіеся на оленяхъ по улицамъ. Гуще набито народу около продавцевъ краснымъ товаромъ. Въ толпахъ этихъ пестрѣютъ олени совики и малицы мезенцевъ и рѣже овчинные тулупы и полушубки верховиковъ (съ Сѣв. Двины, изъ Шенкурска).

8 числа ярмарки почти уже нѣтъ; многія квартиры опустѣли и весь городокъ, значительно обезлюдѣвшій, готовъ погрузиться въ долгую спячку до 25 марта, когда начнется снова базарный крикъ, но уже значительно не въ той мѣрѣ и силѣ. Этотъ крикъ послѣдній

въ году: эта ярмарка, называемая Благовѣщенскою, послѣдняя для Пинеги.

9 числа я покинулъ этотъ городъ для Печоры и снова еще разъ встрѣтился съ нимъ на обратномъ пути отсюда черезъ полтора мѣсяца. Встрѣча эта была не радостна и не могла уже задержать меня надолго въ городъ, который глядѣлъ уже на тотъ разъ тоскливо, безлюдно, какъ глядитъ и всякій другой архангельскій городокъ, бѣдный средствами и скудный жителями.

До 1780 г. Пинега была деревнею *Волокомъ* и *Большимъ*. Погостомъ: волокомъ называлась она за тѣмъ, что стоитъ на четырехъ-верстномъ пространствѣ, отдѣляющемъ рѣку Пинегу отъ Куоя, черезъ которое перевозакивали нѣкогда на себѣ суда изъ одной рѣки въ другую. Указомъ отъ 20 августа 1780 года, волость названа городомъ Пинегомъ по рѣкѣ, протекающей подлѣ. Въ него и переведено было и воеводское правленіе, переѣхалъ и самъ воевода изъ города Кевроля (за 130 верстъ на рѣкѣ же Пинегѣ). Кевроль стала въ свою очередь бѣднымъ селомъ, подъ именемъ Воскресенскаго погоста, замѣнивъ прежнее значеніе Пинеги, и не выигралъ многимъ и старый Большой Погостъ съ новымъ названіемъ Пинегою, хотя уже здѣсь и давно существовалъ широкій и бойкій торгъ, одинъ разъ въ годъ на Николу. Въ 1781 году императрица Екатерина II приказала отпустить изъ казны 8 тысячъ рублей на построеніе въ новомъ городѣ каменной соборной церкви. Въ мой проѣздъ соборъ этотъ перестроенный вновь, священъ былъ архангельскимъ и холмогорскимъ архіереемъ.

Вотъ все, что можно сказать о Пинегѣ, не забывая того, что вблизи этого города находится мѣсто болѣе замѣчательное и интересное по своимъ историческимъ воспоминаніямъ. Это — Красногорскій монастырь.

Монастырь этотъ лежитъ въ 10 верстахъ отъ города на высокой горѣ, носившей нѣкогда названіе Черной. Путь къ монастырю лежитъ мимо множества маленькихъ деревушекъ, разсыпавшихся по р. Пинегѣ, не широкой, но картинно-обставленной крутыми горами и засыпанной высокими лѣсами и рощами. Крутая съ трудомъ одолимая гора ведетъ въ монастырь; на самой возвышенной точкѣ ея расположены каменные строенія этой небольшой и бѣдной обители, обнесенныя деревянною стѣною. Видъ съ колокольни поразителенъ, восхитителенъ; лучше его не найти во всей Архангельской губерніи. Провожавшій меня монахъ, сказывавшій, что отсюда видно верстъ за пятьдесятъ, прибавилъ: „самъ владыко залюбовался!..“

Вотъ краткая исторія монастыря Красногорскаго, какъ разсказалъ ее авторъ описанія Архангельской губерніи, священникъ Козьма Молчановъ (Спб. 1813 года). „Въ лѣто 7111 (1603), въ царство Бориса

Феодоровича Годунова, нѣкто Воскресенскія кеврольскія церкви игуменъ Варлаамъ, по нѣкоторому явленію, ему бывшему, возымѣлъ общаніе находившійся у него образъ Пресв. Богородицы Владимірскія изъ Кеврола перенести на эту Черную гору и поставить на оной; къ исполненію котораго предпріятія получилъ и случай удобный, а именно, бывшаго на ту пору въ Кевролѣ за своими дѣлами юрольскаго священника Мирона; почему оную икону для отнесенія на ту Черную гору и поручилъ помянутому священнику. Ибо Юрольская волость, гдѣ священникъ сей жительствоваѣлъ, лежитъ близъ той Черной горы за одною рѣкою. Священникъ Миронъ оную икону привезъ и поставилъ на Черной горѣ, какъ приказано было отъ игумена Варлаама, и потомъ близъ той иконы водрузилъ крестъ и около онаго креста огородилъ досками; а потомъ и тамъ, по совѣту нѣкоего монаха Іоны, близъ оныхъ мѣстъ, во время Гришки Самозванца, отъ гоненій польскихъ и литовскихъ странствовавшего, и по увѣщанію прежде упомянутаго игумена Варлаама, принялъ монашество, а нареченъ будучи Макаріемъ, началъ жительствоваѣть на этой горѣ. Напослѣдокъ самъ отлучился въ Москву бити челомъ царю и великому князю Василю Іоанновичу всея Россіи о дачѣ на той Черной горѣ подъ монастырь мѣста; а Іона тамъ оставшись, началъ рубить лѣсъ, и готовить на церковное строеніе, и поставилъ себѣ келью на упокоеніе близъ показаннаго креста. Спустя нѣсколько времени возвратился изъ Москвы Макарій и привезъ отъ царя и великаго князя Василя Іоанновича всея Россіи данную 7114 (1606) августа въ 28 день грамоту, которою повелѣно Черную гору написать за нимъ чернымъ попомъ Макаріемъ. По поводу чего въ слѣдующую зиму отправился онъ Макарій въ Новгородъ къ преосвященному Исидору, митрополиту новгородскому и велико-луцкому, церковныхъ ради потребъ и антиминса на освященіе церкви. Преосвященный Исидоръ слышавъ, что не было на Пинегѣ въ близости иного монастыря, поставилъ его игуменомъ и далъ ему посохъ и настоятельную грамоту, дабы на Черной горѣ устроить общее о Христѣ братство. Такимъ образомъ игуменъ Макарій изъ Великогорода возвратился въ осеннее время; а монахъ Іона съ прочими трудниками, между тѣмъ, соорудили церковь, которую всѣ съ окрестными священниками и освятили соборнѣ во имя Похвалы Пресвятыя Богородицы. Въ семъ монастырѣ имѣется и другая чудотворная же икона, называемая *Грузинскою*, послѣ плѣненія Грузіи въ 7130 (1621) году персидскимъ Аббасъ-Шахомъ, купленная у персіянъ бывшимъ для торгу въ Персіи ярославскаго купца Григорія Лыткина приставникомъ Стефаномъ, сыномъ Лазаревымъ, и потомъ имъ Лыткинымъ лѣта 7138 (1629) августа въ 22 день при благовѣрномъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Феодоровичѣ и по благословенію святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго,

при Кипріянь, митрополитѣ новгородскомъ, и при игуменѣ Черногорскаго монастыря Макаріи, въ оный Черногорскій монастырь принесеная, въ честь которой послѣ того онъ, Лыткинъ, и церковь прекрасную воздвигнулъ. Сверхъ того обѣ чудотворныя иконы жемчугомъ и дорогими камнями украсивъ, дали въ сей монастырь много церковныхъ утварей и поучительныхъ 147 книгъ, съ котораго времени и монастырь уже сталъ именоваться Красногорскимъ. Вышеупомянутая церковь въ Красногорскомъ монастырѣ 7119 (1611) года сгорѣла, по сгорѣніи которой за скудостію сперва пристроенъ былъ для священнослуженія алтарь къ кельи, потомъ при державѣ блаженныхъ памяти императора Петра I, по грамотѣ Варнавы, архіепископа холмогорскаго, 1722 года іюня въ 3 день данной, заложена новая каменная церковь съ теплою трапезою; а въ оной престолъ Пресв. Богородицы Владимірскія, который и освященъ, по грамотѣ архіепископа Варнавы, 1726 года февраля въ 28 день данной; а въ большой холодной во имя Пресв. Богородицы Грузинскія престолъ освященъ въ 1735 году, марта въ 22 день при державѣ блаженныхъ памяти императрицы Анны Іоанновны Германомъ архіепископомъ. Тогда же монастырь получилъ на постройку церкви жалованья 1000 рублей. „Икону ежегодно приносятъ изъ монастыря въ Архангельскъ. Празднованіе ей установлено 22 августа. Въ алтарь Богоматери та створчатая деревянная кіота, въ которой будто бы принесенъ былъ на Красную гору образъ Владимірскія Богоматери изъ Кевроля.

Недаромъ же полюбился Красногорскій монастырь и сосланному въ Пинегу князю Василю Васильевичу Голицыну—любимцу царевны Софіи Алексѣевны, нѣкогда сильному своимъ государственнымъ вліяніемъ, и нѣкогда славному на всю Русь несмѣтными богатствами. Удаленный отъ дѣлъ сентября 9 въ 1689 году, онъ сперва сосланъ былъ съ женою и дѣтьми въ Каргополь, потомъ 5 марта 1691 года переведенъ на вѣчное житіе въ Пустозерскій острогъ. Двадцать лѣтъ томился онъ въ этой ссылкѣ, получая 13 алтынъ и 2 деньги (40 копѣекъ) на содержаніе въ день съ семействомъ своимъ. Имѣлъ несчастіе потерять здѣсь старшаго сына, который помѣшался отъ тоски. Осчастливленный нѣкоторыми льготами, онъ переведенъ въ 1711 году въ Пинегу, гдѣ, по народному преданію, получилъ изъ Москвы свой конскій заводъ и бесплатно выдавалъ крестьянамъ на Мезень и Пинегу кровныхъ кобылъ для улучшенія породы туземныхъ лошадей. Говорятъ, что это обстоятельство было главною причиною тому, что мезенки сдѣлались извѣстной породой; говорятъ, что у двухъ-трехъ богачей по Мезени до сихъ еще поръ сохраняются образцы чистой, непримѣстной породы лошадей княжескаго завода.

Князь Голицынъ любилъ ходить изъ Пинеги въ Красногорскій монастырь, подолгу сидѣлъ въ деревняхъ, смотрѣлъ на хороводы и

училъ крестьянскихъ дѣвушекъ пѣть московскія пѣсни, которыя, дѣйствительно, выдаются изъ ряду туземныхъ и слышатся только пока въ однѣхъ этихъ восьми деревняхъ, отдѣляющихъ городъ отъ монастыря. Указываютъ на рощу, расположенную подъ монастырскою горою, въ которой, по народному преданію, особенно любилъ гулять и любовался князь Голицынъ и на красивый монастырь, и на живую ленту рѣки Пинеги, бѣгущей въ прихотливыхъ, свѣтлыхъ колѣнахъ, змѣйкой, далеко въ безпредѣльность,—туда, гдѣ, за вологодскими лѣсами, лежитъ каменна Москва, дворцы царей, терема кремлевскіе, монастырь Новодѣвичій...

Роща эта, расположенная на длиномъ мыску (наволокъ), образованномъ изгибомъ рѣки Пинеги, теперь сдѣлалась такъ рѣдка, что служить только однимъ едва примѣтнымъ признакомъ нѣкогда густой и, можетъ быть, расчищенной рощи. Тутъ, по монастырскимъ книгамъ, по близости стояли въ старину монастырскія строенія, положенныя по уставу внѣ монастыря. Въ 1713 году В. В. Голицынъ скончался въ Великопинегѣ. Тѣло его было перевезено и погребено въ монастырѣ Красногорскомъ, по доховному завѣщанію князя. Дѣти его возвратились въ Москву. Могилу князя, накрытую простымъ дикимъ камнемъ, показываютъ аршинахъ въ двухъ отъ церкви противъ алтаря. На мой проѣздъ камень этотъ высоко засыпанъ былъ снѣжнымъ сугробомъ, тѣ же сугробы окружали всю церковь; никто не прочистилъ ни тропинки, никто не обмелъ самой гробницы. Монахи говорятъ, что надпись на камнѣ нельзя разобрать: лѣтъ уже 10 ее смыли дожди и снѣга. Вся память объ нѣкогда знаменитомъ князѣ осталась въ нѣкоторыхъ вещахъ, завѣщанныхъ имъ, а можетъ быть, и подаренныхъ его дѣтьми монастырю. Прологъ, прописанный по листамъ рукою самого князя, на доскѣ имѣетъ надпись: „Сію книгу положилъ въ домъ Пресвятой Богородицы на Красную гору князь Василій Васильевичъ Голицынъ“. Другія руки свидѣтельствуютъ, что „сія книга его милости и свѣтлости“. Тутъ же видны слѣды дѣтскихъ рукъ, пробовавшихъ почеркъ. Книга пожалована въ 1714 году. Въ келіи у настоятеля хранится шитый шелками образъ Богоматери съ тропаремъ кругомъ. Точно такой же шитый (изящно) шелками образъ Распятія, по вѣнцамъ пронизанный жемчугомъ; такая же плащаница, съ изображеніемъ снятія со креста, и воздухи хранятся въ соборномъ алтарѣ на стѣнѣ. Всѣ они, говорятъ, шиты руками Царевны Софіи Алексѣевны. Въ алтарѣ же, на стѣнѣ виситъ старинное зеркало, довольно большое, створчатое, украшенное по рамкамъ фольгою и позолоченными орлами, чистой и изящной (по времени) отдѣлки. Зеркало это, по всему вѣроятію, принадлежало князю и подарено ему, можетъ-быть, также царевною. Въ настоятельскихъ кельяхъ и притомъ въ страшномъ небреженіи, безъ рамки, въ углу, сохранился почернѣ-

лый отъ времени портретъ царя Алексѣя Михайловича, писанный масляными красками, хорошей работы, по всему вѣроятію, также собственность князя В. В. Голицына и, очень можетъ быть, подаренный ему самимъ царемъ. Въ монастырскомъ синодикѣ на вѣчное поминованіе князей Голицыныхъ записаны 20 именъ, внизу которыхъ рукою самаго князя вписано его имя (род. 1643 г.), имя Евдокіи (жены или дочери?), князей Михаила (младшаго сына), и Алексѣя (старшаго сына, помѣшавшагося отъ тоски).

Таковы свѣдѣнія, которыя удалось собрать объ знаменитомъ ссыльномъ въ самомъ монастырѣ Красногорскомъ и его окрестностяхъ.* Нѣкоторые изъ простонародья прибавляли, что-де князь крѣпко держался старинки и былъ раскольникъ...

Между тѣмъ наступалъ послѣдній мѣсяцъ года, назначеннаго мнѣ срокомъ отъ морскаго министерства для обслѣдованія и изученія прибрежьевъ Бѣлаго моря. Вдали предстояло еще много дѣла: часть Двины отъ города Холмогоръ до монастыря Сійскаго, съ котораго дорога поворачиваетъ на петербургскій трактъ. Вся южная часть уѣзда Пинежскаго должна была ускользнуть отъ моего вниманія и изученія — часть, которая представляла, повидимому и по общимъ слухамъ и увѣреніямъ, такъ много интереснаго. Тамъ и село Кевроль или иначе, Воскресенскій погостъ, бывшій воеводскій городъ и село Чакола-древняя, — самыя первыя новгородскія заселенія въ томъ краю, тамъ множество преданій о Чуди въ большемъ числѣ и интересѣ, чѣмъ пойманныя мною на рѣкѣ Мезени, какъ увѣряли. Тамъ, по увѣренію Молчанова (автора описанія Архангельской губерніи), „крестьяне понятливы, нѣсколько корыстолюбивы, грубы и необходимы“, тамъ, наконецъ, монастырь Веркольскій съ своей стариной и богатствами старинной письменности. „Сей монастырь — говоритъ священникъ К. Молчановъ въ своемъ описаніи — состоитъ на своемъ содержаніи на Пинегѣ рѣкѣ, вверхъ по той рѣкѣ, отъ Пинеги города въ 151 верстѣ, въ волости Веркольской. Начало свое воспріалъ со времени явленія мощей и нынѣ въ ономъ монастырѣ опочивающаго святаго и праведнаго *Артемія веркольскаго* чудотворца, который родился въ лѣто 7040 (1532), скончался 7052 (1544) года іюля въ 23 день, на двадцатомъ году отъ рожденія своего. Обрѣтенныя мощи его 7085 (1577) года, въ 33 годъ послѣ представленія его, положены были сперва въ паперти у приходской веркольской церкви святаго Николая чудотворца; изъ

* Изъ описи, составленной по открытію Архангельской губерніи въ 1784 г. казеннымъ зданіямъ, въ посадѣ Кудоѣ (Пинеж. уѣз.) въ 30 верстахъ отъ города показанъ домъ князя В. В. Голицына. На этомъ основаніи нѣкоторые полагаютъ, что онъ здѣсь и умеръ, а не въ Великопоженскомъ погостѣ.

паперти въ предѣлѣ перенесены 7091 (1583) года; потомъ, по свидѣтельствѣ, по указу Макарія, митрополита новгородскаго, и обрѣтеніи оныхъ подлинно нетлѣнными также по сочиненіи ему житія и службы, изъ предѣла поставлены внутри той же церкви, 7118 (1609) году декабря въ 6 день. Послѣ того мезенскій и кеврольскій воевода Аѳанасій Пашковъ, получа скорое отъ Бога, при помощи праведнаго Артемія, сыну своему въ учинившейся тяжкой болѣзни облегченіе, въ знакъ своего за то благодаренія, близъ той Никольской церкви въ 7152 (1446) году построилъ своимъ иждивеніемъ прекрасный, во имя великомученика Артемія храмъ, и окрестъ онаго ограду, и кельи для жительства монашествующихъ. Первый строитель въ новопостроенный монастырь опредѣленъ Рафаимъ, а въ бѣльцахъ Родіонъ Макарьинъ, при немъ черныи священникъ Іона, которые такимъ образомъ не успѣли лишь составить въ ономъ монастырѣ общежителства, какъ въ лѣто 7147 (1639) іюня въ 24 день оные храмы сгорѣли; почему они надъ мощами св. и прав. Артемія сотворили часовню. Наконецъ вскорѣ послѣ того, отъ царя Алексѣя Михайловича, по челобитью кеврольскаго земскаго старосты Филиппа Козьмина Драчева съ мирскими людьми, прислана въ Кевроль къ воеводѣ грамота о построеніи новой церкви, гдѣ обрѣтены мощи чудотворца Артемія, что они и исполнили. Лѣта 7157 (1648) ноября въ 14 день, воевода Григорій Аничковъ и кеврольской десятины заказчикъ священникъ Іоакимъ Васильевичъ, діаконъ Дометіанъ и прочіе духовнаго и мірскаго чина люди, пріѣхавъ въ веркольскую волость и пришедъ въ монастырь пѣли молебень, воду освятили и потомъ честныя мощи того святаго, положи въ новую раку, перенесли изъ часовни въ новопостроенную церковь св. великомученика Артемія, и поставили честно на южной сторонѣ“.

„Государскаго жалованья въ сей монастырь было:“

„Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи въ Кеврольской уѣздъ, въ монастырь св. Артемія, веркольскаго чудотворца, строителю Родіону Макарьину, да черному попу Іонѣ съ братією, по нашему указу и по обѣщанію сестры нашей благовѣрныя царевны и великія княжны Ирины Михайловны, послано къ вамъ въ монастырь чудотворца Артемія веркольскаго церковнаго строенія: Евангеліе напрестольное, крестъ благословящій, ризы и стихари, и иное церковное строеніе съ крестовымъ нашимъ дьякомъ Игнатѣемъ Яковлевымъ; что церковнаго строенія прислано, и тому послана къ вамъ роспись подъ сею нашею грамотою за дьячьею приписью, и какъ сія наша грамота придетъ, а крестовый нашъ дьякъ Игнатій Яковлевъ къ вамъ пріѣдетъ въ монастырь, и вы бѣ у него церковное строеніе, по росписи, каково подъ сею нашею грамотою, приняли все на лицо, и велѣтъ записать въ книгѣ именно, чтобъ то наше церковное стро-

еніе во вѣки были неподвижно: а какъ то церковное строеніе у крестоваго нашего дьяка Игнатія Яковлева примите, и вы бѣ о томъ къ намъ отписали; съ нимъ же Игнатѣмъ и его отпустили, а на Москвѣ отписку подать, и ему Игнатію велѣли явиться и въ приказѣ большаго дворца боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичу Львову, Дьякамъ нашимъ Ивану Ѳедорову, да Давиду Дерягину, да Смирнову Богдану. Писалъ на Москвѣ 7158 (1650) года генваря въ 26 день“.

По счастью, монастырь этотъ (единственный во всей Архангельской губерніи) случайно обошелся безъ ссыльныхъ и не видалъ мученій жертвъ своихъ. Даже и въ то время, когда сильно разгорался и судимъ былъ повсемѣстный сильный расколъ, здѣсь не было ни одного страдальца, которыми наполнены были всѣ русскіе монастыри, а по преимуществу архангельскіе.

Возвращаться назадъ въ любопытныя страны медвѣжьяго угла по р. р. Кевроль и Чаколъ для меня уже было поздно и нѣкогда. Съ стѣсненнымъ сердцемъ долженъ былъ я сѣсть въ Пинегѣ въ кибитку для того, чтобы ѣхать на Двину, въ давно знакомые Холмогоры.

Глухой, дѣвственный лѣсъ смѣнялся деревушкой, деревушка прорѣзала лѣсъ и облагалась полянами. Стояла зимняя пора: стало быть, все было однообразно. Здѣсь возятъ какъ-то вяло; на многихъ станціяхъ приходится сидѣть по долгу. Самыя деревушки глядятъ какимъ-то бездодемъ и сиротливымъ видомъ, хотя широкая рѣка и не пропадаетъ у насъ изъ виду, преслѣдуетъ насъ своими изгибами на всемъ долгомъ пути, хотя въ то же время и близимся мы къ богатому, подвинскому краю.

— Чѣмъ вы промышляете?—спрашиваешь въ каждомъ селеніи, и въ каждомъ селеніи получаешь одинъ отвѣтъ:

— Да путики кладемъ, птицу ловимъ, звѣря бьемъ по этимъ путикамъ.

Путики—это лѣсныя тропы, которыми испоррѣзаны всѣ тайболы, и верхняя и нижняя, всѣ лѣса, которыми заросла правая (отъ рѣки Сѣверной Двины) и огромная половина огромной Архангельской губерніи.

Путикъ прокладываетъ себѣ всякій, которому припадетъ только охота къ лѣсному промыслу, но въ большомъ количествѣ прокладываютъ ихъ мезенцы, а особенно пинежане. У старательнаго и домовитаго промышленника такихъ путиковъ проложено до десятка и рѣдкій изъ нихъ не тянется на 40, на 50 верстъ; нѣкоторые заводятъ свои тропы и гораздо на большее пространство.

Путикъ этотъ прокладывается просто: идетъ мужичекъ съ топоромъ, обрубаешь болѣе бойкія и частыя вѣтви, чтобы не мѣшали онѣ свободному проходу. Въ намѣченныхъ (по примѣтамъ и исконному

правилу) мѣстахъ вѣшаетъ онъ по вѣтвямъ силки для птицъ, прилаживаетъ у кореньевъ западни для звѣря. Каждый такъ наметался, и такъ обыкъ въ долгомъ опытѣ и приглядкѣ къ дѣлу, что уже твердо помнить и подробно знаетъ свою тропу и ни за что не перемѣшаетъ свои путики съ чужими. Вѣрный исконному обычаю и прирожденному чувству пониманія чести и уваженія къ чужой собственности, онъ и подумать не смѣетъ осматривать, а тѣмъ паче обирать чужіе путики, хотя бы они тысячу разъ пересѣкли его путикъ. Въ мѣстахъ, близкихъ къ селенію, каждому, естественно, мало заботы о томъ, гдѣ бы отдохнуть и приклонить свою голову. У русскаго человѣка кумовства до Москвы не перевѣшаешь. Въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ селеній, охотники часто по общему сговору ладятъ промысловую избу (кушню), а то обходится и съ простымъ шалашемъ, особенно въ раннее осеннее время. Охотникъ уже не думаетъ объ комфортахъ, мысль о которомъ архангельскому промышленнику навѣрное никогда не придетъ въ голову.

Въ одной изъ деревень (кажется Кѣзомені), по пути отъ Пинеги къ Холмогорамъ, я попалъ на охотника, сѣдиной запушившагося на исконномъ лѣсномъ промыслѣ. Не пошелъ онъ на ту зиму за тѣмъ, что крѣпко ужъ болѣзнь его стала ломать, силу отняла. Разговорились мы съ нимъ, и не стороной, а прямо-таки подошли съ нимъ къ дѣлу.

— Кто же повадливѣе, кто легче идетъ на добычу: звѣрь или птица? спрашивалъ я его.

— Да прямо сказать хитро, а, пожалуй, и не сможешь вдругъ,— отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Ну, а какъ же, однако? Подумай-ко, пожалуйста!

— Извѣстно ужъ одно: всякому своя жизнь дорога, всякій ея блюдетъ и хоронитъ отъ недобраго конца: человѣкъ ли то, али птица. Однако, птица меньше объ этомъ смѣкаетъ: птица только легче, скорѣй на утекъ, а то птица проще, глупѣе (надо бы твоей милости такъ ска- зывать). Звѣрь хитрѣй: у того обыку пуще, тотъ завсегда умнѣе птицы.

— Отчего же это, какъ ты полагаешь?

— Да ужъ это Богу вѣсть, какъ полагать-то...

— Однако, какъ ты самъ-то думаешь объ этомъ?

— Такъ, стало-быть, самъ Господь ихъ сотворилъ. Его святая воля на то, надо-быть, была. Можетъ, оттого птица глупѣе, что перьями да пухомъ обросла, а звѣрь шерстью. Можетъ оттого, что у звѣря четыре ноги, а у этихъ двѣ только. Я ужъ не знаю, отчего это—не думывалъ. Примѣчать-то раньше не догадался, а охотникъ бы я и до этого. Да теперь ужъ старъ сталъ, не смогу, и память-то хлябать почала. А вотъ, постой-ко! Я лучше тебѣ особнякомъ объ нихъ, по порядку. Можетъ, и самъ смекнешь, али что надумаешь—тогда легче.

— Сдѣлай же милость!

— Вотъ возьмемъ на первую пору хотя бы бѣлку (я вѣдь съ ружьемъ люблю; силки-то и ставилъ когда, такъ отъ нужды отъ великiя). Бѣлка еловый лѣсъ любитъ, а пуще лиственницу. Мало тамъ станетъ пищи: она за нуждой своей за великой и въ сосняги потянется—дѣлать-то нечего! Это бываетъ послѣ осенней Казанской, тогда на бѣлку и охота, потому она на ту пору выпѣла, пушистѣй стала, сѣрой стала. Тогда она отмѣнно хороша, на зиму теплой шубой запаслась: охотнику въ лѣсъ надо. А для этого собака да лыжи пригодны. Безъ лыжъ по нашимъ по лѣсамъ, гдѣ наворочено-тѣ снѣгу, что пушинины, нельзя; безъ лыжъ ты дальше дому своего не уйдешь. А собака въ этомъ дѣлѣ, что жена хорошая. И собака та хороша на бѣлку, которая не выпуститъ звѣря съ глазъ со своихъ: дня бѣлка не боится, а, гляди, еще и не любитъ ли его...

— Какъ-такъ?

— Да замѣчалъ я вотъ что: собака лаетъ—бѣлка играть начинаетъ; собака пуще—звѣрь еще пуще рѣзвится, съ вѣтки на вѣтку прыгаетъ, а держится все на одномъ деревѣ. Другiе дураки-охотники себя оказываютъ. Этого бѣлка не любитъ, она сейчасъ на утекъ и съ глазъ твоихъ сгинетъ. Особенно не любитъ она человѣка, когда „по ели идетъ“...

— Это что же такое?

— А когда, значить, она изъ лиственныхъ лѣсовъ въ еловые перейдетъ и въ нихъ ходитъ. А это бываетъ въ Кузминки (въ началѣ ноября).—Тогда и охоту мы начинаемъ, сказывалъ, вѣдь, я. У насъ на все—надо тебѣ молвить—на все своя примѣта есть, — безъ того плохой ты охотникъ. Сказывать ли тебѣ про примѣты-то наши?

— Да хоть самъ-то я и не охотникъ, а по мнѣ это-то и есть самое интересное, объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось бы отъ тебя слышать...

— Ну, такъ и слушай! Есть бѣлка разная: есть бѣлка *ходокъ*, есть *сидячая*. Одна не любитъ шататься, другую ничѣмъ не удержишь, она раньше другихъ и лѣса мѣняетъ. И всякая погода на нее свою силу имѣетъ: холода стоятъ—она такая рѣзвая и бойкая, что и хорошая собака ее не доймаешь глазомъ, не наслѣдитъ. Дожди ей пуще неволи; въ дождь бѣлка, что курица, мокнетъ. Тогда она покой любитъ, спитъ больше. Когда шибко вѣтрено—бѣлка съ дерева сходитъ, по землѣ прыгаетъ; почуетъ собачiй лай—прислушивается. Отъ прыжковъ отъ ея смѣху не оберешься: очень забавно! А тутъ-то охотнику и хитрость нужна.

— Чѣмъ же бьете вы ихъ?

— Да пулей, изъ винтовокъ четверти въ три, либо въ четыре длиной *...

* Стволъ винтовки до $3\frac{1}{2}$ линiй длины; кремennые замки объ одномъ взводѣ съ боевой пружиной открытой наружу. Спускъ курка укрѣпляется на шнильѣ палоч-

— Ну, а про рябчиковъ-то?

— Да ладно! У птицы нѣтъ завѣтнаго мѣста, не какъ у звѣря. Затѣмъ ей, надо думать, Господь Богъ и крылья далъ, и перомъ одѣялъ. Съ Евдокей къ Благовѣщенью рябы эти выбираютъ такое мѣсто въ лѣсу, чтобы полянка, али лужокъ были близко.

— Всегда ужъ такъ?

— Нѣту,—самки яйца кладутъ: такъ уходятъ въ чащи по этой по самой причинѣ.

— Что же ты про нихъ знаешь?

— Выведутъ самки дѣтенышей — сейчасъ летятъ на лившеницу къ рѣкамъ, потому въ лѣсахъ и мѣстахъ такихъ берега есть, кустарники. Кислица есть, трава есть такая въ три листика, горькая (вѣроятно, трезоль). Это онѣ ѣдятъ. Въ глухое лѣто самки самцовъ покидаютъ: не надо, стало. А вотъ поспѣетъ брусника, такъ онѣ опять вкушъ, токовать начинаютъ, на свистокъ * прислушливы, любятъ. Рябина обсыпаться начнетъ — рябовъ не удержишишь, не сидится имъ, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто. Въ этихъ самыхъ въ лѣсахъ ребиновыхъ (а то и въ березникахъ и въ ольховникахъ), али-бо близъ воды какой (у ключей, у рѣкъ) они цѣлыми артелями остаются на зиму: въ снѣгъ зарываются. Тамъ имъ тепло! Да не будетъ ли рассказывать?

— А про охоту-то?

— Охоту съ Успеньева дня начинаемъ, чтобы угодить къ Никольской (ярмаркѣ) побольше, себѣ на барышъ. Тогда, я сказывалъ, рябы кучатся, голоса подаютъ. Сила ихъ иногда несосвѣтимая: плодovitы шибко. Стрѣляемъ мы ихъ до Евдокей, потому на Благовѣщенску (ярмарку) поспѣвать надо. Стрѣляемъ поутру рано и передъ солнечнымъ закатомъ: тогда лучше. Такую примѣту имѣемъ, что подыметъ стадо, прошумитъ таково сильно, далеко не отлетаетъ: тутъ же сядетъ поблизости. Это ужъ обычай у нихъ такой—вѣрно слово! Выстрѣлами мѣтимъ въ крайнихъ: въ середку стада попадешь—разлетятся и невѣсть куда, и тогда ужъ на дерево не садятся, а въ траву, на землю. Здѣсь сто глазъ и на затылкѣ имѣй — не сыщешь. Въ одиночку стрѣлять не охота, набалованы, да и никакъ ты сѣренькую ихъ шкурку отъ земли не распознаешь. Опять же изъ винтовки ты не убьешь ни ту птицу, что летаетъ, ни ту что бѣгаетъ. Винтовка любить сидячую птицу. Да вотъ, къ примѣру, поднялось ихъ надъ твоей надъ головой паръ пять, либо шесть, а убьешь одного

кой. На палочкѣ этой (изъ дерева или изъ оленьяго рога) сдѣлана зарубка. Отскочить зарубка—немедленный выстрѣлъ. Винтовки такого устройства покупаются охотниками на пинежскихъ ярмаркахъ рублей за 6, за 8 серебромъ.

* Свистки эти дѣлаются изъ гусинаго пера, налитаго водой. Орудіе это употребляется промышленниками только въ мартѣ.

ряба—благодари Бога, это Его милость: Онъ тебѣ послалъ! Охотнику съ рябами трудно, это и не я скажу тебѣ.

— Отчего же, когда они стадами летаютъ. Вѣдь, это, что за воробьями...

— А ты не серди меня: слушай, да потому и сказывай! Съ перваго Спаса они по землѣ ходятъ, пищей запасаются...

— Такъ что же изъ этого?

— А то и изъ этого, что на дерево рябовъ посадить—штука распрехитрая. Тутъ ты подкрадись такъ, что пѣрво-на-перво съумѣй, чтобы онъ не слыхалъ тебя на хворостѣ, а второе умѣй сдѣлать такъ, что у тебя на рукахъ на твоихъ шумъ вышелъ, подобіе, какъ они сами шумятъ крыльями. Да я тебѣ еще штуку подведу, запросъ задамъ.

— Сдѣлай милость!

— Ты мнѣ ряба зимой застрѣли. Застрѣлишь-ли?

— Я не охотникъ. Стрѣлять не умѣю, да и боюсь.

— Ну, такъ и Христось надъ тобой! Стало-быть, слушай послѣдки мои, да и не мѣшай ужъ мнѣ! По зимамъ-то, вѣдь, вьюги, живуть. Ты вотъ на Печору-то ѣздишь, знаешь, что это за пакость такая! Ты мнѣ летъ отъ нихъ услышь-ка на ту пору—такъ, стало-быть, и не задорься, не ходи! За-то благодать намъ на этихъ рябовъ, когда небушко пасмурно, да дождемъ сдаетъ, а по лѣтамъ, когда ягодъ много. Вотъ когда занятно! И опять же, коли весна стояла холодная, до подогнало дождливое лѣто—рябовъ не будетъ...

— Отчего же?

— Селѣтки всѣ повымерли.

— Это что же такое?

— А молоденькіе, выводки. Тѣ, вѣдь, гдѣ ихъ насидятъ, тамъ на все лѣто и остаются, развѣ къ рѣкѣ ближней подвинутся. А тутъ тебѣ и все: больше и не спрашивай, да и сказывать нечего... Прощай. Въ Усть-Пинегѣ вспомнишь про меня, мнѣ икнется, а я тебя и помяну молитвой своей. Прощай-же!

Вотъ и Усть-Пинега, большая деревня, счастливая своимъ мѣстоположеніемъ на устьѣ двухъ большихъ рѣкъ, Пинеги и сѣверной Двины, а потому и богатая, хорошо обстроенная. Остается одна станція до Холмогоръ.

— А водятся ли у васъ икотницы?

— Не чуть. Подъ Волокомъ (Пинегой) такъ, слышь, ихъ много живеть. А заводился у насъ мірякъ...

— Такъ что же?

— Пересталъ.

— Отчего же пересталъ?

— А исправникъ съ окружнымъ сговорились да и отстегали.

— За что же?

— Стало, такъ надо было начальству...

— Отчего же онъ выкрикать-то сталъ, мірякомъ-то сдѣлался?

— А некрутчины, сказываютъ, перепугался, надуть захотѣлъ.

— Да, вѣдь, есть съ чего и перепугаться?

— Извѣстно есть съ чего. Страшно. У насъ, слышь, пѣсна про это сложена. Такъ безъ слезъ не единый человѣкъ не сможетъ.

— Спой-ка, ради Христа!

— Да такъ, спуста-то нельзя: на голосъ не поднимешь!

Надо было прибѣгнуть къ хитрости. Самъ я запѣлъ свою пѣсню. Имицикъ ее, молча, выслушалъ; на второй подтянулъ, къ третьей присталъ и въ концѣ ея уже заливался смѣло и весело.

— Распѣлись мы съ тобой, — на добро ли только? Не перестать ли лучше? Вотъ и Хдлмогоры!..

IV.

ПОЊЗДНА ПО РЪКЪ ДВИНЪ.

1. Двинскія устья и окрестныя съ Архангельскомъ селенія.

Никольскій Корельскій монастырь.—Ссылный разстрига Федось (Феодосій Яновскій).—Преданіе о Марѣ Посадницѣ.—Вѣчевой новгородскій колоколъ.—Лапоминись.—Островъ Марковъ.—Еще преданіе о Петрѣ Великомъ.—Новодвинская крѣпость.—Соломбала.—Наружный видъ и характеръ населенія.—Весенній карнавалъ.—Пригородные жители.

Рѣка Сѣверная Двина, при простомъ (даже поверхностномъ) взглядѣ на карту Европейской Россіи, принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ рѣкъ и должна по всему занимать важное мѣсто между всѣми другими рѣками. Такъ говоритъ географическое положеніе ея, такъ говорятъ факты, къ тому же приводятъ и историческія данныя. Иначе и быть не могло. Двина должна быть главною между всѣми рѣками сѣвера Европейской Россіи. Соперницы ея въ нравственномъ значеніи для края, какъ, напримѣръ, Печора, слишкомъ удалена отъ всевозможныхъ пунктовъ дѣятельности и, проходя малонаселенными, скудноодаренными природою мѣстами, еще ждетъ своего будущаго, можетъ-быть, и блистательнаго. Рѣка Мезень, обставленная тѣми же неблагопріятными, какъ и Печора, условіями, идетъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ какъ будто бы вымираетъ въ огромныхъ вологодскихъ лѣсахъ и зыбучихъ болотахъ всякая торговля и промышленная дѣятельность. Онега, поставленная, сравнительно, въ лучшее положеніе, засыпана множествомъ пороговъ, по мѣстамъ неодолимымъ, въ большей части случаевъ враждебнымъ для всяческихъ сношеній. Правда, что нѣкоторымъ числомъ пороговъ (въ меньшей мѣрѣ и въ слабѣйшемъ качествѣ) снабжена и Двина, но за то за ней уже вѣковыя права на то, чтобы быть пока единственнымъ и главнымъ подспорьемъ для всей бѣломорской торговли.

Образуясь (близъ самаго города Устюга) изъ двухъ значительныхъ, по величинѣ, рѣкъ: Сухоны и Юга, Двина уже въ самомъ началѣ теченія своего является со всѣми задатками на право быть доходною. Пробираясь лѣсами и болотными низменностями вначалѣ,

Двина беретъ изъ нихъ весь водяной запасъ изъ ключей, маленькихъ рѣченокъ, озеръ и рѣчекъ, такъ что уже у Красноборска она является рѣкою значительной ширины и глубины. Далѣе, на пути своемъ, по покатосямъ къ сѣверу, набираясь водною массою изъ значительныхъ притоковъ своихъ, каковы: Вага, Емца, Сія, Пинега и другія, Двина поразительно ширится, размывая рыхлые, тундристые берега свои. Но, въ то же время, встрѣчая на пути плотные глинистые хрящи, рѣка часто разбивается на множество рукавовъ, на *виски*, оставляя всегда одинъ изъ нихъ широкимъ, глубокимъ и главнымъ. Особенно чаще начинаютъ завязываться рукава эти по соединеніи Двины съ Пинегою, когда Двина, подъ городомъ Холмогорами, имѣетъ уже до восьми рукавовъ. Далѣе, за Архангельскомъ, она уже разбивается на новые рукава и четыремя (не считая побочныхъ) главными устьями вливается въ заливъ Бѣлаго моря, названный ея именемъ.

Триста верстъ кротко, тихо, величаво течетъ Сѣверная Двина по Архангельской губерніи. Обставленная съ самаго начала своего высокими и крутыми, глинистаго свойства, берегами, которые подчасъ засыпаны вѣковымъ краснымъ лѣсомъ, она за рѣкою Сією (верстахъ въ 150 отъ устья) ведетъ съ собою уже, по обыкновенію всѣхъ русскихъ рѣкъ, два различныхъ берега: лѣвый луговой и потому низменный, правый продолжаетъ быть гористымъ во все время до послѣдняго конца теченія рѣки. Скупая на картинные виды вначалѣ, она окончательно тяготитъ однообразіемъ своихъ береговъ на половинѣ протяженія своего къ сѣверу. Глинистые берега ея прорѣзаны оврагами и щельями, которые страшны своею мрачною безцѣльностью и неизвѣстностью; рябитъ въ глазахъ однообразіе цвѣтовъ и томить безлюдье береговыхъ окраинъ. Чаше попадаютъ селенія въ верховьяхъ и постепенно начинаютъ пропадать они по мѣрѣ того, какъ рѣка близится къ устью. Здѣсь, въ одномъ мѣстѣ, какъ будто судорожно спѣшить сосредоточиться вся жизнь и все живое, чтобы потомъ набросить на всю окрестность мракъ и тяжесть безлюдья. И это мѣсто—Архангельскъ.

До Архангельска съ Двиною еще можно отчасти примириться, зная, что участь безлюдья—участь общая всему сѣверному краю, но за то трудно приладиться и предугадать всѣ капризы, всѣ нечаянности, какими богаты въ весеннюю пору берега двинскіе. Отъ нихъ подчасъ (и нерѣдко), безъ всякаго предупреждающаго шума, отрывается огромная земляная глыба, подмытая водою, просочившеюся изъ окрестныхъ болотъ. Съ шумомъ и брызгами валится она въ воду, засоряя побережья, обездоливая стрежъ рѣчной, и долго потомъ ходитъ на томъ мѣстѣ вода въ круги, отшибая длинными и крутыми волнами, и неизбѣжно гибнетъ въ этомъ водоворотѣ неосторожный и недогадливый карбась. Вотъ, можетъ-быть, отчего Двина не воспрѣвается ни въ

одной изъ народныхъ пѣсенъ, не получила никакого ласкательнаго, хвалебнаго эпитета, какіе любилъ придавать русскій народъ своимъ любимымъ рѣкамъ, каковы: Дунай, Донъ, Днѣпръ, Бугъ и Волга. Между тѣмъ Двинѣ принадлежала почтенная и завидная роль въ исторіи нашего сѣвера.

Обращаюсь прямо къ устьямъ рѣки, предоставляя себѣ право слѣдить за прочимъ значеніемъ Сѣверной Двины и историческими судьбами ея потомъ.

Самое сѣверное устье Двины—*Березовскій рукавъ*—*Березовское*—шире другихъ, глубже и потому возможенъ для плаванія большихъ кораблей. Онъ имѣетъ между сплутными островами (свыше десяти) ширину отъ 3 верстъ до 250 саженъ и два жолоба, или стрежа, которые ведутъ къ двумъ мелководнымъ грядамъ. Гряды эти на туземномъ языкѣ называются *барами*, хотя бы песчанья изъ нихъ и можно было бы назвать *застругами*, примѣняясь къ туземному говору, а каменные изъ нихъ—*переборами*. *Старый баръ* (100—400 саженъ шириною) съ 1776 года служитъ корабельнымъ фарватеромъ и на $\frac{1}{4}$ фута мельче *Новаго*, собственно *Березовскаго* бара, или проще—*Лям*. Отъ березовскаго устья идетъ къ сѣверу широкій, мелководный плёсъ—*Сухое море*, образованное наносными песками рѣкъ Ката и Мудьюги и впадающее въ море узкимъ проливомъ, подъ именемъ *Жельзныхъ воротъ*. Съ сѣверной стороны ихъ лежитъ узкая песчаная коса *Никольская*: на ней башня. На острову *Мудьюгскомъ* одиноко стоитъ съ 1842 года маякъ, при которомъ живутъ сторожевые лоцмана. На берегу его створныя мачты показываютъ направленіе фарватера; въ водѣ плаваютъ бакены для означенія предѣловъ его черезъ мелководье и вкопаны шесты съ голиками, на разстояніи меньше версты, на крайне-опасныхъ меляхъ.

Влѣво отъ Березовскаго (подъ городомъ *Архангельскомъ*) отдѣляется *Мурманскій рукавъ* Двины (отъ 170—500 саженъ шириною), пропускающій только мелкія суда и промысловыя лодки за крайнимъ своимъ мелководьемъ (отъ 6 до 40 футовъ). Сопровождаемый множествомъ отмелей, *Мурманскій рукавъ* выпускаетъ изъ себя, въ свою очередь, обширный мелководный плёсъ, метко прозванный *Поганымъ устьемъ*, глубина котораго доходитъ по мѣстамъ только до 5 футовъ.

Третій рукавъ, или устье Двины—*Пудожемскій*—идетъ отъ города на протяженіи 45 верстъ, въ ширинѣ отъ 300 до 600 саженъ, а на самомъ сѣверномъ концѣ разливается до $4\frac{1}{2}$ верстъ. Рукавъ этотъ пригоденъ только для самыхъ мелкихъ судовъ (глубина 17 футовъ) и опасенъ ложнымъ фарватеромъ—*заманихой*—и дальнимъ мелководьемъ, доходящимъ только до 2 футовъ: пообщщаетъ проходъ, заманить, суда зайдутъ по невѣдѣнію, — и обманетъ: надо судамъ повертываться назадъ, въ обратную. Собственно всѣ двинскія устья опасны, сверхъ

всего, правильными приливами во время разлива рѣки, называемаго *манихой*. Маниха случается за $3\frac{1}{2}$ часа до полной воды и продолжается не долѣе $\frac{1}{4}$ часа. При отливѣ она непримѣтна; періодъ возвышенія воды продолжается нѣсколькими минутами долѣе, чѣмъ пониженіе. У Соломбальскаго адмиралтейства возвышеніе прилива до $2\frac{3}{4}$ фута, безъ пособія вѣтра. Неправильность такого морскаго прилива сказывается тѣмъ, что слѣдомъ за нимъ, вода либо возвышается едва замѣтно, либо вовсе не поднимается, а иногда даже вершка на три понижается. Вода дрогнула на убыль, — значитъ „маниха пѣлая“; затѣмъ „идетъ большійца“—прибылая вода, которая правильно возвышается до окончанія прилива. Эта маниха „прибылая“.

Послѣднее, четвертое, самое южное устье *Никольское*—отдѣляется отъ Пудожемскаго рукава и идетъ на западъ между шестью островами, и течетъ *висками* (мелкими рукавами тоже, что на Волгѣ воложки, на Печорѣ шары, по Двинѣ и Вычегдѣ полби), которыя соединяютъ его и рѣку Малокурью съ устьемъ Пудожемскимъ. Никольскимъ устьемъ проходятъ крупныя морскія суда (глубина Никольскаго рукава доходитъ до 30 футъ, и на барѣ, у острова Ягры, до 8 футъ въ малую воду).

Таковъ географическій видъ устьевъ Сѣверной Двины. Предоставляя дальнѣйшія скудныя подробности ихъ описанія специалистамъ, спѣшу обратиться къ берегамъ этихъ устьевъ и поискать на нихъ жизни, которою вообще не похвалится ни одно изъ устій большихъ русскихъ рѣкъ, всегда засыпанныхъ песками, обездоленныхъ растительностью и всѣми признаками и задатками для живой, сосредоточенной и упорной дѣятельности. Не похвалятся и двинскія устья жизненною дѣятельностью прибрежнаго человѣка и многолюдствомъ заселенія, и едва ли не меньше всѣхъ они имѣютъ на то право. Недаромъ народное присловіе выдѣлило мудрожанина, какъ человѣка совсѣмъ не хорошаго, отъ котораго нельзя ждать ничего добраго: скудное житіе въ забытомъ Богомъ мѣстѣ, выучило ихъ изворотливости въ дѣлахъ, а на бѣду и рядомъ съ этимъ рѣзко сказывающеюся плутоватостью. Песчаными отмелями, косами, какъ бы временно выплывшими изъ моря, чтобы вскорѣ затопиться снова водой, глядятъ всѣ острова двинскихъ устьевъ, въ частяхъ ихъ, ближнихъ къ морю. На нѣкоторыхъ нѣтъ вовсе никакой растительности, на иныхъ она вся выяснилась бѣдно и тускло въ тщедушномъ ивнякѣ и какъ бы затѣмъ, чтобы далѣе вовсе перейти въ мертвенную бесплодность неогляднаго моря, Бѣлаго моря.

На сколько развита здѣсь населенность—для этого обращаюсь къ послѣднему изъ устьевъ, къ Никольскому.

Въ $4\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Никольскаго бара и въ 34 верстахъ отъ Архангельска, у Никольскаго устья рѣки Двины одиноко бѣлѣются стѣны бѣднаго полуопустѣлаго третьекласснаго монастыря Николь-

ско-Корельскаго, достопамятнаго тѣмъ, что сюда въ 1553 году присталъ англичанинъ Чэнслеръ, отыскивавшій путь въ Индію и нашедшій у царя Ивана-Грознаго гостепріимство и ласки и получившій потомъ право на торговлю съ Россіею. Это былъ первый шагъ къ основанію заграничной торговли Россіи морскимъ путемъ, чрезъ Бѣлое море. Здѣсь-то, подлѣ монастырскихъ стѣнъ, и существовала корабельная пристань иностранныхъ судовъ. И вотъ почему англичане долгое время и новый портъ свой, городъ Архангельскъ, называли *портомъ* св. Николая. Съ 1584 года обезлюдѣло мѣсто подлѣ монастыремъ, со времени заведенія новаго, хотя и дальняго порта. Безлюдьемъ глядитъ оно и теперь и тоскливо смотрится на дальнее, безпредѣльное море, на пустынный берегъ монастырскій и на туманность противоположнаго, и, наконецъ, на бревенчатая, старыя стѣны монастыря Никольскаго. Вѣтъ отъ нихъ дальнею древностью. Каменное строеніе монастырскихъ церквей относится ко временамъ царя Алексѣя Михайловича (между 1664—1673 г.). Носятся въ воспоминаніяхъ грустныя картины при одномъ представленіи о причинахъ основанія стѣнъ этихъ и самаго монастыря.

Возстаетъ изъ дальнихъ вѣковъ увлекательный, но еще неразгаданный образъ Марѣы Борецкой, посадницы Великаго Новгорода, которой повиновалась строптивая республика, съ которой считался небоязливый и очень хитрый царь московскій Иванъ-Третій. Сильная нравственнымъ значеніемъ своимъ среди свободнаго народа, богатая земельными владѣніями, угодьями и деньгами, владѣтельница многихъ вотчинъ, за смертію мужа, независимо отъ сыновей, счастливая, наконецъ, семейною любовью и сыновьями, Марѣа — какъ говоритъ народное преданіе — отправила двухъ изъ нихъ, Анто́на и Феликса, осмотрѣть свои поморскія вотчины. Вотчины эти разсыпанныя по всему западному берегу моря, не были еще на тотъ разъ подарены игумену Зосимѣ—основателю Соловецкой обители. Благополучно осмотрѣли сыновья Марѣы всѣ дальнія отъ Двины вотчины, осматривали уже ближнія къ Двинѣ на Лѣтнемъ берегу моря и, счастливые окончаніемъ порученія, плыли уже на Хѣлмогоры къ Никольскому устью. Случилась ли крѣпкая буря, везъ ли ихъ несвѣдующій кормщикъ, обмануль ли плователей фальшивый приливъ маниха—преданіе молчитъ, но утверждаетъ, что сыновья Марѣы потонули и потомъ уже на двѣнадцатыхъ сутки выброшены были морскими волнами на берегъ. На томъ именно мѣстѣ и погребены были тѣла ихъ и тутъ же вскорѣ Марѣа поручила построить монастырь съ церковью во имя святителя Николая, подлѣ которыхъ и находятся (на сѣверной сторонѣ) гробницы потонувшихъ.

Марѣа, тоскуя о сыновьяхъ, награждала, между тѣмъ, монастырь вотчинами, подарила сѣнокосные луга, тони и соловарницы и при-

слала отъ себя на то грамоту такого содержанія: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се азъ раба Божія Марѣа списа сіе рукописаніе при своемъ животѣ, поставила есми церковь храмъ святаго Николы, въ Корельскомъ, на гробѣхъ дѣтей своихъ Антона да Феликса, а дала есми въ домъ святаго Николы куплю мужа своего Фелиппа на Лавлѣ островѣ село, да въ конечныхъ два села, по Малокурѣ пожня и рыбныя ловища, и по церковной сторонѣ и до Кудмы, и вверхъ по Кудму и до озера, а въ Нѣноксы вмѣсто застѣки и полянка, приказываю домъ святаго Николы господину своему дѣверу Ѳеодору Григорьевичу и его дѣтямъ и Леонтію Аввакумовичу и зятю своему Аѳромѣю Васильевичу, а на то Богъ послухъ и отецъ мой духовный игуменъ Василій святаго Спаса; а кто се рукописаніе приступитъ или нарушитъ, а наши памяти залягутъ, сужуся съ нимъ передъ Богомъ въ день страшнаго суда...“

Переходя отъ воспоминаній о судьбѣ несчастныхъ сыновей Марѣы, получаемъ, при видѣ церкви Успенія, новыя тягостныя впечатлѣнія. Здѣсь подъ храмомъ долгое время существовала тюрьма и въ ней заключались государственные преступники. Здѣсь страдалъ, лишенный сана, новгородскій архіепископъ Ѳеодосій Яновскій при Екатеринѣ I-й, по разстриженію „Федосъ“.

Этотъ соперникъ и врагъ Ѳеодана Прокоповича, забравшаго силу и прославившагося въ силу громаднаго вліянія на церковныя дѣла многочисленными заточеніями личныхъ враговъ изъ духовныхъ лицъ въ отдаленные сибирскіе монастыри—Ѳеодосій Яновскій обвиненъ былъ за дерзость противъ Екатерины I, за бранныя слова на дворцовый караулъ и проч. Дѣйствительно, онъ виновенъ былъ въ приверженности къ лютеранству, неблагодарности къ благодѣтелю своему Великому Петру, выразившейся оскорбленіемъ при его погребеніи Екатерины и недружелюбіемъ и хулою на всю его семью. Его политическія убѣжденія достаточно высказаны въ выдуманной имъ присягѣ. Гласъ народный клеймилъ его названіемъ еретика и ходили довольно справедливыя слухи о томъ, что онъ не только не совѣтовалъ поклоняться иконамъ и священнымъ предметамъ, но и насмѣхался и кощунствовалъ: обдиралъ серебряныя ризы съ образовъ, выжигалъ съ драгоценныхъ священныхъ ризъ серебро для своего обогащенія, и т. под. Когда его „обнажили“ отъ архіерейскаго сана и подъ именемъ „чернеца — растриги Федоса“ привезли на устья Двины, то помѣстили здѣсь такъ, что онъ прожилъ въ заточеніи только 7 мѣсяцевъ и 11 дней. Его сначала помѣстили подъ ветхою деревянною церковью въ нетопленномъ и сыромъ подвалѣ, дѣвери котораго были заколочены и запечатаны губернаторомъ архангельскимъ „своею печатью“. Получалъ онъ только хлѣбъ и воду; изъ платья оставлено только то, что на немъ да постель; денегъ ничего не дано. Приобщать его зака-

зано разъ въ годъ въ великій постъ не въ церкви конечно, а въ тюрьмѣ. Губернаторъ Измайловъ, навѣстившій заточника чрезъ нѣсколько времени, отписывалъ въ Петербургъ, что узникъ еще живъ. Ему отвѣчали: „когда придетъ крайняя нужда къ смерти чернецу Федосу“ губернатору отпереть и распечатать двери, духовнику причастить тутъ же въ тимничной кельѣ; дверь опять запереть и запечатать и хронить накрѣпко. Посланный сюда изъ Петербурга ревизоръ нашелъ, что у Федосовой кельи окно велико,—велѣли окошко закласть кирпичемъ, такъ что новое имѣло $\frac{1}{4}$ аршина въ длину и $\frac{1}{2}$ аршина въ ширину. Мостъ (т. е. половицы) изъ той кельи были выбраны—и узникъ покинутъ на сырой и холодной землѣ. Когда велѣно было перевести его изъ-подъ церкви въ новую тюрьму и послѣдняя была готова, Федосъ уже не имѣлъ силы перейти въ нее—его перенесли на рукахъ. Онъ успѣлъ проговорить при переносѣ: „ни я чернецъ, ни я мертвецъ,—гдѣ судъ и милость?“ Измайловъ сказалъ ему: „съ сердцемъ, дабы онъ лишняго не говорилъ, а просилъ бы у Бога душѣ своей милости!“ Потомъ спросилъ: не желаетъ ли онъ духовника? И на тотъ вопросъ ничего онъ, Федосъ, не сказалъ и глазъ своихъ, какъ они у него закрыты были камилавкою, не открылъ. Сидѣлъ онъ и здѣсь „за тремя дверями и замками и за печатями и у послѣднихъ дверей поставленъ караулъ—одинъ часовой изъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ съ ружьемъ. Показалось, что и тутъ близко люди ходятъ,—велѣли поискать такое мѣсто, чтобы не ходили люди мимо и тутъ построить другую тюрьму, гдѣ сдѣлать печи и наслать деревянный полъ, и печь топить съ надворья, „и устье печное, чтобъ близъ караула было“. Это распоряженіе уже опоздало. Губернаторъ получилъ отъ фендрика рапортъ, что „оный Федосъ, по многому клику для подавнiя пищи, отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ“. Велѣно фендрику еще покричать въ окно, какъ возможно громче и ежели, по многому крику отвѣта онъ не дастъ, то на другой день тюрьму распечатавъ отпереть и его Федоса осмотрѣть. Фендрикъ покричалъ, отперъ тюрьму, осмотрѣлъ, и 5 февраля съ нарочнымъ солдатомъ отписалъ въ Архангельскъ къ губернатору, что „оный Федосъ умеръ“. Тѣло его похоронили при деревянной больничной церкви, гдѣ хоронятъ монаховъ, но петербургская тайная канцелярія велѣла „учинить анатомію, изъ Федосова тѣла внутренности вынуть“, а если искусныхъ людей не обрѣтается, то положить тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ Петербургъ на почтовыхъ лошадяхъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя солдатами съ подтвержденіемъ, яко бы ѣдутъ съ нѣкоторыми вещами. Указъ о томъ послѣдовалъ 20 февраля, а 2-го марта писано: „мертвое тѣло не возить“, но и на этотъ разъ опоздали. Кабинетскій курьеръ встрѣтилъ тѣло въ 60 верстахъ отъ Каргополя, осмотрѣлъ его въ деревнѣ тайно, наединѣ: „не явится ли на томъ

тѣлѣ какихъ язвъ,—и того не явилось“. 12 марта 1726 года тѣло похоронено въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ, какъ ближайшемъ. (См. сочиненіе мое „Сибирь и Каторга, 1871 г., томъ 3, стр. 105, 106 и 108).

На соборной колокольнѣ (каменной, съ часами) виситъ колоколъ съ двумя надписями, изъ которыхъ первая гласитъ, что „лѣта 7182 (1674), іюля въ 25-й день, вылить сей набатный колоколъ въ Кремль городъ у Спасскихъ воротъ, вѣсу 150 пудовъ. Во второй подписи видно, что „7189 (1681) года, марта въ первый день, по имянному великаго государя царя и великаго князя Θεодора Алексіевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, указу, данъ сей колоколъ къ морю въ Николаевскій-Корельскій монастырь за государское многолѣтнее здравіе и по его государскимъ родителямъ въ вѣчное поминовеніе неотъемлемо при игуменѣ Арсеніи“. Основываясь на первой надписи (невырѣзной) народное преданіе говоритъ, что этотъ колоколъ — знаменитый *вѣчевой новгородскій*, который былъ привезенъ Іоанномъ вмѣстѣ съ Марѳою и другими знатными новгородцами въ Москву. Марѳа была посажена въ тюрьму, а вѣчевой колоколъ, который она умѣла своевременно употреблять въ дѣло и не употребляла его предательски, былъ повѣшенъ у Спасскихъ воротъ и назывался *набатнымъ*. Вскорѣ будто-бы колоколъ разбился или былъ разбитъ нарочно, а въ 1674 году перелить въ новый, со второю, приведенною выше надписью (вырѣзною). Преданіе это можетъ подлежать нѣкоторому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что новгородская лѣтопись не упомянула (а можетъ-быть и забыла упомянуть) о томъ, что вѣчевой колоколъ перевезенъ былъ въ Москву. Народъ же архангельскій, получившій бытіе и жившій новгородскимъ именемъ, подъ новгородскимъ вліяніемъ и съ новгородскимъ духомъ, могъ приписать никольскому колоколу это преданіе. Тѣмъ болѣе можно это предположить, что и преданіе объ основаніи монастыря тѣсно связано съ именемъ Марѳы. Нѣкоторые скептики отвергаютъ даже подлинность грамоты Марѳы, выданной монастырю, и почитаютъ ее подложною, но неловкою поддѣлкою корыстолюбивыхъ монаховъ.

Въ двинскомъ лѣтописцѣ подъ 6927 (1419) годомъ упоминается, что этотъ монастырь „мурмане (норвежцы и датчане) пожгли и чернцовъ посѣкли. Церковь Срѣтенія съ придѣломъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ построенная въ 1719 году на гробахъ усопшихъ дѣтей Марѳы, сгорѣла и вновь отстроена въ 1735 году.

Таковы историческія данныя о монастырѣ Никольскомъ-Корельскомъ, скудномъ въ настоящее время числомъ своей братіи и постепенно приходящемъ въ упадокъ. Бѣдно глядитъ и сосѣдняя съ монастыремъ (къ юго-востоку) небольшая деревушка.

Не меньшимъ безлюдьемъ встрѣчаетъ всякаго и другое селеніе двинскихъ устій, расположенное близъ истока Березовскаго устья въ

27-ми верстахъ отъ Архангельска—Ланоминка. За то селеніе это выстроилось при гавани, которая почитается лучшимъ и даже единственнымъ мѣстомъ для зимовки большихъ военныхъ судовъ. По этой причинѣ здѣсь построены въ 1821 году: новый домъ и казармы для караульнаго офицера и матросовъ назначавшихся къ зимовавшимъ военнымъ судамъ. Гавань эта устроена въ 1734 году. „Въ 1805 году—какъ говоритъ г. Рейнеке въ своемъ географическомъ описаніи Бѣлаго моря—въ остереженіе отъ желтой горячки, свирѣпствовавшей въ Испаніи, устроенъ на островѣ Чижовѣ карантинъ для приходящихъ судовъ. Въ 1812 году дѣйствіе карантина прекращено. Въ 1815 строеніе это перенесено съ болотистаго острова Чижова на материкъ къ устью рѣки Лапы“. „Въ свободное отъ службы время—говоритъ онъ ниже—смотритель и нижніе чины занимаются охотою въ лѣсахъ и рыболовною ловлею“. По берегу гавани расположены строенія, а у сѣвернаго конца его устроены деревянные пристани.

По пути отъ Лапоминской гавани къ Архангельску, на песчаныхъ скудно покрытыхъ чахлыми кустарниками прибрежьяхъ Березовскаго устья Двины, находится, въ 20 верстахъ отъ города, Новодвинская крѣпость, основанная Петромъ Великимъ въ 1701 году. Самъ государь присутствовалъ при заложеніи этой крѣпости на Липскомъ островѣ и жилъ въ домикѣ, выстроенномъ на островѣ Марковѣ. Островъ Марковъ лежитъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крѣпостнаго берега. Проходъ между нимъ и крѣпостью вначалѣ прошлаго столѣтія заграждался цѣпью, и въ письменныхъ видахъ, выдаваемыхъ на пропускъ кораблей, писали коменданту, что дозволяется пропустить судно *то за Маркову острову*. Впослѣдствіи проходъ этотъ обмелѣлъ, особенно съ 1747 года, и съ того времени отмѣнено было это препятствіе къ замедленію судовъ, и значеніе Новодвинской крѣпости, какъ мѣста охраны, ослабѣло. Правда, однакожъ, что она въ Крымскую войну вооружалась нѣкоторымъ числомъ батарей. Крѣпость имѣетъ видъ квадрата, съ четырьмя бастіонами и однимъ равелиномъ. Вокругъ вала фассебрея окружена водянымъ рвомъ, а наружная сторона главнаго бруствера, также эскарпъ и контръ-эскарпъ одѣты тесанымъ плитнымъ бѣлымъ камнемъ. Внутри крѣпости находятся нѣсколько казармъ для гарнизона, домъ для коменданта и церковь во имя апостоловъ Петра и Павла. Въ церкви—порядочная живопись на голубой камкѣ, утварь и ризы подаренные Петромъ и особенность, нигдѣ въ православныхъ церквахъ не допускаемая: лавки подѣланные рядами, какъ въ нѣмецкихъ киркахъ (теперь ихъ уже нѣтъ). Строенія всѣ деревянные. Къ югу, на пушечный выстрѣлъ, построено нѣсколько домиковъ для отставныхъ женатыхъ солдатъ и для офицеровъ. Въ крѣпости, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нея, подъ деревяннымъ навѣсомъ хранится какъ святыня, тотъ домикъ, въ которомъ жилъ преоб-

разователь Россіи на островъ Марковъ. Оттуда перенесенъ былъ домикъ этотъ съ горы, когда ледъ двинскій начало спирать на мелководномъ проходѣ и островъ Марковъ сильно заливать водой. Дворецъ началъ уже загнивать, но былъ при перенесеніи поправленъ, нѣсколько подновленъ и все-таки представляетъ уже нѣкоторый видъ замѣтнаго разрушенія. Вскорѣ по построеніи, Новодвинская крѣпость выдержала испытаніе отъ набѣга на двинское Березовское устье шведовъ.

Вотъ что рассказываетъ объ этомъ событіи современникъ его, архіепископъ Аѳанасій, въ своихъ запискахъ:

1701 года 24-го іюня, на двинское Березовское устье пришли свейскіе ратные люди на четырехъ военныхъ корабляхъ, на двухъ фрегатахъ и одной яхтѣ подъ англійскимъ и голландскимъ флагами, и стали въ вечеру близъ острова Мудьюскаго на якоряхъ. По утру на другой день капитанъ мудьюгской заставы, полагая, что суда эти торговые, пріѣхалъ ихъ осматривать съ однимъ прапорщикомъ, писаремъ, съ 16-ю рядовыми, барабанщикомъ и двумя толмачами изъ архангельскихъ горожанъ. Солдаты были спрятаны. Но когда вошли досмотрщики на суда, то принуждены были сдаться военноплѣнными. Непріатели допросили ихъ о состояніи крѣпости, о проходѣ по Двинѣ до города и разсадили ихъ всѣхъ порознь. Потомъ, за четыре часа до ночи, непріатели отрядили фрегаты и яхту подъ тѣми же флагами въ Двину съ провожатыми: монастырской служкою Иваномъ Рябовымъ, взятымъ у Сосновца, и переводчикомъ Дмитріемъ Борисовымъ, захваченнымъ въ Мудьюгѣ. Не доходя крѣпости, они были встрѣчены другимъ осмотромъ, явившимся изъ крѣпости въ числѣ 35 человекъ. Этихъ встрѣтили они тоже ласково и дружелюбно, приняли ихъ къ фрегату, и съ ними послѣдовало бы тоже самое, что и съ прежними, если бы одинъ изъ стрѣльцовъ не далъ знать своему головѣ объ опасности, замѣтивъ въ пушечное окно вооруженныхъ людей. Отпихнувшись отъ фрегата, новодвинскіе стрѣльцы поплыли обратно направивъ судно такъ, чтобы поднявшимся бортомъ защищаться отъ выстрѣловъ. Однако, пятеро изъ нихъ были убиты и шесть человекъ ранены. Прочіе, доплывъ на суднѣ къ мели, вышли на берегъ и лѣсомъ пробрались въ крѣпость. На непріательскомъ суднѣ въ свою очередь убитъ былъ командиръ. Тамъ плѣнные сговорились между собою такъ, чтобы завести непріателей въ прилукъ крѣпости на мель, что и исполнили хотя и несовсѣмъ удачно. Фрегатъ и яхта сѣли на мель, другой фрегатъ, шедшій сзади, остался на вольной водѣ. Винючники непріательскаго злосюченія были умерщвлены; спасся одинъ Рябовъ, притворившійся мертвымъ за трупомъ своего товарища Борисова. Съ крѣпости, между тѣмъ, началась пушечная стрѣльба; убито было нѣсколько непріательскихъ и одинъ стрѣлецъ изъ нашихъ. У фрегата, стоявшаго на вольной водѣ, отбитъ былъ руль, люди съ об-

мельвших судовъ бросились туда на мелкихъ лодкахъ. Изъ крѣпости посланы были стрѣльцы, которые и взошли на разбитый фрегатъ и яхту, а другіе добрались до нихъ въ бродѣ. Здѣсь нашли они бочку патроновъ и, заряжая ружья, много пороху въ торопяхъ разсыпали по палубѣ. Фрегатъ пустился въ бѣгство, но одинъ пушкаръ успѣлъ направить на убѣгающій фрегатъ пушку, которая была прежде заряжена непріятелями, и зарядилъ ее чиненымъ ядромъ. Отъ этого двойнаго заряда и отъ начиненнаго ядра по выстрѣлѣ много посыпалось искръ, отъ которыхъ взорвало порохъ, оторвало корму у фрегата, семь человѣкъ убило до смерти и десятерыхъ ранило. Непріатели на остальномъ фрегатѣ старались поспѣшно удалиться. Придѣлавъ къ нему руль отъ спопутнаго затопленнаго и заброшеннаго промысловаго судна, они вскорѣ достигли своей цѣли и такимъ образомъ, вышли на взморье къ прочимъ своимъ кораблямъ. „Симъ кончилось неудачное ихъ на городъ покушеніе; однако великое они послѣ въ Поморѣ сдѣлали разореніе...“

Въ 1702 году 29-го іюня, въ день тезоименитства своего Петръ I присутствовалъ уже при освященіи крѣпостной церкви. Освященіе совершалъ архіепископъ Афанасій. Храмъ былъ украшенъ большими и маленькими знаменами. Изъ оконъ и кровли были свѣшены разныя знамена и флаги. По окончаніи обряда и по выходѣ царя изъ церкви, войска выпалили изъ ружей. Тогда загрохотали и крѣпостныя пушки. „Стоящій на церковномъ крыльцѣ государь слушалъ съ несказанною радостью—говорить лѣтописецъ, и потомъ прибавляетъ: „По семъ великій государь отправился на другую сторону черезъ Двину въ шлюпкахъ во свой дворецъ. Въ сей день, еще два дня торжественные за собою ведущій, былъ столъ у его величества всѣмъ знатнымъ чиновникамъ и стрѣльба продолжалась до самаго вечера. Сего стола великолѣпіе довольно показываютъ сороковыя бочки, пополамъ распиленные и наливаемые ренскимъ виномъ и простымъ, и пиво каждому открытое“.

На дальнѣйшемъ пути къ Архангельску, по скучной пустынной и однообразной дорогѣ, находится при двинскомъ рукавѣ Маймаксъ (въ 7 верстахъ отъ города) верфь, заведенная сначала архангельскимъ купцомъ Прокофьемъ Пругавинымъ (въ 1766 г.) и приобрѣтенная потомъ Брантомъ *. Тутъ же, по близости, паровой лѣсопильный заводъ того же Бранта, заведенный имъ вмѣстѣ съ Классеномъ въ 1822 году. Тутъ же на правомъ берегу Маймаксы, былъ придильный за-

* Изъ другихъ корабельныхъ верфей (теперь упраздненныхъ) находились въ сосѣдствѣ съ Архангельскомъ еще двѣ: 1-я, Гомовская или Фразерская въ 8 верстахъ отъ города, и 2-я, верфь Быковская (въ 5 верстахъ) принадлежавшая первому ея заводчику, архангельскому купцу Никитѣ Крылову, и учрежденная въ 1732 году.

водъ купца Митрополова и складочные сараи для хлѣба. Все это съ 1822 года запустѣло.

Довольно густымъ березникомъ идетъ дорога на дальнѣйшемъ протяженіи своемъ отъ Новодвинской крѣпости и отъ рѣчки Маймаксы по тому острову, который носить общее названіе Соломбальскаго. На то время, когда я совершалъ эту поѣздку, стоялъ сентябрь мѣсяцъ; листъ на деревьяхъ началъ уже желтѣть отъ крѣпкихъ утренниковъ, посреди дня и къ вечеру надолго устайвалась еще жара—лѣтняя жара. Мириады комаровъ, преслѣдовавшіе насъ на всемъ прежнемъ пути, не отставали и едва ли не увеличились въ своемъ докучливомъ, невыносимомъ числѣ, когда мы проѣхали березникъ и обнаружили первые домики, какъ-бы предмѣстье слѣдующаго затѣмъ адмиралтейскаго казеннаго селенія Сѣломбалы. Глубокіе пески, тянувшіеся всю дорогу отъ крѣпости, на этотъ разъ были съ трудомъ одолеваемы парюю измученныхъ зноемъ лошадокъ. Песками этими засыпаемы были и всѣ улицы селенія, расположенныя въ симметрическомъ порядкѣ и въ замѣчательной прямизнѣ. Въ такой же точно прямизнѣ и въ такихъ же порядкахъ тянутся эти улицы и за предмѣстьемъ селенія, такъ-называемымъ Березникомъ.

Рядъ двухъ-этажныхъ домовъ, крытыхъ и обшитыхъ тесомъ, идетъ по обѣимъ сторонамъ. Дома кажутся на видъ, пожалуй, и приглядными, если только можетъ это дѣлать крайняя бѣдность и если только можетъ это позволять скромный достатокъ, пріютившійся тутъ. Дома эти принадлежатъ тѣмъ матросикамъ, которые обязаны работами въ адмиралтействѣ и успѣли завестись хозяйствомъ или вслѣдствіе умѣнья зашибать и беречь копѣйку, или вслѣдствіе брака и по наслѣдству. Присутствіе хозяевъ не трудно наслѣдить тотчасъ же, обративъ лишь вниманіе на нижній этажъ дома, заставленный горшками герани, изъ-за которой выглянетъ и запачканное личико ребенка, и лоснящееся отъ безмятежной жизни и красное отъ избной духоты лицо или хозяйки дома, или ея дочери-невѣсты. Нерѣдко пробѣжитъ туда и отецъ или мужъ, въ парусинной курткѣ и матросскихъ чикчирахъ, съ казенныхъ работъ въ адмиралтействѣ на новые труды домашніе для поддержанія семейства. Потому большая часть домовъ, или даже едва-ли не всѣ, обвѣшаны вывѣсками, которыя гласятъ, что въ нижнемъ этажѣ дома живетъ сапожникъ, башмачникъ, портной, столяръ, слесарь, литографъ, рѣзчикъ печатей и костяныхъ бездѣлокъ и проч.

Сѣломбалу справедливо и безошибочно можно назвать мастерскою Архангельска, который находитъ здѣсь всевозможные роды ремесла, хотя представители ихъ и не изъ лучшихъ мастеровъ, хотя работа ихъ всегда грубовата и не удовлетворитъ даже и неслишкомъ взыскательному вкусу. Все это, конечно, зависитъ отъ того, что соломбаль-

скіе мастера, какъ и всѣ казенные по всему лицу русскаго царства, берутся за дѣло не по призванію, а по волѣ начальства. Нѣкоторою сносною отчетливостью отдѣлки отличаются только тѣ предметы ремеслъ, которые часты и обыденны въ домашнемъ и общественномъ быту, которые потребовали, стало-быть, навыка и частыхъ занятій, какъ, напримѣръ, сапожное, столярное, башмачное и проч. Есть, пожалуй, и брилліантчики, и часовые мастера, и мастера золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, но эти мастера—*мастера-юре*, по народному выраженію.

Вторыя жилыя или этажи соломбальскихъ домовъ глядятъ значительно наряднѣе и какъ бы говорятъ сами за себя, что тамъ поселился народъ далеко не тѣхъ убѣждений и не того сорта, какъ тѣ, которые заселили нижніе этажи домовъ этихъ. Изъ верхнихъ этажей услышишь и унылые, словно надорванные звуки разбитыхъ, дешевенькихъ клавиноръ. Подчасъ вырвется оттуда и дребезжанье гитары, и визгъ скрипки, которыми разбиваютъ свою тоску и скуку или жены офицеровъ, успѣвшихъ на долгой службѣ обзавестись и большой семьей, и маленькимъ хозяйствомъ, или флотскіе, штурманскіе офицеры, загнанные обязательствами службы на дальній Соломбальскій островъ къ бѣломорскому флоту.

Вотъ почему Соломбала носитъ всѣ признаки военнаго городка. Гдѣ ни ступишь, куда ни пойдешь — непременно встрѣтишь или морскаго офицера, или матросика рабочаго экипажа. Выйдешь на рынокъ обставленный на-скоро сколоченными лавченками, ларями и столиками, и тутъ Соломбала не утрачиваетъ своего характера. Тотъ же отставной не бритый матросикъ, та же бойкая щебетунья, матросская женка—торговка; холостой матросикъ, или рабочій съ иностраннаго судна, весь въ синемъ, съ перепачканнымъ и Богъ-вѣсть сколько времени немытымъ лицомъ, рабочій съ иностраннаго купеческаго судна — покупатель. Разные предметы носильнаго платья и прочія „необходимыя прихоти“ (табакъ, мыло, черствый пирогъ съ палтусиной, окаменѣлые пряники и баранки)—предметы продажи и купли, грошевой оборотъ торговли и копѣечный процентъ прибыли въ награду за дневное страданіе на жарѣ и пыли, посреди безтолковаго, безхарактернаго базарнаго говора. Видишь подошвы, подгорѣлый „товаръ“ на голенища — предметъ предпочтительнаго интереса и заботы матросиковъ. Видишь готовые полотняныя рубахи и прочія принадлежности несложнаго гардероба—вещи, до которыхъ такъ падки забѣжіе корабельщики.

Соломбала не теряетъ своего военнаго характера и на дальнѣйшемъ протяженіи своемъ и за рѣчкою Соломбалкою, разсѣкающею селеніе на двѣ половины. Черезъ рѣчку перекинута нѣсколько мостовъ и для пѣшеходовъ и для конной ѣзды. Тянется восторонѣ бѣд-

ный, какъ-будто выщипанный, садикъ, видится большая каменная церковь. Но церковь носить названіе морскаго Преображенскаго собора. Его помогали строить плѣнные изъ дванадцати языкъ, соорудившіе ограду (самый храмъ праздновалъ столѣтній юбилей въ 1876 году). Противъ него тянутся двѣ огромныхъ казармы для нижнихъ чиновъ рабочаго экипажа, идутъ строенія адмиралтейства и выставляетъ свою мачту домъ главнаго командира порта — домъ, выстроенный по всѣмъ прихотямъ современнаго вкуса, изящно, удобно и помѣстительно.

Соломбальское адмиралтейство отдѣляется отъ селенія деревяннымъ заборомъ, и также, какъ и селеніе, разрѣзано на двѣ части рѣчками Соломбалкою и Курьею: малое или лѣсное адмиралтейство по берегу Двины укрѣплено сваями, но сваи эти почти уже сгнили и представляютъ видъ нѣкотораго разрушенія. Большое, или старое адмиралтейство имѣетъ берега поднятыми деревянною набережною. Оно вмѣщало пять элинговъ, на которыхъ до 1807 года строились военные корабли и фрегаты. Сѣверное или новое адмиралтейство съ 4-мя элингами, на которыхъ производилось строеніе военныхъ кораблей и фрегативъ.

Какъ почва земли внутри адмиралтейства, такъ и внутри всего Соломбальскаго селенія образована изъ того балласта, которымъ грузятся иностранные корабли, въ болѣе части случаевъ приходящіе сюда за товарами, но не съ товарами. Насыпь эта успѣла уже заполнить многія низменности, овраги и болотистыя мѣста въ селеніи; она же значительно подняла и двинскіе берега. Вотъ почему весьма важно то обстоятельство, что почва Соломбалы образована изъ разнообразнѣйшихъ пластовъ береговъ Нѣмецкаго моря. Обстоятельство это получаетъ еще болѣе важную важность по той причинѣ, что Соломбала подвергается ежегодно, во время весенняго разлива водъ, значительной опасности. При вскрытіи рѣки, ледъ обыкновенно спирается на мелководьяхъ двинскихъ устьевъ и тамъ стоитъ долгое время. Вода на ту пору выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ все Соломбальское селеніе (понимаетъ водопольемъ—по мѣстному выговору). На мой пріѣздъ ледъ вынесло скоро въ море и вода въ Соломбалѣ стояла не высоко, но вотъ что рассказываютъ объ этомъ явленіи тѣ, которымъ ежегодно приводится испытывать разливы весеннихъ водъ.

Взморье все уже потонуло въ водѣ; рѣка вздулась и хлынула изъ береговъ съ ужаснымъ ревомъ въ началѣ и съ сосредоточеннымъ молчаніемъ расплывается по улицамъ, постепенно топить все и, размывши мостки, несетъ ихъ по улицамъ, которыя на этотъ разъ имѣютъ видъ каналовъ. Меньше, чѣмъ въ три-четыре часа, вода, скопясь, понимаетъ собою нижнія жилища соломбальскихъ домовъ, доходитъ до верхнихъ. Хватаетъ она все забытое, попавшееся ей на пути:

кадку, зыбку ребенка, стулъ, столъ, — и все это несетъ, бьетъ въ щепу о спутные углы. Все населеніе выбирается на верхніе этажи, на крыши, или размѣщается на карбасахъ и лодкахъ, и съ веселыми пѣснями, съ громкимъ смѣхомъ ѣздитъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ. Ёдетъ въ тѣхъ карбасахъ и чиновникъ, и офицеръ на службу, ѣдетъ и праздная молодёжь отъ крайняго бездѣлья на пущее веселье и удовольствіе. Всѣмъ весело, всѣмъ отрадно; не весело, можетъ-быть, тѣмъ только, у кого большая заблудившаяся льдина выломила крышу, снесла уютную хату, разбила уголь, стекла, вышибла двери и проч., и проч. Говорятъ, что картина соломбальскаго потопа полна интереса, забавныхъ эпизодовъ, двусмысленныхъ остротъ и каламбуровъ. Рассказываютъ, что на этотъ разъ въ Соломбалѣ происходитъ родъ разгульнаго, карнавальнаго веселья на манеръ Венеціи, Парижа, Рима. По этой причинѣ каждый соломбальскій домъ обязанъ имѣть наготовѣ лодку. На случай подобныхъ нечаянностей, строились и дома съ особенной архитектурой: узкіе съ фасада на улицу, длинные во дворъ, они тѣсно пристраивались одинъ къ другому и имѣли крытые дворы, такъ что, съ птичьяго полета, крыши селеній представляли сплошную массу, неправильную, но оригинальную. На этихъ крышахъ укрывали скотъ и другія принадлежности хозяйства — обыкновеніе, теперь оставленное по той простой причинѣ, что такой сплошной рядъ крышъ усугублялъ свирѣпость пожаровъ, по счастію, однако, рѣдкихъ въ Соломбалѣ. Теперь почти не увидишь сплошныхъ крышъ и часто поставленныхъ домовъ. Соломбала имѣетъ уже поразительное сходство со всѣми пригородами большихъ городовъ, хотя взять петербургскіе Пески, Выборгскую Сторону, московскіе Бутырки и проч.

Скучное и однообразное зимою, Соломбальское селеніе сильно оживляется лѣтомъ со времени открытія навигаціи. Архангельскъ какъ будто вымираетъ на все это время, уступая все свое Соломбалѣ. Шумная дѣятельность здѣсь сосредоточивается, помимо рынка и рыночной площади, естественно, въ *гавани*, которая тянется за адмиралтействомъ и морскими казармами по направленію къ Маймаксѣ. Двина тутъ такъ глубока, что позволяетъ иностраннымъ купеческимъ кораблямъ становиться ъ-берегъ, крутой и значительно-приглубый. По берегу Двины тянется рядъ домовъ пригляднаго вида. Это или купеческія конторы съ надписями „office“, или пакгаузы, или гостиницы, съ названіемъ *taverne* и съ прибавленіемъ въ большей части случаевъ имени города, откуда являются въ Соломбальскую гавань пришельцы: London, Madride, Brüssel, Paris и проч. Здѣсь въ любую пору лѣтняго дня, если только не побоятся мириадъ комаровъ и песчаной пыли, встрѣтишь новыя, своеобразныя картины, хотя въ большихъ случаяхъ одно и то же: важныхъ каптановъ съ женами, или разгуливающихъ подъ ручку по палубѣ, или по берегу,

или шкиперовъ, задравшихъ ноги на крылья городской пролетки. Увидишь страшныхъ бульдоговъ, привязанныхъ на кораблѣ, юнговъ-мальчишекъ съ котлами и чашками у нарочно-устроенныхъ на берегу закопченныхъ кухонъ, асеевъ * — рабочихъ матросовъ болтающихся по палубѣ. Услышишь точно откашливанья монотонную пѣсню-припѣвокъ, которую цѣлый день повторяетъ для подспорья работѣ дрягилей шкивидоры русскіе и которой не мѣсто въ печати.

Здѣсь, въ этой же гавани, полной на ту пору и своеобычной жизни, однообразной только въ цѣломъ, съ трудомъ уловимой въ подробностяхъ, увидишь подчасъ и кровопролитныя сцены, безъ которыхъ почему-то рѣдко обходится столкновение русской національности съ другими, чужеземными. На моихъ глазахъ одного извозчика травили бульдогомъ, другаго матросика избили до полусмерти за какую-то рѣзкую, крѣпкую насмѣшку надъ однимъ изъ вспыльчивыхъ и гордыхъ асеевъ. Можно, пожалуй, замѣтить и другое, что способно отвратить и глаза, и напугать воображеніе при самомъ терпѣливомъ вниманіи. Все-таки не надивисься довольно шумной и разумно-сосредоточенной дѣятельности въ гавани. Возстаетъ живымъ образъ Петра, опять-таки перваго основателя заграничной торговли въ такомъ обширномъ и шумномъ размѣрѣ, и снова останавливаешься на воспоминаніяхъ объ немъ.

Разъ — говорить преданіе — онъ гулялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь селеніе, и увидѣлъ крестьянъ и крестьянокъ окрестныхъ деревень, жавшихъ рожь въ окрестныхъ поляхъ. Долго смотрѣлъ государь на работы и на разноцвѣтныя, разнообразныя группы жнецовъ и надумалъ дать имъ пиръ тотчасъ же и тутъ же, на открытомъ воздухѣ. Тогда же онъ отдалъ приказаніе объ этомъ Меншикову, который однако отговаривался неимѣніемъ столовъ и скамеекъ. Петръ приказалъ снести съ поля снопы. Изъ высокихъ велѣлъ сдѣлать столы и накрыть ихъ скатертью, коротенькіе и маленькіе снопы употребить вмѣсто стульевъ. Импровизированный балъ состоялся: было шумно и весело. Государь былъ доволенъ выдумкой и пиромъ и въ заключеніе пиршества сказалъ, обратившись къ приближеннымъ:

— Вотъ настоящій „соломенный“ балъ!

Съ этихъ словъ государя будто бы и начинавшемуся впоследствии строиться на томъ мѣстѣ селенію дано было имя, напоминавшее слова Петра — имя *Сломбалы*.

* Слово *асей*, какъ извѣстно, происходитъ отъ англійскаго „I say“ — „послушай“ слова, часто попадающагося въ разговорѣ иностранцевъ, которые, въ свою очередь, русскихъ, имѣющихъ съ ними сношенія, прозвали словомъ *слишты*, отъ „слышь-ты“, также нерѣдкаго въ языкѣ нашихъ православныхъ. Этотъ именемъ *слишты* обзываютъ они всѣхъ работниковъ русскихъ при нагрузкѣ судовъ, и другаго названія не знаютъ. Говорятъ „пайми мнѣ два слишты (т. е. двухъ работниковъ)“; приведи десять *слишты*. Кто подбилъ глазъ? — асен; съ кѣмъ напиаса? — съ асеями, и проч.

Исторически достоверно то, что начало заселенія Соломбалы современно началу архангелогородской казенной верфи, около 1700 года. На островахъ этихъ, близъ верфи, отводились мѣста чиновникамъ и рабочимъ людямъ, и такимъ образомъ, годъ отъ году, селеніе распространилось, какъ свидѣтельствуешь о томъ г. Литке. Но также исторически достоверно и то, что имя Соломбалы упоминается двинскимъ лѣтописцемъ еще въ XVI вѣкѣ, а имя рѣки и, стало-быть, самаго селенія, по корнесловію—чудское. Вотъ почему мы имѣемъ право сомнѣваться въ справедливости вышеприведеннаго народнаго преданія, относя его къ сочиненіямъ грамотѣевъ позднѣйшаго происхожденія въ виду того, что это уже не первый опытъ въ объясненіи названій натяжками по соблазну созвучій.

Соломбалское селеніе, примыкая съ одной стороны къ Двинѣ, съ другой къ Маймаксѣ, съ двухъ остальныхъ сторонъ омывается рѣкою Кузнечихою—рукавомъ Двины. Прямо противъ адмиралтейства за рѣкою Двиною и за устьемъ Кузнечихи всплываетъ островъ Моисеевъ. На немъ разведенъ садъ, носящій характеръ нѣкоторой дикости, построена бесѣдка, но гулянья тамъ не состоялись, за домовитостью ли архангельскихъ жителей, или по другой какой-либо причинѣ—неизвѣстно. Прежде на этомъ островѣ, укрѣпленномъ обрубамъ и камнями была казенная вѣтряная мельница, на которой выпиливались нужныя для кораблестроенія доски. Тутъ же стояла „свѣтлица о десяти красныхъ окнахъ со стеклянными окончинами“. Въ ней-то и останавливался Петръ I во время троекратныхъ пріѣздовъ своихъ въ Архангельскъ.

Отъ Моисеева острова, противъ самаго адмиралтейства, растянулась параллельно мель, оставившая глубокій, быстрый, но тѣсный протокъ. Мель эта часто мѣшаетъ благопріятному спуску новаго корабля изъ адмиралтейства.

Смотря изъ адмиралтейства, невольно увлечешься живописными разнообразными видами, которые располагаются по ту сторону рѣки Двины. Вотъ, вырываясь изъ тѣсины Моисеева острова, Двина ширится на трехверстномъ пространствѣ и чуть виднѣются селенія *

* Жители пригородныхъ селеній занимаются по большей части работами на судахъ, или по найму въ конторахъ архангельскихъ негоціантовъ. Нѣкоторые строятъ суда и занимаются всякою другою плотничьею работою. Не малая часть уходитъ въ Петербургъ на лѣсные дворы: остающаяся дома ловить рыбу по преимуществу семгу въ Двинѣ, звѣря и бѣлугу въ двинскихъ устьяхъ, на отмельхъ мѣстахъ. Женское населеніе пригородныхъ селеній почти исключительно занято тканьемъ полотень, получившихъ нѣкоторую извѣстность и справедливую оцѣнку даже по дальнимъ мѣстамъ Россіи. Женщины эти толпами ходятъ по Архангельску и по гавани съ кусками своей *клетчины*. Ленъ для этихъ полотень онѣ покупаютъ (въ Архангельскѣ, какъ извѣстно, ленъ не родится), очищаютъ сами, вычесывая начисто надъ водою до-тѣхъ-поръ, пока ни съ одной мочки не падаетъ въ воду ни кострики, ни пыли. Полотна эти, тонкостью, бѣлизною и шириною, не уступаютъ привознымъ и не имѣютъ, однако,

противоположнаго берега. Вдали, тѣснить ширину рѣки новый островъ, длинный и песчаный, изъ-за скудной, обманчивой зелени его выясняется и серебрится надъ нею крестъ Кегъ—островской церкви. Налѣво потянулись зданія длиннаго города Архангельска, который въ цѣломъ не лишенъ картинныхъ, увлекательныхъ подробностей: вонъ развалины нѣмецкаго гостинаго двора, огромный заводъ Бранта, прихотливые дома архангельскихъ негоціантовъ. Ближе къ нимъ бѣлѣтся каменное зданіе полубатальона военныхъ кантонистовъ, съ которымъ соединяются теперь для меня и пріятныя, и грустныя воспоминанія о томъ добромъ и честномъ человѣкѣ, которые такъ рѣдки на землѣ и съ трудомъ достаются на долю странниковъ, заброшенныхъ на чужбину. Плещь ему благодарный привѣтъ, и несешь горячую и искреннюю слезу на его раннюю, скорбную могилу, и желаешь ему вѣчной памяти, заслуженной имъ честною жизнію и незлобными сердечными отношеніями къ людямъ и ко всему въ жизни...

Влѣвъ стоитъ кузнецовская церковь и дальше въ сторонѣ отъ нея желтѣютъ зданія военно-сухопутнаго госпиталя. Опять чернѣетъ масса водъ въ широкомъ рукавѣ Двины—рѣкѣ Кузнечихѣ. Виднѣется мостъ, перекинутый изъ Соломбалы на противоположный берегъ и сооружаемый ежегодно на сваяхъ при громкой и завѣтной, общей всей Россіи, пѣснѣ:

Чтой-то свая наша встала?

Законорщика не стало.

Ой, ребята, собирайся!

За веревочку хватайся!

Ой, дубинушка, ухнемъ!

Ой, зеленая, сама пойдетъ—

Ухнемъ!

Перейдемъ по этому кузнечевскому мосту въ Архангельскъ.

2. Архангельскъ.

Его исторія и настоящій характеръ города, по личнымъ наблюденіямъ.—Первый руководитель и толковникъ.—Соборъ и историческій крестъ.—Памятникъ Ломоносову.—Нѣмецкій гостинный дворъ.—Нѣмецкая слобода.—Исторія города.—Пребываніе Петра I.—Царскіе торги.—Иноземный торгъ и его характеръ.—Упадокъ промысловъ и торговли русскихъ людей.—Шаныги и анекдоты о нихъ.—Ирмарка.—Ваганы.—Характеристика подвинянъ народными прозвищами и присловьями.

Позднимъ зимнимъ вечеромъ подѣзжалъ я въ первый разъ къ Архангельску. Непріятности дальняго, слишкомъ тысяче-верстнаго пути возымѣли всю свою силу: чувствовалась физическая истома, нрав-ли той плотности, ни той крѣпости. Здѣсь нелиннымъ считаю упомянуть о той страсти къ коммерческимъ предпріятіямъ, которая такъ сильно развита во всемъ архангельскомъ женскомъ населеніи. Доказательство тому подгородныя ткачихи, соломбальскія матроски и кузнечевскія солдатки. Рыба треска, самоѣльные компасы, бураки, ковши, старое трипье, попошенная рухлядь—все идетъ въ оборотъ и ничто долго не залеживается дома.

ственная пустота, болѣлъ весь составъ тѣла, нылъ, кажется, каждый мускулъ, воображеніе наполняли какіе-то мрачные, невеселые образы. Тягостныя впечатлѣнія принесли за собою прошлыя сутки, ничего хорошаго не сулили будущія. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось на то время, когда привелось осиливать послѣднія версты. Какъ будто вдвое, втрое лѣнивѣе плелись почтовые лошади, какъ будто сильнѣе и чаще обстукивала послѣдніе ухабы и выбоины неладно кроеная, но крѣпко сшитая почтовая кибитка. Какъ будто на зло, въ этотъ разъ, и самое небо глядѣло сумрачнѣе, затянутое сплошною грядою облаковъ: ни звѣздочки на немъ, ни искорки. Сверкнетъ своими невеселыми огнями спопутная деревушка, обдастъ она тепломъ своимъ и опять непроглядная лѣсная чаща впереди и по бокамъ, и снова ровная поляна, отдающая матовымъ, мертвенно-синимъ снѣжнымъ отливомъ. Волкъ-бы взвылъ, собака-бы взлаяла, хоть-бы сторожъ, наконецъ, гдѣ-нибудь стукнулъ въ доску съ просоньевъ—повеселилъ-бы изнывшую отъ сосредоточенной тоски душу, оживилъ-бы истомленное до крайнихъ предѣловъ воображеніе.

Почти пластомъ, бездыханнымъ трупомъ лежишь-себѣ въ кибиткѣ и думаешь думу: отсовѣтую я другу и недругу однимъ разомъ, безъ ночевокъ, одолѣвать въ дорогѣ большія пространства; скверно: аппетиту лишаешься, сонъ не беретъ. Скажу я имъ: „хорошо ѣздить на петербургскихъ тройкахъ верстъ за 30, пожалуй, и за сорокъ; не дурно проѣхать и сто верстъ; но верстъ за сто уже утомляютъ; еще и еще дальше онѣ едва-выносимы, а за пятьсотъ уже каждая верста себя сказываетъ, каждая верста ложится на плечи тяжелымъ гнетомъ, давить сердце, тяготить душу, мертвить тѣло. Да и зачѣмъ такой рискъ, зачѣмъ такое самопроизвольное мученичество? Неужели только затѣмъ, чтобы разомъ бросить себя въ дальній омутъ и умѣть потомъ выбираться оттуда? Неужели затѣмъ, чтобы разомъ испить горькую чашу, а не пить ее по каплямъ? Неужели и опять-таки затѣмъ, чтобы слышать, какъ ямщикъ слѣзетъ въ послѣдній разъ съ козелъ и подвизать въ первый разъ на всемъ пути отъ Петербурга, колокольчикъ?“

Колокольчикъ подвязывается затѣмъ, что начинается губернской городъ (уѣздные города, какъ извѣстно, не удостоены этой честью), а въ немъ конецъ странствіямъ и мученіямъ: въ губернскомъ городѣ есть гостинница съ теплымъ чаемъ, съ кушаньями, есть и другія благодати...

— Куда тебя везть?—спрашиваетъ, между тѣмъ, ямщикъ мой подъ Архангельскомъ.

— Въ гостинницу.

— А здѣсь нѣту гостинницы, нѣту ни единой.

— Вези на почтовую станцію.

— Да тамъ не становятся: комнать нѣту.

— Что же мнѣ дѣлать?

— А вотъ толкнемся въ трактиръ: можетъ, пустять.

— Сдѣлай милость!

Толкнулись въ трактиръ: пустили. Отгородили въ бильярдной одинъ уголъ ширмами—сталась комната. И то слава Богу. Теперь я въ новомъ городѣ, на новомъ мѣстѣ о-бокъ съ новыми впечатлѣніями.

Начну дѣло съ аза, по обычаю всѣхъ туристовъ, по обыкновеніямъ всѣхъ проѣзжихъ. Начну съ вопросовъ у трактирщика. Вотъ онъ и самъ передо мною: толстый такой, и какъ будто готовый править свою должность, отвѣчать на вопросы. Похваляю я ему родной городъ—онъ еще пуще разговорится.

— Хорошенькій вашъ городъ, большой такой.

— А вотъ завтра посмотрите,—а я вамъ его не похваляю.

Прикидывается, думаю. Подзадорю его инымъ путемъ.

— Городу вашему нельзя быть некрасивымъ, нельзя быть небогатымъ: стоитъ близко моря, большую торговлю ведетъ, и торговлю заморскую, стало-быть, и народъ—умный, оборотливый, смышленный...

— Гордый! добавляетъ хозяинъ и затѣмъ молчить.

Думаю: „не разговорчивъ“—и опять начинаю:

— Такихъ городовъ у насъ не много: Одесса, Астрахань, Рига, Ревель...

— Петербургъ, добавляетъ хозяинъ и опять молчить.

Думаю: „надоѣло ему со всякимъ проѣзжающимъ толковать одно и то же“—и говорю:

— Ложились-бы вы, хозяинъ, спать: пора ужъ, что беспокоитесь?

— Намъ это въ привычку; а мы заѣзжему человѣку рады. Съ новымъ человѣкомъ какъ-то и говорить пріятно.

„Льститъ, думаю, какъ и всякій, кому до кого какая нужда надлежитъ“. Я попросилъ сѣсть—сѣлъ: поподчиваль чаемъ—не отказался!

Уставивши блюдечко на ручныхъ рогулькахъ, смотритъ мнѣ въ глаза и какъ будто говоритъ своими: „спрашивай, спрашивай, не бойсь: теперь отвѣчать тебѣ стану съ большой охотой“.

— Вы здѣшній?

— Родителями произведенъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, хозяйство отъ нихъ получилъ и самъ тридцатый годъ оное въ протяженіи произвожу, вотъ уже тридцатый годъ...

— Стало-быть, всѣхъ знаете?

— Последняго ребенка у самой задней соломбальской женки знаю, а въ городѣ-то такъ и...

Хозяину поперхнулось чаемъ,—и закашлялся.

— Весело живутъ здѣсь?

— Не могутъ. Больше у насъ нѣмецъ преизбыточествуетъ...

— Вѣдь, нѣмцы повеселиться любятъ, этимъ ихъ попрекнуть нельзя.

— Наши нѣмцы особенные.

— Чѣмъ же, хозяинушко?

— Да, во-первыхъ, народъ все коммерческій; а во-вторыхъ, нѣмецъ... надо-быть такъ говорить...

Хозяинъ опять замаялся.

— Нашъ нѣмецъ, теперь это-бы къ примѣру самое взять — особенный.

— Все-таки я, хозяинъ, васъ понять не могу.

— Нѣмецъ такъ ужъ Господомъ Богомъ создается, чтобы ему нѣмцемъ быть и никакимъ другимъ человѣкомъ.

— Да, вѣдь, это и русскіе такъ, и французы, и всѣ... Аккуратны они, что-ли?

— Насчетъ окурату они первые—это точно. Русскаго они духу не любятъ—это второе.

„Ну, слава Богу! (думалось мнѣ) разразился: кажется сказалъ, наконецъ, что хотѣлъ“.

— Какъ-же это они русскаго духу не любятъ?

— А первое: всю коммерцію отбили. Встарину нашихъ кораблей отъ русскихъ шло много за-границу, а теперь ни одного, все отъ нѣмецкихъ конторъ. Второе: за русскаго они свою дочь не отдадутъ ни за что: образъ сыму въ поручительство. Третье: у нихъ клубъ свой, нашимъ дворянскимъ брезгаютъ, бываютъ тамъ такъ только изъ приличія—это третье. А зачѣмъ они — опять-таки скажу вамъ — русскаго духу не любятъ: изъ благодарности къ тому, что мы имъ и мѣсто отвели и все сдѣлали.

— Да вы, хозяинъ, патриотъ большой.

— То-ись какъ?

— Родину свою очень любите.

— Не скажу этого, и хвастаться не стану тѣмъ, а что нѣмцевъ не люблю и вѣры въ ихъ хитрость не имѣю, такъ это скажу и вамъ, и флотскому офицеру вчерашнему сказывалъ, и приказнымъ нашимъ сколько годовъ то же твержу. А вы меня извините! Нѣмецъ нашъ—народъ хитрякъ. Вотъ по гильдіи положено столько товаровъ за-границу пущать, выше нельзя, опять нѣмцу нельзя товаръ на мѣстахъ по городамъ скупать. Не положено, что тутъ дѣлать? Нѣмецъ тутъ и придумалъ штуку свою, особенную, нѣмецкую штуку придумалъ. Онъ набралъ изъ нашихъ русскихъ, тутошнихъ, ближнихъ столько, сколько ему надо, записалъ ихъ въ гильдію и ступай торговать, товары скупать на его нѣмцево имя, а самому русскому прибыли, окромя того, что купецъ-де сталъ и брюхо отрачивать всякое право имѣть—другой вальготы нѣтъ. Загребай чужой жаръ своими руками...

— Да правда-ли это, хозяинъ?

— Вотъ поспрошайте — то-ли увидите. Увидите здѣсь то, къ

примѣру, что всѣ здѣсь нѣмцы, что одинъ человѣкъ: и говорить они умѣютъ по нашему бойко, и къ нашимъ, которые капиталомъ powerful, или которые на полномъ отъ всякаго почетѣ, они ласки свои прилажаютъ и въ маклеры его, на безотвѣтное, глупое мѣсто, посаждать, какъ пить дадутъ. А то въ браковщики, въ старосты, въ другую какую должность выберутъ: ты-де только своей-то торговли не заводи, а мы-де тебя своими крохами не обидимъ, съ голоду не уморимъ.

— Вы, хозяинъ, просто сердиты на нѣмцевъ, они не такіе!

— Еще хуже сказать не во гнѣвъ вашей милости. Народъ на лестъ, на хитрость такой ловкій, что хоть рукавицы на руки-то надѣвай—не ухватишь. Опять же гордости въ нихъ—велия сила. Компанію только межъ себя и водятъ и всегда впереди нашего города идутъ. Русскій, я вамъ говорю, человѣкъ никакой силы не имѣетъ.

— Да отчего же? я все-таки понять не могу.

— А вотъ посмотрите, какъ они это ведутъ. А, по моему понятію, надо быть такъ, что нѣмецъ-народъ одинъ духъ въ каждомъ человѣкѣ держать можетъ, а по моему артели ихъ плотнѣе, благонадежнѣе бываютъ нашихъ. Они это безотмѣнно лучше нашихъ дѣлаютъ. Ты къ нѣмцу хоть сто русскихъ приставъ: онъ все нѣмецъ будетъ.

— Вотъ это, хозяинъ, вѣрно. Теперь я нѣсколько понимаю и даю себѣ слово повѣрить ваши слова своими наблюденіями на дѣлѣ. А теперь еще одинъ вопросъ: кто составляетъ вторую половину жителей?

— Половина эта самая малая, половина эта — не половина. А это чиновники, народъ заѣзжій, все больше изъ Петербурга; долго жить здѣсь не думаетъ—на многое и вниманія своего обращать не хочетъ: „мнѣ — говорить — что? вы хоть всѣ перегрызитесь, а меня не трогайте, потому что уже маленько и въ престарѣлыхъ лѣтахъ; да, признаться, служить у васъ и не думаю долго. А меня-де лучше оставьте въ покоѣ, сдѣлайте милость...“

— Да, вѣдь, есть же, я думаю, и свои здѣшніе чиновники, которые здѣсь родились, здѣсь и служатъ.

— Какъ же! прибѣгали тоже приказные сказывать, хвастаются, что свою-де родословную, слышь, книгу завели и двоихъ-де ужъ записали. Теперь, молъ, въ чужихъ губерніяхъ нуждаться не станемъ. Да, вѣдь, эти, которые здѣсь рождаются, больше мелкота-народъ. Въ нихъ, вѣдь, силы никакой, какъ и въ пузырь мыльномъ. Опять же они *эдакъ* любятъ...

Хозяинъ, при этихъ словахъ, сжалъ кулакъ, давая тѣмъ знать, что они взять взятку любятъ.

— И это ужасно любятъ...

Хозяинъ пощелкалъ себя по шеѣ: „пьютъ-де“.

— Да, вѣдь, и ссыльные чиновники не всѣ уѣзжаютъ, другіе, чай, остаются здѣсь на вѣчное житіе.

— Бываетъ, да рѣдко. Ну, а тѣ, извѣстно, волей-неволей въ нѣмецкую же шайку поступить должны; потому имъ и теченіе-то такое, что прямо въ омутъ, а тамъ стоитъ мельница ладная такая, что другую сотню лѣтъ стоитъ—молотъ умѣетъ первѣйшимъ сортомъ—русскій-отъ духъ однимъ соромъ закидаетъ и не прочихаешься. Да что вамъ говорить много: родъ нашъ на нѣмцахъ стоитъ, нѣмцами руководствуется. Не знаю вотъ только, на нѣмцахъ ли ему помирать-то придется... А не желаете-ли вы поѣсть чего?

Круто оборванная рѣчь хозяина пришлась кстати. Я согласился. Но что ѣсть?

— У насъ одна только рыба. Мяснаго потребляемъ мало, да и теперь же постъ великій. Вотъ треска!

Попробоваль—и не могъ ѣсть, какъ ни былъ голоденъ.

Палтаса, стало, и не подавать! рѣшилъ хозяинъ. Палтасъ еще хуже. А вотъ селянка изъ свѣжей рыбы двинской.

Селянка оказалась спосиѣ: но пріятнѣе и отраднѣ всего показался слѣдующій за тѣмъ сонъ, крѣпкій, живительный, какимъ только и умѣютъ пользоваться дорожные и крѣпко истомленные трудной, ломовой работой люди.

На другой день солнце освѣтило передо мною сначала огромную торговую площадь съ рыбными рядами, съ довольно большой толпой мужиковъ съ возами дровъ, которые потянулись подъ-гору къ широкой Двинѣ, засыпанной на ту пору снѣгами и обставленной по мѣстамъ дорогъ вѣшками. Потомъ освѣтило солнце и самый городъ, по которому я ѣхалъ съ одного конца на другой.

Видѣлъ я одну безконечно-длинную улицу съ каменными и деревянными домами въ началѣ: по нѣкоторымъ казенныя надписи, по другимъ частныя, гласящія, что тутъ магазинъ, тутъ лавка съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, и что принадлежитъ она купцу, носящему въ бѣльшей части случаевъ нѣмецкую фамилію. Видѣлъ я безконечно-длинную улицу, почти единственную улицу города, тянувшуюся версты четыре, а, можетъ быть, и пять верстъ, вблизи отъ набережной, отъ берега Сѣверной Двины по направленію къ Кузнечихѣ и Соломбалскому портовому селенію. Видѣлъ я налѣво, за каменной оградой и рядомъ деревьевъ (на то время оголенныхъ и обсыпанныхъ инеемъ), Троицкій кафедральный соборъ, основанный 11-го октября 1709 года и оконченный въ 1765 году, двухъ-этажный, высокій, величественный. Соборная церковь прежде была деревянная, основанная въ 1584 году, съ пристройкой, сдѣланной въ 1664 году. Церковь два раза сгорѣла. Петръ Великій назначилъ для собора новое нынѣшнее мѣсто, а соборъ до сихъ

поръ хранить объ немъ память, драгоценную по многимъ отношеніямъ. На правой соборной стѣнѣ, подѣ полукруглымъ балдахиномъ, опирающимся на двѣ колонны, хранится деревянный крестъ, сдѣланный руками Петра на память спасенія въ Унскихъ Рогахъ. Этотъ крестъ сосновый, имѣетъ 5 аршинъ въ вышину и 4 арш. въ ширину. Концы его сдѣланы въ видѣ полукружій съ шариками на оконечностяхъ. Крестъ, отъ времени и долгаго пребыванія на открытомъ воздухѣ, потрескался и покрылся сизымъ цвѣтомъ но еще можно видѣть рѣзную надпись, сдѣланную руками самого Петра:

Dat
Kruys ma
ken kap
tein Piter
van a ch.
S. t.
1694.

Императоръ Александръ I-й повелѣлъ перенести этотъ крестъ въ Архангельскъ изъ Пертоминскаго монастыря въ 1805 году, какъ гласить надпись на доскѣ, поддерживаемой ангеломъ. Другая доска (также поддерживаемая ангеломъ) повѣствуетъ о причинѣ, побудившей Петра Великаго соорудить этотъ крестъ и перенести его потомъ на собственныхъ плечахъ до того мѣста, на которое вступилъ онъ послѣ бури. Въ соборной ризницѣ память о Петрѣ сохраняетъ риза зеленого бархата сшитая изъ кафтана царя и два саккоса, пожалованные имъ Афанасію въ 1702 году. Видѣлъ я за соборомъ городскую площадь, окруженную соборами, церковью Архангела Михаила построенною, въ 1769 году, на мѣстѣ бывшаго Архангельскаго монастыря, и церковью Воскресенскою, столько же древнею, какъ старѣе само заселеніе города. На площади, около которой нѣкогда сосредоточивались и первоначальное заселеніе города и первыя торговыя операціи его, стоитъ памятникъ. Не нужно было говорить — кому, но я все-таки спросилъ извозчика:

- Кому этотъ памятникъ?
- Тучи у Господа Бога отводилъ на небесахъ.
- А кто онъ таковъ былъ, гдѣ родился?
- Не знаю; колдунъ, надо-быть, какой.

Вотъ новый урокъ соорудителямъ, съумѣвшимъ въ лицѣ Ломоносова изобразить римскаго гражданина въ тогѣ, съ геніемъ у ногъ, а не простаго мужика, съ приличными, болѣе понятными и ясными атрибутами, или что-нибудь въ родѣ этого. Къ тому же памятникъ малъ, пропадаетъ въ массѣ зданій и не пользуется ни хорошимъ видомъ, ни хорошимъ мѣстомъ.

Налѣво, по пути объявилось полуразрушенное каменное зданіе, которое извозчикъ называетъ монетнымъ дворомъ (на самомъ дѣлѣ это развалины *нѣмецкаго* гостинаго двора) и говорить:

— Пытали ломать и подрядчикъ на кирпичи нашелся: не осилили и подрядчикъ отказался. Известка такъ спеклась, что камни и лому не давались. Да и кирпичи тяжелина такая, что нонѣ такихъ и не дѣлають. Пытали каменщики печи изъ нихъ складывать, такъ тоже, слышь, отказались: всѣ плечи-де обломали, одной рукой не сдержишь и не перевернешь какъ-бы надо, по ихнему...

Нѣкогда на этомъ зданіи было шесть башенъ (теперь уцѣлѣло только двѣ). Говорять, что подробности плана этого гостинаго двора, назначеннаго для складки товаровъ, составлены были рукою самого царя Алексѣя Михайловича и приведены въ исполненіе нарочно-присланными сюда изъ Москвы иноземными инженерами Петромъ Марилсомъ и Вилимомъ Шарфомъ. Прежде это замѣчательное по старинной архитектурѣ зданіе тянулось по рѣкѣ на двѣсти сажень и имѣло въ ширину 60. Теперь половина его сломана (съ большими усиліями) и невозможно разобрать ни мѣста воротъ, ни мѣста верхнихъ свѣтлицъ, гдѣ жили иноземные гости, ни галлерей съ арками, которыя служили для сообщенія ихъ съ русскими торговцами, ни средняго корпуса, куда сходились для торга и мѣны, и гдѣ стояла стража, возбранявшая частыя общенія купцовъ русскихъ съ нѣмецкими. Во всякомъ случаѣ обширность дворовъ и прочность постройки свидѣлствуютъ наглядно о томъ, на сколько обширенъ и прибыленъ былъ древній торгъ благотворно вліявшій на тѣ сѣверные города, которые теперь стоятъ захудалыми, какъ Великій Устюгъ, Вологда, Каргополь и даже несчастная Чухлома, вызывающая нынѣшнею скудностію своею основательныя насмѣшки.

Рядомъ съ этимъ зданіемъ по набережной Двины тянутся инныя развалины, которыя собственно и были монетнымъ дворомъ, составлявшимъ часть таможеннаго замка. Кирпичи для обоихъ работаны были въ Голландіи и привезены сюда на корабляхъ. Общій видъ развалинъ, въ средѣ другихъ и съ Двины, представляетъ увлекательную картину. Вблизи онѣ вѣютъ стародавностію: сѣдое время буквально изгрызло окна, крышу, четверо воротъ: кое-гдѣ завязались по стѣнамъ, на крышахъ башенъ и въ окнахъ, растенія.

Площадь заключается гауптвахтой со стороны проспекта и стариннымъ зданіемъ думы къ сторонѣ Двины. Отъ гауптвахты пошла опять улица со сплошнымъ рядомъ домовъ по большей части деревянныхъ, чистенькихъ, опрятныхъ, въ большей части случаевъ обшитыхъ тесомъ и окрашенныхъ невозможныхъ цвѣтовъ красками. Это—нѣмецкая слобода, гдѣ ютится все коммерческое населеніе города. Влѣво, къ Двинѣ, красуется большая лютеранская церковь св. Ека-

терины, построенная въ 1768 году; далѣе, реформатская, выстроенная въ 1803 году. Направо и нѣлѣво начинаютъ свертывать съ главной улицы переулки, но тѣ и другіе идутъ не далеко: съ одной стороны обрываетъ ихъ Двина, съ другой пересѣкаетъ второй (но и послѣдній) городской проспектъ, идущій параллельно съ первымъ. За этимъ вторымъ проспектомъ пойдетъ уже вязкое, тундряное болото, которому и конца нѣтъ на дальней Кореліи.

Обрамленная съ двухъ сторонъ мостками, Нѣмецкая Слобода въ одномъ мѣстѣ пересѣкается городскимъ садомъ, небольшимъ, чахламъ, рѣдко-посѣщаемымъ; со многихъ другихъ сторонъ тянутся значительной величины пустыри, за длинными, безобразными заборами и безъ этихъ заборовъ. Пустыри эти—давніе слѣды давняго пожара, испепелившаго большую половину Архангельска. Одинъ пустырь, какъ говорятъ, залегъ на мѣстѣ театра. У каменнаго зданія полубатальона военныхъ кантонистовъ оканчивается Нѣмецкая слобода, за тѣмъ, что слѣва уже тянется рѣка Кузнечиха, а по берегу ея и вглубь подгороднаго болота—бѣдная слободка того же имени, населенная потомками двухъ, нѣкогда бывшихъ здѣсь, гайдуцкихъ полковъ, перестроенныхъ потомъ въ два гарнизонныхъ батальона. Утлые домишки, утлые мостки, узенькія, запущенныя улицы, пустынные огороды кругомъ—вотъ главные и единственные характеристическіе признаки этой бѣдной подгородной слободки.

Такую же бѣдность являетъ и другая подгородная слобода, на совершенно-противоположномъ краю длиннаго и скучнаго Архангельска, при вѣздѣ изъ Холмогоръ. Слободка эта носитъ названіе Архіерейской, затѣмъ, что тутъ существуетъ архіерейскій домъ, со времени перенесенія епархіи изъ Холмогоръ, подлѣ Архангельскаго монастыря.

Архангельскимъ монастыремъ, собственно, и начинается городъ Архангельскъ, получившій отъ монастыря и свое имя въ народныхъ устахъ, хотя правительство и назвало его вначалѣ (въ 1584 г.) *Новыми-Холмогорами*.

Городъ этотъ начинался собственно на срединѣ настоящаго Архангельска, тамъ, гдѣ лежитъ теперь городская площадь, на мѣстѣ называемомъ *Пуръ-Наволокъ*. Здѣсь построена была деревянная крѣпость—острогъ, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, о двухъ этажахъ, съ шестью башнями и старинными бойницами, или амбразурами. Съ рѣчной стороны онъ окруженъ былъ землянымъ валомъ и палисадомъ, внутри раздѣленъ стѣнами на три части: верхняя называлась русскимъ гостинимъ дворомъ, въ верхнихъ палатахъ котораго хранилось казенное вино; нижняя часть острога, по Двинѣ, носила имя нѣмецкаго гостинаго двора съ портовой таможей. Средняя часть, собственно крѣпость съ бойницею и башнями, занимаема была мона-

стыремъ, который впоследствии переведенъ былъ, послѣ пожара въ 1637 году, на нынѣшнее свое мѣсто за городомъ, по указу царя Михаила Ѳеодоровича. Мѣсто это носило названіе урочища *Нячеры*.

Первыми обитателями Новыхъ-Холмогоръ были ратные люди—стрѣльцы; черезъ три года, въ 1587 г., учрежденъ былъ здѣсь посадъ. Въ немъ жили деревенскіе пахатные люди и небольшое число посадскихъ, переведенныхъ сюда изъ разныхъ двинскихъ деревень и посадовъ. Имъ дарована была льгота на пять лѣтъ освобожденіемъ отъ платежа всѣхъ государственныхъ податей, а послѣ истеченія срока всякія раскладки позволено было дѣлать имъ самимъ. Тогда же много семей оставили Старые Холмогоры и поселились въ Новыхъ. Въ 1702 году сюда переведено было воеводское правленіе.

Монастырь Архангельскій—одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, судя по сохранившейся грамотѣ, выданной отъ одного изъ новгородскихъ архіепископовъ Іоанна (тамъ было три—два въ XII-мъ вѣкѣ и одинъ въ XIV).

Въ грамотѣ года не означено. Вотъ ея содержаніе: „Благослови архіепископъ новгородскій Іоаннъ владыко у Св. Михаила вседневную службу и благослови игуменомъ Луку къ Св. Михаилу, и буди милость Божія и Святыя Софіи и Св. Михаила на посадникахъ двинскихъ и на двинскихъ боярахъ, и на боярахъ новгородскихъ, на владычнѣхъ намѣстникѣхъ, на купецкомъ старостѣ и на всѣхъ купцахъ новгородскихъ и заволоцкихъ, и на игуменахъ и на попѣхъ и на всемъ причтѣ церковномъ, и на соцкомъ, и на всѣхъ крестьянахъ, отъ Емцы и до моря, что есть потребовали милости Божіей Св. Михаилу вседневную службу и вы, дѣти мои, потщитесь о милостынѣ къ Св. Михаилу и къ игумену, и ко всему стаду. А ты игумень, съ соборомъ и со стадомъ Св. Михаила, Бога моли за всѣхъ крестьянъ, и буди милость Божія, Св. Софіи и Св. Михаила на всѣхъ крестьянахъ и владычне благословеніе Іоанново“. Мѣсто первоначальнаго Архангельскаго монастыря, картинное и удобное для стоянки торговыхъ кораблей, укрѣплялось въ началѣ на сваяхъ и стойкахъ, по причинѣ топкости тундристыхъ мѣстъ. Тогда же проводились и каналы для спуска воды. Въ монастырѣ церковь каменная, выстроенная въ 1683 году. Въ немъ же семинарія, имѣвшая въ началѣ содержаніе отъ монастырей и церквей отсыпнымъ хлѣбомъ, а съ 1784 года получившая штаты.

Въ Крестовой церкви нынѣшняго архіерейскаго дома хранятся драгоценности, напоминающія собою снова Петра Великаго. Это—карета, подаренная имъ архіепископу Аѳанасію, два флага, которые поднимались на яхтѣ царя во время поѣздки его въ 1693 году къ Поною и Третьмъ островамъ, и небольшія пушки, взятые со шведскихъ кораблей въ 1701 году, во время нападенія ихъ на Новодвинскую крѣпость.

Тутъ же, неподалеку отъ монастыря, новыя воспоминанія о Петрѣ. На мѣстѣ называемомъ *Быкъ*, онъ велѣлъ построить хлѣбныя магазины, въ 1700 году, и сюда же вскорѣ приказалъ перевести изъ Соломбальскаго адмиралтейства, выстроенную одновременно корабельную верфь. Вскорѣ здѣсь заложены были два 54-хъ пушечные корабли. Встрѣтились новыя неудобства: быковская верфь оставлена и переведена на старое мѣсто, но на Быкъ стали строить потомъ купеческія суда и опять-таки не долго: доки и элинги сгнили теперь, не оставивъ слѣда.

Между тѣмъ, заботы Петра объ усиленіи заграничной торговли способствовали въ то же время къ разростанію и усиленію города. Архангельскъ становился люднымъ и сильнымъ по мѣрѣ того, какъ далеко еще не наступило время созданія Петербурга. Еще до сихъ поръ ходятъ народныя преданія о великомъ строителѣ русскаго государства, свидѣтельствующія о крайней его заботливости и вниманіи. Обо многихъ изъ нихъ я имѣлъ случай говорить прежде. Приведу теперь остальное.

Разсказываютъ, что государь цѣлые дни проводилъ на городской биржѣ, ходилъ по городу въ платьѣ голландскаго корабельщика, часто гулялъ по рѣкѣ Двинѣ, входилъ во всѣ подробности жизни приходившихъ къ городу торговцевъ, спрашивалъ ихъ о будущихъ видахъ и планахъ: все замѣчалъ и на все обращалъ вниманіе даже въ малѣйшихъ подробностяхъ. Разъ, говоритъ преданіе, онъ осматривалъ всѣ русскія купеческія суда. По лодкамъ и баркамъ взошелъ на холмогорскій карбасъ, на которомъ тамошній крестьянинъ привезъ для продажи горшки. Долго осматривалъ царь товаръ и толковалъ съ крестьяниномъ. Нечаянно подломила доска: Петръ упалъ съ кладки и разбилъ много горшковъ. Хозяинъ ихъ всплеснулъ руками, почесался и вымолвилъ:

— Вотъ-тѣ и выручка!

Царь усмѣхнулся.

— А много-ли было выручки?

— Да теперь немного, а было-бы алтынъ на сорокъ.

Царь пожаловалъ ему червонецъ, примолвилъ:

— Торгуй и разживайся, а меня лихомъ не поминай!

Какъ велика была забота Петра объ архангельскихъ торгахъ, видно изъ того, что онъ завелъ, по указаніямъ Ивана Феркелена, свои собственныя, такъ-называемыя царскіе торги. Начались они съ того, что Петръ поручилъ иностраннымъ купцамъ купить въ Голландіи, на его счетъ, торговый корабль и привезти къ будущему году сукно для войска. Сукно это въ слѣдующемъ году было привезено и, подъ присмотромъ присяжнаго проводника, отправлено въ Москву. Въ 1695 году государь писалъ къ воеводѣ Апраксину: „О кораблѣ

будетъ писать Францъ Тиммерманъ. Я ему прикажу по прежнему для кораблей вывезть“. Вывезены были мелкія ружья. Въ 1696 году было у Архангельска 20 иностранныхъ кораблей, а въ слѣдующемъ году привезены были поташъ, смольчуга и табакъ для войска. Въ 1700 году число иностранныхъ кораблей возрасло до 64, въ 1702 до 149. Въ слѣдующемъ году, на счетъ государя, привезены были: сѣра горючая, свинець, сукно, которые тогда же, подъ присмотромъ цѣловальниковъ, и отвезены были въ Москву, въ 1705 привезены для конницы сѣдла и совершена огромная закупка хлѣба, назначеннаго въ Швецію, но пріостановленная по случаю военныхъ дѣйствій. Въ 1707 году привезено было опять сукно, а въ слѣдующемъ отправлены поташъ и смольчуга для продажи. Въ 1709 году привезена, на государевъ счетъ, мѣдь, а въ 1714—снова сукно. Но въ этомъ же году государь усмотрѣлъ злоупотребленія по казенной торговлѣ хлѣбомъ. Виновными оказались и сами купцы русскіе и иностранные, и архангельскій губернаторъ Курбатовъ съ комиссіонеромъ царскимъ Соловьевымъ. Главнымъ предводителемъ запрещенной торговли хлѣбомъ оказался иноземецъ Шмидтъ. Государь простилъ виновныхъ, но отозвалъ Соловьева изъ Голландіи, а дѣла свои поручилъ иноземцу Любсу. Волковскій, слѣдователь нечистаго дѣла, не ѣхалъ по требованію царя въ Москву; продолжая кончать слѣдствіе, и за то подвергнутъ былъ царскому гнѣву и казни: онъ былъ осужденъ и разстрѣлянъ по указу государя. Любсъ впослѣдствіи оказался также невѣрнымъ интересамъ Петра: онъ прибавлялъ расходы, убавлялъ приходы. Объ этомъ узналъ царь въ Голландіи; узналъ о гнѣвѣ царя и виновный, поспѣшившій тотчасъ же оставить Россію. Къ тому же приготовилась и жена, но Петръ приказалъ задержать ее, въ Архангельскѣ, и въ 1720 году привести ее въ Москву. У Любса оставалась единственная дочь: во имя ея Любсъ поспѣшилъ просить государя о прощеніи вины своей. Государь великодушно простилъ, но съ условіемъ, чтобы онъ выдалъ дочь въ замужество за сына придворнаго врача, Гофи, родомъ тоже голландца. Любсъ согласился, и вина ему была окончательно прощена и забыта.

Между тѣмъ, число приходившихъ кораблей, то уменьшалось въ числѣ своемъ, то увеличивалось: въ 1717 году было ихъ 146, въ 1718—116. Отпускъ смольчуги и поташа былъ прекращенъ отъ казны и сдѣланъ свободнымъ для всего купечества русскихъ городовъ. Значительному ослабленію привоза и отпуска естественно способствовала возрастающая торговля Петербурга.

О прежнихъ до-петровскихъ торгахъ бѣломорскихъ осталось мало преданій, но въ рукахъ нашихъ сохранилась грамота, достаточно свѣдѣтельствующая о состояніи торговли въ то время. Нелишняя она и въ настоящее время по своему характеру, близкому къ современному

положенію. Смыслъ ея можетъ наглядно указать и на то, по скольку торговля бѣломорская находится въ рукахъ русскихъ и по скольку въ рукахъ нѣмцевъ теперь, когда со времени этой бумаги проходитъ уже вторая сотня лѣтъ. Уважая въ грамотѣ этой ея историческую важность и примѣнимость къ современности, приводимъ ее цѣликомъ въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась. Вотъ эта челобитная царю и государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу отъ союзца Прокофья Онеимова Городчикова и всѣхъ посадскихъ людей Архангельскаго города: „Жалоба, государь, намъ на торговыхъ иноземцевъ голанскіе и амбурскіе и бременскіе земель: живутъ они иноземцы у Архангельскаго города съ нами, сироты твоими посадскими людишками, въ рядъ, и поставились они иноземцы своими выставочными дворами на наши на тяглыя мѣста, а на твои великаго государя гостинные торговые дворы, которые у Архангельскаго города они иноземцы дворами своими не ставились и тѣмъ своими выставочными дворами они иноземцы тѣхъ земель нашу искони вѣчную мірскую дорогу заперли, и скотишку нашему на мірскую искони вѣчную дорогу отъ ихъ дворовъ учинился запоръ, и проходу скотишку нашему нѣтъ, и намъ сиротамъ твоимъ для дороги проходу нѣтъ, и прохожей мостъ они разломали и разбросали, а числомъ у нихъ иноземцевъ выставочныхъ дворовъ на нашихъ тяглыхъ мѣстахъ у Архангельскаго города восемнадцать. А дворы, государь, они иноземцы поставили съ амбарами и съ погребами и съ выносными поварнями, мѣрою подъ дворомъ по сороку сажень и больше. Да съ нами-жъ, государь, сироты твоими поставились въ рядъ иноземецъ Яковъ Романовъ Снипъ, возлѣ наши мясныя лавки двумя амбарами, да иноземецъ Вохрамей Ивановъ поставилъ за мясными нашими лавками поварню въ рѣчную сторону для ради топленья говяжьѣ сала и кожнаго сушенья, и тѣмъ они иноземцы Яковъ да Вохрамей наши мясныя лавки заперли, а отъ Вохромеевы поварни намъ, сиротамъ, со скотишкомъ къ мяснымъ лавкамъ и проѣзду и проходу не стало, и тѣмъ запоръ учинили. И тѣхъ, государь, земель иноземцы выставочные свои дворы и анбары и погребы и поварни отдаютъ въ кортомъ своей братьи торговымъ иноземцамъ и тѣмъ они иноземцы корыстуютца. А мы, государь, сироты твои бѣдные людишки отъ тѣхъ выставочныхъ дворовъ и анбаровъ и погребовъ и поваренъ въ конецъ погибли, обнищали и одолжали великими долги, что они иноземцы завладѣли нашими тяглыми мѣсты. А твоихъ, великаго государя, податей съ нами сироты твоими съ тѣхъ нашихъ тяглыхъ мѣстъ врядъ не платятъ, да они же иноземцы разтѣзжаютъ по волостямъ и покупаютъ у волостныхъ крестьянъ скотъ и рыбу и всякой харчъ, и тѣмъ они иноземцы покупкою своею насъ, сиротъ твоихъ, изгоняютъ, а твою, великаго государя, тѣми отѣзжими торги съ волостными крестьянами они иноземцы пошлину обво-

даютъ и пошлыны не платятъ, а у насъ, сиротъ твоихъ, не покупаютъ. А у насъ, юсударь, сиротъ твоихъ, никакихъ большихъ торговъ нѣтъ, oprичъ мяса и рыбы и всякаго харчу, и отъ того мы, сироты твои, отъ нихъ иноземцевъ въ конецъ погибли“ и проч.

Доказательства упадка Архангельска и его окрестныхъ мѣстностей окажутся на-лицо даже если мы возьмемъ для примѣра занятія горожанокъ и работы окрестныхъ крестьянокъ. Гдѣ теперь тѣ промыслы, которыми эти женщины славились въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія? Горожанки ткали золотые и серебряные позументы, вязали шелковые женскіе пояса, шерстяные, нитяные и бумажные чулки и колпаки, ткали тонкія полотна и продавали на еженедѣльныхъ базарахъ. Если искать всего этого теперь—не найти; если пуститься въ распросы—неизбѣжать насмѣшекъ надъ простодушіемъ. Прежде весь край вокругъ города Архангельска до Холмогоръ, восточный, южный и большая часть западнаго берега Бѣлаго моря: многочисленные раскольничьи скиты, заселенные острова и деревни наполнены были пряжами. Онѣ перепрядали мягкій шенкурскій ленъ весьма тонко, ровно, гладко и крѣпко, хотя и чрезвычайно медленно по причинѣ простыхъ одноручныхъ пряслицъ. Зимой изъ этой пряжи онѣ ткали полотна: парусину, равентухъ, меховину, верховья, пачесья, салфеточное, скатертное и самое тонкое плотное и широкое полотно, не уступающее голландскому. Последнее обстоятельство вынудило патріота—наблюдателя тѣхъ временъ высказать слѣдующія интересныя соображенія, обращая вниманіе правительства. Мѣсто для бѣленья полотенъ—способное есть городъ Архангельскъ, ибо оно совершенно сходствуетъ съ Голландіею: тамъ приморскій воздухъ, тотъ же и здѣсь; тамъ прѣсная вода перемѣшана съ морскою, та же и здѣсь; тамъ приливъ и отливъ водный, тоже и здѣсь; тамъ портъ многочисленныхъ кораблей, то же здѣсь; тамъ бѣлать во время стужи, а здѣсь хотя и горячій и Италіи не уступающій климатъ, „но довольно для бѣленья прохладенъ“, и проч. Быстрое и основательное обогащеніе одной торговой фирмы и извѣстное всюду теперь грибановское полотно достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что предположенія П. И. Челищева не были пустою мечтою и что онъ былъ человекомъ свѣтлаго ума, дѣльнаго образованія и благороднаго, независимаго образа мыслей.

Между тѣмъ, шли для меня дни за днями. Дни накопились въ недѣли; мелькнуло этихъ недѣль шесть—прошелъ постъ. Наступила Пасха. Замелькалъ мимо моихъ оконъ архангельскій людъ съ праздничными визитами; звонили цѣлую недѣлю колокола двѣнадцати архангельскихъ церквей; проснулось городское общество послѣ долгаго великопостнаго застоя и задало себѣ два бала въ обоихъ клубахъ:

благородномъ и нѣмецкомъ. Балы эти, изъ которыхъ одинъ почему-то назывался семейнымъ вечеромъ, не имѣли ничего типическаго, кромѣ этой безхарактерной толкотни подъ звуки довольно сноснаго оркестра. Я все еще продолжалъ возиться со своими книгами, съ губернскими вѣдомостями, все еще велъ приготовительное книжное знакомство съ губерніей, путешествіе по которой ограничено было годичнымъ срокомъ. Мало-по-малу, хотя и медленно, изподтишка начало подбираться и весеннее время, подмывая огромные сугробы снѣга, закидавшего улицы на значительную высоту. Въ городѣ ждали актеровъ, ждали севастопольцевъ, которые должны были явиться предвозвѣстниками весны, и здѣсь столько же живительной, какъ и повсюду на всемъ земномъ шарѣ. Я успѣлъ уже свыкнуться съ треской, привыкъ къ пирогамъ съ палтусиной, попробовалъ шанежекъ. Со многими изъ туземцевъ познакомился, много ихъ успѣлъ полюбить и искренно, и сильно. Цѣлые вечера проводились въ живыхъ пріятельскихъ бесѣдахъ. Было весело подчасъ, но не покойно отъ той тяготы, которую налагала неизбежная и неотразимая обязанность дальняго странствія по побережьямъ Бѣлаго моря.

Тѣмъ временемъ нельзя не остановиться здѣсь для немаловажныхъ сообщеній. *Шанежка*—архангельское лакомство, родъ булки, съ рыхлой внутренностью, съ исподкой, поджареной на маслѣ и облитая сверху сметаной. По преемству отъ первоначальныхъ насельниковъ Сибири изъ этихъ сѣверныхъ мѣстностей, таньга распространилась и въ этой странѣ, сдѣлавшись лакомымъ и любимымъ кускомъ. Ее знаютъ и ею попотчуютъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лапти переселенца намѣчали начальныя черныя тропы, по которымъ шла потомъ русская вѣра и укоренился православный обычай. Вкусная шанежка составляетъ исключительную привилегію архангельскихъ жителей, получившихъ за то отъ всѣхъ сосѣдей прозваніе *шанежниковъ*. Рассказываютъ, по-поводу шанежекъ, историческій анекдотъ о Петрѣ. Въ то время, когда уже основанъ былъ Петербургъ и къ тамошнему порту начали ходить иностранные корабли, великій государь, встрѣтивъ разъ одного голландскаго матроса, спросилъ его:

— Не правда-ли, сюда лучше приходить вамъ, чѣмъ въ Архангельскъ?

— Нѣтъ, ваше величество!—отвѣчалъ матросъ.

— Какъ-такъ, чѣмъ хуже?

— Да въ Архангельскѣ про насъ всегда были готовы олады.

— Если такъ, отвѣчалъ Петръ:—приходите завтра во дворецъ: попотчую!

Царь исполнилъ слово, угостивши и одаривши голландскихъ матросовъ.

Рассказываютъ и мѣстный бытовой анекдотъ. Напекла любящая жена строгому мужу этихъ самыхъ шанежекъ, и стала поджидать воз-

вращенія его съ работы. Пришла къ ней въ то время неожиданная гостя—кума: надо ее, конечно, угощать, а кромѣ яшныхъ оладышекъ ничего въ домѣ нѣтъ.—Садись кума, и ѣшь. Ъла кума съ охоткой, булочки пришлись по вкусу. Съѣла она цѣлыхъ восемь, послѣднюю девятую „стыдливую“ оставила. Глядѣла—глядѣла хозяйка кумѣ своей въ ротъ, махнула въ отчаяніи обѣими руками и вскрикнула:

— Доѣдай, кума, девятую-ту шанежку: мнѣ *однако* отъ мужа битой быть“.

Слова эти ушли въ присловье, которымъ подсмѣиваются надъ архангельскими горожанами, а слово „однако“ тутъ очень кстати какъ любимое, которымъ часто пользуются и часто злоупотребляютъ, вставляя не кстати. По одному этому слову можно признать архангельскаго челоѣка, котораго въ сердцахъ такъ и бранятъ всѣ прозвищемъ „шаньга кисла“. Они же и кровельщики, нѣкогда уходившіе въ промыслы даже до самаго Питера. Одинъ такъ-то заработался или загулялся—долго не возвращался домой. Жена соскучилась ждать, и поѣхала повидаться. Дошла до Зимняго Дворца, увидала на крышѣ статую, одну изъ нихъ приняла за мужа и закричала на всю дворцовую площадь:

— Иванычъ,—слѣзь съ кровли! Я къ тебѣ пріѣхала.

Слова эти разнеслись не только по архангельскимъ окрестностямъ, но и по всей Руси, какъ насмѣшка надъ самымъ сѣвернымъ простодушнымъ людомъ.

Пришла и весна—мать красна. Унесла Двина ледъ въ море, очистились улицы и отъ воды вначалѣ, и отъ грязи потомъ. Быстро зеленѣла трава: въ сутки съ небольшимъ раскинулась она веселымъ зеленымъ ковромъ; скоро завязались и лопнули на деревьяхъ почки. Пріѣхали на судахъ севастопольцы. Я былъ увлеченъ въ общественную жизнь, (которая забила сильнымъ веселымъ ключемъ), и на время схваченъ былъ ея водоворотомъ. Тянулись праздники за праздниками. Севастопольцамъ всѣ были рады.

Наконецъ и это все миновало, и жизнь общественная опять заключилась въ свою обычную среду, потянулась своей обыденной колеей. Многіе изъ достаточныхъ жителей выбрались на дачи за городъ въ сосѣднія деревни: на Кегъ-Островъ, въ Красное-Село, въ Сюзьму. Севастопольцы принялись за работы въ портѣ. Становилось душно. Закипѣла дѣятельность коммерческая въ соломбальской гавани. Архангельскъ, какъ-бы сосредоточившись весь тамъ, начиналъ стихать и смолкнуть совсѣмъ, когда я отправился въ дальній путь по бѣломорскимъ побережьямъ. Многое я имѣлъ случай видѣть тамъ и слышать. Обо всемъ этомъ я постепенно говорилъ прежде въ надлежащихъ мѣстахъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ я вернулся обратно въ Архангельскъ и не узналъ его. По городу рѣже разъѣзжали каптэны, значительно опу-

стѣла гавань и какъ будто въ замѣну ея начиналась не менѣ шумная дѣятельность въ самомъ городѣ, для котораго наступило время Воздвиженской ярмарки. Вся она сосредоточилась около городской пристани, которой, между городскими рядами, предшествуетъ довольно большая площадь. Площадь эта на то время служила рынкомъ. Вся Двина предъ нею вплотную почти установлена была бѣломорскими судами разныхъ величинъ и наименованій: видѣлись огромныя и безобразныя лоды, неменѣ безобразныя, хотя и меньшаго калибра, раньшины; выдѣлялись каюки, барки, полубарки, шняки, паузки, шитики; видѣлись плоты разныхъ видовъ и наименованій; шныряли между ними легкіе карбасы и мелкія лодки. Шумъ и дѣятельность имѣли характеръ огромнаго, люднаго базара. Всѣ эти суда привезли поморскую рыбу съ дальнихъ бѣломорскихъ береговъ и Мурманскаго берега океана: треску, палтасину, семгу, сельдей, сига, и другую. Всѣ эти суда нагружены потомъ хлѣбомъ, солью, лѣсомъ. Архангельскій людъ, на половину своего количества, нашелъ здѣсь себѣ работу; даже бабы—по здѣшнему женки—заняты выгодной поденной работой. Часть ихъ занялась промывкою на плотяхъ крѣпко-просоленной трески; часть разсѣлась у наскоро-сплоченныхъ столиковъ и прилавковъ съ подходящимъ и идущимъ товаромъ: шерстяными чулками, перчатками, сапогами, ситцемъ, носильнымъ платьемъ въ видѣ готовыхъ красныхъ рубахъ, овчинныхъ полушубковъ. Между товарами этими рѣже другихъ бросается въ глаза значительное количество самодѣльныхъ, грубой работы компасовъ, имѣющихъ на языкѣ поморовъ названіе матокъ. Попадаются книги, картины московскаго издѣлія героическаго и юмористическаго смысла,—и бьетъ въ глаза пропасть деревянной посуды.

Народности спутались, разшумѣлись, занятыя сосредоточенно собственными интересами; но нѣсколько привычному взгляду можно отличить тутъ и рослаго богатыря помора-землянина, сумлянина, раздобрѣвшихъ на мурманской трескѣ и чистой, неутомляющей работѣ, и робкаго съ виду, менѣ разбитнаго и говорливаго жителя Терскаго берега. Подчасъ толкается тутъ на рынкѣ, и узкоглазый, коротенькій, коренастый лопарь, и бойкій, юркій матросикъ, острякъ гарнизонный солдатикъ, и идетъ съ развальцемъ шенкурскій мужичекъ * — ваганъ

* Жители Шенкурскаго уѣзда, называемые ваганами по рѣкѣ Вагѣ, протекающей по уѣзду, и верховниками, исключительно занимаются, какъ извѣстно, полевыми работами (хлѣбъ у нихъ родится хорошо) и работами лѣсными: сколачиваніемъ плотовъ, сидкою дегтя и пр. Промыслы ихъ не входили въ программу моихъ занятій и потому я тамъ быть не успѣлъ и по сроку, назначенному для путешествія. Въ Архангельскѣ являются шенкуры на судахъ, въ качествѣ рабочихъ и лоцмановъ, провозжающихъ къ порту вятскій хлѣбъ и другіе товары. За то, что они привычно ходятъ по городу и на базарѣ кучками, толпой, не надѣясь на свои единственныя силы

кособрюхий водохлебъ, съ кривой подпояской, съ огромной ковригой хлѣба за спиной и за однимъ плечемъ, съ вязкою луку за другимъ, съ деревянной ложкой на манеръ кокарды за ленточкой поярковой шляпы грешневиномъ. Между другими поморами можно отличить и мезенцевъ, прозванныхъ *сажондами* и *чернотропами* (за то, что у нихъ и избы обвѣсались какъ бахрамою, сажей, и дороги и тропинки ихъ отъ этой сажы черныя, черна и обувь ихъ, всегда замаранная) — и собственно поморовъ изъ-подъ Кеми и Сумы, прозванныхъ въ свою очередь, *красными голенищами* за ту обувь, бахилы, которую они имѣютъ обыкновеніе шить изъ невыдѣланной тюленьей кожи. Рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ подвинскій житель съ виду угрюмый, но въ самомъ дѣлѣ ласковый, склонный къ сближеніямъ, острый на языкъ, но въ тоже время хитрый и пронырливый. Все это народъ съ издревле проторенной и прямоѣзжей большой дороги изъ Москвы въ чужія страны, — народъ тертый и искусный. Изъ деревни Заливья (Холмогор. уѣзд.) являются сюда купора, выдѣлывающіе бочки для идущаго за границу хлѣба. Изъ села Емецкаго искусные строители большихъ лодокъ, называемыхъ холмогорскими карбасами. Куростровцы — круглые земляки знаменитаго Ломоносова — издревле гончары. Еще до Петра по Двинѣ „не боги горшки обваривали, а все тѣ-жъ куростровцы“ (у одного-то изъ нихъ и разбилъ царь Петръ хрупкій товаръ, лазавшій по судамъ и сорвавшійся съ кладки). Могутъ указать въ этой рыночной толпѣ и „матигоровъ-чернотроповъ“ осмѣянныхъ за то, что занимаются кузнечествомъ и, конечно, пачкаются сажей и углемъ, но за то снабжаютъ, весь сѣверъ тѣми ружьями, съ которыми воюютъ на морѣ, и въ лѣсахъ (эти же матигоры — воры за бывалый случай, теперь полузабытый: „Богородицу украли, въ огородѣ закопали“). Въ этой же рыночной толпѣ выдѣлять бранью, укоромъ и накрикомъ „мудьюжанина“ — жителя селенія, лежащаго на одномъ изъ четырехъ устьевъ Двины, при самомъ заворотѣ зимняго берега, гдѣ поставленъ маякъ. Бесплодная земля и удаленіе отъ прочихъ жилыхъ мѣстъ, выучила, на большой голодкѣ, пускаться во вся тяжкая „изворачиваться и плутовать. Всякій недобрый человекъ обзывается „мудьюжаниномъ“: чего ужъ тутъ ждать хорошаго“. Обругаютъ Ховрогора „безпутнымъ“ — очень обиднымъ для этого придвинскаго жителя браннымъ словомъ, вынуждающимъ отвѣтную драку, и при этомъ расскажутъ бывалый случай. Когда-то они, переѣзжая черезъ Двину на карбасѣ, опрокинулись. Многіе утонули. Уцѣлѣвшіе стали отыскивать това-

и на личную находчивость и сметку, ихъ прозвали „араушками“ „араушкой“ (бродятъ артелью, аравой). Впрочемъ подъ этимъ прозвищемъ извѣстны въ Вологодской губерніи и тѣ зыряне, которые толпами или аравами бредутъ на Двину напиматься для сплавоу судовъ съ сыпью или хлѣбомъ въ Архангельскъ.

рищей. Закидывали сѣти, и вытащили 50 утоплениковъ, а переправлялось ихъ всего 40. При этомъ ховрогоры будто бы старались увѣрять свидѣтелей и клялись въ томъ, что они многихъ спутниковъ своихъ не досчитываются. Словомъ, сказать о придвинскихъ обитателяхъ ходитъ недобрая слава, именно по причинѣ житія ихъ на большой старинной дорогѣ. Въ особенности народныя присловья не хвалятъ тамошнихъ женщинъ, нѣкогда про все Подвинье сложена была цѣлая обличительная пѣсня. Въ цѣльномъ видѣ она не сохранилась, и отъ нея остались лишь осколки, которые и пошли въ оборотъ въ видѣ присловія. Пѣсня велась отъ самой Вологды, и зацѣпила, конечно, холмогорскій уѣздъ. Въ немъ, сверхъ прочихъ болѣе шаловливыхъ: „по дѣвчаникамъ ходить да кумачники кроить—бутырчанки“ (изъ деревни Бутырокъ), т. е. не столько обряжать домъ и хозяйство, сколько заботиться о нарядахъ. „Сойтиться да побасить, по головушкѣ погладить—дѣвки сорочински“. „Изъ окна рожу продать, табакомъ торговать—херполянченки (изъ деревни Херполе). У дѣвицъ горчанокъ (дер. Горская) высокіе поклоны—низкіе поклоны“, и т. д. На томъ же архангельскомъ рынкѣ не рѣдкость встрѣтить привезшаго кладъ Товрянина (изъ деревни Товры). Большая часть подвинья уходитъ наживать копѣйку на дальнихъ заработкахъ,—товряне же уперлись на своемъ и уходомъ на чужую сторону не соблазняются. Это породило у сосѣдей насмѣшки надъ ними: говорятъ „товряне дома углы подпираютъ, кнутомъ деньги наживаютъ“ т. е. любятъ домашнее хозяйство и, въ подспорье къ нему, занимается извозомъ. Надъ ними, можетъ быть, и не насмѣхались бы, когда бы они были отъ досужества своего сыты. Впрочемъ, и надъ собой эти насмѣшники подтруниваютъ тѣмъ, что на чужую сторону ходятъ: „не деньги наживать, а лишь время провожать“. Такъ поютъ они и въ одной изъ своихъ юмористическихъ пѣсенъ.

Прислушавшись къ говору, трудно отличить поселенцевъ одной мѣстности отъ другой, тѣмъ болѣе, что говоръ имѣетъ по всему сѣверному краю поразительное сродство и сходство, какъ коренной, безпримѣсный новгородскій говоръ, перенесенный черезъ Уральскія горы и распространившійся по всей Сибири.

Веденская ярмарка пустила по городу тотъ непріятный одуряющій запахъ, который отдаетъ треска, но у бѣднаго обитателя Кузнецовской и Архіерейской слободокъ за обѣдомъ—любимое, вкусное и лакомое блюдо. Блюдо это, при иной обстановкѣ, приправленное цѣльнымъ, нефабрикованнымъ виномъ (которое, по словамъ знатоковъ, въ рѣдкость и для Петербурга)—блюдо тресковое не пропадаетъ и на столѣ богачей архангельскихъ.

Снова обращаешься, по поводу ярмарки, къ распросамъ у старожиловъ и слышишь отъ нихъ, что:

— Веденская ярмарка — кроха и большая, а соломбальская гавань, противъ ея, каравай большой. Беретъ тутъ деньгу богатый поморъ; кроха малая перепадетъ и на долю его работника. Вся сила въ большомъ капиталѣ: къ нему скоро приростаетъ другой; а малый капиталъ такъ весь и разсыпается въ брызгахъ. Помору-работнику надо купить подарокъ женѣ и ребятенкамъ, да и себя побаловать. А богачу покупать нечего: у него и такъ всего вдоволь. Чаю, сахару и посуды онъ и въ Норвегѣ купить и цѣной подешевле гораздо.

— Приносить ли пользу Веденская ярмарка городскимъ торговцамъ?—спрашиваю я.

— Да развѣ это торговля? — отвѣчаютъ мнѣ. Торговля эта съ крохи на кроху мелкотой перебивается: бабѣ отъ продажи на дырявое платишко хватаетъ, да и съ голоду не мрутъ. А дѣтямъ, особенно дѣвкамъ, много не надо—тѣмъ и корабельщики надаютъ. Объ этихъ родители не кладутъ своей заботы.

— За чѣмъ-же онѣ трудятся, зачѣмъ торгуютъ, когда нѣтъ въ томъ прибыли?

— А ужъ это стихъ такой въ городскихъ нашихъ, струя такая ходитъ, ровно бы болѣзнь падучая. Какъ усидишь дома, какъ не разложишь лавочки, когда и сосѣдъ то же дѣлаетъ, и безъ гроша не гуляетъ, а кофей пьетъ, треску ѣстъ со сметаной и картофелемъ. У насъ въ городѣ-то всѣ торговцы и нѣтъ того человѣка, у котораго бы поднялась противъ этого дѣла совѣсть. Торговлей не брезгаютъ. Опять-же на рынкѣ разговоръ всякій идетъ, драки бываютъ, а это на дырявый бабій языкъ, и ладно!

— А каковъ мужской полъ изъ простаго люда?—спрашиваю я.

— Да мѣщане всѣ хорошіе работники и всѣ при дѣлѣ. Пьянствомъ и другимъ безчинствомъ попрекнуть нельзя. Да и здѣшняго горожанина рѣдко увидишь на улицѣ...

— На улицѣ все я вижу военный народъ: солдатъ и матросовъ...

— Вотъ этихъ похвалить хорошимъ нельзя. Да вотъ лучше расскажу я вамъ недавній и смѣшной случай. Пошла одна женка въ торговую баню помыться; принесла съ собой ребенка, да забыла мыла. Ребенка положила она въ корзинку съ бѣльемъ и пошла въ ближнюю лавочку за мыломъ. Купила мыла, вернулась назадъ. Хватъ корзинки: нѣтъ корзинки. Взломала руки свои бѣдная, взвыла недаровымъ матомъ, а бѣдѣ пособить надо. Не спитъ цѣлую ночь, — думаетъ въ полицію подать объявленіе. Въ тотъ же вечеръ въ соломбальскихъ казармахъ перекличка была. Вызываютъ солдатъ по именамъ. Въ казармѣ тихо: только и слышно, съ разныхъ сторонъ; „я“ да „я“; да вдругъ и раздался сторонній голосъ: закричалъ подъ одной койкой

ребенокъ. „Вора выдала рѣчь“,—и сталась баба съ ребенкомъ, матросъ съ леньками. Ребенокъ-отъ, стало быть, спалъ крѣпко во всю дорогу, а ночь была темная на ту пору, осенняя.

— Ну, да ужъ этого объяснять не надо: и безъ того понятно.

— Когда же къ намъ, на Мезень? А отъ насъ и на Печору пробраться вамъ будетъ любопытно! говорили мнѣ тамошніе поморы.

— А вотъ поправлюсь отъ дороги, да путь встанетъ замерзнуть тайболы!—отвѣчалъ я и, наконецъ, дождался-таки своего времени.

Грустно бываетъ разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, тяжело покидать многихъ людей, съ которыми успѣлъ и сойтись, и смолвиться! Предчувствуя тягости дальняго пути, не охотно садишься въ кибитку, съ трудомъ борешься съ наплывомъ грустныхъ впечатлѣній и волей-неволей подчиняешься неизбежному закону обстоятельствъ и гнету житейскихъ случайностей.

То же случилось и со мной въ концѣ октября 1856 года, когда я оставлялъ Архангельскъ во второй разъ. Въ февралѣ слѣдующаго года я былъ неподалеку отъ него, въ Холмогорахъ, въ какихъ-нибудь семидесяти верстахъ, въ девяти-часовомъ перегонѣ.

— Съѣздите въ Городъ?—спрашивали меня тамъ.

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ я вначалѣ.

— А не мѣшало бы съѣздить!—напоминали потомъ.

— Едва ли поѣду!—отвѣчалъ я на это потомъ, по долгомъ размышленіи. Не доставало для меня на тотъ разъ того дорогаго человека, котораго рано похитила могила, и боялся уже я Архангельска, и говорилъ уже, наконецъ, всѣмъ одно:

— Нѣтъ, не поѣду, ни за что не поѣду...

Въ концѣ февраля я уже оставлялъ Архангельскій край для Петербурга, и признаюсь, не жалѣлъ объ немъ.

3. Холмогоры съ окрестностями.

Исторія города. — Секретная слободка. — Преображенскій соборъ. — Голландская порода скота. — Костяника. — Посѣщеніе Петра Великаго. — Исторія заточенія брауншвейгскаго семейства. — Преданія о Ломоносовѣ и мѣсто его родины. — Лопатинъ. — Село Вавчуга. — Баженинъ и преданія о Петрѣ I. — Путь на Холмогоры. — Развалины крѣпости Орлеца. — Городокъ. — Упраздненные монастыри.

Три раза приводилось мнѣ быть въ этомъ городѣ. Безразлично и смутно мелькнулъ онъ въ первый проѣздъ мой, сумерками, изъ Петербурга въ Архангельскъ, когда я былъ истомленъ и слишкомъ тысячеверстнымъ путемъ, и пятидневною сосредоточенною скукой.

Во второй проѣздъ, когда уже порядочно примелькались въ глазахъ сотни поморскихъ селеній и три другихъ города, когда при-

вычка успѣла заковать воображеніе и всѣ помыслы въ одну тоскливую и безразличную среду, когда можно было положительно сказать себѣ, что хуже видѣннаго и до сихъ поръ извѣданнаго не будетъ—Холмогоры показались мнѣ и тогда бѣднѣйшимъ изъ самыхъ бѣдныхъ городковъ нашего обширнаго и разнообразнаго русскаго царства.

Обязавши себя пристальнѣе взглянуть и короче познакомиться съ городомъ, я, и послѣ того, пришелъ къ тому же заключенію, что надъ Холмогорами лежитъ роковая судьба безлюдья и бѣдности. Видно такова и его участь, какова участь многихъ другихъ древнихъ городовъ Россіи; видно и здѣсь придется сказать себѣ: „бѣда тому городку, подлѣ котораго выстроится и расселится богатый и торговый сосѣдъ, со свѣжими силами, новыми взглядами на вещи, съ современнымъ пониманіемъ дѣла. Обезлюдѣетъ и загниетъ древній городокъ и останется за нимъ старая честь, честное, неопозоренное, почтенное имя—и только“.

Такова точно и судьба Холмогоръ, по отношенію къ нимъ Архангельска.

Считаю первымъ долгомъ припомнить исторію Холмогоръ и объяснить настоящую плачевную судьбу города—судьбу незаслуженную, но неизбѣжную, по смыслу всѣхъ судебъ историческихъ.

Строенъ ли онъ аборигенами сѣвернаго края—бѣлоглазую чудью, или торговыми предприимчивыми новгородцами—за этимъ ходить далеко и безуспѣшно *. Положительно извѣстно, что мѣста, на которыхъ раскинулся городъ, издавна служилъ мѣстомъ торжищъ, сходокъ базаровъ для двинскихъ купцовъ. Три деревни: Курцево, Качковка и Падрокурья (именами этими называются и теперь части города Холмогоръ) служили именно этими мѣстами для торжищъ и не имѣли правительственнаго значенія: воеводы жили на Матигорахъ и Ухтѣ-островѣ. Имени Холмогоръ еще не встрѣчается и, вѣроятно, его не было, по крайней мѣрѣ, въ XI вѣкѣ. Въ этомъ вѣкѣ поселились въ трехъ деревняхъ заволоцкіе купцы, прибывшіе сюда изъ великаго и торговаго Новгорода. Удобство мѣста при широкой и глубокой рѣкѣ, прошедшей здѣсь многими рукавами, могло соблазнить купцовъ съ перваго взгляда и не зачѣмъ было, повидимому, искать изъ-за хорошаго лучшаго. Тутъ же такъ близка была рѣка Пинега со своимъ устьемъ,—Пинега, прошедшая черезъ мѣста, богатая лѣсною птицею и пушнымъ звѣремъ. Мезень посылала сюда свое сало, добытое изъ морскаго звѣря: Печора мѣха и кость. На все это заявлялъ сильное

* По свидѣтельству Крестинина—автора „Начертанія исторіи города Холмогоръ“ (СПб. 1790 г.), изд. Озерецковскаго—„въ 1738 г. ноября 26, въ большомъ архангелогородскомъ пожарѣ городская ратуша сгорѣла съ письменными древними дѣлами“.

требованіе Новгородъ, все это шло изъ Новгорода въ руки Ганзы, въ заморскія страны. Шла тѣда же унская и нѣнокская морская соль, скупаемая на Двинѣ вологжанами и устюжанами *.

Росла двинская торговля (преимущественно солью) **, разрастались вмѣстѣ съ нею и торговыя деревни. Къ нимъ пристроились даже три новыхъ селенія: слобода Глинки и приходы Никольскій и Ивановскій. Ширясь строеніями, всѣ шесть слободъ пришли, наконецъ, въ ближайшее сосѣдство, удержали до нѣкотораго времени самостоятельность съ именами посадовъ, но потомъ получили одно имя *Холмогоръ*. Къ этому имени присоединилось названіе города, и лѣтописи начали уже чаще вспоминать объ новомъ городѣ и приводить въ сказаніяхъ его настоящее имя. Много было толковъ о происхожденіи этого названія, производили его отъ финскаго слова *kolm* — три (деревни), но Крестининъ понималъ это проще. Онъ говоритъ: „Городъ лежитъ на острову. Къ западу отъ р. Оногры, въ разстояніи около двухъ верстъ, находится высокая гора и на ней старинная и главная деревня Матигоры. Къ югу за Курополкою, въ разстояніи около пяти верстъ, по западному рукаву Двины, стоитъ на высокой горѣ деревня Быстрокурья, противъ луговаго Паль-острова; высокая Ровдина (Родионова) гора и того же имени деревня, обтекаемая восточнымъ рукавомъ Двины, составляетъ также сосѣдственное мѣсто къ Холмогорамъ. Самый восточный берегъ Двины, гдѣ противъ Ровдиной горы находится знатная деревня Вавчуга, представляетъ не низкую гору. Толь прекрасные виды естества, безъ сомнѣнія, подали причину назвать описуемое здѣсь селеніе *Холмогорами*, реченіемъ, сложнымъ изъ *горъ* и *холмовъ*“.

Въ первый разъ новгородская первая лѣтопись упомянула о городѣ подъ 6909 (1401) годомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Того же лѣта, на міру, на крестномъ цѣлованіи, князя великаго Василія повелѣніемъ, Анфалъ Микитинъ да Герасимъ Рострига съ князя великаго ратію наѣхавъ войною за Волокъ и взявъ всю двинскую землю на цитъ, безъ вѣсти, въ самый петровъ день, христіанъ посѣкли и повѣшали, а животы ихъ и товаръ поималъ; а Ондreja Ивановича и посадниковъ двинскихъ Есипа Филиповича и Наума Ивановича изымаша. И Степанъ Ивановичъ, братъ его Михайло и Микита Головня, скопивъ около себѣ Важанъ и сугнавъ Анфала и Герасима, и бишася съ ними на *Холмогорахъ*, и отъяша у нихъ бояръ новгородскихъ Андрея, Есипа, Наума.“

* По грамотѣ 1550 года, одни холмогорцы имѣли право скупать соль на мѣстѣ

** Крестининъ говоритъ: „Не только холмогорцы, но и всѣ заволоцкіе монастыри солянымъ торгомъ обогащались и для того на Холмогорахъ содержали монастырскіе дома, кладовыя, амбары и приващиковъ-монаховъ“. Вольная соляная торговля продолжалась до начала XVIII вѣка.

Между-тѣмъ, городъ, усиливаясь многолюдствомъ, обстраивался домами и церквами, но не богатѣлъ капиталами даже и въ то время, когда поморы начали свозить сюда морскіе промыслы, состоящіе въ рыбахъ, трескѣ и палтасинѣ, и въ кожахъ морскаго звѣря. Поморы вымѣнивали это на хлѣбъ, привозимый изъ плодородныхъ странъ, съ рѣки Ваги и дальней Вятки. Но Холмогоры не богатѣли. „Сіе происходило—справедливо думаетъ Крестининъ,—отъ того, что главные капиталы торгующихъ купцовъ изъ Новгорода проистекали и туда же возвращались; частію же потому, что монахи большими соляными торгами монастырямъ знатную прибыль отъ сего товара раздѣляли неощутительнымъ образомъ съ холмогорскими купцами и своимъ перевѣсомъ приводили ихъ въ ослабленіе нечувствительно. Монахи отъ избытковъ мірскаго богатства украшали свои монастыри каменными зданіями и великолѣпіемъ, а холмогорцы не могли воздвигнуть ни единыя каменные церкви прежде 18 вѣка“.

Къ тому же, вскорѣ быстро и сильно развилась торговля при портѣ святаго Николая, гдѣ образовался у монастыря Архангельскаго цѣлый городъ, открытый въ 1585 г. воеводами Нащокинымъ и Волоховымъ. Стали туда приходить иностранные корабли. Холмогоры потеряли съ той поры всю свою матеріальную силу и нравственное значеніе и вели свою исторію въ бѣдныхъ, незначительныхъ и скудныхъ чертахъ. Вотъ всѣ историческія преданія Холмогоръ въ хронологическомъ порядкѣ и повременной постепенности.

Въ 1587 году прибылъ сюда первый двинскій воевода, князь В. А. Звенигородскій. Имъ расчислены и вновь положены *сохи*, съ которыхъ казна должна была собирать свои доходы. До того времени правили Двинскою землею намѣстники и тиуны, но какъ тѣ, такъ и другіе вели долгую систему несправедливостей, обидъ и притѣсненій всякаго рода, такъ-что при управленіи послѣдняго изъ намѣстниковъ, Семена Микулинскаго - Апулкова, обнаружилось, по свидѣтельству двинскаго лѣтописца, „что намѣстникъ *оброкъ* собиралъ на себя, а дань государю. *Оброкъ* этотъ (та же взятка) превосходилъ государственную подать. По писцовой книгѣ 1623 года видно, что всего денежнаго сбора было „тридцать девять рублей, двадцать пять алтынъ, полторы деньги. На Рождество Христова волостные старосты съ предписаннаго числа *сохъ* приносили намѣстнику полоть мяса, десять хлѣбовъ, коробью овса, возъ сѣна. На Великъ-день (Св. Пасхи)—полоть мяса, десять хлѣбовъ. На петровъ день—одного барана и десять хлѣбовъ. Тиунъ получалъ противъ намѣстника половиною меньше. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣли право брать вмѣсто припасовъ деньги. Намѣстниковъ, въ порядкѣ правительственныхъ распоряженій, замѣняли земскіе головы и двинскіе судьи, товарищи земскихъ головъ, избираемые изъ двинянъ голосами народа“. Они—говоритъ двинскій лѣтописецъ—

судили на Холмогорахъ въ верхней и въ нижней половинѣ до воеводскаго прїѣзду. При немъ начали на Холмогорахъ селиться англичане, строить собственные дома, какихъ не видывалъ городъ: строили амбары и учредили свою торговую контору. Тогда же Холмогоры изъ посада переименованы были въ городъ, имѣвшій уже три (деревянныхъ) церкви: Спасопреображенскую, Крестовоздвиженскую и святаго апостола Іакова—брата Господня.

При воеводахъ историческія событія записаны двинскимъ лѣтописцемъ въ такомъ порядкѣ:

Въ 7116 (1608) году, при воеводѣ И. В. Милюковѣ Гусѣ, двинскій народъ судилъ и осудилъ на смертную казнь, какъ врага отечества, дьяка Илью Иванова сына Елчанина. Дьякъ этотъ, при участіи самаго воеводы, былъ неумолимъ и крайне неумѣреннымъ въ своемъ лихоимствѣ. Особенно обнаружилось это лихоимство въ то время, когда онъ рѣшился всѣми мѣрами препятствовать двинянамъ отправлять на морскую службу *даточныхъ* (вольнонаемныхъ ратниковъ), которые должны были противостоять полякамъ и русскимъ измѣнникамъ. Воевода, во время народнаго суда, лишенъ былъ на три дни власти и содержался подъ крѣпкою стражею. Дьякъ же лихоимецъ, 10-го генваря, послѣ трехдневнаго заключенія въ тюрьму, былъ осужденъ и опущенъ, съ камнемъ на шеѣ, въ рѣку Двину.

Въ 7121 (1613) построенъ былъ деревянный острогъ за Глинками, въ нижней половинѣ, на самомъ берегу Двины. Острогъ тогда же населенъ былъ стрѣльцами и въ концѣ года имѣлъ уже случай счастливо противостоять нападенію поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, пришедшихъ сюда съ Ваги (см. далѣе „Сійскій монастырь“). Въ 1621 году острогъ этотъ, во время весенняго ледохода, сломало и потому вмѣсто него выстроенъ былъ, между Курцевскимъ и Глинскимъ посадами, новый острогъ. Оба посада эти въ 1636 году потерпѣли опустошеніе отъ большаго пожара, причемъ сгорѣла Владимірская церковь...

Въ 7163 (1655) переведены изъ города двинскіе стрѣльцы, раздѣленные на два приказа, въ Москву, а на мѣста ихъ присланы смоленскіе и дубровскіе гайдуки (460 человекъ). Въ слѣдующемъ году, на иждивеніе и трудами двинскихъ жителей, выстроенъ былъ на острожномъ мѣстѣ деревянный городъ вмѣсто палисадника съ двойною рубленою стѣною, пустота въ которой заполнена была землею. Въ 1674 году въ этомъ замкѣ построена была *первая* каменная палата для воеводскаго засѣданія съ дьякомъ во время суда и расправы.

Въ лѣто 7187 (1678), по указу государя царя Θεодора Алексѣевича и по благословенію верховныхъ пастырей, на Холмогорахъ, декабря 11-го дня былъ постъ всенародный отъ утра даже до вечера, соединенный съ церковною молитвою по великопостному уставу; тотъ же

постъ былъ и на другой день, но только отъ утра до отпуски литургіи. А постилися всѣ люди, не исключая младенцевъ „за озлобленіе и скорбь отъ нашествія турецкаго султана“. Въ маѣ слѣдующаго года привезены были сюда и виновники двухдневнаго поста плѣнные татары и турки въ количествѣ 240 человекъ. Черезъ два года они были увезены обратно, кромѣ тѣхъ, которые успѣли уже въ эти два года окреститься.

„Въ лѣто 7191 (1682), октября въ 18 день, прибылъ на Холмогоры и принятъ съ великой честью отъ всего народа первый архіерей новоучрежденныя епархіи холмогорскія и важескія, архіепископъ Аѳанасій. Онъ расположилъ епископію свою на городищѣ, которое отъ сего времени городкомъ прозвано“. Аѳанасій началъ свое правленіе тѣмъ, что выстроилъ каменные и новыя деревянныя церкви, и въ томъ числѣ застроилъ соборную, кафедральную во имя Спаса-Преображенія; огромностью и великолѣпіемъ — первую церковь по всей Двинѣ. Она была окончена въ 6 лѣтъ слишкомъ и освящена уже въ 1691 году. Въ 1683 г. августа 14 дня, архіерей освятилъ Успенскую церковь новаго женскаго монастыря, въ которомъ первую игуменьей поставлена мать Аѳанасія „благословеніемъ своего сына“—добавляетъ лѣтописецъ.

Въ 7197 (1688) произведенъ въ мірской избѣ уравнительный окладъ для платежа казенной подати съ тяглыхъ домовъ девятью присяжными. Обложены были нѣкоторые въ 2 алтынахъ, и затѣмъ отъ 6½ до 3 денегъ съ *пироюмъ*; сверхъ-того нашлось 922 человекъ бездворниковъ.

„Въ лѣто 7201 (1693), іюля въ 28 день, около полудня великій государь Петръ Алексѣевичъ прибылъ къ Холмогорамъ по ровдогорскому протоку на судахъ, вышелъ на берегъ изъ дощаника передъ стѣнами деревяннаго города, шествовалъ черезъ сію крѣпость къ соборной церкви въ каретѣ. Передъ церковію встрѣтилъ его величество холмогорскій архіерей съ духовенствомъ. Государь, по совершеніи въ церкви краткія молитвы, изволилъ обѣдать съ боярами, по прошенію архіерея въ домъ его епископскомъ. Царь обнощевалъ на судахъ, а на другой день послѣ обѣда у воеводы, шествовалъ по Двинѣ къ городу Архангельскому. Какъ прибытіе, такъ и отбытіе его величества препровождено было на Холмогорахъ колокольнымъ звономъ и стрѣльбою изъ 13 городовыхъ пушекъ (привезенныхъ сюда еще въ 1613 году изъ города Архангельскаго).

„Холмогорское гражданство въ почестъ царю государю, сверхъ хлѣба и соли, подвело двухъ великорослыхъ быковъ. Почестъ сія принята милостиво и быки отправлены въ Москву по царскому повелѣнію“.

Въ лѣто 7202 (1694), въ 17 день іюля, великій государь царь Петръ Алексѣевичъ миновалъ Холмогоры, шествуя къ городу Архан-

гельскому на судахъ по восточному рукаву Двины рѣки (изъ села Вавчуги отъ Бажениныхъ). Въ 1702 году Петръ Великій черезъ Холмогоры съ сыномъ своимъ, великимъ княземъ Алексѣемъ Петровичемъ, плыль на мелкихъ судахъ^а.

Таковы извѣстія о пребываніи Петра Великаго въ городѣ Холмогорахъ. Народное преданіе сохранило еще прозваніе *заугольниковъ*, которое будто-бы далъ великій государь холмогорцамъ, видя, что они на первый пріѣздъ его, прятались по домамъ, а потомъ, постепенно привыкая къ царскимъ очамъ, начали выходить, но при приближеніи царя снова прятались за углы, въ калитки и оттуда уже глядѣли на Петра.

— Боялись они того, чтобы царь не взыскалъ съ нихъ, не потребовалъ къ отвѣту, потому-что всѣ, вѣдь, наши предки были бѣглые новгородцы!

Такъ мнѣ объяснялъ это событіе старикъ-холмогорецъ, подтвердившій это преданіе, но крѣпко обидѣвшійся, однако, когда я его въ шутку называлъ заугольникомъ.

Въ 1698 году, на 10-е число октября, весь Глинскій посадъ города Холмогоръ опустошился большимъ пожаромъ, начавшимся отъ двора Соловецкаго монастыря. „Сей пожаръ (прибавляетъ Крестининъ въ своемъ „Начертаніи“ исторіи города) достоинъ памяти не столько по великой гибели имѣнія жителей Глинскаго посада, сколько потому, что сіе несчастное приключеніе было поводомъ къ уменьшенію гражданъ и къ упадку всего Холмогорскаго посада. До сего времени холмогорскіе купцы и ремесленники, во время ярмарки, проживали въ сосѣдственномъ городѣ Архангельскомъ лѣтнее время, а осенью возвращались въ дома съ желаемыми прибутками отъ торговли; но послѣ сего пожара многіе изъ холмогорскихъ гражданъ не захотѣли на мѣстѣ погорѣлыхъ своихъ домовъ строить новые дома, и начали поселяться въ городѣ Архангельскомъ“...

Промежутокъ времени между началомъ и половиною прошлаго XVIII столѣтія для Холмогоръ не замѣчателенъ ни однимъ изъ особенно важныхъ событій. Но въ 1744 году случилось событіе загадочное для туземцевъ, печальное по своимъ послѣдствіямъ и въ самой сущности.

Вотъ что рассказываютъ объ немъ:

Въ 1744 году, 26-го октября вечеромъ, когда архіерей Варсонофій въ своей крестовой церкви служилъ вечерню, является въ алтарѣ дворцовый офицеръ съ приказаніемъ, чтобы епископъ немедленно очистилъ свой домъ и выѣхалъ бы въ другой. Варсонофій противился, указывалъ на краткость срока, на невозможность найти удобное помѣщеніе въ бѣдномъ городкѣ; но приставъ, именемъ царскимъ, приказалъ архіерею молчать и немедленно же приступить къ исполненію

его требованія. Варсонофій перешелъ жить въ деревянный домъ за озеромъ, построенный имъ для лѣта. Старый, огромный домъ архіерейскій строенъ былъ архіепископомъ Аѳанасіемъ (на 6,500 рублей, шесть лѣтъ); служилъ съ 1691 года, вѣченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ, жилищемъ холмогорскихъ архіереевъ. Въ 1744 году взять онъ былъ въ казенное вѣдомство. Его огородили со всѣхъ сторонъ длиннымъ и высокимъ тыномъ съ заостренными наверху бревнами и плотно скрѣпленными между собою. Внутри обширнаго двора построена была вскорѣ казарма, подлѣ воротъ тогда же поставлена другая казарма.

Таинственность приготовленій и построекъ, совершенныхъ въ изумительно короткій срокъ, наводила ужасъ на всѣхъ холмогорцевъ, но ничего нельзя было вывѣдать. На распросы у приставниковъ получались: грубые совѣты молчать, впредь не спрашивать, часто сильныя угрозы и въ рѣдкихъ случаяхъ—одно гробовое, упорное молчаніе. День и ночь кругомъ зачурованнаго острова ходила стража, не подпуская къ мрачному зданію, на ружейный выстрѣлъ, ни одного человѣка. Никогда не отпирались ворота, ведущія изъ острога къ сторонѣ Преображенскаго собора; повременамъ только скрипѣли они, когда пріѣзжалъ въ Холмогоры архангельскій намѣстникъ, и опять замыкались эти ворота на неизвѣстный срокъ и время, когда черезъ полсутки уѣзжалъ намѣстникъ назадъ. Строго запрещено было холмогорцамъ толковать между собою объ этомъ зданіи на домахъ. Зорко слѣдила стража за всякимъ. Только украдкою успѣвали передавать другъ другу холмогорцы, что за высокимъ тыномъ заключенъ какой-то *секретный арестантъ*. Но и это слово брошено было на общее любопытство какъ-то случайно какимъ-то солдатомъ и то подъ пьяную руку, въ крайнюю минуту сердечной откровенности.

Усилившаяся въ городѣ дороговизна на съѣстные припасы возбуждала общее недовольство, которое сдерживалось всѣми про себя. Не сдержалъ это одинъ только холмогорецъ, который разъ рѣшился высказать главному приставу, генералу.

Генералъ велѣлъ смѣльчаку замолчать и пригрозилъ даже тѣмъ, „что можетъ-де быть и хуже и онъ можетъ сдѣлать такъ, что завтра же ему совѣсь не дадутъ ѣсть“...

Холмогорцы продолжали оставаться въ невѣдѣніи и только безнаказанно могли видѣть одно, что у старшаго генерала, и у всѣхъ его помощниковъ, офицеровъ, мундиръ былъ съ однимъ эполетомъ. Разъ какому-то счастливцу удалось обмануть бдительность сторожей и сквозь щель въ частоколѣ острога увидѣть высокаго, худощаваго старика, съ сѣдыми волосами, въ бархатномъ кафтанѣ съ свѣтлыми пуговицами, подлѣ него женщину, всю въ черномъ, и четырехъ малютокъ. Старшіе гуляли по рощѣ, примыкавшей къ дому, младшіе катались въ шлюпкѣ по пруду, которымъ заканчивалось огороженное тыномъ

мѣсто. Между тѣмъ могъ онъ различать двухъ мальчиковъ-маленькихъ и двухъ дѣвочекъ-подростковъ. Гораздо позднѣе какой-то солдатъ, и тоже подъ пьяную руку, проболтался, что маленькихъ не учатъ грамотѣ и никакому рукодѣлю, и что-де это такъ и велѣно. Разъ, и тоже случайно, узнали холмогорцы, что двухъ барышенъ привозили въ Матигоры на святкахъ, на крестьянскія посидѣлки. Одни полагали причиною такой льготы большой подкупъ, другіе положительно не вѣрили, и всѣ до одинаго, втеченіе цѣлыхъ *тридцати-семи лѣтъ*, не знали, кто были заключенные, за что они привезены сюда и подвергнуты такому строгому аресту?

Въ 1781 году вдругъ неожиданно отворены были ворота, сломанъ острогъ, уже замѣтно одряхлѣвшій отъ времени, и въ старомъ, опустѣломъ архіерейскомъ домѣ велѣно было помѣстить вновь учрежденную мореходную школу.

Тогда только холмогорцы узнали, что здѣсь была заключена бывшая правительница государства, принцесса Анна Леопольдовна, съ супругомъ своимъ принцемъ Антономъ-Ульрихомъ и дѣтьми; но все-таки боялись еще рассказывать и толковать между собою вслухъ.

Несчастные плѣнники привезены были сюда, какъ извѣстно, изъ Раненбурга. вмѣстѣ съ Анною Леопольдовою, кромѣ мужа, привезены были двѣ малолѣтнихъ дочери, принцессы. Здѣсь у заключенныхъ родились еще двое: въ 1745 году принцъ Петръ и въ 1746 принцъ Алексѣй. Здѣсь же въ 1746 году, отъ родовъ и тоски, умерла принцесса Анна и здѣсь же, наконецъ, скончался въ 1776 году и принцъ Антонъ-Ульрихъ.

Рассказываютъ, что, когда мореходная школа переведена была въ Архангельскъ и мѣсто это назначено было въ 1798 году для Успенскаго женскаго монастыря, находившагося до того времени въ трехъ верстахъ отъ города, и когда рыли фундаментъ для соборнаго храма, землекопы нашли гробъ, въ которомъ лежали чьи-то кости, заключенныя въ бархатный кафтанъ. Нѣкоторые приняли это за кости Антона-Ульриха, другіе предполагали въ нихъ кости его камердинера, или кого-либо изъ ближнихъ приставниковъ, потому что и эти не выпускались за стѣны таинственнаго зданія и, вѣроятно, погребались также внутри ихъ.

Въ 1781 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, брауншвейгское семейство—сироты Анны Леопольдовны были освобождены. Тайно, ночью, ихъ перевезли на приготовленную на Двинѣ яхту. Яхта привезла ихъ къ Новодвинской крѣпости (по другимъ, къ Архангельску, въ домъ Крылова — единственный существовавшій тогда каменный домъ). Въ новомъ мѣстѣ заточенія принцессы содержались также подъ строгимъ секретомъ и крѣпкимъ карауломъ, пока готовился фрегатъ „Полярная Звѣзда“. На этотъ фрегатъ ихъ и посадили,

также ночью, 30 іюня 1781 года. Свидѣтели этого событія разсказывали, что одна изъ принцессъ, словно помѣшанная, дико блуждала кругомъ глазами, а другая вырвалась изъ рукъ, билась грудью о землю и не хотѣла идти на фрегатъ. Когда всѣ усилія ея оказались тщетными, она схватила въ руки горсть земли и, горько и безутѣшно рыдая, безропотно уже подчинилась судьбѣ. Фрегатъ „Полярная Звѣзда“ отвезъ принцессъ въ Данію, въ Бергенъ, гдѣ, какъ говорятъ, старшая умерла отъ тоски; другая, младшая, пережила всѣхъ своихъ родныхъ и умерла въ глубокой старости въ концѣ сороковыхъ годовъ.

— За что же вы думаете сосланы они были сюда?—спрашивалъ я разсказывавшаго мнѣ объ этомъ событіи холмогорца.

— А они противъ царицы Анны Ивановны пошли. Разъ государыня-то пригласила его, Антона, войска осматривать. Антонъ и задумалъ умертвить государыню и для этого приготовилъ убійцъ, разставилъ ихъ подлѣ моста, черезъ который имъ надо было проѣзжать къ войскамъ. Мостъ былъ на тотъ случай надломленъ. Одинъ изъ заговорщиковъ извѣстилъ обо всемъ этомъ государыню. Та повелѣла разставить стражу по лѣсу, саженьяхъ въ пятидесяти отъ моста, и „какъ-де бѣлымъ махну, тогда вы и хватайте заговорщиковъ“. Такъ и сдѣлано. Заговорщики всѣ переиманы. Они же тутъ и на предводителя своего указали. Когда ихъ прислали къ намъ на Холмогоры—жили они у насъ бѣдно: всѣ свои дорогія вещи, всѣ свои брилліанты на свои нужды продали. Антонъ послалъ два письма въ Питеръ. Одно-де, слышь, не дошло, а въ другомъ онъ писалъ такое, что пушай-де я за свои грѣхи мучаюсь, по дѣламъ; за что дѣти-то, молъ, мои, не повинные младенцы, Богу негрѣшныя, страдаютъ? повели ихъ помиловать. Царица Елизавета взяла старшаго сына (Іоанна Антоновича!?) и указала ему быть при дворѣ и жить во дворцѣ, какъ словно бы царевичу. Онъ и жилъ, да разъ запылилъ что-то, ему Разумовскій князь и пригрозилъ пальцемъ. Вспыхнулъ. Сталъ сердиться, да и вымолвилъ, что я-де царемъ буду, а ты-де мнѣ грозить не смѣешь. Тотъ молвилъ государынѣ, что вотъ-де змѣю подлѣ себя отогрѣваете. Его и сослали въ Шлюшинъ городъ, а тамъ и убили...

— У насъ тутъ (говорили мнѣ другіе) старушка жила, Анна Ивановна (умерла въ прошломъ 1855 году); она была жена одного изъ приставниковъ. У ней было много вещей этихъ принцевъ (послѣ смерти за безцѣнокъ распродавали ея наслѣдники). Скатерти были, салфетки, ножи, вилки, ложки съ вензелями, булавка была съ орлами (въ соборъ завѣщала на образъ), оловянные тарелки были съ орлами же по краямъ.

— А вотъ тебѣ на память двѣ пуговицы, съ его, слышь, кафтана спороты!—говорилъ мнѣ въ заключеніе мой разсказчикъ-старикъ.

Пуговицы эти, сохранившіяся въ моихъ рукахъ, не представляютъ ничего особеннаго: онѣ мѣдныя, съ чеканенными рѣзными кру-

жечками; на нѣкоторыхъ изъ этихъ фигуръ сохранились, какъ будто, краски зеленая и синяя. Чекань очень красивъ и фигуры затѣйливы...

Фрегатъ „Полярная Звѣзда“, отвозившій холмогорскихъ плѣнниковъ, возвратился въ Архангельскъ. Всѣ участники въ этой экспедиціи, раздѣлявшіе плѣнъ брауншвейгскаго семейства, были щедро награждены царскими милостями. Матросы получили за городомъ земли для обработки подъ хлѣбъ, были освобождены отъ податей и составили, такимъ образомъ, небольшое, но особое сословіе *вольныхъ мореходцевъ*. Потомки ихъ въ небольшомъ уже числѣ населяютъ и теперь такъ-называемую *Секретную* (а иногда и *Морскую*) слободку, расположенную въ полуверстѣ за городомъ и въ верстѣ отъ Дѣвичьяго монастыря. Но слобода эта приходитъ годъ отъ году въ запустѣніе и разрушеніе, а Дѣвичій монастырь, стоящій на мѣстѣ заточенія, усиливается числомъ инокинь и средствами къ дальнѣйшему безбѣдному существованію. Въ немъ каменная церковь во имя Успенія, каменные кельи для игуменьи и монахинь; ограда вокругъ монастыря тоже каменная. Церкви Зачатія Св. Анны, вошедшей въ ограду, удалившую отъ свѣта семейство Анны Леопольдовны, теперь уже не существуетъ.

Бантышъ-Каменскій, во II томѣ своего „Словари достопамятныхъ людей русской земли“, въ біографіи Іосифа Ильицкаго, архимандрита полтавскаго монастыря, сообщаетъ слѣдующее: онъ отправленъ былъ императрицею Екатериною II, въ 1794 году, въ Ютландію къ содержащимся въ городѣ Горсензѣ, подъ датскимъ присмотромъ, несчастнымъ дѣтямъ правительницы Анны и Антона Ульриха, герцога брауншвейгъ-люнебургскаго. Онъ засталъ въ живыхъ только принца Петра и принцессу Екатерину, родившуюся 15 іюля 1741 года (принцъ Іоаннъ) и принцесса Елизавета, умная, переписывавшаяся неоднократно съ императрицею, скончалась въ Горсензѣ до прибытія Іосифа (1765 и 1782 годахъ). „Принцъ Петръ, по словамъ архимандрита Іосифа, былъ крѣпкаго и здороваго сложенія, небольшого роста, имѣлъ важный видъ, который соединялъ, однакожъ, съ чрезвычайною робостію и до такой степени простиралъ оную, что прятался каждый разъ, когда узнавалъ о пріѣздѣ къ нимъ датскаго наслѣднаго принца; великаго труда стоило уговаривать его являться къ Фридриху *; принцесса Екатерина лишилась слуха въ тотъ самый день, какъ братъ ея Іоаннъ лишился престола; ее тогда уронили. Главное, единственное увеселеніе ихъ состояло въ картахъ, и Іосифъ принужденъ былъ принимать участіе въ его невинной забавѣ. Серебряный рубль, съ изображеніемъ младенца-императора—рубль, которымъ чрезвычайно дорожила принцесса Екатерина, напоминалъ имъ о прошедшемъ величіи. Они говорили только

* Датская королева, какъ извѣстно, была ихъ родственница, и по ея-то ходатайству Екатерина II освободила ихъ изъ Холмогоръ.

по-русски, почему не могли сами объясняться съ принцемъ. Смотри на нихъ, Фридрихъ и супруга его изъясняли сожалѣніе; датскій придворный штатъ находился въ Горсензѣ безотлучно. Принцъ Петръ скончался на рукахъ Іосифа (1798 г.), какъ истинный христіанинъ, съ твердымъ упованіемъ на Всемогущаго, на 52 году отъ рожденія; принцесса Екатерина переселилась въ вѣчность въ 1807 году, по отъѣздѣ въ Россію архимандрита Іосифа. Четыре гробницы отраслей Іоанна, заключающіе бранные останки ихъ, стоятъ на виду въ горсензской лютеранской церкви“. Свѣдѣнія сіи, сообщенныя мнѣ Іосифомъ, чрезвычайно любопытны для отечественной исторіи. Тайна прошедшихъ лѣтъ не можетъ быть тайною въ наше время. Потерявъ всю свою важность, сливается она съ обыкновенными событіями и составляетъ, такъ сказать, звено оныхъ. Архимандритъ Іосифъ * подарилъ мнѣ рисунокъ, изображающій первоначальное мѣсто заключенія дѣтей правительницы Анны, въ Холмогорахъ—подарокъ драгоценный, какъ произведеніе руки принцессы Екатерины, неучившейся рисовать, но за всѣмъ тѣмъ искусно представившей свое уединенное убѣжище. Домъ, занимаемый ими, былъ довольно обширенъ, о двухъ этажахъ; кромѣ высокой ограды, церкви, пруда и нѣсколькихъ разсаженныхъ въ разныхъ мѣстахъ, деревьевъ, ни что не увеселило взора ихъ!“

Подлѣ самаго монастыря, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ него, стоитъ съ отдѣльною церковью 12-ти апостоловъ старинное и величавое своею древностію, напоминающее архитектуру московскаго Успенскаго собора, зданіе (холоднаго) Преображенскаго собора, въ настоящее время лишенное уже своей каеэды. Храмъ этотъ нѣкогда почитался лучшимъ во всей губерніи, но теперь онъ уже измѣнился во всей внутренности къ худшему: позолота мѣстами сошла, мѣстами почернѣла; живопись значительно стусевалась. Соборъ обдаетъ и поражаетъ съ перваго взгляда особенною мрачностію, въ смѣси съ величіемъ, особенно, если сосредоточить свой взглядъ на стѣнахъ южной и сѣверной стороны. Вдоль этихъ стѣнъ стоятъ гробницы, накрытыя черными бархатными пеленами, подъ которыми погребены въ склепахъ тѣла бывшихъ важескихъ и холмогорскихъ владыкъ. Тутъ, надъ каждой гробницей, висѣли портреты усопшихъ съ ихъ біографіями (за сыростію портреты эти сняты). Тутъ можно было видѣть и умный ликъ перваго архіепископа Афанасія—любимца Петра, ревностнаго противника раскола при самомъ его началѣ. Афанасій былъ безъ бороды, которую онъ имѣлъ право, по преданію, брить послѣ того случая, когда на московскомъ соборѣ наскочилъ на него Никита Пустосвятъ и въ ярости вырвалъ ему одну половину бороды

* Умеръ 20 сентября 1824 г. Онъ, по словамъ того же Бантышъ-Каменскаго, свободно объяснялся на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

такъ, что послѣдняя уже не могла расти на прежнемъ мѣстѣ, образовавши шрамъ. Тутъ же рядомъ съ Аванасіемъ погребенъ и преемникъ его каверды—Рафаилъ, затѣмъ Варнава и Германъ, Ааронъ, строгій по дѣламъ управленія, взыскательный Варсонофій, тотъ Варсонофій, который велѣлъ одному священнику, взявшему съ раскольника взятку пудъ трески, обрить полголовы и полбороды. Затѣмъ, здѣсь же, въ Преображенскомъ соборѣ, похоронены Іоасафъ, который первымъ изъ архіереевъ переѣхалъ жить въ Архангельскъ, и Аполлосъ.

Изъ другихъ церквей холмогорскихъ нѣтъ ни одной замѣчательной древностию: теплая соборная во имя святыхъ двенадцати апостоловъ построена въ 1761 году; тогда же выстроена и каменная глинская церковь о двухъ апартаментахъ. Другія церкви: Введенія во храмъ, нижнепосадская Рождества Христова и кладбищенская западнокурская во имя Покрова Пресвятыя Богородицы.

Изъ другихъ остатковъ древности памятны были жителямъ остатки крѣпостнаго вала со впадинами (вѣроятно амбразурами); но теперь ихъ замыли дожди и весенніе разливы Курополки. Нѣкогда валъ этотъ одѣтъ былъ деревяннымъ срубомъ, который послѣ сгорѣлъ, говорятъ, отъ молніи. Съ трудомъ, но еще можно (по лѣтамъ) наслѣдить остатки рва, окружавшаго крѣпость...

Г. Верещагинъ, авторъ „Очерковъ Архангельской губерніи“, находитъ, что дома Курцова и Глинокъ самыя старинныя, потому что въ одинъ этажъ. Но это слабое доказательство, и тѣмъ болѣе, что подъ домами у нихъ кладовыя. Онъ же самъ ниже удивляется огромному количеству чулановъ, амбаровъ, кладовыхъ, говоря: „комнатъ всего двѣ, много—три: остальное пространство огромнаго дома занято пустыми чуланами“, *пустыми* оттого — прибавляю я отъ себя—что торговля Холмогоръ пала, а множество чулановъ и кладовыхъ надобилось тогда, когда процвѣтали въ томъ краю заволоцкіе торги. Правда, что до сихъ еще поръ дома, по старому завѣту и обычаю, строятся странно и неудобно: „крылецъ нѣтъ и надобно много умѣнья, чтобы изъ входа, сдѣланнаго прямо въ стѣнѣ, добраться до лѣстницы и не попасть либо въ чуланъ, либо въ хлѣвъ. Хлѣвовъ и скотныхъ дворовъ въ Холмогорахъ оттого много, что, какъ извѣстно, главнымъ промысломъ здѣшнихъ жителей служить скотоводство и именно разведеніе коровъ голландской породы. Въ другомъ мѣстѣ г. Верещагинъ чрезвычайно справедливо замѣчаетъ, „что холмогорцы сущіе нелюдими, и потомъ прибавляетъ: „Всякій домъ всегда запертъ и надобно долго стучать большимъ желѣзнымъ кольцомъ, придѣланнымъ къ воротамъ, чтобъ войти въ него. Незнакомаго не тотчасъ впускаютъ: сперва разспросятъ его чрезъ маленькое окно кто онъ, откуда и зачѣмъ, и потомъ уже, если нужно, отворятъ ему двери“. Показаніе это бросается наблюдателю съ перваго взгляда и справедливость его

продолжаетъ преслѣдовать во все время пребыванія въ этомъ городѣ. Холмогорцы, въ этомъ отношеніи, истые *заюмники*.

Голландская порода рогатаго скота прислана была сюда еще Петромъ Первымъ, который въ слѣдующемъ же по присылкѣ году (1693) получилъ въ подарокъ отъ города двухъ великорослыхъ быковъ. Въ 1819 году доставлено было сюда, по высочайшему повелѣнію, изъ Англіи, еще 16 коровъ и 6 быковъ. Они не привились къ туземнымъ породамъ: скотъ этотъ вскорѣ же исчезъ, какъ бы не выдержавши соперничества съ голландскимъ скотомъ, успѣвшимъ акклиматизироваться, въ особую породу, извѣстную подъ общимъ именемъ *холмогорской*. Порода эта отличается крупнымъ ростомъ и особенно славится своею молочностью: нѣкоторыя коровы даютъ отъ 2 до 3 ведеръ въ сутки. Холмогорскій скотъ обыкновенно отправляется въ продажу (въ Петербургъ до 500 головъ) живымъ; много мяса отправляется въ Англію; бѣльшая часть съѣдается корабельщиками въ архангельскомъ портѣ, такъ что въ самыхъ Холмогорахъ мясо и дорого сравнительно, и иногда его трудно достать, чѣмъ, напримѣръ, дичи или рыбы. Разведенію скота въ Холмогорахъ много способствуютъ сочные луга, окаймляющіе Холмогоры и сосѣднія деревни. Особенно скотъ рѣзко бросается въ глаза, сопоставленный съ другими поморскими породами. Приземистый, дряблый скотъ странъ поморскихъ, воспитанный, на приморской травѣ и соломѣ, подчасъ облитой особымъ пойломъ изъ сельдяныхъ головокъ, въ сравненіи съ массивнымъ холмогорскимъ, не больше, какъ телята. Говорятъ, однако, что остальной поморскій скотъ выгоднѣй и благодарнѣй холмогорскаго (особенно скотъ мезенскій) для откармливанья. Увѣряютъ также, что порода холмогорскаго скота съ десятками лѣтъ замѣтно измельчала, но что, наконецъ, и въ настоящее время отхаживаются въ иной годъ такія крупныя животныя, которыя дивятъ даже привычныхъ знатоковъ.

Вторая причина извѣстности во всей Россіи, доставшейся на долю Холмогоръ, имѣетъ своимъ основаніемъ промыселъ костяными подѣлками, которыя вытачиваются по всѣмъ сосѣднимъ съ городомъ селамъ и деревнямъ. Преимущественно же развитъ этотъ промыселъ на Матигорахъ (по всей волости), въ Ухтѣ-островской волости, но въ самыхъ Холмогорахъ онъ уже оставленъ, да и держался, какъ говорить, недолго. Основателемъ этого промысла, по преданію, почитается зять Ломоносова, Головинъ, научившійся этому мастерству въ Петербургѣ. Вернувшись на родину, онъ завѣщалъ это мастерство своимъ землякамъ, изъ которыхъ Лопатинъ остался въ преданіи, какъ лучшій знатокъ своего дѣла. Онъ имѣлъ случай поднести свои издѣлія въ 1818 г. императору Александру I. Въ настоящее время промыселъ костяными издѣліями значительно распространился. Нѣкоторые костяники переселились даже въ Архангельскъ. Требованія на костя-

ныя подѣлки идутъ часто съ заграничныхъ кораблей, куда изготовляются по большей части изъ говяжьихъ костей шкатулки съ арабесками на крышкѣ, и по стѣнкамъ, подобранными разноцвѣтной фольгой. Много подѣлокъ изъ тѣхъ же костей въ видѣ ножей, чайныхъ ложекъ, вилокъ идутъ по крайне-дешевымъ цѣнамъ внутрь Россіи. Предметы настольной, кабинетной роскоши: ножи для разрѣзанья печатныхъ листовъ, шахматы, фермуары, иконы, вырѣзаемые по кievскимъ и московскимъ святцамъ, дѣлаются большею частію по заказамъ и по значительно дорогой цѣнѣ. Цѣна эта замѣтно спадаетъ на предметы уже готовые (по бoльшей части наперстки, игольники, игрушки, изображающія всегда одну и ту же пару оленей, запряженныхъ въ самоѣдскія санки). Всѣ эти вещи (бoльшія доходятъ до 25 руб. сер.) на заказъ стоятъ въ высокой цѣнѣ; но принесенныя на домъ, особенно передъ большими праздниками и передъ ярмарками (когда костяникамъ преимущественно надобятся деньги) отдаются ими почти за безцѣнокъ. Причиною того надо полагать, во-первыхъ, трудность сбыта въ коммерческія руки, и отчасти топорную аляповатость самой работы. Некому доставить костяникамъ хорошіе, правильно-начерченные рисунки (работаютъ они бoльшею частію на память, на махъ, или по рисункамъ, ими же безобразно начерченнымъ); некому показать костяныя бездѣлки поразительно-изящной заграничной нюрнбергской работы, въ сравненіи съ которыми наши холмогорскія не выдерживаютъ никакой критики. Между тѣмъ нѣкоторые мастера, по лучшимъ заграничнымъ рисункамъ, умѣютъ дѣлать безукоризненные вещи (таковъ, напримѣръ, былъ Бобрецовъ на Матигорахъ), и, между тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ неграмотный, не умѣющій рисовать, и всѣ до одинаго прибѣгаютъ еще къ секретамъ (по одному, напримѣръ, приготавливаютъ цѣпочки изъ безконечно-мелкихъ колечекъ, продѣтыхъ одно въ другое). Кость въ сыромъ, невыдѣланномъ видѣ холмогорскіе костяники покупаютъ, обыкновенно, на двухъ пинежскихъ ярмаркахъ (Никольской и Благовѣщенской), куда моржевые клыки и мамонтовые рога привозятъ съ дальней Печоры ижемскіе зыряне и самоѣды Большеземельской и Канинской тундры.

Три раза въ годъ отправляются большіе гурты рогатаго скота въ Петербургъ; костяная работа занимаетъ не одну сотню рукъ; въ городѣ есть два кожевенныхъ завода; на улицахъ то и дѣло слышишь звонъ почтоваго колокольчика; мимо Холмогоръ прошли два большихъ главныхъ русскихъ тракта, а между тѣмъ, городъ такъ бѣденъ. Дома расшатались и погнили, узкія и кривыя улицы, вытянутыя какими-то углами на пространствѣ двухъ-трехъ верстъ, глядятъ печально и непривѣтливо; внутренность церковей потускнѣла отъ запустѣнія, какъ-будто, и отъ крайней скудости; мосты во многихъ мѣстахъ рухнули; съ нѣкоторыхъ домовъ сорвало крыши, сорвало, наконецъ, и стро-

пильный остовъ. Окрестныя деревни обстроены втрое лучше; сосѣднія сельскія церкви не только не уступаютъ, но даже въ нерѣдкихъ случаяхъ и превосходятъ убранство церквей.

— Отчего это?—спрашивалъ я у холмогорцевъ.

— Оттого, отвѣчали мнѣ:—что наши купцы всѣ въ Архангельскъ выѣхали и сколько ихъ нѣтъ тамъ изъ русскихъ богатыхъ—всѣ были наши холмогоры. Двое изъ здѣшнихъ ладятъ и въ будущемъ году отписаться туда же. Лови ихъ! А въ деревняхъ сосѣднихъ богачи попадаютъ оттого, что либо дочка нашего богатѣля туда отцовскія деньги увела, либо холмогоръ нашъ богатый съ хорошей женой своей пріютился. Бываетъ и эдакъ! Жить-то, вѣдь, по здѣшнему понятію, все едино въ деревнѣ ли, въ городѣ...

— А отчего у васъ такъ много кабаковъ? Такого поразительно большаго количества я встрѣчалъ мало, не только въ вашей губерніи, но даже и въ очень-многихъ другихъ. Кабаки эти чуть ли не на каждомъ перекресткѣ.

— Думаешь пьемъ много?

— Непремѣнно.

— Нѣту, ей-Богу, нѣту! Намъ пить не на што. А кабаковъ этихъ много оттого, что у насъ каждую недѣлю торги живутъ: вся окольность съѣзжается.

Базаръ этотъ я видѣлъ. Онъ такой же людной, такой же шумливый и разнообразный, какъ и вездѣ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ живетъ промысловый и толковый народъ. Холмогорскіе торговцы, подперши шестомъ крышки своихъ лавокъ, разложили красные товары: всякую мелочь въ родѣ платковъ, тесемокъ и лентъ; въ нихъ сильно нуждаются сосѣднія дѣвки и бабы. Сюда же навезено было много желѣза изъ матигорскихъ деревень, которыя всѣ почти и по преимуществу заняты кузнечнымъ мастерствомъ. Охотно разбиралась деревенскими и поморская рыба; между сортами ея особенно рѣзко давала знать о себѣ любимая треска, отшибающая, по обыкновенію, крѣпкимъ амміакальнымъ запахомъ. Много видно было посуды деревянной и желѣзной, много воровочной и кожаной сбруи и очень много сортовъ кожи всякаго рода, которая преимущественно разбирается по мелочамъ въ родѣ подошвъ, голенищъ, кнутовъ и проч.

Костяники въ этотъ день ходили по домамъ въ числѣ четырехъ—пяти человекъ. Между издѣліями ихъ попадались по большей части распятія и разнаго вида образа, выточенные изъ моржевой кости, менѣе бѣлой и плотной, и изъ мамонтовой отличающейся отъ всѣхъ прочихъ поразительною бѣлизною и млечностью цвѣта.

Въ полдень этого дня (четверга) по домамъ слышались многіе и долгіе разговоры о сосѣднихъ новостяхъ. Деревенскіе родные навѣстили холмогорскихъ хозяевъ и угощаются сдобными тетѣрками на

хорошемъ маслѣ, булками, какъ архангельскіе шанежки (родъ оладей), какъ приволяжскіе жаворонки, составляющими здѣсь мѣстную характеристическую особенность. Къ вечеру на улицѣ раздавались долги и громкія пѣсни, слышался гульливый крикъ и шумъ. Ночью, по временамъ, разносились усиленные крики, затѣвалась какъ-будто драка, можетъ быть, съ пролитіемъ крови, съ синяками по лицу и подъ микитками... Холмогорскій базаръ разнообразили только пестрыя самоѣдки съ саночками, гдѣ въ мѣховыхъ тряпицахъ завернуты были ихъ безобразные ребятишки. Кучи другихъ ребятъ въ рваныхъ малицахъ сопровождали матерей, вышедшихъ сюда на ѣдому.

— Весело же вы завершили вчерашній базаръ!—замѣтилъ я своему хозяину.

— А чѣмъ, батюшка, весело?

— Да у кабаковъ и шуму много было, и безъ дракъ не обошлось дѣло. Это хотъ бы и въ Рыбинскѣ...

— Вѣдь, это не наши, ей-Богу, не наши: это, вѣдь, чай самоѣды, а то, можетъ, и кузнецы съ Матигоръ. Тѣ, вѣдь, у насъ люты на выпивку-то, злы...

— Видѣлъ, что и вы по домамъ угощались сытно, много и весело.

— А не будь гостю запасливъ, будь ему радъ — по пословицѣ. Чайкомъ мы вѣчоръ побаловались, а вина мало же пили...

— Съѣстнаго, харчей много было наставлено.

— Да, вѣдь, у насъ родится хлѣбъ-отъ, и хорошо родится, лучше архангельскаго. Мимо насъ и пшено не обходитъ: и имъ запасаемся. Намъ, вѣдь, этотъ базарный четвергъ, что праздничный день, что воскресенье. А, вѣдь, по нашей по холмогорской пословицѣ: „деревенская родня, что зубная болѣсть“, — ее унять надо, уважить ее надо. У архангельскихъ вонъ и рубль плачетъ, а у насъ и копѣйка скачетъ, съ того самаго времени, какъ и городъ-отъ нашъ задвѣнной сталъ здѣсь...

— А скучно у васъ, тоскливо, бѣденъ вашъ городъ!

— У насъ и на это пословица слажена: „прожили вѣкъ за холщовой мѣхъ“. Что станешь дѣлать? Коли не милъ тѣломъ—не приробишься дѣломъ...

— А хорошо вы вчера торговали?

— Да, вѣдь, у насъ, какъ и у всѣхъ: запросишь по-московски, такъ съ большимъ барышомъ будешь; потому наши деревенскіе въ ситцахъ толку не знаютъ. На чаѣ такъ вонъ ты ихъ не надуешь. Спитаго-то да высушеннаго не подложишь имъ, сейчасъ визнаютъ: „вонъ-де твой-отъ чай плесень подернула—такова не надо, а давай-де настоящаго московскаго“.

— Стало-быть, вы нечестно торговлю ведете, оттого и не богатеете.

— Да, вѣдь, намъ съ тобою свѣта Божьяго не перестроить. Очень трудно! А лучше такъ: чьей рѣчкой плыть — той и славой слыть... Какъ коровушка не дуйся — не быть бычкомъ.

— Поѣду-ко я отъ васъ на Вавчугу. Тамъ, сказываютъ, лучше торговое-то дѣло стоитъ, честиѣ ведется.

— Поѣзжай съ Богомъ: посмотри! Старикъ тамъ больно добрый живетъ — угостить.

Мимо оконъ нашей избы пронесли сани съ двумя молодцами, перевязанными черезъ плечо полотенцами; на росписной дугъ три колокольчика, на молодцахъ новыя, синія суконныя сибирки.

— Свадьба! замѣтилъ хозяинъ.

— А часто онѣ у васъ налаживаются?

— Да дома больше народъ живетъ, на сторону мало ходятъ: часто свадьбы бываютъ.

— Какъ же у васъ этотъ обычай ведется?

— А опять-таки по пословицѣ: „выбирай корову по рогамъ — дѣвку по родамъ“. Берутъ больше ровню, потому всякій знаетъ, что наказанымъ умомъ да приданымъ животомъ немного наживешь. А женятся: богатому какъ хочется, а бѣдному какъ можется. Чай, вѣдь такъ и вездѣ. А деньги да животъ — такъ и баба живетъ. Затѣмъ живутъ какъ смогутъ, потому опять, что всякъ, вѣдь, домъ потолкомъ крыть...

— Нѣтъ ли у васъ при этомъ какихъ обыкновений?

— А объ этомъ надо тебѣ у женщинъ спрашивать. Это ужъ ихное дѣло.

Бабы не сообщаютъ ничего особеннаго противъ того, какъ ведется свадебное дѣло и въ Поморьѣ, и на Мезени, и на дальней Печорѣ, по старому, исконному, новгородскому обычаю.

— Нѣтъ ли другихъ какихъ-либо обыкновений, примѣтъ? спрашивалъ я у женщинъ.

— Да на счетъ коровушекъ...

— Сказывайте, сдѣлайте милость!

— А вотъ, если поднимется ледъ на рѣкѣ въ скоромный день — коровы въ этотъ годъ много молока давать стануть; скроется рѣка въ постный день — много будетъ рыбы, а молока мало. Такъ это навсегда! Когда новую коровушку купимъ да въ хлѣвъ приведемъ, за- всегда приговоръ такой держимъ: „хозяинушко! вотъ тебѣ скотинка — люби ее да жалуй, пой-корми, рукавичкой гладь, на меня не надѣйся!“ *

* Мнѣ разъ привелось слышать разговоръ двухъ хозяекъ. Вотъ онъ почти слово въ слово:

— У моей-то коровушки *межеумолокъ*. Запускъ-отъ я ей дѣлала двѣ недѣли назадъ, стало *новотель*-то погодить надо: пушай *молочничекъ*-то пососетъ подольше. У ней небольшой *межеумолокъ* — хорошая коровушка. Запускъ-отъ всего двѣ недѣли бываетъ до *тѣлева*. Придетъ *новотель*: канки сварю, сѣнца ей на блюдо положу, овсеца дамъ, хлѣбца: стану *молить* коровушку.

Вотъ давъ про свадьбы-то спрашивалъ — слушай: коли попадетъ на встрѣчу поѣзду возъ съ дровами — молодымъ счастья не будетъ. У кого въ церкви сгорить больше свѣчи, тотъ и помретъ скорѣе; опять же кто всей ногой на коврикъ встанетъ — одолять чирьи. Останутся послѣ вѣнца молодые вдвоемъ: и кто первый говорить начнетъ, тотъ и на всю жизнь большакомъ останется. Беременная баба не ругайся: дитя будетъ и злое и совсѣмъ нехорошее. Коли хочешь, чтобы дѣти велись, не умирали, въ кумовья зови перваго встрѣчнаго... Ну, а дальше-то, тамъ, чай, какъ и вездѣ...

— А что, на примѣръ?

— На мизинцѣ пятнышко бѣленькое завелось — счастье, на среднемъ — радость, на безымянномъ — несчастье, на указательномъ — печаль, на большомъ — обновка.

— Ну, а дальше?

— Иголкой и булавкой, или острымъ чѣмъ не дарись: поссо-ришься. Ножъ купи хоть за копѣйку. Въ срединѣ носъ чешется — о покойникѣ слышать, кончикъ чешется — водку пить.

— А развѣ вы пьете?

— Бываетъ! — добавилъ за рассказчицу хозяинъ: — бываетъ да только не при людяхъ, а въ уголкѣ гдѣ. Таковъ ужъ обычай. А вотъ тебѣ и моя примѣта: чешется лобъ у меня — съ кѣмъ-нибудь поздороваюсь; затылокъ зачесется, такъ либо прибьютъ, либо облаютъ крѣпко. Это вѣрно! А вотъ тебѣ и еще случай со мной: слушай-ко!

— Потерялъ я лошадь, искалъ всяко — не нашелъ. Да сдумалъ, продамъ-ко я ее въ шутку — найдется. Бывало, слыхивалъ, эдакъ-то съ другими не одинъ разъ, а десятокъ. И молвилъ сыну: „купи, молъ, Климко, сѣрка!“ — А чтó, слышь, возьмешь? — „Да съ тебя, молъ, не дорого: всего пятакъ“. И деньги ему велѣлъ найти и взять ихъ. На утро слышу, сказываютъ сосѣди: „конь-де твой, Селифонтьичъ, ходитъ за оленникомъ въ Оногрѣ“, (мѣсто у насъ есть такое). Такъ вотъ ты объ этомъ объ дѣлѣ какъ тутъ хошь, такъ и думай!

— А вотъ я хочу, хозяинъ, на родину Ломоносова проѣхать. Слыхалъ ли ты про него?

О смыслѣ словъ этихъ догадаться не трудно.

Въ другой разъ, проходя по задворью и видя доившую бабу и ея сосѣдку, пришедшую къ ней покормить, я слышать привѣтъ послѣдней:

— Море тебѣ подъ буренушку!

Вотъ, кстати, нѣсколько словъ изъ словаря холмогорскихъ коровницъ: недо-дойка — молодая телка, вступающая въ права и значеніе коровы; одрань — старая, изну-ренная, негодная скотина; вѣтель — ялова; черня — скотская чума; переходница — та телка, которая четыре года не телилась; отъемышъ — отнятый отъ матки теленокъ; его пу-скаютъ на отпой и впослѣдствіи замѣчаютъ, что мясо яловой коровы лучше, чѣмъ коровы стельной, и проч. и проч.

— Какъ не слышать, знаемъ. Да, вѣдь, давно ужъ это, очень давно было. Непамятно! Ты вотъ на Вавчугу-то поѣдешь — мимо будетъ, остановись —спровѣдай!

Послѣднія слова эти, неимѣющія смысла, пришли мнѣ на память и не выходили изъ головы во все время, пока мы осиливали переѣздомъ узкую, вытянутую въ цѣлую версту и кривую улицу города Холмогоръ. Звучали они, какъ бы сейчасъ вымолвленные, и тогда, какъ мы спустились съ крутаго берега въ ухабы рукава Двины—рѣки Курополки, и раскинулись позади насъ въ картинномъ безпорядкѣ по крутымъ горамъ и по предгоріямъ старинные Холмогоры. Переѣхали мы и Курополку и втянулись въ ивнякъ противоположнаго городу отлогаго берега рѣки этой.

— Вотъ и Куръ-островъ! послышалось замѣчаніе ямщика.

Замѣчаніе было излишне: я и безъ него уже давно зналъ, что это Куръ-островъ, что на острову, образованномъ тремя рукавами Двины (Курополкой, Ровдогоркой и Ухтъ-островкой) лежатъ двѣ казенныя волости: Куръ-островская и Ровдогорская.

— Вотъ и Куръ-островская волость, смотри!

Вижу впереди множество деревушекъ, разсыпанныхъ въ безпорядкѣ и не въ дальнемъ разстояніи одна отъ другой; вижу между ними церкви; но это уже другое село — Ровдогоры. Слышу снова запросъ ямщика:

— Въ которую же тебя деревушку везть велишь?

— Да въ Денисовку, въ Денисовку, и ни въ какую другую...

— Не знаю такой, да и нѣту такой — вѣдь, и давѣ такъ догладывалъ.

— Да быть, братецъ ты мой, этого не можетъ.

— А оттого и можетъ, что мы здѣсь родились и не токмя тебѣ деревни эти, и хозяевъ-то почитай въ кажиной избѣ знаемъ въ лицо и по имени. А деревни, какую сказываешь, не слышали...

— Можетъ быть, иначе зовется...

— Поспрошаемъ; можетъ и правда твоя. Эй, ты! — святой челобѣтъ! какая-такая есть у васъ тутъ деревня Денисовка?

— А можетъ, Болото: вонъ оно!—слышится отвѣтъ отъ прохожаго и снова разговоры ямщика:

— Болото, такъ Болото: въ Болото мы тебя и повеземъ, такъ бы ты и самъ сказывалъ. А то тутъ гдѣ ихъ разберешь? Вонъ, гляди, три двора, а либо и два только: гляди и деревня это, и деревнѣ этой свое званіе. А сколько этихъ деревень-то тутъ насыпано? Несосвѣтлая сила! всѣхъ не визнаешь...

Вотъ и Болото—деревушка въ пять дворовъ.

— Да это ли, старичокъ, Денисовка-то?

— А была допрежъ, была Денисовка, звали такъ-то, звали. Нонѣ, вишь, Болото стало.

— А въ которой избѣ, на которомъ мѣстѣ Ломоносовъ родился?

— Не знаю, родименькой, и не спрашивай: не знаю, про какого ты про такого Ломоносова спрашиваешь. Нечуть у насъ экихъ, нечуть. Можетъ, тебѣ костяника надо, такъ вонъ на Матигорахъ Бобрецовъ живетъ, Калашниковъ...

— Нѣтъ, этотъ ученый былъ, и давно умеръ, въ Питерѣ жилъ...

— Не слыжалъ. Убей ты меня—не слыжалъ!

— Звѣзды онъ все, дѣдушко, считалъ; на небѣ, какъ по книгѣ читалъ, все разумѣлъ, самый умный былъ человекъ, самый ученый. Здѣсь родился, отсюда въ Москву ушелъ...

— А ты спроси-ко на селѣ у дьячка: тотъ что-то, паря, сказывалъ экое-то. Вотъ я теперя припомнилъ, сказывалъ онъ что-то да я не помню въ плотную-то. У насъ ты тутъ въ деревнѣ ни у кого не узнаешь. И разговору такого не было. Поѣзжайте-тко! Вонъ село-то!

Поѣхали, пріѣхали и—слава Богу!—добились кое-какого толку. Домъ, въ которомъ родился геній математики, давно, давно рухнулъ и снесенъ. На его мѣстѣ выстроены были другой, но и тотъ также рухнулъ и также, въ свою очередь, былъ снесенъ. Теперь, можетъ быть, и стоитъ какой-нибудь домъ, а можетъ быть, залегъ какой-нибудь пустырекъ, безъ слѣда, безъ памяти, и никому до этого нѣтъ дѣла. Нѣтъ, можетъ быть, дѣла оттого, что далеко ѣздить сюда тѣмъ, для которыхъ дорого и перо, которымъ писалъ Ньютонъ, и чернильница, изъ которой бралъ чернила Лейбницъ, и пологъ кровати, за которымъ спалъ Волтеръ, и проч., и проч.—Одинъ только дьячокъ, да какой-то досужій сельскій старичокъ помнили объ Ломоносовѣ, интересовались его именемъ и дѣлами. Вотъ, что могли сообщить они мнѣ оба, общими силами, и вотъ, что можно было слышать объ нашемъ геніальномъ ученомъ, въ 1856 году, неподалеку отъ его родины, въ какихъ-нибудь двухъ верстахъ отъ того мѣста, гдѣ родился Василью Дорощеву его геніальный сынъ Михайло.

Василій Дорощевъ былъ раскольникъ и, можетъ быть, по обычаю своихъ единовѣрцевъ, считающихъ первую обязанностью имѣть сына, разумѣющаго церковную печать, отдалъ Михайла въ науку. Училъ его дьячекъ, жившій на селѣ, въ 2½ верстахъ отъ деревни. По свидѣтельству Степана Кочнева, доставившаго академику Озерцовскому краткую записку (9 іюля 1788 г.) о жизни Ломоносова, учителемъ грамоты былъ той же волости крестьянинъ Ивапъ Шубной (отецъ Федота Ивановича Шубина, извѣстнаго впоследствии академика). „И обучился—говорить далѣе Кочневъ—въ короткое время совершенно, охочъ былъ читать въ церкви псалмы и каноны и по здѣшнему обычаю, житія святыхъ, напечатанныя въ прологахъ, и въ томъ былъ проворенъ, а притомъ имѣлъ у себя природную глубокую память. Когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія раз-



сказывалъ сидящимъ въ трапезѣ старичкамъ сокращеніе, на словахъ обстоятельно“. Василій Дорощеевъ былъ мужикъ зажиточный, и въ то время, когда еще велся обычай въ Курь-островской волости обряжать дальніе покруты за треской и морскимъ звѣремъ на Мурманскій берегъ океана, онъ былъ однимъ изъ трехъ хозяевъ, рисковавшихъ этимъ дѣломъ. Теперь промыселъ этотъ оставленъ всѣми подвинскими жителями, и оставленъ давно во имя новаго дѣла—хлѣбопашества, которымъ занимаются и жители Курь-острова. Нестарый годами, крѣпкій силами и духомъ, Василій Дорощеевъ выѣзжалъ и самъ туда ежегодно, бралъ съ собою и старшаго, единственнаго сына, обязывая его приучаться къ дѣлу съ азбуки промысла, съ трудной и безотрадной должности зуйка. Зуюкъ артельный (обыкновенно мальчикъ-подростокъ) обязанъ оставаться на берегу: чистить посуду, носить воду, готовить кушанье, обивать сѣти, обирать рыбу и чистить ее, обязанъ, однимъ словомъ, почти цѣлыя сутки быть на ногахъ. Нерѣдко случается тамъ, что посланный зачѣмъ-нибудь зуюкъ долго не возвращается: его ищутъ и находятъ гдѣ-нибудь на половинѣ пути растянувшимся по землѣ: онъ крѣпко спитъ. Сонъ схватилъ его вдругъ, подкосилъ ноги и положилъ плашмя на землю на томъ мѣстѣ, гдѣ, что-называется, часъ приспѣлъ, и гдѣ уже нѣтъ никакой возможности разбудить его, до той поры, пока онъ не проснется самъ по себѣ и не придетъ въ себя и въ новыя силы, истощенныя нерѣдко двухъ и трехсуточнымъ бодрствованіемъ.

— Михайло Васильевичъ Дорощеевъ (разсказывали мнѣ)—на Мурманѣ собиралъ изъ мальчишекъ артели и ходилъ вмѣстѣ съ ними за морошкой: нагребетъ онъ этихъ ягодъ въ обѣ руки, да и опроситъ ребятишекъ: „сколько-де ягодъ въ каждой горсти?“ Никто ему отвѣта не сможетъ, а онъ дастъ и изъ ягодки въ ягодку, вѣрнымъ счетомъ. Всѣ дивились тому и другъ дружку разсказывали: онъ-то самъ въ этомъ и хитрости для себя никакой не полагалъ, да еще и на другихъ на ребятъ сердился, что-де они такъ не могутъ. Сталъ онъ проситься у отца въ Москву въ науку: знать, Мурманъ-отъ ему поперекъ стоялъ въ горлѣ. Не пустили. Онъ и сбѣжалъ, одинъ сбѣжалъ, такъ и въ ревизскихъ сказкахъ показанъ.

Далѣе Кочневъ продолжаетъ: „Какъ мать его умерла, то отецъ его женился на другой женѣ, которая была, можетъ-быть, причиною побудившею оставить отца своего и искать себѣ счастья въ другихъ мѣстахъ. Взялъ себѣ онъ паспортъ не явнымъ образомъ, посредствомъ управляющаго тогда въ Холмогорахъ земскія дѣла Ивана Васильевича Милюкова, съ которымъ, выпросивъ у сосѣда своего Оомы Шубнаго китаечное полукафтанье и заимообразно три рубля денегъ, не сказавъ своимъ домашнимъ, ушелъ въ путь и дошелъ до Антоніевасійскаго монастыря, былъ въ ономъ нѣкоторое время, отправлялъ

псаломническую должность, заложилъ тутъ взятое у Ёомы Шубнаго полукафтанье мужику емчанину, котораго послѣ выкупить не удалось, ушелъ потомъ въ Москву...

На дорогѣ онъ и фамилію себѣ новую придумалъ, назвался Ломоносовымъ—продолжалъ мой руководитель. Родныхъ онъ своихъ не зналъ и не вспоминалъ объ нихъ. Когда отецъ его утонулъ на рыбныхъ промыслахъ въ устьяхъ Двины и самъ онъ былъ уже въ Питерѣ въ большой чести и славѣ, выписалъ къ себѣ сестру съ мужемъ. Сестра отдана была на Матигоры за крестьянина. Сестру онъ свою въ Питерѣ сажалъ съ собой рядомъ, куда ни поѣдетъ: въ саняхъ ли, въ каретѣ ли, а зятя становилъ на запятки. Сестра его этимъ поскучала, да разъ и выговорила: „не прилика-де мнѣ съ тобой рядомъ сидѣть, когда мужъ мой на запяткахъ стоитъ“. Послушался; сталъ и зятя сажать съ собой рядомъ... Вотъ и все, что знаемъ.

— И только?

— Да зашибалъ, слышь крѣпко: тѣмъ-де и померъ. Чай, самъ знаешь, самъ слыхалъ. Ну, да опять же до январала дослужился, январаломъ былъ...

— Да, вѣдь, онъ не такимъ генераломъ былъ, какъ вы думаете. Онъ, вѣдь, звѣзды-то на груди не носилъ. Былъ онъ генералъ, да только съ другой стороны, и звѣзду носилъ, да не такую и не тамъ, гдѣ обыкновенные, простые генералы носятъ..

— Ну, да твоей милости это лучше знать. А мы что знали, то тебѣ и сказывали. Не погнавайся!

Академикъ Озерецковскій, совершавшій путешествіе въ сѣверныя страны съ Лепехинымъ, товарищемъ по службѣ и занятіямъ съ М. В. Ломоносовымъ, въ то время, когда еще живъ былъ послѣдній, успѣлъ, кромѣ краткой записки о жизни ученаго сотоварища, составленной Кочневымъ, найти первые стихи Ломоносова и указъ императора Павла. По извѣстію, сообщенному Озерецковскому старикомъ Гурьевымъ, замскимъ Куростровской волости, видно, что „за просрочку даннаго ему, Михаилу Васильеву, 1730 года пашпорта и неявившагося на срокъ, приказомъ тогдашняго ревизора Лермонтова показанъ онъ въ бѣгахъ, того ради изъ подушнаго оклада и выключенъ. А платежъ подушныхъ денегъ за душу Михайла Ломоносова производился, по смерти отца его, со второй 741, до второй же 747 года половины изъ мірской общей той Куро-островской волости отъ крестьянъ суммы“.

Далѣе въ описаніи путешествія Лепехина слѣдуютъ стихи Ломоносова въ московской академіи за учиненный имъ школьный проступокъ. Calculus dictus.

Услышали мухи
Медовые духи,

Прилетѣвши сѣли,
Въ радости запѣли.
Когда стали ясти,
Попали въ напасти:
Увязали бо ноги.
Ахъ!—плачутъ убоги—
Меду полизали,
А сами пропали.

Надпись учителя: Pulchre „Стихи на туясокъ“.

Въ заключеніе своихъ свѣдѣній о родѣ Ломоносова, Озерецковскій приводитъ копію съ указа императора Павла I. Вотъ она:

„Указъ нашему сенату“.

Въ уваженіе памяти и полезныхъ знаній знаменитаго санктпетербургской академіи наукъ профессора, статскаго совѣтника Ломоносова, всемилостивѣйше повелѣваемъ рожденнаго отъ сестры его Голвиной сына, Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда, Матигорской волости, крестьянина Петра, съ дѣтьми Васильемъ, Иваномъ и съ потомствомъ ихъ, исключая изъ подушнаго оклада, освободить отъ рекрутскаго набора. Августа 22, 1798. Въ Гатчинѣ“.

Земскій Гурьевъ, въ своемъ извѣстіи, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Побѣгъ Ломоносова означенъ въ ревизіонной сказкѣ по прошествіи срока, даннаго ему въ 1730 году пашпорта. А перепиской писца Аѳанасья Файвозина 1686 года книги нашей Куроостровской волости по тогдашнемъ Ломоносовомъ родѣ никакого знанія отыскать не могутъ.“

Не могъ отыскать „никакого знанія“ о Ломоносовѣ въ деревнѣ Болотѣ и позднѣйшій (1847 года) посѣтитель мѣста его родины, г. Верецагинъ, авторъ „Очерковъ Архангельской губерніи“. Онъ говоритъ, что еще недавно существовалъ родной домъ Ломоносова, но давно въ немъ никто не жилъ: время разрушило этотъ домъ и какой-то землякъ Ломоносова намѣревался выстроить себѣ на этомъ мѣстѣ домъ. Г. Верецагинъ прибавляетъ далѣе: „Родъ Ломоносова давно уже здѣсь прекратился и никто изъ здѣшнихъ жителей не носитъ этой фамиліи, какъ потомокъ знаменитаго предка. Есть, правда, въ этой же деревнѣ крестьянинъ Лопатинъ, считающій себя въ родствѣ съ фамиліею Ломоносова, но сосѣди Лопатина, Богъ-знаетъ почему, лукаво посмѣиваются, когда заговоришь съ ними о степени этого родства.“

— Вишь, прибавляютъ они, Лопатинъ продалъ какія-то бумаги ломоносовскія одному чиновнику (П. П. Свиньину), такъ, можетъ, потому и родня“.

Лопатинъ этотъ извѣстенъ былъ, какъ лучшій изъ туземныхъ костяниковъ, основатель этого рода промысла въ томъ краю. Онъ

имѣлъ случай поднести свои издѣлія императору Александру I, посѣтившему Холмогоры въ 1819 году.

12 сентября 1826 г. начальникъ главнаго штаба генераль Дибичъ, по повелѣнію императора Николая изъ Москвы, потребовалъ отъ губернатора Миницкаго свѣдѣнія о крестьянинѣ Иванѣ Федоровѣ Лопаткинѣ: точно ли онъ внукъ извѣстнаго сочинителя Ломоносова, каково его поведеніе, состояніе и чѣмъ онъ занимается? Миницкій послалъ подробный генеалогическій списокъ, и такъ атестовалъ Лопаткина: „поведенія хорошаго, къ землепашеству и скотоводству рачителенъ, а болѣе занимается изъ костей разнаго рода токарною работою и околочиваніемъ вещей, каковому искусству приобучаетъ желающихъ, и работниковъ для сего содержитъ“. Въ заключеніи Миницкій писалъ: „если Лопаткинъ удостоился всемилостивѣйшаго благоволенія Государя Императора, то лично изъяснялъ мнѣ, что онъ не желаетъ освобожденія отъ подушнаго оклада и рекрутской повинности, и осмѣливается просить себя другой награды. Посему я и имѣю честь со своей стороны ходатайствовать о награжденіи его, Лопаткина серебряною медалью на Аннинской лентѣ. Матери же его Матренѣ Лопаткиной, по извѣстному скромному и честному ея поведенію, и какъ она была любимая племянница Ломоносова, а нынѣ находится при старости лѣтъ въ бѣдности, то невозможно ли пожаловать ей единовременно тысячу рублей“. Представленіе Миницкаго было уважено: въ январѣ 1827 „внуку извѣстнаго сочинителя Ломоносова, въ поощреніе искусства рѣзбы его на кости, пожалована шейная медаль съ надписью „за полезное“, а матери его выдана тысяча рублей. Извѣстно, что со смертію Мих. Вас. родъ его прекратился въ мужской линіи, такъ какъ ни онъ, ни его братъ сыновей не имѣли. Единственная его дочь, вышедшая замужъ за библіотекаря при императрицѣ Екатеринѣ II, имѣла только двухъ дочерей Екатерину и Софію, о судьбѣ которыхъ свѣдѣній нѣтъ. Потомство же его по женской линіи отъ единственной его сестры Маріи, продолжало развиваться на родинѣ.

Скуденъ видъ окрестностей деревни Денисовки: низменный островъ, едва не понимаемый въ полую воду разливомъ Двины; низенькія болотистыя кочки, разсыпанныя между деревнями, которыхъ такъ много на Курь-островѣ; сѣрыя бревенчатыя избы деревень этихъ; кое-гдѣ незначительной высоты холмы, затянутые мохомъ; болотины между этими холмами съ просочившейся грязной водой; побережья, со всѣхъ сторонъ затянутыя чахлымъ ивнякомъ, изъ-за котораго въ одну сторону видны Холмогоры со своими старинными церквами, давними преданіями. Повсюду жизнь, закованная въ размѣренную, однообразную среду, въ одни помыслы о тяжелой трудовой жизни на промыслахъ. Нѣтъ ничего въ этой жизни рѣзко-поэтическаго, нѣтъ ничего, могущаго питать душу и сердце.

Изъ-за того же ивняка, съ противоположной стороны, на горѣ открывается новый видъ: видъ села Вавчуги. Тамъ еще живутъ свѣжими преданіями о Петрѣ Великомъ, тамъ еще недавно былъ онъ, гостилъ не одни сутки у богатаго, умнаго владѣльца Вавчуги Баженина, котораго любилъ ласкать и жаловать великій императоръ. Вотъ все, что было передъ глазами Ломоносова во время его безотраднaго, бѣднаго впечатлѣніями и воспитаніемъ дѣтства! Вотъ чѣмъ питался онъ въ самую свѣжую, въ самую впечатлительную пору своей честной жизни!...

Вотъ и сама Вавчуга на крутой горѣ, по тремъ уступамъ, или террасамъ которой Баженинъ выстроилъ свои владѣнія. На нижней террасѣ, ближней къ рѣкѣ существовали его корабельные доки, теперь лѣсопильный заводъ. Далѣе, на средней террасѣ выстроенъ его двухъ-этажный домъ, шитый тесомъ, большой и по образцу всѣхъ архангельскихъ избъ, но только замѣтно въ большихъ размѣрахъ и большей чистотѣ. На самой верхней террасѣ, на вершинѣ Вавчужской горы, красуется сельская церковь старинной постройки, съ колокольни которой открываются чудные и разнообразные виды, какъ говорятъ, больше, чѣмъ на семьдесятъ верстъ. На эту колокольню входилъ съ Баженинымъ Петръ Великій, три раза навѣщавшій Вавчугу. На этой колокольнѣ, по народному преданію, великій монархъ звонилъ въ колокола, тѣшилъ свою государеву милость. И съ этой-то колокольни разъ, указывая Баженину на дальные виды, на все огромное пространство, растилающееся по сосѣдству и теряющееся въ безконечной дали, Великій Петръ говорилъ:

— Вотъ все, что, Осипъ Баженинъ, видишь ты (а глазъ досягалъ чуть не до самаго Архангельска) здѣсь: всѣ эти деревни, всѣ эти села, всѣ земли и воды — все это твое. Все это я жалую тебѣ моею царскою милостью!

— Много мнѣ этого, отвѣчалъ старикъ Баженинъ. Много мнѣ твоего, государь, подарку. Я этого не стою. Я ужъ и тѣмъ всѣмъ, что ты жаловалъ мнѣ—много доволенъ.

И поклонился царю въ ноги.

— Немного, отвѣчалъ ему Петръ: — немного за твою вѣрную службу, за великій твой умъ, за твою честную душу.

Опять поклонился Баженинъ царю въ ноги и опять благодарилъ его за милость, примолвивъ:

— Подаришь мнѣ все это—всѣхъ сосѣднихъ мужичковъ обидишь. Я самъ мужикъ и не слѣдъ мнѣ быть господиномъ себѣ подобныхъ, такихъ же, какъ и я, мужичковъ. А я твоими щедрыми милостями, великій государь, и такъ до скончанія вѣка много взысканъ и доволенъ.

Милости государя состояли въ томъ, что Баженинъ получилъ сначала званіе корабельнаго мастера, а потомъ вмѣстѣ съ братомъ

(Федоромъ) названъ именитымъ человѣкомъ гостинной сотни, могъ отправлять свои корабли за море съ разными товарами, имѣлъ право держать пушки и порохъ, могъ, безъ всякой пошлины, вывозить изъ-за моря всѣ матеріалы, нужные для кораблестроенія, нанимать шкиперовъ и рабочихъ всякаго званія, не спрашивая согласія мѣстныхъ властей. Все это Баженинъ получилъ за то, что былъ однимъ изъ первыхъ и лучшихъ цѣнителей начинаній Петра и былъ первымъ основателемъ и строителемъ *перваго* русскаго коммерческаго флота. Все это совершилось такимъ образомъ.

Давно когда-то, еще въ XVI столѣтіи, въ селеніи Вавчугъ построена была лѣсопильная мельница, принадлежавшая нѣкому Ивану Попову. Одинъ изъ наслѣдниковъ этого Попова, въ 1671 г., передалъ мельницу и всю землю подлѣ (занимавшую пространство въ 5 сохъ) холмогорскому посадскому человѣку Баженину. Баженинъ заводъ перестроилъ „безъ заморскихъ мастеровъ по нѣмецкому образцу“, успѣлъ выиграть дѣло, заведенное съ нимъ какимъ-то иноземцемъ Андреемъ Крафтомъ. Грамотою царей Іоанна и Петра Алексѣевичей Вавчуга * передана братьямъ Баженинымъ въ ихъ полное и потомственное владѣніе. Въ первое посѣщеніе свое Архангельска (1693 г.), 21 сентября, Петръ I съ Холмогоръ изволилъ, по словамъ продолжателя двинскаго лѣтописца (Іова, холмогорскаго протопопа) съ немногими шествовать въ маломъ кораблѣ въ Вавчугу для осмотра пильныхъ мельницы, и оттуда выѣхать на Крылово, а оттолѣ шествовать сухимъ путемъ“. Мѣсто Вавчуги полюбилось царю и онъ внушилъ Баженинымъ мысль основать здѣсь корабельную верфь. Въ томъ же году Баженинъ началъ строить корабль, за изготовленіемъ котораго со средоточеннымъ вниманіемъ слѣдилъ Петръ все время, пока жилъ въ Москвѣ. Весною слѣдующаго года (1694) готовъ былъ и спущенъ съ вавчужской верфи *русскій первый корабль* съ первымъ русскимъ коммерческимъ флагомъ — „Св. Петръ“, отправленный въ Голландію съ грузомъ русскаго желѣза. Баженинъ между тѣмъ дѣятельно продолжалъ постройку военныхъ и коммерческихъ кораблей, гукоровъ и гальотовъ, такъ что въ 1702 году Петръ, въ третій и послѣдній разъ посѣтившій Двину, самъ спустилъ въ Вавчугѣ два новыхъ фрегата.

Народное преданіе рассказываетъ при этомъ слѣдующее:

* Въ двухъ верстахъ отъ Вавчуги лежитъ село *Чухченема*, никольская церковь котораго была нѣкогда монастыремъ. Монастырь этотъ приписанъ былъ къ Троицко-Сергіевской лаврѣ (какъ видно изъ грамоты Іоанн митрополита сарскаго и подонскаго, 1619 г.). Тоже должно сказать о Кривецкомъ погостѣ (на лѣвомъ берегу р. Двины, при впаденіи рѣки Обокши) и о Моржегорскомъ селѣ стоящемъ при впаденіи въ Двину рѣки Моржовки. Въ послѣднемъ изъ нихъ находилась пустынь Николая Великорѣцкаго, основанная царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ; а въ Кривецкомъ погостѣ существовалъ при Михаилѣ Федоровичѣ около 1619 г., монастырь Успенскій.

Баженинъ ждалъ царя съ великимъ нетерпѣніемъ, которое въ концѣ возрасло до такой степени, что старикъ пересталъ ждать въ Вавчугѣ, — выѣхалъ къ царю на встрѣчу. Ёхалъ скоро, — на сколько сильно было въ немъ желаніе поскорѣ лицезрѣть Петра и на сколько быстро могли везти ямщики, хорошо знавшіе, что Баженинъ — другъ царя.

На одной изъ станцій — именно въ Ваймугѣ — Баженину показалось, что ямщикъ не скоро впрягаетъ лошадей и такимъ образомъ какъ бы намѣренно задерживаетъ моментъ свиданія его съ Петромъ. Баженинъ вспылилъ и ударилъ ямщика въ ухо, но такъ неловко, что попалъ въ високъ, и такъ сильно, что ямщикъ тутъ же на мѣстѣ упалъ и умеръ.

Между тѣмъ пріѣхалъ Петръ. Съ Баженинымъ отправился онъ въ Холмогоры и въ Вавчугу. Въ Вавчугѣ пировалъ. Съѣздилъ въ Архангельскъ и поѣхалъ назадъ въ Петербургъ; Баженинъ его провожаетъ. Въ той же Ваймугѣ, гдѣ Баженинъ убилъ ямщика, собрались мужики царю пожаловаться, что зазнался-де Осипъ Баженинъ и никакого суда на него не найдешь. Прямо сказать мужички не смѣли, а придумали сдѣлать это дѣло такъ, что когда вышелъ царь изъ избы къ повозкѣ: мужики стали перешептываться промежъ себя, потомъ громче и громче переговариваться:

— Баженинъ мужика убилъ. Мужика убилъ Баженинъ!

Услыхалъ Петръ — улыбнулся. Остановился на одномъ мѣстѣ, да и опросилъ весь народъ громкимъ голосомъ:

— Ну такъ что-жъ изъ того, что Баженинъ мужика убилъ?

У мужиковъ и ноги къ землѣ и языкъ къ гортани прилипли, стоятъ и слушаютъ:

— Это ничего, что Баженинъ мужика убилъ. Больно бы худо было, кабы мужикъ убилъ Баженина.

У мужиковъ и ушки на макушкѣ. Царь продолжалъ:

— Васъ, мужиковъ, у меня много. Вотъ тамъ подъ Москвой; за Москвой еще больше; да на Казань народъ потянулся, къ Петербургу подошелъ: много у меня мужиковъ. Вотъ васъ однихъ сколько собралось изъ одной деревни. Много у меня васъ, мужиковъ, а Баженинъ — одинъ.

Съ тѣмъ царь и уѣхалъ.

Въ это же посѣщеніе Вавчуги, какъ говорятъ, царь подарилъ Баженину медальонъ изъ кизила съ своимъ портретомъ, вырѣзанымъ собственными руками. Медальонъ этотъ съ двумя царскими грамотами хранился у покойнаго владѣтеля Вавчуги, гостепріимство и любезность котораго дѣлали ихъ доступными вниманію всякаго проезжаго. По третьей грамотѣ Петра Алексѣевича разрѣшалось Баженинымъ строеніе кораблей и безпошлинная вырубка 4,000 деревь (2,000 въ Архангельскѣ и 2,000 въ Каргополѣ).

Впослѣдствіи, когда бѣломорская торговля упала, и уничтожены были всѣ привилегіи, какими пользовался Баженинъ, дѣла ихъ пришли въ упадокъ. Преданіе указываетъ на какого-то Кочнева, бывшаго у Бажениныхъ прикащикомъ. Этотъ Кочневъ будто бы злонамѣренно велъ дѣла своихъ довѣрителей, обворовывалъ ихъ и впослѣдствіи самъ строилъ корабли и крупныя суда на собственныя, наворованныя деньги. Вавчужская верфь потеряла свою нравственную силу и значеніе. Но старшій Баженинъ до конца своей жизни не переставалъ пользоваться въ околности всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. И до сихъ еще поръ живетъ въ Холмогорахъ присловіе: „словно у тебя Баженинъ въ гостяхъ!“—когда замѣчено будетъ, что въ комнатѣ собралось много свѣчей, хотя бы то произошло и случайно.

Впрочемъ слѣдуетъ дополнить, что наружное почтеніе, оказывавшееся братьямъ Баженинымъ, было скорѣе вынужденнымъ и лицемернымъ, чѣмъ заслуженнымъ. Такъ по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ думать о томъ самомъ Осипѣ Андреевичѣ, о тяжеломъ и забалованномъ нравѣ котораго сохранилось рассказанное выше народное преданіе. Замѣчательно, что оно подкрѣпляется и документальными данными недавно отысканными въ подвалахъ холмогорскаго Преображенскаго Собора и опубликованными въ печати въ 1877 году. Въ одномъ изъ этихъ актовъ, именно этотъ самый Осипъ Баженинъ, владѣвшей Вавчугою вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Федоромъ, названъ былъ „самосильнымъ, самовольнымъ и самосуднымъ“. Судя по судебному дѣлу, начатому тогдашнимъ холмогорскимъ архіереемъ Варнавою, Осипъ Баженинъ являлъ въ себѣ ту двойственность характера русскаго человѣка, которая особенно свойственна была этому переходному времени борьбы старыхъ народныхъ порядковъ съ новыми петровскими. Будучи передовымъ человѣкомъ въ дѣлахъ, вызвавшихъ одобреніе великаго преобразователя Россіи, Баженинъ оставался человѣкомъ старыхъ привычекъ и въ семейной жизни показавшимъ грубое самоуправство и безграничныя насилія. Избалованный удачами въ общественной дѣятельности, онъ былъ прихотливъ въ семейной жизни и не терпѣлъ никакихъ препятствій своему нраву. Будучи женатъ два раза, онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, домогался развода, чтобы вступить въ третій бракъ и, не получивъ архіерейскаго разрѣшенія, повѣнчался со своею работницею. Жена законная вступилась за свои права и началось любопытное дѣло, которое тянулось цѣлыхъ десять лѣтъ (съ 1713 по 1723 г.). Архіерей Варнава, принявъ сторону несправедливо обиженной, осторожными и настойчивыми дѣйствіями сумѣлъ освѣтить отношенія супруговъ и разъяснить характеръ самаго Баженина, оказавшагося виновнымъ и передъ церковнымъ и общественнымъ судомъ.

Осипъ Баженинъ обвинялъ жену Прасковью, между прочимъ, въ волшебствѣ, имѣвшемъ будто бы вредныя послѣдствія для его здо-

ровья, называя ее волшебницей и чародѣйкой: призывала знахарей, лила въ умывальникъ и въ питье наговорную воду, сыпала какое-то невѣдомое зелье; посѣщала какіе-то подозрительные дома. По допросамъ и слѣдствіи оказалось лишь то, что, замѣтивъ охлажденіе мужа старинная русская женщина оказалась вѣрною завѣщаннымъ отъ предковъ преданіямъ, въ совѣтахъ со знахарями и въ невинныхъ чарахъ искала возможности возвратить любовь мужа. При этомъ и самыя чары были невинны и забавны. Главная состояла въ томъ, что чародѣй велѣлъ отыскать „первороднаго“ человѣка, сходить ему къ ручью, который течетъ въ Двину повыше часовни архангельскаго монастыря и зимою не мерзнетъ, и взять изъ него воды. Надъ нею чародѣй говорилъ, наклонясь, слова между прочимъ такія: „и спускаются со Христомъ съ небесъ тридевять ангеловъ золотоперыхъ и золотокрылыхъ и съ собой спускаютъ тридевять луковъ и тридевять стрѣлъ, и стрѣляли они сквозь семеры облака, и отстрѣливали они рабы Божіей и уроки, и призоры. Какъ съ гоголя вода катится, такъ бы катилась съ тоя рабы, съ ясныхъ очей, съ бѣла тѣла и съ ретива сердца, и вѣкъ по вѣку и отнынѣ и до вѣку“. И по той водѣ ножемъ чертилъ. Ту воду гонимая жена пила, и ею умывалась. Подозрѣніе архіерея выраженное вопросомъ: „не черезъ образъ ли перепускалъ, яко въ сказкахъ иныхъ?“ — также не оправдалось допросами, а обиженная простодушно созналась, что „пользы отъ воды никакой не было“. Мужъ въ тоже время прибѣгаетъ къ побоямъ, которыя она терпѣливо и молчаливо переноситъ, заставляетъ прислугу не почитать и бранить ее, а въ одной тѣлогрѣйкѣ, въ трескучій морозъ выгоняетъ изъ дому и отнимаетъ все ея приданое; она начинаетъ жаловаться и предъявлять искъ. Опираясь на благопріятелей въ губернской канцеляріи, Баженинъ, при ихъ помощи, знаетъ о ходѣ розысковъ, а надѣясь на покровителей въ столицѣ вступаетъ въ рѣшительную и открытую борьбу съ епископскою властью, вынужденною вмѣшаться въ семейныя дѣла супруговъ. На разводъ и запнулась своеобычная воля Баженина.

Варнава указомъ вызвалъ мужа къ очной ставкѣ съ женой и потребовалъ работницъ его, женку и дѣвокъ къ допросу. Осипъ отвѣтилъ, что въ духовный приказъ онъ не будетъ, а для допросу работницъ его пусть пріѣдетъ къ нему въ домъ судья, а преосвященному архіепископу велѣно дѣла вершить, а не розыскивать. Чтобы положить конецъ розыску, онъ уѣхалъ въ Каргопольской уѣздъ Новгородской губерніи. Здѣсь позвали священника въ церковь подъ видомъ служенія молебна, а на самомъ—силою принудили его вѣнчать. „А послѣ вѣнчанія (показываетъ священникъ) я почалъ вечерню пѣть, а они всѣ разѣхались“. Баженинъ прибылъ съ новою женою въ свою Вавчугу. Варнава же, узнавъ, что „онъ брачился съ рабынею своею

въ неуказные святые дни послѣ праздника Рождества Христова до праздника святыхъ Богоявленій“ предписалъ священнику Вавчужской церкви въ домъ къ Осипу и „соплетенной съ нимъ женѣ“ не ходить, мира и благословенія не давать, молитвъ церковныхъ съ вѣрными ихъ не сподоблять и съ ними не молиться, пока не придутъ въ покаяніе. Кромѣ того объявлено было всѣмъ окрестнымъ сельскимъ пастырямъ и всѣмъ христіанамъ объ отлученіи отъ церкви. По всѣмъ церквамъ прибиты были листы съ прописаніемъ беззаконій Баженина во всенародное извѣстіе. Такимъ образомъ дѣло о разводѣ обратилось въ розыскъ о двоеженствѣ. Архіерей въ своемъ рѣшеніи опирался на то, что „многимъ явился въ народѣ соблазнъ и претыканіе и образъ начатка злаго дѣла“, а потому требовалъ устраненія незаконной жены и выдачи приданаго законной.

Осипъ Баженинъ послалъ къ архіепископу письмо, вовсе неимѣвшее характера челобитной, а напротивъ полемическое сочиненіе, въ которомъ лѣсопромышленникъ и кораблестроитель вступаетъ въ пререканія и ученый споръ по церковно-судебнымъ вопросамъ съ архіереемъ, принадлежавшимъ къ непослѣднимъ проповѣдникамъ того времени и во всякомъ случаѣ получившимъ образованіе въ Кіевской академіи. Торговецъ гостиной сотни обратился къ представителю церковной власти даже съ укоризнами и называлъ его то превосходительствомъ, то высочествомъ, а въ концѣ сказалъ: „не имѣй, мой государь, опасенія, а я истинно не опасенъ вашего гнѣва. Мы и много знаемъ, да молчимъ до времени“. Это полемическое произведеніе паче же пашквиль по опредѣленію Варнавы занимаетъ вмѣстѣ съ возраженіями архіерея не послѣднее мѣсто въ письменности петровскихъ временъ, но дѣла исправленія Баженина оно не произвело и раскаянія не вызвало. Онъ попрежнему жилъ въ Вавчугѣ и не ѣхалъ въ городъ Холмогоры къ покаянію, и не подчинился церковному запрещенію. Въ день Св. Пасхи онъ ходилъ въ церковь и угощалъ священниковъ не только своего, но и сосѣдняго и, сказавъ послѣдному: „ты, батюшко, въ гости ко мнѣ на гору“, угощалъ обоихъ обѣдомъ. Въ то же время Баженинъ успѣлъ съѣздить два раза въ Петербургъ для подачи жалобъ сенату и для испрошенія отсюда того, что не благословлялъ мѣстный владыка, а вернувшись, старался воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы не подчиняясь Варнавѣ, войти въ общеніе съ церковью. Этого ему не удавалось, а между тѣмъ ни изъ сената не присылалось никакого указа, ни изъ патріаршаго приказа отвѣтовъ на донесенія архіепископа, благодаря предстательству приближенныхъ царя. Предлагалось лишь склонять Баженина къ добровольному покаянію, что и старался всемѣрно достигать Варнава, командирова протопопа Архангельскаго собора (Баженинъ имѣлъ особый домъ въ Архангельскѣ, гдѣ обычно и проживалъ подолгу). Строптивый и

обнадеженный сильными властями съ подкрѣпленіемъ раболѣпствомъ мѣстныхъ чиновъ не покорялся: онъ довелъ себя даже до такого своевольства, что во время самаго архіерейскаго служенія вошелъ въ соборъ, „кричалъ нелѣпо, и отъ народнаго возмущенія и пребыванія грѣшника въ церкви Божіей мятежъ и едва не остановленіе службы Божіей“. Владыка велѣлъ ему „выступить въ преддверіе“, т. е. указалъ ему мѣсто оглашенныхъ. Это происходило въ 1718 году и только въ 1723 г. тяжкая предсмертная болѣзнь вынудила Баженина обратиться къ архіерею съ прошеніемъ о помилованіи и милостивомъ благословеніи. Послѣдній распорядился удостовѣриться архангельскимъ священникамъ въ нелицемѣрномъ и безподложномъ покаяніи и допустить „яко не мощна суща и при смерти“ къ исповѣди и приобщеніи Св. Тайнъ. Мирволившее ему архангельское духовенство знавшее и общественное его положеніе, дало самое благопріятное свидѣтельство; конечно, между ними и во главѣ стояло и то лицо, которое, за спиною Осипа, палемизировало со своимъ епархомъ. Баженинъ не только сподобился примиренію съ церковью, но и удостоился, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, слышавшихъ раскаяніе, соборованія масломъ, такъ какъ приближался смертный часъ. 18 августа 1723 года онъ скончался. Варнава разрѣшилъ архангельскому протопопу проводить тѣло до Вавчуги и совершить погребеніе подлѣ гробовъ родителей.

Родъ Бажениныхъ, какъ и всѣхъ архангельскихъ, происходилъ изъ Великаго Новгорода. Первымъ прибылъ въ Холмогоры еще въ XVI вѣкѣ прадѣдъ Осипова отца Андрея—Симеонъ. Сынъ его Федоръ былъ игуменомъ Архангельскаго монастыря и посланъ въ Сибирь для обращенія инородцевъ. Сынъ Федора, Кириллъ, былъ дьякономъ въ Холмогорскомъ Преображенскомъ монастырѣ обращенномъ въ 1639 г. въ соборъ, и „за изрядство голоса“ былъ взятъ въ Москву въ домъ царскаго величества. Сынъ его Андрей былъ сначала холмогорскимъ, а потомъ архангельскимъ купцомъ. Женившись, онъ получилъ въ приданіе Вавчугу съ лѣсопильной мельницей, которая и досталась сыновьямъ его Осипу и Федору. Осипъ умеръ бездѣтнымъ, но отъ Федора пошло потомство, изъ котораго послѣднимъ въ родѣ Бажениныхъ былъ Никифоръ Степановичъ, скончавшійся въ 1862 году, гостепріимствомъ котораго и воспользовался пишущій эти строки. Впрочемъ, какъ уже сказано, лѣсной и корабельный промыселъ Бажениныхъ прекратился еще до смерти этого послѣдняго въ почтенномъ и столь знаменитомъ родѣ.

Каменная церковь села Вавчуги была построена въ 1737 году племянникомъ Осипа — Денисомъ и до 1848 года считалась родовой Бажениныхъ, а въ томъ году отписана въ епархіальное вѣдомство, какъ обыкновенная сельская.

Еще одни сутки видѣлись мнѣ Холмогоры, во всемъ своемъ безо-

традномъ разрушеніи и ветхости,—и видѣлись уже въ послѣдній разъ. Я поѣхалъ въ обратный путь на петербургскій трактъ. Дорога шла берегомъ Двины. Попадались людныя и относительно-богатыя селенія. Мелькали одна за другою почтовые станціи, и онѣ даже начинали напоминать о лучшихъ мѣстахъ, чѣмъ тѣ, которыя доставались на мою долю въ теченіе цѣлаго года. И отъ нихъ какъ-то отвыкъ глазъ и забылась ихъ всегда однообразная, казенная обстановка со смотрителемъ въ почтальонскомъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, съ неизбѣжнымъ записываньемъ подорожной въ толстую книгу, съ неизбѣжной жалобной книгой, припечатанной на снуркѣ огромной печатью къ столу. Пошли, по обыкновенію, мелькать по сторонамъ березки и на каждой верстѣ пестрые казенные столбы съ цифрой направо, съ цифрой налѣво. И опять неизбѣжный станціонный домъ съ печатными приказами въ черныхъ рамкахъ за стекломъ. Одинъ приказъ не велитъ брать лишнее число лошадей противъ того числа, какое прописано въ подорожной; изъ другаго видно, что на такой-то верстѣ мостъ, на такой-то сухія ямы и овраги, на такой-то гать, которая въ ненастное осеннее и весеннее время неудобна для проѣзда. Все, однимъ словомъ, такъ же, какъ и по всей длинѣ почтовыхъ дорогъ, искрестившихъ матушку-Россію вдоль и поперекъ на безконечныя верстовыя цифры. Разница та, что дорога идетъ вдоль Двины, но рѣка эта засыпана снѣгомъ. Здѣсь идутъ два тракта, и петербургскій и московскій вмѣстѣ, до Сійскаго монастыря, гдѣ они раздѣляются: московскій идетъ на село Емецкое, петербургскій на монастырь и слѣдующую за нимъ станцію Сійскую.

Не довѣзая до монастыря 60-ти съ небольшимъ верстъ и въ 30 верстахъ отъ Холмогоръ (между станціями Ракулою и Копачевскою), на самомъ берегу рѣки Двины, въ двухъ верстахъ отъ деревни Паниловской, видны до сихъ поръ развалины Орлецкой крѣпости, какъ говорятъ (на мой проѣздъ онѣ были засыпаны глубокимъ снѣгомъ). Видны будто-бы остатки каменной стѣны и вала, подлѣ котораго тянется глубокій оврагъ, служившій нѣкогда рвомъ.

Крѣпость эта имѣетъ свою исторію. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ новгородскій (первый) лѣтописецъ подъ 1342 годомъ:

„Того же лѣта Лука Варфломеевъ (сынъ новгородскаго посадника) не послушавъ Новагорода и митрополича благословенія и владычнн скопивъ съ собою холоповъ сбоевъ (удальцевъ бездомовныхъ, большею частію боярскихъ слугъ) и поиде за Волокъ на Двину, и постави городокъ Орлецъ и скопивъ емчанъ (прибрежныхъ жителей рѣки Емцы — притока Двины), и всю землю Заволотскую по Двинѣ вси погости на щить. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу (дальній притокъ Сѣверной Двины); Лука же дву сту (слишкомъ съ 200 удальцевъ) выѣха воевать и убиша его заволочане и

прииде вѣсть въ Новгородъ: Лука убіенъ бысть. И возсташа чернныи люди на Ондрюшка, на Ѳедора, на посадника на Данилова, а тако ркуши: яко тѣ заслаша на Луку убити — и пограбиша ихъ дома и села, а Ѳедоръ и Ондрюшка побѣгоша къ Копорью городокъ, и тамо сидѣша зиму всю и до великаго говѣнія. И въ то время прииде Онцифоръ и би челомъ Новугороду на Ѳедора и на Ондрюшка: тѣ заслаша моего отца убити. И владыка и Новгородъ послаша архимандрита Есипа, съ бояры, въ Копорью, по Ѳедора и по Ондрюшка. И они пріѣхаша и ркоша: не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити, ни засылали на него — и Онцифоръ съ Матѳеемъ звони вѣче у святѣй Софіи, а Ѳедоръ и Ондрюшко другое съзвониша вѣче на Ярославлѣ дворѣ. И посла Онцифоръ съ Матѳеемъ владыку на вѣче, и не дождавши владыки съ того вѣча и удариша на Ярославлѣ дворѣ. И яша ту Матѳеа Коску и сына его Игната всадиша въ церковь, и Онцифоръ убѣже съ своими пособницы; то же бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, ся сторона себѣ, и она себѣ. И владыка Василій съ намѣстникомъ Борисомъ dokonчаша миръ межи ими. И возвеличенъ бысть крестъ, а дьяволъ посрамленъ бысть“.

Во второй и послѣдній разъ мелькаетъ въ исторіи имя крѣпости Орлеца въ 1398 году, когда Двинская земля покорилаь царю московскому Василю III Дмитріевичу. Такими подробностями обставляетъ это событіе новгородскій лѣтописецъ:

Послѣ Пасхи на веснѣ новгородцы говорили своему владыкѣ Іоанну:

— Не можемъ, господине отче, сего насилія терпѣти отъ своего князя великаго Василя Дмитріевича, что у насъ отнялъ у святѣй Софіи и у великаго Новагорода пригороды и волости, нашу отчизну и дѣдину; но хогимъ поискати святѣй Софіи пригородовъ и волостей своей отчины и дѣдины.

И цѣловали на томъ крестъ святой дѣйствовать заедино, какъ братья.

Били челомъ владыкѣ о томъ же посадники: Тимофей Юрьевичъ, Юрій Дмитріевичъ и Василій Борисовичъ съ боярами, дѣтьми боярскими, жилыми людьми, дѣтьми купеческими и со всѣмъ войскомъ:

— Благослови, господине отче, владыко! Или паки изнайдемъ свою отчину, паки ли свои головы положимъ за святую Софію и за своего господина за великій Новгородъ.

Владыка благословилъ воеводъ и войско; новгородцы простились съ ними. На пути ихъ за Волокъ на Двину къ крѣпости Орлецу встрѣтили ихъ недобрыя вѣсти, принесенныя правителемъ архіерейскихъ волостей Исаією, который говорилъ, что московскій бояринъ Андрей съ Иваномъ Никитинымъ и двинянами покорили Вель, на самую св. Пасху, и взяли съ cadaго челоуѣка окупъ; что на Двину

пріѣхалъ уже отъ велпкаго князя въ засаду князь Ѳедоръ Ростовскій; что велѣно ему городокъ блюсти, судить и брать пошлыны со всѣхъ волостей новгородскихъ, и что двинскіе воеводы Иванъ и Кононъ, съ друзьями своими, раздѣлили уже повгородскія волости и имѣнія бояръ на части.

— Братіе! говорили воеводы:—аще тако сдумалъ господинъ нашъ князь великій съ крестопреступники съ двинскими воеводами, лучши есть намъ умрети за святую Софію, нежели въ обидѣ быти отъ великаго князя.

Затѣмъ отправили отряды на Бѣлоозеро и покорили всѣ бѣлозерскія волости и пожгли ихъ. Сожгли старый городокъ бѣлозерскій и не сожгли всего затѣмъ только, что взяли „60 рублей окупа, много полона и животныхъ“. Потомъ покорили волости кубенскія, городъ Вологду, сожгли городъ Устюгъ и только одни сутки не дошли до костромскаго Галича. Добычи много взяли съ собою, много побросали на мѣстѣ, затѣмъ, что множества ея не могли помѣстити на судахъ.

Изъ-подъ Устюга (черезъ 4 недѣли) шли они по Двинѣ къ городку Орлецу, гдѣ на то время заперся со своимъ войскомъ намѣстникъ московскій, князь Ростовскій. Четыре недѣли стояли новгородцы (въ числѣ трехъ тысячъ) подъ этимъ городкомъ, сдѣлали засады, стрѣляли изъ нихъ и, наконецъ, заставили осажденныхъ выдти изъ городка и съ плачемъ бить челомъ о помилованіи.

„И воеводы новгородскіе и всѣ вои, по словамъ лѣтописца, по своего господина *по новоюродскому слову* челобитье пріяша двинянь, а нелюбья имъ отдаша“. Воеводъ Ивана и Конона съ друзьями ихъ взяли въ плѣнъ; однихъ казнили, а главныхъ виновниковъ (4 человекъ) заковали въ цѣпи. Съ князя Ѳедора Ростовскаго взяли *присудъ* и пошлыны, которыя успѣлъ онъ собрать, но самого простили. Съ московскихъ купцовъ взяли 300 рублей; 2,000 рублей и 3,000 лошадей съ самихъ двинянь „за ихъ преступленіе и за ихъ вину“.

„Сице бысть Божіе милосердіе—заканчиваетъ свое сказаніе лѣтописецъ—столько прошедъ русской земли и у столь твердаго городка не бысть пакости въ людяхъ, токмо у городка единого человека убиша дѣтскаго Лёвушку Ѳедорова посадника, *а городъ разиребоша*“.

Въ томъ же уѣздѣ, близъ Шарапова и села Емецкаго между озерами Задворскимъ и Яфанскимъ возвышается естественная плоская возвышенность, въ которой насчитываютъ съ версту длины, сажень 50 ширины и 5 въ вышину. Ее называетъ народъ „Городкомъ“, хотя по всему вѣроятію, здѣсь не было никакого жилаго сооруженія, а возвышенностью этой пользовались въ переважныя времена Новгородчины, устраивая здѣсь засѣки, какъ въ мѣстѣ, для этой военной цѣли очень удобномъ. Для этого цѣликомъ рубили деревья и заваливали ими либо мѣсто передъ крѣпостью, либо дорогу. Вершины и сучья обращали наружу, съ цѣлю затруднить непріятельскіе приступы.

Тою же древностью преданій встрѣчаетъ и село Емецкое, богатое и въ настоящее время, и имѣвшее нѣкогда большое историческое значеніе, владѣвшее нѣкогда двумя монастырями: Ивановскимъ (женскимъ) и Покровскимъ (мужскимъ).

Въ 1603 году, во время набѣговъ на двинскія страны литовскихъ людей, холмогорскіе воеводы разломали церкви и кельи женскаго Ивановаго монастыря (старицы перевели въ мужской Покровскій, оттуда въ свою очередь, вывели старцовъ въ монастырь Спасскій). Въмѣсто монастыря выстроены были острогъ, выкопанъ ровъ, поставленъ чаштоколь (въ 1760 году, когда выгорѣло все село Емецкое, сгорѣлъ и острогъ, такъ-что теперь нѣтъ и слѣда его). Вотъ что повѣствуется объ этомъ событіи въ памятникѣ монастыря Сійскаго.

„Въ Важской уѣздъ набѣжали многіе воры польскіе и литовскіе люди, русскіе измѣнники изъ-подъ Москвы и изъ иныхъ многихъ русскихъ городовъ и на Вагъ и въ Важскомъ уѣздѣ многихъ людей мучили и побивали, животы ихъ грабили и никому проходу и проѣзду изъ города въ городъ не давали, и въ Двинской уѣздѣ, въ Емецкой станѣ, выѣзжали и многихъ крестьянъ побивали и грабили, и хотѣли идти къ Холмогорамъ безвѣстно и двинянъ побити. Воеводы, стольникъ князь Петръ Ивановичъ Пронской и Моисей Ѳеодоровичъ Глѣбовъ, послали на Емецкое, „ради осаднаго времени“, сотника стрѣleckаго Смирнаго Чертовскаго да съ нимъ Архангельскаго города стрѣльцовъ сто человекъ. Они же, отправившись, на Емецкомъ воровъ много побили изъ осады изъ дворовъ и три знамени у нихъ отбили, и два человека языковъ поймали и на Холмогоры привезли, и на распросѣ языки воеводѣ сказали, что на Вагъ воровъ тысячь до семи, и приходу ихъ чають на Холмогоры вскорѣ, потому-что они не чають на Холмогорахъ острогу. И того-жъ года, декабря къ 8 числу, къ вечеру, воры подъ острогъ пришли. И изъ острога воевода и дѣякъ выслали высылку: сотника стрѣleckаго Смирнова же Чертовскаго и съ нимъ холмогорскихъ стрѣльцовъ и холмогорскихъ охотниковъ, и воровъ встрѣтили въ Ързовкѣ; и воры хотѣли ихъ отъ острогу отлучить, начали на лошадяхъ ѣздить, и сотникъ видя то, съ ратными людьми назадъ возвратился и въ острогъ пришли здраво. И идучи въ острогъ, посадъ за перелогомъ противъ острогу сожгли и церковь Зосимы и Савватія зажгли для того, чтобы ворами близъ острогу не засѣсть и воры, стоявъ подъ острогомъ три дня, побѣжали назадъ на Вагу, а иніи въ низовскія волости и въ Поморье, множество русскихъ людей тамъ жгли и мучили, грабили и побивали; у Архангельскаго же города не были, а пробѣжали мимо“.

Емцы (названные такъ по рѣкѣ Емцѣ, впадающей въ Двину по близости) были однимъ изъ первыхъ новгородскихъ заселеній въ этомъ краю. И теперь оно красуется хорошей каменной церковью съ пора-

зительно-высокой колокольной въ четыре яруса, и рядомъ красивыхъ домовъ своихъ: общимъ видомъ село неизмѣримо лучше города Холмогоръ.

15 верстъ считаютъ пряникомъ на перерѣзъ разстоянія, лежащаго между двумя недавно раздѣлившимися дорогами (московскою и петербургскою) отъ села Емецкаго до монастыря Сійскаго. Пряникомъ этимъ, для сокращенія пути и времени, привелось ѣхать и мнѣ. Черезъ полтора часа времени, по выѣздѣ изъ села, передо мною бѣлѣлись уже каменные стѣны и церкви и весь былъ на виду.

4. Сійскій монастырь.

Исторія основанія.—Преподобный Антоній.—Преданія и исторія заключенія Филарета Никитича.—Обратный путь изъ Архангельской губерніи въ С.-Петербургъ.

Вотъ краткая исторія этого монастыря.

У крестьянина деревни Кіехты (въ предѣлахъ двинскихъ и близъ Студенаго моря-океана) именемъ Никифора, родился сынъ Андрей. Родились у него и другія дѣти, но благообразіе и даровитѣе Андрея не было, и потому онъ, по словамъ пролога, „по времени вданъ бываетъ въ наученіе книгамъ, яко же обычай имать дѣтѣмъ... Потомъ же наученъ бысть иконному художеству: и тако пребывая, повинуюся во всемъ родителемъ своимъ; земледѣльству же не внимаше, но паче прилежаше рукодѣлію“. 25-ти лѣтъ остался онъ послѣ родителей сиротою, ушелъ въ Новгородъ и тамъ пять лѣтъ работалъ на одного боярина. Здѣсь онъ женился, но черезъ годъ жена его умерла и вслѣдъ за нею умеръ и господинъ, которому служилъ Андрей.

Съ этого времени Андрей ищетъ уединенія и идетъ въ самыя дальнія и пустынные мѣста на рѣку Кену, впадающую въ Онегу. Здѣсь въ пустынь Пахоміевой, онъ находитъ временное успокоеніе. Напрасно предвѣщаетъ его Пахомій объ многотрудности поприща, имъ избираемаго. „Скорбно мѣсто сіе“ говорилъ онъ ему: „братія здѣсь непрестанно труждается: одни копаютъ землю, другіе сѣкутъ лѣсъ, иные воздѣлываютъ нивы, никто не остается празднымъ“. Андрей остается въ монастырѣ, получаетъ имя Антонія, вскорѣ санъ священника, но вскорѣ же оставляетъ и этотъ монастырь, ища большаго безмолвія и уединенія. Беретъ онъ съ собою двухъ иноковъ, Александра и Іоакима, и съ ними приходитъ непроходимыми дотолѣ дебрями и лѣсами до темнаго потока рѣки Емцы. Сдѣсь строятъ они церковь во имя святаго Николая и кельи вокругъ; къ нимъ присоединяются еще четыре инокъ. Семь лѣтъ подвизаются они въ этомъ уединеніи, но мѣстные жители, опасаясь, чтобы пустынники не отняли у нихъ земли, заявляютъ свое недовольство и преподобный Антоній

принужденъ искать новое мѣсто для пустынножительства. На пути онъ встрѣчаетъ жителя Яминскаго стана, именемъ Самуила, вышедшаго на промыселъ на Лѣшнѣ озера. Антоній спрашиваетъ его: „не знаетъ ли какого-либо мѣста, удобнаго для поселенія иноковъ“. Самуилъ привелъ его на дальнее озеро, называемое Михайлово, въ которое впадала рѣка Сія. Рѣка эта, проходя черезъ многія озера, открывала живописные виды во всей ихъ первозданной, нетронутой дикости. Тутъ Антоній водрузилъ крестъ, поставилъ потомъ часовню и хижину для себя и братіи. Дикіе звѣри обитали въ сосѣдней тундрѣ и лѣсахъ, и никогда, отъ начала міра, не обиталъ тутъ человѣкъ. Изрѣдка приходили сюда окрестные жители для ловитвы, и потому преподобному пришлось переносить скорби отъ чрезмѣрной скудости: часто не было откуда взять хлѣба. Братія не ослабѣвали, своими руками очищая лѣсъ, копая землю и сооружая обитель. Объ этомъ свѣдалъ нѣкто Василій Бебрь, сборщикъ пошлинъ архіепископскихъ Великаго Новгорода, послалъ на монастырь разбойниковъ, но злое дѣло кончилось тѣмъ, что самъ же Василій пришелъ просить прощенія у святаго.

Между тѣмъ, разнеслась молва объ Антоніи по окрестнымъ предѣламъ: многіе стали приходить къ нему съ пищею, деньгами и объѣтомъ монашескимъ. Видя умноженіе братій, Антоній послалъ къ князю Василью Іоанновичу двухъ иноковъ, Александра и Исаю, просить великаго князя повелѣть имъ строить новое свое богомолье на пустомъ мѣстѣ въ дикомъ лѣсу, собирать братію и кругомъ пахать пашни. Съ разрѣшенія Василія Ивановича, св. Антоній началъ строить обширную деревянную церковь во имя св. Троицы; и самъ написалъ для нея образъ.

Однажды, послѣ утренняго пѣнія, когда уже всѣ вышли изъ церкви, загорѣлась она отъ свѣчи, забытой пономаремъ передъ иконою. Въ монастырь тогда никого не было: всѣ разошлись по работамъ, оставались только немощные и больные, да служители, работавшіе въ поварнѣ. Уже пламя высоко пылало въ церкви, когда послали извѣстить о томъ преподобнаго. Старецъ былъ далеко и когда возвратился съ братією, вся церковь была уже объята пламенемъ: ничего нельзя было вынести и спасти. Церковь сгорѣла, остались кельи, и братія, видя новую неудачу на новомъ мѣстѣ, хотѣла разойтись. Большаго труда стоило преподобному остановить ихъ. Затѣмъ Антоній началъ строить болѣе просторный храмъ во имя св. Троицы. Св. Антоній вскорѣ принялъ санъ игуменскій и все-таки, будучи такъ крѣпокъ и здоровъ тѣломъ, что могъ трудиться за двухъ и за трехъ, не переставалъ работать на ряду съ братією. Незнавшій преподобнаго и видя его распахивающимъ пашню, или очищающимъ лѣсъ въ убогой власяницѣ, не могъ бы признать въ немъ игумена.

Опять-таки, избѣгая молвы и почестей и ища большаго уединенія, блаженный Антоній выбралъ на свое мѣсто инока Теогноста, а самъ, тайно отъ всѣхъ, пошелъ вверхъ по красивой рѣкѣ Сіѣ до озера Дудницы. Здѣсь былъ прекрасный островъ, въ трехъ верстахъ отъ обители. Кругомъ было множество озеръ, чрезъ которыя протекала рѣка, идущая въ Двину. Здѣсь построилъ онъ хижину и часовню съ образомъ Николы. Но и этою пустынею не удовлетворился св. Антоній: онъ избралъ новую, за пять верстъ отъ первой, на озерѣ Паду. Здѣсь, въ мѣстѣ, огражденномъ горами, покрытыми темнымъ, непроходимымъ лѣсомъ, онъ поставилъ себѣ уединенную хижину, около которой бѣлѣлись двѣнадцать березъ. Устроилъ онъ себѣ небольшой плотъ, съ котораго удилъ рыбу, и при этомъ обнажалъ себѣ голову и плечи, отдавая ихъ на съѣденіе насѣкомымъ.

Два года провелъ въ этихъ пустыняхъ Антоній, и когда Теогноста оставилъ игуменство, преподобный вернулся снова въ обитель. Когда онъ достигъ глубокой старости и стали его удручать многія болѣзни, частію отъ преклонныхъ лѣтъ, частію отъ напряженныхъ подвиговъ, братія приступила къ нему, прося дать настоятеля. Антоній назначилъ имъ строителемъ инока Кирилла, а на свое игуменское мѣсто Геласія, бывшаго на то время, ради потребъ монастырскихъ, у моря, на рѣкѣ Золотицѣ, и, по случаю бурныхъ зимнихъ непогодъ, немогшаго возвратиться къ преставленію святаго старца. Старецъ написалъ завѣщаніе, но уже близокъ былъ къ кончинѣ. Отъ долгаго поста плоть его прилипла къ костямъ, такъ что почти не было видно на немъ тѣла и онъ заживо казался мертвецомъ. Отъ многихъ колѣнопреклоненій ноги его оцѣпенѣли, такъ что самъ онъ не могъ уже ходить и его подъ-руки водили въ церковь. Сгорбился онъ отъ глубокой старости и, наконецъ, приблизился къ концу своего житія. Со слезами приступила къ нему братія, требуя поученія. Старецъ говорилъ имъ много, общалъ имъ, что если будутъ имѣть любовь другъ къ другу, не оскудѣетъ обитель и самъ онъ будетъ духомъ всегда съ ними.

— Гдѣ погребсти тебя?—спрашивала его братія.

— Свяжите мнѣ ноги, влеките въ дебрь и тамъ затопчите въ болотѣ мое грѣшное тѣло на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, или бросьте въ озеро.

Въ день воскресный, наканунѣ исхода, пріобщился старецъ еще однажды божественныхъ таинъ и, когда ударили къ утреннему пѣнію на понедѣльникъ, велѣлъ обступившей его братіи идти на славословіе къ утрени. Двухъ только учениковъ (Андроника и Пахомія) оставилъ онъ при себѣ и велѣлъ воскурить еиміамъ. Когда наступили послѣднія минуты, онъ и имъ велѣлъ удалиться, а самъ, сотворя исходную молитву, сложилъ крестообразно руки и отошелъ. Братія, возвратясь изъ церкви, нашли его уже мертвымъ и съ плачемъ припали къ тѣлу

его. Это было 7 декабря 1557 года. Преподобный Антоній пришель на Сію сорока-двухъ лѣтъ, а тридцать-семь провелъ здѣсь въ подвижническомъ житіи и пощеніяхъ.

Житіе этого святаго сочинено постриженникомъ обители, инокомъ Іоною, а хранящееся въ монастырѣ переписано собственною рукою царевича и великаго князя Ивана Алексѣевича, брата Петра Великаго. Тамъ же хранится до сихъ поръ евангеліе, писанное рукою самого Антонія, съ мѣдными украшеніями по угламъ и срединѣ, грубой самодѣльной работы, и тутъ же, такъ называемое, евангеліе *априкосъ*. Евангеліе это, писанное четкимъ красивымъ полууставомъ, съ рисунками на каждой страницѣ, изображающими то, о чемъ на той страницѣ повѣствуется: притчи; событія изъ жизни Христа и проч., изумляетъ многотрудностью и чистотою работы. Если писалъ априкосъ одинъ человѣкъ, то это дѣло должно было занять цѣлую долгую его жизнь. Въ алтарѣ соборнаго храма хранится власная риза преподобнаго.

Въ 1601 году привезель былъ сюда по приказанію царя и великаго князя московскаго Бориса Ѳеодоровича Годунова, ближайшій родственникъ недавно умершаго царя Ѳеодора Ивановича, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. Привезель былъ бояринъ, по народному преданію, вечеромъ. Благовѣстили къ вечернѣ. Кибитка остановилась у соборнаго храма. Приставъ боярина, Романъ Дуровъ, пришель въ алтарь, оставивъ боярина Ѳеодора у дверей. Кончилась вечерня. Игумень Іона со всѣми соборными старцами вышелъ изъ алтаря и началъ обрядъ постриженія: къ нему подвели привезеннаго боярина.

Бояринъ уведень былъ на паперть. Тамъ сняли съ него обычная одежды, оставивъ въ одной сорочкѣ. Затѣмъ привели его снова въ церковь, безъ пояса, босаго, съ непокрытой головой. Пѣлись антифоны, по окончаніи которыхъ боярина поставили передъ святыми дверями, велѣли ему творить три „метанія“ Спасову образу и затѣмъ игумену.

Іона спрашивалъ по уставу:

— Что приде, брате, припадая ко святому жертвеннику и ко святой дружинѣ сей?

Бояринъ безмолствовалъ. За него отвѣчалъ приставъ Романъ Дуровъ:

— Желаю житія постническаго, святыи отче!

— Воистину добро дѣло и блаженно избра, но аще совершиши е, добрая убо дѣла трудомъ снискаются и болѣзнію исправляются. Волею ли своего разума приходиши Господеви?

Бояринъ продолжалъ молчать.

— Ей, честный отче?—отвѣчалъ за него приставъ.

— Еда отъ нѣкія бѣды или нужды?

— Ни, честный отче! опять отвѣчалъ приставъ.

— Отрицаеши ли міра, и яже въ мірѣ, по заповѣди Господни? Имаши ли пребывать въ монастырѣ и пощеніи даже до послѣдняго своего издыханія?

Бояринъ горько зарыдалъ на вопросы эти. Отвѣты, при руководствѣ игумена, досказывалъ за постригаемаго тотъ же приставъ Романъ Дуровъ, по подсказкамъ игумена.

— Ей Богу поспѣшествующу, честный отче!

— Имаши ли хранится въ дѣвствѣ и цѣломудріи и благоговѣніи! Сохраниши ли послушаніе ко игумену и ко всей яже о Христѣ братіи? Имаши ли терпѣти всяку скорбь и тѣсноту иноческаго житія царства ради небеснаго?

— Ей Богу поспѣшествующу, честный отче!—завершилъ отвѣтами за боярина приставъ его Романъ Дуровъ.

Затѣмъ слѣдовало оглашеніе малаго образа (мантіи), говорилось краткое поученіе, читались двѣ молитвы. Новопостригаемый бояринъ продолжалъ рыдать неутѣшно. Но когда игумень, по уставу сказалъ ему: „прими ножницы и даждь ми я“, — бояринъ не повиновался. Многаго труда стоило его потомъ успокоить. На него, послѣ крестообразнаго постриженія надѣли нижнюю одежду, положили парамандъ, надѣли поясъ. Затѣмъ обули въ сандалии, и наконецъ, облекли въ волосяную мантию со словами:

— Братъ нашъ, *Филаретъ*, пріемлетъ мантию, обрученіе великаго ангельскаго образа, одежду нетлѣнія и чистоты во имя Отца и Сына и святаго Духа.

— Аминь! отвѣчалъ за Филарета приставъ.

Съ именемъ Филарета, новопоставленный старецъ отведенъ былъ въ трапезу, не получалъ пищи во весь тотъ день и, послѣ многихъ молитвъ, за литургіею слѣдующаго дня пріобщенъ былъ святыхъ таинъ, какъ новый членъ Сійской обители.

О дальнѣйшемъ пребываніи въ монастырѣ и о строгости заключенія можно судить потому, что царь остался не доволенъ первымъ приставомъ, Романомъ Дуровымъ, и прислалъ на мѣсто его другаго пристава, Богдана Воейкова. Этотъ обязанъ былъ доносить обо всемъ, что говоритъ вновь постриженный бояринъ, не позволялъ никому глѣдѣть на оглашеннаго *измѣнника*, ни ходить близъ того мѣста, гдѣ онъ былъ заключенъ.

Въ Сійскомъ монастырѣ до сихъ еще поръ указываютъ на келью подъ соборнымъ храмомъ съ однимъ окномъ въ стѣнѣ и оконцемъ надъ дверями кельи (въ 6 сажень длины, въ 3 ширины и въ 1 сажень высоты), въ которой содержался Филаретъ на первыхъ порахъ заточенія.

И вотъ что доносилъ объ немъ черезъ годъ (отъ 25 ноября 1602) приставъ Богданъ Воейковъ царю московскому:

„Твой государевъ измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ разговорѣ говорилъ: „бояре-де мнѣ великіе недруги, искали-де головъ нашихъ, а иные-де научали на насъ говорить людей нашихъ; а я-де самъ видалъ то не единожды. Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: не станетъ-де ихъ съ дѣло ни съ которое; нѣтъ-де у нихъ разумново; одинъ-де у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльской; къ польскимъ и ко всякимъ дѣламъ добръ досуужъ... Коли жену споманетъ и дѣти, и онъ говоритъ: „милые мои дѣтки-маленьки бѣдныя остались: кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная на удачу уже жива-ли? Чаю, она гдѣ близко таково же замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже што надобно? Лихо на меня жена да дѣти; какъ ихъ вспомянешъ, ино что рогатиной въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи то слышать, чтобы ихъ ранѣ Богъ прибралъ; и азъ бы тому обрадовался: а чаю, и жена моя сама рада, штобъ имъ Богъ далъ смерть; а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промыслять одною своею душою“.

Монастырь былъ строго запертъ отъ всѣхъ богомольцевъ и никто не могъ принести Филарету вѣсти объ его родныхъ, хотя вѣсти эти, въ то время, и могли быть не радостны. Жену его Ксенію Ивановну, также постриженную (съ именемъ Марѣи) сослали въ одинъ изъ заонежскихъ погостовъ; мать ея, тещу Филарета, Шатову, въ Чебоксарскій (Никольскій) дѣвичій монастырь; братьевъ: Александра—въ Усолъе-Луду къ Бѣлому морю, Михаила—въ Ныробскую волость, въ Великую Пермь, Ивана—въ Пелымъ, Василія—въ Яренскъ, зятя его князя Черкаскаго Бориса съ шестилѣтнимъ сыномъ Филарета, Михаиломъ (будущимъ царемъ)—на Бѣлоозеро, и проч., и проч. Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; дома и недвижимое имѣніе отобрали въ казну. Одинъ изъ братьевъ Филарета, Василій (сосланный въ Яренскъ), послѣ многихъ мученій отъ пристава Некрасова, и соединенный въ Пелымъ съ братомъ Иваномъ, скончался отъ долговременной болѣзни (15 февраля 1602). Михаила Никитича, отличавшагося дородствомъ, ростомъ и необыкновенною силою, сто-рожа, по преданію, уморили голодомъ. Александръ Никитичъ умеръ отъ горести и отъ скудости содержанія. Иванъ, лишившійся владѣнія рукою и едва передвигавшійся отъ недуговъ ноги, первый получилъ смягченіе приговора: ему царь, 1602 г., милостиво указалъ ѣхать въ Уфу на службу, оттуда въ Нижній-Новгородъ и, наконецъ, въ Москву. За нимъ оставленъ былъ надзоръ, но уже безъ имени злодѣя. Смягченъ былъ приговоръ и надъ Филаретомъ.

Вотъ какая грамота прислана была въ монастырь изъ Москвы отъ 22 марта 7113 (1605) года: „Отъ царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Россіи въ Сійскій монастырь игумену Іонѣ. Въ нынѣшнемъ 7113 году марта въ 16 день писалъ къ намъ Богданъ Во-

ейковъ, что февраля-де въ 7 день сказывалъ ему, старецъ Илинархъ, да старецъ Леванидъ, февраля-де въ 3 день въ ночи старецъ Филаретъ его старца Илинарха лаялъ и съ посохомъ къ нему прискакивалъ и изъ кельи его выславъ вонъ и въ келью ему старцу Илинарху къ себѣ и за собою ходити никуда не велѣлъ. А живетъ-де старецъ Филаретъ безчинствомъ не по монашескому чину: всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про птицы ловчія и про собаки, какъ онъ въ мірѣ жилъ, а къ старцамъ жестокъ, и старцы приходятъ къ нему, Богдану, на того старца Филарета всегда съ жалобою, что лаеъ ихъ и бить хочетъ. А говоритъ-де старцамъ Филаретъ старецъ: увидятъ они, каковъ онъ впередъ будетъ. А нынѣ-де и въ великій постъ у отца духовнаго тотъ старецъ Филаретъ не былъ и къ церкви и къ тебѣ на прощенье не приходитъ и на клиросѣ не стоитъ. А около-де монастыря ограды у васъ нѣтъ, а межъ келій-де отъ всякой кельи изъ монастыря къ озеру изъ дровениковъ двери и крѣпости-де ни которыя около монастыря нѣтъ, а ограду-де монастырскую велѣли вы свезть на гумно и онъ-де Богданъ тебѣ и келарю говорилъ, чтобы вы около монастыря ограду велѣли поставить и межъ келій отъ дровениковъ двери задѣлать и вы-де около монастыря ограды поставить и дверей задѣлать не велите, и сторожу-де ты, который стоитъ у воротъ, ходити къ нему и про прохожихъ про всякихъ людей сказывати ему и дѣтемъ боярскимъ не велишь. А прежде-де сего старецъ, приходя къ нему, про всякихъ прохожихъ людей сказывалъ кто какой человекъ и откуда пришелъ и онъ потому къ старцу Филарету и береженье держалъ. И о которыхъ-де онъ о нашихъ дѣлѣхъ тебѣ и келарю говорилъ и вы-де нашего наказу не слушаете и ставите ни во что, а сказываешь-де у себя наказъ свой и въ монастырь пріимаете всякихъ прохожихъ людей иныхъ городовъ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты-бъ старцу Филарету велѣлъ жити съ собою въ кельѣ, да у него велѣлъ жити старцу Леваниду и къ церквѣ старцу Филарету велѣлъ ходитъ вмѣстѣ съ собою да за нимъ старцу, и береженье къ нему держалъ во всемъ, чтобы онъ былъ у тебя въ послушаньѣ и жилъ бы по монастырскому чину и не безчинствовалъ и о томъ бы еси ему говорилъ. Только буде онъ не причащался святыни въ нынѣшней постъ и то дѣло чуже крестьянства и во всемъ бы ему разсматривалъ, чтобы онъ жилъ во всемъ по иноческому обществу, а отъ дурни его унималъ и разговаривалъ, а безчестья бы ему ни котораго не дѣлалъ. А на котораго старца бьетъ челомъ и ты-бъ тому старцу жити у него не велѣлъ. Съ которыхъ нашихъ дѣлѣхъ учнетъ тебѣ Богданъ говорить по нашему наказу и ты бы и келарь о нашихъ дѣлахъ съ нимъ совѣтовали и розни-бъ у васъ безлепачныя ни въ чемъ не было и въ оплошку бы нашего дѣла не ставили. А буде ограда около монастыря худа и ты бы ограду велѣлъ

подѣлать: безъ ограда монастырю быти непригоже, и межъ келій двери задѣлать. А которые люди учнутъ къ тебѣ приходить, и ты бы имъ велѣлъ приходить въ переднюю келью, а старецъ бы въ ту пору былъ въ комнатѣ или въ чуланѣ. А незнаемыхъ бы еси людей къ себѣ не пускалъ, и ни гдѣ бы старецъ Филаретъ съ прихожими людьми ни съ кѣмъ не сходился, а о всемъ бы еси береженье старца Филарета разсматривая его совѣтовалъ съ Богданомъ Воейковымъ, чтобъ старецъ Филаретъ въ смуту не пришелъ и изъ монастыря бы не убѣжалъ, и жилъ бы во всемъ смиренно по монастырскому чину, а Богдану бы еси Воейкову велѣлъ очистите келью подлѣ себя, а отъ насъ о томъ Богдану писано-жъ. Велѣно ему о всемъ говорити и совѣтовати съ тобою, а однолично бѣ у васъ во всемъ было бережно. А о чемъ къ тебѣ въ сей нашей грамотѣ писано, и то бѣ у тебе было тайно. И учинится какая смута въ старцѣ и не учнетъ жити по монастырскому чину, или изъ монастыря уйдетъ, или какое лихо надъ собою учинить, и то сдѣлается твоимъ небреженіемъ и оплошкою. Да что старецъ Филаретъ будучи у тебя, учнетъ о чемъ разговаривати, какіе прилучные разговоры — и ты бѣ о томъ отписывалъ къ намъ, а отписки велѣлъ отдавать въ посольскомъ приказѣ дьяку нашему Аѳанасію Власеву“.

По ходатайству ли зятя Романовыхъ, Ивана Ивановича Годунова, или движимый общеою любовью и сочувствіемъ народа къ опальнымъ, Борисъ началъ снимать съ Романовыхъ опалу. Княгиня Черкасской Марфѣ Никитишнѣ съ невѣсткою, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича велѣлъ жить въ отчинѣ Романовыхъ, въ селѣ Клинѣ (Юрьевского уѣзда). Здѣсь, лишенный отца и матери, выросалъ и будущій царь Россіи Михаилъ Ѳеодоровичъ. Въ 1605 г. Борисъ велѣлъ, наконецъ, посвятить Филарета въ іеромонахи и сдѣлать архимандритомъ. Въ томъ же году, но уже новый царь, Лжедмитрій, вызвалъ Филарета (послѣ шестилѣтняго заточенія) и далъ ему санъ митрополита Ростовскаго, „его же тогда едва священнымъ соборомъ умолиша“, прибавляютъ хронографы.

Филаретъ соединился съ женою и сыномъ: они поселились въ епархіи Филаретовой, близъ Костромы, въ монастырѣ Ипатьевскомъ.

Сдѣлавшись въ послѣдствіи патріархомъ всероссійскимъ, Филаретъ Никитичъ не забылъ бѣдной Сійской обители. Онъ прислалъ сюда слѣдующіе подарки: 1) паникадило большое о 24 рамахъ, 2) яицо строфокамилово въ 104 руб. 60 коп. (подъ паникадило), 3) ризу атласу золотого по червчатой землѣ, 4) потиръ серебряной, 5) дискось, 6) три блюда чеканныхъ, 7) звѣзду рѣзную и копье, 8) складни на двухъ доскахъ съ окладомъ серебрянымъ, 9) кисть для паникадила разныхъ шелковъ съ золотомъ, и 10) сто рублей деньгами. Къ монастырю, по его же ходатайству, въ разное время приписано царемъ 3,333 души

крестьянъ. Между многими приношеніями, въ монастырѣ находится евангеліе, присланное въ даръ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, на память посѣщенія монастыря въ іюнь 1844 г. Евангеліе это въ серебряной оправѣ съ финифтяными образами, украшенными стразами.

Вотъ послѣдующія событія въ исторіи Сійскаго монастыря въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они означены въ монастырской книгѣ „Памятникъ“.

$\frac{7160}{1652}$ г., мая 2-го, митрополитъ Никонъ, проѣзжая въ Соловки за мощами Св. Филиппа, служилъ литургію.

1658 г. монастырь сгорѣлъ и братія едва не разбрелась по другимъ монастырямъ.

1692 г. патріаршій казначей, старецъ Паисій, завѣщаль монастырю крестъ Господень, въ коемъ кровь и власы и риза Христова, честное и святое древо и много мощей, и четыре сундука, которые вскрылъ въ 1696 году архіепископъ Аѳанасій и нашелъ въ нихъ: евангеліе априкосъ (см. выше) и десять рукописныхъ хронографовъ.

Далѣе въ „Памятникъ“ слѣдуетъ рядъ грамотъ. По одной (отъ Владислава Жигимонтовича) дарована льгота не платить пошлыны съ дощаниковъ, которые ходятъ съ Холмогоръ съ солью къ Вологдѣ для монастырскія хлѣбныя нужды. Ту же льготу повторилъ въ 1613 году и царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. По грамотѣ 1621 г. „монастырскихъ прежнихъ грамотъ важескимъ головамъ рудить“ не велѣно. Въ 1644 г. прислана грамота о невзиманіи пошлынъ съ продаваемой въ Москвѣ монастырской рыбы. Въ 1646 году Алексѣй Михайловичъ дозволилъ безпошлинно продавать монастырское сало и рыбу, и на тѣ деньги покупать хлѣбные и другіе запасы. Въ 1657 г. со старцевъ не велѣно брать проѣзжихъ пошлынъ. Въ 1660 г. прислана въ монастырь послушная о дозволеніи написать въ монастырѣ св. иконы иконописцу Ѳеодору Усольцу. Въ 1662 году дозволено монастырю купить въ Неноксѣ соляную варницу. Въ 1672 году патріархъ Іосифъ указалъ игумену Ѳеодосію избрать попа и дьячка съ Двины и послать ихъ на Новую-Землю для богослуженія.

27 января 1857 года я оставилъ монастырь Сійскій. 28-го числа мелькнула мимо и осталась назади граница Архангельской губерніи, которую привелось изъѣздить почти вдоль и поперекъ и истратить на все это долгое время цѣлаго года. Разстался я теперь съ недавнею знакомою, разстался, можетъ-быть, навсегда, и грустно бы, тосковать... Но на душѣ такъ весело, на сердцѣ такъ легко и пріятно.

Разболтался я съ ямщикомъ съ послѣдней архангельской (Дениславской) станціи и повѣдалъ ему тутъ же о своей радости, безъ обиняковъ, прямо и откровенно...

— Вотъ — слава Богу! — изъ Архангельской губерніи выбрался. Цѣлый годъ она меня мучила, цѣлый годъ ни днемъ, ни ночью не давала покою.

— А зачѣмъ твоя милость туда ѣздила?

Я разсказалъ ему во всей подробности.

— Ну, стоило же, паря, для экаго дѣла свои кости ломать! Не-чего же, гляжу, вамъ тамъ въ Питерѣ-то, дѣлать. На-ко мѣсто какое обвалялъ! Добро бы ужъ снаряды, лодки и суда ты тамъ смотрѣлъ — это стало, можетъ, такъ надо. Ну, а пѣсни то тебѣ на кой чортъ?

— Да мнѣ, братъ, иная пѣсня пуще всякихъ судовъ, пуще всѣхъ рыболовныхъ снарядовъ.

— Ну, это ты врешь — смѣешься!..

— Ей-Богу!

— Да чего тебѣ въ пѣснѣ? Пѣсню, извѣстно, дѣвка поетъ, потому ей пѣть надо — работа спорится. Опять же нашъ братъ ямщикъ пѣсню поетъ оттого, что пять-шесть на голосъ подниметъ да вытянетъ — гляди, въ мысляхъ-то его перегонъ на станціи и порѣшился. Тпру! — пріѣхали значить. Въ кабакахъ пѣсню поютъ потому, что тамъ вино, а въ немъ духъ, сила... Опять же пѣсню эту убогій человекъ, калика-перехожая поетъ, такъ тотъ на пѣсни на эти — деньги собираетъ. Ему это и надо, а тебѣ-то пошто?

— Мнѣ вотъ эти стариковскія-то пѣсни и краше всѣхъ, любопытнѣе.

— Ну, да это пушай такія поются, что все-либо про духовное, либо про старину. Въ этой и сказку услышишь и прстоишь тутъ долго: это занятно. Ну, а пошто ихъ писать-то, пошто? Это мнѣ невдомекъ. Ну, да ладно, знать, ты господинъ, такъ у тебя и толкъ отъ господской, особенный. А что радостно тебѣ теперь назадъ вorchаться, такъ это опять же ужъ у всѣхъ одно. И я вонъ уже назадъ поѣду — въ кабакъ безотмѣнно заверну, коли твоя милость побольше на водочку пожелуетъ.

Просить на водочку и этотъ ямщикъ, и всѣ другіе. Суетливо, скоро и ловко впрягаютъ они лошадей, и видно поразвернула-таки ихъ большая почтовая дорога съ чистой работой, не слежались ихъ кости, и горошкомъ вскакиваютъ они на свое дѣло. Они и смотрятъ какъ-то весело, и въ рѣчахъ бойчѣе, и на отвѣты находчивѣе и на жизнь, судя по словамъ ихъ, смотрятъ какъ-то равнодушнѣе и просто-сердечнѣе, чѣмъ всѣ тѣ, съ которыми привелось мнѣ водиться во весь прошлый годъ.

Съ Дениславской станціи началъ народъ покрѣпче прицоковать и меньше пускаетъ въ разговоръ словъ непонятныхъ и новыхъ. Подъ

Каргополемъ тотъ же ямщикъ, возсѣдающій на козлахъ, та же баба, раздувающая угли въ самоварѣ на станціи, нѣтъ — нѣтъ, да и придезекнутъ по-новгородски, по-волховски.

Въ послѣдній разъ и какъ бы послѣднимъ привѣтомъ и напоминаньемъ свергнула вдалькѣ справа своимъ порожистымъ колѣномъ давно знакомая Онега, незамерзающая въ этихъ мѣстахъ во всю зиму. Тутъ уже не далеко озеро Лаче, изъ котораго она беретъ начало, и далеко ея устье со скучнымъ городкомъ Онегою, съ пустыннымъ и гранитнымъ Кій-островомъ и съ выгорѣвшимъ Крестнымъ монастыремъ на немъ...

Выясняются новые виды и новыя мѣста. Погуще и подлиннѣе тянутся при дорогѣ лѣсные переволоки; меньше попадается рѣкъ, хотя больше озеръ, чаще и обширнѣе деревушки. Какъ будто самый воздухъ не такъ уже тяжелъ для дыханія и холодъ словно умѣряетъ свою ярость и силу. Меньше снѣгу, меньше пустырей. Рѣже кресты на перекресткахъ, но больше раскольниковъ и много новаго, много своего, олоонецкаго, и какъ будто, на первый взглядъ, лучшаго. Можетъ-быть, оттого и лучшаго, что все это ново, невиданное и неслыханное.

Лучше самаго губернскаго города архангельскаго края глядитъ первый по пути олоонецкій городъ Каргополь. Обстроился онъ множествомъ большихъ, красивыхъ и богатыхъ церквей, какъ бы Галичъ, какъ бы Ростовъ или Угличъ (17 церквей, 2 монастыря) и ведетъ сильную и бойкую торговлю мѣхами (преимущественно бѣлкою) и рыжиками. Но и здѣсь, въ этомъ городѣ, воспоминанія о политическихъ ссыльныхъ продолжаютъ преслѣдовать: вспоминается А. И. Шуйскій, котораго сослалъ сюда Годуновъ и велѣлъ удавить, Болотниковъ, атаманъ Ѳедоръ Нагиба и другіе мятежники временъ междоусобицы, которыхъ здѣсь велѣно было тайно утопить.

Идешь изъ Каргополя и въ летучихъ наскоро-сложенныхъ бесѣдахъ слышишь про многое интересное впереди. Одни совѣтуютъ посѣтить водопадъ Кивачъ, воспѣтый Державинымъ, именно теперь въ зимнее время, когда онъ особенно картинно-страшенъ и живописенъ. Другіе говорятъ про Чортовъ Носъ на озерѣ Онегѣ, гдѣ будто бы по прибрежному граниту вырѣзаны изображенія чертей когда-то, въ вѣка незапамятные. Третьи общаются множествомъ преданій о Петрѣ, построившемъ въ здѣшнемъ краю заводъ, названный его именемъ и возведенный потомъ на степень и значеніе губернскаго города. По деревнямъ начинаешь уже слышать преданія о лѣсовикахъ, домовыхъ и водяныхъ, обусловленныхъ общимъ и мѣткимъ прозваніемъ *нѣжить*. Многое новое, и интересное новое, манило впереди: манила Корела, пугающая самую дальнюю Русь своими колдовствами и крѣпкими чарами, которыми занимаются они съ незапамятныхъ временъ. Соблаз-

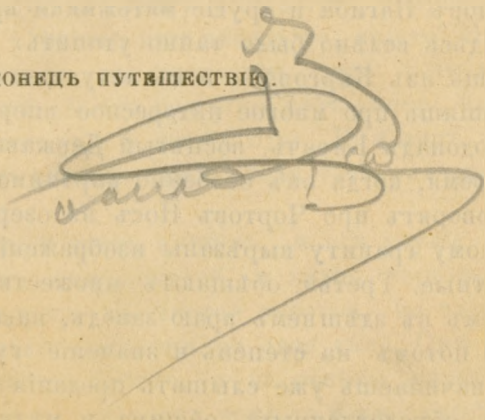
няла дальняя рѣка Выгъ, корень раскола, сильный и толковый корень, путившій надежные и крѣпкіе отпрыски по дальнимъ и безконечно-многимъ мѣстамъ нашего огромнаго отечества. Интересовала собою и скорая (въ мартѣ) шунгская ярмарка, гдѣ бы еще разъ привелось встрѣтиться съ поморами, мерзлою рыбою и огромными артелями слѣпыхъ старцевъ, по цѣлымъ недѣлямъ распѣвающимъ старины, досельныя историческія преданія о князьяхъ новгородскихъ, богатыряхъ кievскихъ, грозномъ царѣ московскомъ и о Петрѣ Великомъ...

Но опять-таки истекалъ казенный годъ, назначенный для путешествія: Петербургъ волей-неволей требовалъ въ свою суетливую, многотрудную и дорогую жизнь, требовалъ на отвѣтъ и отчетъ...

И вотъ мелькаетъ мимо богатая и красивая Вытегра со шлюзами и каналомъ, съ памятникомъ Петру Великому на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обдумывалъ планъ Маріинской системы каналовъ. Мелькаетъ бѣдное, но людное Поле-Лодейное—*Лодейное* за тѣмъ, что здѣсь была когда-то знаменитая во времена Петра Великаго олонецкая верфь *лодейная* и корабельная, — верфь, изъ которой вышли первые русскіе корабли подъ императорскимъ флагомъ. Здѣсь опять памятникъ Петру Великому, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ его.

И опять-таки *мелькаетъ* большая и приглядная Новая-Ладога со шлюзами же, съ каналами, маленькій Шлиссельбургъ съ такими же шлюзами... А вотъ за Шлиссельбургомъ длинная цѣпь дачъ, заводовъ, фабрикъ, вотъ петербургская Нева, Невскій монастырь, Невскій проспектъ и—вождедѣнный.

КОНЕЦЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.



КНИП — ДРУЗЬЯ И НАСТАВНИКИ
ЧЛОВЕКА. БЕРЕГИТЕ ОХЬ!

mm

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

098381

Biblioteka WSP Kielce



0162626